

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

СЕНТЯБРЬ.

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. О приёме подписки на журналъ «Русская Старина» изд. 1882 г. (тринадцатый годъ издания) . . .	I	УШ. Исторія моей жизни. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова. 1802—1862 гг. [Окончаніе] . . .	137
II. Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Дѣятельность его на пользу разработкѣ русской исторіи и археологіи. Очеркъ изъ русской исторіографіи. Состав. профес. В. С. Иконниковъ. 47	47	IX. Языкъ любви сто лѣтъ назадъ. Выдержки изъ писемъ неизвѣстной дамы, 1770-хъ гг. . . .	195
III. Петербургское общество въ началѣ царствованія императора Николая. — Письма М. М. Фока къ А. X. Бенкендорфу, 1826 г. . . .	163	X. Москва въ 1814 г.: письмо Ѳ. В. Ростопчина къ А. Д. Балашову. Сообщ. А. Колосовскій . . .	219
IV. Записки князя Н. С. Голицына. Глава VIII: событія 1828 г. . . .	101	XI. Графъ Алексій Андреевичъ Аранчеевъ въ военныхъ поселеніяхъ. Разсказъ изъ воспоминаній. Сообщ. К. А. Измайловъ . . .	201
V. Вспоминанія декабриста А. П. Бѣльева: о пережитомъ и пережитомъ съ 1803 года. Главы XVI—XIX: отъѣздъ изъ Сибири на Кавказъ. — На Волгѣ. — 1840 г. . . .	1	XII. Въ Севастополѣ, въ 1855 году. Изъ записокъ очевидца. Сообщ. П. В. Алабинъ . . .	209
VI. Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и Государство, 1850—1863 гг. Очеркъ по документамъ и свидѣтельствамъ очевидцевъ . . .	75	XIII. Князь А. И. Барятинскій. Записка. Сообщ. М. И. Венюковъ . . .	217
VII. Жизнь и труды гравера-анадимики Ивана Петровича Пожало-стина. — Главы V—VIII . . .	111	XIV. Николай Ивановичъ Пироговъ. Празднованіе пятидесятилѣтія его ученой и общественной дѣятельности, 24-го мая 1881 г. . . .	221
		XV. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ. Состав. профессоръ В. С. Иконниковъ [на обертѣ].	

ПРЕДЛОЖЕНИЯ: I. Дневник **Семена Андреевича Порошина**, воспитателя великого князя Павла Петровича, 1764—1766 гг. [стр. 405—469].—II. Представитель державной власти в России, 1682—1855 гг.—заглавная вывеска, гравировал Академик Л. А. С ъ р я -
ковъ.—III. Портрет историка-профессора **Сергия Михайловича Соловьева**. Предсмерт-
ная гравюра Академика Л. А. С ъ р я ко в а, окончилъ ученикъ его И. П. М а т ю ш и н а.

Журнальный фонд

С.-ПЕТЕРБУРГ Московской обл. библиотеки

ТИПОГРАФІЯ В. С. БІЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, № 90—1

1881.

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1881 г.

Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Т. I. 387—III; т. II, 389—852+III—186. 1880 года

Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края. Приложение ко II тому 1881 года. 245+XXVI.

Рѣдко другой провинціальный статистическій комитетъ выступалъ съ подобнымъ богатымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу, какъ выступилъ въ настоящее время Вятскій статистическій комитетъ. Онъ наглядно убѣждаетъ въ томъ, что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи подобный комитетъ при доброй волѣ, изстойчивости и участіи мѣстныхъ силъ въ разработкѣ исторіи своего края.

Статистическій комитетъ совершилъ этотъ трудъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, будучи проникнутъ прежде всего научными цѣлями. Онъ обратился къ мѣстнымъ, правительственнымъ, городскимъ и церковнымъ архивамъ. Множество дѣлъ было рассмотрѣно имъ съ этою цѣлю. Въ его распоряженіи было до 100 плановъ и чертежей, хранящихся въ архивѣ губернскаго правленія. И хотя въ общемъ составѣ, трудъ этотъ не представляетъ цѣльной работы, а лишь сборникъ отдѣльных статей, но онъ прекрасно и всесторонне знакомитъ съ исторіею и статистикою Вятскаго края. Онъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ открытіи Вятскаго намѣстничества въ 1780 г., историческій очеркъ Вятскаго края, города Вятки и его церквей, лѣтопись событій и законоположеній, касающихся края со времени открытія намѣстничества, хронику вятской жизни за послѣдніе 25 лѣтъ, весьма обстоятельный и интересный очеркъ, составленный по губернскимъ вѣдомостямъ; рядъ очерковъ о бунтахъ крестьянъ въ XIX столѣтіи; о картозельномъ бунтѣ въ 1834 и 1842 гг.; рядъ весьма интересныхъ дѣлъ о совершеніи языческихъ обрядовъ и жертвоприношеній; историческіе очерки учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ въ Вятской губ., движеніе народонаселенія за послѣдніе сто лѣтъ и проч.

Изданіе обоихъ томовъ снабжено планами, картами, рисунками и гербами вятскихъ городовъ.

Въ составленіи этихъ очерковъ принимали участіе гг. Н. П. Бехтеревъ, А. А. Андріевскій, Н. Спасскій, А.—ръ, А. С. В.—въ, С. А. Нурминскій, Н. Н. Романовъ. Редакціонная работа была возложена на Н. А. Тройницкаго (предсѣд. статист. комитета); С. А. Нурминскаго, В. А. Ратькова-Рожнова, Н. А. Спасскаго. Губернское земство на изданіе описанія назначило 1000 р.—это не первая уже услуга нашихъ земствъ на подобныя научныя предпріятія.

Въ собраніи актовъ перепечатаны акты, находящіеся въ другихъ историческихъ изданіяхъ и 22 акта еще нигдѣ не напечатанные, заимствованные изъ архивовъ Вятскаго Успенскаго монастыря, казенной палаты и частныхъ лицъ. Всѣ акты, помѣщенные въ этомъ собраніи, обнимаютъ время за XV—XVII столѣтія. Драгоцѣнны также перепечатки изъ мало доступныхъ изданій (губ. вѣдом. и др.). Изданіе снабжено объяснительнымъ словаремъ (старинныхъ словъ) и указателемъ именъ.

Въ заключеніе еще поблагодаримъ издателей за подобное въ высшей степени полезное и прекрасно выполненное изданіе и пожелаемъ, чтобы и другіе статистическіе комитеты послѣдовали примѣру вятскаго комитета.

Архивъ князя Воронцова. Т. XXI. М. 1881. 477. Ц. 3 р.

Недавно вышедшая книга этого изданія имѣетъ большую важность. Она заключаетъ въ себѣ впервые появившіяся въ Россіи Записки княгини Дашковой, правда во французскомъ текстѣ, но, благодаря этому изданію, онѣ становятся болѣе распространенными и доступными, чѣмъ прежде, и безъ сомнѣнія вскорѣ появятся въ русскомъ переводѣ, начало котораго было сдѣлано даже нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Русской Старинѣ». Давно уже существуютъ заграничныя переводы на англійскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, не отличающіеся точностію. Послѣдній вышелъ въ Лондонѣ и Лейпцигѣ. Записки, хранящіяся въ Воронцовскомъ архивѣ, писаны пріятельницей Дашковой миссъ Вильмаръ и отчасти поправлены и пополнены авто-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1881

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

XXXII.

ВЕРХНЯЯ СЛАВЯНКА

КОНТОРНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВИЛО

1881

ВЪЗНЕСЕНА

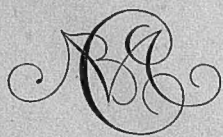
1881

30

РУССКАЯ ИСТОРИНА

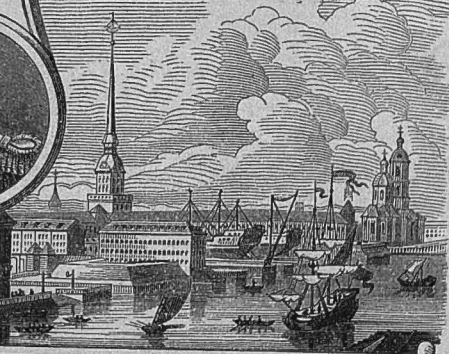
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXXII.

1881.

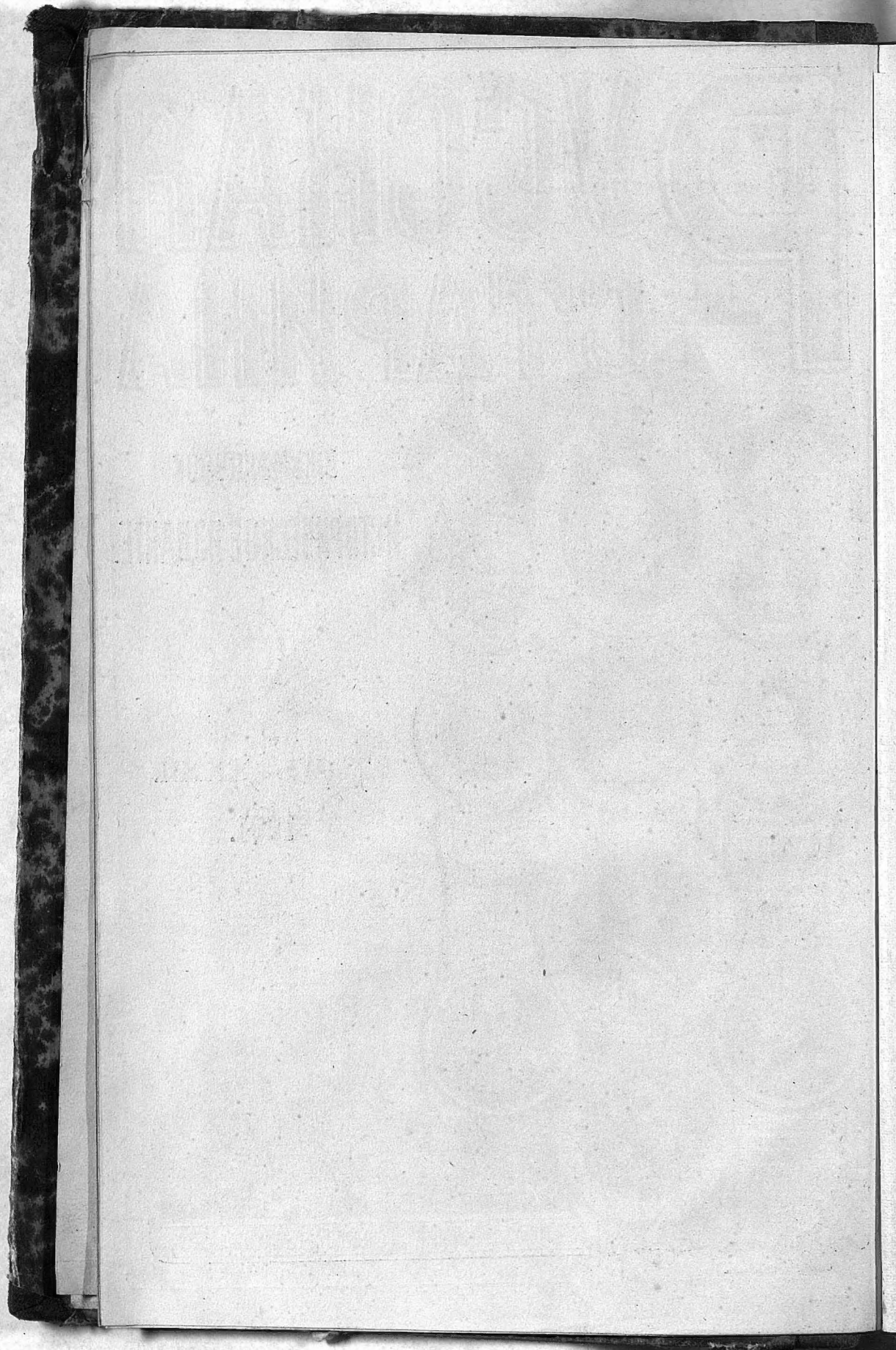
Журнальный фонд
Московской обш. библиотеки

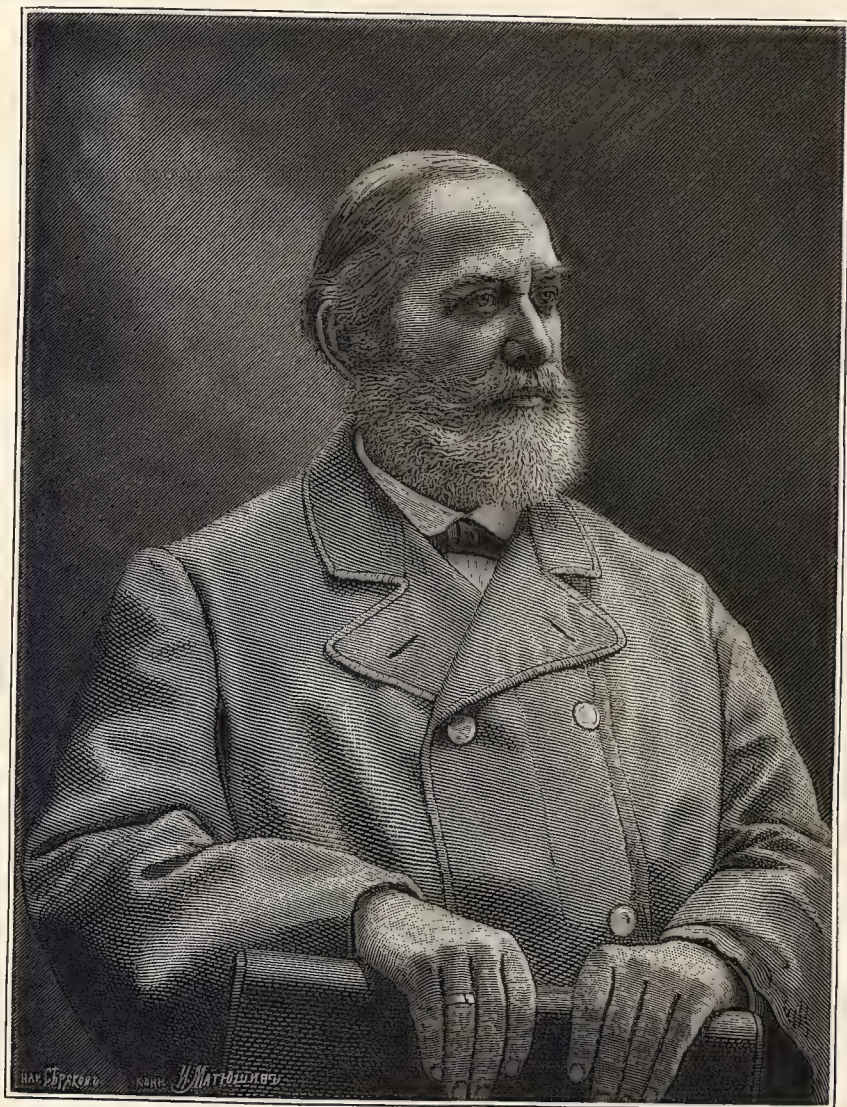

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 г.

Состав. Л. Шафарманъ.

рис. К. Брождъ.

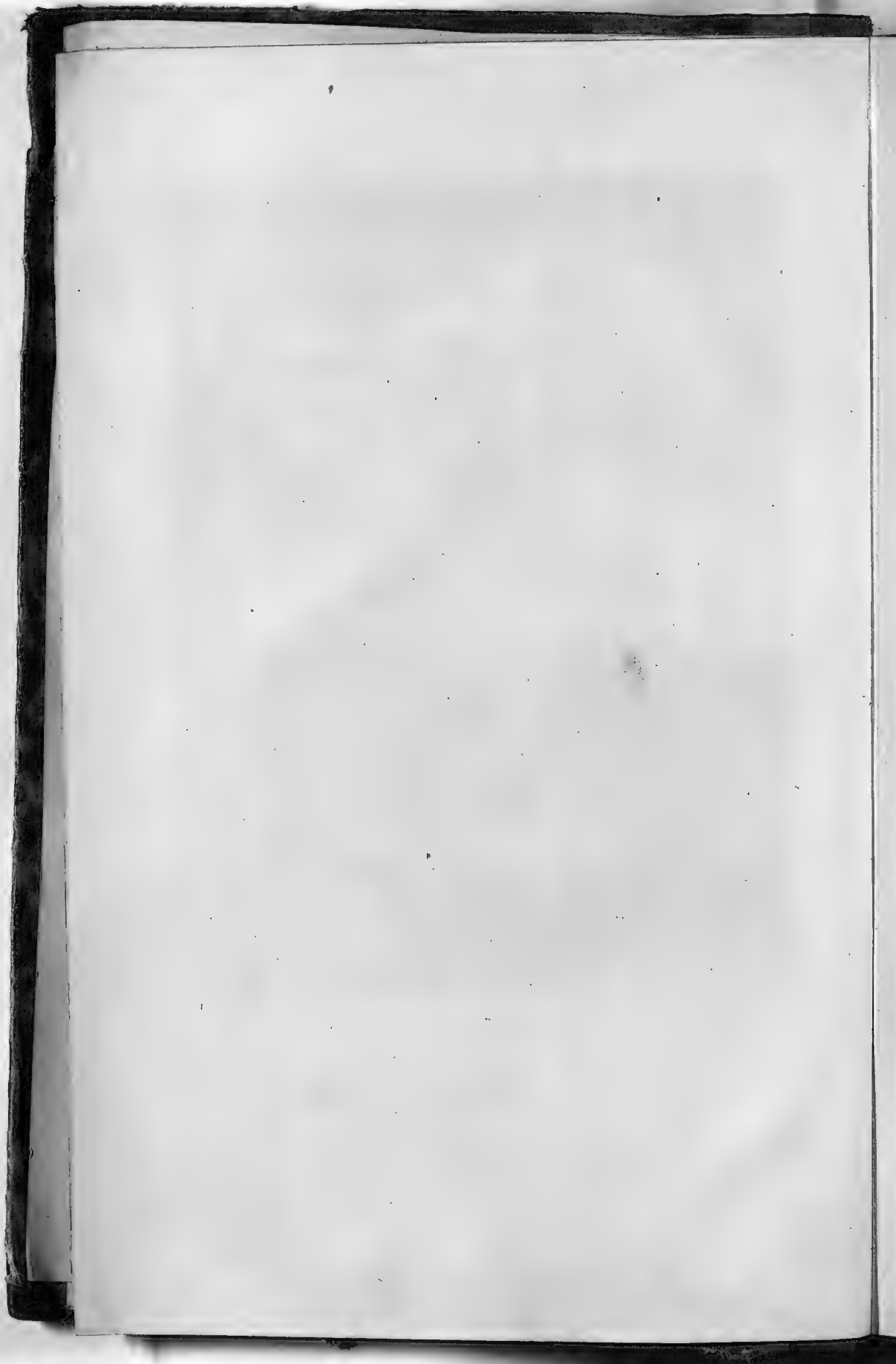
СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ

† 4-го Октября 1879 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 г.

ПОДРЕД. ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 23 АПРѢЛЯ 1881 г.

ЗАСЕДАЮЩІЙ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПАМЯТІЙ.

О ПРИЕМѢ ПОДПИСКИ НА

“РУССКУЮ СТАРИНУ”

ИЗД. 1882 Г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ **четыре** тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾.

При **книгахъ** «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться **портреты** русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. № 46), въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнечій мостъ, д. Фирсанова).

 Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургѣ, Большая Подъячская, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія съ 1 янв. 1870 г. — редакція обязывалась ежемѣсячныя книги „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемъ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а съ 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцати печатныхъ листовъ.

ПЕЧАТАЕТСЯ И ВСКОРѢ ВЫЙДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академиномъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе всѣхъ портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ граверовъ покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ—для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновятъ на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ текущаго года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль, который благоволятъ выслать съ подписною, **ДЕВЯТЬ** рубл., на журналъ „Русская Старина“ 1882 г. суммою.

Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Двѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.), Хаджи-Мурата, гравера-акад. Л. А. Сѣрякова, профессора Н. И. Пирогова, историка-профессора С. М. Соловьева, архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго и друг.—цена **восемь** рублей съ пересылкой.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

Глава XVI ¹⁾.

Отъѣздъ на Кавказъ.

Быль мартъ мѣсяцъ 1840 г. и приближалось время нашего отъѣзда на Кавказъ. Мы были такъ счастливы общою любовью, что проводы наши продолжались нѣсколько дней. Каждый день насъ приглашалъ кто нибудь на прощальный обѣдъ, и каждый вечеръ мы проводили гдѣ нибудь посреди всѣхъ нашихъ друзей. Въ это время пріѣзжалъ въ городъ Дмитрій Федоровичъ Ёздаковъ, главный комиссіонеръ и компаніонъ Рязанова, о дружбѣ котораго я уже упоминалъ прежде, и у него-то, въ домѣ управляющаго откупомъ, гдѣ онъ стоялъ, мы проводили вечера, которые никогда не изгладятся изъ памяти, такъ много было тутъ самой искренней и самой горячей дружбы.

Какъ нарочно предъ нашимъ отъѣздомъ Александръ Кузьмичъ Малютинъ, отставной подполковникъ, бывшій здѣсь прежде начальникомъ инвалидной роты, разыгрывалъ въ лотерею свою зимнюю повозку, и какъ разъ выигрышь палъ на мой билетъ, такъ что мы съ братомъ въ этой повозкѣ доѣхали до Екатеринбурга. Впрочемъ еще много не доѣзжая до Екатеринбурга, зимняя дорога исчезла, и мы, купивши тарантасныя дроги, поставили на нихъ свою повозку, и такъ продолжали свой путь. При выѣздѣ нашемъ, насъ провожало до десяти саней. Тутъ были всѣ наши товарищи, Колесниковъ, Илья Васильевичъ Кузововъ, съ одними мы расстались на вѣки, съ другими увидѣлись.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—661; (декабрь), стр. 823—850. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 487—518; (апрѣль), стр. 799—838; томъ XXXI (іюль), стр. 327—370.

Отслуживъ у себя напутственный молебенъ Господу Богу, мы распрощались съ домашними, работниками и работницами нашими, учениками, сосланными черкесами, просившими насъ попросить о ихъ возвращеніи Владикавказскаго начальника, если представится возможность, что вскорѣ и устроилось, и напутствуемые добрыми и конечно искренними пожеланіями и слезами, не безъ скорби и съ нашей стороны, отправились въ путь. Дѣйствительно, эти люди такъ усердно и вѣрно служили намъ, болѣе шести лѣтъ сряду, такъ были преданы намъ, что нельзя было не почувствовать сердечной скорби, разставаясь съ ними навсегда. Первая почтовая станція, 25 верстъ, скоро показалась, и при горячихъ дружескихъ объятіяхъ, причемъ нельзя было не уронить нѣсколькихъ слезинокъ, мы разстались.

Первая остановка наша по выѣздѣ изъ Минусинска была въ нашемъ губернскомъ городѣ Красноярскѣ, гдѣ мы пробыли нѣсколько дней. Тутъ мы увидѣлись съ поселенными товарищами нашими Василиемъ Львовичемъ Давыдовымъ, Михаиломъ Фотичемъ Митковымъ и Спиридовымъ, у котораго и остановились. Обѣдали и вечера проводили среди милаго семейства Давыдовыхъ. У нихъ было четверо дѣтей, еще маленькихъ, изъ которыхъ одинъ мальчикъ былъ съ замѣчательными способностями къ рисованію. Онъ еще пяти лѣтъ своими маленькими рученками нарисовалъ переправу ихъ черезъ какую-то рѣку, при переѣздѣ изъ Петровска въ Красноярскъ. Впослѣдствіи онъ уже былъ полнымъ и извѣстнымъ художникомъ и что же? мнѣ пришлось, въ Москвѣ, провожать на могилу прахъ его.

Прощаясь съ ними, невольная грусть прокралась въ сердце. Столько лѣтъ, проведенныхъ вмѣстѣ въ заключеніи, братская любовь, соединявшая насъ всѣхъ, была такъ крѣпка, что разставаніе на вѣчную, можетъ быть, разлуку, не могло не разшевелить сердца. Къ Василию Львовичу я, сверхъ того, питалъ особенное сочувствіе. Какъ-то въ Читѣ я заболѣлъ и слегъ въ постель, помнится у меня была горячка. За мной, конечно, ухаживалъ или братъ, или другіе друзья, жившіе со мною въ одной комнатѣ; но вотъ изъ другаго отдѣленія приходилъ къ моей постели Василій Львовичъ Давыдовъ и почти не отходить отъ меня. Столько участія, столько чувства онъ показалъ мнѣ, что съ той самой поры сердце мое вполне предалось ему.

Михаилъ Фотичъ Митковъ, прекраснѣйшій и въ то же время очень оригинальный человѣкъ, жилъ совершеннымъ философомъ¹⁾.

¹⁾ Въ нашемъ распоряженіи находятся для извлеченія и напечатанія въ „Русской Старинѣ“ нѣкоторые его письма, а также портретъ—весьма обязательно сообщенные его роднымъ племянникомъ Михаиломъ Платоновичемъ Митковымъ—извѣстнымъ и уважаемымъ общественнымъ дѣятелемъ въ С.-Петербургѣ. Ред.

Онъ имѣлъ хорошенькую небольшую квартиру, которая содержалась въ самой педантической чистотѣ, меблированная съ большимъ вкусомъ и комфортомъ. Тутъ буквально нельзя было найти пылинки. У него была большая библіотека. Чтеніе было его страстью, а другою страстью, какъ и у меня, была вѣрность часовъ, которые онъ каждый день самъ повѣрялъ по солнечнымъ часамъ, устроеннымъ Павломъ Сергѣевичемъ Бобріщевымъ-Пушкинымъ, который это время уже былъ переведенъ въ Тобольскъ. Объ этихъ солнечныхъ часахъ надобно сказать нѣсколько словъ. Онъ устроилъ ихъ на одномъ удобномъ мѣстѣ, провелъ меридіанальную линію около солнцестоянія, распредѣлилъ правильно, по вычисленію, часы, и кончилъ работу. Вотъ приходитъ къ Краснокутскому тамошній батальонный командиръ и, встрѣтивъ тутъ Бобріщева-Пушкина, говоритъ:

— «Ну, Павелъ Сергѣевичъ, какъ я вамъ благодаренъ за часы, только они стояли не на мѣстѣ, и я перенесъ ихъ противъ обвахты, тутъ самое мѣсто для нихъ».

— Что же вы это сдѣлали? называя его по имени говоритъ Пушкинъ, вѣдь теперь надо снова проводить меридіанальную линію.

— «А зачѣмъ? я вѣдь ихъ переносилъ бережно и какъ стояли, такъ и поставилъ».

Нечего было другаго дѣлать, какъ снова проводить линію, времени еще было не много послѣ солнцестоянія.

Простившись съ Василемъ Львовичемъ, Александрой Ивановной, съ Спиридовымъ и Митковымъ, мы пустились далѣе. Въ Ялutorовскѣ мы нашли другихъ нашихъ товарищей: Василія Карловича Тизенгаузена, Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Мы посѣтили всѣхъ нашихъ, и пріятно провели этотъ день у Муравьева, который не задолго предъ тѣмъ пріѣхалъ въ Ялutorовскъ изъ Бухтармы, гдѣ женился на племянницѣ директора таможи, очень милой, пріятной и хорошенькой особѣ. Мы хотя лично не были знакомы съ Матвѣемъ Ивановичемъ прежде, но тутъ встрѣтившись были приняты какъ давнишніе, старые друзья!¹⁾ Тизенгаузенъ жилъ одинъ,

¹⁾ Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ—88-ти-лѣтній бодрый старецъ—нынѣ живеть съ своею достойнѣйшей супругой въ Москвѣ, гдѣ мы имѣли удовольствіе посѣтить его въ маѣ мѣсяцѣ 1881 г.—У Матвѣя Ивановича свято хранится большое собраніе портретовъ его сотоварищей и союзниковъ по пребыванію въ Сибири. — Матвѣй Ивановичъ — нынѣ старѣйшій изъ восьми оставшихся въ живыхъ (1881 г.) декабристовъ: П. И. Фаленбергъ, баронъ А. Е. Розень, М. А. Назимовъ, А. П. Бѣляевъ, П. Н. Сви-стунъ, Толстой и Д. И. Завалишинъ.

совершеннымъ пустынникомъ, въ большомъ домѣ, преоригинально имъ самимъ построенномъ и потомъ сгорѣвшемъ. Обойдя всѣхъ товарищей, мы этою же ночью отправились далѣе на Тюмень, Комышловъ и Екатеринбургъ. Въ Комышловѣ мы подъѣхали къ почтовой станціи и посѣтили стараго почтмейстера, который такъ радушно принималъ всѣхъ нашихъ товарищей, проѣзжавшихъ въ Читѣ. Мы снова благодарили его за его великодушное гостепріимство, что непременно исполняли и всѣ возвращавшіеся наши товарищи.

Въ Екатеринбургѣ мы остановились у пріятеля нашего Минусинскаго золотопромышленника Мих. Григ. Крюкова, въ его большомъ домѣ. Мы прожили у него нѣсколько дней, гуляли по городу, заходили къ разнымъ экипажнымъ мастерамъ, и, при его содѣйствіи, промѣняли свою повозку съ дрогами на дорожный очень покойный тарантасъ. Онъ познакомилъ насъ съ своей женой, очень представительной и красивой женщиной; и все время, что мы у нихъ пробыли, они угощали насъ съ самымъ радушнымъ гостепріимствомъ. На дорогу снабдили насъ превосходною паюсою икрой и другими закусками. Когда мы прощались съ ними, могли ли тогда думать, что послѣ многихъ лѣтъ намъ придется еще увидѣться съ нимъ въ Саратовѣ, но уже слѣпцомъ, ошупью разпознавшимъ насъ съ братомъ.

Теперь чѣмъ далѣе мы ѣхали, тѣмъ сильнѣе становилось нетерпѣніе наше, при мысли о свиданіи съ милыми и нѣжными сестрами. Одна изъ нихъ просила разрѣшенія ѣхать къ намъ, что бы раздѣлить жизнь свою съ нами, но не получила разрѣшенія. Ближайшимъ отъ Екатеринбурга городомъ была Пермь, затѣмъ Казань, поразившая насъ своимъ поистинѣ столичнымъ видомъ: прекрасныя, величественныя зданія, многолюдство, торцевая мостовая, множество церквей, изъ которыхъ нѣкоторыя очень древнія.

Пробывъ въ Казани дня два, мы выѣхали уже прямо въ Симбирскъ. Вотъ уже 16 лѣтъ прошло, какъ мы изъ Ершова выѣхали въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ не видѣлись съ родными, а мать наша скончалась нѣсколько лѣтъ ранѣе нашего возвращенія, благословивъ насъ заочно уже на смертномъ одрѣ своемъ. Пріѣхали въ Симбирскъ прямо на станцію; на станціи мы разспросили домъ Родіонова, гдѣ сестры жили по приглашенію хозяина. Мы наняли городского извозчика, сѣли на линейку, тамошній въ то время извозчикій экипажъ, и съ сильнымъ, радостнымъ біеніемъ сердца отправились разыскивать домъ; но чтобъ нетерпѣніе наше еще болѣе возрасло, то какъ нарочно немощенныя улицы были такъ затоплены грязью, что лошадь останавливалась, черезъ каждые десять, пятнадцать шаговъ, и мы болѣе часу и даже двухъ часовъ тащились до

дома. Но наконецъ остановились у воротъ и узнавъ, что квартира сестеръ на дворѣ, во флигелѣ, мы съ помощью извозчика и еще чѣловѣка изъ дома понесли наши чемоданы. Дверь была заперта, но въ окно увидѣла насъ горничная сестеръ, и уже зная о нашемъ приѣздѣ, съ восторженно блестящими глазами, въ волненіи, подбѣжала къ намъ съ привѣтствіями самыми сердечными, и сказала, что господъ нѣтъ дома, но что она сейчасъ сбѣгаетъ за ними.

Мы вошли въ комнаты и не прошло пяти минутъ, какъ по очереди заключали въ свои объятія плачущихъ радостными слезами нашихъ, поистинѣ, чудныхъ сестеръ. Къ намъ могли выѣхать только двѣ жившія въ Самарѣ, остальные три жили: двѣ подъ Москвой, а одна—въ имѣніи. Сколько утѣшенія, радости, счастья дала намъ всѣмъ эта чудная минута свиданія—выразить вполне невозможно, какъ невозможно выразить всю полноту, всю прелесть той недѣли, которая съ этой минуты потекла для насъ такимъ свѣтлымъ, хотя и очень коротенькимъ ручейкомъ. Мы могли пробыть тутъ только двѣ недѣли.

Въ Симбирскѣ у сестеръ было много знакомыхъ, которые, конечно, стали и нашими. Тутъ жилъ князь Юрій Сергѣевичъ Хованскій, сотоварищъ юности нашей, котораго мы еще знали въ Петербургѣ: онъ лицеистъ и бывалъ у Долгоруковыхъ. Жена его была сестра нашего друга и товарища Василія Петровича Ивашева. Онъ уже на поселеніи, лишившись своей жены, которая, какъ я упоминалъ, такъ романически приѣхала къ нему невѣстой, чтобы посвятить ему всю свою жизнь, хотѣлъ проситься на Кавказъ, но ровно черезъ годъ соединился съ своимъ нѣжнымъ, самоотверженнымъ другомъ, въ вѣчности. Послѣ него остались дочь и сынъ, которые были взяты его сестрой, а ихъ теткой княгиней Хованской. Тутъ же мы видѣли и другую сестру его Языкову, которая письмомъ своимъ пробудила вновь его уснувшія чувства къ дѣвушкѣ, ставшей въ заключеніи его женой. Излишне говорить съ какимъ дружескимъ радушіемъ мы были приняты всѣми этими лицами, столь близкими намъ по чувствамъ дружбы къ ихъ единственному брату, такъ рано покинутому изъ ихъ среды, и тогда когда счастье свиданія съ нимъ было такъ близко. Сестры были очень дружны съ одной прелестной молодой дамой Софьей Львовной Каракозовой, которая часто бывала у нихъ, какъ и мы у нихъ. Мужъ ея былъ очень болѣзненъ, страдалъ страшно подложечными болями, отъ чего вскорѣ и умеръ. Понятно, какимъ наслажденіемъ было для насъ это избранное общество очаровательныхъ по уму, красотѣ, изяществу дамъ, послѣ столькихъ лѣтъ отчужденія. Правда, наши благодѣтель-

ныя дамы, жены нашихъ товарищей, по своему высокому положенію въ свѣтѣ, изяществу, воспитанію, были на той же высотѣ съ тѣмъ обществомъ, которымъ мы теперь наслаждались, но мы, заключенные, очень мало изъ тюрьмы ихъ видѣли, но за то какъ много чувствовали и какъ сильно въ благодарномъ сердцѣ запечатлѣли ихъ милый образъ, хотя мимолетно уловленный сквозь щели нашего тюремнаго частокола.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ изъ Самары, гдѣ служилъ докторомъ по удѣльнымъ имѣніямъ, мужъ старшей сестры нашей Францъ Петровичъ Паулеръ, весьма искусный, ученый врачъ, а что еще лучше—прекраснѣйшій человекъ, съ которымъ сестра была совершенно счастлива; еще помню его совѣтъ на Кавказѣ—пить больше чаю и непременно послаще, что и исполняю до сихъ поръ. Онъ могъ пробыть только одинъ день, такъ какъ долженъ былъ ѣхать по своей обязанности.

Такіе счастливые часы, дни, недѣли летятъ быстро, а потому и срокъ нашего отъѣзда наступилъ скоро. Сестрамъ мы сдали излишнія вещи, стараясь какъ возможно облегчить для себя предстоящую намъ кочевую жизнь, и въ тарантасѣ нашемъ стало еще просторнѣе.

День нашего отъѣзда былъ 1-го мая 1840-го года.

Мы уже простились наканунѣ со всѣми нашими знакомыми, но проводить насъ пришелъ князь Хованскій и безподобная Софья Львовна. Она пожелала намъ скорѣе возвратиться съ Кавказа и, конечно, героями. Первое ея желаніе исполнилось, такъ какъ мы возвратились послѣ семи лѣтъ, но послѣднее осталось втунѣ и мы возвратились обыкновенными изъ обыкновенныхъ. Собирались мы съ милѣйшимъ барономъ. Иполитомъ Александровичемъ Вревскимъ, тогда еще капитаномъ генеральнаго штаба, по своему желанію временно командовавшимъ Куринскимъ батальономъ, отбить у черкесовъ, чтобъ попасть въ герои, пушку, которую ставили они на горѣ противъ лагеря, но они всегда заблаговременно ее увозили, а потомъ и вовсе перестали таскать и громить нашъ лагерь подъ Уйсъ-Унгуromъ и геройство не состоялось. Это былъ годъ несчастной Ичекирской экспедиціи генерала Грабе. Вревскій же палъ въ Мзгинскихъ горахъ генералъ-лейтенантомъ, начальникомъ отряда, уже въ 1859 г., и палъ героемъ.

Распростившись съ сестрами, мы сѣли въ свой тарантасъ и отправились на югъ—

И мы на югъ, въ страну,
Гдѣ яхонтъ неба рдѣтъ,
И гдѣ изъ розъ себѣ гнѣздо природа вьетъ.....

Стихи нашего незабвеннаго А. И. Одоевскаго, сказанныя имъ экспромтомъ, сидя съ Мих. Мих. Нарышкинымъ въ тарантасѣ на пути къ Кавказу.

На пути между Симбирскомъ и Саратовомъ мы проѣхали города Сызрань, Хвалыньскъ; первый былъ замѣчателенъ тогда превосходнымъ пшеномъ, здѣсь произрастаемымъ, другой замѣчателенъ тѣмъ, что болѣе походилъ на село, нежели на городъ. Вся эта дорога идетъ по нагорному берегу Волги и, подходя къ Вольску, представляетъ восхитительное мѣстоположеніе. Вольскъ расположенъ на самомъ берегу рѣки и съ горы видѣнъ какъ на ладони, такъ что можно пересчитать всѣ улицы и сады при каждомъ домѣ. Самъ городъ очень красивъ, имѣлъ и тогда много хорошихъ каменныхъ домовъ, между которыми особенно выдается домъ знаменитаго Алексѣя Петровича Сапожникова съ огромнымъ садомъ; имъ же выстроены тамъ великолѣпный каменный храмъ; самъ онъ принадлежалъ къ единовѣрческой церкви. Отъ Вольска до Саратова 120 верстъ и потому мы скоро пріѣхали въ Саратовъ.

Изъ Симбирска мы выѣхали 1-го мая, была полная и роскошная весна и уже вполне одѣтый лѣсъ, вечеромъ и ночью оглашаемый пѣніемъ соловьевъ, которыхъ мы уже давно не слышали. Въ Сибири они не заглядываютъ. Вообще дорога наша была очень пріятна и по экипажу очень покойна.

ГЛАВА XVII.

На Волгѣ.

По пріѣздѣ въ Саратовъ первой заботой нашей было отыскать фабриканта Шехтель, къ женѣ котораго мы имѣли письмо отъ нашего юноши Александра Петровича Колесникова, который письмами своими давно познакомилъ съ нами ихъ семейство. Сыскать ихъ было не трудно; какъ только мы вошли на Московскую улицу увидѣли магазинъ братьевъ Шехтель, откуда и проводили насъ къ нимъ въ домъ. Въ этомъ домѣ мы нашли три семейства трехъ братьевъ Шехтель, жившихъ вмѣстѣ. Двое изъ нихъ женаты на двухъ сестрахъ, можно сказать красавицахъ. Когда объ насъ доложили, вышла къ намъ старшая Анна Ивановна, и мы увидѣли, что красота ея была еще выше того, какъ мы себѣ представляли, а умомъ, граціей, прелестью милаго обращенія она совершенно плѣнила насъ. Вслѣдъ за нею вошла младшая сестра, Елизавета Ивановна, и эта была по-

вое очарованіе. Онѣ были очень похожи другъ на друга, но эта была выше ростомъ, ей было только 18-ть лѣтъ и эта юность еще болѣе придавала прелести ея замѣчательной красотѣ. У Анны Ивановны тогда была дочь лѣтъ пяти, а у Елизаветы Ивановны былъ первый ребенокъ и еще грудной. Когда она держала на рукахъ своего младенца, то поистинѣ самый гениальный художникъ нашель бы ее достойной своей кисти. Описанные въ письмахъ Александра Петровича К—ва можетъ быть слишкомъ пристрастно, мы были приняты съ отверстыми объятіями. Старшій братъ, мужъ Анны Ивановны, Францъ Осиповичъ, по наружности составлялъ совершенную противоположность своей прелестной женѣ, впрочемъ можетъ быть вполнѣ соотвѣтствуя ей по своимъ внутреннимъ качествамъ; они жили очень хорошо. Тогда же мы познакомились и со вторымъ братомъ Алонзіемъ Осиповичемъ. Третій былъ въ отъѣздѣ, но жена его Марья Кондратьевна была съ ними. Насъ оставили обѣдать, обѣдало еще нѣсколько постороннихъ знакомыхъ. Послѣ обѣда хозяева показали намъ свою сирпинную фабрику, которая работала эту матерію и дѣла ихъ тогда были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Потомъ мы отправились по городу и на пристань, гдѣ цѣлый день кипѣла самая оживленная и шумная дѣятельность. По ихъ желанію, этотъ вечеръ, какъ и всѣ другіе, пока мы жили въ Саратовѣ, провели у нихъ. Всѣ дамы играли на фортепіано и обѣ сестры пѣли и мы весь вечеръ наслаждались ихъ пѣніемъ, иногда присоединялись къ нимъ въ припѣвахъ одного, еще тогда новаго для насъ, романа: «Ты не повѣришь, какъ ты мила», что вполнѣ могло и должно было относиться къ этимъ, поистинѣ, милымъ дамамъ. Давно уже не слыхавъ музыки, которую мы страстно любили, отвыкнувъ въ Сибири отъ дамскаго общества, понятно, что этотъ и другіе вечера у нихъ были для насъ очень пріятны.

Анна Ивановна была хорошо знакома съ губернаторшей Екатериной Ивановной Бибиковой, родной сестрой нашихъ несчастныхъ товарищей Муравьевыхъ-Апостоловъ. Одинъ (Сергѣй) умеръ на висѣлицѣ 13-го іюля 1826 г., другой (Иполитъ) застрѣлился, а третій былъ на поселеніи въ Ялutorовскѣ, котораго мы видѣли проѣздомъ и который нынѣ живетъ въ Москвѣ. Она знала отъ Анны Ивановны, что мы должны были проѣхать и просила извѣстить ее когда мы пріѣдемъ, чтобы видѣться съ нами. На другой же день она прислала за нами экипажъ, приняла насъ какъ родныхъ, такъ и мы смотрѣли на нее, всѣ родные товарищи нашихъ также были родные и намъ,—такъ крѣпко связала насъ общность идей, участи и братская любовь. Много было пролито ею слезъ, при разныхъ тяжелыхъ и горькихъ воспоминаніяхъ;

сколько разспросовъ о житьѣ оставшагося брата, о томъ, какъ онъ переноситъ свое заточеніе и проч. Она не знала какъ выразить намъ свое сочувствіе; угощала насъ, сама накладывала кушанья за завтракомъ, а узнавъ, что мы куримъ, приказала подать трубки. Такъ какъ намъ странно казалось курить при ней и мы отказывались, помня, что въ наше время при дамахъ еще не курили, то она непремѣнно требовала, чтобы мы курили, увѣряя, что теперь все это измѣнилось, сами дамы и дѣвицы курятъ и что это вездѣ принято.

Простившись съ нею съ искреннимъ и самымъ горячимъ родственнымъ чувствомъ, мы, провожаемые ея добрыми желаніями, въ ея же экипажѣ, отправились къ Шехтель, гдѣ насъ ожидали къ обѣду. Такъ какъ мы рѣшились плыть рѣкой до Астрахани, то послѣ обѣда отправились съ Аловіемъ Осиповичемъ на пристань, гдѣ нашли хозяина большаго дощаника, плывшаго въ Астрахань, и условились съ нимъ. Проведя послѣдній день въ этомъ миломъ обществѣ, мы на другой день простились съ ними, не скрываю истины, простились съ грустью. Взаимная симпатія въ короткое время сблизила насъ и обратилась въ дружбу, которая продолжалась потомъ по возвращеніи нашемъ съ Кавказа въ теченіи многихъ лѣтъ. Теперь уже многихъ лицъ изъ этихъ семействъ не стало, и въ живыхъ остается одна Анна Ивановна съ дочерью, тоже вдовою; но дружба къ нимъ въ моемъ сердцѣ жива до сей поры, какъ будетъ всегда.

Дождавшись, когда наши гребцы, которыхъ было десять, по пяти въ смѣнѣ, запасли себѣ хлѣба, пшена, масла и прочей провизіи, помѣстились у весель, а хозяинъ, онъ же и лоцманъ, на кормѣ, мы вошли въ свою лодку.

Саратовская пристань еще и въ то время, то есть въ 1840-мъ году, представляла очень оживленную картину. Пропасть народа суетилось всюду. Одни готовились плыть, другіе ихъ провожали; возгласы, прощанія, крики разнощиковъ, стукъ молота, трѣканье рабочихъ, все это разносилось въ воздухѣ какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ. Тутъ было видно множество судовъ всякаго размѣра. Первое мѣсто тогда занимали такъ называемыя разшивы, поднимающія грузъ до 18000 пудовъ. Этотъ родъ судовъ показываетъ нѣкоторыя мореходныя притязанія. На нихъ есть одна большая, съ смоленнымъ такелажемъ, мачта; въ кормѣ есть каюта, на подобіе какой нибудь корабельной каюты, только безъ претензій; одинъ огромный парусъ внизу и небольшой топсель вверху. Нижний парусъ такъ великъ, что его ставятъ безопасно только въ небольшой вѣтеръ, а если вѣтеръ засвѣжѣетъ, то его чрезвычайно трудно убирать съ такими первобытными приспособленіями, какія существуютъ на этихъ

судахъ. Другія волжскія суда носили разныя названія: косныя, корбасы, шитики, тифинки, мокшаны, осланки, дощаники большіе и малые и проч. Онѣ имѣютъ и мачту, но такалажъ не смоленый. Большія вмѣщаютъ отъ 10 до 11000 пудовъ. Суда, плывущія внизъ по Волгѣ, довольно скоро совершаютъ свой путь. При обыкновенной погодѣ, изъ Саратова въ Астрахань, поспѣваютъ въ недѣлю, а при хорошемъ вѣтрѣ—въ пять дней и менѣе. Вверхъ по рѣкѣ разшивы тянутся или бичевой или завозами.

На дощаникѣ для насъ отгородили въ кормѣ мѣсто и сдѣлали навѣсъ отъ солнца и дождя и тутъ мы могли сидѣть очень покойно и, сидя, спать.

Хозяинъ дощаника, онъ же и кормчій, былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, бѣлокурый, съ голубыми выразительными глазами и съ умной физіономіей. Одѣтый въ легкое полукафтанье, перетянутый шелковымъ кушакомъ, въ круглой съ маленькими полями шляпѣ, въ полосатыхъ шароварахъ, стройный и красивый, онъ имѣлъ видъ истиннаго лопмана, волжскаго типа. Въ теченіи нашего плаванія, мы, судя по немъ, убѣдились, что волжскіе лопмана, знаніемъ своего дѣла и смѣтливостью не уступятъ своимъ собратамъ норвежскимъ и англійскимъ лопманамъ, правда, что тѣхъ арена—океанъ.

Когда же мы вышли изъ среды судовъ, стоявшихъ у берега, на середину рѣки, по командѣ лопмана: «молись Богу», всѣ сняли шляпы и произнесли краткую молитву, конечно самую искреннюю, въ которой каждый поручалъ себя храненію Всеблагаго Промысла; затѣмъ веслы упали на воду, и берегъ побѣжалъ отъ взоровъ. Долго еще намъ видѣлся Саратовъ съ своими домами, церквами и лѣсомъ мачтъ, но, наконецъ, все это слилось въ одну массу и потонуло.

Странническая жизнь, не только произвольно избираемая, но и невольная, все же имѣетъ и свою прелесть. Сколько встрѣчаешь людей, которыхъ полюбишь всѣмъ сердцемъ, которыми бываешь любимъ взаимно, среди которыхъ жилось такъ отрадно, такъ полно и пріятно! а такъ какъ человѣкъ живетъ чувствомъ, то вотъ онъ уже и счастливъ, хотя и мгновенно. Разлука грустна, конечно, но зато какъ сладостны самыя минуты разлуки, сладостны тою любовью, которая при этомъ всегда выражается. Притомъ чего стоятъ однѣ воспоминанія, переносящія въ милую среду, и какъ бы возвращающія утраченное? Затѣмъ разнообразіе! встрѣчаемыхъ предметовъ, прекрасныя виды, чудныя картины природы, иногда до того очаровательныя, что невольно мелькаетъ мысль: вотъ бы гдѣ пріютиться и воткнуть свой странническій посохъ. Но вотъ еще новый край, новые люди и опять такіе симпатичные, добрые, любящіе; и къ этимъ

какъ и къ прежнимъ сердце чувствуетъ влеченіе; испытываетъ сладость дружескаго общенія и такъ далѣе и далѣе и еслибъ объѣхать весь міръ и черезъ нѣкоторыя разстоянія проживать въ безчисленныхъ мѣстахъ земнаго шара, нѣтъ сомнѣнія, что эти наслажденія любить и быть любимымъ повторялись бы до самаго конца странствія и явилась бы безконечная цѣпь привязанностей, грустныхъ разставаній, радостныхъ встрѣчъ, дружескихъ союзовъ, воспоминаній и все это до той чудной страны, какъ вѣруемъ, гдѣ всѣ способные къ чистой любви, соединятся на вѣчную радость вѣчной любви, въ Томъ, кто Самъ есть безконечная любовь.

Пока эти фантастическія мысли пробѣгали въ головѣ, наша ладья быстро плыла «внизъ по матушкѣ по Волгѣ». Поставили мачту, подняли парусъ и подъ водорѣзомъ еще сильнѣе закипѣла влага, бросая брызги негодованія на дерзкую, которая такъ свободно и съ такою силою раздвигала ее по обѣ стороны, пролагая себѣ путь. Пѣнистыя волны играли вокругъ рѣзвою толпою, то ударяя бока нашей ладьи какъ бы со злобою, то отражаясь въ безсиліи, обдавали насъ своими брызгами. Тутъ лоцманъ закричалъ: «на крюкъ парусы!». Сначала вѣтеръ былъ нѣсколько съ боку, теперь же, при поворотѣ по колѣну рѣки, сталъ попутнымъ, а потому и нужно было выставить большую поверхность паруса. Вѣтеръ засвѣжѣлъ еще болѣе, парусъ дрогнулъ, встрепенулся, какъ бы привѣтствуя своего могучаго гостя и наша ладья понеслась еще быстрѣе.

До сихъ поръ мы плыли при облачномъ небѣ, но съ усиленіемъ вѣтра тучи разсѣялись, засіяло солнце и освѣтило прекрасную картину. На правомъ нагорномъ берегѣ постоянно пробѣгали то дуга и пастбища со стадами, то поля съ пшеницей бѣлотуркой, то живописныя группы березовыхъ или дубовыхъ рощей. На самомъ берегу рѣки мелькали богатые и красивыя села со многими церквами, затоны съ рыболовными снарядами, челноки рыбаковъ, скользившихъ по всему пространству рѣки; суда подъ парусами, плывшія по разнымъ направленіямъ, всюду жизнь, питаемая благодѣтельною рѣкою. Умѣренный, а далѣе и теплый климатъ, легкость сообщенія, благодарная почва дѣлають Волжское народонаселеніе самымъ богатымъ и самымъ дѣятельнымъ. Нижегородская ярмарка прежде всѣхъ снабжаетъ своихъ приволжскихъ потребителей всѣми возможными товарами, почти по ярмарочной цѣнѣ. Уже въ продолженіи ярмарки, торговцы средней руки нагружаютъ суда и развозятъ товары повсюду; Астрахань также ихъ первыхъ снабжаетъ произведеніями юга; превосходныя яблоки растутъ по берегамъ Волги, изобилующими огромными фруктовыми садами; желѣзо какъ въ сыромъ видѣ, такъ и въ

мануфактурныхъ издѣлійхъ здѣсь получается раньше всѣхъ изъ Перми и съ ея многочисленныхъ заводовъ. Посредствомъ ея волшебнаго моста, произведенія богатой Сибири разливаются во всѣ части государства—и вотъ почему Волгу можно назвать золотымъ мостомъ.

Солнце уже склонялось къ горамъ, когда въ отдаленіи открылось село Ахмать, гдѣ мы должны были на часъ остановиться, велѣть развести на берегу огонь для чайника и взять сливокъ для чая. Въ это время роскошный майскій вечеръ, радужный и благоуханный, сходилъ на землю въ потухающихъ лучахъ солнца, разливая вмѣстѣ съ прохлагою какую-то невыразимую нѣгу во всей природѣ. Наконецъ, солнце опустилось къ горамъ, коснулось земли и, напечатлѣвъ пламенный поцѣлуй на ея челѣ, скрылось. На мгновеніе какъ бы румянецъ стыдливости пробѣжалъ по ея ланитамъ; наша ладья коснулась берега и остановилась.

Когда мы напились чаю, завѣса ночи уже скрыла отъ насъ горы и опустилась на всѣ предметы, насъ окружавшіе, когда мы отвалили отъ берега. Низменный лѣвый берегъ и днемъ видѣнь только въ отдаленіи, теперь же онъ скрылся совершенно и одна брызганная масса воды насъ окружала. Кое гдѣ мелькали огоньки на рыбныхъ тоняхъ и въ селеніяхъ, которыя проходили. Равномѣрные удары весель пяти могучихъ гребцовъ, сопровождаемые ихъ тихимъ гармоничнымъ пѣніемъ, иногда лай собакъ, крикъ ночныхъ птицъ, обидительные, по временамъ, возгласы кормчаго—вотъ все, что только нарушало тишину ночи. Ладья наша неслась незамѣтно по теченію Волги и только разсѣкаемая влага своимъ кипѣніемъ свидѣтельствовала о быстротѣ хода. Завернувшись въ шинели отъ свѣжаго ночнаго воздуха, мы долго наслаждались, прислушиваясь къ тихому и чрезвычайно пріятному пѣнію нашихъ гребцовъ и настроенные величественною, краснорѣчивою тишиною ночи, мы съ живымъ чувствомъ въ тайникѣ сердца принесли свою обычную передъ сномъ вечернюю молитву Господу Богу. Между тѣмъ незамѣтно заглялись небесныя свѣтила, какъ безчисленныя лампады въ великолѣпномъ храмѣ и отразились въ водѣ. Мы плыли какъ бы въ воздушномъ пространствѣ, въ средоточіи какого-то гигантскаго шара, имъ объятые со всѣхъ сторонъ. То былъ истинно нерукотворенный храмъ Божій, освѣщенный мириадами небесныхъ свѣтилъ, въ которомъ также происходило всеночное бдѣніе. Тутъ какъ будто слышался звучный голосъ, возвѣщающій величіе Творца въ шестипсалмій и пророчествахъ и вдохновенныя пѣсни, славословящія Его пришествіе и совершенное Имъ спасеніе человѣчества.

Съ этими молитвенными мыслями мы уснули самымъ сладкимъ

сномъ. Говоръ и колебаніе насъ разбудили, то была смѣна гребцовъ. Когда они размѣстились, кормчій снова командовалъ: «міръ, Богъ на помощь, молись Богу!». Послѣ молитвы гребцы погрузили свои весла и ладья тронулась. Въ это время взошла луна и золотые лучи ея затрепетали въ струяхъ Волги и освѣтили всѣ окружающіе насъ предметы какимъ-то чуднымъ фантастическимъ свѣтомъ. На право опять обозначались высокія горы, но теперь уже не въ томъ удивительномъ видѣ какъ днемъ; напротивъ, онѣ стояли передъ нами какъ какіе-то великаны, съ грознымъ нахмуреннымъ челомъ, съ самымъ неприятнымъ выраженіемъ и непроницаемою тьмою у ихъ подножія, куда не проникали лучи свѣта. Ладья наша, послушная кормилу, быстро поворотила и побѣжала отъ нихъ на середину, какъ бы устранившись отъ этого грознаго явленія. «Орлики», такъ называлъ гребцовъ лодманъ, «навались, молодцы, близка Сувать», командовалъ онъ. Сувать—это водоворотъ, образующійся отъ стремнинъ и большихъ камней на днѣ, производящихъ спорное теченіе въ извилинахъ, иногда очень крутыхъ, Волги, и отъ впадающаго въ этомъ мѣстѣ горнаго потока. Удвоенныя усилія гребцовъ показали, что они вполне сознавали важность предостереженія. Не прошло минуты, какъ ладья наша понеслась съ неимоверною быстротою. Вода неистово забушевала, кидалась во всѣ стороны, кипѣла и клочкотала какъ въ котлѣ; съ воплемъ отражалась отъ берега, ударяла въ бока лодки, пѣнилась, шумѣла, обдавала брызгами, какъ бы готовясь поглотить свою жертву. Чрезвычайныя усилія гребцовъ и кормчаго съ кормиломъ, его возбудительныя возгласы, показывали, что опасность была дѣйствительная. Глазъ не могъ слѣдить за быстротою этого водянаго вихря; все пространство пучины было покрыто бѣлою кипящею пѣною, и освѣщаемое луною, лучи которой дробились на миллионы искръ, представляло грозную, но въ то же время великолѣпную картину. Нѣсколько минутъ мы мчались, какъ въ водопадѣ, этою бездною, какъ вдругъ, опять все стало тихо вокругъ; ладья наша поплыла своею обычною скоростью; лодманъ снова покойно сѣлъ; гребцы по прежнему безопасно и дѣлively стали погружать свои весла въ тихую поверхность; золотая полоса луннаго свѣта опять тихо затрепетала въ сонныхъ струяхъ. Тихое и поистинѣ гармоническое пѣніе бурлаковъ, смѣшанное съ журчаніемъ воды, пріятное колебаніе шлюбки и мы снова погрузились въ сладкій сонъ.

Послѣ полуночи, толчекъ и суматоха снова насъ разбудили и мы, проснувшись, увидѣли, что небеса уже были закрыты тучами, и луна не свѣтила болѣе. Тѣмнота приняла теперь какой-то сѣроватый цвѣтъ

тумана, и смѣшала всѣ предметы въ одну общую массу, и только на нѣсколько сажень можно было различить и самую воду.

Дощаникъ нашъ сидѣлъ на мели и гребцы, упираясь веслами, употребляли всѣ усилія столкнуть его. Хозяинъ дощаника, лопманъ, имѣлъ помощника, который не имѣлъ ни его бдительности, ни его знанія Волги. Онъ, при наступившей темнотѣ, потерявъ фарватеръ и посадилъ насъ на мель, когда хозяинъ спалъ. Это положеніе во время ночи, когда ничего не было видно, въ случаѣ бури, могло быть не безопасно, потому что и днемъ надо хорошо знать Волгу, чтобы проводить суда безопасно. Къ счастью, лопманъ нашъ обладалъ въ высшей степени всѣми качествами превосходнаго лопмана; онъ тотчасъ взялся за руль, приказалъ гребцамъ выйти изъ плюбки на мель и толкать ладью въ ту сторону, которую считалъ ближайшею къ фарватеру; быстрымъ взглядомъ онъ окинулъ непроницаемую мглу и, приказавъ грести, повелъ свою послушную ладью сквозь туманъ и мракъ, съ такою увѣренностью и съ такимъ хладнокровіемъ, какъ бы это было среди бѣлаго дня. Продолжавшееся довольно долго плаваніе глубиною, его увѣренность, выговоръ помощнику показывали, что съ такимъ лопманомъ можно было спать покойно, и видя какъ смѣнившіеся бурлаки, четверо, укладывались на двухъ аршинахъ и вслѣдъ затѣмъ захрапѣли, мы также скоро погрузились въ фантастическій міръ сновидѣній.

Когда мы проснулись, природа уже готовилась встрѣчать восходъ солнца, этого свѣтлаго величественнаго гостя, котораго псалмопѣвецъ такъ поэтически уподобляетъ жениху, выходящему изъ брачнаго чертога. Роскошныя одежды свѣта, въ безконечномъ разнообразіи цвѣтовъ и видовъ, облекали фантастическія группы легкихъ облаковъ, рисовавшихся на горизонтѣ. Ароматическій запахъ растений наполнялъ воздухъ, и восходя къ небесамъ служилъ какъ бы благовоннымъ еиміамомъ, возносимымъ благодарною землею къ ея Творцу. Пѣрнатія, уже пробудившіяся отъ сна, воспѣвали свои радостныя привѣтствія тому свѣту, кто единымъ своимъ присутствіемъ разливалъ на все жизнь и радость; стада, выходившія на пастбища, также по своему выражали свое участіе въ радости общей; даже рыбы безгласныя, своими вольными беззаботными движеніями и играми выражали свою любовь къ этому дивному, благому гостю, образу Творца ихъ и Творца всяческихъ! Душа ли безсмертная человѣка, Его образъ и подобіе, просвѣщенная Его свѣтомъ, не восхвалитъ Его при своемъ пробужденіи, матеріальномъ и духовномъ? О, безъ сомнѣнія, она воспоетъ Ему въ глубинѣ существа своего и чувствами сердца, и умомъ, и устами!

Вотъ на горахъ зажглись маяки, показавшіе приближеніе солнца, затѣмъ въ большомъ селеніи, на лѣвомъ берегу, засвѣтились мгновенно, какъ отъ электрической нити, кресты всѣхъ трехъ церквей; такъ церковь живаго Бога, этотъ ковчегъ спасенія человѣковъ, какъ предстательница предъ Господомъ о грѣхахъ нашихъ, первая принимаетъ свѣтъ благодати и передаетъ ее чадамъ своимъ. Такъ она же, возвышаясь надъ селеніями человѣческими, принимаетъ на себя удары молніи, гнѣвъ Божій и умиляетъ Его крестною жертвою Главы своего. Наконецъ, показалось и лучезарное чело; масса золота разлилась на всѣ предметы; плодотворными устами коснулось оно жаждущей его любви земли, и вспыхнуло въ поднебесьи! Еще нѣсколько времени мы плыли на позлащенной поверхности и потомъ пристали къ берегу не доходя Камышина, обращаясь къ вещественному отъ поэтическаго величественнаго зрѣлища. Тутъ мы пили чай.

Камышинъ одинъ изъ красивыхъ Волжскихъ небольшихъ городовъ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Волги и набережная его обстроена очень хорошенкими домами съ мезонинами и балконами. Онъ имѣлъ 6-ть каменныхъ церквей и множество садовъ, придающихъ ему много прелести. Яблоки его и арбузы славятся по всей Россіи. Населеніе, какъ тогда мы слышали, пользовалось вездѣ самою доброю славою. Всѣ жившіе тамъ съ удовольствіемъ вспоминаютъ о его радушномъ гостепріимствѣ, простотѣ и чистотѣ нравовъ, о его веселостяхъ и музыкальномъ настроеніи ея обитателей, что особенно выдается въ праздники. Уѣздъ этотъ большею частью заселенъ выходцами изъ Малороссіи.

Погода стояла прекрасная, днемъ уже становилось очень жарко. Вѣтеръ то стихалъ, то снова наполнялъ парусъ и тогда наша ладья, увлекаемая вѣтромъ и теченіемъ, быстро мчала насъ на югъ все дальше и дальше отъ дорогихъ сердцу родныхъ. Впереди была для насъ солдатская неволя, жизнь, которую снова намъ суждено было пройти, чтобъ этимъ путемъ смиренія и терпѣнія имѣть право возвратиться на родину. Мы тогда еще не знали, что Кавказъ встрѣтитъ насъ дружескими объятіями товарищей, чудной величественной природой, подаритъ намъ доблестныхъ благодарныхъ друзей между закаленными воинами его, введетъ въ среду милыхъ, добрыхъ, очаровательныхъ семействъ и что онъ будетъ для насъ во всю жизнь самымъ приятнымъ, сладостнымъ воспоминаніемъ. Берега, которые показывались въ отдаленіи, быстро приближались и также быстро убѣгали туда, откуда мы плыли. Въ этотъ же день мы миновали нѣмецкія колоніи, останавливаясь у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Дома ихъ вообще хороши, комнаты опрятны и удобны. Постели съ безконечными перинами и

подушками. Стѣны украшены во всѣхъ домахъ разными картинами съ изображеніями католическихъ святыхъ,—эти колоніи большею частью католическаго исповѣданія,—и другими видами изъ прежней ихъ родины; у одной изъ стѣнъ шкафъ съ чайной посудой и прочими приборами. Мужчины носятъ русскую одежду, но женщины и дѣвушки носятъ полосатыя нѣмецкія юбки, съ кофточкой и платкомъ на головѣ. Красотой онѣ не замѣчательны, но очень скромны, и, конечно, нѣкоторыя не дурны собой. Тутъ мы запасались сливками для чаю и пшеничнымъ мягкимъ хлѣбомъ.

Въ этотъ же день миновали мы высокій курганъ, составляющій мысъ между Волгою и впадающею въ нее рѣчкою. Онъ трудно доступенъ съ трехъ сторонъ, а въ отдаленное время былъ и вовсе неприступенъ. Тутъ стоялъ станомъ знаменитый атаманъ разбойниковъ Стенька Разинъ. На Волгѣ есть мѣста, напоминающія о разбойническихъ подвигахъ двухъ атамановъ, отъ которыхъ двѣ рѣчки получили свое названіе, рѣчки Парашка и Ульянка, изъ чего можно видѣть, что на Волгѣ это ремесло когда-то было въ большомъ ходу. Мѣстами на берегу встрѣчается уединенный крестъ надъ могилою какого нибудь умершаго въ пустынѣ бѣднаго бурлака, встрѣчались кресты съ оградой и надписью, показывавшею, что тутъ покоится прахъ какого-нибудь судохозяина или прикащика; простой-же крестъ, обдѣланный наскоро, указываетъ на бѣднаго бурлака. Бѣдняга пришелъ сюда издалека, чтобъ заработать пропитаніе своей семьѣ, женѣ и дѣтямъ—и вотъ, вмѣсто хлѣба и радостнаго мужа, приходитъ вѣсть о его кончинѣ, вдали отъ роднаго кладбища. Здѣсь лежитъ онъ забытый повидимому, но молитва пловцовъ, всегда сердечная, а также и матери церкви, возносится и за него къ престолу Всевышняго и вмѣсто забвенія вселяетъ этого забитаго труженника въ свѣтлую обитель, великолѣпнѣйшую безъ сравненія всѣхъ царскихъ чертоговъ, въ среду неумолкающаго гласа празднующихъ во вѣки!

До Царицына весь нагорный берегъ почти постоянно живописенъ. Всѣ селенія, по немъ расположенныя, сѣять пшеницу, занимаются рыбной ловлей, но преимущественно судоходствомъ. Камышинскія яблоки развозятся повсюду, а также и камыш. арбузы. Яблоки, такъ называемыя чернаго дерева, особенно хороши. Всѣ вообще селенія богаты, многолюдны, опрятны, что относится и къ станицамъ Астраханскаго казачьяго полка. Недостатокъ лѣса восполняется сплавомъ лѣса съ верховья Волги, Камы, Вятки и другихъ. Цѣлое лѣто плывутъ эти безконечныя плоты съ лѣсомъ и все это исчезаетъ незамѣтно. Здѣсь русское народонаселеніе расположено по берегу рѣки, а на нѣкоторое разстояніе отъ берега, и далѣе въ глубь страны, тя-

нутыя степи подъ названіемъ Калмыкскихъ. Здѣсь ведется порода Калмыкскихъ лошадей, красивыхъ, очень крѣпкихъ. Скотоводство есть ихъ основное хозяйство. Калмыкскіе бараны по своей крупности и курдючному салу въ огромномъ количествѣ скупаются скотопромышленниками, отовсюду наѣзжающими. Рогатый скотъ мелокъ, но, говорятъ, очень молоченъ.

Мы приплыли къ Царицыну въ то же самое время какъ крестный ходъ съ образами, хоругвями, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, вышелъ на воду; это былъ день Преполовенія. Съ сердечною радостью мы встрѣтили священное шествіе, какъ знаменіе напутственнаго Божьяго благословенія нашему странствію; отслушали молебенъ, освященіе воды и, предоставляя свою судьбу водительству Преблагаго Промысла Божія, мы съ отраднымъ чувствомъ пустились въ путь. На другой день, послѣ Царицына, миновали маленькій городокъ Черноярскъ, который вѣроятно получилъ свое названіе отъ Яровъ темнаго цвѣта, такъ какъ всѣ Яры, составляющіе отъ Царицына берега Волги, сыпучіе пески, тутъ уже горы уклоняются на западъ къ Дону, а Волга течетъ между низменнымъ лѣвымъ берегомъ луговой стороны и ярами правой. Яры эти въ большую воду сильно подмываются и обрушаются съ страшнымъ трескомъ и это обрушеніе есть причина обмеленія Волги и ея устьевъ. Въ годъ холеры (1831 г.), городское кладбище было болѣе 50 сажень отъ берега, а когда мы проѣзжали въ 1840-мъ году, уже кости человѣческія торчали изъ берега. Во многихъ при-Волжскихъ селеніяхъ берегъ защищаютъ отъ воды тыномъ изъ лозы, которая, пуская корни и въ плетеніяхъ своихъ перенимая и задерживая илъ, связываетъ и предохраняетъ отъ напора воды, хотя конечно не совершенно, но все же предохраняетъ. Около этого мѣста попутные вѣтры насъ оставили, такъ что мы пошли на веслахъ.

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ чаще встрѣчаются рыбныя промыслы. Наконецъ уже тутъ добывается такое множество рыбы, такъ называемой бѣшанка, что изъ нея добывался тогда одинъ жиръ, а остатки отъ операціи выбрасывались и собирались въ стога или кучи, отъ которыхъ зловоніе распространялось по всей окрестности, и проплывать этой вонючей полосой было очень непріятно. Въ настоящее время, эта бѣшанка, подъ названіемъ тарани, составляетъ предметъ потребленія во всей Россіи, и для бѣднаго люда замѣняетъ селедку по своей дешевизнѣ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда мы прошли Толоконную гору, экваторъ бурлаковъ. Всѣ новички, въ первый разъ плывущіе въ Астрахань, должны проходить ее пѣше, а какъ это гора сыпучаго песку,

на которой нога погружается по колѣно, то нежелающіе мучиться должны платить выкупъ, который идетъ на выпивку экипажу въ ближайшемъ кабацѣ на берегу, къ которому и пристають нарочно для этого. Мы также должны были заплатить выкупъ по настоянію нашихъ веселыхъ бурлаковъ, хотя и не принадлежали къ экипажу.

Къ захожденію солнца мы пристали къ одной станицѣ Астраханскаго казачьяго полка, гдѣ была полковая штабъ-квартира. Большой домъ полковаго командира окруженъ былъ большимъ садомъ съ бесѣдкой и прекраснымъ цвѣтникомъ. Огромные вѣтвистые орѣшники, яблони и другія фруктовыя деревья юга, образуя тѣнистыя аллеи, придаютъ ему большую прелесть, впрочемъ это особенно было прелестью для насъ, выѣхавшихъ изъ края, гдѣ нѣтъ никакихъ фруктовыхъ деревьевъ. Ррн здѣсь уже кончаются и берега мѣстами украшаются красивыми группами деревьевъ и зелеными полянами; но часто встрѣчаются и безплодныя, песчаныя, или солнцеватыя пространства.

Хотя солнце закатилось ясно и великолѣпно, и вѣтеръ стихъ совершенно, но красноватый видъ заката и облаковъ показывалъ, что съ полночи или съ восхожденіемъ солнца будетъ сильный вѣтеръ. Мы не ошиблись, на зарѣ задуть вѣтеръ, сперва переменный, такъ что временемъ могли ставить парусъ, но потомъ онъ установился и намъ противный, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе онъ усиливался, но мы все еще подавались впередъ на веслахъ, но наконецъ онъ такъ разсвирѣпѣлъ, и волненіе развело такое сильное, что мы должны были у одной маленькой деревеньки остановиться. Волга представляла видъ еще не забытаго нами бурнаго моря съ бѣлоснѣжными волнами. Ширина ее къ низовью такъ огромна, что дѣйствительно могла напомнить море. Смотра на эту величавую картину, мы увидѣли вдали стаю птицъ, которыя вились надъ однимъ мѣстомъ. Онѣ вились надъ какимъ-то предметомъ, но буря мѣшала имъ воспользоваться. Это былъ трупъ несчастнаго утопленника. Его несло теченіемъ внизъ, но волны, набѣгая противъ теченія, оспаривали свою добычу и хотя медленно, но увлекали его за собою, дикою пляскою торжествуя свою побѣду. На Волгѣ каждый годъ погибаетъ много людей и часто по русской безпечности. Рабочіе, плывущіе въ Астрахань, до того загружаютъ иногда суда, что отъ воды остается одинъ вершокъ. Въ тихую погоду они счастливо достигаютъ Астрахани, но вдругъ начинается буря, волны заливаютъ судно, бѣдняки спѣшатъ къ берегу и часто, не достигнувъ еще его, погружаются на дно; хорошо плавающие спасаются, но много погибаетъ. Съ нынѣшними благодѣтель-

ными спасательными лодками, несчастные случаи должны много уменьшиться.

Послѣ полудня вѣтеръ началъ стихать; погода разгулялась и мы плыли, быстро уносимые теченіемъ и парусомъ, безпрестанно минуя острова, изъ коихъ одинъ былъ такъ привлекателенъ, такъ манилъ къ себѣ своею яркою зеленью, своими картинными деревьями и живописнымъ видомъ, что мы пожелали пристать къ нему. Природа была здѣсь во всемъ блескѣ юной весенней красоты своей, благоуханна, очаровательна! Скрытая отъ шумнаго міра въ уединенныхъ водахъ Волги, она тѣмъ не менѣе цвѣла здѣсь и восхищала, какъ чудная раковина, въ уединеніи нечаянно открытая. Мы прогулялись по высокому берегу, любясь заходящимъ солнцемъ, тихимъ вѣяніемъ майскаго вѣтерка, который также нѣжно прикасался къ зеленымъ молодымъ листьямъ деревъ, какъ хорошенькіе пальчики къ клавишамъ фортепіано. Въ этомъ шелестѣ также есть своя музыка, выполняемая рукою невидимаго артиста. Воздухъ оглашался пѣніемъ рыбаковъ, челноки которыхъ скользили по всѣмъ направленіямъ широкой Волги. Тутъ были загорожены обширныя садки съ рѣбою всѣхъ родовъ и величинъ, гдѣ плѣнники рѣзвились безпечно и не подозревая того, что имъ уже не гулять болѣе по широкому раздолью.

Насладившись вдоволь и прелестною картиною, и тѣми сладостными чувствами, какія всегда производили на насъ красоты природы, мы отъ острова пристали къ казацкой станицѣ, гдѣ въ уютномъ опрятномъ домикѣ одной казачки напились чаю, и отправились далѣе. Отсюда уже намъ открылся гигантскій соборъ Астрахани, о которомъ слышали легенду, а можетъ быть и истинную исторію о строителѣ собора, который будто бы, сведя уже куполь, вдругъ скрылся не извѣстно куда, и только по минованіи нѣсколькихъ лѣтъ явился и увидѣвъ, что храмъ и куполь выдержали свою громадность, докончилъ зданіе. Видѣніе собора было мгновенное, потомъ онъ опять скрылся. Когда въ вечернее плаваніе ставили парусъ, то бурлаки наши обыкновенно напѣвали свои чудныя пѣсни. Случилось такъ, что у всѣхъ нашихъ гребцовъ были прекрасныя и чрезвычайно симпатичныя голоса, такъ что слушать ихъ, поистинѣ, было наслажденіемъ. Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ было столько сладкой грусти и прелести, что бывало удерживаешь дыханіе, чтобъ не проронить ни одного звука. Эта чарующая русская пѣснь, какъ мнѣ кажется, есть вѣрное выраженіе души русскаго народа. Вѣдь онъ не знаетъ и не знаетъ музыкальнаго искусства, законовъ гармоніи, размѣра, такта. Почему же пѣснь его такъ чаруетъ и вызываетъ столько самыхъ сладкихъ чувствъ? Самая грусть ея такъ пріятна, что желалъ бы

даже усвоить ее себѣ и не разлучаться съ нею, какъ съ лучшимъ наслажденіемъ.

По захоженіи солнца стали снова собираться тучи, вѣтеръ за-свѣжѣлъ и мы плыли очень быстро; но къ полночи онъ такъ «скрѣпчалъ», выраженіе моряковъ, что мы должны были по причинѣ темноты пристать къ одному рыболовному стапу, и стоять до разсвѣта, старательно прикрѣпившись къ берегу. Съ разсвѣтомъ мы пустились въ нашъ послѣдній путь на веслахъ, и вскорѣ намъ открылась Астрахань, цѣль нашего плаванія. Городъ окруженъ и перерѣзываемъ Волгой и представляется какъ бы на островѣ. Подходя къ нему, вѣтеръ намъ сталъ съ боку, мы поставили парусъ, ладья понеслась, какъ бы раздѣляя общее нетерпѣніе. Миновавъ множество судовъ, только что приставшихъ и другихъ отплывавшихъ, мы остановились у пристани. По командѣ: «молись Богу», всѣ сняли шляпы и возблагодарили Господа за счастливое оконченное плаваніе.

Мы остановились въ гостинницѣ, ближайшей къ пристани. Это большое каменное зданіе возлѣ караванъ-сарая. Изъ нашихъ оконъ верхняго этажа видна была старинная крѣпость съ высокою каменною стѣною и соборомъ. Соборъ замѣчателенъ своею своеобразною архитектурою и высотой. Кругомъ всего собора идетъ широкая галерея. Мы были у обѣдни. Служба совершалась, какъ вездѣ на православной Руси въ соборныхъ храмахъ, благоговѣнно съ прекрасными пѣвчими.

Во время двухдневнаго нашего пребыванія, мы не успѣли ознакомиться съ городомъ. Военнымъ губернаторомъ былъ генералъ Тимирязевъ, котораго тогда не было въ городѣ. Жена его, родная сестра нашего товарища Федора Федоровича Вадковскаго, узнавъ о нашемъ приѣздѣ, пригласила насъ къ себѣ и также какъ Биби-кова въ Саратовѣ, приняла насъ радушно и ласково, расспрашивая о братѣ и всѣхъ подробностяхъ нашей жизни въ заключеніи. Отъ нея мы отправились бродить по городу. Насъ очень занимали пестрота и густота населенія, вѣроятно приѣзжаго, потому что всѣ улицы были полны толпившимся народомъ. Тутъ встрѣчались типы и одѣяніе всѣхъ возможныхъ восточныхъ племенъ, даже до индійцевъ—поклонниковъ огня.

Безъ сомнѣнія все это здѣсь витало по торговымъ дѣламъ. Это была еще пора большаго процвѣтанія города, который въ послѣдствіи, по разнымъ, какъ говорятъ, стѣсненіямъ и измѣненіямъ административнымъ, нѣсколько упалъ. Съ нашими нынѣшними азіатскими владѣніями, онъ безъ сомнѣнія долженъ будетъ сдѣлаться очень важнымъ складочнымъ мѣстомъ. Оживленіе и разнообразіе города про-

извело на насъ очень пріятное впечатлѣніе и мы бы съ удовольствіемъ пробыли въ немъ дольше, но пора была приближаться къ цѣли нашего путешествія. Въ Тифлисѣ отъ корпуснаго штаба зависѣло наше опредѣленіе въ службу, назначеніе полка и мѣсто служенія.

На другой день послѣ обѣда наши вещи перенесли въ лодку, которая и перевезла насъ на другой берегъ, гдѣ ожидали двѣ почтовые тройки. Послѣ покойнаго и помѣстительнаго тарантаса, и покойнѣйшаго путешествія водой, намъ было не совсѣмъ пріятно возсѣсть на телѣгу съ нашими вещами, которыхъ у насъ было довольно много и потому сидѣть намъ было очень неудобно.

ГЛАВА XVIII.

Кавказъ.

Дорога отъ Астрахани къ Кизляру идетъ степями. Множество озеръ, поросшихъ камышами, плодили цѣлыя стада дикихъ гусей, безпрерывно пролетающихъ надъ головами и оглашавшихъ воздухъ своими криками. Селеній тутъ уже нѣтъ, кромѣ рѣдкихъ хуторковъ и калмыцкихъ кибитокъ.

На первую станцію мы пріѣхали еще засвѣтло, гдѣ и напились чаю. Тутъ мы въ первый разъ услышали о тарангулахъ и даже видѣли одного пробѣжавшаго по комнатѣ. Станціонный смотритель бросился его отыскивать, но онъ уже исчезъ. Онъ указалъ намъ на масло, настоенное тарантуломъ, какъ на самое дѣйствительное средство въ случаѣ укушенія. Слѣдующую станцію мы уже проѣхали ночью. Это была первая южная ночь въ степи. Въ тишинѣ этой ночи только слышенъ былъ конскій топотъ нашихъ двухъ троекъ, переливы колокольчиковъ и жуужаніе насѣкомыхъ, гнѣздившихся въ несмѣтномъ множествѣ въ роскошной травѣ. На слѣдующей станціи намъ посоветовали уже запастись водой для чая, такъ какъ далѣе будутъ двѣ станціи безводныхъ, или съ такой водой, которая негодится для чая. Тутъ уже начались песчаные озера, гдѣ можно ѣхать только шагомъ. Нѣкоторыя простирались на 7-мъ и даже на 10-ть верстъ и эти переѣзды были чрезвычайно скучны и утомительны, особенно въ солнечный день. Однажды ночью намъ даже случилось потерять дорогу, какъ въ нашихъ снѣжныхъ равнинахъ, такъ что ямщикъ остановился и пошелъ отыскивать дорогу. Въ сильный вѣтеръ, особенно ночью, это даже и не безопасно, не смотря на то, что это безграничныя пространства какихъ нибудь знаменитыхъ песчаныхъ степей,

какъ сибирской Коби или Африканской Сахары, потому что никакая лошадиная сила не выдержитъ тащить повозку по этимъ цѣльнымъ сыпучимъ пескамъ, доходящимъ иногда до оси колеса.

За три станціи до Кизляра, мы уже видѣли Донскихъ казаковъ, стоящихъ здѣсь на посту на случай появленія хищниковъ, которые скрываются въ камышахъ Терека, высматривая, гдѣ можно чѣмъ нибудь поживиться. Отсюда уже начинались слухи о дѣлахъ на линіи, о набѣгахъ хищническихъ партій, о нѣкоторыхъ похищеніяхъ женщинъ около Кизляра и въ его садахъ.

Все это насъ очень занимало, какъ новичковъ, ѣдущихъ къ тѣмъ самымъ хищникамъ, о которыхъ рассказывали такіе ужасы. Особенно воинственный видъ принимали тутъ станціонные смотрители, которые были истинными героями въ воображаемыхъ опасностяхъ. Изъ казаковъ на одной станціи случился бывшій подѣ Ахульго въ прошломъ 1839-мъ году. Можно себѣ представить съ какимъ любопытствомъ мы разспрашивали и съ какимъ вниманіемъ слушали рассказы объ этомъ штурмѣ, гдѣ было такъ жарко и гдѣ легло такъ много нашихъ кавказскихъ героевъ. Послѣ мирныхъ земледѣльческихъ занятій, эта повѣсть о битвахъ, гдѣ свирѣпый врагъ обдираетъ, уродуетъ свои несчастныя жертвы и ругается надъ ихъ трупами, гдѣ падаютъ солдаты отъ незримой руки незримаго врага, произвелъ на насъ различныя впечатлѣнія. Иногда онѣ были воинственны и воспаляли насъ; но когда мы представляли себѣ нашу высокій санъ рядовыхъ, между которыми по ихъ подвигамъ, ихъ силѣ, мы были пигмеи, уже разслабленные и казематомъ, многолѣтнимъ заключеніемъ и оковами, украшавшими насъ нѣсколько лѣтъ, то, повторяю, когда мы все это представляли себѣ, то какое-то тайное чувство, не совсѣмъ воинственное, закрадывалось въ сердце. Мы еще не знали, что насъ ожидаетъ, какіе подвиги потребуются отъ насъ. Слышали мы, что солдаты тамъ, какъ безплотные духи, ходятъ безъ усталости по 70 и 80-ти верстѣ, а за себя мы могли поручиться за 20 какихъ нибудь, или много за 30 верстѣ, и то не каждый день и не съ солдатскимъ ружьемъ, патронами и сухарями.

Миновавъ Кизляръ, ибо станція въ 15-ти верстахъ отъ него, мы стали приближаться къ Тереку. Пески еще продолжались, но уже измѣняли свой сыпучій бесплодный характеръ и произращали кой-какую траву, полынь, репье и др. Кой-гдѣ показывались оазисы, съ группами деревьевъ, калмыкскими кибитками и казачьими хуторами. По пескамъ тутъ уже появляются бочки съ арбузами, дынями, огурцами и неизбѣжными здѣсь гигантскими тыквами.

Разстояніе отъ Астрахани до Кизляра 380 верстѣ, а отъ Кизляра

до Наура, гдѣ мы выѣзжали на линію, 80 верстъ. По мѣрѣ приближенія къ Тереку, растительность становилась болѣе цвѣтущею. Тутъ уже встрѣчали мы многочисленныя стада крупнаго и мелкаго скота, а также табуны лошадей. Погода въ это время стояла пасмурная и напрасно взоры наши искали увидѣть кавказскій хребетъ, но однажды какъ то тучи разбѣжались и намъ показались его снѣжныя вершины; но это было мимолетное видѣніе, тотчасъ же исчезнувшее. Затѣмъ открылась линія въ видѣ зеленой полосы, которую составляютъ множество станичныхъ садовъ, раскинутыхъ по Тереку, и высокій пятиглавый храмъ замѣчательной старинной архитектуры. Это была станица Науръ. Не подалеку отъ воротъ, по длинной улицѣ, ведущей на площадь, намъ отвели чистенькую уютную комнату казачьяго дома, какъ видно зажиточнаго, да впрочемъ и всѣ казаки не бѣдны и не много встрѣчаешь тамъ бѣдныхъ по какимъ нибудь несчастнымъ обстоятельствамъ. Молодой хозяинъ былъ въ экспедиціи, оставались одна молодая хозяйка и отецъ его, старшій казакъ. Она приняла насъ очень радушно, много говорила съ нами, проворно подала самоваръ, такъ какъ наступалъ уже вечеръ, и не отказалась съ нами напиться чаю. Мы съ чаемъ всегда курили трубки, а такъ какъ комната была небольшая, то дыму было довольно. Въ это время подошла къ окну сосѣдка за огнемъ, и какъ только отворили окно, смѣясь сказала: «да ты, кума, видно печь затопила». Послѣ чаю мы прошлись по станицѣ. По разнымъ мѣстамъ на площадяхъ, раздавались хороводныя пѣсни молодыхъ казачекъ и подростковъ, а на скамейкахъ у воротъ, важно и тихо бесѣдуя между собой, сидѣли старики. На большой главной площади стояла церковь, домъ полковаго командира, канцелярія, полковая школа, а далѣе площадь была обстроена большими домами, съ палисадниками, осѣненными огромными бѣлыми акаціями, разливавшими благоуханіе по всей площади во время ихъ цвѣтенія. Дома эти принадлежали прежнимъ начальствовавшимъ лицамъ полка, гдѣ теперь жили ихъ семейства, съ которыми впоследствии мы были связаны самыми симпатичными узами дружбы, и тутъ, могу сказать, въ числѣ многихъ другихъ мѣстностей Кавказа сосредоточиваются пріятнѣйшія воспоминанія нашей жизни на Кавказѣ, но объ нихъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Ночью пошелъ небольшой дождь, а по утру усилился до ливня. Медлить было невозможно и мы отправились далѣе; доѣхавъ до станицы Гамогаевской, остановились ночевать, хотя было еще рано, но насъ такъ промочило, что нужно было обсушиться; къ тому же ночью по линіи въ это время не ѣздить, кромѣ важныхъ лицъ, на-

рочныхъ и почты, которымъ дается конвой казаковъ. Утромъ мы прѣхали въ г. Моздокъ. Всѣ станицы расположены по Тереку. Мѣстами по рѣкѣ высовываются песчанья отмели, а у береговъ и дальше берега, видѣются плавучія мельницы, которыя здѣсь возможны по быстротѣ теченія. На другомъ берегу расположены аулы черкесовъ, прежде долго жившихъ здѣсь мирными сосѣдями и кунаками казаковъ и назывались мирными, а теперь уже опустѣлые, такъ какъ Шамиль въ 1839 году увелъ все ихъ народонаселеніе въ горы. Далѣе обозначаются черныя лѣсистыя горы, оплотъ хищныхъ Чеченцовъ, а за ними выказываютъ свои бѣлыя вершины снѣговья горы Кавказскаго хребта, одѣтыя облаками какъ бы покрываломъ, скрывающимъ первозданную бѣлизну ихъ отъ палящихъ лучей южнаго солнца.

Днемъ по большой дорогѣ непрерывно тянутся обозы или съ товарами, или съ провіантами. Здѣсь на Кавказѣ перевозочная повозка называется арбой: это родъ ящика, утвержденного на оси двухъ колесъ огромнаго размѣра, въ два съ половиною и слишкомъ аршина въ діаметрѣ, и потому они удивительно легки на ходу. Въ такой арбѣ пара воловъ или буйволовъ легко везетъ 80 и до 100 пудовъ. Приближеніе этихъ обозовъ еще далеко слышно по чудовищной музыкѣ, поражающей слухъ. Рѣдко и плохо смазанныя оси, при тихомъ движеніи, производятъ такой скрипъ, какого нигдѣ конечно и никогда не случалось слышать прѣзжему. Эту музыку, какъ видно, очень любятъ волы и всѣ кавказскіе племена.

По всей линіи разставлены въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, примѣрно верстахъ въ двухъ, казачьи посты съ вышкой, устроенной на четырехъ высокихъ столбахъ съ площадкой, гдѣ сидитъ постоянно часовая. На каждомъ такомъ пикетѣ находилось по три конныхъ казака. Часовому открывался Терекъ и степь по обѣ стороны рѣки. Въ двадцати верстахъ расположены большіе посты съ избой, дворомъ, стогомъ сѣна, куда на ночь съѣзжаются всѣ казаки съ единичныхъ постовъ.

По большой дорогѣ днемъ часто встрѣчались экипажи частныхъ лицъ, одни, а съ начальными лицами и ихъ семействами — съ казачьимъ конвоемъ. Нѣтъ ничего живописнѣе казака или горца (такъ какъ отличать одного отъ другаго незнающему трудно) на своемъ лихомъ конѣ. Костюмъ его бѣлая или желтая черкеска изъ верблюжьяго сукна, родъ широкаго свободнаго полукафтаны, безъ воротника, открытый на груди; изъ подъ черкески виднѣется щегольской бешметъ изъ канауса, или какой нибудь шелковой матеріи, по краямъ обшитый галунами съ низкимъ стоячимъ воротнич-

комъ. На груди по обѣ стороны черкескіе сафьянные патроны, также обшитые галунами; кожаный довольно широкій поясъ всегда съ серебряной насѣчкой стягиваетъ его станъ, тонкій и эластичный. Нога обута въ щегольскій сафьянный чевякъ, также обшитый галуномъ. Поверхъ чевякъ на панталоны надѣты суконныя ноговицы, идущія снизу нѣсколько выше колѣнъ, разшитыя узорчато галунами. На головѣ папахъ, круглая обшитая мѣхомъ шапка. За спиной винтовка въ чехлѣ изъ войлока. За поясомъ огромный кинжалъ, большею частью съ серебрянной насѣчкой. Въ кобурѣ съ правой стороны большой азіатскій пистолетъ, а за поясомъ другой. Тонкая нагайка надѣта на кисть правой руки. Нагайка на концѣ своемъ имѣетъ плоскій ремень, показывающій какъ казаки и черкесы берегутъ и жалѣютъ своего коня. Мчится онъ обыкновенно пригнувшись къ шеѣ лошади, на которой сидитъ также свободно и покойно какъ бы сидѣлъ на мягкомъ диванѣ. Все это, конечно, извѣстныя вещи, но по первому ихъ впечатлѣнію, на насъ произведенному, какъ и многого другаго, я не могъ изгладить изъ моихъ воспоминаній, да вѣроятно и не каждому читателю знакомо какъ это, такъ и многое другое въ моихъ воспоминаніяхъ.

Изъ Галючая до Моздока станица Стадеревская, живописно расположенная на высокомъ берегу Терека. Не доѣзжая, тянется роща съ огромными старыми деревьями, что уже кромѣ садовъ въ станицахъ рѣдкость. Я думаю, что отъ этой рощи станица получила названіе Стадеревской. На Кавказской линіи и вообще на Кавказѣ почти каждый шагъ ознаменованъ какимъ нибудь кровавымъ событіемъ, а потому по праву принадлежитъ намъ, потому что куплентъ, поистинѣ, цѣною дорогой крови. Не говоря о набѣгахъ, здѣсь безпрестанно расскажутъ вамъ о какомъ нибудь частномъ кровавомъ происшествіи, все это конечно въ 1840-хъ годахъ. Не задолго до нашего приѣзда, около 8 часовъ вечера, изъ Стадеревъ къ Галючаю ѣхала тройка; конечно, это было рискованно, такъ какъ осенью въ это время уже темно. Въ повозкѣ сидѣло двое: одинъ — повѣренный по виннымъ откупамъ, другой — армянинъ. Ничего не опасаясь и разговаривая между собою, они вдругъ видятъ блескъ, и вслѣдъ за нимъ выстрѣлъ. Лошади шарахнулись и замялись; армянинъ, сидѣвшій по лѣвую сторону, успѣлъ выпасть изъ повозки и ползкомъ добрался до травы и спрятался. Повѣренный былъ изрубленъ и ограбленъ, ямщикъ раненъ, но на выстрѣлъ прискакали казаки, хищники скрылись въ темнотѣ ночи, а ямщикъ и армянинъ были спасены.

Другой недавній случай: между Стадеревами и Моздокѣмъ лѣ-

сомъ ѣхала почта. Солнце еще было въ деревья, какъ тамъ говорятъ, значить свѣтло. Вдругъ спереди выстрѣлъ, ямщикъ быстро поворачиваетъ лошадей въ гору, гдѣ настоящая почтовая дорога, а низомъ и лѣсомъ ѣздить для сокращенія пути. Хищники были верхами и погнались за почтой, но не могли перегнать; старались схватить почтальона, который забился подъ облучокъ, но не успѣли. У горы они ихъ оставили. Когда лошади вынесли повозку на гору въ безопасное мѣсто и они остановились, то въ ту же минуту коренная пала. Пуля попала ей въ грудь, но хомутомъ зажало рану, и пока она скакала, не ощущала ее, а какъ только остановилась кровь хлынула изъ раны и она тутъ же издохла. Съ такими разсказами ямщика мы приѣхали въ Моздокъ часовъ въ 12-ть и, зажавши хозяйкѣ обѣдъ, пошли бродить по городу.

Моздокъ городъ довольно значительный по своей торговлѣ и довольно многолюдный. Онъ имѣетъ 6 церквей русскихъ и армянскихъ; много большихъ деревянныхъ и каменныхъ домовъ всегда съ садомъ изъ фруктовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Большинство жителей занимается шелководствомъ. Улицы правильныя и широкія, а лавокъ съ товарами такое множество, что рѣдко найдешь столько въ любомъ губернскомъ городѣ. Населеніе состоитъ изъ русскихъ, армянъ и осетинъ, занимающихъ весь форштатъ и всѣ ближайшія къ форштату улицы. Къ городу же примыкаетъ и станица горскаго казачьяго полка. По своему положенію на Терекѣ, слѣдовательно въ сосѣдствѣ малой Кобарды, которая въ годъ нашего приѣзда вся почти возмущилась, городъ, извѣстный горцамъ по своему богатству, неоднократно подвергался опасностямъ отъ нападенія многочисленныхъ партій. Такъ въ тотъ самый годъ, когда мы были въ Моздокѣ, 26 іюня 1840 года, на разсвѣтѣ былъ густой туманъ, что въ тѣхъ мѣстахъ часто бываетъ, а когда онъ поднялся, жители съ ужасомъ увидѣли на томъ берегу огромную конную партію черкесовъ, которые, не находя брода и не осмѣливаясь пуститься вплавъ подъ нашими выстрѣлами, колебались и не знали на что рѣшиться, хотя частію уже были разграблены ими мирныя аулы князя Бековича. Къ несчастію, они увидѣли паромъ князя, посредствомъ котораго поддерживалось сообщеніе съ другимъ берегомъ и съ городомъ и тотчасъ же завладѣли имъ; одни стали переправляться на паромѣ, другіе подъ его прикрытіемъ пустились вплавъ. Въ городѣ, кромѣ гарнизонной роты, другихъ войскъ не было, но, по счастью, въ это время проходила куда-то одна рота, которая съ городской тотчасъ же заняла ворота и валъ, защищаемый колючимъ кустарникомъ, какъ это и во всѣхъ станицахъ служитъ превосходной защитой.

Осетины, храброе племя, взяли за оружіе и разставились по валу, русскіе всѣхъ сословій также вооружились и приготовились; а армяне, по своему обыкновенію, начали запирасть ставни и сносить свое имущество въ подвалы и погреба, куда спустили и свои семейства и попрятались сами. Моздокскій первой гильдіи купецъ, человѣкъ очень богатый, Улухановъ, имѣвшій большое семейство, понадѣялся увести свое семейство, на свой хуторъ верстахъ въ двадцати отъ города, посадилъ жену и дочерей-дѣвицъ въ коляску и отправилъ ихъ изъ города. Къ несчастію, въ это самое время передовые черкесы уже успѣли переправиться черезъ рѣку въ числѣ нѣсколькихъ сотъ, и такъ какъ изъ города ихъ приняли мѣткими выстрѣлами, то одни отступили и остановились, другіе же, видя скачущую коляску, бросились за ней, догнали ее и заворотили назадъ лошадей, посадили чеченца кучеромъ и, конвоируя свою добычу, направились прямо на паромъ и перевезли ихъ на другой берегъ. Хищническая партія не могла сдѣлать ничего болѣе какъ раззорила ближайшій хуторъ, захватила нѣсколько плѣнныхъ осетинъ, скотъ и, слыша конскій топотъ скачущихъ изъ Павлодельска, Стадерева и Галючая казаковъ, бросилась въ беспорядкѣ черезъ Терекъ съ значительной потерей. Казаки горскаго полка, которыхъ дома было очень немного, встрѣтили хищниковъ еще на переправѣ, засѣвши за толстое дерево, лежавшее на берегу, а потомъ бросились въ свою стапу, отбили нападавшихъ чеченцовъ и преслѣдовали ихъ, съ ожесточеніемъ. Много тутъ было частныхъ подвиговъ неустрашимости и нѣсколько прекрасныхъ жертвъ. Такъ, при этомъ нападеніи погибъ одинъ нашъ кабардинскій князь полковникъ нашей службы, скакавшій со своего хутора на тревогу. Встрѣченный толпой чеченцовъ, онъ долго сражался одинъ, но, окруженный со всѣхъ сторонъ, палъ героемъ на трупы враговъ; жаль, что позабылъ его фамилію. Семейство Моздокскаго гражданина было потомъ выкуплено, что, конечно, стоило большихъ суммъ; но краса этого семейства, младшая дочь, стала любимой женою Шамиля до конца его жизни, раздѣлая съ нимъ и его плѣнъ въ Калугѣ. Всѣ, читавшіе плѣненіе княгини Орбельяни, знакомы съ нею. Потомъ она, ставъ матерью, уже сама не захотѣла вернуться, хотя ее и выкупали.

Это происшествіе послужило къ тому, что городъ лучше укрѣпили и обставили пушками, такъ что онъ смѣло можетъ теперь отбить всѣ покушенія непріятеля, которыя повторялись неоднократно и въ слѣдующихъ годахъ.

Обойдя городъ, мы вышли на береговую набережную Терека, гдѣ намъ представилось очень интересное зрѣлище. Множество мальчи-

ковъ, женщинъ и дѣвушекъ всякаго возраста ловили дѣсь, проносимый быстрою рѣкою. Терекъ и при малой водѣ имѣетъ очень быстрое теченіе, а теперь въ большую воду онъ свирѣѣлъ ужасно. Несмотря на опасное положеніе на крутомъ берегу, который могъ безпрестанно обрушиться, подмываемый быстриной, все это стояло на самой оконечности берега и закидывало кручьи за каждымъ деревцомъ, вѣткой или сучкомъ, сопровождая эти операціи оглушительными криками. А уже если несло карчу или какую нибудь массивную штуку, то они забывали обо всемъ и бросались съ такимъ неистовствомъ, что страшно было смотрѣть. Эта операція часто имѣла несчастныя послѣдствія, такъ какъ тутъ Терекъ очень глубокъ и даже были запрещенія полиціей, но въ Моздокѣ недостатокъ въ топливѣ такъ великъ, и какъ съ этими операціями уже сроднилось населеніе, то никакое запрещеніе не имѣетъ дѣйствія. Особенную ревность и живость тутъ выказывала одна осетинка дѣтъ 17-ти. Это была одна изъ тѣхъ южныхъ красавицъ, передъ которыми остановишься невольно, гдѣ бы ее ни встрѣтилъ. Осетинки вообще очень красивы, но эта передъ ними была идеаломъ. Она была въ своемъ національномъ костюмѣ довольно грубой матеріи, что показывало ея бѣдное положеніе. Жилищемъ ея была сакля на берегу Терека, куда она вошла съ другой женщиной, была ли то мать ея или другая какая нибудь родственница, мы не имѣли желанія и поводовъ узнавать. Лицо ея выражало восхищеніе, когда ей удавалось перехватить и положить возлѣ себя какой нибудь сучекъ; густые какъ смоль черные волосы ея, раскинувшіеся отъ ея усиленныхъ и въ то же время самыхъ граціозныхъ движеній, роскошными прядями падали по ея плечамъ необыкновенной бѣлизны. Она была высока, стройна и вообще прелестна.

Для сѣвернаго жителя всякій южный иноплеменный городъ представляетъ особенный интересъ: другія фізіономіи, другая одежда, другіе нравы и обычаи; но на Кавказѣ то пріятно, что не смотря на различіе племенъ и нарѣчій все же себя чувствуешь въ Россіи, потому что тутъ-же слышишь русскій говоръ, видишь русскія лица и одежды и знаешь, что и здѣсь ты у себя дома. Армяне, мужчины, всѣ говорятъ по русски, но женщины въ то время почти не говорили по русски. Въ настоящее время, когда я переписываю свои воспоминанія, въ эпоху такого движенія и повсемѣстныхъ школъ мужскихъ и женскихъ, безъ сомнѣнія и кавказскій прекрасный полъ уже усвоилъ русскую рѣчь. Когда мы съ ними заговаривали, то хотя онѣ и понимали насъ, но всегда отвѣчали съ улыбкой, очень мило, искаженнымъ русскимъ словомъ, но въ то же время давали понять,

что говорить по русски не могутъ. Вообще армяне очень красивое племя. Мужчины по большей части имѣютъ правильныя черты. большіе черные глаза, черные волосы и прекрасные бѣлые зубы. Женщины были бы прелестны по тонкимъ чертамъ лица, матовой бѣлизнѣ и нѣжности кожи лица и по чуднымъ глазамъ, чуднымъ чернымъ и роскошнымъ волосамъ, если бы не выдающійся по величинѣ носъ отъ природы и необыкновенная бѣлизна отъ бѣлизы и румянъ, которыя къ сожалѣнію у нихъ въ большомъ употребленіи. Онѣ вообще очень бѣлы и еслибъ не глупый обычай румяниться и бѣлиться, то красота ихъ очень бы много выиграла. Широкая одежда съ длиннымъ шлейфомъ, перехваченная до талии поясомъ и застегнутая на груди дорогими застѣжками у богатыхъ, превосходно очерчиваютъ ихъ тонкій и стройный станъ, а длинное покрывало, отброшенное назадъ, придаетъ много прелести ихъ костюму и ихъ красотѣ. Мужской полъ одѣвается или по-европейски, или по-черкески, иные же носятъ армяно-персидскій съ разрѣзанными рукавами кафтанъ и высокую изъ мерлушекъ шапку. Внутри домовъ они живутъ по восточному. Есть комнаты, гдѣ обыкновенно и принимаются всѣ посѣтителы, въ каковую помѣстили и насъ, съ диванами, зеркалами, столами и стульями; но внутреннія семейныя отдѣленія всегда почти или съ нарами, покрытыми коврами, или широкими низкими диванами, на которыхъ постоянно сидятъ, поджавши ноги, прекрасный полъ за работой и всегда почти съ пѣніемъ или говоромъ. Подумаешь, о чемъ, кажется, могутъ говорить онѣ съ однѣми и тѣми же членами семейства, и однакожъ говоръ у нихъ не прекращается и постоянно слышатся женскія, иногда очень нѣжныя и гармоничныя голоса; но вообще пѣсни ихъ однообразны, монотонны и хотя случаются иногда нѣкоторыя варіаціи, но весьма рѣдко. Не многія изъ прелестныхъ пѣвицъ позволяютъ себѣ разнообразить ихъ своими фантазіями.

Восточные жители вообще гостепріимны и Моздокскія принимаютъ пріѣзжихъ очень радушно, особенно военныхъ. Хорошенькая хозяйка приготовила намъ кушанье изъ нашей провизіи и по нашему заказу очень хорошо. Обѣдъ подали на хорошемъ обыкновенномъ сервизѣ и съ непремѣннымъ на востокъ судкомъ съ прианностями. Къ намъ пришли возвратившіеся изъ школы сыновья хозяевъ и очень развязно поздоровались съ нами. Армянскіе дѣти прелестны; тѣ, которыхъ мы видѣли, были красавчики, съ большими черными глазами, блестящими черными волосами, милымъ выраженіемъ умнаго лица, они были такъ милы, что мы восхищались ими. Съ дѣтскаго возраста уже проявляется тотъ коммерческій характеръ народа, кото-

раго торговля есть жизненная стихія. Общественная школа въ Моздокѣ, какъ мы могли замѣтить, въ весьма хорошемъ положеніи была въ то время. Всѣ армяне въ школахъ обучаютъ своихъ дѣтей, которые выказываютъ большія способности. Мы изъ любопытства задавали имъ нѣсколько вопросовъ изъ ариметики, географіи и русской грамматики и убѣдились, что учатъ ихъ или учили тогда съ толкомъ, а также давалось имъ, какъ говорили намъ, хорошее нравственное направленіе.

Изъ Моздока дорога идетъ на Павлодольскую станицу и оттуда на Екатериноградъ, штабъ-квартиру Горекачъ казачьяго полка. Здѣсь мы и остановились на квартирѣ одного австрійскаго выходца, какими-то судьбами поступившаго вольноопредѣляющимся въ линейные казаки, и тогда занимавшаго должность станичнаго писаря. Жена его, полька, молодая хорошенькая брюнетка, очень развязная и пріятная, кромѣ того, что накормила насъ очень вкуснымъ обѣдомъ, очень пріятно занимала насъ своими разговорами. Всѣ проѣзжіе останавливаются у нихъ, и потому на Кавказѣ всѣ помнятъ хорошенькую Екатериноградскую писарьшу.

Въ годъ 1840 нашего пріѣзда отъ Екатеринограда до Владикавказа еще не было правильнаго почтоваго сообщенія. Если и были лошади, то въ самомъ ограниченномъ числѣ, такъ что мы, ѣхавшіе по Высочайшему повелѣнію и по казенной подорожной, должны были ѣхать на вольныхъ. До этого времени всѣ проѣзжающіе отсюда отправлялись съ такъ называемой оказіей, т. е. съ колоной изъ двухъ ротъ пѣхоты и одного, а и иногда и двухъ орудій, но съ устройствомъ постовъ и военныхъ поселеній по всей дорогѣ, тогда уже ѣздили просто, но все же необходимо было оружіе, ибо и тогда еще случались частные случаи нападенія.

По дорогѣ до Владикавказа, мы останавливались въ казачьихъ домахъ, гдѣ намъ отводили квартиры. Первая станица Пришибная, далѣе Урюкская и за нею Николаевская. На пути къ Урюку, на другомъ берегу Терека, видѣлись развалины башни, какъ намъ сказали, древняго города Джулета. Николаевская станица была прежде военнымъ поселеніемъ и въ томъ году, когда мы проѣзжали, поселенцы были обращены въ казаковъ и причислены къ Владикавказскому казачьему полку. Кажется, года за два до 1840 года они были поселены на этомъ мѣстѣ. Мѣстоположеніе селенія безподобное, на высокой горѣ, оно окружено роскошной растительностью, съ тремя предестными кристалльными горными рѣчками. И однакожь, не смотря на это, климатъ для переселенцевъ оказался столь губительнымъ, что болѣе половины ихъ погибло, половина же, оставшаяся въ жи-

выхъ, была похожа на мертвецовъ, такъ они были блѣдны и худы. На слѣдующій годъ, хотя смертность и продолжалась, но потомъ уменьшилась и остатокъ уже примирился съ несчастною мѣстностью.

По дорогѣ къ Никольской станицѣ встрѣчается такое множество магометанскихъ кладбищъ съ каменными памятниками и курганами, что невольно наводитъ на мысль о значительномъ населеніи, здѣсь обитавшемъ. Одинъ господинъ, какъ намъ рассказывали, изъ любопытства началъ раскопку одного изъ нихъ, надѣясь найти что нибудь интересное, но всѣ жители удержали его, сказавъ, что это кладбище погибшихъ отъ чумы, здѣсь не такъ давно свирѣпствовавшей, которая только и помогла намъ покорить кабарду большую и малую, уже опустошенныхъ моромъ и еслибъ раскопать эти могилы, то чума могла бы снова распространиться. На этой же дорогѣ встрѣчается Минаретскій постъ, гдѣ прежде былъ военный госпиталь. Названіе свое онъ получилъ отъ высокаго минарета прелестной арабской архитектуры. Это высокая круглая башня, съ спиральною лѣстницею, внутри которой музины восходили на галлерею, и призывали на молитву правовѣрныхъ. Отъ галлереи башня еще поднималась на большую высоту, но, къ сожалѣнію, эта часть была разрушена русскими ядрами по приказанію какого-то вандаля въ маюрскомъ чинѣ. По рассказамъ туземцевъ, этотъ минаретъ и другія развалины были остатками города Татартука. Безчисленное множество подписей по стѣнамъ минарета показываютъ, что всѣ проѣзжавшіе здѣсь непременно посѣщали эту башню. Она точно стоитъ здѣсь какъ бы стражемъ, охраняющимъ прелестныя горныя долины. Отсюда горный крикъ, называемый Дигорскимъ мысомъ, почти упирается въ Терекъ и почти заслоняетъ дорогу, которая огибаетъ его по самому берегу Терека, довольно широкаго тутъ и тихаго. Проѣзжая подъ этой горой, почти отвѣсно возвышающейся, вправо, въ этотъ узкій проходъ дорога постепенно идетъ въ гору почти до самаго Николаевского поселенія. Затѣмъ горы раздвигаются, удаляясь отъ Терека, и составляя отроги, которые служатъ ступенью великаго хребта, гдѣ владычествуетъ Казбекъ, по грузински Мзинвари, и другіе соединяются съ кабардинскими возвышенностями, составляющими первую ступень отъ востока къ западу, гдѣ уже владычествуетъ Эльбурсъ за Кубанью.

Отъ Минарета начинается чудная растительность этого благовоннаго края. На роскошныхъ пастбищахъ пасутся многочисленные стада рогатаго скота и табуны лошадей. Окрестныя горы одѣты богатымъ строевымъ лѣсомъ, и потому называются черными; по берегу Терека и другимъ небольшимъ свѣтлымъ рѣчкамъ и ручьямъ живописно раскинуты аулы осетинъ, карабулаковъ, а по дорогѣ непре-

рывно тянутся обозы арбъ, запряженныхъ волами и буйволами, которыхъ тутъ множество. Это большая дорога въ Тифлисъ и изъ Тифлиса, но тогда еще обозы доходили только до Владикавказа, а далѣе горнымъ ущельемъ слѣдовали на выюкахъ, смотря по времени года. Впрочемъ дорога уже была разработана, хотя мѣстами еще не была додѣлана и работа продолжалась.

До Николаевского поселенія пасмурная погода постоянно скрывала отъ насъ снѣговой хребетъ, который появлялся только изрѣдко между облаками. Неопытный глазъ съ трудомъ различаетъ отъ облаковъ эти воздушныя вершины, и только когда мы подъѣзжали къ селенію, хребетъ открылся передъ нами во всемъ своемъ величіи. Въ первый еще разъ мы его увидѣли ясно, такъ какъ облака или тучи разсѣялись. Какая-то мечтательность овладѣваетъ воображеніемъ, когда смотришь на этихъ гигантовъ, подпирающихъ небеса. Кажется, что будто съ этихъ вершинъ, озаренныхъ въ эту минуту заходящимъ солнцемъ и облитыхъ золотомъ, одинъ шагъ въ ту свѣтлую страну, куда стремится душа человѣка. Кажется, что эта видимая близость къ небесамъ и имъ придаетъ что-то неземное, но когда взойдетъ человѣкъ на эти заоблачныя вершины, тогда только онъ увидитъ, что высота небесъ также неизмѣримо-безпредѣльна какъ для нихъ, такъ и для насъ, странствующихъ въ этой юдоли. Такъ-то, поистинѣ, ничтожно все земное величіе и вся гордость мудрецовъ міра, которые, роаясь въ грязи матеріи, и открывая ея законы, не хотятъ видѣть, что самые законы этой матеріи болѣе всего указываютъ на недостижимую высоту, вѣчно стоящую надъ вершинами человѣческаго знанія.

По дорогѣ между Екатериноградомъ и Владикавказомъ надо переѣзжать множество горныхъ потоковъ, которые тихи и скромны въ обыкновенное время, но страшны и свирѣпы во время дождей и вешняго таянія снѣговъ. Изъ всѣхъ переправъ, тогда была самая опасная черезъ рѣку Бѣлую подъ самой Николаевской станицей. Эта рѣка сама по себѣ небольшая, тиха и не очень глубока въ сухое время, но намъ пришлось переѣзжать ее весною, когда она дѣлается проѣздною только утромъ, когда таянія горныхъ снѣговъ еще не началось, вчерашняя вода уже сбѣжала, а ночной холодъ въ горахъ остановилъ таяніе; но послѣ полудня уже нельзя проѣхать въ бродѣ. Мы передъ вечеромъ спустились къ рѣкѣ за версту до самой переправы; но вотъ приближается мѣсто поворота черезъ рѣку; глубина увеличивается, тѣлѣга погружается болѣе и болѣе, наполняется водою; вся масса бѣшеной рѣки ударяетъ въ бокъ тѣлѣги; въ глазахъ рябитъ, лошади какъ будто впередъ не подвигаются, а ка-

жется, что ихъ самихъ мчитъ рѣка съ ужасающею быстротою, тѣлѣга то поднимается на камни, то опускается снова и брызгами обдастъ какъ проливнымъ дождемъ; тянется время безконечно; на воду нельзя смотрѣть, чтобъ не закружилась голова; но вотъ наконецъ высокій противоположный берегъ близится, глубина уменьшается. Ускоренное біеніе сердца утихаетъ и отрадный вздохъ облегчаетъ грудь.

Черезъ рѣку Бѣлую давно уже было предположено устроить мостъ и привезенные большіе камни давно лежатъ на берегу, но почему то онъ все не строится. Командовавшій войсками генералъ Гурко, однажды, тоже подвергался опасности на этой переправѣ, и помнится, что у него были утоплены чемоданы. Потомъ уже съ пріѣздомъ графа Воронцова, мостъ былъ, кажется, построенъ и, значить, путешественники избавились отъ этой страшной переправы.

Изъ Николаевска мы переѣхали ст. Ардонъ, гдѣ находится штабъ-квартира Владикавказскаго полка. Владикавказскій полкъ состоялъ весь изъ малоросіянъ. Казаки еще донашивали свои малороссійскіе казацкіе кафтаны, но когда были причислены къ линейному каз. войску, то стали носить обыкновенныя линейскія черкески. Женщины еще сохраняли тогда одежду малороссійскую. Казаки вообще живутъ очень опрятно и въ довольствѣ. Обиліе земли, плодородная почва, прекрасный климатъ, частые дожди, снабжаемые сосѣдними горами и лѣсами—все это вмѣстѣ дѣлаетъ здѣсь жизнь очень пріятною и льготною. Не смотря на то, любовь къ родинѣ такъ сильна въ нихъ, что всѣ они мечтаютъ о возвращеніи на родину. Полкъ этотъ былъ сформированъ патріотическимъ усердіемъ малороссійскаго дворянства для польской войны, а по окончаніи оной неожиданно былъ отправленъ на Кавказъ. Бывшіе женатыми соединились здѣсь со своими семействами, которыя были присланы на счетъ правительства. Холостые тогда еще не женились, нарочно надѣясь по истеченіи 15-ти лѣтняго срока возвратиться на родину, а въ случаѣ женитьбы они должны были оставаться навсегда въ кавказскомъ линейномъ войскѣ. Эти свѣдѣнія намъ передавали тогда сами казаки.

На послѣдней къ Владикавказу станицѣ отъ станицы Архонтской, пошелъ дождь и послышались отдаленные раскаты грома, который усиливался по мѣрѣ приближенія нашего къ горамъ. Мы успѣли пріѣхать въ Владикавказъ не сильно промоченные, но только что въѣхали на дворъ заѣзжаго дома и заняли отведенную намъ комнату, какъ гроза съ дождемъ разразилась во всей силѣ. Нѣтъ ничего величественнѣе, какъ гроза во Владикавказѣ. Каждый ударъ грома повторяется безконечными отголосками въ сосѣднихъ горахъ и ущельяхъ, и гулъ не умолкаетъ. Видишь молнію, разсѣкшую воздухъ въ гроз-

номъ блескъ, а отличить слѣдующій за нею ударъ можно только по новому гулу, усиленному новыми басовыми акордами. Музыка достойна этихъ гигантовъ, вершинъ которыхъ не достигають и самыя молніи! Когда гроза проходитъ и тучи разрываются, роскошныя воздушныя ткани гирляндами опоясываютъ ихъ станъ и тогда представляется взору восхитительная картина: открывается заоблачное чело этихъ гигантовъ, блестящая бѣлизна ихъ вершинъ, а у подошвы раскинуты аулы, съ бѣлыми саклями, осѣненными группою роскошныхъ деревьевъ.

ГЛАВА XIX.

Владикавказъ и Тифлисъ.

Крѣпость Владикавказъ составляетъ ключъ къ горному проходу въ Грузію и за Кавказъ. Онъ имѣетъ обширный форштатъ, съ нѣсколькими правильными и широкими улицами, красивыми домами и садами почти при каждомъ домѣ, большую площадь съ соборомъ посрединѣ, общественный садъ и бульваръ по берегу шумнаго Терека. Сверхъ собора была грузинская и полковая церковь, обширный гостинный дворъ, значительная торговля, что придавало ему видъ оживленнаго города и указывало на то, что онъ будетъ современнымъ, что и осуществилось въ настоящее время. Тутъ была прекрасная каменная гостинница, въ которой былъ залъ благороднаго собранія, гдѣ собиралось большое общество и были оживленные танцы. Площадь обстроена большими домами красивой архитектуры съ большими окнами и балконами, откуда открывались во всѣ стороны самыя прелестныя виды. Къ сѣверу разстилалась обширная равнина, обставленная къ западу черными осетинскими горами, у подошвы которыхъ и на высотахъ виднѣлись частныя осетинскія аулы. Къ востоку Галаховскія горы, гдѣ въ 7-ми верстахъ отъ крѣпости обитало Галаховское враждебное и весьма воинственное племя. Эти горы, своими мрачными лѣсами и утесами, напоминали воображенію красоту Хищническихъ горъ, о которыхъ упоминается въ псалмахъ. Къ югу возвышается снѣговой хребетъ, увѣнчанный Двухъ-главымъ Казбекомъ. На нижнихъ ступеняхъ хребта и тутъ также расположены были осетинскіе и карабулакскіе аулы.

Во Владикавказѣ мы провели одинъ день, запаслись провизіей и на другой день поѣхали въ Тифлисъ, куда дорога идетъ Тагаурскимъ ущельемъ. До самаго ущелья верстъ 7-мъ дорога ровная, а

на 7-й верстѣ поднимались въ гору по узкой дорогѣ; одна слабая ограда отдѣляетъ отъ обрыва. Внизу Терекъ до сихъ поръ еще не очень быстрый. Отсюда начинается уже замѣтное возвышеніе его русла, гдѣ быстрота его становится водопадною. Постоянный ревъ его такъ силенъ, что надо кричать у самого уха, чтобы быть услышаннымъ. На 13-й верстѣ стоялъ Балтинскій постъ, состоящій изъ редута и нѣсколькихъ землянокъ для солдатъ. Выше выглядываютъ осетинскіе аулы и возлѣ небольшой замокъ съ круглыми башнями дома Дударовыхъ.

Около Балты Терекъ бѣжитъ по довольно просторной долинѣ и тутъ у осетинъ устроено нѣсколько небольшихъ плавучихъ мельницъ съ колесами на водѣ, движущимися силою быстрого теченія. Отсюда ущелье суживается и нѣкоторое разстояніе дороги идетъ искривленною линіей сквозь толщу скалы, взорванной порохомъ надъ пропастью. Затѣмъ дорога опять идетъ по расширяющейся долинѣ, ровная какъ шоссе, до самого Ларса. Тутъ уже Терекъ суживается и бѣлой пѣной мчится съ ужасной быстротой и оглушительнымъ ревомъ. Тутъ снова показываются свѣжныя вершины главнаго хребта. Влѣво ущелье, называемое Маханданъ, на полугорѣ котораго стоялъ замокъ Джерахскаго владѣльца и живописно раскинутый аулъ. На другой сторонѣ ущелья возвышается другой замокъ у рѣчки Чси, замокъ, называемый Кайтухана, у котораго нашъ постъ и пушки, направленные въ Жирахское ущелье. Въ Ларсѣ замокъ съ сторожевою башнею, тоже Дударова офицера нашей арміи, который живетъ тутъ. Въ обстановкѣ его жизни было кое-что европейское, какъ-то: мебель, убранство комнатъ, гостепріимное угощеніе и въ то же время магометанское, какъ-то: неизбѣжный гаремъ. Въ Ларсѣ стояла гарнизонъ рота линейнаго батальона. Тутъ выстроены казармы съ бойницами, нѣсколько каменныхъ саклей, въ которыхъ помѣщаются женатые солдаты. Нѣсколько орудій были направлены по ущелью, откуда могъ пробраться коварный врагъ. Домъ коменданта или военнаго начальника смотрѣлъ уютно, какъ убѣжище, скрытое въ глубинѣ гигантовъ, надъ нимъ воздымающихъ свои вершины. Въ противоположность этой грозной и мрачной обстановкѣ, для смягченія этой картины, глазъ пріятно пораженъ видомъ знакомаго европейскаго костюма дамъ, гуляющихъ по склонамъ этихъ великановъ, среди изумрудной зелени, подъ сѣнью огромныхъ орѣшниковъ. Тутъ ужъ я позавидовалъ этимъ уединеннымъ воинамъ, обитающимъ въ такихъ очаровательныхъ мѣстахъ, гдѣ кажется можно проводить цѣлые дни въ созерцаніи чудныхъ красотъ природы и особенно, если можно подѣлиться ощущеніями съ доброй, нѣжной и еще хорошенькой женой.

Правда, что здѣсь потребуется отъ женщины много самоотверженія и мужества, ибо могутъ случиться не безопасныя набѣги хищниковъ. Во время нашего проѣзда тутъ опасности не было, но въ прошлое же вторженіе Шамиля, Ларсъ подверглся нападенію одной изъ отдѣльныхъ его партій. Но есть еще опасный врагъ въ этихъ мѣстностяхъ, это горныя снѣжныя лавины. Случалось, что поселеніе засыпалось ими, и разрушались дома, которые потомъ вновь выстраивались изъ тѣхъ же камней, отодвигаясь нѣсколько отъ прежняго мѣста. Но красота всего этого ущелья, его чудное величіе такъ поразительны, что можно пренебречь всѣми опасностями, ради того наслажденія, которое чувствуешь въ душѣ. Тутъ на каждомъ шагу новая картина, одна другой лучше, такъ что вся дорога въ горахъ, отъ начала до конца, есть непрерывный рядъ восторговъ для любителя природы.

За Ларсомъ ущелье болѣе суживается. На этой дорогѣ лежитъ такой огромной величины камень, что недоумѣваешь, откуда могъ онъ быть сброшенъ, такъ какъ около этого мѣста горы не представляютъ ничего такого, чтобы указывало на причину его присутствія здѣсь. Далѣе отъ этого мѣста дорога идетъ снова подъ навислыми скалами. Иногда приходилось проѣзжать подъ такою навѣсною скалою, которая, казалось, держится одной жилкой и кажется ожидаетъ вашего проѣзда, чтобы обрушиться. Терекъ бушуетъ и реветъ неистово. Тутъ переѣзжаютъ черезъ него на правую его сторону по каменному и очень прочному мосту, а чрезъ нѣкоторое разстояніе по другому такому же мосту опять на лѣвую. По всему этому пути встрѣчаются землянки для солдатъ рабочихъ ротъ. Дорога или вновь прокладывается ими или поправляются испорченныя мѣста. Вся эта мѣстность до Даріала, поистинѣ, поразительна картинами страшнаго величія и въ то же время разрушенія. Тутъ скалы и утесы, набросанные одни на другіе, огромностью своею и хаотическимъ безпорядкомъ превосходятъ всѣ другія мѣста. Вокругъ всюду лежатъ огромныя обломки, безмолвные свидѣтели гигантской борьбы. Высота горъ громадна, облака не дерзаютъ касаться ихъ вершинъ, солнце появляется на какой нибудь часъ и потомъ снова мракъ ночи, среди которой утесы представляются какъ бы тѣнями осужденныхъ языческаго тартара, на вѣчное заключеніе въ этомъ мѣстѣ мрака и смерти; ревъ Терека—это ихъ дикій вопль отчаянія.

Здѣсь лошади почтовые превосходны, ѣдешь по какому-то заключенному пространству, кругомъ гигантскія стѣны, подѣзжаешь вплотъ и все еще передъ вами ограда, дѣсящая небесъ, но только что хочешь убѣдиться въ томъ, что нѣтъ проѣзда, вдругъ глазъ усматриваетъ издали что то похожее на лазейку, куда надо, кажется, про-

дѣзать съ усиленіемъ—но, къ удивленію, лошади скачутъ также быстро, стѣна раздвигается и снова цвѣты и деревья, растущія въ расщелинахъ, привѣтствуютъ васъ. По третьему мосту снова переѣзжаютъ на другую сторону до Дарьяла.

Дарьяльское ущелье, которое на пути къ станціи Казбеку, замѣчательно на мои глаза тѣми же хаотически набросанными камнями и утесами; но исторически оно знаменито своимъ древнимъ замкомъ или, лучше сказать, его развалинами, стоявшими еще во время нашего проѣзда. Преданіе или легенда говорятъ, что это былъ замокъ царицы Дарьи, бравшей дань съ проходящихъ мимо товаровъ. Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь проходила чрезъ ущелье знаменитая стѣна, подъ которой пробѣгалъ Терекъ. Все это дѣло археологовъ, я же описываю только то, что видѣлъ самъ и именно, что на этомъ мѣстѣ видѣлись развалины и что еще тогда были видны ступени лѣстницы, высѣченной въ скалѣ, по которой спускались къ Тереку за водой по закрытому прежде ходу. Отъ Дарьяла до Казбека девять верстъ. На этой дорогѣ переѣзжаютъ мостъ черезъ рѣчку Кистинку. Эта дорога такая же ужасная какъ и во всемъ ущельѣ, всюду хаосъ: то проѣзжаешь по узенькой дорожкѣ, надъ ужасающею пропастью, на днѣ которой Терекъ свирѣпѣетъ какъ разъяренный звѣрь; или снова проѣзжаешь подъ навислыми скалами, изъ которыхъ одна, упавши, конечно обратила бы (расплюснула) экипажъ, сѣдоковъ и лошадей въ какой нибудь листъ бумаги. Но за то на этомъ разстояніи наслаждаешься всеми сильными ощущеніями. Тутъ и страхъ, и изумленіе, и восторгъ и сверхъ того чувство отрадное, когда глазъ вдругъ встрѣчаетъ на высотѣ прелестную живописную кистинскую Гумтъ. Но это только пріятный и короткий отдыхъ, потому что тотчасъ же снова ѣдешь надъ пропастями, та же дикость, тѣ же препятствія и опасности. Иногда поднимаешься въ гору по крутизнѣ сажень полтора, потомъ столько же спуска, а на 8-й верстѣ взбираешься еще выше, а вправо все тотъ же бѣшеный Терекъ со своимъ неумолкающимъ ревомъ. Тутъ снѣжныя вершины показываются сзади, а впереди открываются развалины Цвекляура. Подъѣзжая къ станціи, еще подъемъ на крутую высоту, гдѣ обдаетъ то холодомъ, то тепломъ и по отлогой горной дорогѣ спускаешься къ станціи.

Не доѣзжая станціи, переѣхали такъ называемую бѣшенную Баму, гдѣ Терекъ во время таянія снѣговъ или сильныхъ дождей мчитъ за собой цѣлыя массы камня и разрушаетъ все встрѣчающееся на пути. Подъѣзжая къ станціи вправо открывается тотъ исполинъ, видѣнный уже болѣе нежели за 200 верстъ разстоянія. Онъ имѣетъ двѣ вершины, одна нѣсколько ниже другой. Величіе его порази-

тельно. Вѣчные снѣга составляютъ непроницаемый покровъ его. Облака одѣваютъ только станъ его, никогда не досягая вершинъ. Онъ здѣсь истинный владыка Кавказскаго хребта, который предъ нимъ смиряется. По всѣмъ вѣроятностямъ, нѣкогда онъ извергалъ пламя; въ горахъ находятъ много признаковъ лавы и много находится горнаго хрусталя. Нынче вмѣсто лавы каждые 7 лѣтъ съ вершинъ Казбека скатываются снѣжныя массы или лавины, называемыя здѣсь завалами, которые часто совершенно преграждаютъ дорогу и запружаютъ Терекъ. Мы проѣзжали послѣ одного изъ такихъ заваловъ, по огромнымъ снѣжнымъ толщамъ, гдѣ подъ ихъ сводами бушевалъ Терекъ, прорвавшій себѣ дорогу. Кажется, при этомъ завалѣ погибло семейство одного маіора, имъ внезапно застигнутое.

Влѣво по прелестной долинѣ разстилается грузинская деревня Горчеты, а на вершинѣ черной горы виднѣтся церковь во имя Пресвятой Троицы и монастырь, построенный царицей Тамарой еще въ XII-мъ столѣтіи. Зданіе давно уже опустѣло, но три раза въ году сюда стекаются поклонники и богомольцы и совершается богослуженіе.

Деревня Казбекъ расположена очень тѣсно. Всѣ строенія изъ шиферныхъ или аспидныхъ плитъ. Домъ владѣльца генерала Казбека обнесенъ каменной стѣной, передъ домомъ церковь, гдѣ подъ колокольней покоится его прахъ; за церковью заѣзжій домъ, куда и примчали насъ кони.

Всѣ эти заѣзжіе дома по Тифлиской дорогѣ называются дворцами, потому что, выстроенные и устроенные для проѣзда государя, очень хороши. Вездѣ большія комнаты съ хорошою мебелью и зеркалами и покойными диванами. Тутъ у открытаго окна мы расположились пить чай, не спуская глазъ съ чернаго Казбека, освѣщаемаго заходящимъ солнцемъ, котораго вершина горитъ еще долго послѣ наступленія сумерекъ. Когда мы пустились въ путь къ станціи Коби, уже стало совершенно темно, во многихъ селеніяхъ по ущельямъ и высотамъ зажглись огоньки, что при такой дикой мѣстности, гдѣ на каждомъ шагу утесы, обрывы, пропасти и слышанъ одинъ только ревъ кипящей рѣки подъ ногами, огоньки эти чрезвычайно отрадны. Мысль уносится и проникаетъ въ эти освѣщенные пріюты мирныхъ семействъ; воображеніе рисуетъ группы мужчинъ съ восточными загорѣлыми лицами, прелестныхъ женщинъ съ черными, какъ смоль, волосами, съ сіяющими черными глазами, въ ихъ живописномъ костюмѣ съ откинутыми чадрами за работой, красивыхъ дѣтей и проч. Но въ дѣйствительности, когда намъ случалось посѣщать, эти жилища были не такъ привлекательны, такъ какъ бѣдность, неопрятность съ перваго же раза кололи глаза, хотя типы отъ этого не были хуже, а

можетъ были и лучше воображаемыхъ. Но все же въ этихъ освѣщенныхъ прилѣпленныхъ къ скалѣ жилищахъ дѣйствительно живутъ люди, и наслаждаются жизнью, какая выпала на ихъ долю, и наслаждаются не менѣе нашего; вѣрно то, что и тутъ бьются сердца радостью и любовью, что и тутъ тѣ же человѣческія страсти и желанія, мученія и отрада—словомъ та же, только въ различныхъ формахъ, жизнь сыновъ человѣческихъ, разбѣянныхъ по лицу земли для одной и той же цѣли жить, трудиться, печалиться, радоваться, любить, ждать и надѣяться, что послѣ этой жизни наступитъ другая, вѣчно богатая и радостная.

При выѣздѣ изъ Казбека версты на двѣ встрѣчаются развалины замковъ и башенъ, что показываетъ, что нѣкогда тутъ было густое населеніе. И тогда еще отъ Казбека до Коби ущелья были очень заселены. По обѣимъ сторонамъ Казбека живутъ два племени: осетины по правую сторону, а по лѣвую гудотавры, занимающіе обширныя пространства хребта по р. Спотекали. Отъ Казбека ущелье расширяется; за нѣсколько верстъ за рѣчкой Спотекали встрѣчаются одна за другой шесть деревень, а на 9-й верстѣ на горѣ стоитъ г. Сіонъ. Около него видны стѣны, большая церковь, нѣсколько грузинскихъ домовъ и сторожевая башня надъ самой кручей. Сколько прелести и сколько интереса въ этихъ безмолвныхъ памятникахъ минувшихъ временъ, когда и здѣсь все кипѣло жизнью, дѣятельностью и обыкновенною жизненною суетою. Смотря по многимъ развалинамъ повсюду, здѣсь было густое населеніе, потому что необходимы были и руки, и капиталы, и искусства, чтобъ вознести цѣлые города на такія высоты. Кажется, что общаго между протекшимъ и настоящимъ? И однакожъ, какъ сильно интересуется мыслящаго человѣка судьба прошедшихъ поколеній! Особенно въ Грузіи, гдѣ такъ много памятниковъ глубокой древности, этотъ интересъ особенно силенъ. Грузинскій народъ занимаетъ именно то мѣсто въ нашемъ старомъ свѣтѣ, гдѣ, какъ въ ворота, проходили безчисленные народы изъ Азіи въ Европу. Что долженъ былъ испытывать въ разное время этотъ народъ, что бы удержаться въ своей прекрасной странѣ? Сколько событій проходило передъ нимъ, сколько кровавыхъ битвъ онъ долженъ былъ выдержать! Какіе роды и семьи жили въ этихъ жилищахъ на Сіонѣ? Что волновало и улаждало ихъ жизнь, на этихъ подбоячныхъ высотахъ? Восхищались ли они чудной картиной, разстилавшейся подъ ихъ ногами? Что наблюдали стражи на этой сторожевой башнѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что выборъ неприступныхъ мѣстъ для жительства, эта башня и крѣпость говорятъ ясно о непрерывныхъ опасностяхъ тѣхъ временъ. Опасности и битвы должны были питать любовь къ родинѣ.

святинѣ, воспитывать воинскую доблесть и мужество. Этотъ народъ доселѣ сохранилъ во всей чистотѣ, среди всѣхъ превратностей и мученическихъ страданій, свою православную апостольскую церковь, тогда какъ другіе изъ народовъ этихъ горъ стали отверженцами и измѣнниками Христу Богу, ставъ грубыми магометанами. Если же этотъ народъ былъ такъ мужественъ и твердъ, то женщины его, возраставшія и выкормившія своею грудью этихъ борцовъ, должны были быть на той же высотѣ своими качествами, своими женскими добродѣтелями, материнскою и супружескою любовью, такъ какъ воспитаніе этого народа совершалось здѣсь въ этихъ родныхъ горахъ, подъ роднымъ кровомъ. Вотъ гдѣ обширное поприще для даровитаго романиста-археолога.

Отъ станціи Коби дорога возвышается до самаго перевала черезъ хребетъ. Эта послѣдняя гора называется Крестовою по огромному каменному кресту, воздвигнутому здѣсь генераломъ Ермоловымъ и тогда стоявшему.

Мы переѣзжали Крестовую гору въ исходѣ мая и тутъ еще была зима и огромныя массы снѣга только что начинали таять. Нѣсколько ниже вершины по ту и другую сторону началась весна; трава только что покрыла землю, а хлѣба только что выходили, тогда какъ внизу у Владикавказа было лѣто въ полномъ развитіи. Какъ подъѣдешь такъ и спускъ имѣетъ нѣсколько станцій: Пасанауръ, Камануръ и наконецъ Анауръ, гдѣ находится штабъ-квартира 1-го грузинскаго линейнаго батальона.

Въ горахъ видно много древнихъ обителей, которыхъ основаніе восходитъ къ самымъ первоначальнымъ временамъ обращенія въ христіанство Грузіи. Всѣ эти монастыри, не смотря на свое настоящее запустѣніе, посѣщаются въ извѣстные праздники безчисленными богомольцами. Намъ случилось объѣхать одну такую толпу богомольцевъ. Возлѣ свѣтлаго горнаго ключа, свѣтлою и густою струею бьющаго изъ горы, расположилась самая живописная группа мушницъ, женщинъ, дѣвицъ и дѣтей въ праздничныхъ разноцвѣтныхъ одеждахъ. Тутъ были и сѣдые старцы, и дѣти, играющія по земной муравѣ, и предестныя женщины съ отброшенными назадъ чадрами. Одни отдыхали, собирались съ силами, тогда какъ другіе вереницами поднимались въ гору на такой высотѣ, что казались болѣе муравьями, нежели людьми.

Подъемъ на Крестовую гору простирается версты на четыре. Отъ креста начинается спускъ мѣстами очень крутой. Дорога высѣчена на краю обрыва по одному боку Год-горы на страшной высотѣ въ двѣ сажени ширины. Съ лѣва отвѣсная стѣна, отъ которой гора

возвышается до вершины. Тонкія периды ограждаютъ отъ обрыва. Если достаетъ смѣлости, чтобы взглянуть въ эту пропасть, я думаю до 600 сажень глубины, то восхищенному взору представится нижняя ступень хребта Гудовскаго ущелья, на днѣ котораго по нижнимъ уступамъ горъ виднѣются столѣтніе дубы и орѣшники, сквозь гиганскія вѣтви которыхъ проглядываютъ замки съ башнями. Еще ниже, какъ муравейники, раскинуты грузинскія селенія, утопающія, такъ сказать, въ самой роскошной растительности и между ними свѣтится Арагва, пропадающая у подошвы и вытекающая изъ горъ, свѣтлою серебряною нитью.

Здѣсь начинается спускъ съ вершины версты четыре и потомъ по ровной дорогѣ до Кошаура. Изъ Кошаура опять спускаются подъ гору тоже версты четыре въ долину Арагвы. Эта кроткая и предѣстная сестра Терека бѣжитъ тутъ по чѣдной восхитительной долинѣ Грузіи. По обѣимъ сторонамъ также высятся горы, но долина между ними очень обширна и она, свѣтлая и голубая какъ небо ея родины, граціозно катитъ свои воды между цвѣтущими лугами и полями, гдѣ пшеницы уже въ колосу и миндаль въ цвѣту. Кой гдѣ въ уступахъ горъ видны пещеры, въ которыхъ жили нѣкогда святые пустынники, а можетъ быть живутъ и теперь, такъ какъ глубокое религиозное чувство и животворную вѣру хранить вся Грузія.

Отъ Кашаура до Пасанаура 19 верстъ. Это укрѣпленный постъ со рвомъ, валомъ, казармами и домомъ воинскаго начальника, какъ и всѣ другіе посты, съ неизбѣжной лавкой духанчика, гдѣ можно купить все, что нужно. Отъ Пасанаура дорога идетъ по той же долинѣ до Анаура. Тутъ ущелье суживается и снова приходится проѣзжать подъ навѣсомъ скалъ, но дорога вообще хороша и вездѣ живописные виды. На 14-й или 15-й верстѣ горы по обѣимъ сторонамъ понижаются и вправо открывается замокъ съ монастыремъ.

Анауръ древній городъ. Замокъ окруженъ толстыми стѣнами, расположенными по поду горъ. Народонаселеніе города очень небольшое. Тутъ была штабъ-квартира 1-го грузинскаго линейнаго батальона. Отсюда дорога идетъ черезъ рѣчку Аркану, впадающую въ Арагву, которая остается вправо и потомъ поднимается на небольшую гору между кустарникомъ. Подъемъ однакожъ продолжается, хотя и не круто, верстъ 6 или 7, и затѣмъ спускается къ г. Душету. Вся эта дорога идетъ между грузинскими пашнями. Тутъ мы остановились и разсматривали грузинскій плугъ и грузинскую пахоту. Плугъ, огромнаго размѣра, былъ запряженъ 8-мью парами воловъ и буйволовъ, на каждый паръ мальчикъ, а передъ всею упряжью передъ волами шелъ передовой и направлялъ шествіе, а плугомъ управляли

двое. Это примѣчательное орудіе отваливаетъ огромнаго размѣра пласты, а борозда, имъ проводимая, скорѣе походила на канаву, нежели на борозду. Не менѣе того грузины считаютъ такую глубину необходимою какъ по тяжелой глинистой почвѣ, такъ и потому, что глубоко залежшія сѣмена болѣе сохраняются отъ палящихъ лучей грузинскаго солнца. Насъ, какъ землевладѣльцевъ и еще недавнихъ фермеровъ, очень занимала эта пахота.

Въ Душетъ мы спустились около полудня. Это довольно порядочный городокъ, также съ крѣпостью. Всѣ строенія каменные и довольно красивыя. Площадь обстроена множествомъ лавокъ. Этотъ признакъ обширной торговли въ Кавказскихъ городахъ, для пріѣзжаго изъ Россіи, гдѣ въ маленькихъ городахъ увидишь весьма не много лавокъ, поражаетъ. Но надо вспомнить, что на Кавказѣ вся торговля въ рукахъ армянъ, самаго торговаго, дѣятельнаго и способнаго племени. Мы пріѣхали прямо въ заѣзжій домъ, съ большими, опрятными комнатами, хорошею мебелью и зеркалами. Передъ окномъ напей комнаты, гдѣ мы помѣстились, и по обѣ стороны крыльца, роскошно цвѣли огромные кусты розъ, усыпанные крупными благоуханными розами, разливавшими свой ароматъ въ воздухъ и по всѣмъ комнатамъ. Здѣсь намъ пришлось пробыть болѣе двухъ дней, такъ какъ всѣ почтовые лошади были сняты подъ корпуснаго командира Головина, возвращавшагося изъ редута Кале въ Тифлисъ. Впрочемъ мы этимъ замедленіемъ были очень довольны. Сюда же пріѣхали и также остановились съ нами маіоръ Ершовъ, Николай Ивановичъ, и князь Лобановъ-Ростовскій, который кончилъ курсъ въ университетѣ, ѣхалъ поступить въ военную службу, вполнѣдствіи флигель-адъютантъ и зять фельдмаршала Паскевича. Оба наши спутники были люди очень пріятные и умные собесѣдники; приходили также къ намъ нѣкоторые офицеры, мѣстный докторъ, и все это время мы провели очень пріятно. Вечеромъ, гуляли и встрѣтивъ все Душетское общество изъ дамъ и мужчинъ, присоединились къ нему, такъ какъ съ нѣкоторыми уже познакомились при ихъ посѣщеніи. Между гуляющими было нѣсколько прелестныхъ дамскихъ личекъ.

Изъ Душета мы выѣхали мимо гигантскихъ орѣшниковъ черезъ рѣчку Душетку и поднялись въ гору, потомъ спустились въ деревню, гдѣ было множество виноградниковъ и на 7-й верстѣ спустились къ Арагвѣ и потомъ кустарниками пріѣхали въ Гарцискарь. Изъ Гарцискара снова поднимаются въ гору по правую сторону Арагвы, а на второй верстѣ поворачиваютъ вправо подъ обрывъ берега, идущаго гранитною стѣною и тутъ влѣво отъ впаденія Арагвы въ Куръ открываются развалины Мцхета, нѣкогда столицы Грузіи.

По преданію, Мцхетъ восходитъ до временъ самыхъ отдаленныхъ, построенъ онъ Мцхетомъ, сыномъ Картулка, родоначальникомъ грузинъ, по имени котораго онъ донинѣ называется Картулка; самъ Картула считается ближайшимъ потомкомъ Ноя. Извѣстно то, что Мцхетъ во времена Александра Македонскаго уже былъ цвѣтущимъ городомъ.

Нынѣшній соборъ построенъ въ XV вѣкѣ, но на этомъ мѣстѣ первая христіанская церковь, деревянная, была построена царемъ Иберіи Маріаномъ, первымъ принявшимъ христіанскую вѣру отъ святой равноапостольной Нины. Въмѣсто этой церкви въ половинѣ V-го вѣка построенъ великолѣпный соборъ, потомъ разрушенный землетрясеніемъ, въ исходѣ XIII-го вѣка, вмѣсто котораго въ XV-мъ уже вѣкѣ построенъ нынѣшній соборъ во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Влѣво отъ дороги видна другая церковь, возлѣ которой стоитъ часовня, воздвигнутая, какъ говорятъ, св. Ниной. Упадокъ города Мцхета начался съ начала V-го вѣка, когда царь Дочи перенесъ столицу въ Тифлисъ. Потомъ его раззоряли персіане и онъ остался до сихъ поръ въ развалинахъ. Между тѣмъ онъ имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе и воздухъ гораздо здоровѣе Тифлискаго. Теперь въ Мцхетѣ живетъ до сотни семействъ.

На шестой верстѣ отъ Мцхета виднѣя древній каменный мостъ черезъ Куру, построенный по преданію Помпеемъ, во время преслѣдованія царя Митридата. Отъ моста дорога поворачиваетъ влѣво по берегу Куры, подѣ гранитными стѣнами горы. По ту сторону рѣки довольно густое народонаселеніе. На 10-й верстѣ отъ Мцхета открывается Тифлисъ. Старый городъ въ котловинѣ между высокими горами, его окружающими. По мѣрѣ приближенія, умножаются селенія и повсюду сады и шпалеры съ виноградниками.

Мы вѣхали въ предмѣстіе Тифлиса, по лѣвую сторону Куры, и остановились въ гостинницѣ нѣмца Зальцмана, колониста и пивовара. Домъ прислоненъ къ высокой горѣ и всѣ зданія его постройки идутъ уступами въ гору. Мы заняли двѣ чистенькія комнаты по 1 р. 50 к. въ сутки. Обѣдъ въ трактирѣ у него же очень хорошъ и не дорогъ. Бутылка пива полъ-абоза или 10 к. сер., бутылка краснаго грузинскаго вина очень хорошаго 1 р.; это, разумѣется, только въ гостинницѣ, а въ городѣ не болѣе абоза.

Послѣобѣда и пріятно отдохнувъ послѣ обѣда, мы отправились ходить по городу. Пройдя мостъ черезъ быструю Куру, живописно омывающую каменный Карвандъ Сарай, котораго балконъ возвышается надъ самой пучиной, мы вошли въ грузинскую часть города, гдѣ на площади кипѣла пропасть народа, у безчисленныхъ лавокъ съ зеленью,

плодами, разными съѣстными припасами и дровами. Воду возятъ на ослахъ. Пройдя площадь, мы вошли въ ряды. Надъ каждой лавкой устроенъ навѣсъ отъ солнца и тутъ взору представляется множество азіатскихъ и европейскихъ товаровъ самаго разнообразнаго вида. Пройдя ряды, вошли въ узкія улицы, гдѣ у каждаго дома внизу лавки всѣхъ возможныхъ ремеслъ; и всѣ ремесленники работаютъ на ихъ порогахъ. Тутъ и портныя, и сапожники, и столяры, и слесари, и кузнецы. Все это стучить, пилить по среди безчисленной толпы проходящаго, покупающаго люда, какъ въ «Тысячѣ одной ночи». Съ наступленіемъ темноты лавки освѣщаются и это придаетъ этому средоточію торговли очаровательный видъ Гарунъ-Альрашидскаго города. Семейства послѣ дневнаго жара собираются на галереяхъ, окружающихъ дома, гдѣ преимущественно сидитъ все женское населеніе, такъ что, проходя дома, наверху слышится говоръ тоненькихъ женскихъ голосовъ, воображеніе рисуетъ, конечно, красоту обладательницъ этихъ нѣжныхъ гармоническихъ звуковъ, но къ сожалѣнію сокрытыхъ завистливымъ сумракомъ ночи. При свѣтѣ луны, сіявшей въ полномъ свѣтѣ, можно было впрочемъ разсмотрѣть откинутыя бѣлыя чадра, перехватить блестящій взоръ черныхъ глазъ, но очертаній разсмотрѣть было невозможно и надо было довольствоваться призраккомъ воображенія. Кой гдѣ среди этой очаровательной южной ночи слышались иногда нѣжные звуки голоса пѣвшей какую нибудь монотонную грустную пѣсню.

Барабаны и трубы пробили и проиграли зорю и мы направились въ свою квартиру. За нами долго еще слышался шумъ, говоръ и пѣніе; видѣлись ярко освѣщенныя лавки, но прошли мостъ, на этой сторонѣ рѣки все было тихо и только слышалась музыка въ освѣщенномъ домѣ, гдѣ въ окнахъ мелькали тѣни танцующихъ; мы завернули сюда, втерлись въ толпу, чтобы въ открытыя окна взглянуть поближе на танцующихъ, и затѣмъ вошли къ себѣ и стали пить чай, сидя на галереи, но для этого понадобилось надѣть шинели, такъ какъ тифліскія ночи бываютъ очень прохладны. Чай нашъ на этотъ разъ былъ особенно пріятенъ. Мы купили себѣ превосходнаго турецкаго табаку, который и курили съ чаемъ вмѣсто Ванитоба, съ тѣхъ поръ уже навсегда оставленнаго.

Мимо нашей гостинницы ежедневно проходило множество народа изъ нѣмецкихъ колоній. Въ Тифлисѣ въ 1840 г. было трудно достать хорошихъ сливокъ и бѣлыхъ хлѣбовъ, хотя въ городѣ и были булочники, но посылать туда далеко, да намъ и не кого было и потому прислуга въ гостинницѣ, по нашей просьбѣ, покупала для насъ

превосходныя сливки и хлѣбы отъ колонистовъ, рано утромъ прїѣзжавшихъ въ городъ для распродажи своихъ произведеній.

Сидя на балконѣ мы находили большое удовольствіе наблюдать проходящихъ въ городъ и изъ города. Намъ удивляло какъ могли грузины въ своихъ туфляхъ, съ загнутыми вверхъ носками, огромными каблуками, ходить съ такою легкостью и быстротою. Однажды случилось видѣть всадника, ѣхавшаго рысцою и возлѣ него высокаго грузина пѣшехода, не отстававшаго отъ него ни на одинъ шагъ и въ то же время громко разговаривавшаго съ своимъ товарищемъ. Вотъ и несостоятельность пословицы: пѣшій конному не товарищъ.

Во время нашего пребыванія въ Тифлисѣ мы являлись къ начальнику штаба генералу Кодебу, который принялъ насъ очень любезно, спросилъ въ который полкъ мы желаемъ записаться: здѣсь ли за Кавказомъ или на линіи. Мы пожелали послѣдняго, такъ какъ тамъ были наши товарищи декабристы въ отрядѣ генерала Засса за Кубанью: Мих. Мих. Нарышкинъ, М. А. Назимовъ и Вигелинъ.

Мы пробыли въ Тифлисѣ ровно недѣлю и намъ она показалась за одинъ день: такъ пріятно было намъ здѣсь. На сѣвернаго жителя южный край самъ по себѣ, по своей живительной теплотѣ климата, по своей роскошной растительности, всегда производить сильное и пріятное впечатлѣніе. Въ Тифлисѣ же еще возбуждалъ особенный интересъ самъ городъ съ своею оригинальною восточною фizioноміею, съ пестрымъ населеніемъ всѣхъ возможныхъ восточныхъ народовъ, неисключая поклонниковъ Браммы, съ его оживленною торговлею. Мы съ наслажденіемъ бродили по его узкимъ улицамъ, прислушивались къ говору, всегда очень живому на востокѣ, и восхищались, когда встрѣчали прелестныхъ грузинокъ. Армянки же, напротивъ, производили непріятное впечатлѣніе своимъ похрипѣвшимъ на саванъ костюмомъ. Это просто мумія, вся сверху до низу обернутая въ бѣлую простыню. Лица ихъ, правда, открыты и глазъ часто остановится на прелестныхъ чертахъ, но за то ужасная штукатурка бѣлилъ и румянъ уничтожаетъ всю прелесть. Еще не совсѣмъ пріятная особенность всѣхъ южныхъ странъ—это крикъ осла, который здѣсь часто слышится и который я въ первый разъ слышалъ еще въ Испаніи во время нашего плаванія въ Брестъ и Гибралтаръ.

Но что тогда было превосходно—это Тифлискія бани или, лучше сказать, купальни. Бани или ванны помѣщаются въ зданіи огромнаго протяженія, по обѣ стороны предлиннаго корридора. Каждый отдѣльный номеръ имѣетъ свой каменный бассейнъ съ кранами въ стѣнѣ холодной и горячей минеральной воды. Около стѣнъ широкія лавки, покрытыя чистыми бѣлыми простынями. Эти купанья истинное на-

слаженіе. Здѣсь оцѣ славятся еще искусствомъ своихъ баньщиковъ, которые, говорятъ, расправляютъ всѣ косточки и суставчики, забираясь на лежащаго пациента и прохаживаясь по немъ и ногами, и на колѣнахъ, расправляя руками всѣ члены, чего мы однакоже испытать не пожелали.

Корпусный командиръ генералъ Головинъ еще не пріѣзжалъ и мы, получивъ всѣ нужныя бумаги, отправились въ Ставрополь по назначеніи насъ въ знаменитый Кабардинскій полкъ, находившійся въ Закубанскомъ отрядѣ генерала Засса. Впечатлѣніе, произведенное на меня этой южной столицей Кавказа, до сихъ поръ еще живо въ моемъ воспоминаніи, хотя мы пользовались здѣсь гостепріимствомъ одного только нашего хозяина гостинницы г. Зальцмана и то за свои деньги. Впослѣдствіи, по возвращеніи въ Россію, когда развозили пароходомъ, нами устроенномъ на Волгѣ, армянскіе грузы, мы сдѣлали большее знакомство съ Тифлискими негоціантами, но въ 1840 г. еще никого не знали въ Тифлисѣ.

А. П. Вѣляевъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ РУМЯНЦОВЪ.

Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи и археологіи.

(Очеркъ изъ русской исторіографіи).

I.

Великіе труды французскихъ бенедиктинцевъ и отдѣльных ученыхъ XVII и XVIII вв., по справедливому замѣчанію Грановскаго, блѣднѣютъ передъ подобными предпріятіями нашего времени (Соч. I, 9).

Уже въ самомъ началѣ XIX в. правительства европейскихъ государствъ обратили вниманіе на приведеніе въ извѣстность историческихъ матеріаловъ, устройство архивовъ и изданіе находящихся въ нихъ памятниковъ. Первымъ государственнымъ учрежденіемъ, образованнымъ съ этою цѣлью, слѣдуетъ считать англійскую комисію архивовъ, основанную въ 1800 г. Но эта комисія стоила правительству съ 1800—1830 г. 350,000 ф. стерл. и значительнаго долга, не принеся существеннаго результата, вслѣдствіе чего были составлены новыя комисіи на другихъ уже основаніяхъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе первая англійская комисія послужила образцомъ для французской исторической комисіи, которая вела свое дѣло болѣе успѣшно, находясь подъ руководствомъ историка Гизо. Въ Германіи, подъ ред. Пертца, появляются Monumenta historica, въ Туринѣ—monumenta historica patriae. Извѣстный историкъ Ранке предпринимаетъ обзоръ архивовъ Италіи, Германіи, Англій и Бельгіи и

¹⁾ „Ж. М. Н. Пр.“ 1837 г., ч. III, янв. Англ. ком. архивовъ.

возбуждаетъ въ тамошнихъ ученыхъ интересъ къ изученію отечественныхъ матеріаловъ ¹⁾. Въ Германіи изученіе ихъ совпало съ общимъ національнымъ движеніемъ, возникшимъ вслѣдъ за войнами за независимость.

Въ Россіи интересъ къ историческимъ матеріаламъ, возбужденный еще въ царствованіе Екатерины II, нашелъ не менѣе ревностныхъ поборниковъ: московскій архивъ мин. иност. дѣлъ имѣлъ уже такого опытнаго архивиста, какъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій; а собраніе матеріаловъ и изданіе ихъ встрѣтило ревностныхъ покровителей въ лицѣ гр. А. И. Мусина-Пушкина, М. Н. Муравьева, бывшаго куратора моск. университета и члена тамошняго историческаго общества, затѣмъ митроп. Евгенія, археолога А. И. Оленина и художника-археолога А. И. Ермолаева ²⁾, служившаго конференцъ-секретаремъ при академіи художествъ. Уже въ 1809 г. была назначена особая комисія, состоявшая изъ попечителя спб. учебнаго округа К. М. Бороздина и Ермолаева, совершившая учено-историческое путешествіе въ Ладугу, Бѣлозерскъ, Вологду, Владимірѣ, Ростовѣ, Кіевѣ и Черниговѣ и составившая альбомъ древностей (4 тома), хранящійся теперь въ Имп. Публичной библіотекѣ, весьма важный для русской археологін ³⁾. Та же комисія собрала свѣдѣнія о древнихъ рукописяхъ и приобрѣла списки нѣкоторыхъ изъ нихъ, а другія въ оригиналѣ („Ж. М. Н. Пр“. XXI; переписка Евгенія въ Сборн. А. Е. Н., V, стр. 238—246 и переписка Востокова, ib. V, 404). Нѣсколько позже Оленинъ и Ермолаевъ предлагаютъ планъ полнаго изданія русскихъ лѣтописей съ соблюденіемъ строгой точности оригинала.

¹⁾ Такъ, подъ вліяніемъ Ранке, появились: *Relazioni degli ambasciatori Veneti al senato raccolte, annotate et edite da Eugenio Atteri* (съ 1839), *Archivio Storico* 1842 и сочиненіе итальянскаго ученаго де-Ремона: *Beiträge zur Ital. Gesch.* 1853 (Берлинъ), посвященное тому-же Ранке.

²⁾ Рус. ист. литер. въ 1-й пол. XIX в. М. Н. Муравьевъ и Карамзинъ періодъ. Старчев. Б. д. Чт. 1852, CXI, CXII т. Біограф. свѣд. о жизни и учен. трудахъ гр. А. И. Мус. Пушкина: Зап. и Тр. М. О. И. II, и Записк. для біограф. А. И. Мус. Пушкина, 1813, „Вѣстникъ Европы“, ч. LXXII; № 21.

³⁾ Описаніе Бороздинскаго собранія рисунковъ къ его археологическому путешествію по Россіи съ гг. Ермолаевымъ и Ивановымъ въ 1809—10 гг., см. въ Трудахъ I Археологич. Съѣзда, т. I, 63—74.

(„Сынъ отецъ“. 1814 г. № 7. Краткое разсужд. объ изданіи полн. собр. рус. дѣписат.)¹⁾.

Трудами всѣхъ этихъ лицъ могъ уже воспользоваться Карамзинъ. Въ такое время вполне естественно было и появленіе Мецената русской науки. Это былъ гр. Н. П. Румянцовъ, время котораго еще современники, какъ у насъ, такъ и за границею, называли „Румянцовскою эпохою“.

„Люблю ихъ душевно, писалъ Карамзинъ о братьяхъ Румянцовыхъ Дмитріеву: Это остатки стараго, лучшаго міра! Нынѣшніе вельможи, буде ихъ можно такъ назвать, не имѣютъ въ себѣ ничего истиннаго, ни историческаго. Кто изъ нихъ могъ бы запѣть: о Richard, о mon Roi! Нѣтъ ни чувства, ни голоса!“ (336). Какъ по своимъ средствамъ²⁾, такъ и по своей страсти къ научнымъ изслѣдованіямъ, гр. Румянцовъ могъ стать главнымъ двигателемъ на поприщѣ разысканія и изданія историческихъ

¹⁾ По поводу этого плана Калайдовичъ замѣчаетъ: „желая общей пользы въ изданіи Нестора и другихъ историческихъ источниковъ, они бросаются въ большія крайности. Къ чему ведетъ соблюденіе точности въ препинаніяхъ, когда мы знаемъ, что оно въ рукописяхъ служило только произвольнымъ отдѣленіемъ словъ и рѣченій? Къ чему послужать сокращенія, для которыхъ совсѣмъ не предписаны правила въ древнихъ нашихъ рукописяхъ? Они собьютъ читателей и сдѣлаютъ пестроту большею той, какая замѣчена г-ми Оленинымъ и Ермолаевымъ въ Чеботаревскомъ Несторѣ; напротивъ, искусная разстановка словъ будетъ вести точно къ тому труду, какой назначилъ для себя проф. Тимоховскій въ теперешнемъ при обществѣ изданіи древнѣйшаго лѣтописателя. Итакъ, вмѣсто двухъ трудовъ, буквальнаго Нестора съ сохраненіемъ препинаній и сокращеній подлинника и объясненнаго Нестора, они за первымъ должны издать очищенный Несторовъ списокъ помощію вариантовъ и искусно поставленныхъ препинаній. Безъ сего труда къ чему послужитъ ихъ буквальный? Онъ собьетъ съ пути и грамотныхъ, и неграмотныхъ“.

„Оленинъ и Ермолаевъ, если хотятъ соблюсти всю точность въ рукописи (въ пространнѣйшемъ смыслѣ), то они должны будутъ издать Нестора точно такъ, какъ Англичане, по роскоши и прихотливости, напечатали много древнихъ своихъ памятниковъ, т. е. выгравировать. Но такое изданіе не есть ученое“. Записки Калайдовича, Лѣт. рус. лит. Тихонравова III, 95—96. Собственный планъ изданія рус. лѣтописей Калайдовичъ предложилъ въ 1817 г. См. біогр. его въ Рус. Вѣст. 1860, II, 34—35. В. И.

²⁾ Онъ владѣлъ 30,000 душъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ до 20,000 принадлежало мѣст. Гомелю (Могил. губ.), гдѣ по большей части жилъ Румянцовъ, по выходѣ въ отставку. Терещенко, II, 268. Остальныя его имѣнія находились въ Тамбов., Рязан. и Калуж. губ. Переписка съ м. Евген. 33.

матеріаловъ и покровителемъ цѣлой плеяды молодыхъ тружениковъ, которые безъ него должны были бы ограничиться слишкомъ скромнымъ кругомъ дѣятельности въ какомъ нибудь государственномъ архивѣ, или остаться авторами нѣсколькихъ, быть можетъ, цѣнныхъ изслѣдованій, но которыя не всегда нашли бы себѣ даже издателя. Самая возможность появленія въ это время труда Карамзина, въ значительной степени, объясняется дѣятельностью Румянцовскаго кружка ученыхъ ¹⁾.

Въ виду такой важности послѣдняго, мы считаемъ необходимымъ остановиться на личности Румянцева нѣсколько подробнѣе.

II.

Родъ Румяновыхъ происходитъ отъ нижегородскихъ бояръ, упоминаемыхъ еще въ XIII вѣкѣ. Дѣдъ его былъ близкимъ лицомъ при Петрѣ В., отецъ—извѣстнымъ полководцемъ временъ Екатерины II ²⁾. Графъ Н. П. Румянцовъ родился въ 1754 г. и первоначальное воспитаніе получилъ вмѣстѣ съ братомъ Сергѣемъ Петровичемъ, въ Москвѣ, подъ надзоромъ матери, которое было, по словамъ послѣдняго, „довольно плохо“ (Рус. Арх. 1869 г., 842) ³⁾. Въ 1772—73 гг. оба брата были приняты ко двору Екатерины и, въ числѣ немногихъ, постоянно появляются въ ея собраніяхъ, происходившихъ въ эрмитажѣ. Здѣсь они познакомились съ извѣстнымъ барономъ Гриммомъ, который вызвался отвезти ихъ въ Голландію, для изученія наукъ въ Лейденскомъ университетѣ (Рус. Арх. 1869, 843—844). По позднѣйшимъ же справкамъ видно, что Румянцовы изучали (въ 1774 г.) въ Лейденѣ политическія науки (право) и исторію (Пекарскій, матер.

¹⁾ Въ этомъ можно убѣдиться изъ переписки Карамзина съ А. О. Малиновскимъ, изд. Общ. любит. Рос. Словесн., подъ ред. Лонгинова, М. 1860.

²⁾ Кромѣ множества документовъ, вошедшихъ въ „Архивъ походной канцеляріи гр. П. А. Румянцева“ (изд. Бодянскимъ въ Чтен. Моск. общ. ист.) и важныхъ для исторіи его дѣятельности въ царств. Екатерины II, ему принадлежатъ такъ называемая „Румянцовская опись Малороссіи“, подробное обзорѣніе которой недавно издано Черниговскимъ статистическимъ комитетомъ (3 книги, 1866—75 гг.).

³⁾ Третій братъ ихъ—Михаилъ Петровичъ—умеръ въ молодыхъ лѣтахъ. Терещенко, II, 268.

для исторіи журн. дѣят. Екатерины II, 33—34). Затѣмъ они отправились въ Парижъ, а оттуда, вмѣстѣ съ Гриммомъ, черезъ Женеvu (причемъ посѣтили Вольтера) въ Италію ¹⁾. Посѣтивъ на обратномъ пути Венецію и Берлинъ, Румянцовы возвратились въ 1776 г. въ Петербургъ (автобіографія С. П. Румянцова. Рус. Арх. 1869, 843—846). Тогда отецъ ихъ просилъ Екатерину назначить старшаго сына по дипломатической части: въ 1776 году онъ былъ посланъ въ Вѣну съ извѣстіемъ о второмъ бракѣ вел. кн. Павла Петровича, а въ 1779 году онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ и полномочнымъ министромъ при германскомъ сеймѣ ²⁾. Въ этой должности Н. П. Румянцовъ усердно хлопоталъ о вліяніи Россіи на нѣмецкія дѣла, служа полнымъ выразителемъ тогдашней политики Екатерины II. Многочисленные донесенія его, хранящіяся въ Мос. арх. мин. ин. дѣлъ, даютъ незамѣнимый матеріалъ для оцѣнки русской политики въ этотъ періодъ ³⁾. Неза-

¹⁾ Вольтеръ писалъ въ г-жѣ Епиналь 8 іюля 1774 г.: „Не знаю, гдѣ теперь Гриммъ; говорятъ, что онъ путешествуетъ съ графами Румянцовыми; ему слѣдовало бы привезти ихъ въ Женеvu; тѣмъ, кои рождены для того, чтобы служить опорой власти неограниченной, не мѣшаетъ взглянуть на республику“. Рус. Арх. 1869, 844.

²⁾ Политика, литература и исторія постоянно интересовали братьевъ Румянцовыхъ. Въ автобіографіи С. П. Румянцова (стр. 850) есть указаніе, что онъ сообщалъ (въ 1783 г.) свои замѣчанія на записки о Рос. исторіи Екатерины II, помѣщенные въ Собесѣдникѣ. Статья о Петрѣ В., присланная въ редакцію, слишкомъ восхваляющая его, не понравилась императрицѣ и Дашковой. Возражая „знатному автору“ этихъ статей, критикъ замѣчаетъ, что „писавъ по русски, онъ думалъ на иностранномъ языкѣ“ (Пекарскій, *ibid.* 28—34). Пекарскій, не зная еще означенной біографіи, ошибочно полагалъ, что статьи въ „Собесѣдникѣ“ писаны гр. Николаемъ Петровичемъ. Но и Я. К. Гротъ дважды повторилъ это мнѣніе (Сбор. рус. ист. общ., XX, и Біогр. Державина, 333). Впрочемъ гр. Н. П. также любилъ преимущественно употреблять французскій языкъ. Въ воспоминаніяхъ миссъ Вильмотъ говорится о гр. Румянцовѣ, когда онъ управлялъ при Александрѣ I иностранными дѣлами: „Этотъ министръ совершенно офранцузился, такъ что всѣ свои дѣловые распоряженія писалъ на французскомъ языкѣ, а потомъ ихъ переводили на русскій его секретари“. Переписка Петра В. съ Лейбницемъ, помѣщенная въ сборникѣ Эверса, приводила Н. П. Румянцова въ восторгъ (Переписка м. Евгенія съ Румянцовымъ. Стр. 15). Съ Гриммомъ Н. П. Румянцовъ поддерживалъ переписку (Рус. Арх. 1869, 849).

³⁾ Этими матеріалами недавно воспользовался проф. Трачевскій въ своей монографіи: „Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фрид. II и Иосифа II, 1780—1786“ („Вѣст. Европы“ 1877 г. и отдѣльно). По поводу означен-

висимо отъ того, въ теченіи пятнадцатилѣтняго своего пребыванія на дипломатическомъ поприщѣ, гр. Румянцовъ посвящалъ свободное время изученію французской, нѣмецкой и англійской литературы, наукамъ политическимъ, историческимъ и библиографіи¹⁾. Живя во Франкфуртѣ на Майнѣ, Румянцовъ близко познакомился съ тамошней библіотекою (Терещенко, II, 272). Видя на мѣстѣ богатые собранія по части наукъ и искусствъ, онъ сталъ уже тогда собирать цѣнные предметы и сочиненія, относящіеся къ сѣверной и славянской исторіи, такъ что его знаменитое собраніе, извѣстное теперь подъ именемъ Румянцовскаго музея — превзошло потомъ всѣ частныя собранія подобнаго рода въ Россіи²⁾. Поэтому онъ имѣлъ полное право сказать въ девизѣ своего герба, украшающаго его бюстъ и ученыя изданія: „non solum armis“³⁾. Но любовь его къ русской исторіи и древностямъ развилась уже позже, о чемъ онъ не разъ сожалѣлъ. „Жаль, что мой жаркій и неутомимый духъ дѣйствуетъ такъ поздно; но повсюду

нихъ матеріаловъ авторъ говоритъ: „Его обильныя депеши проливаютъ свѣтъ даже на будничныя мелочи изъ жизни нѣмецкой имперіи и ея князей. Нѣмецкіе ученые не могли и подозрѣвать такого значенія русскаго архива для ихъ внутренней исторіи“. Послѣ того Румянцовъ состоялъ нѣкоторое время посланникомъ при французскомъ дворѣ въ самый критическій моментъ для королевской власти, но, не будучи въ состояніи продолжать свою миссію, испросилъ разрѣшеніе возвратиться въ Россію въ пол. 1795 г.). Терещенко, Опытъ обзор. санов. управ. иностран. дѣлами въ Россіи, II, 229—31.

¹⁾ Въ 1876 г. въ Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ поступила собственноручная тетрадь гр. Н. П. Румянцова, заключающая его замѣтки на сочиненіе Неккера о финансахъ: Очеркъ дѣятельн. комис. печат. грам. и догов., состоящей при Моск. гл. ар. м. нн. д. М. 1877, 122—23. Когда появилась (въ 1818 г.) сочин. Н. И. Тургенева: „Опытъ о теоріи налоговъ“, гр. Румянцовъ открыто выразилъ автору свое вниманіе и восхищался ясностію изложенія его труда: La Russie, I, 75—76.

²⁾ Калайдовичъ о его библіотекѣ въ 1824 г. сдѣлалъ такой отзывъ: „Библіотека его сіят. безспорно превзойдетъ древностію и важностію собраніе гр. Толстого: одна составила настоящимъ знатокомъ, другая — отъ случая, отъ стеченія разныхъ обстоятельствъ, и я не почелъ бы за грѣхъ сотни двѣ рукописей совершенно изъ послѣдней выкинуть“. Переписка Востокова. Сборн. Акад. Н., V, 89.

³⁾ Гр. Румянцовъ состоялъ членомъ ученыхъ обществъ парижскихъ — географическаго и азіатскаго, филадельфійскаго философскаго, російской академіи, прусской и мюнхенской академіи наукъ, московскаго, виленскаго, казанскаго и краковскаго университетовъ, варшавскаго общества наукъ, московскаго общ. исторіи и древностей, курляндскаго общества литературы и искусствъ, и мн. др.

не давая покоя, не безъ пользы же моя къ древностямъ отечественнымъ алчность". (Переписка съ Евгениемъ, 46). При Павлѣ I Румянцовъ былъ сдѣланъ сенаторомъ, при Александрѣ I — министромъ коммерціи (1802), въ званіи котораго онъ заботился о развитіи водяныхъ сообщеній въ Россіи, отечественной промышленности и торговли въ Азіи, а потомъ мин. иностр. дѣлъ (съ 1807) и канцлеромъ (1809). Во время пребыванія своего въ Парижѣ 1809 г. по дипломатическому порученію, онъ произвелъ на Наполеона I-го впечатлѣніе человѣка, болѣе другихъ русскихъ знакомаго съ исторіей и дипломатіей. Затѣмъ, до окончанія войны съ Франціей (1814), гр. Румянцовъ состоялъ предсѣд. государственнаго совѣта и мин. ин. дѣлъ. По отзывамъ современниковъ, въ дѣлахъ высшаго управленія, онъ отличался спокойствіемъ, сдержанностью и благородною откровенностью (Дмитріевъ, 182—183) ¹⁾. Въ иностранной политикѣ Румянцовъ извѣстенъ благосклонностью къ Наполеону I и континентальной системѣ (см. наше сочин. „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, 107) ²⁾. Но вступленіе Наполеона въ Россію такъ потрясло Румянцова, что онъ подвергся апоплексическому удару и навсегда потерялъ слухъ. По окончаніи войны съ Наполеономъ, онъ снарядилъ на свой счетъ экспедицію вокругъ свѣта на корабль „Гюрикъ“, подъ начальствомъ капитана Коцебу (1815—1818), для отысканія сѣверовосточнаго морскаго прохода, описаніе которой, съ геогр. картами и рисунками, было напечатано на его счетъ въ 1821 г. (Путешествіе въ южный океанъ и Беринговъ проливъ для открытія, etc. Спб. 3 ч.), и дѣлалъ другія порученія по части открытій и пріобрѣтенія рѣдкостей въ Сибири, Камчаткѣ и Сѣверной Америкѣ. Братъ канцлера, гр. С. П. Румянцовъ, воспитывавшійся вмѣстѣ съ нимъ за границею, былъ душою вопроса о свободныхъ хлѣбопашцахъ, поднятаго въ началѣ цар. Александра I, и самъ положилъ начало этому дѣлу (ib. 33—35) ³⁾. Увлекаясь

¹⁾ „Одаренный голосомъ благозвучнымъ, онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какою-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностію; противурѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостію, даже и тому, кто въ выраженіяхъ иногда былъ холоден“. Ibid.

²⁾ Письмо импер. Александра I, объясняющее отношеніе канцлера къ войнѣ съ Франціей въ моментъ разрыва съ Наполеономъ, см. въ Рус. Архивѣ 1869 г., стр. 609—614.

³⁾ Во время голода, постигшаго въ 1821 г. Бѣлоруссію и Черниговскую губ., гр. Н. П. Румянцовъ издержалъ до 100,000 руб. на покупку хлѣба для своихъ крестьянъ. „Письма Карамзина къ Дмитріеву“, 304. В. И.

примѣромъ брата, онъ также интересовался русскою исторіею и слѣдилъ за ея успѣхами (Записки Калайдовича, Лѣт. Тихонрав. III, 81). Оба брата состояли членами литературнаго общества, извѣстнаго подъ именемъ „Арзамасъ“ (Письма Карамз. къ Дмитріеву, стр. 93), а во время пребыванія Н. П. Румянцова въ Петербургѣ, въ его домѣ обыкновенно собирались тогдашніе ученые (ib.)¹⁾.

III.

Вступивъ въ управленіе ин. дѣлами въ Россіи, гр. Румянцовъ не могъ не обратить вниманія на архивъ ин. дѣлъ и изданіе памятниковъ дипломатическихъ сношеній Россіи, предпринятое еще при Екатеринѣ II, а въ своихъ письмахъ онъ съ благоговѣніемъ относится въ памяти исторіографа Миллера. Такимъ образомъ между ними существовала какъ бы связь, своего рода преданіе.

Извѣстно, что Миллеру было поручено составленіе дипломатическаго сборника по образцу Дюмона²⁾, что часть этого труда была выполнена, но смерть помѣшала ему довести его до конца. Миллеръ просилъ назначить ему въ преемники его учениковъ — Б. Каменскаго, Стриттера и Соколовскаго: эта просьба была уважена Екатериною. Продолженіе труда Миллера въ обширныхъ фоліантахъ попрежнему отсылалось въ коллегію иностр. дѣлъ, но они оставались тамъ, пока не обратилъ на нихъ своего вниманія гр. Румянцовъ. Здѣсь впервые получаютъ практическое примѣненіе прежняя дѣятельность и научныя занятія самаго Румянцова. Такимъ образомъ, въ декабрѣ 1810 г. онъ поручаетъ уже Бант. Каменскому составить планъ изданія, по образцу Дюмона, полного

¹⁾ „Всего чаще вижу съ канцлеромъ“, пишетъ Карамзинъ въ 1816 г., „но ѣзжу къ нему болѣе съ грустью, нежели съ удовольствіемъ. Онъ видитъ мое лицо и только надобно въ разговорѣ прибѣгать къ перу (1813 г.)! Зато графъ Сергій Петровичъ бодрствуетъ и споритъ какъ обыкновенно“. Письма Карамзина къ Малиновскому, стр. 12, 18, 36, 44, 67. „Румянцовы рады ежедневно быть со мною“. Нензд. сочин. Карамзина (письма къ женѣ), стр. 147.

Возвращенія Румянцова въ Петербургъ ожидали съ нетерпѣніемъ.

²⁾ *Corps universel diplomatique du droit des Gens*, 8 томовъ, Амстердамъ. 1726—1731 г.

Другія собранія актовъ и договоровъ въ XVIII столѣтіи были изданы Ринмеромъ (1704—1726, Лондонъ), Барбейракомъ (1739) и Мартенсомъ (1795).

собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ съ иностранными державами, съ цѣлью подготовленія опытныхъ архивистовъ, развитія политическихъ знаній, и распространенія общепользныхъ свѣдѣній въ Россіи. Планъ этотъ былъ выработанъ въ концѣ того же года, а въ маѣ 1811 г. уже составила комисія по изданію означенныхъ матеріаловъ, на которое гр. Румянцовъ назначилъ собственныя средства¹⁾. Наука обязана Бант. Каменскому, какъ сохраненіемъ архива ин. дѣлъ, такъ и сбереженіемъ печатныхъ листовъ I тома грамотъ во время нашествія французовъ на Москву²⁾. Онъ заявлялъ готовность слѣдовать желанію гр. Румянцова, не страшась никакой работы; но болѣзнь (въ 1813 г.) не позволила ему довести предпріятіе Румянцова до конца. Подобно Миллеру, и Б. Каменскій рекомендовалъ въ преемники себѣ—своего помощника А. Θ. Малиновскаго, а въ сотрудники ему—молодого ученаго Калайдовича, обратившаго на себя вниманіе Румянцова своими трудами. Впрочемъ, по причинѣ болѣзни и временнаго заключенія Калайдовича въ Пѣсношскомъ монастырѣ, о которомъ онъ успѣлъ собрать тамъ историческія свѣдѣнія (напеч. въ 1837 г., М.), это дѣло затянулось до 1817 г., когда онъ представилъ Румянцову свои описанія рукописей Новоспасскаго и Данилова монастырей. Вмѣстѣ съ нимъ является на этомъ поприщѣ и П. М. Строевъ, также извѣстный уже Румянцову (Барсуковъ, 16—17)³⁾. Первая часть собр. госуд. грам. и договоровъ

¹⁾ Расходъ на первый томъ былъ вычисленъ въ 25,000 р. Въ своемъ докладѣ императору Александру I, онъ пишетъ: „Уважаю правила строгой бережливости, необходимо нужныя въ расходахъ государственныхъ, я не почитаю себя въ правѣ утруждать в. и. в. ходатайствомъ, чтобы издержки для изданія оной книги были приняты на счетъ казны (Собр. госуд. грам., I, предисл., стр. IV).“

²⁾ Москов. архивъ коллегіи иностр. дѣлъ въ 1812 году: Переписка Н. Н. Б. Каменскаго съ гр. Θ. В. Растопчиннымъ, съ предисл. барона Θ. А. Бюлера. Рус. Архивъ, 1875, III, 289—296.

³⁾ Калайдовичъ род. въ 1792 г., а Строевъ въ 1796 г. Оба они были воспитанники Моск. унив., а потомъ состояли членами моск. общ. исторіи и древностей. Первый изъ нихъ говоритъ, что на него оказали большое вліяніе посѣщенія имъ проф. Р. Θ. Тимковскаго: „Отъ Р. Θ. Т. я всегда возвращался съ новыми силами, съ новыми стремленіями къ русскимъ древностямъ“. (Записки въ Лѣт. Рус. лит. III, 89) Калайдовичъ называетъ его своимъ учителемъ въ исторической критикѣ (95). Другимъ своимъ наставникомъ въ этомъ дѣлѣ онъ признаетъ Шлецера, котораго онъ называетъ даже „великимъ“ (Біогр. Калайдовича, Рус. Бесѣда 1880, II, 9). Строевъ съ уваженіемъ вспоминаетъ Тимковскаго и Каченовскаго. О вліяніи на труды Строева, Калайдовича см.

была издана подъ наблюденіемъ Б. Каменскаго (1813, М.); 2, (1819), 3, (1822) и 4, (1828) подъ наблюденіемъ Малиновскаго. Въ I части этого собранія помѣщены важнѣйшіе документы, имѣющіе значеніе для внутренней исторіи Россіи съ 1265—1613 г. (актъ объ избр. ц. М. Ѳед. на престолъ). 2-я часть заключаетъ въ себѣ грамоты рус. князей и царей и ханскіе ярлыки 1229—1612 г. Здѣсь, между прочимъ, помѣщены: договоръ смол. князя Мстислава; сношеніе съ сибирскимъ царемъ Кучумомъ, грамота объ учрежденіи патриаршества, слѣдственное дѣло объ убіеніи ц-ча Дмитрія, акты царств. Д. Самозванца, сношенія самозванцевъ, короля Сигизмунда III и воззваніе о всеобщемъ вооруженіи противъ поляковъ. 3-я часть состоитъ изъ актовъ 1613—1655 гг. 4-я заключаетъ акты 1656—1696; пятая часть не была окончена и состоитъ изъ договоровъ съ иностр. державами, Крымомъ, Нагаями, западными государствами 1474—1584 г. (188 стр.)¹⁾.

записку о Строевѣ, Сбор. Ак. Н., XVII. Оба они были извѣстны уже въ литературѣ. Строевъ обратилъ на себя вниманіе Малиновскаго и Румянцова своими генеалогическими трудами (Барсуковъ, 1—20). Калайдовичъ въ это время занимался исторіей рус. языка, археологіей и литературою русской исторіи. Тамъ, между прочимъ, онъ напечаталъ: „Извѣстіе о древностяхъ славяно-русскихъ и объ Игнатіѣ Ѳерапонтовичѣ Ѳерапонтовѣ, первомъ собирателѣ оныхъ“, М. 1811; „Замѣчанія и объясненія двухъ грамотъ новгородскихъ“, „Вѣст. Евр.“, 1812 г., ч. 61; „Объ ученыхъ трудахъ м. Кипріяна и о томъ, справедливо ли приписывается ему и м. Макарію составленіе Степ. книгъ“, „Вѣст. Евр.“, 1813 и 1814 гг. „Записки о жизни графа А. А. Мусина-Пушина“ (ib. ч. 70) и „Записки о жизни Б. Каменскаго“, ib., 1814, ч. 74; „Іоаннъ Федоровъ, первый москов. типографщикъ“, (ч. 71); „Каталогъ писателей, сочиненіями своими объяснявшихъ гражд. и церк. рос. исторію“, соч. Ад. Селиемъ, переводъ въ Волг. семин., печ. по поруч. м. Евгенія, М. 1815“. Онъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Мусинымъ-Пушинымъ, путешествовалъ по древней Владимі.ской и Суздальской области, гдѣ собиралъ историческія и археологическія свѣдѣнія, а также древнія книги и монеты. Въ 1815 г. онъ издалъ 1-ю книгу Рус. достопамят. моск. общ. ист. и древ. Россійскихъ. Впослѣдствіи Калайдовичъ почтилъ память Тимковскаго статьей: „О трудахъ Тимковскаго“, „Вѣст. Евр.“, 1822 г., и болѣе другихъ содѣйствовалъ появленію въ свѣтъ труда Тимковскаго по древней лѣтописи. Матер. для жизнеоп. Калайд. Чт. М. О. И. 1862, III, 17—18.

Тимковскій образовался въ москов. университетѣ, подъ вліяніемъ Маттеи, Бузе и Баузе, и въ Геттингенѣ, подъ руководствомъ извѣстнаго филолога Гейне. Онъ старался приложить критику классическихъ писателей въ русскимъ памятникамъ: древней лѣтописи Патеріку, Слову о полку Игоревѣ. Погодинъ, судьбы археологін въ Россіи, Труды I археолог. съѣзда, т. I, 6. В. И.

¹⁾ По первоначальному плану предполагалось во 2-й и 3-й частяхъ помѣстить, въ хронологическомъ порядкѣ, всѣ договоры между Россією и европейскими,

Особенно дорожилъ Румянцовъ матеріалами 2-й части, такъ какъ въ нее должны были войти акты смутнаго времени, отысканные Миллеромъ въ отдаленныхъ архивахъ Россіи: „Да не устрашаетъ васъ,—писалъ онъ Малиновскому,—обширное поприще въ собираніи актовъ для сей 2-й части, тѣмъ полнѣе и совершеннѣе будетъ собраніе, тѣмъ болѣе принесетъ вамъ чести, а мнѣ удовольствія“. „Благословеніе памяти Миллера!—воскликаетъ онъ въ другомъ письмѣ,—за столь полезное для отечественной исторіи нашей изъ сибирскихъ архивовъ приобрѣтеніе“. Румянцовъ увлекался новыми приобрѣтеніями, о которыхъ сообщалъ ему Малиновскій, и писалъ послѣднему: „Я человѣкъ ненасытный, а вы трудолюбивы, любите, что послужить можетъ къ расширенію нашей словесности“. Самъ Румянцовъ тщательно прочитывалъ печатные листы актовъ, отмѣчалъ недосмотры, указывалъ необходимыя улучшенія для изданія, поспѣшавъ съ печатаньемъ, когда оно замедлялось. При этомъ необходимо знать, что въ этомъ изданіи мы находимъ множество снимковъ съ печатей и почерковъ древняго письма (XIII—XVII вв.), а также алфавитные указатели личныхъ и географическихъ именъ, не всегда встрѣчающіеся въ другихъ, даже въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Изданіе четырехъ частей столь богатаго собранія матеріаловъ обошлось Румянцову въ 66,852 р.; выручка же отъ продажи, вопреки ожиданіямъ, была весьма незначительна.

Между тѣмъ къ преданіямъ Екатерининской и Миллеровской школы вскорѣ присоединились неменѣе сильныя политическія побужденія. Какъ и въ Германіи пробужденіе національнаго духа отразилось на изученіи и изданіи отечественныхъ памятниковъ, такъ и въ Россіи отечественная война не осталась безъ вліянія на изученіе русской старины. Уже 14-го ноября 1813 г. гр. Румянцовъ представилъ въ академію наукъ 25,000 р. для изданія русскихъ лѣтописей¹⁾; а въ своемъ письмѣ къ мин. нар. проsv.,

а также азіатскими государями и народами, по 1726 годъ, съ текстомъ на тѣхъ языкахъ, на которыхъ они писаны и съ русскимъ переводомъ (предисл. къ I т., стр. III).

¹⁾ Древней лѣтописи по Кенигсбергскому списку, хранившейся въ библ. ак. наукъ, по изданной весьма несправно, въ 1767 г. Еще въ 1813 г. было предложено изданіе лѣтописей Кругу, но онъ отклонилъ отъ себя этотъ трудъ. Онъ совѣтовалъ поручить это дѣло Эверсу, или печатать извѣстія иностранцевъ о Россіи. А. Н. Оленинъ, получившій изъ этой суммы (въ 1815 г.) 3,000 р.,

вспоминая труды Шлецера на этомъ поприщѣ и его упреки русскимъ за пренебреженіе ихъ къ историческимъ матеріаламъ, онъ говоритъ: „Можно ли повѣрить, чтобы одна изъ величайшихъ націй просвѣщеннаго свѣта и единственная обладательница сокровища, столь важнаго не только для нея, но и для всей занимающей исторіей публики, которымъ она можетъ и должна гордиться, чтобы эта нація не успѣшила возвѣститъ о томъ свѣту и обработать оное. Симвъ укоризнамъ уже минуло 11 лѣтъ, но онѣ до сихъ поръ не имѣли еще никакого дѣйствія“. Побуждая къ изданію древнихъ памятниковъ, Румянцовъ указывалъ на многіе случаи истребленія ихъ пожарами и въ особенности печальный примѣръ 1812 года. Тѣмъ не менѣе ак. наукъ вовсе не думала объ изданіи лѣтописей, такъ что сумма, назначенная на этотъ предметъ Румянцовымъ, поступила потомъ на другое ученое предпріятіе ¹⁾.

Такимъ образомъ графъ Румянцовъ все болѣе втягивался въ интересъ начатаго имъ дѣла. „Чувствую,—писалъ онъ Малиновскому,—что страсть къ древностямъ меня совершенно охватила и въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ всѣ прочія страсти замѣняетъ; къ счастью волненія ея не очень опасны“. (Е. Барсовъ, гр. Н. П. Румянцовъ, „Древн. Рос.“ 1877, № 5 стр. 10). Не разъ онъ заявляетъ о своей „жадности“ къ памятникамъ письменности и старается первымъ завладѣть тою или другою новостью, или узнать о томъ, что открыто при его содѣйствіи. Вотъ почему Малиновскій дѣлалъ иногда такіа распоряженія: „Никакой любопытной бумаги

обѣщавъ приготовить для изданія критическое сравненіе текста; но печатаніе его не начиналось, хотя трудъ его надъ собраніемъ вариантовъ пригодился впоследствии.

Недождавшись выполненія своего желанія, Румянцовъ поручилъ (въ 1818 г.) изданіе Ипатьевскаго списка лѣтописи, избраннаго Карамзинымъ и Кругомъ, со внесеніемъ всѣхъ вариантовъ изъ Хлѣбниковскаго (Полторацкаго) и Ермолаевскаго списковъ,—Анастасевичу, но это предпріятіе, стоившее ему многихъ хлопотъ (онъ прибѣгалъ и къ посредничеству м. Евгенія), также ни къ чему не привело (Переписка съ Евгеніемъ, 116 и др.), хотя копія основнаго списка была сдѣлана вѣрно и было подобрано множество вариантовъ („Журн. Мин. Нар. Просв.“ LXV, отд. V, 25—26). Румянцовъ хотѣлъ издать и Лаврентіевскій списокъ, неоконченный Тимковскимъ (Матер. для жизнеопис. Калатайдовича, Чтен. М. об. ист. 1862, III, 18).

¹⁾ Впоследствии Румянцовскій капиталъ, вмѣстѣ съ процентами (40,000 р.), былъ переданъ на учрежденіе археогр. комисіи и изъ него же покрыты были издержки по изданію актовъ археогр. экспедиціи. Записка Круга, „Журн. Мин. нар. Просв.“ (850, LXV, отд. V, 11—31).

никому не передавать, кромѣ государственнаго канцлера". (Жизнь и труды Строева, Барсукова, 28, 31, 35, 36). Возлѣ него группируется цѣлая плеяда ученыхъ и любителей старины, исполнителей его воли, какъ П. М. Строевъ, К. О. Калайдовичъ; П. Кеппентъ, Кругъ, Лербергъ, Берхъ, Востоковъ, протоіер. Григоровичъ, Аделунгъ, А. И. Тургеневъ, Ермолаевъ, Анастасевичъ, Розенкампфъ, Моргенштернъ (дерпт. профес.); онъ вступаетъ въ ближайшія сношенія съ представителями русской исторической науки, какъ митр. Евгеній, Карамзинъ, съ польскими (Бандтке, Даниловичъ, Лелевель, Линде) и иностранными учеными, какъ Газе, С. Мартенъ, С. де Саси, Гаммеръ, Тихсенъ и Добровскій. Переписка его съ этими лицами въ высшей степени поучительна и важна для вѣрнаго и всесторонняго представленія о ходѣ открытія важнѣйшихъ памятниковъ русской исторіи и письменности, объ изслѣдованіи множества возникавшихъ при этомъ вопросовъ, наконецъ, для характеристики тогдашнихъ научныхъ воззрѣній и приемовъ въ области изслѣдованія древностей и исторіи.

Въ ряду ученыхъ сношеній Румянцова на первомъ планѣ слѣдуетъ поставить его отношенія къ м. Евгенію. Въ бытность свою въ разныхъ епархіяхъ съ 1804 г. (въ Новгородѣ, Вологдѣ, Псковѣ, Киевѣ), Евгеній ознакомился со многими сокровищами и памятниками древности, съ новгородскою Соф. библіотекою, киево-софійскою библіотекою и архивомъ¹⁾, съ монастырскими епархіальными и губернскими архивами. Благодаря этому, у него собрался значительный запасъ матеріаловъ, которыми онъ отчасти воспользовался для своихъ трудовъ, какъ ист. рос. іерархіи Амвросія, въ которой онъ принималъ непосредственное участіе, ист. Псковскаго княжества, описаніе псков. монастырей, исторія Киево-Соф. собора и исторія Киево-Печерской лавры; онъ обратилъ вниманіе на письменныя и вещественныя древности (зырянскіе надписи и идолы, древнія монеты, кievскія, псковскія и новгородскія древности); онъ занимался палеографическимъ изученіемъ древнихъ памятниковъ: таковы замѣчанія его на открытую и из-

¹⁾ Въ библіотекахъ новг.-соф. и киево-соф. соборовъ, киево-печерской лавры и Михайловскаго мон. митр. Евгеній нашелъ много рѣдкостей. Переписка съ Рум., 62.

данную имъ грамоту вел. кн. Мстислава Владиміровича и сына его Всеволода Мстиславича, новгородскаго князя, пожалованную Юрьевскому монастырю, какъ древнѣйшую изъ русскихъ грамотъ, удѣлѣвшихъ въ подлинникѣ, а потому заслуживавшую особеннаго вниманія „Вѣстн. Евр.“ 1818. г., части 100 и 101, № 15, 16, 20 и Труды Моск. общ. ист. III). Онъ желалъ въ изданіи этого памятника дать краткое начертаніе русской дипломатики, примѣняясь къ Гаттереровой (пис. въ Румянцову, 4)¹⁾. Эта мысль не оставляла его, и потомъ. Понятно, что его дѣятельность не могла остаться незамѣченной Румянцовымъ, постоянно слѣдившимъ за иностранною и русскою литературою въ сферѣ знаній, его интересовавшихъ; но вскорѣ Евгеній дѣлается уже незамѣнимымъ для него „совѣтникомъ“. Такъ смотрѣлъ на Евгенія самъ Румянцовъ. Онъ уважалъ въ немъ „мужа ученаго, духомъ истинной критики преисполненнаго“, „учителя и наставника“. Отправляя къ нему первый экземпляръ изданнаго имъ „Іоанна, экзарха Болгарскаго“, Румянцовъ замѣчаетъ: „Кому же первому сдѣлать мнѣ такое приношеніе? Я въ васъ имѣю себѣ друга и вы у насъ лучшій судья въ семъ дѣлѣ“. (Переписка, стр. 6, 7, 10, 19, 28, 110). Румянцовъ сообщалъ Евгенію первые листы своихъ изданій, новые матеріалы (каковы: кенигсбергскіе акты, акты арх. мин. пн. дѣлъ, эрмитажный списокъ псков. лѣт., выписки изъ польск. и литов. метрики, рижскія грамоты, выписки изъ грузин. и армян. лѣт., сдѣланныя С. Мартеномъ, рукописи о Лжедимитріѣ, рисунки рязан. древностей и др.) и книги (напр., зырян.

¹⁾ Такимъ образомъ за текстомъ самой грамоты слѣдуетъ опредѣленіе ея времени по содержанію; объяснены неясныя выраженія текста и значеніе словъ: вѣра, дань, продажа, и ихъ происхожденіе; далѣе, описывается матеріалъ (пергаментъ) и чернила этой грамоты, говорится о бумагахъ, какія употреблялись для рукописныхъ книгъ и грамотъ въ древнія времена и вообще о внѣшней формѣ старинныхъ русскихъ грамотъ; о правописаніи, о почеркѣ буквъ, о строчныхъ и надстрочныхъ знакахъ; въ статьѣ же о признакахъ удостовѣренія грамоты, подробно описаны заглавный надписъ, кресты рукоприкладства и печати. Наконецъ помѣщено хронологическое описаніе 22 русскихъ великокняжескихъ и царскихъ печатей, начиная съ серебряной печати вел. кн. Михаила Ярославича Тверскаго до государственной печати Петра В.; потомъ описаны печати духовныхъ лицъ. Въ концѣ статей приложенъ точный снимокъ съ этой грамоты.

Вновь она издана съ филологическими замѣчаніями И. И. Срезневскимъ въ „Извѣстіяхъ Ак. Наукъ“, т. VIII, 339—353.

грамматику Флерова ¹⁾, о черниговскихъ городахъ, опытъ историч. опис. г. Смоленска, іером. Іосиф. Шупинскаго, 1780, рус. древности, Успенскаго, Свиршгаило, соч. Коцебу, ист. ересей аббата Грегуара, исторію рязан. епархіи, соч. Френа о восточ. монетахъ, соч. Фатера: *Analekten der Sprachenkunde*, о татарахъ Клапрота, о вліяніи татаръ на Россію Наумова, соч. Броневскаго о Кавказѣ, армян. грамматика Цирбита, изслѣд. Келлера и Рауль-Рошетта, соч. Міоне, монг. грамоты изд. Шмидтомъ, соч. о пчеловодствѣ на жмудскомъ языкѣ и жмудскій букварь; разыскивалъ для него необходимыя рукописи (напр. Кормчія 40, 41, 51), выписывалъ рѣдкія книги (хронику Луки Давида, рѣдкое соч. Конисскаго о правахъ и вольностяхъ правосл. насел. въ Польшѣ, которое онъ велѣлъ списать, опис. цареград. соборн. церкви на греч. яз.) ²⁾, снабжалъ Евгенія нѣмецкими и французскими журналами (*Вѣнск. Jahrb. d. Liter.*, *Journal des Savants*, журн. париж. азиат. общ., *Nouvelles Annales M. Брюна*); сообщалъ ему свѣдѣнія о новыхъ открытіяхъ и разысканіяхъ по части древностей; дѣлился съ нимъ своею ученою перепискою (рисунки рязан. древн., о Рогволодовой надписи, о древностяхъ, найденныхъ при устьѣ Дона, объ изборникѣ Святослава 1073 г., о находкахъ Газе въ Венеціи и Миланѣ; письмо М. Брюна о славянахъ, письмо Френа о донскихъ древностяхъ, объ изслѣдованіяхъ за-границею Кеппена, письма Арцыбашева и др.). Для Евгенія онъ разыскивалъ иконы св. Софіи по всей Россіи и въ Сибири. Румянцовъ совѣтовалъ Евгенію выждать съ печатаніемъ исторіи Пскова до изданія псков. лѣтописи, приготовлявшейся моск. ист. обществомъ и до полученія актовъ кенигсбергскаго архива, „чтобы, усиливъ себя дипломатическими документами, оставить потомству сіе твореніе вѣчнымъ образцомъ, какъ писать и обрабатывать лѣтописи“ (*Переписка съ Евгеніемъ*, 111—114, и *Востоковымъ*, 223), и Евгеній охотно подчинился этому требованію. Съ своей стороны Евгеній служилъ для Румянцова постояннымъ корреспондентомъ. Онъ сообщалъ послѣднему свѣдѣнія о зырянской

¹⁾ По указанію м. Евгенія, она принадлежит ученику вологодской семинаріи, зырянину Мезенскому. *Переписка Евг. съ Румянц.*, в. I, 5. В. И.

²⁾ При его посредствѣ Кругъ сообщалъ Евгенію выписки изъ иностр. писателей о цареградскомъ Софійскомъ соборѣ. *Переписка Евг. съ Рум.*, 77.

надписи, свои замѣчанія и соображенія о Никонѣ Черногорцѣ и его твореніи Тактиконѣ, о цифровыхъ знакахъ въ рукописяхъ и древнемъ счисленіи, о „складныхъ грамотахъ“, о шестникахъ псковской лѣтописи, о псковскихъ уставныхъ грамотахъ, объ устройствѣ Пскова, о кормчихъ, о древнихъ гривнахъ и черниговской медали, о россахъ, упоминаемыхъ у арабскихъ писателей (Табари), объ употребленіи въ древнихъ рукописяхъ буквъ *шт* вмѣсто *ш* и *юсовъ*.

По укаванію Евгенія, Румянцовъ дѣлалъ разысканія въ новгород. соф. библіотекѣ (о письмахъ патр. Никона и др. 21, 30, 62), въ холмогорскомъ, архангельскихъ и вологодскихъ монастырскихъ архивахъ¹⁾; а въ могилевскомъ, полоцкихъ и мстиславскихъ гражданскихъ и духовныхъ архивахъ занимался съ этою цѣлью воспитанникъ Румянцова, протоіерей Григоровичъ (102, 108, 110), причемъ м. Евгеній настаивалъ на осмотрѣ всѣхъ бѣлорусскихъ архивовъ (въ Витебскѣ, Оршѣ и др.), тогда почти еще не тронутыхъ (61). Румянцову Евгеній служилъ посредникомъ въ приобрѣтеніи кіевскихъ древностей: (при открытіи десятинной церкви и находкахъ Лохвицкаго), хотя не всегда успѣшно, а также сообщалъ ему свои археологическія замѣтки о путешествіи по кіевской епархіи; по его желанію, онъ поручаетъ переводъ кенигсбергскихъ актовъ студентамъ кіевской академіи. Наконецъ, тому же Евгенію Румянцовъ обязанъ приобрѣтеніемъ для описанія своихъ рукописей такого знатока этого дѣла, какъ Востоковъ. Вмѣстѣ съ Евгеніемъ Румянцовъ мечталъ (еще въ 1817 году) о составленіи русской палеографіи²⁾ М. Евгеній считалъ Востокова единственнымъ настоящимъ зна-

¹⁾ Письма архангельскаго епископа Неофита о древностяхъ и рукописныхъ матеріалахъ въ перепискѣ гр. Румянцова съ м. Евгеніемъ, 122.

²⁾ „Я съ вашимъ преосвященнымъ въ полной мѣрѣ дѣлю желаніе видѣть русскую палеографію и заготовилъ уже нѣсколько матеріаловъ для сочинителей оной; но гдѣ сіи сочинители? Укажите мнѣ особъ, на то способныхъ и притомъ готовыхъ трудъ понести“ (отъ 13-го сентября 1817 г. Переписка, стр. 8). М. Евгеній отвѣчалъ: „Отвѣтствую на сіе, что нужны матеріалы, которые когда появятся, то и у насъ появятся мастера Монфоконы. Такимъ путемъ шли иностранцы и къ своей дипломатіи, коей до пхода XVII в. на свѣтѣ не было. Какъ скоро вездѣ уже много пздано было дипломовъ, то явился Певброкъ, отецъ сей науки, за нимъ Мабиліонъ, за нимъ Бенедиктинцы Густейнъ и Тассинъ и потомъ многіе“. Ib. 9. В. И.

токомъ послѣдней и настаивалъ передъ Румянцовымъ на приглашеніи его къ этому труду, прибавляя, что помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ можетъ быть одинъ Ермолаевъ ¹⁾. Вслѣдствіе этихъ настояній начались переговоры между гр. Румянцовымъ и Востоковымъ. И вотъ въ 1824 году Румянцовъ уже извѣщалъ своего ученаго друга, что Востоковъ оставитъ департаментъ духовныхъ дѣлъ и, за приличное вознагражденіе (въ 3,000 р. въ годъ), займется сначала ученымъ разборомъ его рукописей, а потомъ палеографіей. „О, коль счастливъ буду, прибавлялъ онъ, если прежде смерти своей увижу появленіе хотя перваго тома сего сочиненія и свой успѣхъ къ достиженію той цѣли, о которой неуспѣшно домогался уже нѣсколько лѣтъ“ (Переписка, стр. 53, 56, 58, 61, 93, 95, 105) ²⁾. Но Румянцову не пришлось дожидаться описанія своихъ рукописей. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ описаніи, и въ другихъ своихъ трудахъ Востоковъ положилъ прочное основаніе палеографическимъ работамъ въ Россіи ³⁾.

Около того же времени гр. Румянцовъ познакомился съ извѣстнымъ изслѣдователемъ въ области древнѣйшей русской исторіи и географіи—А. Х. Лербергомъ. Уроженецъ Дерпта, онъ получилъ университетское образованіе въ Геттингенѣ и Іенѣ, гдѣ вращался въ кругу Шиллера, а потомъ посѣтилъ Англію. Сочиненіе его о мѣстоположеніи Саркела обратило на него вниманіе Шлецера и петербургской академіи наукъ, которая избрала его въ 1807 г. своимъ членомъ. Дѣятельность Лерберга продолжалась по 1813 г., когда тяжкая болѣзнь свела его въ могилу. „Пріятно было видѣть у постели нашего друга—канцлера, говорить біографъ Лерберга, не обнаруживающаго ничего, кромѣ своихъ познаній, кромѣ прекраснаго чувства дружбы ко вновь пріобрѣтенному другу, котораго онъ и свѣтъ должны были скоро лишиться. Это превосходное чувство не изсякло въ душѣ графа Румянцова и по смерти Лерберга. Онъ купилъ Лербергову бібліотеку; онъ хотѣлъ

¹⁾ У Кеппена м. Евгений не признавалъ основательныхъ свѣдѣній по палеографіи. Ibid. 61.

²⁾ Свою пріязнь къ м. Евгенію гр. Румянцовъ выразилъ однажды тѣмъ, что купилъ для него на ярмаркѣ „бархата неразрѣзнаго на рясу“. Переписка, 108.

³⁾ Востоковъ своимъ учителемъ въ этомъ дѣлѣ считалъ извѣстнаго Добровскаго. Переписка Востокова изд. Срезневскимъ, Сб. Н. Н., V. 100. В. И.

обратить отеческое попеченіе на его дочь; онъ препоручилъ славному русскому ваятелю Мартосу сдѣлать изъ мрамора бюстъ его, поставилъ его въ своемъ кабинетѣ и слѣпки съ него роздалъ друзьямъ Лерберга". (Сочин. Лерберга, ХLI—ХLII). Смерть Лерберга, изданіе сочиненій котораго было поручено Ф. Кругу, сблизила Румянцева съ послѣднимъ. Однимъ изъ первыхъ предпріятій, внушенныхъ канцлеру Кругомъ, было изданіе византійскихъ источниковъ русской исторіи Г. Амартала и Льва діакона. По порученію канцлера Кругъ обратился въ мартѣ 1813 г. и вторично въ 1814 къ эллинисту Газе, который уже нѣсколько лѣтъ трудился надъ этимъ писателемъ, съ предложеніемъ необходимой суммы для его изданія. Когда же Газе намѣревался напечатать нѣсколько дополнительныхъ томовъ къ парижскому изданію византійцевъ, и канцлеръ согласился принять на себя расходы на него, то, по предложенію Круга, было прибавлено условіе, чтобы въ число ихъ вошло изданіе лѣтописи Г. Амартала, находившейся въ Парижѣ въ нѣсколькихъ спискахъ. Кромѣ того, гр. Румянцовъ хотѣлъ устроить поиски византійскихъ писателей въ Англіи и въ монастыряхъ Малой Азіи, а также разузнать о рукописяхъ, хранящихся въ Испаніи, позднѣйшіе поиски въ которой убѣдили въ вѣрности его предположеній на этотъ счетъ. („Ж. М. Н. Пр.“ LXIII, отд. VII, 23 и *Mélanges Russes*, T. I, Sptb. 1850. *Analectes historiques* № 6). По этому поводу Кругъ вступилъ въ сношенія съ разными учеными въ Европѣ и духовными особами въ Константинополѣ; но смерть Румянцева остановила задуманное предпріятіе. Въ послѣдніе годы жизни Румянцовъ обращалъ вниманіе на всѣ народы, жившіе нѣкогда въ Россіи. Его интересовали памятники греческаго и римскаго происхожденія и древнія извѣстія о южной Россіи. Во время своихъ путешествій, онъ тщательно собиралъ босфорскія монеты и другія древности того края. О своихъ приобрѣтеніяхъ по этой части онъ обыкновенно обращался къ Кругу, желая предварительно знать его мнѣніе. (Переписка съ Евгеніемъ, 82, 83, 89) ¹⁾.

„Quel riche théâtre pour la science, писалъ Кругу Румянцовъ 18-го іюня 1823 г., съ кавказскихъ минеральныхъ водъ, et quelle

¹⁾ Табл. Кругъ доказалъ подложность медалей, купленныхъ Румянцевымъ въ Крыму и на Кавказѣ. Переписка съ Евгеніемъ, 84. В. И.

terre vierge pour les recherches que celles de ce pays-ci! La société Asiatique devrait avoir une commandite au Caucase". По возвращеніи же съ Кавказа, узнавъ объ открытіи армянскаго перевода лѣтописи Евсевія, потерянной въ оригиналѣ, онъ желалъ получить свѣдѣнія объ ея содержаніи и предполагалъ начать разысканія о древнихъ писателяхъ въ армянской литературѣ и сдѣлать съ нихъ переводы и извлеченія, причемъ опять обращался за совѣтомъ къ Кругу. Послѣдній указалъ ему на славянскія рукописи въ парижскихъ библіотекахъ, а Румянцовъ просилъ его освѣдомиться о рукописяхъ, хранящихся въ Генуѣ; къ нему же онъ обращался и за разъясненіемъ о лѣтописи Далмаціи.

IV.

Будучи министромъ торговли, гр. Румянцовъ желалъ, чтобы кто нибудь взялся обработать исторію древней русской торговли, и, не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, хлопоталъ о собираніи извѣстій по этому предмету. Этотъ вопросъ тѣмъ болѣе занималъ его, что мысль о торговыхъ сношеніяхъ Европы съ Азіей черезъ Россію, задолго до нашествія монголовъ, была оспариваема многими учеными, между прочимъ и Шлецеромъ. Но она получила иное направленіе, когда обратили особенное вниманіе на восточныя монеты, находимыя въ Россіи. При этомъ Румянцовъ хлопоталъ также о собираніи и изученіи матеріаловъ по исторіи генуэзскихъ колоній въ Крыму. Вообще онъ думалъ найти необходимыя матеріалы по исторіи торговли въ нѣмецкихъ архивахъ и библіотекахъ, причемъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ служилъ ему Кругъ, хотя безъ особенныхъ послѣдствій. Болѣе существенные результаты дали поиски о сношеніяхъ Ганзы съ сѣверною Россіею. Въ 1828 г. вышло въ Копенгагенѣ сочиненіе Генриха Бермана: *De Sca. van Nongarden*, обязанное своимъ происхожденіемъ вызову канцлера, которымъ могъ воспользоваться уже Славянскій въ своей книгѣ: „Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ“. (Спб. 1847 г.).

Благодаря Кругу, гр. Румянцовъ познакомился съ Х. М. Френомъ. Подъ влияніемъ бесѣдъ съ послѣднимъ, онъ заинтере-

совался извѣстіями по исторіи и этнографіи древней Россіи, находящимися у восточныхъ писателей; началъ собирать восточныя монеты; покупать арабскія, грузинскія, армянскія, китайскія, монгольскія, татарскія и другія восточныя рукописи, изъявивъ при этомъ готовность печатать нѣкоторыя изъ нихъ вполнѣ, а другія въ извлеченіяхъ. Задумавъ же составить собраніе восточныхъ извѣстій о норманахъ, славянахъ, болгаряхъ, хозарахъ, монголахъ, татарахъ, грузинахъ и другихъ народахъ Кавказа, въ нѣсколькихъ томахъ (in 4°), по образцу извѣстнаго труда Стриттера по византійскимъ писателямъ, гр. Румянцовъ возложилъ главное распоряженіе по этому предпріятію на Круга ¹⁾. Послѣдній обратился къ извѣстному парижскому ориенталисту Сень-Мартену, и вошелъ въ сношенія съ ориенталистами въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Лондонѣ, Лейденѣ, Копенгагенѣ, Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ. Онъ хлопоталъ, чтобы по крайней мѣрѣ хотя одинъ томъ этого изданія вышелъ при жизни Румянцова, для чего Сень-Мартену была впередъ выслана необходимая сумма, но гр. Румянцову не пришлось дожидаться осуществленія этого плана ²⁾.

Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, Румянцовъ поручилъ Кругу освѣдомиться о содержаніи арабскихъ и татарскихъ рукописей въ Генуѣ. По связи же съ исторіей черноморской торговли, его весьма занимала исторія крымскихъ татаръ. Кругъ служилъ Румянцову посредникомъ въ сношеніяхъ съ знатоками исландскихъ сагъ и извѣстными финнологами. По желанію канцлера онъ занялся изслѣдованіемъ объ Евпраксіи, дочери Всеволода Ярославича, супругѣ маркграфа штаттскаго, а потомъ импер. Генриха IV, разведшейся съ нимъ. Разысканія о ней въ разныхъ иностранныхъ библіотекахъ, порученныя Румянцовымъ, были дополнены Кругомъ (Forschungen). Уже по смерти Румянцова, когда братъ его предложилъ Кругу принять на себя завѣдываніе музеемъ, онъ отказался и рекомендовалъ на это мѣсто Востокова; наконецъ, онъ содѣйствовалъ потомъ (въ 1828 г.) и назначенію Строева въ археографическую экспедицію отъ Академіи наукъ. („Содѣйствіе

¹⁾ «Чтобы дать любителямъ отечественной исторіи новый источникъ объ ней», писалъ онъ къ Евгенію. 33.

²⁾ Нѣсколько матеріаловъ, собранныхъ Сень-Мартеномъ для Румянцова, было сообщено Дефремери въ Journal Asiatique, 1849. В. И.

Круга гр. Румянцову въ пользу рус. исторіи“ А. А. Кунника, ж. м. н. пр., LXV, отд. V, 1—37, и *Forschungen in der älteren Gesch. Russlands*, 2 B. Spt. 1848; рецензія Кавелина въ Собр. сочин. т. III, 69—138). Между тѣмъ гр. Румянцову предстояло обширное поле разысканій въ русскихъ архивахъ и библіотекахъ. Эти разысканія связаны съ именами Строева, Калайдовича, Григоровича, Берха и другихъ.

Еще въ 1817—20 гг. Строевъ и Калайдовичъ на средства Румянцова осмотрѣли многія монастырскія библіотеки и составили описаніе имъ, положившія основанія трудамъ подобнаго рода въ Россіи ¹⁾.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя, отысканныя ими, рѣдкости.

Въ Воскресенскомъ монастырѣ они сдѣлали весьма важную находку—Сборника Святослава 1073 г.; въ волоколамской библіотекѣ Строевъ нашелъ законы вел. князя Ив. Васильевича, изданные совмѣстно съ Калайдовичемъ (М. 1819) и впервые сдѣлавшіеся извѣстными отдѣльно отъ законовъ Ивана IV; Похвалу Кагану Владиміру, переводъ съ Дамаскина, совершенный У. экз. Болгарскимъ, соч. Кирилла Туровскаго и др. памятники литературы. Вообще во время этого обзрѣнія было открыто много матеріаловъ, важныхъ для политической и церк. исторіи Россіи XV и XVI вв. Библіотека Воскресенскаго монастыря представляла богатое собраніе рукописей XIV—XVIII столѣтій: духовныхъ сочиненій, переводовъ, житій, историческихъ матеріаловъ (Соф. лѣтопись, матеріалы о соборѣ 1667 г., о п. Никонѣ и С. Медвѣдевѣ, синодѣи XVII и XVIII в., космографія XVII в., переводъ „Аристотеля“ 1677 г. и друг ²⁾). Подробное описаніе славяно-россійскихъ рукописей Волоколамскаго мон., составленное Строевымъ, признается первымъ ученымъ описаніемъ въ этомъ родѣ (Ундольскій, Библ. разыск. М. 1846, 14) ³⁾. Затѣмъ были составлены имъ

¹⁾ Такъ были осмотрѣны монастыри: Волоколамскій, Новоіерусалимскій, Воскресенскій, Звенигородскій, Савино-Сторожевскій, Пафнугія Боровскаго, Пѣсношскій, Серпуховскій и другіе.

²⁾ Книги распредѣлялись Строевымъ по долямъ, по образцу каталога греческихъ рукописей синод. библіот., извѣстнаго Маттеи, рекомендованному Малиновскимъ и одобренному Калайдовичемъ. Ib. 46.

³⁾ Оно хранился въ библ. гр. Уварова, въ селѣ Порѣчьѣ; выписки изъ нея въ Рум. музеѣ. Извлеченія изъ нея были напеч. Анастасевичемъ въ Отеч. Записк. 1823, вн. 33 и 35.

описи библиотекъ Сторожевскаго, Воскресенскаго и др. монастырей ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы выписки изъ болѣе важныхъ рукописей и описаны нѣкоторые вещественные памятники (Барсуковъ, 17—43). Самъ Строевъ справедливо приписывалъ большое значеніе этому путешествію. Между тѣмъ, въ это время онъ узналъ о варварскомъ истребленіи многихъ рукописей по невѣжеству ихъ обладателей. Такъ, часть рукоп. Воскресенскаго монастыря была отослана въ синодъ и досталась гр. Мусину-Пушкину, другая же часть ихъ была умышленно сожжена еписк. Сильвестромъ, (1785—88), который считалъ ихъ совсѣмъ ненужною дрянью, и еслибы не остановилъ его архиман. Аполлосъ, то и вся библиотека монастыря подверглась бы такой же участи, (Барсуковъ, 38). Подобный же случай передаетъ митроп. Евгенийъ о рукописяхъ новгородскаго Юрьевскаго монастыря. Когда начальство обители узнало о намѣреніи его посѣтить монастырь, то распорядилось весь ненужный хламъ бросить въ Волховъ. Встрѣтивъ возъ съ инокомъ, Евгенийъ заинтересовался, что онъ могъ везти и, къ удивленію своему, увидѣлъ порванные книжки и книжные листы. Тогда онъ возвратилъ этотъ соръ назадъ и принялся въ монастырѣ разсматривать его, причемъ нашелъ не мало кожаныхъ книгъ и тетрадей, въ числѣ которыхъ оказались драгоценные остатки рукописей даже XI в. (Переписка Евгенія, Сборн. Ак. Н., V, 23) ²⁾.

Всѣми этими открытіями гр. Румянцовъ спѣшилъ подѣлиться съ митр. Евгениемъ, а Строевъ, съ своей стороны, вступилъ въ ближайшія сношенія съ Карамзинымъ, который могъ уже воспользоваться новыми матеріалами XVI—XVII вв. въ своей исто-

¹⁾ Описаніе послѣдней помѣщено Сахаровымъ въ его рѣдкомъ изданіи: „Русскіе древніе памятники“. В. I, 1842, безъ указанія имени Строева. Черновыя же описанія были подарены авторомъ Царскому, а потомъ перешли къ гр. Уварову. Барсуковъ, 41.

²⁾ П. И. Савваитовъ съ неменьшимъ ужасомъ рассказываетъ о томъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ сожженія Евиневскихъ и другихъ бумагъ въ вологодскомъ архіер. домѣ, въ 1841 г., часть которыхъ ему удалось спасти: „Морозъ подираетъ по кожѣ, говоритъ онъ, когда вспоминаю объ этомъ варварскомъ сожженіи. Какая глубокая пропасть между этими позднѣйшими иноками, собирателями тѣнныхъ сокровищъ, и тѣми иноками, которые собирали книги и страшными клятвами грозили въ своихъ припискахъ за прикосновеніе къ нимъ съ святотатственною цѣлью!“ (Ib. 44). В. И.

ріи (Барсуковъ, 43) ¹⁾. Но Румянцовъ не ограничивался однѣми порученіями. Не смотря на свою дряхлость, глухоту и болѣзни, онъ самъ предпринималъ путешествія съ цѣлью разысканія и осмотра древностей: въ Новгородъ, Москву, Кіевъ, на ярмарки — Нижегородскую, Гомельскую, Роменскую, по монастырямъ, на поклоненіе Рогволодову камню (XII в.), составлявшему предметъ вниманія тогдашнихъ ученыхъ ²⁾. Въ 1822 г. ему сопутствовалъ Калайдовичъ. Румянцовъ посѣтилъ тогда Воскр. мон., Волок. м., Миеулинское городище, Старицу, Ржеву Владимірову, село Ярополчъ, гдѣ осматривалъ и приобрѣлъ нѣкоторые рукописи, монеты, надгробные камни и т. п. ³⁾. За нѣкоторые рукописи гр. Румянцовъ платилъ весьма дорого: 200—1000 р., а за одну изъ нихъ (Кормчую, принадлежавшую патриарху Никону), какъ онъ пишетъ м. Евгенію, отпустилъ на волю сына одного крестьянина, которому принадлежала рукопись (52). Не менѣе его интересовали другія рукописныя коллекціи (напр. гр. Толстого) и онъ очень сожалѣлъ, что описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ явились прежде описанія его собранія (Барсуковъ, 114—116, Барсовъ loc. cit.) ⁴⁾.

¹⁾ Сообщенія, сдѣланныя Карамзину гр. Румянцовымъ, Бантышемъ-Каменскимъ, Малиновскимъ, Калайдовичемъ, Строевымъ и др. указаны въ его примѣчаніяхъ. См. Ключъ къ Ист. Карамзина, составл. Строевымъ, подъ означенными именами, а также переписку его съ Малиновскимъ. Подъ влияніемъ Калайдовича образовались многіе, извѣстные въ то время, собиратели древностей и рукописей. Погодинъ, Судьбы археологii въ Россіи, стр. 8.

²⁾ Въ 19 верстахъ отъ Орши. Такъ названъ по имени Рогволода Борисовича, князя полоцкаго. О рогволодовомъ камнѣ и двинскихъ надписяхъ, П. Кеплена. Уч. Зап. Ак. Наукъ, по I и III отдѣл., томъ III, 59—70.

³⁾ „Въ Миеулинѣ, какъ и вездѣ, пишетъ онъ м. Евгенію, за все про все одинъ отвѣтъ: нѣтъ да нѣтъ и никогда ничего не бывало; но мое упрямство и розданные деньги за всякіе ничего незначущіе обманы превозмогли господствующую лѣнь: стали носить, кто что ни имѣлъ давно найденнаго на поляхъ при распахиваніи ихъ.“ Стр. 61. Миеулино Городище досталось ему, по наслѣдству, отъ тети. Ibid. 61.

⁴⁾ Быть можетъ этимъ объясняется слишкомъ рѣзкій отзывъ его объ описаніи руш. Толстого. „Строевъ, мнѣ кажется, писалъ онъ Востокову, часто обличаетъ большую самонадѣянность на себя, нежели какія либо пужныя ученныя свѣдѣнія.“ (Переписка Востокова, 228). Но м. Евгеній объ этомъ описаніи такъ писалъ пр. Григоровичу: „полюбопытствуйте и вы прочитать замѣчательное предисловіе Строева“ (Переп. Григоровича, 91). Впрочемъ къ мнѣнію гр. Румянцова склоняются нѣкоторые современные и позднѣйшіе отзывы объ этомъ трудѣ. Сборн. Ак. н., XXII, стр. XXVI. Ср. Русскіе Палеологи. Древ. и Н. Рос. 1880 г. № 2—4. В. И.

Вліяющее значеніе Румянцова тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что большинство не могло еще оцѣнить тогда подобныхъ стремленій ¹⁾. „Неудивительно, что иностранцы извѣщаютъ насъ о нашихъ древностяхъ, пишутъ ему м. Евгений, какъ напр. о бахмутской надписи. Я въ „Виленскомъ Денникѣ“ увидѣлъ, что въ кievскомъ николаевскомъ монастырѣ есть евангеліе письменное на бѣлорусскомъ языкѣ, а здѣсь меня никто о немъ и увѣдомить не умѣлъ. Такъ-то мало у насъ любопытства“. (Переписка, 99—100). Но люди, понимавшіе значеніе его дѣятельности, признавали за нимъ починъ въ этомъ дѣлѣ. Предлагая моск. ист. общ-ству широкій планъ изслѣдованія памятниковъ рус. исторіи, Строевъ заявлялъ: „Винюмъ сего: госуд. канцлеръ, гр. Н. П. Румянцовъ... Безъ его указаній на хранилища хартій, безъ его воли, поощренія и порученныхъ мнѣ изданій, я не имѣлъ бы доступа къ многочисленнымъ памятникамъ нашихъ древностей, еще менѣе способовъ дѣлать открытія и никогда не приобрѣлъ бы необходимыхъ знаній о предметѣ, о которомъ имѣлъ честь бесѣдовать съ вами“ (73 — 74, Барсуковъ). Гр. Румянцовъ не разъ являлся ходатаемъ за ученыхъ, при тогдашнихъ порядкахъ нашей печати и взглядахъ администраціи на науку, во многомъ не отличавшихся отъ знаменитаго мнѣнія св. Синода объ изданіи лѣтописей, въ XVIII вѣкѣ. Когда Магницкій, стоявшій во главѣ обскурантовъ 1820 годовъ, вздумалъ гнать даже „Библиогр. листки“ Кеппена, а послѣдній хотѣлъ прекратить ихъ изданіе въ 1825 г., то Румянцовъ вотъ какъ писалъ объ этомъ Шишкову: „Защитите, пожалуйста, преполезные Библ. листы, издаваемые Кеппеномъ, отъ того гоненія, которое поднялъ на нихъ Магницкій. Ежели онъ въ своемъ представленіи успѣетъ, какому же осужденію подвергнемся мы непременно за-границею, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ соч. Дубровскаго о Кириллѣ и Ме-

¹⁾ Въ рѣзкихъ выраженіяхъ отзывается о такомъ равнодушіи высшаго общества П. П. Свиньинъ, въ письмѣ къ И. М. Снегиреву, по поводу продажи своего русскаго музеума: „Увы! распродажа музеума доказала мнѣ жалкую степень нравственности и образованности нашихъ бояръ и всего перво-класснаго круга: вообразите, бывали случаи, что богачи приходили въ музеумъ звать или торговаться изъ-за копѣйки, когда за часъ передъ тѣмъ заплатили Смурову 500 или 600 р. за устрицы и шампанское“. Евгенийевскій Сборникъ. 1871, в. I, XVI—XVII.

еодѣ подѣ запрещеніемъ единственно потому, что сей ученый и почтенный мужъ повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны они въ нашей Миней Четви. Охраните насъ отъ такого стыда"! (Перепис. Востокова, 231). Не всегда однако авторитетъ и вліяніе Румянцева могли защитить отъ подобныхъ безобразій. Когда издатели законовъ вел. кн. Ивана и царя Ивана IV хотѣли присоединить къ нему вновь открытое соборное опредѣленіе 1503 г. (о мздѣ за поставленіе, о вдовыхъ погахъ, о воспрещеніи монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ), то они встрѣтили противодѣйствіе со стороны архіеп. Августина, увидѣвшаго въ этомъ оскорбленіе духовенства.

По этому поводу Румянцовъ писалъ Строеву: „Я бы чрезвычайно обрадованъ былъ, еслибъ Малиновскій выходилъ у преосв. Августина дозволеніе издать въ печать въ добавокъ къ законамъ опредѣленіе собора 1503 г.“ Но это не удалось Малиновскому и оно было напечатано только въ 1836 г., въ актахъ археогр. экспедиціи, т. I, (Барсуковъ, 124, 44). Еще въ 1820 г., Румянцовъ писалъ Евгенію, по поводу перевода извѣстнаго сочиненія Коцебу о Свитригайлѣ, слѣдующее: „У насъ медленность и ежедневно новое затрудненіе отымаютъ всякую довѣренность. Свитригайловъ переводъ во время печатанія опять остановленъ потому, что духовная цензура вновь затрудняется допустить появленіе извѣстныхъ вамъ папскихъ буллъ; я всѣ прежнія свои основательныя домогательства возобновилъ и не знаю чѣмъ кончится“ (35). Но, не смотря на ходатайство самого гр. Румянцева и мнѣніе объ этой книгѣ даже Карамзина, она появилась, послѣ многихъ мытарствъ, только въ 1835 г. Дѣло же съ исторіею о монголахъ и татарахъ Абулгази, вслѣдствіе вмѣшательства Магницкаго, тянулось съ 1820 по 1825 г., когда разрѣшено было выпустить ее самимъ Государемъ, по ходатайству того-же Румянцева (Перепис. Евгенія, 117, и дѣло объ этихъ книгахъ въ Рус. Арх. 1869 г.) ¹⁾. Подобныя дѣйствія тогдашнихъ оберегателей русской мысли могли только возмущать людей, серьезно смотрѣвшихъ на дѣло науки. Такъ, по поводу

¹⁾ Со временемъ скорбный списокъ русской науки и литературы представить интересную картину съ тою разницею, что имена Коцебу, Кеппена и др. смѣнятся въ ней именами Неймана, Финлея, Каррьера и т. п.

того же Абулгази м. Евгений писалъ Румянцову: „Жаль, что Абулгази печатается на одномъ арабскомъ безъ перевода, хотя на русскомъ и есть уже онъ (рус. перев. былъ изданъ въ 1768 г. — „плодъ трудовъ знаменитаго Татищева“, по выраженію Румянцова, Рус. Арх. 1869 г.). Погасители просвѣщенія (какъ это характеристически вѣрно) многomu мѣшали въ просвѣщеніи. Но теперь имъ самимъ и на нихъ отверзаютъ очи“ (118, 123). Евгений, подобно Румянцову, также не одобрялъ этихъ гоненій (124). Оба они высоко ставили ученый трудъ. Когда Румянцовъ разъискивалъ изданіе Нѣмцевича, то Евгений писалъ ему: „Книги Нѣмцевича, думаю, не можно достать ни въ Петербургѣ, ни въ Вильнѣ, а надобно искать въ Варшавѣ, ибо здѣшніе поляки мнѣ сказывали, что изданіе сіе запрещено за нѣкоторыя статьи о Россіи; но тѣмъ оно любопытнѣе; я все оное читалъ“ (106). Объ изданіи соч. Курбскаго въ то время, по словамъ Евгения, нельзя было и помышлять (переписка въ Сборн. Ак. Н., V, 53) ¹⁾. Впрочемъ и самому Евгению приходилось испытывать тягости цензуры; „но замѣчено вѣками, писалъ онъ по поводу затрудненій для изданія Кеппена, что строгая цензура всегда производитъ больше пасквилей письменныхъ: *nitimur in vetitum*“ (Сборн. Ак. Н., V, 52, 59).

Не меньшихъ хлопотъ стоило Румянцову описаніе церковныхъ и монастырскихъ рукописей. Такъ, съ большимъ затрудненіемъ ему удалось исходатайствовать разрѣшеніе Калайдовичу на описаніе рукописей синод. библіотеки (Переписка съ Евгениемъ, 116) ²⁾. А между тѣмъ онъ прекрасно понималъ всю важность этой работы. „Взявъ во вниманіе, что каталогъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ гр. Толстого, уже довершенъ, что Востоковъ занятъ описаніемъ мнѣ принадлежащихъ древнихъ рукописей и что теперь Калайдовичъ готовить будетъ полное и ученое

¹⁾ По словамъ Устрялова, изданіе сочин. вк. Курбскаго, предпринятое имъ въ началѣ 1830-хъ годовъ, казалось тогда героическимъ подвигомъ. Вспомин. Устрялова въ Древ. и Нов. Рос., 1880, № 8.

²⁾ Неоконченное описаніе библіотеки было помѣщено въ особомъ изданіи вк. М. А. Оболенскаго, не выпущенномъ въ свѣтъ: „Архивъ разнородныхъ и преимущественно историческихъ свѣдѣній“, гдѣ заняло 64 стр. (до 10 №). Біогр. Кал.—ча, 49. Ср. неточность въ Сбор. Ак. Н. V, переписка Востокова, 433.

описание русских манускриптовъ, находящихся въ моск. синод. библиотекѣ, кажется, можно порадоваться сему совсѣмъ новому въ Россіи появленію“ (ib). Румянцовъ предпочиталъ отдѣльные изданія изслѣдованій, такъ какъ полагалъ, что въ общихъ журналахъ ученныя статьи забываются и теряютъ свое значеніе (Пис. къ Евг., 52). Онъ даже опасался, что сотрудничество Калайдовича въ журналахъ можетъ отвлекать его отъ главнаго труда (Бюгр. Калайдовича, 24). Масса вопросовъ, интересовавшихъ Румянцова, показываетъ, что онъ съ полною любовью относился къ своему дѣлу. Онъ откровенно высказывалъ свои мнѣнія и сомнѣнія въ данномъ случаѣ, считая себя лишь ученикомъ, ищущимъ разрѣшенія недоумѣній. Но вотъ примѣръ, какъ онъ былъ весьма чутокъ и въ серьезныхъ научныхъ вопросахъ. „Я радуюсь, писалъ онъ, что Строевъ довелъ до окончанія изданіе Софійскаго Временника, но пожалуйста, не допускайте до раздачи ни одного экземпляра, не повѣря, ошибаюсь ли я или нѣтъ, когда заключаю, что Строевъ сдѣлалъ большую ошибку, которая подвергнетъ насъ всѣхъ осужденію людей ученыхъ. Онъ въ прибавленіи беретъ Кедрина и Георгія Грѣшнаго (мѣста изъ котораго, помѣщенныя въ древней лѣтописи, отчасти сходны съ извѣстіями Кедрина, который притомъ назывался Георгіемъ) ¹⁾ за одну и ту же особу, а я почитаю, что эти два писателя совсѣмъ разные. Послѣдній извѣстенъ подъ именемъ Георгія Амартола и изъ него-то вѣроятно слово въ слово выбиралъ Несторъ и вносилъ въ свою лѣтопись ²⁾. Ежели Строевъ неправъ, то непременно надобно будетъ этотъ листъ совсѣмъ истребить и съ точностью въ новомъ листѣ опредѣлить, изъ котораго писателя византійскаго Несторъ дѣлалъ выписки, а ежели точно сего опредѣлить нельзя, то пройти молчаніемъ“, (Барсуковъ, по неиздан. перепискѣ госуд. канцлера, ib., 40—50). Разслѣдованіе этого вопроса, по порученію Румянцова, было поручено Калайдовичу,

¹⁾ Славянскій переводъ Георгія Грѣшнаго, подавшій поводъ къ этимъ объясненіямъ, былъ найденъ Строевымъ въ 1819 г., при описаніи библиотеки гр. О. А. Толстого.

²⁾ На заимствованіе извѣстныхъ мѣстъ древнимъ русскимъ лѣтописцемъ у Г. Амартола еще въ 1806 г. указалъ Кругъ. Ж. Мин. Н. Просв., т. XV, отд. V, 24.

который подтвердилъ разность въ извѣстіяхъ Кедрина и Г. Грѣшнаго, но не рѣшился сдѣлать дальнѣйшаго заключенія, не зная лѣтописи послѣдняго. Строевъ былъ введенъ въ недоразумѣніе Шлецеромъ, который называетъ греческимъ источникомъ Нестора именно Кедрина. Но и послѣ этого Строевъ не согласился сдѣлать прямаго вывода въ пользу Амартола, а потому совсѣмъ исключилъ весьма цѣнныя прибавленія въ 1 части Соф. Временника и самый Временникъ вышелъ только въ 1820 году. Строевъ издалъ свою записку о греческомъ источникѣ древней лѣтописи спустя четыре года (Сѣв. Архивъ, 1826, ч. 21, № 11). Впрочемъ и здѣсь онъ еще не зналъ, кому приписать сходныя мѣста въ греч. и русскомъ лѣтописцѣ и только потомъ авторомъ ихъ назвалъ Амартола (ч. 23, № 19 и 20, стр. 274. Обѣ статьи сведены вмѣстѣ и перепечатаны въ труд. и лѣт. общ. ист. и древн., т. IV, кн. I).

В. С. Иконниковъ.

Кіевъ.

[Окончаніе въ слѣдующей книгѣ].

АМУРСКОЕ ДѢЛО

И ВЛІЯНІЕ ЕГО НА ВОСТОЧНУЮ СИБИРЬ И ГОСУДАРСТВО.

Амурское дѣло, получившее въ свое время громкую извѣстность по горячей полемикѣ, которой оно было предметомъ въ нашей журналистикѣ, съ 1858 по 1864 годъ, не было однакоже никогда представлено въ цѣлостномъ, послѣдовательномъ изложеніи, вслѣдствіе разныхъ препятствій, которыя встрѣчало въ печати обнаруженіе нѣкоторыхъ, необходимыхъ для поясненія дѣла, весьма важныхъ документовъ. Полагаемъ поэтому, что предлагаемый здѣсь краткій очеркъ его, хотя бы и въ самомъ сжатомъ, но систематическомъ изложеніи, сопровождаемый притомъ выписками изъ неизвѣстныхъ еще публикѣ документовъ, наполнить весьма важный пробѣлъ въ новѣйшей нашей исторіи, и послужить къ разъясненію многихъ вопросовъ, не разрѣшенныхъ вполнѣ и до сихъ поръ. Такимъ образомъ можно надѣяться, что предлагаемый очеркъ не только удовлетворитъ естественное желаніе имѣть правильное представленіе о прошедшемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставитъ и нѣкоторыя указанія, полезныя и для настоящаго времени, такъ какъ Амурское дѣло далеко еще не кончено и послѣдствія неправильности начального хода его продолжаютъ отзываться и понынѣ.

Общую причину неудачи, при первой попыткѣ, овладѣть Амуромъ, и дурнаго хода дѣла при послѣднемъ занятіи Амурскаго края, можно обозначить такъ, что и то и другое было слѣдствіемъ недостаточной подготовки къ рѣшенію вопроса, съ тою впрочемъ разницею, что въ первомъ случаѣ неподготовка не зависѣла отъ

распорядителей дѣла, а была слѣдствіемъ общаго положенія государства, недостаточности еще его средствъ и неутвержденія власти его и во всей Сибири, и въ особенности въ Забайкальскомъ краѣ,—самомъ важномъ для Амурскаго предпріятія, а во второмъ—все можетъ вполнѣ быть приписано примѣси личныхъ цѣлей, возбуждавшихъ нетерпѣніе и пренебреженіе правилъ предусмотрительности, что и порождало постоянно ошибочныя мѣры, не только не служившія успѣху дѣла, но еще прямо дѣлавшія его и невозможнымъ.

Уже прошло болѣе трети столѣтія, (съ 1847 по 1881), съ тѣхъ поръ какъ приступлено было къ окончательному рѣшенію Амурскаго вопроса назначеніемъ лица, которому указана была эта цѣль, а между тѣмъ, единственнымъ результатомъ занятія Амура остается и до сихъ поръ: громадныя издержки казны, раззореніе восточной Сибири и въ особенности Забайкальскаго края, и безпрестанно возобновляющаяся необходимость новыхъ мѣръ и новыхъ расходовъ ¹⁾), чтобъ исправлять испорченное и передѣлывать все вновь, тогда какъ, при правильномъ веденіи дѣла, оно могло совершиться съ успѣхомъ, при меньшихъ несравненно расходахъ казны, и безъ нарушенія справедливости относительно Сибирскаго населенія, безъ раззоренія его и гибели людей.

Первое занятіе Амура совершилось вслѣдствіе того движенія, общаго Россіи со всею Европой, когда, не зная теоріи международнаго права, и не заботясь вообще разбирать ни право, ни справедливость, толпы авантюристовъ устремились на завоеванія какъ въ Америкѣ, такъ и въ Сибири, считая ихъ своимъ правомъ и прикрывая только иногда, цѣлями религіи и государственной пользы, свои личныя побужденія: жажду корысти, приманку разгульной жизни и привычку къ бродяжничеству. Наши казаки и другая вольница не заявляли, конечно, религіозныхъ притязаній, но тѣмъ не менѣе въ основаніе, и достаточное по ихъ мнѣнію оправданіе, приводили то, что они покоряли Сибирь—

¹⁾ Такъ, еще въ 1879 году, должны были издержать сотни тысячъ рублей на исправленіе вреда, причиненнаго штрафными солдатами, и на выселеніе ихъ съ Амура, послѣ того какъ переселеніе ихъ на Амуръ стоило громаднхъ расходовъ и сопровождалось такимъ вредомъ для всей Сибири, и особенно для Амура.

скіе народы подъ власть Бѣлаго Царя, не заботясь, разумѣется, о теоретическомъ разсмотрѣніи не только права на то вообще, но и какого либо уполномоченія отъ лица, за которымъ признавали право завоеваній. Дѣйствія нашихъ казаковъ и другой вольницы не пользовались, правда, такою извѣстностію и не были такъ опозитизированы, какъ подвиги Кортеса и Пизарро, но основаніе, сущность дѣла и условія успѣховъ были однѣ и тѣ же. Пользуясь и тамъ и здѣсь преимуществомъ огнестрѣльнаго оружія и разрозненностію и враждою между собою разныхъ племенъ и мелкихъ народцевъ, наша вольница покоряла ихъ, и, распространяясь безпрепятственно во всѣ стороны, перешла даже за океанъ; она проникла въ Забайкальскій край, но тутъ уже пришлось ей столкнуться съ могущественнымъ и крѣпко организованнымъ государствомъ, и притомъ въ такое время, когда новая династія была въ апогеѣ своего могущества и нравственной силы. Государство же у насъ, хотя и принимало и отдаленныя завоеванія авантюристовъ, но поддерживало ихъ слабо и не систематически, и, испытавъ неудачу въ удержаніи Амура, вынуждено было отказаться отъ него, и можно еще считать большою выгодною, что могло тогда удержать и укрѣпить за собою, по крайней мѣрѣ, Забайкальскій край. Съ тѣхъ поръ, въ теченіи долгаго времени, въ сознаніи своей неподготовленности къ борьбѣ въ тѣхъ мѣстахъ, всѣ заботы русскаго правительства обращены были уже на то только, чтобъ жить въ мирѣ съ Китаемъ, и это была, конечно, самая благоразумная политика, потому что безъ этого, не только новыя какія либо завоеванія, но даже сохраненіе прежнихъ въ Сибири, и поддержаніе порядка и спокойствія въ ней, особенно съ тѣхъ поръ какъ она сдѣлалась странною ссылки, были бы невозможны, или потребовали бы огромныхъ усилій и расходовъ. Вотъ почему, ради главной выгоды, доставляемой миромъ съ Китаемъ, наше правительство поступало благоразумно, смотрѣвъ не слишкомъ строго на мелкія стѣсненія и придирки Китая, въ виду того, что въ главномъ онъ исполнялъ строго и добросовѣстно отношенія добраго сосѣда, охраняя нашу границу лучше, чѣмъ мы сами были бы въ состояніи охранить ее.

Вновь возникаетъ опредѣленно идея о занятіи Амура, только уже при Екатеринѣ II-й, но и она увидѣла, что приступить окончательно къ рѣшенію этого вопроса еще преждевременно. На

запросъ, сдѣланный ген.-губернатору Якоби, сколько потребно войска для успѣха предпріятія, оказалось, что въ виду ненадежности еще Забайкальскихъ инородцевъ, нужно столько, что Забайкальскій край не былъ еще въ состояніи продовольствовать такое количество, почему предпріятіе такъ и осталось безъ исполненія; но изъ нѣкоторыхъ распоряженій правительства можно было однако же замѣтить, что имѣлась уже въ виду подготовка къ рѣшенію вопроса устраненіемъ по крайней мѣрѣ того, что поставило при первыхъ попыткахъ главное препятствіе, и надо сказать, что рядъ принятыхъ мѣръ былъ болѣе систематиченъ и цѣлесообразенъ чѣмъ то, что дѣлалось въ послѣднее время, когда однако же задумали приступить окончательно къ выполнению предпріятія какимъ бы то ни было способомъ. Очевидно было, что если когда либо суждено будетъ осуществиться Амурскому предпріятію, то главною опорою для него долженъ служить неминусемо Забайкальскій край, и потому всѣ мѣры въ концѣ царствованія Екатерины II, при имп. Павлѣ, и въ началѣ царствованія Александра I, и были направлены къ тому, чтобъ усилить въ Забайкалѣ русскій элементъ, и улучшить хозяйственное положеніе края. При Екатеринѣ переселены, изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, въ Забайкалье старовѣры и раскольники, пришедшіе съ семействами, и потому и названные вполнѣдствіи „сѣмейскими“ крестьянами, въ отличіе отъ штрафныхъ переселенцевъ, приходившихъ преимущественно одиночными. При Павлѣ пришли, также семьями, русскіе крестьяне, пожелавшіе идти въ Сибирь въ зачетъ рекрутъ; въ началѣ царствованія Александра, переселились добровольно малороссіяне. Всѣ они образовали отличныхъ хлѣбопашцевъ и устроились скоро, потому что переселеніе совершалось безъ торопливости, не для показу, а правильно и постепенно, среди уже населенія, отъ котораго новопрішедшіе могли получить первое снабженіе для хозяйственнаго обзаведенія; люди приходили на мѣста, заранѣе извѣстныя и для нихъ отведенныя; могли безъ затрудненія пріобрѣтать домашній рабочій скотъ въ краѣ, богатомъ скотоводствомъ, и поэтому могли безъ всякаго замедленія приниматься за работу. Съ другой стороны и начальство не было на эфффекты, и хотя и было не безъ грѣха, но занималось однакоже и устройствомъ истинно полезныхъ для края вещей; улучшались средства сообщенія проложеніемъ дорогъ,

учрежденіемъ опредѣленныхъ почтовыхъ станцій, устройствомъ сплава по рѣкамъ, образованіемъ искусныхъ сплавщиковъ и лоцмановъ, учрежденіемъ больницъ, устройствомъ минеральныхъ водъ, образованіемъ ремесленныхъ заведеній и пр.

Забайкальскій край, изъ котораго истекаютъ всѣ рѣки, образующіе Амуръ, изъ котораго одного могли отправляться и экспедиціи для занятія Амура и для колонизаціи его, который долженъ былъ давать и продовольствіе для нихъ, долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить и главнымъ разсадникомъ для колонизаціи, и въ этомъ отношеніи главною задачею при подготовкѣ къ успѣху предпріятія было не только усиленіе новыми переселенцами русскаго населенія въ Забайкалѣ, для увеличенія средствъ края, но и сохраненіе стараго населенія, такъ какъ въ немъ преимущественно и можно было найти самыхъ надежныхъ колонизаторовъ для Амура.

Успѣхъ колонизаціи всегда зависитъ, главнымъ образомъ, отъ сокращенія времени, употребленнаго на переселеніе, чтобъ переселенецъ прибывалъ на мѣсто съ неистощенными силами и средствами; отъ удобства сношеній съ устроенными уже заселенными мѣстами, откуда онъ на первыхъ порахъ всегда могъ бы получать снабженіе и помощь; отъ сходства климатическихъ условій новыхъ мѣстъ съ мѣстами прежняго жительства, (нѣмцы, не смотря на всѣ поощренія и пособія правительства въ Бразиліи, не могутъ, вслѣдствіе слишкомъ большой разницы новыхъ климатическихъ условій съ тѣми, къ какимъ привыкли въ прежнихъ мѣстахъ жительства, упрочиться въ ней, какъ земледѣльцы), и наконецъ отъ главнѣйшаго изъ всѣхъ условій, чтобъ переселеніе было добровольное и выборъ мѣста свободный. Первое важно потому, что тогда идутъ люди способные къ дѣлу колонизаціи, второе потому, что тогда человекъ выберетъ мѣсто, наиболее соотвѣтствующее тѣмъ занятіямъ, къ которымъ онъ уже привыкъ.

Къ сожалѣнію, при послѣднемъ приступѣ къ занятію Амура, всѣ эти коренныя условія успѣха были сразу нарушены для цѣлей, совершенно постороннихъ предпріятію, хотя въ самомъ краѣ и не было недостатка въ людяхъ, которые и указывали на то, что было полезно и необходимо для успѣха предпріятія, и предупреждали на счетъ тѣхъ ошибокъ, которыя должны были неминуемо повредить ему, какъ это можно усмотрѣть и изъ помѣщенныхъ въ слѣдующей книгѣ „Русской Старины“ документовъ.

Для усиленія русскаго элемента въ Забайкальскомъ краѣ, и для сохраненія прежняго населенія, какъ запаса для колонизаціи Амура, представлялись двѣ полезныя мѣры.

Еще прежде послѣдняго приступа къ рѣшенію Амурскаго вопроса, министерство государственныхъ имуществъ озабочено было переселеніемъ въ Сибирь крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній, и въ 1852 году, за два еще слѣдовательно года до первой экспедиціи на Амуръ, двинулось нѣсколько десятковъ тысячъ въ Тобольскую и Томскую губерніи; но какъ тамъ ничего не было приготовлено для принятія такой массы переселенцевъ, то они обратились въ скитальчество и бродяжничество, и постепенно мало по малу гибли, и во всякомъ случаѣ были потеряны для земледѣлія; а между тѣмъ изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ не подумали и малѣйшей части направить въ Иркутскую губернію и въ Забайкальскій край, для замѣщенія тѣхъ старыхъ жителей края, которые заявляютъ желаніе переселиться на Амуръ, и которые могли бы сдавать свое готовое хозяйство новопрішедшимъ, съ выгодною для нихъ и безъ потери для себя.

Другая мѣра, имѣющая цѣлію сохраненіе въ краѣ людей, долженствующихъ образовать надежный контингентъ для переселенія на Амуръ, состояла въ освобожденіи края отъ рекрутской повинности, что тѣмъ легче было получить, что въ самой же восточной Сибири существовалъ соотвѣтственный прецедентъ, въ освобожденіи киренскаго округа, Иркутской губерніи, отъ этой повинности. Между тѣмъ въ одинъ промежутокъ съ 1853 по 1856, взято въ рекруты изъ Забайкальскаго края тысячи три лучшихъ работниковъ-хлѣбопашцевъ; количество ничтожное для усиленія полуторамилліонной арміи, да притомъ почти и бесполезное, такъ какъ оно не могло никогда послѣть во-время на театръ войны. При этомъ замѣтимъ еще, что изъ киренскаго округа передвиженія и скорѣе и удобнѣе, такъ какъ, кромѣ болѣе близкаго разстоянія отъ Иркутска, нѣтъ того препятствія, которое ставитъ для сообщенія съ Забайкальскимъ краемъ море Байкаль, два раза въ году, при покрытіи и при вскрытіи его, совершенно прерывающее сообщеніе. Можно понять, какой отличный резервъ для колонизаціи Амура представили бы эти тысячи людей, поступавшихъ въ рекруты безъ пользы для арміи, составляя между тѣмъ

ничѣмъ незамѣнимую потерю для стараго края и для колонизаціи новаго.

Но вмѣсто усиленія и сохраненія русскаго населенія въ Забайкальскомъ краѣ, въ виду колонизаціи Амура, начали, напротивъ, съ ослабленія еще этого населенія, выселеніемъ нѣсколькихъ сотенъ лучшихъ и состоятельныхъ хлѣбопашцевъ на Яеутско-Аянскій трактъ; предпріятіе, не имѣвшее ровно никакой разумной, практической цѣли. Имѣя уже въ виду занятіе Амура, съ цѣлю образовать изъ него главный путь сообщенія съ Великимъ Океаномъ и нашими прибрежными мѣстами Охотскаго и Камчатскаго морей, а равно и съ нашими колоніями въ Америкѣ, нечего было понапрасну хлопотать объ открытіи почтоваго Аянскаго тракта, (какъ коммерческій, онъ давно существовалъ), и еще болѣе не извинительно было вести дѣло такъ необдуманно, что единственнымъ слѣдствіемъ были большіе безплодные расходы, и полная гибель нѣсколькихъ сотенъ лучшихъ хлѣбопашцевъ.

Еще менѣе имѣло смысла, въ виду безотлагательнаго занятія во всякомъ уже случаѣ по крайней мѣрѣ устья Амура, перетаскиваніе населенія изъ Охотска, (съ полнымъ притомъ раззореніемъ его), въ Камчатку, съ учрежденіемъ тамъ военнаго губернатора, съ тѣмъ, чтобъ оттуда почти немедленно перетаскивать это несчастное населеніе на устье Амура, за чѣмъ послѣдовало новое перетаскиваніе во Владивостокъ. Понятно, что это населеніе, имѣвшее хозяйственное устройство въ Охотскѣ, и лишившееся его при выселеніи изъ Охотска, нигдѣ потомъ не могло уже прочно устроиться, и должно было или погибнуть отъ голода, или поступить всецѣло на продовольствіе отъ казны, когда она и безъ того была уже затруднена продовольствіемъ лишняго войска,—переведеннаго въ Забайкалье и на Амуръ отъ Иркутска и Красноярска. Таковы были невыгодныя прелюдіи относительно населенія еще до начала движенія на Амуръ. Затѣмъ слѣдуетъ, и еще съ большими вредными послѣдствіями и для предпріятія, и для благосостоянія Забайкальскаго края, полный разгромъ хлѣбопашества въ Нерчинскомъ, (слѣдовательно самомъ важномъ для предпріятія, какъ непосредственно ближайшемъ къ будущему театру дѣйствія), краѣ; разгромъ, произведенный двумя необдуманными мѣрами: ломкою горнаго вѣдомства для цѣли совер-

шенно посторонней, и обращеніемъ горныхъ крестьянъ въ пѣшіе казаки, вопреки всякой разумной цѣли и историческому ходу казачества въ Россіи,—обращеніемъ, создавшимъ достойную смѣха фикцію, также для цѣли исключительно личной.

Ломка горнаго вѣдомства произошла по враждѣ къ министру финансовъ Вронченко ген.-губернатора Восточной Сибири Муравьева, хотѣвшаго доказать, что онъ, при непосредственномъ завѣдываніи имъ Нерчинскими заводами, доставить болѣе отъ нихъ дохода, увеличивъ количество добываемаго золота съ 28 п. (какъ было за послѣдній отчетный годъ), до 100 пуд.

Въ объясненіе этого должно замѣтить предварительно, что серебряное производство Нерчинскихъ заводовъ давно уже не только перестало быть выгоднымъ, но было еще положительно въ убытокъ, и если отъ него и показывался еще доходъ, то единственно вслѣдствіе того, что все дѣло маскировалось налогомъ на крестьянъ, какъ это обнаружилъ Д. И. Завалишина еще въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ревизовавшему Восточную Сибирь сенатору Толстому, о которыхъ говорится въ благодарственномъ письмѣ къ Д. И. З., находящемся въ приложенныхъ документахъ. Дѣло заключалось въ томъ, что горнозаводскіе крестьяне были обложены натуральными повинностями: возкою руды, выжиганіемъ и поставкою угля, рубкою и доставкою дровъ и пр., получая за это опредѣленную плату, и по размѣру этой платы, серебряное производство давало какъ будто бы выгоду; но какъ эта плата была въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительной стоимости работы, (что всегда выказывалось, когда одному приходилось нанимать за себя другаго для выполненія урочной работы), то дѣйствительная стоимость серебрянаго производства и оказывалась, не по фиктивной, а по дѣйствительной оцѣнкѣ работы, дороже, чѣмъ цѣна добытаго серебра. Различіе же въ цѣнѣ работы образовалось въ теченіи времени отъ того, что лѣса, а вслѣдствіе сего и рубка дровъ, и выжиганіе угля (курени) и доставка ихъ, удалились отъ заводовъ, а ближніе, богатые рудники, дававшіе нѣкогда „отъ благодати Божіей“ даже излишекъ противъ смѣтнаго назначенія выплавки серебра, оскудѣли, и замѣнены были болѣе отдаленными рудниками. Вотъ почему и само горное вѣдомство, когда открылись въ Нерчинско-заводскомъ округѣ золотые прииски, стало усиливать добычу золота и сокращать серебряное произ-

водство, но дѣлало это постепенно, чтобы слишкомъ поспѣшнымъ перемѣщеніемъ людей не разстроить сельскаго хозяйства и не затруднить продовольствія людей на новыхъ мѣстахъ. При значительной потребности казны для продовольствія ссыльно-каторжныхъ и горныхъ служителей, жившихъ постоянно при существовавшихъ издавна заводахъ и рудникахъ, было большимъ облегченіемъ для казны—что не только чиновники и вообще всѣ служащіе, но и самые ссыльно-каторжные, особенно семейные, имѣли всѣ собственное хозяйство, свои дома, пашни, огороды, домашній скотъ и птицу, обезпечивавшіе имъ собственное продовольствіе, а за провіантъ брали деньги, нужные имъ на другіе предметы, такъ какъ людямъ, находящимся постоянно на казенной службѣ и работѣ, и живущимъ въ мѣстахъ, населенныхъ одними служащими, не отъ чего и не отъ кого было зарабатывать деньги. Такимъ образомъ закупы хлѣба для казны, въ дѣйствительности, были всегда меньше, чѣмъ сколько приходилось по расчету довольствуемыхъ лицъ. Но Н. Н. Муравьевъ, похвалясь, что добудетъ сто пудъ золота, и желая, разумѣется, добиться этого во что бы ни стало, согналъ огромную массу каторжныхъ и горнозаводскихъ служителей въ пустынное мѣсто, на золотые пріиски, для усиленной ихъ разработки, при чемъ люди должны были покинуть свои дома и все свое хозяйство, чрезъ что уже одно хлѣбопашество сразу уменьшилось на нѣсколько тысячъ десятинъ, а дѣйствительная потребность хлѣба для казны возрасла въ нѣсколько разъ, потому что пришлось теперь не только выдавать натурою все то, за что прежде рады были получать деньгами, но еще продовольствовать и женъ и дѣтей рабочихъ, пришедшихъ съ ними на карійскіе пріиски, потому что, съ лишеніемъ продовольствія отъ собственного хозяйства, они другаго средства прокормиться не имѣли. Но этимъ бѣдствіе еще не ограничилось. Лишенные собственнаго крова, пригнанные въ суровое время года туда, гдѣ для нихъ ничего не было приготовлено, вынужденные жить въ землянкахъ, вырытыхъ въ мерзлой землѣ, люди подверглись всѣмъ послѣдствіямъ голода и холода: развился сильный повальный тифъ, унесшій слишкомъ тысячу человѣкъ изъ самаго лучшаго, здороваго рабочаго населенія. Итакъ, въ то время, когда запасъ людей и продовольствія составляли первыя, жизненные условія успѣха Амурскаго дѣла, первыя распоряженія глав-

наго начальника были таковы, что хлѣбопашество, и вообще домохозяйство, было приведено въ разстройство въ самомъ необходимомъ для предпріятія краѣ, и число здоровыхъ работниковъ въ немъ значительно уменьшилось гибелью переселенцевъ на Аянскомъ трактѣ и рабочихъ на карійскихъ золотыхъ приискахъ.

Но ста пудъ золота все-таки не вымыли! За три первые года добыча не превышала, въ средней сложности, 70-ти пудъ, а расходы казны отъ этой затѣи настолько возросли, что далеко превысили цѣнность того излишка, который давала усиленная работа, противъ того количества, которое, увеличиваясь постепенно, изъ году въ годъ, было бы получено при правильномъ ходѣ естественнаго развитія; и если впослѣдствіи и было однажды добыто и болѣе ста пудъ, то совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ, на Шахтминскомъ золотомъ приискѣ, открытомъ давно, какъ и карійскіе, и гдѣ случайно попали на котловое мѣсторожденіе съ богатымъ содержаніемъ; а что тамъ не рассчитывали ни искать, ни получить много золота, лучшимъ доказательствомъ служить то, что получили нечаянно чуть не въ десять разъ больше того количества, которое по смѣтѣ, на основаніи развѣдокъ, опредѣлено было получить.

Еще въ большемъ несравненно размѣрѣ произведено было разстройство экономического положенія края, обращеніемъ горныхъ крестьянъ-хлѣбопашцевъ въ пѣшіе казаки; и все это только для созданія фиктивнаго войска, вовсе непригоднаго для дѣйствія, и удовлетворявшаго однимъ личнымъ цѣлямъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, невѣжество и безнравственность исполнителей усилили тягость населенія, особенно новыхъ казаковъ, неимовѣрными злоупотребленіями. Пока они были крестьянами, все ихъ управленіе состояло изъ пяти волостныхъ правленій и трехъ управителей, изъ которыхъ двое завѣдывали, каждый, двумя волостями, а третій одною, и былъ въ то же время комиссіонеромъ заводовъ въ Читѣ; затѣмъ, при горномъ правленіи, имѣлось хозяйственное отдѣленіе; вотъ и все. И вдругъ, вмѣсто этого простаго, несложнаго и дешеваго управленія, явилось 12 баталіонныхъ, 3 бригадныхъ и одно войсковое правленіе и войсковое дежурство, наказной атаманъ и его штабъ. Болѣе тысячи человекъ взрослого рабочаго населенія пошло на одну внутреннюю службу, на писарей, вахтеровъ, деньщиковъ къ офицерскимъ чинамъ, затѣмъ на караулы

при правленіяхъ, арсеналахъ, цейхгаузахъ, при пороховыхъ погребахъ. Затѣмъ на войско же была возложена постройка всѣхъ зданій для разныхъ правленій, нарядомъ на поставку матеріала и на производство работъ, по произвольно назначенной цѣнѣ, что поглотило всѣ рабочіе руки и открыло дверь самымъ возмутительнымъ злоупотребленіемъ, описаніе и доказательство которыхъ находятся и въ приложенныхъ документахъ. А кто исчислить что вытерпѣло населеніе отъ невѣжества, корыстолюбія и безнравственности нѣкоторыхъ начальственныхъ лицъ, которымъ оно предано было въ безотчетный произволъ по строевой, хозяйственной и даже нравственной части, когда безнравственные начальники считали себя въ правѣ подвергать своему надзору даже и нравственныхъ женщинъ и дѣвицъ!

Извѣстно, какъ затруднителенъ бываетъ всегда наборъ офицеровъ, когда случается внезапно формированіе значительной массы войскъ; туда бросаются и принимаются люди безъ строгаго разбора; но это не представляетъ еще особеннаго неудобства, когда идетъ формированіе войска для военныхъ дѣйствій, непосредственно; было бы знаніе фрунтовой службы и храбрость, этого достаточно, а вредъ отъ недостатковъ нравственныхъ уже и тѣмъ, большею частію, ограничивается, что нѣтъ случая для ихъ проявленія. Со-всѣмъ иное дѣло, когда невѣждѣ и безнравственному человѣку населеніе предается въ полную власть съ тысячами предлоговъ вмѣшиваться во все, отъ строеваго обученія и хозяйства до домашняго быта и нравственности. А каковы были многіе пріѣхавшіе начальствовать надъ новосозданнымъ Забайкальскимъ казачьимъ войскомъ—можно судить по слѣдующему: когда первый наказной атаманъ этого войска представлялся покойному Государю Александру Николаевичу, бывшему тогда наслѣднику и атаману всѣхъ казачьихъ войскъ, то наслѣдникъ сказалъ наказному атаману, предупредивъ даже его докладъ: „У тебя составъ офицеровъ плохъ; я знаю, что къ вамъ постарались повычистить все, что было негоднаго въ другихъ войскахъ; садись, и напиши мнѣ, сей же часъ, списокъ пяти или шести человѣкъ, кого помнишь, изъ самыхъ негодныхъ, для немедленной выключки, въ примѣръ другимъ; а послѣ будешь представлять о выключкѣ тѣхъ, кто окажется неисправимъ.“

Какъ мало было вообще предусмотрительности и сообрази-

тельности у главнаго начальства, приготовляясь въ занятію Амура, можно видѣть еще и изъ слѣдующаго примѣра: при переводѣ трехъ баталіоновъ въ Забайкальскій край, въ виду дѣйствій для рѣшенія Амурскаго вопроса, задумали строить для нихъ постоянныя и дорого стояющія казармы, хотя и очевидно было, что пребываніе этихъ баталіоновъ въ Забайкальѣ могло быть только самое кратковременное, потому что Амурскій вопросъ былъ уже такъ поставленъ, что безотлагательное рѣшеніе его было уже неизбежно, сухопутною ли экспедиціей на Цыцихаръ, какъ прежде предполагалось, или рѣчною, по Амуру, какъ рѣшились на то впослѣдствіи. И вотъ на приготовленіе матеріала для постройки казармъ были затрачены артельные солдатскія деньги, а казармы такъ и не выстроены.

Точно также лишено было всякаго практическаго значенія заведеніе тяжелой артиллерійской батареи, такъ какъ не могло быть такой массы войска, для которой она бы приличествовала, да и въ предполагавшихся экспедиціяхъ не было такихъ дорогъ, по которымъ она могла бы двигаться; такимъ образомъ, эта доставленная сухопутно изъ Россіи, съ обремененіемъ населенія, и дорого стоившая казна батареи, оставалась безъ пользы слишкомъ двадцать лѣтъ въ Верхнеудинскѣ, и артиллеристы не знали другаго дѣла, кромѣ занятія караула при острогѣ.

Между тѣмъ самый переводъ въ Забайкальѣ линейныхъ баталіоновъ и сформированіе артиллеріи пѣшей и конной, также въ свою очередь увеличили потребность казны въ продовольствіи, а въ это-то время вся хозяйственная часть населенія и разстроивалась всѣми возможными способами, потому что кромѣ обязательной службы, по положенію, придумывали всякіе предлоги, чтобъ отвлекать отъ хозяйства даже и неслужилое казачество.

Требовали, напр., подростковъ для дѣланія патроновъ, и заставляли откупаться; наряжали на произвольно придуманныя работы, причемъ командиръ заявлялъ, что можетъ нанять за нихъ работниковъ со стороны, и бралъ на это деньги, а работы по-двигались весьма медленно; забрали всѣхъ кузнецовъ, столяровъ и маляровъ, вмѣсто опредѣленнаго очереднаго срока, на неопредѣленное время, для постройки обоза, никогда потомъ не бывшаго въ дѣлѣ; наконецъ, дошли до того, что потребовали всѣхъ дѣвокъ въ баталіонныя квартиры, яко бы для шитья обмундировки;

но тутъ уже казаки стали угрожать, что возмутся за топоры...

Теперь спрашивается: для чего нужно было сформированіе этого фиктивнаго войска, до такой степени раззорившее населеніе нерчинскаго края, и подорвавшее всѣ условія успѣха колонизаціи Амура?

Для здраваго смысла всегда было очевидно, что 25 т. ревизскихъ душъ, оставаясь хлѣбопашцами, легче могли прокормить 12 линейныхъ баталіоновъ, чѣмъ дать изъ себя 12 баталіоновъ и кормить и ихъ, и все населеніе, липшась 12 т. хлѣбопашцевъ, такъ какъ эти 12 т. войска должны были заключать въ себѣ все рабочее населеніе. Но для видовъ личныхъ, сформированіе хотя бы и фиктивнаго войска было понятно, какъ и объясняли это всѣ въ свое время.

Прежде генераль-губернаторъ Западной Сибири былъ корпуснымъ начальникомъ войскъ и въ Восточной, принадлежавшихъ тогда къ общему составу сибирскаго корпуса. Съ отдѣленіемъ войскъ Восточной Сибири подъ начальство генераль-губернатора Восточной Сибири, хотя и безъ названія корпуснаго командира, но съ правами его, оказалось, что у новаго корпуснаго командира было всего подъ командою 4 гарнизонныхъ баталіона, да нѣсколько инвалидныхъ командъ! А между тѣмъ, званіе корпуснаго командира занимаетъ высшее мѣсто въ военной іерархіи, первое послѣ главнокомандующаго арміей! Какъ тутъ удовлетвориться честолюбію съ начальствованіемъ надъ четырьмя гарнизонными баталіонами, съ однимъ бригаднымъ командиромъ? А при сформированіи хотя бы и фиктивнаго войска, являются и начальники штаба, и наказные атаманы, и дивизионные доктора, и оберъ-квартирмейстеры, и, считая съ артиллеріей, 8 бригадныхъ командировъ, 4 батарейныхъ, (пѣшихъ и конныхъ), 6 полевыхъ, 12 баталіонныхъ, казачье отдѣленіе при главномъ управленіи, войсковое правленіе, дежурство и корпусное и войсковое, чего-чего нѣтъ! А тутъ еще военный губернаторъ въ Камчаткѣ, гдѣ не было и 20 т. жителей, губернаторъ въ Якутскѣ, градоначальство въ Кяхтѣ, даже и по особымъ порученіямъ генераль; понятно, что главный начальникъ могъ похвалиться, что вотъ-моль сколько у него однихъ генераловъ подъ командою!

Но послѣдствія всей этой суеи не замедлили однако же обнаружиться въ весьма неблагоприятномъ видѣ; все это привело къ

такому экономическому разстройству края, что не чѣмъ стало прокормить даже одного баталіона въ Читѣ и рабочихъ на Карійскихъ золотыхъ приискахъ, и генераль-губернаторъ вынужденъ былъ, въ декабрѣ 1852 года, прискакать кругомъ Байкала въ Читу, послѣ того какъ и гражданское и казачье начальство въ Забайкальѣ рѣшительно отказались уже достать провіантъ, и обратиться къ одному частному лицу, (Д. И. Завалишину), съ просьбою научить его, какъ добыть 6 т. пудъ муки для баталіона, и найти средство для перевозки 45 т. пудъ хлѣба изъ Верхнеудинска на Кару—и только безусловное довѣріе къ этому лицу въ край дало возможность, при устраненіи всякаго начальственного вмѣшательства, достать, по крохамъ, нужное количество муки у скрывавшихъ ее изъ опасенія, чтобы ее не отняли у нихъ ревизіей, и побудить бурятъ выставить на почтовый трактъ сѣно, чтобы сдѣлать возможнымъ провозъ хлѣба изъ Верхнеудинска.

Таковы-то были дѣйствія, которыми готовились къ занятію Амура; и все это было тѣмъ неизвинительнѣе, что не было недостатка въ людяхъ, которые могли указать полезное и предупредить ошибки. Всѣмъ извѣстно было, что начальство само признавало важность совѣта и содѣйствія Д. И. Завалишина, а потому постоянно и обращалось и за тѣмъ, и за другимъ, но полезное не приводилось въ исполненіе или извращалось для личныхъ цѣлей, а ошибки, не смотря на предупрежденіе, дѣлались и повторялись, потому что ими-то и достигались ближайшія личныя цѣли, хотя бы и со вредомъ для будущаго, а о будущемъ, что выйдетъ изъ всего этого, и не думали.

Но именно это самое лицо, къ которому въ крайности обращался генераль-губернаторъ съ просьбою вывести его изъ затрудненія, увидя до какого разстройства доведенъ былъ край, поставило на видъ возвратившемуся изъ отпуска военному губернатору и наказному атаману, необходимость принять самыя энергическія мѣры, для устраненія всѣхъ препятствій по хозяйству казаковъ и крестьянъ, и для составленія заблаговременно, исподоволь, запаса для обезпеченія экспедиціи на Амуръ, для которой начались уже и приготовленія постройкою парохода и лодокъ, (баржъ), а безъ этого запаса не было бы и возможно первое плаваніе по Амуру.

Содѣйствіе вышеупомянутаго лица первой экспедиціи на Амуръ было засвидѣтельствовано въ печати однимъ изъ участниковъ въ

экспедиціи, (А. С. Сгибневымъ въ „Др. и Нов. Россіи“). Строго отдѣляя лица отъ дѣла, Д. И. Завалишинъ, указывая на неправильныя дѣйствія распорядителей, никогда не отказывалъ въ полезномъ содѣйствіи дѣлу. Не смотря на то, когда подумали, что извлекли уже всю пользу изъ этого лица, по организаціи края, по устройству города, (гдѣ онъ исполнялъ безвозмездно разныя служебныя и общественныя должности), по приготовленіи первой экспедиціи, то покусились удалить его изъ Читы и вообще изъ края, чтобы избѣжать докучнаго свидѣтеля и обличителя злоупотребленій, котораго право на критику не могли не признавать, такъ какъ всѣмъ извѣстно было его содѣйствіе дѣлу, и онъ имѣлъ по этому полное право не дѣлать себя солидарнымъ съ тѣмъ, что дѣлалось помимо его, и вопреки ему. Попытка удалить его не удалась, и такимъ образомъ ему пришлось быть свидѣтелемъ всѣхъ послѣдствій неразумныхъ распоряженій и злоупотребленій, порожденныхъ личными цѣлями, что все было и предвидѣно имъ, и указано заранѣе.

Выше было изложено до какой степени были нарушены тѣ условія успѣшной колонизаціи Амура, которыя заключались въ запасѣ людей и въ обезпеченіи продовольствія, и вотъ, при первомъ же плаваніи по Амуру, не задумались нарушить и третіе изъ важнѣйшихъ условій успѣха: добровольное переселеніе и свободный выборъ мѣстъ; тутъ все было сдѣлано съ очевидною несправедливостію, съ содѣйствіемъ обмана, и съ отсутствіемъ даже здраваго смысла.

Надо сказать, что въ Забайкальскомъ краѣ было издавна сильное расположеніе по переселенію на Амуръ, который, по преданію отъ перваго еще его занятія, представлялся мѣстнымъ жителямъ въ какомъ-то идеальномъ видѣ. Къ тому же ближайшія мѣста, какъ-то: Албазинъ, Кумара и пр. ежегодно посѣщались нашими звѣроловами. Вотъ почему, когда вызвали въ первый разъ охотниковъ, то нашлось очень много пожелавшихъ переселиться и притомъ людей состоятельныхъ, съ большими запасами продовольствія и посѣвнаго хлѣба, со скотомъ и птицею, съ домашнимъ скарбомъ, потому что имъ сказали, что ихъ поселятъ въ Албазинѣ, куда они изъ мѣста сбора, (Шилкинскаго завода, на рѣкѣ Шилкѣ, образующей съ р. Аргуньею Амуръ), могли на своихъ плотахъ, годныхъ потомъ для постройки домовъ, проплыть менѣе

чѣмъ въ десять дней, а скотъ пригнать берегомъ. Кромѣ того, близость мѣста переселенія давала возможность поддерживать сношенія съ прежнимъ мѣстомъ жительства, и получать оттуда содѣйствіе, да и перевезти все хозяйство исподволь, безъ всякой потери. Но когда они явились на мѣсто сбора, имъ было вдругъ объявлено, что они могутъ взять продовольствія и скота не болѣе того, сколько можетъ помѣститься на баржахъ, такъ что тѣ, которые не имѣли провожавшихъ ихъ близкихъ родныхъ, должны были бросить все, или отдать за безцѣнокъ или и даромъ, а ихъ самихъ, вмѣсто Албазина, умчали на устьѣ Амура, за 3,000 верстъ, и въ мѣста непроизводительныя! И когда Д.И. Завалишинъ сказалъ по этому поводу Корсакову: „Михайло Семеновичъ! чѣмъ это вы надѣлали! зачѣмъ вы обманули людей? Знаете ли, что послѣ этого вы не найдете охотниковъ?“, то Корсаковъ пренаивно отвѣчалъ: „ну что-жъ? Надо прежде было заселить самыя дурныя мѣста, а на хорошія и послѣ всякій пойдетъ!“

Однако же вышло не такъ! Когда на второй годъ начали вновь вызывать охотниковъ, то не нашлось уже ни одного; буквально ни одного, ни изъ крестьянъ, ни изъ казаковъ.

Вотъ тутъ-то и началось насильственное переселеніе и заселеніе Амура средствами одно другаго безразсуднѣе. Очевидно, начальство потеряло голову, металось изъ стороны въ сторону, хваталось за системы совершенно противоположныя. То гнали на переселеніе богатыхъ казаковъ, но богатые, полезные хозяева въ своемъ мѣстѣ, гдѣ они управляли только хозяйствомъ, а сами не работали, имѣя всегда возможность нанимать работниковъ изъ бѣдныхъ своихъ собратій, изъ поселенцевъ и бурятъ, были сами плохіе работники, и на Амурѣ, гдѣ не откуда было взять наемныхъ работниковъ, мало приносили пользы, работая своими неумѣлыми и непривычными руками, и только озлоблялись, видя, что ихъ жены и дочери, пользовавшіяся на родинѣ благосостояніемъ, и потому только надзиравшія за хозяйствомъ, а сами не работавшія, вынуждены были на Амурѣ дѣлать кирпичи для печей не только собственнаго дома, но и для зданій ротныхъ, баталіонныхъ и полковыхъ, (у конныхъ казаковъ), управленій. Мы не говоримъ уже о томъ, въ какихъ злоупотребленіяхъ подала поводъ назначеніе на переселеніе богатыхъ. Затѣмъ ухватились за переселеніе бѣдныхъ; но бѣдные на родинѣ могли имѣть свое

хлѣбопашество только при помощи тѣхъ пособій и изворотовъ, какіе могли имѣть тамъ, и которыхъ не могли найти на Амурѣ. Если прибавить къ этому, что мѣста для поселенія выбирались чиновниками и офицерами, ничего несмыслящими въ хозяйствѣ, и что затѣмъ, то же невѣжественное начальство вмѣшивалось во всѣ хозяйственныя распоряженія казаковъ, то вполне понятно какіе результаты должно было дать такъ устроенное заселеніе Амура. Вмѣсто того, чтобы, какъ рассчитывали, что достаточно будетъ двухъ лѣтъ кормить переселенцевъ, а тамъ они не только будутъ имѣть свой хлѣбъ для себя, но и продавать излишекъ въ казну для продовольствія линейнаго войска, понадобилось кормить все болѣе и болѣе увеличивающееся число невольныхъ переселенцевъ неопредѣленное время. Между тѣмъ, самое переселеніе, уменьшая число хлѣбопашцевъ въ Забайкальскомъ краѣ, уменьшало и производство хлѣба при увеличеніи потребности на него для казны, и вотъ стали прибѣгать къ насильственнымъ закупамъ по произвольнымъ цѣнамъ, къ реквизиціямъ, раскладкѣ поставки хлѣба на душу, что разумѣется открыло дверь ко всевозможнымъ злоупотребленіямъ; а умножающееся съ каждымъ годомъ количество сплаваемого на Амуръ продовольствія, увеличивая ежегодно и количество потребныхъ для того судовъ, привело къ реквизиціи и на лѣсной матеріалъ, и на содѣйствіе сплавамъ, что еще увеличило, до-нельзя, отягощеніе населенія. Все устройство сплавовъ велось самымъ безразсуднымъ образомъ; при поспѣшной поставкѣ лѣснаго матеріала реквизиціоннымъ способомъ, баржи строились изъ сыраго лѣса зимою, а весною, при господствующихъ въ Забайкальѣ въ это время года засухѣ и сильномъ вѣтрѣ, разсыхались, и все нагружаемое въ нихъ подмачивалось, а бывало, что едва спущенныя баржи и тонули, какъ и случилось это съ баржею, нагруженною порохомъ, которая немедленно, по окончаніи нагрузки въ Шилкинскомъ заводѣ, тутъ же и потонула съ 2 т. пудъ пороха.

Далѣе: при такой несвоевременной постройкѣ, она всегда затягивалась весною, и лучшая, удобнѣйшая для сплава весенняя вода упускалась, а вслѣдствіе этого начиналось новое мученіе для населенія, для содѣйствія сплаву. Баржи садились безпре-станно на мель, на обмелѣвшей уже рѣкѣ; и вотъ, все прибрежное населеніе отзывалось отъ работы своей, въ самое горячее

время лѣтнихъ работъ, имѣющее въ Сибири, по краткости лѣта, еще болѣе значенія, чѣмъ гдѣ либо. Стоялись поголовно мужчины и женщины, не исключая подростковъ, разгружать баржи на плоты, протаскивать ихъ черезъ мели и снова нагружать.

Между тѣмъ, такъ какъ не находилось уже охотниковъ на добровольное переселеніе на Амуръ, ни между крестьянами, ни между казаками Забайкальскаго края, да притомъ и невольное переселеніе казаковъ нельзя было продолжать безконечно, не разстроивъ вполнѣ казачьяго населенія, составлявшаго главную массу жителей Нерчинскаго округа, то рѣшились наполнять Амуръ всякою сволочью: стали посылать каторжныхъ женщинъ, для хозяйства, ссыльно-каторжныхъ мужчинъ для постройки зданій и укрѣпленій, и наконецъ послали штрафныхъ солдатъ въ огромномъ количествѣ, болѣе десятка тысячъ, какъ для заселенія Амура, такъ и для замѣщенія выбывшихъ на Амуръ казаковъ Забайкальскаго войска. Эти штрафные, проходъ которыхъ чрезъ Сибирь ознаменованъ былъ всякаго рода безчинствами и преступленіями, въ конецъ раззорили казачье населеніе, особенно на Амурѣ, гдѣ въ каждую семью казака придали по одному штрафному солдату, подъ видомъ помощника въ работѣ, тогда какъ на дѣлѣ, они не только не помогали въ работѣ, но связали и самихъ хозяевъ.

„Ни въ лѣсъ его послать, говорили казаки, ни дома оставить нельзя. Пошлешь въ лѣсъ—либо лошадь изувѣчить, либо телѣгу сломаетъ, либо топоръ продастъ или пропьетъ; дома оставишь—непремѣнно что нибудь украдетъ“. Все это были люди, совершенно отвыкшіе отъ работы по долговому пребыванію въ тюрьмахъ и въ бродяжничествѣ; они внесли развратъ и всевозможные пороки и преступленія въ населеніе, къ которому были присоединены.

Однимъ изъ особенно выдающихся явленій, сопровождавшихъ это переселеніе на Амуръ штрафныхъ солдатъ, были такъ называемыя „Амурскія свадьбы“, представлявшія верхъ кощунства надъ таинствомъ брака. При проходѣ партій штрафныхъ солдатъ, находились въ нѣкоторыхъ городахъ радѣтели, которые набирали для нихъ въ жены распутныхъ дѣвокъ, и получали за то благодарность. Штрафные солдаты торговали и размѣнивались этими невѣстами, даже и въ самой уже церкви до самаго обряда вѣн-

чанія; размѣнъ происходилъ съ придачею и съ отступнымъ, и продолжался до тѣхъ поръ, пока отрядный офицеръ не выйдетъ изъ терпѣнія, не закричитъ: „скоро-ли вы разберетесь, черти! становитесь попарно!“, и тутъ же въ церкви пишетъ отношеніе: „къ церковно-служителямъ такой-то церкви“ и пр. и записываетъ пары, которыхъ и вѣнчаютъ гуртомъ. Разумѣется, изъ такихъ свадебъ, кромѣ разврата и повального распространенія сифилиса, ничего не вышло.

Когда въ Забайкальскомъ краѣ, гдѣ знали все, что происходитъ на Амурѣ, никакъ уже не могли найти охотниковъ переселиться на Амуръ, то задумали заманить туда крестьянъ изъ Россіи, разумѣется и не подозрѣвавшихъ, что ихъ на Амурѣ ожидаетъ. И потянулись эти несчастные за нѣсколько тысячъ верстъ, на что и безъ того нужно было долгое время, а тутъ еще худо рассчитанные сроки прибытія въ разные мѣста производили сверхъ того вовсе ненужныя задержки и остановки, такъ что переселенцы еще до половины пути издержали уже все, что имѣли, и уже съ самаго Красноярска стали побираться милостынею, и по точному изслѣдованію, произведенному въ Читѣ, при посадкѣ ихъ на баржи, изъ ста человѣкъ едва семь только сохранили кое-какія средства. Затѣмъ ихъ поселили на Амурѣ безъ всякаго соображенія къ ихъ привычкамъ; степныхъ жителей селили въ лѣсистыхъ мѣстахъ; а привыкшихъ къ расчищенъ лѣсу подъ пашню — водворяли въ мѣстахъ безлѣсныхъ. Слѣдствіемъ этого былъ неоднократный переводъ ихъ съ мѣста на мѣсто, а въ то же время разливы Амура, напередъ извѣстные, но которыхъ, при выборѣ мѣстъ для заселеній, не хотѣли принять въ соображеніе, не смотря на то, что они указываемы были самими казаками, — начали сгонять и казачье населеніе, и заставляли не одинъ разъ переносить и станицы на новыя мѣста; — пашни и огороды срывались, сѣно топило и уносило. Годъ проходилъ за годомъ, а хозяйство не только не упрочивалось, но приходило все въ большее разстройство; Амуръ не только не доставлялъ продовольствія для военныхъ командъ, но требовалъ самъ продовольствія собираемаго и отправляемаго изъ Забайкалья, а между тѣмъ караваны съ хлѣбомъ, добытымъ такою неправдою, какъ указано было выше, гибли съ миллионнымъ грузомъ; гибли и тысячи головъ скота, и пришлось для прокормленія военныхъ сухопутныхъ и морскихъ

командъ, на устьѣ Амура и въ другихъ прибрежныхъ мѣстахъ, посылать до послѣдняго времени хлѣбъ и другое продовольствіе, кругосвѣтнымъ путемъ изъ Россіи.

Даже относительно линейныхъ солдатъ не было никогда принимаемо никакихъ мѣръ для ихъ сохраненія и обезпеченія. Вѣлхотые сибирскіе морозы, ихъ посылали безъ теплой одежды; солдаты отмораживали себѣ руки и ноги, но лѣкарямъ запрещено было показывать это въ лазаретныхъ отчетахъ, а писались они больными яко бы отъ ушибовъ и порубокъ топоромъ. Одну партію рекрутъ отправили изъ Верхнеудинска уже съ зачатками тифозной эпидеміи, отъ чего, при достиженіи Читы, она развилась дорогою такъ, что изъ 500 человѣкъ рекрутъ умерло 200, да сверхъ того въ самой Читѣ и окрестностяхъ ея, отъ занесеннаго такого тифа, умерло много и мѣстныхъ жителей, и въ томъ числѣ два доктора, одинъ военный, а другой гражданскій.

Руководители Амурскаго предпріятія, въ виду очевидной неудачи его, но тѣмъ не менѣе поставленные въ необходимость защищать его, мѣняли нѣсколько разъ цѣль занятія для оправданія онаго, обличая тѣмъ отсутствіе сознанія дѣла. Сначала все говорили, что Амуръ нуженъ намъ какъ торговый путь и какъ опора нашей морской силы на Великомъ океанѣ. Но оказалось, что никакой торговли въ настоящемъ значеніи этого слова не развивалось; было одно только маркитантское снабженіе людей, состоящихъ на казенномъ жалованьи, и вся торговля основывалась на расходахъ казны. Устье Амура, запертое льдомъ большую часть года, да и въ остальное время трудно доступное за мелями и туманами, ознаменовалось многими крушеніями въ самое короткое время, и не представляло удобства и для купеческихъ судовъ, а для военныхъ было и вовсе не доступно по мелководію. Когда ничего изъ этого нельзя уже было отрицать, то стали утверждать, что Амуръ имѣетъ значеніе не какъ торговый путь, а по превосходному качеству своей почвы и своихъ произведеній: что тамъ есть и дубъ, и виноградъ и пр.; но утверждая все это, какъ бы и не замѣчали того противорѣчія, въ которое впадали. Чѣмъ болѣе расхваливали Амуръ въ этомъ отношеніи, тѣмъ естественнѣе и неотвязчивѣе возникалъ, разумѣется, вопросъ: отъ чего же при такихъ превосходныхъ условіяхъ Амуръ, въ теченіи почти уже двадцати лѣтъ, ничего не производитъ, а все еще требуетъ

снабженія изъ другихъ мѣстъ для поддержанія населенія? Пришлось приписывать новую цѣль для оправданія занятія. Не Амуръ самъ по себѣ нуженъ, стали говорить въ заключеніе, а состоящая съ нимъ въ связи страна, съ незамерзающими гаванями, а ключъ и путь къ этой странѣ, Амуръ и выпадающая въ него Уссури. Одно только забыли! Это именно то, что главные руководители дѣла, именно-то и были самыми жаркими противниками отысканія и занятія южныхъ незамерзающихъ, или, по крайней мѣрѣ, кратковременно замерзающихъ гаваней, какъ о томъ свидѣтельствуютъ и Невельской, въ посмертномъ своемъ сочиненіи, и М. А. Бестужевъ, въ помѣщаемыхъ въ слѣдующей книгѣ документахъ. А причина сопротивленія была очень понятна. Южно-уссурійскій край достался намъ совершенно случайно, благодаря войнѣ Китая съ Англіей и Франціей, и посредничеству нашего посланника Н. П. Игнатьева между воюющими сторонами; но этого нельзя было предвидѣть. При другихъ обстоятельствахъ, приобрѣтеніе южныхъ гаваней, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе Амурскаго дѣла законченнымъ, и полученіе за то наградъ, могли затнуться на неопредѣленное время.

Между тѣмъ, чѣмъ болѣе испытывали неудачъ на Амурѣ, тѣмъ болѣе усиливались и прикрывать ихъ, и поправить дѣло, наложеніемъ новыхъ тягостей на Забайкальскій край.

Допустить, чтобъ это такъ продолжалось, было нельзя, не рискуя безвозвратно гибелью края; вотъ почему, когда всѣ увѣщанія остались тщетными, Д. И. Завалишинъ рѣшился раскрыть въ печати настоящее положеніе дѣлъ и на Амурѣ, и въ Забайкальѣ. О впечатлѣніи, какое произвели его статьи, печатавшіяся въ „Морскомъ Сборникѣ“ и въ „Вѣстникѣ Промышленности“, находится много свидѣтельствъ въ приложенныхъ при семъ документахъ (смотри Октяб. книгу „Русской Старины“ изд. 1881 г.).

Главные указанія и доказательства, заключавшіяся въ упомянутыхъ статьяхъ, были слѣдующія:

1) Въ то время, какъ наемные хвалители успѣховъ на Амурѣ увѣряли, что на немъ (уже въ 1857 году) все уже было такъ устроено, что можно было, взявши подорожную въ любомъ мѣстѣ въ Россіи, ѣхать до самаго устья Амура съ такими же удобствами, какъ и вездѣ въ Россіи, на дѣлѣ не было рѣшительно ничего еще устроено.

Это рѣзче всего выказалось на гибели возвращавшагося съ

устья Амура, по заключеніи мира, отряда солдатъ, погибшаго отъ голода. Дѣло это было въ свое время скрыто, и статьи, относящіяся къ нему, не допущены къ печатанію; впоследствии оно обнаружилось и для публики чрезъ напечатаніе оправдательной записки командира отряда. Солдаты при упомянутомъ случаѣ дошли до того, что пожирали трупы умершихъ и все-таки умирали съ голода, и даже изъ тѣхъ, которые дотащились до мѣста, большая часть также вымерла отъ тифа, а многіе впади въ изступленіе ума, припоминая все, до чѣго они были доведены. Командиръ отряда обвиняетъ въ этомъ исключительно начальника штаба Буссе, но главныя распоряженія принадлежали М. С. Корсакову, бывшему тогда военнымъ губернаторомъ Забайкальской Области и главнымъ распорядителемъ по Амурскому дѣлу. Корсаковъ тѣмъ болѣе былъ виноватъ, что его заранѣе предупреждали о неизбежныхъ послѣдствіяхъ его распоряженій.

2) Амуръ самъ по себѣ, разумѣется, ни въ чемъ не виноватъ. Дѣло было испорчено тѣмъ, что для личныхъ видовъ затѣвали вещи невозможныя, а чрезъ то не могли извлечь изъ Амура и той пользы, которая была возможна.

3) Вся система колонизаціи была ошибочна, и сверхъ того прилагалась къ дѣлу самымъ безтолковымъ образомъ и со всевозможными злоупотребленіями.

4) Для содѣйствія мнимому успѣху быстрого развитія Амура наложены были на Забайкальскій край непосильныя тягости, совершенно разстроившія и раззорившія его, а между тѣмъ на Амуръ ничего не устроили, и понадобится снова много жертвъ, чтобы исправлять испорченное и почти все устраивать вновь.

5) Есть порча механическая, которую легко исправить съ новыми расходами, (напр., передѣлать худо устроенную крышу), и есть порча органическая, (напр., выколоть глазъ), которую ничѣмъ ужъ не исправить. Въ этомъ смыслѣ Амуръ образовалъ уже для государства злокачественную, неизлѣчимую язву. Новые соки, приливаемые въ гнилое броженіе, будутъ и сами портиться и не помогутъ дѣлу.

Все это было доказано такъ неопровержимо, что самые ревностные приверженцы главнаго начальника, участники и орудія гибельной системы, увидѣли, что нельзя уже продолжать дѣйствовать по прежнему, особенно, когда узнали какое впечатлѣніе произвели въ Петербургѣ статьи, Д. И. Завалишина, раскрывшія настоящее положеніе

дѣлъ и на Амурѣ, и въ Забайкальскомъ краѣ. Вотъ почему Кукель, состоявшій въ должности начальника штаба, одинъ изъ главныхъ участниковъ ложной системы и произвола, пріѣхавъ на временное губернаторство въ Читѣ, явился съ повинною къ автору вышеупомянутыхъ статей, которому много было обязанъ въ началѣ своей карьеры¹⁾, и сталъ увѣрять, что онъ и самъ созналъ весь вредъ системы, и отнынѣ будетъ дѣйствовать по новымъ правиламъ, которыя, дѣйствительно, и сталъ проповѣдывать своимъ подчиненнымъ, какъ свидѣтельствовалъ о томъ М. А. Бестужевъ въ письмѣ, находящемся въ документахъ, (кн. X, Р. Ст. 1881 г.). Но дѣло въ томъ, что все это было лицемѣріе и слѣдствіе страха обличенія, что хорошо понимали и подчиненные; стали только дѣйствовать скрытно; но какъ отъ автора статей ничто не могло быть скрыто на мѣстѣ, какъ это видно изъ приложенныхъ документовъ, то М. С. Корсаковъ, проискавши своими и наветами, добился удаленія Д. И. Завалишина изъ Читы въ Россію, надѣясь, что съ удаленіемъ докучнаго свидѣтеля и наблюдателя все уже будетъ скрыто. Однако это не только не послужило ему ни къ чему, но обратилось еще въ положительный вредъ и дѣлу, и самому Корсакову, который лишилъ себя этимъ и полезнаго совѣтника, который не разъ предостерегалъ его отъ грубыхъ ошибокъ, и честнаго дѣятеля, который строго отдѣляя личныя отношенія отъ дѣла, всегда содѣйствовалъ дѣлу. Затѣмъ по естественному развитію послѣдствій всякаго дурнаго начала, положеніе вещей неизбежно должно было становиться все хуже и хуже; а между тѣмъ скрывать его не оказалось уже никакой возможности. Послѣ поданнаго Д. И. Завалишинимъ примѣра, начали и другіе доставлять объ Амурѣ правдивыя свѣдѣнія, хотя и не подвергались тѣмъ прискорбнымъ послѣдствіямъ, которымъ подвергся онъ, разоблачивъ первый истинное положеніе дѣлъ на Амурѣ и всю неправильность хода Амурскаго дѣла. Все, на что онъ указывалъ заранѣе, оправдывалось постоянно, какъ свидѣтельствовали о томъ не только частныя лица, но и нарочно посланные ревизоры. Пришлось или совершенно уничтожать, или передѣлывать все сдѣланное; одно за другимъ. Пришлось бросить Николаевскъ на устьѣ Амура, и перевести морскія учрежденія и мѣстопробываніе военнаго губернатора во Владивостокъ; пришлось новочрежденныхъ казаковъ, однихъ прямо

¹⁾ Это свидѣтельствуютъ собственноручныя его письма.

обратить въ прежнее крестьянство, другихъ по возможности приблизить снова къ крестьянству; пришлось дозволить переселенцамъ самимъ выбирать мѣста, а прежнимъ дозволить переселиться на другія. Пришлось выселять съ Амура штрафныхъ солдатъ; часть ихъ пустить на всѣ четыре стороны, часть ихъ переселить въ Южно-Уссурійскій край, хотя и тамъ переселеніе ихъ сопровождалось тѣми же явленіями, какъ и при поселеніи ихъ на Амуръ. Казачье населеніе въ иныхъ мѣстахъ, какъ напр. по Уссури, до того испортилось, что посѣщавшія тѣ мѣста лица не находили другаго средства поправить дѣло, какъ выселить его поголовно, и селить тамъ новыхъ людей.

Новыя мѣры, которыми хотѣли было поправить дѣло, оказались не только бесполезными, но еще вредными. Опыты удѣльнаго вѣдомства съ переселеніемъ Финляндцевъ въ южно-уссурійскій край ни къ чему не привели, и были брошены недоконченными, стоивши однако же казнѣ полмилліона рублей. Золотопромышленность, допущенная на Амуръ, преждевременно—сопровождалась и тамъ тѣми же явленіями какъ и вездѣ, и привела только къ кровавому столкновенію съ манзами. Она, какъ извѣстно, и въ устроенныхъ издавна краяхъ, съ развитыми уже земледѣліемъ и промышленностію, по самой своей обстановкѣ, приносила вездѣ разстройство, предполагая даже добрую волю у хозяевъ, не говоря уже о злоупотребленіяхъ, а тѣмъ болѣе должна была принести одинъ лишь вредъ на Амурѣ, гдѣ и земледѣліе не упрочилось, а промышленность и вовсе не существовала. Золотопромышленность вездѣ отвлекала капиталы отъ болѣе полезныхъ и прочныхъ предпріятій, и занимая рабочихъ только въ краткій періодъ лѣтомъ, на все остальное время выбрасываетъ ихъ на содержаніе осѣдлаго населенія, въ обремененіе его, въ видѣ ли благотворенія, или въ видѣ воровства и другихъ преступленій. Рабочіе развращаются до-нельзя на прискахъ, и силы ихъ скоро истощаются отъ трудной работы; средній срокъ полагается не болѣе какъ въ семь лѣтъ; затѣмъ человѣкъ дѣлается неспособнымъ уже ни къ какой работѣ. Развратясь сами, они развращаютъ и все населеніе, въ которое возвращаются. На Амурѣ золотопромышленность обогатила только владѣтелей присковъ, виноторговцевъ, да пароходовладѣльцевъ, которые доставляли продовольствіе и другіе грузы на приски, но краю пользы не принесла; она не спо-

собствовала ни развитію земледѣлія, потому что продовольствіе доставляется изъ другихъ мѣстъ, ни развитію ремеслъ и фабричнаго производства, такъ какъ всѣ ихъ произведенія также привозныя, и преимущественно заграничныя. Наконецъ, обращеніе и Амурскаго и Забайкальскаго края въ *porto-franco*, затруднивъ только сношеніе ихъ съ Россіей учрежденіемъ внутренней таможи въ Иркутскѣ, и лишивъ казну таможенного дохода, послужило только къ наплыву китайцевъ, торговавшихъ беспошлинно и овладѣвшихъ мелочною торговлею, такъ что послѣ дарованныхъ имъ льготъ, вынуждены были принимать, наоборотъ, ограничивающія ихъ мѣры; затѣмъ усилило воровство золота съ присковъ, благодаря удобству сбыта ихъ чрезъ китайцевъ, и наконецъ содѣйствовало укрѣпленію ламаиства, давъ возможность монгольскимъ и тибетскимъ ламамъ проникать свободно въ Забайкальскій край, подъ видомъ торгующихъ, дѣлать поборы съ нашихъ бурятъ и заводить школы, и даже тайныя типографіи.

Такимъ образомъ всѣ мѣры, принимаемыя для исправленія испорченнаго прежде, и для устройства вновь чего либо полезнаго, чтобы поправить положеніе дѣлъ на Амурѣ и въ Забайкальѣ, ни къ чему не привели; порча была органическая и не-исправимая. По поданнымъ съ самаго начала примѣрамъ, не только въ казенной, но и въ частной уже дѣятельности образовался уже и укоренился гибельный навыкъ стремиться не къ прочной пользѣ, а къ достиженію временныхъ, хотя бы и вредныхъ для края, цѣлей; не къ сущности дѣла, а къ обману минутными эффектами и плохо намалеванными декораціями.

И вотъ результатомъ всего этого и является, не только по частнымъ отзывамъ, но и по официальнымъ донесеніямъ, слѣдующее положеніе дѣлъ на Амурѣ и въ Приморской области:

I. Въ Николаевскѣ при устьѣ Амура — полное запустѣніе, вмѣсто той блестящей будущности, которую ему сулили, и, какъ сказалъ одинъ поэтъ, и онъ, Николаевскъ:

„Не расцвѣвши отцвѣлъ,
Въ утрѣ пасмурныхъ дней“.

Морскія учрежденія и укрѣпленія заброшены, улицы и площади поросли травой, нѣтъ и училища для дѣтей оставшихся служащихъ.

II. Во Владивостокѣ все еще не устроено и не достроено; нѣтъ и порядочнаго православнаго храма.

III. Сибирская флотилія оказалась въ самомъ жалкомъ положеніи; военныя силы недостаточными для огражденія не только пограничныхъ, но и внутреннихъ мѣстъ отъ нападенія даже и китайскихъ разбойниковъ, (хунхузовъ).

IV. Снабженіе продовольствіемъ всѣхъ прибрежныхъ мѣстъ Приморской области производится и до сихъ поръ привозомъ изъ Россіи, а на Амурѣ отчасти привозомъ изъ другихъ мѣстностей, отчасти покупкою у манчжуръ.

V. Ни по Амуру, ни по Уссури обезпеченнаго сообщенія нѣтъ.

VI. Сообщеніе съ мѣстами, лежащими при берегахъ Охотскаго моря, хуже прежняго; есть мѣста, куда по нѣскольку лѣтъ не заглядываютъ ни корабли, ни пароходы. Даже священники, сравнительно болѣе обезпеченные, терпятъ нужду въ необходимомъ.

VII. Камчатка фактически перешла во власть американско-еврейской компаніи; населеніе повально и неизлѣчимо заражено сифилисомъ; уловъ соболей уменьшается.

VIII. Русская торговля исключительно маркитантская.

IX. Во Владивостокѣ завладѣли торговлею: оптовою — иностранцы, раздробною — манзы. На Амурѣ, изъ торговли извлекаютъ выгоды манчжуры, а за Байкаломъ — китайцы.

X. Естественныя богатства края не разрабатываются, а истощаются безплодно, уменьшая выгоду отъ нихъ и въ будущемъ; лѣса безпощадно истребляются; рыба вылавливается безразсудно въ такомъ количествѣ, что не можетъ быть потреблена мѣстнымъ населеніемъ, а по неимѣнію сбыта по вывозной торговлѣ, весь излишекъ пропадаетъ даромъ. Никакихъ произведеній, съ пользою для русской торговли и для государства, за-границу не отпускается. Не смотря на существованіе своихъ залежей угля, каменный уголь и до сихъ поръ продолжаютъ покупать дорогою цѣною въ Японіи, для потребностей нашихъ военныхъ судовъ.

XI. Въ Забайкальскомъ краѣ, въ Нерчинскомъ округѣ, не разъ уже случалась голодовка, заставлявшая жителей ѣсть вещи самыя вредныя для здоровья, что порождало болѣзни, а на Карійскихъ золотыхъ приискахъ, по показанію самаго военного губернатора, и тифъ и побѣги, и то и другое, въ огромныхъ размѣрахъ, сдѣлались почти постояннымъ явленіемъ... Наконецъ —

XII. Когда угрожала опасность столкновенія съ Китаемъ, и Забайкальскій край, и Амуръ, и Приморская Область, оказались въ такомъ беззащитномъ положеніи, что необходимо было посылать туда, съ громадными расходами, и флотъ, и войска, и опасность могла быть отвращена только благодаря тому, что открытъ былъ Суэзскій каналъ, облегчившій прямое сообщеніе Приморской Области съ Россіей.

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

VIII ¹⁾.

Сатуново на Дунаѣ.—Отъ Сатунова до Варны.—Три недѣли подъ Варной.—
Вылазка 2-го сентября.—Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Импера-
торъ Николай на Черномъ морѣ.

1828.

Деревня Сатуново (по молдавски «сать» значитъ деревня, а «ноу» новая, слѣдовательно Новая деревня) вовсе не соответствовала своему молдавскому прозванію. Она была не новая и даже не деревня, а куча разбросанныхъ въ безпорядкѣ, бѣдныхъ, жалкихъ, бессарабскихъ хатокъ и землянокъ, на лѣвой сторонѣ нижняго Дуная, въ томъ мѣстѣ, гдѣ правѣе, на правомъ, возвышенномъ берегу его, находилась турецкая крѣпостца Исакчи (переименованная нашими солдатами въ «Исачку»). Но эта деревнюшка съ мая 1828 г. получила историческое значеніе, потому что здѣсь наша 2-я армія фельдмаршала графа Витгенштейна перешла черезъ Дунай и этимъ открыла войну нашу съ Турціей въ 1828 г., и здѣсь же самъ императоръ Николай Павловичъ переправился черезъ Дунай на лодкахъ «Некрасовцовъ» подъ начальствомъ атамана ихъ Гладкова. По переправѣ передовыхъ войскъ на судахъ, съ боемъ, здѣсь устроена была съ обѣихъ сторонъ Дуная земляная плотина, а на Дунаѣ мостъ на судахъ, обезпечившіе постоянныя сообщенія нашей арміи съ ея тыломъ въ Бессарабіи и далѣе.

Войска гвардіи, по мѣрѣ прибытія въ Сатуново, переходили по плотинѣ и мосту черезъ Дунай и собирались въ общій лагерь на

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—4; (мартъ), стр. 519—526; (апрѣль), стр. 839—850

правой сторонѣ Дуная противъ переправы. Штабъ же ихъ, доѣхавъ до Сатунова на почтовыхъ лошадяхъ, расположился, какъ могъ, въ этомъ селеніи и оставался въ немъ пока всѣ войска гвардіи не перешли черезъ Дунай. Въ продолженіи этого времени, всѣ чины штаба перешли съ мирнаго положенія на военное, устроили свои походные вьюки и обозы, и пересѣвъ на коней, подъ конвоемъ одного эскадрона л.-гв. казачьяго полка, переѣхали по плотинѣ и мосту черезъ Дунай.

И вотъ, оставивъ Россію за собою, мы переѣхали черезъ Дунай и ступили на землю враждебной намъ Турціи или, собственно говоря, подвластной ей и угнетенной ею Болгаріи, и расположились въ лагерь войскъ гвардіи противъ переправы. Отсюда, около 10 августа, они двинулись, уже въ военно-походномъ порядкѣ, бригадными эшелонами, младшіе впереди, къ кр. Исаки и отъ нея черезъ Бабадагъ, берегомъ Чернаго моря чрезъ Кюстендже, Мангалию и Каварну, и далѣе черезъ Теке-кей къ Варнѣ. Впереди, въ видѣ авангарда, шли: 4-я гвардейская пѣхотная бригада (л.-гв. егерскій и финляндскій полки), л.-гв. саперный баталіонъ, л.-г. коннопіонерный эскадронъ и л.-г. казачій полкъ, съ своею артиллеріей, подъ общимъ начальствомъ командира 4-й бригады, генераль-адъютанта Головина. За этимъ 1-мъ эшелономъ слѣдовалъ командовавшій гвардіей генераль-адъютантъ Депрерадовичъ, съ свитой и штабомъ, а за ними—прочіе бригадные эшелоны, въ одномъ переходѣ одинъ за другимъ.

Первый переходъ нашъ былъ до кр. Исаки, и близъ нея былъ первый военноподходный ночлегъ нашъ на бивакахъ, со всѣми военными предосторожностями по уставу, хотя въ нихъ собственно и не было особенной надобности, такъ какъ весь край впереди до Варны уже былъ въ нашей власти и мы шли въ 3-й линіи. Но были другія предосторожности, не только не лишнія, но и необходимыя, а именно—противъ извѣстной «Молдавской лихорадки», которую такъ легко схватить въ этомъ краю въ сырые и холодныя ночи послѣ дневнаго зноя, и противъ «змѣй и ящерицъ», обильно водящихся въ этихъ мѣстахъ. Наслышавшись и про лихорадку, и про змѣй и ящерицъ, мы съ перваго же ночлега приняли всѣ нужныя противъ нихъ предосторожности, которыя соблюдали и въ дальнѣйшемъ походѣ. Для меня, совершавшаго мой первый военный походъ за границей, были «новы всѣ эти впечатлѣнья бытія» и не лишены, на первыхъ порахъ, своего рода интереса. Но потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе свыкался я, и наконецъ совершенно освоился съ ними.

Второй переходъ нашъ былъ до города Бабадага. Мы шли по

пресловутой «Добруджѣ», болѣе обильной болотами и озерами, чѣмъ лѣсами и горами, а если и встрѣчались холмы, то совершенно обнаженные отъ всякой растительности. Поэтому и видъ былъ однообразный и унылый, и за отсутствіемъ тѣни, солнце пекло безъ жалости, да къ тому же, по всему этому главному пути сообщенія арміи валялись зловонные трупы павшихъ лошадей и воловъ изъ подъ военныхъ транспортовъ. Но съ приближеніемъ къ Бабадагу мѣстность становилась все гористѣе и лѣсистѣе, и наконецъ къ самому Бабадагу, лежавшему въ глубокой горной котловинѣ, мы спустились съ высокихъ горъ и расположились лагеремъ въ разстояніи около версты отъ города. Сюда прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, послѣ взятія осаднымъ корпусомъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, кр. Браилова, и расположился съ своей свитой въ одномъ лагерѣ съ штабомъ гвардіи. Днемъ съ ранняго утра солнце нестерпимо пекло насъ, а тотчасъ по захожденіи его наступали тѣма и сильныя: роса, сырость и холодъ, такъ что днемъ нужно было одѣваться какъ можно легче, а ввечеру и ночью, напротивъ, какъ можно теплѣе, чтобы не схватить злой Молдавской лихорадки. Впрочемъ днемъ мы занимались письменными работами подъ тѣнью палатокъ, а по вечерамъ собирались въ одной изъ нихъ, въ кружкѣ штабныхъ товарищей, которые всѣ были очень милые и любезные люди. Въ числѣ ихъ, кромѣ меня и толстаго крикуна Траскина, были старшіе адъютанты штаба: Василій Петровичъ Барышниковъ, Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ—восторженный поэтъ и хорошій стихотворецъ, Николай Димитріевичъ Прокоповичъ-Антонскій—племянникъ и однофамилецъ бывшаго ректора Московскаго университета и самъ бывший студентъ послѣдняго, и л.-г. жандармскаго эскадрона поручикъ Загряжскій, веселый повѣса изъ пажей. Другими чинами нашего штаба были: дежурный штабъ-офицеръ, л.-г. финляндскаго полка полковникъ Яковъ Ивановичъ Звенигородскій—военно-канцелярскій ветеранъ, два почтенные старичка: оберъ-кригсъ-коммисаръ и казначей Быковъ и оберъ-аудиторъ Тихоцкій. Корпуснымъ штабъ-докторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Бутковъ, премилый и преоригинальный старичокъ, котораго всѣ мы очень любили. Изъ этого видно, что весь личный составъ нашего штаба былъ русскій, кромѣ Карлгофа, но и тотъ былъ нѣмецъ только по фамиліи. При нашемъ штабѣ состоялъ также гвардіи поручикъ Шервудъ, подъ официальнымъ прозваніемъ «Вѣрный», тотъ самый, который въ 1825 г., бывши вольноопредѣляющимся унтеръ-офицеромъ южноселенскаго Новомиргородскаго уланскаго полка, первый донесъ о государственныхъ заговорѣ и за-

говорщикахъ «Южнаго общества» во 2-й арміи¹⁾, но онъ не принадлежалъ къ нашему кружку и мы его чуждались. Наши вечернія бесѣды всегда были очень веселыя и шумныя, не смотря на то, что происходили въ близкомъ сосѣдствѣ съ палатками великаго князя, свиты его, Депрерадовича, и Нейдгардта. Но одному изъ насъ, оберъ-офицеровъ, по очереди приходилось каждый вечеръ, по захожденіи солнца, отправляться съ конвойными лейбъ-казаками, на всю ночь до разсвѣта, въ разъѣздъ по горамъ вокругъ лагеря. Эту мѣру охраны особы великаго князя и лагеря установилъ Нейдгардтъ, изъ напраснаго усердія, такъ какъ мы находились въ 3-й линіи, въ пустомъ краю, гдѣ бродили лишь стаи голодныхъ туземныхъ собакъ, въ родѣ борзыхъ, враговъ же въ образѣ человѣческомъ никакихъ не было и не могло быть. Изъ разъѣздовъ мы были обязаны являться къ Нейдгардту, будить его и постоянно докладывать одно и то же: «что все обстоитъ благополучно». — Въ темнотѣ ѣздить по горамъ, да еще когда сонъ клонилъ и насъ и лошадей, не совсѣмъ-то было весело, но за то ранній разсвѣтъ и восхожденіе солнца вполне вознаграждали насъ, тѣмъ болѣе, что, совершивъ разъѣздъ, можно было выспаться въ палаткѣ.

Великій князь вскорѣ отправился съ своей свитой подѣ Варну, и по отъѣздѣ его, наша веселая компанія однажды вечеромъ, часа за два до захожденія солнца, затѣяла прогулку верхомъ на лошадяхъ, къ озеру или скорѣе морскому заливу Разельмъ, въ нѣсколькихъ верстахъ къ В. отъ нашего лагеря. Дорога туда шла среди густаго лѣса, опушки котораго находились въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ. Въ нашей компаніи участвовали также два почтенные старичка Тихоцкій и Быковъ, а также и Шервудъ. Загряжскій и мы съ нимъ, ѣхавшіе впереди, вздумали въ шутку устроить имъ засаду въ лѣсу. Непримѣтно для нихъ, при поворотѣ дороги направо, мы въѣхали въ лѣсъ и, по приближеніи ихъ, выстрѣлили изъ 2 или 3 пистолетовъ и съ общимъ громкимъ крикомъ «Аллахъ» бросились изъ лѣсу на дорогу. Это такъ перепугало Тихоцкаго, Быкова и Шервуда, что они во всю прыть обратились въ бѣгство, и всѣхъ прытче скакалъ въ головѣ ихъ Шервудъ! Громкій хохотъ нашъ воротилъ ихъ назадъ и Шервудъ увѣрялъ, будто лошадь его испугалась и понесла назадъ въ лагерь! Посмѣявшись этой тревогѣ, мы поѣхали далѣе, и насладившись живописнымъ зрѣлищемъ обширнаго озера Разельмъ, обрамленнаго

¹⁾ Подробности о немъ изложены въ „Исторіи царствованія императора Александра I“, соч. М. И. Богдановича, т. VI, гл. LXXXI, стр. 496 и слѣд.

лѣсистыми горами съ великолѣпною растительностью, воротились въ лагерь, очень довольные своею прогулкой.

Въ Бабадагѣ былъ устроенъ военный госпиталь, и однажды Нейдгардтъ поѣхалъ осматривать его, а я, бывши дежурнымъ при немъ, сопровождалъ его. На дворѣ госпиталя онъ приказалъ мнѣ написать подъ свою диктовку приказаніе состоявшему при штабѣ и находившемуся въ лагерѣ лекарю Клоссе (впослѣдствіи бывшему старшимъ врачомъ л. г. Преображенскаго полка) немедленно прибыть въ госпиталь и исполнить какое-то порученіе. Приказаніе это я написалъ, слѣзши съ лошади, на спинѣ спѣшеннаго казака, карандашомъ на пергаментномъ листкѣ походной записной книжки, Нейдгардтъ подписалъ приказаніе и казакъ повезъ его въ лагерь. Нужно сказать, что передъ отправленіемъ нашимъ изъ Петербурга въ походъ, Нейдгардтъ приказалъ всѣмъ офицерамъ штаба обзавестись памяtnыми книжками утвержденнаго имъ образца, съ вложенными въ нихъ отдѣльными пергаментными листками и карандашомъ въ каждой, для записки и разсылки приказаній. Это было не дурно, но было бы еще лучше, еслибъ Нейдгардтъ, столь опытный боевой генералъ, завелъ вмѣсто того кожаннаго, плоскаго сумки для ношенія на груди, съ небольшимъ планшетомъ, натянутой на немъ бумагой и всѣми необходимыми принадлежностями для черченія и письма. Впослѣдствіи я удивлялся, какъ ему не пришла на умъ такая необходимая и полезная для штабныхъ офицеровъ въ военномъ походѣ вещь.

Изъ Бабадага штабъ нашъ, сопровождая Депрерадовича, командовавшаго войсками въ отсутствіи великаго князя, отправился переходами далѣе къ Кюстендже, Мангаліи и Каварнѣ, которые всѣ три находились уже на берегу Чернаго моря и служили, особенно Кюстендже, пристанями для нашихъ военныхъ и перевозныхъ и для торговыхъ судовъ. По приближеніи къ Кюстендже, по возвышенному и лѣсистому приморскому берегу, намъ впервые открылся великолѣпный видъ на историческій «Понтъ Эвксинскій», въ необъятномъ пространствѣ котораго отражались въ полномъ блескѣ яркое солнце и лазурное небо юга! Картина была восхитительная и мы съ восторгомъ привѣтствовали ее. Гавань въ Кюстендже была полна всякаго рода судовъ, а на берегу были цѣлыя массы складовъ военныхъ запасовъ и шалашей со всякаго рода продажными товарами, преимущественно съѣстными и питейными, словомъ — сущая ярмарка! Мы обзавелись тутъ нужными въ походѣ припасами и вещами, и уже до самой Каварны слѣдовали все вдоль берега Чернаго моря, любуясь его красой.

Въ Каварнѣ также было множество судовъ и складовъ военныхъ

запасовъ, а близъ города въ полѣ находился интендантскій воловій паркъ, состоявшій подъ начальствомъ генераль-маіора Бапилова (того самого, о которомъ въ ноябрской книжкѣ «Русской Старины» 1880 г. я помѣстилъ разсказъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ И. О. Паскевичемъ, въ послѣдствіи графомъ, княземъ и фельдмаршаломъ, въ день коронаціи императора Павла I, былъ произведенъ имъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка и пожалованъ во флигель-адъютанты). Онъ былъ москвитъ, короткій знакомый моихъ родителей и нашего семейства, весельчакъ, острякъ и большой забавникъ и шутникъ. Великій князь Михайлъ Павловичъ зналъ его и немало потѣшался забавными шутками его; между прочимъ и въ Каварнѣ, при отъѣздѣ его оттуда подъ Варну, Бапиловъ на прощаніе сказалъ ему: «Ваше высочество, возьмите Варну! Если возьмете ее, приѣду поздравить васъ верхомъ на волѣ!» Однако ему не удалось исполнить этого: воловья команда его порядочно передохла отъ трудовъ и голода.

Въ Каварнѣ Нейдгардтъ заболѣлъ лихорадкой и остался тутъ для леченія; должность же его была возложена на начальника артиллеріи, генераль-адъютанта Сухозанета, прибывшаго изъ Браилова.

Отъ Каварны мы продолжали слѣдовать вдоль берега моря до Балъчика, но на слѣдующемъ переходѣ уже свернули на «путь правый», т. е. пошли на право, черезъ горныя ущелья, въ глубокую котловину, на днѣ которой лежала деревенька Теке-кѣй (кѣй—по Турецки деревня). Спускъ въ эту котловину и подъемъ изъ нея были до того круты и неудобны для колесныхъ обозовъ, что немало усилий, труда и времени стоило войскамъ спускаться и поднимать ихъ. Предвидя это (хотя и недовольно рано), меня послали осмотрѣть береговую дорогу, но я нашелъ ее, хотя и чрезвычайно живописною, но совершенно неудобною для движенія войскъ и особенно колесныхъ обозовъ.

Изъ трущобы Теке-кѣй, сущей «волчьей долины» Фрейшюца, мы уже слѣдовали по нагорнымъ высотамъ, въ виду моря, и наконецъ, въ понедѣльникъ 27 августа (5 мѣсяцовъ спустя послѣ выступленія гвардіи изъ Петербурга) прибыли подъ Варну и расположились лагеремъ на сѣверной сторонѣ ея. Въ одно время съ нами прибыли туда же и передовой эшелонъ гвардіи (4-я пѣхотная бригада, саперы, коннопоіонеры и казаки, съ артиллеріей). Только что мы стали располагаться лагеремъ, какъ услышали впереди громкое и продолжительное «ура»! войскъ передоваго эшелона, котораго объѣзжалъ Государь. Остальные три эшелона приходили черезъ сутки одинъ послѣ другаго, такъ что къ 1-му сентября вся гвардія уже собра-

лась въ лагерѣ на сѣверной сторонѣ Варны. По прибытіи головнаго эшелона, саперы были тотчасъ двинуты внизъ въ осадныя траншеи для производства работъ, а 30-го августа л.-гв. егерскій и финляндскій полки, 4 баталіона армейской пѣхоты, 2-й бугскій уланскій полкъ, 2 эскадрона сѣверскаго конно-егерскаго полка, 1 рота саперовъ, казаки и 14 орудій, въ составѣ общаго отряда подъ начальствомъ генераль-адъютанта Головина, были двинуты внизъ, въ обходъ лимана Дѣвно, на южную сторону Варны, на сообщенія ея съ Константинополемъ, откуда, какъ было слышно, шель вспомогательный Варнѣ корпусъ турецкихъ войскъ подъ начальствомъ паши Омеръ-Вріоне.

Устроившись въ нашемъ лагерѣ, мы пошли взглянуть на Варну съ края сѣверной горы—и что за чудная картина представилась нашимъ взорамъ. Прямо передъ нами, глубоко внизу въ долинѣ, лежала крѣпость Варна, омываемая съ юга длиннымъ и узкимъ заливомъ Дѣвно, а съ востока примыкавшая къ морю, на которомъ былъ расположенъ нашъ Черноморскій флотъ, линія очередныхъ судовъ котораго обстрѣливала крѣпость;—далѣе же простиралось безбрежное море. У подношья сѣверныхъ высотъ, на берегу моря, находились пристань и склады военныхъ запасовъ, а противъ пристани, на морѣ, 100-пушечный корабль «Парижъ», на которомъ имѣли пребываніе Государь, его свита и главный штабъ. Крутые скаты сѣверныхъ высотъ были покрыты виноградниками, между которыми извивались дороги сверху внизъ къ пристани и къ нашимъ траншеямъ и редутамъ. Къ западу отъ крѣпости заливъ Дѣвно, постепенно суживаясь, простирался на нѣсколько верстъ. Наконецъ, къ югу отъ Варны были видны возвышавшіяся уступами горы, почти совершенно обнаженныя, за исключеніемъ рѣдкихъ кустарниковъ и небольшихъ роцъ, между которыми видны были дороги, ведшія въ Варну съ юга. Вотъ та чудная панорама Варны и окружавшей ее мѣстности, представившаяся намъ и которою мы любовались и въ этотъ первый разъ, и въ каждый послѣдующій день, какъ бы съ высокаго балкона и съ птичьяго полета! На самомъ краю сѣверныхъ высотъ, прямо противъ крѣпости, былъ разбитъ лагерь императорской главной квартиры и впереди его императорская ставка, и близъ нея—другая, зеленая, придворной походной церкви. Во 2-й линіи, поодаль, находился лагерь великаго князя Михаила Павловича и гвардейскаго штаба, а за нимъ, въ 3-й линіи, лагери 1-й, 2-й и 3-й гвардейскихъ пѣхотныхъ бригадъ и легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, съ ихъ обозами позади. Впрочемъ изъ нихъ 2-я и 3-я бригады и легкая кавалерія вскорѣ были двинуты, первая—внизъ въ редуты позади

траншей, а послѣдняя на южную сторону Варны. Правѣ гвардейскаго лагеря, въ 1 или 2 верстахъ на сѣверныхъ высотахъ, въ покинутой деревнѣ Франки («франками» по турецки называются европейцы, но почему деревня эта носила такое названіе—не знаю) былъ учрежденъ военный госпиталь для больныхъ и раненыхъ.

Какъ только штабъ нашъ расположился лагеремъ, въ немъ тотчасъ же начались обычныя штабныя занятія, при чемъ, переходя изъ палатки въ палатку и даже сидя въ своихъ палаткахъ съ опущенными, отъ жары, полами ихъ, мы всегда имѣли передъ глазами изображенную выше панораму Варны и ея окрестностей. За болѣзнію Нейдгардта должность его исправлялъ, какъ сказано выше, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, а оберъ-квартирмейстеръ нашъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Андрей Михайловичъ Голицынъ I-й прибылъ къ своему мѣсту только подъ Варну.

30-го августа въ четвергъ, въ день св. Александра Невскаго, въ придворной походной церкви, въ лагерьъ императорской главной квартиры, въ присутствіи государя, великаго князя и чиновъ главной квартиры, была совершена Божественная литургія, съ пѣніемъ 4-хъ лучшихъ голосовъ придворныхъ пѣвчихъ (теноровъ: Иванова и Евсеева, басовъ: Макушина и NN). Я не присутствовалъ при этомъ, но явственно слышалъ чудное пѣніе этихъ пѣвчихъ и не могу выразить, какое необыкновенное впечатлѣніе оно производило среди всей обстановки военного лагеря, въ виду осажденной Варны и при выстрѣлахъ противъ крѣпости и изъ нея! Такіе случаи рѣдко встрѣчаются въ жизни!

Но недолго пришлось мнѣ оставаться подъ Варной: въ слѣдующее воскресенье 2-го сентября, послѣ того, что утромъ въ придворной походной церкви снова была обѣдня съ пѣвчими, пополудни, часа за 2 до захожденія въ 6 ч. солнца, турецкій гарнизонъ Варны произвелъ сильную вылазку, которая имѣла для меня важныя послѣдствія. По общей тревогѣ, 2-й гвардейской пѣхотной бригадѣ (д.-гв. семеновскому и д.-гв. гренадерскому полкамъ) приказано было немедленно идти внизъ на подкрѣпленіе резервовъ. Штабъ нашъ долженъ былъ слѣдовать туда же, и я, въ торопяхъ, вскочивъ на своего донца, велѣлъ подать себѣ изъ палатки плащъ, но чело-вѣкъ мой, какъ нарочно, никакъ не могъ отыскать его, и я въ терпѣніи, не дождавшись его, поскакалъ внизъ въ одномъ сюртукѣ—крайняя неосторожность, которая обошлась мнѣ очень дорого. Спустившись внизъ, мы остановились у одного редута въ задней линіи, въ которомъ былъ расположенъ 1-й баталіонъ д.-гв. измайловскаго полка. Вскорѣ вылазка была отбита, но гвардейскіе полки, сошед-

шіе внизъ, были оставлены тамъ на ночь, а съ ними остался и нашъ штабъ. Въ 6 часовъ солнце сѣло и наступили: тьма, сырость и холодъ—и я, въ одномъ сюртукѣ, провелъ вечеръ и ночь въ редутѣ, гдѣ стоялъ 1-й баталіонъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ обществѣ знакомыхъ мнѣ офицеровъ его. Они угостили меня нѣсколькими стаканами горячаго чая, что произвело у меня сильную испарину, а я, по легкомыслію, не догадался ни попросить себѣ верхней одежды, ни послать на верхъ за моимъ плащомъ! На другой день, по возвращеніи въ лагерь, я почувствовалъ, что сильно простудился: не смотря на леченіе, мнѣ съ каждымъ днемъ становилось все хуже — и окончательно у меня обнаружилась сильнѣйшая нервическая горячка. Жизнь моя была въ опасности, и я, сознавая это и страшась умереть въ чужой, да еще турецкой, сторонѣ, и сложить свои кости подъ Варной не въ бою, а отъ болѣзни, умолялъ двухъ братьевъ моихъ, товарищей и Нейдгардта (воротившагося послѣ болѣзни изъ Каварны), отправить меня моремъ въ Одессу. На бѣду мою, въ это самое время, въ лагерь подъ Варной произошелъ большой переполохъ: 10-го сентября, на южной сторонѣ Варны, подъ Хаджи-Хасанъ-Ларомъ, л.-гв. егерскій полкъ былъ почти на половину истребленъ превосходными силами передовыхъ турецкихъ войскъ вспомогательнаго Варій корпуса паши Омеръ-Вріоне. Генераль-адъютантъ Сухозанетъ и при немъ адъютантъ его, старшій братъ мой Сергій, съ другими генералами и подкрѣпленіями, были немедленно посланы на южную сторону. Но братъ мой Сергій, передъ отправленіемъ своимъ туда, поручилъ меня попеченію втораго брата моего, Александра, стоявшаго съ своей батареей л.-гв. конной артиллеріи на сѣверной сторонѣ, и снабдилъ меня всѣмъ необходимымъ для перевезенія меня на пристань и оттуда моремъ на купеческомъ кораблѣ въ Одессу. 15-го сентября я получилъ отпускъ въ Одессу для излеченія болѣзни и въ состояніи крайней слабости былъ перевезенъ на пристань, а съ нея на австрійскій купеческій бригантинъ, на которомъ и отправился въ Одессу. По прибытіи туда, я былъ нѣсколько дней въ опасности смерти, но, по милости Божіей, вышелъ изъ нея, и къ половинѣ октября выздоровѣлъ.

Однажды, въ концѣ октября, прійдя въ газетную комнату казино, я увидалъ газеты въ траурныхъ рамкахъ и узналъ, что 24 октября скончалась императрица Марія Ѳеодоровна! Это очень огорчило меня, такъ какъ въ моихъ пансіонскихъ воспоминаніяхъ живо хранилась память объ усопшей императрицѣ въ ея лѣтнемъ пребываніи Павловскѣ, куда мы часто ходили лѣтомъ въ праздничные дни, и видали императрицу на ея прогулкахъ по Павловску, и въ театрѣ,

и на танцевальных вечерах во дворцах, которые мы, съ публикой, смотрѣли снаружи въ окна. По поводу вѣсти о смерти императрицы мы приехали на память слышанный мною передъ тѣмъ въ Одессѣ рассказъ о страшной бурѣ во время плаванія императора Николая Павловича отъ Варны, по взятіи ея, въ Одессу, на 100-пушечномъ кораблѣ «императрица Марія». Буря была такая жестокая, что корабль и находившійся на немъ государь, со всею своею свитой, были въ крайней опасности, тѣмъ болѣе, что вѣтромъ и теченіемъ корабль несло къ югу, къ берегамъ Анатоли! Государь на палубѣ иногда давалъ совѣты касательно управленія кораблемъ, но начальствовавшій имъ капитанъ 1-го ранга Палахристо, небольшой ростомъ, но отважный морякъ-грекъ, смѣло сказалъ Государю: «что, по морскому уставу, единственнымъ и полнымъ хозяиномъ на кораблѣ—капитанъ его, отвѣтственный какъ за дѣлность корабля, такъ и за жизнь всѣхъ находящихся на немъ, а въ этомъ случаѣ особенно—за жизнь самаго государя, и потому просить довѣриться ему, капитану, и ему одному предоставить управленіе кораблемъ». Государь созналъ справедливость этого и уже не вмѣшивался болѣе въ управленіе кораблемъ; капитанъ же велѣлъ привязать себя къ большой мачтѣ и съ рупоромъ въ рукахъ отдавалъ командѣ нужныя приказанія. Богъ спасъ государя и свиту его, и корабль съ его экипажемъ, и благополучно привелъ ихъ въ Одессу, но не безъ большихъ аварий въ кораблѣ. Въ числѣ послѣднихъ была одна очень замѣчательная: на носу, подъ бугшпритомъ, по обыкновенію, по имени корабля была рѣзная фигура царственной жены, въ порфирѣ и съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ. И что же? Когда корабль «императрица Марія» вошелъ въ Одесскій портъ, всѣмъ бросилось въ глаза, что у носовой фигуры лицо было обезображено и вѣнца на головѣ не было! А черезъ 2 или 3 недѣли послѣ того въ Одессѣ было получено печальное извѣстіе о смерти императрицы Маріи Феодоровны! Станный, но достовѣрный случай, слышанный мною тогда въ Одессѣ.

Долго ожидая присылки мы изъ Петербурга денегъ, я прожилъ въ Одессѣ, до половины января 1829 г. и только тогда, получивъ ихъ, отправился въ м. Тульчинъ, Подольской губерніи, гдѣ находилась корпусная квартира гвардіи, расположенной въ этой губерніи на зимнихъ квартирахъ.

Князь Н. С. Голицынъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

АКАДЕМИКА-ГРАВЕРА НА МЪДИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПОЖАЛОСТИНА.

V¹⁾.

Встрѣча на посидѣлкахъ.—Моя свадьба.—Житіе въ домѣ у тестя.—Сельскіе
Распорядки сельскихъ властей.—Выборы.—Засѣдатель Зараевъ.—Покража у
Огарева.—Моя служба.

Всматриваясь въ мою невѣсту, я ее призналъ за дѣвушку уже знакомую мнѣ нѣсколько. Наканунѣ благословенія наши сельскіе дѣвушки собрались на посидѣлки въ банѣ, а меня предупредили, что между ними будетъ и моя невѣста. Мнѣ вздумалось доискаться: которая-же именно изъ нихъ моя суженная? Онѣ прями. Подходя къ каждой изъ нихъ я поджигалъ „намытъ“²⁾; поднялась на меня брань, поднялись крики; а одна дѣвушка такъ меня разбранила, что—мое почтеніе. Только одна моя невѣста, поплосе всѣхъ одѣтая, засмѣялась на мою шутку. Она и не знала о томъ, что меня ей сватаютъ.

Парень на посидѣлкахъ, этихъ преимущественно женскихъ собраніяхъ, явленіе довольно рѣдкое. На нихъ допускаются только особенно пріятные любезники. Работая, дѣвушки и молодухи поютъ пѣсни, потомъ разныя игры затѣваютъ. Пряники, орѣхи и другія лакомства бываютъ очень рѣдко. На тѣхъ посидѣлкахъ, о

¹⁾ См. „Русская Стар.“ изд. 1881 г., т. XXXI, книга VIII, августъ.

²⁾ Пряжа, начесанная на гребень прялки.

которыхъ я говорю, угощеніе состояло изъ тюри, замѣсенной въ ступѣ. Когда затѣлись игры, суженая моя, въ качествѣ зрительницы, взошла на полоть. Поднявшись за нею, я шепнулъ ей: „я женюсь на тебѣ“, и этими словами привелъ ее въ крайнее смущеніе: она покраснѣлась и не знала, что сказать...

Передъ тѣмъ, какъ сѣсть за столъ, женщины сказали мнѣ, чтобы я „поиспыталъ“ невѣсту. Испытаніе состояло въ томъ, чтобы я насильно стащилъ у нее кольцо или крѣпко на ногу ей наступилъ: если поморщится, значитъ — непокорная.

Невѣста моя знала эту примѣту и выдержала испытаніе съ самымъ похвальнымъ терпѣніемъ: жалъ я ей руку и на ногу больно наступилъ — не морщилась... При прощаніи будущая теща сказала мнѣ:

— Не было снѣгу, не было и слѣду; а теперь милости просимъ!

Съ этого дня, пользуясь правами благословеннаго жениха, я сталъ часто посѣщать домъ невѣсты. Теща моя (она жива и понынѣ) была женщина ласковая и добрая; тесть, какъ я уже говорилъ, былъ иконописецъ. — Кривой дѣдъ занимался землемѣствомъ.

Я былъ женихомъ только три недѣли: 7 января 1856 года сыграли нашу свадьбу. Къ вѣнцу я былъ одѣтъ отлично: по условію, родители невѣсты дали мнѣ чуйку, поддевку, а невѣста прислала сорочку. Полушубокъ у меня свой хорошій былъ; но шапку въ Рязани украли и потому новая была не важная. О свадьбѣ моей родные мои ничего не знали; въ нашей семьѣ я былъ отрѣзанный ломоть. Отеческое, доброе участіе принималъ во мнѣ мой незабвенный Андрей Осиповичъ Андреевъ, которому я отписалъ о моей свадьбѣ.

Свадьбу нашу сыграли торжественно. Нарядомъ и красотой невѣста моя могла потягаться съ какой угодно дѣвушкой въ Солотчахъ. Изъ церкви до дому насъ вели съ вѣнцами на головахъ, съ четверть версты пути. Во время обряда, будучи въ какомъ-то чаду, я не замѣчалъ и какъ-бы не сознавалъ меня окружавшаго. Однако-же не позабылъ наставленій сельскихъ кумушекъ о соблюденіи примѣтъ для счастливаго и согласнаго супружества. Советовали мнѣ первому ступить на подножку подходя къ наложу (не помню только, была-ли у насъ подостлана подножка); при

входѣ въ домъ ухватиться за пробой—чтобы въ супружествѣ „держава“ была въ моихъ рукахъ. Когда мы входили въ домъ, насъ—отъ навожденія нечистой силы—осыпали хмѣлемъ. Но никакія суевѣрные средства до времени не могли дать мнѣ главенства въ домѣ у тестя: семья его состояла изъ трехъ дочерей; женою на одной изъ нихъ, я вступалъ въ домъ на правахъ сына и для поддержки семьи.

Свадебное торжество закончилось, какъ водится, пирушкой.

Водки я не пилъ, развѣ когда, какъ у насъ говорится, „съ маслицемъ“, т. е. небольшую рюмочку. Меня недѣли чрезъ двѣ послѣ свадьбы молодцы вздумали напоить, чтобы я къ женѣ пьяный пришелъ. Для этого молодцы влили мнѣ въ медъ сладкой водки. Этого я не замѣтилъ, но сильно охмѣлѣлъ и, прійдя домой, сталъ молиться Богу и усердно класть земные поклоны. Пословица говорить: „ни пьянаго молитва, ни голоднаго постъ—Богу не угодны“, и мои земные поклоны были слѣдствіемъ невозможности стать на ноги. Дѣдъ, лежа на печкѣ, наблюдалъ за мною и наконецъ сказалъ:

— Ишь какой богомолецъ усердный... нализался!

Это слышала моя жена. Отъ стыда и волненія мнѣ сдѣлалось дурно, я выбѣжалъ во дворъ и потомъ едва очнулся. Къ этому грѣху женыны родные отнеслись весьма снисходительно и все дѣло обратили въ шутку. Во всю мою жизнь это былъ первый и послѣдній случай, что я былъ пьянъ. Къ вину и водкѣ я съ самыхъ юныхъ лѣтъ чувствовалъ отвращеніе. Оно сослуживцамъ моимъ было непріятно: ни подпоить меня нельзя, ни самимъ неловко напиться. Извѣстно, что люди ничѣмъ такъ охотно не дѣлятся съ ближними, какъ своими пороками: человекъ трезвый для пьяной компаніи бѣльмо на глазу.

Житье-бытье въ домѣ у тестя было не завидное; помѣщались мы очень тѣсно. Дѣдъ спалъ на печкѣ, мы съ женою у печки. Первое же время послѣ свадьбы насъ клали спать въ холодной избѣ, даже при тридцати градусахъ морозу. Но русская натура вынослива. Въ октябрѣ 1856 года Богъ далъ намъ дочку.

Служба моя, писаремъ въ сельскомъ правленіи, шла своимъ порядкомъ. Здѣсь мнѣ приходится на память нѣсколько невеселыхъ разказовъ изъ моей служебной практики.

Разъ прихожу я въ сельскую расправу; сотскій Дмитрій Архи-

повъ мнѣ подмигиваетъ. „Что такое?“—Находка, говорить, сидитъ, тутъ. И показываетъ на подполье. Приходитъ другой, волостной писарь Сергѣй Масловъ, и оба откряваютъ половицу. Изъ подъ нея вылѣзаетъ „плѣнникъ“; слышу по выговору—хохолъ. Его арестовали за неимѣніе паспорта.

— Ты откуда? спрашиваетъ писарь.

Хохолъ съ національнымъ упорствомъ молчитъ, выпучивъ глаза.

— Скажешь! крикнулъ нашъ сельскій Биронъ. Подать розогъ!

Началась порка—и жестокая: два раза смѣняли розги. Истязуемый молчалъ какъ рыба. Жаль мнѣ его было; но я, какъ челоуѣкъ маленький и незначущій, ничего не могъ для него сдѣлать. Что-же касается до тѣлесныхъ наказаній, то я къ нимъ приглядѣлся еще въ училищѣ, гдѣ розги процвѣтали. Я самъ два раза отвѣдалъ отъ этого „древа познанія добра и зла“, въ бытность старшимъ ученикомъ, за то, что младшіе какъ-то не помолились Богу. Отпоровъ бѣднаго хохла, мучители тутъ-же, на моихъ глазахъ, отняли у него пятнадцать рублей; но онъ готовъ былъ отдать имъ все, лишь-бы его выпустили. Его отпустили. Потомъ я слышалъ, что онъ за какое-то нехорошее дѣло былъ пойманъ въ Георгіевскѣ и посаженъ въ тюрьму.

Тогдашнее положеніе государственныхъ крестьянъ нельзя было, пожалуй, назвать угнетеннымъ, но грабили ихъ немилосердно. Окружной начальникъ Донской прямо взятокъ не бралъ; онъ придерживался правила Гоголевскаго Хлестакова: бралъ въ займы безъ отдачи и безъ росписокъ... Если-же и давалъ ихъ, то, все равно, ни гроша не уплачивалъ. Органовъ былъ отчаянный взяточникъ. Кромѣ его былъ еще третій помощникъ—то-же не изъ безукоризненныхъ. Однако ревизуя дѣла, переданныя мнѣ послѣ отставки отчаяннаго пьяницы Ѳедосѣева, онъ не нашелъ, или вѣрнѣе—не подыскалъ никакихъ упущеній; а дѣлъ было прикоплено за цѣлые шесть лѣтъ. Главными грабителями и мироѣдами были волостные писаря; на нихъ не было управы и крестьяне терпѣливо переносили ихъ самоуправство. Если-же крестьяне, случалось, когда и жаловались начальству, тогда писарей отдавали въ солдаты. Но это довольно рѣдко бывало.

Въ моемъ вѣдѣніи находились сборы податей и выдача плакатныхъ паспортовъ. Взяткѣ я не бралъ, а получалъ добровольныя подачки за прописку паспортовъ, по положенію, безъ всякаго съ

моей стороны вымогательства. Очень-то безкорыстнымъ мудрено было быть: я получалъ въ это время жалованья 5 руб. 75 коп., и еще изъ нихъ долженъ былъ отдавать на гербовую бумагу и канцелярскія принадлежности.

Помощникомъ Донскаго, впослѣдствіи, былъ назначенъ нѣкій Дятловскій, человѣкъ строгій и взыскательный. При справкахъ обо мнѣ, онъ получилъ самые похвальные отзывы. „Погодите“, отвѣчалъ онъ—„я самъ посмотрю“. Приѣхалъ въ правленіе и остался доволенъ.

Въ 1856 году происходили у насъ выборы старшинъ и головъ. Не знаю, какъ они дѣлаются теперь; но тогда были очень оригинальны. Бѣлые шары выпадали на долю тѣхъ, которые подпаивали избирателей. Одного засѣдателя (изъ полицейскихъ) избирали постоянно. „За что ему такая почестъ? спрашивалъ Донской у крестьянъ. „А за то, отвѣчали они—что онъ хоть съ насъ и возьметъ, за то съ нами-же и пропьетъ!“

За все время службы этотъ счастливецъ при выборахъ не получилъ ни одного черного шара; такъ и умеръ: отъ пьянства, въ волостномъ правленіи, за печкой. Фамилія ему была Зараевъ; человѣкъ былъ очень веселый и большой острякъ. Прежде онъ служилъ лопманомъ и водилъ барки. Объ этомъ времени онъ мнѣ рассказывалъ:

— Разъ, ходилъ я съ барками. Подѣзжаемъ къ Москвѣ; денегъ нѣтъ ни гроша, а голова страшно болитъ, потому—всю дорогу пили безъ просыну. Надобно было хозяину расчетъ показать и вывелъ я весь расходъ на крупу да на мясо. Являюсь къ хозяину, подаю счетъ. Онъ просмотрѣлъ, пощелкалъ на счетахъ:

— Все вѣрно (говорить), Дементій Зараевъ, все вѣрно! Работа, положимъ, трудная, и на каждаго рабочаго въ день по пуду мяса—порція самая подходящая.... Одного не пойму: когда-же они успѣвали ее сваривать и переваривать?

— Тутъ я срѣзался,—заклучилъ свой рассказъ Зараевъ,—и не нашелся что сказать.

Въ бытность у насъ на службѣ, онъ то-же выдѣлывалъ разные колѣнца.

Вышло одно очень важное уголовное дѣло. Въ Солотчинскомъ монастырѣ, по распоряженію московскаго ген.-губ. Закревскаго, былъ заключенъ нѣкто Огаревъ, за преступное будто-бы покушеніе

на честь родной дочери. Такъ говорили; но въ сущности это гнусное обвиненіе было, кажется, вымыслено Закревскимъ ради вымогательства денегъ у богача Огарева. У Огарева былъ слуга Максимъ, малый красивый, ловкій. Онъ часто жаловалъ въ нашу Солотчу, погуливалъ съ дѣвушками, страшно мотая деньги. На нихъ многія изъ нашихъ красотокъ пообстроились и дѣлишки свои поправили. Одинъ изъ поселянъ, Левка, повывѣдавъ, что было надобно у Максима, или стакнувшись съ нимъ, забрался въ монастырь черезъ ограду и обокралъ Огарева, у котораго деньги попрятаны были по угламъ, подъ плитами кельи и т. д. Укралъ Левка большую сумму: у него, въ стогу сѣна, нашли пятнадцать тысячъ; можетъ и въ домѣ было не мало схоронено, но при обыскѣ ничего не оказалось. Въ Максимѣ заподозрили сообщника, но онъ какъ-то увернулся и все дѣло обрушилось на одномъ Левкѣ. Собрались власти (въ числѣ ихъ Зараевъ), прибылъ и становой, по необъятной толщинѣ „квадратный“. Составили протоколъ, приступили къ подписямъ. Зараевъ имѣлъ обыкновеніе подписывать такими каракулями и кляксами, что невозможно было разобрать. Досадуя на его каллиграфію, становой сказалъ:

— Ну, какъ тебѣ не стыдно такъ пачкать!

— А когда не нравится—сказалъ Зараевъ—махнувъ рукавомъ по подписи и всю ее смазывая,—такъ самъ лучше напиши!

Втянуло меня наше канцелярское болото. Ыздилъ я по ревизіямъ, писалъ бумаги, рылся въ дѣлахъ—(у насъ въ правленіи, на печкѣ за трубой, нашелъ планъ на владѣніе землею, предоставленное Солотчинскому обществу), и такъ проходилъ у меня день за днемъ. Читать было нечего, по отсутствію книгъ, бесѣдовать было не съ кѣмъ. Сельскою школою управлялъ священникъ, задававшій уроки въ долбяшку „отъ сихъ—и до сихъ поръ“ на страницахъ учебниковъ. Изъ иконописцевъ тамошнихъ особенно талантливыхъ не было, кромѣ дяди жены моей, который былъ женатъ на дочери дьяка. Иконописцы вообще были въ родствѣ съ духовенствомъ; и жена моя по происхожденію принадлежала къ духовному званію. Единственною моею отрадою было заходить въ досужное часы къ иконописцамъ и любоваться—если не ихъ произведеніями, то самымъ процессомъ работы. Два года не бралъ я въ руки ни кистей, ни карандаша. Читатель пойметъ легко-ли мнѣ было!

VI.

Писарь Ефимовъ. — Возвращеніе къ занятію рисованьемъ. — Покровительство
Замятнина. — Рисунокъ съ картины. — Ревизія и служебныя занятія. — Надежды
на будущее.

Въ помощники волостнаго писаря на мое мѣсто былъ присланъ нѣкто Ефимовъ, которому окружной начальникъ Донской былъ особенно расположенъ. Ефимовъ получилъ образованіе въ уѣздномъ училищѣ, гдѣ преподавалось рисованіе. Онъ продолжалъ имъ заниматься будучи и въ писаряхъ; рисовалъ недурно, но мѣшкотно. Онъ зналъ, что въ былое время и я занимался рисованіемъ.

Прихожу разъ въ волостное правленіе и вижу, что Ефимовъ копируетъ съ „Русскаго Художественнаго Листка“ Тимма фигуру солдата; онъ ее только что началъ. Потомъ я засталъ его за рисованіемъ собачки съ лежащимъ передъ нею рябчикомъ.

— Что-же, говорю, ты „солдата“ кончилъ?

— Нѣтъ, не могъ кончить; не выходитъ... Трудно ужасно.

— Да неужто ужъ такъ трудно?

— А что-же ты самъ не нарисуешь? Попробуй.

Этотъ вызовъ задѣлъ меня за-живое. Я взялъ рисунокъ, листъ писчей бумаги; пошелъ въ нашу расправу и тамъ нарисовалъ „солдата“ точь въ точь, какъ онъ былъ налитографированъ въ „Листкѣ“ Тимма. На другой день я показалъ рисунокъ Ефимову.

— Молодецъ Пожалостинъ! сказалъ онъ чистосердечно. Знаешь-ли, что я тебѣ скажу; только ты никому не говори. Дѣло твое теперь—спѣтое: ты человѣкъ женатый, такъ тебѣ все равно... Меня, видишь-ли, хотятъ отправить въ Москву, или въ Петербургъ учиться живописи.

Это извѣстіе какъ громомъ поразило меня! Я возвратился въ нашу расправу, а изъ головы у меня не выходило сообщеніе Ефимова. Изъ Петербурга обо мнѣ былъ присланъ запросъ; но окружной начальникъ отвѣчалъ, что занятіе рисованіемъ я бросилъ, женился и вполне доволенъ своей судьбой. Въмѣсто меня въ Петербургъ потребовали Ефимова! Я бросилъ рисованье?!

А что заставило меня отказаться отъ занятій живописью, если не угрозы моего ближайшаго начальника г. Органова „расковырять мнѣ рожу“? Это варварство было тѣмъ обиднѣе, что высшая

власть, самъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, тогдашній министръ государственныхъ имуществъ—относилась къ крестьянамъ съ самымъ благосклоннымъ вниманіемъ. Запросъ изъ Петербурга обо мнѣ и моихъ занятіяхъ живописью былъ сдѣланъ Михаиломъ Николаевичемъ вслѣдствіе того, что обо мнѣ ему говорилъ Шиллингъ, или Замятнинъ, когда онъ ревизовалъ Рязанскую губернію. Посѣщая селенія, подвѣдомственные министерству, Муравьевъ всегда спрашивалъ, нѣтъ-ли между крестьянами людей способныхъ, выдающихъ склонность къ ученію или къ художествамъ? Таковыхъ онъ записывалъ, а потомъ, по возвращеніи въ Петербургъ, дѣлалъ распоряженіе объ улучшеніи ихъ будущности. Такъ было и со мною; но мое начальство, отстранивъ меня, „какъ чловѣка семейнаго, вполне довольнаго своей участью“, сдѣлало представленіе только о Ефимовѣ. Это происходило въ 1857 году, когда у меня уже была старшая дочь, Катя.

Въ тяжеломъ раздумьи возвратился я въ сельскую расправу. Неужели-же такъ все и пропало? Чѣмъ поправить дѣло? Нельзя-ли доказать окружному начальнику, что я не только не утратилъ любви къ живописи, но даже и рисовать не разучился? Представить ему мой рисунокъ „солдата въ походной формѣ“, лично, я не смѣлъ. Зная, что Донской (окружной начальникъ), пріѣзжая въ наше село, останавливается у священника, я побѣждалъ къ нему въ домъ и, не найдя тамъ никого, оставилъ мой рисунокъ съ подписью имени, фамиліи—и, давай Богъ ноги! Что тогда происходило у меня на сердцѣ!.. Такъ-же, вѣроятно, страдаетъ и тревожится несчастная женщина, принужденная подкинуть своего ребенка.

Пріѣхавъ къ священнику, Донской увидалъ мой рисунокъ и послалъ за мною; прихожу.

— Ты рисовалъ?

— Я, говорю, рисовалъ.

— Хорошо; я покажу твой рисунокъ управляющему (Н. А. Замятнину).

Дня черезъ два меня потребовали въ Рязань, къ управляющему. Тотъ-же вопросъ предложилъ мнѣ и Замятнинъ, т. е. я-ли рисовалъ? „Какъ-же“,—сказалъ онъ—„о тебѣ было донесеніе, что ты, будучи чловѣкомъ женатымъ, вовсе прекратилъ занятія живописью?.. Чего-же ты желаешь? учиться?“—Желаю. „Дѣти у тебя есть?“—Есть, отвѣчалъ я.—но только дочка... самая малень-

кая!—Для большаго удостовѣренія я даже показалъ рукою, чуть не на полъ-аршина отъ пола; какъ будто такая малютка не можетъ быть и помѣхою моему ученью. Замятнинъ разсмѣялся и пошелъ къ своей женѣ. „Вотъ“,—говорить—„какъ онъ желаетъ учиться; даже ростъ своей малютки убавилъ. Но одного желанія недостаточно“, продолжалъ Замятнинъ, обращаясь ко мнѣ; „недостаточно и того, что ты нарисовалъ... Нарисуй еще что нибудь!“

Тутъ онъ повелъ меня во внутреннія комнаты и показалъ на стѣнѣ икону Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, мастерской живописи итальянскою шеола. Можешь-ли скопировать карандашемъ?

Съ вѣрою въ помощь Божію, съ надеждою на свои силы, я взглянулъ на ликъ Искупителя. До сихъ поръ не хочу думать, что-бы выборъ Замятнина былъ дѣломъ слѣпнаго случая: лучшаго выбора невозможно было и сдѣлать! Моя работа была въ то же время молитвою, и молитвою, дошедшею до Бога... Рисунокъ этотъ, рѣшившій мою участь, я донынѣ храню, какъ истинную святыню: онъ призвалъ меня изъ ничтожества къ новой жизни художника.

— Можешь-ли срисовать? повторилъ Замятнинъ.

— Могу! отвѣчалъ я рѣшительно.

— Смотри, пожалуй, какой-же ты самонадѣянный! Ефимовъ отказался, а ты берешься... Ну, ладно! продолжалъ онъ, снимая образъ и бережно завязывая его въ шелковый платокъ, „чтобы образъ этотъ былъ въ совершенной сохранности!“—Купивъ въ Рязани хорошей бумаги и карандашей, я отправился къ себѣ.

Самонадѣянность, которою несправедливо упрекнулъ меня Замятнинъ, была, съ моей стороны, только сознаниемъ собственныхъ силъ. Мой первый опытъ въ рисованіи портретовъ—портретъ графа П. Д. Киселева, заслужилъ одобренія какъ моего ближайшаго начальства, такъ и самаго графа. Тогда онъ прислалъ въ поощреніе мнѣ 5 руб. сер., „сумму“, которая меня, тринадцатилѣтняго мальчика, несказанно обрадовала... Жаль только, что надъ этими деньгами чуть не оправдалась пословица: „по усамъ текло, да въ ротъ не попало“. Эта сиротская кроха шла черезъ руки Виноградова, который, не любостыжанія ради, а, конечно, по разсѣянности, задержалъ мои пять рублей... Отдать-то ихъ отдалъ, да только тогда, когда уже сидѣлъ въ тюрьмѣ.

Приступая теперь къ копированію съ превосходнаго изображенія Спасителя, я, всего прежде, долженъ былъ распорядиться

временемъ, чтобы не отнимать его у службы моей и черезъ это не лишиться куска хлѣба. Пришлось, такъ сказать, служить и Богу и мамонѣ. Припомнивъ мое горемычное дѣтство, когда я въ училищѣ занимался рисованіемъ по ночамъ, я точно также сдѣлалъ: днемъ писалъ ревизскія сказки, а ночью копировалъ ликъ Спасителя. На ревизию мнѣ приходилось ѣздить въ деревню, за семьдесятъ верстъ; конецъ не близкій, но по возвращеніи домой, мнѣ было не до отдыха. Всегда кроткая, терпѣливая, доброжелательная жена моя не протестовала на мое отчужденіе отъ домашства, но ея родные, въ особенности дядя, подшучивали, и зло подшучивали надо мною: „Женать,“ говорилъ дядя — „а туда-же, учиться! Оставь лучше, ну, что ты сдѣлаешь? Только людей насмѣшишь“....

А я, между тѣмъ, занимался. Для уменьшенія копій я начертилъ на бумагѣ клѣтки, наносилъ линіи; работа шла успѣшно. Я завидовалъ только счастливымъ, которые могутъ свободно располагать своимъ временемъ и пользоваться дневнымъ свѣтомъ, не находясь въ необходимости рисовать при свѣчахъ и дорожить каждою крупницею сала... Свѣчами меня — спасибо ему — дядя снабжалъ.

Ревизія—дѣло не легкое. Механизмъ ея не особенно замысловатъ, да лица-то, подлежащія ревизіи, въ большинствѣ случаевъ безтолковы. Приѣдешь, напримѣръ, въ деревню, спросишь мужичка: „Какъ тебя звать?“ — Такъ-то. „А какъ хозяйку зовутъ?“ — Молчитъ и въ затылокъ полѣзетъ. „Какъ-же?“ допытываюсь я. „Ты-то зовешь-же ее какъ нибудь?“ — Да такъ хозяйкой и зову. „Сходи-же домой и узнай, повѣрниѣ, какъ ее зовутъ?“ Сходитъ мой мужичекъ, спроситъ и скажетъ мнѣ. „А дѣти есть?“ — Какъ не быть, извѣстно есть... „Какъ-же ихъ зовутъ?“

Хоть тресни, никогда поименно не пересчитаетъ! Положимъ, у мужика пять человѣкъ, онъ и начнетъ: „Дашка, Агашка... Агашка...“ И остановится, сконфузится, покраснѣетъ весь. Я не преувеличиваю: у насъ, въ Рязанской губ., мужички рѣдко зовутъ своихъ женъ по именамъ... больше за-просто: „ты“ да „ну!“ Имена ребятишекъ, надо полагать, за многочисленностью забываютъ. Вслѣдствіе этого и случаются въ ревизіяхъ частыя пропуски, а за пропуски взыскиваются штрафы, крайне обременительные для крестьянина. Такихъ штрафовъ было не мало при X ревизіи. Для вѣрности счета и

точности именныхъ списковъ, слѣдовало-бы обходить избы и опрашивать крестьянскія семьи на мѣстѣ жительства. Это—взаимное неудобство: въ избы и самимъ хозяевамъ съ чадами и домочадцами тѣсно, а тутъ еще гостей Богъ пошлетъ: и писарь, и старшина, и сотскій, и добросовѣстные. Да не всегда и застанешь всю семью въ полномъ сборѣ. — За труды по ревизіи мнѣ положили по 12 копѣекъ съ каждой ревизской души. Приходилось получить не мало; но я ѣздилъ всего четыре дня и собралъ рублей до восьмидесяти.

Спѣшу оговориться, что этотъ подушный сборъ предоставляется закономъ на составленіе ревизскихъ сказокъ по опредѣленію общества. Въ общей массѣ оно казалось-бы и достаточно; но если принять во вниманіе, что на меня падали канцелярскіе расходы, наемъ переписчика и т. д., то вознагражденіе выйдетъ самое скромное. Должность писаря я занималъ два года съ четвертью; а ревизія, о которой я говорю, происходила въ февралѣ 1858 года.

Копію съ иконы Спасителя, заданную мнѣ Замятнинымъ, я окончилъ въ четыре ночи, дорожа каждой минутой и поневолѣ торопясь. Когда я привезъ оригиналъ и копію къ моему покровителю, онъ отъ души похвалилъ мою работу. „Желаешь, чтобы я ее представилъ министру?“ спросилъ онъ.

— Попросилъ-бы объ этомъ, сдѣлайте милость....

— А какъ-же жена твоя?

— Она будетъ жить у отца; они люди состоятельные, у нихъ арендуютъ постоянный дворъ; могутъ кормиться.

Я не пригалъ; тестъ былъ человекъ не бѣдный, а его отецъ, или „дѣдушка“, какъ мы его звали, могъ назваться даже богачемъ. У старика приколпено было червонцевъ рублей на шестьсотъ. Это сокровище онъ хранилъ въ сундукѣ, который мнѣ съ женою служилъ постелью... Могу похвастать: иные люди на золотѣ ѣдятъ, а мы на золотѣ спали, какъ бы пришлось человеку спать на голой землѣ, подъ которою кладъ зарытъ. Дѣдушка былъ не промахъ: во мнѣ и въ моей Евфросиніи Алексѣевнѣ нашелъ надежныхъ сторожей своему сокровищу; въ особенности послѣ того, какъ одинъ изъ его сыновей вздумалъ пошарить въ заветномъ сундукѣ... Не въ обиду будь сказано дѣдушкѣ: онъ, со своими червонцами, напоминалъ собаку на сѣнѣ—ни себѣ, ни

другимъ. Червонцами своими онъ пользовался гомеопатически, „въ приглядку“. Вынетъ чорвонцы, возьметъ двѣ чашки—большую и поменьше—и окладываетъ ихъ червонцами...

Но я отклонился отъ разсказа о разговорѣ Замятнина со мною. Послѣ моей просьбы о представленіи рисунка министру, онъ, какъ-бы строже разсматривая мою работу, замѣтилъ вкрадчиво, что одинъ глазокъ, какъ будто, менѣе противу подлинной иконы. „Это можно исправить“, сказалъ я,—и тотчасъ-же возстановилъ рисунокъ въ той правильности, какой желалъ Замятнинъ—можетъ быть и основательно. Моя уступчивость ему понравилась. „Другой, на твоёмъ мѣстѣ, возгордился-бы“, сказалъ онъ.

Надѣясь на благополучный исходъ моей просьбы, я попросилъ Замятнина, чтобы онъ въ своемъ представленіи министру не говорилъ, что я женатъ; иначе, пожалуй, меня и не примутъ въ академію. На этотъ счетъ Замятнинъ меня успокоилъ. Для увольненія меня отъ Иголдаевского сельскаго общества нуженъ былъ приговоръ послѣдняго. Мнѣ выдали изъ Солотчинскаго Волостнаго Правленія самый лестный аттестатъ за время моего служенія писаремъ (съ 1856 по 11-е февраля 1858 года), въ увольнительномъ-же свидѣтельствѣ обо мнѣ было сказано: „Иванъ Пожалостинъ увольняется въ двухъ ревизскихъ душахъ“; второю моею душою подразумѣвалась моя жена, что пожалуй и справедливо; но какъ-бы то ни было, а человѣкъ съ двумя душами самъ-другъ—явленіе возможное только въ сказкахъ, да и то ревизскихъ! Такъ значилось на документѣ; но Замятнинъ въ частномъ своемъ письмѣ къ министру, Михаилу Николаевичу Муравьеву, сообщилъ ему о томъ, что я женатъ, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній. Рисунокъ мой былъ отправленъ въ Петербургъ, а равно и работы Ефимова: рисованный перомъ портретъ преосвященнаго Иннокентія и копія съ картины: „собака съ рябчикомъ“.

Добрый мой однокашникъ и товарищъ по академіи, Николай Ефимовичъ Ефимовъ, нынѣ учитель рисованія при Воспитательномъ домѣ, заслуживаетъ сердечнаго слова въ моихъ воспоминаніяхъ. Не мнѣ быть цѣнителемъ его художественнаго дарованія; цѣню только сердце и неослабную пріязнь, которую Ефимовъ оказывалъ и мнѣ, и всѣмъ своимъ товарищамъ: онъ дѣлилъ съ

нами послѣднюю копѣйку и бывалъ тѣмъ щедрѣе, чѣмъ лучше бывали его собственные обстоятельства.

15-го февраля того-же 1858 года нашъ голова, поѣхавъ за мною въ деревню, гдѣ я былъ на ревизіи, встрѣтился со мною и вручилъ подорожную, выданную намъ съ Ефимовымъ на проѣздъ въ Петербургъ!... Участъ моя была рѣшена.

VII.

Семейныя дѣла. — Приѣздъ въ Петербургъ. — Департаментская прихожая. — Жизнь и первые уроки у Федора Ивановича Гюрдана. — С. О. Бородаевскій. — Совѣты и совѣтники. — Занятіе чтеніемъ.

Я отправился въ Рязань къ Замятнину, который объявилъ мнѣ, что отвѣтъ отъ министра полученъ: по докладу М. Н. Муравьева послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе мнѣ и Ефимову поступить учениками въ императорскую академію художествъ. Намъ слѣдовало безотлагательно готовиться къ отъѣзду. На всѣ сборы оставалось не болѣе четырехъ дней. По возвращеніи изъ Рязани домой, въ Солотчи, я не засталъ моего тестя, онъ уѣхалъ куда-то на праздники. Возвратился въ тотъ-же день, какъ слѣдуетъ, выпивши и узнавъ о томъ, что дѣло моего отъѣзда рѣшено, подошелъ ко мнѣ, схватилъ меня за волосы и сталъ трепать да волочить, приговаривая: „женился, такъ не бросай жены!“ Разбушевался до того, что мы съ женой бѣжали изъ дому и провели ночь въ волостномъ правленіи...

За свою кулачную расправу тестъ получилъ выговоръ отъ окружнаго начальника. Не оправдывая тестя, а въ видѣ смягчающихъ вину обстоятельствъ замѣчу, что онъ, во-первыхъ, досадовалъ на предстоящее одиночество дочери; а во-вторыхъ — болѣе дочери онъ любилъ выпить: отъ пьянаго-же нельзя ждать ни справедливости, ни здравомыслія. И до отъѣзда моего у насъ съ тестемъ бывали частыя непріятности, по поводу которыхъ его отецъ, „дѣдушка“, предлагалъ мнѣ разѣхаться съ нимъ. Нынѣ у насъ совершенно иныя отношенія: съ годами тестъ поуходился; я, чѣмъ могу, помогаю старику и онъ видимо совѣстится прошедшаго. При моихъ поѣздкахъ въ деревню ласковъ до нельзя,

въ глаза глядѣть... Если когда и выпьетъ, то тайкомъ отъ меня, а выпивши—прячется, чтобы я не замѣтилъ.

Предстоящая разлука глубоко огорчала бѣдную мою жену; она боялась, что въ Петербургѣ я ее забуду и совершенно покину. Я утѣшалъ ее тѣмъ, что, со временемъ, перевезу и ее въ Петербургъ. Припоминая первые годы, даже первые мѣсяцы нашего супружества, я съ грустнымъ чувствомъ замѣчу, что при всей нѣжности и взаимности любви, мы весьма часто плакали съ нею безотчетно, безпричинно... Можетъ быть эти слезы были предчувствіемъ будущихъ частыхъ и продолжительныхъ разлукъ; а мы съ женою провели въ разлукѣ, въ общей сложности, двѣнадцать лѣтъ—и какихъ лѣтъ! первой молодости, весны жизни. Видно, ничто на свѣтѣ не дается человѣку безъ борьбы, а гдѣ борьба—тамъ и жертвы. Въ моей побѣдѣ надъ препятствіями и враждебными обстоятельствами также не обошлось безъ жертвы—и судьбѣ было угодно, чтобы это была именно моя добрая, кроткая, безотвѣтная жена. Не даромъ далось мнѣ искусство, и, скажу безъ всякаго преувеличенія, каждая черта карандаша, каждый штрихъ грабштира ученическихъ моихъ лѣтъ, были глубокими царапинами по сердцу жены, да и по моему также; они отразились преждевременными морщинами на нашихъ лицахъ и сѣдиною на головахъ...

При моемъ отъѣздѣ, насъ съ Ефимовымъ провожали всѣ сельскія власти; запаслись тремя козусками водки и попивали ее исправно. Жена, сколько помнится, провожала меня до Рязани; провожалъ и тестъ, чтобы отобрать у меня, что было получше изъ одежки... Въ Рязани Замятнинъ далъ мнѣ и Ефимову по полуимперіалу и, пожелавъ счастливаго пути и успѣховъ, благословилъ: меня—образочкомъ Спасителя, а Ефимова—таковымъ-же св. Николая Чудотворца. Кромѣ того намъ, на путевые издержки, выдалъ по 14 рублей на брата.

Въ какомъ-то чаду, будто сквозь сонъ, доѣхали мы до Москвы; мелькомъ, не успѣвъ сознать всего величія впечатлѣнія, видѣли Кремль съ куполами золоченыхъ церковныхъ главъ, со стоустыми, гулкими колоколами... Потомъ понеслись по Николаевской желѣзной дорогѣ. По мѣрѣ приближенія къ Петербургу, низменная мѣстность, обширныя равнины и поля, занесенныя снѣгомъ, январскіе пролѣски—все говорило, что это иной край—холодный,

суровый, непривѣтливый, не то что берега родной Оки съ ихъ лѣсами и бархатными лугами. Приѣхали въ Петербургъ: пассажиры шумными роями повысыпали изъ вагоновъ на галлерей станціи; многихъ обступили родные, знакомые, ожидавшіе ихъ приѣзда; толпились тутъ зазывальщики и зазывальщицы въ гостиницы, на постоялые дворы и на квартиры... Пригласили и насъ съ Ефимовымъ, мы и пошли, сами не вѣдая куда и за сколько. Эту квартиру содержала, какъ оказалось, небогатая вдова, прелестная собою, ласковая, добрая и не особенно алчная на деньги: съ обоихъ насъ, со столомъ и прислугою, она взяла 60 коп. въ сутки. Квартира эта находилась на углу Гусева переулка и Лиговки. Добрая хозяйка сразу поняла, что мы полу-дикари, въ Петербургѣ какъ въ лѣсу и позаботилась о насъ, какъ о родныхъ. Предупредила, чтобы мы въ пищу были осторожны, а воду пили бы въ прикуску съ ржаными сухариками, ради того, чтобы не привязалась холера, которая тогда съ 1852 года угнѣздилась въ Петербургѣ.

Отдохнувъ съ дороги, я далъ знать о своемъ приѣздѣ Андрею Осиповичу Андрееву, жившему неподалеку; потомъ и самъ побывалъ у него — но объ этомъ послѣ. Мнѣ и Ефимову надлежало прежде всего явиться въ первый департаментъ министерства государственныхъ имуществъ, по рекомендаціи Андреева, къ г. Адамову. Отправились мы, будущіе художники, на площадь Спяга моста, тогда обнесенную заборомъ и загроможденную лѣсами по случаю постановки монумента императору Николаю Павловичу. На мнѣ былъ дубленый полушубокъ, на Ефимовѣ долгополый сюртукъ: на искателей приключеній мы похожи не были, но деревенскихъ увальней легко было признать въ насъ съ перваго взгляда. Путь намъ лежалъ по Невскому проспекту, мимо громадныхъ домовъ, чрезъ Аничкинъ мостъ съ его бронзовыми конями; богатѣйшіе магазины со всякими невидальщинами, Казанскій соборъ, Большая Морская — да просто цѣлый міръ ка-кихъ-то сказочныхъ чудесъ...

Дойдя до департамента, мы пошли по черной лѣстницѣ къ г. Адамову (по чистой-то насъ бы и не пустили); провели насъ въ переднюю, въ которой мы простояли цѣлый день. Много мимо насъ разныхъ чиновниковъ прошло во внутреннія комнаты: по-дойдутъ къ зеркалу, приглядятъ или взъерошатъ волосы и уxo-

дять. Никому не было любопытно спросить, откуда мы взялись. Поглядывая на проходившихъ, я по поступи угадывалъ въ какомъ кто чинъ: господа посолднѣ выступали величаво и сапогами сильнѣ поскрипывали; менѣ чиновные — сѣменили легонькой походкой; а самые мелкіе ходили на цыпочкахъ. Наконецъ, намъ приказали явиться на другой день къ чиновнику Александру Александровичу Боровкову.

На этотъ разъ мы были счастливы. Александръ Александровичъ обошелся съ нами привѣтливо, ласково, и сказалъ, что дней черезъ пять мы поступимъ, въ качествѣ учениковъ-пенсіонеровъ, къ профессору академіи художествъ Ѳеодору Ивановичу Гордану. Министръ предполагалъ сначала отдать насъ къ профессору Уткину, но это не могло состояться за старостію его лѣтъ. Затѣмъ г. Боровковъ освѣдомился—есть-ли намъ чѣмъ жить? и тутъ же, на первый случай, выдалъ каждому изъ насъ по три рубля сер. изъ собственныхъ денегъ. Помимо ласковости обхожденія, меня въ Александрѣ Александровичѣ порадовало особенное изящество разговора и истинно барскихъ манеръ. Черезъ недѣлю онъ повезъ меня и Ефимова въ академію художествъ для представленія Ѳеодору Ивановичу.

Осанистая наружность будущаго моего учителя, его взглядъ и голосъ произвели на меня глубокое впечатлѣніе. Оно, конечно, было бы еще сильнѣе, еще глубже, если-бы я зналъ, что передъ нами творецъ бессмертной гравюры: „Преображенія Господня“ и другъ творца „Мертвыхъ душъ“, который такъ искренно уважалъ и любилъ Ѳеодора Ивановича. Онъ весьма любезно обошелся съ нами, попросивъ прійти на другой день для окончательнаго нашего водворенія у него на квартирѣ. За-каждаго изъ насъ министерство уплачивало по 350 р. въ годъ—за помѣщеніе, столъ, обмундировку и т. д. Мы были препровождены къ профессору и сданы ему при бумагѣ, согласно формальностямъ доживавшаго тогда послѣдніе свои годы крѣпостнаго права. Помѣщеніе, отведенное намъ при квартирѣ Ѳеодора Ивановича, состояло изъ двухъ комнатъ, одной спальней, а другой — для занятій рисованьемъ. Окна ея выходили въ академическій садъ, она была свѣтлая, веселая, просторная. Обѣдъ былъ сытный, хотя и не отличался разнообразіемъ. Обхожденіе профессора, чуждое фамильярности и шутовскости, было ровное, ласковое, человеческое. Называя меня

просто „Иваномъ“, а товарища моего „Николаемъ“, профессоръ съ перваго-же раза замѣтилъ, что его самага за границею учитель называлъ лишь по имени, либо по фамиліи. И правъ былъ нашъ почтенный учитель: у каждаго художника два имени: родовое и благопріобрѣтенное. Къ послѣднему, получившему знаменитость, не принято даже прибавлять и частицы: „господинъ“; дѣйствительно, у кого повернется языкъ сказать: г. Брюлловъ, г. Айвазовскій, г. Иорданъ? То-же, что сказать: г. Пушкинъ, или г. Гоголь. Нашего почтеннаго профессора, въ бытность его еще ученикомъ, звали „Федоромъ“; впоследствии—Федоромъ Ивановичемъ Иорданомъ, безъ всякихъ титуловъ, такъ какъ это имя, само по себѣ, есть громкій титулъ великаго художника. Вотъ почему, въ дальѣйшихъ о немъ разсказахъ, я буду называть его лишь по фамиліи.

Мой первый покровитель, Андрей Осиповичъ Андреевъ, по переселеніи моемъ къ Иордану, лично просилъ его о благосклонности ко мнѣ и о дозволеніи мнѣ посѣщать его. Это были единственные мои выходы изъ стѣнъ академіи; бѣдному Ефимову и ходить было не къ кому; онъ сиднемъ-сидѣлъ дома почти безотлучно. Оба мы съ нимъ были парни тихіе, скромные, непыющіе. Не показывая намъ виду, Иорданъ зорко наблюдалъ за нашимъ поведеніемъ и, впоследствии времени, вполне убѣдился какъ въ нашей нравственности, такъ и честности. Но объ этомъ послѣ; поговорю о нашихъ первоначальныхъ урокахъ.

На первый случай Иорданъ далъ намъ копировать съ большихъ гравюръ, исполненныхъ на карандашный манеръ. Этимъ, вѣроятно, онъ желалъ приучить насъ къ точности глазомѣра и развить руку въ наброскѣ штриховъ. По мускулу первую мою работою былъ „Геркулесъ“, котораго я скопировалъ весьма учачно; то-же было и со слѣдующею. Дважды одного и того-же рисунка мнѣ не приходилось дѣлать. Кромѣ того и я, и Ефимовъ рисовали карандашемъ въ особыхъ альбомахъ фигурки мужскія, женскія, головки, ручки—послѣднія съ гравюръ. Для ознакомленія съ анатоміею, я копировалъ мускулистую фигуру „дискобола“ (метателя дисковъ). Сознавалъ, что исполнялъ удачно и убѣждался въ томъ по одобрительнымъ отзывамъ самага Иордана, который часто ставилъ меня въ примѣръ товарищу. Эти сравненія всегда сердили Ефимова, онъ ревновалъ меня къ похваламъ

учителя. Но гдѣ ревность, тамъ и соревнованіе! Къ числу особенностей преподаванія Іордана принадлежало его обыкновеніе—никогда не поправлять собственноручно нашихъ погрѣшностей въ рисункахъ; указывая на ошибки, онъ говорилъ только: „это не такъ“... „не вѣрно“... „надо поправить“. То есть: ходи, доискивайся самъ, не ходи на помочахъ. И этотъ приѣмъ въ преподаваніи живописи, ваянія и вообще изящныхъ искусствъ самый разумный и практичный; онъ даетъ возможность ученику развивать свое дарованіе самостоятельно, безъ всякаго рабскаго подражанія учителю. Во время нашихъ занятій рисованьемъ Іорданъ, чрезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени, входилъ къ намъ въ комнату, заглядывая на работы и опять удалялся. Разъ, онъ оставилъ на столѣ свою табакерку. Любопытство подстрекнуло насъ открыть и заглянуть... Между табакомъ лежало нѣсколько золотыхъ, мы втихомолку посмѣялись и закрыли табакерку, конечно, не прикоснувшись къ табаку, который былъ намъ не по носу. Но на слѣдующій разъ табакерка опять осталась на столѣ; тамъ—опять, и это повторялось часто. Послѣ оказалось, что мнимая забывчивость Іордана была, своего рода, добродушною хитростію; онъ желалъ испытать меня съ Ефимовымъ: „рисуете-то вы“, молъ „хорошо, чисто, но чисты-ли на-руки?“ И правъ былъ Іорданъ, испытывая насъ. Въ бытность нашу у него въ ученикахъ, одинъ близкій къ нему человѣкъ укралъ у него золотые, драгоценные часы. Въ первую пору Іорданъ заподозрилъ меня съ Ефимовымъ; но когда настоящій воръ былъ обнаруженъ, добрый Ѳеодоръ Ивановичъ самъ сознался въ своемъ неосновательномъ подозрѣніи.

Но доброта и ласковость нашего почтеннаго учителя не ограждала насъ отъ грубаго панебратства его прислуги, особенно лакея Сашки, выкупленнаго Ѳеодоромъ Ивановичемъ изъ чьихъ-то крѣпостныхъ. Воображая, что мы, ученики, тѣ-же слуги, этотъ лакей, сойдясь на короткую ногу съ Ефимовымъ (благодаря его простотѣ), задумалъ дѣлить съ нами свои труды по должности, говоря, что-де такъ угодно Ѳеодору Ивановичу... Дошло до того, что разъ онъ сказалъ намъ, чтобы мы шли съ кухаркою „на ватокъ“ бѣлье катать. — Что такой за ватокъ? подумалъ я—и пошелъ взглянуть на эту незнакомую мнѣ машину. Какъ увидалъ этотъ ящикъ съ наваленными въ него камнями, да съ круглыми

бревешками, по которымъ онъ взадъ и впередъ катается— „нѣтъ“, думаю, „это не ладно; тутъ себѣ какъ разъ руки попортишь!“ И наотрѣвъ отказался. Ефимовъ, какъ парень болѣе уступчивый и сговорчивый—каталъ, безъ возраженій. Взамѣнъ гимнастики съ каткомъ, я занимался работами въ саду: это былъ пріятный и полезный моціонъ, который я дѣлалъ по собственной охотѣ, а отнюдь не по самовольству какого-нибудь Сапки... Тутъ Ефимовъ былъ отчасти виноватъ, подавая ему поводъ къ излишней фамиллярности. Я же, не имѣя охоты прослѣдить наушникомъ на прислугу, не рѣшался жаловаться Иордану на прислугу, смѣшавшую понятіе объ ученикѣ съ мыслію о лакействѣ, чѣмъ, разумѣется, она оскорбляла не насъ, а самого барина.

Совершенно въ иныхъ отношеніяхъ дерзкая прислуга профессора была къ третьему его пансіонеру—Сергѣю-Осиповичу Бородаевскому, и не мудрено: это былъ баринъ въ самомъ прекрасномъ значеніи слова. Помѣщикъ Курской губерніи Щигровскаго уѣзда, умный, превосходно образованный, души доброй и благородной, талантливый любитель живописи, пейзажистъ, онъ жилъ у Иордана при совершенно иныхъ условіяхъ и, не смотря на разницу между нами въ общественномъ положеніи, сошелся со мною и Ефимовымъ, какъ самый добрый товарищъ. Часто заходилъ къ намъ, шутилъ, балагурилъ, пѣлъ пѣсни, кушалъ съ нами картофель со скороды, и, какъ одноклассникъ, не давалъ спуска и кашѣ. Занимался онъ прилежно, и въ академіи дошелъ до натурнаго класса; но въ 1861 году оставилъ занятіе и уѣхалъ къ себѣ въ имѣніе по случаю крестьянской реформы. О Сергѣѣ Осиповичѣ я сохраняю постоянно свѣтлое и признательное воспоминаніе: онъ, въ послѣдствіи времени, былъ воспріемникомъ отъ купели моего сына; въ тяжелыя минуты нужды моихъ всегда протягивалъ мнѣ руку братской помощи... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, говоритъ пословица; но если-бы ихъ-то не было, то едва-ли можно было-бы и жить на свѣтѣ!

Мой первый благодѣтель, Андреевъ, жилъ тогда въ Петербургѣ, въ Полтавской улицѣ (близъ Гончарной)—почти въ нищенствѣ и, при всемъ томъ, въ отношеніи меня былъ все тѣмъ-же добрымъ геніемъ, каковымъ я помнилъ его еще въ бытность мою въ училищѣ. И теперь Андрей Осиповичъ не оставлялъ меня своими благими совѣтами и истинно отеческими наставленіями...

Одно показалось мнѣ обиднымъ: при первомъ-же свиданіи онъ — прекрасный отецъ и примѣрный семьянинъ — укорилъ меня за мою женитьбу; жена и дѣти, по его мнѣнію, были тяжелыми тормазами для моихъ успѣховъ; то-же, словно сговорясь съ нимъ, слыхалъ я и отъ другихъ своихъ доброхотовъ... Какъ-же иногда люди умные и добрые могутъ криво и косо смотрѣть на вещи! Жена и дѣти помѣха моимъ успѣхамъ? Нѣтъ, сердце говоритъ, что ранняя моя женитьба оберегла мою нравственность отъ искушеній юности, которая всегда какъ-то особенно свойственна сердцу художника. Не знали мои доброжелатели, что мысль о моей доброй Евфросиніи Алексѣевнѣ и о нашей малюткѣ, Катѣ, охраняла меня отъ соблазновъ столичной жизни и отъ той страшной, ядовитой „чарочки“, на днѣ которой, при всей ея малости, у насъ на Руси гибнетъ такъ много людей и даровитѣе меня, грѣшнаго!.. Не легко мнѣ было полтора года скрывать отъ Иордана, что я женатъ, словно это преступленіе какое... Письма отъ своихъ я получалъ такъ рѣдко; вообще у насъ переписка деревень со столицами — дѣло затруднительное, сложное. Но и не получая писемъ, я чувствовалъ, сколько горя и душевной скорби оставилъ я за собою, на родинѣ, въ моемъ бѣдномъ гнѣздѣ — и Богу единому вѣдомо, сколько слезъ было пролито моей женой, въ цвѣтѣ лѣтъ обреченной на разлуку со мною. Ссылка моя была добровольная, но все-же ссылка: я дорывался до своего свѣтлаго будущаго, какъ труженикъ въ рудникахъ докапывается до золотиносной жилы.

Выходы наши со двора изъ квартиры Иордана случались весьма рѣдко. Въ часы досуга и отдыха мы, съ Ефимовымъ, занимались чтеніемъ. Мой выборъ остановился на сочиненіяхъ Гоголя и его „Ревизоръ“ произвелъ на меня самое разительное впечатлѣніе. Ефимовъ, кромѣ того, прилежно читалъ „Житія святыхъ“, хотя, подобно мнѣ, также очень интересовался и литературными произведеніями.

VIII.

Впечатлѣніе перваго года.—Мои успѣхи.—Фигурный классъ.—Переводъ въ классъ натурный.—М. Н. Муравьевъ.—Профессоръ Шампинъ.—Товарищи.—Первые опыты гравированія.—Копія съ образцовыхъ произведеній.—Первая медаль.

Разсказывая о первыхъ мѣсяцахъ моего пребыванія въ Петербургѣ, я не упомянулъ о впечатлѣніи, произведенномъ на меня столицею съ ея великолѣпными зданіями, памятниками, научными и художественными сокровищами. Понятно, что всѣ эти чудеса дѣйствовали на меня поразительно и казались чѣмъ-то истинно волшебнымъ. Соборъ св. Исаакія, освященный лѣтомъ 1858 года, монументъ императора Николая I, открытый на слѣдующій годъ, монументъ Петра Великаго, соборъ Казанскій — особенно меня поразили грандіозностью, изяществомъ, красотою. Замѣчу при этомъ, что зрѣлище великихъ произведеній искусства имѣло большое вліяніе на развитіе во мнѣ моихъ художественныхъ склонностей.

Рисованіе съ оригинальныхъ гравюръ подвинулось у меня настолько успѣшно, что Іорданъ далъ мнѣ рисовать съ гипсовой фигуры. Первою моею работою былъ Аполлонъ. Когда Іорданъ показал наши рисунки ректору академіи Бруни, тотъ утвердилъ о допущеніи меня и Ефимова въ третій классъ академіи. При поступленіи въ него, при работѣ перваго рисунка, мнѣ данъ былъ № 12; при второмъ рисункѣ я уже получилъ № 4, занявъ мѣсто моего предшественника Радзевича. Занимая № 12, я рисовалъ голову „Антиноя“, а на № 4—голову „Александра Севера“. Гипсовый головной классъ былъ самый многочисленный, такъ какъ для поступленія въ академію тогда не требовалось экзаменовъ изъ наукъ и языковъ. Тутъ были представители всѣхъ сословій и состояній; вопросъ о „мѣстахъ“, т. е. нумерахъ, рѣшался степенями

дарованія учениковъ: плохо одѣтый, чуть не оборванный бѣднякъ, получалъ нумера перваго десятка, а какой-нибудь богатый да безталанный любитель—сотенный. Послѣдніе по положенію общественному бывали нерѣдко первыми по занятіямъ. Особеннымъ руководствомъ и частыми указаніями профессоровъ я не пользовался. Огромную пользу при занятіяхъ въ головномъ классѣ (въ которомъ я пробылъ три мѣсяца) мнѣ принесло то, что я присматривался къ приѣмамъ другихъ учениковъ и, такимъ образомъ, приобрѣлъ сноровку и ловкость. Единственный профессоръ головнаго класса, Вестелиусъ, руководилъ учениками только при тушеvkѣ. Послѣднею моею работою была голова „Спасителя“, послѣ которой я и Ефимовъ были переведены въ четвертый, гипсовый классъ. Читатель можетъ судить о моихъ успѣхахъ по тому, что голову „Спасителя“ я рисовалъ имѣя № 12, а число учениковъ простиралось до 150 человѣкъ.

Въ IV, фигурномъ классѣ было три профессора: Горданъ, Вилевальдъ и Шамшинъ. Здѣсь я пробылъ годъ времени, получивъ за первую треть—№ 1, на которомъ и оставался. Меня перевели за фигуру „Венеры Милосской“. Переводы изъ одного класса въ другой бываютъ и по прошествіи первыхъ четырехъ мѣсяцевъ, но какъ бы ни были быстры успѣхи ученика, пребываніе въ фигурномъ классѣ требуетъ непременно продолжительнѣйшаго времени, для набивки руки, для изощренія глаза къ свободному начертанію формъ и очертаній фигуръ. Съ другой стороны, слишкомъ продолжительное рисованіе со статуй можетъ вредно отозваться на талантѣ живописца портретнаго или историческаго, придавая фигурамъ на его картинахъ жесткость, черствость, недвижность.

Занятія въ академіи были вечернія, съ 5 до 7 часовъ; остальное время мы съ Ефимовымъ работали дома безъ усталости. Изъ моихъ ученическихъ работъ нѣкоторыя я сберегъ у себя на память, другія раздарилъ; такъ Н. А. Замятинцу я преподнесъ два рисунка, особенно удачные.

Въ началѣ втораго года моего пребыванія въ академіи, именно въ 1859 году, я былъ переведенъ въ послѣдній, натурный классъ, въ которомъ ученики удостоиваются получать медали. На этотъ

разъ я обогналъ моего спутника Ефимова, который остался въ четвертомъ классѣ. При переходѣ въ натурный классъ у меня еще остался одинъ рисунокъ неоконченнымъ, потому что работъ изъ класса на домъ уносить не дозволялось. Но прежде, нежели я расскажу читателю о моихъ занятіяхъ въ натурномъ классѣ, считаю не лишнимъ передать немаловажный эпизодъ изъ перваго года моего поступленія въ академію.

Тогдашній министръ государственныхъ имуществъ, въ послѣдствіи столь знаменитый усмиритель западнаго края, Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, пожелалъ, чтобы Іорданъ представилъ ему меня и Ефимова. Сообщивъ намъ объ этой чести, Федоръ Ивановичъ приказалъ приготовиться, почище одѣться, сообразить отвѣты на случай вопросовъ и дня черезъ два повелѣ насъ къ министру. Приемная была полна чиновнаго народа въ разныхъ мундирахъ; не мало было лентъ и звѣздъ. Ожидали мы не долго, и когда явился Муравьевъ, я со всей смѣлостью художника взглянулъ на него и донныѣ сохраняю въ памяти его фигуру, обликъ и взглядъ. Далеко не красивый собою, очень курносый, съ пухлыми обвислыми щеками и со взглядомъ изподлобья, Муравьевъ умѣлъ придавать лицу, взгляду и самому своему голосу—или самую милую привлекательность, или суровость и холодную жестокость, смотря по тому, съ кѣмъ и о чемъ говорилъ. Миновавъ своихъ сановныхъ и чиновныхъ посѣтителей, Муравьевъ прежде всего подошелъ къ Іордану и, бросивъ на насъ свой стальной взглядъ, спросилъ:

— Какъ ведутъ себя?

— Хорошо, отвѣчалъ Іорданъ, три мѣсяца тому назадъ поступили въ академію; занимаются прилежно и успѣшно.

— Ходятъ-ли въ церковь?

— Ходятъ, ваше высокопревосходительство.

— Который-же тутъ изъ писарей? онъ каковъ? Вѣдь писаря, болѣею частью, пьяницы бываютъ...

— Въ этомъ отношеніи они оба—уроды! отвѣчалъ Іорданъ. Муравьевъ улыбнулся и, ласково взглянувъ на меня и Ефимова, похвалилъ насъ за прилежаніе и за поведеніе. Дня черезъ

два мнѣ и Ефимову было прислано отъ него въ награду по 25 р. сер.

Теперь возвращаюсь къ моимъ занятіямъ въ академіи.

Профессорами натурнаго класса были: Марковъ, Шамшинъ и Нефъ. Поступивъ въ него, я сознался внутренно, что при всѣхъ моихъ успѣхахъ въ гипсовомъ классѣ, мало рисовалъ и недостаточно набилъ руку. Это сознаніе совершенно меня обезкуражило; я, какъ будто, растерялся: сталъ присматриваться какъ рисуютъ другіе, сталъ разспрашивать товарищей... Живая натура казалась мнѣ неуловимою. Профессоръ Шамшинъ помогъ мнѣ; подойдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Первое правило: держись того, что уловилъ съ перваго взгляда и не теряй изъ виду линіи, какъ путевой нити. Разъ, уловивъ тѣлодвиженіе, поворотъ туловища, головы, выжди, чтобы то или другое повторилось, какъ бы вошло въ тѣ самыя рамки, которыми ты мысленно очертилъ всю фигуру.

Стараясь всѣми силами усвоить этотъ приемъ, я, наконецъ, одолѣлъ трудность рисовать съ живой фигуры. Учениковъ натурнаго класса было сто; начавъ съ № 65, я достигъ до № 25 и затѣмъ изъ перваго десятка не выходилъ. Достоинства ученическихъ работъ обсуждались профессорами разъ въ мѣсяцъ (какъ оно дѣлается и понынѣ). Совѣщаніе продолжались съ 10 часовъ утра до часу по полудни. Въ мое время натурный классъ былъ богатъ многими хорошими рисовальщиками. Погрузясь въ мои занятія и не тратя по пустому малыхъ своихъ досуговъ, я не особенно сближался съ товарищами. Многіе изъ нихъ принадлежали къ числу „широкихъ натуръ“, у которыхъ и „послѣдняя копѣйка ребромъ“, и „море по колѣна“, и „все трынъ-трава“. Я не могъ бывать ихъ собесѣдникомъ по отвращенію къ разгулу вообще, а къ водкѣ—въ особенности. Постоянные мои отказы отъ приглашеній въ трактиръ, или куда нибудь и того веселѣе, отдалили отъ меня гулякъ и они оставили меня въ покоѣ. Единственнымъ моимъ собесѣдникомъ былъ мой незабвенный Андреевъ, неизмѣнно любившій меня, какъ роднаго сына.

Находясь въ натурномъ классѣ, я приступилъ и къ гравированію, подъ руководствомъ Федора Ивановича Юрдана. Отдѣльнаго

гравировальнаго класса въ академіи не было; единственнымъ ученикомъ профессора Уткина былъ талантливый, такъ рано умершій, Лебедевъ.

Первая мѣдная доска, данная мнѣ для гравированія, состояла изъ двухъ квадратовъ, величиною каждый въ три вершка. Эти квадраты съ прямыми и поперечными штрихами мнѣ слѣдовало повторять, какъ учащемуся музыкѣ — свои гаммы. Иорданъ съ первыхъ-же уроковъ замѣтилъ: — „У тебя, Иванъ, грабштихъ ѣдетъ точно по желѣзной дорогѣ. Къ чему торошиться?“ На второй доскѣ профессоръ заставилъ меня награвировать четыре руки и четыре слѣдка. Когда я впервые бралъ въ руки грабштихъ, Иорданъ показалъ мнѣ, какъ его слѣдуетъ держать, съ упоромъ рукояти въ ладонь; но я, мало по малу, уклонился отъ этого приѣма и приспорившись держать инструментъ какъ карандашъ. Черезъ это, какъ я замѣтилъ впоследствии, штрихи приобрѣтали особенную мягкость и округлость, особенно при гравированіи лицъ. Не беру на себя смѣлости отдавать преимущество этому способу, мнѣ пригодному, предъ другимъ, общепринятымъ, но онъ вошелъ мнѣ въ привычку, въ которой я донынѣ не раскаиваюсь. — Окончивъ ручки и слѣдки, я сдѣлалъ перомъ торсъ Геркулеса и, наконецъ, приступилъ къ копированію съ картины: „Марія Магдалина“, гравированной Берсеневымъ, ученикомъ Уткина. Берсенева, одинъ изъ нашихъ отличнѣйшихъ граверовъ, прославился тремя превосходными произведеніями: „Андрей Первозванный“, „Искушеніе Спасителя“ и „Марія Магдалина“. За третью доску „Плутонъ“ (копія съ Гольца), я былъ удостоенъ награжденія второю серебряною медалью...

Увлекаясь воспоминаніями о первыхъ моихъ успѣхахъ, я невольно забѣгаю впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ и попадаю въ анахронизмы. Еще до полученія мною второй серебряной медали за моего „Плутона“, вскорѣ по моемъ поступленіи въ натурный классъ, именно лѣтомъ 1859 года, я получилъ отъ родныхъ нѣсколько писемъ съ увѣдомленіемъ, что женѣ моей, въ Солотчахъ, нечѣмъ жить, что тестъ мой отказывается ее содержать. Это извѣстіе было для меня громовымъ ударомъ. Неужели надобно бро-

силь все, разбить всю будущность, ѣхать домой на посмѣхъ и поруганіе вздорныхъ пьяницъ? Или отереться Іордану и, можетъ быть, за продолжительную утайку быть выгнаннымъ изъ академіи? Послѣ нѣсколькихъ мучительно-тревожныхъ дней, я рѣшился на послѣднее.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

РАЗСКАЗЪ БЫВШАГО КРѢПОСТНАГО КРЕСТЬЯНИНА Н. Н. ШИШОВА.

[Окончаніе].

1856—1860 гг. ¹⁾.

Во время моей торговли при Бугскомъ полкѣ, корнетъ этого полка Павелъ Мухинъ задолжалъ мнѣ 635 руб. серебромъ—сумма для меня не маловажная. Мухинъ былъ сынъ богатаго помѣщика Курской губерніи и имѣлъ брата, который служилъ въ Петербургѣ, въ морскомъ министерствѣ. Этотъ братъ моему должнику, будто бы, былъ долженъ значительную сумму денегъ. Поэтому Мухинъ далъ мнѣ письмо къ своему брату, чтобы я получилъ съ него свои 635 руб. и просилъ меня зайти въ имѣніе его отца, въ деревню Пахомку, Тимскаго уѣзда. Изъ Кишинева я прибылъ съ семействомъ въ Одессу. Сынъ мой окончилъ въ здѣшнемъ лицей курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента. При немъ я оставилъ жену младшаго сына и дочь, а самъ, взявъ съ собою 15 руб. на дорогу, 7-го іюня пошелъ въ Курскъ. Но предварительно вздумалъ зайти, по дорогѣ, въ Кіевъ поклониться св. угодникамъ Божіимъ. Пришелъ сюда 18-го числа, а черезъ два дня пустился въ путь къ Курску. Имѣніе отца Мухина находилось въ 45-ти верстахъ отъ этого города. Я пришелъ въ Пахомку 3-го іюля и отъ жителей узналъ, что старшій братъ Мухина недавно пріѣхалъ сюда изъ Петербурга погостить. Разумѣется, я этому былъ радъ, потому что мнѣ не предстояло надобности пробираться въ Питеръ. Дѣйствительно, я увидѣлся съ братомъ моего должника и подалъ ему отъ послѣдняго письмо. Онъ, прочитавъ его, сказалъ мнѣ, что денегъ въ настоящее время не имѣетъ, а пришлетъ ихъ мнѣ въ Кишиневъ къ половинѣ октября. Я убѣдительно просилъ его дать денегъ на дорогу въ Одессу. Онъ далъ мнѣ 5 рублей. Въ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXXI, (май), стр. 133—148; (іюнь), стр. 221—240; (іюль), стр. 437—478; (августъ), стр. 665—678.

Одессу пришло я 23-го іюля, а черезъ мѣсяцъ отправился пѣшкомъ въ Новый Бугъ за полученіемъ съ нѣкоторыхъ офицеровъ прежнихъ долговъ. Получилъ съ одного 110 рублей и опять возвратился въ Одессу. Здѣсь нанялъ квартиру съ лавкой, купилъ бакалейнаго товару и началъ торговать. Въ половинѣ октября я ѣздилъ въ Кишиневъ; но деньги отъ брата моего должника, Мухина, посланы мнѣ не были. Эту зиму я перебивался съ грѣхомъ пополамъ, тѣмъ болѣе, что старшій сынъ мой, будучи въ это время смотрителемъ въ лицѣ, уѣхалъ къ одному заводчику для обученія его дѣтей. Между тѣмъ, я узналъ, что должникъ мой, корнетъ Мухинъ, уѣхалъ изъ полка къ своимъ родителямъ въ имѣніе Пахомку.

Въ послѣднихъ числахъ марта 1857 года я отправился пѣшкомъ къ моему должнику. Денегъ у него не было; онъ вновь далъ мнѣ письмо къ своему брату въ Петербургъ. 18-го мая я пришло въ Москву, а черезъ день пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ. Братъ Мухина принялъ меня очень не дружелюбно, чуть не выгналъ изъ дому. Вышелъ я отъ Мухина и задумался: что мнѣ теперь дѣлать? Денегъ у меня было только 6 коп. Тутъ я вспомнилъ, что одинъ полковникъ Бутскаго полка, по случаю отпуска, проживаетъ здѣсь. Я розыскалъ квартиру этого полковника, гдѣ-то на Литейной улицѣ, и пришло къ нему. Онъ принялъ меня радушно; угостилъ кофеемъ. Я рассказалъ о своемъ дѣлѣ. Полковникъ посоветовалъ мнѣ подать прошеніе великому князю, который былъ, впрочемъ, въ это время за границей, а завѣдывалъ дѣлами морскаго министерства адмиралъ Метлинъ. Такъ слѣдовало обратиться съ прошеніемъ къ этому адмиралу. Затѣмъ, полковникъ пригласилъ меня къ себѣ ночевать. Это было очень пріятно для меня. На другой день, утромъ, я шолъ по Невскому проспекту и встрѣтился съ камердинеромъ Мухина, который мнѣ сказалъ, что онъ меня разыскиваетъ, чтобы я пришло къ его барину. На этотъ разъ Мухинъ принялъ меня вѣжливо и извинился за прошлый грубый поступокъ со мною. Я началъ слезно просить его о деньгахъ, говоря, что у меня всего только 6 коп.—мнѣ не на что и здѣсь жить и не съ чѣмъ выѣхать изъ Петербурга. Должно быть, Мухинъ сжалялся надо мною и далъ мнѣ 60 руб. съ тѣмъ, чтобы я ѣхалъ изъ Питера, куда знаю. Этимъ деньгамъ я чрезвычайно обрадовался и рѣшилъ вовсе не подавать жалобы на Мухина, потому—народная пословица гласитъ—съ слабымъ не борись, съ богатымъ не тгайся. Денегъ у меня было довольно, чтобы выбраться изъ Петербурга, гдѣ становилось для меня скучно. И вотъ 7-го іюня я оставилъ сѣверную столицу.

На тяжеломъ поѣздѣ прикатилъ въ Москву. Здѣсь, у Серпуховскихъ воротъ, нанялъ извозчика до Курска, за 5 рублей, ѣхать съ нимъ при обозѣ. Дорога съ этими извозчиками мнѣ такъ надоѣла, что я неоднократно раскаявался, что съ нимъ поѣхалъ; наконецъ въ Орлѣ вышелъ изъ терпѣнія

и пошолъ пѣшкомъ. Шагая по направленію къ Курску, я размышлялъ о желѣзной дорогѣ: сколь она благотѣльна для людей. Первое: скоро и дешево; второе: харчей надо мало. Еслибы было побольше этихъ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, народъ сталъ бы гораздо развязнѣе и коммерческія дѣла пошли бы несравненно лучше. Дай Богъ, чтобы сѣть желѣзныхъ дорогъ покрыла всю широкую раздольную Русь-матушку. Это великое благо!

21-го іюня явился я къ должнику своему въ Пахомку; но отъ него не добился никакого толку, и пошолъ въ Харьковъ. Тутъ я вспомнилъ, что мой сынъ учитъ дѣтей у зятя сахаро-заводчика Яхненки. Я отправился къ сыну, въ той надеждѣ—не найдется ли мнѣ какого-нибудь мѣстечка на заводѣ! Здѣсь я узналъ, что сынъ мой, покончивъ занятія съ дѣтьми, еще передъ пасхой отправился въ Одессу. При этомъ мнѣ было предложено мѣсто прикащика на заводѣ. Я согласился. Должность моя состояла въ томъ, чтобы наблюдать за казармами, въ коихъ помѣщалось до 2,000 человѣкъ рабочихъ, и при этомъ радѣть о хозяйскомъ интересѣ. Жалованья мнѣ было назначено 300 руб. въ годъ; квартира и столъ отъ хозяина. Я началъ служить и наблюдать хозяйскіе интересы. Прошло два мѣсяца. Двое управляющихъ остались не довольны мной за то, что я обнаружилъ слѣдующее злоупотребленіе: положимъ, рабочихъ было 2,000 человѣкъ, а обѣденныхъ порцій отпускалось 2,200, т. е. на 200 человѣкъ болѣе. Куда эти лишнія порціи шли—не извѣстно. Все-таки я прожилъ на заводѣ Яхненки до мая мѣсяца 1858 года.

Тутъ я получилъ отъ должника моего Мухина, изъ Харькова, письмо, съ извѣстіемъ что онъ теперь разбогатѣлъ. Оставивъ службу на заводѣ, я пошелъ къ Мухину. Онъ далъ мнѣ 100 рублей, обѣщавшись отдать остальные деньги не позже сентября мѣсяца. Спасибо и на томъ. Изъ Харькова я пошелъ въ Воронежъ поклониться св. Митрофанію, а потомъ въ Саратовскій монастырь. 14-го іюля я прибылъ на родину въ Выѣздную слободу. Здѣсь, вмѣстѣ съ родными и знакомыми, мнѣ довелось встрѣтиться съ извѣстнымъ въ исторіи моей жизни крестьяниномъ Павельевымъ. Ему за поимку меня отъ главноуправляющаго Рагузина и отъ помѣщика обѣщаны были великія милости и награжденія. Но этихъ милостей онъ не дождался. Напротивъ того, несчастіе за несчастіемъ слѣдовало съ нимъ и съ семействомъ его: самого его разбилъ параличъ, а сынъ—мой крестникъ—отданъ былъ въ солдаты. Павельевъ приглашалъ меня къ себѣ въ гости, но я отъ этого приглашенія отказался.

Черезъ недѣлю я оставилъ родную слободу и направилъ путь свой къ замужней дочери въ Нижній-Новгородъ. Здѣсь скоро пронесся слухъ, что на ярмарку пріѣдетъ государь императоръ съ своею августѣйшею супругою. Столь рѣдкихъ высокихъ гостей нельзя было не дожидаться. 16-го августа на фонарныхъ столбахъ и на углахъ появились афиши о прибытіи въ городъ,

по Волгѣ, государя съ государыней, 18-го числа въ 12 часовъ дня. Наканунѣ этого числа я вышелъ на ярмарку. Народу было несмѣтное количество. Прислушиваясь къ толкамъ и разговорамъ мужичковъ, я видѣлъ, что эти простые люди пламенно желали хоть однимъ глазкомъ взглянуть на обожаемаго монарха, отъ котораго, по слухамъ, дана будетъ скоро свобода крестьянамъ отъ крѣпостнаго рабства. Этимъ обстоятельствомъ и объяснялось, по моему мнѣнію, столь небывалое стеченіе народа въ Нижнемъ и на ярмаркѣ. Въ самый день прїѣзда высокихъ посѣтителей, т. е. 18-го числа, съ ранняго утра несмѣтныя толпы народа заняли кремль, набережную, покрыли всю гору по направленію къ Волгѣ. Въ 4 часа пополудни пароходъ прибылъ съ державными путешественниками; въ городѣ раздался торжественный звонъ и неумолкаемое «ура!» огласило воздухъ. Признаюсь, на своемъ вѣку мнѣ не однажды приводилось присутствовать при встрѣчахъ нашихъ русскихъ помазанниковъ Божіихъ, но такой встрѣчи я не видалъ. Радость на всѣхъ лицахъ и воодушевленіе были, поистинѣ, трогательны и умильтельны. Когда государь съ своею супругою вышелъ съ пристани на берегъ и сѣлъ въ карету, то оказалось, что отъ тѣсноты народной не было никакой возможности ѣхать: народъ на рукахъ везъ экипажъ съ государемъ и государыней до самаго собора, что въ кремль. Вечеромъ была великолѣпная иллюминація: зрѣлище необыкновенное и нигдѣ мною не виданное! — На четвертый день, т. е. 22-го августа, въ 11^{1/2} часовъ, державные гости оставили Нижній-Новгородъ. Какъ я замѣтилъ, многіе и многіе проливали искреннія слезы....

Изъ Нижняго я отправился въ Херсонъ, гдѣ старшій сынъ мой хлопоталъ занять мѣсто учителя въ здѣшней гимназіи. Въ январѣ мѣсяцѣ 1859 года сынъ мой опредѣленъ былъ на это мѣсто, гдѣ находится и по настоящее время.

Въ первыхъ числахъ іюня я вздумалъ навѣстить должника моего Мухина, проживающаго въ Харьковѣ, а по дорогѣ зайти къ помѣщику Полтавской губерніи, у котораго сынъ мой училъ дѣтей и который остался ему долженъ около 200 рублей сереб. Пробирался я на Николаевъ, Бобринецъ и Елисаветградъ — гдѣ пѣшкомъ, гдѣ на подводахъ съ попутчиками. Изъ Елисаветграда пришолъ къ помянутымъ помѣщикамъ, получилъ съ одного деньги и отправился въ Кременчугъ. По дорогѣ отсюда я догналъ двухъ молодыхъ людей, съ котомочками за плечами, которые оказались окончившими курсъ въ Могилевской гимназіи и пробирались въ Харьковскій университетъ. Не доходя версты двѣ до Полтавы, мы расположились ночевать на обширномъ полѣ, гдѣ нѣкогда великій преобразователь Россіи императоръ Петръ I-й одержалъ блистательную побѣду надъ шведскимъ королемъ Карломъ XII-мъ. Въ Полтавѣ я расстался съ своими молодыми спутниками и направился къ Харькову, куда прибылъ 17-го іюня. Явился къ должнику

моему Мухину. Денегъ у него не оказалось. Я убѣдилъ его выдать мнѣ формальное заемное письмо на 530 руб. Въ это время въ Харьковѣ показывалась и давала представленія извѣстная Юлія Пастрана. Я пошолъ по-смотрѣть на эту чудо-женщину: невысокаго роста, безобразная; она пѣла пѣсни на двухъ иностранныхъ языкахъ и одну русскую пѣсню. 25-го іюня, съ оставшимися у меня 5-ю рублями сереб., я пошолъ обратно въ Херсонъ. Въ концѣ 1859 года я вздумалъ открыть торговлю съ однимъ знакомымъ; но изъ этого ничего не вышло.

Въ началѣ 1860 года я отправилъ одному богатому человѣку письмо съ такимъ предложеніемъ: я предприиму путешествіе на рѣку Амуръ, отсюда въ Камчатку и по краю Сѣвернаго Ледовитаго океана до Архангельска и Петербурга; подробно опишу это путешествіе въ видахъ какого-нибудь коммерческаго предпріятія, а средства на путешествіе долженъ дать мнѣ онъ, богатый человѣкъ. Послѣдній письменно отвѣчалъ мнѣ, что на мое предложеніе согласенъ и обѣщался прибыть въ Херсонъ для личныхъ со мною объясненій. Я дожидался.

Въ день отданія пасхи у насъ совершался великолѣпный крестный ходъ при перенесеніи въ Херсонъ чудотворной Касперовской иконы Божіей Матери, учрежденный преосвященнымъ херсонскимъ и таврическимъ Иннокентіемъ ¹⁾. Въ 25-ти верстахъ отъ г. Херсона, на правомъ берегу Днѣпра, находится село Касперовка, принадлежавшее помѣщицѣ Касперовой. Эта помѣщица, по преданію, имѣла у себя древнюю икону Божіей Матери, на которой изображеніе совершенно стерлось. Однажды, въ 1846-мъ году, помѣщица замѣтила, что икона совсѣмъ перемѣнилась; изображеніе на ней оказалось какъ бы сдѣланнымъ за-ново. Немедленно донесли объ этомъ мѣстной духовной власти. Надлежащимъ обслѣдованіемъ было обнаружено, что изображеніе на иконѣ дѣйствительно обновилось. Потомъ эту икону назвали «Корсунскою», по сходству ея съ древними греческими иконами Богоматери Корсунской, отличительная черта которой, какъ извѣстно, такая: свитокъ въ рукѣ Божественнаго Младенца. По сказанію лѣтописи, нѣсколько такихъ иконъ было вывезено изъ Корсуни равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, послѣ принятія имъ здѣсь крещенія, и одна, какъ говорить мѣстное преданіе, была принесена въ наши края какимъ-то корсунскимъ выходцомъ. Помянутую обновившуюся икону изъ дома помѣщицы Касперовой взяли и поставили въ церкви близъ лѣваго клироса. Народъ очень чтитъ эту икону, и вотъ, по просьбѣ жителей г. Херсона, преосвященнымъ Иннокентіемъ

¹⁾ О значеніи, какое придавалъ преосвященный Иннокентій крестнымъ ходамъ въ религіозной жизни народа, см. нашу статью: „Иннокентій, архіепископъ херсонскій и таврическій“, „Русск. Старина“, изд. 1878 г., томъ XXIII, стр. 374 и слѣд., изд. 1879 г., т. XXV, стр. 686—688.

учрежденъ былъ ежегодный крестный ходъ съ перенесеніемъ ея изъ Касперовки въ Херсонъ. Первый такой ходъ состоялся въ 1852-мъ году.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я послалъ Мухину письмо, напомнивъ ему объ его мнѣ долгѣ. Въ концѣ сентября онъ выслалъ мнѣ всѣ деньги, т. е. 530 рублей, и я немедленно отправился въ Кишиневъ купить походяще кой-какого товару, съ тѣмъ, чтобы заняться въ Херсонѣ торговлею. Вѣдь не сидѣть же, сложа руки; да и кормиться чѣмъ-нибудь надо же было. Накупивши въ Кишиневѣ разныхъ фруктовъ, виноградныхъ винъ и проч., я 20-го октября возвратился въ Херсонъ и сталъ торговать. Зима въ этомъ году была снѣжная и необыкновенно для того края холодная: морозы доходили до 30-ти градусовъ. По словамъ старожилловъ, такая зима была только въ достопамятномъ 1812-мъ году.

1861—1862 гг.

Съ 1-го марта 1861 года я началъ сбираться въ св. градъ Іерусалимъ для поклоненія гробу Господню, горя нетерпѣніемъ исполнить это давнишнее мое обѣщаніе. Сдѣлалъ нѣкоторые необходимыя распоряженія по торговлѣ, заготовилъ себѣ фунтовъ 15 сухарей и 12-го марта, на пароходѣ, отправился въ Одессу. Здѣсь, въ канцеляріи генераль-губернатора, куда я пришелъ за заграничнымъ паспортомъ, мнѣ сказали, что нужно свидѣтельство обо мнѣ отъ херсонскаго губернатора. Я послалъ депешу сыну, чтобы онъ выхлопоталъ это свидѣтельство и выслалъ мнѣ. 19-го числа въ соборѣ прочитанъ былъ всемилостивѣйшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія. Радость народа была неописанна. Благодарность его къ своему добройшему царю-батюшкѣ Александру II Николаевичу была велика и безпредѣльна. Народъ загулялъ, да и было отъ чего.

Лишь только сынъ прислалъ мнѣ губернаторское свидѣтельство, я немедленно получилъ заграничный паспортъ и за 1 рубль сереб. прописалъ его у турецкаго консула. Потомъ скорыми шагами пошелъ къ контору пароходства, находившуюся на карантинной пограничной гавани; взялъ билетъ для проѣзда на палубѣ винтового парохода «Эльборусъ», до Константинополя; заплатилъ 5 руб. сереб. Затѣмъ, въ городѣ размѣнялъ ассигнаціи на золото; прописалъ свой паспортъ въ карантинъ и таможенѣ. Наступило 25 марта—день Благовѣщенія, когда, въ 4 часа по полудни, «Эльборусъ» долженъ былъ отправиться изъ Одессы. Я отстоялъ въ соборѣ утреню и обѣдню, пообедалъ у одного своего пріятели, взялъ свой мѣшечекъ съ провизіей и около 3-хъ часовъ пришелъ на пароходъ. Черезъ часъ пароходъ вышелъ изъ бухты въ открытое море.

На палубѣ пассажировъ было довольно—русскіе, армяне и татары. Одни

изъ нихъ ѣхали по своимъ торговымъ дѣламъ въ Константинополь; другіе— въ Іерусалимъ, а третьи—изъ татаръ—въ городъ Мекку для поклоненія гробу Магомета. Я присоединился къ компаніи двухъ спутниковъ—мущины и женщины изъ русскихъ, ѣдущихъ въ Іерусалимъ. Вѣтеръ дулъ противный, и при томъ холодный. Мы надумали чай пить. Какъ старшій изъ двухъ моихъ спутниковъ, я пошолъ съ двумя чайниками въ кухню къ повару за водой; договорился съ нимъ за воду на чай по 10-ти коп. въ сутки; если что вздумаемъ варить, то—плата особенная. Поваръ налилъ мнѣ въ чайники изъ кастрюли воды, и при томъ скоромной ложкой. Я замѣтилъ ему, что это мнѣ не нравится, такъ какъ теперь великій постъ. Поваръ отвѣчалъ: — Если будешь разговаривать, да брезговать, такъ и этой воды не получишь. Чтò за грѣхъ, что ложка скоромная? Богъ за такимъ грѣхомъ не погонится.

Я увидѣлъ, что разговаривать тутъ нечего, и удалился съ водой, налитой поваромъ. Наступила ночь. Я, наряду съ нѣкоторыми, спать расположился близъ пароходнаго куба на желѣзномъ помостѣ: хоть жестко и неудобно было спать, зато тепло.

На третій день, рано утромъ, «Эльборусъ» нашъ вошелъ въ Константинопольскій проливъ, и передъ нами открылись прелестныя предмѣстья Царь-Града, тянувшіяся на пространствѣ болѣе 30-ти верстъ, по обѣимъ берегамъ пролива. Тутъ, за рощами, среди садовъ виднѣлись дома самой причудливой архитектуры, раскрашенные разноцвѣтными красками и покрытые черепицею. Нѣкоторые сады уже покрыты были зеленью; цвѣты расцвѣтали. Словомъ—красота мѣстоположенія приковывала къ себѣ взоры путника. Въ 8 часовъ утра мы увидѣли Скутари, Галату, Перу и самый Царь-Градъ. Видъ былъ очаровательный. Множество минаретовъ, мечетей съ золотыми полумѣсяцами возвышались надъ зданіями и блестяли отъ лучей солнца. А выше всѣхъ красовалась своимъ величіемъ мечеть «Ая Софи»— бывшая нѣкогда православнымъ храмомъ св. Софіи — Премудрости Божіей. Противъ этого историческаго, достославнаго зданія пароходъ нашъ остановился и бросилъ якорь. Невольная грусть овладѣла моимъ седцемъ, при мысли—какъ этотъ христіанскій храмъ, выстроенный мудрымъ царемъ Іустиніаномъ, подвергся власти печестивыхъ агарянъ; больно видѣть христіанину полумѣсяцъ тамъ, гдѣ красовался св. крестъ. — Мнѣ вспомнилось сказаніе, что, нѣсколько столѣтій тому назадъ, предъ самымъ вторженіемъ турокъ въ Царь-Градъ, для жителей его были разныя дивныя знаменія, будто бы, предвѣщавшія паденіе ихъ великаго города. Поэтому, патріархъ и знатные вельможи совѣтовали благовѣрному царю Константину прекратить кровопролитіе съ турками и добровольно оставить свою столицу. Но благовѣрный не внялъ этому совѣту и въ кровавой битвѣ положилъ свою голову у самыхъ воротъ Царь-Града. Султанъ съ своимъ войскомъ въѣхалъ въ городъ и прямо на-

правился къ Софіи, гдѣ патріархъ молился съ народомъ. Султанъ приказалъ не нарушать богослуженія. Въ тотъ же день, одинъ христіанинъ-болгаринъ нашолъ между трупами голову царя Константина и принесъ ее султану. Тотъ взялъ голову, будто, въ руки, поцѣловалъ ее и тѣло Константина повелѣлъ предать землѣ съ приличными почестями. Съ тѣхъ поръ турки начали владѣть Царь-Градомъ и назвали его, по своему, Стамбуломъ.

Лишь только пароходъ остановился на мѣстѣ, какъ со всѣхъ сторонъ бросились къ намъ наперерывъ множество баркасовъ, или каяковъ (особый родъ лодокъ) съ турками, которые, какъ кошки, хватались крючьями за бортъ парохода, вскакивали на него, насильно брали мѣшки пассажировъ, зазывали и тащили пассажировъ каждый на свой каякъ. Когда суматоха на пароходѣ поутихла, русскіе богомольцы отдали свои паспорта явившемуся къ намъ русскому фактору (маклеру) для прописки ихъ у русскаго консула, за что онъ взялъ, на наши деньги, по 10-ти коп. за паспортъ. Потомъ я, вмѣстѣ съ другими, переправился на баркасѣ въ городъ. Въ домѣ русскаго агентства, находящемся са самомъ берегу Босфора, я взялъ билетъ до Яфры за 10 руб. сереб. Послѣ этого купилъ на дорогу—чаю, сахару, рому и греческаго вина. Эти продукты въ Константинополѣ были не дороги: ромъ—30 коп. сереб. кварта, лучшій цвѣточный чай—1 руб. 70 коп. за фунтъ, сахаръ—14 коп. фунтъ, вино „тенедось“—20 коп. кварта. Оставивъ всѣ эти припасы у русскаго фактора, я съ однимъ богомольцемъ пошелъ осматривать городъ ¹⁾. Улицы—до безобразія узки, кривы и такъ были запружены народомъ разныхъ націй, что не представлялось никакой возможности идти прямо, а нужно было пробираться бокомъ. Тутъ встрѣчались турки, греки, евреи, французы, нѣмцы, итальянцы, испанцы, англичане, арабы, поляки, молдаване, волохи, болгаре, персіяне, черкесы, караимы и др. Мнѣ, при своихъ многолѣтнихъ странствованіяхъ, приводилось видѣть улицы городовъ неприглядныя и грязныя; но такихъ, какъ въ столицѣ Турціи, признаюсь, я не видалъ: здѣсь на улицы, безъ зазрѣнія совѣсти, выбрасываются изъ оконъ всякіе остатки отъ завтрака и обѣда, выносятся изъ домовъ и льется какая-бы-то ни было жидкость и валяется безъ запрету всевозможная падалъ. Словомъ — нечистота отвратительная. Смѣшанный же крикъ и визгъ торговцевъ просто выводили изъ терпѣнія. Дрова и разную кладь возили на ослахъ. Дома—двухъ, трехъ и четырехъ-этажные—очень красивы; примыкаютъ одинъ къ другому плотно. На ряду съ богатымъ, роскошнымъ магазиномъ находилась или грязная лавочка торговца старыми сапогами и башмаками, или же какая-то собачья конура мясника, пропитан-

¹⁾ Въ такъ называемой европейской части Константинополя мнѣ не привелось быть.

ная промозглымъ запахомъ отъ недоброкачественной говядины или баранины. Я съ своимъ спутникомъ зашелъ въ греческую харчевню закусить: взяли только 60 коп. за обѣдъ съ двоихъ. И то ладно. Въ 4-мъ часу по полудни мы, захвативъ съ собою припасы отъ русскаго фактора, пришли на пароходъ.

Вечеромъ, при захожденіи солнца, погода стала великолѣпною; море — тихо и спокойно; на поверхности его ныряли морскія свинки, отыскивая себѣ пищу. Взошла луна. Видъ на Константинополь и его, на далекое разстояніе замѣтныя, окрестности казался чрезвычайно пріятнымъ. Вотъ по всему городу загорѣлась иллюминація; это—какъ по разспросу оказалось—было провозжаніе турками «байрама»—большаго праздника мусульманъ. Раздалась пушечная пальба; на турецкихъ пароходахъ заиграла военная музыка. Все кончилось далеко за полночь.

На другой день въ 7^{1/2} часовъ мы оставили Царь-Градъ и, спустя немного, «Эльборусъ» пустился въ Мраморное море. Скоро переѣхавъ черезъ него, остановились близъ г. Галлиполи. Миновавъ Дарданельскій проливъ, пустились въ Архипелагъ. Мы плыли темносиними его водами, придерживаясь лѣваго азіатскаго берега. Вотъ вдали показались разныя суда: это близъ острова Тенедоса. Пароходъ пробѣжалъ мимо этого острова. Я могъ замѣтить только полуразрушенныя древнія укрѣпленія и бойницы, да на пригоркѣ нѣсколько вѣтряныхъ мѣльницъ. По горѣ видѣлись зеленѣющія поля. Жителей было не видно. Черезъ нѣсколько времени показался большой гористый островъ Метелень съ городомъ того же названія. Нашъ пароходъ вошелъ въ гавань и сталъ на якорѣ. Видъ города очень красивый; онъ расположенъ по холмамъ между двухъ высокихъ горъ, и на одной изъ нихъ, по свѣсившейся надъ моремъ скалѣ, расположена была старая крѣпость, на которой развѣвался турецкій флагъ. На нашъ пароходъ нагружались нѣкоторые товары, преимущественно деревянное масло, и садились новые путники. На другой день, утромъ, «Эльборусъ» вошелъ въ Смирнскую гавань. Здѣсь нашъ пароходъ долженъ былъ простоять болѣе полутора сутокъ. Воспользовавшись свободнымъ временемъ, я съ однимъ богомольцемъ отправился на баркасѣ осматривать городъ Смирну. Этотъ городъ стоитъ въ котловинѣ, окруженный съ трехъ сторонъ (кромѣ западной—къ морю) значительной высоты горами. Домовъ очень много каменныхъ, разной постройки, т. е. и европейской, и азіатской; улицы хоть и тѣсныя, но чистыя. Въ окрестностяхъ города и въ немъ самомъ много садовъ — кипарисовыхъ, финиковыхъ и виноградныхъ; нѣкоторые изъ этихъ садовъ уже распустили свою пріятную зелень. (Мы осматривали городъ 31-го марта). По улицамъ, за отсутствіемъ многолюдства, ходить было удобно. Такихъ уродливыхъ экипажей, какіе я встрѣчалъ въ Стамбулѣ, здѣсь почти не видно, да и ѣздить болѣе на мулахъ, верблюдахъ и отчасти на лошадяхъ верхами. Въ магази-

нахъ разныхъ европейскихъ товаровъ, а на рынкахъ всякихъ припасовъ, особенно рыбы ¹⁾, было въ избыткѣ. Торговали преимущественно греки или армяне; просили за каждый предметъ въ три-дорога, и при этомъ всячески старались обесчитать, или обмануть покупателя. По улицамъ намъ попадались турчанки, съ лицомъ, покрытымъ бѣлой кисеей; гречанки, совершенно наоборотъ, съ открытымъ лицомъ и очень свободнымъ обнаженіемъ полу-груди; наконецъ, черныя арабки, съ покрытымъ на половину лицомъ; въ ноздряхъ у нихъ, какъ у индѣйскаго пѣтуха, висѣли цѣпочки изъ небольшихъ серебряныхъ монетъ. Всѣ женщины въ шараварахъ; вообще костюмы ихъ—разнораспѣстренные. Непривычному глазу смотрѣть на эти костюмы какъ-то странно, и даже непріятно. Мы сходили въ греческую православную церковь св. Николая Чудотворца къ преждеосвященной обѣднѣ. Храмъ обширный; иконостасъ и вся внутренность изъ разноцвѣтнаго мрамора; иконы—стариннаго писанія; вездѣ чистота. Вообще храмъ прекрасный. Молящихся было много. Одна странность бросилась въ глаза: мужчины, всѣ безъ изъятія, стояли въ фескахъ, чалмахъ и нѣкоторые въ шляпахъ.

Въ 4½ часа по-полудни «Эльборусъ» снялся съ якоря и мы оставили берега Смирны. На другой день (1-го апрѣля) пароходъ быстро шолъ между разными скалистыми островами. День былъ тихій, ясный, теплый, солнечный—первый прекрасный день со времени отправленія нашего изъ Одессы. Морскія волны тихо колебались, съ брызгами ударяясь объ утесы острововъ и о бортъ нашего парохода. Часа въ 4 пополудни мы прибыли къ острову Родосу, который называется турецкой Сибирью. Городъ, расположенный на мысѣ отлогой горы, довольно красиваго вида. Садовъ, который уже зеленѣлся, было много. Съ моря городъ обнесенъ каменной стѣной, надъ которой, въ городѣ, возвышались турецкія мечети. По берегу моря стояли круглыя, на подобіе ульевъ, каменные вѣтряныя мельницы. Улицы въ городѣ—узкія, вымощены камнемъ. Лавокъ съ разными товарами довольно; кофейныя—довольно сносны; въ нихъ сидѣли турки и греки, кури каляны и попивая кофе. Вино (красное) «тенедось» — дешево и очень пріятно вкусомъ. На улицѣ повстрѣчался мнѣ грекъ, который сдѣлалъ мнѣ привѣтствіе по-русски и спросилъ: изъ какой я губерніи? Оказалось, что онъ бывалъ въ Херсонской губерніи и даже въ Таганрогѣ. Потомъ онъ предложилъ мнѣ купить у него канареекъ.

— Дороги-ли? спросилъ я.

— Старыя пѣвчія—10 руб., а молодыя—2½ руб. за десятокъ.

¹⁾ На ряду съ прочими продавались: камболы, лакерды, пилы, лѣтучія рыбы и одна въ родѣ собачьей морды; устрицы и какія-то въ полъ-аршинъ раковины, въ которыхъ находилось что-то въ родѣ нашей жагушечной части.

Зная, что греки всегда запрашиваютъ ужасно дорого, мнѣ все-таки такая цѣна показалась подходящей: купить слѣдовало бы; но что мнѣ было бы съ ними дѣлать при еще дальнемъ путешествіи въ Іерусалимъ, и потомъ обратно—въ Россію? Вотъ если-бы я ѣхалъ домой—другое дѣло. Такъ и не пришлось мнѣ купить прекрасныхъ пѣвчихъ птичекъ. Въ 8 часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря и скоро вступилъ въ Средиземное море. Ночь была тихая и спокойная.

Черезъ день—3-го апрѣля, въ 8 часовъ утра, мы пристали къ довольно живописному острову Мерсинѣ. Городъ на отлогой скалѣ; весь окруженъ садами. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города высокія горы, на которыхъ клубились облака. Въ г. Мерсинѣ я встрѣтился съ татарами, которые, по разспросамъ, были кавказскіе, Пятигорскаго уѣзда, съ рѣки Кумы; приняли турецкое подданство, и ихъ поселили сюда. Они были очень не довольны здѣшнимъ мѣстопребываніемъ и желали бы снова возвратиться на родину; но не знали какъ, боясь турецкаго правительства. Татары были очень любезны; водили меня по садамъ, гдѣ росли лимоны, апельсины, померанцы; угощали въ лугандѣ закуской и виномъ. Разстались мы по пріятельски. Когда я вернулся на пароходъ, то пассажировъ на палубѣ набралось всѣхъ болѣе 300 человекъ; тѣснота была чувствительна.

Рано утромъ, 4-го апрѣля, изъ за тучи возшло красное солнышко; небо было ясно; вдали виднѣлись Сирійскія снѣговыя горы. Въ 9 часовъ утра «Эльборусъ» снялся съ якоря и пустился въ открытое море, которое скоро отъ разыгравшагося вѣтра заволновалось и запынилось. Поднялась качка. Многіе пассажиры застонали: это приключилась съ ними морская болѣзнь. Но вотъ послѣ полудня качка прекратилась. Пароходъ быстро вычался по тихимъ волнамъ мимо какихъ-то острововъ — слѣва, а за ними опять показались высокія Сирійскія горы. Вдали виднѣлся городокъ Александretta. Не доѣзжая до него верстъ 14, капитанъ сказалъ всѣмъ христіанамъ, что на этомъ берегу находится то мѣсто, гдѣ, будто бы, китъ, по повелѣнію Божію, выбросилъ изъ своего чрева пророка Іону. Городокъ Александretta состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, въ которыхъ жили арабы магометане. Вокругъ городка зеленѣлись травы и лѣсъ, а далѣе возвышались горы, гдѣ клубились разноцвѣтныя облака. Видъ былъ пріятный. Пассажировъ прибавилось. Тутъ мы простояли болѣе сутокъ.

6-го апрѣля, въ 5 часовъ, пароходъ нашъ пошелъ далѣе и около 2-хъ часовъ по полудни бросилъ якорь въ бухтѣ у города Лотоки. Городъ расположенъ между красивыми масленничными и фиговыми садами; въ немъ много разрушенныхъ древнихъ замковъ. Здѣсь пассажировъ еще прибыло, такъ что на палубѣ всѣхъ находилось до 400 человекъ.

На другой день, 7-го апрѣля, въ 8 часовъ утра пароходъ нашъ остановился у города Триполи. По случаю сильнаго вѣтра и дождя я не рассу-

диль побывать въ этомъ городѣ. Съ парохода видъ города довольно красивый, хотя онъ построенъ чисто по-азіатски. Мечетей и минаретовъ въ немъ очень мало, почему можно полагать, что здѣсь живетъ много христіанъ. Тутъ къ намъ прибыло пассажировъ еще человѣкъ сто. На палубѣ сдѣлалась ужасная тѣснота и давка. Крикъ, шумъ, брань и говоръ на разныхъ языкахъ раздавались на палубѣ. Ровно въ полдень пароходъ снялся съ якоря и пустился по буйному морю. Вѣтеръ дулъ противный; пароходъ нашъ сильно качало. Пассажиры пріумоляли. Въ 5 часовъ по полудни мы бросили якорь въ бейрутской бухтѣ. Видъ города Бейрута съ моря казался очень живописнымъ. Строепіе красивое; много домовъ, построенныхъ по-европейски. Мечетей съ минаретами виднѣлось въ немъ довольно, а христіанскихъ церквей было не видно. Многіе пассажиры отправились въ городъ, а я остался на пароходѣ. Настала ночь. Пароходъ качало неугомонными морскими волнами. Русскіе поклонники пѣли псалмы и разныя другія божественныя пѣсни. Въ ясномъ небѣ мерцали звѣзды и двурогій мѣсяцъ свѣтилъ блѣднымъ свѣтомъ. На пароходѣ и въ городѣ блестѣли разноцвѣтные огни. Я долго любовался этою прекрасною картиною. Потомъ крѣпко заснулъ на своемъ неприглядномъ ложѣ близъ куба. — Слѣдующій день я провелъ частию на пароходѣ, частию въ городѣ, въ которомъ примѣчательнаго ничего не замѣтилъ, кромѣ того, что французы проводили отсюда шоссе къ г. Дамаску; вообще, какъ видно, они здѣсь хозяйничали и распоряжались по своему. Пассажиры на нашъ пароходъ прибывали; и безъ того ужасная тѣснота увеличилась. Нечего дѣлать: богомольцы утѣшали себя только тѣмъ, что скоро копецъ плаванію по морскимъ пучинамъ.

Утромъ 9-го апрѣля пароходъ снялся съ якоря и мы простились съ Бейрутомъ, а на другой день, въ 5 часовъ утра, увидѣли Яффу. Этотъ небольшой городъ расположенъ на довольно возвышенномъ холмѣ, близъ самаго моря; издали очень красивъ; окруженъ садами съ лимонными, апельсинными и другими плодовыми деревьями южныхъ странъ. Лишь только пароходъ нашъ сталъ на якорѣ, какъ тотчасъ же пристало къ нему множество яликовъ, баркасовъ, съ которыхъ турки, греки и арабы, съ удивительной быстротой и ловкостью, вскарабкались на пароходъ; наперерывъ другъ передъ другомъ старались завзять къ себѣ пассажировъ; насильно брали багажъ, дѣтей и самихъ пассажировъ, при чемъ багажъ попадалъ къ одному лодочнику, а хозяинъ его — къ другому. Произошло такое смятеніе, гамъ, крикъ, особенно женщинъ и дѣтей, что трудно и описать. Русскіе богомольцы устранились отъ этой суматохи и дали волю азіатамъ. Послѣ всѣхъ перебрались въ Яффу и мы, русскіе, гдѣ, на берегу, встрѣтили насъ консульскій чиновникъ и показалъ, гдѣ намъ остановиться. Мы пошли въ патріаршую гостиницу при греческомъ монастырѣ; тутъ отвели намъ комнаты и мы размѣстились. Потомъ я и нѣсколько человѣкъ изъ

моихъ спутниковъ пошли осматривать городъ. Улицы—чисто азіатскія; кривыя, узкія, неудобныя; между ними есть такія, что въ нихъ и солнца Божьяго не видно. На гавани замѣтно было оживленіе и суета; нагружали и выгружали суда, навьючивали мѣшки съ хлѣбомъ на верблюдовъ, лошаковъ и муловъ. Тутъ бросались въ глаза полунагіе и совсѣмъ нагіе арабы. Пройдя городъ, мы вышли за іерусалимскія ворота, гдѣ находился базаръ. Продавалось здѣсь особенно много лимоновъ и апельсиновъ изъ мѣстныхъ садовъ, а также рыбы, называемой «ликерда». Потомъ, мы зашли въ лаванду—къ греку пообѣдать, гдѣ насъ угощали этой самой рыбой. Возвратясь въ гостиницу, напились чаю, а вечеромъ съ террасы любовались волнами шумящаго моря ¹⁾. На другой день всѣ мы, богомольцы, были въ монастырской церкви у заутрени и обѣдни. Потомъ пошли къ консулу и отдали ему свои паспорта. Консулъ сказалъ, что, по недостатку подводъ, намъ нельзя сегодня отправиться въ Іерусалимъ и чтобы лишніе деньги мы оставили у него на храненіе, до обратнаго путешествія. Богомольцы это исполнили. Онъ выдалъ намъ билеты для безпрепятственнаго слѣдованія въ Іерусалимъ, съ обозначеніемъ, кто сколько оставилъ у него денегъ; а наши паспорта должны были отослаться къ іерусалимскому консулу. Послѣ этого насъ позвали къ архимандриту монастыря, для того, чтобы, по существующему здѣсь обыкновенію, мы записали въ особую книгу имена своихъ родственниковъ для поминовенія. По исполненіи этого въ кельѣ архимандрита, каждый изъ богомольцевъ, по усердію и состоянію своему, оставлялъ на столѣ нѣсколько денегъ. За пріютъ въ гостиницѣ съ насъ не требовали ничего. Остальное время этого дня я съ двумя товарищами ходилъ по городу и по прекраснымъ благоуханнымъ садамъ, гдѣ плоды рѣлись на солнцѣ, цвѣли розы и другіе ароматные цвѣты.

12-го апрѣля, послѣ заутрени, пришелъ къ намъ консульскій секретарь и объявилъ, что для нашей поѣздки въ Іерусалимъ лошаки готовы, съ платою за каждое животное по 1 руб. 60 коп. сереб. Путешественники немедленно собрались, вышли на улицу, выбирали лошаковъ, укладывали на нихъ свой багажъ и усаживались сами. Нѣкоторые нанимали одно животное вдвоемъ, чтобы ѣхать на немъ попеременно; иные же, по неимѣнію денегъ или просто изъ желанія потрудиться, рѣшились идти пѣшкомъ. При каждомъ лошакѣ находился арабъ или турокъ съ пикой, которою понукалось животное. Въ 10 часовъ утра нашъ караванъ тронулся другъ за дружкой. Выѣхавъ изъ города, мы пустились по узенькой дорогѣ, по обѣимъ сторонамъ которой цвѣли и благоухали роскошные сады. Эти сады не были огорожены, а, взаимъ того, окопаны рвомъ, въ коемъ

¹⁾ Мнѣ передавали, что у Яффы море всегда, даже въ тихую погоду, бываетъ бурливо и шумно.

росъ толстый столѣтникъ; по немъ бѣгали зеленныя ящерицы. Когда миновались сады, предъ нами открылась обширная равнина, гдѣ созрѣвалъ ячмень и пшеница, колыхавшаяся отъ вѣтра какъ море. По мѣстамъ, арабы воздѣлывали землю на верблюдахъ и быкахъ. Вдали видѣлись Іудейскія горы; раздавалось пѣніе жаворонковъ. Дорога пошла между садами масличными и мы скоро прибыли въ селеніе Раши 1). Хотя времени было не болѣе 3-хъ часовъ по полудни, но намъ слѣдовало здѣсь переночевать. Мы помѣстились въ приемномъ домѣ, находившемся въ зависимости отъ патріарха. Вчетверомъ, въ томъ числѣ съ однимъ грузиномъ богомольцемъ изъ Тифлиса, человѣкомъ здѣсь бывалымъ, мы пошли по селенію въ монастырь св. Георгія. Церковь была заперта, но благодаря услугѣ учителя греческихъ дѣтей при монастырѣ — дьякона, мы получили возможность побывать въ церкви: она оказалась очень бѣдною. Дьяконъ подвелъ насъ къ каменному столбу, огороженному рѣшеткою, и объяснилъ, что на этомъ столбѣ былъ мучимъ св. Георгій Побѣдоносецъ. Изъ церкви возвратились въ свой пріютъ. Въ два часа по полуночи ковакъ (проводникъ) разбудилъ насъ для дальнѣйшаго слѣдованія къ св. городу. При свѣтѣ полной луны караванъ нашъ тронулся въ путь. Сначала мы ѣхали равниною; потомъ стали подниматься на каменныя, утесистыя горы, гдѣ дорога, по мѣрѣ нашего движенія впередъ, поднималась выше и выше, извиваясь между скалами, ущельями и пропастями. Всѣ поклонники шли пѣшкомъ, слѣдуя близъ своихъ лошаковъ, которые, прежде чѣмъ ступить, пробовали ногами мѣсто или камень. Скажу безъ преувеличенія: мнѣ приводилось видѣть разныя горныя дороги, но такого поистинѣ труднаго пути я не встрѣчалъ; это просто мученье для путешественника.

Въ 12-мъ часу дня, на одномъ плоскомъ мѣстѣ, ковакъ остановилъ караванъ для отдыха, который продолжался не долѣе часа. Богомольцы подкрѣпили себя пищею, у кого что имѣлось изъ съѣстнаго, и утолили жажду родниковой водою. Впрочемъ я воды не пилъ, боясь заболѣть. Не вдалекѣ отъ насъ турокъ продавалъ въ лачужкѣ кофе; я выпилъ этого напитка три чашки, заплативъ за каждую на наши деньги по 3 коп. сереб. Отсюда дорога пошла шире, удобнѣе. Черезъ два часа ѣзды, ковакъ сказалъ богомольцамъ, что Іерусалимъ близко. Мужчины слѣзли съ лошаковъ и пошли впередъ каравана, горя нетерпѣніемъ поскорѣ увидѣть св. городъ. Я послѣдовалъ за ними; но мнѣ желательно было взглянуть на Іерусалимъ одному, безъ другихъ лицъ, какъ будто бы эти лица могли отнять что нибудь отъ моей радости при видѣ св. города. Я быстрыми шагами удалился отъ своихъ

1) Говорили, будто, въ этомъ селеніи родился Іосифъ Аримаѣйскій, который совершилъ погребеніе Іисуса Христа.

спутниковъ. Дорога пошла вправо на небольшой пригорокъ, съ котораго открылся предо мною Іерусалимъ. Я палъ на колѣни, залился слезами радости и мысленно проговорилъ: «неужели я, грѣшный, удостоиваюсь быть у тебя, Господи, въ гостяхъ, гдѣ Ты, многомилостивый, пролилъ за грѣхи наши неповинную кровь Свою». Когда караванъ нашъ ко мнѣ приблизился и я всталъ на ноги, то вся усталость моя отъ утомительной дороги миновалась: мнѣ стало легко, приятно и весело. Передъ самымъ Іерусалимомъ я сѣлъ на своего лошака и мысленно сказала: „Господи, благослови меня въѣхать въ городъ Твой, по примѣру Твоему на ослати“. Мы въѣхали черезъ Виаеомскія ворота и, минуя нѣсколько улицъ, на одной изъ коихъ стоялъ домъ царя Давида, остановились у патриаршаго двора. Въ приемномъ покоѣ монастырской гостиницы насъ встрѣтили пожилыхъ лѣтъ монаховъ и привелъ въ обширную комнату, сказавъ намъ порусски съ страннымъ выговоромъ: „пожаауйте сюда“. Въ комнатѣ, возлѣ стѣнъ, находились низенькія нары, устланныя потертыми коврами, съ подушками къ стѣнѣ. Богомольцы размѣстились на этихъ нарахъ, повѣсивъ каждый кладъ свою на гвоздь, надъ изголовьемъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ прихода, намъ предложили по рюмкѣ фруктовой водки и по горсти изюму. Напившись чаю, приготовленіе котораго обошлось не безъ хлопотъ, я съ нѣкоторыми изъ товарищей пошолъ посмотрѣть дорогій для каждого христіанина городъ и заглянуть въ какую-нибудь пищу. На улицахъ намъ встрѣтилось много русскихъ поклонниковъ, ранѣе насъ прибывшихъ сюда, съ которыми я и не преминулъ разговариваться. Прежде всего, они посовѣтовали мнѣ не заботиться о пищѣ, такъ какъ богомольцы продовольствуются отъ монастыря. Затѣмъ разспрашивали о Россіи, и въ особенности любопытствовали относительно освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Узнавъ, что въ Одессѣ былъ уже прочитанъ высочайшій манифестъ, они очень обрадовались, благодаря Господа и столь милостиваго своего государя. Такъ какъ день началъ склоняться къ вечеру, то я поспѣшилъ возвратиться въ монастырь. Всѣ богомольцы сидѣли уже на своихъ мѣстахъ. Въ 7 часовъ пригласили насъ къ ужину въ столовую, находящуюся внизу отъ нашего помѣщенія, предъ входомъ въ которую предлагалось выпить по рюмкѣ водки. Столовая—обширная, чистая; по срединѣ ея стоялъ мраморный столъ съ приборами, изъ коихъ у каждого лежали небольшіе полубѣлые хлѣбы. Мы сѣли за столъ. Черезъ нѣсколько минутъ іеромонахъ, стоящій впереди стола, передъ иконами, позвонилъ въ колокольчикъ; мы встали. Онъ прочелъ краткую молитву и благословилъ хлѣбъ, послѣ чего мы сѣли ужинать. Кушанья были: чечевичца съ масломъ, маслины и еще какая-то вареная зелень. Съ неприличиями, кушанья эти не нравятся. Послѣ кушаньевъ каждому подносили по металлической чаркѣ кислаго кипрсаго вина. За столомъ не слышно было никакихъ разговоровъ, даже шопотомъ. Ужинъ закончился краткою благо-

дарственной молитвою. Придя въ свой пріютъ, богомольцы расположились спать, а въ томъ числѣ и я. Это былъ первый день моего пребыванія во св. градѣ, 13-го апрѣля, среда на вербной недѣлѣ.

14-го апрѣля.

Утромъ въ 3 часа насъ разбудили колокольчикомъ къ заутрени. Мы пошли въ крестовую патриаршую церковь, находящуюся въ томъ же зданіи, гдѣ былъ нашъ пріютъ. Церковь небольшая, но украшенная со вкусомъ. На клиросѣ пѣли высшія монашествующія лица изъ грековъ. Во время службы всѣхъ богомольцевъ вывели изъ церкви въ особый покой, мужчинъ — въ одну комнату, а женщинъ — въ другую, и пригласили сѣсть на диваны, стоящіе у стѣнъ. Началось чтеніе св. писанія на греческомъ языкѣ. Черезъ нѣсколько времени вошелъ архимандритъ въ сопровожденіи двухъ иноковъ, изъ коихъ одинъ держалъ въ рукахъ мѣдный тазъ, а другой умывальникъ съ теплою водою и полотенце. Эти лица по очереди подходили къ каждому богомольцу; архимандритъ умывалъ у нихъ ноги и вытиралъ полотенцемъ, послѣ чего ногу цѣловалъ; у женщинъ умывались руки. Послѣ этого руки всѣхъ окроплялись розовою водою. Затѣмъ, архимандритъ всталъ посреди комнаты и неправильнымъ русскимъ языкомъ произнесъ: «Исполняя обрядъ омовенія, іерусалимскіе иноки стараются подражать древнимъ и показать любовь свою къ странникамъ, пришедшимъ съ чистымъ сердцемъ въ Іерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ и гробу Господню, — и вотъ мы умыли ноги ваши». Послѣ того, поклонники возвратились въ церковь. Скоро утрени кончилась и тотчасъ же началась литургія. Было еще рано, когда мы пришли изъ церкви въ свой покой. Черезъ нѣсколько времени, всѣмъ намъ принесли по небольшой чашкѣ кофею, по рюмкѣ водки и по горсти изюму. Затѣмъ, повели насъ къ намѣстнику патриарха митрополиту Петру, котораго всѣ поклонники называли: «святой Петръ»¹⁾. Мы остановились въ большой комнатѣ, откуда, по одному, насъ вызывали въ другую. Когда я вошелъ въ эту комнату, то увидѣлъ, что тутъ присутствовали: митрополитъ Петръ, два архіерея, одинъ архимандритъ и за письменнымъ столомъ чиновникъ. Я низко поклонился этому духовному собранію, внесъ свое имя и имена родныхъ въ книгу, для поминовенія, и положилъ на столъ нѣсколько сребренниковъ. Митрополитъ благословилъ меня и вручилъ мнѣ грамоту, писанную по славянски, съ изображеніемъ по краямъ ея, кругомъ, евангельскихъ событій. Принявъ грамоту, я поцѣловалъ руку, меня благословившую, и вышелъ изъ комнаты. Ровно въ полдень насъ пригласили обѣдать, послѣ чего объявили, что въ 4 часа мы пойдемъ ко гробу Господню, въ храмъ Воскресенія.

¹⁾ Патриархъ Кириллъ рѣдко жилъ въ Іерусалимѣ, имѣя свое мѣстопробываніе въ Константинополѣ; его замѣнялъ митрополитъ Петръ. Н. III.

По приходѣ въ нашу комнату, поклонники говорили о томъ, что ко гробу Спасителя обувшись не входятъ, и для этого надобно купить новые чулки или носки, которые слѣдуетъ сохранять до смерти, съ тѣмъ, чтобы они были надѣты на умершаго. Я побѣжалъ на базаръ и купилъ себѣ бумажные носки.

Въ 4 часа явился іеромонахъ и повелъ насъ по святымъ мѣстамъ. Сначала мы пришли въ крестовую церковь, примыкающую къ патриаршей; здѣсь приложились къ камню отъ горы Голгофы, на которой отпечатался слѣдъ божественной стопы Спасителя. Потомъ, сойдя по довольно длинной и крутой лѣстницѣ, мы приблизились къ церкви св. женъ Муроносицъ; эта церковь находится на томъ мѣстѣ, гдѣ Спаситель, по воскресеніи Своемъ, явился имъ и—какъ говоритъ преданіе—своей Божественной Матери, бывшей вмѣстѣ съ ними. Тутъ мы помолились и пошли далѣе, мимо церкви св. Іакова, брата Господня, и церкви 40-ка мучениковъ. Вышли мы на четырехъ угольную, мощеную камнемъ, площадь, гдѣ арабы продавали кресты, четки, образа, ливанъ и смирну. Но вотъ огромныя желѣзныя ворота, обращенныя къ югу; это входъ во храмъ Воскресенія. Войдя въ него, мы увидѣли близъ самыхъ дверей, на нарахъ сидящаго турка, въ чалмѣ, съ длинною трубкою. У этого турки хранились ключи отъ храма. При видѣ сего мусульманина въ столь священномъ для насъ мѣстѣ, мнѣ было прискорбно и неприятно; впрочемъ, скоро мысли и чувства мои успокоились. Саженьяхъ въ трехъ, противъ входа, лежала мраморная плита, надъ которой, подъ багдахиномъ, горѣло болѣе десятка разноцвѣтныхъ лампъ. Эта плита есть тотъ камень, на которомъ тѣло Іисуса Христа, по снятіи со креста Іосифомъ и Никодимомъ, было приготовляемо къ погребенію натираніемъ благовонными мастьями. Этотъ камень названъ камнемъ муропомазанія, или камнемъ разгвожденія Христа, такъ какъ на немъ же руки и ноги Спасителя были освобождены отъ вбитыхъ гвоздей. Приложившись къ этому камню, мы подошли къ мѣсту, покрытому тонкою желѣзною рѣшеткою, съ висящею въ серединѣ ея горящею лампадою. Это—мѣсто, съ котораго Божія Матерь смотрѣла на своего Божественнаго Сына, когда его приготовляли къ погребенію. Помолвившись на этомъ мѣстѣ, мы повернули направо и намъ открылся огромный храмъ съ великолѣпнымъ куполомъ, который поддерживали необыкновенной величины колонны изъ цѣльнаго мрамора. Посрединѣ храма, подъ куполомъ, стояла часовня, устроенная въ видѣ маленькой церквицы: въ ней-то и находится гробъ Господень. Вокругъ всей часовни висѣло множество разной величины красивыхъ лампадъ; противъ дверей часовни стояли 4 огромныя свѣчи въ подсвѣчникахъ; онѣ зажигаются только во время большихъ праздниковъ. Я приблизился къ часовнѣ и сердце мое затрепетало... Богомольцы начали разуваться и надѣвать новые чулки или носки. Я далъ имъ всѣмъ впередъ идти въ часовню, а самъ опустился на колѣна и сталъ

усердно молиться. Когда вышли изъ часовни послѣдніе богомольцы, я, скинувъ сапоги, надѣлъ новые носки и дрожащими руками снялъ съ своей шеи образокъ, который дѣдъ мой и отецъ брали съ собой во время путешествія. Войдя въ часовню, я увидѣлъ четырехугольную небольшую хранину, въ которой лежалъ камень, отваленный ангеломъ отъ погребальной пещеры Господа во время Его воскресенія. Я помолился и приложился къ этому камню. Потомъ, съ замираніемъ сердца, на колѣняхъ я проползъ маленькую дверку или отверстіе и, при свѣтѣ горящихъ лампадъ, увидѣлъ гробъ Господень. Я положилъ на св. гробъ свой образокъ, припалъ ко гробу своими устами и залился горячими слезами....

Исполнилось давнишнее сердечное мое желаніе. На душѣ стало легко и радостно. Отъ гроба Спасителя всѣ мы, богомольцы, пошли на сѣверъ и пришли къ мѣсту, обозначенному мраморнымъ кругомъ, надъ коимъ висятъ горящія лампы. На этомъ мѣстѣ Иисусъ Христосъ, по воскресеніи Своемъ, явился Маріи Магдалинѣ въ видѣ Вертоградара. Далѣе мы вошли въ церковь, построенную на мѣстѣ бывшаго вертограда Іосифа и завѣдываемую римскими католиками. Здѣсь, за крѣпкою рѣшеткою, хранится часть позорнаго столба, къ которому были привязаны руки Иисуса Христа въ преторіи Пилата. Сопровождавшій насъ іеромонахъ, сквозь рѣшетку, прикоснулся къ этому столбу однимъ концемъ тутъ же лежащей трости и давалъ прикладываться къ ней поклонникамъ. Въ этой же церкви, близъ престола, за рѣшеткою находятся каменные узы, въ которыя, какъ полагаютъ, были забиты ноги Спасителя. Узы эти есть ничто иное, какъ камень, въ длину и ширину около аршина, съ двумя круглыми дырами, въ которыя продѣвались ноги узника, изъ опасенія, чтобы онъ не ушелъ. Недалеко отъ этихъ узъ находится, по преданію, то мѣсто, гдѣ была пещера, въ которую заключили Иисуса Христа, пока на Голгоѣ дѣлались приготовленія къ Его распятію и, будто бы, здѣсь скорбящая Божія Матерь, поддерживаемая благочестивыми женами, проливала слезы въ то самое время, когда распинали ея Божественнаго Сына. Это мѣсто называется придѣломъ Богоматери. Отсюда мы вошли въ придѣлъ, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Лонгинъ сотникъ во время смерти Богочеловѣка и увѣровалъ въ него. Затѣмъ, помолившись престолу, построенному, гдѣ воины дѣлили ризы Спасителя и метали жребій, мы спустились по большой каменной лѣстницѣ въ глубокое подземелье, гдѣ найденъ былъ животворящій крестъ Господень; и въ самомъ углубленіи поклонились этому св. мѣсту. На обратномъ пути отсюда, зашли мы въ церковь съ нѣсколькими престолами въ память обрѣтенія честнаго креста св. Еленю и раскаявшагося разбойника. Отсюда мы вышли на одно изъ самыхъ трогательныхъ для христіанина мѣстъ — на гору Голгоѣу. Сердце мое содрогнулось; я палъ ницъ и залился слезами. Помолясь кресту, въ вышину подлиннаго креста Христова, съ прекраснымъ распятіемъ на немъ

Господа, и изображеніями по бокамъ его, во весь ростъ, Божіей матери и Іоанна Богослова, мы приложились, потомъ, къ пробойнѣ или углубленію, гдѣ водруженъ былъ крестъ Спасителя, и къ разсѣлинѣ, которая образовалась отъ землетрясенія при кончинѣ Іисуса Христа. Съ Голгофы мы снова вошли въ храмъ Воскресенія, гдѣ скоро кончилась вечерня, и народъ расходился а мы, вновь прибывшіе богомольцы, должны были ночевать въ храмѣ.

Когда турки заперли двери храма, насъ позвали въ третій этажъ, въ келью, гдѣ архимандритъ записалъ наши и сродниковъ имена для поминовенія у гроба Господня, при чемъ каждый клалъ на блюдо нѣсколько денегъ. Затѣмъ архимандритъ предложилъ намъ ужинъ, который состоялъ изъ маслинъ, чечевицы и пилафа. За столомъ подносили водку и вино. Послѣ ужина насъ отвели въ особую келью, въ которой на полу были разостланы ковры съ подушками. Нѣкоторые изъ богомольцевъ расположились спать, а другіе пошли въ храмъ, куда и я, отдохнувъ немного, послѣдовалъ. Въ храмѣ царствовала тишина; кой-гдѣ молились на колѣняхъ поклонники; по мѣстамъ лампы тускло горѣли. Въ полночь я приблизился ко гробу Господню и горячо молился, съ пролитіемъ слезъ, до того времени, когда въ 2 часа, ударили въ доску къ заутренѣ. Я вышелъ отъ гроба Господня, сходилъ помолиться на Голгофу и, возвратясь въ храмъ, всталъ близъ архіерейскаго мѣста. Молящихся было довольно много разныхъ націй и вѣроисповѣданій. По окончаніи утрени, тотчасъ же началась у гроба Господня православная литургія, за которой поминались наши имена и сродниковъ; вслѣдъ за православной стали служить армянскую обѣдню, а послѣ этой началось служеніе католическое, при звукахъ органа.

15-го апрѣля.

По окончаніи богослуженія, мы, русскіе богомольцы, возвратились въ патриаршую въ свой пріютъ; насъ угостили кофеемъ. Послѣ обѣда съ насъ потребовали по 30-ти коп. сереб. и объявили, что долѣе мы оставаться здѣсь не можемъ. Поклонники начали хлопотать на счетъ квартиры. Благодаря услужливости одного отставнаго солдата, я нашолъ себѣ помѣщеніе въ квартирѣ, нанятой нашимъ консуломъ собственно для русскихъ поклонниковъ. Помѣщеніе не особенно завидное: въ числѣ 8-ми товарищей я долженъ былъ расположиться на худенькихъ рогожахъ, разостланныхъ на землѣ. Конечно, лучше бы поселиться, какъ я узналъ, въ Михайловскомъ монастырѣ; но тамъ оказалось дорого: требовали 2 руб. сереб. съ человѣка. Да и не мѣсто, чтобы заботиться здѣсь о житейскихъ удобствахъ,

16-го апрѣля.

По утру—это была Лазарева суббота—я и товарищи мои рѣшили идти на Елеонскую гору, къ могилѣ св. Лазаря и прочимъ св. мѣстамъ. Съ проводникомъ мы пошли изъ своего подворья по тѣмъ улицамъ, гдѣ Христа Спа-

сителя вели на распятіе. Подошли къ судебнымъ воротамъ, которыя немного сохранились; тутъ прочитанъ былъ Иисусу Христу смертельный приговоръ. Я прослезился. Потомъ увидѣли то мѣсто, гдѣ Спаситель остановился и сказалъ плачущимъ іерусалимскимъ женамъ: „не плачьте обо Мнѣ; лучше о-себѣ плачьте и о дѣтяхъ вашихъ“. Здѣсь, по преданію, изъ своего дома вышла св. Вероника и отерла окровавленное лицо Иисуса Христа. Потомъ дошли до мѣста, откуда Симонъ Киринейскій понесъ крестъ Спасителя. Поворотивъ на другую улицу, мы подошли къ дворцу Пилата; не вдалекѣ отъ него указываютъ развалины дома Иродова. Нѣсколько въ сторонѣ отсюда находится францисканскій монастырь, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ воины Пилата наносили Иисусу Христу бичеванія, заушенія и заплеванія. Потомъ, пройдя Антоновскую башню, мы увидѣли на большой площади храмъ Соломоновъ и хотѣли было пойти къ нему; но турокъ насъ не допустилъ. Послѣ я узналъ, что христіане могутъ ходить къ этому храму только по особенному разрѣшенію. Не подалеку отъ Соломонова храма находилась овчая купель. Далѣе мы прошли Геесиманскія ворота, при которыхъ находилась турецкая стража, и передъ нами открылась гора Елеонская. Перейдя по мостику черезъ потокъ Кедронъ, въ которомъ не было и признаковъ воды, мы подошли къ Геесиманскому саду; онъ былъ огороженъ стѣною и охранялся однимъ французомъ. Здѣсь намъ указано было то мѣсто, на камнѣ, гдѣ Иисусъ Христосъ совершилъ моленіе о чашѣ; приложившись къ этому мѣсту, мы сошли къ тѣмъ камнямъ, на которыхъ уснули апостолы, пока молился Спаситель. Изъ Геесиманскаго сада мы пошли на Елеонскую гору, къ тому мѣсту, съ котораго Иисусъ Христосъ вознесся на небо. Здѣсь, по случаю ежегодно бываемаго въ этотъ день церковнаго торжества, народу собралось множество, такъ, что не было никакой возможности пробраться къ мѣсту вознесенія Господня. Обѣщаясь придти сюда въ другой разъ, я съ нѣкоторыми изъ богомольцевъ пошолъ въ Виванію, которая отстоитъ отъ Іерусалима не болѣе 4-хъ верстъ. Пройдя немного, передъ нами открылся весь св. городъ и мы долго любовались его прекраснымъ видомъ. Могила праведнаго Лазаря находится въ концѣ Виваніи. Мы спустились со свѣчами въ погребальную пещеру, гдѣ покоился св. Лазарь. Помолившись и выйдя изъ пещеры, мы пришли туда, гдѣ сестра Лазарева встрѣтила Иисуса Христа, шедшаго съ Іордана. Помолвившись здѣсь, другимъ путемъ возвратились на Елеонскую гору, а отсюда къ Геесиманской церкви; но она оказалась запертою. Придя въ Іерусалимъ на квартиру, я не много отдохнулъ; потомъ пошолъ къ вечернѣ въ Михайловскій монастырь, гдѣ было очень много русскихъ поклонниковъ. Возвратясь отсюда на свое подворье, я увидѣлъ финиковыя вѣтви, присланныя нашимъ мелитопольскимъ архіереемъ, въ то время бывшимъ въ Іерусалимѣ, всѣмъ русскимъ богомольцамъ, для стоянія завтра въ храмѣ во время заутрени. Взявъ съ собою нѣсколько изъ этихъ

вѣтвей, я пошолъ въ храмъ Воскресенія, гдѣ и остался провести ночь. Разумѣется, мнѣ было не до сна. Ровно въ полночь зазвонили въ колокола, начали бить въ металлическія и деревянныя доски; это къ заутренѣ. Служеніе было торжественное: множество греческаго духовенства, съ митрополитомъ Петромъ во главѣ; неимоверное стеченіе народа со свѣчами и ваіями; полное освѣщеніе храма. За тишиной и спокойствіемъ наблюдала турецкая стража. Ходъ духовенства вокругъ гроба Господня, съ хоругвями, образами, зажженными свѣчами и ваіями, мнѣ особенно понравился. Послѣ этого хода началась литургія, окончившаяся въ 6 часовъ утра.

17-го апрѣля.

Придя отъ обѣдни на квартиру и подкрѣпивъ себя немного пищею, я и товарищи мои пошли за городъ тѣмъ же путемъ, что и вчера проходили. Недалеко отъ потока Кедрскаго, въ скалѣ находится сілоамская купель. Во время нашего прихода, въ ней купались турки. Мы умылись водою изъ нея. Поклонившись, далѣе, гробницамъ св. Захаріи и Іосафата, оттуда видѣлся памятникъ Авессаломъ, мы направились къ Геесиманской церкви. Эта церковь стоитъ въ углубленіи скалы и входить въ нее надобно по большой лѣстницѣ внизъ. Мы спустились на нѣсколько ступеней: тутъ, съ правой стороны, въ стѣнѣ, лежали гроба родителей Божіей Матери, а съ лѣвой, напротивъ ихъ, гробъ обручника Ея Іосифа. Поклонившись этимъ приснопамятнымъ мѣстамъ, мы сошли по лѣстницѣ въ церковь, въ которой была служба. Посрединѣ церкви стояла часовня на подобіе той, какъ надъ гробомъ Господнимъ; въ ней стоялъ гробъ Пресвятыя Богородицы. Вокругъ часовни горѣло множество лампадъ. Вошедъ въ эту часовню, я исполнился радостнаго трепета, съ умиленною душою молился передъ гробомъ Богоматери и приложился къ нему. Народу въ церкви было очень мало. Мы возвратились на квартиру къ вечеру и узнали, что завтра, утромъ, поклонники отправятся на Іорданъ.

18-го апрѣля.

Съ ранняго утра на улицѣ собралось множество богомольцевъ и каждый нанималъ себѣ подводку у извозчиковъ. Цѣна лошади на Іорданъ и обратно была 3 руб., мула и верблюда—2—2½ руб., а лошака—1 руб. 60 коп. Я предпочелъ идти пѣшкомъ. Въ 8 часовъ караванъ тронулся изъ Іерусалима черезъ Геесиманскія ворота. Поклонниковъ было болѣе 400. При караванѣ, для его охраненія, находилось нѣсколько десятковъ турокъ и бедуиновъ. Поѣхали по Виванской дорогѣ. Скоро потянулись крутыя каменистыя горы; тропинки узенькія, обрывистыя. По такому пути чрезвычайно было трудно не только ѣхать, но и идти: того и гляди угодишь къ пропасти, или сломаешь ноги объ острые камни. Черезъ 10 верстъ караванъ отды-

халъ около часу. Солнечный жаръ, особенно въ скалахъ, становился невыносимымъ. Я ужасно утомился и не одинъ разъ пожалѣлъ, что не нанялъ себѣ лошака. Чрезъ нѣсколько времени мнѣ удалось уговорить одного турка подвезти меня за 50 коп. сереб. на его верблюдѣ. Скоро открылась глазамъ моимъ высочайшая гора, съ бѣлѣющею вершиною, на которой Иисусъ Христосъ постился 40 дней и 40 ночей и былъ искушаемъ отъ дьявола. Потомъ, караванъ спустился съ горы и мимо Иерихона двинулся по равнинѣ. Здѣсь много росло дикаго терну, съ котораго бедуины срывали ягоды и ѣли ихъ ¹⁾. Недалеко отъ такой-то арабской деревни, близъ источника, караванъ остановился на отдыхъ. Богомольцы принялись чай пить и закушивать. Съ закатомъ солнца сдѣлалось прохладно. Богомольцы расположились спать подъ терновыми кустами. По причинѣ усталости я долго не могъ заснуть и, при свѣтѣ двурогаго мѣсяца, смотрѣлъ на окрестности съ высокими палестинскими горами.

19-го апрѣля.

Въ 5 часовъ караванъ тронулся въ путь. Скоро въ сторонѣ отъ насъ завидѣлось Мертвое море, а черезъ 2 часа мы были у водъ Иордана. Отдохнувъ на берегу и выбравъ мѣсто поудобнѣе, я раздѣлся и трижды погрузился въ воду. Потомъ одѣвшись въ чистое новое бѣлье, набралъ камешковъ и налилъ въ мѣдную посуду воды. Теченіе воды въ Иорданѣ обыкновенно быстрое. Вода очень холодная, на вкусъ пріятная. Кажется она бѣловатая, мутная; но когда отстоится, то дѣлается прозрачною, какъ кристаллъ. Когда всѣ богомольцы выкупались въ Иорданѣ, караванъ тѣмъ же путемъ пошелъ обратно и близъ Иерихона остановился, гдѣ простоялъ до слѣдующаго утра. Нѣкоторые поклонники, въ томъ числѣ и я, просили начальника каравана, чтобы онъ позволилъ сходить намъ на гору, гдѣ Иисусъ Христосъ искушаемъ былъ отъ дьявола; но на это мы разрѣшенія не получили, потому что ходить туда, по причинѣ недоступности, слишкомъ опасно.

20 апрѣля.

Въ 4 часа утра богомольцы поднялись на ноги. Караванъ двинулся. Я сѣлъ на осленка, котораго нанялъ пополамъ вчера съ однимъ товарищемъ въ одной арабской деревушкѣ. Въ Иерусалимъ прибылъ усталый, измученный.

¹⁾ Изъ породы этого терна, какъ говорятъ, сдѣланъ былъ вѣнецъ Спасителя. Ягоды на тернѣ свѣтло-коричневаго цвѣта, величиною въ наши каштаны, на вкусъ кисловатыя, и называются акридами. Н. Ш.

21 апрѣля.

Былъ у заутрени въ Михайловскомъ монастырѣ; исповѣдался и за обѣдней приобщился св. Таинъ. Къ вечернѣ ходилъ въ храмъ Воскресенія, гдѣ совершался обрядъ омовенія ногъ; но за множествомъ народа не могъ ничего видѣть.

22 апрѣля.

Утромъ и днемъ ходилъ ко святымъ мѣстамъ Іерусалима. Вечерню стоялъ въ храмѣ Воскресенія, гдѣ и остался провести ночь. При мнѣ бывшую икону Касперовской Божіей Матери я поставилъ на гробъ Господень и потомъ отослалъ ее въ свою родную Выѣздную Слободу въ церковь Смоленской Божіей Матери Одигитріи, гдѣ она находится позади лѣваго клироса и по сіе время.

23 апрѣля.

Въ 12 часовъ начали звонить въ колокола и бить въ доски къ заутрени. Лампады, числомъ до 2000, были зажжены все. Народу собралось великое множество. Когда митрополитъ Петръ пришолъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, началась утренняя, послѣ которой совершонъ былъ торжественный ходъ съ плащаницею вокругъ гроба Господня и кругомъ всего храма. Потомъ началась литургія. По окончаніи богослуженія я пошолъ на квартиру и немного отдохнулъ. Около полудня опять пошолъ въ храмъ Воскресенія. Народъ наполнялъ храмъ, въ которомъ не горѣла ни одна лампада. Тѣснота была чрезвычайная, особенно вокругъ гроба Господня, гдѣ стояли греки, арабы, армяне и другіе поклонники, кромѣ русскихъ. По стѣнамъ храма были устроены въ 4 этажа, особыя мѣста, которыя занимали богатые греки, армяне и др. Въ часъ по полудни пришолъ митрополитъ съ духовенствомъ, въ числѣ болѣе 200 особъ. Минутъ черезъ 20 раздались въ храмъ возгласы и крики на разныхъ языкахъ: это народъ просилъ о ниспосланіи съ небесъ благодатнаго огня. Скоро въ храмѣ сдѣлался великій шумъ и смятеніе: люди переходили съ мѣста на мѣсто, кричали, топали ногами, били въ ладоши, влѣзали на карнизы, откуда сталкивали другъ друга; словомъ сказать—въ храмѣ происходило нѣчто странное и удивительное. Я пролѣзъ кое-какъ къ алтарю и съ сѣверной стороны остановился, потомъ взлѣзъ на карнизъ колонны. Въ 2 часа духовная процессія вышла изъ алтаря и тихо двигалась къ гробу Господню. Во время обхода ея вокругъ

часовни крики и шумъ въ храмѣ увеличились. Послѣ двукратнаго обхожденія, процессія остановилась передъ дверями часовни; тутъ съ митрополита сняты были церковныя облаченія и онъ, войдя въ часовню, затворился тамъ; а процессія обошла вокругъ часовни еще разъ. Прошло съ полчаса. Вдругъ въ часовнѣ блеснулъ огонь и митрополитъ выдалъ сначала въ окошечко съ южной стороны, а потомъ—съ сѣверной, по 33 зажженныхъ свѣчей. Арабы, какъ ближе всѣхъ стояли къ окнамъ, приняли эти свѣчки и побѣжали; народъ за ними. Суматоха поднялась невообразимая. Когда я, удалившись въ уголъ храма, гдѣ почти не было народу, началъ обжигать свои свѣчки благодатнымъ огнемъ, ко мнѣ подбѣжалъ турецкій солдатъ закурить сигару. Какъ ни тяжело для меня было, но я не могъ этому воспрепятствовать. Богомольцы выходили изъ храма съ зажженными свѣчами. Собравшись на квартирѣ, богомольцы рассказывали другъ другу, кто гдѣ стоялъ въ храмѣ и что видѣлъ. По захожденіи солнца, я пришелъ въ храмъ встрѣтить свѣтлый, сугубо-радостный, день воскресенія Христова. Народъ, въ разнообразныхъ праздничныхъ, преимущественно въ азіатскихъ, костюмахъ толпился по храму во множествѣ. Я уединился къ тому мѣсту, гдѣ снѣли со креста Спасителя, и предался размышленіямъ, а болѣе — молитвѣ.

24 апрѣля.

Въ 12 часовъ ночи началась высоко-торжественная служба, шествиѣмъ изъ алтаря духовной процессіи, съ пѣніемъ на греческомъ языкѣ, къ часовнѣ гроба Господня, которую обошла три раза. Потомъ митрополитъ вошелъ въ часовню и, побывъ тамъ нѣсколько минутъ, вышелъ, произнося на разныхъ языкахъ: «Христосъ воскрес!» При видѣ этого умишительнаго зрѣлища, радостныя слезы катились изъ глазъ моихъ. Затѣмъ, процессія обошла вокругъ храма и, какъ только возвратилась въ алтарь, началась утренняя; а потомъ литургія. Евангеліе читалось на разныхъ языкахъ. По окончаніи богослуженія, я пошелъ на квартиру и отдохнулъ. Затѣмъ, я съ товарищами пообѣдалъ въ греческой харчевнѣ; послѣ того ходили по св. городу. За Яффскими воротами греки, армяне и др. гуляли и веселились въ кофейняхъ; но это веселье ихъ мнѣ было не по душѣ. Послѣ вечерни, съ закатомъ солнца, мы возвратились на квартиру.

25 апрѣля.

Утромъ я съ товарищами отправился въ Впелемъ — мѣсто рожденія Иисуса Христа. День былъ прекрасный. По дорогѣ, верстахъ въ двухъ отъ Іерусалима, зашли въ монастырь св. великомученика Георгія. Затѣмъ, пройдя еще версты 3, завидѣли памятникъ на мѣстѣ погребенія Рахили и покло-

нились ему. Черезъ нѣсколько времени показался Внелеемъ. Это—небольшое селеніе съ садами; жители его занимаются выдѣлываніемъ перламутровыхъ крестиковъ и каменныхъ небольшихъ образовъ. Мы вошли въ обширную церковь, построенную надъ вертепомъ, въ который, помолясь, и спустились по мраморной лѣстницѣ. Вертепъ небольшой, освѣщенъ былъ лампадами. Я палъ со слезами ницъ въ этомъ святомъ мѣстѣ и долго молился; потомъ приложился къ престолу со звѣздою, означающею мѣсто рождества Христова; затѣмъ, приблизился къ тому углубленію, гдѣ стояли ясли, въ которыхъ возлежалъ Божественный Младенецъ. Я поцѣловалъ край этого углубленія. Одна часть вертепа была обложена мраморомъ, а другая—завѣшена золотою парчею. Изъ вертепа мы опять вошли въ большой храмъ, и записали здѣсь у одного монаха въ книгу имена свои и родныхъ для поминовенія. Послѣ того возвратились тѣмъ же путемъ въ Іерусалимъ.

Послѣдніе, затѣмъ, три дня и три ночи моего пребыванія въ Іерусалимѣ я всецѣло посвятилъ хожденію по святымъ мѣстамъ. Потомъ взялъ у консула, подписанный имъ, паспортъ для возвращенія въ Россію и нанялъ до Яффы лошака за 1 руб. сереб. 29-го апрѣля 1861 г., по утру, съ шестью путниками, изъ коихъ было четверо русскихъ, я выѣхалъ изъ Іерусалима. Тяжело и грустно мнѣ было при отъѣздѣ изъ св. города. Выѣхавъ за Іерусалимскія ворота, я со слезами на глазахъ мысленно произнесъ: «Благодарю Тебя, Господи, что удостоилъ меня быть у Твоего св. гроба и поклониться священнымъ мѣстамъ, и тѣмъ исполнить давнишнее мое желаніе». Скоро Іерусалимъ скрылся изъ глазъ моихъ.

Въ Яффѣ я сѣлъ на англійскій пароходъ, заплативъ 5 руб. сер. до Константинополя. Это было вдвое дешевле противъ русскихъ пароходовъ, но за то оказалось въ пять разъ неудобнѣе ѣхать: при невообразимой тѣснотѣ и при незнаніи англійскаго языка, на которомъ надобно было объясняться съ пароходной прислугой, нельзя было безъ особеннаго труда ничего достать, даже воды. Изъ Константинополя я ѣхалъ на русскомъ пароходѣ за 5 же руб. сереб. до Одессы, куда прибылъ 11-го мая, а на другой день былъ уже въ Херсонѣ, гдѣ почти безвыѣздно до конца года занимался рыбною торговлею.

Въ январѣ слѣдующаго 1862 г. я заказалъ въ Одессѣ сдѣлать мѣдный кубъ, съ которымъ и отправился въ Кишиневъ. Здѣсь купилъ черной нефти и изъ нея выгналъ бѣлую; изъ этой нефти мнѣ хотѣлось приготовить газъ для освѣщенія г. Херсона; но для этого я не могъ найти свѣдущаго человека или мастера, и такимъ образомъ эта затѣя моя не удалась. Нефть я продалъ въ аптеку и снова сталъ торговать рыбою въ Херсонѣ. Потомъ, лѣтомъ, ѣздилъ въ Кишиневъ, Москву и Нижній-Новгородъ. Здѣсь, во время обѣдни, въ ярмарочномъ соборѣ у меня вынули изъ кармана 148 руб. Это были мои послѣднія деньги, и я нашолся вынужденнымъ просить старшаго

моего сына о присылкѣ мнѣ 25 руб. Потомъ, побывавъ на своей родинѣ—въ слободѣ Выѣздной, я отправился къ двоюродному брату моему въ Бузулукъ, гдѣ прожилъ до половины 1863 г. и снова возвратился въ Нижній-Новгородъ, откуда вскорѣ началъ собираться въ Петербургъ съ цѣлю—не возьмется ли кто напечатать настоящую исторію моей жизни.

Николай Шиповъ.

Примѣчаніе. 1-го декабря 1877 г. бывшій крѣпостной крестьянинъ, нынѣ Херсонскій мѣщанинъ, Н. Н. Шиповъ представилъ, чрезъ посредство А. Н. Труворова, въ редакцію „Русской Старины“ автобіографію, въ рукописи, подъ заглавіемъ: „Исторія моей жизни и моихъ странствій“, которая выше и напечатана. Рукопись Шипова, убористаго, писарскаго почерка, состоитъ изъ 175-ти листовъ обыкновенной писчей бумаги и заключаетъ въ себѣ разсказъ о жизни автобіографа, со дня его рожденія, по 1862-й годъ включительно. Событія своей жизни авторъ излагаетъ въ хронологическомъ порядкѣ, годъ за годомъ, мѣстами—день за днемъ, такъ что разсказъ его представляется въ видѣ хроники или дневника.

Въ концѣ 1863-го года Шиповъ представилъ свою рукопись въ императорское русское географическое общество, которое присудило за нее автору серебряную медаль. Членъ-сотрудникъ этого общества А. Н. Труворовъ, въ отзывѣ своемъ объ автобіографіи Шипова, указавъ на главныя ея достоинства, въ заключеніе говорить, что „рукопись Шипова заслуживаетъ вниманія и сама по себѣ, какъ произведеніе крестьянина-самоучки, передающаго все видѣнное и испытанное имъ, безъ малѣйшихъ прикрасъ, со всѣми достоинствами и недостатками, свойственными умному и наблюдательному простолюдину“ (Отчетъ Импер. Русск. Геогр. Общ. за 1864 г., прил. III, стр. 101—103).

Въ громадной рукописи Шипова, на ряду съ разсказами не лишенными интереса и значенія для знакомства съ тяжкими условіями быта русскаго крестьянства пережитаго времени, содержится довольно много подробностей, не имѣющихъ значенія ни въ историческомъ, ни въ народно-бытовомъ отношеніи или по ихъ общеизвѣстности, или по сомнительной достовѣрности, или же потому, что касаются фактовъ частной обыденной жизни автора; при этомъ изложеніе событій страдаетъ растянутостью, излишними подробностями, повтореніями и т. под. Въ виду этого редакція „Русской Старины“ сочла необходимымъ значительно сократить рукопись Шипова, каковой трудъ, съ согласія автора, и порученъ былъ — Н. М. Востокову. Въ такомъ сокращенно-исправленномъ видѣ автобіографіи Шипова и напечатана.

Какъ видно выше, разсказъ Шипова оканчивается 1862-мъ годомъ. Изъ послѣдующей, затѣмъ, жизни его слѣдуетъ упомянуть о томъ, что онъ, будучи уже преклонныхъ лѣтъ, совершилъ, въ 1866-мъ году, вторичное путешествіе въ Іерусалимъ; въ 1868-мъ году отправился въ Ташкентъ, гдѣ прожилъ до 1876-го года, когда возвратился къ роднымъ своимъ въ Нижегородскую губернію. Во время печатанія автобіографіи, въ 1881 году, Николай Николаевичъ Шиповъ находился въ С.-Петербурѣ.

Ред.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

ПО ДОНЕСЕНИЯМЪ М. М. ФОКА—А. Х. БЕНЕЕНДОРФУ.

Іюль—Сентябрь 1826 г.

Съ кончиною императора Александра 1-го и съ восшествіемъ на престолъ Николая Павловича, для Россіи наступала новая эра. Многолѣтнія вѣншія войны, грозный 1812-й годъ, затѣмъ послѣдняя борьба за освобожденіе Европы потребовали страшнаго напряженія силъ нашего отечества и не могли, конечно, не отозваться слишкомъ тяжело на экономическомъ бытѣ далеко еще не богатаго тогда государства. Финансовое положеніе Россіи было сильно потрясено; во внутреннемъ управленіи страню царствовала общая неурядица; произволъ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, безнаказанное казнокрадство и наглое, близкое къ грабежу, взяточничество служащаго люда,—тяжелымъ гнетомъ лежали на народѣ, жалобы и стоны котораго не доходили до трона; заслоняемаго злобнымъ, жестокимъ временщикомъ Аракчеевымъ и его приспѣшниками, лично заинтересованными въ сохраненіи существовавшаго порядка.

Общее недовольство положеніемъ дѣлъ и новыя идеи о свободѣ и правахъ гражданъ, вынесенныя изъ Франціи возвратившимися въ отечество побѣдоносными арміями, имѣли—какъ извѣстно—своимъ послѣдствіемъ образованіе тайнаго общества. Цѣли этого общества и тѣ средства, какими оно думало добиться ссуществленія ихъ—слишкомъ хорошо извѣстны читающей русской публикѣ, чтобы о нихъ вновь распространяться.

Попытка декабристовъ произвести государственный переворотъ, однако-жь, не удалась; заговоръ былъ открытъ и мятежъ подавленъ съ замѣчательною энергіей.

Эта-то энергія и рѣшимость, какія новое правительство выказало въ критическую для него минуту, давали обществу надежду, что правительство это также прямо и смѣло приступитъ къ искорененію и тѣхъ общественныхъ золъ, отъ которыхъ такъ много страдало русское царство. Очень понятно, поэтому, что восшествіе на престолъ императора Николая было привѣтствовано, за весьма немногими исключеніями, всѣми желавшими преобразованій въ управленіи страной; всѣ съ нетерпѣніемъ ждали коронаціи молодого императора, всѣ желали этого акта, который, по мнѣнію общества, долженъ былъ положить и конецъ всѣмъ смутамъ, и начало новой жизни русскаго народа.

Необходимость реформъ была, повидимому, ясно сознаваема и самимъ правительствомъ, которое, конечно, очень хорошо понимало, что оставленіе порядка вещей въ прежнемъ положеніи, порождая массу недовольныхъ, неизбежно вызоветъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, новый взрывъ. Реформы были, дѣйствительно, обѣщаны и затѣмъ объявлены; но произведенное ими впечатлѣніе—какъ это бываетъ почти всегда—было не совсѣмъ удовлетворительно. Такъ называемые благонамѣренныя ждали гораздо болѣе наградъ и милостей, чѣмъ дѣйствительныхъ преобразованій въ администраціи; что же касается недовольныхъ, то эти, уже изъ одного принципа, находили все дурнымъ и считали своею обязанностью осуждать всѣ принимаемыя правительствомъ мѣры.

Задуманныя правительствомъ реформы не могли, слѣдовательно, удовлетворить вполнѣ ни ту, ни другую сторону, и хотя снаружи все казалось спокойнымъ, — такъ какъ недавній погромъ былъ еще очень свѣжъ на памяти у всѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, — недовольныхъ было много и, при извѣстныхъ условіяхъ, партія ихъ могла значительно усилиться.

Возникновеніе и довольно продолжительное существованіе тайнаго политическаго союза, о которомъ правительство долго имѣло лишь смутныя подозрѣнія, ясно показало въ какомъ отчужденіи отъ общества стояли правительственныя сферы. Покончивъ съ мятежемъ, правительство увидѣло передъ собою важную задачу: устранить, на будущее время, всякую возможность подобнаго явленія и заручиться такими средствами, чтобы всегда быть

въ состояніи задушить, въ самомъ зародышѣ, умыселъ враговъ существующаго порядка. Но для этого необходимо было перестать игнорировать настроеніе общественнаго мнѣнія; надо было знать что затѣвается въ обществѣ, что въ немъ говорится, о чемъ, даже, оно думаетъ.... Прессы, въ это глухое время, — въ томъ смыслѣ, какъ она понимается теперь, — не существовало вовсе. Обсужденіе въ печати вопросовъ первостепенной важности, непосредственно касавшихся народа и его насущныхъ интересовъ, — было немыслимо. Признавалось аксіомою, что народу нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ мѣръ, какія правительство заблагоразсудитъ принять относительно устройства его жизни и быта; что, вообще, только одни управляющіе въ состояніи сообразить что именно нужно и полезно для управляемыхъ....

Взрывъ 14-го декабря былъ какъ бы предостереженіемъ, показавъ правительству всю опасность подобнаго пренебреженія къ внутренней жизни мыслящихъ классовъ населенія страны. Необходимость болѣе близкаго знакомства съ общественнымъ мнѣніемъ, въ каждую данную минуту, выяснилась довольно ярко. Опытъ доказалъ, что существовавшія до того времени въ распоряженіи правительства средства контроля надъ общественнымъ мнѣніемъ, были далеко неудовлетворительны: многое проглядывалось, на многое смотрѣлось сквозь пальцы, — иначе трудно объяснить возможность образованія политическаго заговора почти рядомъ съ Зимнимъ дворцомъ и принадлежность къ этому заговору нѣкоторыхъ лицъ изъ самыхъ лучшихъ круговъ тогдашняго общества. Къ тому же, самые приемы этого контроля были довольно грубоваты и вовсе не соответствовали такому деликатному и тонкому дѣлу, какъ «проникновеніе въ сердца и тайные людскіе помыслы»....

Вслѣдствіе этого возникла мысль учрежденія «тайнаго надзора», хотя и преслѣдовавшаго, въ сущности, тѣ же самыя цѣли, какъ и блаженной памяти канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, но обставленнаго несравненно мягче и порученнаго людямъ болѣе или менѣе образованнымъ и вышеченнымъ.

Директоромъ канцеляріи III-го отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи назначенъ былъ человѣкъ несомнѣнно умный, разносторонне образованный и свѣтскій. Обширное знакомство и связи въ высшемъ обществѣ Петербурга давали ему возможность видѣть и знать что дѣлалось и говорилось въ средѣ тогдашней аристократіи, въ литературныхъ и прочихъ кружкахъ населенія столицы. Въ помощь ему, для наблюденія за настроеніемъ другихъ классовъ населенія столицы, завербованы были раз-

ные агенты, какъ состоявшіе на службѣ «надзора», такъ и дѣйствовавшіе со стороны, какъ они увѣряли, подъ вліяніемъ чистой идеи безкорыстнаго служенія интересамъ родины.... Въ числѣ этихъ агентовъ попадались иногда и люди большаго свѣта; были литераторы и весьма плодотворные, бывали дамы и дѣвицы, вращавшіяся въ высшихъ слояхъ общества и, по всей вѣроятности, служившія «надзору» изъ побужденій не менѣе благородныхъ....

Само общество, какъ увѣряли представители «надзора», сочувствовало новому учрежденію и ждало отъ его дѣятельности благотворныхъ результатовъ. Многіе (будто-бы) думали и надѣялись, что «надзоръ», обладая средствами все узнавать, доставить правительству возможность къ искорененію многочисленныхъ злоупотребленій и не получить слишкомъ ужь односторонняго направленія своей дѣятельности.... Насколько оправдались такія ожиданія и надежды—хорошо извѣстно современникамъ царствованія императора Николая Павловича.

Предлагаемая вниманію читателей «Русской Старины» письма-донесенія принадлежатъ перу тогдашняго директора канцеляріи III отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи, Михаила Максимовича Фока; писаны они къ шефу корпуса жандармовъ генералу (впоследствии графу) А. Х. Бенкендорфу, и касаются настроенія петербургскаго общества въ моментъ коронаціи императора Николая и времени, непосредственно за нею слѣдовавшаго. Характеръ этихъ писемъ, писанныхъ на франц. языкѣ, чисто интимный; тонъ ихъ носитъ на себѣ тотъ отпечатокъ почтительной дружбы, какая можетъ существовать между высокопоставленнымъ начальникомъ и талантливымъ подчиненнымъ, обладающимъ всеми внѣшними признаками порядочности.

Хотя имѣющаяся въ нашемъ распоряженіи переписка обнимаетъ весьма незначительный періодъ времени,—всего съ 17-го іюля по 25-го сентября 1826 года, т. е. съ небольшимъ только два мѣсяца, но, не смотря на такіе ограниченные размахъ, она очень рельефно рисуетъ состояніе Петербургскаго общества той эпохи. Общество это—какъ увидитъ самъ читатель изъ писемъ Фока—рѣзко раздѣлялось на двѣ партіи—благонамѣренныхъ и недовольныхъ. Обѣ эти партіи съ нетерпѣніемъ ждали преобразованій, обѣщанныхъ новымъ правительствомъ; но такъ какъ ожиданія эти исходили изъ разныхъ побужденій, то и впечатлѣнія, производимыя реформами, были далеко не одинаковы. Большинство „благонамѣренныхъ“, чаявшее отъ новаго царствованія великихъ и богатыхъ милостей, готово было идти на

какой угодно компромиссъ. Оно вѣрило, или же представлялось вѣрившимъ и другихъ старалось убѣдить, что преобразованія могутъ совершаться мало-по-малу, не спѣша, безъ коренного искорененія вѣками скопленнаго зла. «Недовольные», напротивъ, требовали рѣшительныхъ мѣръ, заявляя, что класть новыя заплаты на старое тряпье—еще не значить одѣться за-ново; что починка ветхаго зданія поведетъ лишь къ продолженію его существованія, т. е. къ сохраненію, на неопредѣленное время, того порядка вещей, который осужденъ самимъ правительствомъ, какъ невозможный. Ничего не прося собственно для себя, они требовали такихъ реформъ, которыя дали бы свободно вздохнуть измученному народу и сняли бы съ него гнетъ помѣщичьяго и чиновническаго произвола. Къ этой же партіи принадлежала и та, небольшая еще тогда, кучка людей, которые съ негодованіемъ говорили о злоупотребленіяхъ крѣпостнаго права и, во имя справедливости и человѣчности, требовали его отмены.

Далеко нельзя того же сказать о «благонамѣренныхъ». Сквозь всю видимую благонамѣренность ихъ, иногда, явно просвѣчивалъ эгоизмъ: всѣ ихъ клики радости, ихъ готовность принять съ благодарностью то, что свыше благоугодно будетъ даровать имъ,—вызывались, по большей части, не стремленіемъ къ общественному благу, а чисто личными корыстными расчетами. Великодушіе, оказанное новымъ правительствомъ въ отношеніи семействъ виновниковъ 14-го декабря, пробудило во многихъ изъ благонамѣренныхъ страшную зависть и вызвало вопли негодованія... Зависть эта удвоилась, когда нѣкоторые изъ нихъ обманулись въ своихъ надеждахъ на разныя повышенія, награды и милости. Эта непривлекательная черта части русскаго общества тогдашняго времени мастерски очерчена авторомъ писемъ, котораго, конечно, ни въ какомъ ужъ случаѣ, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ партіи недовольныхъ.

Помѣщая письма Фока, мы воздерживаемся отъ всякихъ комментариевъ, да они были бы и лишни, такъ какъ сущность переписки говорить сама за себя. Прибавимъ только, что донесенія эти были, повидимому, представляемы, въ подлинникѣ, императору Николаю Павловичу; по крайней мѣрѣ, объ этомъ можно заключать по собственноручнымъ, на нѣкоторыхъ письмахъ, отпечаткамъ графа Бенкендорфа, обращеннымъ прямо къ Государю.

19 апрѣля 1875 г.
Спб.

Ред.

Письма М. М. Фока къ А. Х. Бенкендорфу.

[Переводъ съ французскаго].

17-го іюля 1826 года ¹⁾. С.-Петербургъ.

Ваше превосходительство вѣроятно позволите мнѣ писать вамъ, не придерживаясь формы и принятаго порядка, писать все, что придетъ мнѣ въ голову.

Г. Нефедьевъ имѣетъ деревню подъ Москвой, гдѣ ему необходимо быть по домашнимъ обстоятельствамъ. Это очень благопріятно для нашего дѣла. Съ этимъ господиномъ не знаешь никакихъ затрудненій: ни жалованья, ни расходовъ. Услуги, которыя онъ можетъ оказать намъ, будутъ очень важны, вслѣдствіе его связей въ высшемъ и среднемъ обществахъ Москвы. Это будетъ ходячая энциклопедія, въ которой всегда будетъ удобно обращаться за свѣдѣніями относительно всего, что касается надзора. Причины отъѣзда Нефедьева двѣ: личныя дѣла, требующія присутствія его въ Москвѣ, и желаніе отдѣлаться отъ возлагаемой на него обязанности, которая можетъ завести его слишкомъ далеко. Онъ состоитъ по особымъ порученіямъ при г. Кутузовѣ, который желаетъ поручить ему ревизію гражданской палаты, за что тому противно взяться. Нефедьевъ—статскій совѣтникъ и имѣетъ орденъ св. Владиміра 3-го класса; онъ честолюбивъ и жаждетъ почестей. Къ переводу Нефедьева не встрѣчается никакихъ препятствій; полезность же этой мѣры бросается въ глаза.

Еще одна личность представляетъ для насъ явную выгоду. Графъ Левъ Соллогубъ, о которомъ я неоднократно говорилъ вашему превосходительству, — можетъ принести намъ большую пользу въ Москвѣ, посредствомъ своего брата и своихъ родныхъ. Съ этимъ человекомъ также—никакого жалованья, никакихъ расходовъ. Предлогъ къ пребыванію его въ Москвѣ уже найденъ: дѣло, отъ котораго зависить опредѣленіе его положенія, будетъ рѣшаться комитетомъ министровъ. Онъ ждетъ только согласія вашего превосходительства, чтобы безотлагательно пуститься въ

¹⁾ Дворъ въ это время, въ ожиданіи коронаціи, былъ въ Москвѣ, гдѣ находился и генераль Бенкендорфъ.

путь. Предложеніе его—дѣйствовать за-одно съ „надзоромъ“, цѣль же—быть покровительствуемымъ во всемъ, что касается веденія интересующаго его дѣла. Графъ—человѣкъ скромный и способный выполнять даваемые ему порученія; по переводѣ же его въ корпусъ жандармовъ, онъ можетъ приносить дѣйствительную пользу.

Возвращаюсь снова къ вопросу о Нефедьевѣ. У него домъ въ Москвѣ и подмосковная деревня; короткія связи почти со всѣми жителями столицы, гдѣ онъ не разъ живетъ по-долгу, такъ что, по приѣздѣ въ Москву, ему не надо будетъ устранивать домъ и заводить знакомства, а стоить только начать дѣлать приемы. Сообщеніе біографій разныхъ лицъ, и донесенія о настоящемъ положеніи вещей и людей, о полиціи и мѣстныхъ властяхъ,—однимъ словомъ обо всемъ, что можетъ интересовать „надзоръ“, могутъ быть сдѣланы Нефедьевымъ тотчасъ же по прибытіи въ Москву, со всѣми подробностями, для чего ему не надо ни съ кѣмъ совѣтываться, кромѣ своего собственнаго архива. Здѣсь ему хотятъ поручить ревизію гражданской палаты. Разъ начавъ это дѣло,—онъ зайдетъ слишкомъ далеко. Вотъ почему необходимо безотлагательно пристроить его къ надзору, что не встрѣтитъ затрудненій, такъ какъ не имѣя определенныхъ занятій, ему не въ чемъ будетъ отдавать отчетъ: онъ состоитъ сверхштатнымъ чиновникомъ по особеннымъ порученіямъ, по волѣ покойнаго Государя, и преемникъ этого послѣдняго можетъ дать ему другое назначеніе, не нарушая никакихъ формъ.

Представляя вышеизложенное на усмотрѣніе вашего превосходительства, буду ожидать вашего распоряженія.

Г. Булгаковъ былъ такъ добрѣ, далъ мнѣ два мѣста въ дилижансѣ, отправляющемся завтра въ Москву. Секретари Тулицынъ и Поповъ могутъ, слѣдовательно, пуститься въ дорогу, и во-время прибыть къ мѣсту назначенія ихъ. Первому изъ нихъ я далъ пятьсотъ рублей.

Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. Фокъ ¹⁾.

18-го іюля 1826 года.

Продолжаю сообщать вашему превосходительству все, что до меня доходитъ, предоставляя полную свободу моимъ мыслямъ.

Г. Брокгаузенъ передалъ мнѣ слѣдующія замѣчанія:

¹⁾ Далѣе мы опускаемъ увѣренія въ преданности и т. п. Ред.

„14-е число этого мѣсяца называютъ днемъ примиренія; манифестъ отъ 13-го числа—вѣсами, на которыхъ правительство, взвѣсивъ всѣ обстоятельства за и противъ, указало каждому надлежащее мѣсто и возвело въ принципъ, что никто не можетъ быть преслѣдуемъ безнаказанно, и что всѣ должны содѣйствовать сооруженію зданія общественнаго благоденствія. Итакъ, присовокупляеть наблюдатель, заря новаго царствованія подаетъ надежду, что правительство доставить подданнымъ возможность пользоваться и правосудіемъ, и терпимостью мнѣній, всегда соединенными съ началами хорошаго законодательства. Для общественнаго блага необходимо, чтобы каждый членъ великой семьи—государства, отдавалъ справедливость той заботливости, какую правительство выказываетъ съ каждымъ днемъ“.

Вотъ нѣсколько словъ о настроеніи умовъ, почерпнутыя изъ того же источника:

„Самые тяжеловѣсные и неповоротливые серьезно обсуждаютъ событія, только что разыгравшіяся у нихъ на глазахъ; они сознаютъ необходимость выйти изъ летаргіи. Самые вліятельные классы общества понимаютъ свою ошибку и начинаютъ признавать потребность разстаться съ принципомъ равнодушія и выжиданія. Низшіе классы, на которые должно смотрѣть, какъ на орудія и машины, находятся въ ожиданіи улучшенія ихъ положенія и ничего болѣе не желаютъ, какъ возможности безмятежно наслаждаться благами предоставленнаго имъ политическаго существованія. Рупечество съ удовольствіемъ смотритъ на систему правительства и его направленіе, и готовится къ развитію промышленности; а мѣры, принимаемыя для поощренія внутренней торговли, подають самыя основательныя надежды, такъ что предполагають—и совершенно вѣрно,—что новый порядокъ вещей много будетъ способствовать повышенію національнаго кредита въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ иностранными государствами. Нѣкоторые идутъ еще дальше и увѣряють, что повышеніе это и теперь уже становится замѣтнымъ“.

„Указъ отъ 11-го іюля, которымъ исправляется уставъ внутренней торговли, производитъ тѣмъ лучшее впечатлѣніе, что имъ повелѣвается министерству финансовъ составить проектъ для развитія и поощренія національной промышленности“.

19-го іюля 1826 года.

Послѣднимъ манифестомъ каждому дозволяется излагать свои мнѣнія о проектахъ улучшенія, обращаясь по этому предмету къ кому слѣдуетъ. Приэтомъ возникаетъ вопросъ: какая власть будетъ служить органомъ для передачи этихъ проектовъ правительству, и въ какой мѣрѣ дозволена будетъ свобода слова тѣмъ, кто пожелаетъ выступить на сцену, съ условіемъ не быть компрометированнымъ и не подвергнуться мщенію того или другаго вліятельнаго лица, которому могутъ не понравиться направленные противъ него заявленія? Коллежскій совѣтникъ Бландовъ, человѣкъ сильно придерживающійся рутины и обладающій большими средствами, находится теперь въ подобномъ положеніи, и спрашиваетъ: слѣдуетъ ли все говорить относительно финансовъ и будетъ ли онъ огражденъ отъ преслѣдованій министра, объ управленіи котораго онъ можетъ доставить массу самыхъ интересныхъ свѣдѣній? Можно ли поощрить его и успокоить на этотъ счетъ?

Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчаній его о финансахъ, высказанныя имъ въ разговорѣ со мною:

„Ничего нѣтъ хуже принятой у насъ финансовой системы. Въ числѣ другихъ доказательствъ этому можно упомянуть о послѣднемъ указѣ 1825 года, разрѣшающемъ ввозъ соли изъ-заграницы, между тѣмъ какъ въ Россіи она находится въ такомъ изобиліи, что ею можно было бы снабжать всю Европу; затѣмъ—недовѣріе, съ какимъ относятся къ поставщикамъ, притѣсняемымъ всѣми возможными средствами и принуждаемымъ къ точному выполненію принятыхъ ими на себя обязательствъ, тогда какъ казна никогда не выполняетъ своихъ; наконецъ,—мотовство, характеризующее управленіе финансовыми отраслями, самыми прибыльными для подрядчиковъ, а также и тѣ старанія, съ какими скрывали отъ покойнаго императора дурное положеніе финансовъ. Другимъ доказательствомъ пристрастія министра финансовъ служить то, что многія личности, которыхъ онъ терпѣть не могъ при своемъ вступленіи въ управленіе министерствомъ,—въ настоящее время пользуются большимъ его довѣріемъ. Такъ извѣстно, что Дружининъ, бывшій прежде его *bête noire*—теперь на хорошемъ счету у него, и что Михаилъ

Кайсаровъ былъ въ немилости за то, что сдѣлалъ представленія о нелѣпости послѣдняго закона о промышленныхъ налогахъ; — закона, который во многомъ пришлось измѣнить указомъ, изданнымъ 11-го числа сего мѣсяца. Указъ этотъ явно говоритъ о намѣреніи правительства поощрять торговлю и промышленность и что главное — не иначе довѣрять министерскимъ представленіямъ, какъ хорошенько провѣривъ ихъ. Если Гурьевъ началъ управленіе такъ, что сталъ дѣйствовать противно интересамъ правительства, то Канкринъ постарался увеличить зло, расширивъ пропасть, надъ которой стоятъ наши финансы. Многимъ извѣстно также и то обстоятельство, что принципы, высказанные этимъ министромъ въ одномъ сочиненіи, изданномъ еще до поступленія его въ министерство, — такого свойства, что могутъ возмутить каждаго благомыслящаго человѣка; за то же Канкринъ и постарался скупить всѣ нераспроданные экземпляры этого сочиненія, какъ только получилъ министерскій портфель“.

Висковатовъ только что прислалъ мнѣ цѣлую тетрадь для в. п., которую я при семъ прилагаю.

Со вчерашняго дня много толкуютъ о дуэли, будто бы происходившей въ Новой деревнѣ, между молодымъ Лопухинымъ, офицеромъ Преображенскаго полка, и молодымъ лейбъ-гусаромъ Кожинимъ. Говорятъ, что послѣдній раненъ пулею въ плечо. Надѣюсь, в. п., сообщить вамъ завтра подробности этого дѣла.

Помѣта на письмѣ: „Его пр-во приказать изволилъ принять къ свѣдѣнію“.

20-го іюля 1826 года.

Во многихъ кружкахъ упорно продолжаютъ анализировать причины, возбудившія взрывъ 14-го декабря. Привожу нѣкоторые изъ размышленій по этому предмету.

„Собственно, новаторы пришли къ тому простому заключенію, что порицая злоупотребленія, слѣдуетъ въ то же время, указывать и средства къ искорененію ихъ. По мнѣнію этихъ нововводителей, великія внѣшнія войны и иностранная политика до того поглощали вниманіе правительства, что внутреннее управленіе страпою предоставлено было на волю нѣсколькихъ человѣкъ — орга-

новъ и креатуръ одного лица, облеченнаго довѣріемъ государя и, подъ личиною безкорыстія, до такой стѣпени честолюбиваго, что онъ приносилъ въ жертву этому честолюбію самыя дорогіе интересы управляемыхъ лицъ и заставлялъ правительство принять систему управленія, имѣвшую атрибутомъ—сплетни и клеветы, а цѣлю—жажду нераздѣльнаго господства. Такимъ образомъ, постоянно возрастающее недовольство неизбѣжно должно было разрѣшиться взрывомъ. Затѣмъ, эти самыя нововводители,—люди безъ власти и безъ средствъ, приняли на себя роль распорядителей, и уже по необходимости должны были прибѣгать къ преступнымъ мѣрамъ, чтобы развить свои планы и привести ихъ въ исполненіе. Итакъ, если, съ одной стороны, ничѣмъ нельзя извинить преступленія, одинаково осуждаемаго, какъ божескими, такъ и человѣческими законами, то, — съ другой стороны, — слѣдуетъ признаться, что все было сдѣлано для возбужденія недовольства, и нічего для прекращенія его въ самомъ началѣ“.

Вотъ еще нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ въ дипломатическихъ кружкахъ о дѣйствіяхъ правительства: „Старанія правительства положить прочныя основанія миру съ турками доказываютъ, что оно сознаетъ всю необходимость возвести въ принципъ ту истину, что миръ—есть состояніе обоюдной безопасности; что имъ уничтожаются несправедливости, вызвавшія войну; дается амнистія за прошлое и обѣщаніе дружественныхъ отношеній въ будущемъ; что, наконецъ, онъ заключаетъ въ себѣ забвеніе неприязни и возвратъ расположенія. Поэтому слѣдуетъ заключать искренній миръ, а не дѣйствовать такъ, чтобы подъ именемъ мира испытывать всѣ тяжести войны, т. е. жить въ такомъ положеніи, въ какомъ находились, въ продолженіи тридцати лѣтъ, Россія и вся Европа“.

„Судя по принятымъ мѣрамъ, само правительство признаетъ также необходимость организовать распорядительную часть арміи, которая такъ управляла бы частью исполнительною, что, не смотря на всѣ заслуги этой послѣдней, она, все-таки, не могла бы имѣть другихъ успѣховъ, кромѣ тѣхъ, которые будутъ подготовлены ей частью распорядительною. Правительство проникнуто убѣжденіемъ, что все вниманіе его должно быть обращено на исправленіе системы внутренняго управленія и, конечно, все, что до сего времени предпринято имъ, выказываетъ заботливость его объ упро-

ченіи общественнаго благосостоянія и свидѣтельствуешь о желаніи его дѣйствовать во всемъ добросовѣстно“.

Увѣряютъ, что городская полиція, замѣтивъ, что существуетъ дѣятельный надзоръ, собирается развернуть всѣ находящіеся въ ея распоряженіи средства, дабы первой узнавать все, что дѣлается, и будто бы на расходы полиціи, собственно на этотъ предметъ, прибавлено по 300 рублей въ мѣсяцъ; говорятъ даже, что Фогель получить прибавку въ 3,000 рублей, чтобы имѣть возможность слѣдить за всѣмъ съ большою дѣятельностью и съ болѣшимъ успѣхомъ.

Вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, вспыхнулъ пожаръ на Охтѣ и туда посылали пожарныхъ изъ города. Я не знаю еще какія были послѣдствія этого пожара.

Прилагаю при семъ письмо изъ Казани,—кажется отъ Магницкаго,—и нѣсколько полицейскихъ рапортовъ.

Примите увѣреніе въ искреннемъ почтеніи. Фокъ.

21-го іюля 1826 г.

Представляю résumé конфиденціального разговора съ графомъ д'Алонвиль, человекомъ, извѣстнымъ своимъ умомъ, честностью взгляда, прямою характера и опытностью во всемъ, что касается управленія и настоящаго положенія общественныхъ дѣлъ, приобрѣтенною имъ во время его многолѣтняго пребыванія въ Петербургѣ.

„Всѣ принимаемыя до сихъ поръ правительственныя мѣры были увѣнчиваемы успѣхомъ, потому что въ основаніи ихъ лежалъ принципъ—преобразовывать безъ потрясеній и хвастовства. Такъ, вниманіе правительства было обращено: на порядокъ судопроизводства въ важномъ дѣлѣ, съ цѣлью соединить непреклонность уголовныхъ законовъ съ голосомъ милосердія; на необходимость искорененія застарѣлыхъ злоупотребленій и введеніе въ управленіе дѣлами того духа усовершенствованія, который, одинаково касаясь людей и существующаго порядка вещей, не оскорбляетъ первыхъ и измѣняетъ второй не прежде, какъ установивъ точныя правила и предусмотрѣвъ всѣ послѣдствія этой перемѣны; на развитіе прямоты и честности, которыми въ такой степени характеризуются всѣ акты высочайшей власти, что людямъ зло-

намѣреннымъ и недалновиднымъ ничего болѣе не остается, какъ позволить руководить собою, чтобы избѣгнуть ошибокъ, и, наконецъ, — на изысканіе средствъ къ введенію строгой экономіи въ государственныхъ расходахъ, а также и на поощреніе отечественной торговли и промышленности. Въ короткій срокъ, протекшій со времени вступленія на престолъ новаго императора, было, конечно, невозможно совершить болѣе того, что уже сдѣлано, а именно—выяснить начала управленія и подготовить путь къ дальнѣйшему устройству. Но сколько потребовалось заботъ и предусмотрительности, чтобы поставить управленіе въ то положеніе, въ какомъ оно находится въ настоящую минуту, и которое даетъ ясное понятіе о томъ, что будетъ еще сдѣлано правительствомъ, если оно пойдетъ предначертаннымъ путемъ, чтобы вникнуть во всѣ отрасли управленія, опредѣлить сферу ихъ дѣятельности и тѣ отношенія, какія должны установиться между ними для того, чтобы сохранить связь и единообразіе въ дѣйствіяхъ своихъ, чтобы подобно евангельскому рыбаку рѣшить, что слѣдуетъ сохранить и что выкинуть изъ сѣтей“.

Чтобы потѣшить ваше превосходительство, долженъ передать, что въ небольшомъ обществѣ у графини Коновницыной говорили, что вы, ваше превосходительство, и я—мы самые опасные шпионы.

Оканчиваю это письмо, чтобы отправить къ вамъ нѣкоторыя офиціальныя бумаги и полицейскія вѣдомости.

Примите увѣренія въ моемъ искреннемъ уваженіи. Ф о к ъ.

22-го іюля 1826 г.

Учрежденіе высшаго надзора побуждаетъ полицію и другія власти, какъ городскія, такъ и уѣздныя, принять мѣры, чтобы не быть застигнутыми врасплохъ. Обѣ полиціи—городская и уѣздная—уже принялись собирать свѣдѣнія о лицахъ, живущихъ въ городѣ и уѣздѣ, обѣ ихъ занятіяхъ и образѣ жизни. Вотъ уже и польза для общественнаго блага. Чѣмъ болѣе будутъ стараться все выяснить,—конечно, безъ придиорокъ,—тѣмъ легче будетъ судить о людяхъ и обстоятельствахъ съ увѣренностью и знаніемъ дѣла. Последнее рѣшеніе государя по дѣлу, касающемуся управленія пермскими рудниками, очень занимаетъ общество; большинство

радуется этой мѣрѣ, надѣясь, что она затруднитъ, на будущее время, систему кляузъ и сплетень, прикрываемыхъ строгимъ примѣненіемъ законовъ.

— „Послѣдній рескриптъ на имя генераль-маіора (Бенкендорфа) написанъ государемъ собственноручно; государь выражаетъ ему свое благоволеніе за выполненныя имъ мѣры, въ то время когда онъ дѣйствовалъ вполне самостоятельно. Это-то двойное вниманіе и доказываетъ, что государь можетъ обходиться безъ секретаря, и признаетъ заслуги, оказанныя государству. Вотъ, — говорятъ многіе изъ лицъ, принадлежащихъ къ иностраннымъ посольствамъ, — еще одна изъ мѣръ, которыя способны привязать сердца. Для обоюдной пользы правителей и управляемыхъ, слѣдовало бы составить сборникъ всѣхъ правительственныхъ актовъ, по мѣрѣ изданія ихъ, чтобы все доходило до общества, и чтобы этимъ оружіемъ можно было подавлять происки недовольныхъ и укрѣплять увѣренность въ трусахъ и скептикахъ“.

Посылаю при семъ вашему превосходительству первые officialные отчеты о происшествіяхъ и нѣсколько полицейскихъ вѣдомостей.

23-го іюля 1826 г.

Вчерашній праздникъ былъ вполне народный; высшіе классы не могли принять въ немъ участія, такъ какъ вся аристократія разъѣхалась. Поэтому на гулянья было не болѣе двадцати экипажей и вообще гуляющихъ было въ половину менѣе, нежели 1-го числа, такъ что полиціи и не стоило труда поддерживать порядокъ, который никѣмъ не былъ нарушенъ. Военный генераль-губернаторъ и подчиненные его, въ парадной формѣ, разъѣзжали верхами до конца гулянья, и полиціи пришлось устранить только нѣкоторые маленькіе безпорядки, всегда неразлучные съ подобнымъ стеченіемъ народа. Прогулки по водѣ не были пріятны вслѣдствіе сильнаго вѣтра. Чтобы быть вполне безпристрастнымъ, нужно сознаться, что вчерашнее гулянье не отличалось тѣмъ шумнымъ весельемъ, которымъ ознаменовался праздникъ — 1-го числа. Впрочемъ, это не удивительно, такъ какъ онъ не былъ уже новостью. Съ другой стороны, народу собралось на гулянье мало, вѣроятно, потому, что въ этотъ день было много именинниковъ. На одномъ Крестовскомъ Островѣ стояло около разныхъ дачъ болѣе ста экипажей.

Недостатокъ матеріала для разговоровъ въ Петербургѣ въ отсутствіе двора, наводитъ, весьма естественно, разсужденія на тему о великомъ событіи, къ которому лучше было бы вовсе не возвращаться. Чтобы говорить о чемъ нибудь, толкуютъ о великомъ князѣ Константины Павловичѣ и объ административныхъ проектахъ. Это, впрочемъ, еще не доказываетъ, чтобы осужденіе и критическое отношеніе стояли на первомъ планѣ, такъ какъ всѣ толки и нелѣпыя умствованія выходятъ изъ среды небольшого числа тѣхъ шелопаевъ, которые чешутъ языки для препровожденія времени. Я ѣздилъ вчера въ Царское Село проститься съ княземъ Кочубеемъ, который намѣревался сегодня утромъ ѣхать въ Москву.

Прилагаю при семъ обычныя полицейскія донесенія.

25-го іюля 1826 г.

Въ ту минуту, когда я собирался отправить къ вамъ этотъ пакетъ, получаю изъ Казани, отъ барона Розена, письмо слѣдующаго содержанія:

„Пользуюсь представившимся случаемъ, чтобы поговорить съ вами о Магницкомъ; считаю себя обязаннымъ сдѣлать это ради того глубокаго уваженія, какое питаю я къ особѣ генерала Бенкендорфа.

„Магницкій увѣряетъ, что уѣхалъ изъ Петербурга только вслѣдствіе совѣта своего интимнѣйшаго друга дѣтства, генерала Бенкендорфа, и мотивированнаго тѣмъ, что будто бы сторона, противная Магницкому, одержала верхъ; кромѣ того, онъ говорить, что получилъ недавно отъ его превосходительства письмо, въ которомъ, совѣтуя ему быть совершенно спокойнымъ, генералъ обѣщается выхлопотать для него у Его Величества пожизненную годовую пенсію въ 6,000 рублей, а также и уплату расходовъ на три поѣздки его въ Петербургъ—до 9,000 рублей“¹⁾.

„Съ этими ложными данными, онъ не только удерживаетъ около себя прежнихъ своихъ сообщниковъ, но еще пріобрѣтаетъ

¹⁾ Подъ этими словами написаны карандашомъ,—должно быть рукою генерала Бенкендорфа,—нѣсколько строкъ, обращенныя къ государю: „Это совершенно ложно; я объявилъ ему только повелѣніе Вашего Величества выплачивать его женѣ половину пенсін“.

и новыхъ, что вовсе не соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ, такъ какъ въ числѣ приверженцевъ его находятся двое очень опасные: Часовниковъ, бывшій секретаремъ Магницкаго въ то время, когда послѣдній былъ губернаторомъ въ Симбирскѣ, и бѣшеный Крузе. Многіе уже спрашивали меня,—знаю-ли я о той выгодѣ, которую Магницкій извлекъ изъ своего знакомства съ генераломъ Бенкендорфомъ? Враги Магницкаго съ негодованіемъ смотрятъ на его счастье. Вообще, дѣло это мнѣ ужасно не нравится. Потрудитесь передать эти подробности генералу и прибавьте, что я только-что получилъ отъ генералъ-губернатора Бахметьева предписаніе, въ которомъ выражено переданное ему, генералъ-майоромъ, (Бенкендорфомъ) высочайше повелѣніе: „чтобы наблюсти, дабы Магницкій не могъ имѣть вліянія на профессоровъ Казанскаго университета“ ¹⁾.

„Что мнѣ отвѣчать на заявленія Магницкаго? Очень естественно, что друзья его, а тѣмъ болѣе враги стараются пронизнуть истину, хотя первые и слѣпо вѣрятъ его словамъ. Повторяю, что все это крайне непріятно мнѣ, тѣмъ болѣе, что все продѣлывается у меня на глазахъ. Магницкій былъ у меня въ день отъѣзда курьера, послѣ полудня; я приказалъ никого не принимать, и теперь очень жалѣю, что не поговорилъ съ нимъ, такъ какъ до меня дошло, что прежде, чѣмъ вторично пріѣхать ко мнѣ, онъ будетъ ждать моего визита къ нему, чего, по всей вѣроятности, не случится. Впрочемъ, онъ собирается оставить Казань и уѣхать въ Саратовъ; но я не могу дать ему позволеніе на это, не нарушивъ приказанія, на основаніи котораго онъ обязанъ здѣсь выжидать окончательнаго разсмотрѣнія его отчетовъ, что министромъ Шишковымъ поручено одному чиновнику, еще не прибывшему сюда.—Съ послѣднимъ курьеромъ полученъ здѣсь высочайшій указъ о взысканіи съ Магницкаго 16,000 рублей, полученныхъ имъ на покупку разныхъ инструментовъ, которые, однако-жъ, пріобрѣтены не были; вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно оставить въ его владѣніи только тѣ земли, которыя были ему пожалованы“.

При семъ прилагаю оригиналь письма.

¹⁾ Слова, напечатанныя разрядкой, написаны въ оригиналѣ по русски.
Ред.

26-го іюля 1826 г.

Недовольные, или тѣ, которые, желая придать себѣ большее значеніе, хотятъ казаться такими, проницески замѣчаютъ, что съ коронаціею пачнется возвратъ—если не къ золотому, то, по крайней мѣрѣ, къ серебряному вѣку; что подготавливается масса проектовъ и плановъ относительно различныхъ улучшеній, такъ что встрѣтится даже затрудненіе въ выборѣ. Хотя, говорятъ, принципы управленія и извѣстны, но чтобы примѣнить ихъ къ дѣлу, надо установить другой порядокъ вещей, не теперешній, съ недостатками котораго слишкомъ ужъ освоились, и что необходимость такого измѣненія дѣлается настоятельною; что, наконецъ, всѣ предосторожности и отсрочки въ преобразованіи управленія, страдающаго такими погрѣшностями, могутъ только повредить общественному дѣлу и воспрепятствовать осуществленію тѣхъ благотѣльныхъ плановъ реорганизаціи, которые думалъ привести въ исполненіе покойный императоръ Александръ. Приэтомъ прибавляютъ, что для того, чтобы не испортить дѣла, было бы особенно важно хорошенько сообразить всѣ содержащіяся въ тайнѣ мѣры по этому предмету, а также и посовѣтоваться съ людьми, пользовавшимися довѣріемъ покойнаго государя.

Упраздненія адресной конторы сильно желаютъ всѣ, въ особенности средніе и низшіе классы льстятъ себя надеждою, что при коронаціи императоръ окажетъ имъ это благодѣяніе.

Увѣряютъ, что главнокомандующіе обѣими арміями будутъ возведены въ званіе генераль-фельдмаршаловъ, причемъ замѣчаютъ, что только одинъ примѣръ подобнаго рода былъ въ царствованіе императора Павла; прежде же фельдмаршальскій жезлъ давался только въ военное время.

27-го іюля 1826 г.

Вотъ картина настроенія умовъ и разсужденій, написанная на основаніи впечатлѣній, вынесенныхъ изъ многихъ разговоровъ о различныхъ партіяхъ и мнѣніяхъ.

Лѣвая сторона или, лучше сказать, врали и недовольные, стараются представить все въ мрачномъ свѣтѣ. Краски ихъ до того темны, что можно подуматъ, будто бы мы находимся наканунѣ

страшныхъ бѣдъ. По ихъ словамъ, все приходитъ въ упадокъ, все разрушается, и никакія усилія правительства не въ состояніи возстановить довѣрія и радикально излечить зло,—не потому, что оно застарѣло, а вслѣдствіе недостатка любви къ врагу.—Правая сторона видитъ вещи въ совершенно другомъ свѣтѣ и не только не замѣчаетъ ничего тревожнаго, но увѣрена, что все пойдетъ отлично.

По мнѣнію нѣкоторыхъ благонамѣренныхъ изслѣдователей, оба приведенные взгляда преувеличены. Если правда, говорятъ они, что язва глубока, то, несомнѣнно, правда и то, что нѣтъ недостатка ни въ доброй волѣ, ни въ средствахъ, чтобы, если не закрыть ее,—что было бы опасно и даже невозможно,—то предотвратить гангрену, а это было бы уже выигрышемъ. Если бы ничего рѣшительно не было бы тревожнаго въ эпоху, столь близкую къ общему бѣдствію, если бы можно было все сдѣлать по мановенію волшебнаго жезла,—такой порядокъ вещей дѣйствительно возбуждалъ бы опасенія, потому что пришлось бы допустить два предположенія: или, что всѣ управляемые — не болѣе какъ автоматы, или же, что подъ пепломъ таится огонь. Но на дѣлѣ этого нѣтъ. Не скрывая правды ни отъ своихъ, ни отъ чужихъ глазъ, надо сознаться, что различныя причины,—анализъ которыхъ, въ настоящее время, былъ бы напрасенъ и даже не совсѣмъ политиченъ,—вызвали такіа бѣдствія, послѣдствія коихъ неисчислимы, какъ, на примѣръ: отсутствіе духа общественности, эгоизмъ съ цѣлой свитой его приспѣшниковъ, ложныя идеи о свободѣ и правахъ гражданъ, благопріятствующія только личнымъ интересамъ, въ ущербъ общественному дѣлу. Съ другой стороны нельзя также умалчать и о томъ, что правительство, съ энергіею и силою, употребляетъ всѣ, находящіяся въ распоряженіи его, средства, чтобы остановить развитіе этого зла; что, признавая невозможность вырвать его разомъ, оно ничего не упускаетъ изъ виду, чтобы дать умамъ болѣе благопріятное направленіе относительно подержанія общественнаго благосостоянія, а порядокъ вещей поставить въ такое положеніе, которое можно бы измѣнять съ извѣстною осторожностью; такъ что, не домогаясь роли созидателя, оно довольствуется ролью возстановителя, которая гораздо труднѣе, особенно въ настоящее время... Сообразно съ этимъ мы видимъ во всѣхъ дѣйствіяхъ правительства твердое намѣреніе привести

заблуждающихся къ порядку всѣми строгими, но отнюдь не насильственными мѣрами, которыя власть можетъ примѣнить съ успѣхомъ, чтобы указать людямъ и вещамъ ихъ мѣсто. Можно, конечно, не безъ основанія сказать, что всѣ наши бѣдствія вышли изъ источника всѣхъ бѣдъ; но утверждать, что въ глубинѣ всего этого не лежитъ надежды,—значило бы грѣшить противъ очевидности. Поэтому нельзя не хвалить стараніе правительства исправить судопроизводство, финансы и полицію. Мы находимъ подготовительныя мѣры къ достиженію этой цѣли въ различныхъ собственноручныхъ резолюціяхъ монарха. Эти указы даютъ истинное мѣрило намѣреній и дѣйствій правительства, которыя заставляютъ предполагать спокойствіе въ будущемъ.

28-го іюля 1826 г.

Г. Эртель, переведшій на нѣмецкій языкъ по Высочайшему повелѣнію докладъ слѣдственной комиссіи, желалъ бы приложить къ своей книжкѣ переводъ высочайшаго манифеста и докладъ верховнаго суда. Такъ какъ переводъ этотъ появился уже въ нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ С.-Петербургской Академіей, то по этому поводу не можетъ быть, повидимому, никакихъ затрудненій. Наши подлежація власти раздѣляютъ это мнѣніе, но, не смотря на это, отказываются дать официальное разрѣшеніе перепечатать эти документы и отсылаютъ другъ къ другу прошеніе г. Эртеля.

Такъ какъ г. Эртель предполагаетъ послать нѣсколько сотъ экземпляровъ своего перевода за границу, то было бы, я думаю желательно, чтобы онъ присоединилъ къ нимъ переводъ послѣднихъ правительственныхъ актовъ какъ для того, чтобы дополнить рассказъ объ этомъ событіи, такъ и съ тѣмъ, чтобы предупредить ошибочное толкованіе ихъ. Не найдете ли, в. пр., возможнымъ доложить объ этомъ Его Величеству и сообщить мнѣ мнѣніе государя по этому поводу.

Вотъ нѣсколько общихъ замѣчаній, собранныхъ въ различныхъ кружкахъ.

„Нѣтъ ничего вѣрнѣе одного мѣста въ послѣднемъ манифестѣ 14-го іюня, гдѣ говорится о томъ, какъ тяжело нести бремя русскаго вѣнца. Дѣйствительно, невозможно найти въ исторіи при-

мѣра такой продолжительности бѣдствій и слѣдующихъ, одно за другимъ, потрясеній, какой представляютъ событія, совершившіяся на нашихъ глазахъ. Сколько надо настойчивости и терпѣнія, чтобы, при подобныхъ обстоятельствахъ, не сойти съ предначертаннаго пути, и какое обширное поле представляется передъ законодателемъ и преобразователемъ, задумавшимъ измѣнить старый порядокъ вещей,—не только полный недостатокъ, но и совершенно несомѣстимый съ обычаями и нуждами народовъ, подвластныхъ русскому скипетру. Сколько потребуется стараній и трудовъ, чтобы пожертвовать старыми, укоренившимися формами и сдѣлать людей способными всегда быть тамъ, куда ихъ призываетъ общественная польза. И все это приходится передѣлывать при такомъ порядкѣ вещей, когда господство личнаго интереса до того сильно, что самыя непреложныя истины кажутся парадоксами. Конечно, не самъ покойный императоръ, а графъ Аракчеевъ произвелъ всю эту неурядицу своимъ управленіемъ, полнымъ произвола и, въ особенности, своимъ непомѣрнымъ честолюбіемъ и желаніемъ казаться человѣкомъ всеобъемлющаго ума, тогда какъ фактически уже доказано, что Пукаловъ и Марченко заготовляли работы, которыя онъ выдавалъ за свои... Известно также, что въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, мнѣніе Аракчеева, одобренное государемъ, всегда брало верхъ; заявленія же почти всѣхъ остальныхъ членовъ совѣта оставались безъ вниманія.—Вообще, дѣйствія прошлаго времени съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняются и скоро пріобрѣтутъ такую гласность, что нельзя будетъ запретить обиженнымъ громко заявлять свои жалобы. Говорятъ, что нѣкоторые думаютъ написать исторію времени съ 1801 по 1826 годъ и издать это сочиненіе заграницею.

29-го іюля 1826 г.

Вотъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній.

Удовлетворить всѣхъ—невозможно. Осужденные и ихъ семейства испытываютъ на себѣ дѣйствіе кроткихъ мѣръ, принятыхъ, въ настоящее время, правительствомъ относительно предстоящаго имъ путешествія (въ Сибирь). Можно положительно сказать, что большинство изъ нихъ не выдержало бы трудностей пути и не добралось бы до мѣста назначенія, еслибы съ ними поступали со всею стро-

гостью законовъ. Многіе осуждаютъ это снисхожденіе, такъ какъ, говорятъ, „оно никогда не проявляется въ отношеніи людей „простыхъ, хотя и менѣе виновныхъ, чѣмъ заговорщики. Нѣтъ „никакого основанія быть снисходительнымъ къ этимъ послѣд- „нимъ, объясняя это снисхожденіе уваженіемъ къ тому положе- „нію, какое они занимали въ свѣтѣ, и къ тѣмъ семьямъ, къ ко- „торымъ они принадлежатъ по рожденію: связи человѣка, осуж- „деннаго на гражданскую смерть,—навсегда порваны и онъ дол- „женъ до конца испытать справедливо заслуженную имъ чашу „позора“.—Надо было, конечно, ожидать этихъ толковъ, за не- „имѣніемъ другой темы для разговоровъ, но, все-же, не слѣдуетъ „говорить объ этомъ людямъ, близко стоящимъ къ семействамъ „осужденныхъ, а, между тѣмъ, многіе изъ нихъ высказывали по- „добныя мнѣнія.

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ объ учрежденіи III-го отдѣленія канцеляріи Его Императорскаго Величества также слу- житъ матеріаломъ для разговоровъ. Одни говорятъ: „вотъ кон- троль для городской и сельской полиціи. Хорошо, если бы онъ простирался также на дѣйствія, поведеніе и нравы всѣхъ лицъ, на которыхъ возложена исполнительная часть управленія, такъ какъ тамъ-то и гнѣздится настоящее зло. Средство хорошо при- думано и произведетъ эффектъ, лишь бы органы высшей поли- ціи, т. е. тузы, были выбираемы изъ очень ограниченного кружка порядочныхъ людей; въ противномъ случаѣ лекарство окажется хуже болѣзни, такъ какъ вмѣсто одной дурной полиціи, — ихъ будетъ двѣ, а это непременно случится, какъ только органы выс- шаго надзора перестанутъ составлять отдѣльную категорію, при- надлежа къ которой они могутъ исправлять и играть роль учи- телей. Но такъ какъ хорошій примѣръ — самый лучший способъ воспитанія, то необходимо, чтобы они вели безукоризненный об- разъ жизни, и чтобы всѣ лица, состоящія на службѣ въ высшей полиціи, никогда не выходили изъ круга своихъ обязанностей“.

Всѣ, принадлежащія къ партіи недовольныхъ, разсуждаютъ объ этомъ иначе. „Опытъ доказалъ намъ, — говорятъ они, — что почти всѣ преобразовательныя мѣры производили, до сихъ поръ, только впечатлѣніе ракетнаго букета. Хотятъ исправлять! но по- думали ли о томъ, что это значитъ чистить авгіевы конюшни; что надо начать съ того, чѣмъ кончать, — дать обеспеченное по-

ложеніе чиновникамъ и упростить судопроизводство. Но такъ какъ правительство не имѣетъ въ своемъ распоряженіи ни денежныхъ, ни моральныхъ средствъ, чтобы достигнуть этого двойнаго результата, то и всякое исправленіе становится, если не совершенно невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма труднымъ... Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что вражда установится прежде всего между новыми и старыми блюстителями порядка и затѣмъ между этими послѣдними и лицами, подчиненными ихъ надзору. Какъ же станетъ дѣйствовать правительство, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ, чтобы предупредить и предотвратить неизбежную реакцію? Это вопросъ чрезвычайной важности". Надо прибавить, что люди благоразумные точно сговорились, чтобы превознести благотворное направленіе правительства, которое, вообще, возбуждаетъ большое довѣріе. Лучшимъ доказательствомъ этому служить ярость фрондеровъ.

30-го іюля 1826 г.

Имѣю честь представить при семъ вашему превосходительству только-что полученную мною отъ г. Гофмана записку. Въ ней нѣтъ ничего особеннаго, за исключеніемъ перваго замѣчанія о томъ, что общество желаетъ упраздненія адресной конторы ¹⁾. Дѣйствительно, это общее и сильное желаніе всѣхъ классовъ населенія столицы. Если бы при коронаціи государь соблаговолилъ положить конецъ существованію этого учрежденія, заставляющаго столь многихъ стонать, — то это произвело бы огромное впечатлѣніе въ пользу правительства.

Вчера былъ у меня князь Мещерскій и умолялъ напомнить вамъ о дѣлахъ, которыми долженъ заняться образованный, по высочайшему повелѣнію, комитетъ для улучшенія быта безпомощныхъ отставныхъ чиновниковъ. Князь полагаетъ, что объявленіе, во всеобщее свѣдѣніе, объ открытіи комитета и предоставленныхъ ему правахъ произведетъ гораздо большее впечатлѣніе на умы, если это будетъ сдѣлано при коронаціи. Онъ желаетъ быть вызваннымъ въ Москву.

¹⁾ Слова, напечатанныя разрядкою, въ подлинникѣ подчеркнуты карандашомъ. Ред.

Наша зараженная молодежь требуетъ бдительнаго и постояннаго надзора. Я попалъ на слѣдъ нѣсколькихъ дурныхъ сборищъ, о которыхъ поговорю въ слѣдующемъ письмѣ.

31-го іюля 1826 г.

Представляю вашему превосходительству еще нѣсколько общихъ замѣчаній, собранныхъ въ разныхъ кружкахъ. Если замѣчанія эти и не заслуживаютъ особеннаго вниманія, — все-же онѣ могутъ дать понятіе о настроеніи умовъ.

„Когда занимаешь извѣстное общественное положеніе и считаешь себя хорошимъ патріотомъ — слишкомъ мало только воздерживаться отъ зла. Если дѣйствія человѣка не особенно дурны, если онъ не оказывается негодяемъ, не дѣлаетъ явнаго вреда своему ближнему, не посягаетъ на его безопасность и не покушается на нарушеніе общественнаго порядка, — онъ воображаетъ, что выполняетъ свою обязанность и то назначеніе, къ которому призванъ, какъ членъ великаго политическаго тѣла — государства. Но пусть онъ разочаруется! Добродѣтели его чисто отрицательныя. Правда, у него нѣтъ недостатка и въ положительныхъ, но, зато, не хватаетъ желанія развить ихъ, и потому зло совершается, такъ какъ онъ не сдѣлалъ всего того добра, на какое былъ способенъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, когда отсутствіе дѣятельности со стороны людей, могущихъ быть хорошими слугами государству — поистинѣ большое зло, — мы видимъ массу личностей, которыя или держатся въ сторонѣ и прячутся за ширмы, какъ бы желая оправдать поговорку г. Балашева: „посмотримъ, чтѣ-то будетъ!“ или же говорятъ: „предоставимъ дѣламъ идти своимъ путемъ, а когда плоды созрѣютъ, — мы явимся собирать ихъ“. Но вѣдь иногда налетаетъ ураганъ и срываетъ плоды раньше ихъ зрѣлости! Эта истина, до-того всѣмъ знакомая, что стала даже избитою, и, все-таки, слишкомъ часто приходится повторять ее“.

„Безъ содѣйствія самихъ управляемыхъ, правительство не въ состояніи творить все то добро, какое бы желало сдѣлать. Объ этомъ содѣйствіи говорится во всѣхъ обнародованныхъ актахъ правительства, и потому люди, пользующіеся всѣми привилегіями происхожденія, богатства и ума, и не употребляющіе всѣхъ этихъ средствъ на пользу общественнаго блага, — болѣе ви-

новны, чѣмъ злоумышленники. Они тѣмъ болѣе достойны порицанія, что обращенное къ нимъ воззваніе правительства, сдѣланное въ послѣднемъ манифестѣ, не допускаетъ возможности извиненія незнаніемъ намѣреній правительства“.

“Другое затрудненіе, встрѣчаемое до сихъ поръ правительствомъ, — разладъ между административными властями, — нынѣ устранено, но этого недостаточно: необходимо еще повести дѣло такъ, чтобы власти эти помогали другъ другу, — помогали искренно, безъ задней мысли, съ полнымъ желаніемъ приносить пользу. Когда это будетъ достигнуто, — правительство увидитъ передъ собой ровный и широкій путь, будетъ имѣть возможность идти быстрыми шагами на пути преобразованій, такъ что людямъ злонамѣреннымъ нельзя уже будетъ скрыться отъ вниманія дѣятельнаго, хотя и мало стѣсняющаго надзора: въ такомъ сосудѣ, въ которомъ дно совершенно спокойно, — подобныя личности неминуемо всплывутъ на поверхность, и тогда — ничего не можетъ быть легче, какъ замѣтить ихъ и схватить“.

Остается поговорить еще объ одномъ предметѣ, который въ дѣлѣ хорошаго управленія при обстоятельствахъ, подобныхъ настоящимъ, имѣетъ также не маловажное значеніе, — а именно: приискать способъ обнаруживать истину при помощи надлежащимъ образомъ направленныхъ поисковъ. При этомъ является мысль объ учрежденіи цензурнаго суда (*tribunal de censure*), назначеніемъ котораго было бы опредѣленіе причины и свойства существующихъ злоупотребленій и указаніе какъ на недугъ, такъ и на средство, необходимое для излеченія больнаго. Надо сознаться, что задача составленія этого суда и опредѣленія сферы его дѣйствій — не легка; но, все-же, дѣло это не невозможно и было бы весьма полезно, именно, вотъ почему. Въ настоящую минуту государю предстоитъ тройной трудъ: онъ долженъ преобразовывать, управлять и, въ то же время, начертывать планъ будущихъ дѣйствій. Послѣднія двѣ обязанности совершенно наполняютъ всю рамку человѣческой дѣятельности. Поэтому, чтобы не терять времени, столь дорого стоющаго, въ завѣдываніи административными дѣлами, правительству было бы необходимо имѣть пособниковъ честныхъ и трудящихся, обязанныхъ, исключительно, открывать злоупотребленія, которыя должны быть немедленно обуздываемы; въ противномъ случаѣ, самыя лучшія намѣренія,

всѣ полезнѣйшія учрежденія, — все это разобьется о подводныя камни Содомскаго озера, гдѣ гнѣздятся бюрократія, личный интересъ, злая воля и цѣлая ватага неразлучныхъ съ ними золь.

3-го августа 1826 г.

Купеческое сословіе проникнуто энтузіазмомъ къ настоящему правительству. Считаю обязанностью упомянуть о нѣсколькихъ дошедшихъ до меня замѣчаніяхъ, высказанныхъ негоціантами относительно положенія нашей финансовой части.

„Почему финансы наши такъ плохи? Потому, что послѣ 1807 года запрягли воловъ позади телѣги“.

„Въ Россіи, гдѣ много земель и сырыхъ продуктовъ, но вовсе нѣтъ рабочихъ рувъ, промышленность не можетъ процвѣтать съ такимъ же успѣхомъ, какъ въ Англіи, и потому тотъ, у кого есть деньги, всегда будетъ законодателемъ въ торговлѣ. Иностраннѣй купецъ рассчитываетъ на взаимный обмѣнъ произведеній. Онъ не станетъ покупать наши земледѣльческія произведенія, если у него отнимутъ возможность сбывать намъ свои товары. Но это сдѣлали, и потому англичане большую часть необходимыхъ для нихъ сырыхъ произведеній стараются извлекать изъ Америки и Швеціи. Въ другихъ государствахъ промышленность развивается чрезвычайно быстро, при помощи частныхъ предпріятій на акціяхъ, которыя правительствомъ привилегируются и покровительствуются всѣми возможными средствами; у насъ же онѣ задержаны какъ въ принципѣ, такъ и въ развитіи. Имѣть дѣло съ правительствомъ — положеніе очень непріятное: оно никогда не поражаетъ безслѣдно. Вотъ почему все въ застоѣ, и большинство чиновниковъ, эгоистовъ въ высшей степени, столько же заботится о пользѣ государства, какъ и о китайскихъ дѣлахъ. Покойнаго императора старались ослѣпить проектами объ улучшеніи финансовъ; но улучшеніе это существовало только на бумагѣ, между тѣмъ какъ злоупотребленія шли своею дорогою, и такимъ образомъ финансы государства разстраивались все болѣе и болѣе“.

5-го августа 1826 г.

Вмѣсто того, чтобы совершенно смолгнуть, — какъ слѣдовало бы ожидать, — слухи о событіяхъ, случившихся, будто-бы, недавно въ Москвѣ, продолжаютъ ходить по городу и увеличиваются въ своихъ размѣрахъ.

Слухи, распускаемые, по большей части, придворною челядью и лицами, окружающими графиню Ливень, одни смѣшны и нелѣпы другіхъ. Этимъ вѣстовщикамъ ничего, на примѣръ, не стоитъ убить солдата, переодѣтаго въ платье великаго князя Михаила; уморить прусскаго короля; заставить выкинуть царствующую императрицу и, наконецъ, отрѣшиться отъ всѣхъ должностей великаго князя Константина и выпроводить его совсѣмъ за границу. Къ этому надо прибавить, что лица, служащія при г. Кутузовѣ, выказали удивленіе, не получивъ, съ курьеромъ, отправленнымъ изъ Москвы 29-го числа прошлаго мѣсяца, положительныхъ извѣстій о днѣ коронаціи. Рассказываютъ также, что митрополитъ получилъ, черезъ статсъ-секретаря Муравьева, очень сухой отвѣтъ на письмо свое къ его императорскому величеству, съ заявленіемъ, что, по уставамъ церкви, коронація можетъ быть совершена только въ воскресенье.

Настроеніе умовъ въ среднемъ и низшемъ классахъ населенія такого рода, что устраняетъ всякія опасенія. Офицеры и войска, вообще, не представляютъ повода къ сомнѣнію. Всѣ донесенія подтверждаютъ, что войско искренно предано особѣ государя. Молодыми сумасбродами изъ военныхъ прошлое царствование порицается съ горечью; въ разговорахъ по этому предмету часто замѣчаются выраженія неприличныя и полныя ненависти. — Предположенія и сужденія о лицахъ и дѣлахъ, а также и о задуманныхъ перемѣнахъ — различны. Каждый разсуждаетъ по-своему и всѣ жаждутъ наступленія серебрянаго вѣка.

Прежнія преимущества и права сената, также какъ и законы, говорятъ, устарѣли и отжили свой вѣкъ; тѣ изъ нихъ, которыя примѣнены къ государственному совѣту, не соотвѣтствуютъ тому порядку, возстановленіе котораго необходимо для обезпеченія успѣха предположенныхъ преобразованій. Лучше было бы слѣдовать старому плану, имѣвшему цѣлью учредить два сената: одинъ — чисто направляющій и охранительный, а другой — судебный, и присвоить первому изъ нихъ всѣ преимущества государственнаго совѣта. — Въ такомъ случаѣ, возражаютъ нѣкоторые, лучше было бы, вмѣсто государственнаго совѣта, имѣть кабинетъ государя, на подобіе того, какой существовалъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, полученнымъ до сихъ поръ, о происхо-

дащихъ у Мордвинова сборищахъ оказывается, что онъ и его сподвижники не болѣе, какъ повѣсы, собирающіеся съ единственною цѣлью устраивать оргіи. Я слѣжу за ними очень зорко. Нѣсколько дней сряду Мордвиновъ только и дѣлалъ, что бѣгалъ за публичными женщинами, доходя до проститутокъ самаго низкаго сорта. Молодой Замятинъ, вызвавшійся посѣщать эти собранія, никакъ не могъ застать его дома.

Доставленные нѣкоторыми лицами свѣдѣнія даютъ о Владимірѣ Шишковѣ самое неблагопріятное понятіе относительно того, что составляетъ характеръ полезнаго и благонамѣреннаго чловека. Образъ его мыслей и его нравственность также, говорятъ, достойны сильнаго порицанія, и надо удивляться тому, что такой уважаемый чловекъ, какъ адмиралъ Шишковъ, терпитъ около себя подобную личность. Этотъ молодой чловекъ считаетъ себя умнымъ, такъ какъ перевелъ „Освобожденный Іерусалимъ“ Тасса.

6 августа 1826 г.

Имѣю честь представить вашему превосходительству résumé нѣсколькихъ замѣчаній, сдѣланныхъ въ аристократическихъ кружкахъ.

„Старый Пуцинъ, генераль-интендантъ флота, семидесятилѣтній старецъ, болѣе полувѣка состоитъ на службѣ. Жена его уже 20 лѣтъ находится въ состояніи умопомѣшательства; изъ одиннадцати чловековъ дѣтей, двое умерли гражданскою смертію, а остальные должны потерять все свое состояніе, потому что этого желаетъ начальникъ штаба морскаго вѣдомства Моллеръ, счумѣвшій такъ представить дѣло, что Пуцинъ, который, за учрежденіемъ министерства, ни за что не можетъ уже отвѣчать, такъ какъ только исполняетъ предписанія этого министерства, — долженъ выносить на себя всю отвѣтственность по счетной части. Тотъ же Моллеръ не допускаетъ, чтобы жалобы Пуцина доходили до Государя, такъ что бѣдный старикъ находится въ ужаснѣйшемъ положеніи. Не смотря, однако, на это, ничего не сдѣлано, чтобы успокоить его, хотя одинъ изъ сыновей его и оказался виновнымъ только въ томъ, что, зная объ умыслѣ заговорщиковъ, не донесъ объ этомъ. Старикъ въ отчаяніи. Недавно онъ

подавъ государю третье прошеніе, изложивъ въ немъ самые убѣдительные доводы въ доказательство тому, что не имѣютъ права дѣлать его состояніе отвѣтственнымъ за недочеты по морскому министерству“.

„Лучшій пробный камень честности и безкорыстія министровъ—сравненіе финансоваго ихъ положенія до вступленія въ управленіе министерствомъ, и при выходѣ изъ онаго. Дмитріевъ, оставивъ министерство, не имѣлъ средствъ выѣхать отсюда въ Москву, тогда какъ Гурьевъ и многіе другіе составили себѣ колоссальныя богатства“.

„Въ предшествовавшее царствованіе было сдѣлано все, чтобы умалить права государя, какъ самодержца. Ему ли говорить въ его указахъ: „ознакомившись съ мнѣніемъ государственнаго совѣта (après avoir pris connaissance de l'opinion du conseil d'état), мы повелѣли и повелѣваемъ“! Не слѣдуетъ приучать нашъ слухъ къ такому тону; не надо государственнаго совѣта, или посредника между неограниченнымъ главой государства и его народомъ; не нужно, наконецъ, конституціонныхъ формъ правленія, разъ, что власть должна быть нераздѣльна. Повидимому, государь также сознаетъ эту истину, и очень вѣроятно, что онъ преобразуетъ государственный совѣтъ въ новый правительствующій сенатъ или, лучше сказать, дастъ этому послѣднему его прежнія права, такъ что онъ одинъ будетъ издавать законы, и мы не увидимъ болѣе постановленій, появляющихся подъ различными формами. Произволу министровъ будетъ положенъ конецъ, такъ какъ они должны будутъ представлять въ сенатъ отчеты и отвѣчать передъ нимъ за свои дѣйствія“.

„Мысль объ учрежденіи консультации оберъ-прокуроровъ — мысль несчастная и вредная для тяжущихся. Во-первыхъ, прибавляется еще одна инстанція, которыхъ у насъ и безъ того довольно; а, во-вторыхъ,—это оружіе въ рукахъ министра, благопріятствующее произволу и личному интересу“.

„Перенеся нашъ взглядъ на финансы,—мы видимъ Гурьева, отмѣняющаго винныя откупа, чтобы дать блестящее положеніе вице-губернаторамъ; употребляющаго противныя здравому смыслу мѣры, убившія торговлю и національную промышленность; собирающаго, съ жестокостью, общественныя подати и увеличивающаго ихъ, употребляя государственные доходы на приобрѣтеніе земель и умно-

женіе, такимъ образомъ, государственныхъ имуществъ на счетъ дворянства. Можно-ли, послѣ этого, спрашивать—гдѣ и въ чемъ причина недовольства? Слѣдуетъ только удивляться, что недовольство это не пустило еще болѣе глубокихъ корней, и что взрывъ не былъ болѣе силенъ, такъ какъ все было сдѣлано для установленія конституціоннаго правительства, которое было бы могилой народнаго благосостоянія“.

„Права дворянства нарушаются то прямо, то косвенно, а налоги, извѣстные подъ именемъ земскихъ повинностей, поистинѣ раззорительны. Употребленіе, дѣлаемое изъ этихъ налоговъ, совершенно незаконно, и пора бы опредѣлить для нихъ положительную норму, такъ какъ въ настоящее время размѣры ихъ находятся въ зависимости отъ произвола губернаторовъ“.

9 августа 1826 г.

Слухъ о сборищахъ вдовы Рылѣвой, о которомъ я упоминалъ въ предшествовавшихъ моихъ письмахъ¹⁾, вызванъ былъ слѣдующимъ фактомъ, удостовѣряемымъ официальнымъ донесеніемъ по сему предмету. Г-жа Малютина, узнавъ, что вдова Рылѣва уѣзжаетъ въ Пензу, обратилась къ военному губернатору съ просьбой о возвращеніи ей бумагъ, касающихся опеки ея дѣтей, опекуномъ которыхъ былъ покойный Рылѣвъ. Вслѣдствіе этого, полицейскій офицеръ, въ сопровожденіи повѣреннаго Малютиной, коллежскаго ассесора Сутгова, отправился къ Рылѣвой за означенными бумагами. Это-то обстоятельство и подало поводъ говорить о сборищахъ. Старая корга Миглашева, вовлекшая въ несчастіе нѣкоего Жандра, своимъ змѣинымъ языкомъ распускала эти слухи.

Между дамами, двѣ самыя непримиримыя и всегда готовые разрывать на части правительство,—княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Ихъ частные кружки служатъ средоточіемъ для всѣхъ недовольныхъ, и нѣтъ брани злѣе той, какую онѣ извергаютъ на правительство и его слугъ.

Вотъ эпиграмма на князя Куракина, повторяемая во всѣхъ

¹⁾ Вѣроятно въ письмахъ отъ 7 или 8 августа, которыхъ въ имѣющемся въ нашемъ распоряженіи собраніи не оказалось. Ред.

обществахъ и возбуждающая общій смѣхъ, такъ какъ даетъ поводъ къ безконечнымъ коментаріямъ:

„Великъ и славенъ былъ
Куракинъ въ жизни сей!
И подданныхъ морилъ,
И погребалъ царей“.

Хочу прибавить нѣсколько общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ реформаторами, число которыхъ все увеличивается, хотя, въ большей части случаевъ, они люди весьма благонамѣренные.

„Было бы необходимо установить большее единство во всемъ, что касается исполнительной части. Такимъ образомъ, не ограничивая привилегій, которыми пользуются нѣкоторые изъ присоединенныхъ къ Имперіи провинцій, можно было бы принять за правило, чтобы всѣ правительственныя распоряженія исполнялись повсюду во всемъ ихъ объемѣ. Но, главное, — необходимо изгнать всякую идею о конституціонномъ правленіи, для чего лучше всего было бы возвращаться, мало-по-малу, къ прежнему порядку вещей. Не лишнимъ было бы также позволить и даже внушить журналистамъ, чтобы они писали объ этомъ предметѣ, выставляя его съ хорошей стороны. Затѣмъ, вѣрное средство парализовать усилія нововодителей, это — сдѣлать ихъ смѣшными; тогда они не могутъ уже имѣть никакого вліянія на умы, слишкомъ жадные ко всякой новинкѣ“.

Полиція рѣшилась, наконецъ, арестовать нѣкоего Горецкаго, за которымъ мы слѣдили уже нѣсколько мѣсяцевъ. Этотъ человекъ проживалъ здѣсь болѣе шести лѣтъ безъ всякаго паспорта или какого либо иного вида, и надняхъ собирался бѣжать. Полиція нашла также необходимымъ обратить вниманіе на Мордвинова, который долженъ быть высланъ отсюда сегодня или завтра.

10 августа 1826 г.

Я долженъ поговорить съ вашимъ превосходительствомъ объ одномъ обстоятельстве, настолько же нелѣпомъ, какъ и неприятномъ во многихъ отношеніяхъ.

Полиція отдала приказаніе слѣдить за моими дѣйствіями и за дѣйствіями органовъ надзора. Полицейскіе чиновники, переодѣтые во фраки, бродятъ около маленькаго домика, занимаемаго мною,

и наблюдаютъ за тѣми, кто ко мнѣ приходитъ. Положимъ, что мои дѣйствія не боятся дневнаго свѣта, но изъ этого вытекаетъ большое зло: Надзоръ, дѣлаясь самъ предметомъ надзора, вопреки всякому смыслу и справедливости¹⁾, — непременно долженъ потерять въ томъ уваженіи, какое ему обязаны оказывать въ интересѣ успѣха его дѣйствій.

Употребляемые полиціей сыщики разглашаютъ дѣло, и имъ это не запрещается. Я предупредилъ объ этомъ г. Дершау, но онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ. Можно контролировать мои дѣйствія, — я ничего противъ этого не имѣю, даже былъ бы готовъ одобрить это, — но посылать подсматривать за мною и за навѣщающими меня лицами, такихъ болвановъ, на которыхъ всѣ уличные мальчишки указываютъ пальцами, — это слишкомъ ужъ непослѣдовательно, чтобы не сказать болѣе.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что Фогель и его сподвижники составляютъ и ежедневно представляютъ военному губернатору рапортчики о томъ, что дѣлаютъ и говорятъ нѣкоторые изъ моихъ агентовъ. Это, положимъ, въ порядкѣ вещей; но смѣю надѣяться, что экспромтамъ этимъ не прежде повѣрятъ, какъ убѣдившись, сначала, въ ихъ справедливости. Тяжелый опытъ сдѣлалъ меня, быть можетъ, слишкомъ осторожнымъ, — но я долженъ быть такимъ для пользы дѣла.

Вотъ еще нѣсколько замѣчаній, сдѣланныхъ въ разныхъ кружкахъ, и которыя могутъ служить оправданіемъ моихъ опасеній.

„Государь въ особенности заявилъ себя противъ всякихъ двусмысленныхъ или извилистыхъ дѣйствій; это фактъ, хорошо извѣстный; между тѣмъ встрѣчаются люди, пытающіеся противиться развитію полезныхъ мѣръ, которыя должны содѣйствовать къ улучшенію порядка управленія и къ устройству его на прочныхъ основаніяхъ. Самое большое зло, представляющееся правительству, — это — эгоизмъ должностныхъ лицъ и жажда всюду первенствовать. Они не могли бы, конечно, достигнуть этой цѣли, если бы не имѣли своихъ приверженцевъ, которые стараются составить себѣ

¹⁾ Слова, напечатанныя съ разрядкой, подчеркнуты карандашомъ, и противъ нихъ, на поляхъ, написано, карандашомъ же, рукою генер. Бенъен-дорфа: надо бы узнать, — самъ ли Фогель это сдѣлалъ, или по приказанію.

карьеру, въ ущербъ общественному дѣлу. Начальники не смѣютъ прямо задѣвать ихъ, не желая ослабить свою партію, и потому, замѣчая зло, все-таки, терпятъ его изъ личныхъ видовъ.

„Личный составъ чиновниковъ долженъ быть избранъ изъ людей ненуждающихся, которые могли бы посвятить себя служенію общественному дѣлу. Увеличеніе издержекъ на содержаніе Двора повлечетъ за собою большіе расходы и поставитъ правительство въ затруднительное положеніе. Надо создать источники умноженія доходовъ!.. Увеличить налоги—это средство, къ которому не слѣдуетъ, да и не пожелаютъ обращаться, поэтому придется наверстывать экономію въ расходахъ. Уменьшеніе военныхъ силъ, съ одной стороны, и повышеніе цѣнности бумажныхъ денегъ, съ другой, — представляются двумя необходимыми мѣрами для достиженія предполагаемой цѣли, хотя привести въ исполненіе эти мѣры будетъ нелегко. Увольненіе во временные отпуски части нижнихъ чиновъ, конечно, сдѣлаетъ экономію въ бюджетѣ расходовъ по содержанію арміи; но что дѣлать съ массой офицеровъ, которые останутся безъ всякаго дѣла? Опредѣлить ихъ на гражданскія должности? Но многіе изъ нихъ вовсе не подготовлены къ подобнаго рода дѣятельности. Между тѣмъ, весьма важно дать имъ опредѣленные занятія, чтобы не создать толпу тунеядцевъ, эту общественную заразу во всякое время, а тѣмъ болѣе при настоящихъ обстоятельствахъ, когда всякій разсуждаетъ, когда всѣ, даже воспитанники учебныхъ заведеній, — считаютъ себя призванными обсуждать общественныя дѣла...“

Примите увѣренія и проч. Фокъ.

ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ ¹⁾:

53. Знаю ²⁾. Моя душа бездѣльная.

Вѣдаю. Ты знаешь, что я весь твой.

Правда. И у меня только ты одна.

Безъ сомнѣнія. Я по смерть тебя вѣренъ, и интересы твои мнѣ нужны. Вѣрю.

Какъ по сей причинѣ, такъ и по своему желанію, мнѣ всего пріятнѣй твоя служба. [Давно доказано] и употребленіе ранѣе моихъ способностей, сдѣлавъ что ни ему для меня (Съ радостію. Чего?), право не раскайся, а увидишь пользу. (Душой рада да тѣла. Яснѣе скажи).

54. Владыко и cher éroux! Я зачну отвѣтъ съ той строки, которая болѣе меня трогаетъ, кто велитъ плакать? Для чего болѣе дать волю воображенію живому нежели доказательствамъ, благолюющимъ въ пользу твоей жены; два года назадъ была ли она къ тебѣ привязана святейшими узами? Голубчикъ изволишь суппонировать невозможное, на меня шлешься, перемѣняла ли я гласъ, можешь ли быть не любимъ; вѣрь моимъ словамъ, люблю тебя и привязана къ тебѣ всѣми узами; теперь самъ сличай: два года назадъ были ли мои слова и дѣйствія въ твою пользу сильнѣе, нежели теперь.

55.За ласку тебѣ спасибо, я сама ласкова же. Adieu mon bijou, je vous aime de tout mon coeur.

56. Батя, ректоръ Академіи будетъ нареченъ по твоей просьбѣ. За апельсины и картины спасибо; что Осиновая роща нравится—тому радуюсь, ибо Азъ избрахомъ для тебя сіе мѣсто, веселися ей нынѣ и на сто лѣтъ. Прощай. Будь здоровъ еще я. Savez vous mon ami tout ce que j'écris depuis trois jours cela sent la poesie. Allez à (слово не разобрано) et revenez chez nous gai comme un pinçon. (Зябликъ, веселая птичка).

57. ...Что тебя увижу послѣ обѣда, тому радуюсь за ранѣе; дай Боже, чтобъ вы были здоровы. Прощай милая душа, а я не грущу. Savez vous bien que cette lettre fait la parodie de la votre, я точно держалась вашего слога. Adieu mon beau faisan d'or. Je suis votre servante.

¹⁾ См. «Рус. Ст.» изд. 1881 г., т. XXXI, июль.

²⁾ Подчеркнутыя слова писаны женскимъ почеркомъ — это отвѣты на слова написанныя Григор. Александровичемъ Потемкинымъ; всѣ остальные записочки писаны женскимъ почеркомъ.

58.По пригазанію твоему сегодня наряжусь въ прахъ pour vous plaire mon coeur.

60. Милая милочка Гришненька здравствуй, что Пр. Ал. про меня скажетъ? она скажетъ, что я безъ ума и безъ памяти, а про тебя, ну братъ самъ знаешь, что она скажетъ, угадать не буду, не вѣдаю, не знаю, опасуюсь, трушу, она скажетъ, она скажетъ, что бишь она скажетъ? Она скажетъ, и онъ ее любить, чего же больше? Полно. Не уже м: что о сихъ строкахъ разворчишься, погляди хорошенько, разгляди, откуда простекаютъ? Не за чѣмъ сердиться, только нѣтъ, пора перестать тебѣ дать увѣренія, ты долженъ уже быть пре пре пре увѣренъ, что я тебя люблю; вотъ и вся скаска тутъ, а скаски нынѣ не суть скаски, а нынѣ скаски просто, разстрои ты умъ мой, какъ это дурно быть съ умомъ безъ ума! Я хочу, чтобъ ты меня любишь, я хочу тебѣ казаться любезною, окромѣ безумства и слабости крайней тебѣ не кажу, фуй какъ это дурно любить чрезвычайно; знаешь это болѣзнь, я больна, только за аптекаремъ не пошлю и долгихъ писемъ не напишу; хочешь, я сдѣлаю тебѣ экстрактъ изъ сей страницы въ двухъ трехъ словахъ и все прочее вымараю, а вотъ онъ:

Я тебя люблю.

61. Un jour mon cher ami, je vous aime de tout mon coeur.

62. Гришненька знаешь ли ты, вѣдь тебѣ цѣны нѣту, только, пожалуй, пришли сказать, каковъ ты послѣ мысленки?

63. Здравствуй голубчикъ, все ли въ добромъ здоровьѣ, я здорова и тебя чрезвычайно люблю.

64. Гришненька другъ мой, когда захочешь, чтобъ я пришла, пришли сказать, а между тѣмъ я съла читать газеты.

65. Нынѣ вѣдь не апрѣль первое число, что прислать бумагу и въ ней написать ничего, знатно сіе есть слѣдствіе вашего сновидѣнія, чтобъ лишнею ласкою не избаловать; но какъ я лукавству худо выучилась, то статья можетъ, что иногда и я не догадаюсь, что безмолвствіе значитъ, но какъ бы то ни было, какъ я ласкова, то отъ васъ зависитъ платить намъ неравною монетою Гауръ, Московъ, Козакъ, Янцой Пугачевъ, Индѣйской дѣтухъ, Павлинь, Коть заморской, фазанъ золотой, тигръ, левъ въ тростникъ.

66. Душечка я мучусь духомъ и тѣломъ, что согрѣшила глупымъ и немѣстнымъ ворчаньемъ противу твоей и моей ласки; умру, будѣ въ чемъ перемѣнишь поступокъ милой другъ, нѣжный мужъ, презри великодушно глупости спящаго ума и тѣла.

67. Мамурка, здоровъ ли ты, я здорова и очень очень тебя люблю.

68. Гришинея здравствуй, хотя что ни говори, но люблю тебя чрезвычайно.

69. Батинья не смѣю приходить, что поздно, а люблю тебя какъ душу.

71. Милой другъ я не знаю, почему мнѣ кажется, будто я у тебя сегодня подъ гнѣвомъ? буде пѣту и я ошибаюсь tant m'en va, въ доказательство, прибѣги ко мнѣ; я тебя жду въ спальнѣ, душа моя желаетъ жадно тебя видѣть.

72. Soir mon coeur, je vais me coucher.

73. Батинья, милой, я здорова, но спала худо и мало, а васъ люблю много.

74. Свѣтлѣйшій князь, милостивый государь, отвѣствуя на причины вашей послыжки, чтобъ узнать о моемъ здоровьѣ, объявляю вамъ, что я здорова, но въ страданіи сердечномъ и душевномъ и сему конца не предвижу сего дня, буде Богъ мнѣ судья, то не мнѣ одной, всегда и снисхожденіемъ своимъ плачу всекрайнимъ своимъ безпокойствомъ, невинныхъ не забываемъ не токмо, но ни единой минуты (тебя) изъ памяти не выпускаемъ. Прощайте, Богъ съ вами, коли то будетъ завтра послѣ обѣда. Mais tout cela sont paroles perdues car vous ne parlerez pas plus de moi aux personnages intéressés que vous m'en parlez à moi. Adieu mon ami, je suis et serai horriblement fâchée contre vous jusqu'à ce que je vous verrai, et cela sera je crois Dieu sait où et Dieu sait quand? (адресъ: князю Григорію Александръ Потемкину).

75. Mon très cher epoux, я къ тебѣ не приду, потому что я вспотѣла не много почью, что кости болятъ по вчерашнему и что весьма холодно; душничка, спала я хорошо и тебя люблю всѣмъ сердцемъ.

76. General m'aimes vous? Moi aimer general beaucoup.

77. Шалунъ, долго ли тебѣ дуться?

78. Батинья, голубчикъ, я тебя чрезвычайно люблю.

79. Миленькой, мнѣ жаль, что ты худо для меня ночь проводишь; а я спала изрядно, однако чувствую нѣкоторую усталость въ рукахъ и ногахъ, а докторъ говорить, что пульсъ необыкновенной; не знаю выйти ли или нѣту, дай совѣтъ?

80. Душа милая, сударушка, люблю тебя чрезвычайно.

81. Воля твоя, милуша милая Гришифишечка, а я не ревную, а тебя люблю очень.

82. Сударушка, ангелъ мой, ты можешь быть здоровеннѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ, буде здоровье твое зависить отъ моей къ тебѣ любви, милой мой, душа безцѣнная.

83. Je n'oserai jamais venir si vous ne m'avertissez.

84. Милая милуша, здравствуй, знай, что тебя милѣе нѣтъ на свѣтѣ, душичка, Гришенокъ мой.

85. Благодарствую милуша за твое поздравленіе, а что люблю и не премѣнно любить буду, о томъ не сомнѣвайся.

86. Батинька, Гришинька, душа моя, каковъ ты? мнѣ кажется пусто для того, что тебя не вижу, и кажется, будто и не слышу, объ тебѣ малѣйшаго отзыва и для того пишу, чтобъ узнать, каковъ ты мой милой, дорогой?

87. Душенька голубчикъ миленькой, которому цѣны нѣту, у меня летенкой, а впрочемъ я здорова, сударинька другъ мой, милой любезной.

88. Милая милуша, дорогія сладкія губки, жизнь, радость, веселье, сударушка, голубушка, mon faisant d'or, je vous aime de tout mon coeur.

89. Матушка жизнь моя, мнѣ смертельно грустно, что ты не можешь, а безъ того бы очень весело. Буду завтра послѣ обѣда, самъ прискачу. Жизнь моя, Зомеръ поѣхалъ. Прости моя душа. Дай Богъ тебѣ здоровья. (Письмо Потемкина, адресъ его же рукою: Варварѣ Васильевнѣ).

90. Батинька голубчикъ милой, каковъ ты опочивалъ, сударка любезной?

91. Голубчикъ, другъ сердечный, теперь не могу его призвать для того что одѣваюсь, а послѣ какъ одѣнусь душа.

92. Никакой робости не было, вели себя пріятнѣйшимъ образомъ; c'est un Ange, grand grand merci.

93. Юръ Московъ казакъ хочешь ли мириться, протяни руку, еслии бѣшенство прошло и въ тебѣ осталась искра любви, еслии нѣту, юръ, казакъ, московъ.

94. Я всегда помню о Гришненькѣ и онъ изъ памяти не выходитъ, и я его люблю какъ душу.

95. Bon jour mon coeur, comment vous portez vous, а я тебя люблю чрезвычайно.

96. Милуша здорово, я тебя мысленно цѣлую и милую.

98. Mon mari m'a dit tantot, куда мнѣ идти, куда мнѣ дѣваться, mon cher et bien aimé epoux venez chez moi, vous serez reçu à bras ouverts.

99. Милушенька ты не знаешь, какъ я тебя люблю, право чрезвычайно, сударка милюшкой.

100. Bon jour mon coeur! je me suis levé tard, je n'ai dormi que quatre heures, не смѣю къ тебѣ идти, боюсь встрѣчи голубчикъ, Ангелъ, милой другъ, собственной мой милой.

101. Сударынька, могу ли я придти къ тебѣ и когда умпраю хочу видѣть Гришатку мой собственной.

102. Милушненька, какъ велишь, мнѣ ли быть къ тебѣ, или ко мнѣ пожелуешь, а каковъ ты сего вечера?

103. За вчерашнее письмецо премного благодарствую и отъ всего сердца подтверждаю до меня касательное въ разсужденіи тебя, la dessus il n'y a qu'un seul mot à dire, qui est que je vous aime, mon ami, de tout mon coeur.

104. Изодранное мною мнѣ не пріятное письмо: при семъ возвращаю; сожалѣю, что по пустому горячишься, но какъ сердце сіе безъ основанія, то надѣюсь, что останешься и безъ дальняго хвоста, *car coute qui coute; je vous aime de tout mon coeur et vous estime de même.*

106.Мнѣ кажется годъ какъ тебя не видала, ау, ау, соколы мой дорогой, позволь себя вабить, давно и долго ты очень на отлетѣ.

107. Въ ожиданіи твоего приѣзда съ часу на часъ живемъ и жили, жалю весьма, что не можешь; дитя мнѣ поручило, что буде въ небытности его приѣдешь, чтобъ поцѣловать въ губы; за виды Итальянскіе и Швейцарскіе благодарствую. Пожалуй, выздоравливай скорѣе и приѣзжай къ намъ, а дней чрезъ десять уже неразлучно будемъ. *Adieu mon cher ami, je vous embrasse et je desire beaucoup de vous voir parce que je vous aime de tout mon coeur.*

108. Душа милая за ласку тебѣ спасибо и право лаской за ласку вамъ же отдаю.

109.Что то это за фигура у тебя на носу сидитъ, конечно это та фигура, что у золотыхъ фазановъ вмѣсто мантильи, она то растетъ и оно такъ и надобно, прилично и умѣстно. *Adieu mon beau faisan; je vous aime de toutes mes facultés, и приказываю тебѣ быть здоровому и веселому.*

110. Голубчикъ, батинька, письмо ваше я сейчасъ получила, благодарствую за угощеніе, я здорова и сего утра купалась. *Adieu mon cher ami, je vous embrasse.* Будь здоровъ и весель.

111. Кажется годъ цѣлый, что тебя, баринъ, не видать; пора тебѣ поивать чухонскіе лѣса и болота и возвратиться къ намъ; право, батинька, медвѣди и лоси Осиновой рощи цѣны твоей не знаютъ, а мы любимъ и чтемъ тебя; хорошо ли покидать своихъ друзей и отъ нихъ бѣгать въ пустыни. Я радовалась третьеводнишнимъ тучамъ, когда увидѣла, что идутъ на тотъ берегъ рѣки, въ надеждѣ той, авось либо выгонять паки къ намъ. *Adieu mon cher ami portez vous bien et revenez au plutôt trouver vos amis qui vous aiment.* (Адресъ: „Князю Григ. Алек. Потемкину“).

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ АРАКЧЕЕВЪ.

Разсказъ къ его характеристикѣ.

Предлагаемый разсказъ, сохранившійся въ моихъ замѣткахъ, записанъ мною еще въ 1833 г., со словъ бывшего тогда моего, по 8-й резерв. артиллерійской ротѣ, командира капитана Н. Ф. Демора, который прежде того служилъ въ военныхъ поселеніяхъ, и едва ли не самъ былъ свидѣтелемъ сцены объясненій съ гр. Аракчеевымъ дѣйствующаго въ разсказѣ поручика Долгорукова, — не князя, умершаго, какъ надобно полагать въ 1826—1827 годахъ.

Б. А. Измайловъ.

Въ молодости моей, въ тридцатыхъ годахъ, еще были свѣжи воспоминанія и разсказы о графѣ Аракчеевѣ тѣхъ лицъ, которыя служили въ военныхъ поселеніяхъ. Съ однимъ изъ такихъ поселенцевъ пришлось и мнѣ встрѣтиться по службѣ моей въ артиллеріи. Съ горечью передавалъ онъ намъ, молодымъ сослуживцамъ своимъ, тѣ тяжелыя впечатлѣнія, которыя были вынесены имъ изъ его пребыванія въ этихъ «скитахъ», какъ называлъ онъ угрюмыя, однообразныя связи построекъ Новгородскихъ военныхъ поселеній. Эти разсказы переполнены были повѣствованіями о такихъ дѣяніяхъ временщика, которыя могутъ казаться баснословными. Графъ Аракчеевъ не терпѣлъ противорѣчій, не выносилъ возраженій, и горе было тому, кто порицалъ его распоряженія. Грубый по природѣ, подозрительный, злой и мстительный по характеру, пользуясь широкою властью, онъ не разбиралъ средствъ для преслѣдованія и кары своихъ антагонистовъ: только лести и безпрекословная покорность его волѣ, были имъ отличаемы. Обладавшіе этими добродѣтелями могли надѣяться на его снисхожденіе. Вотъ одинъ изъ образчиковъ, подтверждающій эти прекрасныя доблести знаменитаго графа Алексѣя Андреевича, — фактъ, переданный мнѣ бывшимъ моимъ сослуживцемъ.

Въ первой половинѣ 1820-хъ годовъ, кипѣли работы по созданію военныхъ поселеній. Извѣстно, что исполнителями ихъ были большею частью артиллерійскіе офицеры, такъ какъ Аракчеевъ почему-то не долюбивалъ инженеровъ—и эти послѣдніе были только составителями смѣтъ и проэктвъ. Впрочемъ, и самъ хозяинъ зорко слѣдилъ за производившимися работами, поощряя по своему усердныхъ и карая нерадивыхъ. Офицеровъ, желавшихъ служить въ поселеніяхъ, почти не встрѣчалось, и они были переводимы туда, большею частью, по распоряженію начальства, т. е. по указанію графа или по рекомендаціи тѣхъ начальниковъ, которымъ онъ болѣе довѣрялъ—и вотъ такая доля выпала и на артиллерійскаго поручика Долгорукова, даровитаго, бойкаго и смѣлаго молодого офицера. Онъ служилъ гдѣ-то на югѣ—и волею, неволею, по послѣдовавшему приказу о переводѣ его въ военныя поселенія, былъ немедленно отправленъ къ мѣсту назначенія. Это было въ исходѣ зимы. Проѣзжая по почтовой дорогѣ отъ Москвы до Новгорода, Долгоруковъ вечеромъ остановился на одной изъ почтовыхъ станцій, чтобы погрѣться чаемъ. Покончивъ эту операцію, онъ сталъ собираться въ дальнѣйшій путь, какъ вдругъ зазвенѣлъ почтовый колокольчикъ—и хралъ остановившихся подъ окнами лошадей далъ знать о прибытіи на станцію новаго проѣзжаго, а вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ комнату пожилой господинъ, въ помятой артиллерійской фуражкѣ, закутанный въ поношенную енотовую шубу.

Вновь прибывшій проѣзжій, пытливо осмотрѣвъ Долгорукаго, привѣтливо поклонился ему—и Долгоруковъ почтительно отвѣтилъ на поклонъ старика.

— А, артиллеристъ, мое почтеніе, куда ѣдете? спросилъ проѣзжій.

— Въ военныя поселенія—былъ отвѣтъ.

— А, къ Аракчееву, ну и хорошо—заключилъ проѣзжій, усаживаясь на кожаный диванъ.

— Къ сожалѣнію, ничего не предвижу въ этомъ хорошаго—съ горечью возразилъ Долгоруковъ.

— Да почему же такъ, или служба тамъ тяжела?

— Не служба, а жизнь. Кто не знаетъ графа, этого жесткаго и жестокаго человѣка, у котораго нѣтъ сердца, который не опѣниваетъ трудовъ своихъ подчиненныхъ, не уважаетъ даже человѣческихъ ихъ правъ, съ горячностью заключилъ Долгоруковъ.

— Вотъ какъ; а я такъ знаю, что Аракчеевъ только лентяевъ и вертопраховъ не любитъ, пьяницъ и мотовъ преслѣдуетъ, а хорошему слугѣ и у него хорошо—протяжно проговорилъ проѣзжій, пристально глядя на Долгорукова.

— Хорошо слугѣ, который льститъ ему, слугѣ, который....

— Смѣленько, смѣленько, молодой человѣкъ, смѣленько осуждаете человѣка, котораго знаете только по слухамъ — нѣсколько сурово замѣтилъ проѣзжій.

— Не я одинъ осуждаю его — поспѣшили оправдаться Долгоруковъ, торопливо собираясь выйти изъ комнаты.

— Мое почтеніе, желаю счастливаго пути, доброй службы и совѣтую не слушаться дураковъ — можетъ быть увидимся — проговорилъ незнакомецъ на прощальный поклонъ Долгоруковъ.

Въ воротахъ, при выходѣ его на улицу, прошмыгнулъ кто-то мимо его, въ военной шинели и въ фуражкѣ солдатскаго покроя, и прошелъ на крыльцо станціоннаго дома — «это слуга проѣзжаго», подумалъ Долгоруковъ и злая догадка промелькнула въ его головѣ. Последнія слова проѣзжаго: «можетъ быть увидимся» — нѣсколько его озадачили.

— А что, если это самъ Аракчеевъ — невольно подумалось ему. — Вотъ попался!

Но почтовая тройка тронулась, зазвенѣлъ колокольчикъ — и Долгоруковъ помчался ухарскою прытью ямской ѣзды, какою славилась Русь до искрещенія ея сѣтью желѣзныхъ дорогъ, и на другой день, вечеромъ, путникъ былъ уже у цѣли своего путешествія.

Явившись къ новому своему начальству, онъ узналъ, что всѣ прибывающіе на службу въ поселенія должны были непременно представляться къ самому графу и какъ графъ наканунѣ выѣхалъ въ южныя поселенія, то Долгорукову и предстояло исполнить этотъ долгъ по возвращеніи его.

Извѣстіе, что Аракчеевъ уѣхалъ «наканунѣ» непріятно отозвалось въ ухахъ Долгорукова и теперь онъ былъ вполне убѣжденъ, что въ дорожномъ незнакомцѣ встрѣтилъ страшнаго своего начальника. Съ приѣзда своего, въ теченіи трехъ недѣль, Долгоруковъ былъ безъ дѣла, и однако никому не промолвился о своей встрѣчѣ, ожидая разрѣшенія своей догадки и придумывая средства, какъ выдти изъ затруднительнаго положенія, если бы эта догадка оправдалась. Но вотъ, наконецъ, разъ вечеромъ, онъ получилъ форменную записку, содержащую въ себѣ приказаніе: «Ваше благородіе, имѣете честь завтра въ 10 часовъ представиться его сіятельству». Тревожно проведена была Долгоруковымъ наступившая ночь. На другой день, за часъ до назначеннаго времени для представленія графу, онъ уже былъ въ знаменитомъ Грузинѣ, резиденціи графа. Войдя въ залу, назначенную для представленія, Долгоруковъ нашелъ уже тамъ двухъ, трехъ офицеровъ. Но вслѣдъ за тѣмъ молча, тихо, какъ бы подъ

давленіемъ страха или благоговѣнія, стали входить новыя лица—и скоро вся зала наполнилась военными чинами разныхъ родовъ войскъ, начиная съ генерала до прапорщика. Въ ожиданіи чего-то въ залѣ царила глубокая тишина, нарушаемая изрѣдка порывистымъ шопотомъ рѣчи старшихъ чиновъ. У одной изъ запертыхъ дверей стоялъ на вытяжку офицеръ въ парадной формѣ: это былъ дежурный. Дверь, на которую часто обращались взоры присутствовавшихъ, вела во внутренніе покои графа. Но вотъ дверь отворилась, всѣ встрепенулись—и изъ нея вышелъ какой-то генералъ съ бумагою въ рукѣ.

— Клейнмихель!—шепнулъ Долгорукову сосѣдь его.

Онъ былъ начальникъ штаба военныхъ поселеній. Генералъ, раскланявшись съ присутствовавшими генералами, развернулъ бумагу, оказавшуюся спискомъ представляющихся графу—и сталъ по ней приводить длинный строй ихъ въ порядокъ вокругъ залы. Окончивши эту провѣрку, Клейнмихель удалился въ завѣтную дверь, а въ залѣ водворилась мертвая тишина. Но не прошло и пяти минутъ, какъ та же дверь снова отворилась, и изъ нея вышелъ старый генералъ, сопровождаемый Клейнмихелемъ.

Сердце бѣднаго Долгорукова дрогнуло и крѣпко забилося: это былъ онъ, проѣзжій, встрѣченный имъ на станціи, это былъ самъ Аракчеевъ, которому Долгоруковъ высказалъ о немъ же самомъ столько дерзкихъ истинъ.

Аракчеевъ, войдя въ залу, остановился, суровымъ взглядомъ обвелъ всѣхъ присутствующихъ, какъ будто отыскивая кого-то взоромъ своимъ—и Долгорукову показалось, что этотъ обзоръ заключился на немъ. Но вотъ началось и самое представленіе. Генералъ Клейнмихель по списку именовать представляющихся: графъ однихъ обходилъ молча, другимъ выражалъ за что-то свое одобреніе, а нѣкоторымъ строго выговаривалъ. Но вотъ дошла очередь и до Долгорукова. Начальникъ штаба громко прочелъ:

— Поручикъ Долгоруковъ, переведенный изъ....

Аракчеевъ не далъ докончить генералу его доклада.

— Мое почтеніе—сказалъ онъ Долгорукову полунасмѣшливо, носовую нотою—и тотъ отдалъ ему почтительный поклонъ.

— Мое почтеніе—повторилъ графъ, съ особеннымъ удареніемъ—и тотъ снова повторилъ такой же поклонъ.

— Мы съ нимъ старые знакомые—сказалъ Аракчеевъ, обернувшись къ начальнику штаба.— Не такъ ли?—обратившись снова къ Долгорукову и пристально глядя на него, спросилъ его графъ.

— Въ первый разъ имѣю счастье представляться вашему сіятельству,—смѣло отвѣтилъ Долгоруковъ.

— Какъ въ первый разъ? а помнишь станцію на Московской дорогѣ? помнишь, какъ ты честилъ меня?

— Я говорилъ съ проѣзжимъ, ваше сіятельство.

— О, да ты, я вижу, молодецъ на словѣ, каковъ-то на дѣлѣ?— Повторяю тебѣ, что Аракчеевъ дураковъ и лентяевъ не терпитъ. Пусть онъ будетъ по твоему такой-сякой, а посмотримъ, ты какой.

— Петръ Андреевичъ!— обратился графъ къ Клейнмихелю,— поручить поручику Долгорукову постройку номера.... При этомъ Аракчеевъ называлъ номеръ предполагавшейся постройки какого-то новаго зданія, близъ самага Грузина.

Во все время этой сцены въ залѣ царилъ мертвая тишина. Отдавъ это приказаніе относительно Долгорукова; и затѣмъ пасмурно, съ мѣста, обзрѣвъ все остальное собраніе представлявшихся, Аракчеевъ удалился. — Всѣ стали расходиться. — По выходѣ изъ дома нѣсколько лицъ обратилось къ Долгорукову съ разспросами о знакомствѣ его съ графомъ,—и на объясненія свои о томъ, онъ выслушалъ предупрежденіе: — «Будьте осторожны, вамъ предстоитъ тяжкое испытаніе».

Работы по устройству военныхъ поселеній открывались рано весною: графъ торопился окончаніемъ ихъ. Черезъ двѣ, три недѣли долженъ былъ начаться египетскій трудъ. Въ это время Долгоруковъ получилъ для соображенія всѣ письменныя и словесныя наставленія. Такъ какъ порученная ему постройка находилась близехонько отъ Грузина, то онъ догадывался о цѣли этого распоряженія, и приговаривалъ къ борьбѣ со всякою случайностью.

Но вотъ, наконецъ, настала и самая пора работъ и молодой офицеръ со всею горячностью предался порученному дѣлу. Отрѣшившись ото всѣхъ знакомствъ, товарищескихъ связей, бросивши всѣ постороннія занятія, онъ только и помышлялъ о томъ, какъ выдти ему изъ того тяжкаго положенія, въ какое онъ поставилъ себя своею опрометчивостью: онъ думалъ, что его труды и усердіе все-таки укротятъ затаенный гнѣвъ графа. — Прошло нѣсколько дней отъ начала его занятій, какъ вдругъ графъ пожаловалъ для осмотра работъ. Осмотрѣлъ ихъ, и, не сказавъ ни слова, удалился. Не прошло послѣ того и двухъ дней—новое посѣщеніе графа, потомъ скоро не замедлилось и третье—и всѣ три въ разные часы дня. Долгоруковъ понималъ, что надобно не дремать, а быть постоянно на сторожѣ и вооружился терпѣніемъ. Чтобы еще ближе быть къ работамъ, онъ расположился бивуакомъ въ одномъ изъ рабочихъ сараевъ—и ночь только отдалялъ себя. Съ раннею утреннею зарею онъ уже былъ на работахъ и съ вечернею возвращался въ свой сарай на ночлегъ, а графъ неустанно посѣщалъ и посѣщалъ его, но всегда заставлялъ строителя на

мѣстѣ работъ. Уже Долгоруковъ слышалъ отъ графа и слово одобренія: «хорошо, молодецъ», и было за что. Работа подъ наблюденіемъ Долгорукова дѣйствительно кипѣла—и онъ далеко опередилъ своихъ товарищей по той же профессіи. Въ срединѣ лѣта постройка была совершенно окончена—и черезъ недѣлю послѣ того Долгоруковъ запискою былъ приглашенъ представиться графу.

— Ну, поздравляю тебя, ты штабсъ-капитанъ—обратился Аракчеевъ къ представлявшемуся ему Долгорукову. Повторяю тебѣ, что Аракчеевъ лентяевъ и дураковъ не жалуетъ, но усердіе и труды оцѣниваетъ.

Сказавши это, графъ тутъ же передалъ приказаніе генералу Клейнмихелю о порученіи Долгорукову новой работы.

Какъ ни обрадовался Долгоруковъ чину штабсъ-капитана, который въ то время весьма туго доставался въ артиллеріи, но едва ли не болѣе былъ опечаленъ новымъ порученіемъ. Онъ не боялся труда, но его крѣпко возмущалъ надоедливый надзоръ за нимъ графа.

Но и новая работа была окончена и также благополучно, какъ и предшествовавшая, съ тѣмъ же благоволеніемъ графа, и заключилась новою наградой Долгорукова. Такимъ образомъ, два съ половиною года тянулись тяжкія для него испытанія и за это время онъ успѣлъ получить и чинъ капитана, и орденъ. Графъ видимо благоволилъ къ нему и даже отличалъ своимъ довѣріемъ,—но, къ несчастію, капитанъ Долгоруковъ зазнался передъ своимъ грознымъ начальникомъ.

Въ то время, когда графъ Аракчеевъ, увлекаемый идеею создать что-то необыкновенное изъ устройства военныхъ поселеній, такъ ревниво преслѣдовалъ малѣйшее порицаніе этой идеи, онъ встрѣтилъ въ лицѣ Долгорукова непрощеннаго, дерзкаго противника своей завѣтной мысли. Долгоруковъ находилъ, что устройство военныхъ поселеній, обращеніе мирныхъ поселянъ съ ихъ потомствомъ въ пахатныхъ воиновъ, не только не можетъ принести пользы, но въ будущемъ готовить непоправимое зло и грустныя послѣдствія. Отъ мнѣнія Долгоруковъ перешелъ къ дѣлу: въ обширной запискѣ онъ изложилъ свой взглядъ по этому предмету и критически отнесся къ этому нововведенію, пророча ему въ будущемъ полную несостоятельность и самую отмѣну его. Эту несчастную записку онъ имѣлъ смѣлость представить черезъ начальство своему грозному принципалу. Исторія умалчиваетъ, съ какимъ чувствомъ читалъ графъ эту записку, но только она скоро возвратилась по начальству же къ ея автору, съ лаконическою, энергично помѣткою рукою Аракчеева: «дуракъ, дуракъ, дуракъ!»—Говорили, что и посредствующему начальству передача этой записки обошлась не легко.

Но Долгоруковъ не уgomился. Оскорбленное ли самолюбіе, увѣренность ли его въ непогрѣшимость своего мнѣнія, изложеннаго въ запискѣ, и наконецъ не упрямая ли настойчивость подстрекнули Долгорукова, но онъ успѣлъ, вѣроятно, при помощи враговъ графа, а ихъ было у него не мало, довести свою записку до свѣдѣнія императора Александра Павловича. Государь прочиталъ записку — и она была имъ обращена къ графу Аракчееву, съ изображенною на ней, какъ говорили, такою приблизительно резолюціею государя: «прочиталъ съ удовольствіемъ, нашелъ много дѣльнаго и основательнаго, препровождаю на вниманіе графа Алексѣя Андреевича».

Можно себѣ представить то раздраженіе графа, въ какое онъ былъ приведенъ дерзкою настойчивостью Долгорукаго. — Муравей осмѣлился возстать на слона — и безпощадно былъ раздавленъ имъ: капитанъ Долгоруковъ исчезъ, безслѣдно исчезъ въ одну ночь. Ходили разнаго рода слухи, догадки — и даже деньщика его не оказалось на квартирѣ капитана. Говорили, что въ роковую ночь кто-то видѣлъ троячную повозку, отѣзжавшую отъ квартиры Долгорукаго съ ящикомъ и двумя пассажирами. Поговорили, посудили тихомолкомъ объ этомъ событіи, а капитанъ все-таки пропалъ, безслѣдно пропалъ.

Минуло около двухъ лѣтъ послѣ исчезновенія Долгорукаго. — Не стало императора Александра: воцарился Николай Павловичъ и совершилось паденіе всемогущаго временщика. Появился наконецъ и Долгоруковъ, изможденный, убѣленный сѣдиною, со всѣми признаками надломленной жизни. Два года несчастный, жертва необузданнаго своеволія, томился въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости. Произведенный въ подполковники, съ зачетомъ двухъ страдальческихъ лѣтъ въ этомъ чинѣ, онъ скоро переселился въ вѣчность.

И мнѣ привелось одинъ разъ въ жизни встрѣтить всемогущаго графа. Это было давно, въ лѣта моего дѣтства, но и теперь еще живо рисуется въ моемъ воображеніи его высокая, сгорбленная фигура съ мрачнымъ выраженіемъ лица, закутанная въ поношенную енотовую шубу, въ трехугольной шляпѣ, надѣтой на головѣ, какъ говорили тогда, шутя, поперегъ улицы, т. е. по формѣ. Зимой, въ началѣ 1825 года, мы съ братомъ, новички-кадеты, шли съ отцемъ около стараго арсенала, зданія, существовавшаго на мѣстѣ, съ котораго начинается нынѣ монументальный Александровскій мостъ черезъ Неву.

— Генераль — сказалъ намъ отецъ, напомнивъ этимъ, что мы обязаны были отдать честь, шедшему намъ на встрѣчу, военному офицеру.

Мы съ братомъ остановились, повернулись во фронтъ, что сдѣлать и отецъ нашъ, приложивши руку къ шляпѣ: онъ былъ въ отставной военной формѣ.

— Мое почтеніе, — произнесъ сурово, носовою нотою, встрѣтившійся генераль. — Это ваши дѣтки, — хорошо, молодцы — видно, что дѣти военнаго!

— Кто это? — спросилъ я отца, когда прошелъ генераль.

Отецъ осторожно оглянулся назадъ — и, наклонившись, шопотомъ, таинственно произнесъ:

— Графъ Аракчеевъ — запомните его, онъ строгій, очень строгій человекъ.

И запомнили мы его. — И сколько слышались и читались, въ послѣдствіи, сказаній объ этомъ строгомъ человекѣ.

К. А. Измайловъ.

Свенцянъ.
Февраль. 1881.

ВЪ СЕВАСТОПОЛѢ, ВЪ 1855 ГОДУ.

По поводу «Отрывка» изъ Записокъ князя В. И. Васильчикова.

Въ № 2 газеты «Русь» изд. 1880 г. помѣщенъ отрывокъ изъ Записокъ князя В. И. Васильчикова, относящійся до послѣдняго дня Севастополя.

Вотъ что мнѣ рассказывалъ объ одной изъ частностей, упоминаемыхъ въ этомъ «отрывкѣ», бывшій жандармскій штабъ-офицеръ на Самарско-Оренбургской желѣзной дорогѣ, полковникъ Сербинъ (умершій въ Самарѣ, въ 1877 году).

Надо замѣтить, что полковникъ Сербинъ Крымскую кампанію началъ мичманомъ, и состоялъ въ должности сигнальнаго офицера при извѣстномъ Корниловѣ. Когда, послѣ Алминскаго дѣла, князь Меншиковъ назначилъ Корнилова начальникомъ сѣверной стороны Севастополя, какъ пункта считавшагося тогда самымъ опаснымъ, на который ожидалась атака всей арміи союзниковъ, то Корниловъ, не желая подвергать своихъ штабныхъ офицеровъ, бездѣльно, напрасной опасности, имѣя ихъ всѣхъ при себѣ, особымъ, письменнымъ приказаніемъ, далъ каждому изъ нихъ отдѣльныя порученія, разославъ ихъ, такимъ способомъ, по разнымъ пунктамъ Севастополя. При этомъ назначеніи, мичмана Сербина Корниловъ оставилъ при себѣ, на Сѣверномъ укрѣпленіи. Послѣ смерти Корнилова, Сербинъ состоялъ до конца кампаніи, будучи уже лейтенантомъ, при князѣ В. И. Васильчиковѣ, по званію его начальника штаба Севастопольскаго гарнизона.

Обращаюсь къ разсказу Сербина.

Диспозиція войскамъ на случай отступленія изъ Севастополя была написана до штурма; ее писалъ Сербинъ, подъ диктовку князя Васильчикова; диспозиція эта была рассмотрѣна начальникомъ гарнизона, графомъ Д. Е. Остенъ-Сакеномъ, и апробована главнокомандующимъ, княземъ М. Д. Горчаковымъ.

Въ 5-мъ часу утра, 28-го августа 1855 г., генераль-адъютантъ П. Е. Коцебу пришелъ въ Николаевскія казармы и приказалъ Сербину

проводить его къ князю Васильчикову. Тутъ генераль Коцебу сталъ дѣлать замѣчанія Васильчикову за то, что войска столпились у моста, обстоятельство, по замѣчанію генерала Коцебу, могущее имѣть весьма дурныя послѣдствія, въ случаѣ, если непріятель перейдетъ въ наступленіе. Очевидно, что въ темнотѣ генераль Коцебу принялъ остатки войскъ, смѣшавшихся съ отступавшими жителями и различными отсталыми обозами, за главную массу войскъ и полагалъ, что таковая еще не перешла моста. «А вы ручаетесь, продолжалъ генераль Коцебу упрекать князя Васильчикова, что отступление будетъ произведено быстро! Слагаю съ себя всякую отвѣтственность! Посмотрите—даже раненные еще не увезены! Послѣ этого я ни за что не отвѣчаю!».... и генераль Коцебу ушелъ изъ казармы.

Князь Васильчиковъ, выслушавъ такіе рѣшительные упреки, подумалъ, что можетъ быть дѣйствительно распоряженіе объ отступленіи произведено не съ надлежащимъ успѣхомъ и тутъ же послалъ Сербина къ мосту удостовѣриться въ сущности дѣла. Воротясь, Сербинъ доложилъ князю, что только одинъ полкъ еще не перешелъ бухты, а также части обозовъ, смѣшанныя толпы солдатъ различныхъ парковъ и командъ и наконецъ раненные, дѣйствительно, еще не всѣ увезены,—такіе, которые не могутъ идти сами. Князь Васильчиковъ немедленно вышелъ къ полку, предложилъ полковому командиру рассчитать полкъ по отдѣленіямъ и затѣмъ приказалъ каждому взять по два раненныхъ, которыхъ солдаты и понесли въ своихъ рядахъ, на кроватяхъ, тѣ раненные, которые могли ходить, частію перешли на сѣверную сторону черезъ мостъ, частію были забраны парходомъ, подошедшимъ къ Графской пристани.

Дорожа каждымъ словомъ, относящимся до Севастопольской обороны, намъ желательно устранить малѣйшій поводъ какого либо недоразумѣнія и ошибочнаго вывода изъ такого слова, а потому позволяемъ себѣ прибавить нѣсколько своихъ замѣтокъ къ рассматриваемому «отрывку», поистинѣ, драгоцѣнныхъ для исторіи Севастопольской обороны Записокъ князя В. И. Васильчикова.

Въ одномъ мѣстѣ «Отрывка» князь Васильчиковъ говоритъ: «встрѣтилъ я на Николаевской площади генеральнаго штаба капитана Черняева, который не состоялъ въ составѣ гарнизона, и услышалъ отъ него, что будто бы 3-й бастионъ занятъ англичанами».

Не совсѣмъ ясны эти строки; въ нихъ какъ будто есть что-то не досказанное. Къ чему это замѣчено, что Черняевъ не состоялъ въ составѣ гарнизона? Правда, Черняевъ послѣднее время не занималъ въ севастопольскомъ гарнизонѣ штатной должности, а именно съ тѣхъ поръ какъ въ апрѣлѣ онъ сдалъ должность квартирмейстера

нашей, 11 пѣхотной, дивизіи, и былъ переведенъ на ту же должность въ кавалерійскую дивизію, стоявшую, кажется, около Симферополя, но онъ уже едва ли не съ половины іюня или съ іюля состоялъ при генералѣ Хрулевѣ и постоянно былъ имъ употребляемъ для исполненія самыхъ опасныхъ порученій по лѣвой половинѣ оборонительной линіи Севастополя, слѣдовательно, въ дѣйствительности, М. Г. Черняевъ находился въ составѣ гарнизона. Затѣмъ, слова князя Васильчикова: «услыхалъ отъ Черняева, будто бы 3-й бастионъ занятъ англичанами», заставляютъ какъ бы сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія, между тѣмъ бастионъ этотъ былъ не только штурмованъ англичанами, (какъ можно заключить изъ послѣдующихъ словъ разсказа князя Васильчикова), но былъ ими дѣйствительно занятъ, при чемъ они уже ворвались въ нѣкоторые блиндажи, сидѣли верхомъ на пушкахъ и заклепывали ихъ. Англичане были выбиты изъ самаго бастиона штыками нашихъ войскъ, за что подполковникъ Камчатскаго полка Артемьевъ въ это время командовавшій полкомъ, получилъ Георгіевскій крестъ.

Тамъ, гдѣ говорится о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ диспозиціею для встрѣчи непріятеля на случай преслѣдованія насъ при отступленіи, вѣроятно, по ошибкѣ или по опечаткѣ, сказано, что войска въ городѣ были оставлены подъ командою генераль-маіора Хрулева—порученіе это было дано генераль-маіору Хрущеву.

Въ Запискахъ подтверждается печальный фактъ потопленія полевой артиллеріи по распоряженію генерала Шейдемана.

Дѣйствительно, генераль Шейдеманъ былъ человѣкъ очень опрометчивый, за что, какъ и за многое другое, его очень у насъ не долюбливали и, дѣйствительно, всѣ его винили въ потопленіи полевой артиллеріи при отступленіи изъ Севастополя, а генераль Сикстель (начальникъ артиллеріи 4-го корпуса, въ которомъ, не далѣе какъ въ 1853 году, Шейдеманъ командовалъ батареей) открыто говорилъ, что за такое неосновательное дѣйствіе Шейдемана надо отдать подъ судъ, — но такъ ли виноватъ Шейдеманъ въ этомъ потопленіи, какъ говорятъ, и въ потопленіи той ли артиллеріи у насъ его упрекали, о которой говоритъ князь В. И. Васильчиковъ?

По словамъ князя, онъ, проѣзжая мимо Углицкаго полка, (охранявшаго переправу черезъ мостъ на бухтѣ) приказалъ: «полевые орудія, прибывающія къ мосту, не пропускать на переправу, а выстроить до времени на площади, чтобы не мѣшать проходу войскъ и не подвергать моста опасности, надѣясь переправить артиллерію, когда уляжется зыбь на бухтѣ».

Приказаніе это, по словамъ того же «Отрывка», было исполнено,

хотя замѣтимъ, оно совершенно противорѣчило вышеупомянутой диспозиціи отступленія, (имѣющейся у меня въ двухъ подлинныхъ экземплярахъ). Диспозиція эта начинается такъ: «черезъ мостъ слѣдуетъ въ головѣ колонны Украинскій егерскій полкъ, за нимъ вся имѣемая на Николаевской площади артиллерія. Движеніе начать въ 6^{1/2} часовъ вечера» и т. д.

Возвратившись къ Николаевской батарее, князь Васильчиковъ, по его словамъ, не нашелъ артиллеріи на площади передъ нею и услышалъ отъ генерала Шейдемана, что онъ, по приказанію главнокомандующаго, бросилъ ее въ бухту. По словамъ князя Васильчикова, артиллерія эта была потоплена у Графской пристани, на незначительной глубинѣ, и была впоследствии извлечена союзниками.

Но возвратимся къ вопросу объ отступленіи артиллеріи по диспозиціи. Очевидно, что если бы отступленіе наше происходило въ большемъ порядкѣ, и диспозиція на 27-го августа исполнялась въ точности, то вся артиллерія, стоявшая на Николаевской площади, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моста, успѣла бы перейти на сѣверную, а за нею и войска. Кажется нѣсколько страннымъ, что князь Васильчиковъ, какъ онъ самъ говоритъ въ «Запискахъ», считалъ ненормальнымъ распоряженіе главнокомандующаго, приказавшаго ему подписать диспозицію отступленія, хотя она и была утверждена главнокомандующимъ, что князь Васильчиковъ могъ не стѣсняясь оговорить при подписи оной, передавъ ее войскамъ въ видѣ копій, а между тѣмъ счелъ возможнымъ, своею властію, сдѣлать столь существенное измѣненіе въ диспозиціи, уже войскамъ объявленной, какъ приостановку переправы всей полевой артиллеріи съ ея обозомъ. Не удобнѣе ли было, диктуя диспозицію съ черновой, для разсылки ея копій къ исполненію по отдѣленіямъ, и дѣлая, по словамъ самаго князя, при этомъ необходимые варианты, по каждому отдѣленію, въ первоначальной редакціи диспозиціи, въ виду бывшаго тогда сильнаго шторма на морѣ, измѣнить въ самой диспозиціи время переправы пол. артиллеріи, а именно: приказать ей отступить не въ головѣ (какъ указывала диспозиція), а въ хвостѣ колонны? (въ надеждѣ, что ко времени такового отступленія зыбъ на бухтѣ уляжется). Можно думать, что имѣя въ виду такое указаніе диспозиціи и не видя преслѣдованія непріятеля, артиллеристы не торопились бы топить орудій и своевременно перешли бы мостъ.

Въ оправданіе генерала Шейдемана, потопившаго, какъ говорятъ, болѣе 90 полевыхъ орудій и много зарядныхъ ящиковъ, стоявшихъ дотолѣ въ порядкѣ на Николаевской площади, можно сказать, что въ эту ужасную ночь нельзя было поручиться ни за одинъ часъ спокойнаго отступленія. Съ минуты на минуту надо было ждать, что

непріятель возобновить свои атаки, особенно если замѣтитъ наше отступление, и что послѣдствія такого покушенія, хотя бы и не очень значительнаго, при той общей суматохѣ, произведенной отступленіемъ, какую себѣ и вообразить трудно, будутъ для насъ, поистинѣ, ужасны. Если бы это случилось, когда войска наши въ главныхъ силахъ уже перешли въ бухту, а мостъ и его ближайшія окрестности, были бы запружены и осаждаемы, (какъ это и было потомъ), беспорядочными толпами народа, чтобы Шейдеманъ сталъ тогда дѣлать съ такою массою артиллеріи, потерявшей уже свое мѣсто въ рядахъ отступающихъ войскъ, безъ соотвѣтствующаго прикрытія? Ясно, что артиллерія эта съ запряжкой, съ обозомъ, а можетъ быть и съ людьми, рисковала увеличить собою непріятельскіе трофеи того дня.

Въ обвиненіе генерала Шейдемана у насъ говорили (и это записано въ моемъ дневникѣ), что онъ испросилъ разрѣшеніе главнокомандующаго сбросить въ воду тѣ орудія пол. артиллеріи, которыя почему либо будутъ мѣшать отступленію войскъ, подразумѣвая, что если при отступленіи орудіе подобьютъ непріятельскимъ выстрѣломъ, сломается у орудія колесо, опрокинется оно, и все, разумѣется, на такомъ мѣстѣ, что обойти его нельзя, напр. на мосту, — тогда сбросить его въ воду, чтобы очистить путь, а Шейдеманъ прямо цѣля батареи пошвырялъ въ воду.

Но, оставляя въ сторонѣ труднорѣшимый вопросъ относительно того: кто главнѣйше виновенъ въ потопленіи нашей полевой артиллеріи, не можемъ умолчать, что у насъ, если и обвиняли Шейдемана въ потопленіи артиллеріи, то отнюдь не той, о которой говоритъ князь Васильчиковъ, которой онъ не дозволилъ съ Николаевской площади слѣдовать на сѣверную, какъ бы надлежало по диспозиціи во главѣ отступающихъ войскъ, а обвиняли генерала Шейдемана въ потопленіи полевой артиллеріи лѣвой половины оборонительной линіи, т. е. на корабельной сторонѣ. Надо замѣтить, что въ диспозиціи на 27 августа не упоминалось вовсе объ этой артиллеріи, и путь и способъ ея отступления указанъ не былъ; въ диспозиціи говорилось только объ артиллеріи, имѣемой на Николаевской площади. Слѣдствіемъ этого было то, что часть артиллеріи корабельной двинулась на мостикъ, черезъ малую бухту, гдѣ и безъ того происходила ужасная суматоха у отступавшихъ по этому мосту войскъ лѣвой половины оборонительной линіи. Таковую суматоху до чрезвычайности усилила артиллерія, затруднившая движеніе войскъ. Эти-то орудія Шейдеманъ и приказалъ сбросить въ бухту. Затѣмъ часть артиллеріи сосредоточилась у Павловскаго мыса, откуда, по приказанію главнокомандующаго, ее слѣдовало перевезть на судахъ; но когда увидѣли, что въ ночной, непроглядной темнотѣ, при страшной сумятицѣ, про-

изводимой садившимися на суда войсками, не разбиравшими уже для нихъ эти суда предназначались или не для нихъ? а садясь на какія попало, то сообразили, что нечего было и думать о нагрузкѣ на эти суда артиллеріи съ ея обозомъ. Въ виду этого-то обстоятельства и не усматривая никакой возможности спасти эту артиллерію, ежеминутно ожидая наступленія непріятеля, генераль Шейдеманъ и приказалъ сбросить эти орудія въ бухту.

Что же касается до потопленія генераломъ Шейдеманомъ всей остановленной княземъ Васильчиковымъ пол. артиллеріи на Николаевской площади, то едва-ли это обвиненіе вѣрно и рассказанный княземъ Васильчиковымъ случай не принадлежитъ ли къ числу тѣхъ, подробности которыхъ, по его собственнымъ словамъ, «изгладилась изъ его памяти,» когда онъ составлялъ свои записки? Не вѣрно-ли, что артиллерія, остановленная княземъ Васильчиковымъ на Николаевской площади, воспользовавшись его отъѣздомъ на корабельную, и правомъ, которое ей давала диспозиція, слѣдовать на Сѣверную, естественно заботясь о собственномъ спасеніи, преспокойно перешла черезъ бухту! Что же касается до упрека генералу Шейдеману, сдѣланнаго княземъ Васильчиковымъ за потопленіе артиллеріи, то онъ могъ быть сдѣланъ дѣйствительно, но могъ относиться до потопленія артиллеріи на корабельной.

Исторія съ Азовскимъ полкомъ у меня въ «Дневникѣ» рассказана нѣсколько иначе, чѣмъ въ «Запискахъ» князя Васильчикова. Исторія эта настолько замѣчательна, что въ интересѣ истины, считаю не лишнимъ привести свой варіантъ.

13 Сентября 1855.

«У полковника Норденстренга отняли полкъ — его не жалѣютъ потому что не любятъ, напротивъ, всѣ говорятъ: по дѣломъ! Вотъ причина. Полк. Норденстренгъ командовалъ Азовскимъ полкомъ, полковникъ Сорочинскій — Одесскимъ. Этимъ двумъ полкамъ, вмѣстѣ съ полкомъ Е. И. В. вел. князя Михаила Николаевича и своднымъ баталіономъ, образованнымъ изъ патронщиковъ, по диспозиціи на 27 Августа, приказано было, съ 6½ часовъ вечера, занять баррикады, устроенныя на разныхъ пунктахъ корабельной стороны и такимъ образомъ прикрывать отступленіе войскъ лѣвой половины оборонительной линіи, и когда таковое отступленіе совершилось бы, означенныя части должны были переправиться на сѣверную на судахъ, для чего приказано было приготовить суда на Павловскомъ мыску и подъ Краномъ, у магазиновъ. Въ частности, Азовскому полку предстояло отступать съ корабельной послѣднимъ, т. е. послѣ того, какъ отступятъ полки: Одесскій, В. К. Михаила Николаевича

и патронщики. Между тѣмъ, лишь только стемнѣло, оказалось, что полковникъ Норденстренгъ со своимъ полкомъ стоитъ у бухты, ждетъ прибытія судовъ для переправы. Полковникъ Козляиновъ 2, помощникъ начальника штаба гарнизона, распорядившійся отводомъ войскъ съ корабельной, узнавъ, что Азовскій полкъ собирается переправляться, сдѣлалъ немедленное распоряженіе, чтобы полковникъ Норденстренгъ тотчасъ занялъ указанныя ему баррикады и, безъ особаго приказанія, отнюдь бы ихъ не покидалъ. Когда это было исполнено, капитанъ Черняевъ, по приказанію полковника Козляинова, обошелъ баррикады и всюду подтвердилъ сказанное распоряженіе, т. е. чтобы Азовцы не оставляли баррикадъ впредь до приказанія. Таковое настоятельное подтвержденіе черезъ нарочито посланнаго офицера генеральнаго штаба, вмѣстѣ съ сдѣлавшимся извѣстнымъ приказаніемъ уничтожить мостикъ черезъ малую бухту, этотъ единственный надежный путь отступленія съ лѣвой половины оборонительной линіи, — утвердило полковника Норденстренга въ мысли, что онъ съ полкомъ оставленъ на жертву. Въ дѣйствительности, не было почти никакой надежды на возможность переправы посредствомъ судовъ, будто бы приготовленныхъ у Павловскаго мыса и у Крана, — таковы были страшная суматоха и неурядица, тогда происходившія въ ночной темнотѣ. Обстоятельство это побудило полковника Норденстренга покинуть порученныя ему баррикады на произволъ судьбы и поспѣшить перейти малую бухту черезъ мостикъ, пока онъ еще не былъ разобранъ, на Грожскую сторону».

«Замѣчательно, что случай этотъ такъ бы и прошелъ незамѣченнымъ, въ массѣ другихъ безобразій, въ этотъ день совершившихся, если бы не неосторожность самаго Норденстренга. Дѣйствительно: преслѣдованія со стороны непріятеля не было; никакого существеннаго, матеріальнаго, такъ сказать, вреда, (не говоря о безнравственности поступка, ни чѣмъ не оправдываемой), отъ преждевременнаго ухода полка съ назначеннаго ему мѣста, не произошло, а потому, при густой ночной темнотѣ и въ общей тогда суматохѣ, преждевременное удаленіе полка съ баррикадъ могло бы остаться незамѣченнымъ; между тѣмъ самъ Норденстренгъ почему-то счелъ необходимымъ жаловаться всѣмъ, кого только встрѣчалъ на своемъ пути, на самовольное отступленіе его полка съ баррикадъ и на совершенную невозможность удержать на нихъ не только солдатъ, но и офицеровъ. Самозабвеніе полковника Норденстренга дошло до того, что онъ съ такою же жалобою обратился къ князю Васильчикову, при встрѣчѣ съ нимъ».

Еще одно слово. Въ разговорѣ съ графомъ Остенъ-Сакеномъ при переѣздѣ черезъ мостъ, князь Васильчиковъ, указывая на отвѣтственность, какой онъ могъ подвергнуться при неудачѣ отступленія, сказалъ: «Вы изволите знать, что диспозиція объ отступленіи арміи, составленная въ штабѣ гарнизона, не была просмотрѣна никѣмъ изъ высшихъ начальниковъ въ томъ видѣ, какъ была окончательно редактирована, и что по приказанію главнокомандующаго она разслана войскамъ за моею подписью. Чтò же было бы со мною, если-бы дѣло не удалось?»

Между тѣмъ, въ началѣ того-же «Отрывка», въ которомъ значатся вышеприведенныя слова, князь Васильчиковъ, рассказывая какъ онъ засталъ князя Горчакова диктующимъ диспозицію отступленія, остановилъ его словами: «Я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству, что такая диспозиція (объ отступленіи изъ Севастополя) уже составлена, утверждена начальникомъ гарнизона и вами одобрена. — Вамъ стоитъ только приказать, и черезъ часъ диспозиція будетъ готова въ нужномъ числѣ экземпляровъ и, въ томъ видѣ, въ какомъ я уже имѣлъ честь представить ее на ваше благоусмотрѣніе».

Какъ согласовать это противорѣчіе въ словахъ князя Васильчикова объ одной и той же диспозиціи? Заявленіе относительно существующей уже диспозиціи сдѣлано княземъ Васильчиковымъ главнокомандующему въ присутствіи графа Остенъ-Сакена. Кто зналъ графа Дмитрія Ерофѣевича, его пунктуальность, его серіозное отношеніе къ каждому служебному дѣлу, тотъ невольно усумнится, чтобы онъ, при всей своей довѣренности къ князю Васильчикову, допустилъ бы совершеніе столь важнаго акта, какъ отступленіе изъ Севастополя, по диспозиціи, имъ не рассмотрѣнной и не утвержденной. А если только графъ Остенъ-Сакенъ рассмотрѣлъ эту диспозицію и утвердилъ дѣйствительно, какъ самъ князь Васильчиковъ доложилъ главнокомандующему, то князю Васильчикову нечего было бояться исполненія этой диспозиціи, за которое онъ не могъ-бы подвергнуться отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ отвѣтственность за эту диспозицію всецѣло уже лежала на графѣ Сакенѣ, несомнѣнно высшемъ начальникѣ отступающей арміи, составлявшей гарнизонъ Севастополя, имѣвшій графа Остенъ-Сакена своимъ начальникомъ. Тѣ варианты, которые дѣлалъ для каждаго отдѣленія оборонительной линіи князь Васильчиковъ, диктуя диспозицію съ черновой, конечно, обуславливались различными мелочными обстоятельствами, въ родѣ перемѣщенія нѣкоторыхъ частей войска, послѣ составленія диспозиціи, съ одного пункта на другой, или введенія нѣ-

которыхъ частей войскъ въ Севастополь въ самый день штурма, а потому не могли имѣть существеннаго значенія въ общей системѣ отступленія, изложенной въ диспозиціи, апробованной высшею военною властью, по словамъ самаго князя Васильчикова.

П. В. Алабинъ.

Самара.

30-го декабря 1880 г.

Князь А. И. Барятинскій.

Помѣщенный въ № 2 «Русской Старины» (изд. 1881 г.) очеркъ Д. И. Романовскаго жизни князя А. И. Барятинскаго, представляя собою опытъ, если не полной, то цѣльной біографіи покойнаго фельдмаршала, умалчиваетъ, однако, о многихъ обстоятельствахъ жизни этого замѣчательнаго человѣка. Такъ, ни слова не упомянуто о томъ, при какихъ условіяхъ началъ свою боевую службу будущій покоритель восточнаго Кавказа, а между тѣмъ это любопытно именно для характеристики его личности.

Князь А. И. Барятинскій былъ въ числѣ нѣсколькихъ гвардейскихъ офицеровъ¹⁾, отправленныхъ императоромъ Николаемъ въ 1835 году на Кавказъ, для пріобрѣтенія ими военной опытности. Въ Ставрополѣ, гдѣ должно было окончательно опредѣлиться служебное назначеніе кн. А. Барятинскаго, въ это время командовалъ А. А. Вельяминовъ, извѣстный другъ и ученикъ Ермолова и, конечно, послѣ этого достопамятнаго героя, самый замѣчательный военный человѣкъ на Кавказѣ во всю первую половину нашего вѣка. Вельяминовъ былъ отчасти человѣкъ стараго покроя по своимъ обычаямъ и привычкамъ, говорилъ, напр., молодымъ офицерамъ ты и т. под. И такъ, вотъ въ одно прекрасное утро, когда генералъ, отличавшійся тучностью, лежалъ у себя въ кабинетѣ на диванѣ, въ самомъ легкомъ костюмѣ, хорошо обрисовывавшемъ его формы, и, оборотясь лицомъ къ стѣнѣ, читалъ книгу, адъютантъ ввелъ къ нему юношу Барятинскаго и провозгласилъ его фамилію. «Спроси его, не двигаясь ни однимъ членомъ сказалъ Вельяминовъ своему адъютанту: онъ изъ тѣхъ что ли, что государь прислалъ сюда учиться дѣлу?» — Точно такъ, ваше превосходительство, замѣтилъ отъ себя Барятинскій. — «Хорошо, прибавилъ Вельяминовъ, обращаясь опять къ адъютанту: такъ скажи ему, чтобы онъ приходилъ сегодня обѣдать, въ сюртукъ, безъ сабли». Адъютантъ

¹⁾ Кирас. его в-ва полкъ хотя армейскій, но входилъ въ составъ гвардейскаго корпуса; нынѣ-же онъ молодая гвардія В.

передалъ слова генерала присутствовавшему при этомъ въ роли третьяго лица молодому князю; и этимъ аудіенція кончилась. Кромѣ спины Вельяминова, Барятинскій въ этотъ разъ ничего не видалъ.

При теперешнихъ нашихъ понятіяхъ о вѣжливости, самый невзыскательный прапорщикъ изъ бѣдной шляхты не согласился бы являться къ подобному генералу на обѣды. Но князь Барятинскій, не смотря на свое богатство, связи и аристократическія привычки, не затруднился прійти въ назначенный часъ къ командующему войсками, при чемъ, къ удивленію своему, замѣтилъ, что ихъ, т. е. гостей, кормили однимъ обѣдомъ, довольно изысканнымъ, а Вельяминовъ самъ ѣлъ другія кушанья, приготовленныя чуть ли не на солдатской кухнѣ. — Фельдмаршалъ всегда потомъ съ признательностью вспоминалъ о своемъ бывшемъ учителѣ, столь оригинально-суровомъ, но и столь даровитомъ, что цѣлый рядъ главнокомандующихъ на Кавказѣ смотрѣлъ на тамошнюю войну его глазами и что только когда его т. е. Вельяминова система была принята кн. А. И. Барятинскимъ и Евдокимовымъ, Кавказъ былъ окончательно покоренъ.

Въ другомъ мѣстѣ Д. И. Романовскій приводитъ случай, гдѣ Барятинскій, уже въ чинѣ полковника и въ должности батальоннаго командира, былъ подчиненъ полковнику Козловскому, также одному изъ типичныхъ кавказскихъ воиновъ, и мнѣ опять жаль, что почтенный авторъ упустилъ при этомъ возможность освѣтить отношенія этихъ двухъ людей, столь достойныхъ памяти. Кн. А. И. Барятинскій былъ, во время одного дѣла, поставленъ съ своимъ батальономъ на позицію, которая почему-то показалась ему невыгодною. Онъ передвинулъ нѣсколько свою часть, не спросивъ у начальника. Тогда Козловскій подѣхалъ къ нему и сказалъ, по обычаю своему заикаясь, но внушительнымъ тономъ: «Полковникъ Барятинскій! вы что же это умничаєте? кто вамъ позволилъ сойти съ мѣста, которое я вамъ указалъ? Прошу повиноваться моимъ распоряженіемъ».... Барятинскій не вымолвилъ ни слова и все время держалъ руку подъ козырекъ.

Усвоивъ такимъ образомъ самыя опредѣлительныя понятія о воинскомъ чинопочитаніи, князь и потомъ всегда былъ того мнѣнія, что двѣ власти въ арміи должны быть абсолютны: главнокомандующаго и полковаго командира. Онъ эту теорію проводилъ и въ жизни, когда власть его мало чѣмъ уступала царской.

Считаю долгомъ замѣтить, что оба приведенные мною разсказа слышаны мною въ Ставрополѣ, въ 1860-хъ годахъ, отъ многихъ лицъ, и послѣдній, между прочимъ, отъ графа Евдокимова.

Женева.

20 февраля 1881 г.

М. И. Венюковъ.

Москва въ 1814 году.

Письмо Федора Васильевича Ростопчина къ Д. А. Балашову.

[буквально].

«Милостивый Государь мой Александръ Димитріевичъ! При Семѣ ваше Превосходительство изволите получить планы прожектированныхъ площадей, и лавокъ въ Москвѣ. Докладъ мой по Симъ предметамъ. Два Представленія, и Донѣсеніе Государю Императору. весьма желаю чтобы они Удостоились Высочайшей, Конфирмаціи въ самомъ Парижѣ, и остались въ числѣ. памятниковъ великихъ Дѣлъ великодушнаго Александра.

теперь Смѣло сказать можно что въ теченіи пяти лѣтъ Новая Москва Заставитъ Забыть Старую пострадавшую отъ Злости Наполеона. Много иногороднихъ Купцовъ Збираются переселятся Сюда На-житье. Дворянство поправя Доходами свои потери, приступаетъ къ Строенію. полагая Навѣрное что Мирное торжество будетъ празднуемо въ Москвѣ. Мастеровныя и рабочія люди Получаютъ тройную противъ прежняго плату. и число скоропостижныхъ Смертей не убавляется отъ Сильнаго пьянства. Купцы Разбогатели располагая цѣнами товаровъ. Роскошь посреди оханья отъ Разорѣнія возобновляется. въ Домахъ. въ экипажахъ, и въ прихотяхъ. Дворянское Собраніе хотя и Составленное изъ 500 Уже члѣновъ. Но неподаетъ надежды, къ скорому возобновленію Дома что въ охотномъ Ряду. дотѣхъ поръ какъ Москва попрежнему Станетъ Заклучать въ Себѣ разсѣянное Еще по всей Россіи Ея Дворянство; Мнѣнія общаго Нѣтъ ибо лехковѣріе, остатки Страха, и Малодушіе мѣняють мысли. и люди другъ друга приводятъ въ восторгъ. или въ печаль. Французы чрезвычайно Злы видя что общій ихъ жребій будетъ презрѣніе и ненависть всего рода человѣческаго. На Сихъ Дняхъ я отправилъ На Мѣсяцъ въ Домъ Ума Лишенныхъ Madame Danzelle. бывшею Содержательницу Пенсіона Дѣвицъ. и потомъ образовательницу въ Домахъ. Она вралъ что изъ Парижа Никто изъ Союзниковъ не возвратится. что бурбонцовъ Казнятъ, и что Давустъ Зжетъ Гамбургъ. Какъ Русскія жгли Москву. въ мѣсяцъ она инакажется, і-о-думается. вчера одинъ молодой человѣкъ ¹⁾ влюбленной въ Левушку. получа отъ отца Ея отказъ Застрелился. Деньги похищенные У Директора Питейныхъ Зборовъ Г-на Рюмина 100 т. р. почти все оты-

¹⁾ Въ подлинникѣ пропускъ.

щются. і обманщики Регистраторъ Ларионовъ подъ именемъ Шостака. і два Города Фатежа Купцы. пойманы (хотя и чрезъ шесть недель по Отъ ездѣ изъ Москвы) одинъ въ Петербургѣ Яковлевымъ. адва въ Дмитровскѣ Чистяковымъ.

Если Государю Императору Угодно Будеть Соборъ Спаса. Соорудить На площади охотнаго Ряда. то Снять должно театръ. Другія же для сего Зданія мѣста 1-е Гдѣ былъ пушечной Дворъ. 2-е У Красныхъ Воротъ Гдѣ былъ Домъ Татищева. Згорѣвшій иназначенной подъ площадь. Для памятника изъ пушекъ Единственное мѣсто У тверскихъ Воротъ. противъ бульвара. Это самое высокое въ Москвѣ мѣсто. ивиденъ столбъ или Пирамида будетъ съѣзда изъ петербурга. и изъ всехъ сторонъ Города. и За Городомъ. а Для Памятника Минина и Пожарскаго. такъ какъ Г-нъ внутренней Министръ требуетъ отъ меня Ему назначенія, то я нахожу что пристойно Ему быть на Лобномъ мѣстѣ на Красной Площади противъ Спасскихъ воротъ. и Улицы идущей на Москворѣцкой мостъ.

въ Донѣсеніи моемъ Государю Императору я испрашиваю позволенія (Если Здоровье мое совершенно неисправится) Отлучится на два Мца. къ Липицкимъ водамъ. и Для сего покорнѣйше прошу васъ извѣстить меня воспослѣдуетли На Сіе высочайшее соизволеніе съ истиннымъ почтеніемъ ипреданностью и проч.

Графъ Федоръ Ростопчинъ.

„21 Февраля 1814 года Москва“.

Помѣтка сверху письма: „Получено 16 апрѣля“.

Примѣчаніе: Настоящій документъ напечатанъ съ сохраненіемъ орфографіи подлинника. Письмо писано къ министру полиціи А. Д. Балашову въ 1814 году, а въ 1826 году, вмѣстѣ съ проектами устройства Москвы, представлено было Императору Николаю Павловичу, который на верху этого письма сдѣлалъ карандашемъ слѣдующую надпись:—„Препроводить къ К. Голицыну съ тѣмъ, чтобъ сообразилъ съ исполненными и донесъ осталось ли что по сему дѣлу докончить?“ 17 октября 1826.

Сообщ. изъ Москвы чрезъ посредство Н. В. Калачева А. Колосовскій.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

1831—1881.

День 24-го мая 1881 г. навсегда пребудетъ достопамятнымъ днемъ въ исторіи русскаго общества, въ исторіи отечественнаго просвѣщенія: въ этотъ день Россія, въ лицѣ представителей множества ученыхъ, учебныхъ, благотворительныхъ, врачебныхъ учреждений, — въ лицѣ представителей всѣхъ сферъ русскаго общества, чествовало пятидесятилѣтнюю годовщину служенія Отечеству одного изъ славнѣйшихъ гражданъ Россіи—Николая Ивановича Пирогова. Мысль празднованія этого юбилея въ Москвѣ, въ стѣнахъ университета, — была вполне счастливою: кому же какъ ни Москвѣ, этому сердцу Россіи, должна была быть предоставлена честь сказать горячее, сердечное спасибо отъ лица всего русскаго народа Н. И. Пирогову за его самоотверженную полувѣковую дѣятельность на различныхъ поприщахъ служенія на благо всего русскаго народа, всего человѣчества.

„Русская Старина“ своевременно, — еще въ мартовской книгѣ 1881 г., въ обширномъ и весьма обстоятельномъ трудѣ профессора І. В. Бертенсона — воскресила въ памяти читателей главнѣйшія заслуги Н. И. Пирогова на поприщахъ — врача-хирурга, профессора, писателя ученаго, педагога мыслителя и администратора — попечителя учебныхъ округовъ. Что же касается до празднованія юбилея Николая Ивановича — то описаніемъ его наполнены были всѣ газеты. Въ увѣренности, что почтенные распорядители и устроители этого незабвеннаго праздника — озаботятся собраніемъ въ одну книгу всѣхъ документовъ, къ описанію его относящихся, всѣхъ безчисленныхъ адресовъ, писемъ и привѣтственныхъ телеграммъ, полученныхъ виновникомъ торжества со всѣхъ концовъ Россіи, — мы помѣщаемъ здѣсь, какъ матеріалъ для такового сборника, два документа. Это адресъ С.-Петербургской Городской Думы — состоявшійся отъ представителей общественнаго управленія, по нашему — въ званіи гласнаго — предложенію, Думою рассмотрѣнному въ засѣданіи 18-го мая 1881 г. и поддержанному нѣсколькими гласными [М. П. Митковымъ, А. Н. Никитинымъ и друг.]. — Адресъ этотъ былъ прочитанъ нами на праздникѣ въ Москвѣ, 24-го мая. — Другой документъ — адресъ нами же поданный отъ редакціи историческаго журнала „Русская Старина“. Вотъ оба эти документа:

Ред.

I.

“Николай Ивановичъ! Въ знаменательный день пятидесяти-лѣтней годовщины служенія Вашего дорогому Отечеству, Общественное управленіе города С.-Петербурга шлетъ свой привѣтъ знаменитому юбиляру.

Заслуги Ваши въ обширной области науки, посвященной изученію человѣческихъ страданій и врачеванію ихъ, признаны не только Россією, но и всѣмъ свѣтомъ.

Еще въ ранней молодости прославивъ себя рядомъ научныхъ изслѣдованій, Вы, въ 1840 году, явились въ С.-Петербургъ и шестнадцать лѣтъ [1840—1856] посвятили въ немъ труду, послѣдствія котораго были въ высшей степени благотворны для населенія С.-Петербурга.

Энергією Вашею созданы при Медико-Хирургической Академіи госпитальныя клиники для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. Въ званіи врача-хирурга одного изъ значительнѣйшихъ госпиталей въ Петербургѣ, Вы внесли духъ преобразованія въ организацію всего больничнаго дѣла, относительно ухода, содержанія и продовольствія больныхъ, въ особенности обратили вниманіе на улучшеніе гигіеническихъ условій госпиталей, и Ваши указанія, Ваши настойчивыя въ этомъ отношеніи требованія, поддержанныя доводами Вашихъ же научныхъ изслѣдованій, имѣли громадное вліяніе на дальнѣйшее развитіе этого, въ высшей степени важнаго, дѣла.

Безкорыстно подвизались Вы, въ теченіи многихъ лѣтъ, какъ врачъ-хирургъ, въ нѣсколькихъ больницахъ города Петербурга, являясь въ нихъ не только совѣтникомъ, но и исполнителемъ-операторомъ въ самыхъ сложныхъ и опасныхъ болѣзняхъ. Рядъ научныхъ открытій, сдѣланныхъ Вами, повелъ къ облегченію страждущихъ при операціяхъ; открытія эти составляютъ уже нынѣ достояніе человѣчества, но онѣ впервые примѣнены Вами лично въ больницахъ города С.-Петербурга.

Незабвенною пребудетъ дѣятельность Ваша въ 1848 году—годъ посѣщенія нашего города холерою, когда Вы не только врачевали и исцѣляли сотни страждущихъ, но въ самый разгаръ эпидеміи изучали и изслѣдовали ее; плодомъ такового изученія былъ новый трудъ, обогатившій науку.

Съ гордостью вспоминаетъ Петербургъ, что въ эпоху безсмертной обороны Севастополя имя одного изъ Петербургскихъ врачей, самоотверженно подвизавшихся въ Севастополѣ при врачеваніи страдальцевъ-героевъ, произносилось во всей Россіи съ наибольшимъ уваженіемъ и признательностію: этотъ врачъ были Вы, Николай Ивановичъ.

Съ самаго начала царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Освободителя Вы, Николай Ивановичъ, въ трудахъ своихъ въ области науки о воспитаніи съ поразительною ясностію взгляда и съ тѣмъ глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы, которое Васъ всегда отличало, коснулись самыхъ важныхъ вопросовъ жизни.

На ряду съ заботами о русской школѣ, для правильной постановки которой Вы сдѣлали столь много, продолжались Ваши заботы и о больницѣ. Являясь цѣлителемъ духа, Вы неизмѣнно пребывали и врачомъ тѣла и, въ этомъ отношеніи, рядомъ множества указаній, подкрѣпленныхъ и развитыхъ въ Вашихъ же научныхъ трудахъ, Вы установили и упрочили новый взглядъ на сооруженіе госпиталей. Первымъ и весьма счастливымъ опытомъ примѣненія этого взгляда является въ Петербургѣ сооруженіе бараконъ Рождественской городской больницы.

Новое и весьма значительное сооруженіе въ Петербургѣ—нынѣ созидаемое городомъ на Александровскомъ плацу—двадцать бараконъ для больныхъ и два для выздоравливающихъ—является осуществленіемъ Вашихъ, Николай Ивановичъ, благотворныхъ взглядовъ на устроеніе госпиталей въ Россіи.

Руководимая чувствомъ признательности и безпредѣльнаго сочувствія къ Вашей полувѣковой дѣятельности, всецѣло посвященной благу русскаго народа, С.-Петербургская Городская Дума—въ собраніи своемъ,—18 Мая 1881 года,—единогласно постановила: выразить Вамъ, Николай Ивановичъ, въ настоящемъ адресѣ, одушевляющія ее, по отношенію къ Вашей дѣятельности, чувства и—въ память грядущимъ поколѣніямъ о трудахъ Вашихъ для

населенія С.-Петербурга — наименовать славнымъ именемъ Вашимъ одинъ изъ бараконъ вышеупомянутой городской больницы въ С.-Петербургѣ, на Александровскомъ плацу“.

24-го Мая 1881 г.

Его Превосходительству

Николаю Ивановичу

Пирогову.

Отъ С.-Петербургской Городской Думы.

II.

„Высокочтимый и глубокоуважаемый Николай Иванович! Къ многочисленнымъ голосамъ привѣтствующихъ Васъ сегодня, 24-го Мая, Редакція Историческаго журнала „Русская Старина“ присоединяетъ и свой привѣтъ.

Этотъ привѣтъ обращается къ Вамъ, Николай Ивановичъ, какъ одному изъ славнѣйшихъ современныхъ русскихъ гражданъ, — мужу науки и общественному дѣятелю, — полъ вѣка подвизавшемуся на благо русскаго народа, на благо всего человѣчества!

Изучая дѣянія нашего прошлаго, редакція „Русской Старины“ встрѣчаетъ много русскихъ дѣятелей съ доблестью, со славою подвизавшихся на разныхъ поприщахъ служенія дорогому нашему Отечеству и содѣлавшихъ весьма много для духовнаго и матеріальнаго преуспѣянія Россіи. Но въ этомъ ряду именъ — немного такихъ соотечественниковъ нашихъ, труды которыхъ одинаково благотворны не только для всей Россіи, но и для всего человѣчества.

Въ этой небольшой группѣ именъ, выдвинутыхъ русскимъ народомъ, мощнымъ, но еще молодымъ въ европейской семьѣ, — ярко блещетъ Ваше славное имя.

Примите же выраженія безпредѣльнаго уваженія и сочувствія къ Вашей полувѣковой дѣятельности, занимающей столь блестящее мѣсто въ новѣйшей исторіи русской мысли, русскаго общества“.

Издатель-Редакторъ историческаго журнала „Русская Старина“

Михайлъ Семевскій.

24-го Мая 1881 года.

С.-Петербургъ.

Н. И. Пирогову.

ромъ. Другая рукопись тѣхъ же записокъ съ поправками и новыми дополненіями Дашковой хранится въ семействѣ Брайфордъ въ Англіи. По поводу обѣихъ рукописей, были сдѣланы интересныя сообщенія г. Шугуровымъ и кн. А. Б. Лобановымъ-Ростовскимъ въ «Русскомъ Архивѣ» (1880 г. кн. III и 1881 г. кн. I и II).

Не менѣе важны приложенія, помѣщенные въ послѣднемъ изданіи: бумаги Дашковой по управленію Академіей наукъ (1783—86 г.), росписи приданому и завѣщанія Дашковой; письма Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову (1775—1806) и письма сестры Дашковой (фаворитки Петра III), Е. Р. Полянской, къ гр. С. Р. Воронцову и его женѣ изъ Петербурга (1783—87), сообщавшія городскія и придворныя новости. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ впервые напечатанное письмо гр. А. Г. Орлова къ Екатеринѣ, по поводу катастрофы, постигшей Петра III, съ замѣчаніями на него гр. Ф. В. Ростопчина, которому и обязана исторія сохраненіемъ этого важнаго документа, такъ какъ подлинникъ его былъ уничтоженъ. Въ заграничныхъ изданіяхъ онъ передавался не вѣрно.

Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881. 127. Ц. 80 к.

Настоящее изданіе представляетъ извлеченіе изъ подлинныхъ столбцовъ, книгъ и другихъ документовъ бывшаго Аптекарскаго приказа, хранящихся въ Архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Эти матеріалы заключаютъ въ себѣ подробныя свѣдѣнія по исторіи медицины въ Россіи съ царствованія Михаила Ѳеодоровича по 1702 годъ, а именно: о лѣкаряхъ, аптекаряхъ, лѣкарствахъ, выписывавшихся изъ-за границы, о лѣкарственныхъ травахъ, собиравшихся въ Россіи, о врачебной помощи во время войны и вообще о состояніи медицинской части въ Россіи въ означенный періодъ. Авторъ исторіи медицины въ Россіи, Рихтеръ, не пользовался этими дѣлами и считалъ ихъ даже утерянными или истребленными во время московскаго пожара въ 1812 году. Онъ значительно дополняетъ также свѣдѣнія, со-

общаемыя объ этихъ предметахъ въ актахъ, изданныхъ археогр. комиссіею. Вышедшій теперь 1-й выпускъ матеріаловъ тѣмъ болѣе цѣненъ, что все они относятся къ болѣе древнему времени—царств. Михаила Ѳеодоровича (за 1629—45 г.). Затѣмъ общаны и другіе выпуски этого изданія, по 1702 годъ. Нельзя не поблагодарить медицинскій департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ за изданіе этихъ интересныхъ матеріаловъ.

Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митрополита, подъ ред. Н. Суботина. Т. VI. М. 1881. 334—XXVIII. Ц. 2 р.

Настоящій томъ весь занятъ сочиненіями одного изъ первыхъ раскольническихъ писателей—діакона Ѳеодора, изданными по рукописямъ казанской духов. академіи, синодальной бібліотеки и раскольническимъ сборникамъ, принадлежащимъ разнымъ бібліотекамъ. Нѣкоторые изъ нихъ впервые появляются въ печати. Сочиненія діакона Ѳеодора въ значительной степени касаются собора 1666 года.

Родъ Шереметевыхъ. Александра Барсукова. Кн. I. Спб. 1881. 545. Ц. 4 р.

Первый томъ этого роскошнаго изданія родословной одного изъ извѣстѣйшихъ русскихъ (выѣзжихъ) родовъ обнимаетъ лишь время отъ половины XIII стол. до конца царств. Ивана Грознаго. По близкому отношенію лицъ этой фамиліи къ событіямъ отечественной исторіи, біографическое описаніе должно было принять значительныя размѣры. Такимъ образомъ оно уже представляетъ не одинъ генеалогическій интересъ, но становится весьма важнымъ историческимъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что авторъ настоящаго труда пользуется не одними печатными источниками, но и другими официальными и семейными архивами. Изданіе сопровождается снимками съ картинъ изъ Царственной книги (числомъ 6) и рукописнаго лѣтописца московской синод. бібліотеки (числомъ 16), снимками съ документовъ (5), родословной таблицей и гербомъ.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложения, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова**, д. № 46. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи главной конторы при книжномъ магазинѣ: **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ **Фирсанова**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и прил. Зап. Порошина 8 руб.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1881 годъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, **Семена Андреевича Порошина**, 1764—1766 гг. [стр. 469—532].—II. Портрет архієпископа Черниговскаго **Филарета Гумилевскаго**, гравиров. Г. И. Грачевъ, ученикъ Т. А. Сѣркова.

1951.

Х-я книга "Русской Старины" вышла 1-го октября 1881 г.

Сборникъ русскаго историческаго общества, т. XXIX, Спб. 1881. 736. Ц. 2 р. 50 к.

Въ этомъ томъ помѣщена вторая и послѣдняя часть біографіи канцлера князя А. А. Безбородка, принадлежащей перу Н. И. Григоровича. По времени второй томъ обнимаетъ періодъ 1788—1799 гг. Такимъ образомъ онъ посвященъ событіямъ второй турецкой и шведской войнъ при Екатеринѣ II, третьему раздѣлу Польши, вопросу о Курляндіи, дѣлу о сватовствѣ шведскаго короля къ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ; отношеніямъ Безбородка къ фавориту П. А. Зубову, къ писателямъ того времени, къ дѣятельности Безбородка въ качествѣ секретаря императрицы и въ должности канцлера при императорѣ Павлѣ.

Трудъ г. Григоровича сопровождается обширными примѣчаніями и приложеніями. Въ этихъ послѣднихъ находимъ Записки Безбородка, касающіяся политическихъ отношеній Россіи къ Турціи, Швеціи, Пруссіи, Франціи, Польшѣ; письма его къ современникамъ (Г. П. Милорадовичу, гр. А. К. Разумовскому и др.); наконецъ записки, мѣтныя, касающіяся дѣлъ Малороссіи, сената и управленія въ Россіи (записка о потребностяхъ имперіи Россійской). Двѣ послѣднія принадлежатъ уже 1799 году и прямо относятся къ поправленію порядковъ высшаго управленія. Въ теченіе XVIII в., сенатъ, созданный Петромъ В. съ широкими правами, постепенно падалъ и хотя не разъ возстановлялась его власть, когда сходили со сцены верховные тайные совѣты, кабинеты, конференціи, придворные совѣты, но въ концѣ концовъ власть его до того упала, что въ царств. Павла I и Александра I снова приходилось поднимать вопросъ о возстановленіи правъ сената. Записки Безбородка касаются того же вопроса. Онъ предполагаетъ пополнить составъ сената совѣтниками, постановить за правило, чтобы всѣ законы предварительно разсматривались въ собраніи депутатовъ отъ дворянства, мѣщанъ и крестьянъ, подѣлительствомъ канцлера юстиціи, и въ общемъ собраніи сената, а потомъ пред-

ставлялись бы на утвержденіе императора, но послѣдній можетъ не согласиться съ мнѣніемъ сената и тогда законъ исполняется безъ всякихъ вновь представленій. Чтобы придать сенату болѣе высшихъ прерогативъ, авторъ записки предполагаетъ «облечь сенаторовъ въ красныя бархатныя съ горностаями епанчи и въ шляпы съ перьями, на подобіе орденскихъ».

При рѣшеніи дѣлъ, выходящихъ изъ общаго положенія, долженъ дѣйствовать высшій совѣстный судъ, состоящій изъ тѣхъ же представителей (по 2 отъ сословія); ревизія губерній также представляется комиссіями депутатовъ и должна происходить каждыя три года. Подѣлительствомъ сената учреждается генеральный уголовный судъ изъ депутатовъ, въ которомъ судились бы тѣ дѣла и osoby, которые не входятъ въ губернскіе суды. Дѣла политическія изслѣдуются уголовнымъ порядкомъ и судятся сперва въ высшемъ судѣ, а потомъ общимъ судомъ сената, синода, президентовъ коллегій и первыхъ трехъ классовъ особъ, руководствуясь наказомъ Екатерины II. Въ изслѣдованіи по симъ дѣламъ, прибавляетъ Безбородко, да истребятся всѣ способы потаенные и гдѣ кровь челоуѣка и гражданина угнетается вопреки законамъ, изданныхъ на прочія дѣла уголовныя. Безбородко признаетъ, что положеніе крестьянъ требуетъ поправленія, но онъ боится даже подумать, что онъ рекомендуетъ допускать какую нибудь вольность; но онъ считалъ необходимымъ, чтобы соблюдался законъ о количествѣ крестьянской работы (1797 г.), чтобы были ограждены произвольный переводъ крестьянъ помѣщиками, чтобы продажа ихъ допускалась только съ землями, чтобы запрещена была личная продажа (яко сущее невольничество) и поставки въ рекруты; крестьянамъ должна принадлежать только движимость, наконецъ онъ считалъ необходимымъ ограничить дворовую службу и облегчить выходъ дворовыхъ людей на волю, по указу 1775 г.

Полагая въ основаніе своего мнѣнія принципъ самодержавія, малѣйшее ослабленіе котораго «навлекло бы за собою

О ПРИЕМѢ ПОДПИСКИ НА

I

РУССКУЮ СТАРИНУ⁶⁶

ИЗД. 1882 г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾.

При книгахъ «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться портреты русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Невскій проспектъ, д. № 46), въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія съ 1 янв. 1870 г.—редакція обязывалась ежемѣсячными книгами „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемѣ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а съ 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцати печатныхъ листовъ.

II «Л. А. СЪРЯКОВЪ».

ПЕЧАТАЕТСЯ И 1-го НОЯБРЯ ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе всѣхъ портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ граверовъ покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ—для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновятъ на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября и октября мѣсяцевъ текущаго года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль, который благоволятъ выслать съ подписною, **ДЕВЯТЬ** рубл., на журналъ „Русская Старина“ 1882 г. суммою, всего **10** руб.

Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Дѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голеницева-Кутузова (1775 г.), Хаджи-Мурата, архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравера-акад. Л. А. Сѣрякова, профессора Н. И. Пирогова, профессора Д. И. Ростиславова (при XI книгѣ), историка-профессора С. М. Соловьева, и друг.—цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкой.

ФИЛАРЕТЪ ГУМИЛЕВСКІЙ.

АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ,

р. 1805 † 1866 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 Г.

ОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 16 ФЕВРАЛЯ 1881 Г.

ЭКСНЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ГУМАНИТАРНЫХЪ

ГРАФЪ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ РУМЯНЦОВЪ.

Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи и археологіи.

(Очеркъ изъ русской исторіографіи).

V¹⁾.

Независимо отъ разысканій Строева и Калайдовича въ монастыряхъ сѣверной и центральной Россіи, Румянцовъ вступаетъ въ сношенія съ В. Н. Берхомъ, извѣстнымъ собирателемъ матеріаловъ въ Пермскомъ краѣ (въ Перми, Чердыни, Верхотурьѣ, Солокамскѣ). Онъ поручаетъ послѣднему отыскивать грамоты и лѣтописи, списывать надписи на камняхъ, иконахъ и утесахъ, собирать образцы инородческихъ словъ, богатырскихъ пѣсень, преданій, сказокъ, историческія и географическія рукописи на татарскомъ языкѣ, монеты (см. переписку въ Лѣтоп. Зап. Археогр. Ком., сообщенн. членомъ комисіи М. И. Семеvскимъ, т. VI). Съ своей стороны Румянцовъ снабжаетъ Берха сочиненіями, касающимися исторіи путешествій къ Ледовитому морю (*ibid.* 156, 157, 162).

Желая приготовить молодого ученаго, вполне способнаго для объясненія русскихъ и византійскихъ лѣтописей, Румянцовъ сосредоточилъ свою заботливость на сынѣ гомельскаго протоіерея Григоровича (I. I.), содержалъ его на свой счетъ въ Петерб. духовной академіи, а потомъ поручалъ ему дѣлать лѣтописныя справки и написать сочиненіе „о новгородскихъ посадникахъ“, которое, по исправленіи его Калайдовичемъ, было напечатано на счетъ Румянцова. Но послѣдній былъ очень опе-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., т. XXXII, (сентябрь) стр. 47—74.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, ТОМЪ XXXII, 1881 г., ОКТЯБРЬ.

чаленъ, когда Григоровичъ избралъ для себя духовную карьеру, хотя и потомъ, въ санѣ гомельскаго протоіерея, онъ продолжалъ служить Румянцову: такъ, ему былъ порученъ обзоръ бѣлорусскихъ архивовъ, матеріалы изъ которыхъ отчасти вошли въ его изданіе: „Бѣлорусскій Архивъ“, т. I (предназначалось же 3 тома); отчасти въ акты Западной Россіи, изд. археографическою комисіею. Онъ переводилъ для Румянцова съ польскаго языка (соч. Лелевели о лучанахъ и ляхахъ), составлялъ бѣлорусскій актовъ словарь и занялся исторіею бѣлорусской іерархіи (трудъ этотъ остался въ синодѣ, въ рукописи), планъ которой былъ одобренъ м. Евгеніемъ. По поводу этихъ занятій Григоровича, Румянцовъ написалъ ему слѣдующія замѣчательныя строки: „Конечно, духъ папизма, какъ пишете, надобно обнаружить, но безъ всякой желчи, которую часто являли наши духовные особы къ католической религіи. Извѣстная мнѣ кротость духа вашего ручается, что вы напишете справедливо и тѣмъ отдадите отъ себя могущія быть укоризны. Можно въ безпристрастномъ изложеніи происшествій вывести, что многіе римскіе папы извѣстны были своимъ властолюбіемъ и прельщались людскою суетливостью, а не святымъ, кроткимъ евангельскимъ ученіемъ“. (Переписка Григоровича въ „Чтен. м. общ. ист. и древ.“ 1864, II, 34—39 и др.).

Въ Новгородѣ корреспондентомъ Румянцова былъ протоіерей софійскаго собора Скородумовъ (письма Румянцова къ нему, изданныя Прудниковымъ). Бывшій секретарь гр. Румянцова И. Буссе составилъ для него въ Варшавѣ (въ 1821—22 гг.) выборъ достопримѣчательнѣйшихъ актовъ изъ литовской метрики (Ж. мин. нар. просв. 1871, № 1, стр. 40 и 1876, т. XLIX) о сношеніяхъ Россіи съ Литвою за 1393—1506 г. и о внутреннихъ дѣлахъ литовскаго княжества въ тотъ же періодъ (2 части).

Сношенія, завязавшіяся у гр. Румянцова съ кіевскими археологами, послужили поводомъ къ его перепискѣ съ авторомъ „Историческаго обозрѣнія Малороссіи и города Кіева“, написаннаго еще въ началѣ XIX стол., но не выпедшаго въ свѣтъ, и „Краткаго описанія Кіева“, напечатаннаго уже въ 1820 г. (Спб.). Мы говоримъ о М. Ѳ. Берлинскомъ¹⁾. Переписка между

¹⁾ Онъ былъ ученикъ кіевской академіи и учительской гимназіи въ Петербургѣ, а потомъ учителемъ и инспекторомъ гимназіи въ Кіевѣ. Сочиненія его:

ними открывается въ началѣ 1815 г. и прекращается не задолго до кончины канцлера (янв. 1815—29 сент. 1825 г.). Мы располагали только письмами гр. Румянцова, сообщенными намъ редакціею „Рус. Старины“, а ею полученными въ 1870 г. отъ И. П. Аврамова.

Изъ перваго письма видно, что Берлинскій сообщилъ гр. Румянцову въ рукописи матеріалы изъ своихъ изслѣдованій о кievскихъ древностяхъ. Въ отвѣтъ на это, канцлеръ благодарить его „за присланныя прелюбопытныя бумаги“, и пишетъ далѣе: „Сей первый вашъ трудъ подаетъ мнѣ много надеждъ, прошу васъ нанубѣдительноѣе продолжать оный“. „Я съ вами весьма въ томъ согласенъ, что откроется истинная отъ того польза, если сравнить планъ нынѣ существующаго Кіева съ разными первобытными его описаніями. Объясните, гдѣ какое зданіе стояло, какія были между ними улицы, или сообщенія, и старайтесь изслѣдовать, гдѣ могли существовать тѣ монастыри, церкви, терема, дворцы, дома, площади и урочища близъ города, о которыхъ только и памятниковъ осталось, что они въ лѣтописяхъ упомянуты“. Румянцовъ просилъ Берлинскаго сдѣлать, на его счетъ, порядочный списокъ съ настоящаго плана Кіева, который безъ сомнѣнія уже находится, прибавляетъ онъ; а узнавъ, что въ лаврской библіотекѣ есть переводы печерскаго Патерика, на польскомъ языкѣ, онъ просилъ свѣрить его отъ слова до слова съ русскимъ Патерикомъ и сообщить о результатѣ такого слiченія. По этому поводу Румянцовъ замѣчаетъ: „Изъ предисловія русскаго Патерика можно заключить, что неполный или, лучше сказать, не настоящій трудъ преп. Нестора до насъ дошелъ. Между прочимъ тутъ упомянуты укоризны католиковъ и, кажется мнѣ, оспаривается, будто и Антоній Печерскій былъ сопричастникъ той церкви, которая признавала начальство папы римскаго. Надобно замѣтить, что въ это время хотя и существовало совершенное несогласіе между восточною и западною церковью, но раздоръ между ними еще не былъ силенъ и могъ бы тогда легко допустить, что нынѣ совсѣмъ несовмѣстно бы было. Не находится

„Исторія рос. для употребленія юношеству“. М. 1800. „Наставл. о собир. и пригот. червеца или русской кошенили въ южн. губ. Рос. Имп.“, изд. Хоз. Деп. М. В. Д. въ 1804. „Поминка о М. Θ. Берлинскомъ“, Максимовича, Времен. М. О. И., V и „Словарь Писателей“, Геннади, I, 87. В. И.

ли въ польскомъ Патерики какой черты, на которой бы сей мнимый доводъ католиковъ могъ имѣть нѣкоторый видъ основательности“. Въ заключеніе своего письма онъ проситъ корреспондента сообщить, нѣтъ ли у кого либо въ Кіевѣ какойнибудь древней монеты или вещи первобытныхъ нашихъ временъ, а особливо, если сыщется древняя грамота или лѣтопись на пергаментѣ, хотя бы списокъ съ Несторовой или другой лѣтописи, лишь бы онъ былъ „точно время древнихъ“. Румянцовъ приглашаетъ Берлинскаго „продолжать начатую переписку“.

Вскорѣ Берлинскій прислалъ уже Румянцову списки съ разныхъ относящихся до древностей руссійскихъ статей, а главнымъ образомъ къ исторіи Кіева за время владычества Польши; но Румянцовъ продолжалъ настаивать „что либо отыскать, относящееся до временъ Кіева первобытныхъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Берлинскій прислалъ гр. Румянцову мѣдную монету, которую считали за Владимірову, а Румянцовъ обѣщаетъ узнать о ней мнѣніе знатоковъ. Далѣе гр. Румянцовъ получилъ отъ Берлинскаго снимокъ плана г. Кіева „съ прелюбопытнымъ истолкованіемъ тѣхъ мѣстъ, урочищъ и духовныхъ зданій, о которыхъ упоминаютъ древнія наши лѣтописи“. „Сей трудъ, прибавляетъ Румянцовъ, вамъ честь сдѣлаетъ и меня много утѣшитъ;... но не теряйте изъ виду, что самыя первобытныя времена исторіи нашихъ суть тѣ, которыя я бы желалъ видѣть объясненными и дополненными; отыскивайте пожалуйста надгробныя надписи вокругъ и внутри развалинъ уничтоженныхъ самыхъ древнѣйшихъ забытыхъ церквей и монастырей, коихъ вы такъ удачно въ своей запискѣ память возстановляете. Не пренебрегайте также самыхъ древнѣйшихъ дуптиковъ и синодиковъ; въ нихъ могутъ находиться имена великихъ князей, супруговъ, дѣтей и сродниковъ, о которыхъ, статья можетъ, дошедшіе до насъ лѣтописцы и вовсе умолчали. Я васъ премного благодарю за то, что отыскали древній списокъ съ Патерика. Я бы желалъ полную и точную съ него копію имѣть. Поручите сіе исполнить, подъ надзоромъ вашимъ, молодому какому либо семинаристу. Изъ присланныхъ вашихъ изъ Патерика выписокъ рождается для меня неудоборѣшимый вопросъ, что онъ писанъ съ юсами, слѣдовательно письма стариннаго, весь ли онъ таковъ? Сумнѣваюсь потому, что изъ другой выписки о разговорѣ князя Изяслава о латыняхъ слогъ самый новѣйшій, и нимаю древнимъ

лѣтописамъ не свойственный, какъ напр.: „что съ латынями нелѣпо есть держать компанію“. Тутъ же гр. Румянцовъ проситъ прислать ему рисунокъ съ найденной въ пещерахъ лодки и весла съ обозначеніемъ ихъ мѣры, и принять отъ него препровождаемую при семъ золотую табакерку, прибавляя: „Употребляйте ее на память той признательности, которую вы во мнѣ родить изволили любопытною вашею перепискою и впредь меня ею не оставляйте“ (письмо 38), а въ слѣдующемъ письмѣ уже благодаритъ Берлинскаго за рисунокъ весла и лодки и за принятіе посланнаго „гостинца“. Берлинскому онъ посылалъ отъ времени до времени суммы на разные расходы по своимъ порученіямъ. Такъ, переписка указаннаго Патерика обошлась ему въ 150 р. Вскорѣ онъ былъ обрадованъ новою присылкою отъ Берлинскаго—это были древніе синодики—межигорскаго и николаевскаго монастырей и вышгородской Борисо-Глѣбской церкви, которые, по словамъ Румянцова, содержали въ себѣ „имена особъ, принадлежащихъ великокняжескимъ домамъ, о которыхъ мы не были извѣстны“. Поэтому онъ просилъ Берлинскаго разыскать, — нѣтъ ли въ Соф. соборѣ и въ Десятинной церкви древнихъ росписей митрополитовъ, а также синодикъ китаевской пустыни, въ которой, конечно, молились за упокой сродниковъ вел. кн. Андрея Боголюбскаго, ея основателя“, и синодикъ соборной церкви древняго города Василька. Здѣсь и въ Вышгородѣ онъ просилъ сдѣлать разысканія о древнихъ надгробныхъ надписяхъ (Гомель, 19 ноября 1815 г.). Разысканія въ Вышгородѣ, дѣйствительно, были произведены, и расходы на нихъ взяла на себя А. А. Турчанинова, о происхожденіи и семьѣ которой интересовался тогда же узнать гр. Румянцовъ, а Берлинскому онъ писалъ: „Я возобновлю охотно домогательство свое у министра просвѣщенія на пользу вашу“, (5 пис.), сообщая при этомъ переводъ надписи, вышитою на омофорѣ и присланной ему прежде. Въ іюнѣ 1817 г. онъ выражаетъ свою печаль по поводу болѣзни Берлинскаго, а затѣмъ братъ Румянцова, С. П. Румянцовъ, посѣтилъ послѣдняго въ Кіевѣ (въ началѣ 1818 г., пис. 6 и 7). Румянцовъ просилъ Берлинскаго порыться въ бібліотекахъ Лавры и Братскаго монастыря, не найдется ли въ нихъ древнихъ списковъ „Р. Правды“ или другихъ рус. законовъ. Въ апрѣлѣ 1820 года онъ просилъ его пересмотрѣть древніе рукописные прологи и выписать изъ нихъ

нѣкоторыя житія, а у Могилянскаго попытаться приобрѣсть древнія золотыя монеты Ярославовы. Получивъ отъ Берлинскаго мѣдную копію съ золотой медали, Румянцовъ пишетъ: „Ежели переводъ съ греческой надписи вѣренъ, то медаль сія, или гривна, еще и новое имѣетъ историческое достоинство, почти обозначивъ, что предметъ ея есть Владимірово крещеніе; она даетъ поводъ къ заключенію, что и прочія золотыя гривны не пустое были украшеніе, а всегда относились къ воспоминанію и обозначенію какого либо важнаго случая или дѣла. Ваша мысль объ изображенномъ арханг. Михаилѣ достойна замѣчанія. Позвольте мнѣ добавить, что, хотя неизвѣстно — съ какого времени, но гербъ кievскій состоялъ въ изображеніи того же архангела“. Выѣстъ съ тѣмъ онъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о святомъ Уакинѣѣ, но только не изъ болландистовъ, а по матеріаламъ, находящимся въ католическихъ и униатскихъ монастыряхъ, въ Гомелѣ и на Волыни, а именно, не хранится ли гдѣ древнихъ жалованныхъ ему грамотъ на рус. языкѣ отъ вел. князей (№ 15).

Черезъ Берлинскаго гр. Румянцовъ вошелъ въ сношенія съ приоромъ доминиканскаго ордена, у котораго оказалась рукопись о древнемъ бытѣ Кіева. Онъ просилъ, чтобы послѣдній развѣдалъ, нѣтъ ли въ католическихъ монастыряхъ или въ помѣщичьихъ архивахъ кievской губерніи очень древнихъ документовъ и рукописныхъ книгъ, особенно на пергаментѣ, до XVI вѣка, касающихся Россіи, на русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. „Охотно стану таковыя вещи приобрѣтать за деньги, и не упущу тогда ему заявить благодарность свою“. При этомъ гр. Румянцовъ выражаетъ свое неудовольствіе по слѣд. случаю. Іеродіаконъ и книгопродавецъ Кіево-печерской лавры прислалъ ему двѣ печатныя книги, которыя онъ имѣлъ уже. Возвращая ихъ черезъ Берлинскаго, онъ просилъ, чтобы лаврскій іеродіаконъ „не скучалъ уведомлять, гдѣ продаются какія либо древнія книги, но книгъ не присылалъ“; „тѣмъ болѣе, прибавляетъ онъ, что сей же іеродіаконъ вызываетъ меня на издержку для нѣкаго украшенія въ трапезѣ. Я сужу, замѣчаетъ Румянцовъ, что въ столь знаменитую лавру мелкихъ подалній, какъ мы дѣлаемъ во многіе монастыри, ей дѣлать непристойно, а большихъ издержекъ часто повторять не можно“. Въ другой разъ онъ отказалъ племяннику митр. Серапіона, нѣкоему Александров-

[illegible]

тѣломъ умершаго тутъ трубача XI владіанскаго легіона, который служилъ въ войскѣ 14 лѣтъ и жилъ 36 лѣтъ. Не задолго до своей смерти, гр. Румянцовъ просилъ Берлинскаго прислать ему копію каталога документамъ (грамотамъ), хранившимся въ кievской казенной палатѣ, на которые указалъ ему м. Евгений. Интересуясь кievскими древностями, Румянцовъ рекомендовалъ Берлинскому и другихъ лицъ, желавшихъ ознакомиться съ ними по мѣстнымъ изслѣдованіямъ или на мѣстѣ. Въ августѣ 1820 г. онъ писалъ Берлинскому о П. М. Строевѣ, который отправлялся въ Кіевъ, для обозрѣнія древней столицы. Въ другой разъ онъ направилъ къ Берлинскому казанскаго ученаго Ник. Серг. Арцыбашева, который предлагалъ ему нѣкоторые вопросы о древнихъ урочищахъ Кіева, а отъ себя онъ послалъ Арцыбашеву сочиненіе Берлинскаго о Кіевѣ. Объ Арцыбашевѣ гр. Румянцовъ дѣлаетъ отзывы какъ о мужѣ, по нравственнымъ качествамъ и по просвѣщенію, отличнаго достоинства (№ 22, 22 ян. 1824). Наконецъ, Румянцовъ просилъ также Берлинскаго посодѣйствовать и П. И. Кеппену своими указаніями о русскихъ древностяхъ, во время пребыванія его въ Кіевѣ (отъ 14 дек. 1826). Къ сожалѣнію, въ разсмотрѣнной нами перепискѣ нѣтъ ни одного письма самаго Берлинскаго, о которыхъ не разъ упоминаетъ Румянцовъ.

Сношенія Румянцова не ограничивались русскими учеными и собраніями историческихъ матеріаловъ. Вукъ Караджичъ описывалъ для него грамоты, находящіяся въ Сербіи и сообщалъ ему свѣдѣнія о сербской литературѣ. Самъ Румянцовъ обращался къ нему съ вопросомъ, извѣстны ли Сербамъ имена лицъ и народовъ, упоминаемыхъ въ русскихъ лѣтописяхъ, и древнія слова, встрѣчающіяся въ нихъ, и получалъ отъ него отвѣты.

VI.

Для обозрѣнія иностранныхъ архивовъ и библіотекъ гр. Румянцовъ отправилъ за границу двухъ молодыхъ людей—Магнуса фонъ-Штрандманъ—въ Италію, и К. Шульца—въ Германію, а въ особенности въ Кенигсбергъ. Для собранія свѣдѣній о французскихъ библіотекахъ, онъ обратился къ библіотекарю королевской парижской библіотеки Газе, а за свѣдѣніями объ архивахъ Англіи, Швеціи и Даніи—къ русскимъ посланникамъ, и просилъ ихъ по-

ручить обзорѣніе тамошнихъ матеріаловъ чиновникамъ посольствъ, пригласивъ для списыванія всѣхъ памятниковъ, касающихся Россіи и до сихъ поръ еще неизвѣстныхъ, опытныхъ людей. На все онъ назначалъ собственные средства. По полученіи этихъ матеріаловъ, графъ Румянцовъ предполагалъ издать полное собраніе иностранныхъ актовъ и извѣстій о Россіи до времени Петра В., подъ заглавіемъ: *Corpus auctorum regum moscovitarum*, безъ измѣненія ихъ слога и языка и раздѣливъ все изданіе на три періода: отъ Ивана III до ц. Ѳеодора Ивановича, время междоусобицъ и время Романовыхъ.

Впрочемъ поѣздка Шульца въ Кеннгсбергъ ограничилась открытіемъ переписки между в. кн. Василюмъ Ивановичемъ и магистромъ Лив. ордена, маркграфомъ Бранденбургскимъ Альбрехтомъ, по поводу заключенія общаго союза противъ польскаго короля Сигизмунда (причемъ Альбрехтъ называетъ Василя императоромъ). Грамоты Вас. Ив. писаны были на латинскомъ и славянскомъ, а Альбрехта на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (пис. Шульца къ редак. „С. Отеч.“ 1814, № 36). Но, не смотря на ходатайство Румянцова, ему не дали документовъ, содержащихъ въ себѣ сношенія между Пруссіею и Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, заключавшихся въ 5 книгахъ и составлявшихъ интересные дневники бранденбургскихъ посланниковъ и инструкцій, данныя имъ для исполненія порученій въ Россіи. Изъ кеннгсбергскаго архива они были перенесены въ тайный придворный архивъ въ Берлинъ, гдѣ видѣлъ ихъ потомъ извѣстный собиратель матеріаловъ о Россіи, А. И. Тургеневъ.

Зато поѣздка Штрاندмана (въ нач. 1820-хъ годовъ) въ Италію имѣла весьма важный результатъ. Ему были открыты всѣ важнѣйшія бібліотеки Италіи. Выписки изъ матеріаловъ онъ немедленно пересылалъ канцлеру. Главныя находки были сдѣланы имъ въ Римѣ и Флоренціи, въ бібліотекахъ Барберини и Валичелли (въ Римѣ) и во флорентійскомъ архивѣ. Онѣ обнимаютъ XV вѣкъ (письмо митр. Исидора къ флорент. собору изъ Кандіи, 7 іюля 1453 г., и истор. записка объ Исидорѣ), XVI и XVII вѣка, заключаая въ себѣ донесенія посланниковъ и описанія москов. государства (между прочимъ Тиеполо, мнимаго Пернштейна¹⁾),

¹⁾ Объ этомъ вопросѣ см. „Сборникъ соч. студ. унив. св. Владиміра“ т. I., 1880 г.

Барберини); сношенія съ папскимъ дворомъ въ XVI и XVII в.; извѣстія о временахъ самозванца до второй половины XVII в. (Альбертъ Вимена да Ченеда). По поводу находокъ Штрандмана, гр. Румянцовъ писалъ Евгенію: „кажется, все предсказываетъ, что мы въ нихъ найдемъ и для поясненія рос. исторіи жатву отличную“¹⁾. Въ Парижѣ гр. Румянцовъ преслѣдовалъ другую цѣль: онъ предложилъ значительную сумму денегъ эллинисту Газе и ориенталисту С. Мартену, для изданія тѣхъ восточныхъ и византійскихъ писателей, которые еще не были напечатаны. Такимъ образомъ въ 1819 г. Газе издалъ исторію Льва-діакона въ греческомъ и латинскомъ текстахъ, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ статей изъ рукописей парижской библіотеки, въ числѣ которыхъ заслуживаютъ вниманія записка греческаго топарха о Таврическомъ полуостровѣ въ половинѣ X вѣка²⁾ и отрывокъ изъ исторіи Іоанна, архіеп. солунскаго, о чудесахъ св. Дмитрія, —важный для исторіи Солуны. Съ своей стороны Румянцовъ тогда же распорядился перевести на русскій языкъ сочиненіе Льва-діакона, важное для русской исторіи; трудъ этотъ былъ выполненъ профес. спб. унив. Поповымъ и напечатанъ въ 1820 г. Но другихъ византійскихъ писателей (Мих. Пилла, Ник. Григоры и особенно интересовавшаго Румянцова—Г. Амартола) ему не пришлось видѣть³⁾. Впрочемъ Газе ѣздилъ осматривать библіотеки генуэзскую, миланскую и венеціанскую, гдѣ открылъ нѣсколько неизвѣстныхъ визант. писателей и варіантовъ къ нимъ (Вѣст. Евр., 1821, №3), а также въ Испанію, для извлеченія въ тамошнихъ монастыряхъ арабскихъ рукописей (Ивановскій, 48)⁴⁾. Сентъ-Мартенъ собирался издать исторію Чингисъ-хана, Батыя и нашествія монголовъ, извѣстія о хазарахъ, при посредствѣ Френа и Гаммера, даже грузинскія лѣтописи, но и этотъ планъ не состоялся⁵⁾.

¹⁾ Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 95—97, 100, 101, 117.

²⁾ О запискѣ Топарха въ послѣднее время писали: Брунъ, Кунцъ, Геденовъ, Васильевскій.

³⁾ Для этой цѣли въ Парижъ было отправлено имъ нѣсколько тысячъ франковъ впередъ. „Журн. Мин. народн. просв.“, 1850, т. LXV, отд. V, стр. 4.

⁴⁾ На Кавказѣ для Румянцова разсматривались грузинскія и армянскія рукописи.

⁵⁾ Вѣст. Евр. 1820, № 13; пис. къ гр. Румянцову.

Сумма, оставшаяся послѣ него, по желанію академіи наукъ, была пере-

Английское правительство съ большимъ вниманіемъ отнеслось къ предпріятію Румянцова и разрѣшило русскому послу въ Лондонѣ, гр. С. Р. Воронцову, извлечь изъ посольскаго архива— всѣ матеріалы, касающіеся сношеній Россіи съ Англіею съ древнѣйшихъ временъ до XVIII в. Списки эти дѣлались въ двухъ экземплярахъ: одинъ былъ препровожденъ гр. Румянцову (1817 г.), а другой остался у гр. Воронцова, также любителя отечественной исторіи. Но экземпляръ Румянцова не вошелъ потомъ въ составъ его музея. Кромѣ того, для него были сдѣланы списки и выписки изъ рукописей, хранящихся въ Котоніанской и другихъ лондонскихъ библіотекахъ и составленъ обзоръ всѣхъ книгъ и рукописей на славянскомъ языкѣ, находившихся тамъ. Большая часть бумагъ, извлеченныхъ отсюда, заключаетъ въ себѣ, конечно, извѣстія о торговыхъ сношеніяхъ Англіи съ Россіею въ XVI—XVII в.; но въ числѣ ихъ были также русскія лѣтописи (одна до 1499 г. другая—новгородская лѣтопись—первая по 1443 г.). Отъ другихъ корреспондентовъ гр. Румянцова были доставлены: папскія буллы шведскому духовенству о русскихъ и славянахъ и грамоты кенигсбергскаго архива, относящіяся къ Литвѣ. П. И. Кеппенъ и Бандтке собираютъ для него свѣдѣнія о славянскихъ рукописяхъ, находящихся внѣ Россіи. (Старчевскій, Жур. мн. нар. просв., 1846, XLIX, переписка Евгенія и Востокова). Румянцову удалось даже проникнуть въ малодоступную императорскую вѣнскую библіотеку, въ которой оказалось 114 №№ историческихъ матеріаловъ, относящихся къ Россіи, Польшѣ и Литвѣ, съ XV стол., и онъ началъ гоняться, чтобы добыть ихъ (Перепис. Евгенія съ Румянцовымъ, 21); причемъ онъ не скрываетъ, что „легче домогаться по такой статьѣ въ чужихъ государствахъ, нежели въ отечественныхъ предѣлахъ.“ „Вы изволите видѣть, какой рой надо мною вьется!“ писалъ гр. Румянцовъ м. Евгенію, по поводу своихъ розысканій въ иностранныхъ библіотекахъ и архивахъ. „Я ужъ нѣсколько лѣтъ домогаюсь, чтобы отыскивали въ Гентѣ, Бриггѣ, Дортрехтѣ, Иперѣ бумаги, относящіяся къ тѣмъ древнимъ сношеніямъ, которыя имѣли по торговлѣ сіи города съ Россіею“¹⁾. Узнавъ, что

дана, въ 1845 г., Газе на изданіе византійскихъ писателей, Жур. Нар. Просв., LXV, отд. V, 9 и 6.

¹⁾ Вскорѣ въ нѣмецкомъ журналѣ появилось извѣстіе о находкѣ 57 актовъ, въ Бриггѣ, голландскимъ ученымъ Схелтемомъ, имѣющихъ отношеніе къ сред-

въ одной шведской гимназiи хранятся какія-то славянскія рукописи, онъ до тѣхъ поръ не успокоился, пока не удалось ему получить копии и реестры ихъ ¹⁾. По его соображеніямъ выходило, что древніе Медичи должны были имѣть прекрасную коллекцію картъ Тавриды, Чернаго и Азовскаго морей. Карты эти (числомъ 15) были отысканы во Флоренціи, съ нихъ сняты копии, и въ числѣ ихъ оказалась карта Сарматіи и Азіатской Скифіи XIII в. „Всѣ любители рос. древностей, заключаетъ онъ свое письмо къ Малиновскому, радуются вмѣстѣ со мною моему приобрѣтенію (статья Барсова и переписка м. Евгенія съ Румянцовымъ, 32). Еще въ XVIII в. извѣстный ростокскій ориенталистъ О. Г. Тихсенъ обратилъ вниманіе на существованіе кладовъ съ арабскими монетами IX и X в. на берегахъ Балтики и въ Россіи. Узнавъ о его изслѣдованіяхъ, гр. Румянцовъ вступилъ съ нимъ въ сношенія (въ 1815 г.), причемъ Тихсенъ настаивалъ на необходимости подобныхъ разысканій въ Россіи. Дѣйствительно, въ 1822 г., въ имѣніи гр. Румянцева, м. Гомелѣ (Могилевской губ.) былъ найденъ такой кладъ съ 82 куфическими монетами Сассанидской династіи (896—943 гг.), поступившій въ Румянцовскій музей и описаніе которому было составлено рус. ориенталистомъ Френомъ. (Допол. къ статьѣ Старчевскаго, въ журн. М. Н. Пр., XLIX; Мухамед. Нумизм. Савельева, стр. 25, гдѣ помѣщено изслѣдованіе Френа; Hartmann s: O. G. Tychsen oder Wanderungen u. s. w. Bd. II, Abt. II).

VII.

На счетъ гр. Румянцева были изданы слѣдующіе труды:

1) Лербергъ, Изслѣдов., служ. къ объясн. древ. рус. ист. Спб. 1819, съ нѣмецк. изданія Аѳ. Наукъ (1816 г., съ объясн. Круга) ²⁾. Библиотека Лерберга была куплена гр. Румянцовымъ по смерти автора.

невѣковой торговлѣ съ Россіею, списки съ которыхъ готовились для Румянцева. Изъ Любека ему прислали списокъ акта о торговлѣ съ Новгородомъ, относящагося къ 1392 г.; изъ-заграницы же онъ получилъ рѣдкое венеціанское изданіе славянскаго служебника—1519 г. (Переписка съ Евгеніемъ, 75—76).

¹⁾ Въ числѣ ихъ была и хроника Ѳ. Сафоновича. Переписка съ Евгеніемъ, 33—35.

²⁾ Переводъ сдѣланъ Д. И. Изыковымъ, переводчикомъ Шледера. В. И.

2) Путешествіе въ южн. океанъ и Беринговъ проливъ для отысканія Сѣвер. Вост. морскаго прохода, совершенное на кораблѣ Рюрикъ, подъ нач. лейт. Коцебу 1815—1818 гг., въ 3 ч., съ рисунками и картами.

3) Geschichte der Russen. Учебникъ Эверса. 2 ч. 1816—1818: Дерптъ.

4) Sammlung Russischer Gesch., т. X, продолж. Миллеровскаго Сборника или Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Г. Эверса и М. Энгельгардта. Дерп. 1816. (Собр. иностр. соч. о Россіи и свѣд. о нѣм. колоніяхъ въ Россіи, Рус. Правда, торгов. догов. Мстислава Давыдовича съ нѣмцами).

5) Труды Θ. Аделунга: 1) Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde. Berl. 1816, 2) Sieg. Freih. v. Herberstein mit besonder. Rücksicht auf seine Reisen in Russland, J. P., 1818, 3) Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ (переводъ съ нѣмец.). Спб. 1827¹⁾; 4) Die Korssunschen Thüren in der Cathedral-Kirche in Heil. Sophia in Nowgorod (съ таблиц.). Берл. 1823. М. 1834 (переводъ).

6) Законы в. кн. Василя III и ц. Ивана Васильевича IV. (Строева и Калайд. М. 1819; новое изд. 1877 г.).

7) Соф. Времен. 862—1534, 1820—21 гг., 2 ч., изд. Павла Михайловича Строева.

8) Древ. рус. стихотворенія, собр. Киршею Даниловымъ, изд. К. Калайдовича, 1818.

9) Памят. рус. слов. XII в. (соч. Кир. Тур., М. Никиф., Данила Заточника, вопросы Кирика) К. Калайдовича, М. 1821.

10) Письма объ археол. изслѣд. въ Рязан. губ., съ рисунк. найденныхъ тамъ древностей въ 1822 г., К. Калайдовича, М. 1823.

11) Иоаннъ, экз. Болгарскій, М. 1824. Калайдовича.

12) Опытъ о посадникахъ новгородскихъ, М. 1821. Трудъ протоіерея І. Григоровича.

¹⁾ Собраніе рисунковъ до тѣхъ поръ не было издано и хранилось въ королевской библіотекѣ въ Дрезденѣ. Узнавъ о немъ отъ Аделунга, гр. Румянцовъ поручилъ ему сдѣлать вѣрные снимки, которые и были изданы, по смерти канцлера, его братомъ.

- 13) Бѣлорус. архивъ древ. грамотъ, М. 1824. І. Григоровича.
- 14) Словарь писателей духовнаго чина греко-рос. церкви, м. Евгенія Болховитинова, 2 ч.
- 15) Рустрингія, первонач. отечество в. кн. Рюрика и его братьевъ, Гольмана. Перев. Снегирева, 1819.
- 16) О походѣ новгородцевъ въ Финляндію, упоминаемомъ въ русскихъ лѣтописяхъ. Гиппинга. Спб. 1820.
- 17) Зап. о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ Средней Азіи, Назарова. Спб. 1821.
- 18) Древнія государ. грамоты, наказныя памяти и челобитныя, собр. въ Пермской губ. В. Берхомъ. Спб. 1821.
- 19) *Lexicon linguae Finnicae*. Revall, Aboe. 1823.
- 20) *Description d'une medaille de Spartacus, etc.*, изъ кабинета гр. Румянцева. Спб. 1824.
- 21) Кирилль и Меѳодій, Слав. первоуч., Добровскаго, пер. Мих. Петр. Погодина М. 1825.
- 22) Hammer. *Sur les origines Russes, extraits des manuscrites orientaux*. Спб. 1825.
- 23) Сибирскія надписи, собранныя Спасскимъ, 1822.
- 24) Сибирская лѣтопись, изд. Г. Спасскимъ, 1821 (указ. въ Древ. и Нов. Россіи, рус. Палеологи, 1880, №, 4, стр. 745).
- 25) Собраніе слав. памятниковъ, находящихся внѣ Россіи, собр. Кепшеномъ. Спб. 1827 (выписки изъ Остроум. Еванг., статьи изъ Фрейзинг. рук., хран. въ Мюнхенѣ, Стефаново четвероеванг. 1492, палеогр. снимки изъ Остр. Еванг. и др.)
- 26) Татарскій текстъ соч. Абулгази, напеч. въ 1825 г., въ Казани, Френомъ съ предисл. на латин. яз. (*Abulghasi Bahadur Chani Historia Mongolorum et Tartarorum*).

Въ 1829 г. въ Петербургѣ вышло сочиненіе подъ заглавіемъ „О соборахъ, бывшихъ въ Россіи со времени введенія въ ней христіанства до цар. Іоанна IV“, посвященное памяти гр. Румянцева. Авторъ Н. Т. (т. е. Турчаниновъ, учит. 3 гимназіи) въ предисловіи заявляетъ, что эта книга написана по волѣ канцлера и даже по програмѣ, данной имъ автору. Теперь эта книга очень рѣдка. Извѣстное „Разсужденіе о ересьхъ и расколахъ, бывшихъ въ русской церкви“, студ. московской духовной акад. Николая Руднева (М. 1838), также написано „по предложенію“ канцлера Румянцева. Кромѣ того гр. Румянцовъ предполагалъ издать „Древ-

нія путешествія Россіянъ“ (36 авторовъ)¹⁾; опис. моск. синод. библіотеки; весьма важную дербентскую лѣтопись (Дербентъ-Наме); Сборникъ Святослава, изданіе котораго приготавлилъ Востоковъ и предчувствіе близкаго выхода котораго „вливало радость въ душу“, по собственнымъ словамъ Румянцова (Барсовъ). Онъ сознавалъ важность и необходимость справочнаго словаря для именъ, географическихъ названій, статистическихъ данныхъ, татарскихъ именъ и т. п., составленнаго по лѣтописямъ и другимъ источникамъ²⁾ и просилъ митр. Евгенія найти свѣдущихъ людей въ псковской семинаріи, но послѣдній отклонилъ отъ себя такой способъ составленія этого труда (ib. и переписка съ Евгеніемъ). Въ Кіевскую академію Румянцовъ назначилъ 3,000 р. на вѣчныя времена для выдачи премій за лучшія сочиненія по русской исторіи³⁾. Не желая обременять государственное казначейство, гр. Румянцовъ предлагалъ стороною Карамзину 50,000 р., для изданія его исторіи, но послѣдній не согласился принять пособіе „отъ партикулярнаго челоѣка“. (Н. М. Карамзинъ, Погодина, II, 136). Въ 1826 г. онъ хотѣлъ отправить на свой счетъ въ Италію Погодина, для разысканій по русской и славянской исторіи, и сдѣлалъ уже всѣ приготовленія, но внезапно скончался (Автобіогр. Погодина, въ Словарѣ проф. моск. унив., II, 257). Отчасти гр. Румянцовъ оказывалъ свою помощь и извѣстному путешественнику З. Я. Доленгахоковскому (Судьбы археологіи въ Россіи, Погодина, стр. 14).

Румянцова занимали самые разнообразныя вопросы, возникавшіе при чтеніи древнихъ памятниковъ и новыхъ изслѣдованій,

¹⁾ Какіе путешественники должны были войти въ этотъ сборникъ, см. у Терещенка, II, 257—261. Собираніемъ этихъ матеріаловъ занимался А. Ѳ. Малиновскій. Переписка Евгенія съ Румянцовымъ, 31.

²⁾ Строевъ потомъ предлагалъ исполнить это предпріятіе, но оно также не исполнилось.

³⁾ Въ 1830 г. въ Кіевѣ была издана книга: „Изслѣдованіе кіевской церкви св. Іліи, упомянутой въ договорѣ вел. кн. Кіевского Игоря Святославича съ греками 954 г., сохраненномъ въ лѣтописи пр. Нестора. Сочин., писан. за награду, установ. покойн. канцлеромъ гр. Н. П. Румянцовымъ, студ. К. Дух. Академіи Ефимомъ Остроумьскіимъ“. Кіевъ, 37 стр. Въ немъ доказывается подлинность договоровъ и свидѣтельства Нестора о церкви св. Іліи, причемъ представлено изслѣдованіе мѣстности послѣдней. Румянцовскія награды за сочиненія по русской исторіи выдавались въ академіи до послѣдняго времени.

какъ обстоятельства крещенія Ольги ¹⁾, исторія древняго Херсонеса, походъ Улѣба на желѣзные ворота, извѣстія о Хазарахъ и Уграхъ, путь Ольгерда во время похода его на Москву, второй бракъ Витовта на русской, древность православія на Волынѣ, судьба галицкаго княжества, происхождение имени Пскова, кто былъ авторъ житія Сергія, сличеніе новыхъ списковъ "Русской Правды", начертанія буквъ въ древнихъ рукописяхъ, вопросы по восточной нумизматикѣ, татарскія грамоты, финскій словарь, литовскія древности; свеоготскіе законы, изданные въ Стокгольмѣ, по отношенію ихъ къ древнему русскому законодательству (переписка Евгенія, Востокова и Калайдовича). Онъ самъ перечитывалъ и русскія лѣтописи, и акты, получаемые съ разныхъ сторонъ ²⁾. Для него дѣлаютъ переводы—изъ польскаго гербовника, съ латинскаго—кенигсбергскихъ актовъ, съ датскаго—скандинавской саги. Въ его библіотекѣ были болландисты, французскія хроники въ изданіи Гизо, сочиненія Фогта о Пруссіи и Литвѣ и т. п. Читая рукописи, онъ дѣлаетъ палеографическія и историческія замѣтки, а по поводу надписи на колоколѣ въ монастырѣ Саввы Сторожевскаго высказываетъ свои соображенія (Калайдовичъ, Безсонова, 148). При посредствѣ м. Евгенія, Григоровича и проф. Лобойко ³⁾ онъ знакомится съ польскою археологическою и историческою литературою. Онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ замѣчаній Востокова на древнюю славянскую рукопись, найденную въ Барберинской библіотекѣ, и о супрасльской рукописи, отъ которыхъ ставилъ въ зависимость изданіе послѣдней. „Всѣ письма ваши отъ меня занимаютъ, писалъ онъ Востокову.

¹⁾ Разсужденія по этому вопросу въ перепискѣ съ Евгеніемъ, 48—50.

²⁾ Вопросъ о происхожденіи руссовъ близко интересовалъ Румянцова. Такъ, имъ былъ заказанъ переводъ Рустрингін Снегиреву, а въ письмахъ къ м. Евгенію онъ высказалъ свой взглядъ на этотъ предметъ; онъ обратилъ вниманіе на раннее упоминаніе имени руссовъ у одного восточнаго писателя (Табари), а послѣ его смерти Погодинъ издалъ на его счетъ соч. Неймана, о жилищахъ руссовъ (переписка съ Евгеніемъ).

³⁾ Ив. Никол. Лобойко—воспит. харьк. унив., профес. вилensk. унив., членъ моск. общ. любит. словесн., напечаталъ: „О важнѣйшихъ изданіяхъ записокъ Герберштейна о Россіи (изъ книги Аделунга) въ „Соревнователѣ“ и отдѣльно. П. 1818 г.; „Обр. російскихъ стихотвореній“, Вильно, 1827 г.; „Взглядъ на древн. словесность скандинавскаго сѣвера“. П. 1821. Словарь Геннадіи, т. II. В. И.

Вы для меня, какъ французы говорятъ, *la loi et les prophetes*“ (157—169, 218—219. Переписка Востокова). Съ Евгеніемъ онъ ведетъ обширную переписку о славянскихъ кормчихъ; онъ возражаетъ Успенскому на его объясненія древнихъ терминовъ (Письма къ Евгенію, 12); Карамзину—на его мнѣніе о позднѣйшемъ происхожденіи надгробныхъ памятниковъ (*ibid*); вмѣстѣ съ Евгеніемъ онъ признаетъ изслѣдованіе о черниговской гривнѣ, приписываемое Каченовскому (Вѣст. Евр.), ученѣмъ и умнымъ (*ib.* 58). Кешпентъ увѣдомляетъ его о древнихъ камняхъ съ надписями въ Островскомъ уѣздѣ—и Румянцовъ спѣшитъ съ разъясненіемъ ихъ; по указанію Канкринъ, онъ разыскиваетъ камни на Двинѣ. При посѣщеніи Кіевской Лавры, обращаетъ вниманіе на рукопись Палинодіи; при проѣздѣ черезъ Москву, покупаетъ рукопись о Лжедимитріѣ, заключающую въ себѣ новыя свѣдѣнія. „Она тѣмъ любопытна, пишетъ онъ митроп. Евгенію, что многое иначе упоминаетъ, нежели уже принято нами за истину“ (стр. 48). Отправившись для лѣченія на Кавказъ, онъ не преминулъ осмотрѣть древніе памятники въ стѣнахъ (Переписка съ Евгеніемъ, 78). По его побужденію было сдѣлано приглашеніе смоленскимъ губернаторомъ объ открытіи и сохраненіи древнихъ рукописей и памятниковъ древности (17—19) ¹⁾. Съ тою же цѣлью онъ списывался съ вятскимъ, архангельскимъ архіереями и съ новгородскимъ губернаторомъ; онъ разсылалъ подробныя программы для археологическихъ разысканій. Узнавъ о рукописяхъ, принадлежавшихъ Анастасевичу, и богатомъ рукописномъ собраніи Салокodzева, о смерти того или другого собирателя рукописей и монетъ, онъ хлопочетъ объ ихъ приобрѣтеніи, не щадя средствъ. „Я неусыпно стараюсь, пишетъ онъ Востокову, о напечатаніи древнихъ документовъ и рукописей. Подаютъ мнѣ часто надежду, но вскорѣ опять все забываютъ и донинѣ существующая лѣнь и нерадѣніе беретъ верхъ по прежнему“. Григоровичу онъ пишетъ: „Не упускайте развѣдывать о всѣхъ продажныхъ, очень древнихъ, рукописяхъ на пергаментѣ и меня о томъ увѣдомлять“ (Переписка Григоровича, 61). Съ не меньшимъ рвеніемъ онъ хлопоталъ о при-

¹⁾ Подробная инструкция объ этомъ губернатора въ Евгеніевскомъ сборникѣ, выпускъ I.

обрѣтеніи за границею старинныхъ славянскихъ изданій и вообще рѣдкихъ книгъ. (Переписка Востокова, 184). Узнавъ объ открытіи въ колокольнѣ харьковскаго собора старинныхъ бумагъ (XVIII в.), онъ настаивалъ передъ Евгеніемъ на подобномъ же осмотрѣ всѣхъ церквей его епархіи (ib. 21), и, насколько это предположеніе имѣло свое основаніе, лучшимъ подтвержденіемъ можетъ служить находка бумагъ Берхомъ подъ колокольнею въ Соликамскѣ (Переписка Берха, 153) и еще недавнее открытіе актовъ архимандритомъ Леонидомъ въ колокольнѣ валдайскаго Иверскаго монастыря (Историч. библіотека Арх. Ком., V).

Но и эта дѣятельность еще не удовлетворяла Румянцова. Препровождая митр. Евгенію изслѣдованіе о древнихъ черниговскихъ городахъ, онъ прибавляетъ: „Я желалъ бы, чтобы примѣру сему послѣдовали многіе, описывая и сличая съ лѣтописями каждый свой край“ (стр. 11). Такъ, посѣтивъ новгородъ-сѣверскую гимназію, онъ предлагалъ преподавателямъ ея заняться составленіемъ исторіи сѣверскаго княжества (Ж. М. Н. П., т. LXXIV, стр. 50). Интересуясь славянами, онъ заказалъ переводъ соч. Равновецкаго и желалъ издать сербскую хронику Данила. Извѣстному польскому литератору, лексикографу и грамматiku Мронговіусу, въ Данцигѣ, Румянцовъ поручилъ заняться изслѣдованіемъ на мѣстѣ языка, нравовъ и быта Кашубовъ и оказалъ ему пособіе для этой цѣли. При этомъ ему была сообщена Румянцовымъ, для руководства, записка, „превосходно составленная“, по замѣчанію Прейса, которою могли даже руководствоваться позднѣйшіе филологи. (Отчетъ Прейса, Ж. М. Н. П., т. XXVIII, 1—24). Получивъ отъ Евгенія похвальный отзывъ объ изданіи памятниковъ Нѣмцевича — хотѣлъ его видѣть въ русскомъ переводѣ (Переписка Евгенія, 24, 26). О своей любознательности онъ писалъ тому же Евгенію: „Среди глубокой своей старости я, какъ нетерпѣливые молодые ученики, надобѣдаю учителю своему всякими вопросами; но мой наставникъ кротокъ духомъ и долготерпѣливъ“ (28). Это увлеченіе Румянцова духомъ науки, а не буквою ея, прекрасно характеризуется въ его интимномъ письмѣ къ Григоровичу по поводу продолжительнаго посѣщенія Евгеніемъ его библіотеки въ Петербургѣ: „вотъ какъ надо любить просвѣщеніе и все то, гдѣ къ нему путь открытъ“, писалъ онъ (Переписка Григоровича, 61). Вотъ почему, со смертію Румянцова,

самому м. Евгенію пришлось отчаяваться въ возможности новыхъ разысканій на этомъ поприщѣ (ib., 92), а позднѣйшимъ изслѣдователямъ сожалѣть, что онъ не имѣлъ достойнаго преемника.

Въ этой заботѣ объ успѣхахъ отечественной науки не было ничего напускнаго, покровительственнаго или заискивающаго. Онъ дорожилъ не только грубымъ матеріаломъ, какъ остаткомъ старины, передъ которымъ такъ преклоняются иногда любители всякихъ коллекцій, но умѣлъ цѣнить внутреннее значеніе памятниковъ. Вотъ интересный примѣръ, какъ понималъ Румянцовъ историческую критику. Собираясь писать исторію Пскова, м. Евгенийъ предварительно сообщилъ планъ ея гр. Румянцову, въ который входило, между прочимъ, описаніе чудотворныхъ иконъ. Отвѣчая на письмо Евгенія, съ чувствомъ благодарности за сообщеніе его мыслей, гр. Румянцовъ прибавляетъ: „Но позвольте мнѣ, какъ искреннему слугѣ вашему, чистосердечно васъ спросить: исчисленіе чудотворныхъ иконъ удѣлялъ ли исторіи“?—Гр. Румянцовъ истратилъ на ученые изданія и предпріятія 300,000 р., за что и за-границею, и въ Россіи называли его „кассиромъ рус. словесности“; но подобное пониманіе его роли—огорчало его самого и онъ по этому поводу писалъ м. Евгенію: „ошибаются эти люди—не этимъ я занятъ“, а Евгенийъ отвѣчалъ ему въ свою очередь утѣшеніемъ: „Да, мы должны видѣть въ васъ высокопросвѣщеннаго мецената, не только нашего покровителя, но и руководителя“ (67, 98). При всемъ томъ, ему не нравились пышные отзывы о его покровительствѣ и „пустая вѣжливость величаніемъ его титуловъ“ въ предисловіяхъ къ его изданіямъ, и онъ просилъ исключать ихъ при печатаніи. За то онъ самъ спѣшилъ войти въ сношенія съ людьми, которые могли бы оказать содѣйствіе его цѣлямъ. Съ Востоковымъ онъ сближается за „глубокое познаніе имъ древняго рос. языка“; въ Калайдовичѣ онъ цѣнилъ „необыкновенный даръ изыскивать и объяснять памятники древности“ (Біогр. Калайдовича, 36, 37); въ м. Евгениѣ онъ искалъ, „какъ любитель російскихъ древностей, учителя и наставника“; Малиновскому онъ пишетъ: „Я только тогда и богатымъ себѣ кажусь, когда вы хвалите то, что я приобретаю“. Онъ былъ счастливъ одною мыслью, что служить великому дѣлу науки. „Кажется, я богатѣю на пользу многихъ и сіе заключеніе меня много радуетъ. Я, право, собою не занятъ“—

говорить онъ въ письмѣ къ тому же Малиновскому, по поводу своихъ рукописныхъ пріобрѣтеній. Митроп. Евгенію, Востокову, Калайдовичу, Берху пересылаетъ необходимыя для нихъ книги или дѣлаетъ справки (Переписка Востокова, стр. 23—28, 162, 168, 181, Калайдовича 168 и др., Евгения и Григоровича). Калайдовичу, занимавшемуся сочиненіями Кирилла Туровскаго, способствуетъ своими разысканіями о Туровѣ. Для этого онъ сносится съ польскимъ ученымъ Линде, съ униатскимъ митрополитомъ, съ минскимъ губернаторомъ, съ м. Евгеніемъ, который и облегчаетъ разрѣшеніе вопроса. Графъ Румянцовъ входилъ даже въ мелочи изданія: его печалитъ плохой видъ словаря Евгения и онъ велитъ уничтожить заглавный листъ съ своимъ именемъ (Переписка Евгения въ Собрн. Ак. Н., V, 228); онъ самъ исправляетъ заглавіе въ книгѣ Кириши Данилова (Древнія вм. старинныя стихотворенія); возмущается употребленіемъ иностранныхъ терминовъ (пьесь, фарсовъ); исправляетъ переводъ книги Добровскаго, сдѣланный Погодинымъ. Онъ приходилъ въ негодованіе, когда Малиновскій хотѣлъ уменьшить плату за трудъ Калайдовича ¹⁾; онъ печалился, что Кепшенъ предпочелъ придворную службу занятіямъ палеографіей и самъ отказывается поднести трудъ Калайдовича государю, чтобы „честь этого изданія не была отнесена лично-къ нему“; но устроиваетъ это для Калайдовича другимъ путемъ. Каждое появленіе новаго труда, при его участіи, вызывало въ немъ особенную радость (Біогр. Калайдовича, 44) и онъ любилъ сообщать авторамъ лестные отзывы и замѣчанія критиковъ на труды его сотрудниковъ (ib. 46). Калайдовичу онъ писалъ: „Я желаю, чтобы вы были свидѣтелемъ той радости, которую почувствовалъ я, получивъ первый экземпляръ изслѣдованія вашего объ экзархѣ болгарскомъ“, и слѣшилъ тотчасъ-же послать экземпляры его митр. Евгенію и ученому Добровскому. Благодаря заступничеству Румянцова, профес. Даниловичъ ²⁾, Плисовъ

¹⁾ Но Румянцову, приходилось пріобрѣтать много и потому онъ иногда дорожилъ деньгами. Переписка съ Калайд., 180—181. Переписка Востокова, 117. „Графъ Румянцовъ не былъ щедръ“, говоритъ Погодинъ, Судьбы археологін, стр. 11.

²⁾ На Даниловича онъ возлагалъ изданіе открытой имъ литовской лѣтописи, но русскими буквами, и устава Казимира (Переписка съ Востоковымъ, 151, Переписка съ Евгеніемъ, 121), лучший списокъ котораго онъ старался разыскать черезъ м. Евгения и барона Розенкампа (126). В. И.

(бывш. проф. петерб. унив., а потомъ его библіотекаръ, Переписка Востокова, 456) и самъ Калайдовичъ были избавлены отъ постигшихъ ихъ гоненій и получили возможность принести несомнѣнную пользу наукѣ. Центромъ дѣятельности Румянцовскаго кружка продолжалъ быть московскій архивъ иностранныхъ дѣлъ. Такъ, гр. Румянцовъ поручалъ Малиновскому озаботиться пріисканіемъ и подготовкою молодыхъ ученыхъ для дальнѣйшей дѣятельности. Онъ обратилъ его вниманіе на статью Саларева о русскихъ грамотахъ, появившуюся въ „Вѣстн. Европы“; на Погодина, о которомъ писалъ ему Калайдовичъ, и пригласилъ его переводить ученыя труды для своихъ изданій; на сочиненія Арцыбашева и Сенковского (см. Переписк. съ Евгеніемъ).

VIII.

Къ Петербургу и погонѣ тамъ за карьерой Румянцовъ относился крайне скептически: „Здѣсь у насъ въ Петербургѣ, писалъ онъ Малиновскому, всякое дѣло ставятъ ниже своихъ занятій“. Можно даже сказать, что Калайдовича, Строева, Востокова, Григоровича—Румянцовъ удержалъ въ той сферѣ, въ которой они принесли неоцѣненную услугу отечественной наукѣ, а между тѣмъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ представлялась иногда болѣе заманчивая перспектива. Новое открытіе или изданіе много облетало небольшой кружокъ тогдашнихъ ученыхъ и любителей старины: Карамзина, м. Евгенія, Оленина, Ермолаева, Калайдовича, Круга, Востокова (Переписка съ Востоковымъ, 173 и др.) и др. Исторія Карамзина не только обязана многими матеріалами дѣятельности этихъ ближайшихъ сотрудниковъ Румянцова, но даже предварительно просматривалась и исправлялась въ архивѣ мин. ин. дѣлъ (Малиновскимъ и Калайдовичемъ, Барсовъ, Древ. Рос. 1877, № 5, стр. 21—22)¹⁾. Еще не задолго до своей смерти, Румянцовъ обращался къ Евгенію за разъясненіемъ слова ебра (125), къ Калайдовичу—о рукописяхъ и монетахъ (Безсоновъ, 200) и распоряжался объ отсылкѣ Добровскому рус. перевода его соч. о Кириллѣ и Меѳодіѣ (Переписка Востокова, 448).

¹⁾ Значеніе для Карамзина этого кружка весьма ясно выступаетъ въ его Письмахъ къ Малиновскому, М. 1860 г.

Гр. Румянцовъ скончался на 73 году (3-го января 1826 г.), вслѣдствіе ушиба ноги, и похороненъ въ Гомелѣ. Передъ смертію онъ просилъ брата докончить начатое изданіе Путеш. Мейерберга по Россіи (на нѣм. яз. Аделунга и въ перев. Спб. 1827 г. съ атласомъ). Онъ желалъ, чтобы все драгоцѣнное собраніе его рукописей и рѣдкостей было открыто для общаго пользованія. Открытіе его состоялось въ 1831 г., подъ именемъ Румянцовскаго музея, въ Петербургѣ ¹⁾, въ домѣ гр. Румянцева, откуда оно было перенесено въ Москву въ 1861 году, и переименовано „въ Московскій публичный и Румянцовскій музей“. Въ составъ его вошли слѣдующія коллекціи: библіотека печатныхъ и рукописныхъ книгъ и ландкартъ, минералогическій кабинетъ, минцъ-кабинетъ и собраніе рѣдкостей. На музеѣ была сдѣлана надпись: „отъ государственнаго канцлера гр. Румянцева на благое просвѣщеніе“ ²⁾. Еще при жизни Румянцовъ успѣлъ собрать 752 рук., начиная съ XII вѣка. Иностранныя рукописи музея писаны на разныхъ европ. и азіат. языкахъ. Первые приобрѣтены изъ разныхъ иностранныхъ библіотекъ и архивовъ, а послѣднія отъ частныхъ лицъ. Печатныхъ книгъ въ музеѣ было до 40,000, расположенныхъ по отдѣламъ наукъ, изъ нихъ 2,375 книгъ на рус. языкѣ, въ числѣ которыхъ было много весьма цѣнныхъ приобрѣтеній церковной печати. Однихъ первоначальныхъ изданій (incipiabilia), какъ-то твор. св. отцовъ, лѣтописей, папск. постановленій и пр. около 200. Въ его собраніи находились также великолѣпныя изданія Наполеона I и его второй жены Маріи-Луизы, подаренныя ими Румянцову; монетъ и медалей было 1,594, ландкартъ и черте-

¹⁾ Впрочемъ м. Евгенийъ замѣчаетъ: „И такъ намѣреніе канцлера сдѣлать свою библіотеку особою публичною не исполнилось, а подѣ въѣдомомъ министерства (нар. просв.) она будетъ не славна“. Переписка Востокова, 265.

²⁾ Извѣстны также пожертвованія гр. Румянцева въ другія ученыя учрежденія: абовскому университету (Вѣст. Евр. 1816 г., ч. 87, № 11), нѣжин. лицей (Барсовъ), новгородъ-сѣверской гимназій (пис. канцл. къ директ. И. И. Халанскому, Черниг. губ. вѣд. 1852 г. № 12), Импер. публичной библіотекѣ (біогр. Румянцева, Ивановскаго, 31), а въ 1813 г. онъ открылъ на свои средства публичную библіотеку въ Великихъ Лукахъ Псковской губ. (ib. 32—33). Онъ изъявилъ готовность Сперанскому снабдить Иркутскую библіотеку книгами по отечественной исторіи (переписк. съ Берхомъ). Въ Гомелѣ у него была ланкастерская школа (переписка Григоровича, 50).

жей 640 (Терещенко, II, 262 — 264 ¹⁾). Благодаря его собранію и участію въ ученыхъ экспедиціяхъ и были составлены тогда первыя научныя описи архивовъ и библиотекъ и выписки изъ ихъ матеріаловъ ²⁾: таковы каталоги рукописей Сторожевскаго мон., реестры рук. синод. библ., кирилловской книгохранительницы, рук. Соф. (Новгор.) библ., Троицкой лавры, описи рукоп. моск. архива ин. дѣлъ и мн. др. монаст. библ.; сдѣланы были выписки изъ рук. Волокол. мон. на 69 листахъ, Новгор. Соф. библ. на 60 л., Спб. дух. ак., изъ актовъ москов. глав. архива ин. дѣлъ (Старчевскій, 46—47). Описаніе славяно-рус. рукописей Рум. музея напечатано уже въ 1842 г. (объ указателѣ къ нему см. переписку Востокова, примѣч. 3). Право изданія и клише тѣхъ изданій, которыя выходили при содѣйствіи моск. архива ин. дѣлъ, гр. Румянцовъ передалъ комисіи печатанія госуд. грамотъ, состоящей по настоящее время при томъ же архивѣ. Въ послѣднее время она приступила къ перепечаткѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Нужно замѣтить, что изданія Румянцова въ то время расходились въ крайне незначительномъ количествѣ и почти вовсе не оплачивали затратъ на нихъ; а потому дѣятельность покровителя и его сотрудниковъ, не терявшихъ надежды на оцѣнку ихъ труда въ будущемъ и безкорыстно служившихъ наукѣ, въ полномъ смыслѣ была самоотверженіемъ. Ихъ дѣятельность послужила основаніемъ для временной археографической экспедиціи и вскорѣ замѣнившей ее постоянной—археографической комисіи.

Румянцовъ, какъ покровитель отечественной науки, прекрасно понималъ свою роль. Онъ не задавался въ своей цѣли какою нибудь узкою областью: въ его собранія и изданія входили дѣтописи и акты, житія, литературныя произведенія, письменные и вещественные памятники; русскіе и иностранныя архивы; онъ цѣнилъ не только древнія рукописи, но и рѣдкія старопечатныя книги, какъ русскіе, такъ и славянскіе памятники древности, остатки старины разныхъ народовъ, населяющихъ Россію.

¹⁾ Музей Румянцова со всѣми его собраніями и принадлежавшими къ нему зданіями (въ Петербургѣ) цѣнили тогда въ 2 мил. р. Терещенко, II, Ср. также переписку Востокова, 456.

²⁾ О различныхъ способахъ описанія рукоп. и книгъ, а также взглядахъ на это дѣло Востокова, Калайдовича, Строева, Оленина, см. переписку Востокова, 179, 436—39, 444. Ср. „Русскіе Палеологи“ въ „Древней и Новой Россіи“ 1880 г.

Его библіотека заключала въ себѣ лучшія и важнѣйшія изданія по разнымъ отраслямъ знанія, какъ необходимый вспомогательный матеріалъ для изслѣдователя. Въ этомъ, можно сказать, космополитическомъ стремленіи, вполне выразился его живой умъ, о которомъ вотъ что писалъ Николай Михайловичъ Карамзинъ къ Ивану Ивановичу Дмитріеву въ 1822 году:

„Онъ едва ходитъ и стоитъ отъ слабости въ ногахъ... не смотря на то, хочетъ ѣхать въ Москву и еще съ живостью говорить о древностяхъ Россіи, о политикѣ и будущей судьбѣ Европы. Грустно, что нельзя говорить съ нимъ“ (330). Благодаря своему вліянію и личному участию, онъ успѣлъ сосредоточить возлѣ себя лучшія научныя силы того времени. Своими изданіями онъ думалъ распространить въ обществѣ научныя свѣдѣнія о Россіи и еще при жизни желалъ сдѣлать свою библіотеку общедоступною (Переписка Востокова, 265)¹⁾. Только такая всесторонняя дѣятельность могла надолго возбудить широкій интересъ къ отечественнымъ древностямъ и дать направленіе новымъ дѣятелямъ съ самоотверженіемъ и энтузіазмомъ принявшимъ за ихъ изученіе и разработку.

Матеріалы: О заслугахъ Румянцова, оказанныхъ отечественной исторіи, А. Старчевскаго, Ж. М. Н. П., 1846 г., XLIX и дополненіе ib. Н. П. Румянцовъ, Е. Барсова, Древ. и Нов. Россія 1877 г., № 5; П. М. Строевъ, Н. П. Барсукова, 668 стр. (по неизд. матер.); статьи о Румянцовѣ и митропол. Евгеніѣ Ивановскаго въ „Кіев. Губ. Вѣд.“ (1869 г.) и отдѣльно: Государственный канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ. Спб. 1871 г. и Евгеніевскій Сборн. 1871; м. Евгеній, Н. С. Тихонравова, „Рус. Вѣст“ 1867 г.; К. Ѳ. Калайдовичъ, Безсонова, „Рус. Бесѣда;“ записки Калайдовича, въ Лѣт. Рус. Литер., Н. С. Тихонравова III т.; матеріалы для жизнеописанія Калайдовича, Чтен. М. О. И. 1862 г., III т. Содѣйствіе

¹⁾ „Дабы довести до свѣдѣнія разсѣянныхъ въ Европѣ ученѣйшихъ людей сибирскія надписи и что о нихъ собралъ и сообщилъ Спасскій, рѣшился я ихъ издать съ латинскимъ объясненіемъ, надъ которыми надзираетъ г. Кругъ“ (1822 г. Переп. съ Евгеніемъ, 59). А м. Евгенію онъ сообщаетъ, что въ Геттингенскихъ литерат. листахъ указано сходство сибирской надписи, у Спасскаго, съ надписью, вырытою въ Гессенѣ (Ibid. 82). В. И.

Круга гр. Румянцову въ пользу Рус. Истор., Ж. М. Н. Пр. 1850 г. № 1 (т. LXV). Письма Сень-Мартена къ гр. Румянцову, „Вѣст. Евр.“ 1820, ч. 112, № 13; извѣстіе объ открытіи во Флоренціи нѣсколькихъ древ. картъ, въ томъ числѣ и Россіи, XIII—XV в. (ib. 1821, ч. III, № 9). О дипломатич. дѣят. Румянцова; книга Пертца о Штейнѣ; Трачевскій, Нѣмец. Полит. Екатерины II, Фридриха II и Іосифа II; А. Н. Попова, Снош. Рос. съ европ. дворами передъ войною 1812 г. Спб. 1876; К. К. Злобина, Дипл. Снош. Россіи и Швеціей въ цар. Ал. I, въ Сборн. Р. И. О., II; Ист. цар. Александра I, Богдановича, III, прил. 40—42. Записки Храповицкаго, Комаровскаго (Р. Арх. 1867), Арндта ib. 1871, Мартынова, въ Памят. нов. рус. ист. II; Автобіографія С. П. Румянцова, Р. Арх. 1869; переписка Карамз. съ Дмитріевымъ и Тургенева съ Дмитріевымъ, Р. Арх. 1867; воспом. о П. М. Строевѣ, Срезневскаго, Сборн. Ак. Наукъ XVII и зап. Акад. VI; переписка гр. Румянцова съ м. Евгениемъ, I—III книги Воронц. архива 1868.—1872. Матеріалы о м. Евгениѣ и переписка Востокова, Сборн. Ак. Н., V. Переписка гр. Румянцова съ прот. Григоровичемъ, Чтенія М. О. И. 1864, II. Неизд. переписка гр. Румянцова, хран. въ Рум. Муз. въ соч. Барсукова, П. М. Строевъ, 1878, Спб.; письма Румянцова и къ Рум. въ Рус. Арх. 1872 и 1874. Сильвестръ де-Саси, его жизнь и ученые труды, П. С. Савельева, Журн. М. Н. Пр. 1839, № 1. Письма гр. Румянцова къ новгород. протоіерею Скородумову, изданные Прудниковымъ. Письма гр. Н. П. Румянцова къ В. Берху и М. Ѳ. Берлинскому въ собран. матеріаловъ „Русской Старины“. Въ перепискѣ Румянцова съ м. Евгениемъ находятся нѣкоторые письма: Добровскаго, Круга, Френа, Газе, Малиновскаго, Калайдовича, Востокова, С. де-Саси, Лобойка.

Перечень изданій Румянцова, сост. Барсуковымъ, въ ст. Погодина: о судьбахъ археологіи въ Россіи, въ Труд. I археолог. съѣзда, М. 1871. Путеш. въ гг. Чардынь и Соликамскъ В. В. Берха, 1821, Спб. Письма Берха къ Румянцову о путеш. въ Солик. и Чердынь, Сынъ Отеч. 1819, № 18, 241—257. Отъ Берха, между прочимъ, былъ полученъ интересный списокъ съ переписныхъ книгъ Соликамска и Чердыни съ уѣздами, составл. Яхонтовымъ и Кайсаровымъ, 1579 и 1623—24 гг., на 186 лист. Опис. Рум. Музея Востокова, № CCCVIII, извлеч. въ Путеш.

Берха; Грамоты, напеч. тамъ же, въ собр. госуд. гр. III, № 70 и въ изд. Румянцова: Древн. госуд. грам. Собр. въ Перм. губ. 1821 г. Спб. Ср. Опис. Рум. Музея, № XLVII—XLIX, 69—70.

Письма м. Евгенія къ Городчанинову, Журн. М. Н. Пр. т. 93, Рус. Арх. Другія письма въ Москву, 1842 и 1848 гг. Библ. Зап. 1859 г. Автобіогр. Евгенія въ Киев. Епарх. В. 1862 г., № 19 и 20, и Волог. Еп. В. 1868; біогр. при Словарѣ свѣт. писат. и Слов. писателей Снигирева, Слов. Бант.-Каменскаго, II, Времен. М. О. И. кн. 19; объ управ. Киев. Еп., Киевлян. 1867, № 148—153; дѣят. во Псковѣ, Дух. Бес. 1868, № 1, и Киевск. Еп. В. 1868, № 3; статья Оаворова Киев. унив. Изв. и Труды К. Ак. 1867 г., м. Евгеній какъ историкъ, Н. Сѣвернаго, Воскресн. Чтен. 1869, № 45; о рукопис. Евгенія въ Киево-Соф. библ. Труды Киев. Ак., 1867, № 12. О другихъ статьяхъ—Словарь Геннади. Berichte über einige die russische Geschichte betreffende Arbeiten, три отчета Круга, представленные Академіи Наукъ, въ его Forschungen; Письма Карамзина къ Малиновскому, М. 1860.

В. С. ИЕОННИКОВЪ.

Кіевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

ГЛАВА XX ¹⁾.

Пребываніе на Кавказѣ.

Ровно чрезъ три мѣсяца по выѣздѣ изъ мирнаго Минусинска, 12-го іюня 1840 года, мы приѣхали уже изъ Тифлиса въ Ставрополь, главную квартиру войскъ праваго фланга кавказской линіи и столицу кавказской области. Изъ Тифлиса мы ѣхали тѣмъ-же путемъ чрезъ кавказскій хребетъ, Крестовой горой, проѣздъ чрезъ которую теперь уже былъ свободенъ отъ снѣга; потомъ очаровательнымъ ущельемъ до Владикавказа и Грузинской дорогой до Екатеринограда. Отсюда мы ѣхали уже новой для насъ дорогой, не представлявшей впрочемъ ничего новаго, сравнительно съ прежней. Тѣ-же станицы, многлюдныя, чистенькія, напоминавшія Малороссію своими бѣлыми мазанками. Вездѣ станціи содержали казаки, потому почтовые лошади были превосходныя и ѣзда очень быстрая. Не доѣзжая Георгіевска, тогда уже заштатнаго города, показался гигантскій Эльбрусъ, а за нимъ пятигоріе, отъ чего получилъ свое имя Пятигорскъ. Георгіевскъ тогда, въ 1840-мъ году, былъ небольшой, но чистенькій городокъ; онъ расположенъ на рѣкѣ Кумѣ и помню, что тутъ мы были поражены удивительною бѣлизною пшеничныхъ хлѣбовъ, что впрочемъ и понятно, такъ какъ тутъ была родина знаменитой во всемъ мірѣ пшеницы-кубанки.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—661; (декабрь), стр. 823—850. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 487—418; (апрѣль), стр. 799—838; томъ XXXI (іюль), стр. 327—370; томъ XXXII (сентябрь), стр. 1—52.

Вся эта линія въ то время была безопасна для проѣзда, хотя и бывали случаи нападенія, но гораздо рѣже въ сравненіи съ лѣвымъ флангомъ. Такъ, тогда рассказывали, какъ погибъ одинъ маіоръ, приводившій маршевые баталіоны (такъ назывались баталіоны, назначенные для укомплектованія кавказскихъ войскъ). Онъ уже возвращался въ Россію и на одномъ переѣздѣ, къ вечеру, подѣзжая къ одному оврагу, внизу котораго былъ мостъ, подъ мостомъ замѣтилъ нѣсколько человѣкъ и лошадей. Догадавшись, что это были хищники, онъ, вмѣсто того, чтобъ повернуть назадъ и скакать къ посту или станицѣ, зарядилъ ружье, велѣлъ зарядить также своему человѣку и началъ спускаться; подѣзжая къ мосту, выстрѣломъ была ранена лошадь, что помѣшало ему пуститься во весь духъ; тогда выскочили хищники и хотя онъ сдѣлалъ два выстрѣла и можетъ быть убилъ или ранилъ кого-нибудь изъ нихъ, но все-же они его изрубили; ямщикъ, тоже раненый, свалился съ козелъ, гдѣ его и нашли сторожевые казаки, прискакавшіе на выстрѣлы. Казаки преслѣдовали разбойниковъ. По линіи распространилась тревога, и не помню уже—чѣмъ кончилось это преслѣдованіе.

Другой случай былъ съ женой артиллерійскаго полковника Мяхина, между Георгіевскимъ и Пятигорскомъ; на нее напали хищники, она была взята въ плѣнъ и потомъ уже выкуплена.

Верстъ за шесть открылся Ставрополь; онъ расположенъ на возвышенности и очень красивъ, осаженный садами и рощами, которые, въ перемежку съ бѣлыми каменными строеніями, придавали ему прекрасный видъ.

Въ Ставрополь мы пріѣхали въ обѣденное время и были очень рады встрѣтить здѣсь нашего товарища-декабриста Николая Романовича Цебрикова, того самаго, о которомъ я упоминалъ, описывая происшествіе 14-го декабря. Онъ имѣлъ солдатскій георгіевскій крестъ за штурмъ Ахалцыха и носилъ въ петлицѣ офицерскаго сюртука (онъ уже былъ произведенъ) георгіевскую ленточку; а какъ въ густыхъ, коротко остриженныхъ волосахъ его была значительная просѣдь, то вѣроятно его принимали болѣе за генерала, нежели за прапорщика, такъ что проходившіе мимо военные отдавали ему честь, причемъ онъ крайне конфузился. Это былъ человѣкъ весьма оригинальный: правдивый, честнѣйшій, пылкій до сумасбродства и либераль въ душѣ. Онъ очень легко поддавался мистификаціи, что мы знали еще въ Пятигорскѣ, бывъ дружески съ нимъ знакомы. Когда мы пришли къ нему и увидѣли, что при немъ въ услуженіи былъ крѣпостной человѣкъ, котораго онъ очень любилъ и баловалъ, то въ шутку замѣтили ему: «какъ это, Ник. Ром., вы декабристъ, а еще

пользуетесь крѣпостнымъ правомъ и имѣете при себѣ въ услуженіи раба?»—надо было видѣть, какъ онъ сконфузился и растерялся, принявъ шутку за чистую монету; началъ оправдываться тѣмъ, что взялъ его единственно для того, что-бы дать ему вольную, потупляя глаза, какъ будто уличенный въ какомъ нибудь дурномъ дѣлѣ, такъ что мы едва удерживались отъ смѣха и едва увѣрили его, что это была шутка, что въ Сибирь, за своими барынями, многія изъ крѣпостныхъ дѣвушекъ поѣхали, что-бы служить имъ.

У него мы познакомились съ однимъ преображенскимъ полковникомъ, фамиліи не помню, который былъ при кончинѣ Одоевского, нашего милаго поэта и друга. При поѣздкѣ нашей на Кавказъ, любимую нашею мечтою, всю дорогу, было увидѣть его и Нарышкина, Мих. Мих., спутниковъ нашихъ, съ которыми мы выѣхали изъ крѣпости въ Сибирь, и какъ было грустно намъ узнать, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Мы очень много говорили о немъ. Какимъ знали мы его въ тюрьмѣ, такимъ точно и остался онъ до конца: всегда или серьезный, задумчивый, во что-то углубленный, или живой, веселый, хохочущій до изступленія. Онъ имѣлъ порядочную дозу самолюбія, а какъ здѣсь онъ увидѣлъ во всемъ блескѣ удалство линейныхъ казаковъ (онъ былъ въ нижегородскомъ драгунскомъ полку, но прикомандированъ къ казачьему), ихъ ловкость на конѣ, поднятіе монетъ на всемъ скаку, то захотѣлъ непременно достигнуть того-же, безпрестанно упражнялся и, конечно, не разъ леталъ съ лошади. Да, если-бы онъ былъ живъ, то конечно оставилъ-бы своей милой родинѣ, пламенно имъ любимой, много прекрасныхъ, возвышенныхъ идей въ звучныхъ, прекрасныхъ стихахъ; но ревнивая смерть неожиданно похитила его во цвѣтѣ лѣтъ изъ этого міра и сбылось то, что онъ, какъ бы, предсказалъ, написавъ еще въ Читѣ въ своемъ стихотвореніи, подъ заглавіемъ «предчувствіе»:

„И грубый камень,
Обычный кровъ нѣмыхъ могилъ,
На черепъ мой остывшій ляжетъ
И соплеменнику не скажетъ,
Что рано выпала изъ рукъ
Едва настроенная лира“.

Въ Ставрополѣ намъ отвели хорошую квартиру у одного купца, претендовавшаго на званіе цивилизованнаго человѣка, но на самомъ дѣлѣ больше подходившаго къ московскому гостинодворцу 1820-хъ годовъ; претензія же его на цивилизацію возродилась по слѣдующему случаю: онъ имѣлъ торговня дѣла въ Таганрогѣ, бывалъ тамъ часто, и по этимъ же дѣламъ былъ знакомъ со многими иностранными

негоціантами. Они постоянно подшучивали надъ его бородой, говоря, что образованному человѣку постыдно носить бороду на подобіе какого нибудь мужика и что черезъ бороду онъ даже лишенъ возможности бывать въ клубѣ и благородномъ собраніи (тогда борода была еще въ гоненіи и немногіе дозволяли себѣ это отступленіе отъ общаго обычая; видно, что Петровская пошлина на бороду еще тогда не утратила своей силы). Прислушиваясь къ этимъ убѣжденіямъ, онъ мало-по-малу началъ склоняться на нихъ и вдругъ имъ овладѣла отчаянная рѣшимость сбрить свою бороду и открыть себѣ входъ во всѣ европейскія собранія и получить патентъ на цивилизованнаго человѣка. Цирюльникъ сначала коротко срѣзалъ ему бороду и усы, затѣмъ гладко ихъ выбрилъ—и вотъ готовъ новый цивилизованный европеецъ. «Но, когда послѣ операціи, я посмотрѣлъ на себя въ зеркало, рассказывалъ онъ, то лицо мое показалось мнѣ величиною въ палецъ; тутъ, господа, я уже не выдержалъ и вѣрите ли, слеза прошибла меня. Поздравленіе моихъ друзей-искусителей, обѣды съ шампанскимъ, входъ въ ихъ семейства, конечно, развеселили меня; но когда я собрался домой, меня крѣпко взяло раздумье. Кажется, ничего дурнаго не сдѣлалъ, а совѣсть стала мучить меня, какъ будто измѣнника своей родинѣ. По пріѣздѣ домой, еще большая мѣла ожидала меня: жена сперва не узнала меня, а когда узнала, то такъ осердилась, что и на глаза не пускала, а потомъ, хотя и помирилась, но все-же попрекала, зачѣмъ измѣнилъ обычаю отцевъ? Весь этотъ рассказъ онъ сопровождалъ очень смѣшной мимикой, такъ что всѣ слушавшіе его отъ души хохотали.

По пріѣздѣ въ Ставрополь мы явились къ начальнику штаба, полковнику Александру Семеновичу Трескину, который представилъ насъ нашему полковому командиру генералу Ивану Мих. Лабынцову, тогда извѣстному кавказскому герою, который и назначилъ насъ въ 3-й батальонъ своего знаменитаго Кабардинскаго полка, въ 7 роту, которою командовалъ капитанъ Влад. Васильевъ Астафьевъ. Въ этомъ полку изъ нашихъ сибирскихъ товарищей былъ одинъ Вегелинъ. Полкъ нашъ находился на р. Лабѣ въ отрядѣ генер. Засса, знаменитаго тогда своими летучими набѣгами на аулы, своею ѳвагою, предпріимчивостью, ставшими грозою для всего враждебнаго намъ кубанскаго населенія, такъ что крикливыхъ дѣтей своихъ матери стращали Зассомъ. Рассказывали, что онъ однажды, передъ какимъ-то важнымъ набѣгомъ, распустилъ слухъ, что Зассъ умеръ; говорили, что и гробъ былъ поставленъ и многіе изъ мирныхъ черкесовъ, пребывавшихъ въ отрядѣ, пропустили эту радостную вѣсть по ауламъ, а онъ въ ту-же ночь съ казаками вышелъ изъ лагеря, приказавъ слѣдовать

за собой пѣхотѣ, совершилъ внезапный набѣгъ и разгромилъ аулъ. Но по возвращеніи, какъ рассказывали бывшіе въ экспедиціи офицеры, рѣчка, которую переплыли вначалѣ въ бродѣ, при обратномъ движеніи сильно поднялась, такъ что пѣхоту переправляли на коняхъ, а орудія были почти покрыты водою. Эту переправу и все движеніе совершалъ отрядъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ ротъ Кабардинцевъ, подъ начальствомъ поручика или штабсъ-капитана Ив. Никол. Струкова, который геройски отбивалъ всѣ отчаянныя нападенія черкесовъ. Пока переправлялась колонна и раненные; а когда уже весь отрядъ былъ на другомъ берегу и выстроенъ, онъ переправилъ свои роты также постепенно, а за остальными, подъ огнемъ орудій съ другаго берега, переправился и самъ.

Пробывъ въ Ставрополѣ дней шесть, мы отправились въ станицу Прочный Окопъ, штабъ-квартиру Кубанскаго казачьяго полка. Тутъ мы нашли изъ нашихъ товарищей одного Мих. Алексан. Назимова, который сообщилъ намъ всѣ свѣдѣнія относительно нашей будущей службы, объ экспедиціяхъ, о всемъ, что необходимо имѣть для походовъ. Сообщилъ намъ, что здѣшнее начальство разрѣшило нашимъ товарищамъ въ походѣ быть верхомъ, имѣть въѣзную лошадь для вещей, какъ всѣ офицеры кавказскихъ войскъ въ экспедиціяхъ; но, разумѣется, мы должны были носить солдатскія шинели и имѣть за плечомъ солдатское ружье и патроны. По его-же совѣту мы заготовили себѣ въюки и лошадей. Въ это-же время пріѣхалъ генералъ Засѣ и мы отправились являться къ нему въ крѣпость Прочный Окопъ, расположенный въ одной верстѣ отъ станицы. Мы представились генералу и были приняты имъ очень радушно.

Генералъ Засѣ былъ еще молодой, среднихъ лѣтъ человекъ, высокій и стройный. Онъ носилъ сѣрую черкеску съ кинжаломъ у пояса,—общій костюмъ черкесовъ и казаковъ; съ пронизательными голубыми глазами, съ огромнѣйшей длины русыми усами, орлинымъ носомъ и чрезвычайно живыми движеніями—онъ и наружностью своею поддерживалъ молву о его подвигахъ. Онъ приказалъ намъ отправляться въ отрядъ къ своему полку, но ни слова не сказалъ объ экспедиціи. Онъ терпѣть не могъ, чтобы кто нибудь зналъ о его преднамѣренныхъ движеніяхъ или выражалъ свои соображенія объ его планахъ; ихъ никто не зналъ, такъ таинственно онъ велъ свои дѣла.

Отъ него мы пошли къ нашему товарищу Вегелину, который на форштатѣ нанималъ небольшую комнату, безъукоризненно опрятную, съ бѣлѣйшими полами и сѣтками въ окнахъ отъ мухъ, комаровъ и мошекъ. Алек. Ив. Вегелинъ, личность, очень занятая собой, любилъ покой и возможный комфортъ; онъ былъ всегда серьезенъ и важенъ,

смотрѣлъ на все критическимъ взглядомъ, выражался докторально, хотя и нельзя сказать, чтобы толково; любопытно, что всѣ наши товарищи прозвали его диктаторомъ. Онъ, съ другимъ его товарищемъ по Литовскому корпусу—Игельштромомъ, гдѣ они оба командовали саперными ротами, кажется, за отказъ присягнуть Николаю, были осуждены въ работы и присланы къ намъ, въ Читу, и оттуда выпущены раньше насъ. Мы застали ихъ на Кавказѣ: Вегелина—португей-прапорщикомъ, а Игельштрома—офицеромъ, командовавшимъ полуротой саперъ. Константинъ Евстафьевичъ Игельштромъ, одинъ изъ числа 34 (?) дѣтей отца его, генерала Игельштрома, былъ совершенною противоположностью Вегелину. Это былъ школьникъ, въ полномъ смыслѣ слова, всегда веселый, беззаботный и дѣйствительно несносный, когда хотѣлъ кому нибудь надоѣсть; но оба они были славныя личности, благороднѣйшихъ и честнѣйшихъ правилъ и добрые товарищи.

Получивъ приказаніе отправляться въ отрядъ, гдѣ ожидали движенія, мы, возвратившись на квартиру въ станицу и приготовивъ все къ походу, сѣли на коней и отправились сперва въ крѣпость, чтобы захватить Вегелина, который тоже отправлялся въ отрядъ; М. А. Назимовъ уѣхалъ еще раньше.

У Вегелина былъ слуга изъ Россіи, молодой малый, а намъ генералъ далъ донскаго казака; мы уложили всѣ наши вещи въ телѣгу и направились къ Кубани. Крѣпость была расположена на высокой горѣ, и дорога внизъ къ рѣкѣ была высѣчена въ скалѣ, имѣя съ одной стороны отвѣсную стѣну, а съ другой крутой скатъ, поросшій луговою зеленою травой.

Мы съ Вегелинымъ ѣхали верхомъ, а братъ присѣлъ сзади на повозку, но потомъ сошелъ, и только что слѣзъ съ повозки, какъ лошадь въ возу какъ-то оступилась, телѣга попала на край кручи и въ тотъ же моментъ опрокинулась; лошадь, кучеръ, возъ—все это полетѣло внизъ. Мы, конечно, были увѣрены, что и лошадь и человѣкъ были убиты, такъ какъ возъ, по крайней мѣрѣ, пять или шесть разъ перевертывался, пока долетѣлъ до низу; и что же?! Оказалось, что возъ даже не развязался, такъ крѣпко онъ былъ увязанъ, лошадь осталась невредимой, человѣкъ тоже, только на нѣсколько минутъ, какъ будто, потерялъ сознание отъ страшнаго круженія.

Гора эта составляла берегъ Кубани и была очень высока. Отдѣлавшись такъ счастливо, мы отъ всего сердца возблагодарили Бога и, спустившись внизъ, переправились за Кубань въ бродъ. Въ то же время въ отрядъ шелъ казачій полкъ, съ которымъ мы и располагали идти вмѣстѣ; но потомъ узнали, что полкъ остался дневать на той сторонѣ рѣки. Пускаться въ ночь однимъ было опасно, то и мы

тоже расположились на ночлегъ возлѣ полка. Подъ большимъ вѣтвистымъ дубомъ мы разослали свои бурки, велѣли разложить костеръ, поставили чайникъ и, осушивъ его, передали людямъ чай и сахаръ, а сами улеглись спать. Безграничная степь, ароматный чистѣйшій воздухъ, шумъ быстрой Кубани скоро и сладко насъ усыпили.

Фырканы лошадей и собиравшіяся тучи, хотя и предвѣщали дождь, но ночь прошла покойно. Съ разсвѣтомъ мы пустились въ путь и только что тронулись съ мѣста, какъ началась гроза и пошелъ дождь, но бурки и башлыки не дали намъ его почувствовать, да къ счастью нашему и дождь шелъ съ перерывками и часто разяснявало. Вся эта дорога отъ Кубани до Лабы, гдѣ стоялъ нашъ отрядъ, простиралась на 50 или 60 верстъ, и вся эта сторона Кубани находилась во владѣніи мирныхъ черкесовъ, обитавшихъ по берегу Кубани. Не смотря на то, тутъ часто появлялись хищническія партіи, переходившія черезъ Кубань для грабежа. Онѣ угоняли скотину у казаковъ на линіи, а иногда и у своихъ братьевъ, мирныхъ черкесовъ. Такъ однажды, года два тому назадъ—какъ рассказывалъ нашъ казакъ—отправлено было 26 донскихъ казаковъ для слѣдованія въ какую-то крѣпостцу. На рѣкѣ Чемлыкѣ, единственной на этомъ пространствѣ, они остановились напоить своихъ лошадей, а затѣмъ пустились дальше, но, къ несчастію, въ безпорядкѣ, безъ всякой предосторожности; одни уже выѣхали, другіе досѣдывали лошадей и одинъ за другимъ выѣзжали, растянувшись на большое пространство, какъ вдругъ передовые на отдаленномъ курганѣ увидѣли что-то черное, но какъ тамъ очень часто встрѣчаются огромной величины орлы, которые садятся на вершины кургановъ, то они и приняли этотъ черный предметъ за орла, однакоже мгновенно исчезнувшего. Это былъ черкесъ въ буркѣ, которая расширенная, дѣйствительно, представляетъ въ далекѣ подобіе орла,—и это постоянная уловка хищниковъ. Въ тотъ же моментъ изъ за кургана помчалась на нихъ цѣлая хищническая стая, человекъ во сто; казаки потерялись отъ этой неожиданности, нѣкоторые стали стрѣлять, другіе отбивались шапками, но какъ всѣ были разрознены, то дѣло окончилось тѣмъ, что 19-ть человекъ были убиты, а остальные взяты въ плѣнъ. Слушая рассказъ казака объ этомъ и о другихъ происшествіяхъ, мы сами вдругъ увидѣли въ далекѣ что-то быстро несущееся противъ насъ; по пересѣченной же мѣстности мы не могли сначала рассмотреть что это такое, такъ какъ при спускахъ они пропадали, а при подъемѣ показывались снова; когда же мы увидѣли человекъ шесть или восемь всадниковъ, въ черкескихъ папахъ, съ

винтовками за спиной, то, признаюсь, нѣсколько сконфузились, хотя и приготовили свои ружья. Казакъ нашъ, также какъ и мы, признавъ ихъ за черкесовъ, но не знаяши мирные ли то были или хищники, внезапно пустился въ сторону отъ дороги, что намъ съ начала могло показаться за бѣгство; но онъ, сдѣлавъ полукружіе, возвратился на дорогу. Вслѣдъ за этимъ маневромъ мы увидѣли, что изъ той партіи отдѣлился также одинъ всадникъ и, сдѣлавъ такое же полукружіе, возвратился; тогда только нашъ казакъ растолковалъ намъ, что это былъ условный сигналъ между нашими и мирными черкесами; если же съ той стороны не повторится сигналъ, то надо было готовиться къ бою или пускаться на утекъ, когда силы были не соразмѣрны. Это былъ посланный изъ лагеря на линіи съ депешей отъ генерала или изъ штаба. Послѣ этой встрѣчи, которая произошла почти на половинѣ дороги, намъ оставалось до Чемлыка верстъ десять. Мы очень обрадовались этому привалу съ водой и подѣ сънью деревь, росшихъ на берегу. Разумѣется, мы и до этого отдыхали раза два, такъ какъ разстояніе было большое и намъ, уже отвыкшимъ отъ верховой ѣзды, въ которой упражнялись въ Сибири, проѣхать его было трудновато.

Около Чемлыка тянутся небольшія возвышенности, на одной изъ которыхъ тогда уже былъ выстроенъ казачій постъ, человекъ на 80; строилась также казарма, офицерскія квартиры, конюшни, и все это окружалось канавой и валомъ. На высотахъ по дорогѣ уже поставлены были казачьи пикеты съ вышками для наблюденія за появленіемъ непріятеля, такъ что крѣпостца была совершенно безопасна отъ внезапныхъ нападеній. Когда лошади наши выкормились, мы отдохнули, закусили хлѣбомъ съ водицей, такъ какъ располагая выступить съ Кубани, еще передъ вечеромъ, съ казачьимъ полкомъ, мы не взяли съ собой съѣстныхъ припасовъ, надѣясь все это найти въ лагерѣ у маркитантовъ, и пустились ужъ въ окончательный путь. Отъ Чемлыка до Лабы, гдѣ стоялъ отрядъ, было 10 верстъ; на этомъ переходѣ—та же степь и та же богатая растительность. По всей дорогѣ безпрестанно попадались красивыя зеленныя и красноватыя ящерицы, очень крупныя; онѣ проскользали около ногъ лошадей, а иногда и граціозно поднимались и какъ бы съ удивленіемъ смотрѣли на незваныхъ гостей, нарушившихъ ихъ неизбѣмый покой, подѣ сънью ароматической и густой травы.

Подѣѣзжая къ лагерю, мы увидѣли многочисленную команду солдатъ, косившихъ эту роскошную траву, скошенные ряды которой походили на валы болѣе аршина вышиною. Тутъ же попались намъ фуры, идущія изъ лагеря на линію, вѣроятно, за провіантомъ.

Наконецъ, около самаго лагеря мы увидѣли верблюдовъ, которыхъ такъ испугались наши лошади, что едва можно было ихъ сдержать. Двѣ стороны прямоугольника занимали 4 батальона нашего кабардинскаго полка и артиллерія; третій фась занимала кавалерія, казаки и милиціонеры, а въ четвертомъ новостроившаяся крѣпость, подъ названіемъ Махосевской просѣки. Въ центрѣ возвышалась большая палатка съ крестомъ—это была походная церковь. Подъѣхавши къ указанному намъ мѣсту, мы увидѣли знакомую намъ юрту, въ которой кочевали во время перехода нашего изъ Читы въ Петровскій и которую такъ часто посѣщали потомъ при нашихъ хозяйственныхъ разъѣздахъ въ Минусинскъ.

Товарищи наши уже ожидали насъ; мы крѣпко-крѣпко обнялись, какъ старые друзья, нѣсколько лѣтъ пившіе одну горькую чашу, соединившую насъ неразрывной и самой сладостной братской дружбой. Насъ помѣстили въ юртѣ, напоили чаемъ, накормили, что было очень кстати послѣ такого перехода и голодухи. Въ разспросахъ, отвѣтахъ и разказахъ время пролетѣло быстро: затрубили зарю по сигнальной ракетѣ и пушечному выстрѣлу и тутъ еще въ первый разъ наша молитва слилась съ молитвою нашихъ самоотверженныхъ воиновъ, всегда готовыхъ умереть за свою родину и православную вѣру. И вотъ мы снова воины, теперь уже въ непріятельской сторонѣ, подъ навѣсомъ палатокъ и юртъ, среди товарищей, съ которыми сроднились въ теченіи заключенія; а между тѣми, которые тамъ еще оставались, и нами, теперь уже легло пространство на многія тысячи верстъ. Все, что насъ окружало, уже не похоже ни на море, ни на Петербургскіе лагеря, ни на мирную и трудолюбивую жизнь тишайшаго Минусинска.

Тутъ все ново для насъ, все интересуется, возбуждаетъ духъ, воинственно настраиваетъ, и теперь даже не остается и тѣни того раздумья, тѣхъ опасеній, которыя приходили въ голову на пути къ Кавказу и иногда щемили сердце и обращали взоры къ мирной прежней жизни—спокойствію и довольству, но это было дурное неблагодарное чувство маловѣрія и малодушія. Теперь мы уже не обращались назадъ, а всецѣло и съ радостью предались водительству пресвятаго и преблагаго промысла Божія!

Изъ нашихъ товарищей-декабристовъ въ отрядѣ были: Мих. Мих. Нарышкинъ, Мих. Алек. Назимовъ, Алек. Ив. Вегелинъ и Конст. Евстафьевичъ Игельстромъ.

Когда мы пріѣхали, то въ юртѣ Нарышкина всѣхъ насъ помѣщалось пять человѣкъ.

Отрядъ строилъ Махосевское укрѣпленіе и потому мы стояли на

мѣстѣ. Однажды только при насъ генералъ Зассъ сдѣлалъ одинъ изъ своихъ летучихъ набѣговъ, тронувшись съ кавалеріей передъ вечеромъ и приказавъ слѣдовать за собой одному батальону пѣхоты. Ауль былъ, конечно, уничтоженъ и Зассъ возвратился.

Въ отрядѣ нашемъ было прекрасное общество офицеровъ, много было изъ прикомандированныхъ гвардейцевъ и штабныхъ, а также изъ пѣхотныхъ закаленныхъ въ бою кавказскихъ офицеровъ, и время проходило весьма пріятно. Тутъ мы сошлись съ Петромъ и Сергѣемъ Павловичами Мезенцовыми. Петра Павл. я, впоследствии, потерялъ изъ виду, а Сергѣй Павл. былъ убитъ въ Севастополѣ, уже командиромъ полка, присоединившись къ сонму героевъ, павшихъ за честь отечества и изумившихъ міръ своимъ непобѣдимымъ мужествомъ. Въ этомъ же отрядѣ былъ Краснокутскій, еще юношей, поручикомъ, сколько помнится, гродненскаго гусарскаго полка, а потомъ уже генералъ-адъютантомъ, племянникъ нашего товарища Краснокутскаго, съ которымъ мы видѣлись въ Красноярскѣ проездомъ на Кавказъ; Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, братъ поэта, былъ постояннымъ посѣтителемъ нашей юрты, очень пріятный и веселый собесѣдникъ и острякъ, передъ которымъ, помню, за чаемъ ставилась всегда бутылка рома и осушалась имъ между разговорами, не производя на него никакого дѣйствія,—такъ онъ былъ крѣпокъ. Юнкерь Черновъ также былъ близокъ съ нами; онъ перешелъ во Владикавказскій казачій полкъ и потомъ уже въ турецкую кампанію въ арміи генерала Муравьева-Карскаго командовалъ, со славою, летучимъ отрядомъ, о чемъ я съ удовольствіемъ прочелъ въ газетахъ. Два брата Атоѣриковы, близнецы, удивительно похожіе другъ на друга, состояли при генералѣ Зассѣ. Я упомянулъ только о тѣхъ, съ которыми мы были короче знакомы, но сверхъ того часто бывали у насъ наши батальонные командиры, которые относились къ намъ самымъ дружескимъ образомъ и никогда не давали намъ почувствовать нашего солдатскаго ранга.

Хотя періодическія изданія получались рѣдко, но были книги, шахматы, военные рассказы о текущихъ дѣлахъ и хищническихъ набѣгахъ, веселыя шутки и шалости молодежи, въ которыхъ особенно Игельштромъ былъ неистощимъ; онъ былъ, какъ я прежде упомянулъ о немъ, пріятный человѣкъ, но когда онъ выбиралъ свою жертву, то нужно было имѣть не только терпѣніе, но и много короткой дружбы, чтобы не разсердиться уже не на шутку. Болѣе всѣхъ онъ преслѣдовалъ, своими шалостями, нашего вѣчнаго диктатора и своего товарища Вегелина, который послѣ обѣда всегда ложился спать на своей, изъ колыбелъ и жердей устроенной, постели, подъ

пологомъ, чтобы ни мухи, ни комары не тревожили его сна, но, на бѣду, являлся Игельштромъ, набиралъ нѣсколько мухъ, подкрадывался къ его ложу, осторожно приподымалъ край полога и пускалъ мухъ, наблюдая за ихъ партизанскимъ дѣйствіемъ. Всѣ мы, смотрѣвшіе на эти продѣлки, сдерживали смѣхъ, чтобы не ускорить пробужденія. Черезъ нѣсколько минутъ Вегелинъ начиналъ отмахиваться, вопрошая мухъ откуда онѣ забрались, не смотря на тщательнo заткнутыя полы, поднималъ край полога, выгонялъ мухъ и снова укладывался; гонитель же его, выждавъ хлѣбныя, снова повторялъ операцію, тотъ снова выгонялъ мухъ и, услышавъ нашъ сдержанный хохотъ, догадывался и говорилъ съ досадою: «ужь это вѣрно несносный школьникъ Игельштромъ». Еще въ лагерной жизни пріятное развлеченіе составляло купанье въ рѣкѣ Лабѣ, весьма быстрой и свѣтлой, гдѣ всегда было много солдатъ купающихся; ежедневныя прогулки по лагерю, всегда оглашаемому молодецкими, а иногда очень затрогивающими сердце пѣснями солдатъ, изъ которыхъ мы запомнили и вынесли съ собою одну, пѣтую превосходно пришедшими изъ Россіи маршевыми батальонами: «рѣченька моя, рѣчка быстрая», мотивомъ своимъ производившую чрезвычайно грустное и въ то же время очень пріятное впечатлѣніе. Случались и кутежи въ нѣкоторыхъ офицерскихъ палаткахъ съ пѣніемъ, бубнами и пляской, иногда такую, можетъ быть, про которую говорить пословица: «нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ». Когда генералъ бывалъ въ лагерѣ, то около его избы, по временамъ, играла музыка; такъ что вообще, при новыхъ для насъ ощущеніяхъ и новыхъ явленіяхъ, жилось очень пріятно; но это продолжалось не долго.

Нашъ Кабардинскій полкъ былъ вызванъ въ трехбатальонномъ составѣ на лѣвый флангъ, для дѣйствія противъ возмущенныхъ Шамилемъ чеченцевъ. Одинъ первый батальонъ оставался, остальные же выступили чрезъ Ставрополь на Терекъ. Мы простились съ Мих. Нарышкинымъ и Мих. Алекс. Назимовымъ и супругой Нарышкина Елисавет. Петр., жившей въ станицѣ Прочный-Окопъ, и отправились за полкомъ. При этомъ переходѣ погода была прекрасная, ночлеги и дневки въ чистенькихъ казачьихъ хатахъ самыя покойныя; вступленіе въ станицы съ военной музыкой, не слышанной нами въ теченіи 15-ти лѣтняго заточенія, и теперь снова напоминавшей намъ о давно минувшемъ; новый край, ожиданіе дѣлъ съ горами, надежда на выслугу и возвращеніе на родину, — все это вмѣстѣ взятое производило въ насъ самое пріятное настроеніе.

Переправившись чрезъ Терекъ, не доходя станицы Червленной, штабъ-квартиры Гребенскаго полка, мы пошли на крѣпость Грозную,

гдѣ и стали лагеремъ вмѣстѣ съ другими полками Чеченскаго отряда, въ ожиданіи командующаго войсками, генерала Павла Христофоровича Граббе, который вскорѣ и прибылъ. Объѣхавшіи выстроившійся отрядъ и поздоровавшись съ батальонами, онъ приказалъ выступить. Загремѣли барабаны и трубы; затѣмъ раздались звуки воодушевляющей музыки и отрядъ тронулся въ боевомъ кавказскомъ порядкѣ.

ГЛАВА XXI.

Кавказскія экспедиціи.

Кавказскія экспедиціи того времени всѣмъ извѣстны по многимъ описаніямъ людей, хорошо знакомыхъ съ Кавказскою войною и изучившихъ весь ходъ этой многолѣтней борьбы цивилизаціи съ варварствомъ, искупительнаго креста съ полумѣсяцемъ. Поэтому я буду говорить въ своихъ воспоминаніяхъ только о томъ, что самъ видѣлъ или что слышалъ отъ самихъ участниковъ; передамъ только свои ощущенія и впечатлѣнія при различныхъ случайностяхъ и выдающихся явленіяхъ этихъ экспедицій. Къ тому же мы двигались, вмѣстѣ съ массой кавказскихъ бойцевъ, также безотчетно, какъ двигалась эта масса, не зная ни плановъ, ни предначертаній двигавшихъ ее вождей.

Всѣ экспедиціи 1840-хъ годовъ похожи одна на другую. Съ разсвѣтомъ—генераль-маршъ, затѣмъ—по возамъ и, наконецъ, сборъ и выступленіе. Мы эту музыку такъ изучили, что потомъ и въ Россіи уже долго повторяли ее, вспоминая Кавказъ. Впереди авангардъ, въ срединѣ колонна съ обозомъ, на флангахъ цѣпи стрѣлковъ съ резервами и арріергардъ. Съ первымъ вступленіемъ въ лѣсъ, этой первой нашей экспедиціи, уже началась перестрѣлка, и вотъ уже явилось совсѣмъ новое ощущеніе; пролетъ свистящихъ пуль давалъ понять, что каждая изъ нихъ могла быть смертельна; но сознавалось также и то, что онѣ пущены по массѣ, безъ цѣли, на угадъ и, следовательно, попадетъ только роковая; но все же надо признаться, что и такая перестрѣлка нѣсколько ускоряла бѣженіе сердца. На арріергардъ всегда болѣе насѣдалъ непріятель, а когда насѣданіе усиливалось и дѣлалось дерзкимъ, тогда отрядъ останавливался, выдвигались орудія и послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ картечью непріятель отступалъ и движеніе продолжалось; если же гдѣ попадались стога съ сѣномъ или скирды съ кукурузой и просомъ, то все это предавалось огню отряженными командами. Послѣ этихъ операцій ожесточеніе горцевъ

усиливалось, что и выражалось въ ожесточенной пальбѣ въ цѣпяхъ и арріергардѣ, гдѣ всегда и были раненные, а иногда и убитые. Войска распредѣлялись по очереди: въ арріергардѣ, авангардѣ, цѣпи, обозъ или колонну. На походѣ, во время приваловъ для отдыха, выбиралась болѣе открытая мѣстность и тогда всѣ останавливались на своихъ мѣстахъ. Офицеры закусывали, кто что имѣлъ; солдаты сухарями съ водицей, по пословицѣ: «хлѣбъ да вода—то солдатская ѣда». Мы же съ братомъ имѣли въ карманахъ сыръ, водку въ стеклянкѣ и хлѣбъ. Однажды при такой закускѣ, какая-то пальная пуля постигла насъ и пробила шинель Вегелину, который воскликнулъ: «ахъ, канальство, вѣдь эдакъ можетъ послѣдовать несвареніе желудка!» Всѣ мы посмѣялись, но все же подумали, что на полный желудокъ опаснѣе быть раненымъ, хотя это не отняло у всѣхъ насъ аппетита. Тутъ же съ нами завтракали и нашъ ротный командиръ Влад. Вас. Астафьевъ, о которомъ скажу далѣе, такъ какъ это была личность, выходящая изъ ряда обыкновенныхъ.

По окончаніи всего, разрушительнаго для горцевъ, перехода останавливались на ночлегъ со всѣми военными предосторожностями и, конечно, устале—крѣпко спали; но случалось, что вдругъ поднималась тревога, когда секреты, обыкновенно закладываемые по разнымъ скрытымъ мѣстамъ, открывали огонь,—знакъ приближенія врага. Тутъ, конечно, поднималась суета, всѣ вскакивали, разбирались изъ козелъ ружья и всѣ выстраивались, въ минуту готовые къ бою. При насъ серьезныхъ ночныхъ нападеній не случалось; но однажды была тревога въ нѣсколько выстрѣловъ, причемъ наша палатка была прострѣлена.

Съ остановкой на ночлегъ, въ минуту выросло кочевое селеніе изъ палатокъ; лошади ставились къ коновязи, варилась незатѣйливая солдатская каша, такъ какъ въ тѣ времена еще не заботились такъ о пищевомъ довольствѣ солдатъ какъ нынѣ; за офицерскими палатками ставились чайники для чаю; случалась вода превосходная, а иногда такая, что ее нельзя было употреблять на чай, пока она не отстоится. У нѣкоторыхъ же были водоочистительныя машинки. Послѣ цѣлаго дня перестрѣлки и возбужденнаго состоянія, когда были раненные и убитые, особенно когда приходилось идти въ цѣпи при дивизіонныхъ резервахъ, и когда пули летали очень обильно, то отдыхъ, чай, трубки, бесѣды и рассказы подъ навѣсомъ палатки и временная безопасность были очень отрадны. Какъ проходилъ одинъ день экспедиціи, такъ точно проходилъ другой и третій и т. д.; но между ними случались и дневки, и тогда дѣлались движенія только

на аулы близь лежащія одною какою нибудь частью отряда, которая, по совершеніи опустошенія, возвращалась въ лагерь.

Такимъ образомъ, пройдя и истребивъ все, что попадалось на пути отряда, той дорогой, которая была избрана командующимъ, отрядъ возвратился въ Грозную. Но тутъ уже стояли недолго, такъ какъ въ эту осень положено было пройти всю Большую Чечню.

Во время этой стоянки случилось появленіе конной партіи горцевъ, которая погорцевавъ передъ крѣпостью, встрѣченная изъ орудій гранатами, конечно скоро разсѣялась. Крѣпость Грозная была тогда не то, что теперь; тогдашній форштатъ ея состоялъ изъ небольшихъ домиковъ съ глиняными полами, маленькими окнами, русскою печкой и баснословнымъ множествомъ блохъ и таракановъ. Во время дождей, сношенія между офицерами только и могли поддерживаться верхомъ, потому что всѣ улицы были до того полны грязью, что лошади съ трудомъ переступали.

Между этими двумя экспедиціями, когда мы стояли лагеремъ передъ кр. Грозной, въ одно утро приходитъ прислуживающій намъ солдатъ и говорить, что какой-то юнкеръ желаетъ насъ видѣть; мы попросили войти въ палатку и каково же было наше изумленіе, когда въ этомъ юнкерѣ мы узнали нашего поистинѣ и вполнѣ несчастнаго товарища, сожителя въ Петербургѣ, нашего офицера и невольнаго предателя Дивова, о которомъ я упоминалъ въ главѣ описанія 14-го декабря. По выходѣ изъ крѣпостныхъ работъ, послѣ 12-ти или 13-ти лѣтъ, сокращенныхъ по случаю рожденія в. к. Михаила Николаевича, онъ былъ опредѣленъ въ линейный батальонъ въ крѣпость Анапу, на Черноморскомъ берегу, гдѣ у него была постоянно лихорадка. Онъ просился на лѣвый флангъ въ нашъ дѣйствующій отрядъ и, благодаря участію начальниковъ, его прикомандировали къ одному изъ полковъ нашего отряда. Мы пріютили его въ своей палаткѣ и онъ пошелъ съ нами вмѣстѣ въ экспедицію.

Когда прибылъ командующій войсками, отрядъ двинулся въ Большую Чечню. Походъ этотъ былъ повтореніемъ Мало-Чеченскаго, съ тою только разницей, что мѣстность была новая, а чеченцы злѣе. Въ эту экспедицію былъ убитъ нашъ кабардинскій маіоръ, котораго и вывели въ Грозную. Въ одинъ изъ дней похода нашъ кабардинскій полкъ былъ отряженъ по какой-то боковой дорогѣ, лѣсомъ, для уничтоженія мятежнаго аула Юхимовъ, (мѣстное названіе врачей), не смотря на ихъ благотѣльное родовое ремесло; нужно замѣтить, что дѣйствительно черкесскіе врачи отлично лечатъ раны, не считая отвратительнымъ очищеніе ранъ высасываніемъ изъ нихъ матеріи. Многіе изъ офицеровъ и въ томъ числѣ поручикъ Навагинскаго полка

Дейеръ, хорошій нашъ пріятель, братъ бывшаго предсѣдателя Москов. окружнаго суда, лечился у черкеса.

Мы шли тихо лѣсомъ за вожакомъ, о которомъ солдаты другъ другу сообщали свои подозрѣнія, какъ бы онъ не навелъ насъ на какую нибудь засаду; мы шли довольно долго, хотя и быстро, но вотъ сквозь чащу лѣса, наконецъ, открылся большой аулъ, а около него кукурузное поле уже съ одними огромными штампами, показывавшими, какой величины была кукуруза въ этомъ благодѣтельномъ климатѣ. Нѣсколько гранатъ были пущены по аулу, въ отвѣтъ на которыя отозвалось нѣсколько выстрѣловъ и отряженные команды заняли аулъ, но уже пустой, такъ какъ горцы, вѣроятно, были извѣщены и выбрались въ лѣсъ съ женщинами, имуществомъ и скотомъ. Оставались только куры, за которыми тотчасъ же и начиналась охота, любимое занятіе солдатъ. Куры, конечно, поднимали страшный гвалтъ, летали съ оглушительнымъ крикомъ отъ незванныхъ гостей, которые также неистово бросались на нихъ: летятъ полѣна, камни, фуражки и солдатъ съ добычей. Мнѣ рассказывали, что когда-то на правомъ флангѣ былъ взятъ аулъ. Командующій, кажется г. Линденъ, ѣхалъ по аулу, какъ вдругъ получаетъ сильный ударъ въ голову; онъ схватился рукой и полагалъ, что пораженъ пулей, а это было просто одно изъ полѣнъ, пущенныхъ по курамъ сильной рукой солдата, поспѣшавшаго ускользнуть отъ бѣды. Обшарить саклю, прибрать, что попадетъ подъ руку, поймать или зашибить курицу, подцѣпить барана—это страсть солдата. Невольно разсмѣешься, когда бывало увидишь, что солдатикъ, и безъ того порядочно нагруженный ружьемъ, патронами, мѣшкомъ съ вещами и сухарями, не тяготеетъ тащить подъ мышкой еще курицу, а часто и цѣлаго барана. «Солдату гдѣ взять», говоритъ онъ.

По уничтоженіи аула, отрядъ нашъ присоединился къ главной колоннѣ. Однажды, также еще вначалѣ движенія, открыли гдѣ-то въ лѣсу баранту (стадо овецъ); тотчасъ же поскакала впередъ кавалерія, и нашему батальону приказано было слѣдовать за нею, на случай, еслибъ при барантѣ оказалась значительная партія черкесовъ. У меня была тогда лошадь, которую я купилъ еще на Кубани, безсильная и страшно спотыкливая. Колонна пошла мостомъ, а казаки и всѣ верховые пустились въ бродъ, кажется, то была рѣка Аксай. Противуположный берегъ былъ довольно крутъ, глиняный грунтъ его превратился въ грязь отъ переѣхавшей конницы и былъ такъ скользокъ, что мой плохой конь поскользнулся, опрокинулся и стремглавъ полетѣлъ въ рѣку вмѣстѣ со мной; но, какъ-то счастливо, я упалъ съ него прежде, потому не былъ придавленъ, а очутился лежащимъ

въ водѣ; конечно, я быстро вскочилъ, вода не доходила до колѣна, схватилъ поводъ, поднялъ лошадь и выбрался на берегъ, весь мокрый, принужденный отстать отъ батальона, который уже скрылся въ лѣсу; фуражка же моя отпавила по теченію, но, къ счастью, была поднята и возвращена мнѣ стрѣлкомъ, переходившимъ рѣку въ бродъ. Этотъ случай могъ бы отозваться для меня какой нибудь горячкой или дихорадкой, такъ какъ былъ сильный и холодный вѣтеръ и октябрь мѣсяцъ, но, къ счастью, къ намъ въ это самое время подъѣхалъ квартирмейстеръ отряда, тогда еще штабсъ-кап. генеральнаго штаба баронъ Н. А. Вревскій, и объявилъ что здѣсь назначенъ ночлегъ для отряда. Мы помѣстились въ саклѣ оставленнаго чеченцами аула, какъ и всѣ другіе; развели огонь, я обсушился, переѣмѣнилъ мокрое бѣлье и потомъ уже всѣ насладились чаемъ.

Сакли у черкесовъ—простыя мазанки съ глинянымъ поломъ, крѣпко и гладко убитымъ и такими же стѣнами, внизу которыхъ сдѣланы выступы; между окнами и дверью пылающій каминъ—тепло, сухо и уютно. Это такъ называемая кунацкая, гдѣ собираются мужчины, а въ женское отдѣленіе ведетъ низенькая дверь, въ которую входитъ только одинъ мужъ—глава дома.—Погоня наша окончилась успѣшно, баранта была забрана и прислана въ лагерь.

При окончаніи экспедиціи въ большой Чечнѣ, въ другой разъ нашъ полкъ былъ опять отряженъ для взятія аула, съ романическимъ именемъ Фортанго, на прелестной кристалльной рѣчкѣ того же имени. Этотъ аулъ былъ уже пограничнымъ и находился между лѣсомъ и возвышенностями, окаймляющими эту равнину. Главный отрядъ отправился прямо, мы же, подходя къ аулу, увидѣли по опушкѣ лѣса конныхъ и пѣшихъ черкесовъ; жители аула, какъ всегда, переправляли женщинъ, дѣтей, имущество и скотъ въ лѣсъ, но мужское населеніе не хотѣло отдать своего аула безъ боя и открыло по отряду сильный огонь. Равнина, на которой стоялъ аулъ, была покрыта сплошь высокой травой и въ ней-то залегли ихъ стрѣлки; а наши двѣ роты прилегли въ канавѣ, окружавшій аулъ. На это мѣсто пріѣхалъ г.-ад. Мих. Лабынцевъ и, вѣхавъ на холмъ, остановился на немъ, а вся свита его была около него, въ которой были и мы съ братомъ, Вегелинъ, и при немъ состоявшій юнкеръ Бенкендорфъ. Вся свита и генераль были хорошо видны чеченцамъ при свѣтломъ солнечномъ днѣ и они поддерживали весьма оживленный огонь, но изъ всей группы верховыхъ свиты, челоуѣкъ до двадцати, одинъ только Бенкендорфъ былъ контуженъ въ локоть. Когда совершилось дѣло разрушенія, то части отряда, подъ прикрытіемъ арріергарда и стрѣлковъ, переправились черезъ рѣчку; вслѣдъ же за

тѣмъ постепенно переправлялась остальная аррьергардная колонна и ея цѣпи стрѣлковъ, занимавшія оставляемыя сакли и плетни. Живая между тѣмъ перестрѣлка все еще не умолкала. Чеченцы, какъ звѣри, перебѣгали съ мѣста на мѣсто, занимая оставляемыя отступавшими стрѣлками позиціи и посылали въ насъ градъ пуль, по счастью поспѣшными, безъ прицѣла, выстрѣлами и потому безвредными. Наконецъ, всѣ перешли рѣку и весь отрядъ двинулся впередъ подъ прикрытіемъ аррьергардныхъ орудій, и вслѣдъ затѣмъ перешли рѣчку толпы чеченцовъ; но тутъ преслѣдованіе бѣгущихъ было уже бесполезно. Отрядъ шелъ по широкой равнинѣ, окраенной, съ одной стороны, горами, а съ другой—лѣсомъ и рѣкою.

Огонь началъ утихать, выстрѣлы становились рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекратились; но все еще подѣзжали къ цѣпи верховые джигиты на лихихъ коняхъ, вызывая на бой нашихъ всадниковъ, которые принимали вызовъ, выѣзжали за цѣпь, мѣнялись выстрѣлами и возвращались къ отряду. Солнце стало склоняться къ горизонту; дорога ровная и гладкая; въ отрядѣ раздавались веселыя пѣсни, какъ будто передъ тѣмъ ничего не происходило. Веселый говоръ раздавался въ рядахъ солдатъ и между ѣдущими по сторонамъ офицерами. Всѣ мы были довольны окончаніемъ экспедиціи и долгожданною наступить отдыхомъ. Этотъ походъ былъ для насъ съ братомъ самый пріятный и веселый. Когда уже стемнѣло, мы подошли къ общему лагерю; бивачные огоньки блистали повсюду, вездѣ живая картина безпечной военной жизни, гдѣ сегодня веселятся, не заботясь о томъ, что завтра, можетъ быть, грозныя носилки примутъ ваши обезображенные члены! Какая противоположность! Прелестная роскошная природа, свѣтлыя небеса, безпечно журчащія струи живописной рѣки, картина мира и тишины—и ожесточенная борьба человека, проливающего съ наслажденіемъ кровь своего ближняго, хотя и врага.

Въ одномъ изъ этихъ движеній, въ этой-же экспедиціи, погибъ нашъ бѣдный и вполне несчастный Дивовъ. Мы шли въ цѣпи около какой-то рѣки. Чеченцы насѣдали на аррьергардъ и цѣпи. Онъ шелъ позади насъ и вдругъ быстро подходитъ къ намъ и говорить, что онъ раненъ и, какъ ему казалось, около ступни; не смотря на то, онъ еще шелъ нѣкоторое время, но потомъ ослабѣлъ и былъ отвезенъ на перевязочный пунктъ, гдѣ оказалось, что пуля прошла около колѣна и раздробила кость. Послѣ экспедиціи его перевезли на линію въ Червленскій походный лазаретъ. Рана оказалась опасною и, протомившись еще около 2-хъ мѣсяцевъ, онъ умеръ. Письма его къ намъ, уже слабой рукой писанныя, хранятся у меня, какъ памятникъ

нашей дружбы, его страданій и несчастій. Поистинѣ, замѣчательна была судьба этого человѣка: юный, прекрасный собой, умный, образованный, онъ только начиналъ жизнь, жадно упивался ея наслажденіями, какъ внезапно порывъ бури въ одно мгновеніе разбиваетъ ея оболоченія и его самого!

Пройдя всю Большую Чечню, отрядъ снова возвратился въ крѣпость Грозную, но и на этотъ разъ простоялъ не долго. Въ эту-же осень онъ тронулся изъ Грозной за Сунжу для истребленія чеченскихъ хутановъ, пріютившихся въ дремучемъ Сунженскомъ лѣсу. Отрядомъ командовалъ нашъ дивизіонный генералъ Галафѣевъ. Рѣку мы перешли въ бродъ и помню, что намъ, новичкамъ, было очень страшно переправляться въ темнотѣ по каменистому руслу, состоящему изъ большихъ, круглыхъ камней, между тѣмъ, какъ вода доходила до брюха лошади, при чрезвычайно быстромъ теченіи; споткнись лошадь или упади—гибель была неизбежна. Въ этой экспедиціи привычная лошадь нашего генерала Лабынцева никакъ не хотѣла идти въ рѣку, несмотря на то, что онъ хлесталъ ее плетью и шпорилъ; и такъ долго не шла, что онъ пересѣлъ на другую. Случай этотъ послужилъ поводомъ къ разнымъ суевѣрнымъ толкамъ, между солдатами, что это не къ добру, къ несчастію,—что и оправдалось.

Перейдя рѣку, мы вступили буквально въ дремучій лѣсъ, гдѣ пролежала сначала кой-какая дорога, по которой можно еще было идти, хотя въ сжатомъ и узкомъ строѣ; но далѣе уже надо было идти по узкой лѣсной тропинкѣ. Два наши кабардинскіе баталіона шли въ арріергардѣ; когда открывались хутаны, отряжались команды для сожженія скирдовъ сѣна и хлѣба и сакель, причемъ слѣдовало со стороны непріятеля ожесточенное преслѣдованіе арріергарда во время нашего дальнѣйшаго движенія. Тогда арріергардъ останавливался, орудія снимались съ передковъ и картечъ на время удерживала натискъ. Но вотъ тропинка такъ ссузилась, что люди должны были идти поодиночно гуськомъ, горныя орудія раздѣляли арріергардные батальоны и чрезвычайно стѣсняли дорогу; отрядъ растянулся на огромное разстояніе, пальба въ цѣпяхъ и арріергардъ пла своимъ порядкомъ, отчего въ лѣсу стоялъ ужасный гулъ, мѣшающій командѣ,—потому всѣ двигались впередъ, не зная того, что дѣлается сзади. Такимъ образомъ батальонъ, шедшій впереди, дошелъ до рѣки Сунжи, текущей здѣсь большими извилинами. Отряду было приказано ген. Галафѣевымъ, по мѣрѣ перехода частей отряда рѣки, остановиться и ожидать новыхъ приказаній. Весь отрядъ уже переправился, и тогда только замѣтили, что слѣдовавшаго за нимъ батальона нѣтъ,

а затѣмъ уже услышали сильнѣйшую перестрѣлку, крики «ура!», барабанный бой тревоги, что уже означало сильный и горячій рукопашный бой. Всѣ офицеры, а также и мы съ братомъ, умоляли командира 4-го аррьергарднаго батальона идти на помощь, такъ какъ батальонъ, отставши, вѣроятно, былъ окруженъ и могъ погибнуть весь, но командиръ былъ глухъ къ убѣжденіямъ, твердя одно, что приказано, перейдя рѣку, ожидать распоряженій. Аррьергардомъ командовалъ Лабынцевъ, нашъ полковой командиръ, человекъ испытанной геройской храбрости; но тутъ его положеніе и положеніе батальона было отчаянное. Вѣроятно, прежде не было извѣстно, что въ этотъ лѣсъ, въ эту ночь, пришелъ самъ Шамиль съ 6,000 человекъ. Зная, что узкая дорога должна была разобщить отрядъ, онъ только ожидалъ, чтобъ передовыя войска перешли Сунжу, и тогда ударилъ со всѣхъ сторонъ на покинутый батальонъ, цѣпи котораго все время поддерживали сильную перестрѣлку обычнымъ порядкомъ; когда же весь отрядъ продвинулся за Сунжу и цѣпи стали переходить извилины рѣки, которая извивалась здѣсь змѣей и появлялась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вдругъ масса накидывается на цѣпи и рубить пашками переходящихъ воду стрѣлковъ. Гвардейскаго финскаго стрѣлковаго батальона храбрый офицеръ Валеніусъ, благороднѣйшая личность, защищался пашкой сколько было силъ, стрѣлки тоже дрались и штыками и прикладами, но масса одолѣла и цѣпи были вырѣзаны и прорваны и вся сила навалилась на батальонъ, который, подѣ начальствомъ своихъ закаленныхъ въ бою ротныхъ командировъ, стоялъ твердо; не смотря на неравенство силъ, лѣсную трущобу, всѣ они храбро отбивались на всѣ стороны непрерывной пальбой залпами, а иногда штыками и прикладами. Между ротными командирами особенно выдавался своимъ хладнокровіемъ и геройствомъ штабсъ-капитанъ Струковъ, о которомъ я уже упоминалъ при описаніи набѣговъ Засса. Въ это время изъ цѣпи пробрался къ генералу штабсъ-капитанъ Кърево 2-ой и объявилъ ему, что цѣпь вырѣзана. Генералъ сейчасъ же послалъ черкесскаго, нашей службы, офицера изъ своей свиты просить подкрѣпленія у начальника отряда. Тотъ на своемъ черкескомъ конѣ проскакалъ мимо насъ, какъ вихорь, и тотчасъ же привезъ приказаніе идти на помощь. Какъ только батальонъ нашъ перешелъ обратно рѣку, то самъ собой пустился бѣгомъ на выручку своихъ, пылая мщеніемъ, и какая бы пошла штыковая работа озлобленныхъ солдатъ, если бы они застали еще черкесовъ, но тѣ тотчасъ съ Шамилемъ отступили въ лѣсную чащу.

Когда мы пришли на мѣсто битвы, глазамъ нашимъ представилось грустное зрѣлище: тутъ несли всѣхъ убитыхъ и въ числѣ ихъ

ротнаго командира по фамиліи, кажется, Бѣлимовъ, и Велениуса, уже совершенно обнаженныхъ; тѣла ихъ были покрыты страшными кинжальными и шашечными ранами. Послѣ этого дѣла самъ командующій войсками Граббе повелѣлъ отрядъ въ лѣсъ на поиски Шамиля, а нашъ батальонъ отправилъ въ Грозную за боевыми снарядами, которыхъ, вѣроятно, уже не доставало. Но такъ какъ Шамиль исчезъ, то отрядъ возвратился въ Грозную, а потомъ былъ отпущенъ на зимнія квартиры.

Во время этихъ чеченскихъ экспедицій и всѣхъ другихъ, нельзя не вспомнить человѣка, бывшаго истинной отрадой всѣхъ офицеровъ какъ нашего батальона, такъ и другихъ; это былъ нашъ капитанъ Владиміръ Васильевичъ Астафѣевъ, въ палаткѣ котораго мы стояли во время похода. Этого рода люди—испытанное сокровище въ военныхъ походахъ. Этотъ человѣкъ любилъ жизнь и ея мирныя наслажденія, даже самыя обыденныя, до страсти. Это, впрочемъ, дѣлается понятнымъ, когда вспомнишь тогдашнее кавказское время, когда экспедиціи были почти непрерывны, а съ ними и всѣ лишенія, не говоря объ опасностяхъ, увѣчьяхъ и смерти, которой особенно отвращался Владиміръ Васильевичъ. Въ походахъ и ихъ трудностяхъ человѣкъ живетъ только воспоминаніями о теплой, сухой квартирѣ, гдѣ не обдаетъ брызгами дождя, какъ въ палаткѣ, гдѣ вмѣсто сырой земли и бурки у него сухая и теплая постель, гдѣ въ свое время дадутъ обѣдать сытно, и утромъ и вечеромъ кофе и чай;—а воспоминанія эти навѣваютъ мечты о томъ, что и опять все это можетъ возвратиться. Въ этихъ-то воспоминаніяхъ и мечтахъ Влад. Вас. былъ неистощимъ, такъ что въ нашей палаткѣ до поздняго вечера просиживали многіе изъ товарищей и особенно часто бывалъ у насъ нашъ батальонный командиръ Констан. Семен. Трескинъ; онъ былъ очень веселаго характера, большой хохотунъ и рассказы Влад. Вас. были его наслажденіемъ. Правда, что Влад. Вас. обладалъ необыкновеннымъ даромъ не только рассказывать легко, пріятно и красно; но онъ умѣлъ такъ живо описывать каждое даже самое простое, обыкновенное и всѣмъ знакомое въ мирной жизни, и все это съ такимъ юморомъ и такимъ живымъ представленіемъ въ лицахъ всего выдающагося и смѣшнаго, какъ въ другихъ, такъ и въ самомъ себѣ, что всѣ кругомъ него неудержимо хохотали и всѣ уходили изъ нашей палатки въ самое пріятное настроеніе; а это не бездѣлица въ теченіи экспедицій, гдѣ каждый день и каждый часъ подвергаешься опасности быть убитымъ или раненымъ съ переселеніемъ въ лазаретную палатку или могилу. Одна изъ смѣшныхъ сторонъ его была его трусость, которую онъ не только не скрывалъ, но, напротивъ, выстав-

лялъ въ самомъ смѣшномъ видѣ. Въ дѣлахъ онъ дѣйствовалъ, конечно, какъ должно благородному ротному командиру, но всегда имѣлъ видъ жертвы, ведомой на закланіе. Серьезный, молчаливый, съ взволнованнымъ, вытянутымъ лицомъ, онъ мастерски умѣлъ избѣгать опасности и всегда старался выгодать для себя и своей роты хорошо защищенныя позиціи. Не помню уже, въ какой это было мѣстности, но помню, что отрядъ стоялъ въ какой-то ложбинѣ, окруженной возвышенностями; орудія обстрѣливали лѣсъ, гранаты посылались на одну высоту, гдѣ собралась значительная партія непріятеля. Мы въ это время были около нашего генерала, направлявшаго орудія, а потомъ подъѣхали къ своей ротѣ, позиція которой была выбрана Влад. Вас. отлично: рота была защищена небольшимъ холмикомъ, за которымъ расположились стрѣлки, поддерживая живую перестрѣлку съ непріателемъ, занимавшимъ гору. Подъѣзжаемъ и видимъ нашего капитана, сидящимъ за ротой, подъ тѣнью дерева и курящимъ трубку; это уже значило, что въ этомъ мѣстѣ онъ не подвергался опасности. Когда мы сошли съ лошадей и тоже закурили трубки, онъ сказалъ намъ шопотомъ: «болваны-то стрѣляютъ по пус-тому; пуль, правда, летитъ много, да какъ стукнутся онѣ объ холмикъ, такъ рикошетомъ и черезъ, и ни одного раненаго». Но если была опасность по мѣстности или учащенному огню и были раненые и убитые, то уже съ шутилой рѣчью къ нему не подходи: «какія тутъ шутки», пресерьезно говоритъ онъ, «только вынеси Господи». За то, чѣмъ сильнѣе были ощущенія дня, тѣмъ веселѣе онъ былъ въ палаткѣ вечеромъ за чаемъ и это только до слѣдующаго выступленія. Такъ онъ рассказывалъ намъ объ одной экспедиціи на правомъ флангѣ противъ абазеховъ, храбрѣйшаго племени горцевъ: какъ, однажды, они прорвались сквозь цѣпь и напали на обозъ, гдѣ онъ тогда находился съ ротой. Онъ живописно представлялъ несущихся всадниковъ съ пашкою въ рукѣ и кинжаломъ въ зубахъ и ихъ дикій гикъ, «Тутъ, говорилъ онъ, я такъ струсиль, что и небо мнѣ показалось съ овчинку; хорошо, что ихъ скоро прогнали, встрѣтивъ сильнымъ огнемъ; а я, не помня себя, только повторялъ: пали! пали! ну уже и набрался-же я тогда страху». Это было, поистинѣ, единственный въ своемъ родѣ человѣкъ; всегда и во всемъ онъ возбуждалъ смѣхъ, даже самаго серьезнаго человѣка. Къ несчастью, онъ былъ горячій картежникъ, конечно, въ надеждѣ улучшить свои карманныя обстоятельства. Иванъ Мих. Лабынцевъ, командиръ полка, часто распекалъ его за это и даже грозилъ въ случаѣ, если онъ до безобразія проиграется, исключить его изъ полка. Какъ-то въ походѣ мы ѣдемъ съ нимъ рядомъ, а мимо впередъ проѣзжаетъ генераль;

онъ-же, указывая на него, съ усмѣшкой говоритъ намъ шопотомъ: «вѣдь онъ думаетъ, что эта лошадь и шинель мои, а между тѣмъ и то, и другое уже проиграно».

— «Какъ это, Влад. Вас., вы такъ безхарактерны, что не можете удержать себя отъ этой страсти?»

— «Увлеченіе, говоритъ онъ; да и то думаю: проиграюсь, убьютъ— нечего будетъ дѣлить наслѣдникамъ; а выиграю много, поправлюсь и тотчасъ-же въ отпускъ, а тамъ и въ отставку и поминай какъ звали!»

Въ походѣ онъ имѣлъ обыкновеніе приказывать слать себѣ непременно чистую простыню, тогда какъ никогда не раздѣвался и часто, въ дождливое время, ложился въ грязныхъ сапогахъ, а когда, смѣясь, мы ему замѣчали это, то онъ отвѣчалъ: «все-же чище». Былъ онъ небольшого роста, имѣлъ доброе, но въ то-же время простое лицо, съ довольно толстымъ и краснымъ носомъ, что дѣлало его фizioномію нѣсколько похожею съ зайцемъ, да и вообще, онъ былъ некрасивъ.

Послѣ Сунженской экспедиціи, когда ему снова небо показалось съ овчинку, увидавши такъ близко смерть, онъ еще болѣе сталъ и отбиваться отъ нея. Нашъ батальонъ прислали въ крѣпость за снарядами, приѣмка которыхъ продолжалась съ вечера до 3-хъ часовъ ночи. Въ ожиданіи подъема, мы взяли квартиру, напились чаю и расположились заснуть. Лежа на кровати и вспоминая всѣ перепетія страшнаго дня, онъ говоритъ: «нѣтъ, ужъ теперь я не попадусь, и если будетъ мнѣ плохо, знаю, что увижу во снѣ какъ видѣлъ это дѣло и тогда боленъ и въ лазаретъ!»

Съ подъемомъ мы сѣли на лошадей, и, выходя изъ крѣпости, онъ ужасно боялся волчьихъ ямъ, вырытыхъ передъ входомъ, и очень смѣшилъ насъ. Наконецъ, мы пришли къ Сунжѣ, остановились на опушкѣ лѣса по эту сторону рѣки, а по другую сторону былъ весь отрядъ съ командующимъ войсками генер. Граббе. Мы ожидали приказаній на мѣстѣ; шелъ дождь, всѣ офицеры надѣли башлыки, бурки, шинели, а костюмъ Влад. Вас. состоялъ изъ его старой, полинялой, сине-сѣрой шинели и коротенькой бурки, которая, однимъ своимъ видомъ, возбуждала смѣхъ. Всѣ кружкомъ стояли около огня, едва, едва разгоравшагося. Было холодно, мокро, гадко, а между тѣмъ весь кружокъ офицеровъ хохоталъ, слушая Вл. Вас. Потомъ уже въ Россіи я слышалъ отъ кого-то, что онъ умеръ уже майоромъ, но не во фронтѣ, а гдѣ-то воинскимъ начальникомъ. Всѣ, служившіе съ нимъ, никогда его не забудутъ.

Да вообще, во время нашихъ экспедицій не мало было забавныхъ

эпизодовъ. Такъ помню, что, стоя около аула, въ то время какъ производилось его опустошеніе, орудія бросали граваты по лѣсу; мы увидѣли въ сторонѣ батальоннаго доктора въ кукурузѣ; онъ также былъ верхомъ, но когда пролетѣла пуля, хотя уже безвредная, онъ соскочилъ съ лошади и поставилъ ее такъ, чтобъ оградить себя ею отъ какой нибудь пальбой пули. По фیزیономіи можно было видѣть, что онъ не былъ равнодушенъ къ этимъ шаловливымъ гостямъ и очень былъ озабоченъ, чтобъ лошадь его стояла смирно, но, какъ-то затянувши поводъ, онъ совсѣмъ стянулъ уздечку и, боясь нажать новую бѣду, упустивъ лошадь, уцѣпился за ея шею, но все же наблюдая, чтобъ она была между нимъ и ауломъ. Не помню уже: мы ли или кто изъ бывшихъ тутъ солдатъ помогъ ему надѣть узду; но растерянная фигура его въ эту минуту была такъ смѣшна, что мы хохотали до слезъ, конечно, не давая ему этого замѣтить. Уже взятый аулъ, безопасность положенія, такъ какъ непріятельскія пули изъ лѣса пролетали рѣдко—конечно, много способствовали этому веселому настроенію.

Первый годъ нашего пріѣзда на Кавказъ въ военномъ отношеніи для насъ кончился сунженской экспедиціей, послѣ которой всѣ начальствующіе разъѣхались, а войска стали на зимнія квартиры. Насъ отпустили въ Прочный-Окопъ, гдѣ оставались всѣ наши вещи, которыхъ мы не взяли съ собой, полагая, что отозваніе нашего полка на лѣвый флангъ было временнымъ, а вышло, что оно сдѣлалось постояннымъ. Мы съ братомъ и Вегелинымъ верхомъ и проѣхали всю линію до Прочнаго-Окопа, что я думаю составитъ не менѣе 800 верстъ. Въ Прочномъ-Окопѣ мы заняли квартиру очень просторную, въ три или четыре комнаты съ кухней, очень веселенькую, на самомъ берегу Кубани, но въ которой кухня обладала такимъ громаднымъ количествомъ черныхъ и красныхъ таракановъ, что когда бывало входилъ въ нее со свѣчей, то стѣны почти не было видно. Впрочемъ, кухня намъ и не была нужна, такъ какъ столъ мы имѣли у Михаила Михайловича Нарышкина.

Мих. Мих. и жена его Елизавета Петр., рожденная графиня Ковновницына, жили въ довольно большомъ домѣ на широкой улицѣ; при домѣ былъ садъ съ желтыми и черными сливами, который впрочемъ и не походилъ на садъ, какъ мы понимаемъ, потому что тутъ не было ни дорожекъ, ни плана, а просто группа фруктовыхъ деревьевъ, каковы и всѣ сады по кавказской линіи. Общество наше въ Прочномъ Окопѣ составляли товарищи наши: Назимовъ, Нарышкины, иногда Загорѣцкій и мы съ братомъ. Въ это же вре-

мя былъ еще изъ нашихъ товарищей Лихаревъ, но онъ въ это же лѣто былъ въ экспедиціи съ Куринскимъ полкомъ, въ которомъ находился, и подъ Валерикомъ убитъ; когда мы въ послѣднюю экспедицію нашу проходили Валерикъ, то увидѣли, что могилы нашихъ убитыхъ были разрыты и тѣла павшихъ обнажены, ограблены и изуродованы этими чеченскими варварами. Тутъ же ихъ похоронили снова.

Всѣ наши товарищи уже были портупей-юнкерами, такъ какъ вступили въ службу раньше насъ, а мы за экспедицію были произведены въ унтеръ-офицеры.

Въ Прочномъ Окопѣ стояла артиллерійская бригада, командиромъ которой былъ полковникъ Ганъ. Семейство его состояло изъ жены и 2-хъ взрослыхъ дочерей. Тутъ же была штабъ-квартира Кубанскаго полка и жилъ командиръ, полковникъ Фитингофъ, котораго мы часто посѣщали, а когда онъ дѣлалъ ученіе знаменитой тогда Прочно-Окопской сотнѣ, то мы всегда присутствовали, любуясь удивительной удалю этихъ казаковъ, скакавшихъ на колѣняхъ во весь карьеръ.

Всѣ эти лица бывали по вечерамъ у Нарышкиныхъ, и такъ какъ Елизавета Петр. прекрасно пѣла, а дочери полковника Гана тоже были музыкантши, то мы часто наслаждались прекрасной музыкой, такъ что жизнь въ Прочномъ Окопѣ была очень пріятна. Кромѣ того у Нарышкиныхъ было много хорошихъ книгъ, получались иностранные и русскіе журналы—и время летѣло незамѣтно. Предпринимались частыя прогулки по улицамъ станицы и за станицу, а однажды составила поѣздка за Кубань въ одинъ изъ мирныхъ черкесскихъ ауловъ, по предложенію полковника Гана. Аулъ былъ искони мирный и жители его были въ кунацкихъ, т. е. дружескихъ отношеніяхъ съ русскими.

Въ прогулкѣ участвовали: Мих. Мих. Нарышкинъ съ Елиз. Петр., Ганъ съ женой и дочерьми, Назимовъ, Загорѣцкій и мы съ братомъ. Дамы отправились въ коляскахъ, а мы всѣ въ крытой линейкѣ. Переѣхавъ въ бродъ рѣку, мы пошли къ аулу, гдѣ насъ встрѣтили хозяева съ большимъ почетомъ. Сейчасъ вынесли передъ саклею низенькіе черкесскіе столики и поставили пропасть кушаней, разумѣется, въ азіатскомъ вкусѣ. Не помню подробностей угощенія, но помню, что тутъ были и знаменитый кавказскій пашлыкъ и какія-то пирожныя, очень вкусныя, а также сушеные фрукты. Пока мы тутъ угощались, составилъ хороводъ: дѣвушки, переплетаясь руками, монотонно и плавно качаясь, двигались кругомъ подъ звуки

музыки, которая была убійственна; инструменты ея состояли изъ сопелокъ, барабана, бубна и еще какого-то струннаго въ родѣ бала-лайки. Женщины поглядывали на гостей сквозь плетни, какъ казалось, съ большимъ любопытствомъ. Пробывъ часа два, походивши передъ ауломъ и заходя въ чистенькія сакли, мы направились домой, поблагодаривъ хозяевъ и, конечно, одаривъ, вѣроятно щедро, такъ какъ Нарышкинъ былъ человекъ богатый, весьма щедрый и великодушный. Погода была прекрасная и теплая, кажется, то былъ мартъ или февраль; всѣ пожелали возвратиться домой пѣшкомъ по берегу живописной рѣки, для сокращенія дороги и прогулки; а потому отпустили экипажи, въ которыхъ берегомъ нельзя было ѣхать. Лѣсъ подходилъ къ самому берегу, представляя огромныя промоины, овраги, заваленные упавшими деревьями, такъ что чѣмъ далѣе, тѣмъ дорога становилась непроходимѣе. Тутъ мы стали помышлять, какъ бы возвратиться и сѣсть въ экипажи, но они уже были далеко и пришлось покориться своей участи. Мужчины раздѣлили между собой дамъ, изъ которыхъ Елиз. Петр. Нарышкина была болѣзненна и слаба, еще болѣе была слаба и къ тому же очень труслива м-ме Ганъ, а мужъ ея, по толщинѣ своей, не могъ ее вести, такъ какъ и самъ едва переводилъ духъ и ее уже провожалъ, помнится, Мих. Алек. Назимовъ; дѣвицы Ганъ были болѣе подвижны, но и имъ тоже понадобились провожатые. Мы подвигались очень медленно, какъ вдругъ, къ довершенію этого бѣдственнаго похода, слышимъ сильный трескъ въ лѣсной чащѣ. Въ первую минуту намъ пришло въ голову: не хищники ли это, и тогда, о ужасъ! что ожидало бы несчастныхъ дамъ, которыя страшно испугались. Къ несчастію, всѣ мы были безоружны, только у насъ съ братомъ были кинжалы при черкескахъ, въ которыхъ мы были. Не медвѣдь ли то былъ? тоже не хорошо; всѣ мы бросились въ лѣсъ, продираясь сквозь чащу, чтобы предупредить опасность и удостовѣриться, въ чемъ она заключается, и, къ общему удовольствію, увидѣли буйволовъ, и тогда дамы наши успокоились. Все это путешествіе наше продолжалось очень долго и мы вошли въ станицу въ 11 часовъ ночи. Дамы наши были утомлены до изнеможенія, такъ какъ дорога была ужасная.

Такъ прошло наше первое полугодіе на Кавказѣ съ путешествіемъ въ 5—6 тысячъ верстъ, тремя экспедиціями и пріятнымъ отдыхомъ въ Прочномъ-Окопѣ. Съ ранней весной надо было собираться и ѣхать къ своему полку, снова на лѣвый флангъ. Пасху мы встрѣтили еще въ Прочномъ-Окопѣ, разговѣлись у Мих. Мих. и Елиз. Петр. Нарышкиныхъ и распростились съ ними и нашими товарищами. Мы не пошли съ пер-

вымъ нашимъ батальономъ, который отправлялся туда же; а забравъ свои вещи, поѣхали на перекладныхъ по линіи чрезъ всѣ казачьи станицы. Это было на святой недѣлѣ и мы ѣхали среди общаго веселья и ликования; все населеніе (въ праздничныхъ одеждахъ), группы молодыхъ казачекъ и казаковъ разгуливали по всѣмъ улицамъ съ пѣснями, пляской подъ звукъ гармоніи; а вечеромъ по всѣмъ перекресткамъ хороводы, шумъ, гамъ и беззаботное веселье. Вообще все казачье населеніе отличается своей живостью и веселостью. Передъ домами на скамьяхъ сидятъ пожилые казаки и ведутъ неумолкаемыя бесѣды: о различныхъ военныхъ случайностяхъ, объ экспедиціяхъ, молодецкихъ подвигахъ; и, дѣйствительно, въ тѣ времена было о чемъ говорить на Кавказѣ, такъ какъ это было время самага большаго могущества Шамиля, частыхъ набѣговъ на станицы и безпрестанныхъ тревогъ.

Первый батальонъ нашъ шелъ по линіи черезъ Пятигорскъ и тутъ случилось происшествіе, заслуживающее упоминанія. Батальонъ велъ капитанъ Каревъ; когда они вышли изъ Пятигорска, имъ случайно попался на встрѣчу Пятигорскій протопопъ; Каревъ счелъ эту встрѣчу за дурное предзнаменованіе и, раздѣляя эту суевѣрную примѣту, къ стыду, со многими считающимися православными христіанами, вмѣсто того, чтобъ подойти и попросить благословенія и молитвы за идущихъ на брань, приказалъ солдатамъ плевать и бросать песокъ въ ту сторону, гдѣ онъ стоялъ на холмѣ. Сконфуженный, опозоренный священникъ и, конечно, глубоко обиженный, не выдержалъ и не явилъ христіанскаго терпѣнія и смиренія и, подозревая одного унтеръ-офицера, замыкавшаго ряды, спросилъ: кто это ведетъ батальонъ? Тотъ отвѣчалъ, что капитанъ Каревъ; тогда онъ сказалъ: «передай-же ему, что первая пуля будетъ ему», что дѣйствительно и случилось.

Приѣхавши въ Науръ, гдѣ уже имѣли знакомыхъ, мы распростigliсь съ ними, и верхомъ отправились въ Червленую, штабъ квартиру Гребенскаго полка, а оттуда на переправу черезъ Терекъ, къ переправлявшемуся отряду. Экспедиція эта назначалась на Чиркей, огромный аулъ съ 10 тысячнымъ населеніемъ, который брать съ фронта было почти невозможно, такъ какъ построенный амфитеатромъ, онъ изъ каждой сакли могъ убійственнымъ огнемъ поражать приближающіяся войска, что и случилось въ прежнюю экспедицію съ Ширванскимъ полкомъ. Поэтому рѣшено было идти въ обходъ и взять аулъ сзади, съ другой его стороны. Мы пошли на крѣпость Внезапную, а за нею прошли лѣсистою мѣстностью, защищенною за-

валами, при постоянной перестрѣлкѣ, потомъ перешли р. Салемъ и шли между горами. На слѣдующій день была дневка. Когда при этой дневкѣ отрядъ расположился лагеремъ, командующему войсками генер. Граббе поставили юрту, и какъ теперь смотрю на него, прохаживающагося передъ нею съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ, курящаго и запивающаго чаемъ, какъ вдругъ съ близлежащей лѣсной горы раздались выстрѣлы и пули засвистѣли около него, а другіе попали въ юрту; не прекращая ни на минуту своей ходьбы съ трубкой, также спокойно и хладнокровно какъ прежде, онъ только отдалъ приказаніе занять эту гору и выбить непріятеля, тамъ собравшагося. Какъ нарочно былъ назначенъ первый батальонъ кабардинскаго полка и еще другіе, и Каревъ, плевавшій на Пятигорскаго протопопа, пошелъ занимать гору. Кабардинцы живо бросились впередъ и съ живой перестрѣлкой овладѣли горой; въ самомъ началѣ дѣла, дѣйствительно, пуля попала въ животъ Кареву, но по счастью или, лучше сказать, по милосердію Божію не пробила кишокъ и онъ остался живъ. Тутъ онъ вспомнилъ предсказаніе протопопа.

Дальнѣйшее движеніе отряда было задерживаемо частыми нападеніями съ горъ, когда приходилось слѣдовать около нихъ, такъ какъ вся эта страна гориста. На одной изъ дневокъ непріятель показался въ значительномъ числѣ и открылъ сильный огонь съ высотъ; къ несчастью, пришлось брать эту гору во время дождя и грязи; но на войнѣ не разбирается время. Скользкая почва много мѣшала нашимъ геройскимъ солдатамъ идти въ гору: они шли, упираясь штыками, подъ огнемъ непріятеля; тутъ же еще случилась страшная гроза, убившая двухъ солдатъ; и того и другаго зарыли въ землю по шею: на одного это средство подѣйствовало, на другаго же нѣтъ и онъ умеръ. Но несмотря ни на ярость стихій, ни на трудности крутаго подъема, наши самоотверженные солдаты поистинѣ геройски взяли высоту и сбили врага, который большими массами сталъ собираться на нашемъ пути, въ одномъ ущельѣ, которымъ необходимо было проходить и которое онъ сильно укрѣпилъ завалами и рвами. Въ слѣдующій день продолжалась перестрѣлка и мы остановились передъ ущельемъ. Тутъ уже лазутчики дали знать, что черкесы, во что-бы то ни стало, рѣшились не пускать насъ далѣе къ Чиркею, такъ какъ они знали дѣлъ экспедиціи.

Съ вечера распредѣлили войска и рѣшили высотами, ограждавшими ущелье, идти въ обходъ заваламъ и, обойдя ихъ, взять непріятеля въ тылъ. Нашему батальону съ другими нашего полка назначена была правая сторона ущелья. Такъ какъ полагали, что непріа-

тель собрался въ большемъ числѣ съ правой стороны, то къ намъ принесли больше носилокъ, бинтовъ, и было увеличено число фельдшеровъ для перевязокъ раненныхъ. Всю ночь на горахъ раздавалась ихъ воинственная духовная пѣснь „Элон Илалахъ“, гулъ отъ которой, отзываясь эхомъ, разносился по всѣмъ лѣсистымъ горамъ, и не могу сказать, чтобъ производилъ пріятное впечатлѣніе. Мы долго передъ сномъ ходили около нашихъ палатокъ, прислушиваясь къ этому звѣщему пѣнію. Звѣзды блистали великолѣпно на сводѣ небесномъ и невольно пробѣгала въ умѣ мысль, не въ послѣдній-ли разъ мы любовались ихъ красотой; но что-же если и въ послѣдній? вѣруемъ, что красота небесной жизни безконечно выше, для души, этой матеріальной. Наступило утро, прекрасное, свѣтлое кавказское утро; пробили обычный генераль-маршъ, по возамъ, сборъ—и все двинулось. Офицеры, а также и мы оставили лошадей при обозѣ, а сами пошли съ своей правой цѣпью, пѣшкомъ. Гора, по которой было назначено намъ идти, была очень высока; восхожденіе на нее съ ружьемъ, патронами, въ солдатской шинели, было для насъ съ братомъ истиннымъ подвигомъ. Мы взобрались на гору едва переводя духъ, облитые потомъ и, хотя въ полномъ изнеможеніи, однако не отставали отъ колонны. Какъ только вошли на гору, увидали, что непріятеля тутъ не было; онъ засѣлъ на другой горѣ, отдаленной отъ насъ глубокимъ оврагомъ; но какъ цѣль движенія была обойти завалы и потомъ спуститься въ тылъ непріятелю, защищавшему завалы, то мы шли предводимые генераломъ Лабынцевымъ, хотя съ жаркой перестрѣлкой; но все-же не такой жаркой, на какую указывали приготовленія. Колонна съ обозомъ подвигалась къ заваламъ, но прошла ихъ уже тогда, когда опустились горныя колонны и непріятель, не ожидая ихъ, отступилъ къ своимъ. И такъ дѣло это было страшнѣе въ ожиданіи, нежели оказалось въ дѣйствительности. Докторъ нашъ Павелъ Ив. Головинскій, въ палаткѣ котораго мы стояли, не оставилъ своей лошади въ обозѣ и, взвѣхавъ на ней на гору, велъ ее потомъ въ поводу. Надо было удивляться этой бѣлой кабардинкѣ;—она шла за нимъ, какъ дрессированная охотничья собака; при спускахъ въ оврагахъ и рытвинахъ и самыхъ крутыхъ подъемахъ она шла такъ осторожно, что, несмотря на близкое разстояніе, ни разу не наступила на него; ни съ какой другой лошады невозможно было бы идти по такимъ мѣстамъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ мы соединились съ дагестанскимъ отрядомъ, которымъ командовалъ корпусный командиръ генер. Головинъ, перешедшій за Суликъ у Мятменскаго аула. Совокупно съ нашимъ отрядомъ взять аулъ Хубары и мы подошли къ Чиркею,

который уже выслать старшинъ къ ген. Фезе, оставленному по ту сторону Сулика, и Чиркей сдался. Разумѣется, въ аулѣ уже никого не было, всѣ жители съ имуществомъ и скотиной ушли въ лѣса и горы и, какъ говорили, выдали аманатовъ, т. е. заложниковъ, и на этотъ разъ аулъ былъ пощаженъ. Помню, что въ горахъ въюки наши запоздали и мы долго ждали, пока разбили палатку и мы за чаемъ могли отдохнуть. Помнится также, что мы тутъ простояли двое или трое сутокъ. Солдатики наши, не теряя времени, начали посѣщать лѣсъ—не попадется-ли какая добыча и, дѣйствительно, многіе находили хорошіе ковры, нѣкоторую домашнюю утварь и кое-что изъ посуды. Это было потомъ запрещено, изъ опасенія какой нибудь засады. Совершивъ покореніе аула, мы двинулись въ обратный путь къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, перешли Суликъ уже мирно и направились въ горы.

Помню, какъ потянулись по горамъ наши въюки, на какіе страшныя крутизны они взбирались, имѣя по ту и другую сторону отвѣсныя пропасти, такъ что страшно было смотрѣть; конечно, нѣкоторые не миновали ихъ, оборвавшись; но такихъ случаевъ было весьма мало. Придя въ Шуру, войско расположилось лагеремъ, а начальствующіе заняли квартиры въ домахъ города. Эта стоянка была очень пріятна: мы каждый день изъ лагеря ходили въ городъ, посѣщали нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ, хорошо къ намъ расположенныхъ, иногда обѣдали у нихъ и потомъ возвращались въ лагерь, который былъ расположенъ въ одной верстѣ съ чѣмъ нибудь.

Потомъ мы пошли изъ Дагестана, прошли мимо аула, въ которомъ былъ убитъ бывшій прежде Шамиля имамомъ Казимула, который бралъ Кизляръ и вообще дѣйствовалъ очень смѣло, хотя и короткое время; помнится, что генералъ Ведьяминовъ сокрушилъ тогдашнее возстаніе.

Послѣ этой стоянки отрядъ нашъ направился къ Аухамъ и Сала-таевцамъ большой Чечни. Не помню названія перваго аула, кажется, Кишень, атакованнаго и взятаго. Помню только, что жители, по обыкновенію, покинули свои жилища; женщины съ имуществомъ и скотомъ удалились въ лѣсъ, а боевая часть населенія залегла по другую сторону огромнаго оврага, отдѣлявшаго аулъ отъ лѣса и открыла сильный огонь по нашимъ ротамъ, которымъ также было приказано лечь, чтобы не терять по пустому людей. При началѣ наступленія былъ раненъ драгунскій капитанъ Александръ Алексѣевичъ Сусловъ, впослѣдствіи командиръ Гребенскаго полка и извѣстный своими подвигами, изъ которыхъ замѣчательнѣе совершен-

ный имъ въ началѣ командованія полкомъ, когда онъ, при появленіи большой партіи, встрѣтилъ ее съ одной или двумя сотнями казаковъ и, бывъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, приказалъ повалить лошадей и за этимъ лошадинымъ валомъ отстрѣливался до тѣхъ поръ, пока не подошла на выручку пѣхота. Въ этомъ-же дѣлѣ былъ съ нами поручикъ Дмитрій Петровичъ Фредриксъ, человекъ отчаянной храбрости, который, подъ самымъ сильнымъ огнемъ непріятеля, стоялъ во все время перестрѣлки при спѣшившихся и залегшихъ казакахъ во весь свой высокій ростъ, не трогаясь съ мѣста, такъ что помню, какъ одинъ изъ нашихъ черкесскихъ офицеровъ рассказывалъ мнѣ объ этомъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что этотъ офицеръ нарочно ищетъ смерти.

Конечно, дѣло это на краю оврага не могло долго продолжаться, такъ какъ подошедшія орудія, открывшія огонь картечью, скоро заставили ихъ убраться. Въ то же время стоянки приказано было разорять аулы и рубить фруктовые деревья. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣлъ я, какъ одно за другимъ валились многовѣковые, гигантскіе орѣшники, изъ которыхъ каждый кормилъ цѣлый годъ многочисленное семейство. Орѣховъ на нихъ бываетъ такое изобиліе, что вывозимые на базары, они доставляли хлѣбъ и все нужное для дома—и все это гибло за то, что изувѣрству или фанатизму Шамиля угодно было поднять всѣ эти племена на безнадѣжную, священную войну противъ насъ. По окончаніи дѣла разрушенія, снова началось движеніе на другіе аулы. Отступленіе наше было очень опасное, потому что непріятель, тотчасъ по выходѣ отряда, занялъ мѣстность аула и открылъ сильный огонь по арріергарду, такъ какъ дорога наша шла по равнинѣ, надъ которой по высотѣ господствовала мѣстность, занятая непріателемъ съ нашего тыла и лѣваго фланга, то и потеря наша съ начала движенія была значительна. По мѣрѣ удаленія опасность уменьшалась, такъ какъ орудія могли дѣйствовать безпрепятственно. Помню, что потомъ мы шли по открытой мѣстности, гдѣ непріятель не осмѣлился-бы насъ преслѣдовать; но тутъ вдругъ упалъ такой густой туманъ, что въ 3-хъ шагахъ ничего не было видно. Отрядъ шелъ медленно, отъ времени до времени свистѣли пули непріятеля, который конечно и самъ не смѣлъ подходить близко, такъ какъ огонь артиллеріи держалъ его на почтительномъ разстояніи. Повидимому, Ауховцы тоже покорились, хотя по наружности, и отрядъ нашъ отправился къ Внезапной, гдѣ войска занялись очищеніемъ дороги отъ молодого лѣса, заглушившаго снова эти пути, прочищенные еще Ермоловымъ. Въ этомъ климатѣ растительность

такъ могуча, что черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ вырубленные лѣса снова представляютъ непроходимую чащу. Колочіе, густые кустарники, называемые «дереза», прорѣзываютъ сапоги, истребляютъ панталоны, такъ что переходъ по такимъ мѣстамъ чрезвычайно непріятенъ. Пройдя Ауховскую и смежную большую Чечню, отрядъ возвратился въ Грозную, откуда еще были продолжаемы истребленія ауловъ и хлѣбовъ; но насъ отпустили на линію, гдѣ были зимнія квартиры.

Мы съ братомъ, равно какъ и другіе наши товарищи декабристы, всегда участвовали во всѣхъ значительныхъ дѣлахъ и экспедиціяхъ, послѣ которыхъ благороднѣйшіе и великодушные начальники наши обыкновенно отпускали насъ на отдыхъ, зная, что мы опредѣлены были на Кавказъ милостью государя, доставлявшаго намъ этимъ средство дослужиться и достигнуть свободы и возвращенія на родину, и это уже послѣ 15-ти лѣтъ ссылки, работъ и заключенія въ казематъ и, слѣдовательно, уже довольно вынесшихъ на своихъ плечахъ.

Первый годъ отдыха мы провели въ Прочномъ-Окопѣ, а затѣмъ, когда зимнія квартиры Кабардинскаго полка были на линіи, то мы проводили въ станицѣ Наурѣ, штабъ-квартирѣ Моздокскаго казачьяго полка.

Въ 1842 году была предпринята экспедиція Ичкеринскимъ лѣсомъ до соединенія съ Дагестанскимъ отрядомъ генерала Клуге-фонъ-Клугенау. По причинѣ болѣзни брата, мы должны были оставаться въ кр. Грозной съ другими больными; но сообщаемый здѣсь рассказъ переданъ самими участниками и былъ тогда во всѣхъ устахъ.

При этой экспедиціи Шамиль воспользовался этой, почти непроходимой, мѣстностью для большого отряда и занялъ весь лѣсъ огромными силами; устроилъ множество заваловъ, занялъ всѣ высоты, съ которыхъ могъ на выборъ поражать солдатъ, проходившихъ одинъ за другимъ узкіе гребни, такъ что эта экспедиція уже въ самомъ началѣ оказалась много труднѣе, нежели ожидали. По мѣрѣ того, какъ отрядъ подвигался впередъ, пальба была непрерывная, огонь съ обѣихъ сторонъ не умолкалъ. Расходъ на патроны и снаряды былъ такъ великъ, что черезъ нѣсколько дней движенія, въ нихъ предвидѣлся уже недостатокъ—и это еще почти на половинѣ пути—и дальнѣйшее движеніе могло быть гибельно для отряда. Пока шли впередъ, войска хотя и много теряли людей, но все-же онѣ двигались не сдержимо, не останавливаемые ни завалами, ни упорствомъ непріятеля; но вотъ, когда подошли къ спуску въ обширную низменность долины, за которою слѣдовалъ подъемъ по отрогамъ Андійскаго хребта, и отрядъ остановился на ночлегъ, командуящій войсками

получилъ тревожное свѣдѣніе о могущемъ оказаться недостаткѣ боевыхъ снарядовъ и, вѣроятно, по совѣщаніи съ начальниками частей, рѣшился возвратиться обратно. Это рѣшеніе было роковымъ: какъ только на слѣдующее утро отрядъ двинулся обратно, черкесы ободрились, удвоили свой натискъ на арріергардъ и цѣпи, бросаясь въ пашки со своимъ яростнымъ гикомъ или, лучше сказать, воплемъ. Солдаты-же упали духомъ уже при первомъ объявленіи объ отступленіи, при чемъ имъ снова приходилось проходить адскими трупобами при огромной уже потерѣ, такъ что наконецъ, къ несчастію, паническій страхъ овладѣлъ арріергардомъ, который сталъ напирать на переднихъ и отступленіе мало-по-малу превратилось въ бѣгство. Всѣ части разстроились, перемѣшались, а ободренные горцы тутъ уже прямо поражали бѣгущихъ, схватывая одной рукой за сумку, а другой—срубая голову. Тутъ уже не дрались, а спасались, кто куда могъ; восемь орудій были оставлены и достались торжествующему неприятелю; но благодареніе Господу, торжество его было не продолжительно. Нашъ бывший батальонный командиръ Константинъ Семеновичъ Трескинъ, никогда не выдававшійся особенной отвагой, да правду сказать: въ Кавказской войнѣ батальонному командиру, при обыкновенныхъ экспедиціяхъ, и не приходилось отличаться ничѣмъ, кромѣ спокойнаго и хладнокровнаго наблюденія за батальономъ, находится-ли онъ въ цѣпи, арріергардѣ или колоннѣ, но въ этотъ моментъ благородная кровь русскаго честнаго офицера закипѣла. Онъ со слезами стыда и ярости смотрѣлъ на нашъ позоръ, на геройскія войска, бѣгущія отъ ничтожнѣйшаго дикаго неприятеля, и въ эту минуту онъ такъ одушевился, такъ воспламенился, что, отступя въ сторону, вскричалъ: «Ребята, у кого есть Богъ, есть крестъ на груди, есть совѣсть—ко мнѣ!» Такъ какъ это былъ крикъ отчаянія и въ то-же время крикъ доблести, устыдившій многихъ, услышавшихъ его, то къ нему сейчасъ-же стали заворачивать безпорядочно отступавшіе, и около него въ сторонѣ тотчасъ сгруппировалась толпа изъ всѣхъ полковъ, около батальона силою, и толпа, уже сознавая весь свой позоръ и пылавшая мщеніемъ. Онъ выстроилъ ихъ; одушевлять ихъ не нужно было, потому что всѣ сочувствовавшіе этому благородному зову, всѣ, конечно, геройскія сердца, а если они увлеклись общимъ движеніемъ, то потому, что все пришло въ безпорядокъ и разстройство. Съ этой-то выстроенною и крѣпкою силою, онъ отчаянно бросился на преслѣдовавшаго неприятеля; ярость солдатъ, разоженныхъ энтузіазмомъ ведшаго ихъ начальника, была такъ велика, ударъ такъ ужасенъ, что все, бывшее передъ ними, легло, остальное бѣжало,

яростно преслѣдуемое; нагнаны увозимыя и мгновенно взяты потерянные уже пушки, всѣ 9, кромѣ одной, которую черкесы сбросили съ кручи. Тотчасъ-же послѣ этого возстановился порядокъ. Кабардинцы были помѣщены въ арріергардъ; при движеніи впередъ они шли въ авангардъ и болѣе другихъ подвергались огню непріятеля и потери, а потому ихъ и теперь помѣстили было въ авангардъ, какъ-бы на отдыхъ, такъ какъ вся сила нападенія должна была послѣдовать въ арріергардъ; но когда всѣмъ отрядомъ овладѣлъ паническій страхъ и все разстроилось, то, при отбитіи непріятеля, опять были взяты Кабардинцы, съ которыми Константинъ Семеновичъ и началъ правильное отступленіе эшелонами. Былъ жаркій день; онъ-же былъ довольно толстъ и страдалъ отъ жары, а потому былъ въ одной чачуичевой рубашкѣ; сидѣлъ онъ на лошади, сопровождая каждый эшелонъ,—и какое довольство, какое наслажденіе долженъ онъ былъ чувствовать въ душѣ своей по совершеніи своего благороднаго подвига, возстановивъ честь русскаго знамени, исполнивъ священный долгъ присяги и совѣсти, какъ вдругъ двѣ роковыя пули изъ кустовъ поразили его на смерть. Его смерть еще болѣе ожесточила солдатъ, которые снова готовы были съ остервененіемъ броситься на преслѣдующаго издали непріятеля. Не помню навѣрное, но, кажется, путившіе эти двѣ пули были приколоты и, вѣроятно, не разъ и не два.

Узнавъ отъ своихъ лазутчиковъ о положеніи отряда ген. Граббе, начальникъ лѣваго фланга ген. Фрейтагъ собралъ, что могъ, войска, и черезъ Горзель аулъ, наше укрѣпленіе около Ичкеринскаго лѣса, направился на помощь къ отряду Граббе, который и возвратился въ Чечню, гдѣ для удержанія отъ набѣговъ безпокойныхъ Чеченцевъ, на полугорѣ, отрядъ, къ которому и мы присоединились подъ начальствомъ Фрейтага, сталъ возводить укрѣпленіе, называемое Ошъ-Унгуръ, гдѣ мы и пробыли до заморозковъ.

У Роберта Карловича Фрейтага, къ холодному времени, была устроена довольно просторная землянка въ нѣсколько комнатъ, гдѣ по вечерамъ собирались штабные и другіе офицеры, гдѣ и мы также бывали почти каждый вечеръ. У него всегда составлялся преферансъ, партнерами почти постоянно были князь Лобановъ-Ростовскій и еще юнкеръ Нижегородскаго полка, Меллеръ-Закомельскій, другихъ же не помню. Въ другой комнатѣ играли въ шахматы, разсуждали о текущихъ военныхъ дѣлахъ и, вообще, все время построенія Ошъ-Унгурскаго укрѣпленія было очень пріятно. Да и можетъ ли иначе быть въ средѣ такого общества, какъ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, баронъ Иполитъ Александр. Вревскій, Лобановъ, Меллеръ-

Закомельскій, фонъ-дербъ Паленъ, кажется, тогда офицеръ гвардейской артиллеріи, постоянный соперникъ мой въ шахматахъ, подполковникъ Тонскій, Фед. Ник. Веревкинъ и многіе другіе. Да и вообще все кавказское общество, среди котораго намъ случилось быть, жить и подвизаться во все время нашего пребыванія тамъ, было дѣйствительно избранное общество. Въ кавказской жизни, что наиболѣе поражало и привлекало всѣхъ пріѣзжавшихъ въ то время—это какой-то особенный строй жизни, простота обращенія, начиная съ самыхъ высшихъ до низшихъ, свобода отношеній между начальствующими и подчиненными, — и это при соблюденіи самой строгой и серьезной дисциплины; скромность при самыхъ высокихъ доблестяхъ въ людяхъ, даже выдающихся изъ ряда обыкновенныхъ, и не сознававшихъ совершенныхъ ими подвиговъ, которые вездѣ были бы гордостью ихъ совершившихъ. Вотъ почему побывавшіе на Кавказѣ въ обществѣ этихъ благородныхъ, самоотверженныхъ и постоянныхъ борцовъ въ священной борьбѣ уже никогда не забудутъ ни этихъ дней, ни этихъ людей.

Во все время возведенія укрѣпленій въ Ошъ-Унгурѣ, тутъ производились обычныя малыя экспедиціи въ лѣсъ за дровами, на фуражировку и почти всегда съ ничтожной перестрѣлкой. Помню, что въ одной изъ нихъ мы срѣзали себѣ для чубуковъ нѣсколько молодыхъ черешень. Но главное нападеніе Шамиля тамъ состояло въ пушкѣ нашей, (сброшенной съ кручи въ Ичкеринскую экспедицію), которую онъ ежедневно вывозилъ на высоту и стрѣлялъ по лагерю. Конечно, большаго вреда онъ не причинялъ, но все же высылались части войскъ, которыхъ чеченцы не дожидались и тотчасъ вывозили пушку въ лѣсную чашу и, вѣроятно, отлично запрягивали ее, такъ какъ поиски за ней были безуспѣшны.

Однажды, былъ отданъ приказъ нашему полку приготовиться къ ночной экспедиціи. Князю Лобанову-Ростовскому былъ порученъ легучій отрядъ, съ которымъ онъ дѣлалъ развѣдки въ разныя стороны Чечни. Не знаю и не помню—отъ него или лазутчиковъ получено было свѣдѣніе, что въ эту ночь 2,000 человекъ конныхъ черкесовъ отравились въ хищнической набѣгъ, съ цѣлью отбить скотъ въ нѣкоторыхъ мирныхъ аулахъ. Съ наступленіемъ темноты отрядъ выступилъ. Ночь была такъ темна, что съ трудомъ можно было различить одинъ другаго. Запрещено было куреніе, высѣканіе огня, стукъ ружей; колеса у орудійныхъ лафетовъ были подвязаны холстомъ, чтобъ не производить стука, словомъ были употреблены всѣ предосторожности, чтобы внезапно накрыть партію хищниковъ. Въ одной какой-то ка-

навѣ или ямѣ, помню, что моя лошадь опустилась и затѣмъ съ уси-
ліемъ поднялась на высоту, такъ что я едва не свалился и поряд-
комъ струсилъ; упавъ я съ лошади и убѣги она—я въ этой тѣмѣ и
этой пустынѣ, конечно, погибъ бы безслѣдно. Долго такимъ обра-
зомъ мы шли, но ничего не было слышно, — буквально царствовала
могильная тишина. По временамъ подѣвжали верховые, передавая
что-то шепотомъ начальству и снова исчезали во мракѣ.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ движенія, начался на востокѣ
блѣдный просвѣтъ зари, отрядъ вошелъ въ лѣсъ, въ глубинѣ котораго
былъ сдѣланъ привалъ и по деревьямъ разсажены часовые для наблю-
денія во всѣ стороны. Уже совсѣмъ разсвѣло, какъ двинулись далѣе
съ такой же тишиной, а на второмъ привалѣ, когда только что стали
закусывать у Роберта Карловича Фрейтага сыромъ, пирожками, какъ
съ деревьевъ, часовые дали знать, что показалась партія. Тотчасъ все
поднялось и бросилось въ ту сторону, гдѣ она показалась. Выйдя
изъ лѣса на большую поляну, увидѣли выстроенную партію въ двѣ
тысячи человѣкъ конныхъ со значками. Фрейтагъ ѣхалъ впереди,
заставляя солдатъ, навьюченныхъ порядкомъ, бѣжать бѣгомъ довольно
большое разстояніе, такъ что изнемогавшіе солдаты глухо ворчали,
и какъ только было пущено нѣсколько гранатъ одна за другою, изъ
которыхъ нѣсколько попало, въ ихъ рядахъ произошло колебаніе.
Затѣмъ по мѣрѣ приближенія отряда и орудій, они вдругъ всѣ
на рысяхъ пустились къ рѣчкѣ, не помню названія, гдѣ и предпо-
ложено было ихъ захватить; но они уже не стали переправляться
тутъ, а поискали далѣе другаго брода и спаслись, не успѣвши сдѣ-
лать предполагаемаго хищничества, благодаря своевременному вы-
ступленію отряда. Конныхъ милиціонеровъ у насъ было человѣкъ 60,
и они, конечно, ничего не могли сдѣлать съ такой сильной партіей,
которая и разсѣялась по лѣсу; а какъ пѣшій конному не товарищъ,
то нашему пѣхотному отряду оставалось въ скучившуюся безпора-
дочную массу послать гранаты и ядра, а въ бывшихъ на ближай-
шей дистанціи—и картечь, такъ что ихъ покушеніе обошлось имъ
не дешево.

Возвратившись въ крѣпость, мы еще простояли въ Ошъ-Унгурѣ
до самой поздней осени; когда же начались порядочные утренники,
то ночи становились довольно безпокойны, спать было холодно, а
утренній чай пили подъ заледенѣвшими полями полатки. 19-го ноября
отрядъ, по окончаніи работъ, тронулся на зимнія квартиры и пере-
правился на эту сторону Терека. Мы возвращались вмѣстѣ съ на-
шимъ милѣйшимъ докторомъ Павломъ Ивановичемъ, который въ одномъ

казачьемъ домикѣ велѣлъ хозяйкѣ принести квасу, луку, такъ какъ у нея болѣе ничего не было, и накрошивши пропастъ хлѣба и луку въ квасъ и крѣпко посоливши, мы весьма усердно занялись этой импровизованной окрошкой, въ которой собственно всю сущность послѣ хлѣба составлялъ лукъ въ огромномъ количествѣ. — Ночевали мы въ станицѣ Червленной, бывшей въ 7-ми верстахъ отъ переправы, откуда и уѣхали въ станицу Науръ, гдѣ зимовали.

А. П. Вѣлиевъ.

Москва.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг.¹⁾

1829 г.

Гр. Дибичъ — имп. Николаю.

Галацъ, 12-го апрѣля ²⁾.

Весьма прискорбно мнѣ, что представленные В. И. Величеству соображенія мои, относительно выгодъ, которыя, какъ мнѣ казалось, могутъ произойти отъ приближенія резервовъ, подверглись полному неодобренію В. Величества. Послѣдую Вашему приказанію, Государь, и не стану болѣе возвращаться къ этой просьбѣ, которая повидимому непріятна В. В—ву; но только позвольте представить въ мое оправданіе то, что я въ этомъ приближеніи пѣхотныхъ резервовъ видѣлъ лишь возможность, при счастливыхъ обстоятельствахъ, исполнить уже въ іюнѣ то, что иначе возможно мнѣ будетъ сдѣлать лишь въ августѣ, послѣ ихъ прибытія. Но такъ какъ мнѣ кажется, что относительно результатовъ войны, огромное значеніе представляетъ вопросъ: когда получится нами возможность прочно утвердиться по ту сторону Балкановъ,—до, или послѣ жатвы? то я и счелъ долгомъ изложить В. Величеству мои мысли; тѣмъ болѣе, что Вы разрѣшили мнѣ. всегда выражать свои мнѣнія, съ полною откровенностію. Такъ какъ 8-я дивизія отстала отъ всѣхъ прочихъ и гораздо менѣе готова къ дѣйствию, нежели 11-я, которая снабжена всѣмъ нужнымъ, то я и полагалъ усилить Красовскаго егерскою бригадою этой дивизіи, которая будетъ служить ему резервомъ; для осады ее употреблять не стануть и, какъ только я соберу необходимыя силы подъ Силистрію,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г.; томъ XXX, стр. 105—130.

²⁾ Отвѣтъ на письмо Государя, отъ 3-го апрѣля.

то постараюсь отправить ее въ Базарджикъ и окрестности онаго. — Я еще не получалъ отъ генер. Красовскаго рапорта о сосредоточеніи его у Черноводъ, но, судя по его послѣднимъ донесеніямъ, оно должно совершиться на дняхъ. Къ несчастію, онъ принужденъ оставить Копорскій и Софійскій полки въ Мачинѣ и Гирсовѣ, для окончательнаго очищенія отъ заразной болѣзни, которая опять надѣлала много вреда въ Мачинѣ (гдѣ умерло болѣе 30 человѣкъ въ недѣлю) и которой слабыя признаки возобновились въ Гирсовѣ. Я приказалъ вывести войска въ лагерь и перемѣнить военную дорогу, шедшую черезъ Фокшаны, гдѣ болѣзни, не дѣлаясь болѣе злокачественною, опять появилась во многихъ домахъ.

Путь на Гирсово нельзя перемѣнять, но самый городъ будутъ обходить. Въ одномъ изъ отдѣленій Браиловскаго госпиталя тоже появилась злокачественная лихорадка. Докторъ Виттъ, котораго я туда посылалъ, убѣжденъ, что это не чума; и дѣйствительно тамъ мало умершихъ, но тѣмъ не менѣе, всѣ мѣры наблюденія приняты. Въ самомъ городѣ не было ни одного случая болѣзни.

Генераль Толль, весьма тронутый памятованіемъ о немъ В. В.—ва, продолжаетъ вести себя по прежнему; надѣюсь сохранить въ немъ моего главнаго и лучшаго помощника, который не скроетъ отъ меня ни хорошаго, ни дурнаго.

Лихорадка моя счастливымъ образомъ была прекращена на 4-мъ пароксизмѣ, и вотъ уже 3-й день, что она не возвращалась; такъ что я, благодаря Бога, надѣюсь, что совсѣмъ отъ нея отдѣлался. Хотя она не препятствовала мнѣ заниматься, но тѣмъ не менѣе я очень радъ, что чувствую себя вполне здоровымъ передъ тѣмъ, чтобы сѣсть на коня.

Изъ доставленныхъ донесеній В. В. усмотрите, что мелкія попытки, предпринимавшіяся турками на верхнемъ Дунаѣ, были постоянно отражаемы, съ урономъ; при этомъ, рота Тобольскаго полка, подъ начальствомъ поручика Павловскаго, особенно отличилась.

Отъ генер. Рота 5 дней не имѣю извѣстій; причину тому, вѣроятно, поѣздка, которую онъ намѣревался совершить въ Праводы и Козлуджи.

Генер. Киселевъ прибылъ сюда изъ Одессы и отправится, для принятія начальства въ Валахию, какъ только Паленъ уѣдетъ въ Силистрію.

Фельдъегеря этого я отправлю завтра—днемъ ранѣе обыкновеннаго, дабы онъ еще засталъ В. И. В. въ С.-Петербургѣ. Я весьма радъ, что В. В. доволенъ гр. Чернышевымъ; зная его весьма близко, уже слишкомъ 20 лѣтъ, я никогда не видѣлъ, чтобы онъ измѣнилъ

своимъ правиламъ. Надѣюсь, что его усердіе и честность все болѣе и болѣе будутъ дѣлаться извѣстными В. В.—ву. Напротивъ того, болѣзнь добраго Адлерберга искренне меня огорчаетъ; весьма жаль, если онъ не въ состояніи будетъ сопровождать В. В.—во въ путешествіе, которое, какъ бы ни было оно кратко, все таки представить много крайне интереснаго.

Благоводите, Государь, принять.....

Императоръ Николай—Дибичу.

С.-Петербургъ. 23-го апрѣля ¹⁾).

Я очень радъ былъ узнать изъ вашего послѣдняго письма, любезный другъ, что вы отдѣлались отъ вашей лихорадки—надѣюсь, что на всю кампанію. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о движеніи, предпринимаемомъ Красовскимъ; оно можетъ имѣть весьма большіе результаты, особенно послѣ того, какъ взятіе Каларашскаго форта доставило намъ свободное сообщеніе черезъ Дунай, по сосѣдству отъ Силистріи. Можетъ статься, полезно было бы устроить временное мостовое прикрытіе; во всякомъ случаѣ надо остерегаться, какъ бы турки не пустили чего-нибудь внизъ по Дунаю и не прорвали моста. Если правда, что у визирия 50 т. человѣкъ, то должно полагать, что онъ не останется празднымъ зрителемъ нашихъ дѣйствій, а слѣдовательно—дать вамъ случай сразиться съ нимъ въ открытомъ полѣ и, съ Божіею помощію, разбить его. Грейгъ, вѣроятно, уведомилъ васъ о своемъ выходѣ въ море; послѣ этого, надѣюсь, что всѣ опасенія за Сизеполь миновали, особенно послѣ отличнаго урока, полученнаго турками ²⁾. Къ тому времени, когда вамъ представится возможность перейти черезъ горы, я надѣюсь, что 12-я дивизія можетъ быть готова (въ концѣ іюня) къ посадкѣ на суда,—что можетъ принести большую пользу.

Завтра думаемъ выѣхать въ Варшаву, гдѣ надѣемся быть 5-го (17-го) мая. Присылайте мнѣ вашихъ курьеровъ туда; первый курьеръ, я думаю, прибудетъ ко мнѣ въ Динабургъ. Съ королемъ (прусскимъ) надѣюсь увидѣться 23-го мая (6-го іюня).

Жена моя вамъ кланяется. Передайте мой дружескій привѣтъ Толлю; я очень радъ всему, что вы говорите о вашихъ хорошихъ съ

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 12-го апрѣля (переводъ).

²⁾ 27-го марта отражено было нападеніе турокъ, пытавшихся отнять у насъ Сизеполь. При этомъ особенно отличился 2-й баталіонъ Азовскаго полка.

нимъ отношеніяхъ. Богъ да сохранитъ ихъ и да благословитъ ваши предпріятія. Прощайте, любезный другъ; вѣрьте въ искренность моей дружбы. Н.

St. Pétersbourg, le 23 Avril.

J'ai été charmé d'apprendre par votre dernière lettre, mon cher ami, que vous êtes quitte de votre fièvre; j'espère que vous l'êtes pour toute la campagne.

J'attends avec impatience des nouvelles du mouvement commencé par Krassofsky; il peut avoir de fort grands résultats, surtout depuis que le pont pris de Kapalamъ nous donne libre communication sur le fleuve, tout près de Silistrie. Peut être serait-il bon de faire une tête de pont temporaire; en tout cas il faut prendre garde qu'il ne soit rompu par quelque chose que les Turcs feraient flotter à bas le Danube. S'il est vrai que le Wизиръ à 50 m. hommes, il est à supposer que ce n'est pas pour rester spectateurs de nos faits, par conséquent—qu'il vous donnera la possibilité de le combattre en rase campagne et—j'espère—avec l'aide de Dieu, de le battre. Greig vous aura informé de sa sortie en mer; voila donc, j'espère—toute crainte pour Sizépoly partie; surtout depuis l'excellente leçon que les Turcs ont reçu. Pour le moment où vous pourrez passer les monts, j'espère que la 12-me division pourra déjà être prête (à la fin de Juin) à être embarquée sur la flotte, ce qui pourra être fort utile.

Nous voulons partir demain pour Varsovie et nous espérons y être le 5 (17) Mai. Envoyez moi—z'y vos courriers; le premier m'arrivera, je crois, à Dunabourg. J'espère voir le Roi le 23 Mai (6 Juin).

Ma femme vous dit mille choses. Mes amitiés à Toll; je suis heureux de ce que vous me dites de vos bonnes relations avec lui; que Dieu vous y maintienne et bénisse vos entreprises. Adieu, mon cher ami; croyez à la sincérité de mon amitié. N.

Дивичъ—Императору Николаю.

Пис-Петри, противъ Гирсова, 21-го апрѣля.

(Переводъ). Не получивъ съ курьеромъ, прибывшимъ вчера вечеромъ, маршрутовъ В. И. В—ва, я не знаю навѣрное, куда адресовать своего курьера; но такъ какъ Чернышевъ повторяетъ мнѣ, что отъѣздъ В. В—ва имѣетъ быть 23-го числа, а гр. Толстой пишетъ, что—25-го или 26-го, то я полагаю, что онъ (курьеръ) ни въ какомъ случаѣ уже не застанетъ васъ въ Петербургѣ. Поэтому я прикажу фельдъегерю, если онъ узнаетъ въ Могилевѣ, что В. В. дѣйствительно уже выѣхали, — ѣхать къ Вамъ на встрѣчу. или вслѣдъ за Вами, по дорогѣ Вами избранной, а Чернышеву послать бумаги съ экстра-почтою. Я пошлю ему бюллетени и извлеченіе изъ этого письма.

Ничего важнаго не имѣю сообщить вамъ, Государь. В. В—ву, конечно, давно уже извѣстно, непосредственно отъ адмирала Грейга, что онъ, 12-го числа, вышелъ изъ Севастополя. Отъ ген. Рота съ 8-го числа не имѣю прямыхъ извѣстій, но Красовскій, имѣющій постоянныя сношенія съ Базарджикомъ, доноситъ, что великій визирь все еще стоитъ неподвижно въ своемъ лагерѣ при Буланчитѣ.

Необходимость подкрѣпить Рота, въ случаѣ если бы великій визирь сталъ наступать на него прежде прибытія его кавалеріи, которая, по недостатку травы, съ трудомъ можетъ перейти черезъ Дунай въ настоящее время,—а также опасность, которой могъ бы подвергнуться Красовскій, при внезапномъ наступленіи войскъ изъ Шумлы и Рушука и конницы, расположенной въ окрестностяхъ Разграда,—все это заставило меня приостановить его движеніе; тѣмъ болѣе, что успѣхъ предпріятія Шильдера прервалъ водное сообщеніе между Рушукомъ и Силистріею, т. е. единственный путь, которымъ могли доставляться въ послѣднюю крѣпость значительные подвозы.

Между тѣмъ, генер. Красовскій сосредоточилъ свои войска у Чернаводъ,—кромѣ лишь полковъ Софійскаго и Капорскаго, которые должны были остаться въ Гирсовѣ и Мачинѣ, для очищенія отъ эпидеміи, которая, въ концѣ прошедшаго мѣсяца и до половины апрѣля дѣлала новые успѣхи, но теперь, повидимому, останавливается. Вышеназванные полки находятся въ лагерѣ и выдерживаютъ карантинъ: Саратовскій полкъ, стоявшій въ Сельникѣ, на Дунаѣ, тоже потерпѣлъ, но въ слабой степени и, я думаю, въ состояніи будетъ выступить безпрепятственно. Въ госпиталѣ Невскаго полка тоже были случаи этой эпидеміи, но самый полкъ остался нетронутымъ. Въ весеннее время болѣзнь эта, повидимому, болѣе злокачественна въ отношеніи смертности; но по степени прилипчивости ее никакъ нельзя сравнить съ чумою. Медики наши еще не пришли въ соглашеніе касательно характера этой болѣзни: иные называютъ ее слабымъ проявленіемъ чумы и стараются доказать ея тождество съ восточною чумою, по головокруженію и какому то безсмысленному бѣшенству, которыми сопровождаются лихорадочныя припадки, а также по появленію черныхъ пятенъ и бубоновъ; другіе же говорятъ, что это злокачественная, гнилая горячка, съ усиленными симптомами. Я склоняюсь болѣе въ пользу мнѣнія сихъ послѣднихъ медиковъ, во главѣ коихъ стоитъ ихъ начальникъ, докторъ Витте; но такъ какъ доказано, что болѣзнь заразительна и весьма злокачественна, то я распорядился принятіемъ всѣхъ мѣръ предосторожности.

Близъ Калараша, непріятель сдѣлалъ попытку захватить нѣсколь-

ко нашихъ судовъ; экспедицію эту, повидимому, задумали произвести силистрійскою и рущукскою флотиліями одновременно; но такъ какъ первая была отбита съ урономъ, еще до прибытія послѣдней, то и эта вернулась вспять, получивъ нѣсколько ядеръ съ нашихъ батарей.

Наша потеря состояла, всего, изъ нѣсколькихъ раненыхъ. Я еще не имѣю донесенія отъ гр. Палена относительно этого дѣла, которое обезпечило за нами блокаду Дуная, еще ранѣе прибытія нашей флотиліи; узналъ же я о немъ только изъ письма генер. Шильдера Толлю.

Третьяго дня у насъ былъ такой ураганъ и дождь, которые напомнили о тяжелыхъ дняхъ прошлагодной осени. Дай Богъ, чтобы они не надѣлали никакихъ бѣдъ на морѣ! Вчера погода поправилась, а сегодня опять тепло и тихо; это—большое счастье, потому что сильный вѣтеръ мѣшалъ нашимъ понтонамъ прибыть къ Галацу.

Проѣзжая въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Браилова, я не могъ указать себѣ въ томъ, чтобы заглянуть туда. Полигоны №№ 1, 2 и 3-й, обращенные къ верховью рѣки, болѣе уже не существуютъ, кромѣ лишь Дунайскаго бастіона, являющагося въ видѣ разваливъ, напоминающихъ о приступѣ. Полигонъ № 4-й въ такомъ же положеніи. Въ полигонахъ №№ 5, 6 и 7-й одежда эскарповъ и контръ-эскарповъ оторвана и сброшена въ ровъ, — что, въ соединеніи съ дождями и таяніемъ снѣговъ, крайне испортило всѣ эти укрѣпленія; но не до такой степени, однако, чтобы ихъ нельзя было исправить. Я отдалъ необходимыя приказанія, чтобы окончательно разрушить ихъ, равно какъ и очень незначительную цитадель, какъ только можно будетъ добыть достаточное количество рабочихъ, безъ излишняго обремененія княжествъ.

Всю матеріальную часть осадной артиллеріи—насколько можно судить по наружному щегольству и опрятности—я нашелъ въ наилучшемъ состояніи и въ томъ совершенномъ порядкѣ, въ какомъ мы привыкли видѣть нашу полевую артиллерію. Прибывъ неожиданно и не имѣя возможности остановиться болѣе, нежели на четверть часа, я не видѣлъ расположенныхъ по квартирамъ войскъ, въ полномъ ихъ составѣ; но всѣ люди, занимавшіе караулы, или бывшіе при дѣлѣ, имѣли очень хорошій видъ; ротные командиры ими довольны и, повидимому, преисполнены усердіемъ, также какъ и прикомандированные къ этимъ ротамъ гвардейскіе офицеры.

Госпиталемъ я остался недоволенъ и сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя перемѣны. Воли для осадной артиллеріи еще не всѣ доставлены; я приказалъ взять 1000 лошадей изъ подъ парковъ, для содѣйствія

перевозкѣ. Всѣ транспорты испытываютъ громадныя затрудненія, вслѣдствіе прибыли водѣ, особенно въ Днѣстрѣ и Прутѣ.

Киселевъ отправился въ Букарестъ, для принятія начальства. Я разрѣшилъ ему сформировать еще одинъ отрядъ пѣшихъ пандуровъ, въ 1600 человекъ; они хороши для занятія отдѣльныхъ постовъ, — какъ наприм. Зимница и устья Аржиса — противъ набѣговъ турецкихъ шаекъ.

Сегодня мы молились Господу Богу, по случаю дня рожденія Государыни Императрицы и за счастливый переходъ черезъ Дунай. При этомъ находилась егерская бригада 9-й дивизіи (которая переправилась первою, въ 1828 г.), потому что я вынужденъ былъ, въ виду полноводія Прута, вести ее черезъ Гирсово. Всѣ воодушевлены наилучшимъ духомъ; солдаты свѣжи, здоровы, хорошо одѣты, хорошо обуты и отъ души рады стараться. Но въ баталіонахъ всего по 600 человекъ; а эта дивизія еще изъ самыхъ сильныхъ, кромѣ 17-й и дивизій 2-го корпуса.

Вслѣдствіе сырой и ненастной погоды, продолжавшейся отъ самаго Галаца, у меня былъ сегодня легкій припадокъ лихорадки, не имѣющій впрочемъ никакого значенія; это сдѣлало лишь письмо мое еще менѣе разборчивымъ — въ чемъ убѣдительно прошу В. И. В. извинить меня.

Я только что получилъ рапортъ генер. Рота. Вездѣ все спокойно. Извѣстія изъ Сизеполя — отъ 11-го числа. Посылаю рапортъ въ оригиналъ. Слабость баталіоновъ въ отрядѣ Рота, соединенная съ болѣзнями — послѣдствіемъ дурныхъ зимнихъ квартиръ, вынуждаютъ меня сократить укрѣпленія Базарджика.

Осмѣливаюсь просить В. И. В. повергнуть къ стопамъ Ея В. Императрицы мои искреннія поздравленія, по случаю сегодняшняго дня, и благоволите принять.....

Лагерь при Черноводѣ, 29-го апрѣля.

(Переводъ). Со времени отправки моего послѣдняго курьера, ничего важнаго не произошло, ни въ положеніи нашей арміи, ни со стороны непріятели. Я уже сосредоточилъ здѣсь почти всю пѣхоту 6-й дивизіи и 3-го корпуса и ожидаю лишь уланъ 4-й дивизіи, чтобы начать движеніе къ Силистріи, съ 25—27-ю т. человекъ (всѣхъ чиновъ, включая артиллерію), къ которымъ, въ Каларашѣ, присоединится еще 12—13 т. чел., подъ начальствомъ гр. Палена. Авангардъ мой, силою въ 8 баталіоновъ съ 16-ю орудіями, подъ начальствомъ генер. Отрощенко, выступилъ уже вчера, съ двумя ротами піонеровъ, чтобы

исправить дорогу черезъ Кузгунъ, по которой мы принуждены идти, такъ какъ разлитіе воды препятствуетъ слѣдовать большою дорогою, ведущею вдоль Дуная. 1-го мая я выступлю съ остальными войсками и наше движеніе будетъ прикрываемо отрядомъ генер. Набеля (4 баталіона, 8 эскадроновъ, 12 орудій), который пойдетъ черезъ Беширъ-Кіюй на Конары (Каурга).

Судя по направленію вчерашняго вѣтра, флотилія должна быть уже около Калараша, гдѣ гр. Паленъ приметъ ее. Казаки, сопровождающіе ее берегомъ, до вчерашняго дня не встрѣчали непріятеля, кромѣ нѣсколькихъ одиночныхъ турокъ и болгаръ. По показаніямъ этихъ плѣнныхъ (которыхъ взято съ десятокъ), вся страна до дороги въ Шумлу и до Разграда совершенно пуста. Они говорятъ, будто силистрійскій гарнизонъ, уже болѣе мѣсяца тому назадъ, былъ значительно усиленъ, — будто ожидаютъ еще новыхъ подкрѣпленій, — будто получено нѣсколько продовольственныхъ запасовъ со стороны Тырнова и ожидалось еще значительныя подвозы рѣкою, но, что — по слухамъ — они остановлены нашими батареями.

По всемъ прочимъ извѣстіямъ, какія мы имѣемъ, турки не предпринимали никакихъ важныхъ передвиженій въ занимаемыхъ ими позиціяхъ, за исключеніемъ лишь того, что болѣшая часть войскъ, находившихся въ Айдосѣ и у Бургасскаго залива, пошла на Камчикъ. Полагаютъ, что отъ 30-ти до 50-ти т. чел. находится въ Шумлѣ; около 10—12-ти т. (преимущественно конницы) — между Разградомъ и Тырновымъ; столько же въ Русчукѣ, гдѣ долженъ былъ принять начальство Гуссейнъ-паша, и въ Никополѣ, гдѣ Чапанъ-Оглу замѣщенъ, какъ говорятъ, Халибомъ-пашею. Въ Силистріи, какъ говорятъ плѣнные, находится 15 т. чел., которыми начальствуетъ все еще Ахметъ-паша. Резервъ долженъ формироваться въ Адрианополѣ, куда ожидаютъ Султана. Ожидаютъ также значительныхъ подкрѣпленій изъ Босніи и Албаніи, которыя должны двинуться на Софію, откуда ихъ направятъ на Шумлу, Русчукъ или Силистрію, смотря по обстоятельствамъ. Еще рассказываютъ, что въ Румелии набирается родъ ополченія изъ всѣхъ людей, могущихъ носить оружіе и что воинственный духъ самой столицы соответствуетъ желаніямъ султана и доставляетъ ему много рекрутовъ. Я сильно сомнѣваюсь въ совершенной точности этихъ рассказовъ; но одно вѣрно — что турки вооружаются весьма дѣятельно и довольно успѣшно. — 26-го числа я дѣлалъ смотръ казакамъ, а вчера — регулярнымъ войскамъ Черно-водскаго лагеря. Баталіоны ихъ весьма слабы; въ Нижегородскомъ, Нарвскомъ и Троицкомъ полкахъ — по 15, и даже по 14-ти рядовъ; въ другихъ, болѣею частію — по 17 и 18; въ нѣкоторыхъ — по 20;

въ самыхъ же сильныхъ (егерскіе полки 6, 9 и 11-й дивизій и Пензенскій полкъ) — 20—22 ряда. Я приказалъ вывести въ строй всѣхъ за исключеніемъ хлѣбопековъ, посланныхъ въ магазины, и кашеваровъ. Встрѣтились, однако, нѣкоторыя небрежности въ исполненіи, которыя тотчасъ же были прекращены.

Но если числительность не велика, зато духъ отличный; все войско преисполнено имъ; оно имѣетъ видъ весьма свѣжій, не смотря на всѣ зимнія тягости. Люди хорошо одѣты, хорошо вооружены, и хотя фронтовая часть не совсѣмъ такова, какъ въ мирное время, но она отнюдь не запущена, и многіе полки очень хороши. Въ этомъ отношеніи отличаются полки Невскій и Тамбовскій, равно какъ егерскія бригады 6-й и 11-й дивизій, а за ними — таковая же бригада 9-й дивизіи; полки Нарвскій, Нижегородскій и Троицкій всѣхъ слабѣе; Пензенскій же полкъ остается въ № 1-мъ. Артиллерія въ хорошемъ положеніи, но ее еще надо укомплектовать людьми, — что уже предписано Вашими послѣдними повелѣніями. Лошади нѣсколько худы; но теперь у нихъ хорошій кормъ. Фурштатскія лошади, вообще, очень хороши, особенно полковыя; одинъ лишь 3-й баталіонъ 3-й бригады отсталъ отъ прочихъ. Находящіеся здѣсь казачьи полки — въ хорошемъ состояніи, особенно Черноморскіе; начальникъ послѣднихъ, маіоръ Залѣсскій, кажется, очень хорошій офицеръ, говорятъ даже — отличный, въ военное время. Я долженъ отдать справедливость примѣрному усердію и дѣятельности генер. Красовскаго, за хорошее состояніе войскъ Бабадагскаго корпуса, находившихся въ трудномъ положеніи.

Генер. Ротъ, прибывшій въ день смотра, присутствовалъ на ономъ; онъ увѣряетъ, что нашелъ подчиненныя ему войска въ такомъ же состояніи, какъ и здѣшнія, и всѣ тѣ, кто видѣлъ его войска, подтверждаютъ это. Генер. Ротъ отдаетъ предпочтеніе 3-й бригадѣ 19-й дивизіи, затѣмъ 16-й дивизіи, потомъ 18-й; 10-ю же дивизію, особенно 2-ю бригаду оной, находитъ слабѣе, хотя и отдаетъ большую справедливость заслугамъ и усердію начальника оной, генер. Купреянова, котораго считаетъ только немножко мягкимъ. Генер. Ротъ оказалъ большія услуги своею твердостью и неутомимою дѣятельностію, которыя выказаны были имъ зимою, въ странѣ, лишенной всякихъ ресурсовъ. Онъ, конечно, былъ бы весьма счастливъ, получивъ какое нибудь выраженіе удовольствія Вашего, Государь, и онъ заслуживаетъ Вашего благоволенія, равно какъ и главные помощники его, генералы Ридигеръ, Головинъ и Вахтенъ, а также помощники Красовскаго, генераль-маіоры Ляшквичъ и Отрощенко.

Получивъ сегодня, съ фельдъегеремъ, приказъ 14-го числа, я

увидаль, что Юшковъ назначенъ въ 7-ю дивизію. Такъ какъ онъ старше Красовскаго, то желательно, чтобы онъ былъ подчиненъ старшему по службѣ; въ такомъ случаѣ, Ляшкевичъ могъ бы очень хорошо командовать 7-ю дивизію. Черезъ Рота я получилъ письмо отъ адмирала Грейга, съ Сизепольскаго рейда, отъ 22-го числа; по видимому, онъ весьма доволенъ и Ротомъ, и Вахтеномъ, и производимися въ Сизеполь работами; но Свободскій не внушаетъ ему довѣрія. Я приказалъ Понсету отправиться въ Варну, а Роту — послать его въ Сизеполь. Мы условились съ Ротомъ, что онъ, съ 24-ми баталіонами, съ кавалерією и большею частію казаковъ, расположится лагеремъ близъ Туркъ-Арнаутлара. Если великій визирь двинется въ Силистрію, Ротъ подкрѣпитъ гарнизонъ въ Праводахъ и пойдетъ черезъ Конары на Афлотаръ, на соединеніе съ главными силами. Если же, напротивъ того, визирь двинулся бы противъ Рота, съ весьма превосходными силами, то послѣдній, все таки подкрѣпивъ гарнизоны Праводъ и Варны, отступаетъ тоже по направлению на Конары; я же поспѣшу къ нему на помощь съ кавалерією и 3-мъ армейскимъ корпусомъ, дабы постараться отрѣзать визиря отъ Шумлы.

У меня есть уже довольно значительные магазины въ Гирсовѣ и здѣсь, и всякій день прибываютъ новыя суда; но онѣ поднимаются вверхъ по Дунаю весьма медленно. Надѣюсь, что наши подвозы изъ внутреннихъ губерній вскорѣ прибдутъ. Траву уже можно начать косить; вода сбываетъ; вообще — какъ постоянно здѣсь бываетъ въ первыхъ числахъ мая — естественныя средства для войны появляются; но, къ несчастію, это продолжается только два съ половиною мѣсяца. Между тѣмъ, надѣюсь, что мы сдѣлаемъ все отъ насъ зависящее, дабы собрать что только будетъ можно. Мы будемъ готовить сѣно; а продовольственныхъ припасовъ и фуража у меня уже есть почти двухъ-мѣсячный запасъ, на 100 т. человекъ и 30 т. лошадей, въ болгарскихъ портахъ.

Заразительная болѣзнь, по видимому, приостановилась; надѣются, что она прекратится съ наступленіемъ хорошей погоды; но осенью она опять вернется. Да сохранить насъ Богъ отъ этого! ибо она сильно мѣшаетъ нашимъ сообщеніямъ. Надо еще считать милостію Божією, что она не распространилась по Болгаріи, потому что тамъ она побывала лишь въ Гирсовѣ и Мачинѣ, гдѣ ее и опѣшили.

Я опоздалъ однимъ днемъ въ отправкѣ фельдгегеря, ожидая курьера изъ Петербурга, который прибылъ сегодня. Нынѣшній мой фельдгегеръ поѣдетъ прямо въ Варшаву.

Осмѣливаюсь просить В. И. В. повергнуть меня къ стопамъ Ея Величества Императрицы, и благоволить принять.....

Императоръ Николай—Дибичу.

7-го (19-го) мая. Варшава ¹⁾.

Письмо ваше, любезный другъ, отъ 29-го числа, я получилъ. Вполнѣ одобряю всѣ сдѣланныя вами распоряженія и надѣюсь, что онѣ увѣнчаются успѣхомъ и что Богъ благословитъ наше оружіе. Очень жалѣю, что баталіоны ваши такъ слабы; но не въ моей волѣ помочь этому. Вы ничего не говорите мнѣ о прибытіи первыхъ пѣхотныхъ резервовъ, которые должны бы уже были соединиться съ вами. Каковы они? То, что Паленъ говоритъ о кавалеріи, очень меня радуетъ. Надѣюсь, что вы поведете осаду энергично и что, какъ только обезпечите за нею несомнѣнный успѣхъ (и если никто не явится искать съ вами встрѣчи въ открытомъ полѣ)—вы двинетесь на соединеніе съ Ротомъ ²⁾. Тогда надо будетъ серьезно подумать о посадкѣ на суда одной дивизіи, которая, подъ начальствомъ Грейга, можетъ обогнуть балканскія позиціи и направиться къ пункту, который онъ сочтетъ наиболѣе удобнымъ для высадки; вы же атакуете горные проходы съ фронта, между тѣмъ какъ Паленъ и Красовскій будутъ занимать прежнее расположеніе Рота, у Тюркъ-Арнаутлара. Надѣюсь, что черезъ мѣсяцъ вы въ состояніи будете сдѣлать это.

Я вполнѣ доволенъ Ротомъ и всѣми его достойными помощниками; еще до полученія вашего письма, я объявилъ имъ благодарность въ приказѣ; если вы желаете чего нибудь болѣе—скажите мнѣ. Вотъ уже два письма, что вы ничего мнѣ не говорите о Толлѣ; каковы ваши отношенія съ нимъ? надѣюсь, что ничего ихъ не нарушило. Подумайте, какія изъ этого могли бы произойти послѣдствія. Поклонитесь ему отъ меня, а также и Палену.

Здѣсь я вполнѣ доволенъ всѣмъ, и войска, дѣйствительно, блистательны. Жена моя вамъ кланяется. 21-го числа мы уѣзжаемъ отсюда въ Сидезію; я хочу вернуться къ 27-му, а 15-го іюня быть въ Тульчинѣ. Прощайте, любезный другъ. Богъ да благословитъ и хранить васъ. Вашъ на всегда. Н.

Ce 7 (19) Mai. Varsovie.

J'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 29. J'approuve parfaitement toutes les dispositions que vous avez prises et j'espère que le succès les couronnera et que le bon Dieu daignera bénir nos armes. Je regrette beaucoup la faiblesse de vos bataillons, mais il n'est pas en mon pouvoir d'y remédier.

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 29-го апрѣля (переводъ).

²⁾ Ротъ командовалъ войсками, зимовавшими въ Болгаріи.

Vous ne me dites rien sur l'arrivée des premières réserves d'infanterie, qui doivent déjà vous avoir joint. Comment sont-elles? Ce que Pahlen dit de la cavallerie, me réjouit fort. J'espère que vous pousserez le siège avec vigueur et que sitôt que vous en aurez assuré le succès de façon à ne pouvoir en plus douter; et que personne ne viendra vous chercher en rase campagne,—que vous irez vous réunir à Rott; alors il faudra penser sérieusement à embarquer une division qui, avec Greigh, pourra tourner la position des Balcan, vers le point qu'il croit le plus facile pour débarquer; et vous, vous irez attaquer le passage de front, tandis que Pahlen et Krassofsky tiendront le camp de Rott, près de Turc-Arnaoutlar. J'espère que dans un mois vous en serez là.

Je suis parfaitement satisfait de Rott et de tous ses dignes aides, et déjà avant votre lettre je les avais remercié à l'ordre du jour; si vous désirez plus—dites le moi. Vous ne me dites rien, depuis deux lettres, de Toll; comment vont vos relations? j'espère que rien ne les aura troublé. Pensez de quelle conséquence cela peut être. Dites lui mille choses de ma part, ainsi qu'à Pahlen.

Je suis parfaitement satisfait ici de tout; et les troupes sont réellement superbes. Ma femme vous dit mille choses. Nous partons d'ici pour la Silésie le 21, et je veux être de retour le 27, et à Toulchine le 15 Juin. Adieu, mon cher ami, que Dieu vous bénisse et vous conserve. A vous pour la vie. N.

Дви́чь—Императору Николаю.

Лагерьъ подъ Силистріею, 6-го мая.

(Переводъ). Такъ какъ я хочу еще сегодня вечеромъ поѣхать осмотрѣть Дунайскій берегъ, выше Силистріи, то прошу. В. И. В. простить меня, что описаніе нашего движенія отъ Чернаводъ и вчерашняго дѣла, а также настоящаго нашегорасположенія, прилагаю въ особой запискѣ, переписанной рукою Чевкина съ моей черновой,—какъ то В. В. изволили разрѣшить.

Молю Бога, чтобы это хорошее начало даровало намъ и существенные результаты, и надѣюсь на это, въ виду отличнаго духа войскъ и всѣхъ моихъ помощниковъ, начиная съ храбраго и достойнаго Толля, который проситъ меня повергнуть къ стопамъ В. И. В.—ва свою нижайшую благодарность за милостивое о немъ памятованіе, которымъ вы почтили его въ вашихъ письмахъ.

Безродный ¹⁾ тоже прибылъ; я былъ очень радъ опять его увидѣть. Какъ только устрою все, съ нимъ и Аббакумовымъ, (которымъ имѣю основаніе быть довольнымъ, за послѣднее время,—исключая все таки недостаточную точность въ счетной части)—буду имѣть счастье представить В. И. В.—ву мое донесеніе.

Благоволите, Государь.....

¹⁾ Сенаторъ Безродный присланъ былъ въ армію, для принятія въ свое вѣдѣніе провіантской части.

Лагерь подъ Силлестрію, 10-го мая.

(Переводъ). Спѣшу послать В. В—ву рапортъ генер. Рота о кровопролитномъ дѣлѣ 5-го мая, въ которомъ 5 полковъ 16-й дивизіи выдержали, подъ Эски-Арнаутларомъ (между Праводами и Котлубеемъ), многократныя атаки всѣхъ силъ великаго визиря, простиравшихся до 20 т. пѣхоты (большею частію регулярной), 8 т. конницы и 10 орудій;—такъ что визирь, оставивъ поле битвы, отошелъ на другой день къ Енибазару, а затѣмъ (судя по послѣднимъ извѣстіямъ) къ Шумлѣ, потерявъ болѣе 2000 убитыми,—какъ говоритъ адъютантъ генер. Рота, привезшій это извѣстіе, вмѣстѣ съ двумя, взятыми у непріятеля знаменами.

Наша потеря тоже очень велика. Убиты: ген. Риндинъ и 14 офицеровъ, между коими я особенно сожалею о молодомъ Дюгамелѣ, служившемъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ и подававшемъ самыя блестящія надежды; кромѣ того, убито 480 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Три полковые командиры, 28 офицеровъ и около 600 унтеръ-офицеровъ и солдатъ ранено, — большею частію тяжело, какъ говорятъ. Но слава, которою наши храбрыя войска покрыли себя въ этотъ день, къ несчастію, сильно омрачается потерю 4-хъ орудій; онѣ взяты были при послѣдней атакѣ, которую турки произвели одновременно своею пѣхотою, артиллеріею и конницею противъ Охотскаго полка, который потерялъ болѣе половины своихъ людей и весь, вѣроятно бы, погибъ, еслибъ храбрый полковникъ Лишинъ, съ однимъ баталіономъ своего 32-го егерскаго полка, не бросился въ штыки на непріятельскія массы. Этотъ отважный ударъ, поддержанный одновременною атакою Якутскаго полка, принудилъ противника къ отступленію, которое онъ и продолжалъ на слѣдующій день, къ Енибазару.

6-го мая прибыли къ генер. Роту три полка 18-й дивизіи и 38-й егерскій. Могу лишь скорбѣть о томъ, что онъ не постарался избѣжать боя до прибытія этихъ подкрѣпленій и не сблизился съ ними, отступая на Дѣвно или Козлуджи; потому что Праводы довольно крѣпки и ихъ можно было бы, на нѣсколько дней, предоставить собственнымъ силамъ.

Я подозреваю, что были какія нибудь небрежности на аванпостахъ и что чрезъ это генер. Ротъ былъ вовлеченъ въ дѣло, помимо своей воли; потому что онъ имѣлъ самыя точныя приказанія: сосредоточить свои силы. Относительно здѣшнихъ нашихъ надеждъ, я еще ничего не могу сообщить В. И. В—ву. Всѣ перебѣжчики и плѣн-

ные говорятъ о недостаткѣ продовольствія; гарнизонъ состоитъ, по-видимому, изъ 8—10-ти т. человѣкъ; за то вѣйшіе верки значительно усилены, а разлитіе воды очень затрудняетъ наши сообщенія. Черезъ главный рукавъ Дуная, который разширился болѣе обыкновеннаго, только сегодня могли окончить мостъ. Тѣмъ не менѣе я надѣюсь черезъ 3 или 4 дня открыть траншеи противъ настоящаго пункта атаки. Батареи на островѣ уже готовы и вооружены, равно какъ и батареи фальшивой атаки, которую я веду со стороны дороги въ Шумлу. Завтра я думаю открыть съ нихъ огонь, дабы облегчить открытіе настоящей траншеи.

Наши аванпосты, стоящіе на дорогахъ въ Базарджикъ, Шумлу, Разградъ и Рушукъ, до сихъ поръ не видали никакого непріятели, кромѣ немногочисленныхъ, вооруженныхъ жителей. Генер. Крейцъ открылъ изъ Ковара или Кавурце (?) сообщенія съ генер. Ротомъ; его отрядъ нашелъ послѣдняго, еще 7-го числа, въ Эски-Арнаутларѣ. Великій визирь продолжаетъ свое отступательное движеніе отъ Енибазара къ Шумлѣ.

Здѣсь, послѣ дѣла 5-го числа, не было ни одной значительной вылазки; но 7-го числа, къ несчастію, убитъ ядромъ наповаль храбрый генераль-маіоръ князь Прозоровскій. — 6-го числа, генер. Красовскій получилъ довольно сильную контузію, но это не лишило его возможности заниматься дѣломъ. Кромѣ сихъ двухъ случаевъ, потеря наша въ эти дни почти ничтожна.

Я послалъ этого курьера двумя днями ранѣе, но слѣдующаго пошлю все таки черезъ недѣлю.

Осмѣливаюсь просить В. В. принять.....

Императоръ Николай — Дибичу.

Варшава, 16-го (28-го) мая ¹⁾.

Любезный другъ, письмо ваше отъ 6-го числа доставило мнѣ большое удовольствіе; вашъ энергическій образъ дѣйствій принесъ плоды и достигнутый результатъ принадлежитъ къ числу самыхъ удовлетворительныхъ. Вы владѣете такими пунктами, которые должны бы были стоить намъ большаго количества крови, но которые вами приобрѣтены почти даромъ, благодаря сдѣланному вами движенію.

Другой громадный результатъ, это — мостъ черезъ Дунай, за который мы должны быть благодарны Шильдеру. Какое это вамъ до-

¹⁾ Отвѣтъ на письма Дибича, отъ 6-го и 10-го мая (переводъ).

ставить облегченіе! Но надо мостовое прикрытіе; подумайте объ этомъ. Что въ моихъ глазахъ стоитъ выиграннаго сраженія, это—ваше согласіе съ Толлемъ; благодарю васъ за это. Скажите ему, что въ семь я узнаю «einen Estländischen Ritter, der mir nah am Herze liegt» (эстляндскаго рыцаря, который близокъ моему сердцу). Распоряженія ваши превосходны. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій отъ Грейга.—Гдѣ же находится 3-я гусарская дивизія?—3-я бригада 11-й дивизіи пришла ли въ Базарджикъ?

Здѣсь все идетъ прекрасно, во всѣхъ отношеніяхъ. Во вторникъ мы отправляемся въ Силезію. Адлербергъ сообщитъ вамъ о всемъ, что здѣсь происходило и о послѣдующихъ моихъ намѣреніяхъ. Судя по важнымъ извѣстіямъ, полученнымъ вами, слѣдуетъ ожидать, что,—или Силистрія вскорѣ падетъ, или, что какой нибудь непріятельскій корпусъ явится предложить вамъ сраженіе, и тогда—желаю ему всякаго благополучія.

Какъ только у Грейга будетъ все окончено, хорошо было бы посадить на суда осадную артиллерію, остававшуюся въ Варнѣ, а, можетъ быть, и егерскую бригаду 7-й дивизіи, которая на морѣ лучше отдохнетъ, нежели содержитъ караулы въ Варнѣ, и въ состояніи будетъ довершить свое военное образованіе; перемѣшанная съ матросами, она вскорѣ явится подобіемъ того, чѣмъ были прежніе 13-й и 14-й егерскіе полки.

Жена моя вамъ кланяется.

17-го (29-го) числа.

Только что принявъ, любезный другъ, вашего курьера отъ 10-го числа. 2 турецкихъ знамени не выкупаютъ 4-хъ потерянныхъ пушекъ и не сгладятъ тяжелаго впечатлѣнія, которое неудача эта произведетъ на нашихъ заграничныхъ друзей. Вполнѣ одобряю то, что вы написали Роту, равно какъ и тѣ распоряженія, которыя вы ему предписали сдѣлать, и тѣ, которыя сдѣланы вами самими. Думаю, что визирь попытается атаковать васъ. Весьма важно, чтобы вы были своевременно предупреждены объ этомъ и что бы Ротъ зашелъ въ тылъ. Впрочемъ, Богъ да наставить васъ!—Весьма сожалѣю, что мы потеряли Прозоровскаго; вамъ нужны 2 новыя бригады генерала. Удвойте вашу бдительность и энергію и—да наставить васъ Христосъ!

Кланяйтесь Толлю. Здѣсь все идетъ отлично. Вашъ навсегда, душою и сердцемъ. Н.

Varsovie, le 16 (28) Mai, 1829.

Mon cher ami, votre lettre du 6 m'a fait grand plaisir, votre manière vigoureuse d'en agir a porté ses fruits et le résultat obtenu est des plus satisfaisants. Vous êtes maître des points qui auraient dû nous coûter beaucoup de sang, et que vous avez eu presque gratis, grâce à votre mouvement.

Le pont sur le Danube est un autre résultat, immense, dont il faut savoir gré à Schilder. Quelles facilités ça va vous donner! Mais il faut une tête-de-pont, et pensez-y. Ce qui à mes yeux vaut une bataille gagnée, c'est votre accord avec Toll; je vous en remercie; et dites lui, que j'y reconnais «einen Estländischen Ritter, der mir nah am Herze liegt». Vos dispositions sont parfaites. J'attends avec impatience les nouvelles de Greig. Où est donc la 3-me hussarde?—la 3-me brigade de la 11-me division, est-elle à Bazardjik?

Ici tout va parfaitement, sous tous les rapports. Mardi nous partons pour la Silésie. Adlérberg vous dira tout ce qui s'est passé ici, et mes projets ultérieures. D'après les importantes données que vous avez eu, l'on peut s'attendre, ou bien que Silistrie tombera bientôt, ou que quelque corps viendra vous présenter le combat, et alors—grand bien lui fasse. Sitôt que Greig aura fini, il est bon de faire embarquer par avance l'artillerie de siège, restée à Warna et, peut-être, la brigade de chasseurs de la 7-me division, qui à bord se reposera mieux que dans la garnison de Warna et pourra y achever son éducation militaire et, croisée avec les matelots, fera bientôt le pendant des anciens 13 et 14 chasseurs.

Ma femme vous dit mille choses.

Le 17 (29).

C'est dans ce moment que je reçois, mon cher ami, votre courrier du 10. 4 canons perdus ne sont pas rachetés par 2 drapeaux Turcs, et n'en effacera pas la pénible impression que produira cet échec sur nos amis à l'étranger. J'approuve tout-à-fait ce que vous avez écrit à Rott, et les dispositions que vous lui avez dictés, et celles que vous avez prises vous-même. Je crois que le Wизir va essayer de vous attaquer. Il est bien essentiel que vous en soyez informé à temps, et que Rott se porte à dos. Enfin, que Dieu vous guide! Je regrette beaucoup la perte de Prosorofsky; il vous faut 2 nouveaux généraux de brigade. Redoublez d'attention et de vigueur, et que le Christ vous guide!

Mille choses à Toll. Tout va à merveille ici. A vous de coeur et d'âme et pour la vie. N.

[Продолжение слѣдуетъ].

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

ПО ДОНЕСЕНІЯМЪ М. М. ФОКА—А. Х. БЕНКЕНДОРФУ ¹⁾.

11 августа 1826 г.

Продолжаю сообщать в-му пр—ву общія замѣчанія, доходящія до меня изъ различныхъ кружковъ.

Мнѣніе всѣхъ благомыслящихъ людей сильно клонится въ пользу правительства, его дѣйствій и его направленія. Даже больше: находятъ, что слѣдовало бы строже наказывать, чтобы зажать рты сочинителямъ разгласъ вѣстей и тѣмъ, которые выпускаютъ слухи, лишеныя всякаго основанія.—Ходившіе по городу, болѣе недѣли, дурные слухи не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на купеческое сословіе, проникнутое самымъ лучшимъ духомъ. Не будь нѣсколькихъ шелопаевъ, — все бывшихъ военныхъ, — которые составляютъ чистую заразу для молодежи, — все обстояло бы вполне благополучно. Только эти люди, да тѣ дураки, которые вторятъ ихъ словамъ, — стараются мутить воду, одни—по привычкѣ къ занятіямъ такого рода, другіе же—по безразсудству и безъ предвзятаго намѣренія.

Всѣ ждутъ если и не полного преобразованія, то хоть исправленія въ порядкѣ управленія. Оно необходимо и, конечно, не понравится неблагонамѣреннымъ или тѣмъ, которые сами заинтересованы въ сохраненіи злоупотребленій. Лишите, напримѣръ, судью

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXII, сентябрь, стр. 163—194. Переводъ съ французскаго.

возможности брать взятки, — и вы доведете его до крайности, — его, — привыкшаго вести образъ жизни, мало соотвѣтствующій его средствамъ. Предложите этому человѣку умѣрить свои расходы, — и вы заставите его громко роптать; но удаливъ его отъ должности, вы принуждены будете взять на его мѣсто другаго чиновника, который скоро начнетъ поступать также; да и не всегда легко замѣнить стараго рутинера, слишкомъ хорошо навывшаго къ дѣлу. — Дворянство должно было бы первымъ подавать примѣръ во всемъ; что касается улучшенія порядка вещей, а между тѣмъ, оно не рѣшается приняться за это и съ большимъ стараніемъ заняться необходимыми дѣлами. Купечество имѣетъ въ виду лишь одну цѣль — торговые барыши, и воображаетъ, что сдѣлало все, развернувъ свои отрицательныя добродѣтели. Молодежь ужасно дурно воспитана и заражена идеями новаторовъ нынѣшняго вѣка; семейныя узы утратили свою силу и вслѣдствіе этихъ идей, и вслѣдствіе общаго эгоизма; такъ что понадобится не мало заботъ и времени, чтобы исправить духъ молодыхъ людей, которые не хотятъ и слышать объ улучшеніи нравовъ, безъ чего, однако-жъ, правительство не въ состояніи будетъ начать дѣйствовать. На правительствѣ лежитъ тройная обязанность: оно должно исправлять, управлять и готовить матеріалъ для будущаго; къ сожалѣнію, у него нѣтъ этого матеріала, и мало надежды на поддержку со стороны хорошихъ пособниковъ.

При такомъ положеніи вещей нельзя быть достаточно предусмотрительнымъ, ибо опытомъ дознано, что мѣры предосторожности, казавшіяся, съ перваго взгляда, ребяческими, — становились въ послѣдствіи гарантіей общаго благосостоянія.

11 августа 1826 г.

Въ виду ходившаго по городу слуха, что будто бы появился какой-то мѣщанинъ, выдававшій себя за пророка, я поручилъ одному изъ своихъ агентовъ разузнать объ этомъ обстоятельстве. Онъ донесъ мнѣ слѣдующее: Новгородскій мѣщанинъ, Федоръ Дорофѣевъ Сидоровъ, 87 лѣтъ отъ роду, живетъ, уже около семи лѣтъ, у жены надворнаго совѣтника Яковлевой. Лѣтомъ онъ уѣзжаетъ съ нею на дачу, принадлежащую ей и находящуюся на 4-й верстѣ по Петергофской дорогѣ. Человѣкъ этотъ былъ очень бѣденъ. Г-жа Яковлева кормитъ его со своего стола; онъ

занимается чтеніемъ Евангелія; проводитъ время съ отставнымъ священникомъ Меркелевымъ, и часто ходитъ по нѣскольکو верстъ пѣшкомъ, одинъ или съ помянутымъ священникомъ; по дорогѣ онъ подбираетъ маленькіе камушки и, принеся ихъ домой, предсказываетъ, по нимъ, будущее лицамъ, прїѣзжающимъ взглянуть на него. Если фізіономія кого либо изъ посѣтителей не нравится пророку, то онъ высылаетъ его вонъ, говоря: „вы не чисты, — мнѣ нечего вамъ сказать“. Агентъ надзора кончаетъ свое донесеніе замѣчаніемъ, что 9-го числа этого мѣсяца, вышесказанный пророкъ отправленъ г-жею Яковлевой въ деревню, на московской дорогѣ, въ 120-ти верстахъ отъ Петербурга.

Въ послѣдніе дни многія лица, въ особенности женщины, ѣздили смотрѣть на пророка, предсказанія котораго, впрочемъ, не представляли ничего предосудительнаго.

Прилагаю донесеніе въ оригиналѣ ¹⁾.

12 августа 1826 г.

Средства, которыми располагаетъ полиція, — неисчислимы; между тѣмъ какъ средства надзора, напротивъ, очень ограничены. Всѣ полицейскіе офицеры въ то же время и надзиратели, и боль-

¹⁾ Приводимъ это донесеніе, съ сохраненіемъ орфографіи подлинника:

„О именующемся святымъ отцомъ или Пророкомъ.

„Секретнымъ розысканіемъ оказалось что сей есть Новгородскій мѣщанинъ и проживаетъ на дачѣ состоящей по петергофской дорогѣ на 4 верстѣ принадлежитъ г-же надворной совѣтницы Дарьи Семеновны Яковлевой, пмя его Дорофей Сидоровъ росту малаго, горбатый, покрытый сѣдиной, отъ роду 87 лѣтъ; проживаетъ у Яковлевой около 7 лѣтъ зимою въ городѣ, а лѣтомъ на сей дачѣ, принять же онъ г-жей Яковлевой по крайней бѣдности. Прилично его содержатъ, даже пицу отъ стола ея ему даютъ. Дѣянія его Дорофея суть: читать библію, и бесѣдовать съ находящимся у Яковлевой отставнымъ тихвинскимъ священникомъ Меркелевымъ, и прогуливаться по петергофской дорогѣ идя нѣскольکو верстъ, иногда одинъ, но часто съ вышесказаннымъ священникомъ, набираитъ по дорогѣ мочалки, и мелкіе камни въ пазуху, и потомъ возвращается домой предсказываетъ яко Пророкъ разнымъ приходящимъ къ нему людямъ о будущемъ ихъ благѣ, но нѣкоторыхъ къ себѣ не принимаетъ говоря имъ, „Я знаю что вы пришли ко мнѣ нечистосердѣчно, удалитесь“. Даже начали къ нему наѣзжать много г.г. Онъ каждого принималъ къ себѣ въ комнату на одинъ, за пророчество свое почти никакой платы не принималъ, и нынѣ по лично мнѣ отзыву тамъ въ домѣ что сего Пророка 9-го числа послала г-жа Яковлева въ деревню состоящую по московской дорогѣ въ Ивановку, за 120 верстѣ отъ Петербурга. Священникъ Меркелевъ выбылъ въ Тихвинъ“.

шинство изъ нихъ, въ особенности квартальные надзиратели, — могутъ каждый день варить себѣ супъ изъ курицы; одинъ изъ такихъ надзирателей, а именно 2-го квартала 3-й части, можетъ, не притѣсяняя никого, имѣть ежедневный доходъ въ 50 рублей; самый бѣдный кварталъ даетъ надзирателю до 3,000 рублей въ годъ. Потому-то квартальные надзиратели прямо заинтересованы въ непрекословномъ исполненіи приказаній своего начальства, которое имѣетъ право карать тотчасъ, ничѣмъ не оформливая своихъ дѣйствій, т. е. безъ всякаго слѣдствія.

Вотъ это-то и есть то безцѣнное преимущество, котораго недостаетъ надзору. Кругъ дѣйствій послѣдняго недостаточно обширенъ, потому что и средства его ограничены; дѣятельность его могла бы быть гораздо шире безъ тѣхъ препятствій, какія ставить ему полиція, руководствующаяся, въ этомъ отношеніи, своимъ принципомъ и служебною завистью.

Измѣнить образъ мыслей объ этомъ предметѣ многихъ личностей — тоже, что захотѣть смѣшать воду съ огнемъ. Поэтому, было бы необходимо увеличить средства надзора, употребивъ такія мѣры, которыя не имѣютъ ничего позорнаго въ нравственномъ отношеніи и вовсе не убыточны въ денежномъ.

Вотъ мнѣніе одного повѣреннаго (агента).

Дѣло въ томъ, чтобы, съ одной стороны, допустить, подъ кровомъ надзора, какія нибудь сборища, въ которыхъ можно было бы устроить наблюдательные кружки; съ другой стороны, — предоставить въ распоряженіе надзора сумму въ 50,000 рублей, для раздачи оной, подъ залогъ недвижимыхъ имѣній и цѣнныхъ вещей, — въ видѣ займа и за умѣренный процентъ; эта операція будетъ служить богатымъ источникомъ какъ для поддержки старыхъ связей, такъ и для образованія новыхъ повсюду, во всѣхъ классахъ общества. Агентъ надзора, Z*....., извѣстный по прежнимъ сношеніямъ, составлялъ бы контракты по закладнымъ и собиралъ бы деньги, отданныя на проценты; такъ что, не порождая сомнѣній относительно правильности отчетности, операція эта удвоитъ средства надзора и дѣло пойдетъ аккуратно и быстро. Послѣдствіемъ всего этого будетъ возможность устранять препятствія, воздвигаемыя дѣйствіями полиціи, ибо тогда средства ея и надзора уравниваются, а это уже много значитъ!

Представляю эти предположенія на усмотрѣніе в-го пр-ва; если вы найдете возможнымъ одобрить ихъ,—я постараюсь еще подумать надъ ними и позаботиться о примѣненіи ихъ къ дѣлу ¹⁾).

12 августа 1826 г.

Арестъ чиновниковъ департамента государственныхъ имуществъ и отставнаго полковника Крюковскаго, человѣка, имѣющаго обширный кругъ знакомства,—надѣлалъ много шума. Вчера, 11-го числа, подсудимые были привезены къ военному генераль-губернатору, и онъ самъ допрашивалъ ихъ, каждаго отдѣльно; никто не присутствовалъ при этомъ, даже директоръ канцеляріи его не былъ при допросѣ, который продолжался съ 10-ти часовъ утра до 2-хъ по-полудни. До сихъ поръ ничего еще неизвѣстно о признаніяхъ подсудимыхъ. Лице, которое, кажется, все хорошо знаетъ, предполагаетъ, что обвиненіе касается не только взяточничества и злоупотребленій, но что, будтобы, тутъ замѣшано и участіе въ заговорѣ. Кому было поручено обратиться въ Москвѣ къ военному генераль-губернатору? Генералу Бенкендорфу или барону Дибичу? Вотъ вопросъ, занимающій всѣхъ служащихъ. Это дѣло высшей полицейской власти, говорятъ всѣ, и поэтому касается перваго.

Слухи и разсужденія по поводу этихъ арестовъ не особенно привлекательнаго свойства. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ разговоровъ, какіе ведутся теперь въ городѣ безъ всякаго стѣсненія.

„Если подсудимые невиновны,—задержаніе ихъ становится однимъ изъ тѣхъ актовъ произвола, которые такъ часто случались въ царствованіе императора Павла, и характеризовали управленіе графа Аракчеева; если же виновность ихъ почти что доказана, то слѣдовало немедленно сдѣлать всѣ распоряженія, требуемыя, въ подобныхъ случаяхъ, закономъ, чтобы никто не имѣлъ право замѣтить, что въ настоящемъ дѣлѣ правительство злоупотребило своею властью. Если доносъ не основанъ на неопровержимыхъ доказательствахъ, то чѣмъ можетъ быть удовлетворена оскорбленная честь подсудимыхъ? если же противъ нихъ суще-

¹⁾ На поляхъ этого письма, рукою генерала Бенкендорфа, сдѣлана, карандашемъ, слѣдующая замѣтка (на французскомъ языкѣ): „мысль очень хороша; приготовьте это дѣло къ моему возвращенію“.

ствуютъ только одни подозрѣнія, то ничего не могло бы быть болѣе кстати, какъ безотлагательное разъясненіе этихъ подозрѣній; такой образъ дѣйствій заставилъ бы замолчать общество, дѣлающее теперь тысячи предположеній, одно нелѣпѣе другого. Все это представляетъ много затрудненій, особенно въ настоящее время,—почти наканунѣ коронаціи. Дѣло это или имѣетъ важность, или не имѣетъ ея; въ первомъ случаѣ прямо заявите объ этомъ; во второмъ—устройте такъ, чтобы отложить разсмотрѣніе его до другого времени“.

Считаю своимъ долгомъ передать в-му пр-ву всѣ эти разсужденія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупредить васъ, что происшествіе это возбудитъ еще много дурныхъ толковъ.

13 августа 1826 г.

Впечатлѣніе, произведенное арестами 11-го числа, доказываетъ, что существуетъ еще остатокъ дурной закваски. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что у многихъ сейчасъ же явилось предположеніе,—не замѣшаны ли подсудимые и въ заговорѣ. Таки судятъ о настроеніи умовъ люди, хотя и не принадлежащіе, собственно, къ числу недовольныхъ, но считающіе себя оскорбленными и забытыми правительствомъ; къ этому они присовокупляютъ, что если не прекратятъ доносовъ, то нельзя будетъ надѣяться, чтобы это скоро кончилось; что каждое новое открытіе волнуетъ умы и производитъ болѣе или менѣе сильное потрясеніе. Наконецъ чрезвычайно важно предупредить всякое столкновеніе суда и власти въ организаціи исполнительн. части. Другіе говорятъ: конечно, это большое зло имѣть новыя непріятности и быть вынужденнымъ строго карать въ такое время, когда правительство должно было бы видѣть передъ собой поляну, усыпанную лучшими цвѣтами. Но это зло, можетъ быть, переходящее, неизбѣжное, и результатомъ его будетъ непрерывное благо, т. е. благо дѣлать важныя открытія. Такимъ образомъ, распространители тревожныхъ слуховъ и недовольные очень легко могутъ вообразить, что обладаютъ средствами для возбужденія смуты во время предстоящихъ празднествъ. Въ предупрежденіе ихъ тайныхъ происковъ, необходимо поддерживать самую тѣсную связь между властями вообще и въ особенности между органами исполнительн. части. Было бы не-

справедливо, разумѣется, предполагать, что этой связи вовсе не существуетъ въ администраціи, но надо сознаться, что основы ея далеко не прочны.

Толки о происшедшихъ, будто бы, въ Москвѣ волненіяхъ распространились даже въ народѣ; крестьяне—и тѣ говорятъ объ этомъ, изъ чего можно заключить, что они вѣрятъ подобнымъ розсказнямъ. Ходившіе по городу слухи о томъ, что будто бы изъ Москвы присылаются сюда цѣлые транспорты арестованныхъ, замолели послѣ ареста 11-го августа, который возбуждаетъ общее вниманіе и, по всей вѣроятности, въ продолженіи цѣлой недѣли будетъ служить темой разговоровъ: значить—въ матеріалахъ для болтовни недостатка не будетъ.

Внезапная отставка директора канцеляріи банка, отрѣшеннаго на основаніи указа, полученнаго изъ Москвы, произвела потрясающее впечатлѣніе на чиновниковъ министерства финансовъ. Они поражены, какъ громомъ, и заявляютъ во всеуслышаніе, что междоусобная война готовится разорвать на части это министерство, и что г. Дубенскій дѣйствуетъ втихомолку, чтобы свергнуть г. Канкринна.

Я сообщаю в-му пр-ву обо всемъ, что до меня доходитъ, безъ разбора. Жатва такъ обильна, что у меня не хватаетъ времени отдѣлывать мои замѣтки и мой слогъ. Заранѣ прошу извиненія за тѣ погрѣшности, которыя могутъ встрѣтиться въ моихъ письмахъ.

13 Августа 1826 г.

Выходки полиціи при контролированіи надзора, становятся, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе рѣзкими. Во всякомъ хорошемъ управленіи—контроль необходимъ. Надзоръ, дѣйствующій по правиламъ, освященнымъ одобреніемъ государя императора, не боится повѣрки; напротивъ—онъ самъ идетъ на встрѣчу всему, что можетъ способствовать къ разясненію его дѣятельности. Поэтому не мѣшало бы полиціи ограничиваться однимъ наблюденіемъ, а не играть роль наставника. Между тѣмъ вотъ что происходитъ. Полиція допускаетъ Чихачева выдвигать, изъ толпы своихъ сыщиковъ, на первый планъ, Константинова, отъявленнаго ябедника, человѣка, извѣстнаго своими безчестными по-

ступками въ прошедшемъ и въ настоящемъ. Изъ этого возникаютъ затрудненія для надзора: онъ видитъ себя лишеннымъ уваженія, которое должно быть однимъ изъ главнѣйшихъ его атрибутовъ, такъ какъ Константиновъ, пользуясь правомъ говорить свободно, хвастаетъ, что передалъ, кому слѣдуетъ, записку о своихъ дѣйствіяхъ. По словамъ чиновника, служащаго въ канцеляріи оберъ-полиціймейстера и живущаго въ одномъ домѣ съ Константиновымъ, этотъ послѣдній сдѣлалъ въ своей запискѣ доносъ на одного изъ агентовъ надзора, — человѣка, отличающагося своею преданностью и дѣятельностью, которая онъ не одинъ уже разъ выказывалъ. Доносъ состоитъ въ томъ, что будто-бы Лефевръ рассказывалъ въ городѣ, что во время пребыванія его, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ, ему дано было вашимъ превосходительствомъ порученіе слѣдить за дѣйствіями государя. Очевидно, что распуская подобныя смѣшныя слухи, вѣроятность которыхъ разбивается самою нелѣпностью ихъ, — имѣютъ въ виду выставить въ невыгодномъ свѣтѣ человѣка, съ пользою употребляемаго надзоромъ, и этимъ ослабить средства послѣдняго.

Я далекъ отъ мысли жаловаться на полицію, — напротивъ, — я желалъ бы, насколько это зависитъ отъ меня, — поддерживать доброе согласіе, которое должно царить между этими двумя учрежденіями, призванными помогать одно другому; но я сознаю свои обязанности и не хочу упустить возможности откровенно выставить дѣйствія слова и дѣла.

14 Августа 1826 г.

Было очень естественно ожидать всевозможныхъ комментаріевъ, предположеній и разсужденій о послѣднихъ арестахъ. Вотъ что, вообще, говорятъ объ этомъ происшествіи, сильно занимающемъ общество въ настоящую минуту.

Говорятъ, что это случайность, которая, однако-жъ, должна имѣть отношеніе къ какому нибудь заговору противъ правительства или противъ особы государя; въ противномъ случаѣ, — къ чему эта таинственность при слѣдствіи, которое ведется самимъ военнымъ генераль-губернаторомъ?

Какого бы рода это дѣло ни было, говорятъ алармисты, — оно свидѣтельствуетъ, что подъ пепломъ таится огонь. Напрасно до-

казываютъ имъ, что болѣзнь такая тяжелая, какую перенесло государство, всегда оставляетъ слѣды: они твердо убѣждены, что безопасность правительства — мнимая, и распускаютъ слухи, одни тревожатъ другихъ, — о намѣреніяхъ и замыслахъ, о словахъ и дѣйствіяхъ всѣхъ личностей, которыя, по тому или другому поводу, — составляютъ шайку недовольныхъ; такъ что тутъ дѣло доходить до поджоговъ и яду, однимъ словомъ, до всѣхъ сильныхъ средствъ, необходимыхъ для совершенія переворотовъ.

„Да,—говорятъ многіе,—хотятъ произвести безпорядки въ день рожденія государя, милосердіе котораго столь обильно расточаемое, вызоветъ безнаказанность или, пожалуй, что-нибудь еще худшее. Прибавьте къ этому, что правительство еще не начертало себѣ опредѣленнаго плана дѣйствій; что остается еще много неудовлетвореннаго мелкаго тщеславія, множество незамѣненныхъ мѣстъ, что, наконецъ, недостаетъ средствъ, чтобы дѣйствовать съ энергіей,—и вы будете въ состояніи составить себѣ правильное понятіе о настоящемъ положеніи правительства“.

„Нельзя не признать,—говорятъ люди благомыслящіе,—что многое справедливо въ этой картинѣ; но,—съ другой стороны,—должно согласиться съ тѣмъ, что настроеніе общества, вообще, а настроеніе войска въ особенности,—превосходно“!

Всѣ данныя, старательно и разборчиво собранныя надзоромъ,—такого свойства, что не оставляютъ и тѣни сомнѣнія по поводу всего этого. Остается замѣтить, что всѣ мѣры, какъ уже принятыя, такъ и тѣ, которыя еще необходимо принять, чтобы завести машину, должны непремѣнно произвести благотворное дѣйствіе; такъ что, продолжая начатое, можно надѣяться преодолѣть зло добромъ.

Только-что пріѣхавшій изъ Ярославля братъ генерала Полозова доноситъ, что ссыльные, которыхъ онъ встрѣтилъ въ дорогѣ, были дурно приняты народомъ, давшимъ имъ насмѣшливое прозвище „цариковъ“; что эти личности, и между ними бывшій князь Трубецкой, говорили—какъ рассказываютъ—женѣ станціоннаго смотрителя, въ то время, какъ фельдъегерь выходилъ изъ комнаты: „Ничего! у насъ въ Москвѣ человекъ десять нашихъ эmissаровъ, которымъ поручено избавить насъ отъ государя; и если ему опять удастся уцѣлѣть, — то это будетъ не больше, какъ отсрочка“! Эта выходка и то стараніе, съ какимъ

распространяли на станціяхъ письмо Рылѣва, доказываютъ, что ложные слухи, ходившіе въ Петербургѣ о случившихся, будто бы, въ Москвѣ несчастіяхъ,—дѣло приверженцевъ государственныхъ преступниковъ.

Полозовъ прибавляетъ, что за исключеніемъ того незначительнаго волненія, которое было, передъ тѣмъ, въ Ярославской губерніи, и отъ котораго нынѣ не осталось и слѣда, — настроеніе умовъ не имѣетъ ничего такого, что могло-бы возбуждать опасенія. На одной станціи фельдъегерь круто обошелся со смотрителемъ, вступившимъ въ длинные разговоры съ преступниками. Вообще, у этихъ смотрителей духъ нехорошъ, и было бы очень полезно учредить надъ ними болѣе бдительный и болѣе прямой надзоръ, чѣмъ тотъ, какой существуетъ въ настоящее время.

М-ле Пучкова, — писательница, и умная женщина, рассказываетъ, что въ бытность ея въ Парижѣ, она часто встрѣчала, въ прошломъ январѣ мѣсяцѣ, Николая Тургенева, который казался проникнутымъ самымъ лучшимъ духомъ и принялъ обѣ присяги, требовавшіяся послѣ смерти императора Александра: она прибавляетъ, что въ немъ замѣтно было тогда большое нетерпѣніе уѣхать въ Англію, и что одно время заграницей увѣрили, что, будто бы, государь помиловалъ всѣхъ заговорщиковъ. Эта дѣвица Пучкова живетъ въ домѣ министра народнаго просвѣщенія; она возвратилась сюда съ кузиной покойнаго графа Милорадовича, генеральшей Ребиндеръ, которая намѣрена хлопотать, черезъ посредство вашего превосходительства, о назначеніи ей, въ качествѣ родственницы графа Милорадовича, пожизненной пенсіи.

Сестра дѣвицы Пучковой, Наталья, отправилась въ Москву съ г-жею Верещагиной. Обѣ эти дамы служатъ полиціи подъ покровительствомъ князя Алекс. Голицына.

Дѣятельность надзора растетъ съ каждымъ днемъ и у меня едва хватаетъ времени для принятія и записыванія всѣхъ заявленій.

15-го августа. 1826 г.

Движеніе, характеризующее политическія мнѣнія, — весьма положительное. Многіе говорятъ, что надо дѣйствовать круто, чтобы положить конецъ многочисленнымъ злоупотребленіямъ и истре-

бить взяточничество; оно пустило слишкомъ глубокіе корни, чтобы можно было ограничиться окольными путями. „Нельзя откладывать наказанія, заслуженнаго преступленіемъ; слѣдуетъ избѣгать полумѣръ, — ничего нѣтъ вреднѣе этого. Исторія всѣхъ странъ и всѣхъ временъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ очевидности той истины, что, во избѣжаніе большихъ золъ, необходимо карать во-время и безъ всякой жалости. Итакъ, слѣдуетъ нанести ударъ теперь, — или никогда. Черезъ десять, пятнадцать лѣтъ — будетъ уже поздно, если порядокъ вещей останется въ настоящемъ положеніи. Признано и доказано, что тотъ, кто хочетъ ослабить неограниченную власть государя, — самъ себѣ роетъ яму. Вѣдь надо будетъ чѣмъ нибудь замѣстить пустое мѣсто, а какъ совершить такой переворотъ, не вызывая и не поддерживая анархію, со всѣми сопровождающими ее жгучими бѣдствіями? Поэтому, такого злоумышленника надо преслѣдовать и карать, — это требуетъ общій интересъ и въ этомъ единственное средство къ спасенію“.

„Понимаютъ ли наши богачи свою настоящую выгоду? Конечно нѣтъ! Взгляните на частныхъ лицъ, каковы, напримѣръ, графъ Литта, генералъ Энгельгардъ, находящіе наслажденіе въ томъ, что держатъ подъ спудомъ — одинъ 20, а другой 27 миллионовъ рублей. Дѣйствуя такимъ образомъ, они и имъ подобные задерживаютъ обращеніе денегъ. Съ другой стороны, наши финансовыя операціи были до сихъ поръ совершенно ошибочны; правительство думало окружить себя безнаказанно конституціонною завѣсой, провозгласивъ освобожденіе крестьянъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ. Послѣ этого можно ли удивляться тому, что финансы въ упадкѣ, что взяточничество на первомъ планѣ, и что злоупотребленія увеличиваются съ каждымъ шагомъ? — При такомъ порядкѣ вещей, — высшей полиціи, этому правительственному оу, — предстоитъ трудная задача. Она должна учредить такой присмотръ, который кольцомъ охватывалъ бы всѣ отрасли общественнаго управленія; ей надлежитъ указывать на зло и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на самое скорое и самое дѣйствительное средство противъ этого зла, — средство, которое она сама же должна примѣнять съ быстротою и знаніемъ дѣла. Сколько тяжелыхъ обязанностей и какая громадная отвѣтственность! Но, за-то же, сколько пожинается и славы!...“

Вотъ какого рода разсужденія и замѣчанія слышишь часто, особенно въ средѣ обрусѣлыхъ иностранцевъ.

Эти дни общественное вниманіе занято, почти исключительно, послѣдними арестами. Во что бы то ни стало, стараются угадать ихъ причину. Если, говорятъ, это простое лихоимство, — къ чему та строгость, съ какою производится слѣдствіе? ... Значить дѣло идетъ о заговорѣ противъ правительства. Другіе, напротивъ, думаютъ, что дѣлу этому придано особенное значеніе для того, чтобы, неожиданно напавъ на обвиненныхъ, поймать ихъ на мѣстѣ преступленія. Такое мнѣніе поддерживается также и тѣмъ молчаніемъ, какое хранятъ по этому дѣлу письма, полученные въ послѣднее время изъ Москвы. — Говорятъ еще, что какой-то важный чиновникъ былъ привезенъ сюда изъ Олонецкой губерніи, и что слѣдствіе по поводу недавнихъ арестовъ уже почти окончено.

Надо замѣтить, что всѣ арестованныя личности извѣстны за отъявленныхъ взяточниковъ, и что всѣ тѣ, которые громче другихъ кричатъ противъ ихъ ареста, — одного съ ними поля ягода. Это зловерное отродье вовсе не скрываетъ своего бѣшенства и явно выражаетъ его въ публичныхъ мѣстахъ. Пусть себѣ кричатъ, — это дастъ возможность лучше отмѣтить ихъ.

16-го августа 1826 г.

Представляю при семъ в—му пр—ву очень интересную записку Висковатова. Заключающіяся въ ней данныя собраны и представлены оберъ-секретаремъ сената Озерскимъ, который, въ продолженіи трехъ лѣтъ, находился во главѣ этихъ дѣлъ, въ качествѣ начальника отдѣленія департамента государственныхъ имуществъ. — Человѣкъ этотъ предлагаетъ все обнаружить, такъ какъ до сихъ поръ затрогивали только злоупотребленія, совершающіяся въ Архангельской губерніи, не зная о тѣхъ огромныхъ злоупотребленіяхъ, которыя творятся въ низовыхъ губерніяхъ. — Завтра я отправлю къ в-му пр-ву извлеченіе изъ двухъ донесеній, сдѣланныхъ Озерскимъ въ 1820 и 1822 годахъ, и которыя могутъ быть отысканы въ архивахъ департамента государственныхъ имуществъ. Но этотъ господинъ умоляетъ не называть его до возвращенія в-го пр-ва. Къ тому времени, я отберу отъ Озерскаго всѣ необходимыя свѣдѣнія.

Главнымъ зачинщикомъ этихъ безпримѣрныхъ злоупотребленій долженъ быть признанъ нѣкто Соколовъ, который еще не арестованъ и служить въ адмиралтействѣ—корабельнымъ смотрителемъ.

Много говорятъ объ арестѣ г. Кутузова, служащаго въ департаментѣ торговли, и рассказываютъ слѣдующее. Годъ тому назадъ, человекъ этотъ предупредилъ одного своего знакомаго, что люди этого послѣдняго замышляютъ убить его. Дѣло было изслѣдовано, болѣе двадцати человекъ крѣпостныхъ сознались въ своей винѣ, были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, а доносчикъ получилъ отъ лица, подвергавшагося такой опасности, подарокъ въ сто тысячъ рублей. Теперь же оказывается, что онъ самъ подстрекалъ виновныхъ сдѣлать покушеніе на жизнь ихъ барина! Эта личность представляетъ вѣрный образчикъ нравственности нашей молодежи!—слышишь со всѣхъ сторонъ. Но развѣ одинъ человекъ въ состояніи усмотрѣть за всѣмъ? Развѣ государь, одинъ, безъ поддержки, можетъ добиться возстановленія порядка въ такое время, когда всѣ, отъ мала до велика, проникнуты однимъ духомъ стяжанія и корысти,—духомъ, пустившимъ такіе глубокіе корни, что скоро, волей неволей, придется прибѣгнуть къ весьма сильнымъ мѣрамъ, чтобы только удержаться въ принятомъ направленіи.

Другое, не менѣе прискорбное явленіе, говорятъ, заключается въ томъ, что люди высокопоставленные и могущественные не сдѣлали ни шагу для содѣйствія правительству въ его мѣропріятіяхъ, и что, напротивъ, судя по доносамъ ихъ прислуги, часто выражаютъ недовольство правительствомъ, тѣмъ болѣе неосновательное, что они сами обладаютъ всѣми средствами, чтобы дѣйствовать быстро и надлежащимъ образомъ.

Говорятъ также, что не разъ уже замѣчали министру финансовъ о томъ, что было, по меньшей мѣрѣ, неблагоприятно, если не неприлично,—предоставить двумъ торговымъ домамъ—Штиглица и Мейеръ-Брюкенера полную свободу опредѣлять, по своему усмотрѣнію, вексельный курсъ; произволъ ихъ въ этомъ отношеніи дошелъ до того, что ни одинъ маклеръ не смѣетъ обозначить курсъ безъ ихъ согласія. Новыя постановленія по финансовой части подтачиваютъ торговлю въ самомъ корнѣ и подавляютъ зарождающуюся промышленность. Министръ вообразилъ,

что суммы, образуемыя денежными штрафами, составляютъ обильный источникъ доходовъ, и не смотря на то, что опыты доказываютъ противное,—онъ не хочетъ сознаться въ своей ошибкѣ. По его мнѣнію,—пусть терпитъ государство, лишь бы только онъ былъ правъ!

18-го августа 1826 г.

По словамъ приверженцевъ партіи, противящейся преобразовательнымъ мѣрамъ, установленіе прочнаго порядка въ управленіи также трудно, какъ найти квадратуру круга. Люди малодушные боятся реакціи; тѣ же, которые выше всего цѣнятъ наружное спокойствіе, громко заявляютъ, что многочисленность виновныхъ будетъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ безнаказанность. Какимъ образомъ, говорятъ они, достигнуть цѣли, не разрушая всего зданія бюрократіи, которую многіе отстаиваютъ въ собственныхъ своихъ интересахъ! Раззореніе одного естественно влечетъ за собою и потерю состояній другихъ взяточниковъ, имѣющихъ цѣлую толпу сообщниковъ; всѣ они такъ сжились съ системою грабежа, всюду и всѣми терпимой, что желать поколебать ее,—тоже, что захотѣть повторить древнюю сцену въ храмѣ Филлистимлянъ.

Благомыслящіе люди находятъ подобное мнѣніе, по меньшей мѣрѣ, неосновательнымъ. Если, возражаютъ они, зло, дѣйствительно, доведено до крайнихъ предѣловъ,—необходимо употребить всѣ возможные средства, чтобы безотлагательно и энергично искоренить его. Правительство не должно останавливаться передъ мыслью о томъ, что при этомъ могутъ быть затронуты частные интересы, иначе придется отложить всѣ полезныя мѣры. Принципъ этотъ былъ въ виду слишкомъ долго и послѣдствія его слишкомъ пагубны, чтобы не постараться уничтожить ихъ во избѣжаніе великихъ бѣдъ.

Вотъ еще замѣчанія съ другой стороны.

Настоящее положеніе дѣлъ и людей—совсѣмъ особенное: первыя, очевидно, въ упадкѣ, при полномъ отсутствіи нравственности; люди же, одержимые эгоизмомъ, столько же думаютъ объ общественномъ дѣлѣ, какъ объ австрійскихъ владѣніяхъ. Воспитаніе юношества направлено ложно: молодежь разсуждаетъ,

тогда какъ могла бы гораздо полезнѣе употреблять свое время. Торговля и національная промышленность страдаютъ при такомъ порядкѣ вещей, когда люди не берегутъ своего состоянія. Сколько нужно стараній, чтобы произвести реформу, столько же необходимо, какъ и непріятную и тяжелую для бюрократіи,—этой истинной гидры, которую можно уничтожить только продолжительнымъ трудомъ, неустанно добираясь до самаго корня зла. Поэтому, пусть не стараются доказывать намъ, что нѣтъ почти никакой возможности быть всюду, все видѣть и со всѣмъ справиться. Достигнуть этой тройной цѣли, было бы, конечно, большимъ подвигомъ; но тѣмъ похвальнѣе этотъ подвигъ, чѣмъ больше камней преткновенія встрѣчаетъ правительство на своемъ пути, и что ему приходится однимъ взмахомъ дѣлать три удара: преобразовывать, создавать и входить въ самыя мельчайшія подробности дѣла.—Нельзя не сознаться, что заботливость, высказываемая правительствомъ относительно заживленія язвъ государства, представляется, въ своемъ родѣ, безмолвнымъ воззваніемъ къ наиболѣе вліятельнымъ сословіямъ, каковы дворянство и купечество,—о содѣйствіи ихъ общему благу. Горе имъ, если слишкомъ узкія цѣли помѣшаютъ имъ отозваться на этотъ призывъ. До сихъ поръ личный эгоизмъ всегда бралъ перевѣсъ. Когда-то придутъ къ убѣжденію, что копить—еще не есть главная цѣль; но что надо еще умѣть во-время приносить жертвы, чтобы сохранить то, что было такъ легко добыто. Жертвы эти не исключительно денежные; нѣтъ, — нужно жертвовать государству своимъ временемъ, трудомъ, вкусомъ и, въ особенности, избѣгать тѣхъ ненавистныхъ страстей, которыя хотя и копошатся у подножія древа, но, тѣмъ не менѣе, опасны. И вотъ этихъ-то усилій не хотятъ сдѣлать наши вельможи, а потомъ сами удивляются неудачному ходу ихъ предпріятій. Такъ, напримѣръ, какой нибудь министръ, располагающій громадными средствами, могъ бы пользоваться ими во славу себѣ и своему отечеству, если бы былъ человекомъ съ душой и возвышенными чувствами; но увлекаемый пожирающимъ его честолюбіемъ, онъ не можетъ ни на чемъ остановиться и бросаетъ начатое дѣло, какъ только увидитъ, что не смѣетъ плутовать. Приближенные и челядь подобныхъ личностей слѣдуютъ примѣру своихъ патроновъ, а общественное дѣло гибнетъ отъ этого. Большая часть золъ, тяготящихъ надъ нами, происходитъ отъ вышеизложенныхъ причинъ.

19-го августа 1826 г.

Чтобы дать понятіе о мнѣніи благомыслящихъ людей относительно дѣйствій правительства, считаю нужнымъ сообщить слѣдующія замѣчанія.

Усвоенное правительствомъ правило принимать къ свѣдѣнію доносы, указывающіе на злоупотребленія, правило, проводимое до сихъ поръ съ твердостью и разборчивостью, имѣло необыкновенно хорошіе результаты. Доносчики знаютъ, что въ случаѣ ложнаго доноса, ихъ не помилуютъ, и потому никто ложно не доноситъ. Одни изъ нихъ дѣлаютъ свои сообщенія изъ желанія принести пользу общественному благу, другіе же—ради собственныхъ интересовъ; но какъ бы то ни было, выясняются разные ужасы и правительство узнаетъ вещи, которыя никогда бы не дошли до него, еслибы оно не задалось цѣлью все видѣть, все слышать, чтобы, затѣмъ, дѣйствовать сознательно по всюду и во всякое время. Безъ сомнѣнія, это большая выгода—имѣть передъ собой торную, дорогу, съ которой нельзя сбиться, такъ какъ, слѣдуя этому правилу,—видишь какъ исчезаютъ всѣ неровности пути. Такимъ образомъ безчестность многихъ людей обнаруживается; власти также, одна за другой, подвергнутся тайному наблюденію. Теперь слышишь со всѣхъ сторонъ:

„Честные люди будутъ ограждены отъ несправедливостей; одни злонамѣренные будутъ въ страхѣ, такъ какъ бояться дневнаго свѣта. Пора положить преграду грабежу и наказать взяточниковъ. Довѣріе, возбуждаемое правительствомъ, желающимъ снискать себѣ расположеніе тѣхъ, къ которымъ оно управляетъ,—есть могущественное средство для облегченія успѣха его предпріятій. Расположеніе это, служащее лучшею защитой тому, кто призванъ управлять другими,—разъ приобрѣтенное, удесетеряетъ нравственныя силы правительства. Съ этой любовью дѣйствуешь хорошо, увѣренно: энтузіазмъ, хорошо направленный, управляетъ послушаніемъ, и если заботливо избѣгать всего, что носитъ характеръ суеты и безпокойства, то самая трудная задача выполняется однимъ мановеніемъ руки“.

Я долженъ увѣдомить в. пр., что графъ Николай Паленъ уѣхалъ въ Ревель, и что онъ поведеніемъ своимъ никогда

не подавалъ повода и къ тѣмъ сомнѣніямъ въ политической его благонадежности. Графъ Александръ Завадовскій состоитъ подъ надзоромъ; на за нимъ ничего не замѣчено выдающагося. Чаше всего онъ посѣщаетъ: офицеровъ кавалергардскаго полка, какъ, напр., Бобринскаго, Шереметьева и другихъ; затѣмъ, князя Гагарина, камергера Больша, княгиню Лобанову, Колошина и Энгельгардта.

20-го августа 1826 г.

Нѣкоторые изъ стариковъ, приверженцы системы правленія блаженной памяти императрицы Екатерины II-й, люди хорошіе и благоразумные, усиленно читаютъ и комментируютъ, въ своихъ интимныхъ кружкахъ, письмо де-Лагарпа къ императору Александру.

Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ получить позволеніе списать это письмо, которое спѣшу переслать в-му пр-ву.

Надо предполагать, что государю извѣстно это письмо; но я считаю своимъ долгомъ просить васъ прочесть его. Содержаніе этого письма интересно въ высшей степени, и можетъ быть подвергнуто комментаріямъ и критикѣ всевозможныхъ оттѣнковъ. Люди, занимающіеся этими изслѣдованіями, находятъ въ немъ разрѣшеніе многихъ загадокъ царствованія покойнаго императора и явное указаніе на различныя правила, слѣдовать которымъ было бы полезно настоящему правительству. Наиболѣе выдающіяся мѣста этого письма бросаются въ глаза, такъ что пробѣгая его, в. пр. составите себѣ совершенно ясное понятіе о тѣхъ спорахъ, которые оно должно возбуждать.

21-го августа 1826 г.

„Духъ хорошъ, замѣчаютъ, во всѣхъ слояхъ общества; остается только немного прежней закваски, да и та будетъ истреблена, когда праздныхъ людей частью займутъ чѣмъ нибудь, частью выплюютъ, и когда бюрократія будетъ нанесенъ послѣдній ударъ. Обнаруженныя злоупотребленія, совершавшіяся въ канцеляріи министерства финансовъ, даютъ вѣрное понятіе о вліяніи этой гидры. Но, за-то же, и нападутъ на нее со всѣхъ сторонъ и до-

носы посыпятся градомъ: одни будутъ стараться раскрывать тайны, чтобы самими выдти сухими изъ воды; другіе же—или ради отличія, или изъ любви къ общественному благу. Впрочемъ, только что сдѣланныя открытія не болѣе, какъ прелюдія къ цѣлой вереницѣ послѣдующихъ.

Въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, бюрократія питалась лихоримствомъ, совершаемымъ съ безстыдствомъ и безнаказанностью. На счетъ этого грабежа она поддерживала войну съ общественнымъ дѣломъ и съ благомыслящими людьми, которые не только были устраняемы, но и всячески преслѣдуемы. Война эта принесла пользу только однимъ комисіонерамъ; поэтому, справедливость требуетъ, чтобы, для удовлетворенія оскорбленнаго общества, прежде всего приняты были мѣры, парализующія тотъ порядокъ вещей, который былъ выгоденъ лишь однимъ общественнымъ шіавкамъ и заговорщикамъ. На нихъ-то и должно пасть наказаніе! Никогда законъ возмездія не получилъ бы болѣе справедливаго примѣненія, какъ въ томъ случаѣ, если бы приступили къ конфискаціи имущества комисіонеровъ. Денежный интересъ игралъ бы тутъ меньшую роль, чѣмъ интересъ нравственный: первый не великъ, второй же неизмѣримъ, такъ какъ, надо сознаться, что благодаря безнаказанности, ремесло грабителя сдѣлалось уже слишкомъ выгоднымъ. Комисіонеры на все рѣшались, все дѣлали, ни въ чемъ себѣ не отказывали; всѣ ихъ счеты принимались, и авторитетъ общества не возставалъ противъ нихъ. Теперь пришла пора, и даже очень кстати въ настоящую минуту, положить конецъ этой долгой терпимости.

Правительству предстоитъ выбирать одно изъ двухъ: или допускать ужасное зло, или прибѣгнуть къ реформѣ, провести ее толково, дѣятельно и смѣло и стараться найти въ этомъ и средство къ исправленію старыхъ несправедливостей, и оружіе противъ тѣхъ безпорядковъ, которые могутъ быть подготовлены грабителями. Въ подобномъ положеніи не остается выбора: онъ указывается самымъ порядкомъ вещей. Правительство сознаетъ это и дѣйствуетъ какъ нельзя болѣе послѣдовательно. Одни только злонамѣренныя могутъ не признавать этого“.

Становится очевиднымъ,—даже недовольные не въ состояніи отрицать это,—что всѣ благомыслящіе люди съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сознаютъ пользу существованія надзора; мно-

гіе изъ нихъ предлагаютъ ему свои услуги даромъ, чтобы, съ одной стороны,—давать полезные совѣты, а, съ другой,—направлять общественное мнѣніе въ интересахъ правительства, преслѣдующаго одну только цѣль—противупоставить грозный оплотъ господствующимъ преступленіямъ и испорченности, поколебавшимъ, въ самомъ основаніи, нравственныя силы народа.

23-го августа 1826 г.

О настроеніи умовъ можно сообщить весьма удовлетворительныя извѣстія. Сами недовольные должны сознаться, что прибытіе въ Москву великаго князя Константина Павловича нанесло послѣдній ударъ злонамѣреннымъ, внушивъ мужество даже трусамъ. Конечно, разсуждаютъ многіе, бывшіе безпорядки вызваны были нѣкоторыми личностями, не имѣвшими иной цѣли, какъ произвести смуты въ обществѣ, чтобы, затѣмъ, предложить свои услуги для его успокоенія. Послѣдній якорь спасенія, за который держались еще ихъ надежды, былъ предполагаемый разрывъ въ отношеніяхъ государя съ старшимъ его братомъ; но пріѣздъ цесаревича въ Москву уничтожилъ и эти надежды. Проектъ освобожденія крестьянъ также разлетѣлся въ прахъ, а рѣшительныя мѣры, принятыя правительствомъ для искорененія злоупотребленій, не позволяють распространителямъ тревожныхъ слуховъ, создавать и поддерживать различныя выдумки; такъ что положительно можно сказать, не преувеличивая, что термометръ настроенія умовъ долженъ подняться только на одинъ градусъ, чтобы стать на *beau-fixe*, и что правительство собираетъ теперь и пожнетъ съ избыткомъ, въ послѣдствіи, плоды настолько же полезныхъ, сколько и энергическихъ распоряженій, которыми до сихъ поръ отличались всѣ его дѣйствія. Нельзя, однако, отрицать, прибавляютъ нѣкоторые, что въ обществѣ, особенно до развязки великой трагедіи, существовала дурная закваска, остающаяся, можетъ быть, еще и теперь въ средѣ разгульной молодежи и въ святилищѣ бюрократіи. Это, прочемъ, все извѣстно, да и не въ этомъ дѣло, а въ томъ, чтобы знать какъ велико было число злонамѣренныхъ, дѣйствовавшихъ въ послѣднемъ случаѣ противъ общественнаго порядка, и не составляли ли они преобладающаго большинства? Тысячи фактовъ, которые было бы из-

лишне перечислять, доказываютъ, что большинство это было въ рукахъ правительства. Такимъ образомъ, эти злонамѣренные могутъ быть только предметомъ надзора и не въ состояніи помѣшать развитію правительственныхъ мѣропріятій, которыя, впрочемъ, указали на дѣйствующихъ лицъ.

Я долженъ замѣтить, что прибытіе великаго князя Константина Павловича въ Москву измѣнило тонъ даже высшихъ классовъ общества, которые у насъ самые дурные. Говорятъ, правда, что его императорское высочество рѣшился пріѣхать къ своему августѣйшему брату только вслѣдствіе депутаціи, отправленной къ нему московскимъ дворянствомъ; вообще же, высказываются теперь гораздо сдержаннѣе и приличнѣе; одна только м-ме Лореръ громко кричала эти дни.

Вездѣ много смѣшныхъ людей; здѣсь ихъ, конечно, болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Нѣкоторые изъ нихъ говорятъ, что если мы не получимъ извѣстія о коронаціи во вторникъ, 24 числа, въ пять часовъ вечера, то это будетъ значить, что церемонія опять отложена, что произведетъ много безпокойства и возбудитъ много ложныхъ слуховъ. Другіе увѣряютъ, что в. п. сами привезете сюда эту вѣсть; наконецъ, говорятъ даже, что государь пріѣдетъ сюда, съ вами, наканунѣ Александрова дня. Не смотря, однакожь, на всю нелѣпость этихъ слуховъ, находятся глупцы, которые вѣрятъ имъ.

24 августа 1826 г.

Общее вниманіе обращено на Москву. Всѣ заняты одною мыслью—коронаціею; такъ что чѣмъ больше приближается тотъ моментъ, когда посланный съ счастливою вѣстью долженъ явиться, тѣмъ меньше думаютъ о чемъ нибудь другомъ. Сегодня всюду слышится вопросъ: пріѣхалъ ли курьеръ? Нѣкоторые утверждаютъ, вопреки всякому вѣроятію, что курьеръ могъ пріѣхать сегодня утромъ, тогда какъ нужно только умѣть считать, чтобы убѣдиться въ томъ, что раньше вечера этого дня онъ не можетъ быть здѣсь. Конечно, если сегодня ничего не будетъ,—тревога распространится завтра съ быстротою молніи и подымется крикъ.

Высылка Мордвинова и арестъ Ганнибала—двѣ отличныя

шія мѣры и вообще одобряются обществомъ. Къ несчастью, должно упомянуть о томъ, что Мордвиновъ живетъ въ Пулковѣ и вовсе не желаетъ ѣхать въ свое имѣніе. Онъ прислалъ сюда одного изъ своихъ людей для займа денегъ, намѣреваясь ѣхать въ Москву. Такъ какъ городская полиція не увѣдомила уѣздную о высылкѣ Мордвинова, то у него полная свобода дѣлать что захочетъ.

О вторженіи Персовъ разсуждаютъ различно: одни не придаютъ этому факту никакого значенія; другіе же, напротивъ, думаютъ, что Турки не замедлятъ вмѣшаться въ это дѣло; полагаютъ также, что англичане, вѣрныя своей системѣ постояннаго возбужденія затрудненій между великими державами континента, давно уже подготовляли этотъ взрывъ. Шансы этой войны,—говорятъ,—будутъ, вѣроятно, мало благоприятны для насъ, такъ какъ надо или энергически взяться за дѣло, что повлечетъ за собою большіе расходы и сдѣлаетъ сильную прорѣху въ нашихъ финансахъ, или же дѣйствовать оборонительно, что продолжитъ борьбу,—а это значило бы попасть изъ огня да въ полымя. Къ этому прибавляютъ, что для веденія войны нужны деньги, а наши финансы истощены, слѣдовательно придется обратиться къ новымъ налогамъ, такъ какъ, при настоящихъ обстоятельствахъ нечего и думать о возможности добровольныхъ пожертвованій. Такимъ образомъ, только однѣ успѣшныя дѣйствія могутъ доставить намъ средства вести и кончить эту войну съ выгодой для государства. Извѣстно, что военное дѣло имѣетъ двѣ важныя стороны, которыя слѣдуетъ старательно различать: одну—нравственную, другую—матеріальную. Первая заключается въ соотвѣтственномъ подготовленіи тѣхъ средствъ, которыя должны содѣйствовать успѣху войны; вторая—въ пользованіи этими средствами; однимъ словомъ: первая—голова, а вторая—руки. Опытомъ дознано, что обѣ эти стороны должны быть отдѣлены одна отъ другой, такъ какъ никогда, почти, способность выполненія не совмѣщается съ умѣньемъ распорядиться. Но на этотъ разъ, къ счастью, оба эти качества соединены въ одной личности—генерала Ермолова.

Всѣ одобряютъ назначеніе (попечителемъ Спб. учеб. округа) Бороздина на мѣсто Рунича, который, сказать правду, не любимъ и не особенно уважаемъ; о первомъ же отзываются съ большою похвалою.

25 августа 1826 г.

Уѣзжая изъ Петербурга, в. п. оставили мнѣ письмо къ барону Дибичу относительно злоупотребленій въ тюрьмахъ, а именно: 1) что учрежденія эти составляютъ источникъ доходовъ для завѣдывающихъ ими лицъ; 2) что намѣренно удерживаютъ въ тюрьмѣ нѣкоторыхъ личностей, чтобы пользоваться отъ нихъ выкупомъ; 3) что заключеніе нѣкоторыхъ лицъ также незаконно, какъ и произвольно, и 4) что многіе арестанты, содержащіеся въ тюрьмѣ за важныя преступленія, не только имѣютъ возможность принимать посѣтителей, но даже и сами выходятъ изъ тюрьмы.

Чтобы убѣдиться въ истинѣ всего этого, я сошелся съ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ тюремнаго комитета, который намѣренъ представить его величеству вѣрную картину упомянутыхъ злоупотребленій, но желаетъ оставаться, пока, неизвѣстнымъ. Онъ подтверждаетъ существованіе вышеозначенныхъ отступленій отъ закона, присовокупляя слѣдующія замѣчанія: 1) что арестанты не распредѣлены по родамъ преступленій и проступковъ, такъ что заключенные за долги, напримѣръ, сидятъ вмѣстѣ съ уголовными преступниками; подобное сближеніе способствуетъ развитію порочности, что и подтверждается опытомъ на каждомъ шагѣ; 2) порядокъ и благопристойность не соблюдаются: арестантовъ обоего пола одновременно водятъ и на работы, и въ народныя бани, что служитъ поводомъ къ скандальнымъ сценамъ на улицахъ; 3) что предоставляемое нѣкоторымъ заключеннымъ право принимать посѣщенія своихъ знакомыхъ, даетъ зрителямъ возможность устраивать въ собственныхъ своихъ квартирахъ свиданія арестантовъ и даже караульныхъ офицеровъ съ женщинами и проститутками; 4) что продовольствіе приговоренныхъ къ содержанію въ тюрьмѣ за преступленія, слишкомъ уже хорошо, такъ что заключеніе ихъ скорѣе похоже на пріютъ, чѣмъ на исправительную мѣру; наконецъ, 5) что многіе подвергаются тюремному заключенію часто только вслѣдствіе утраты ими своихъ паспортовъ, и сидятъ въ тюрьмѣ все время, пока производятся розыски по ихъ дѣлу. Лишенные возможности какого бы то ни было заработка, люди эти не въ состояніи уплатить ни за свое содержаніе, ни за право на полученіе паспортовъ, и потому остаются въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока сум-

ма добровольныхъ пожертвованій не возрастетъ до цифры, необходимой для ихъ освобожденія.

Остается сказать еще объ отчетности по управленію тюрьмами. При учрежденіи комитета о тюрьмахъ, высочайшимъ указомъ назначены были въ его распоряженіе по 30,000 руб. въ годъ, которые и должна была выплачивать городская дума; но деньги эти до сихъ поръ еще не переданы комитету. На обстоятельство это слѣдовало бы обратить вниманіе правительства.

25-го августа 1826 г.

Курьеръ, который долженъ привезти вѣсть о коронаціи, — еще не пріѣхалъ! Вотъ-то начнутся крики и смятеніе. Напуганное недавними важными событіями, общество ожидаетъ чего-то необыкновеннаго и требуетъ невозможнаго. Трудно себѣ представить движеніе, происходящее на улицахъ. На набережной Невы, противъ крѣпости, — несмѣтная толпа, глазѣющая по сторонамъ. Если мы не получимъ ожидаемаго извѣстія въ теченіи этого дня, — распространители тревожныхъ слуховъ примутся за дѣло и нелѣпымъ толкамъ не будетъ конца.

26-го августа 1826 г.

Вчера, въ 2 часа 40 минутъ пополудни, пріѣхалъ сюда фельдъегерь, а за нимъ, въ 5 часовъ 13 минутъ, графъ Комаровскій. Спустя четверть часа, пушка возвѣстила о коронаціи и вѣсть эта мгновенно произвела самое поразительное дѣйствіе. Народъ сбѣгался со всѣхъ сторонъ: одни крестились, другіе — и преимущественно ремесленники, — бросившіе свои мастерскія, — толпились среди улицы и кричали: Ш а б а ш ъ! ура! ура! Радость была очень сильна и проявилась бы, вѣроятно, гораздо восторженнѣе, если бы дозволена была иллюминація. Но объявлено было печатно, что городъ будетъ иллюминованъ три дня сряду, только начиная съ сегодняшняго. Распоряженіе это мотивировано тѣмъ, что общественныя увеселенія надо начинать молебствіемъ, которое можно было отслужить только сегодня. Какъ бы то ни было, но всѣ говорятъ, что послѣ пушечной пальбы и подѣ-стать ей слѣдовало бы разрѣшить иллюминацію, какъ доказательство общественнаго

веселья, и воспользоваться первымъ порывомъ общей, неудержимой радости... Конечно, это, по-видимому, малозначущее обстоятельство; но можно было бы и изъ него извлечь пользу: въ искусствѣ управлять умами и вліять на общественное мнѣніе—даже и ничтожныя вещи имѣютъ значеніе.

Три дня народнаго праздника доставятъ „надзору“ довольно матеріаловъ для наблюденія. Надо заранѣе приготовиться къ проявленіямъ шумнаго веселья, особенно въ низшихъ и среднихъ классахъ, которое будетъ рѣзко отдѣляться отъ мрачнаго вида небольшого числа людей, составляющихъ, вслѣдствіе разныхъ личныхъ причинъ,—отдѣльный кружокъ.

Одно достовѣрно, увѣряетъ большинство,—что поступки правительства—лучшая гарантія успѣха его дѣйствій; прошедшее и настоящее даютъ вѣрное понятіе о хорошемъ будущемъ. Искусство управлять людьми, особенно же толпой,—состоитъ въ томъ, чтобы каждому указать подходящее ему мѣсто, предупреждать столкновения и быть всегда безпристрастнымъ (*et à ne jamais quitter le bandeau de Thémis*). Всѣ правительственныя распоряженія клонятся къ достиженію этой цѣли; кончится тѣмъ, что всѣ проникнутся тою истиной, что поддержаніе порядка состоитъ въ мудромъ употребленіи власти, и въ примѣненіи средствъ, способныхъ умѣрять пылеость умовъ.

У насъ прошелъ слухъ, что в. п. возведены въ графское достоинство; а такъ какъ въ томъ списокѣ, который ходитъ по рукамъ и всѣми переписывается,—вашего имени нѣтъ, то спрашиваютъ: „Что же это значитъ“? Распустили также слухъ, что нѣкто Пѣтуховъ, чиновникъ главнаго штаба, говорилъ, будто бы г. Кремповскій замѣнитъ меня въ качествѣ директора канцеляріи III отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Надѣюсь завтра рассказать вамъ о всѣхъ нашихъ торжествахъ. Въ настоящую минуту слышны только самыя искреннія поздравленія и восклицанія: „Слава Богу! всѣмъ бѣдствіямъ теперь конецъ“! Да благословитъ Господь Богъ это искреннее желаніе!

28-го августа 1826 г.

Во всѣ три дня празднествъ повсюду царствовалъ примѣрный порядокъ; на всѣхъ общественныхъ сборищахъ проявленіе радости было восторженно и шумно, но вездѣ, однако-жъ, въ границахъ

приличія. Въ прилагаемомъ присемъ № „Сѣверной Пчелы“ помѣщено очень хорошее описаніе иллюминаціи и пьесъ, игранныхъ въ эти дни на театрахъ. Нарочно посылаю этотъ №, чтобы в. п. могли составить себѣ понятіе какъ о самыхъ празднествахъ, такъ и о настроеніи общества.

Мнѣ остается только прибавить, что злонамѣренные или недовольные,—если бы они что-нибудь и значили теперь,—напрасно старались бы нарушить общее благопріятное настроеніе и заставить не признать ту истину, что благоденствіе народа зависитъ отъ могущества правительства, столь отчески управляющаго, какъ наше. По всѣмъ вѣроятіямъ, ничто, кромѣ непредвидѣнныхъ случаевъ, не ослабитъ теперешняго настроенія умовъ. Гарантіей въ прочности этого настроенія служить та потребность, какую дѣти ощущаютъ въ заботахъ и попеченіяхъ отца о будущемъ ихъ благосостояніи. Не раздѣлять этого мнѣнія—значило бы принадлежать къ числу слѣпыхъ или слабоумныхъ,—даже сами недовольные должны согласиться съ этимъ. Несчастная мысль, слишкомъ, однако-жъ, распространенная,—что выгоды правителей не тождественны съ пользами управляемыхъ,—была причиною, въ послѣдніе годы, всѣхъ неудачъ и ослабленія всѣхъ связей между правительствомъ и обществомъ, что влекло за собою обманутыя ожиданія, обоюдныя ошибки и, наконецъ, разрывъ, породившій заговоръ нашихъ мятежниковъ.

Изъ вышеизложеннаго можно вывести два заключенія, а именно: что общественное настроеніе никогда еще не было такъ хорошо, какъ въ настоящее время, и что нравственная сила правительства такъ велика, что ничто не можетъ противустоять ей. Это до такой степени справедливо, что еслибы злонамѣренные вздумали теперь явиться въ роли непризнанныхъ пророковъ, то были бы жестоко освистаны.

Теперь, или никогда, самое время приступить къ реформамъ въ судебномъ и административномъ вѣдомствахъ, не дѣйствуя, впрочемъ, слишкомъ рѣшительно. Этого ожидаютъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, и всѣ, въ одинъ голосъ, кричатъ объ этомъ. Только люди, непонимающіе собственной своей пользы, могутъ быть противъ этой реформы, столь настоятельно требуемой. Такимъ образомъ, еслибы при этомъ даже и пострадали отдѣльныя личности, все-таки это не могло бы ослабить всеобщаго убѣжде-

нія въ необходимости преобразованія, безъ котораго невозможно ни создать благосостоянія, ни упрочить его; тогда какъ съ проведеніемъ реформы все войдетъ въ надлежащую колею. Самыя мятежныя головы будутъ держать себя спокойно, и дѣло, какъ бы ни было оно трудно,—будетъ совершаться по одному мановенію руки, потому что усердіе будетъ кормиломъ, а общая польза—двигателемъ корабля.—Такъ разсуждаютъ всѣ благонамѣренныя, а ихъ большинство!

30-го августа 1826 г.

Различные манифесты отъ 22-го числа появились только вчера и уже всѣ единогласно одобряютъ ихъ содержаніе. Вотъ нѣсколько общихъ замѣчаній по этому предмету.

Милости распредѣлены съ тонкою разборчивостью и большою щедростью: все въ нихъ изобильно, дышетъ могуществомъ и послѣдовательно. Ни одно сословіе, ни одна личность не забыты, и если не всѣ окажутся довольными, то останется только сказать, что и самому Спасителю многіе были неблагодарны!—Вступленіе и заключеніе великаго торжественнаго акта—трогаетъ до глубины души: каждая мысль—благодѣяніе, каждое желаніе—отческая заботливость. Дай Богъ только осуществиться этимъ желаніямъ и ожиданіямъ. Пусть наслаждается Россія счастьемъ, приготовляемымъ для нея ея царемъ, который, въ январѣ этого года, во время сильныхъ волненій, занятъ былъ составленіемъ акта, все опредѣляющаго, все предвидящаго, чтобы упрочить, на незыблемыхъ основаніяхъ, спокойствіе страны. Тотъ, кто дѣлалъ это въ такую пору, когда всякій другой думалъ бы только о настоящемъ,—конечно, стоитъ выше всякихъ похвалъ и по своему великодушію, и по высокому самоотверженію во всемъ, что касается личныхъ его интересовъ.

Но чтобы показать обратную сторону медали, нельзя умолчать и о слѣдующихъ замѣчаніяхъ:

Въ числѣ статей манифеста, имѣющихъ отношеніе къ финансовой части, нѣкоторыя помѣщены только для счету, такъ какъ отмѣна того или другаго налога не составляетъ особенной важности для общественнаго дѣла.

Что касается производства въ слѣдующій чинъ титулярныхъ

и коллежскихъ совѣтниковъ, то сдѣланное въ пользу ихъ исключеніе благопріятно лишь нѣкоторымъ изъ нихъ. Конечно, невозможно было, безъ значительныхъ затрудненій, повысить всѣхъ, безъ разбора; но развѣ нельзя было приискать какой нибудь предлога, чтобы устранить тѣ неудобства, которыя сопряжены съ точнымъ примѣненіемъ указа 6 августа 1809 года и которыя вредятъ и ходу дѣлъ, и пользѣ службы? Не смотря, однако-жъ, на это, указъ оставленъ во всей его силѣ, какъ будто можно найти такого феникса, который, прослужа пятнадцать лѣтъ, былъ бы въ состояніи выдержать требуемый закономъ экзаменъ? Правда, на это могутъ возразить, что съ 1809 года было довольно времени приготовить молодыхъ людей, бывшихъ тогда десятилѣтними дѣтьми, которыя теперь удовлетворяли бы поставленнымъ закономъ условіямъ; пусть такъ; но вѣдь эти молодые люди далеко не такъ хорошо знакомы съ дѣломъ, какъ устраненные старые дѣльцы, а въ томъ то и заключается весь вредъ для службы, что самыя лучшія намѣренія, самыя вѣрные расчеты, никогда не удаются, если выполненіе ихъ страдаетъ погрѣшностями. Не недостатки законовъ, а неправильное примѣненіе послѣднихъ вызывало и вызываетъ до сихъ поръ ошибки, злоупотребленія и лихоимство. Такимъ образомъ, улучшеніе настоящаго положенія дѣлъ зависитъ, несомнѣнно, отъ появленія, вновь, на сцену старыхъ служаекъ. Посадите по одному изъ нихъ въ каждое изъ судебныхъ учреждений и дайте имъ обезпеченное положеніе, и вы увидите, что относительно быстроты и правильности въ ходѣ дѣлъ, будетъ замѣтная переменна къ лучшему; между тѣмъ, какъ теперь все хромаетъ, все запаздываетъ, потому что большинству новыхъ чиновниковъ не достаетъ навыка и они часто грѣшатъ по незнанію дѣла. Надо предполагать, — замѣчаютъ нѣкоторые, — что все это не ускользнуло отъ проницательности государя; и потому можно надѣяться, что распоряженіе о примѣненіи указа 1809 года будетъ смягчено другою мѣрою, которою людямъ, употребляющимъ свои способности безъ прямой пользы для службы, давались бы средства къ этому, чего можно достигнуть, позволивъ имъ носить мундиръ, присвоенный правительственнымъ учреждениямъ. Къ этому прибавляютъ, что правительство въ короткое время нашло средство сдѣлать много хорошаго, не затрогивая старыхъ учреждений; ничто не можетъ быть благоразумнѣе этого

принципа, это подтверждается опытомъ прошлаго; наконецъ, всѣ матеріалы подготовлены и недостаетъ только строителя, чтобы воздвигнуть изъ нихъ цѣлое зданіе.

Нельзя было безъ волненія читать окончаніе манифеста, гдѣ государь въ трогательныхъ и сильныхъ выраженіяхъ высказываетъ желаніе упрочить общее благосостояніе развитіемъ всего, что полезно и хорошо.

Остается замѣтить, что манифестъ этотъ довершилъ все, что до сихъ поръ способствовало къ поддержанію благопріятнаго настроенія умовъ; такъ что теперь трудно было бы найти недовольныхъ или малодушныхъ, развѣ только захотѣтъ придирается къ пустякамъ. Каждому грѣшнику воздано по дѣламъ его. Впрочемъ, почти всѣ они возвратились уже въ свою овчарню, и если осталось еще нѣсколько пострадавшихъ личныхъ интересовъ, то гдѣ же возможность удовлетворить всѣхъ, особенно людей, ведущихъ неправильный образъ жизни и болтуновъ.

Вчера, во время службы въ лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ, были исполнены благодарственные гимны по случаю коронаціи. Проповѣди замѣчательны были и по умиленію проповѣдниковъ, и по удачному выбору темъ. Порядокъ, благопристойность и радость царствовали въ домѣ Господнемъ и несмѣтное число молящихся было глубоко тронуто. Кантата, написанная г. Вульффертомъ, секретаремъ лютеранскаго епископа, и положенная на музыку г. Белингомъ, была исполнена членами общества любителей пѣнія.

Относительно слуховъ и разговоровъ нѣтъ ничего, къ счастью, особеннаго. Всѣ кажутся довольными, за исключеніемъ нѣкоторыхъ вытянутыхъ лицъ изъ высшихъ классовъ, которыя находятъ, что не довольно получили при распредѣленіи милостей. Всѣ заняты пирами и общественными увеселеніями, такъ что трудно было бы услышать что-либо въ анти-правительственномъ смыслѣ. Купечество собирается дать костюмированный балъ, который, судя по приготовленіямъ, будетъ очень блестящъ. Графъ Шереметевъ также затѣваетъ большой фейерверкъ въ Новой Деревнѣ.

31 августа 1826 г.

Сообщенные мною, во вчерашнемъ письмѣ, отзывы о манифестѣ людей благомыслящихъ далеко не сходны съ сужденіями, высказываемыми, по этому предмету, нѣкоторыми болтунами и недовольными. Вотъ что говорятъ они:

— „Содержаніе манифеста блаженной памяти императрицы Екатерины II, обнародованнаго при вступленіи ея на престолъ, вовсе не похоже на манифестъ 22 августа. Въ немъ заключалось 104 статьи, большая часть которыхъ касалась отмены слишкомъ тягостныхъ налоговъ, между тѣмъ какъ теперь ограничились сложеніемъ нѣкоторыхъ денежныхъ взысканій. Кромѣ того, вслѣдствіе разныхъ льготъ, дарованныхъ крестьянамъ вообще, казенные крестьяне оказались въ гораздо лучшемъ положеніи, чѣмъ крѣпостные; предоставленныя же дѣтямъ лицъ духовнаго званія права при поступленіи въ военную службу, неизбѣжно должны нанести ущербъ дворянству, и безъ того уже лишенному прежняго значенія; вслѣдствіе этой мѣры столько разведется дворянъ, что многіе не захотятъ принадлежать къ этому, будто бы, униженному сословію“.

Находятъ также, что въ манифестѣ очень мало статей, которыя имѣли бы важное значеніе для общественнаго блага; такъ что, по мнѣнію этихъ критиковъ, иногда, впрочемъ, перемѣнчивому, — актъ этотъ, хотя, въ сущности, и благодѣтельный, — не носить, однако-жъ, на себѣ того характера щедрости, какой долженъ быть свойственъ императору-самодержцу всея Россіи.

Есть еще нѣсколько вельможъ — и родовыхъ и чиновныхъ, которые считаютъ себя недостаточно награжденными милостями, уже дарованными или обѣщанными.

Нѣсколько шелопаевъ, толкующихъ веривъ и вкось и выражающихъ очень смѣлыя мнѣнія, а также и другіе, сильно горячащіеся, чтобы можно было похвастаться тѣмъ страхомъ, какой они, будто-бы, внушаютъ, — то здѣсь, то тамъ, обращаютъ на себя вниманіе надзора. Это, впрочемъ, очень естественно и оживляетъ картину.

Къ счастью, ничего нѣтъ важнаго или тревожнаго въ приключеніяхъ и излишествахъ, неразлучныхъ съ общественными праз-

днествами, которыя, вообще, прошли безъ особеннаго шума и несчастныхъ случаевъ.

Баль-маскарадъ, даваемый правительствомъ, назначенъ сегодня вечеромъ, въ Таврическомъ дворцѣ. — Всѣ лѣса еще не ураны, въ ожиданіи иллюминаціи по пріѣздѣ государя, которымъ желаютъ видѣть и ждутъ съ нетерпѣніемъ. Одни увѣряютъ, что великій князь Константинъ Павловичъ пріѣдетъ сюда; другіе, напротивъ, говорятъ, что онъ уже выѣхалъ изъ Москвы въ Варшаву, намѣреваясь пробыть тамъ до весны и затѣмъ отправиться въ Швейцарію, гдѣ и поселиться окончательно.

Война съ Персіею не должна бы, говорятъ, тревожить правительство; она послужитъ къ развитію военныхъ способностей генерала Ермолова и поможетъ занять нѣкоторыя, слишкомъ покойныя головы, совсѣмъ лишнія во время порядка, мира и безопасности. По всей вѣроятности, война эта не будетъ имѣть другихъ результатовъ, такъ какъ можно положительно сказать, что русскіе не останутся въ Персіи и персы не побѣдятъ русскихъ. Карбонары, подстрекатели и злонамѣренные напрасно станутъ взывать къ духу безпорядковъ и смутъ, которые правительство старается искоренить всѣми имѣющимися въ его распоряженіи средствами.

1 сентября 1826 г.

Много толкуютъ о войнѣ съ Персіею. Вотъ нѣкоторыя изъ замѣчаній, которыя слышатся со всѣхъ сторонъ.

Положеніе генерала Ермолова затруднительно. Съ 60,000 человекъ онъ долженъ защищаться и съ сѣвера, и съ юга; что же у него остается, чтобы перейти въ наступленіе и отразить нападеніе непріятеля? На правомъ флангѣ у него лезгины, — племя, состоящее изъ 100,000 семействъ, въ которыхъ все мужское населеніе способно къ войнѣ. Давно слѣдовало бы отодвинуть этотъ народъ въ необъятныя степи, отдѣляющія тамбовскую губернію отъ пограничныхъ кавказскихъ линій; безъ этого, военная дорога между Моздокомъ и Тифлисомъ никогда не будетъ безопасна. — Въ оправданіе своего вторженія въ наши предѣлы, персидское правительство сослалось, говорятъ, на то, что всѣ русскія власти давали ему много поводовъ къ неудовольствію, — а это самое правительство превозносило до небесъ князя Мадатова, владѣнія ко-

тораго занимають чуть не всю Кабардинскую область, куда вступилъ непріятель, по оставленіи нашими войсками военной позиціи при Елисаветполѣ. Увѣряють, что корпусъ нашихъ войскъ перевезенъ былъ моремъ изъ Крыма въ Мингрелію, находящуюся подъ властью Россіи; но что переѣздъ этотъ совершенъ въ самое неблагоприятное для навигаціи время. Трудно расчитывать, чтобы войска, расположенныя на квартирахъ, успѣли въ время встрѣтить непріятели, у котораго, можетъ быть, не болѣе 15,000 челов., но который, за-то, силенъ поддержкой англичанъ и, въ особенности, поголовнымъ возстаніемъ всей массы поднявшихся провинцій. Положеніе генерала Ермолова тѣмъ болѣе затруднительно, что у него много враговъ, старающихся вредить ему всѣми возможными средствами. Въ числѣ линейныхъ войскъ дѣйствующей персидской арміи находятся четыре тысячи русскихъ дезертировъ, которые, конечно, будутъ драться отчаянно. Письма изъ Тифлиса отъ 26 іюля сообщаютъ, что всѣ средства были употреблены для того, чтобы скорѣе начать кампанію, но что до сихъ поръ этого не удалось осуществить.

Нѣкто Кастеласъ (Castelas), находящійся теперь здѣсь, играетъ роль оракула и рассказываетъ болѣшую часть приведенныхъ подробностей. Этотъ человѣкъ устроилъ подъ Тифлисомъ (гдѣ въ настоящее время живетъ жена его—русская) заведеніе для вывода шелковичныхъ червей. Личность эта на хорошемъ счету у генерала Ермолова и у всѣхъ мѣстныхъ властей. Очень вѣроятно, что источникъ его опасеній—боязнь раззоренія своихъ заведеній. Онъ говоритъ, что генераль Ермоловъ—единственный человѣкъ, и удивляется, что здѣсь находятся люди, распускающіе нелѣпыя слухи о мнимомъ превосходствѣ персовъ.

Разсужденія о манифестѣ продолжаются; его сильно осуждаютъ. Повелѣнія, изданныя съ цѣлью смягчить суровость законовъ относительно лицъ, осужденныхъ по приговору верховнаго уголовного суда, производятъ такое благоприятное впечатлѣніе, что даже недовольные должны сознаться, что великодушіе Государя превзошло всѣ ожиданія.

2 сентября 1826 г.

Разборомъ манифеста занимаются очень много и надзоръ считаетъ долгомъ сообщить о слѣдующихъ замѣчаніяхъ, высказываемыхъ по этому предмету.

— „Прежде всего, не слѣдовало начинать словами: „По примѣру нашихъ предшественниковъ, мы даруемъ прощенье лицамъ, виновнымъ въ растратѣ казеннаго имущества“, такъ какъ послѣ этого всѣ, кто вздумалъ бы подражать имъ, ничего другого не желалъ бы, какъ частой перемѣны царствованія. Правительство оказываетъ теперь снисхожденіе только однимъ казнокрадамъ и ничего не даетъ людямъ, отличавшимся безупречнымъ поведеніемъ. Государь, впрочемъ, не виноватъ въ этомъ: онъ не можетъ знать всѣхъ нужды своего народа. Докладъ по этому предмету поручено было составить министру финансовъ, и что-же онъ сдѣлалъ? Пятнадцать обширныхъ статей, съ тремя подраздѣленіями, которыя, какъ гора,—родили мышь! Всѣ милости относятся къ сложенію недоимокъ и денежныхъ штрафовъ, которые и безъ того нельзя было бы взыскать. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы помочь дѣйствительнымъ нуждамъ народа и облегчить положеніе бѣдствующихъ,—благодѣнія манифеста выпадаютъ на долю дурныхъ слугъ государства и, въ сущности, приносятъ пользу только этимъ послѣднимъ, да министру финансовъ, такъ какъ сложеніе взысканій съ людей несостоятельныхъ облегчаетъ работу министра, освобождая его отъ продолжительной процедуры, неимѣющей другаго результата, кромѣ бесполезнаго маранья бумаги. Министру не трудно было, поэтому, великодушничать, и онъ одинъ виноватъ въ томъ, что торжественный актъ коронованія не сдѣлался обильнымъ источникомъ благодѣній. И можно, и должно было обратить вниманіе правительства на предметы совсѣмъ другаго рода и особеннаго значенія. Такъ, между прочимъ, народъ и даже средніе классы населенія обѣихъ столицъ были бы проникнуты благодарностью, если бы имъ оказали милость и упразднили адресныя конторы. Учрежденія эти, совершенно бесполезныя въ политическомъ отношеніи, составляютъ истинное бремя для массы людей, подлежащихъ этому косвенному налогу, въ особенности тяжкому по тому способу, какимъ онъ взимается, и тому принужденію, какому подвергаются при этомъ плательщики. Кромѣ того, есть еще множество предметовъ, требующихъ измѣненія, какъ, напр., провѣрка производства рекрутскаго набора, преобразование судопроизводства по упрощеннымъ формамъ, поощреніе земледѣлія, посредствомъ распредѣленія казенныхъ земель, неприносящихъ теперь никакого дохода. Правда, правительство

имѣетъ всегда возможность принять необходимыя мѣры къ устраненію разныхъ недостатковъ, но это слѣдовало бы сдѣлать при коронаціи, такъ какъ моральное впечатлѣніе, произведенное подобными мѣропріятіями, было бы гораздо сильнѣе. Тогда какъ сравненіе манифеста съ тѣми, которые было обнародованы при началѣ двухъ предшествовавшихъ царствованій, далеко неудовлетворительно. Наконецъ говорятъ, что не отмѣняя указъ 1809 г., касающійся чинопроизводства, его можно бы измѣнить, повелѣвъ, чтобы экзаменъ чиновниковъ 8 и 5 класса касался исключительно знаній, приобрѣтенныхъ на службѣ; исполнить это было бы тѣмъ легче, что постановленія, появившіяся послѣ этого указа, воспрепятствуютъ преподаванію въ общественныхъ заведеніяхъ тѣхъ наукъ, которыя по своей сущности входятъ въ программу экзамена, который держатъ чиновники при производствѣ, такъ что эти же самыя постановленія, имѣющія силу закона, могли бы служить средствомъ, чтобы парализовать дѣйствія упомянутаго указа, который мѣшаетъ повышенію многихъ лицъ, могущихъ быть весьма полезными дѣятелями на службѣ“.

Вотъ мнѣнія, высказываемыя въ различныхъ формахъ, но не имѣющія никакого вліянія на общественное мнѣніе.

3-го сентября 1826 г.

Содержаніе манифеста все еще возбуждаетъ разные толки. Хотя разсужденія эти, по своему характеру, и не могутъ вліять на общественное мнѣніе, все же не слѣдуетъ обходить ихъ молчаніемъ: надзоръ долженъ все видѣть, все собирать и обо всемъ сообщать.

Дѣлаютъ сравненія между манифестами 1762, 1787 и 1797 годовъ и манифестомъ 22 августа 1826 года и находятъ, что послѣдній не удовлетворяетъ всеобщимъ ожиданіямъ и не заливаетъ язвъ государства. Говорятъ, что злоупотребленія, продажность и безнравственность возрасли, въ теченіи послѣднихъ пятнадцати лѣтъ, до такой степени, что разшатали основы всѣхъ классовъ общества, безъ исключенія. Все надо исправлять, все преобразовывать, а манифестомъ эта цѣль далеко не достигается, даже болѣе: власти будутъ поставлены въ затрудненіе, какимъ образомъ привести въ исполненіе нѣкоторыя изъ его статей. Въ

той, напимѣрь, статьѣ, въ которой говорится объ освобожденіи заключенныхъ за преступленія, не поименованныя въ первомъ пунктѣ, ничего не сказано о лицахъ, участь которыхъ была рѣшена до обнародованія манифеста, такъ что рождается вопросъ: распространяется ли дѣйствіе манифеста и на этихъ людей? Еще одно замѣчаніе: въ 1787 году, были сложены всѣ казенныя взысканія, не превышавшія 1000 рублей, что, считая наши бумажныя деньги по ихъ настоящей стоимости, составляетъ четверо болѣе теперешняго; манифестомъ же 22 августа прощаются лишь двухъ-тысячныя долги, т. е. только половина того, что было даровано въ 1787 году; между тѣмъ какъ въ то время правительство не испытало еще тѣхъ потрясеній, какимъ оно подвергалось нынѣ; поэтому, слѣдовало бы и теперь принять тогдашнюю норму.

Это только незначительная часть тѣхъ разсужденій, какія высказываются по поводу манифеста. Всѣ, впрочемъ, отдають полную справедливость отческимъ намѣреніямъ государя и всю вину относятъ къ составителямъ этого акта. Они обязаны были, замѣчаютъ, представить его величеству вѣрную картину настоящаго положенія дѣлъ и указать на средства для облегченія зла, ни о чемъ не умалчивая, такъ какъ это обязанность каждаго добраго слуги, который долженъ всѣмъ жертвовать общественному благу и съ величайшимъ вниманіемъ обдумывать, сравнивать и соображать мѣры, принимаемыя въ эпоху, въ которую необходимо дѣйствовать съ точностью и знаніемъ дѣла. Въ подобныхъ обстоятельствахъ все зависитъ отъ первыхъ впечатлѣній, и министръ, составляющій планы и предположенія, непременно долженъ соединять теорію съ умѣніемъ исполненія, ибо, въ противномъ случаѣ, лучшія намѣренія будутъ всегда парализованы или встрѣтятъ затрудненія.

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ

ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ

1827—1845 гг.

V¹⁾.

28 янв. 1837 г.

Благодарю. Я спѣшу къ сосѣду моему поэту Пушкину. Вчера раненъ онъ офицеромъ кав. полка Гекерномъ, своимъ beau-frère, смертельно, и вѣроятно сегодня Россія лишится великаго поэта (46).

Не пришлете ли и выписку изъ Archives du Royaume?

Примѣчаніе 46. Когда Тургеневъ подошелъ къ умирающему Пушкину, то онъ, по словамъ Жуковскаго, „посмотрѣлъ на него два раза пристально, пожалъ ему руку; казалось, хотѣлъ что то сказать, но махнулъ рукою и только промолвилъ: Карамзину!“ („Соч. В. А. Жуковскаго“. Изд. 7, 1878, VI, стр. 14). Извѣстно, что Тургеневъ, въ 1811 году, опредѣлилъ Пушкина въ лицей и ему пришлось провожать Пушкина до его послѣдняго жилища въ Святогорскомъ монастырѣ. „Тургеневъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій, „отправился третьяго дня вечеромъ съ тѣломъ Пушкина и съ жандармскимъ капитаномъ для погребенія въ монастырѣ Свѣтѣ Горы. Не до смѣха было, а нельзя намъ было воздержаться отъ смѣха, глядя на Тургенева и на сборы его дорожныя“ („Русс. Арх.“ 1879, стр. 247.)

Н. П. Барсуковъ.

VI.

Парижъ (17) 5 октября 1837 г.

Я нашелъ здѣсь члена археографической коммисіи Строева (47), который описалъ подробно и прекрасно тѣ русскія и славянскія рукописи, кои я третьяго года нашелъ въ здѣшней королевской би-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г., томъ XXXI (іюнь), стр. 187—206.

биотекѣ, но могъ только намекнуть о нихъ, ибо былъ занятъ извѣстною вамъ другою перепискою. Одна только рукопись русская—о Китаѣ—ускользнула его вниманія, но я укажу ему оную. Сверхъ того онъ самъ ѣздилъ въ Реймсъ, чтобы тамъ видѣть и описать то Славянское евангеліе, коего первую страницу, въ снимкѣ, сообщилъ я вамъ, вмѣстѣ съ описаніемъ и съ критическимъ разборомъ сего ошибочнаго снимка академикомъ Кругомъ. Г. Строевъ прекрасно описалъ сію рукопись, сообщилъ свои догадки о времени, коему принадлежитъ сія рукопись. Вѣроятно, археографическая коммисія напечатаетъ его письмо къ К. Ширинскому (или Шихматову); я бы желалъ, чтобы присемъ принято было во вниманіе и то, что Кругъ, по моему порученію, написалъ о сей рукописи; у него осталось много еще замѣчаній на оную. Можно вытребовать; все сіе заставляетъ меня жалѣть, что не въ археографическую коммисію сообщены и другія рукописи, мною доставленныя, а въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ все кладется въ длинный ящикъ. Не можете ли вы хлопотать, чтобы дѣятельность археографической коммисіи распространена была и на мои римскія и французскія рукописи? и чтобы скорѣе доведено было въ исполненіе высочайшее повелѣніе, кн. Ал. Ник. сообщенное въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ? Какъ то не охотно продолжать работу, когда и прежняя остановилась въ ходу своемъ. Вы и тамъ, и тутъ постарайтесь. Я еще не принялся здѣсь за старую работу, да еще нѣтъ у меня первыхъ собственноручныхъ записокъ моихъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ: или толстая тетрадь эта (вся моею рукою и вамъ извѣстная) осталась въ Петербургѣ, или мой негодяй камердинеръ затерялъ оную. Я писалъ къ Татаринову, чтобы скорѣе разсмотрѣлъ пакеты, неприсланные сюда изъ канцеляріи гр. Нессельроде и меня увѣдомилъ.

Что дѣлаетъ Борисъ Михайловичъ (Федоровъ)? Что дѣлаютъ и мои карамзинскія письма? все ли вы въ союзѣ съ Екат. Андр. и съ Софьей Никол.—возстааете противъ напечатанія оныхъ? все ли Уваровъ думаетъ, что рано еще для Россіи печатать письма Карамзина и давно пора быть ему Тушильникомъ-министромъ? (48).

Пожалуйста увѣдомьте меня о томъ, что дѣлается или не дѣлается по сообщенію К. А. Н. Гол. въ Министерствѣ Внутр. дѣлъ и Б. Мих. по изданію писемъ Карамзина. Пишите чрезъ наше посольство и дайте это письмо прочесть Б. М. Федорову. «Журнала Министерства Просвѣщенія» еще не получалъ здѣсь; перешлите новинки по вашему министерству и не забудьте, что мнѣ слѣдуетъ пожалованное число экземпляровъ актовъ арх. комм. Весь вашъ на вѣки. Тургеневъ.

Я ожидаю много важныхъ бумагъ изъ Рима, и получилъ уже четыре письма отъ Марини (49); авось и новое будетъ въ двухъ другихъ фольянтахъ: всего 117 актовъ.

Его Высокородію — Константину Михайловичу Сербиновичу: Въ С.-Петербургъ.

Примѣчанія. 47. Сергій Михайловичъ Строевъ, младшій братъ знаменитаго археографа нашего, въ маѣ 1837 года предпринялъ путешествіе въ Германію и Францію съ намѣреніемъ описать Кирилловскіе памятники, разсѣянные по бібліотекамъ. Плодомъ этого путешествія было «Описаніе памятниковъ Славяно-русской литературы, хранящихся въ публичныхъ бібліотекахъ Германіи и Франціи». Трудъ этотъ былъ изданъ уже по смерти автора П. М. Строевымъ въ Москвѣ 1841 г. (См. мою книгу „Жизнь и Труды П. М. Строева“, стр. 354—359). Отзывъ Тургенева служить, такъ сказать, опроверженіемъ того отзыва, который сдѣлалъ о С. М. Строевѣ Т. Н. Грановскій въ письмѣ своемъ къ В. В. Григорьеву (письмъ отъ 21 іюля 1839 года) „С. М. Строевъ уѣхалъ... У насъ враждебныя натуры. Въ шарлатанствѣ и невѣжествѣ его я убѣжденъ болѣе, чѣмъ когда либо. Я увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ станетъ пускать пыль въ глаза, чего здѣсь не смѣлъ дѣлать“ (Григорьевъ: „Т. Н. Грановскій до его профессорства въ Москвѣ“, II, стр. 46).

48. Рѣчь, вѣроятно, идетъ о тѣхъ письмахъ Карамзина къ брату его Василию Михайловичу и къ А. И. Тургеневу, выписки изъ которыхъ напечатаны только въ 1847 году въ „Московскомъ Сборникѣ“ на этотъ годъ. Въ примѣчаніи къ этимъ выпискамъ сказано, что они „доставлены однимъ Симбирскомъ, имѣвшимъ въ рукахъ оригинальныя письма“.

49. Начальникъ ватиканскаго тайнаго архива графъ Маріино Марини.

Н. П. Барсуковъ.

VII.

Парижъ. Марта (31) 19, 1838 г.

Передай Г. Сербиновичу два легкія замѣчанія мои на статью объ археографическомъ обществѣ, въ декабрѣ 1837 г. Журнала Мин. народнаго просвѣщенія — на стр. XXII въ концѣ:

1) Пари (Paris) бібліотекаръ Реймскій не всѣ акты, хранящіеся въ здѣшней королевской бібліотекѣ, на латинскомъ и французскомъ языкахъ, и относящіеся до Россійской исторіи, напечаталъ въ 1-й части своей книги: «Хроника Нестора», а только весьма незначительную часть оныхъ, хотя въ семъ числѣ есть и любопытныя акты. Въ бібліотекѣ осталось еще много другихъ актовъ, мною пересмотрѣнныхъ и отчасти уже переписанныхъ; нѣкоторые представлены уже мною Государю и переданы въ Министерство внутреннихъ дѣлъ; дру-

гіе недавно переписаны и я передамъ ихъ туда же, чрезъ кн. А. Н. Голицына. Я увѣренъ, что и сверхъ открытыхъ мною документовъ россійской и польской исторіи, найдутся еще и другіе, не менѣе важные въ отдѣленіи рукописей королевской бібліотеки. 2) Въ другомъ мѣстѣ этого же № Журнала Просвѣщенія, г. Строевъ говоритъ, что ему неизвѣстно на какомъ языкѣ или какими буквами писана вторая половина славянскаго евангелія въ Реймѣ, на коемъ присягали французскіе короли. Г. Пари привозилъ въ Парижъ, года за два, сіе евангеліе и мнѣ показывалъ оное. Я призналъ, при первомъ взглядѣ, буквы сіи глаголитическими и удостовѣрился въ семъ сличеніемъ оныхъ съ глаголитическими книгами, привезенными мною изъ Рима и Венеціи. Г. Строевъ превосходно описалъ сію рукопись и вообще письма его о здѣшнихъ славянскихъ рукописяхъ и о Реймскомъ евангеліи обогащаютъ славянскую палеографію. Впрочемъ и я уже доставилъ въ 1836 г., въ числѣ прочихъ пріобрѣтеній, снимокъ съ 1-й стр. Реймскаго евангелія, и присовокупилъ къ оному какъ неосновательныя и ошибочныя мнѣнія бібліотекаря Реймскаго Пари, такъ и критическія замѣчанія на оныя нашего академика Круга, составившаго полную записку о всѣхъ предположеніяхъ и историческихъ догадкахъ, относительно сей рукописи. Всѣ сіи бумаги представлены были мною чрезъ кн. А. Н. Голицына и препровождены въ Министерство Внутр. Дѣлъ, ихъ нужно бы сообразить съ письмами г. Строева: *du choc des opinions naîtra la lumière*.—Тургеневъ.

Кто авторъ статьи о Германіи (50), въ томъ же журналѣ просвѣщенія? на стр. 527 названъ: *Narrenschiff*:—корабль глупыхъ. *Die Narren sind selten dumm, aber sie sind nârrisch*.

Вы мнѣ прислали два экземпляра, вѣроятно ошибкой, декабря Журн. народн. просвѣщенія, а не одного января.

Примѣчаніе 50. Въ октябрьской и декабрьской книжкахъ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1837 г. помѣщена статья подъ заглавіемъ „Германія“: ея географія, торговля, языкъ, древнія постановленія, нынѣшнее устройство, исторія, общества для изученія исторіи, право, литература, поэзія, проза, философія, музыка, театръ, критика, медицина.

Н. П. Барсуковъ.

VIII.

Москва. Марта 9. 1840 г.

Благодарю васъ, любезнѣйшій, Константинъ Степановичъ, за письмо ваше отъ 5-го марта и за приложенія; вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ я и № ноябрь съ тремя тетрадами, а прежде здѣсь же сентябрь и октябрь, но декабрь и января я еще не получалъ; и потому прошу васъ приказать отправить оныя и впредь отправлять акуратнѣе. Это одинъ изъ лучшихъ нашихъ журналовъ, и точно лучший.

Кн. Шихматовъ обѣщалъ мнѣ также и какія-то медали, съ текстомъ, и копію съ какого-то представленія: послѣднее, вѣроятно, въ издаваемыхъ двухъ отчетахъ археографической комиссіи; но 6-ть экзempl. медалей (не гр. Толстаго, а какихъ-то другихъ) я не получалъ. Предъ моимъ отъѣздомъ все это уже было отпечатано, но еще не переплетено. Потрудитесь справиться. Я опять роюсь въ здѣшнемъ архивѣ и живу съ Екатериной II, Фридрихомъ II, Иосифомъ II, Генрихомъ Прусскимъ, Потемкинымъ, Безбородко, а еще какія сокровища! какая свѣжая и блистательная исторія! Безъ сего архива не возможно писать исторіи Екатерины, Россіи, Европы! Сколько въ немъ истинныхъ, сколько искреннихъ причинъ, и зародышей великихъ и важныхъ происшествій XVIII-го столѣтія. Какая честь для дѣльцовъ того времени и сколько апологій можно бы составить для важнѣйшихъ дипломатическихъ и историческихъ вопросовъ! Напр. о Польшѣ, о французской революціи. Я не знаю какъ могли съ этими матеріалами разстаться Петербургскіе дѣльцы, кои должны часто руководствоваться указаніями прошедшаго? На многое, если не на все, можно найти совѣтъ и вразумленіе въ дѣбатахъ Екатерины съ европейскими державами, въ совѣщаніяхъ ея съ Безбородко, Потемкинымъ, Румянцовымъ... И какой урокъ въ ея запискахъ для дѣлопроизводителей и для государственныхъ расходчиковъ! Какъ она дорожила казною, не смотря на свои слабости, между коими я не смѣю ставить славолюбія, ибо привыкаю въ немъ видѣть пользу Россіи. Хорошо бы прислать сюда депутатовъ отъ каждаго министерства, выписать все, что по каждому полезнаго находится въ сей народной сокровищницѣ.

Я ежедневно работаю тамъ отъ 10 до 4 часа; весною буду завѣзжать въ архивъ и послѣ обѣда. Одно воскресенье отнимаютъ у меня Воробьевскія горы—виды прелестные, но картина сущестственности печальная! (51).

Г. Мироновъ недавно навѣстилъ меня, и мы отъ сердца о васъ

поговорили; онъ цѣнить и слѣдовательно любить васъ какъ должно. Я показаль ему нашу домовую церковь, которая ему полюбилась; видѣлъ два раза и Ал. Карамзина и распросилъ его; но писать къ семейству исторіографа боюсь и приняться. Заговоришь о прошедшемъ, особливо о Екатеринѣ, коей онъ былъ біографомъ и забудешь комеражу настоящаго, а этого бы не простила мнѣ Софья Николаевна; да признаться, если бы не кругъ нѣсколькихъ литераторовъ, то въ настоящемъ здѣсь бы и недѣлю прожить трудно! Читали-ли «Кіевъ» Хомякова? вѣрно вамъ особенно понравится; но мнѣ не велѣно посылать въ Петербургъ, ибо онъ отданъ уже здѣсь моему Кипсечнику, а ваши журналисты печатаютъ и безъ дозволенія. Вѣроятно для васъ и для Бор. Мих. пришло «Кіевъ». — Благодаря Бор. Мих., какъ мною здѣсь все восхищались. Къ сожалѣнію оригиналы разочароваль ихъ.

Примѣчаніе 51. Когда А. И. Тургеневъ сошелъ съ служебнаго поприща, онъ, по свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „съ тѣмъ же усердіемъ, сдѣлался въ Москвѣ ходатаемъ, заступникомъ, попечителемъ несчастныхъ, пересылаемыхъ въ Сибирь. Острогъ и Воробьевы горы были театромъ его мирныхъ и человеколюбивыхъ подвиговъ, а иногда и скромныхъ, но благочестивыхъ побѣдъ, когда удавалось ему спасти или облегчить участь того или другаго несчастнаго. Смерть, такъ сказать, неожиданно застѣла его въ исполненіи усиленныхъ и добровольно принятыхъ имъ обязанностей“ („Русск. Арх.“ 1875, I, стр. 63).

Н. П. Барсуковъ.

IX.

Москва, 19 марта 1840 г.

Вчера получилъ я февраль Журналъ Просвѣщенія съ одною традикою, но декабря и января я еще не получалъ. (Ноябрь — получилъ здѣсь же). Постарайтесь пополнить.

Я все еще боленъ и не выѣзжаю съ суботы, когда писалъ къ вамъ. Болятъ глаза, теперь лучше, но много потерялъ времени, не занимаясь въ архивѣ.

Спросите у Бориса Михайловича, извѣстно, ли ему и Александру Семёновичу Шишкову брошюра Вельтмана о Ломоносова служебной дѣятельности, составленная изъ бумагъ у Орловой, урожденной Раевской? въ ней много характеристическаго, т. е. въ запискахъ Ломоносова, ибо Вельтманъ ничего не объяснилъ; напр. отношеній Ломоносова къ знаменитому, всей Германіи и моему наставнику, Шлецеру, коего Ломоносовъ называетъ «скотиной»! Орлова напечатала

нѣсколько экземпляровъ про себя: естли у него нѣтъ ихъ въ академіи, то я у ней выпрошу (52).

Не забудьте выхлопотать для меня все новонапечатанное въ археографической комисіи; и вотъ еще просьба: издатели «Отечественныхъ Записокъ» дають мнѣ экзempl. своего журнала; 1 № сего года я получилъ, но послѣдующихъ не получалъ. Они не знаютъ куда послать и сказали мнѣ, что я и въ Москвѣ могу получать продолженіе, но я забылъ спросить отъ кого? Понавѣдайтесь и спросите ихъ, къ кому мнѣ обратиться для полученія послѣдующихъ книжекъ?

Простите, писать трудно.

Изъ Рима пишетъ ко мнѣ Марини, что готовить для меня 30 документовъ Поссевина, изъ 3-хъ фоліантовъ, собственноручныхъ писемъ его (53), извлеченныхъ, а Поссевинъ—авторъ Уніи, коей вы Геростратъ! (54). Очень кстати. Читаете ли вы въ Аугсбургскихъ газетахъ все, что о васъ пишутъ? Заварили вы кашу для Рима: онъ и Кельнъ забылъ, и протестанты, по милости вашей, отдохнуть отъ выстрѣловъ ватиканскихъ.

Пожалуйста, не оставляйте меня въ тѣни и въ сѣни смертнѣй сидящаго, и оживляйте кой-какими литературными или служебными памфлетами: скоро-ли выйдетъ 4-й отчетъ Синода? Нѣтъ-ли чего новаго въ вашей кабинетной коробочкѣ для моего прочтенія?

Попросите и Бор. Михайловича, что бы написалъ ко мнѣ о его литературной дѣятельности и о явленіяхъ въ Петербургской литературѣ.

Примѣчанія. 52. „Портфель служебной дѣятельности“ Ломоносова и „Портфель Ломоносова“ помѣщены Вельтмапомъ во 2 п 5 книгѣ „Очерковъ Россіи“ 1840 и 1842 г., изданныхъ въ Москвѣ Вадимомъ Пассекомъ.

53. Антоній Поссевинъ (р. 1534 † 1611) въ качествѣ папскаго посла два раза, въ 1581—1582, былъ въ Россіи. Главною цѣлію посольства Поссевина было склонить Россію на принятіе католичества.

54. Соединеніе уніатовъ съ православною церковью совершилось въ 1839 году.—Въ октябрѣ 1836 года К. С. Сербиновичъ былъ опредѣленъ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода и въ этой должности принималъ участіе въ дѣлѣ воссоединенія уніатовъ.

Н. П. Барсуковъ.

X.

Москва, 1840 г. марта 27.

Письмо ваше, почтеннѣйшій Константинъ Степановичъ, отъ 22 марта вчера получилъ и спѣшу исполнить желаніе ваше и князя П. А. Шихматова, препровождая полную копію, съ черноваго, но собственноручнаго письма императрицы Екатерины II къ королю Шведскому, отъ 24 августа 1783 г. Оно списано точно такъ, какъ оно въ оригиналѣ, не исключая и ошибокъ въ правописаніи. По моему мнѣнію, рукопись, о коей императрица упоминаетъ, должна быть, Кошихина. Надобно справиться: 1) Кто сей академикъ, коего она отправляла съ симъ порученіемъ въ Швецію? 2) гдѣ находится реэстръ книгамъ и рукописямъ, доставленный королемъ Шведскимъ императрицѣ? 3) Какой Хроники экземпляры сожжены въ Швеціи? 4) Палеографическія объясненія Екатерины не относятся, кажется, къ Кошихинской рукописи, но къ хроникѣ (55). 5) Нужно спросить Соловьева (56) нѣтъ ли другой какой-либо русской хроники въ Упсалѣ, кромѣ Кошихинской рукописи. Помнится мнѣ, что я еще что-то видѣлъ русское и записалъ въ свои памятные записки, осматривая Упсальскую бібліотеку. Императрица именно говоритъ: «à celui que j'enverrai à Upsal pour copier le manuscrit russe» — а другой русской рукописи, исторической, я не помню. Постараюсь отыскать въ письмахъ короля Шведскаго письмо его о семъ предметѣ къ императрицѣ и къ вамъ доставить.

Дабы публика знала, что я не по пустому живу въ Москвѣ, упомяните, что сіи письма мною отысканы.

Во всякомъ случаѣ возвратите мнѣ мою копію, ибо я не имѣю другой, и переписывать самому трудно. Извините и это маранье: глаза все еще слабы.

Я просилъ вчера же у Хомякова «Кіевъ», но онъ уже отдалъ его какому-то Кіевскому журналисту и весьма сожалѣетъ, что не можетъ располагать сею піесяю (57). Постараюсь выпросить что-либо другое, достойное вашего журнала.

Постараюсь также сообщить вамъ выписки или впечатлѣнія, во мнѣ произведенныя здѣшними сокровищами, Прежде это было бы легче, но теперь едва читать могу, и только указываю другимъ на любопытное, — не дочитывая всего, по слабости глазъ.

Благодарю за сообщеніе о Жуковскомъ. Я провелъ вчера утро въ Архивѣ, а вечеромъ въ Историческомъ обществѣ, въ Московскомъ университетѣ и полонъ всѣмъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ (58). Какъ

еще соберусь съ силами, напишу къ вамъ или къ князю А. Н. о рукописи съ рисунками, объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Надобно непременно издать оную, прежде нежели червь и время пожрутъ ее. Кремль нигдѣ такъ вѣрно не представленъ, какъ въ сихъ 21 рисункахъ: костюмы, церкви и внутренность оныхъ. Государь и наслѣдникъ видѣли и оцѣнили сію рукопись въ 1837 г. Это сокровище публикѣ не извѣстно. Я напишу о немъ подробно, и надѣюсь, что не откажутъ шести или семи тысячъ на напечатаніе и на гравированіе, за которое берется знаменитый Скотниковъ (59).

Присылайте что у васъ найдется подъ рукою: я живу здѣсь одними историческими воспоминаніями. Не забудьте упомянуть въ предисловіи къ Кошихину ¹⁾, что и я нашелъ ее и представлялъ государю о напечатаніи и о высочайшей резолюціи, и что я впрочемъ сослался на Соловьева, дабы онъ не думалъ, что я хотѣлъ предвѣрить его, а дабы зналъ, что потаскная жизнь моя, отъ юга до сѣвера, не безъ пользы для исторіи и литературы. Я дорожу этимъ.

Весь вашъ навсегда А. Тургеневъ.

Вѣроятно, вамъ сообщаютъ о занятіяхъ Историческаго общества; вчера Даниловичъ (60) читалъ о золотыхъ воротахъ Кіевскихъ и представилъ рисунокъ съ нихъ, какъ они были въ XVII-мъ столѣтіи, при взятіи Кіева поляками.

Вотъ новая просьба: Розенкампфъ (61) издалъ Кормчую книгу, 8^о. Теперь Анастасевичъ (62), бывший мой сослуживецъ по Комисіи Законовъ, издалъ второе изданіе оной, 4^о, съ пополненіями, на счетъ суммы, завѣщанной покойнымъ митрополитомъ Евгеніемъ (63), но только въ числѣ ста экземпляровъ—и для историческихъ обществъ, для любителей и для пріятелей митрополита. Онъ имъ и разсылаетъ сіи экземпляры. Я, въ свое время, многое сообщилъ Розенкампфу, также моему сослуживцу, у коего и рѣдкія книги мои остались, (напр. Штеркена *de jure Sveonum gothorumque vetusto*); хотя я въ послѣднее время и чуждался митрополита Евгенія, но нѣкогда мы были въ сношеніи, не только по дѣламъ, но и по исторіи; я сообщалъ ему Шлецера и о Шлецерѣ, онъ мнѣ—свои сочиненія: не въ правѣ-ли я и теперь надѣяться, что г. издатель втораго изданія «Кормчей» книги сообщитъ мнѣ экземпляръ, естли не лично для меня, то для парижскихъ или нѣмецкихъ ученыхъ, изъ коихъ мнѣ знакомы и такіе, кои нынѣ занимаются греко-россійскими церковными древностями? Сообщите г. Анастасевичу выписку изъ сего

¹⁾ См. Прилѣч. 56.

письма и мнѣ отвѣтъ его. Да не издали-ли чего другаго послѣ Евгения, изъ бумагъ его?

Примѣчанія. 55. Въ 1783 году состоялось въ Фридрихсгамѣ свиданіе импер. Екатерины съ королемъ Шведскимъ Густавомъ III. Послѣ этого свиданія, Густавъ III прислалъ Екатеринѣ коллекцію роскошно переплетенныхъ шведскихъ книгъ съ писаннымъ его собственной рукой реестромъ ихъ и краткимъ объясненіемъ содержанія каждой книги. Этотъ подарокъ и былъ поводомъ письма Екатерины отъ 24 Августа 1783 года. Книги и реестръ были сланы императрицею въ бібліотеку академіи наукъ, гдѣ они и донынѣ хранятся. „Екатерина“, пишетъ Я. К. Гротъ „повелѣла уже послать въ Упсалу канцелярскаго служителя для переписки слово отъ слова російскаго лѣтописца“; было ли это исполнено, или нѣтъ, мы не знаемъ. Въ письмѣ отъ 24 Августа 1783 года Екатерина писала Густаву: „То, что вы мнѣ рассказываете, любезный братъ, объ этой хроникѣ, которой экземпляры были сожжены, подаетъ мнѣ поводъ думать, что это одна изъ тѣхъ рукописей, которыя хранились въ домахъ и служили источникомъ ябеды и ссоръ между частными лицами, такъ что, для прекращенія такихъ тяжбъ, согласились всѣ эти книги сжечь въ одинъ день, а сохранившіяся считать недействительными. Отъ этого пожара спаслись тысячи списковъ, но этимъ не уменьшается ихъ интересъ. Древность ихъ познается по извѣстнымъ буквамъ, которыхъ уже не употребляли послѣ XIV-го столѣтія“. (Гротъ. „Екатерина и Густавъ III“ „Сборн. отд. русск. из. и слов.“ Т. XVIII. № 1, стр. 48—49).

56. Профессоръ Гельсингфорскаго университета Соловьевъ, путешествуя на собственный счетъ по Швеціи, въ 1837 году, довелъ до свѣдѣнія археографической комиссіи, что въ шведскихъ бібліотекахъ и архивахъ находится множество рукописей, служащихъ къ объясненію русской исторіи. Археографическая комиссія доставила ему средство къ продолженію этого путешествія. Въ Стокгольмскомъ архивѣ хранилась рукопись, въ шведскомъ переводѣ, содержащая въ себѣ описаніе Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, сочиненная бѣжавшимъ за границу подъячимъ посольскаго приказа Кошихинымъ, а въ Упсальскомъ университетѣ нашелся и русскій подлинникъ этого сочиненія. На эту рукопись Соловьевъ обратилъ вниманіе археографической комиссіи, которая ее и издала дважды (въ 1840 и 1859). Печатаемое письмо отерываетъ, что на этотъ драгоценный памятникъ гораздо ранѣ Соловьева указалъ А. И. Тургеневъ; но въ предисловіи къ изданію Кошихина объ этомъ не упомянуто. Тогдашній дѣлецъ археографической комиссіи Я. И. Березниковъ, въ письмѣ своемъ къ П. М. Строеву, дѣлаетъ о Соловьевѣ довольно рѣзкій отзывъ: „ѣзъ вамъ въ Москву ѣдетъ путешествующій по Швеціи археографъ. Онъ читаетъ столбцы по складамъ, какъ Митрофанушка читалъ „азъ емь червь“, а мыслить о себѣ высоко. Существо въ родѣ вашихъ... съ „высшими оригинальными взглядами“ („Жизнь и труды П. М. Строева“, стр. 328).

57. Этотъ „какой то кievскій журналистъ“, есть ни кто другой какъ другъ А. С. Хомякова М. А. Максимовичъ. Въ 1840 году Иннокентій писалъ Максимовичу: „Весьма жаль мнѣ вашего и нашего Кіева. Тутъ право нельзя не поговѣвать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ! Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благаго“. Максимовичъ

даетъ намъ слѣдующій комментарий на эти строки: „Мнѣ должно пояснить великое сожалѣніе Иннокентія о Кіевѣ. Оно относится къ знаменитому стихотворенію Хомякова. Когда въ 1839 году я предпринялъ изданіе „Кіевлянина“, о чемъ и написалъ къ Алексѣю Степановичу. Но присланный имъ „Кіевъ“ не былъ пропущенъ въ первой книгѣ „Кіевлянина“, а князь Давыдовъ затормозилъ его даже и во второй книгѣ. Мнѣ и теперь грустно вспомнить, подъ какою цензурою тяготно печатались тѣ двѣ книжки моего „Кіевлянина“... А вотъ что писалъ Хомяковъ—Максимовичу, (отъ 24 ноября 1839 года): „Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе „Кіевлянина“, которое вамъ избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отзывать русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями. Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала. Желаю, чтобы полученіе этой піесы было вамъ хотя вполонну такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посылать ее“. („Письма о Кіевѣ“, стр. 15—16).

58. Засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ 26 Марта 1840 происходило подъ предсѣдательствомъ А. Д. Черткова, и въ присутствіи, членовъ: А. И. Тургенева, И. М. Снегирева, А. Т. Ярославова, П. А. Муханова, князя М. А. Оболенскаго, П. И. Иванова, И. Н. Даниловича, В. Д. Олсуфьева и секретаря М. П. Погодина. Кромѣ Даниловича въ этомъ засѣданіи читали: Погодинъ: о происхожденіи русскаго государства, Чертковъ: о болгарскомъ переводѣ летописи Манасіи. („Русск. истор. сборникъ“, VI, 1843 г., протоколы).

59. Это желаніе А. И. Тургенева исполнилось не ранѣе 1856 года. Совершителемъ его былъ князь М. А. Оболенскій, который издалъ эту драгоценную рукопись, хранящуюся въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ подъ № 10. Въ посвятельномъ письмѣ князя къ Государю Императору, мы между прочимъ читаемъ: „По повелѣнію въ Возѣ почившаго Родителя Вашего, Государя Императора Николая Павловича, комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ приступила къ изданію одного изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ нашей старины—описанія избранія и вѣнчанія на царство предка Вашего Величества, перваго царя изъ Дома Романовыхъ, Михаила Ѳеодоровича... Трудность изданія, требовавшая содѣйствія художниковъ, не позволила окончить его при жизни Родителя Вашего. Но комиссія печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, осчастливленная дозволеніемъ посвятить свой трудъ Высокому Имени Вашего Величества, употребила всевозможныя усилія, чтобы окончить это изданіе и поднести его Вашему Императорскому Величеству ко дню священнѣйшаго вѣнчанія Вашего на царство.“

60. Игнатій Николаевичъ Даниловичъ (р. 1739†1843). Какъ профессоръ права онъ служилъ въ четырехъ университетахъ: въ Виленскомъ, Харьковскомъ, Кіевскомъ и, наконецъ, въ Московскомъ.

61. „Обозрѣніе кормчей книги въ историческомъ видѣ“. Первое изданіе было сдѣлано въ 1829 въ Москвѣ обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Изслѣдованіе посвящено памяти покойнаго государственнаго канцлера

графа Н. П. Румянцова.—Въ запискахъ В. С. Печерина мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о баронѣ Розенкампфѣ. „Гдѣ то, кажется на Садовой,“ пишетъ Печеринъ, „былъ большой деревянный домъ довольно ветхой наружности. Тутъ жилъ баронъ Розенкампфъ. Каждое утро, онъ являлся въ его кабинетъ и садился за свою работу.“ Барону нужно было разобрать и частію переписать греческую рукопись Помоканона. „Это была прекрасная рукопись изъ императорской публичной бібліотеки X-го или XI вѣка. Сколько я надъ нею промечталъ! Я воображалъ себѣ бѣднаго Византійскаго монаха въ черной рясѣ,—съ какимъ усердіемъ онъ выполнялъ и разграфилъ этотъ пергаментъ! Съ какою любовью онъ рисуетъ эти строки и буквы. А между тѣмъ вокругъ него кипитъ жизнь Византіи, а онъ, труженникъ, сидитъ да пишетъ“. Прошелъ годъ или два, баронъ окончилъ „кормчую книгу“ и потомъ, какъ добрый работникъ,

Кончивъ тяжкую работу,
Многотрудной жизни сей,

онъ слегъ отдохнуть, захворалъ, и отошелъ на покой. Я проводилъ его на Невское кладбище. Повѣрите ли? Въ домъ не нашлось ста бумажныхъ рублей для его похоронъ“ („Русск. Арх.“ 1870, стр. 1334, 1335, 1339).

62. Василій Григорьевичъ Анастасевичъ (род. 1775†1845). О немъ находятся любопытныя свѣдѣнія въ „Запискахъ“ Сахарова. („Русск. Арх.“ 1873, стр. 965—966; 970—974). По свидѣтельству Сахарова—онъ жилъ „цѣпникомъ, въ бѣдномъ положеніи, а послѣ смерти открылось сорокъ тысячъ ассигнацій“ (стр. 965).

63. Кіевскій митрополитъ Евгеній скончался въ 1837 году. Охлажденіе Тургенева къ митрополиту произошло вѣроятно отъ того, что митрополитъ, будучи въ Петербургѣ, когда умеръ Карамзинъ, не выѣхалъ въ Невскую лавру на его погребеніе. „Инымъ казалось странно“, писалъ Сербиновичъ, „что не отпѣваетъ его кіевскій митрополитъ Евгеній, извѣстный своими историческими трудами“ (Погодинъ. „Н. М. Карамзинъ“. М. 1866, II, стр. 503).

Н. П. Барсуковъ.

XI.

Востоковъ взялся написать предисловіе къ изданію «Римскихъ рукописей» и показалъ мнѣ первый проэктъ онаго: я нашелъ его не только недостаточнымъ, но слишкомъ на-скоро и сухо написаннымъ и просилъ передѣлать; сообщилъ ему всѣ бумаги, изъ коихъ онъ могъ почерпнуть свѣдѣнія о трудахъ и походахъ и пріобрѣтеніяхъ моихъ, и онъ обѣщалъ пополнить, и вчера было у насъ снова свиданіе въ библиотекѣ и чтеніе. Вотъ новый проэктъ его, который я, скрѣпя языкъ и сердце, одобрилъ; онъ вчера же на-скоро набросалъ его на бумагу и далъ мнѣ прочесть его: дѣлать было нечего. Я замѣчаю, что онъ не прочелъ доставленныхъ ему писемъ и отчетовъ моихъ: на что говорить въ самомъ началѣ, — что ему поручено по распоряженію археографической Коммисіи?

Надобно познакомить Россію и Европу, до коей рано или поздно дойдетъ сія коллекція—съ ходомъ дѣла сего, со всѣми пріобрѣтеніями, съ трудами пріобрѣтателя; не хвалить его сухо, а сказать пространнѣе, что и какъ дѣлалось, дать понятіе объ этомъ сборникѣ. Изъ бумагъ моихъ, кои я взялъ отъ него, все это видно; да и редакция не чистая; это не журнальная статейка, а предисловіе къ большому изданію. Прочтите его проэктъ и скажите ему ваше мнѣніе; мнѣ уже совѣстно говорить съ нимъ, да и нѣтъ досуга. Я ѣду въ четвергъ въ чужіе края, въ среду ввечеру увижу князя А. Н. и желалъ бы узнать отвѣтъ его. Могу еще сообщить нужныя бумаги для предисловія болѣе полнаго: но съ тѣмъ, чтобы въ четвергъ рано мнѣ онъ возвращены были.

Я ожидалъ болѣе рвенія къ дѣлу сему въ Востоковѣ; плоха надежда на будущее. Все таки набросано: о дѣлѣ мало, хотя выписки изъ актовъ у него были и всѣ мои письма.

Возвратите сами ему проэктъ его; Константинъ Степановичъ иначе бы исполнилъ это, а мнѣ бы копію съ онаго?

Ожидаю вашего отзыва (64).

Примѣчаніе 64. Въ 1841 году археографическая коммисія издала 1-й томъ «зѣтовъ историческихъ, относящихся къ Россіи, извлеченныхъ изъ иностранныхъ архивовъ и библиотекъ Д. Ст. Сов. А. И. Тургеневымъ». Печатаніе производилось подъ наблюденіемъ знаменитаго Востокова. Въ 1842 году вышелъ 2-й томъ этого изданія. Объ этомъ трудѣ Востокова мы находимъ также

весьма рѣзкій отзывъ въ письмахъ Я. И. Вередникова: „Вы не повѣрите, что за народъ наши русскіе (прославленные) антикваріи; напримѣръ, Востоковъ, котораго нѣмцы и чехи называютъ гелебртеромъ (Gelehrter Russe exclusive). Какъ онъ испортилъ (до невѣроятности) изданіе иностранныхъ актовъ, которые издавать гораздо легче славянскихъ! Что если бы его допустить до изданія лѣтописей и грамотъ? Вы не вѣрите. Приѣзжайте, представлю улику на лицо. Я самъ дивлюсь и недоумѣваю“ („Жизнь и труды П. М. Строева“, стр. 275).

Н. П. Барсуковъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

АКАДЕМИКА-ГРАВЕРА НА МЪДИ

ИВАНА ПЕТРОВИЧА ПОЖАЛОСТИНА.

IX.¹⁾

Первая поездка на родину. — Свиданіе съ женою. — Ея переселеніе въ Рязань. — Семейство священника Лосева. — Крайность. — Помощь Н. А. Замятинна.

Это было въ каникулярное время 1859 года; Иорданъ случайно зашелъ въ нашу комнату.

— Ваше высокородіе, началъ я (мы его такъ называли)... Ваше высокородіе!...

И чувствую, не смотря на жаркое время, что меня бросаетъ въ холодный потъ; въ глазахъ все вертится и кажется, что потолокъ мнѣ на голову валится.

— Что, что такое? спросилъ Иорданъ.

— Позвольте мнѣ съѣздить на родину, въ Рязань...

— Что тебѣ тамъ дѣлать?

— У меня тамъ жена...

— Какъ! вспыхнулъ Федоръ Ивановичъ—такъ ты женатъ?!

Тутъ онъ, видимо разсерженный, быстро вышелъ изъ комнаты; я остался недвижно, какъ окаменѣлый: въ эти роковыя минуты рѣшалась моя участь: прахомъ пойдутъ и мои безустанные труды, и успѣхи, которымъ я такъ радовался, и надежды на будущее...

¹⁾ См. „Русская Стар.“ изд. 1881 г., т. XXXI (августъ), стр. 569—599; т. XXXII, (сентябрь), стр. 111—136.

Дверь скрипнула, вошелъ Иорданъ—и я, по ласковому выраженію его лица, понялъ, что наше еще не пропало.

— Успокойся, сказалъ мнѣ кротко Ѳеодоръ Ивановичъ—не ты первый, не ты послѣдній. У насъ въ академіи бывали слухи, что въ числѣ учениковъ находились женатые люди. Тебѣ вдвойнѣ честь, что ты достигъ своей цѣли: ты занимаешься прилежно и заслужилъ справедливое одобреніе твоего начальства...

Получивъ отъ Иордана на дорогу 19 рублей, я отправился на родину, въ началѣ іюня. Ефимовъ, у котораго въ Рязани была мать, не захотѣлъ ѣхать со мною; остался затѣмъ, чтобы догнать меня по занятіямъ рисованіемъ. До Москвы я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, а до Рязани на долгихъ. Помню, что на первой, или на второй половинѣ дороги, у меня украли около десяти рублей... Гдѣ тонко тамъ и рвется!

Въ Солотчи я пріѣхалъ ночью. У насъ тамъ было двѣ связи (избы): одну отдавали въ наймы хозяину постоялаго двора, а въ другой жили сами женины родные. Взявъ въ Рязани у знакомаго писаря лошадей, я съ шикомъ столичнаго жителя подвятилъ къ постоялому двору. Хозяйка высунулась изъ окна.

— Есть горницы? спросилъ я.

— Есть, батюшка, есть! отвѣчала она, торопливо отворяя дверь.

Вошелъ я, и она пристально въ меня всматривается и прислушивается къ голосу ей знакомому, но изъ лица я значительно перемѣнился.

Попросивъ ее дать мнѣ поѣсть—по не имѣнію чего другаго, хоть молока, я прісѣлъ къ столу, на который хозяйка поставила и свѣчку. А сама глазъ съ меня не спускаетъ; наконецъ спросила:

— Да не вы-ли Иванъ Петровичъ будете?

— Я самый и есть. И васъ сразу узналъ!

— А васъ, такъ трудно признать, таково вы измѣнились.

Ладно, (подумалъ я), дай-же, на радостяхъ, разыграть комедію.

— Что-же, говоритъ хозяйка, вы къ своимъ то не поѣхали?

— Да беспокоить ихъ, ночью, не хочется...

Ушла хозяйка за молокомъ, но—Еввина внучка! не стерпѣла и поспѣшила порадовать мою жену вѣсточкой о неожиданномъ го-

ствѣ. Жена спала въ холодной избѣ—(въ которой насъ морозили въ первый годъ свадьбы, словно въ „ледяномъ домѣ“): хозяйка едва достучалась къ ней, разбудила... Возвращается ко мнѣ и хвастаетъ: „я-де, сказала Евфросинѣ Алексѣевнѣ.“ — Напрасно беспокоились, говорю. Жена, подойдя подѣ окно, посмотрѣла на меня и, войдя въ сѣни, говоритъ хозяйкѣ: „обманываешь ты меня, это не мужъ“... Та ее въ горницу тащитъ. Слышу я ихъ возню; наконецъ, дверь отворилась и хозяйка вводитъ жену въ горницу.

— Здравствуйте, (говорю) Евфросинѣ Алексѣевнѣ—и поцѣловалъ ее, а потомъ, нахмурясь, буркнулъ сурово: такъ-то ты, сударыня, со всякимъ проѣзжимъ цѣлуешься? Погоди-же, я мужу скажу!

Какъ бросится она бѣжать отъ меня; едва, едва удержалъ:

— Что ты, Фрося, вѣдь это я-же и есть! Какъ-же это ты меня не узнала?

Не мудрено было не узнать: за полтора года я порядкомъ измѣнился и возмужалъ; вѣнчался—совершеннымъ мальчишкой, а теперь былъ усащъ, да и коротенькій пиджакъ щегольского покроя придавалъ мнѣ видъ не то—городскаго франта, не то—стригулиста.

Тотчасъ-же мы пошли къ нашимъ. Катю, дочурку мою, я нашелъ спящею на полу, вмѣстѣ съ дѣдомъ. Дѣвочка милая, бѣленькая... Я въ первые-же дни съ нея портретъ срисовалъ. Было о чемъ побесѣдовать намъ съ женою. Поразказала она мнѣ, какъ ее родные притѣсняють, какъ горько ей жить... Да и безъ рассказовъ вижу, что, за это время, моя бѣдняжка не мало слезъ пролила и замѣтно очень измѣнилась, поблѣднѣла. Главнымъ ея гонителемъ былъ отецъ; мать—та была все-же добрѣе и ласковѣе. Дѣло въ томъ, что кромѣ жены моей были у нихъ еще другія дочери; одна тоже за-мужъ вышла и старики прочили взять ее съ мужемъ къ себѣ въ домъ, а Фросю съ дочкой—вытѣснить.

— Да какъ-же такъ? говорю я. По нашему духовному условію домъ переданъ мнѣ съ тобою... Есть-же съ него доходъ?

— Никакого дохода мнѣ не даютъ, сказала жена, да и отъ тебя ничего не получаю!

Да, это все такъ... Жить у отца—невозможно и надобно что нибудь придумать. Въ этомъ затрудненіи я обратился къ Н. А. Замятину, прося его о содѣйствіи. Онъ рѣшилъ выхлопотать о помѣ-

щеніи жены моей, въ качествѣ экономки, въ то самое сиропитальное училище, въ которомъ я воспитывался въ Рязани. За это доброе предложеніе я ухватился, какъ утопающій за соломенку—и пришлось намъ совершить путешествіе изъ земли халдейской въ землю ханаанскую—изъ Солотчи въ Рязань, отъ родныхъ лиходѣевъ къ чужимъ добрымъ людямъ.

И вотъ—положилъ я въ нанятую телѣгу кой-что изъ своего добра, усадилъ жену съ Катей, а самъ побрелъ рядомъ, пѣшкомъ, подгоняя понурую кляченку. Привезъ мою семью въ пріютъ, гдѣ женѣ отвели комнатку, въ которой, въ мое время, помещался нашъ дядька. Черезъ сѣни жилъ семейный священникъ о. Петръ Леонтьевичъ Лосевъ. Здѣсь жизнь жены была, сравнительно, хороша и спокойна; могла-бы быть еще лучше, еслибы жена не была такъ кротка, безотвѣтна и въ горѣ своемъ застѣнчива, такъ сказать—стыдлива: она привыкла страдать молча, не докучая никому ни просьбами, ни жалобами. Катя, дочь наша, большую часть дня проводила въ семействѣ Лосевыхъ, за что жена журила ее изъ боязни, чтобы она не надоѣдала имъ. Но ребенокъ до того привыкъ къ этимъ добрымъ, милымъ людямъ, что бывало, не смотря на запрещеніе—въ окно выпрыгнетъ и урвется къ нимъ. Съ своей стороны Лосевъ и жена его уговорили мою Фросю не удерживать Катю и отпускать ее къ нимъ, когда только ей вздумается. Въ пріютѣ жена моя прожила съ небольшимъ годъ; я-же провелъ съ нею, изъ шести недѣль моего отпуска, лишь нѣсколько дней въ Рязани, и хотя проживалъ въ Солотчахъ, но тамъ не къ кому мнѣ было ходить. Отношенія родныхъ были далеко не ласковы, а изъ чужихъ я ни съ кѣмъ не знакомился... не по глупой какой гордости, нѣтъ! а сами тамошніе жители какъ будто чуждались меня и особенно ни мною, ни ученіемъ моимъ въ академіи не интересовались.

Пришло время моего возвращенія въ Петербургъ—а выѣхать было не съ чѣмъ. Сказалъ я объ этомъ женѣ и она молча отдала мнѣ свои послѣдніе четыре рубля, мною-же ей оставленные полтора года тому назадъ при первомъ моемъ отъѣздѣ изъ Солотчи... Дала еще теща золотой полуимперіаль—крупницу изъ дѣдушкинаго наслѣдства: предстояло мнѣ ѣхать на послѣдній ломоть хлѣба, отнятый у жены и дочери, и на золото богатого сирота... все жертвы, жертвы; а спросилъ-бы я судьбу свою, даже и

теперь: когда-же онѣ искупятся? Пошелъ я къ Н. А. Замятнину проститься и поблагодарить за молодостивое вниманіе ко мнѣ и къ несчастной моей семьѣ. Спросивъ у меня, есть-ли деньги? этотъ добрый мой покровитель далъ мнѣ 16 рублей. Это было для меня божіею благодатью! Возвративъ женѣ ея четыре рубля, довольный тѣмъ, что нужда не довела меня до такой жестокой крайности, я отправился въ обратный путь въ Петербургъ, конечно, успокоенный на счетъ участи жены и дочери, съ отдаленною надеждою болѣе радостнаго свиданія, съ заботою о возможномъ приращеніи семейства... Жену мою оставилъ я беременною.

X.

Жизнь на вольной квартирѣ. — Письмо Андреева. — Устройство семейныхъ дѣлъ. — Участіе О. И. Иордана. — Полученіе большой серебряной медали. — Николай Ивановичъ Утеинъ. — Его смерть. — Слухи о преобразованіяхъ въ академіи. — Письма.

Поездка на родину освѣжила, приободрила меня и придала мнѣ силъ къ продолженію художественнаго образованія. Являсь къ Иордану по приѣздѣ въ Петербургъ, я просилъ Федора Ивановича о дозволеніи мнѣ перейти изъ академіи на вольную квартиру; во первыхъ, чтобы имѣть возможность помогать женѣ изъ получаемого мною пособія, во вторыхъ, для устройства собственнаго гнѣзда на случай переселенія моего семейства въ Петербургъ. Иорданъ согласился и отпустилъ меня, съ выдачею мнѣ ежемѣсячно 25 р. сер., удерживая сверхъ того 4 рубля, въ видѣ запаса на случай особенной надобности. Отпуская меня, Федоръ Ивановичъ далъ мнѣ добрый совѣтъ:

— Умѣй найти хорошаго хозяина и выбрай квартиру, на которой было-бы поменѣ жильцовъ и товарищества.

Я нанялъ квартиру въ одной изъ ближайшихъ къ академіи линій Васильевского острова. Комнату отдавала внаймы добрая, смѣрная женщина, сестра одного довольно извѣстнаго артиста. Я переселился къ ней вдвоемъ съ товарищемъ, съ платою въ мѣсяцъ по 10 руб. за комнату и 6 руб. за харчи. Изъ оставшихся у меня денегъ я помогалъ женѣ. Понятно, что тутъ я ознакомился съ нищетою столичнаго быта, совершенно отличной отъ нищеты

деревенской. Будь я крестьяниномъ, при 25 рубляхъ ежемѣсячнаго дохода, я могъ-бы назваться богачемъ; въ столицѣ-же, съ этими деньгами, обязанный жить прилично какъ ученикъ академіи, — я былъ почти нищій. Всего прежде мнѣ слѣдовало заботиться о приличной одеждѣ, а я весь обносился. Сюртукъ и все прочее рвалось и по швамъ, и вдоль, и поперекъ. Зашивая и заштопывая прорѣхи бѣлыми нитками, я замазывалъ ихъ чернилами; черныхъ нитокъ не только не догадывался купить, но даже не зналъ, продаются-ли таковыя. Лѣтнимъ костюмомъ я пробавлялся до самой глухой зимы. Товарищъ мой по квартирѣ, Плотниковъ, малый даровитый, достигшій въ послѣдствіи званія художника, былъ мнѣ ровесникомъ по состоянію. Получая отъ отца ежемѣсячно 16 руб., онъ пользовался пособіемъ отъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, въ послѣдствіи бывшаго нашимъ посланникомъ въ Константинополь. Съ Плотниковымъ на квартирѣ прожилъ я два года. Нынѣ онъ проживаетъ въ Харьковѣ. Наша квартирная хозяйка сама была женщина очень бѣдная. Братъ ея, человѣкъ весьма достаточный, не семейный, помогалъ ей рѣдко и очень умеренно. Какъ-то, желая ее выручить изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, вздумалъ я подняться на хитрость: написалъ отъ имени какой-то фантастической знатной барыни письмо о бѣдности ея сестры и послалъ его скупому, но весьма тщеславному братцу. Письмо имѣло самое благоприятное дѣйствіе: на другой-же день братецъ нашей квартирной хозяйки, въ отличномъ экипажѣ, на собственной лошади, прикатилъ къ ней съ запасомъ кофе, чаю, сахару, разной провизіи и выдалъ ей, кромѣ того, довольно крупное денежное пособіе. Самолюбіе и честолюбіе сплошь да рядомъ бываютъ главными двигателями челоуѣколюбія даже въ отношеніяхъ родныхъ.

Но не даромъ говорить родная пословица „чужую бѣду — богами разведу, а къ своей и ума не приложу“; находчивый на выдумку для помощи квартирной хозяйки, я не могъ приискать никакихъ ресурсовъ къ облегченію собственной бѣдности. Подправляя и зачинывая свою одежку, я помнилъ, что и жена моя, въ Рязани, совсѣмъ обносилась. Продавъ шубу, я купилъ ей сапогъ теплый и послалъ туда. Какъ-бы то ни было, но жизнь ея въ пріютѣ была несравнима съ житьемъ въ Солотчахъ; въ добромъ семействѣ Лосевыхъ она нашла истинно братское, сердечное частіе. Нынѣ Лосевъ находится ректоромъ семинаріи въ Вологдѣ;

но воспоминанія о благодѣяніяхъ его моей семьѣ никогда въ ней и во мнѣ не изгладятся. Въ исходѣ февраля 1860 года, чувствуя приближеніе родовъ, жена моя уѣхала изъ Рязани въ Солотчи, къ отцу, и у него, въ мартѣ мѣсяцѣ, разрѣшилась отъ бремени сыномъ Петромъ.

Лѣтомъ 1860 года я опять посѣтилъ мою родину и на этотъ разъ отношенія жениныхъ родныхъ какъ къ ней, такъ и ко мнѣ были гораздо дружелюбнѣе. На осень она съ дѣтьми перебралась въ Солотчи погостить у нихъ. О положеніи моей семьи я получилъ извѣстіе отъ А. О. Андреева (отъ 3-го ноября 1860 г.).

— Радуюсь искренно твоей радости невинной и отъ души поздравляю тебя съ описываемыми въ твоемъ письмѣ ко мнѣ успѣхами. Жена-же твоя, какъ вижу я изъ письма священника П. Л. Лосева отъ 15-го числа октября, гоститъ съ малолѣтними дѣтьми въ Солотчахъ и, по отзыву его, дѣлаетъ слабый успѣхъ въ грамотѣ. Молись Богу усердно, веди себя добропорядочно; никого не осуждай и никому не завидуй; не имѣй ненависти ни къ кому и продолжай съ ревностію трудиться для обезпеченія будущаго положенія своего по выходѣ изъ академіи. Да будетъ надъ тобою и мое, и твоихъ усопшихъ родителей благословеніе всегда, а наиболѣе благословеніе Божіе ва всю вѣчность! Мы всѣ кланяемся тебѣ, желая здоровья и всякаго блага. Поклонись отъ меня твоему товарищу, а Ѳеодору Ивановичу Іордану и его супругѣ засвидѣтельствуй мое искреннее почтеніе съ благодарностію за попеченіе о тебѣ, и доложи ему, что я цѣню оное по мѣрѣ любви моей къ тебѣ, которая почти одна и та-же, что у отца къ сыну“.

Ободренный первою наградою—медалью, я ретиво принялся за продолженіе моихъ работъ, и періодъ 1860—1862 гг. былъ самый кипучій, самый отраднѣйшій въ моей ученической дѣятельности. Къ женѣ ѣздилъ я каждое лѣто и съ живѣйшею радостью видѣлъ, что, не смотря на приращеніе семейства, быть его, благодаря моимъ стараніямъ и заботамъ добрыхъ людей, улучшается. Лѣтомъ 1861 года, въ бытность мою въ Солотчахъ, я прилежно занимался рисованіемъ и за рисунокъ съ натуры получилъ еще малую серебряную медаль. Почтенный мой учитель Іорданъ искренно радовался моимъ успѣхамъ и постоянно побуждалъ къ усовершенствованію моего дарованія. Н. А. Замятинъ также не оставлялъ

меня своимъ поощреніемъ... Я чувствовалъ, что рѣсту, развиваюсь, мужаю; мнѣ казалось, что съ первоначальнаго, тернистаго пути я уже начинаю выбираться на болѣе ровную дорогу. Не унывалъ я и передъ матеріальными нуждами, иногда напоминавшими о себѣ; заботы о женѣ и дѣтяхъ точно также не ослабляли моей энергіи... При всемъ томъ нашлись люди, сѣтовавшіе на то, что я семьянинъ; воображавшіе сами и старавшіеся вбить мнѣ въ голову, что художнику не подобаетъ быть женатымъ: дѣти и жена отвлекаютъ, моль, отъ занятій искусствомъ. Подобнаго рода разсужденія слыхалъ я даже отъ Н. А. Замятнина... На мой рѣшительный отвѣтъ, что покинуть жену и дѣтей я никогда не рѣшусь и мысль эту считаю гнусною, безбожною, онъ-же отвѣчалъ мнѣ похвалами и живѣйшимъ сочувствіемъ. Добрая, великодушная жена моя, никогда не стѣснявшая меня въ моихъ дѣйствіяхъ, желая отклонить отъ себя и малѣйшее подозрѣніе въ какомъ либо самовластіи или тиранствѣ надо мною, рѣшилась написать Федору Ивановичу Иордану, что готова отказаться отъ желанія жить со мною въ Петербургѣ, именно затѣмъ, чтобы не мѣшать мнѣ въ моихъ занятіяхъ. По этому поводу уважаемый мой профессоръ писалъ ко мнѣ (4-го іюля 1861 г.) слѣдующее:

„Благодарю тебя за письмо, изъ котораго съ удовольствіемъ увидѣлъ, что жена твоя сдѣлалась умною и разсудительною и не хочетъ беспокоить тебя въ твоихъ занятіяхъ и останется въ деревнѣ еще на нѣсколько годовъ. Что касается до занятій, ты жалуешься на неудобство работать; помни, художнику можно вездѣ заниматься, почему, ради Бога, не теряй времени и рисуй все, что находится у тебя передъ глазами: портреты, виды, скотъ, однимъ словомъ—все; особенно: портреты, руки, слѣдѣи... Натурщиковъ бездна въ деревнѣ—а въ лѣтнее время, когда вся природа, вмѣстѣ съ человѣкомъ, открыта и не прячутся или дрожать отъ холода, какъ то бываетъ зимою—то можно заняться съ пользою.

... „И такъ, прошу, не забывай моихъ совѣтовъ: подумай о здоровьи, займись сельскою работою на нѣсколько дней, потомъ порисуй съ натуры; постарайся запастись силами для трудовъ въ будущей сидячей жизни, которые намъ достались въ удѣлъ. Мой поклонъ любезному твоему семейству—супругѣ и дѣтямъ.

Отъ души желаю, чтобы Провидѣніе наградило тебя всѣмъ, чего себѣ желаешь, остаюсь тебя любящій Ѳ. Юрданъ“.

Возвращаясь къ обзору моихъ художественныхъ работъ, съ чувствомъ душевнаго самодовольствія вспоминаю о портретѣ „кардинала Ларошфуко“, скопированнаго мною съ Эделинка. За него я получилъ большую серебряную медаль. Слѣдующею за нимъ академическою работою была о-фортъ „купающіеся финскіе воины“ (19 фигуръ) съ рисунка Микель-Анджело. Надъ этимъ эстампомъ я трудился цѣлый годъ.

— Не торопись, не торопись! часто твердилъ мнѣ почтенный мой профессоръ. Торопливостью не много сдѣлаешь. Если Богъ дастъ тебѣ росту настолько (онъ, рукою, показалъ высоту стола), то какъ ни тянись—не вырастешь!

Врагъ торопливости въ гравированіи, Ѳеодоръ Ивановичъ требовалъ отъ художника работы изящной, тщательной, не охотно допуская техническія упрощенія труда. Черезъ четырнадцать лѣтъ (именно въ 1875 году) вѣрный своему правилу, Юрданъ писалъ мнѣ:

— „Отъ васъ надѣюсь увидать, что вы сдѣлаете честь профессорскому званію, какъ рисункомъ, такъ и чуднымъ рѣзцомъ, избѣгая обманчивыхъ кислотъ и другихъ фокусовъ: все это хорошо для торговли, но не подходящее для серьезнаго гравировальнаго искусства“.

Правило это, само собою, не можетъ распространяться на гравюры о-фортъ, аква-тинта и меццо-тинта, выполненіе которыхъ безъ кислотъ—невозможно. Однако-же, при работахъ рѣзцомъ я донынѣ придерживаюсь наставленія Юрдана, и едва-ли кто можетъ теперь упрекнуть меня въ торопливости.

Въ 1862 году, по случаю отъѣзда Юрдана, я пользовался советами нашего маститаго, всей Россіи извѣстнаго гравера Николая Ивановича Уткина. Весьма ласково обойдась со мною, этотъ почтенный художникъ просилъ меня бывать у него по субботамъ: „какъ во времена оны“—замѣтилъ онъ — „хаживали по субботамъ къ графу Арагчееву: кто за наградою, а кто и за выговоромъ“. Николай Ивановичъ руководилъ мною въ теченіи цѣлаго года. Онъ показывалъ мнѣ свои произведенія, знакомилъ съ нѣкоторыми особенными, при гравированіи, ручными приѣмами, съ употребленіемъ увеличительнаго стекла и т. д. Его метода

преподаванія гравировальной техники была совсѣмъ иная, какъ Ѳедора Ивановича. Уткинъ вель ученика за руку, Іорданъ предоставлялъ ему идти на своихъ ногахъ, доискиваясь точки опоры, пошатываясь; Уткинъ, такъ сказать—подпѣвалъ, Іорданъ—требовалъ, чтобы ученикъ пѣлъ своимъ голосомъ; Уткинъ облегчалъ трудъ ученія, Іорданъ—иногда усиливалъ его тягость, вѣроятно съ тою мыслию, что талантъ усиливается отъ борьбы съ трудностями, какъ магнитъ отъ увеличенія притягиваемой тяжести. Не берусь судить о преимуществахъ того или другого способа... Какъ характеристическую черту добродушія Уткина приведу слѣдующій случай со мною. Я жилъ тогда, опять вмѣстѣ съ Ефимовымъ, на чердакѣ въ 10 линіи Васильевского острова, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ знакомства съ Николаемъ Ивановичемъ опасно заболѣлъ горячкою. Совершенно неожиданно явился ко мнѣ Уткинъ: не затруднился онъ пробраться ко мнѣ по крутой лѣстницѣ, подъ стропилами, въ полу-тьмѣ! Пришелъ и спрашиваетъ не надобно-ли мнѣ денегъ?

— Деньги у меня есть, отвѣчалъ я.

— Если доктора нѣтъ, сказалъ онъ—я пришлю..

— И докторъ есть, благодарю васъ покорно.

— Если деньги будутъ нужны—пришлите мнѣ сказать..

Это свиданіе наше было послѣднее: мѣсяца черезъ два, уже въ отсутствіе мое изъ Петербурга, именно въ апрѣлѣ 1863 года, Николай Ивановичъ Уткинъ скончался.

Весну, лѣто и часть осени этого-же года я, по случаю болѣзни, провелъ въ Солотчахъ. О моемъ тогдашнемъ положеніи, равно и о добрыхъ, пріятныхъ ко мнѣ отношеніяхъ Ѳедора Ивановича Іордана читатель можетъ судить по его слѣдующимъ письмамъ:

26 апрѣля (1863).

„Любезный другъ мой Иванъ Петровичъ! Благодарю за твое пріятное и утѣшительное письмо, на которое отвѣчаю только теперь, по незнанію твоего адреса. Тебѣ не безызвѣстно, что нашъ добрый и знаменитый сотрудникъ нашего художества Н. И. Уткинъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, сномъ праведника, оставивъ почти все свое имущество въ Академіи Художествъ въ пользу гравировальнаго художества; именно 25000 р. сер. послѣ кончины его племянницъ, которыя пользуются только одними процентами, все идетъ въ пользу гравированія, т. е. ихъ проценты. Кромѣ того, эстампы свои далъ, одну часть Академіи, Эрмитажу и Московской школѣ. Для тебя я удержалъ его гравюру.

„Василій Великій“. Все прочее идетъ, кажется, все постарому; слуховъ много, даже говорятъ, что весь штатъ Академіи измѣнять: Академію уничтожать и изъ нея сдѣлать художественный музей, а ученики будутъ штатные по частнымъ школамъ рисованія. Однимъ словомъ, все хлопочатъ, чтобы все уничтожить! По всей Россіи, для ея шестидесяти трехъ миллионѣвъ жителей, всего-то и есть одна только Академія, и когда во всѣхъ странахъ Европы имѣются академіи, для одной только Россіи она не нужна. Все это свыше; поневоля скажешь: дивны дѣла Твои, Господи!

„Для меня это все равно, но мнѣ жаль нашу талантливую молодость, въ томъ числѣ ты—первый и если это правда, ты долженъ будешь быть свѣдѣтелемъ всей этой странности и видѣть разрушеніе столь знаменитаго заведенія. Ты этимъ себя не безпокой; увѣренъ, что это одни только слухи, но поправляйся въ своемъ здоровьи и пріѣзжай со свѣжими силами, поддержи нашу гравюру. У меня все слава Богу здоровы; жена моя всѣмъ твоимъ блажится, какъ и я. Ради Бога береги себя, тѣмъ сохранишь жизнь свою, а жизнь отца семейства есть великое дѣло. Прощай, желаю всего лучшаго. Прощу писать и не забывать меня. Остаюсь душевно преданный Ө. Юрданъ“.

18-го іюля (1863 г.).

„Получилъ твое письмо, любезный Иванъ Петровичъ, радуюсь, что сошелся съ докторомъ, Аполлономъ Сергѣевичемъ¹⁾; какъ я, такъ и жена моя надѣмся, что по добротѣ своей онъ приложитъ все свое стараніе быть дому твоему полезнымъ. Одно жаль, что о своемъ здоровьи ни слова не упоминаешь въ письмѣ, поправился-ли совсѣмъ или все еще находишься въ пивалдахъ? Сегодня дали мнѣ грустную новость, которую, впрочемъ, слѣдовало ожидать, что даровитый и добрый Александровъ²⁾ скончался среди своего семейства въ Казани. Не надѣляется счастьемъ нашъ гравировальный классъ; кажется, даже само провидѣніе—во всемъ приходитъ ему помѣха: или хвораютъ, или умираютъ! Ради Бога, побереги свое здоровье и съ хорошимъ запасомъ возвращайся въ нашъ хворый Петербургъ. Не думай о времени ученія и наградѣ, все придетъ своимъ порядкомъ; но съ разстроеннымъ здоровьемъ здѣсь трудно поправиться. У насъ въ Академіи все тихо, все на дачахъ, или по деревнямъ. Передѣлку залъ нижняго этажа на кругломъ дворѣ еще не начинали, не смотря, что все квартиры очистились; я думаю и твоя мастерская также очищена; придется, со временемъ, пріискать другую. Насъ радуетъ, что дѣтчен твои радуютъ тебя, и что въ нихъ видна уже наклонность къ рисованію; только время самое плохое дѣлать дѣтей художниками: жить художествомъ—не жизнь,

¹⁾ Докторъ А. С. Головинъ, пользовавшій меня тогда молочнымъ леченіемъ. Его помощи обязанъ я возстановленіемъ здоровья. Достойный уваженія какъ врачъ и человекъ, онъ былъ родственникомъ семейства Юрдана.

²⁾ Изъ топографовъ Межеваго департамента, талантливый граверъ, съ которымъ я находился въ самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ. Онъ очень любилъ меня и всегда хвалилъ за мою готовность помогать ему въ занятіяхъ. Умеръ въ 25 не болѣе. И. П.

а прозябаніе. Если здоровье позволяет, то рисуй съ натуры портреты и виды и все, что попадется на глаза; если же нѣтъ, то гуляй, развлекай себя среди счастливой, семейной жизни, тѣмъ поддержи разстроенное здоровье и воротнись къ намъ молодцомъ. У меня всё, слава Богу, здоровы. Поклонъ Н. Е. Ефимову; я имѣлъ отъ него цыдулочку, радуюсь, что занимается и живетъ у зажиточныхъ; авось поправится въ тѣлѣ, черезъ что и въ живописи получить колоритъ Тиціана и Рубенса, а Иванъ Петровичъ, живя на умѣренной пищѣ, получить чистоту и правильность контура Рафаэля. Помогай Богъ вамъ обоимъ и каждый съ честію да принесетъ безсмертную лепту своему отечеству, а оно останется вамъ навсегда благодарнымъ и имена ваши внесетъ въ книгу знаменитыхъ людей. Прощай, голубчикъ; желаю всего лучшаго. Всѣ твой Ѳ. Гюрданъ“.

12-го августа (1863 г.).

„Весьма опечалило меня, любезный Иванъ Петровичъ, твое послѣднее письмо на счетъ твоего здоровья, которое ты, ради Бога, побереги и не поправься совершенно, ради Бога—изъ любви къ своему семейству—не возвращайся. Если-бы Александровъ, вмѣсто того, чтобы проработать въ Петербургѣ слишкомъ годъ до своей смерти, тотчасъ-бы, въ началѣ болѣзни, отправился домой, можетъ быть поправился (бы) и жилъ съ нами до сихъ поръ; онъ-же рѣшился уѣхать за три недѣли до своей смерти и явился ко мнѣ скорѣе мертвецомъ, (чѣмъ и испугалъ мою жену), чтобы проститься со мною; но наружность явно говорила что онъ взялся за дѣло поздно. Почему и прошу, не пускайся въ смертный Петербургъ, пока совершенно не поправишься. Ты испыталъ въ прошлую зиму, что значить страдать въ полномъ одиночествѣ. Нигдѣ ты не найдешь ни того воздуха, ни ухода, ни общества, которыми теперь пользуешься (теперь) въ своемъ родномъ краю, среди доброй жены и утѣшительныхъ дѣтей. Я напишу въ совѣтъ нашей академіи о тебѣ просьбу и въ первомъ совѣтѣ буду говорить о тебѣ, надѣясьхлопотать тебѣ вспомошествованіе. Въ Петербургѣ погода стоитъ намерзѣйшая: дожди и холодъ почти непрерывные; къ нимъ должно присовокупить еще сильные вѣтры. Къ несчастію, самъ страдаю все дѣло воспаленіемъ глазъ и не могу заниматься своимъ дѣломъ. Спасибо, что занимаешься портретами и я смѣло могу сказать священнику, что кромѣ сходства онъ имѣетъ вполнѣ художественную вещь, владея твоимъ рисункомъ. Я отъ души желаю-бы, чтобы все село приняло участіе въ твоёмъ здоровьи, ибо ты ему сдѣлаешь честь своимъ талантомъ, стараніемъ и поведеніемъ; чтобы оно совокупно помогло тебѣ и твоему дому во время постигшей тебя болѣзни, ибо ихъ потомство съ удовольствіемъ будетъ читать, что такое-то село было родиною И. П. Пожалостина, прославившаго свое отечество, талантомъ въ гравированіи и рисованіи. Русское-же сердце преисполнено христіанской любви къ своему ближнему; а здѣсь, не только что ближній, но молодой художникъ, который изъ среды ихъ, готовитъ прославить ихъ и отечество свое. Я прошу добраго пастыря церкви быть тебѣ и твоему дому полезнымъ, и христіанскимъ словомъ способствовать въ кругу зажиточныхъ людей въ твою пользу. Его слово падетъ на добрую землю и принесетъ сторищный плодъ. Поблагодаря отъ насъ обоихъ любезнаго Аполлона Сергѣевича, что онъ не перестаетъ прилагать стараніе о твоёмъ выздоровленіи и просимъ удержатъ больного среди

роднаго воздуха, среди нѣжнолюбящей жены и семейства—до тѣхъ поръ, пока новыя силы могутъ встрѣтить всѣ успія въ занятіяхъ молодаго художника въ шумномъ и довольно нездоровомъ Петербургѣ. Надѣюсь, любезный Иванъ Петровичъ, что Богъ молитвами любящихъ тебя возвратитъ тебѣ потерянное, или на время разстроенное здоровье и что я буду имѣть радость восхищаться отлично оконченнымъ курсомъ твоихъ занятій“.

XI.

Добрыя наставленія.—Выставка въ академіи и ея лучшія произведенія.—Отзывъ обо мнѣ О. И. Иордана.—Портретъ Державина.—Эстампы Уткина.—Присужденіе золотой медали.—Портретъ Филарета.—Званіе класснаго художника.—Средства къ существованію.—Знакомство съ Н. А. Киреевымъ.—Окончаніе эстампа: „Несеніе креста“.

Закончу обзоръ писемъ О. И. Иордана еще двумя слѣдующими, относящимися къ періоду 1863—1864 гг. Припоминая мои успѣхи, не могу отзываться о нихъ самъ, что-бы не показаться самохваломъ; но лестные отзывы обо мнѣ великаго художника, руководству котораго я обязанъ развитіемъ моего дарованія,—я признаю за драгоцѣнный авторитетъ, въ значеніи котораго, надѣюсь, не можетъ усомниться читатель.

22 сентября 1863 г.,

„Любезный другъ Иванъ Петровичъ! Весьма благодаренъ за карточку, которую я только что имѣлъ удовольствіе получить съ письмомъ Аполлона Сергѣевича г. Головина. Твой взглядъ на ней меня не очень порадовалъ; видно, что усталъ и свучаешь отъ бездѣйствія. Что дѣлать: лучше поскучать и поправиться, нежели отдыхать потомъ на болѣзненномъ одрѣ. Впрочемъ, надѣюсь, что съ Божіею помощію и по совѣту добраго Аполлона Сергѣевича, въ скоромъ времени надѣюсь видѣть среди насъ, среди Петербурга и весьма часто убійственной нашей академіи, гдѣ огромное число молодыхъ людей отъ неопытности знанія, какъ экономически слѣдуетъ употреблять свое время, уснуло раннимъ, вѣчнымъ сномъ. Изъ сихъ несчастныхъ жертвъ можно составить огромный томъ, гдѣ на каждой страницѣ видимъ талантъ, непоправимую и несоразмѣрную по силамъ страсть къ занятіямъ, удивительные успѣхи: онъ бѣжитъ и на лету хватается медали, потомъ начинаетъ уставать; являются болѣзни, затѣмъ истощеніе всѣхъ силъ—и ранняя могила дѣлается удѣломъ всѣхъ его стараній, всѣхъ его наградъ! Сколько лучшихъ надеждъ Россіи лежить, такимъ образомъ, въ матушкѣ сырой-землѣ!! Все это пишу тебѣ, любезный другъ, чтобы ты былъ остороженъ по возвращеніи своемъ на трудолюбивую скамью нашей академіи, особенно—скамью гравера. Лучше будь живописцемъ, но живи и восхищайся жизнью, нежели граверомъ и лечь въ раннюю могилу. Все это говорю, желая отъ души, чтобы ты поправился и

жилъ; былъ-бы художникомъ и отличнымъ отцомъ семейства. Бude-же Провидѣнію угодно будетъ сохранить тебя и для нашего гравировальнаго художества и для семейства, то я первый буду радъ, видя въ тебѣ достойнаго себя ученика!

„У насъ теперь имется выставка; вещей, или произведеній не большое число, но между ними отличаются: „Тайная вечера“, написанная во Флоренціи пенсионеромъ г. Ге: картина совершенно въ новомъ родѣ и ему дала прямо званіе профессора; г. Пукерева: „Неровный братъ“—превосходно сочинено и написано: получилъ званіе профессора, и г. Маковского: портретъ „Муравьева-Амурскаго“. Такъ какъ погода стоитъ хорошая, то и народу бываетъ на выставѣ бездна, и по гривеннику за входъ собираютъ около 150 руб. въ день. До сихъ поръ у насъ не было еще Совѣта, гдѣ-бы говорено было о домашнихъ дѣлахъ академіи и ея учениковъ, слѣдовательно нельзя было говорить еще о твоёмъ вспомоствованіи ради болѣзни. Всѣ совѣты заключались въ составленіи отчета академіи, по случаю годичнаго собранія. Надѣюсь, впрочемъ, любезный другъ, что скоро увидимся; мнѣ очень жаль, что со своимъ портретомъ не прислалъ хотя двухъ строкъ, (не) сказать какъ себя чувствуешь...“

21 апрѣля 1864 года.

„М. Г. Евфросинія Алексѣевна! Поздравляя васъ съ наставшимъ торжественнымъ праздникомъ Воскресенія Господня, съ удовольствіемъ спѣшу увѣдомить васъ, что я получилъ ваше письмо отъ 6-го апрѣля и съ радостію читалъ въ немъ искреннія чувства рѣдкой жены, которая въ теченіи шестилѣтней разлуки со своимъ мужемъ, съ терпѣніемъ переноситъ эту скорбную долготѣнную разлуку—и я, какъ профессоръ вашего мужа, долгомъ поставлю увѣдомить васъ, что я горжусь въ приобрѣтеніи столь достойнаго молодого человѣка, который поведеніемъ, неуныннымъ стараніемъ и успѣхами несомнѣнно сдѣлаетъ честь вашему дому и мѣсту, которое дало ему жизнь. Отъ души совѣтую вамъ—безъ ропота переносите вашу разлуку. Художникъ, достигшій знаменитости и извѣстности, всюду почитаемъ; ибо художество чрезвычайно трудно и изъ огромнаго числа начинающихъ, достигаетъ самое малое число извѣстности; участь же вашего мужа—если Богъ наградитъ его полнымъ здоровьемъ—есть та, которая сдѣлаетъ честь избранному имъ художеству. Я съ нимъ видѣлся еще сегодня: въ разговорахъ съ нимъ, радовался тому сокровищу, которымъ онъ обладаетъ, т. е. достойною женою. Со дня пріѣзда своего прошлою осенью въ Петербургъ, онъ занимался съ честію, получилъ въ декабрѣ серебряную медаль; въ апрѣлѣ нынѣшняго года долженъ былъ бы получить другую серебряную медаль перваго достоинства за рисунокъ, но экзаменаторы поскупились и эта почесть ожидаетъ его въ будущности. Слѣдственно, будьте совершенно спокойны и въ вашихъ теплыхъ молитвахъ умаливайте всецѣдраго Бога о подкрѣпленіи его здоровья; все прочее должно прійти ему, какъ говорится, само собою. Пожалостинъ и Ефимовъ достойны высшей похвалы, никогда наше правительство съ такою пользою не употребило денегъ своихъ, какъ на двухъ учениковъ, вполне достойныхъ монаршей милости“.

Первою моею работою, давшию мнѣ значительные по моему состоянію деньги и доставленную мнѣ чрезъ посредничество Ѳ. И. Гордина, былъ портретъ Державина, заказанный мнѣ нашимъ уважаемымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. Я гравировалъ съ портрета, писаннаго маслянными красками знаменитымъ Боровиковскимъ. Этотъ трудъ, занявшій у меня десять мѣсяцевъ времени, для котораго я оставилъ трудиться надъ програмою на золотую медаль: „Несеніе креста Спасителемъ“, былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ! Не денежная выгода утѣшала меня, но единственно сознаніе своихъ силъ, чувствъ художника и пламенной любви къ прекрасному искусству. Занятіе гравировкою этого портрета я могъ назвать высокою поэзіею, но въ то-же время напоминала мнѣ о себѣ и житейская проза. Нужда въ деньгахъ заставила меня давать уроки рисованія въ одномъ весьма достаточномъ семействѣ, получая за цѣлый классъ дѣтей—рублевую бумажку. Вѣроятно, почтенные родители придерживались правила: гуртомъ дешевле.

Въ томъ-же 1866 году, по заказу профессора Н. Г. Устрялова, я заново реставрировалъ портретъ „Ивана Грознаго“, гравированный Уткинымъ, и гербъ князя Курбскаго, состоящій изъ розановъ, со львомъ по срединѣ. По окончаніи этой работы, когда я представилъ ее Устрялову, онъ былъ въ восхищеніи, а черезъ нѣсколько дней сказалъ, что отовсюду слышитъ самыя лестныя похвалы моей работѣ. „Я подписалъ подъ нею мою фамилію“, сказалъ я. —Какъ! воскликнулъ Устряловъ—гдѣ-же? Я ее не видалъ... „Потрудитесь взглянуть въ увеличительное стекло—и увидите!“ Онъ посмотрѣлъ: „а вѣдь эта работа за Уткина сошла!“

Окончивъ портретъ Державина, въ исходѣ октября 1866 года, я рѣшился представить его въ совѣтъ академіи на годичный экзаменъ. Представленіе шло черезъ Ѳедора Ивановича. Отправясь къ нему въ эрмитажъ за отвѣтомъ: чѣмъ рѣшилъ совѣтъ, я услышалъ отъ него:

— Что, голубчикъ, медали не назначили за то, что не имѣешь большой серебряной за рисунокъ.

— Почему-же (говорю) О—скаго пропустили? Онъ, за рисунокъ, не имѣетъ никакой медали...

— Отчего-же ты мнѣ этого раньше не сказалъ? возразилъ

Иорданъ. Хорошо-же. Завтра, 3 ноября, у насъ будетъ экстренное собраніе... Постараюсь.

Вѣрный своему обѣщанію, Ѳеодоръ Ивановичъ сказалъ предсѣдательствовавшему князю Гагарину:

— Ваше сіятельство, у насъ вышло недоразумѣніе. Пожалостина обошли: вмѣсто золотой медали назначили серебряную, а О—скому, у котораго за рисунокъ никакой еще нѣтъ, дали золотую.

— Съ гравера больше требуется! былъ отвѣтъ.

— Если вы не согласны, то я подамъ на баллотировку.

Это предложеніе умилоствовало строгаго судью. Былъ случай, когда при баллотировкѣ весь совѣтъ былъ единогласно противъ мнѣнія предсѣдателя: онъ не пожелалъ повторенія подобной сцены.

Я получилъ повѣстку явиться на актъ 4 ноября, за полученіемъ серебряной медали. При входѣ моемъ въ залу, ко мнѣ подошелъ кто-то изъ нашихъ чиновныхъ лицъ и поздравилъ меня. „Съ чѣмъ-же?—спрашиваю—серебряная медаль уже есть у меня“. Да вѣдь вамъ дадутъ золотую?—Нѣтъ серебряную... А можетъ быть и мѣдную! ввернулъ кто-то.

Пошли толки, споры. Путаница у меня въ головѣ была страшная... Наконецъ усадили меня въ группу удостоиваемыхъ полученіемъ медалей. Помню, что меня бросало то въ жаръ, то въ холодъ; я машинально натягивалъ на руки и срывалъ съ нихъ перчатки. Прошло чтеніе акта: начали вызывать получателей дипломовъ и медалей... моего имени все не слышу. Наконецъ, какъ-бы къ заключенію засѣданія, провозгласили: „Ивану Пожалостину, по граверному классу!“ Едва держась на ногахъ, торопливо надѣвая перчатку, я всталъ съ моего мѣста. Этотъ вызовъ меня, послѣднимъ, весьма раздосадовалъ Ѳедора Ивановича. Наканунѣ онъ приказывалъ въ канцеляріи переписать списокъ, но это, по небреженію или по лѣни, не было исполнено.

Меня удостоили золотою медалью, съ обязательствомъ, чтобы я заслужилъ за рисунокъ—большую серебряную. Въ исполненіе этого я исправно посѣщалъ натуральный классъ въ теченіи года и получилъ ее. О—скій, получившій свою золотую медаль на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, этого не выполнилъ. Вообще, замѣчу, что наши пейзажисты и маринисты—за весьма рѣдкими исключеніями—не мастера писать фигуры, именно вслѣдствіе упрямой лѣности посѣщать натурные классы.

Полученная мною вторая золотая медаль, стоимостью въ 50 руб. сер., была не имянная, съ пустымъ полемъ для вырѣзки имени. Она нѣсколько разъ, по нуждѣ въ деньгахъ, была мною закладываема и, наконецъ, я ее продалъ за 40 руб. сер. Полученіе медали было ознаменовано для меня и семейною радостью: женѣ моей Богъ далъ сына, Сергѣя. Вообще рожденіи дѣтей моихъ (дочери Катерины, сына Петра, дочери Александры, сыновей Сергѣя и Ивана) сопровождалось какимъ либо особенно важнымъ для меня событіемъ—или отличіемъ въ моей карьерѣ художника или особенно выгоднымъ заказомъ. По рожденіи младшаго изъ моихъ сыновей Вани, въ 1870 году, я былъ удостоенъ званія академика, въ 1871 году.

Работами моими въ 1867 году были рисунки для гравировальныхъ досокъ Н. С. Мосолова: 1) Бахусъ, съ Рубенса, 2) Положеніе во гробъ Спасителя, Павла Веронеза, 3) Блудный сынъ, 4) Даная, 5) мать Рембрандта, 6) Аманъ въ немилости, 7) Вельможа, 8) Дѣти Іакова, показывающіе отцу одежду Іосифа, 9) Воинъ—всѣ съ Рембрандта.

По заказу придворнаго серебряныхъ дѣлъ мастера Сазикова, я гравировалъ на серебряномъ подносѣ, по рисунку А. Шарлеманя, гербъ и орденъ слона, къ двадцатинятилѣтію бракосочетанія его величества короля Датскаго, и то-же воспроизвелъ на двухъ мѣдныхъ доскахъ.

Въ 1868 году, по заказу Я. К. Грота, я гравировалъ портретъ высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго. Мнѣ пришлось рисовать его съ акварели и фотографіи, но кромѣ того, я спрашивалъ людей, видавшихъ его, объ экспрессіи лица и выраженіи глазъ. О нихъ магистръ духовной академіи Моревъ говорилъ мнѣ, что глаза у Филарета были черные, пронизательные, необыкновенно свѣтящіеся. Рассказывалъ онъ мнѣ также многое и о личномъ характерѣ покойнаго владыки, какъ человѣка. Благоволя своимъ племянникамъ, изъ которыхъ одинъ обладалъ весьма слабыми умственными способностями, Филаретъ употреблялъ всѣ способы, что-бы вывести ихъ въ люди. Такъ, на бывшемъ въ духовной академіи экзаменѣ, при испытаніи именно этого, тупоумнаго, племянника Филаретъ предложилъ какой-то вопросъ одному изъ лучшихъ учениковъ. Тотъ отвѣтилъ... „Не такъ!“ сказалъ владыко—„слѣдующій!“ Этотъ отвѣчаетъ... „Не то!“ Спра-

шиваетъ племянника; тотъ отвѣчаетъ такъ, что всѣ рты разинули. Благодаря подробной подтасовкѣ, племянникъ вышелъ первымъ ученикомъ.—Другой случай: тамъ-же въ академіи былъ одинъ ученикъ, весьма набожный, по собственному призванію постригшійся въ монахи. Исправно посѣщая богослуженія, онъ, при благовѣстѣ къ вечернѣ или ко всенощной—хотя бы онъ былъ въ учебные часы, вставалъ со скамьи, крестился и уходилъ изъ класса въ церковь. Однажды это случилось при Филаретѣ, который зайдя въ классъ, самъ задавалъ вопросы ученикамъ.

— Куда ты? спросилъ онъ уходящаго семинариста.

— Въ церковь; къ вечернѣ благовѣстать...

— Но вѣдь ты слышишь, что я спрашиваю учениковъ? экзаменъ идетъ...

— Но Господь Богъ поважнѣй экзамена!

— А... если поважнѣй, то ступай! сухо сказалъ митрополитъ.

Черезъ нѣсколько времени этого самого монаха отправили на службу, или на послушаніе, куда-то въ Камчатку¹⁾.

Подъ влияніемъ, можетъ быть, подобнаго рода разсказовъ, я въ моемъ эстампѣ, изображающемъ Филарета, придалъ его глазамъ и всему лицу выраженіе черствости, не соотвѣтствующее сложившемуся вообще понятію о его кротости. На это обратили вниманіе и замѣтили мнѣ, что лицо „слишкомъ человѣчно и не мѣшало бы придать ему побольше святости“... Я, по возможности, смягчилъ выраженіе лица—и тогда нашли портретъ совершенно удовлетворительнымъ.

Надѣясь на доброту и сердечную ко мнѣ внимательность Федора Ивановича Гордана, я рѣшился представить портретъ Филарета на выставку, для полученія званія художника 1-го разряда. Это время совпало съ моею тяжелою болѣзнію: у меня обнаружился головной тифъ. Едва поправясь, я уѣхалъ въ деревню, къ женѣ, гдѣ провелъ все лѣто и осень 1868 года. Изъ писемъ,

¹⁾ Не отрицая правдивости разсказа, который переданъ лицомъ заслуживающимъ довѣрія, замѣчу теперь, что оба анекдота подхвачены и пущены въ ходъ любителями доискиваться темныхъ сторонъ въ самыхъ свѣтлыхъ личностяхъ. Если бы покойный Филаретъ былъ чуждъ нѣкоторыхъ человѣческихъ недостатковъ—онъ былъ бы совершенствомъ. И. П.

полученных мною отъ Иордана, привожу слѣдующія, которыми по справедливости могу гордиться:

4 сентября 1868 г.

„Любезный Иванъ Петровичъ! Благодарю тебя за оба письма, хотя первое опечалило меня извѣстіемъ о продолженіи болѣзни твоей, головной боли; но второе обрадовало, что слава Богу чувствуешь себя совершенно здоровымъ. Мы переѣхали изъ Коломны; не могу никакъ свыкнуться, послѣ чудной жизни сельской, на вновь прескучную городскую жизнь и, къ стыду своему, до сихъ поръ все еще скучаю. О выставкѣ еще ни слова; въ будущій понедѣльникъ 9 сентября—экзаменъ. Мы, граверы—отличились; четверо изъ нихъ выставили: я, Константиновъ, ты—мой дружокъ и Мосоловъ; послѣдній не сдѣлалъ чести твоему отличному рисунку, торопится на количество, а не на качество. Константиновъ отлично кончилъ свою гравюру: „Несеніе Креста“, и, наконецъ, твоя гравюра ожидаетъ должной награды, чего она вполне достойна. Другихъ вещей очень мало и я боюсь сказать, что бы выставка не оказалась слабою.

„Вчерашняго дня я случайно узналъ, что газета „Петербургскій Листокъ“ вновь помѣстила статью о иностранномъ граверѣ, выписанномъ для новыхъ кредитныхъ билетовъ—съ тройнымъ жалованьемъ, когда все это могло быть сдѣлано своими. У меня имѣется этотъ номеръ, когда приѣдешь, то прочтешь. Ахъ, предполагаю, будетъ 15 сентября. Ради Бога, поддержи себя сельскимъ воздухомъ и совершенно здоровымъ возвращайся“.

11 сентября 1868 г.

„Поздравляю тебя съ класснымъ художникомъ 1-го разряда; той-же награды удостоенъ былъ и Н. С. Мосоловъ. Нашъ П. К. Константиновъ отличился своею гравюрою: „Христосъ несетъ свой крестъ“, съ картины Пиомбино—и всѣ сотоварищи и г. вице-президентъ удостоили его званіемъ академика. Все это было при сильныхъ стараніяхъ съ моей стороны. Князь не соглашался за твою руку у „Филарета“, находя ее очень слабою, не понимая, что ты ее сдѣлалъ съ такою-же рукою, какъ въ оригиналѣ. Онъ предполагалъ, что больше слѣдующаго 2-го класса не стоитъ дать, однако я уговорилъ, что ты вполне достоинъ 1-го класса, такъ и записали, что было 9-го, а сегодня 11-го опять имѣли совѣтъ и все это скрѣпили. Въ пятницу ожидаемъ великаго князя президента. Надѣмся, что не будетъ перемѣнъ. Ученка на 1-ю золотую медаль дали Харламову, за чудные пейзажи Орловскому, а двѣ 1-я двумъ архитекторамъ, въ томъ числѣ сыну В. В. Басина. Всего четыре первыхъ золотыхъ медалей. Вторая золотая медаль дана одному архитектору Токареву, двумъ скульпторамъ: Сипигревскому и Дылеву. Кажется—и все! Профессорами сдѣланы: Ридцонн и скульпторъ Іенсенъ; про академиковъ не говорю: ихъ не перечтешь. Выставка не богата, на новомъ мѣстѣ вверху и, кажется, будетъ темна. Ефимовъ получилъ класснаго художника 2-го разряда. Всѣмъ поклонъ. Всѣхъ твой Иорданъ.

„P. S. Вчера хоронили у насъ художника Вольскаго, былъ отличный человѣкъ“.

Въ моихъ воспоминаніяхъ поэзія художества неразлучна съ житейскою прозою; слово о нуждахъ примѣшивается къ разсказамъ объ успѣхахъ, какъ печальный припѣвъ къ веселымъ пѣснямъ.

Выдача стипендіи изъ министерства государственныхъ имуществъ должна была мнѣ быть прекращена. Этимъ могъ мнѣ быть нанесенъ весьма чувствительный ударъ моему болѣе, нежели скромному бюджету. Именно въ это время я намѣревался переселить жену и дѣтей въ Петербургъ; но мыслимо-ли это было безъ опредѣленнаго содержанія? Ходатайству Иордана я былъ обязанъ тѣмъ, что выдачу стипендіи продолжили мнѣ еще на годъ, переведа ея сумму на министерство внутреннихъ дѣлъ. Я получалъ деньги чрезъ посредство уважаемаго профессора Федора Григорьевича Солнцева.

Около этого же времени, т. е. зимою 1869—1870 года судьба послала мнѣ добраго помощника и защитника отъ угрожавшей мнѣ нищеты въ лицѣ покойнаго Николая Алексѣевича Кирѣева, имя котораго незабвенно въ лѣтописяхъ освобожденія турецкихъ славянъ, какъ одного изъ первыхъ нашихъ „добровольцевъ“, павшаго съ оружіемъ въ рукахъ на полѣ битвы. Познакомились мы совершенно случайно.

Работалъ я въ Эрмитажѣ, надъ копіею съ Рембрандта для офортиста Николая Семеновича Мосолова. По заламъ въ это время ходили двѣ дамы: одна довольно полная, красивая собою, другая постарше, поменьше ростомъ, съ живыми, чрезвычайно выразительными глазами. Посматривая издали на мой рисунокъ, эти дамы, наконецъ, подошли ко мнѣ и спросили: для чего я копирую?

— Для гравированія на мѣди, отвѣчалъ я.

— Какъ хорошо, чисто и отчетливо!

— Иначе не должно и рисовать для гравировки. Я граввирую и самъ...

— Ваша фамилія? спросила дама постарше.

— Пожалостинъ.

— Иванъ? Такъ я васъ знаю. Мы земляки; я сама рязанская уроженка. Имя мое можетъ быть вамъ знакомо? Я—Хвоцинская, Надежда Дмитріевна, а эта дама—Ольга Алексѣевна Новикова, рожденная Кирѣева.

Вниманіе этихъ дамъ, изъ которыхъ одна,—извѣстная наша

писательница (подъ вседонимомъ „В. Крестовскаго,“) другая—супруга товарища попечителя Кіевскаго учебнаго округа, любительница музыки и сама отличная музыкантша, крайне польстило моему самолюбію. По ихъ любезному приглашенію, я, на слѣдующій день, принесъ къ нимъ мои рисунки—и тутъ Ольга Алексѣвна отрекомендовала меня своему брату, Николаю Алексѣвичу, занимавшемуся тогда предпріятіемъ по рыбинско-бологовской желѣзной дорогѣ. Съ первыхъ-же словъ его и обѣихъ собесѣдницъ я угадалъ въ нихъ страстныхъ любителей и знатоковъ изящныхъ искусствъ. Кирѣевъ былъ знакомъ съ Ѳ. И. Іорданомъ, который замолвилъ ему обо мнѣ доброе слово. Николай Алексѣвичъ посѣтилъ мою скромную мастерскую и, принявъ во мнѣ самое теплое, сердечное участіе, родственно озабочился улучшеніемъ моего быта. Помимо постоянной субсидіи въ 50 руб. сер. ежемѣсячно, онъ сдѣлалъ подписку въ мою пользу, давшую значительную сумму денегъ. Онъ далъ мнѣ средство перевести двухъ моихъ старшихъ дѣтей, сына и дочь, въ Петербургъ... самое-же главное: окончить начатый два года тому назадъ эстампъ: „Несеніе креста Спасителя“—что было-бы немислимо безъ щедрой помощи незабвеннаго Николая Алексѣвича.

Но я опять сдѣлалъ отступленіе отъ послѣдовательности порядка времени; знакомству моему съ покойнымъ Кирѣевымъ предшествовала моя поѣздка на кумысь—сначала поправившая, а потомъ пуще прежняго разстроившая мое здоровье.

ХІІ.

Поѣздка на кумысь.—А. Н. Майковъ.—Возвратный путь.—Жигулевскія горы.—Болезни.—Отъѣздъ на родину.—Художественные труды.

1869—1881 гг.

Весною 1869 года, сильный кашель и боль въ груди, слѣдствія прежнихъ тяжкихъ болѣзней, возбудили во мнѣ опасеніе: не развивается-ли у меня чахотка. Обратясь къ совѣту доктора, я получилъ въ отвѣтъ, что мнѣ не мѣшало-бы попользоваться леченіемъ заграничнымъ. Совѣтъ прекрасный, но на какія средства могъ я ему послѣдовать? Разъ, по представленію Іордана, я уже получалъ пособіе изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вторичная попытка могла быть безуспѣшна... Однако-же и на этотъ

разъ я получилъ пособіе въ размѣрѣ восьмисотъ руб. сер. Этой суммы, на заграничную поѣзду, одному, было-бы, конечно, весьма достаточно; но надобно было подумать о женѣ и дѣтяхъ; потомъ—что могъ я дѣлать за границею, не зная ни одного иностраннаго языка? Подумавъ, я рѣшился ѣхать на кумысъ, въ Самарскую губернію: оно и дешевле, да и толку, пожалуй, будетъ побольше.

Тогда, въ Николаевскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, только что открывалось кумысо-лечебное заведеніе Чембулатова. Я пріѣхалъ въ началѣ мая и съ первыхъ же дней почувствовалъ благотворное вліяніе чудеснаго напитка, которое можно назвать шампанскимъ магометанскаго востока. Жилось мнѣ очень хорошо. Раннимъ утромъ и позднимъ вечеромъ я пользовался прогулкою, такъ какъ съ 10 часовъ утра, до солнечнаго заката, зной достигалъ до 40°. Пользовавшихся кумысомъ было такое множество, что его не хватало на жаждущихъ. Замѣчу, при этомъ, что общество было прекрасное; душою его былъ нашъ знаменитый поэтъ Аполлонъ Николаевичъ Майковъ. Его веселый, живой характеръ, всегда пріятная остроумная бесѣда оставили во мнѣ много самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Изобрѣтательный на развлеченіе, Майковъ устраивалъ танцевальныя вечера, пикники; на первыхъ и я пускался въ плясъ. Силы мои прибывали съ каждымъ днемъ, я нѣсколько пополнѣлъ и цвѣтомъ лица поправился. Пользуясь леченіемъ и дозволяя себѣ безгрѣшныя удовольствія, я не оставлялъ и моихъ художественныхъ занятій: срисовалъ портреты съ жены Чембулатова и съ познакомившагося со мною одного акцизнаго надзирателя. Знакомыхъ въ Самарѣ я пріобрѣлъ множество; при моемъ отъѣздѣ оттуда меня провожали на трехъ тройкахъ.

Обратный путь вздумалось мнѣ совершить по Волгѣ, на пароходѣ. Плаваніе предстояло мимо знаменитыхъ Жигулевскихъ горъ (въ Симбирской губерніи), замѣчательныхъ по красотѣ и разнообразію формаціи и наслоенія. Я слыхалъ, что при солнечномъ закатѣ, эти громады отличаются самыми разнообразными колерами, неуловимыми для кисти пейзажиста. Попытка братьевъ Чернецовыхъ изобразить Жигулевскія горы была далеко неудачна. Желая насладиться зрѣлищемъ заката солнца въ виду этихъ

горь, я взялъ себѣ мѣсто на палубѣ, въ третьемъ классѣ. Ночь была холодная, я сильно продрогъ, задремалъ и проѣхалъ горы, не видавъ ихъ. За эту неосторожность я поплатился новою болѣзнію: ревматизмомъ! Въ Рязань пріѣхалъ совсѣмъ безъ ногъ; три недѣли не могъ тронуться съ мѣста и пять недѣль ходилъ на костыляхъ... Избавясь отъ одной напасти, я, по пріѣздѣ въ Петербургъ, наткнулся на другую. Бѣдная жена моя, занимаясь всѣми домашними работами, въ особенности стиркою бѣлья (мы не имѣли средствъ держать прислугу), такъ жестоко простудилась, что ей свело руки и весною 1870 года я былъ принужденъ увезти ее обратно въ Солотчи.

Къ этому времени относится слѣдующее письмо:

„19-го мая 1870 года.

Любезный Иванъ Петровичъ! Только что часъ тому назадъ, что получено было ваше письмо моею женою, гдѣ высказано сѣтованіе, что я на два ваши письма не отвѣчалъ. Я предполагалъ, что вы теперь въ деревнѣ, что вы вполне счастливы и — пополамъ съ трудомъ и прогулкою, поправили свое здоровье, слѣдственно не зачѣмъ беспокоить своими ничтожными цидулками. Изъ письма-же вашего я усматриваю совершенно противоположное: здоровье плохо поправляется и будущность васъ тревожить. На счетъ здоровья нужно приложить всевозможное стараніе, находясь теперь въ родномъ полѣ, въ родномъ воздухѣ, на здоровыхъ родныхъ полянахъ, чтобы поправить его. Все время старайтесь, или большую часть его, быть на свѣжемъ воздухѣ, заниматься сельскимъ хозяйствомъ и все это, внѣ дома, и только тогда присѣсть къ нашей трудной работѣ, когда чувствуете въ себѣ къ тому полную силу, ибо все можно превозмочь, кромѣ здоровья: нѣтъ его — не брать-же его силою, или приступомъ; а я боюсь, что вамъ на каждой минутѣ хотѣлось бы, вопреки здоровью, подвинуть хотя на воробынный шагъ свою работу и этотъ ничтожный шагъ убиваетъ ваши гигантскіе шаги, которые — кто можетъ знать! — предстоятъ вамъ въ будущности. Разумѣется, все, что пишу вамъ теперь, вы слышали и слышите отъ меня почти ежедневно; мой долгъ есть повторять этотъ совѣтъ до тѣхъ поръ, пока вы совершенно вразумитесь и если послѣдуете, то, я увѣренъ, что при отличномъ поведеніи и отличной конструкціи тѣла, Богъ васъ наградитъ и тѣмъ, что отыметъ, наконецъ, убивающую васъ головную боль. Не рассчитывайте на ту жертву времени, которую прійдется вамъ этой потрясающей болѣзни принести въ дань. О будущемъ не совѣтую вамъ много думать; будущее — какъ старикъ, говорю вамъ изъ опыта — само устроивается. О будущемъ думать — терять время! Слѣдуетъ поправить здоровье: вотъ вашъ капиталъ; ести онъ потерянъ, хлопочите его поправить... Безъ капитала, даже не торгуютъ; кольми паче думать о будущности жизни безъ здоровья.

„Не знаю, получили-ли вы слѣдующія вамъ деньги изъ департамента? О. Т. Солнцевъ взялся ихъ вамъ выслать; о концѣ дѣла не слыхалъ, а вы не пишете. Какъ-то вечеромъ посѣтилъ меня Н. А. Кирѣевъ; толковали о богатствахъ, а онъ, кажется, рѣшительно купилъ на Невскомъ домъ, въ 400 т рублей. Помогай ему Провидѣніе! Дай-то ему разбогатѣть: его доброе сердце въ состояніи согрѣть и дать кусокъ хлѣба многимъ нуждающимся художникамъ.—Быль у насъ послѣ Пасхи простой экзаменъ, и, не смотря, что ученики имѣли дѣльных 4 недѣли времени, но прежде бывшихъ рисунковъ не видали—и медали приходится давать рисункамъ, которые прежде едва получали 20-е нумера... Впрочемъ—на безрыбьи и ракъ рыба; вслѣдствіе чего и слабыхъ признали за хорошихъ и назначили довольное число медалей по всѣмъ частямъ. Граверный классъ и его ученики существуютъ только на списокѣ, но труды ихъ, не видать, чтобы шли впередъ—и даже классы совершенно пусты. Съ вами—кажется, все кончилось. Теперь идутъ учебные экзамены въ анатоміи; идутъ хорошо: и профессоръ достойнѣйшій преподаватель. Что дѣлаютъ программисты—неизвѣстно: профессора не ходили еще по кабинетамъ. Дѣти ваши—украшеніе всѣхъ дѣтей и это есть лучшая награда свыше! Катя—примѣрная дѣвица, а Петя—молодецъ и экзаменуя его въ рисованіи, я нашелъ, что онъ можетъ быть хорошимъ художникомъ, но слабъ здоровьемъ. Ему нужно что нибудь полегче, чѣмъ трудное и неблагоприятное художество. — Прощайте, до слѣдующаго письма. — весь вашъ Горданъ“.

Здѣсь на порогѣ въ чужіе края, прерываю я свои воспоминанія. Послѣдующій дѣсяти-лѣтній періодъ находится покуда у меня въ черновыхъ наброскахъ. Не отказываюсь отъ надежды напечатать эти рассказы, со временемъ, по ихъ окончательной отдѣлкѣ, на страницахъ искренно уважаемаго мною историческаго изданія „Русская Старина“, сохранившаго на своихъ страницахъ между массою матеріаловъ весьма много данныхъ и для біографій отечественныхъ художниковъ, къ общей семьѣ которой имѣю честь принадлежать.

Въ заключеніе же настоящихъ главъ моихъ „Воспоминаній“, помѣщаю перечень художественныхъ моихъ произведеній за послѣдніе десять лѣтъ моей трудовой жизни.

1871. „Несеніе креста Спасителемъ“, копія съ Лунджи Караччи (за этотъ эстампъ я удостоенъ званія академика).

1872. Портретъ Карла Павловича Брюллова (гравированъ по заказу Д. В. Григоровича, для общества поощренія художниковъ. Удостоенъ благодарности отъ совѣта).

1874. Амвросій II Моревъ, епископъ Пензенскій (посеребренная доска гравюры находится при его гробницѣ въ Пензенскомъ соборѣ).

1875. „Птицеловъ“, съ картины Перова (удостоенъ Высочайшей благодарности въ Бозѣ почившаго императора Александра II).

— По заказу М. И. Семевского, для издаваемого имъ историческаго журнала „Русская Старина“:—А. П. Ермоловъ (съ портрета Доу), князь А. Потемкинъ-Таврическій, Дмитрій Самозванецъ (съ эстампа его времени), графъ П. А. Зубовъ, побѣдитель Пугачева И. И. Михельсонъ (*épreuve d'artiste*: Пугачевъ) ¹⁾.

1876. По заказу М. И. Семевского для „Русской Старины“: Президентъ императорской акад. худ. А. Н. Оленинъ (*épr. d'art.* О. Г. Солнцевъ).

По заказу М. И. Семевского для „Русской Старины“: Графъ А. М. Мамоновъ (*épr. d'art.* пѣтухъ).

— Для г. Половцова—вишѣтка: копія съ Ватто.

— В. А. Жуковскій (*épr. d'art.* редакторъ послѣднихъ изданій собраній сочиненій Жуковского, Пушкина, Лермонтова—извѣстный библиографъ П. А. Ефремовъ).

1877. И. И. Глазуновъ (*épr. d'art.* сынъ его).

— Графъ М. А. Корфъ (*épr. d'art.* его супруга и графъ М. М. Сперанскій).

1878. А. И. Глазуновъ (*épr. d'art.* его бабушка).

— Н. А. Некрасовъ (*épr. d'art.* его супруга и В. Г. Бѣлинскій).

1879. И. А. Гончаровъ.

— А. С. Хомяковъ (*épr. d'art.* П. А. Бартеневъ).

— Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Великая Княгиня, [нынѣ Ея Императорское Величество Государыня Императрица] Марія Ѳеодоровна (*épr. d'art.* портретъ Е. И. Высочества Государя Великаго Князя Цесаревича Николая Александровича).

¹⁾ *Épreuve d'artiste*: „пробою художника“ называется легкій рисунокъ на гравировальной доскѣ эстампа, отпечатываемый „до подписи“ (*avant la lettre*), а потомъ сглаживаемый; экземпляры съ подобными летучими оттисками печатаются въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для любителей. Такіе оттиски или марьи на помянутыхъ портретахъ слѣдующіе: на портретѣ Ермолова—портретъ И. П. Пожалостина; на портретѣ самозванца—Марина Мнишекъ; на портретѣ Зубова—Екатерина II.

1880. Г. Р. Державинъ, въ халатъ и кофакъ.

— Академикъ Я. К. Гротъ.

— К. П. Усларъ.

— Д. А. Ровинскій.

— „Испытаніе силы Яна Усмовича“, съ картины Угрюмова, большой эстампъ. (За него я удостоенъ званія почетнаго общника императорской академіи художествъ).

1881. Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Теодоровна.

— С. Петербургскій городской голова И. И. Глазуновъ (epreuve d'artiste: лица его семейства).

И. П. Пожалостинъ.

С. Петербургъ. Іюнь 1881 г.

ОБДОРСКІЙ ВОЗМУТИТЕЛЬ.

1844 или 1845 г.

I.

Въ 500-хъ верстахъ отъ историческаго города Березова и въ 1560-ти отъ Тобольска, прямо на сѣверъ, находится селеніе Обдорскъ, лежащее подъ 66° с. ш. Жители Обдорска народъ пришлый. Все населеніе простирается до 200 человѣкъ. Это тобольскіе и березовскіе переселенцы: купцы, мѣщане и казаки. Занимаются звѣроловствомъ, рыбной ловлею и мелкой торговлей. Обдорскъ—довольно красивое селеніе. Дома, болѣею частію, новые, построенные изъ сосноваго и кедроваго лѣса. На высокомъ берегу стоитъ небольшая деревянная церковь. Вообще этотъ городокъ, какъ его называютъ даже въ официальныхъ бумагахъ—производитъ пріятное впечатлѣніе, когда подъѣзжаешь къ нему. Холмъ, на которомъ расположенъ Обдорскъ, представляетъ довольно значительную по величинѣ, продолговатую тундру, саж. 800 въ окружности. Растительность самая скудная: тощій кустарникъ, мохъ и сѣверная ягода: брусника, морошка и княжника—вотъ и все. Домовъ въ Обдорскѣ около 50 ¹⁾. Съ одной стороны, съ восточной, течетъ рѣчка Полуй, а съ другой Шайтанка. Большую часть лѣта тундра имѣетъ видъ острова. Великая Обь протекаетъ въ виду городка, верстахъ въ 5-ти отъ него. Не заселенной мѣстности, на тундрѣ, болѣе $\frac{2}{3}$. Какъ мѣста застроенныя переселенцами, такъ равно и не заселенныя окрестности принадлежали прежде инородцамъ. Бывшій генераль губернаторъ Гасфортъ исходатайствовалъ, для жителей Обдорска, утвержденіе за ними всей земли. Въ благодарность начальнику края, жители Обдорска, по

¹⁾ Я былъ тамъ въ 1857 году. Авт.

убѣжденіямъ мѣстнаго богача Чечурова, согласились воздвигнуть генералу памятникъ. Въ бытность мою здѣсь, памятникъ уже былъ готовъ. Онъ выложенъ изъ кирпича, футовъ въ 20 вышиною. Надпись не было никакой; но потомъ я слышалъ, что тотъ же затѣйникъ Чечуровъ, сочинивши благодарственную надпись, отослалъ ее въ Екатеринбургъ для вырѣзки, на мраморной доскѣ, для памятника—и, когда привезена была доска,—то жители, съ изумленіемъ, увидѣли благодѣтеля своего Гасфорта, переименованнаго въ Фосфорта. Это случилось, конечно, благодаря самоувѣренности и малограмотности сочинителя.

Въ настоящее время въ Обдорскѣ содержится мисіонерское училище отъ правительства; учениковъ считается 27, ученицъ 20. Въ концѣ 1850-хъ годовъ, тамъ была школа при церкви, которая и держалась, благодаря усердію бывшаго мѣстнаго священника Попова.

Въ 70-ти верстахъ отъ Обдорска на западъ красуется величественный Уралъ, куда съ весны инородцы прогоняютъ своихъ оленей для пастбы. Видъ этихъ горъ, въ ясный день, восхитителенъ, особенно кто не видалъ лучшихъ мѣстностей. Разноцвѣтныя полосы, на бокахъ горъ, играющія отъ лучей солнца, представляютъ волшебное зрѣлище. Если смотрѣть съ тундры на горы, то онѣ кажутся не болѣе какъ въ 7 или 10 верстахъ отъ наблюдателя. Такъ великъ оптический обманъ ¹⁾.

Съ 1-го января по 6-е въ Обдорскѣ бываетъ, такъ называемая, крещенская ярмарка, куда, кромѣ купцовъ тобольскихъ и березовскихъ, пріѣзжаетъ множество инородцевъ березовскаго округа: остяковъ и самоѣдовъ ²⁾, а изъ Архангельской губерніи являются зыряне, —эти, своего рода, евреи полярныхъ странъ, эксплуатирующіе несчастныхъ остяковъ и самоѣдовъ, наравнѣ съ цивилизаторами инородцевъ —россіянами. Привозятъ сюда, преимущественно: коровье масло, семгу, оленьи шкуры и множество пушныхъ товаровъ: песцовъ, соболей, бѣлокъ и лисицъ, а также пухъ, перо, мамонтовую кость, моржовые клыки ³⁾. Все это скупается у инородцевъ тѣми же березовскими и

¹⁾ Въ статьѣ моей „Берега Оби и ея обитатели“, напечатанной въ Тобольскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1858 г. № 2, я довольно подробно описалъ березовскій край; въ этой статьѣ, восхитившись певиданнымъ еще мною зрѣлищемъ горъ—распространился и о нихъ.

²⁾ Въ это время бываетъ здѣсь сборъ ясака, а потому въ Обдорскѣ съѣзжаются не только мѣстныя березовскія власти, но часто пріѣзжаютъ и высшія изъ Тобольска или Омска.

³⁾ Приблизительно на 150—180 тысячъ.

обдорскими жителями-промышленниками и купцами; скупается весьма дешево, а болѣе вымѣнивается на различный товаръ: муку, сукно, табакъ, разныя мелочи, а подъ сурдинкой—и на водку, продажа которой строжайше воспрещена въ Обдорскѣ. Всѣ инородцы, безъ исключенія, большіе охотники до водки и стоятъ только разманить ихъ этимъ волшебнымъ напиткомъ,—они готовы отдать за него все, что при ихъ окажется. Въ бытность мою на службѣ въ Березовѣ, въ концѣ 1850-хъ годовъ, я бывалъ свидѣлемъ торговли, которую, блаженной памяти, откупъ велъ съ инородцами. Такъ какъ далѣе Березова на сѣверъ, торговли виномъ уже нѣтъ, а въ Обдорскѣ продажа водки—незаконная, производится въ маломъ количествѣ и подъ опасеніемъ огромнаго штрафа и отвѣтственности передъ судомъ; то, въ мартѣ мѣсяцѣ, сотни инородцевъ, съ дальнихъ тундръ, являются въ Березовѣ на своихъ быстроногихъ оленяхъ, верстъ за 600 и болѣе. Наложивъ на свои длинныя нарты ¹⁾ звѣриныя шкуры, они ѣдутъ прямокомъ и почти безостановочно до самаго Березова, никогда не теряя пути и узнавая его по звѣздамъ, которыя ярко свѣтятъ на ясномъ небѣ, въ морозныя ночи. На каждой нартѣ сидитъ одинъ и не болѣе двухъ инородцевъ, которые и управляютъ попеременно оленями. И вотъ нартъ 10 и болѣе являются, одновременно, въ Березовѣ и останавливаются у знакомаго зданія, въ которомъ, къ тому времени, сортируется водка, специально для продажи дикарямъ. Что это за напитокъ, можно представить себѣ уже потому, что и мѣстнымъ жителямъ, въ откупное время, продавалась, иногда, какая то отрава, въ родѣ купороснаго настоя, а съ инородцами не церемонились и того болѣе. Имъ отпускали вино процентовъ въ 15, по нѣшнему Тралесу, съ примѣсами уже вовсе нецѣлебными. Надо замѣтить, что управляющіе откупомъ въ Березовѣ ожидали златаго марта съ нетерпѣніемъ и надеждою на главный доходъ откупа въ теченіи года. Не забывали управители и себя. Прибывшихъ инородцевъ встрѣчалъ переводчикъ, получающій хорошее жалованье отъ конторы, и велъ въ домъ управляющаго, отстоящій отъ главнаго кабака въ нѣсколькихъ саженьяхъ. Не говоря ни слова, остяки и

¹⁾ Длинныя и очень низкія сани, съ широкими полозьями, никогда неокончанными. Правятъ оленями длиннымъ шестомъ, которымъ указываютъ на правленіе этимъ прелестнымъ и полезнѣйшимъ животнымъ. Возжей нѣтъ, кромѣ одной. Шестъ, съ одной стороны, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ родѣ копыя; другой конецъ тупой. Этотъ шестъ (саж. 1½ и болѣе длины) служитъ иногда и оружіемъ, при встрѣчѣ инородцемъ мелкаго звѣря: лисицы, песца, куницы и соболя. Тогда онъ скачетъ за звѣремъ и бросаетъ въ него свое копые, рѣдко дѣлая промахъ.

самоѣды входили въ теплыя горницы гостепріимныхъ хозяевъ и тотчасъ же, снявши верхнее платье—гусь ¹⁾, дикари усаживались на полъ. Немедленно имъ подавалось по стакану водки и приносилась закуска, состоящая изъ цѣльныхъ замороженныхъ рыбъ: нелемъ, максуновъ и щекуровъ. Каждый инородецъ вынималъ изъ ноженъ, прикрѣпленный къ поясу, острый ножъ и съ особеннымъ искусствомъ, — не доступнымъ многимъ даже мѣстнымъ жителямъ березовскаго края, содравъ кожу съ рыбы, начиналъ строгать ее мелкими ломтями и съ жадностью глотать. Сбѣдалось немѣрно много, послѣ двухдневнаго голода и мороза. Въ заключеніе подавалось, въ большихъ деревянныхъ чашкахъ, кислое молоко, которое инородцы также сбѣдали ведрами... Водки болѣе не давали, не изъ экономіи, конечно, а находя это неблагоразумнымъ, по различнымъ соображеніямъ. Поѣвши плотно, дикари предавались глубокому сну. Спустя нѣсколько часовъ, они просыпались и тогда уже начиналось дѣло. Гостямъ снова подносили водки; но уже не въ стаканахъ, а въ рюмкахъ; послѣ первой, наливали вторую, а затѣмъ третью. Тогда дикари, вынувъ изъ одного рукава малицы свои руки и всунувъ ихъ за пазуху, вынимали оттуда, черезъ воротъ малицы, различныя звѣринныя шкурки: песцовыя, лисьи, дешевыхъ бобровъ и, съ поклономъ, подносили хозяевамъ, преимущественно—хозяйкѣ, въ видѣ подарковъ. Послѣ этого, черезъ переводчика, начиналась торговля. Единицею при торгѣ, со стороны откупныхъ, было ведро водки, а со стороны инородцевъ—лисица (извѣстнаго сорта) или песецъ. Соболь, боберъ и, въ особенности, бурая лисица или голубой песецъ составляли стоимость нѣсколькихъ обыкновенныхъ песцовъ или лисицъ. Торговались инородцы не крѣпко и товаръ ихъ всегда доставался за безцѣнокъ, не говоря уже о достоинствѣ получаемой ими водки. Я былъ, однажды, свидѣтелемъ, какъ за 2½ ведра сивушной отравы была приобретена бобровая женская ягушка ²⁾, шитая изъ десяти или двѣнадцати шкуръ. При такихъ громадныхъ барышахъ, откупъ, конечно, долженъ былъ дѣлиться съ властями: городничимъ, исправникомъ, обдорскимъ

¹⁾ Одежда изъ стараго оленя, шерстью вверхъ, съ треухомъ на головѣ. Кромѣ этого каждый инородецъ, отправляясь въ дальній путь, надѣвалъ малицу и парку. Малица—одежда въ родѣ длинной рубахи, шерстью внизъ, сдѣланная изъ неплюевъ или молодыхъ оленей. Парка надѣвается на голое тѣло и дѣлается изъ только что родившихся оленьихъ дѣтенышей. Она также шьется шерстью вверхъ, съ треухомъ. На ногахъ надѣвается двойная обувь, также изъ оленьихъ шкуръ и лапъ (такъ называемая „кенгы“). Въ этомъ костюмѣ остякъ или самоѣдинъ не доступенъ для самаго сильнаго мороза.

²⁾ Та же малица, но съ полами и шерстью вверхъ. Авт.

засѣдателемъ и проч. Не мѣсто здѣсь рассказывать о нѣкоторыхъ случаяхъ нашествія властей къ воротамъ березовскаго управляющаго, въ самый разгаръ торговли. Я былъ свидѣтелемъ одного такого нашествія интересно-возмутительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ—комическаго. Послѣ недолгихъ переговоровъ съ хозяиномъ, за воротами,—почтенные блюстители закона, какъ милые знакомые, явились въ домъ пить чай и играть въ карты. Кромѣ пушнаго товара, самоѣды привозятъ иногда, для покупки водки, и кредитные билеты. Откуда они являются, на самыхъ отдаленныхъ тундрахъ, такихъ, на которыя, можетъ быть, еще не ступала нога ни одного русскаго—этого объяснить не могу.

II.

Въ 1844 или 1845 г. ¹⁾, на Обдорскую ярмарку собралось очень много торговцевъ. Чиновный людъ: исправникъ, мѣстный засѣдатель, кой-кто изъ тобольскихъ чиновниковъ также былъ налицо. Былъ, кажется, тутъ же пріѣзжій жандармскій офицеръ. Торговля шла бойко. Русскіе торгаши потирали, отъ удовольствія, руки, скупивъ весьма выгодно пушнину. Добродушный исправникъ Скорняковъ былъ чрезвычайно доволенъ удачнымъ сборомъ ясака. Иностранцы, пребывающіе на своихъ нартахъ и ночующіе подъ красивымъ полярнымъ небомъ, просвѣтленнымъ 35—40 град. морозами—также находились въ блаженномъ состояніи, лакомясь, ежедневно, волшебнымъ напиткомъ и кускомъ сыраго оленьяго мяса или вкусной рыбы. Наслаждались они и набиваніемъ рта нюхательнымъ табакомъ, дѣйствіе котораго напоминало имъ, нѣсколько, одуряющее свойство водки. Все шло хорошо! Было нѣсколько непріятныхъ случаевъ; но это не въ счетъ; безъ нихъ не обойтись: замерзло на своихъ нартахъ нѣсколько сильно опьянѣвшихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ молодая женщина съ ребенкомъ, плотно прижавшимся къ открытой груди кормилицы ²⁾. Было нѣсколько дракъ; одного торговца пообокрали, другаго поймали съ продажной влагой, напоминавшей, по запаху, низкородную водку—все уладилось!

Вдругъ весь Обдорскъ былъ пораженъ страшнымъ извѣ-

¹⁾ Все написанное нами о Ваулѣ мы излагаемъ по рассказамъ. Я обращался съ просьбою достать мнѣ подлинное дѣло Вауля, которое должно бы было храниться въ архивѣ Тобольскаго губернскаго суда; но, по справкамъ, дѣла этого не нашлось. Весьма вѣроятно, что въ подробностяхъ моего разсказа могутъ быть неточности. Будемъ весьма благодарны, если кто, ближе знакомый съ этимъ интереснымъ дѣломъ, исправитъ наши неточности и пополнитъ пробѣлы статьи.

З. В.

²⁾ Факты замерзанія пьяныхъ иностранцевъ, во время сна—очень часты.

стіемъ. Верстахъ въ 30 или 40 отъ города появился, съ многочисленной ватагой, извѣстный уже правительству грабитель Вауль Піеттоминъ. Кто-то былъ въ станѣ разбойника и видѣлъ его лично. «Нартъ множество, въ каждой по три по четыре оленя; пики какъ лѣсъ стоятъ, собирается Вауль сюда, скоро придетъ!» Всполошились власти. Безмятежный исправникъ, «капитанъ Митька», какъ его называли инородцы—совсѣмъ растерялся. Военного отряда въ Обдорскѣ нѣтъ и не полагается. Во время ярмарки бываетъ тутъ нѣсколько казаковъ, приѣзжающихъ съ чиновниками и исполняющихъ обязанности полицейскихъ служителей. Придумали послать въ Березовъ нарочнаго, съ требованіемъ присылки мѣстной казачьей команды, въ числѣ 50 или болѣе человекъ. Такъ и сдѣлали: нарочный прилетѣлъ въ Березовъ быстро. Березовцы исполнились не менѣе Обдорцевъ. «Возьметъ Обдорскъ, придетъ и сюда, все отниметъ, въ конецъ разоритъ насъ... Вѣдь за нимъ всѣ самоѣды пойдутъ, если захочетъ». Однако войско, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ казаковъ, съ кременными, ржавыми ружьями, отправилось противъ непріятеля. Предводителемъ былъ посланъ пятидесятникъ А. М. Буторинъ¹⁾. Между прочимъ въ Обдорскѣ нашелся спаситель, покончившій все дѣло просто и безъ большихъ хлопотъ. Это былъ мѣстный житель, довольно зажиточный мѣщанинъ, Нечаевскій, старый другъ Вауля,—человѣкъ чрезвычайно смѣшленный, находчивый и рѣшительный. Онъ-то и явился къ властямъ съ неожиданнымъ для нихъ предложеніемъ: «Я поѣду въ станъ Вауля и привезу его живаго сюда. Чѣмъ меня награждать за это»? Ему наобѣщали всякія милости. «Медаль дадутъ»?—Дадутъ, дадутъ, ужъ мы похлопочемъ, только спаси ради Бога!—Нечаевскій отправился. Весь Обдорскъ провожалъ его съ напутствованіями и съ надеждой на спасеніе....

Кто же былъ этотъ страшный человѣкъ—Вауль? Это была, дѣйствительно, весьма замѣчательная, между дикарями, личность, уже давно знакомая всему краю и властямъ. Въ началѣ 1840-хъ годовъ, въ березовской тюрьмѣ, находящейся при полиціи и неогороженной даже тыномъ, можно было видѣть арестанта-самоѣда, лѣтъ подлѣ 40, средняго роста, крѣпко сложенного, съ красивымъ и энергичнымъ лицомъ и весьма умными глазами. Это былъ Вауль. Онъ судился за грабежи... Живя на отдаленныхъ тундрахъ, этотъ человѣкъ набралъ себѣ шайку послушныхъ земляковъ и съ ней разбѣзжалъ

¹⁾ Нынѣ, кажется, эсаулъ въ отставѣ; человѣкъ, нажившій, разнаго рода торговлей, огромное, для того края, богатство. Авт.

по сосѣдямъ, отнимая у богатыхъ оленей и раздавая ихъ неимущимъ, не забывая, конечно, брать и для себя львиную часть. Къ убійствамъ онъ никогда не прибѣгалъ, да и не было надобности. Робкіе и крайне не воинственные соотичи не сопротивлялись ему. Но что всего замѣчательнѣе—Вауль проповѣдывалъ вездѣ и всѣмъ необходимость отдѣлиться отъ русскихъ, не платить имъ ясакъ и отобрать у нихъ всѣ занятія ими земли... Молодца поймали и привезли въ Березовъ. Тамъ онъ судился, былъ наказанъ и сосланъ въ Енисейскую губернію. Оттуда, вскорѣ, онъ сѣмѣлъ найти дорогу въ свои родныя тундры и вотъ теперь, собравши довольно значительныя силы, шолъ въ Обдорскъ съ тѣмъ, чтобы взять его, отобрать сданный уже ясакъ и раздать его обратно, а самому сдѣлаться полновластнымъ господиномъ, уничтоживъ ненавистнаго ему князя Таймина... Все это, какъ я уже сказалъ, привело мѣстныя власти и жителей Обдорска въ трепеть, хотя, говоря откровенно, бояться-то ужъ, черезъ чуръ, было и неосновательно. Что могъ сдѣлать этотъ, небывалый еще между дикарями, смѣльчакъ, имѣя даже сотни людей подъ рукой? Все ихъ оружіе заключалось въ стрѣлахъ и короткихъ ножахъ, если исключить пики, которыя употребляютъ лишь для управленія оленями и, въ рѣдкихъ случаяхъ, для охоты за мелкимъ звѣремъ... Три, четыре залпа изъ ружей, хотя и ржавыхъ, было бы достаточно, чтобы разогнать трусливое стадо дикарей... Но такова сила всего, что застаётъ въ расплохъ! Въ это время у страха дѣлаются, по пословицѣ, глаза велики...

Нечаевскій явился въ станъ Вауля къ вечеру и сейчасъ же увидѣлся съ своимъ стариннымъ пріятелемъ.

— Здорово другъ, сказалъ посланникъ.

«Здравствуй, зачѣмъ пріѣхалъ?»

— Будемъ говорить много; дѣло важное. Пойдемъ дальше отъ твоихъ.—Въ Обдорскѣ узнали, что ты приползъ. Чиновники испугались, бѣжали въ Березовъ. Никто не знаетъ, что я къ тебѣ поѣхалъ. Нарочно, другъ, прибѣжалъ къ тебѣ сказать, что я вмѣстѣ съ тобой, за одно.

«Ой, Николка¹⁾, не вѣрю. Ты худое что-то задумалъ. Погоди, позову шамана; пускай онъ скажетъ что у тебя на умѣ».

— Зови, другъ, зови. Мы съ тобой вѣдь много лѣтъ знакомы. Видѣлъ ты отъ меня худо? Когда тебя искали русскіе, развѣ я тебя выдавалъ имъ? А я вѣдь зналъ, гдѣ ты... Вотъ и теперь приползъ помочь тебѣ. Поѣдемъ въ Обдорскъ вмѣстѣ; тамъ всѣ насъ испугаются

¹⁾ Имя Нечаевского.

и отдадутъ намъ весь ясакъ и все вино, а вина много, много. Ты мнѣ за это будешь всегда другомъ... Напишемъ потомъ бумагу русскому царю; скажемъ ему, что чиновники васъ обижаютъ, берутъ много ясака, а царь не велитъ это дѣлать. Онъ тебя посадитъ княземъ и отдастъ всѣ земли. Кто живетъ въ Обдорскѣ, ты того оставь, другъ. Они тебѣ будутъ платить ясакъ. Чиновниковъ всѣхъ прогонимъ, будемъ сами большіе бѣяры. А если ты силой захочешь отнимать городъ у царя, онъ разсердится и не сдѣлаетъ тебя княземъ...

Много еще толковалъ, въ этомъ родѣ, обдорскій дипломатъ. Вауль призадумался.

«Надо спросить моихъ, сказалъ онъ. Какъ они скажутъ...»¹⁾

Было приглашено на совѣтъ человекъ десять самыхъ приближенныхъ Ваулю. Совѣщались безъ шума; но совѣтники бунтовщика крѣпко настаивали не довѣряться русскому, хотъ и другу, и дѣлать по своему.

Передъ утромъ призвали шамана, одного изъ самыхъ славныхъ между этими полярными жрецами. Началась ворожба; закололи молодого оленя, содрали съ него шкуру, которую и очистили самымъ безукоризненнымъ образомъ, такъ что на ней не осталось ни малѣйшаго слѣда крови. Затѣмъ шкуру прикрѣпили къ длинному песту, который другимъ концомъ воткнули въ сѣбѣ. Шаманъ взялъ лукъ и стрѣлу, отошелъ шаговъ на 30 отъ пѣли и, произнося непонятныя, даже для своихъ родичей, слова, сильно натянулъ тетиву и стрѣла полетѣла, насквозь пробивъ шкуру. Когда ее сняли съ песта,—всѣ присутствующіе, съ невольнымъ волненіемъ, стали разглядывать отверстіе, сдѣланное стрѣлой.

— Кровь, кровь! Не ходи, обмануть! вскричалъ шаманъ.—Дѣйствительно, около того мѣста, гдѣ пролетѣла стрѣла, на шкурѣ оказалась свѣжая кровь...

Смутился Нечаевскій; но не упалъ духомъ. Онъ снова началъ убѣждать Вауля ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и увѣрялъ, что кровь явилась къ добру и надо радоваться этому; что если Вауль его не послушаетъ, то все потеряетъ и кто нибудь выдастъ его русскимъ чиновникамъ. Если же друга послушаетъ, то они сдѣлаютъ дѣло безъ драки; всѣ будутъ живы и всѣмъ будетъ хорошо.

Стали еще ворожить. Послѣ долгихъ дикихъ завываній, непонятныхъ словъ, шаманъ началъ дѣлать порывистыя движенія руками, ногами и головой. Чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе и быстрѣе стали

¹⁾ У остяковъ и самоѣдовъ, какъ вообще у всѣхъ дикарей, языкъ бѣденъ въ высшей степени. Для отвлеченныхъ понятій словъ почти нѣтъ, а потому и выраженіе мыслей не полное и крайне затруднительное для инородца.

эти движенья; наконецъ шаманъ выхватилъ, изъ за пояса, свой ножъ и, со всего размаха, началъ тыкать имъ себя въ грудь и животъ¹⁾. Лицо его сдѣлалось страшно,—на сжатыхъ губахъ показались клубы пѣны, глаза налились кровью и онъ, съ страшнымъ крикомъ, упалъ на снѣгъ. Изъ распростертой руки шамана выпалъ ножъ;—онъ былъ въ крови. Минуть черезъ пять колдунъ очнулся. Онъ былъ совершенно невредимъ; на тѣлѣ, конечно, не оказалось ни одной раны. Ворожба предвѣщала бѣду. Снова начали уговаривать Вауля не слушать русскаго.

— Слушай, другъ, и вы всѣ слушайте, началъ Нечаевскій. Что я могу вамъ сдѣлать худаго? Ты, Вауль, возьми съ собой всѣхъ сколько у тебя есть людей, и пусть у самаго города они останутся. Въ городъ мы пойдемъ вмѣстѣ; веди съ собой хоть 10, хоть 20 человекъ. Я отъ васъ никуда не уйду и, если увидите, что я васъ хочу обмануть, убейте меня; я въ вашихъ рукахъ. Чиновниковъ нѣтъ, казаковъ нѣтъ, жители васъ не тронуть. Чего вамъ бояться? Вы знаете нашего Бога Николу?²⁾ Вотъ что я скажу другъ: если я тебя обману, пусть Никола убьетъ меня! Еще чего хочешь? Хочешь, поклоннусь вашими клятвами...

Снова стали совѣщаться. Рѣшили на томъ, чтобъ ѣхать всѣмъ, но Нечаевскій уговорилъ, все таки, остановиться верстахъ въ 5 отъ Обдорска, выбравъ мѣсто, которое бы скрывало отъ жителей становище. Еще не совсемъ стемнѣло, когда ватага расположилась вблизи города. Выбравъ человекъ 18 самыхъ надежныхъ самоѣдовъ, Вауль отправился въ приготовленную ему, другомъ Нечаевскимъ, западню... Чиновначаліе было на сторожѣ. Лишь только замѣтили вдали толпу, сейчасъ же приняли мѣры. Наличные казаки, многіе изъ жителей и преданные князю Таймину остяки—спрятались вблизи инородческой управы и въ самомъ ея зданіи. Вауль со свитой и другомъ-предателемъ, въ совершенной тишинѣ, взопли на холмъ и приблизились къ управѣ.

— Пойдемъ впередъ, другъ, шепнулъ Нечаевскій Ваулю.

Дверь зданія отворилась—друзья вошли. Въ ту же минуту крѣпкія руки обхватили легковѣрнаго агитатора; дверь заперли на крюкъ. Сильно напрягая мускулы, Вауль сбросилъ было съ себя нѣсколько человекъ; но, вслѣдъ затѣмъ снова навалилась на него цѣлая масса людей, которымъ помогъ и другъ Нечаевскій.

¹⁾ Что шаманы продѣлываютъ такіе штуки — это совершенная правда. Самъ я свидѣтелемъ этихъ фокусовъ не былъ; но очень многіе изъ жителей Березовскаго края рассказывали, какъ очевидцы, что фокусы шамановъ изумительны и необъяснимы. Изступленіе шамановъ во время ворожбы напоминаетъ экстазъ хлыстовъ, когда на нихъ накатитъ. (Печерскій «На горахъ»).

²⁾ Самоѣды чрезвычайно чтутъ Св. Николая Чудотворца и называютъ его русскій богъ Никола. (Статья моя въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1858 года № 2).

— «Предатель, чортъ! вскричалъ отчаяннымъ голосомъ Вауля. Пропави ты, убей тебя русскій богъ Никола... Чортовъ сынъ, проклятый, проклятый!..»

Крѣпко скрутили руки и ноги Вауля и бросили его въ уголъ каморки.

Между тѣмъ, на улицѣ происходила отчаянная борьба между друзьями Вауля и казаками, съ участіемъ жителей Обдорска. На помощь подоспѣли и бывшіе, до сихъ поръ, въ управѣ. Безмолвно, но отчаянно защищалась свита Вауля, не обращая вниманія на удары, по чему попало, поленьями и палками. Всѣхъ страшнѣе и всѣхъ не-сокрушимѣе былъ самый преданный Ваулю человекъ—Содома. Съ непомѣрной силой, спокойно перенося сыпавшіеся на него удары, онъ разбрасывалъ около себя всѣхъ, кто попадался ему подъ руку. Тогда урядникъ Шаховъ, подойдя къ атлету сзади, со всего раз-маха ударилъ его палахомъ сабли по обнаженной головѣ. Не вы-несъ Содома этого страшнаго удара и, со стономъ, какъ спопъ, по-валился на снѣгъ, окрасивъ его алой кровью.

Немедля посланъ былъ нарочный, на встрѣчу казачьяго отряда, чтобы воротить его назадъ. Такъ и не удалось березовскимъ воинамъ отличиться въ дѣлѣ. Шайка Вауля, узнавъ о гибели своего пред-водителя, разбѣжалась; ее не преслѣдовали, какъ совершенно без-опасную. Нѣкоторые рассказываютъ, что въ станъ Вауля было послано нѣсколько человекъ, которые, пробравшись незамѣтно къ бунтовщи-камъ, обрѣзали построжки у нартъ, вслѣдствіе чего олени, почувявъ свободу, убѣжали и когда самоѣды бросились ловить этихъ живот-ныхъ—нарты и все добро на нихъ было забрано и доставлено въ Обдорскъ. Не знаю, до какой степени это вѣроятно, а тѣмъ болѣе возможно. Перерѣзать незамѣтно, для глазъ хозяевъ, веревки у со-тенъ нартъ—штука мудреная!

Закованнаго въ тяжелыя цѣпи Вауля отвезли въ Березовъ и тамъ судили. Онъ былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ и къ ссылкѣ въ каторжныя работы. Пойманные соучастники Вауля также были наказаны.

Нечаевскій получилъ, за усмиреніе бунта, медаль на шею, кото-рую онъ, впрочемъ, носилъ недолго. Вскорѣ онъ умеръ.

Исправникъ, при донесеніи губернатору, не забылъ выказать себя энергичнымъ дѣятелемъ въ подавленіи возстанія, за что также удо-стоенъ награды.

Такъ окончились широкія затѣи дикаря. Какимъ путемъ явились въ головѣ его идеи, не сообразныя съ унылой, чисто животной жизнію самоѣдовъ, съ ихъ первобытными понятіями о правахъ человека и о его нравственныхъ потребностяхъ?.. Отвѣта дать не можемъ!..

Захаръ Александровичъ Баршъ.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ СИБИРИ.

1840.—1864 гг.

II ¹⁾.

Письма разныхъ лицъ къ Дмитрію Иринарховичу Завалишину, объясняющія дѣйствія его и причины вліянія его въ Сибири, и относящіяся къ разнымъ событіямъ въ ней, во время пребыванія его въ Читѣ, какъ на поселеніи, такъ и по возвращеніи ему правъ, съ 1839 по 1863 годъ. Ред.

Письмо Александра Александровича Мордвинова, учителя Нерчинскаго уѣзднаго училища, впоследствии вице-губернатора Забайкальской области, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и исправлявшаго должность губернатора. Письмо это было отвѣтомъ на одно изъ тѣхъ писемъ, которыми Д. И. З. увѣщевалъ молодыхъ людей не поддаваться пустой и разгульной жизни, обычной тогда въ Сибири, и въ особенности въ Нерчинскѣ, и не отговариваться незначительностію и зависимостію положенія относительно невозможности будто бы приносить какую нибудь пользу, а тѣмъ болѣе противодѣйствовать злу и неправдѣ. Вслѣдствіе подобныхъ наставленій тогдашнимъ молодымъ людямъ, и покойный генералъ Константинъ Степановичъ Безносиковъ, одинъ изъ видныхъ впоследствии дѣятелей въ Сибири, отыскивая въ послѣднее время Д. И. Завалишина въ Москвѣ, чрезъ редакцію «Москов. Вѣдомостей», заявилъ себя тамъ ученикомъ его, хотя собственно ученикомъ не былъ, какъ были многіе, которыхъ дѣйствительно обучалъ Д. И. З., а только пользовался его наставленіями и находился подъ вліяніемъ его примѣра.

14-го марта 1840 г., г. Нерчинскѣ.

«Милостивый государь Дмитрій Иринарховичъ! Я читалъ и перечитывалъ письмо ваше, какъ милую вѣсточку отъ тѣхъ добрыхъ людей, о которыхъ мы, молодые, такъ часто мечтаемъ, и которыхъ такъ мало видимъ около себя; людей умѣющихъ и понять насъ, и разъяснить не понятное; и огорчить, и утѣшить!»....

¹⁾ См. статью «Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и Государство» въ «Русской Старинѣ» 1881 г., сентябрь.

«Раскрывая и обнажая себя, я не боюсь своей бѣдной, безоружной позиціи, потому что не врага встрѣчаю въ васъ. Вы, нападая, учите меня защищаться; вы прокладываете мнѣ дорогу, по которой я послѣ могъ бы идти смѣло. И я благодаренъ вамъ, и я тысячу разъ благодарю васъ за письмо ваше, гдѣ я вижу умъ, какого не вижу вокругъ себя, душу» и пр. пр.

(Нѣкоторые литературныя произведенія А. А. Мордвинова, печатались въ свое время, кажется, въ «Отеч. Запискахъ» того времени.

Письмо Вильгельма Карловича Кюхельбекера, поэта, лицейскаго товарища Пушкина. Онъ былъ поселенъ въ г. Баргузинѣ, Забайкальской области, но послѣ перепросился въ Акшу, называвшуюся крѣпостію, хотя тамъ и не было никакой крѣпости, а это была простая казачья станица, мѣстопробываніе казачьяго дистанчнаго начальника. Въ проѣздъ какъ въ Акшу, такъ и обратно, В. К. Кюхельбекеръ по нѣсколько дней проживалъ въ Читѣ у Д. И. З. и съ семействомъ своимъ, и въ это время читалъ Д. Пр.—чу свои сочиненія, не появившіяся еще въ печати; а во время пребыванія въ Акшѣ былъ съ нимъ въ постоянной перепискѣ.

19-го марта, 1840 г., крѣпость Акша на рѣкѣ Оконѣ.

«Любезнѣйшій другъ и товарищъ Дмитрій Принарховичъ! Не знаю, пріятны ли вамъ мои письма, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, истинная отрада бесѣдовать съ вами. Сравнивать себя съ вами не смѣю! Вы человекъ истинно европейской учености, я,—только люблю науки. Нѣтъ во мнѣ такого постоянства, той всепожыдающей твердости, которая необходима для пріобрѣтенія глубокихъ познаній», и пр.

Письмо статскаго совѣтника В. Л. Тилля, находившагося по особымъ порученіямъ при ревизующемъ Восточную Сибирь сенаторѣ Толстомъ:

29-го октября, 1844 г. Иркутскъ.

«Сообщенныя мнѣ свѣдѣнія, (о преобразованіи края, и для пользы самаго края, и въ видахъ подготовленія къ разрѣшенію Амурскаго вопроса), я читалъ съ живѣйшимъ вниманіемъ, и не могу не отдать полной справедливости наблюдательному уму, высотѣ и ясности видовъ составившаго оныя, и потому вы легко себя представить можете, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю продолженія, о которомъ и имѣю честь просить васъ».

Письмо гр. А. К. С. (графа Александра Карловича Сиверса, камеръ-юнкера, чиновника особыхъ порученій при ревизующемъ Восточную Сибирь сенаторѣ Толстомъ, впослѣдствіи Харьковскаго и Московскаго губернатора):

20 Mars. 1845.

(Изъ одной деревни, гдѣ производилъ слѣдствіе). «Aujourd'hui je me trouve à 60 verstes seulement de vous, mais hélas! malgré ce peu de distance, qui nous sépare, je suis dans l'impossibilité de vous redire tout ce que j'aurais désiré».

Письмо статскаго совѣтника С. (Стадлера, старшаго чиновника особыхъ порученій при ген.-губернаторѣ Муравьевѣ):

12 Novembre, 1848. Irkoutsk.

«Le Général a reçu avec plaisir les renseignements que vous lui avez adressés sur les opérations de l'achat des blés. Il est reconnaissant etc».

Письмо Петра Александровича Муханова, проживавшаго въ Иркутскѣ, товарища Д. И. З.—на по заключенію въ казематъ:

9-го ноября, 1849 года. Иркутскъ.

«Пришлите мнѣ статью вашу о причинахъ упадка Нерчинскихъ заводовъ, и о способахъ возстановленія ихъ, для передачи кому слѣдуетъ». (Ген.-губ. Муравьеву).

Письмо Нерчинскаго исправника В. (Вильчковскаго, вызваннаго въ Иркутскъ по дѣламъ службы, и которому ген.-губернаторъ говорилъ: «У васъ, слава Богу! есть съ кѣмъ посоветоваться въ затруднительныхъ случаяхъ»):

1-го сентября 1851 г. Иркутскъ.

«Генералъ очень доволенъ вами. (Дѣло идетъ о свѣдѣніяхъ, указаніяхъ и содѣйствіи, о которыхъ просили Д. И. З.). Это сказывалъ мнѣ (suo secreto) С... (Стадлеръ), который свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе».

Письмо командира казачьяго пѣшаго баталіона Р. (Риттера, принятаго въ Читѣ, Д. И. З.—нымъ, облаканнаго и получившаго наставленія какъ онъ долженъ дѣйствовать для пользы службы и для благосостоянія ввѣренныхъ ему людей):

3-го ноября 1851 года.

«Дорогой Дмитрій Иринарховичъ! кажется, должно бы по справедливости написать къ вамъ прежде всѣхъ, но я не хотѣлъ беспокоить васъ своимъ мараньемъ безъ толку, а собрать сначала что нибудь дѣльное..... И вспомнилъ я о васъ, и о вашихъ истинно благихъ совѣтахъ»...

Письма Николая Александровича Бестужева, сослуживца по морской службѣ, товарища по заключенію въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ, друга Д. И. З.—на. Письма содержатъ разные просьбы; переписка между Д. И. З. и Н. А. Б. продолжалась до самой смерти послѣдняго.

8-го декабря 1852 г. Селенгинскъ.

«Любезный союзникъ Дмитрій Иринарховичъ! Твое письмо (объ успѣхѣ ходатайства за сестру общаго товарища ихъ, бывшаго моряка, Торсона, умершаго въ Селенгинскѣ), доставило мнѣ двойное удовольствіе, и само по себѣ, и по добродѣлю, въ немъ изложенному. Вотъ мой милый Д. И. отвѣтъ на великодушное предложеніе и пр.... Прощай, любезный товарищъ! прошу не забывать меня старика и твоего преданнаго Н. Б.».

27-го октября 1853 г. Селенгинскъ. (Въ этомъ письмѣ, обращаясь къ Д. И. З.—ну, съ просьбою о ходатайствѣ по одному дѣлу, Н. А. Бестужевъ прежде всего старается доказать, что «тутъ нѣтъ ничего противозаконнаго», въ полномъ убѣжденіи, что никакія личныя отношенія не могутъ заставить Д. И. З.—на уклониться отъ справедливости).

24-го апрѣля 1854 года. Селенгинскъ.

«Я не перестаю беспокоить тебя, любезный Дм. Ир., своими просьбами, но что же дѣлать? здѣшній народъ такъ напуганъ прежде бывшими злоупотребленіями, что и въ самомъ справедливомъ дѣлѣ считаетъ нужнымъ еще и ходатайство».

21-го января 1855 года. Селенгинскъ.

«Не знаю, усталъ ли ты получать мои посланія, любезный союзникъ и сотоварищъ Дм. Ир., но я не устаю беспокоить тебя своими просьбами».

Позднѣйшее свидѣтельство (объ участіи въ дѣлахъ по управленію и вліяніи Д. И. З.—на) одного поляка, находившагося въ ссылкѣ въ Забайкальскомъ краѣ, и возвращеннаго въ 1856 году:

«Dziennik poznański». 1866. № 6. Stycznia 10.

«W Czycie (Читѣ) mieszka Dymitry Zawalishyn (z rosyjskich wygnańców politycznych), jako osiedlenie, ma jednak wpływ na miejscową władzę, która wielce dowierza jego rozumowi i znajomości tutejszemu krajowi», т. е.

„Дневникъ Познанскій“, 1866, № 6, января 10: (Переводъ).

«Въ Читѣ проживаетъ Дмитрій Завалишинъ, (изъ русскихъ политическихъ изгнанниковъ), какъ поселенецъ, имѣетъ однако влияние на мѣстные власти, которыя очень довѣряютъ его уму и знанію тамошняго края».

См. также свидѣтельство Ал. Степ. Сгибнева (ум. въ 1881 г.), (см. Древ. и Нов. Россію) участника въ первомъ плаваніи по Амуру, о приѣздѣ ему и Казакевичу, (нынѣ ген.-ад., адмиралъ и воен. губ. Кронштадта) и о содѣйствіи Амурскому дѣлу, оказанномъ въ Читѣ Д. П. З—нымъ.

Свидѣтельство англичанина Равенштейна, въ его сочиненіи «The Russian on the Amur» о правдивости показаній Д. П. З—на относительно положенія дѣлъ на Амурѣ, стр. 443:

«M-r Dmitry Zavalishin, in a letter adressed to the Morskoi Sbornik, and dated Chita, 2 July, 1858, was the first to protest against these exaggerated, and in many instances, mendacious accounts», т. е.

(Перев.): «Г-нъ Дмитрій Завалишинъ, въ письмѣ, адресованномъ въ «Морской Сборникъ» изъ Читы, отъ 2-го іюля 1858 г., первый протестовалъ противъ сихъ преувеличенныхъ, и во многихъ случаяхъ лживыхъ разсказовъ».

Просьбы къ Д. П. З—ну разныхъ лицъ по управленію въ Читѣ, гдѣ онъ долгое время до назначенія и прибытія весьма медленно назначаемихъ служащихъ, безвозмездно исправлялъ должность офицеровъ—генеральнаго штаба, по съемкамъ и составленіи картъ, путей сообщенія, по составленію плана города, землемѣра, по распланировкѣ города и отводу земель, архитектора, по постройкѣ казенныхъ зданій, медика, по надзору за тифозными госпиталями, по пособію жителямъ собственными лѣкарствами, совѣтника, мирового посредника, учителя и пр. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ, сохранившіеся въ оригиналахъ:

Просьба отъ 13-го августа 1852 г. Нерчинскаго 2-й гильдіи купца Петра Кандинскаго о постройкѣ лавокъ: резолюція воен. губернатора: «Прошу Дм. Ир—ча, указать мѣсто для постройки лавокъ».

Просьба отъ 7-го ноября 1852 г. сотника 12-го класса Бронникова, объ отводѣ мѣста для постройки дома: резолюція воен. губ.: «Прошу Д. П.—ча потрудиться отвести мѣсто новому нашему жителю».

Письмо совѣтника областнаго правленія Шапова, (брата извѣстнаго Шапова):

«Мил. государь Дм. Ир.! Покорнѣйше прошу мою записку о лѣсахъ, если съ вашей стороны нѣтъ никакихъ замѣчаній, требующихъ моего личнаго прибытія къ вамъ, возвратитъ мнѣ съ посланнымъ. Извините, пожалуйста, что самъ въ настоящее время никакъ не могу побывать у васъ, потому что чувствую себя слишкомъ слабымъ въ здоровьѣ. Если же содержаніе

моей записки требуетъ вразумленій вашихъ мнѣ, въ такомъ случаѣ, имѣю честь просить оставить ее у васъ».

Письма первого военного губернатора Забайкальской области и наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, Павла Ивановича Запольскаго.

Письма эти писались къ Д. И. З—ну, во время разъѣздовъ военного губернатора по области. Не имѣя изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ ни одного, положиться на кого могъ бы вполне, воен. губернаторъ во время своихъ отлучекъ поручалъ Д. И. З—ну главный надзоръ и распоряженія по управленію; ему предоставлено было получать всѣ бумаги и письма, адресованныя въ собственныя руки губернатора, ему же оставлялись и всѣ важныя дѣла, для высылки куда потребуется при разъѣздахъ губернатора, и пр. пр. Вотъ для образца одно изъ такихъ писемъ:

С. Посольское. 21-го сентября 1853 года.

«Узнавъ въ Верхнеудинскѣ, что Николая Ник. (ген. губ. Муравьева), еще нѣтъ (въ Иркутскѣ) и что не ранѣе будетъ въ Иркутскъ какъ 26-го числа, я употребилъ это время на разъѣзды по здѣшнему округу, былъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ и напелъ все довольно хорошо, о чемъ вамъ и сообщаю, дорогой мой Дмитрій Иринарховичъ. Въ Верхнеудинскѣ же узналъ о нѣкоторыхъ козняхъ нѣкоторыхъ генераловъ, и нельзя не удивляться этимъ господамъ; но объ этомъ поговоримъ послѣ; а въ настоящее время скажу, что я на берегу встрѣтилъ преосвященнаго, который мнѣ объявилъ, что онъ въ Читѣ не будетъ, а станетъ разъѣзжать по Верхнеудинскому округу и пробудетъ за Байкаломъ около мѣсяца; затѣмъ возвратится въ Иркутскъ.

«Я все это время, благодаря Всевышняго, здоровъ, хотя въ Шакшѣ, (деревня возлѣ озера того же имени), и порядочно было занемогъ; но не писалъ вамъ, потому чтобъ вы не беспокоились; зная ваше доброе ко мнѣ расположеніе, я былъ увѣренъ, что извѣстіе это потревожило бы васъ; поэтому то я и писалъ вамъ съ Погроминской станціи, что я совершенно здоровъ.

Обнимаю васъ отъ искренняго сердца. Вашъ преданный П. З.

«Р.-С. Урожай повсемѣстный и обильный, но сѣна и въ Верхнеудинскомъ округѣ много потопило и совсѣмъ унесло; но всѣ уповаютъ на изобиліе соломы и недостатокъ сѣна ихъ не озабочиваетъ».

(N.-В. Въ предшествующемъ году, вслѣдствіе ломки горнаго вѣдомства, при чемъ уничтожилось много тысячъ десятинъ пашни, съ увеличеніемъ потребности на рабочихъ, лишившихся собственнаго хлѣба, и затѣмъ, вслѣдствіе учрежденія казачьяго войска изъ горныхъ крестьянъ, что отвлекло отъ хлѣбопашества и массу лучшихъ работниковъ изъ крестьянства, — недостатокъ хлѣба въ Забайкальѣ, и въ особенности въ Нерчинскомъ краѣ, былъ

такъ великъ, что ген.-губернаторъ вынужденъ былъ, въ декабрѣ 1852 года, прискакать кругомъ моря въ Читѣ, и обратиться къ нравственному содѣйствію Д. И. Завалишина, чтобы достать хлѣба на прокормленіе линейнаго баталіона въ Читѣ, и найти средства къ перевозкѣ хлѣба изъ Верхнеудинскаго округа на Бирійскіе золотые прииски. Вслѣдствіе всего этого, по совѣту Д. И. З.—на, военный губернаторъ и принялъ указанныя ему энергическія мѣры къ устраненію всего, что растроивало хлѣбопашество, и какъ мѣры эти увѣнчались успѣхомъ, то воен. губернаторъ и сообщалъ обо всемъ, что относилось до сельскаго хозяйства, Д. И. З., совѣтамъ котораго онъ обязанъ былъ этимъ успѣхомъ. Д. И. З. былъ конечно самый компетентный судья въ хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ какъ безъ всякихъ вспомогательныхъ вѣншихъ средствъ, единственно своимъ знаніемъ и трудомъ, въ самомъ затруднительномъ положеніи, сумѣлъ устроить такое образцовое хозяйство, что самовидецъ С. В. Максимовъ говоритъ о немъ: «Подробное описаніе всѣхъ чудесъ его хозяйства къ усовершенствованію породы скота, полеводству, огородничеству, цвѣтоводству; по устройству лечебныхъ пособій, которыми пользовались не только мѣстные, но и всѣ окрестные жители издавна, заняло бы слишкомъ много мѣста». См. «Сибирь и торговля», ч. III, стр. 227, выноски).

Всѣ, кто только имѣлъ какую либо нужду въ помощи, въ содѣйствіи, въ ходатайствѣ, обращались къ Д. И. З.—ну, какъ свидѣтельствуя слѣдующія письма, иные еще до возвращенія Дмитрію Пр—чу правъ, а когда онъ проживалъ въ Читѣ еще какъ поселенецъ:

Письмо супруги Бяхтинскаго градоначальника Ребиндера, Александры Сергѣевны, дочери С. П. Трубецкаго, лѣтомъ въ 1853 году. (Ихъ разбили лошади по дорогѣ изъ Читы на Дарасунскія минеральныя воды).

«Ради самаго Бога, Дмитрій Принарховичъ! скорѣе доктора; мы остались на горѣ, на большой дорогѣ; мужъ вывихнулъ ногу и разсѣкъ голову очень глубоко, а дитя умираетъ. Помогите всѣ кто можетъ; попросите генерала распорядиться. Ал. Р.»

(Но генерала въ Читѣ не было, и помочь никто не хотѣлъ; докторъ отказался. Однако же Д. И. З., хотя и поселенецъ, заставилъ доктора немедленно ѣхать, и распорядился помѣстить градоначальника въ ближайшей къ мѣсту происшествія станицѣ, у зажиточнаго казака, имъ указаннаго, и потомъ навѣщалъ градоначальника и въ теченіи болѣзни).

Письмо вдовы одного скоропостижно умершаго баталіоннаго командира въ Читѣ, дѣтей котораго Д. И. З. предложилъ взять на свое попеченіе и бесплатное обученіе.

«Мил. гос. Дм. Пр—чъ! Марья Николаевна, (баронесса Будбергъ), передала мнѣ ваше доброе намѣреніе. Вы принимаете въ несчастіи нашемъ

такое участіе, что я не нахожу словъ для выраженія моей благодарности и воспользуюсь вашимъ предложеніемъ. Съ завтрашняго числа буду присылать дѣтей къ вамъ. Съ истин. почт. и пр. Лариса Калугина».

«Эти дѣти, обучавшіеся у Д. И. З—на, оказались, и мальчикъ и дѣвочка, первыми въ тѣхъ классахъ учебныхъ заведеній, въ которые поступили».

Письмо Елены Александровны Бестужевой, сестры Николая и Михайла Александровичей Бестужевыхъ:

Селенгинскъ. 1857 года, мая 29-го дня.

«Мил. гос. Дм. Ир.! Примите najивѣйшую всего нашего семейства душевную благодарность за оказанное вами и всѣмъ семействомъ вашимъ радушное брату Мишелю гостепріимство, и за всѣ, почти родственныя попеченія и пособія, оказанныя ему вами въ предстоящихъ ему дѣлахъ и заботахъ. Господь да вознаградитъ васъ всѣмъ желаемымъ».

(Михайло Бестужевъ пользовался не только полнымъ гостепріимствомъ Д. И. З—на, проживая полтора мѣсяца въ домѣ его въ Читѣ, во время приготовленія своего сплава на Амуръ, но и совѣтами и содѣйствіемъ его; во всемъ, разумѣется, безкорыстно, тогда какъ Мих. Бестужевъ получалъ нѣсколько тысячъ рублей въ годъ жалованья за сплавъ каравана купцевъ Зимина и Серебрянникова. Затѣмъ Д. И. З. служилъ посредникомъ въ теченіи двухъ лѣтъ въ сношеніяхъ М. Бестужева съ его семействомъ, и на возвратномъ пути его съ Амура, принялъ также въ свой домъ).

Письмо Михайла Александровича Бестужева съ присоединеніемъ просьбы о казачьемъ офицерѣ, братѣ его жены:

Селенгинскъ. 13-го февраля 1859 года.

«Пишу тебѣ, мой добрый Дм. Ир., и вмѣстѣ съ симъ присовокупляю просьбу, которую ты вѣроятно не отринешь, какъ истый ученикъ нашего Верховнаго Учителя» и пр. и пр.

Письмо одного Читинскаго купца 1-й гильдіи Л., отправившагося на Амуръ, и поручающаго Д. И. З—ну свое семейство:

8-го іюля 1857 г. Съ Амура.

«Будьте мнѣ благодѣтелемъ! кромѣ васъ никого нѣтъ! Чита, какъ вы знаете, какъ пуста въ этомъ отношеніи!»

Между тѣмъ, когда въ Восточной Сибири начался періодъ насильственныхъ дѣйствій и раззоренія края, ради Амура, чего разумѣется Д. И. З. никакъ не могъ одобрять, тѣмъ болѣе что и содѣйствіе его, ген.-губерна-

тору прямо обусловлено было обязательнымъ для начальства устраненіемъ всѣхъ злоупотребленій, то ген.-губернаторъ, не желая имѣть въ Читѣ докучнаго и не способнаго ни ради страха, ни ради выгоды ни на какія сдѣлки свидѣтеля, выхлопоталъ въ Петербургѣ тайно переводъ Д. И. З. въ Минусинскъ, подъ предлогомъ, что этого требуетъ будто бы его здоровье, тогда какъ, напротивъ, это вело къ его гибели и раззоренію, лишая Д. И. З.—на собственного крова, и раззоряя долгимъ и великимъ трудомъ устроенное хозяйство. Сдѣлавъ это, ген.-губернаторъ уѣхалъ на Амуръ, предоставляя другимъ привести въ исполненіе распоряженіе относительно Дм. Ир., но никто изъ самыхъ даже преданныхъ ген.-губернатору лицъ, не осмѣлился привести въ исполненіе это распоряженіе, а какъ вслѣдствіе данныхъ въ Петербургѣ объясненій со стороны Д. И. З.—на, онъ оставленъ былъ въ Читѣ, то результатомъ подобнаго дѣйствіе ген.-губернатора и вышло то, что называется *l'odieux de la tentative sans profit en resultat*. Вотъ письма, относящіяся къ этому событію:

Письмо Михаила Карловича Кюхельбекера, (бывшаго лейтенанта гвардейскаго экипажа), брата поэта Вильгельма:

Баргузинъ, (въ Забайкальѣ), 24-го октября 1855 года.

«Любезный другъ Дм. Ир.! Поплавскій (совѣтникъ изъ Читы), былъ у насъ, и сказалъ мнѣ, что ты переѣзжаешь въ Минусинскъ. Очень жаль добраго нашего Павла Ивановича, (воен. губ. Запольскаго, уволеннаго вслѣдствіе интригъ и желанія доставить его мѣсто Корсакову), онъ говорилъ о тебѣ какъ о другѣ; бывши здѣсь, онъ уже зналъ, что онъ у насъ не проченъ; но я никакъ не полагалъ, чтобъ смѣна его имѣла вліяніе и на тебя; особенно потому, что и «Першой», (главный, т. е. ген.-губ.), отзывался о тебѣ съ самой лучшей стороны. Послѣ этого, вѣрь людскимъ ласкамъ!»

Письмо Ивана Ивановича Пущина, (товарища и пріятеля Дм. Ир.—ча, друга Пушкина). Въ этомъ письмѣ, писанномъ уже впоследствии изъ Россіи, онъ упоминаетъ о томъ же событіи:

19-го января 1858 г. Село Марьино, близъ Москвы.

Говоря о поступкѣ ген.-губер. Муравьева, онъ продолжаетъ, что этотъ переходъ по враждѣ противъ Дм. Ир.—ча, тѣмъ болѣе удивилъ его, «что самъ Муравьевъ говорилъ мнѣ о тебѣ, (т. е. Д. Ир.—чѣ) съ необыкновенною похвалою».

Письмо П. П. Запольскаго, бывшаго воен. губ. въ Читѣ, къ сестрѣ Д. И. З.—на, Екатеринѣ Принаровнѣ въ Москву:

18-го января 1856 г. Село Радужнево, (близъ Сухиничъ, Калуж. г.).

«Мил. гос. Екат. Принарховна! Что вамъ сказать относительно положенія вашего брата Д. И.? Человѣкъ съ такимъ умомъ, съ такою образованностію или, лучше сказать, ученостію, съ такими обильными познаніями и свѣдѣніями, нигдѣ скучать не будетъ. Но не долженъ умолчать, что несчастна (была) его встрѣча съ лицомъ, которое ничего болѣе не видитъ кромѣ своихъ польвъ, для достиженія которыхъ не пощадитъ никого и ничего. Много уже было примѣровъ его несправедливыхъ поступковъ съ людьми по истиннѣ достойными, и по своей благонамѣренности для польвъ общихъ и отечества весьма полезными, которые, или сами удалялись, или были удаляемы по однимъ лишь клеветамъ ничтожныхъ людей, окружающихъ главнаго начальника, и которые попали въ фавориты безъ всякихъ заслугъ, а единственно помощію своихъ длинныхъ языковъ, не имѣя впрочемъ никакихъ другихъ достоинствъ, но не чужды однако же всѣхъ возможныхъ пороковъ, не терпимыхъ въ обществѣ, а тѣмъ болѣе на службѣ.

«Характеръ главнаго начальника (Н. Н. М—ва) не загадоченъ, и его не трудно опредѣлить: не имѣя гениальныхъ достоинствъ, но не чуждаясь однако же понасть «безъ драки, въ великіе забіяки», онъ, людей достойныхъ и по истиннѣ полезныхъ ласкаетъ и дорожитъ ими до тѣхъ поръ, пока не извлечетъ изъ нихъ того, чего онъ по своимъ замысламъ и расчетамъ достигнуть желаетъ, и тогда уже старается, какими бы то ни было мѣрами, удалить или переводомъ, или вытѣснивъ непріятностями, съ тою только цѣлію, чтобы все сдѣланное отнеслось прямо къ нему, а отнюдь не къ кому либо другому; и эта непрерывная боязнь, вынуждаетъ его не оставлять при себѣ людей, могущихъ оцѣнить его дѣйствія, и выказать свои способности и достоинства; и потому окружаетъ себя людьми такими, на которыхъ первый взглядъ укажетъ, что они порока не выдумаютъ, а по совершившемуся, нельзя не думать, что это придумано и выполнено самимъ главнымъ начальникомъ.

«Братъ вашъ, будучи проникнутъ идеєю о приобрѣтеніи устьевъ Амура и свободного плаванія по оному, открывалъ эту мысль ревизовавшему Восточ. Сибирь, покойному сенатору Ив. Ник. Толстому, которому излагалъ мнѣніе свое на бумагѣ; но видя, что это осталось безъ движенія, онъ радушно ввѣрилъ это главному начальнику (Н. Н. М—ву), который, усвоивъ эту мысль въ глазахъ правительства, принялся хлопотать о приведеніи этого въ исполненіе; но дѣйствія по этому оказались неудачны и ошибочны, о чемъ стали поговаривать, что дошло до свѣдѣнія главнаго начальника, который, подозрѣвая брата вашего въ открытіи этого предпріятія, принятаго имъ, (главнымъ начальникомъ) на себя, посылалъ своихъ агентовъ, съ которыми братъ вашъ

вдавался въ сужденія, не остерегаюсь ¹⁾ и не щадя выставяя ошибки. Бесѣды эти сообщены были главному начальнику, который устрася, чтобы это не обнаружилось, счелъ за лучшее удалить брата вашего изъ мѣста близкаго къ театру дѣйствій, но замѣьте: не удаляя его однако же изъ Восточ. Сибири, дабы не потерять надъ нимъ вліянія.

«Выставлена была болѣзнь брата вашего, требующая перемѣщенія его въ Минусинскъ, климатъ котораго считается Италіей Восточ. Сибири, слѣдовательно ходатайство о перемѣщеніи можно считать милостивымъ вниманіемъ къ недугамъ брата вашего!»

«Вы пишете: «Перемѣщеніе это нельзя пначе считать какъ наказаніемъ, потому что ни братъ вашъ, ни вы сами никогда не ходатайствовали о какомъ либо перемѣщеніи въ другую губернію Восточ. Сибири». Это нѣжное участіе къ болѣзни брата вашего, и ходатайство о его перемѣщеніи, безъ его и вашего желанія,—не удивительно, потому что и вашъ покорный слуга уволенъ въ отпускъ, до излѣченія болѣзни, съ состояніемъ по арміи, не только безъ моего ходатайства, но даже и безъ прошенія, и только потому, что не хотѣлъ перемѣнить отчета объ инспекторскомъ смотрѣ, долженствовавшемъ быть повергнутымъ на Высочайшее воззрѣніе; въ отчетѣ этомъ были выставлены безпорядки, допущенные нѣкоторыми изъ г.г. командировъ, покровительствуемыхъ и пользующихся милостивымъ расположеніемъ окружающихъ главного начальника».

Между тѣмъ пріѣхавшій на мѣсто Н. И. Запольскаго на губернаторство, Корсаковъ, самый близкій къ ген.-губернатору человекъ, и выведенный имъ въ люди, отъ подпоручика Семеновскаго полка въ 1848 году, до губернатора въ 1855, отрекся на публичномъ приѣмѣ отъ всякаго участія въ интригѣ противъ Д. И. З. и не только не привелъ въ исполненіе распоряженія ген.-губернатора о перемѣщеніи Д. И.—ча изъ Читы въ Минусинскъ, но еще просилъ Д. И. З.—на, оказывать ему такое же содѣйствіе, какое тотъ оказывалъ Запольскому, и затѣмъ постоянно обращался къ нему и за совѣтомъ и за содѣйствіемъ, съ тою только разницею, что то, что Запольскій дѣлалъ открыто, Корсаковъ старался дѣлать такъ, чтобы другіе не замѣчали, хотя, разумѣется, скрыть этого было невозможно, потому что это высказывалось въ самыхъ распоряженіяхъ. Въ то же время, Корсаковъ,

¹⁾ Д. И. З. не имѣлъ никакой причины и не желалъ остерегаться, такъ какъ желая предупредить и исправлять ошибки, вовсе не опасался, чтобы его сужденія доходили до ген.-губернатора; а какъ между тѣмъ дѣйствовали на Амурѣ, лучше всего видно изъ посмертнаго сочиненія адмирала Невельскаго, одного изъ участниковъ въ этихъ дѣйствіяхъ: „сами не знали для чего что дѣлали“.

ознакомясь съ ходомъ дѣлъ при Запольскомъ, долженъ былъ признать всѣ дѣйствія его совершенно правильными и для себя поучительными, и убѣдясь, что все полезное совершалось по указаніямъ Д. И. З., тѣмъ необходимымъ считалъ его содѣйствіе, но вскорѣ Д. И. З., отъ котораго, по общему къ нему довѣрію всѣхъ, ничто не могло быть скрыто, узналъ, что Корсаковъ играетъ въ двойную игру, и въ то время какъ въ личныхъ сношеніяхъ съ нимъ старается всячески къ нему подслуживаться, а по служебнымъ дѣламъ дѣлаетъ видъ, что отмѣняетъ ¹⁾ злоупотребленія, онъ даетъ подъ рукою понимать служащимъ, что можно угодить главному начальнику совсѣмъ иного рода дѣйствіями, только надо дѣлать это такъ, чтобъ ничто не доходило до свѣдѣнія Д. И. З.—на. Напрасно тотъ предупреждалъ и Корсакова, и Буссе, (начальника штаба), что онъ не можетъ, и имѣть право не допускать продолженія злоупотребленій, такъ какъ его участіе въ разрѣшеніи Амурскаго вопроса слишкомъ всѣмъ извѣстно въ краѣ, и онъ не можетъ принимать на свою отвѣтственность тѣхъ дѣлъ, которыя не только не одобрялъ, но противъ которыхъ постоянно протестовалъ, и что если они не останавливаютъ ихъ, то онъ, Д. И. З., поищетъ другихъ средствъ остановить зло, но тогда уже помимо ихъ, и даже вопреки имъ, но ни Корсаковъ, ни Буссе, ни ген.-губернаторъ, никогда не хотѣли думать и вѣрить, чтобы кто нибудь рѣшился открыто облачить ихъ злоупотребленія; и на предостереженія Д. И. З. старались отшучиваться. Когда онъ указывалъ, наприм., на лживыя донесенія, которыми вводили въ заблужденіе и правительство и публику, то говорили: «ну что-жъ? прихвастнули только немножко!» Когда онъ указывалъ на совершенное раззореніе населенія, не только для Амура, но и для личныхъ злоупотребителямъ цѣлей, подъ предлогомъ Амура, то старались свалить все это на то, что «правительство не даетъ средствъ» и т. п.

Между тѣмъ гибельныя послѣдствія и невѣжественныхъ распоряженій и злоупотребленій, стали возрастать въ страшной прогрессіи; тогда Д. И. З. рѣшился остановить зло и предупредить дальнѣйшія по крайней мѣрѣ послѣдствія онаго, выступивъ открыто въ печати, и находясь на мѣстѣ дѣйствія и во власти своихъ противниковъ, чтобы подобнымъ образомъ дѣйствій показать вмѣстѣ съ тѣмъ примѣръ истинной гласности. Онъ отправилъ первыя свои статьи не въ частный журналъ или газету, помѣщеніе въ которыхъ могло быть объяснено или соучастіемъ изданія, или снисходительностію и недосмотромъ цензора, а въ officialный журналъ, въ «Морской Сборникъ», гдѣ статьи должны были пройти чрезъ двойную цензуру, по самой силѣ правды содержанія, и неопровержимости представленныхъ имъ доказательствъ.

¹⁾ Относительно всего этого имѣются собственноруч. записки Карсакова.

Впечатлѣніе этихъ статей, особенно въ Сибирѣ, было громадное; какъ о впечатлѣніи, такъ и о справедливости содержанія, имѣется въ свѣдѣтельство цѣлая масса писемъ отъ людей всѣхъ состояній, всѣхъ положеній и званій, не исключая и губернаторовъ; приводимъ здѣсь наиболѣе важныя; при этомъ надо предварительно замѣтить, что главный аргументъ тѣхъ, кто опровергалъ свѣдѣнія, сообщенныя въ статьяхъ Д. И. З—на, или навелъ сомнѣніе на точность ихъ, состоялъ въ томъ, что Д. И. самъ не былъ на Амурѣ, и потому въ своихъ показаніяхъ основывался вѣроятно на слухахъ, почти всегда невѣрныхъ. Никто и не подозрѣвалъ, конечно, какіе важные и вѣрные источники свѣдѣній имѣлъ Д. И., какъ сейчасъ и увидать, а они были таковы, что одинъ изъ путешественниковъ могъ заявить въ Сибирскомъ комитетѣ, что Д. И. имѣетъ такіа средства знать все, что дѣлается на Амурѣ, да и во всей Восточной Сибирѣ, какія могутъ не имѣть не только проѣзжіе путешественники, но даже иные и живущіе на мѣстѣ.

Письмо изъ Благовѣщенска на Амурѣ, артиллеріи полковника Евгенія Александровича Савича, бригаднаго командира пѣшей артиллеріи, впоследствии исправлявшаго должность военного губернатора Амурской области, назначеннаго именно за тѣмъ, чтобъ исправить промахи, надѣланные воен. губернаторомъ Буссе, которому на это время предложено было ѣхать въ отпускъ.

Полковникъ Е. А. Савичъ командовалъ по пріѣздѣ въ Сибирь новосформированною батареею въ Читѣ, и привезъ Д. И. З—ну рекомендательное письмо отъ Ив. И. Пущина, который убѣдительно, во имя дружбы, просилъ Д. И.—ча, оградить и совѣтами и содѣйствіемъ отъ интригъ и промаховъ Савича, какъ благороднѣйшаго человѣка, котораго какъ не подозрѣвающаго всей гнусности интригъ, вѣдущихся въ Восточ. Сибирѣ, легко могутъ въ нихъ запутать, и который, по совершенному незнакомству съ краемъ и дѣлами его, легко можетъ и невольно надѣлать вредныхъ и для службы, и для него лично ошибокъ. Савичъ и въ Сибирѣ оправдалъ вполне репутацію благороднаго человѣка и знающаго офицера.

Благовѣщенскъ (на Амурѣ). 13-го апрѣля 1859 года.

«Христосъ Воскресе! Христосуе съ вами, достойнѣйшій Д. И.! и поздравляю съ наступившимъ праздникомъ! Желаю отъ всей души, чтобы принятое вами святое дѣло имѣло полный успѣхъ. Дѣлу этому я сочувствую вполне! Подвиги ваши во имя правды должны бы заставить еще больше уважать васъ, если бы это было возможно! Слухи о вашей статьѣ давно уже до насъ достигли, и мы, не зная еще ее, за ранѣе радовались, что она откроетъ глаза ходящимъ во тьмѣ! Интересно будетъ прочесть оправданіе!

«Жизнь наша совсѣмъ не такъ блестяща, какъ можетъ быть рассказы-
ваютъ господа «навозные». (Иркутская игра словъ: — «Навозными» на-
зывали тамъ пустыхъ людей, навезенныхъ ген.-губ. Муравьевымъ на службу
въ Восточную Сибирь). Въ настоящее время Амуръ есть единственное мѣсто
на цѣломъ земномъ шарѣ, гдѣ цѣнь ни на что рѣшительно не существуетъ,
потому что положительно ничего нѣтъ въ продажѣ. (Н. В. Это сообщалось
въ опроверженіе тѣхъ увѣреній партизановъ главнаго начальника, что
будто бы на Амурѣ необычайное во всемъ изобиліе и дешевизна). Недо-
статокъ начался съ осени; теперь же въ цѣломъ Благовѣщенскѣ не най-
дете ни свѣчъ, ни сахару, ни гвоздя, однимъ словомъ рѣшительно ничего.
Не смотря на это, положеніе наше несравненно еще лучше положенія про-
чихъ Амурскихъ поселенцевъ, потому что мы соприкасаемся съ Манчжур-
скими поселеніями, отъ которыхъ мы можемъ хоть что нибудь достать, и
не нуждаемся по крайней мѣрѣ въ самомъ необходимомъ для жизни, т. е.
въ хлѣбѣ и овсѣ. У прочихъ поселенцевъ и этого нѣтъ! Что съ ними бу-
детъ, про то одно начальство знаетъ!

«Нынѣшнюю зиму у насъ столько проѣхало курьеровъ, что съ достовѣр-
ностію можно сказать: ихъ меньше проѣхало отъ Москвы къ Севастополю
въ годъ осады¹⁾; послѣ этого и не удивительно, что нынѣшній годъ не чѣмъ
будетъ пахать переселенцамъ! Ждемъ начальство и съ нимъ восхищающихся
Амуромъ. Восторги нѣкоторыхъ людей приводятъ рѣшительно въ недоумѣ-
ніе насъ; отъ чего это они приходятъ въ восторгъ? До сихъ поръ не могу
понять! ясно впрочемъ очень, что потому, что этотъ заказной восторгъ до-
ставляетъ большіе выгоды! Или ужъ живя здѣсь, я разучился даже и пони-
мать что нибудь хорошо!»

(Полковникъ Е. А. Савичъ имѣлъ полное право назвать предпринятое
Д. И. З.—нымъ раскрытіе правды «святымъ дѣломъ и подвигомъ»,
такъ какъ хорошо зналъ какой опасности подвергалъ себя Д. И., зная на
что способны были тѣ люди, противъ которыхъ Д. И. выступилъ съ обви-
ченіемъ; послѣдствія оправдали предчувствія Савича).

Письмо того же полковника Е. А. Савича, во время исправ-
ленія имъ должности Амурскаго военнаго губернатора (1861 г.).

¹⁾ Начальникъ походной канцеляріи ген.-губернатора самъ рассказывалъ
на публичномъ общѣ въ Читѣ, что онъ вынужденъ былъ надавать столько
курьерскихъ подороженъ чиновникамъ, сказавшимъ по самымъ пустымъ дѣ-
ламъ, что ему совѣстно было взять для себя курьерскую же. Изъ официалъ-
ной жалобы военному губернатору въ Читѣ отъ почтосодержателя открылось,
что курьеръ, юнкеръ Венцель, требовалъ, чтобъ ему давали три подводы, а
курьеръ объяснялъ, что ему надавали въ Иркутскѣ столько посылокъ, ящи-
ковъ и картонокъ съ дамскими нарядами, что и при трехъ подводахъ, онъ
самъ сидитъ еще на посылкахъ.

«Простите великодушно, великодушнѣйшій Дм. Ир.! что такъ долго не писалъ; право было не о чемъ! Говорить же вамъ о неизмѣнномъ моемъ уваженіи, было бы излишнимъ; потому что съ самаго начала нашего знакомства, вы могли видѣть, что оно не могло уже быть больше.

«Вотъ уже три года приглядываюсь я къ Амуру, и право не знаю зачѣмъ здѣсь область; это все та же Амурская линія.

«Право, иногда сдается, что не для того ли и Амуръ существуетъ, чтобъ были сплавы; а сплавы для того, чтобъ было за что награждать такихъ людей, которыхъ уже ни за что другое награждать нельзя. И знаете! что если я и хватилъ тутъ, какъ говорятъ, въ сторону, то право же не много! Что же касается до моего забавнаго губернаторства..... Ну! да больше этого не будетъ!»

Письмо товарища Д. П. Завалишина Михайла Александровича Бестужева, который самъ былъ на Амурѣ и проживалъ тамъ:

Селенгинскъ. 22-го апрѣля 1859 года.

«Христосъ Воскресе! Добрѣйшій Дмитрій Иринарховичъ! Все, что ты пишешь въ своемъ письмѣ, совершенно сходно съ моими мыслями, и ты знаешь, что мы на этомъ пунктѣ никогда не расходились. Прочитавъ статью твою въ «Морскомъ Сборникѣ», я увидѣлъ, что ты попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ ложной системѣ покупать на мѣдные гроши великіе предпріятія! Этою статьею ты разоблачилъ обаяніе, окружавшее доселѣ всѣ дѣйствія на Амурѣ, что, кажется, почувствовалъ и самъ Муравьевъ. А лучшимъ доказательствомъ дѣльности статьи есть то, что до сихъ поръ, кромѣ Романова, не нашлось противниковъ, да и тотъ, Богъ съ нимъ! такъ жалко защищалъ дѣло, что ужъ лучше бы молчать ему!»

Письмо изъ Москвы офицера Н., служившаго въ Забайкальскомъ краѣ и на Амурѣ:

Москва, 29-го мая 1859 года.

Выразивъ сожалѣніе о томъ, что онъ не былъ лично знакомъ съ Д. И. Завалишинымъ, во время служенія своего въ Забайкальскомъ краѣ, онъ говоритъ, что однако не могъ не знать его, «зная, что совѣты ваши и мнѣнія въ преобразованіи края очень цѣнились Муравьевымъ и Запольскимъ. Вполнѣ вѣрю, что вамъ они были обязаны многими прекрасными проектами, можетъ быть и не пришедшими бы имъ никогда на мысль; точно также вѣрю и тому, что вы дѣлали это безъ всякаго желанія и мысли о возможности получить за то какое либо вознагражденіе, лучшимъ доказа-

тельствомъ чему могло служить, — извините меня за напоминовеніе прошлаго, — ваше тогдашнее положеніе въ обществѣ, (состояніе поселенца), на улучшеніе котораго, въ ваши лѣта, вы не могли рассчитывать, не смотря на все уваженіе къ вамъ сказанныхъ лицъ. Зная же васъ только по слухамъ, я никогда не предполагалъ, что я когда либо буду писать къ вамъ; но случайно прочитавъ въ «Морскомъ Сборникѣ» прекрасную статью вашу, въ которой вы такъ дѣльно, ясно, положительно и справедливо, обнаружили что было до сихъ поръ писано, (да къ сожалѣнію продолжаетъ писаться и теперь), ложнаго и хвастливаго, (понятно съ какою цѣлю! вѣдь не много надо имѣть ума и знаній, чтобъ писать лживыя описанія!) подвляніемъ того убѣжденія, что повѣрить справедливость ихъ, по дальнему разстоянію, трудно. Что это дѣлается съ умысломъ, главное, обманувъ общественное мнѣніе, прислужиться начальству и извлечь изъ того себѣ пользу по службѣ, — объ этомъ нечего и говорить! Ваша же статья, кромѣ того, что показываетъ положительное знаніе вами въ подробности и совершенной, изумительной вѣрности всего, что касается до Амура, удивила меня совершенно справедливымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ всего, въ томъ самомъ видѣ, какъ дѣйствительно тамъ и находится. Но я еще болѣе былъ удивленъ, увидѣвъ вашу подпись, и то, что статья эта писана въ Читѣ, и въ такое время, когда столько людей, противъ совѣсти, стараются непрерывъ изъ личныхъ расчетовъ, восхвалять все, при содѣйствіи Сибирскаго начальства, слушающаго съ удовольствіемъ похвалы пустыхъ людей, ласкающихъ его самолюбіе, и заставляющихъ думать, что оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлало величайшую услугу Россіи, за которую, пожалуй! мало еще и тѣхъ наградъ, которыя въ послѣднее время сыпали на него! И дѣйствительно! Обнаружить лживость распространенныхъ слуховъ, особенно на мѣстѣ ихъ происхожденія, и въ такое время, когда они, не смотря на нелѣпость, кажутся очень правдоподобными, особливо для людей, не видавшихъ тѣхъ мѣста, не знающихъ, да и не могущихъ знать и составить себѣ и малѣйшаго понятія о личностяхъ, которыя владычествуютъ въ Восточной Сибири, объ ихъ деспотической власти, не знающей ни совѣсти, ни закона, — ваша попытка передать вещи въ настоящемъ, не прикрашенномъ видѣ — есть именно подвигъ, заслуживающій полного уваженія отъ всякаго честнаго и благомыслящаго человѣка. Я читалъ вашу статью не разъ для себя и для другихъ, и она меня такъ удивила, что я тогда же хотѣлъ писать вамъ и благодарить, но ожидалъ появленія дальнѣйшихъ статей.

«Желалъ бы я, чтобъ письмо мое убѣдило васъ въ томъ, что если найдутся люди, желающіе помѣнать вамъ въ добромъ дѣлѣ, то найдется много и такихъ, которые, всѣми зависящими отъ нихъ средствами, будутъ стараться содѣйствовать вамъ».

Письмо Нерчинскаго купца 1-й гильдіи, Михайла Дмитриевича Бутина, (нынѣ комерцій совѣтника, золотопромышленника, желѣзно-винно-заводчика):

Нерчинскъ. 19-го ноября 1859 года.

«Намъ весьма пріятно было услышать правду, о которой многіе молчатъ. Вы первый явились обличителемъ истины. Нѣтъ словъ выразить вамъ благодарность. Правда восторжествуетъ всегда, и поэтому статьи ваши вездѣ встрѣтили сочувствіе».

Письмо одного жителя съ рѣки Аргунь, Нерчинскаго округа, 16-го декабря 1859 года:

«Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я вашу статью «Амуръ», (въ Вѣстникѣ Промышленности), но нахожу, что вы еще слишкомъ снисходительны¹⁾. Напр., въ статьѣ вашей сказано, что бревно, за которое казна платила 15 коп., стоило самому казаку 2 р. серебромъ. Это можетъ быть въ вашихъ краяхъ, но въ нашихъ, я имѣю доказательство, что бревно обходилось въ 5, 6 и 8 руб. (были случаи, что приходилось вывозить сырое бревно изъ-за 200 верстъ). За сплавъ у васъ сказано (наряженные на сплавъ казаки) платили по найму (нанятымъ за себя) сверхъ казеннаго, 40 рублей, а въ нашихъ мѣстахъ цѣна доходила до 60 р. и болѣе. Но и вашъ мінімумъ хорошъ! Достаточно, чтобъ показатъ какъ благоденствуетъ здѣсь народъ, и развивается здѣсь край.

«Дай Богъ вамъ здоровья! и продли онъ вамъ ту крѣпость духа, которую вы приобрѣли многолѣтнею опытностію въ изученіи людей и дѣлъ міра сего, и которую съ такою пользою приносите на великое служеніе человечеству, въ лицѣ угнетенныхъ братьевъ нашихъ».

Письмо изъ Иркутска о публичной библіотекѣ:

«Статья ваша «Амуръ» произвела такой восторгъ въ Иркутскѣ, что число требованій на «Вѣстникъ Промышленности», съ первою же почтою, увеличилось до огромныхъ размѣровъ, когда до этого времени, только одинъ экземпляръ, и то—случайно, получался въ библіотекѣ для чтенія. Произошло то же, что было лѣтомъ съ «Морскимъ Сборникомъ». Съ утра до ночи библіотека не выѣжала въ себѣ читающихъ, многіе нарочно для

¹⁾ Въ статьяхъ своихъ Дм. И. Завалишинъ приводилъ общія, а не крайнія цѣны и исключительные случаи, и единственно то, что было несомнѣнно по документамъ, а не по однѣмъ показаніямъ жаловавшихся. Изъ приведенныхъ писемъ видно, что въ то время, когда противники Дм. Иринарховича упрекали статьи его въ преувеличеніи и невѣрности, онъ въ дѣйствительности былъ вполне справедливъ, безпристрастен и даже умѣренъ, держась казеннаго и общаго, а не слуховъ и исключеній.

этого подписались (въ бібліотекѣ). Чтобы удовлетворить желающихъ, надо было читать вслухъ. Библиотека обратилась къ редакціямъ съ просьбою присылать ваши статьи отдѣльно, по нѣскольку экземпляровъ. Другія статьи вѣдь и не разрѣзаютъ!»

Письмо изъ Нерчинскаго Большаго завода:

«Въ Нерчинскихъ заводахъ выписали «Морской Сборникъ», не только за этотъ (1859) годъ, но и за прошедшій, чтобы имѣть вашу первую статью, и на будущій, въ надеждѣ не будетъ ли опять вашихъ статей. Все это выписано въ нѣсколькихъ экземплярахъ».

(Н. В. Подобныя извѣщенія получалъ Д. И. З. и изъ другихъ Сибирскихъ городовъ, а почтъ-инспекторъ по Сибири пріѣзжалъ нарочно изъ Томска въ Читу, чтобы познакомиться лично съ Д. И. Завалишинымъ; пріѣзжали начальники и изъ другихъ мѣстъ, чтобы объяснить и оправдать свои дѣйствія, показавъ подъ вліяніемъ какого высшаго гнета они дѣйствовали. Многіе изъ нихъ вступили потомъ въ постоянную переписку съ Д. И. Завалишинымъ, объясняя заранѣе свои дѣйствія).

Письмо Ѳедора Николаевича Львова, (впослѣдствіи секретаря тѣхническаго общества въ Петербургѣ), изгнаннаго ген.-губернаторомъ изъ Иркутска за неодобреніе гибели Неклюдова:

Олонки, (деревня подъ Иркутскомъ), 25-го февраля 1861 года.

«Письмо ваше, мил. гос. Дмитрій Принарховичъ! достойное принадлежать исторіи, я получилъ. Вашъ пророческій голосъ, какъ голосъ Іереми, не могъ не возбудить злобы нечестивцевъ. Очень жаль, что ваши матеріальныя средства недостаточны, чтобы перенестись въ Петербургъ, и доказать тамъ вашимъ живымъ и могучимъ словомъ, все то, о чемъ вы ратуете на бумагѣ.

«Отъ Поджіо я получилъ письмо, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что мое письмо онъ получилъ безсовѣстно распечатаннымъ и нагло припечатаннымъ.

«Вамъ вѣроятно извѣстно, что въ Иркутскѣ разыгрывается въ настоящее время самое вопіющее дѣло, — это судъ надъ судьями N*, (по убійству Неклюдова), который имѣетъ характеръ личной мести администраціи, за показаніе малѣйшаго признака самостоятельности въ судьяхъ. Страшно подумать, что преступники, N. N. и секунданты ¹⁾, просидѣвъ комфортабельно нѣсколько недѣль въ острогѣ, усаkali въ Петербургъ за губернаторскими и предсѣдательскими мѣстами, а судьи, до приговора еще,

¹⁾ Судъ признавалъ, по обстоятельствамъ дѣла, умышленное убійство, а не дуэль по обычнымъ правиламъ; не смотря на всѣ извороты, N. N. все таки приговоренъ былъ на годъ въ острогъ, но впослѣдствіи, по ходатайству ген.-губернатора, срокъ былъ сокращенъ. Д. З.

томатся шесть мѣсяцевъ въ самомъ тяжкомъ заключеніи въ острогѣ, за свое судейское мнѣніе, и надъ ними производится такой строгій инквизиціонный судъ, какъ будто бы они были государственные преступники въ блаженные времена Анны Іоанновны. Вообразите, что несчастнаго Образцева, (члена окружнаго суда), который осмѣлился показать свои медицинскія познанія, и на нихъ осповать свое осужденіе Н. Н., совершенно измучили; они изслѣдуютъ всю его жизнь; возникаютъ даже вопросы: ссорился ли Образцевъ со своею стриплею за худо приготовленные щи? Впрочемъ, все это понятно. Исполнителемъ воли великодушнаго графа, былъ М., сдѣланный для этой оказіи помощникомъ предсѣдателя губернскаго суда, — удаленный изъ Петербурга за дѣло.... (Н. В. За преслѣдуемыхъ судей вступился наконецъ министръ юстиціи; членъ губернскаго суда, Олдекопъ, въ вознагражденіе за несправедливое преслѣдованіе былъ сдѣланъ прокуроромъ въ Казани, а Образцевъ освобожденъ. Вопиющее дѣло убійства Неклюдова Н. Н — вымъ, было въ свое время напечатано въ «Рус. Инвалидѣ»).

«Адресъ изъ Москвы (изъ круга собесѣдниковъ и почитателей Алексѣя Петровича Ермолова), по поводу разныхъ клеветъ, напечатанныхъ въ разныхъ подневольныхъ изданіяхъ противниками Д. И. Завалишина):

«Вотъ вамъ обращикъ наглости и дерзости лагеевъ, защищаемыхъ недосигаемостію запятокъ! Этотъ янычарскій лай, который они подняли противъ васъ, поднялъ изъ глубины, со дна души, все негодованіе, у всѣхъ благородныхъ людей. Но мы впрочемъ утѣшаемся тѣмъ, что теперь самъ М. съ ними, и самъ того не вѣдая, возбуждаетъ такимъ нахальствомъ, такими воплями боязни упустить свое дешѣвое безсмертіе, — вниманіе ко всему сказанному вами, заставляя теперь всѣхъ узнать горькую правду, даже и тѣхъ, кто, по нашей лѣни, до сихъ поръ не зналъ ее. Примите же вѣсто краснаго яйца въ свѣтлый праздникъ торжества безсмертія, —искреннее сочувствіе вашему слову, вашему геройству! Дай Богъ здравствовать и да хранить васъ Господь!»

Письмо Мардарія Васильевича Милюкова, попечителя гимназіи въ Орлѣ, бывшаго моряка, сослуживца и перваго наставника въ морскомъ искусствѣ Д. И. Завалишина. Какъ морякъ, М. В. Милюковъ считался даже выше Лазарева. Женившись на Ел. Дм. Якушкиной, сестрѣ декабриста Якушнина, онъ вышелъ въ отставку.

Полагая, что Д. И. З. —на давно уже нѣтъ на свѣтѣ, онъ удивился, получивъ отъ него письмо и узнавъ, что онъ именно и есть авторъ статей объ Амурѣ.

„1-го мая 1861 года, Мценскъ, Орлов. губ.

«Письмо ваше, почтеннѣйшій товарищъ, удивило меня и восхитило; вижу, что энергія ваша при васъ, и ничто, никакія обстоятельства не поколебали вашу благородную душу. Не смотря на мои 70 лѣтъ, я вполне раздѣляю

съ вами любовь къ истинѣ и добру, и также, какъ и вы, не отступая отъ убѣжденій, вкорененныхъ въ насъ. Какъ я благодаренъ вамъ, дорогой товарищъ, что вы мнѣ описали свое житіе - бытіе. Я узнаю ваше благородное сердце и здѣсь....

«Примите желаніе видѣть васъ у насъ, въ сердцѣ Россіи, гдѣ бы вы были цвѣтомъ добра, и олицетвореніемъ дѣятельной энергіи. Не забывайте всю душу любящаго васъ и уважающаго васъ товарища Мардарія Милюкова.

«P. S. Вчера, 30 апрѣля, только получилъ ваше письмо, а сегодня, 1-го мая, пишу».

Письмо Кяхтинскаго градоначальника, Александра Ивановича N. N., въслѣдствіи Тобольскаго губернатора, и затѣмъ, члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ:

„Кяхта. 23 го августа 1862 года.

«Многоуважаемый Дмитрій Принаховичъ! Съ несказаннымъ удовольствіемъ, я прочелъ вашу послѣднюю полученную мною вчера статью. Но это живое и полное жизни сказаніе не для умершаго уже «Кяхтинскаго Листка». Нѣсколько дней тому назадъ, редакторъ нашей юной газеты скоропостижно умеръ отъ аневризма. Похоронивъ его, нужно, по неволѣ, похоронить на время и изданіе «Листка», до новаго Высочайшаго разрѣшенія, (которое необходимо, потому что «Листокъ», издавался Андруцкимъ, на правахъ собственности). Съ прискорбіемъ сообщаю вамъ эту новость. Никто такъ не сочувствуетъ этому горю, какъ я; сколько хлопотъ стоило мнѣ выманить разрѣшеніе газеты, послѣ двухлѣтней переписки.

«Посылаю вамъ обратно обѣ ваши статьи, и могу васъ увѣрить, что возвращаю ихъ съ душевнымъ прискорбіемъ, потому что я глубоко раздѣляю вашъ взглядъ и направленіе. Но я надѣюсь, что этотъ трудъ вашъ не останется мертвымъ капиталомъ, и будетъ пущенъ вами въ оборотъ. Если позволите, я посоветую вамъ отправить статьи къ редактору «Дня», Самарину (Юрію). Это человѣкъ благородный и состоятельный, а это много значить для самостоятельности издателя. (У него 200 т. годового дохода, ему нечего гнуть шею)».

Между тѣмъ Д. И. Завалишинъ, написавъ огромное число статей для поясненія Амурскаго дѣла, и вообще положенія Восточной Сибири, и подвергая себя за это злобѣ и мести своихъ властныхъ противниковъ, хотѣлъ устранить всякую мысль, что онъ изъ этой своей литературной дѣятельности извлекаетъ какую либо пользу и для себя, почему даже за тѣ статьи, которыя будучи напечатаны приносили огромную выгоду изданіямъ, увеличивъ въ огромной мѣрѣ требованіе на нихъ, не искалъ и не принималъ гонорарія, какъ свидѣлствуетъ это слѣдующее:

Письмо Федора Васильевича Чижова, издателя и редактора журнала «Вѣстникъ Промышленности», въ которомъ была помѣшена статья: «Амуръ. Кого обманываютъ, и кто окончательно останется обманутымъ?»

Москва. Сентября 14-го дня 1861 года.

«Трудъ, и такой почтенный, уважительный трудъ какъ вашъ, по крайней мѣрѣ, не долженъ васъ вводить въ издержки ¹⁾. Если бы вамъ угодно было, вмѣсто денегъ, приказать что нибудь купить, то будьте увѣрены, что съ моей стороны, это слово «приказать» никакъ не пустая фраза: я буду смотрѣть на ваше порученіе, какъ на приказаніе человѣка, глубоко мною уважаемаго».

Поставленные въ необходимость вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго статьями Д. И. Завалишина, что нибудь отвѣчать на нихъ, противники его, не найдя ни одного самостоятельнаго и благороднаго человѣка, который въ защиту ихъ согласился бы опровергать очевидную и общезвѣстную истину, прибѣгли во первыхъ къ тому, чтобы постараться наложить запрещеніе на статьи Д. И. З—на; во вторыхъ, къ подлогу, и, наконецъ, къ клеветѣ на Д. И. Завалишина, чтобъ ослабить авторитетъ его слова. Вотъ документы, свидѣтельствующіе о всемъ этомъ. Когда Д. И. замѣтилъ, что статьи его перестали печатать въ «Морскомъ Сборникѣ», то поручилъ черезъ свою сестру своей невѣсткѣ, вдовѣ старшаго своего брата, проживавшей въ Петербургѣ, взять его статьи изъ редакціи «Морскаго Сборника», для передачи въ другія изданія; вотъ что отвѣчала она сестрѣ Д. Иринарховича по исполненіи этого порученія:

5 Мая, 1860 года.

«Наконецъ-то я добралась толку въ редакціи «Морскаго Сборника»; видѣла адмирала Матюшкина, и онъ велѣлъ написать Д. И.—чу, чтобы тотъ прислалъ отъ себя письмо въ редакцію, что Д. И. и просить, чтобы его сочиненія возвратили ему, передавъ ихъ мнѣ, а иначе онъ, Матюшкинъ, ихъ никому не выдастъ; причемъ сказалъ: «мы всѣ отъ нихъ въ восторгѣ, но что отъ начальства строго запрещено ихъ печатать. Ихъ читали, и велѣно положить въ архивъ для будущаго поколѣнія.» Матюшкинъ прибавилъ что и за послѣднюю статью, напечатанную въ «М. Сб.», ему очень намылили голову, потому что онъ, Матюшкинъ, пропустилъ ее своею властію, безъ особаго разрѣшенія».

Вслѣдствіе этого сообщенія, Дм. Иринар. обратился къ председателю ученаго комитета, адмиралу и сенатору Матюшкину съ просьбою, передать или

¹⁾ Всѣ статьи, для вѣрности, посылались дубликатами, притомъ страховыми, и затѣмъ переписывались въ Москвѣ. Д. З.

переслать статьи Д. И—ча сестрѣ его, причемъ замѣтилъ, что онъ писалъ для пользы преимущественно настоящаго, а не будущаго поколѣнія; вотъ отвѣтъ адм. Матюшкина.

Письмо адмирала Матюшкина:

С.-П.-Б. 20-го сентября 1860 года.

«Милостивый государь Дмитрій Иринарховичъ! Три раза начиналъ писать вамъ, и всѣ три письма сжегъ.

«Къ вамъ писать, — должно писать откровенно, — или вовсе не писать! Я вижу, что я не имѣю вашей гражданской храбрости и самоотверженія; впрочемъ онѣ были бы бесполезны въ настоящемъ случаѣ...

«Въ увѣренности, что N. N. (эти буквы въ подлинникѣ), прежде васъ прочтетъ эти строки, скажу вамъ только, что порученіе ваше исполнено, и ваши бумаги, изъ архива морскаго ученаго комитета переданы сестрѣ вашей. Васъ истинно уважающій Ф. Матюшкинъ».

Изъ этого видно, что и въ Петербургѣ уже не сомнѣвались, что въ Иркутскѣ распечатываются письма даже и важныхъ лицъ; и дѣйствительно Д. И. получилъ письмо Матюшкина распечатаннымъ. Но этимъ дѣло не ограничилось, и противники Д. И. Зсвалишина захотѣли въ самомъ «Морскомъ Сборникѣ» противопоставить опроверженіе показаній объ Амурскомъ дѣлѣ, и какъ не могли найти ни одного самостоятельнаго и благороднаго человѣка, который на это бы согласился, то и прискакали ссыльно-каторжнаго поляка Гиларія Вебера, который подъ подложнымъ именемъ Ф. Антонова, послалъ статью въ «Морской Сборникъ», которая тамъ и была напечатана по ходатайству Иркутскихъ властей, а Веберъ въ награду, опять таки подъ чужимъ именемъ, получилъ въ аренду горнаго вѣдомства стеклянный Шилкинский заводъ. Цѣль такого маневра была очевидна: статьи Романова, Карпова, Мехеды и др., подчиненныхъ ген.-губернатору лицъ, не производили никакого впечатлѣнія, по зависимости отъ него служащихъ; поэтому и хотѣли показать, что вотъ-де находятся и посторонніе, которые опровергаютъ Д. И—ча; но онъ сейчасъ же разоблачилъ всю интригу, и препроводилъ въ «Мор. Сборникъ» официальную выписку, за подписаніемъ помощника начальника Нерчинскихъ заводовъ, изъ статейнаго списка о лѣтахъ и о преступленіяхъ ссыльно-каторжнаго Гиларія Вебера, за № 3627, гдѣ значится, что Веберъ, кромѣ того преступленія, за которое сосланъ былъ въ Сибирь, снова и тамъ былъ, по приговору Иркутскаго губернскаго суда, наказанъ плетью, за составленіе фальшиваго письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ Д. И. доказалъ, что этотъ Веберъ и есть мнимый Ф. Антоновъ, и поздравилъ «Морской Сборникъ» съ такимъ сотрудникомъ.

Наконецъ, одинъ совѣтникъ въ Иркутскѣ, бывший начальникъ походной

канцеляріи ген.-губернатора, и человекъ ему близкій, и даже, какъ думали, родня, Василій Карповъ, вздумалъ пустить въ ходъ и клевету. Онъ напечаталъ въ газетѣ «Амуръ» отъявленную ложь, и этотъ № газеты, независимо отъ принудительной подписки на газету вообще, (и притомъ на два года, и за старый годъ), былъ, по распоряженію Иркутскаго начальства, разосланъ въ огромномъ количествѣ, и навязанъ всѣмъ, кто не смѣлъ отказаться; но и эта штука обратилась къ стыду и изобрѣтателя и покровителей, потому что какъ скоро В. Карповъ появился въ Читѣ, первый разъ послѣ этой статьи, онъ встрѣтилъ такой взрывъ негодованія противъ себя, что отъ него отшатнулись даже бывшіе съ нимъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ люди, и онъ вынужденъ былъ явиться къ Д. И. Завалишину, съ извиненіемъ; но этимъ не ограничилось: Д. И. потребовалъ отъ него, чтобъ онъ заявилъ это, въ той же самой газетѣ «Амуръ», гдѣ была напечатана и клевета, что онъ и вынужденъ былъ исполнить, напечатавъ свое сожалѣніе, что былъ введенъ въ заблужденіе, но что, имѣвши теперь случай лично познакомиться съ дѣйствіями Д. И. З—на, онъ признаетъ его заслуживающимъ полного уваженія.

Что же касается до статей Романова, заказанныхъ по начальству, то онъ ни къ чему не привели, повредивъ во мнѣніи только самому Романову. Вотъ что писалъ о нихъ Мих. Александровичъ Бестужевъ:

Селенгинскъ. 13-го февраля 1859 года.

«Читалъ я возраженіе на твою статью объ Амурѣ. Плохо Романовъ защищаетъ плохія дѣла!»

А вотъ и письмо одного чиновника особыхъ порученій, состоявшаго при Бурсаковѣ, и даже жившаго у него въ домѣ, но оставившаго службу отъ того, что не хотѣлъ представить донесенія въ томъ смыслѣ, какъ желалъ Бурсаковъ, и описалъ все раззореніе крестьянъ и казаковъ въ томъ видѣ, какъ дѣйствительно видѣлъ:

Троицкосавскъ. 29-го февраля 1860 года.

«Письмо ваше, многоуважаемый Дм. Принарх., я имѣлъ удовольствіе доставить лично Мих. Александровичу (Бестужеву), и позвольте отъ всей души поблагодарить за случай, который вы доставили мнѣ познакомиться съ нимъ.

«У Мих. Ал. я обѣдалъ, и долго бесѣдовалъ о суетѣ всего міра, и въ особенности о суетѣ Восточной Сибири. Въ Селенгинскѣ, къ величайшему моему удивленію, всѣ статьи ваши читались и читаются, и мы не мало смѣялись надъ пресловутымъ Веберовскимъ повѣствованіемъ; (о высѣченномъ плетымъ Веберѣ, напечатавшемъ подъ именемъ Ф. Антонова статью въ «Мор. Сб.» смотри выше). Мих. Ал. только боится, что всѣ эти глупо-

сти и безсмысліе слишкомъ волнуютъ васъ и могутъ дурно подѣйствовать на ваше здоровье. Ради Бога! берегите себя, (извините за это); вы такъ нужны для настоящей Сибири; безъ васъ много будетъ обманутыхъ, какъ я, блестящими фразами».

Конечно, тѣ, кто боялись за спокойствіе духа Д. И—ча, ошибались; вотъ свидѣтельство воен. губ. Запольскаго къ сестрѣ Д. И—ча, относящееся къ тому времени, когда его понуждали къ выѣзду изъ Читы по случаю перевода въ Минусинскъ:

Мая 4-го дня 1856 г. Село Радужнево (близъ Сухонича).

«Но я узнаю во всѣхъ его дѣйствіяхъ, — брата вашего, и его устойчивый характеръ; онъ не поѣхалъ до возвращенія главнаго начальника, (убѣдивъ исправлявшаго должность ген.-губернатора И. И. Венцеля, чтобъ онъ предоставилъ и исполненіе тому, кто затѣялъ дѣло), и въ настоящее время, когда онъ писалъ ко мнѣ, его уже не торопили выѣздомъ».

Извѣстно, что тогда ген.-губернаторъ, затѣявшій переводъ Дм. И—ча въ Минусинскъ самъ уѣхалъ на Амуръ, въ надеждѣ, что во время отлучки его, найдутся усердные люди, которые постараются въ угоду ему выпроводить Д. И—ча изъ Читы; но даже изъ самыхъ преданныхъ главному начальнику лицъ, никто не отважился покуситься на это.

Между тѣмъ съ возвращеніемъ правъ Д. И—чу, и съ появленіемъ его статей, очевидно стало невозможнымъ продолжать открыто прежнюю систему, и тѣмъ болѣе, что статьи Д. И—ча произвели сильное впечатлѣніе не только въ Россіи вообще, но даже и при дворѣ. Такъ сестра Д. И—ча въ письмѣ отъ 28 дек. 1859 г. изъ Москвы сообщила ему о письмѣ одной имѣвшей большое значеніе при дворѣ особѣ, которая писала ей: «Votre frère Dmitry a acquis l'estime et la sympathie generale». Самые отъявленные угодники главнаго начальника стали опасаться и перемѣнили языкъ. Букель, много обязанный Дм. И—чу когда былъ въ низшихъ чинахъ, и даже получавшій награды за труды, принадлежавшіе собственно Дм. И—чу, но за тѣмъ ставшій однимъ изъ главныхъ дѣятелей по злоупотребленіямъ, возвысившійся въ десять лѣтъ отъ званія поручика до начальника штаба и губернатора, этотъ Букель, пріѣхавъ въ Читу на губернаторство, явился съ повинною къ Д. И. З—ну, сознался во вредѣ прежняго образа дѣйствій и началъ проповѣдывать своимъ подчиненнымъ новыя правила. Свидѣтельство объ этомъ имѣется въ слѣдующемъ письмѣ Мих. Алек. Бестужева:

18-го августа 1862 года. Селенгинскъ.

«Я видѣлся съ Букелемъ. Онъ сообщилъ мнѣ свои проекты, (о новой системѣ управленія). Каковъ? Своя на своихъ возстаю! Напиши, какъ ты объ этомъ думаешь?»

Думать, конечно, тутъ было нечего! По сознанию самаго Кукеля Д-ю И—чу, подчиненные чуть не въ глаза ему смѣялись, когда онъ сталъ проповѣдывать новыя правила. Разумѣется, они очень хорошо поняли, что все это одно вынужденное лицемѣріе, и что все таки главному начальству можно угодить и выслужиться только тѣми дѣйствіями, какими выслужился и самъ Кукель.

Впрочемъ, во время своего губернаторства въ Читѣ, во всемъ, что было на глазахъ у Д. И—ча, Кукель старался сообразоваться съ его мнѣніемъ. Въ подтвержденіе сего есть нѣсколько документовъ: записка о приведеніи въ исполненіе распоряженій Д. И—ча относительно неправильно строящихся домовъ; письмо дѣлопроизводителя городской комиссіи, (которой и Д. И. былъ избранъ членомъ отъ города), извѣщающаго Д. И—ча, что по протесту его, Кукель поручилъ написать отъ него въ комиссію бумагу, что «онъ находитъ протестъ Д. И—ча вполне правильнымъ, и желалъ бы, чтобы комиссія отмѣнила свое постановленіе, какъ стѣснительное и вмѣстѣ съ тѣмъ ни къ чему не ведущее».

Статьи Д. И—ча, разоблачивъ настоящее состояніе дѣлъ, чрезвычайно облегчили положеніе новыхъ лицъ, не участвовавшихъ въ прежнихъ злоупотребленіяхъ, потому что отъ нихъ и не смѣли уже ихъ требовать. Такъ новый губернаторъ, Е. М. Жуковскій, не причастный дѣламъ, до него бывшимъ, видя значеніе и уваженіе, которымъ пользовался Д. И., и самъ обращаясь къ нему съ довѣріемъ и открыто, на что имѣются также нѣсколько документовъ. Письмо его отъ 23 февраля 1862 года, съ просьбою принять участіе въ сѣльско-хозяйственной и промышленной выставкѣ, первой не только въ Читѣ, но и во всей Сибири; затѣмъ письмо и совѣтника, съ просьбою принять сверхъ того и званіе эксперта, такъ какъ населеніе не хотѣло принимать участія въ выставкѣ, подозрѣвая тутъ уловку, чтобы вызнать что у него есть, и обложить натуральною повинностію для Амура какъ то дѣлалось прежде, и довѣріе возстановилось только тогда, когда объявлено, что въ комиссіи членомъ и экспертомъ будетъ Д. И. З—нъ.

Въ письмахъ Мих. Вестужева, къ Д-ю И—чу З—ну, есть еще одно, представляющее весьма важный документъ относительно одного вопроса, очень мало разъясненнаго для русской публики. Вообще представляется, что занятіе Амура соединено съ приобрѣтеніемъ и южныхъ гаваней, но вмѣсто того на дѣлѣ оказывается, что занявшій Амуръ ген.-губернаторъ былъ отъявленный противникъ отысканія и занятія южныхъ гаваней. Уже въ «Морск. Сборникѣ» были на то намекн, по поводу письма Бошняка; затѣмъ адмиралъ Невельской прямо уже говоритъ о томъ въ своихъ посмертныхъ запискахъ; теперь въ приводимомъ здѣсь слѣдующемъ письмѣ Мих. Ал. Вестужева находится новое тому подтвержденіе:

Селенгинскъ. 8-го августа 1862 года.

«Это было за вечернимъ чаемъ на половинѣ Катерины Николаевны, (жены ген. губ. Муравьева). Тутъ былъ К. Е. Венцель, (тогдашній Иркутскій губернаторъ), М. С. Корсаковъ, не помню хорошенько, былъ ли тутъ Буссе. Я готовился плыть по Амуру, слѣдовательно разговоръ коснулся Николаевска, и скоро завязался споръ, гдѣ я доказывалъ, что этотъ рождающійся городъ никогда не можетъ сдѣлаться ни купеческимъ, ни военнымъ портомъ. Корсаковъ, обращаясь къ Н. Н. Муравьеву, сказалъ: «Помните ли вы, в. п., вѣчную прибаутку Невельскаго въ подобныхъ спорахъ, когда онъ съ запальчивостію повторялъ: «флотъ—портъ; портъ—флотъ». «Неужели вы не подозреваете, Мих. Сем., возразилъ я, что въ этой прибауткѣ кроется глубокой смыслъ? Неужели Амуръ вывелъ насъ на океанъ для того, чтобы мы сложа руки, любовались изъ-за льдовъ и мелей его устья на торговую дѣятельность другихъ народовъ? Если вы хотите въ этой дѣятельности принять участіе и заводить флоты, то необходимо приготовить для нихъ удобныя порты, а не ледники и замкнутыя гавани, которыми Россія можетъ только похвалиться. Да! грѣхъ, если русскіе, по своей обычной апатіи, не воспользуются теперь благоприятными обстоятельствами, и не отыщутъ для себя открытаго порта на югъ»... «Вы моряки очень прихотливы», прервалъ меня Ник. Ник. Муравьевъ, «вы пожалуй захотите въ Печели». Споръ долго продолжался на эту тему, но сущность его была почти та же. Прощай! Твой Михаилъ Бестужевъ».

Естественно, что при этомъ могутъ спросить: почему же такъ ожесточенно противились отысканію и занятію южныхъ портовъ, и называли признаніе этого необходимымъ пустою выдумкою моряковъ? Отвѣтъ на это находимъ въ запискахъ Д. И. Завалишина. Желавшіе поскорѣе получить награды за амурское дѣло, естественно, спѣшили объявить скорѣе дѣло это законченнымъ. Извѣстно, что даже когда еще не проплыли по Амуру, когда только что утверждена была по проекту Д. И. З.—на организація Забайкальскаго края, какъ подготовки къ рѣшенію амурскаго вопроса, то уже говорили, что «теперь уже все сдѣлано! теперь и всякій можетъ продолжать!» А какъ въ 1857 году, когда происходилъ вышеописанный М. Бестужевымъ разговоръ, нельзя было ни надѣяться на добровольную уступку со стороны Китая, ни на тѣ обстоятельства, (война Китая съ Англіей и Франціей), которыя вынудили манчжурскаго ген.-губернатора заключить айгунскую сдѣлку, (не ратификованную однакоже, не смотря на все, Китаемъ, и за которую этотъ ген.-губ. Ишанъ, былъ приговоренъ къ смертной казни) и затѣмъ, при взятіи Пекина союзниками, дали возможность Н. П. Игнатьеву, за посредничество съ ними, получить уступку Усурійскаго края и южныхъ гаваней, то понятно, что признавать занятіе Амура, безъ отысканія

и занятія южныхъ таваней, лишеннымъ всякаго значенія и смысла, значило бы отложить объявленіе Амурскаго дѣла законченнымъ — въ долгій ящикъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отложить надежды и на награды.

Вотъ цѣлый рядъ официальныхъ (за №№) писемъ генералъ-лейтенанта П. К. Менькова, главнаго редактора «Рус. Инвалида» и «Военнаго Сборника», журнала, служащаго органомъ военному министерству, (какъ покойный генералъ Меньковъ самъ его называлъ):

Спб. 1-го ноября. 1861. № 1666.

«Мил. гос. Дмитрій Принаровичъ! Редакція «Военнаго Сборника» искренно признательна вамъ, мил. гос., за свѣденія, сообщенныя вами; онѣ знакомятъ съ неустройствомъ края, къ полному сожалѣнію, еще столь смутнопонимаемаго въ Россіи. Внимательно прочитывая ваши письма, исполненные живаго интереса, я съ грустію пришелъ къ старому, не разъ доказанному убѣжденію, что сколько бы частныя лица ни желали добра краю, пока въ дѣтеляхъ правительства не будетъ искренности и прямого понятія о святости долга своего, всѣ сѣтованія останутся тщетными.

«Вы вините редакціи, что онѣ не печатаютъ вашихъ статей, что я не печатаю вашихъ писемъ; но виноваты ли въ томъ лица и редакціи, надъ которыми существуетъ самая строгая, и никогда не снисходительная цензура? Еще время не пришло. Факты, представляемые вами, слишкомъ свѣжи, — и всѣ они должны проходить черезъ руки тѣхъ же лицъ, о которыхъ говорятъ и которыхъ винятъ. Кто же добровольно наложитъ на себя руки?

«Редакція была бы вамъ искренне признательна, если бы вы сообщили ей вашъ трудъ о казачествѣ вообще, и о казакахъ Забайкальскихъ въ особенности¹⁾. Не зная содержанія статьи и способа ея изложенія, редакція не можетъ ручаться за непремѣнное напечатаніе статьи, ибо независимо отъ редакціи, статья можетъ не допущена быть къ напечатанію цензурою. Но во всякомъ случаѣ, я полагаю, что правдивая и меткая статья, даже и въ рукописи, будучи представлена тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ вліяніе на ходъ управленія краемъ, принесетъ несомнѣнную пользу. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мнѣ особенно пріятно заявить вамъ, мил. гос., мое глубокое уваженіе, и увѣрить васъ въ моей искренней преданности. Петръ Меньковъ».

(Н. В. Генер.-лейт. Меньковъ былъ одинъ изъ севастопольцевъ).

¹⁾ Эта просьба основана была на постороннемъ сообщеніи, что Д. И. Завалишину удалось разрѣшить вопросъ о казачествѣ и дать ему разумное, историческое разъясненіе. Д. З.

Спб. 25-го апрѣля 1861 года.

«Мил. гос. Дмитрій Принарховичъ! Не нахожу словъ, чтобы вполне выразить вамъ мою признательность за довѣріе, которымъ вы меня почтили. Вполнѣ цѣню, и вполнѣ сочувствую вашему горю, которое накопило у васъ при видѣ общей въ краю неурядицы, несправедливости и равнодушія къ закону и долгу. По моему мнѣнію, общему растлѣнію не поможетъ и печатное слово, которое, къ общему сожалѣнію, далеко уклонилось отъ своей цѣли, вышло изъ вѣры.

«Вполнѣ сочувствую истинѣ, изложенной въ вашихъ письмахъ, я позволилъ себѣ, какъ редакторъ журнала, служащаго органомъ военному министерству, до печатнаго заявленія, высказать мои личные убѣжденія, основанныя на вашихъ словахъ, г-ну военному министру (Д. М. Милютину) высокая личность котораго, сочувствуя всему доброму и благородному, — изъ полного презрѣнія къ интригѣ и злоупотребленіямъ, по во всемъ вѣроятіямъ, не откажетъ обратить вниманіе на зло, разоблаченіемъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зло происходитъ. Впрочемъ, это мои догадки; будемъ ждать съ терпѣніемъ дней болѣе свѣтлыхъ.

«Искренне признателенъ вамъ за вступленіе къ статьѣ о казачествѣ; увѣренъ, что въ цѣломъ составитъ прекрасный и замѣчательный трудъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки послѣдующихъ отдѣловъ. Отвѣтъ вашъ на «Ложь и клевету поручика Мехеды» прочелъ съ самымъ живымъ интересомъ, и по желанію вашему, возвращаю при семъ подлинную вашу рукопись, оставивъ у себя, съ разрѣшенія вашего, — копію, какъ документъ нашихъ дѣтскихъ взглядовъ на цензуру, литературу и любовь къ дѣлу. Что отвѣчалъ вамъ цензурный комитетъ? Грустно! ложь осталась не обвиненною, — вредъ ею сдѣланный — неисправимымъ, а могли бы напечатать, за нѣкоторыми выраженіями, показавшимися быть можетъ имъ щекотливыми; вы конечно бы не постояли, — лишь бы они не утешили вопроса.

«Скажите, пожалуйста, не уже ли и теперь, съ выходомъ изъ края Графа Амурскаго, существуетъ прежній произволъ, неурядица? Что же дѣлаетъ и смотреть исполненный жизни и силъ, молодой начальникъ края¹⁾? Или протоптанная колея — болѣе надежна для правителя? Вообще, отдаленность края, и безконтрольность лицъ, стоящихъ тамъ въ головѣ управленія, много вредятъ царству.

«Сдѣлайте одолженіе, пишите; будемъ помогать дѣлу общему, дѣлу доброму, по мѣрѣ силъ нашихъ и возможности; авось намъ Богъ поможетъ!»

¹⁾ Г.-л. Менъковъ не обратилъ вниманія на то, что новый начальникъ, выведенный предшественникомъ въ 8 лѣтъ изъ подпоручиковъ въ губернаторы, на то и поставленъ былъ, чтобы прикрыть прежнія дѣйствія, въ которыхъ и самъ былъ участникомъ, на что бы, для огражденія себя, не согласилось новое лицо, какъ и сдѣлалъ то потомъ ген.-губерн. Н. П. Синельниковъ, раскрывъ все зло. Д. З.

Спб. 26-го Мая 1862 года, № 184.

«Чтобы извлечь всю возможную пользу изъ вашихъ записокъ, я представляю ихъ для прочтенія г-ну военному министру, въ томъ убѣжденіи, что высокая во всѣхъ отношеніяхъ личность его, принимая самое теплое участіе во всемъ намъ родномъ, русскомъ, окажетъ свое содѣйствіе къ пріятію самыхъ дѣятельныхъ мѣръ по при-Амурскому краю.

«Во всякомъ случаѣ, ручаясь вамъ моимъ словомъ и горячею любовью къ нашей общей матери Россіи, — что Записки ваши, не смотря на то, явятся ли они въ печати или нѣтъ, достигнутъ своей цѣли, своего назначенія; — я употреблю все зависящія отъ меня усилія, чтобы онѣ были прочтаны тѣми лицами, отъ коихъ проистекаетъ добро для народности, и въ рукахъ, которыхъ находится право карать зло.

«Будьте столь обязательны, познакомяте меня короче съ вашею замѣчательною личностію; скажите мнѣ нѣсколько словъ о вашей прошлой судьбѣ, о вашей дѣятельности, — жизни. Пусть эта краткая автобіографія будетъ служить вступленіемъ къ вашимъ замѣчательнымъ и полезнымъ трудамъ, которыхъ, вѣроятно, самая наименьшая доля находится въ моихъ рукахъ».

Спб. 25-го сентября 1862 года, № 389.

«Не нахожу словъ, чтобы вполне выразить вамъ мою искреннюю признательность за то довѣріе, которымъ вы почтили меня, поддерживая вашу умную и назидательную бесѣду. По мѣрѣ силъ моихъ и моего служебнаго круга дѣйствій, я стремлюсь къ тому, чтобы ваши разумныя указанія были усвоены и приняты. Независимо отъ моихъ дѣйствій на военное министерство, генеральнаго штаба полковникъ Будагосскій, по моему настоянію, и на данныхъ, заключающихся въ вашихъ письмахъ, и на опытѣ, пріобрѣтенномъ имъ во время своей служебной дѣятельности въ краѣ, составить общую записку о состояніи края, которая имъ, какъ бывшимъ оберъ-квартирмейстеромъ, будетъ официально представлена г-ну военному министру, одновременно съ ожидаемымъ сюда пріѣздомъ Корсакова. Авось, Богъ дастъ, ваши искреннія желанія принесутъ ожидаемую нами пользу.

«При семъ возвращаю вамъ подлинную записку сотника М...; копію съ оной, какъ документъ безсмысленнаго произвола, я оставилъ у себя».

Спб. 4-го февраля 1863 г.

«Мил. гос. Дмитрій Принаховичъ! Не нахожу словъ, выразить вамъ моей искренней, душевной признательности за вашу постоянную, поучительную переписку съ редакціей. Подобно вамъ, проникнутый искреннимъ желаніемъ добра нашей дорогой отчизны, я, по званію главнаго редактора

журнала, представляющаго собою органъ военнаго министерства, дѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы правительство извлекло возможную пользу изъ вашихъ указаній. Содержаніе вашихъ писемъ и статей я докладываю г-ну военному министру, и по приказанію его превосходительства, лично мною было сдѣлано извлеченіе изъ нихъ, и въ видѣ особой записки «Извѣстія изъ Восточной Сибири», представлено военному министерству. Сколько мнѣ извѣстно, записка дана была для прочтенія и отвѣта ген. Корсакову. Не знаю, что отвѣчалъ на записку о неурядицѣ въ При-Амурскомъ краѣ ген.-губернаторъ края, но во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что вашъ трудъ, хотя и не напечатанный въ общемъ всеуслышаніе, — не пропалъ безслѣдно».

Н. В. Дѣйствительно не пропалъ безслѣдно, но не въ томъ смыслѣ, какъ ожидалъ ген.-лейт. Меньковъ и всѣ другіе, чаявшіе исправленія зла. Всѣ статьи свои Д. И. З—нъ посылалъ и назначалъ для печати, оставляя противникамъ своимъ возражать на нихъ въ печати же, и опровергать, если могутъ, и тогда всѣ могли бы судить о достоинствѣ какъ обвиненія, такъ и оправданія. Но вмѣсто того, и не смотря на полное подтвержденіе, со стороны Будагосскаго, всего сказаннаго Дмитріемъ Иринарховичемъ, какъ сейчасъ будетъ видно, Корсакову были даны какъ Записка, о которой сказано въ письмѣ ген.-лейт. Менькова, такъ и всѣ статьи Д. И. З—на; но отвѣты Корсакова не были сообщены Дмитрію Иринарховичу, чтобы онъ, въ свою очередь, могъ возразить на нихъ. Затѣмъ, по негласнымъ навѣтамъ Корсакова, дошедшаго до нелестнаго для себя признанія, что нравственное вліяніе Дмитрія Иринарховича выше вліянія власти ген.-губернатора, Д. И. Завалишинъ былъ, безъ суда и слѣдствія, удаленъ, противу воли, изъ Чыты, съ полнымъ раззореніемъ, и потерю плодовъ 24 лѣтняго труда, обезпечивавшихъ его, хозяйства его и собственнаго дома!

Спб. 22-го января 1864 (въ Москву).

«Невозможность пріѣзда вашего въ Петербургъ лишаетъ меня возможности скорого личнаго знакомства; но имѣя въ виду, въ непродолжительномъ времени, быть въ Москвѣ, я буду имѣть честь представиться вамъ лично и просить о продолженіи вашего вниманія ко мнѣ, высказаннаго въ постоянной нашей перепискѣ».

Меньковъ.

Письмо ген. Будагосскаго.

Одесса. 25-го февраля 1864 года.

«Послѣ довольно продолжительнаго разговора съ военнымъ министромъ о Восточной Сибири, онъ сознался, что не имѣетъ никакого о ней понятія, но возобновить въ другое время рѣчь о ней не захотѣлъ; а приказалъ передать мнѣ всѣ ваши статьи, съ просьбою, чтобы я выразилъ свое мнѣніе».

Я исполнилъ его желаніе самымъ добросовѣстнымъ образомъ. Возвращая ваши статьи, я приложилъ нѣсколько документовъ и вашу фотографію. Все это оказалось нужнымъ для доказательства справедливости нѣкоторыхъ фактовъ, казавшихся мнѣ невѣроятными или превратно понятыми. Съ документовъ сняли копіи, и возвратили мнѣ, а карточка ваша осталась у военного министра, или у Менькова, не знаю».

(Н. В. Въ числѣ документовъ находилось требованіе отъ Будагосскаго, искаженія карты Амуре «отодвинуть горы», чтобы доказать, что тутъ можетъ быть «область», тогда какъ дѣйствительная съемка показывала, что на Амурѣ можетъ устроена быть только «линія» См. письмо Савича).

Между тѣмъ быстро развивавшіяся послѣдствія всего указаннаго Д. И. Завалишинимъ, вполне доказали справедливость не только современныхъ, указанныхъ фактовъ, но и всего предвидѣннаго имъ. Коль скоро можно стало говорить о сибирскихъ дѣлахъ свободѣ, не подвергаясь опасности потерпѣть за это такъ, какъ пострадалъ Д. И., печать наполнилась извѣстіями одно другаго безотрадиѣ на счетъ сибирскихъ, и особенно амурскихъ дѣлъ. Все, собранное съ населенія насиліемъ и съ раззореніемъ Забайкальскаго края, пропадало даромъ отъ дурныхъ и невѣжественныхъ распоряженій и злоупотребленій; гибли цѣлые караваны съ миллионными грузами, гибли линейные солдаты отъ голода, гибло и раззорялось населеніе и на Амурѣ; штрафные солдаты и опороченные начальники внесли повсемѣстное развращеніе въ казачье населеніе; правительство было поставлено въ недоумѣніе. Амуръ поглотилъ уже огромныя суммы, и сдѣлался дѣйствительно «злочащественною язвою», какъ характеризовалъ его Д. И. З. Рѣшено было послать ген.-адъют. Сколкова, пользовавшагося особеннымъ довѣріемъ покойнаго императора. Ему было поручено довести о настоящемъ положеніи дѣлъ на Амурѣ и опредѣлить на мѣстѣ разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ для будущаго.

При проѣздѣ своемъ чрезъ Москву, при возвращеніи съ Амуре въ Петербургъ, ген.-ад. Сколковъ искалъ познакомиться съ Д. И. З. и вотъ что сказалъ ему: «Отправляясь на Амуръ, хотя я, какъ и всѣ другіе моряки, Матюшкинъ, Бокъ¹⁾, и проч. знавшіе васъ по преданію, и слышавшіе лично рассказы моряковъ возвращавшихся изъ Сибири и съ Амуре,

¹⁾ Покойный адмиралъ Бокъ, состоявшій при одномъ изъ великихъ князей, познакомился лично съ Д. И.—мъ, на этнографической выставкѣ, гдѣ Д. И. былъ членомъ распорядительной комиссіи, и уполномоченнымъ. Ему было сверхъ того поручено объясненіе выставки всѣмъ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, начиная отъ институтовъ и гимназій, до начальныхъ школъ. Адм. Бокъ состоялъ потомъ въ дружеской перепискѣ съ Д. Ир. и писалъ ему интересныя письма изъ Германіи, изъ которыхъ одно было даже напечатано Д. И.—чемъ.

глубоко былъ убѣжденъ въ справедливости всего, что вы писали, но, сознаюсь откровенно, не рѣшился видѣться съ вами, при всемъ желаніи познакомиться: я не хотѣлъ, чтобы могли потомъ сказать, что я на все смотрѣлъ вашими глазами. Но когда я, бывши на мѣстахъ лично, увидѣлъ до какой степени было справедливо не только то, что вы писали о настоящемъ положеніи дѣла, но что предвидѣли и въ будущемъ, я счелъ уже своею обязанностію, на возвратномъ пути, лично представиться вамъ, и просить о знакомствѣ, и о полезныхъ совѣтахъ, убѣдясь, какъ строго различали вы самое дѣло отъ людей—портившихъ его, и если вынуждены были выступить противъ послѣднихъ, то всегда сочувствовали и содѣйствовали дѣлу».

Результатомъ знакомства ген.-ад. Сколкова съ Д. И. Завалишинымъ была дружеская переписка между ними, въ которой Сколковъ и выразилъ то же, что говорилъ Д. И.—чу и лично. Приводимъ выписку изъ одного письма, въ подтвержденіе сказаннаго:

Спб. 17-го февраля 1870 года.

«Мил. гос.!! Дмитрій Иринарховичъ! При свиданіи нашемъ вы заявили столько сочувствія къ развитію При-Амурскаго края, что и незначительнымъ успѣхомъ въ этомъ дѣлѣ спѣшу подѣлиться съ вами». (Дѣло шло объ одномъ предпріятіи, отъ котораго, судя по началу, ген.-ад. Сколковъ ожидалъ пользы, и относительно котораго и желалъ поѣтому посоветоваться съ Дмитриемъ Иринарховичемъ).

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ приведенныхъ документовъ очевидно, что не только мѣстные жители всѣхъ званій и общественныхъ положеній, но и официальные представители правительства, были вполне убѣждены въ справедливости всего сказаннаго, и даже предвидѣннаго Д. И. Завалишинымъ, по сибирскимъ дѣламъ, и не поколебались выразить свое убѣжденіе и письменно.

Это же убѣжденіе раздѣляли и покойные митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Леонидъ, совѣтывавшіеся даже съ Д. И.—мъ по сибирскимъ и другимъ дѣламъ,—какъ имѣются тому письменныя свидѣтельства.

Въ заключеніе можно прибавить, что назначенный послѣ Корсакова, генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири, генералъ Н. П. Синельниковъ, какъ не связанный ответственностію со своими предшественниками и не обязанный скрывать прошлое, обнаружилъ въ открытыхъ своихъ циркулярахъ весь хаосъ, который царствовалъ въ дѣлахъ управленія Восточной Сибири. Циркуляры эти, напечатанные и въ столичныхъ газетахъ, послужили новымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго Д. И. Завалишинымъ.

ПРЕБЫВАНІЕ ДЕКАБРИСТОВЪ ВЪ ТЮРЕМНОМЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ

ВЪ ЧИТѢ И ВЪ ПЕТРОВСКОМЪ ЗАВОДѢ.

ЗАПИСКИ ДМИТРИЯ ПРИНАРХОВИЧА ЗАВАЛИШИНА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Прочитавъ не мало уже изъ того, что до сихъ поръ было напечатано, какъ товарищами моими по заключенію, такъ и посторонними лицами, о пребываніи нашемъ въ заключеніи въ Читѣ и въ Петровскомъ желѣзномъ заводѣ, я нашелъ все, что удалось прочитать мнѣ, далеко не полнымъ, не точнымъ и не безпристрастнымъ... Причинъ тому было, конечно, не мало: незнаніе фактовъ, или забвеніе ихъ, вслѣдствіе того, что они не были въ свое время записаны и приводились по одиѣмъ смутнымъ воспоминаніямъ, при ослабленіи уже памяти, долгое время спустя, личныя побужденія, нежеланіе говорить о нѣкоторыхъ невыгодныхъ явленіяхъ среди товарищества, опасенія препятствій говорить правду о дѣйствіяхъ начальства,—все это породило умолчаніе о многихъ фактахъ, искаженіе другихъ, и неправильное объясненіе иныхъ, что неизбежно отразилось въ неправильности сужденія о дѣйствіяхъ и характерѣ лицъ...

Кромѣ меня, сколько мнѣ извѣстно, едва ли кто другой, изъ нашихъ товарищей, велъ современныя записки, наблюдая и обсуждая въ свое время все относившееся къ намъ, и сохраняя письменные документы, за что все, какъ извѣстно, я велъ упорную борьбу съ комендантомъ Лепарскимъ, который окончательно вынужденъ былъ однако же признать справедливость требованія разрѣшенія письменныхъ занятій. Поэтому я одинъ только и имѣлъ, по крайней мѣрѣ, такія замѣтки, которыя могли служить прочною основой для воспоминаній, тогда какъ тѣ изъ моихъ товарищей, которые принялись писать свои воспоминанія только впоследствии, должны были основываться преимущественно на одной своей памяти, не рѣдко измѣнявшей уже имъ, что и вызывало уже не разъ опроверженія показаній однихъ, показаніями другихъ, не говоря уже о наполненіи этихъ воспоминаній такими выраженіями: «не помню», — «кажется», —

«не могу съ достовѣрностію сказать», и пр. Что же касается до постороннихъ лицъ, то онѣ, разумѣется, должны были основываться въ своихъ разсказахъ только на внѣшнихъ случайныхъ явленіяхъ, и если слышали и разсказы чьи-либо изъ нашихъ товарищей, и даже имѣли въ рукахъ кое-какіе документы, то не находившись сами въ казематѣ, не зная всей совокупности событій и историческаго развитія ихъ, а равно и внутреннихъ причинъ, не могли, разумѣется, давать настоящаго значенія ни тому что слышали, ни тому что могли узнать изъ документовъ.

Мнѣ же благопріятствовали и внѣшнія условія для полноты наблюдений и разнообразія источниковъ свѣдѣній, давшія возможность избѣжать односторонности. Прибывши одинъ изъ первыхъ въ Читѣ, (прежде меня прибыла только одна партія изъ четырехъ человекъ), я выѣхалъ изъ Петровскаго завода послѣднимъ, и затѣмъ водворенъ былъ на поселеніи въ той же самой Читѣ, гдѣ было еще много свидѣтелей перваго, общаго нашего пребыванія въ ней, что дало мнѣ возможность пополнить мои свѣдѣнія фактами и объясненіями, бывшими намъ неизвѣстными. Затѣмъ, прибывъ въ Читѣ, я женился на дочери одного умершаго горнаго шт.-офицера (по горному чину въ рангѣ подполковника), бывшаго, во время нашего пребыванія въ Читѣ, начальникомъ горнозаводскаго тамъ управленія, человека высокоуважаемаго и нами, и начальствомъ, и, по званію и мѣсту своему, имѣвшаго всегда къ намъ доступъ, завѣдывавшаго отчасти и нашими дѣлами, въ семействѣ котораго я нашелъ поэтому много не только устныхъ свѣдѣній, но и документовъ, относящихся къ намъ.

Но еще важнѣе всѣхъ этихъ внѣшнихъ благопріятныхъ условій было то, что существовала еще особенная, нравственная причина, которая дѣлала для меня обязательными полноту, точность и безпристрастіе наблюдений. Для всѣхъ другихъ, явленія и наблюденія въ казематской жизни были случайныя; между ними не отыскивали и даже и не предполагали никакой связи, и обращать или не обращать на нихъ вниманіе зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ и болѣею частію отъ причинъ и побужденій субъективныхъ; для меня же наблюденія надъ явленіями казематской жизни были напередъ поставленною нравственною задачею, предметомъ преднамѣреннаго изученія. Признавъ, что для полноты и правильности выводовъ по вопросамъ общественнымъ и государственнымъ, необходимо подробное и безпристрастное изученіе всѣхъ партій, ихъ побужденій, цѣлей, правилъ, и образа дѣйствій, я съ самаго же начала, когда увидалъ, что мы будемъ соединены въ массы, и на долгое время, призналъ, что это обстоятельство будетъ весьма благопріятно для изученія либе-

ральной партіи, которая будетъ имѣть здѣсь представителей всѣхъ мнѣній, всѣхъ побужденій, всѣхъ положеній, всѣхъ степеней образованія и развитія, и съ этою цѣлю и сообразилъ свои наблюденія. Я старался поэтому не только съ точностію наблюдать всѣ явленія, и безпристрастно обсуждать ихъ, но и осмысливать ихъ, отыскивать ихъ внутреннія причины и связь между ними. Казаматское общество являлось, поэтому, мнѣ не какъ простой, случайный агрегатъ людей, а какъ живой организмъ, воплощеніе живой идеи, способной къ развитію и къ проявленію всего своего внутреннего содержания, и думаю, что въ этомъ я не ошибся. Что же касается до того, чтобы поставить себя въ условія возможности полного безпристрастія, то могу сказать, что я принялъ въ этомъ отношеніи всевозможныя мѣры, устраненіемъ всѣхъ причинъ и поводовъ къ личнымъ столкновеніямъ. У меня происходила постоянная и сильная борьба, но всегда только за общія идеи, за нравственные правила, за разумность учрежденій, за правильность и своевременность приложенія нѣкоторыхъ общихъ мѣръ.

Съ другой стороны, возможность безпристрастнаго сужденія обезпечивалась, съ моей стороны, моимъ взглядомъ на партіи, на служебный ихъ характеръ, исключаящій эгоистическія цѣли, не связывающій необходимостію и обязанностію защищать у своихъ и худое, порицать у противниковъ и хорошее; взглядъ, не позволяющій партію ставить выше дѣла и цѣли.

Въ подтвержденіе и того и другаго я могу привести цѣлую массу доказательствъ и письменныхъ документовъ.

Что требовалъ я отъ своихъ товарищей по заключенію? Я требовалъ, прежде всего, сохраненія нравственнаго достоинства, охраненіе котораго въ нашей общинѣ и составляло главный предметъ моихъ усилій, и болѣе всего противорѣчило цѣли и намѣреніямъ коменданта, какъ тюремщика, и потому и заставляло его смотрѣть на меня, какъ на главнаго своего противника. «Одно только нравственное достоинство можетъ придать намъ значеніе въ нашемъ положеніи, твердилъ я постоянно. Если вы хотите, чтобы вѣрили, что вы пожертвовали собою для блага общаго, хотя бы и ошибались въ средствахъ достиженія цѣли, то соображайте съ этимъ и теперь ваши дѣйствія. Если же мы ничѣмъ не будемъ отличаться въ нравственномъ отношеніи отъ тѣхъ людей, среди которыхъ намъ суждено жить отнынѣ, то мы будемъ самыя жалкіе люди».

Во вторыхъ, я требовалъ, чтобы не теряли время на пустыя занятія. Если мы, находясь въ казаматѣ, не можемъ, говорилъ я, дѣйствовать съ пользою для общества, то ничто не мѣшаетъ тому,

чтобъ готовиться къ такому дѣйствию, если снова представится намъ случай къ общественной дѣятельности. Наконецъ, я всегда понималъ свободу не какъ одно только отрицаніе внѣшнихъ ограниченій, а какъ внутреннее, живое, творческое и дѣятельное начало, способное созидать и развивать такой же живой, органическій порядокъ и свободно подчиниться ему. Все, что я говорилъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, я старался подтверждать и собственнымъ примѣромъ.

Вотъ эти-то требованія и были единственною причиною моихъ столкновеній какъ съ товарищами, такъ и съ комендантомъ; никакихъ личныхъ поводовъ я не имѣлъ и не подавалъ.

Относительно комендантовъ, и перваго (Лепарскаго) и втораго (Ребиндера), и вообще относительно всякаго начальства, я дѣйствовалъ съ такимъ же безпристрастіемъ, какъ и относительно товарищей; что было хорошо у кого бы то ни было, то и говорилъ я, что хорошо, что было худо, осуждалось равно и у тѣхъ, и у другихъ. Лепарскій считалъ меня не только главнымъ, но и единственнымъ его противникомъ; мы съ нимъ, какъ увидимъ, расходилось во всемъ, но мои дѣйствія никогда не выходили за предѣлы справедливости и законности; и Лепарскій самъ признавалъ, что мои требованія не имѣли никогда ничего личнаго, эгоистическаго, а дѣйствія были во всемъ безупречны, что именно и внушало ему, по его собственнымъ словамъ, опасеніе, но съ другой стороны побуждало его оказывать мнѣ всегда полное уваженіе, какъ свидѣлствуютъ собственноручныя его ко мнѣ письма и записки. Что же касается до Ребиндера, то въ то время, какъ другіе, отнесясь къ нему съ самаго же начала, еще до пріѣзда его, съ недовѣріемъ и боязнью, единственно потому, что онъ былъ изъ жандармовъ, начали вслѣдъ за тѣмъ, ради разныхъ льготъ и изъ страха, заискивать въ немъ, и искать съ нимъ сближенія, — я встрѣтилъ его безъ предубѣжденія, но не искалъ съ нимъ личнаго знакомства, ничего отъ него не требовалъ, а между тѣмъ, подъ конецъ, онъ сдѣлался самымъ жаркимъ моимъ почитателемъ, когда увидѣлъ на опытѣ, въ приложеніи и къ себѣ, мое безпристрастіе и справедливость; когда я сумѣлъ защитить его противъ несправедливости, возбужденной противъ него увлеченіемъ духа партіи, и по челоуколюбію не хотѣлъ оставить его безъ помощи въ то время, когда по случаю почти смертельной его болѣзни, его оставили тѣ самые, которые прежде искали въ немъ и льстили ему.

Мнѣ приходилось въ казачьей жизни, во многихъ случаяхъ, бороться почти одному, и противъ общихъ несправедливыхъ увле-

ченій, и противъ частныхъ дѣйствій, не соотвѣтствовавшихъ нашему нравственному достоинству, и противъ неустройства общихъ дѣлъ, и противъ безпорядковъ, выгодныхъ не многимъ, но вредящихъ всѣмъ, порождавшихъ и поддерживавшихъ раздраженіе и непріятности; борюсь одному, не потому, чтобъ не было никого понимающихъ дѣло и сочувствующихъ мнѣ, а вслѣдствіе обычной у насъ апатіи и всеобщей уклончивости, избѣгающей борьбы за общіе интересы. Понятно поэтому, что моя неуклончивость и постоянная, неустанная борьба вызывали противъ меня раздраженіе и вражду тѣхъ, которыхъ ошибочнымъ и вреднымъ мнѣніямъ, страстямъ и эгоистическимъ интересамъ я противился въ какомъ либо данномъ случаѣ. Но когда опытъ разсѣялъ ошибочныя мнѣнія, страсти улеглись или получили инныя цѣли и направленія, интересы измѣнились, мнѣ отдала справедливость, и многолѣтняя переписка со мною моихъ товарищей, въ теченіи всей остальной ихъ жизни, свидѣтельствуетъ о томъ расположеніи и уваженіи, какія они ко мнѣ питали. Не смотря на всѣ случайности, которыми подвергались мои бумаги во время преслѣдованія, впослѣдствіи, со стороны Сибирскаго начальства, во время борьбы моей съ нимъ, у меня все еще сохранилась цѣлая масса писемъ Пущина, Оболенскаго, Муханова, братьевъ (Ник. и Мих.) Бестужевыхъ, братьевъ (Мих. и В.) Кюхельбекеровъ, Юшневскаго и супруги его, Никиты и Артамона Муравьева, Горбачевского, Волконскаго, Трубецкаго, его дочери и ея мужа (кяхтинскаго градоначальника, впослѣдствіи сенатора, Ребиндера), Анненкова и супруги его и дочери, О. Г. Вишневскаго, и Кирѣева. Въ Читѣ, гдѣ я по выходѣ изъ каземата проживалъ, и на поселеніи, и по возвращеніи мнѣ правъ, искали моего гостепріимства и моего содѣйствія, посѣщали меня и гостили по долгу: В. Кюхельбекеръ съ семействомъ, С. Г. Волконскій съ супругою и ея сестрою, фрейлиною С. Н. Раевскою; сестра С. Г., вдова фельдмаршала и министра кн. П. М. Волконскаго Трубецкой съ дочерью и зятемъ, Горбачевскій, М. Бестужевъ, какъ свидѣлствуютъ ихъ благодарственныя письма. По возвращеніи моемъ въ Москву, я посѣтилъ всѣхъ, кого засталъ при пріѣздѣ въ Москву, исключая Петра Свистунова. Я посѣтилъ Нарышкину, вдову П. И. Пущина, (бывшую Фонвизину въ казематѣ); Анненковыхъ, когда они пріѣзжали, замужнюю дочь ихъ, которую носилъ въ казематѣ на рукахъ, сына Трубецкаго, зятя его Ребиндера, О. Г. Вишневскаго, о нахожденіи котораго въ Москвѣ не зналъ, но который, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, и, будучи боленъ, письменно просилъ меня навѣщать его. Меня постоянно посѣщали сынъ Трубецкаго и зять его, который часто приходилъ ко мнѣ приглашать къ обѣду и потолковать

о дѣлахъ; у меня бывали Анненковы, и мужъ и жена и дѣти ихъ, всякій разъ, что прїѣзжали въ Москву; меня часто приглашала къ обѣду вдова И. И. Пущина, у которой собирались тогда и Анненковы и дочь Муравьева; я навѣщалъ и сестеръ Бестужевыхъ; а о томъ, что я доставлялъ удовольствія и дочери Мих. Бестужева, имѣются и благодарственные его письма; меня посѣщалъ, бывая здѣсь проездомъ, Андрей Евгеньевичъ Розенъ; напоминали письменно о себѣ и другіе. Изъ этого видно, сколько было правды въ увѣреніяхъ Петра Свистунова, что я будто бы имѣлъ причины не видѣться въ Москвѣ съ моими товарищами, какъ напечаталъ онъ это въ «Русс. Архивѣ». Бартенева, въ опроверженіе разсказа С. В. Максимова о событіяхъ въ казamatской общинѣ, которымъ опроверженіемъ Петръ Свистуновъ очевидно, надѣялся заранѣе подорвать авторитетъ моего слова, когда я стану разсказывать о событіяхъ казamatской жизни, зная до какой степени мой неуклончивый и правдивый разсказъ будетъ невыгоденъ для него, Свистунова. Вотъ почему при появленіи опроверженія Свистуновымъ разсказа С. В. Максимова, я и написалъ Петру Свистунову и Петру Бартеневу, что если Петръ Свистуновъ лучше меня знаетъ событія казamatской жизни, то пусть Петръ Свистуновъ разскажетъ, а Петръ Бартеневъ напечатаетъ—кто въ казamatѣ былъ коноводомъ той группы, которая дѣйствіями своими бросала тѣнь на казamatское общество?¹⁾

Нѣкоторые изъ моихъ товарищей думали, что отъ такихъ дѣйствій не слѣдуетъ говорить. Я никогда не раздѣлялъ такого мнѣнія. Если я всегда говорилъ безъ уклончивости объ ошибкахъ и преступленіяхъ тѣхъ лицъ, которыя называютъ себя людьми преданными правительству, и величаютъ себя представителями законности, за что и подвергался ихъ враждѣ, преслѣдованію и раззоренію, то я считалъ бесполезнымъ, несправедливымъ, и потому и недозволеннымъ, утаивать преступления и всѣ невыгодныя стороны и тѣхъ лицъ, которыя ложно причисляли себя къ партіи либеральной, и убѣжденъ, вопреки мнѣнію одного изъ моихъ товарищей²⁾, что чистые ничего не проиграютъ отъ обличенія нечистыхъ,

¹⁾ Здѣсь нами опущено пятнадцать строкъ. — Ред.

²⁾ Вотъ что писалъ мнѣ одинъ изъ моихъ товарищей, отъ 22-го апрѣля 1873 года, „Я увѣренъ, что вы, почтенный Дмитрій Иринарховичъ! какъ писатель серьезный, для памяти нашихъ чистыхъ товарищей, предадите забвенію гадости нечистыхъ, которыя только могутъ помрачить свѣтлыя сто-

а скорѣе выиграютъ еще, потому что тѣмъ болѣе было достоинства сохранить чистоту, когда другіе, подъ гнетомъ лишенія правильныхъ средствъ удовлетворенія желаній и побужденій, не устояли и прибѣгали къ такимъ отвратительнымъ средствамъ; и наконецъ, при общей клеветѣ на партію отъ противниковъ, она не коснется чистыхъ. Когда будетъ извѣстно кто были нечистые, позорившіе партію. Я никогда не ставилъ партію выше отечества, и ничего и никого выше справедливости.

Обратимся теперь къ требованіямъ моимъ, чтобы не теряли времени на пустяки занятія, а употребляли бы съ пользою тѣ громадныя средства, которыми мы располагали въ совокупности, и чтобы, если не могутъ дѣйствовать въ настоящемъ для общей пользы, то готовились бы къ дѣйствію въ будущемъ, когда то дозволитъ обстоятельства и представится къ тому случай. Я первый признавалъ всегда неотъемлемымъ достоинствомъ нашихъ товарищей, говоря о массѣ, что они съумѣли, однажды, возвыситься до пожертвованія всѣми своими годами, но необходимо было этотъ бессознательный порывъ чувства возвести въ сознательное убѣжденіе, укрѣпивъ его основательнымъ изученіемъ и яснымъ разумѣніемъ, чѣмъ однимъ могли бы они предохранить благородное чувство отъ искаженія и новыхъ ошибочныхъ увлеченій, и, раскрывъ причины прежнихъ ошибокъ, стараться исправить ихъ; и никто не можетъ отрицать, чтобы и въ этомъ требованіи я не подавалъ бы собою примѣра, дѣлая при томъ самъ несравненно еще болѣе, нежели сколько требовалъ отъ другихъ. Чтобы раскрыть причину возможности ошибокъ, при признаніи полной искренности побужденій, и въ то же время оградить себя отъ вліянія прежде составленныхъ теорій и выводовъ, я рѣшился обратиться къ первымъ источникамъ знанія, предался изученію латинскаго и греческаго языковъ, которые зналъ уже отчасти, изучилъ еврейскій¹⁾, и

роны, выказанныя многими изъ нашихъ истинныхъ товарищей по многимъ частямъ интеллектуальнымъ и моральнымъ. Вы умѣете цѣнить ихъ, и можете выставить ихъ достоинства и заслуги гораздо лучше меня. Да сохранитъ васъ Богъ отъ сторонниковъ, фанатиковъ и друзей ложныхъ. Здравствуйте, и работайте на общую пользу. Вашъ неизмѣнный Читинскій и Петровскій союзникъ, N. (Авторъ письма и подлинникъ письма, извѣстны редактору „Русской Старины“ Д. З.

¹⁾ Изъ этого видно сколько было правды въ замѣтъ Петра Бартенева къ Запискамъ Басаргина, что упоминаніе о еврейскихъ книгахъ надо разумѣть гиперболически. Всякій можетъ видѣть у меня еврейскую библію in folio, подписанную Лепарскимъ, въ доказательство, что она находилась и въ казamatъ, и всю исписанную замѣтками моей руки, свидѣтельствующими,

перевелъ для своего употребленія все священное писаніе съ подлинниковъ на русскій; прочелъ всѣхъ главныхъ отцевъ церкви въ подлинникахъ, равно и весь кругъ богослужебныхъ книгъ на языкъ греческомъ. Кромѣ того, по отношенію и къ свѣтскимъ наукамъ, я, хотя считался и уже прежде человѣкомъ съ большими познаніями, какъ свидѣтельствуя и даваемые мнѣ прозванія «Зеймана», «Ника Мираидольскаго», «Omne sciens», (см. письма къ братьямъ Александра Бестужева въ «Русс. Вѣстникѣ» 1870 года), хотя и былъ уже преподавателемъ высшей математики, астрономіи, механики и пр., но со всѣмъ тѣмъ считалъ своею обязанностию неослабно заниматься для приобрѣтенія все большихъ и большихъ познаній по всѣмъ частямъ. Я посвящалъ, во все время пребыванія въ казматахъ, не менѣе 18 часовъ въ сутки на умственные занятія, и соотвѣтственно съ тѣмъ сообразилъ и свою діету, употребляя исключительно растительную пищу. А вотъ и свидѣтельство моихъ товарищей объ этихъ моихъ занятіяхъ: въ бумагахъ, оставшихся послѣ смерти моей сестры въ 1880 году и мнѣ переданныхъ, я нашелъ письмо Петра Александровича Муханова, отъ 2 февраля 1833 года, къ моей мати, въ которомъ онъ говоритъ слѣдующее: «Дмитрій Иринарховичъ, благодаря Бога, здоровъ, но худъ, (вслѣдствіе усиленной діеты). Онъ сдѣлалъ изъ тюремной мрачной жизни все, что могъ. Занимается чрезвычайно много языками мертвыми и живыми, западными и восточными. Особенно изучаетъ онъ еврейскій, со всѣми его нарѣчіями, и хотя я не судья въ семъ огромномъ его подвигѣ, но имѣя часто съ нимъ разговоры о ветхомъ завѣтѣ и іудейскихъ древностяхъ, я могъ замѣтить, что онъ не уступаетъ въ знаніи тѣмъ ученымъ людямъ, съ которыми я былъ въ сношеніи въ Петербургѣ. Если бы у него было болѣе пособій и новѣйшихъ книгъ ¹⁾, то можетъ быть со временемъ вынесъ онъ изъ тюрьмы своей полное знаніе языка, которому мало учатся въ Россіи, а между тѣмъ языка необходимаго для точнаго изученія священныхъ писаній».

Н. В. П. А. Мухановъ былъ самъ замѣчательный археологъ. Замѣтимъ кстати и здѣсь, что письмо П. А. Муханова составляетъ новое обличеніе Петра Бартевева, отрицавшаго даже то, что еврейскія книги имѣлись въ казматахъ.

что эта библія не лежала праздно для вида. Есть даже и арабскія книги, необходимыя для изученія еврейскаго языка. Все это видѣлъ у меня, въ 1831 г., уважаемый редакторъ „Русской Старины“ М. И. Семевскій.

¹⁾ Это писано было о занятіяхъ до 1833 года, а затѣмъ я все болѣе и болѣе наполнялъ свою бібліотеку книгами, относящимися къ изученію библіи.

Д. З.

А вотъ и письмо В. К. Кюхельбекера, (приведенное нами впрочемъ уже и въ другомъ мѣстѣ):

19 марта 1840 года, крѣпость Акша на рѣкѣ Олонѣ.

«Любезнѣйшій другъ и товарищъ Дмитрій Иринарховичъ! Не знаю, пріятны ли вамъ мои письма, но мнѣ, по крайней мѣрѣ, истинная отрада бесѣдовать съ вами. Сравнить себя съ вами не смѣю! Вы человѣкъ истинно европейской учености, я же только люблю науки. Нѣтъ во мнѣ такого постоянства, той все побѣждающей твердости, которая необходима для приобрѣтенія глубокихъ познаній».

Чтобъ извлечь всю пользу изъ огромныхъ учебныхъ средствъ казамата, и распредѣлить правильно и безобидно для всѣхъ чтеніе, я съ Михайломъ Фотіевичемъ Митковымъ и Сергѣемъ Григорьевичемъ Волконскимъ, учредилъ газетную артель, въ которой сосредоточивались всѣ, какъ выписываемые ею самою книги, газеты и журналы, такъ и жертвуемые другими, получавшими ихъ лично на свое имя, и пока не установилъ порядка и не приучилъ къ нему, былъ самъ и библіотекаремъ въ казаматѣ, (хотя это и отнимало у меня много времени); у меня одного, поэтому, и сохранились нѣкоторые документы, относящіеся къ этой газетной артели. Изъ всего этого видно, какъ мало знакомъ былъ съ внутренними событіями казаматской жизни авторъ статьи о Лепарскомъ («Русс. Старина» 1880 г., кн. V III), когда относитъ библіотеку и библіотекаря къ большой артели, учрежденной исключительно для сбора и распредѣленія денежныхъ средствъ, и не имѣвшей ничего общаго съ газетною артелью. Да и было бы въ высшей степени несправедливо употреблять общія средства на такой предметъ, которымъ не всѣ могли пользоваться. Выписывались преимущественно иностранные газеты и журналы, которые не всѣ могли читать; а для соблюденія еще большей справедливости, даже въ газетной артели, спеціальныя, чисто ученые журналы, выписывались не изъ общихъ средствъ, а на особую складчину тѣхъ только лицъ, кому онѣ были нужны; такъ сочиненія по части высшей математики выписывались мною и Бяратинскимъ; по части механики—мною, Ник. Александровичемъ Бестужевымъ и Торсономъ и пр. Въ газетной артели участвовали иныя, не участвовавшіе въ большой артели, что еще доказываетъ самостоятельность этого учрежденія. Здѣсь я долженъ еще замѣтить, что когда я говорилъ о необходимости готовиться къ дѣйствію въ будущемъ, то я разумѣлъ не одну только умственную подготовку, но и нравственную, и вотъ почему строгая діета, которой я себя подчинилъ, имѣла, кромѣ содѣйствія умственнымъ занятіямъ,

еще и ту цѣль, что лишая себя добровольно и того, чего не лишало насъ даже самое положеніе наше, я приучалъ себя къ всевозможнымъ лишениѣмъ, чтобъ отнять всякую власть надъ собою, какъ у приманки наслажденій, такъ и у угрозы лишеній. Это совѣтывалъ я и другимъ дѣлать, показывая собою примѣръ, болѣе притомъ строгій, чѣмъ требовалъ отъ другихъ, и этому я въ послѣдствіи и обязанъ былъ и сохраненіемъ своего нравственнаго достоинства, и тѣмъ нравственнымъ вліяніемъ, которое производилъ во время самаго тяжелаго положенія своего, когда состоялъ на поселеніи. Никакія приманки выгодъ и удовольствій, никакія угрозы лишеній и непріятностей не могли понудить меня спуститься въ кругъ, несвойственный мнѣ, вступить въ товарищество, въ панибратство съ людьми, нравственно мнѣ не соотвѣтствующими. «Нужда можетъ меня заставить быть работникомъ, всегда и всѣмъ говорилъ я, но товарищемъ ихъ я никогда не буду, и не буду никогда участникомъ въ ихъ разгулѣ, грубыхъ оргіяхъ и пустомъ препровожденіи времени». И многіе единственно за это злобствовали противъ меня, тогда, какъ между тѣмъ, я, кромѣ добра имѣя, ничего противъ нихъ не дѣлалъ. Къ сожалѣнію, не всѣ мои товарищи приняли предупредительныя мѣры, и нѣкоторые изъ нихъ, даже очень хорошіе люди, не приучивъ себя къ занятіямъ и лишениѣмъ, не выдержали скуки одиночества, лишеній при недостаткѣ средствъ, боязни непріятностей и преслѣдованій, и, вступивъ въ несвойственный кругъ низшаго чиновничества, грубаго низшаго купечества и агентовъ откупа, потеряли и сами свое нравственное достоинство, и погубили доверенныя и вродѣ ихъ оцѣнотворяющіе органы.

Точно также все, что касается до внутренняго устройства общины, до обезпеченія въ настоящемъ и, по возможности, до нѣкоторой степени и въ будущемъ, всецѣло принадлежало мнѣ. Учрежденіемъ большой артели, я, кромѣ введенія порядка въ хозяйственное управленіе казамата, имѣлъ главное въ виду—уничтоженіе личной зависимости однихъ отъ другихъ. Я началъ борьбу по этому поводу еще съ самаго начала пребыванія нашего въ Читѣ, и ничего нѣтъ несправедливѣе увѣреній автора статьи о Лепарскомъ, что будто бы Лепарскому обязаны были заключенные учрежденіемъ большой артели, тогда какъ онъ, согласно съ видами тюремщика, четыре года упорно тому противился, (за одно съ богатыми), и только категорическое мое публичное ему заявленіе, что я воспользуюсь первымъ случаемъ прибытія какого нибудь инспектора или ревизора, чтобъ разъяснить до какой степени богатые извращаютъ, ко вреду бѣдныхъ товарищей, разрѣшеніе получать ими деньги сверхъ положенія, заставило уступить и богатыхъ и Лепарскаго, знавшаго, что

меня ничто не удержитъ и опасавшагося, что при этомъ могутъ открыться и всѣ другія неправильности, чтобъ не выразиться рѣзче, въ его дѣйствіяхъ. Причины, почему онъ противился, будутъ изложены въ послѣдующемъ историческомъ разсказѣ; а именно-то потому что я былъ руководителемъ всего дѣла, начиная съ пребыванія еще въ Читѣ; въ моихъ же рукахъ находятся и всѣ документы, къ нему относящіеся, и подлинный уставъ за подписью членовъ комиссіи, составлявшихъ его, въ которой комиссіи я былъ самъ и избраннымъ членомъ; и дѣлопроизводителемъ.

Уничтоживъ личную зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ, служившую главнымъ источникомъ непріятностей и къ развитію самыхъ дурныхъ побужденій, холопскаго подслуживанья, однихъ, зависти у другихъ и пр., я обращалъ общее вниманіе и на то, до какой степени спокойствіе духа, зависитъ отъ увѣренности, хотя въ нѣкоторомъ обезпеченіи и въ будущемъ. Поэтому, кромѣ бережливости всѣмъ и во всемъ, чтобъ не растрчивать даромъ, имѣвшихся у массы, значительныхъ средствъ, я, вмѣстѣ съ И. И. Пущиннымъ и П. А. Мухановымъ, предпринялъ, собственно для обезпеченія будущности неимущихъ, по выходѣ на поселеніе, особое учрежденіе, но такое, чтобъ это обезпеченіе зависело уже отчасти и отъ собственнаго благоразумія, отъ старанія сѣкономить извѣстную сумму изъ получаемыхъ денегъ, и отъ взноса оной въ помянутое учрежденіе, для полученія, при выѣздѣ на поселеніе, пособія соразмѣрно количеству взноса, съ прибавкою процентовъ и той части дохода, который получало учрежденіе, имѣвшее въ казamatъ значеніе и сохранной казны для искавшихъ обезпеченія въ будущемъ, и банка для богатыхъ, всегда нуждавшихся въ деньгахъ, не смотря на тысячи, и десятки тысячъ, ими получаемыя. Это учрежденіе было названо малою артелью, для отличія отъ большой, и не имѣло съ нею ничего общаго. Далекое не всѣ участники въ большой артели участвовали въ малой. Понятно, что люди и состоятельные, но нуждавшіеся, также какъ и всѣ, въ устройствѣ по части продовольствія и удовлетворенія другихъ необходимыхъ потребностей: церковной службы, общей прислуги, бани и пр., участвовали въ большой артели; но будучи обезпечены въ будущемъ своими родными, не имѣли, конечно, никакой надобности участвовать въ малой, число членовъ которой и было поэтому гораздо ограниченнѣе, нежели участниковъ въ большой.

Здѣсь кстати могу сказать, что одна изъ главныхъ причинъ, которая давала мнѣ нравственную силу въ борьбѣ за осуществленіе всѣхъ упомянутыхъ учрежденій, заключалась именно въ томъ, что для всѣхъ было очевидно, что я лично для себя не имѣлъ никакой

нужды въ нихъ и не извлекалъ себѣ пользы, а вѣлъ постоянную и энергическую борьбу исключительно для пользы общей. Состоя членомъ большой артели, посвящая ей трудъ и время, какъ учредитель, какъ постоянно избираемый членъ временныхъ комиссій для повѣрки расходовъ, для составленія бюджета, для дополненія и исправленія устава, я однако же не пользовался, когда вносилъ деньги полностію, главною выгодною отъ артели, — столомъ, потому что употреблялъ, какъ сказано выше, особую пищу, которую готовилъ на свои личныя средства. Я не взялъ ничего изъ малой артели, отъправляясь на поселеніе, и даже изъ газетной артели менѣе всѣхъ извлекалъ себѣ пользы, потому что по специальности и научности моихъ занятій, нуждался не въ газетахъ или обще-занимательныхъ книгахъ, романахъ и т. п., а въ специальныхъ и ученыхъ сочиненіяхъ, которыя выписывалъ на свои средства, или получалъ отъ знакомыхъ и товарищей. Въ заключеніе скажу, что все, что я сообщалъ С. В. Максиму о казamatской жизни, и что онъ съ моихъ словъ напечаталъ въ своемъ сочиненіи, — вполне справедливо, какъ то и подтвердится въ дальнѣйшемъ разсказѣ. Въ добавокъ ко всему сказанному, я имѣю право утверждать еще, что именно мнѣ же, а не кому другому, товарищи мои были обязаны разрѣшеніемъ письменныхъ занятій. Меня одного только не одинъ разъ обыскивали, у меня одного находили и отбирали письменныя принадлежности, на меня одного постоянно доносили, и все-таки мнѣ же, наконецъ, удалось убѣдить Депарскаго въ безполезности всѣхъ этихъ преслѣдованій, и что для образованныхъ людей чтеніе и письменныя занятія составляютъ такую же существенную потребность, какъ и пища. Впослѣдствіи онъ самъ разсказалъ о борьбѣ моей съ нимъ ген.-губернатору Броневскому, и какъ онъ, отнимая у меня прежде мои бумаги, самъ послѣ доставлялъ мнѣ матеріалы для изслѣдованія края.

Позволяю себѣ указать и еще на одно правило, которому я неизмѣнно слѣдовалъ и въ казamatѣ, какъ и вездѣ, во всѣ эпохи моей жизни. Я чрезвычайно дорожилъ своими умственными занятіями, жертвовалъ для нихъ и удовольствіями своими и спокойствіемъ, и не любилъ, чтобъ меня отрывали отъ нихъ по пустякамъ. Но съ другой стороны, всякое доброе и полезное дѣло находило во мнѣ всегда полное сочувствіе и содѣйствіе, и въ такомъ случаѣ я всегда готовъ былъ покидать даже свои ученныя занятія для практической дѣятельности, когда являлась необходимость въ моемъ безотлагательномъ содѣйствіи, потому что я самъ ничего такъ не опасался, какъ того, чтобъ вращаясь постоянно въ отвлеченномъ мірѣ науки, не очерствѣть сердцемъ, какъ это не рѣдко случается съ кабинетными уче-

ными, и не сдѣлаться равнодушнымъ къ нуждамъ и бѣдствіямъ міра дѣйствительнаго. У меня сохранились два документа, свидѣтельствующіе о нераздѣльности у меня еще съ самой юности умственной и практической дѣятельности. Это два письма, одно отъ инспектора наукъ въ морскомъ корпусѣ, извѣщающее меня (когда мнѣ было только 17 лѣтъ) о назначеніи меня преподавателемъ, въ высшемъ классѣ, астрономіи, высшихъ математическихъ наукъ, механики и высшей теоріи морскаго искусства, что достаточно, думаю, свидѣлствуетъ до какой степени я преданъ былъ ученымъ занятіямъ еще и въ то время; другое письмо, отъ одного извѣстнаго и искусствомъ, и добротою адмирала, съ просьбою помочь ему въ одномъ добромъ дѣлѣ, выражающее убѣжденіе, что моя извѣстная дѣятельность и въ этомъ отношеніи болѣе принесетъ пользы, нежели вліяніе его званія. Вотъ почему и въ казamatѣ ко мнѣ всегда обращались, не боясь въ этомъ случаѣ прервать мои занятія, если требовалось мое содѣйствіе по какому либо общественному дѣлу, и если нужно было дежурить при больныхъ, а когда случались трудно больные, то нашъ докторъ-товарищъ Вольфъ никому кромѣ меня и не довѣрялъ ночнаго дежурства, въ ночи кризисовъ болѣзни.

Наконецъ, имѣю полное право утверждать, на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ, что въ теченіи всей своей жизни, участвуя добровольно въ многообразныхъ отрасляхъ общественной дѣятельности, жертвуя для нея временемъ, трудомъ и частію ограниченныхъ моихъ матеріальныхъ средствъ, не рѣдко съ отказомъ себѣ и въ самомъ необходимомъ, я никогда не искалъ въ ней, и не извлекалъ изъ нея ничего для себя, ни для вещественной выгоды, ни для удовлетворенія тщеславія, отказываясь всегда и отъ того вознагражденія, на какое имѣлъ право по закону, а испытывалъ, напротивъ, болѣею частію, огорченія, непріятности и неблагодарность, что никогда не могло однако же заставить меня отказаться отъ такого неблагодарнаго труда; я продолжалъ во всю свою жизнь дѣйствовать одинаково по тѣмъ же самымъ правиламъ и въ томъ же самомъ духѣ.

I.

Приступая теперь къ историческому изложенію событій въ нашей казаматской жизни, въ которомъ придется весьма часто говорить о комендантѣ Лепарскомъ, и вообще о непосредственномъ находившемся при насъ начальствѣ, я считаю не лишнимъ представить общую его характеристику, которая далеко будетъ не согласна съ тѣмъ,

что говорили панегиристы Лепарскихъ, (и коменданта, и плацъ-маіора, его племянника). С. В. Максимовъ, въ опроверженіи своемъ Петра Свистунова, упрекавшего его, что онъ будто бы слѣдовалъ во всемъ моимъ указаніямъ, на достовѣрность которыхъ Свистуновъ хотѣлъ навести сомнѣніе, сказалъ, что онъ, С. В. Максимовъ, въ сочиненіи своемъ «Сибирь и каторга», въ отзывѣ своемъ о Лепарскомъ слѣдовалъ, напротивъ, не моимъ показаніямъ, а отзываю большинства, но оговорилъ, что признавалъ представленныя мною возраженія очень вѣскими. Нельзя не пожалѣть, что онъ не привелъ ихъ въ своемъ сочиненіи, тогда можетъ быть предупредилъ бы этимъ дальнѣйшіе живые отзывы, или далъ бы, по крайней мѣрѣ, безпристрастнымъ людямъ возможность взвѣсить за и противъ. Мы же не сомнѣваемся, что слышанныя отъ насъ С. В. Максимовымъ возраженія будутъ найдены, дѣйствительно, вѣскими въ такой степени, что перевѣсятъ всѣ отзывы пристрастныхъ хвалителей, когда разъяснены будутъ причины и побужденія ихъ къ пристрастной похвалѣ. И мы думаемъ, что въ историческихъ изысканіяхъ важно не число голосовъ, а доказанность фактовъ, ихъ неопровержимость, такъ что если имѣется хоть одинъ вѣрный фактъ, обличающій несостоятельность хотя бы и многихъ противорѣчащихъ голословныхъ утвержденій, то онъ одинъ только и долженъ имѣть значеніе для исторіи.

Лепарскій былъ опытный и хитрый тюремщикъ, котораго главною задачею было сдѣлать насъ неопасными и уничтожить наше нравственное значеніе, не забывая и своихъ личныхъ расчетовъ, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовать, конечно, искусно.

Онъ содѣйствовалъ всему, что только могло поддерживать между нами несогласія, убаюкивалъ ложными надеждами и былъ преступно снисходителенъ къ тѣмъ, которые своими дѣйствіями бросали тѣнь на казачатское общество. Зная чьи голоса имѣютъ наибольшее значеніе въ Петербургѣ, онъ доставлялъ всевозможныя льготы, съ нарушеніемъ всякаго порядка, богатымъ и имѣющимъ важныя связи, но о массѣ насъ не имѣлъ никакой заботы, какую обязанъ имѣть всякій тюремщикъ по человѣчеству. Наконецъ, если бы даже всѣ дѣйствія относительно насъ могли, какъ это было со стороны благодуществующихъ людей, признаваться и хорошими, то одинъ уже подборъ лицъ его штаба, преступная снисходительность къ самымъ возмутительнымъ ихъ дѣйствіямъ, явный обманъ правительства, полное пренебреженіе къ участи нижнихъ чиновъ и другихъ лицъ, которыхъ судьба отъ него зависѣла, были таковы, что хвалить его никакъ уже не приходилось тѣмъ людямъ, которые считали себя и выдавали за либераловъ и кичились тѣмъ, не говоря уже о томъ,

что поставя существованіе не только солдатъ, но и находившихся при нихъ содержавшихъ караулъ гарнизонныхъ офицеровъ въ полную зависимость отъ нашихъ благодѣяній, Лепарскій тѣмъ самымъ уничтожилъ самую возможность существованія какого либо порядка и дисциплины, сдѣлавъ всѣхъ не стражами уже нашими, а прислужниками, продававшими за деньги всѣ служебныя свои обязанности, даже до допущенія ночнаго входа постороннихъ и ночнаго выхода заключенныхъ.

Упомянувъ выше, что я смотрѣлъ на казаматское общество не какъ на случайный сборъ людей, а какъ на живой организмъ, на выражавшую извѣстную живую идею общину, я считаю не лишнимъ предпослать началу разсказа о ней общій ея очеркъ, характеристику и результаты.

Казаматская община, или какъ ее обычно называли для краткости: «казаматъ», представляла не только замѣчательное, но и вполне необычайное, исключительное явленіе, которое понятно никогда уже не повторится болѣе. Для обогащенія себя познаніями посредствомъ изученія, живаго наблюденія и опыта, для умственного и нравственнаго развитія, (разумѣется тѣхъ, кто хотѣлъ и умѣлъ тѣмъ воспользоваться), въ казаматѣ были соединены такія условія, которыя не доступны нигдѣ и никому, даже располагающему и болѣшимъ состояніемъ. Независимо отъ огромнѣйшей библіотеки¹⁾ и множества газетъ и журналовъ, всегда доступныхъ всѣмъ, надлежитъ помнить, что въ казаматѣ были соединены, въ необходимыхъ ежедневныхъ сношеніяхъ, люди высшаго уровня тогдашняго образованія, представители всѣхъ мнѣній, въ сферахъ религіозной, ученой и общественной, а при этомъ, внутренняя жизнь казамата, будучи совершенно свободна отъ всякаго стѣсненія, налагаемаго разными условіями въ свѣтѣ, допускала возможность проявленія всѣхъ мнѣній, всѣхъ чувствъ и всѣхъ направленій, (тенденцій), какъ въ свѣтлыхъ, такъ и въ темныхъ явленіяхъ, безъ всякаго препятствія, безъ всякаго ограниченія. Правда, представителями иныхъ мнѣній, чувствъ и направленій было иногда одно лицо, а не цѣлая партія, какъ въ болѣе обширныхъ обществахъ, но принципы, не менѣе того, про-

¹⁾ Докторъ Вольфъ, напр., имѣлъ до 4 т. томовъ медицинскихъ сочиненій; Лунинъ полное изданіе твореній отцевъ церкви въ подлинникахъ греческихъ и латинскихъ; имѣлись всѣ классическія сочиненія греческой, латинской, французской, нѣмецкой, англійской, итальянской, испанской и польской литературы. Не смотря на всѣ передраги, которымъ подверглись мои книги и бумаги, у меня и до сихъ поръ сохранилось не мало классиковъ греческихъ, и испанской литературы; всѣ эти книги получены Лепарскимъ. Д. З.

являлись всецѣло во всѣхъ ихъ послѣдствіяхъ, благодаря тѣмъ условіямъ, среди которыхъ могли и должны были проявляться. Всякая справедливая мысль вынуждена была все-таки проходить здѣсь чрезъ горнило всевозможныхъ живыхъ возраженій, неограниченной ничѣмъ критики, и могло поэтому восторжествовать, не вслѣдствіе случайныхъ какихъ либо обстоятельствъ, какъ получающія иногда преобладаніе въ свѣтѣ идеи, а тою только силою, которая присуща самой истинѣ. Все же ложное, несправедливое должно было, напротивъ, или отступить, или вынуждаемо было критикою и требованіями логической послѣдовательности доходить до нелѣпости, (абсурда), очевидной уже и для самаго лица, выражавшаго или поддерживавшаго что либо ложное и неправильное.

Всѣ науки имѣли въ казamatѣ и своихъ живыхъ представителей, и большое количество сочиненій по каждому предмету. Умственное развитіе могло быть, поэтому, всесторонне и полно, и по книжному изученію, и по живой бесѣдѣ, устранявшей опасность односторонности, столь обычной у кабинетныхъ ученыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и для нравственнаго развитія представлялись самыя благопріятныя условія, не только вслѣдствіе нагляднаго примѣра вредныхъ послѣдствій ошибочности нравственныхъ началъ и побужденій и у людей умныхъ и образованныхъ, (въ казamatской жизни ничто не могло укрыться), но и потому еще, что только въ борьбѣ съ массою лицъ равноправныхъ могли выработываться и проявляться истинные характеры и твердыя убѣжденія; все же напускное, фальшивое, ходульное никогда не выдерживало испытанія. Вотъ почему казamatское общество въ своей внѣшней замкнутости, и въ то же время совершенно свободномъ внутреннемъ проявленіи всѣхъ началъ умственныхъ и нравственныхъ, и могло совершить, до полнаго завершенія, хотя и въ небольшомъ объемѣ, цѣлый кругъ явленій, свойственныхъ всякому живому общественному организму, отъ зарожденія его до разрушенія; и потому-то явленія казamatской жизни, для тѣхъ, кто былъ способенъ разумѣть внутренній смыслъ ихъ, могли давать поясненія и указанія на аналогическія явленія вообще, и въ болѣе обширныхъ человѣческихъ обществахъ, и служить впослѣдствіи основаніемъ, не только для болѣе здравыхъ и справедливыхъ сужденій по дѣламъ политическимъ и общественнымъ, но и для предвидѣнія ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ событія казamatской жизни разъяснили и побужденія лицъ къ участию въ дѣлѣ, важныя для опредѣленія характеристики лицъ, и тѣ послѣдствія, къ которымъ приводятъ неизбежно разныя одностороннія, и потому (при добрыхъ даже намѣреніяхъ и самообольщеніи на счетъ ихъ), ошибочныя начала.

ПЯТЬ КИРСКІХЪ МОНАХОВЪ

ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Подъ этимъ заглавіемъ печатаемъ здѣсь сатирическія вирши, написанныя въ прошломъ столѣтіи на монашествующую братію, по поводу отнятія Екатериною II у монастырей крестьянъ и имѣній и передачи ихъ въ казенное управленіе. Подлинникъ сатиры написанъ въ тетрадеѣ, въ 4-ю д., 36 стр., на синей бумагѣ, по церковно-славянски; писано уставцемъ, заголовокъ киноварью. Рукопись получена нами отъ игумена одного изъ монастырей въ Западной Россіи, 26-го декабря 1879 г.

Ред.

Милостивый гдѣрь.

И вѣдаю что вы дѣлами незабѣтны,
А о новостяхъ любопытствовалъ охотѣ,
Теперь же я новость имѣю,
И съ оной вамъ донести смѣю.
Вчера былъ я въ печерскомъ за дѣло,
Гдѣ засталъ ченцо въ собраніи цѣло.
Числа я и хотѣ и не знаю, а кажѣтъ что двенатцать,
Но я засталъ и въ собраніи тринадцъ.
Хотѣ я прежде и не зналъ о и обидѣ,
Но онѣ все казались мнѣ въ печально видѣ;
И всѣмъ и ни хъ неговорѣ молчалъ,
Пока Зосима говорити началъ;
А по немъ и прѣтѣмъ рты шворили,
И ниже писанное со слезами говорили.

1-й. З О Г П И Я, архимандрить.

Щцы и вратѣ, извѣстныль въ перемѣны такіѣ,
 чтѣ дла насъ оуже вышли оуставы новыѣ,
 По коимъ всѣ деревни не наши оуже:
 чтоже дла на тѣжелѣ може бы и хуже;
 Лѣтче бы ихъ прѣжде было не знати,
 нежели ихъ теперѣ такъ оставляти.
 И сіе вамъ, братіе, говорю неложно,
 но доперваго юла еще ползоваца вѣдѣ мѣно;
 Но немогъ скрыти, чтовъ неСбывити,
 что и мнѣ с вами недолго быти;
 И жѣ въ васъ и вѣдалъ ѡбѣжаю,
 и вашимъ стѣмъ мѣтвалъ себѣ порѣчаю;
 Въ чемъ предъ вами грѣшенъ, в то мѣнѣ простите
 и Гдѣ Бга Сво мнѣ молитѣ.

2-й. ѠРѢСТЪ, повѣренный.

Какъ же томъ бытъ, не могъ понимати,
 привелегѣи въ насъ могѣтъ защищати;
 Хотѣ и прѣжде Ѡ сѣмъ я дуже слыхалъ,
 но звытца томъ никакъ ни пологалъ;
 Говорили толко изъ своѣй Ѡхоты,
 но всѣ то были наши недовохооты;
 Слѣчалось бытъ оу петербургѣ, знаю оуже и дорогѣ,
 гдѣ оуспѣвалъ и дѣла по премногѣ;
 И ежели сіе послѣдуетъ точно,
 то и еще тѣдѣ съѣздитъ вѣдѣ мѣно;
 Гдѣ надѣюсь имѣтъ непрѣмѣнно оуспѣхи,
 не дла мѣнѣ одного, но дла всѣ оутѣхи;
 Но толко надобно на тѣ денги многи,
 а моци оу насъ вѣсма не дороги;
 Мы дарѣмъ моци в дѣла оуспѣвали,
 но подарки сѣи златомъ подкрѣпляли;
 Безъ чего и тепѣре Ѡбойтитца не мѣно.

а и ѿ вѣмъ, братѣе, сѣ говорю не ложно;
 Тѣло прошу в томъ неосудимствѣ,
 и на мѣнѣ во всѣмъ положитсѣ;
 Чи мнѣ-жъ тажебныя дѣла неивѣстны,
 дѣла ихъ Одни были суды вѣдѣ тѣсны;
 Но нигдѣ не далъ промаха ниже оупустилъ комы;
 и накопилъ ихъ великія томы;
 Чи же к сему не прелѣженъ или негѣжесѣ,
 мнѣ и теперъ помогъ ежели потружесѣ.

3-й. ЕПИСКОПЪ, ЭКОНОМЪ 1-й.

Сѣ, Отчѣ Орестъ, оставитъ оуже наѣда,
 а что говоритъ Зосима томъ слышалъ правда:
 Вотъ Очемъ намъ и треба теперъ поговорити:
 не вѣможешь чего нибудь еще пресобрѣсти;
 Когдабъ знѣть что нибудь за то в комчѣхъ,
 еще можешь продать стада припочѣхъ;
 Но Однако продадимъ хотѣ Одни конѣ,
 и за сѣ не пошлѣтъ далѣ работѣ какъ в Хесонѣ.
 еще раздади и денежныя суммы,
 да то вѣда, что страшны и затѣ на тюрьмы;
 И мы в томъ ѿдаемось, на вѣжю волю,
 и получимъ денегъ немалую долю;
 Не мы-ль то пресобрѣли, не всѣ-ль то наше,
 ссылаюсь на васъ, Преподобіе ваше.

4-й. КОРГОПЪ, ЭКОНОМЪ 2-й.

И виждь, что всѣ оуже нѣтъ не тоѣ,
 оультелѣ ѿ насъ все время золотѣе.
 Треба вѣквицу намъ заготовити,
 во не зачѣто вѣде чаю кѣповати;
 А на сахаръ и во всѣ грошей не вѣде,
 да и мѣдъ то нѣтъ какъ не дадутъ людѣ;
 И зъ симъ питьемъ привыкѣть далѣ треба,

Ёстли Особой мѣти не вѣде съ нѣба;
 Мы-бъзъ ничегò оу бôга не жѣлали,
 толко-бъзъ вѣчно дѣрѣвни при насъ пребывали.
 И слышѣ, что оуже люди звѣнговались,
 и ѿ послушаній насъ вовсе ѿказались;
 Не слышѣютъ и ѿказывѣютъ грѣво,
 чѣмъ оумножѣютъ снѣ намъ печаль сѣгво.
 И взираѣ на храмъ сѣй великой рабôты,
 не оумѣшитъ-ли снѣ намъ хотѣ мало скорбôы;
 Но помощи не ѿколы оуже намъ невидно,
 печальной рôкъ идѣтъ к намъ очевидно;
 Ёстлижъ ещѣ матерѣмъ рѣсѣ намъ не носити,
 не горколи намъ во власѣницѣ ходити;
 Оставѣмъ намъ мѣри крайнѣ обидно,
 власѣницы же носить намъ грѣво и стыдно.
 Ёжелижъ к томъ права нѣ имѣти,
 то никто на насъ не вѣде и смотрѣти;
 О горѣстно и несносно и печально врѣмѣ,
 налагаютъ на насъ тѣжѣбное врѣмѣ.

5-й. МѢЛХИСЕДѢВЪ, НАМѢСТНИКЪ.

Бѣ напитокъ и матерѣи мôжновъ провѣти,
 какъ же намъ Осетринѣ свѣжѣ позабѣти.
 Лѣтче почитаю во грôбѣ лѣжати,
 нежели тараню ѿ вѣдѣ вживати.
 Какъ прѣйдѣтъ на мысль лимонныхъ соки,
 то вѣдѣтъ текти кровѣвыѣ и глаза токи;
 Но все сѣ мы хотѣ превѣмôгти и вôзможѣ,
 какъ же и к цркви при старости привѣкнѣти можѣмъ.
 И правилъ ёконôмѣю разовъ и чѣтыре,
 а ставши чѣнцомъ не читалъ ни разѣ и псалыре.
 А хотѣ вѣло к чтѣнію врѣмѣ и настанѣтъ,
 но за менѣ улôпецъ всегда прочитѣтъ;
 О дрѣгнѣхъ же книгѣхъ говорить не смѣю,
 во ѿ ихъ читати во все не оумѣю.
 Тогда ѿ ихъ доврѣ оумѣлъ какъ былъ в мѣрѣ,

во прочитованіи ихъ было на день разовъ и четыре;
 А ставши ченцомъ тогда я ихъ забывалъ,
 во и въ монастыре весьма рѣдко бывалъ.
 Бывши на экономіахъ, носилъ одно время;
 а къ чтенію книгъ во всѣ не было время.
 Теперѣ же въ црковь доведетца почаще ходити;
 во далѣе оуже нечего буде робити;
 Не буде деревень, не буде скотъ,
 надобно взятца за свою работъ.
 Теперѣ же станутъ ко всеночной будити,
 надобножъ хотѣ въ кельи псалтырь протвердити.

6-й. МОДЕСТЪ, эклесиархъ.

Слабѣю всегѡ, но живѣю же людѣ,
 но то бѣда, что ни водки, ни сивухи не будѣ.
 И безъ кдшанья жити превѣдѣю,
 но безъ водки жити одного дня не могу.
 Къ чемъ привыкъ страстно и какъ только изъ оутрови,
 и безъ того, вратѣ, оувидите меня скоро во гробѣ.

7-й. ГЕРБАСИИ, влючарь.

О Бже мой, что я сіе слышѣ,
 ѿ Однихъ вашихъ словъ я оуже и не дышѣ.
 Бствивъ мой совѣтъ вамъ блгѣмъ показася,
 я по немъ исполнять всегда въ потщася.
 Добръ бы было надѣлать теперѣ господъ,
 дабы и намъ ѿ нихъ имѣть мѣть вперіодъ.
 Раздадимъ имъ конѣ и колѣски,
 то можемъ ѿ нихъ надѣлать лѣски.
 Намъ не нужны были тогда сторонній помочи,
 бо и вѣчинъ возили такъ денги какъ и садѣ Овоци;
 Теперѣ же того никогда не будѣ,
 а добрыи господѣ насъ не позавѣдѣ.

8-й. ФЕРИПОНЪ, начальникъ ближнихъ пещеръ.

Можно и на тѣ постыпити, чтобъ и подарити,
но чтобъ за то не довелось въ тюрьмѣ сидѣти.
Кажется были намы паны добрыя людѣ,
но враждъ ли намы ктѣ прѣтствова бѣдѣ.
Онѣ с нами дружили какъ видѣли оу насъ,
а теперѣ нищихъ забвѣдѣтъ не за великой ча.

9-й. КИСИРИОНЪ, дальнихъ пещеръ начальникъ.

Мы трактуемъ обо всемъ, но семъ нѣнаѣ толкъ,
не наверѣтли с монахѣмъ какого нибѣдѣ полкъ;
Чегѣ, однакожъ, не дай слышать божѣ,
но сѣ, кажется, намъ на то похожѣ.

10-й. ИСАИЯ-Ъ, казначей всѣхъ пещеръ.

Сѣ все, братѣ, мы остановимо,
а о стѣхъ пещерскихъ поговоримо;
Насъ вы во все бѣдными не звали,
когда-бъ при пещерѣ с ружьями не стоили.
Бжели-жъ совершитсѣ и сѣ дѣло,
тогда оужѣ монахи вѣдутъ зватца цѣло;
Бо ктѣ и въ монастырѣ служити вѣдѣ,
когда шверѣтсѣ ѡ насъ все и людѣ;
Ни дрѣвѣ ни воды нѣкомъ вѣдетъ доставити;
вѣ и з насъ одного доведѣтсѣ во очередь пристави;
Да и дрѣвѣ не шкѣдѣ вѣдѣ намъ брати,
надѣбно и то, завсегда, за гроши куповати;
Ктожъ напить намъ грѣвы,
и ктѣ почиститъ каменнымъ трѣвы;
Бстѣи приндетъ к томъ надовное врѣмѣ,
то и сѣ падетъ точно на насъ врѣмѣ.
Какъ не досадно вывѣши господами,
и здѣлатсѣ наконѣцъ какъ сѣще рабами;
Но все сѣ послѣдетъ точно,
оувыи: Ѣ врѣмѣ горѣстно и неснѣсно.

11-й. ВІРІІІІІІІІ, уставникъ праваго крилоса.

Подѣжило рѣцѣ кѣ Парварѣ великой,
 не сподовитѣ ли Она насѣ мѣти толнкой.
 Сто кратѣ мы ѣй воспѣвали оу горахъ хвалѣ,
 не оставитѣ ли намѣ Она хотѣ частицѣ малѣ.
 Но оувыи, ѿ горѣ и та не защищаетѣ,
 и молитвы нашаа воемѣ ѿвергаетѣ:
 Не могѣ, говоритѣ, зрѣти на ваши дорогѣа шаты,
 и советѣю вамѣ тѣ воемѣ оставитѣ.
 Сжелижѣ вѣдите ходити по своемѣ санѣ,
 тогда
 Молитвы мой воегда вѣдѣтѣ ѿ васѣ к Бгѣ,
 чтовы Она показалѣ к севѣ вамѣ дорогѣ.
 Мой мѣтвы давно оуже ѿ васѣ бывали,
 что вы вы дѣрѣвень и стадаа воемѣ забывали;
 Что вы перемѣнили гораа ваши нрааы,
 и чтобѣз пѣти ваши воегда были прааы.
 Чтобѣз Бга воегда в сердцаа свой имѣли,
 и чтобѣз дѣи ваши воегда пламенѣ горѣли.

12-й. ІІНОВѢІІІІІІ, уставникъ лѣваго крилоса

ѿ дѣнь іюлаа пѣрвы нарѣченный,
 сколь ты даа насѣ вѣдѣшѣ горѣстный и плаченный;
 В течѣніи теваа мы кааѣ осѣжденны,
 всѣхъз корыстѣи тогда мы вѣдѣ лишены:
 Но можетѣ быть того мы были достѣйны,
 тажебны ѣо наші дѣлаа были сѣды вѣздаа полны;
 Оупомѣнѣто ѿ сѣмѣ и в ноаомѣ оуставѣ,
 но не к полѣзѣ нашої, ниже к монастырской славѣ.
 Встанѣз мы поменше сѣдебны дѣлаа имѣли,
 то, можетѣ бѣ, дѣрѣвнѣли и вѣчно владѣли.
 Лѣтче намѣ было оустѣпати своѣ,
 нежели к монастырю присвоеваѣ чѣже.
 Мы хотѣ во Хрѣта и твердо вѣрѣемѣ,

но по словамъ Бгѡ мало что дѣлаемъ.
 Не писаніе ли рече, что вѣра мѣртва бѣ дѣлъ,
 вѣтъ за что положенъ дѣлъ насъ такой предѣлъ.
 Апостолъ запрещаетъ вино оупиватся,
 дѣлъ чегожъ было намъ его словъ недержася;
 Но мы с виномъ всемѣрно Сбращались во всякой часъ;
 вѣтъ за что и жревіи такой палъ на насъ.

13-й. **ІІІДРѢЛНЪ**, соборный писарь.

Какъ вы то не было, только въ женитса,
 я вы сей день согласилса растритца;
 Да и не могъ ни какъ мыслей вѣринуть,
 чтобы юла пѣрваго клоука не скинуть.
 Тогда клоуки намъ были милы,
 какъ деревнями цѣлостно владѣли;
 Тепѣрь же вѣженство можетъ мнѣ наскъчи,
 и за чтѡ я попущу страсти себя мучить.
 Хорошо прѣжде мы во всѣмъ были бѣйки,
 имѣли каждой изъ насъ по двѣ портмѣйки.
 Однѣ дѣлъ сѣботы, другѣ дѣлъ недѣли,
 и носили мы всегда рѣбашки бѣлы.
 Потомъ не было в женѣ и нѣжды,
 а только я искалъ оу знатны господъ дружбы.
 Сѣмъ моя рѣчь конечно вамъ вѣтна,
 потомъ то и наша жизнь была намъ прѣтна.
 И Оженасъ чадами веселитса бѣдѣ,
 и монашескую жизнь вовсе позавѣдѣ.
 Каковыхъ вы О сѣмъ мыслей, того я не знаю,
 но я в мѣрь болше найти спасеніа чаю.
 За симъ пора намъ в кельи стѣпати
 и до пѣрваго юла сѣдбы Ожидати.

Милостивый, государь.

Вы менѣ знайте непременно чаю,
 дѣлъ тогѡ и имѣя своего тѣтъ неіжснѣю.
 Любопытство же ваше и впрѣд доволствовѣ бѣдѣ,
 и вашимъ покорнымъ слугѡю превѣдѣ.

К о н е ц ъ .

ПРИБИВОВЪ ВЪ ПЛАЧУ КИЕВСКИХЪ МОНАХОВЪ.

Ѡ, Отцы монахи, сколь вы жалосны стали,
 и под каков несчастный жребій нынѣ попали;
 По которомъ оуже не можно вамъ рабами повѣлѣван,
 а знать, чтѣ должно самѣ вамъ и работѣ привыкан.
 Пользоватсѣ же вѣдите развѣ толко тѣмъ,
 что вперѣдъ сегш ѣстьли запаслисѣ чѣмъ.
 А то знайте, честнымъ Оцы монахи,
 что вѣ прибавки и старомъ скорш не станѣ оу васъ и рѣвахъ.
 Ахъ какъ вы нынѣ кажитесь мнѣ печальны, и смѣщены,
 знать, что ѣтш не прѣжнѣ времѣ быть до сѣдовъ допущены;
 А лѣтче вы вамъ было ѣстливъ вы посмирѣа жили,
 то вы и деревни ваши вѣчнш при васъ были.
 И видно нынѣ, честнымъ Оцы монахи,
 не помогаютъ вамъ и сѣдебнымъ ваши вѣмаги;
 Но нынѣ должно оуже вамъ свѣтскѣ тѣвѣ оставить,
 и дрѣгъ прѣдъдрѣгомъ в монастырѣ сѣвѣ смиренно должно оуже
 представѣ;
 Также видно, что ни словоды, ниже крѣстьянѣ вамъ не помогаю,
 а знать, то пришло времѣ, что все ѣ васъ ѣвирѣю.
 Ахъ какъ жалко всѣмъ комъ разставатсѣ и сѣ сокровищѣмъ
 Обилнѣ,
 которѣе собранѣо домогательствѣ Обиднѣ.
 Видно также и то, что ни матерьянымъ рѣсы, ниже высокѣмъ
 кловѣки вѣ защита,
 но сто всѣхъ сторонъ идѣтъ к вамъ нищѣа.
 И оуже не тоѣ сѣ времѣа чтовѣ вѣ дорогѣмъ напитки пити,
 а должно видно самѣ и криницъ водѣ носити;
 И тѣ, вмѣсто аглицкаго пѣва, и вина шѣпанскаго оупотреблѣти,
 а дорогѣмъ напитки вѣсѣа треба вамъ забывѣаи.
 Изъ деревѣа же должно вамъ своими рѣками подѣлѣть деревяннымъ
 чаши,
 Но златыхъ кѣвковъ не вѣдѣтъ имѣть болѣ рѣки ваши;
 И оуже не то видно приходѣ вамъ времѣа, чтовѣ крѣстьянъ
 работѣа заставляѣти;
 а видно, что самѣмъ должно к работѣ привыкѣти.

Кѣльи мѣстѣ; дворы чистить ѿ топить грѣбы,
хотѣ же ѿ не охотно, но должно сами по очереди чистить
ѿ грѣбы;

И с пѣщей же волной лѣсъ полно вѣ истреблѣи,
но оубѣ, оуже время, за свои гроши куповѣи;
Наполнѣннымъ же судевнымъ мѣста тажевыми дѣлами,
Рѣшатсѣ ни вѣ вѣшѣ, ниже вѣ монастырскѣю ползѣ, но ѿ не самими
вами.

Видно, что ѿ то время приходѣ, что вѣ ченцѣ женѣсѣ,
во оуже не возможно вѣдѣ вѣ с постомойками оуходѣсѣ.

Но день перваго юла все намѣ покажетѣ,
ѿ по отоврѣніи ѿ васѣ все привелѣгѣвѣ, что вѣ тогда свѣтъ
скажѣ:

Вотѣ, жили вѣликолѣпно, скажѣтъ тогда вамѣ;
что оуже вѣдетѣ извѣстно тогда ѿ намѣ.

И такѣ, старѣйтесь теперь, чѣстнымъ оубѣ монахи,
своими трѣдѣми наживѣть себѣ рѣвахѣ.

С. Д. П. К. П. П. 1792 го года.

Примѣчаніе. На первой страницѣ внизу скорописью написано: „сочиненіе дерзкое (?) переводіакона Печерскаго Іоасафа Богова (?)“ Въ той же тетради, откуда приведены нами здѣсь на печатанія вирши—помѣщено еще нѣсколько статей, а именно: „Письмо отца Тарасія пѣз сочиненія Живописца: отъ честнаго отца Тарасія къ сочинителю“; „Отвѣтъ на письмо отца Тарасія“ отъ „Живописца“; „Монастырская псалма“ и, наконецъ, „Сказаніе о пѣтухѣ и лисницѣ“.

Ред.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Акты, собранные кавказскою археографическою комиссіею.

Архивъ главнаго управленія намѣстника кавказскаго. Томъ VIII. Изданъ подъ редакціею предсѣдателя Коммисіи д. с. с. Ад. Берже. Тифлисъ. 1881 г. въ 6. листъ, стр. XXI+1009, съ портретами и виньетами.

VIII томъ «Актовъ» обнимаетъ время управленія на Кавказѣ барона Григорія Владиміровича Розена (1831—1837 гг.) и составленъ по той же программѣ, какъ и предыдущіе. Онъ распадается на 17 главъ и представляетъ богатѣйшій запасъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ управленія нашей южной окраины. Передавая здѣсь краткое содержаніе тома, мы укажемъ только на самые выдающіеся документы. Къ нимъ прежде всего относится всеподданнѣйшій докладъ сенаторовъ Мечникова и графа Кутайсова о произведенной ими, по Высочайшему повелѣнію, ревизіи мѣстной гражданской администраціи. Документъ этотъ, съ котораго начинается VIII томъ, всецѣло направленъ къ порицанію всего, что было сдѣлано по упомянутой части въ первое 25-ти лѣтіе пребыванія нашего за Кавказомъ, съ предвзятою цѣлью забросать грязью имя А. П. Ермолова и поднятія заслугъ графа Паскевича, его преемника. Насколько выставленныя сенаторами обвиненія были вѣрны, лучше всего явствуетъ изъ возраженій и опроверженій барона Розена, открыто ставшаго на сторону Ермолова и настойчиво отражавшаго всѣ нападки на маститаго и славнаго героя Кульма, Бородино и Кавказа. Такое честное и безкорыстное отношеніе къ дѣлу, само собою разумѣется, значительно увеличило число недоброжелателей и враговъ Розена, тѣмъ болѣе сильныхъ, что во главѣ ихъ стоялъ графъ Паскевичъ. Дѣйствуя, такимъ образомъ, далеко не въ видахъ личныхъ интересовъ, Розенъ, съ первыхъ же дней командованія, всталъ въ оппозицію своего пред-

мѣстника, котораго въ душѣ не долюбливалъ и къ которому, по примѣру другихъ, питалъ нѣкоторую зависть. Исходя изъ этой точки воззрѣнія, сдѣлается повятно то противорѣчіе, которое проявилось въ самой системѣ управленія двухъ непосредственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ главноуправляющихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что баронъ Розенъ, болѣе опытный и посвященный во всѣ отрасли администраціи, стоялъ неизмѣримо выше своего предмѣстника, и что время его пребыванія на Кавказѣ принесло бы несравненно болѣе пользы, если бы, съ одной стороны, онъ не поддавался постороннему вліянію, а съ другой, и самыя обстоятельства, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, сложились болѣе благопріятно. Въ предисловіи къ VIII тому находится подробный перечень главныхъ событій, ознаменовавшихъ слишкомъ 6-ти лѣтній періодъ управленія барона Григорія Владиміровича, какъ по части гражданской, такъ и военной. Особенно любопытны подробности о противо-правительственномъ заговорѣ, возникшемъ среди грузинскаго дворянства, по инициативѣ царевича Окропира, съ цѣлью ниспроверженія русской власти. Прочитавъ ихъ, мы видимъ, что правительство, послѣ строгаго разслѣдованія этого дѣла, пришло къ убѣжденію, что возникшее движеніе было не болѣе какъ необдуманное, скажемъ болѣе, ребяческое увлеченіе. Вотъ почему императоръ Николай, не придавши ему особеннаго значенія, удовольствовался самымъ легкимъ наказаніемъ главныхъ участниковъ заговора, которые тогда же были высланы изъ края въ разныя внутреннія губерніи Россіи, съ предоставленіемъ имъ возможности продолжать государственную службу.

Несравненно болѣе строгому взысканію были подвергнуты привлеченные къ отвѣтственности за поддѣлываніе царскихъ грамотъ на княжескія и дворянскія званія, и документовъ на присужденіе въ частную собственность имѣній. Громадная переписка по этому дѣлу, начавшемуся еще при графѣ Паскевичѣ, была окончена при Розенѣ. При немъ же послѣдовало закрытіе тифлискаго монетнаго двора, просуществовавшаго слишкомъ 30 лѣтъ; учреждено общество поощренія торговой и мануфактурной промышленности и сдѣлано много другихъ полезныхъ начинаній, которыхъ обстоятельное перечисленіе завлекло бы насъ далеко за предѣлы настоящей краткой замѣтки.

Положеніе Кавказа въ военномъ отношеніи за разсматриваемый періодъ времени представляетъ несравненно болѣшій интересъ. Имѣвшіе случай слѣдить за нашими экспедиціями въ горы, нѣтъ сомнѣнія, давно знакомы съ именами Кази-Муллы, Гамзада и Шамиля. Съ этими именно борцами за независимость и свободу пришлось вести ожесточенную войну барону Розену, который нерѣдко лично становился

во главѣ нашего побѣдоноснаго войска, вносившаго черезъ неприступныя скалы и непроглядную чащу дремучихъ лѣсовъ въ тущобы горцевъ первыя сѣмена цивилизаціи. Громкія имена Гергебиль, Эрпели, Дювека и многія другія прибавили новыя лавры къ вѣнку славы, которыми именитѣйшіе полководцы XVIII и XIX вѣка украсили голову русскаго солдата.

При баронѣ же Розенѣ, а именно въ 1836 году, положено прочное утвержденіе нашего владычества на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, еще болѣе упрочившееся послѣ экспедицій, подъ личнымъ его начальствомъ, въ Цебельду и на мысъ Адлеръ. Вторженіями же нашими со стороны Кубани, подъ руководствомъ славнаго А. А. Вельяминова и единственнаго въ своемъ родѣ Засса, въ аулы черкесскихъ племенъ, предупреждались прорывы послѣднихъ въ наши предѣлы.

Вникая во всѣ подробности нашихъ дѣйствій на Кавказѣ, невольно поражаешься тою настойчивостью, съ которою Россія, при громадныхъ пожертвованіяхъ, ратовала на поприщѣ умиротворенія кавказскихъ народовъ и племенъ. Но не въ этомъ-ли и самое ея призваніе? Настанетъ, наконецъ, то время, когда она привьетъ цивилизацію запада къ почвѣ востока и, устроивъ судьбы его разнообразнаго населенія, осуществитъ свое мировое назначеніе, свой апостольскій подвигъ.

Послѣдній годъ командованія барона Розена ознаменовался путешествіемъ императора Николая по Кавказу. Мы надѣемся возвратиться къ этому знаменательному событію; здѣсь же скажемъ, что оно имѣло благотворное вліяніе на тамошнія дѣла, изгнавъ изъ администраціи тѣ злоупотребленія, которыя такъ неблагоприятно отразились на служебное положеніе многихъ тамошнихъ дѣятелей, и между ними прежде всего на ближайшаго родственника Розена, флигель-адъютанта полковника князя Дадіани и его самаго. Баронъ Григорій Владиміровичъ былъ лишенъ своего высокаго положенія и, оставивъ въ мартѣ 1838 года Кавказъ, выѣхалъ въ Москву, гдѣ скончался спустя три года въ званіи сенатора. Онъ сохранилъ за собою репутацію умнаго, честнаго и благонамѣреннаго дѣятеля и слуги престолу и отечеству, но, къ сожалѣнію, слабого и податливаго начальника, никогда не стоявшаго на твердой, самостоятельной почвѣ. Таково по крайней мѣрѣ, убѣжденіе, которое мы вынесли, ознакомившись съ обширнымъ матеріаломъ, вошедшимъ въ разсматриваемый нами и только что выпущенный томъ, Актовъ археографической комиссіи.

Обращаясь къ художественнымъ приложеніямъ къ VIII тому, мы не можемъ не сказать, что онѣ выполнены съ прежнею добросовѣстностью и тщательностью г. Дюстердикомъ, и прекрасно отпеча-

таны въ художественной литографіи К. Томсона, въ Тифлисѣ. Въ особенности хороши рисунки въ заголовкахъ къ отдѣльнымъ главамъ, заимствованныя изъ альбомовъ Горшельта, князя Гагарина, обширнаго атласа Дюбуа-де-Монперё и пр. Въ нѣкоторыхъ изъ заголовковъ сохранились рисунки замѣчательныхъ историческихъ давно разрушенныхъ и не существующихъ памятниковъ, къ каковымъ, между прочимъ, принадлежитъ минареть въ дер. Шамхорѣ—мѣстности, памятной въ нашей военной лѣтописи знаменитой побѣдой, одержанной близъ нея, въ 1826 году, надъ персіянами.

Настоящій томъ «Актвъ», какъ и предыдущія восемь громадныхъ книгъ (томъ VI,—время Ермолова,—состоитъ изъ двухъ частей), изданъ подъ редакціей Ад. П. Берже. Должно отдать полнѣйшую справедливость необыкновенной энергіи и знанію своего дѣла этого уважаемаго ученаго и извѣстнаго оріенталиста. Состоя почти двадцать лѣтъ предсѣдателемъ Кавказской археографической комисіи, г. Берже, какъ это не рѣдко бываетъ на Руси, единымъ трудомъ своимъ восполняетъ тотъ трудъ, который долженъ бы былъ производиться цѣлою комисіею: въ предсѣдательѣ заключается все учрежденіе Кавказской археографической комисіи. Кто имѣетъ хотя малѣйшее понятіе какъ исполняется трудъ составленія сборниковъ, подобныхъ упомянутымъ «Актамъ», тотъ очень хорошо знаетъ, что для того, чтобы выпустить одинъ такой томъ—должно разсмотрѣть тысячи архивныхъ дѣлъ, выбрать изъ нихъ имѣющіе историческое значеніе документы, наблюсти за ихъ перепискою или переводомъ, обставить примѣчаніями, наблюсти за точнымъ воспроизведеніемъ въ печати, составить объяснительные указатели и проч. и проч. И все это исполняется Ад. Берже съ замѣчательною добросовѣстностью, знаніемъ и любовью къ дѣлу. Если бывшему намѣстнику Кавказа, Великому Князю Михаилу Николаевичу и ближайшему сотруднику Его Высочества барону А. И. Николаи принадлежитъ честь основанія и поддержки столь монументальнаго, величайшей важности для исторіи Кавказа, изданія, каковы «Акты Кавказской Археографической Комисіи»,—то Ад. П. Берже всецѣло принадлежитъ блистательное осуществленіе этой мысли. Благодаря его колоссальному многолѣтнему труду и чрезвычайно близкому знакомству съ Кавказомъ и исторіей народовъ, его населяющихъ, мы въ 9-ти громаднѣйшихъ книгахъ—всего до 10,000 страницъ—имѣемъ уже богатѣйшій родникъ всевозможныхъ свѣдѣній по исторіи Кавказа за всю первую половину эпохи владычества Россіи въ этомъ краѣ. Каждый ревнитель исторіи—звѣстѣ съ нами пожелаетъ, чтобы это изданіе продолжаемо было многіе, многіе годы, доколѣ оно не исчерпаетъ всего историческаго матеріала, до

Кавказа относящихся, до настоящих дней—и чтобы въ высшемъ представителѣ власти въ Тифлисѣ,—кто бы таковой ни былъ,—изданіе «Актовъ» находило просвѣщенную и энергическую поддержку.

Р е д.

Примѣчаніе. Помѣщаемъ вкратцѣ перечень главнѣйшихъ трудовъ Ад. П. Берже, достоуважаемаго редактора „Актовъ Кавказ. Археогр. Коммисіи“. Вотъ они: I. Геологическій очеркъ Кавказскаго края отъ Эльбруса до Вештау (переводъ статьи академика Абиха) 1853 г. II. О мусульманскихъ народныхъ праздникахъ вообще и у шитовъ въ особенности. 1855 г. III. Прикаспійскій Край. 1857 г. IV. Обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ. 1853 г. Статья эта напечатана въ 1860 г. въ Mettheilungen д-ра Петермана въ Готѣ. V. Чечни и Чеченцы. 1859 г. VI. Исторія Адыгскаго народа. Издано по рукописи Шора-бекъ Ногмова съ примѣчаніями и дополненіями и напечатана въ нѣмецкомъ переводѣ въ Лейпцигѣ подъ заглавіемъ: Die Sagen und Lieder des Tscherkessen Volks. 1866 г. VII. Карабагъ. Историческій очеркъ. Ст. Мирзы Джамала. Переводъ съ персидскаго. 1855 г. VIII. Die Snger des XVIII und XIX Jahrhunderts in adserbeidshanischer Mundart. Произведенія Адзербейджанскихъ поэтовъ XVIII и XIX вѣковъ. 1868 г. IX. Voyage en Mingrlie. Paris. Въ «Revue Orientale». 1864 г. X. Dictionnaire Persan-franais. XI. Кавказъ въ археологическомъ отношеніи. 1873 г. XII. Mirza Schaffy въ Zeitschrift der deutschen Morgenlndischen Gesellschaft. 1870 г. XIII. Очеркъ этнографіи Кавказа. 1879 г. XIV. Въ разное время доставлены Императорской Академіи Наукъ матеріалы по лингвистическимъ изслѣдованіямъ, впервые предпринятыя Ад. П. Берже по Аварскому нарѣчію, съ каковою цѣлью совершилъ по порученію кн. А. И. Барятинскаго, въ 1860 году, путешествіе въ Дагестанъ и занимался въ Хунзахѣ, подъ руководствомъ Бин-Хитиноу-Мухаммед-Лачинилоу, бывшаго учителя Шампи въ философіи; затѣмъ, имъ были представлены цѣнные матеріалы по языкамъ: Чеченскому, Осетинскому и Удинскому и гуджири (дарственные записи) Хопскаго, Мартвильскаго, Цаинскаго и др. монастырей. XV. Съ 1864 года дѣятельность Ад. П. Берже главнымъ образомъ сосредоточилась на изданіи „Актовъ Кавказской Археографической Коммисіи“, что продолжается понынѣ. Съ 1872 года онъ началъ принимать участіе въ „Русской Старинѣ“, которой и сообщалъ отдѣльныя монографіи изъ Исторіи русскаго владѣтельства на Кавказѣ въ періодъ времени съ 1801 по 1856 годъ. Изъ таковыхъ сообщеній обращаютъ на себя особое вниманіе: 1) Смерть А. С. Грибоѣдова, 2) Посольство А. П. Ермолова въ Персію, 3) Самсонъ Яковлевъ Маинцевъ и Русскіе бѣглецы въ Персію, 4) Присоединеніе Грузинъ къ Россіи, очеркъ изъ обширнаго историческаго изслѣдованія Ад. П. Берже, (5) Н. Н. Муравьевъ во время намѣстничества на Кавказѣ (1855—1856) и многія другія.

Р е д.

Графъ Войновичъ въ Персіи

въ 1781 году.

30-го іюля 1781 года графъ Войновичъ вступилъ съ эскадрою въ Астрабадскій Заливъ съ цѣлью завести на берегу его русское коммерческое поселеніе. Переговоры, открытые по этому предмету съ Ага-Мамед-ханомъ, родоначальникомъ Каджарской династіи, начались довольно успѣшно, хотя вмѣсто Апшефа, на который указывалъ Войновичъ, ему было предоставлено основаться въ уроч. Городовинѣ. Заложивъ здѣсь батарею въ видахъ обезпеченія себя отъ набѣговъ Туркменъ, и построивъ госпиталь, казарму, амбаръ, базаръ, пристань и нѣсколько домиковъ, Войновичъ ждалъ только повелѣнія кн. Потемкина о поднятій русскаго флага, а равно Высочайшаго разрѣшенія на заключеніе трактата о новомъ поселеніи. Последнее послѣдовало 2-го января 1782 года, т. е. тогда именно, когда все заведенное и устроенное уже было уничтожено.

Еще въ началѣ декабря 1781 года Ага-Мамед-ханъ, заподозривъ Войновича въ неискренности, отдалъ тайное приказаніе старшинѣ одной изъ деревень, ближайшихъ къ Городовину, подъ благовиднымъ предлогомъ, задержать графа до снятія орудій съ батареи и уничтоженія устроенной Русскими пристани. Приказаніе было исполнено и Войновичъ, въ кандалахъ, былъ доставленъ въ городъ Сару къ прибывшему туда на канунѣ Ага-Мамед-хану.

Ласково принявъ Войновича, Ага-Мамед-ханъ послѣ принесеннаго извиненія въ крутыхъ противъ него мѣрахъ, бывшихъ слѣдствіемъ не всегда вѣрныхъ донесеній подчиненныхъ, а равно сообщенія Бакннскаго хана, будто Россія только въ видахъ непріязненныхъ добывалась поселенія на берегу Астрабадскаго Залива, даровалъ ему 2 января 1782 года свободу. Графъ Войновичъ тотчасъ же и безостановочно прослѣдовалъ къ своей эскадрѣ, а самъ Ага-Мамед-ханъ, боясь народнаго неудовольствія, выѣхалъ изъ г. Сары.

Разсказанное здѣсь событіе передается составителемъ Персидской Исторіи, извѣстной подъ заглавіемъ Роузет-ус-сефа, т. е. „садъ удовольствія“ слѣдующимъ образомъ.

Ад. П. Берже.

Описаніе участіи нѣкоего графа Русскаго, его преступленія и измѣны, и плѣненія его прицемъ Фетх-Али-ханомъ, сыномъ Хусейн-Кули-хана Каджара.

Въ послѣднее время царствованія Керим-хана Зенда (1750—1779), нѣкто, назвавшій себя графомъ Русскимъ, съ частью товарищей изъ Русскихъ, подъ видомъ купцовъ, прибылъ Каспійскимъ моремъ, въ

Эпзели и, выйдя на берегъ, ѣздилъ въ Рештъ, оттуда въ Амиль, Сары и Вальфрушъ и, осмотрѣвъ внимательно всѣ эти прибрежья, порты и проходы, ближайшіе къ Каспійскому морю, вернулся въ Ашрефъ и Ферах-абадъ. Снявъ на бумагѣ виды горъ, долинъ, древнихъ лѣсовъ и всѣхъ замѣчательныхъ построекъ и зданій и нарисовавъ даже тамошнихъ звѣрей и птицъ, онъ получилъ обо всемъ полное понятіе. Когда-же безподобный государь (Ага-Мамед-ханъ) прибылъ въ Гилянъ, упомянутый графъ Русскій — этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ, прибывшій въ Гилянъ подъ предлогомъ торговли, съ тайною, великою цѣлью, съ нѣсколькими кораблями, наполненными всякаго рода оружіемъ, продовольствіемъ и со всѣмъ экипажемъ очутился въ виду мѣста, называемаго Грав-дини-Ашрефъ, близъ берега и, остановившись, обратился къ Фетх-Али-хану, управлявшему тогда, въ званіи намѣстника дяди, Мазандераномъ, съ просьбою, чтобы ему по берегу былъ отведенъ участокъ земли въ количествѣ, достаточномъ для него и его товарищей, гдѣ предположилъ произвести постройку. Мысль графа была, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ устроить какую-нибудь хитрость. Просьба эта для испытанія его въ искренности была уважена и шайка измѣнниковъ, сойдя на берегъ, открыла торговлю съ жителями, которымъ продавала товары высшаго достоинства за самыя дешевыя цѣны, а отъ жителей самыя пустыя предметы покупала за дорогую цѣну. Между тѣмъ они не упустили возвести прочное укрѣпленіе изъ досокъ и желѣзныхъ принадлежностей. Итакъ, дикихъ деревенскихъ птицъ въ Гилянѣ насыпаніемъ зеренъ вовлекли въ сѣть одолженія.

Когда дошло до свѣдѣнія принца о соблазнѣ этой шайки простого народа, умный принцъ, не смотря на то, что былъ еще молодъ, поступилъ согласно слѣдующему арабскому стиху:

И вижу подъ пепломъ искру,
Искра эта готова вспыхнуть;
Если умные люди ее во время не потушатъ,
То она обратится въ непогасаемый огонь.

И онъ (принцъ) тотчасъ донесъ объ этомъ шаху. Шахъ принялъ слѣдующую мѣру:

Принцъ подъ предлогомъ охоты отправился въ Ферах-абадъ, а оттуда поѣхалъ въ Ашрефъ и Грав-динъ. Тамъ русскій графъ поднесъ его высочеству въ подарокъ разныя европейскія рѣдкости и издѣлія, въ замѣнъ которыхъ со стороны Фетх-Али-хана и его приближенныхъ былъ одаренъ различными съѣстными припасами. Черезъ три или четыре дня Фетх-Али-ханъ, снова подъ предлогомъ охоты съ небольшою свитою изъ умныхъ людей и храбрыхъ воиновъ отпра-

вился на берегъ, чтобы полюбопытствовать видѣть корабли графа. Графъ пригласилъ его къ себѣ въ гости, но его выс., не принявъ лично этого предложенія, позволилъ нѣкоторымъ изъ каджарской знати посѣтить его домъ. Между тѣмъ его выс. далъ секретное порученіе Хаджи-Мамед-агѣ Имрандинскому, мужу благоразумному и умному, объ арестованіи графа и его товарищей. Хаджи пригласилъ графа съ нѣкоторыми его близкими къ себѣ въ гости на устроенное для нихъ пиршество. Когда головы ихъ разгорячились отъ вина и глаза помутились, Хаджи приказалъ своимъ людямъ схватить ихъ и заковать. Астрабадцы въ мигъ исполнили приказаніе и представили ихъ принцу. Послѣ нѣкотораго съ ними объясненія и угрозъ, его выс. отправилъ ихъ при дружескомъ письмѣ, въ сопровожденіи умнаго посланца къ солнце-шапочному падишаху и тѣмъ доказалъ предъ умными людьми, что онъ (принцъ), хотя и молодъ, но отъ природы одаренъ смѣтливостью и мудростью и что вскорѣ разными мѣрами и своею саблею онъ обратитъ Иранское поприще въ предметъ зависти райскаго цвѣтника (т. е. что самый рай позавидуетъ Ирану), и мудрецы удостовѣрились, что это великое дѣло и смѣлость произошли собственно по указанію великаго его дяди Ага-Мамед-хана, какъ гласить слѣдующій персидскій стихъ:

Какимъ образомъ не быть тому несметливому мужу полнымъ сметливости, когда руководителемъ его Феридунъ ¹⁾.

Перев. съ персидскаго и сооб. Ад. П. Верже.

Сообщаемъ здѣсь кстати другой отрывокъ изъ Персидской Исторіи, извѣстной подъ заглавіемъ Тарихи-Надыри, т. е. Исторіи Надир-шаха, составленной Мирза-Мехти-ханомъ Астрабадскимъ:

Завоеванія Россіи въ Гилянѣ.

1135 (1722) г.

Обстоятельства сего дѣла слѣдующія:

Когда шахъ Тахмасибъ короновался въ Казвинѣ, тогда онъ своего приближеннаго Исмаил-бека, великаго визири, отправилъ въ качествѣ посла къ Русскому двору съ просьбою о помощи. Вслѣдствіе этого посольства, отрядъ Русскихъ войскъ по желанію шаха Тахмасиба, подъ командою одного Русскаго сардаря, прибылъ на судахъ

¹⁾ Царь изъ династїи Пиштадїевъ и внукъ Джемшида.

въ Энзелейскій заливъ. Визирь, управлявшій тогда Рештомъ, рѣшился ему воспрепятствовать, но былъ разбитъ, и Русскіе завладѣли однимъ каравансараемъ, находившимся въ $\frac{1}{2}$ фарсахъ отъ Решта и тамъ укрѣпились. Слова Русскихъ состояла въ томъ:

Мы по желанію персидскаго правительства, совершивъ дальній путь, прибыли сюда. Посланникъ шаха Тахмасиба, на основаніи даннаго ему государемъ его уполномочія, предоставилъ намъ весь Гилянъ, начиная отъ Нияз-абада до границы Астрабада, съ тѣмъ условіемъ, чтобы и мы были готовы защищать его противъ его непріятелей. Согласно этому требованію Русскіе желали полновластія въ Гилянѣ, но еще удерживались отъ прикосновенія къ казеннымъ имуществамъ и прочимъ вещамъ. Спустя нѣкоторое время, къ нимъ примкнули еще 10 т. Русскихъ подъ командою одного важнаго ихъ полководца и сочли весь Гилянъ своимъ достояніемъ на основаніи документа, даннаго имъ Исмаил-бекомъ, посланникомъ шаха Тахмасиба. Шахъ Тахмасибъ, не терпя подобнаго своеволія Русскихъ, отрядилъ противъ нихъ ополченіе, имѣвшее съ ними столкновеніе въ Решта, но было разбито. Тогда завладѣли и Рештомъ и Кехдемомъ и безъ посторонняго вмѣшательства въ теченіе двухъ лѣтъ властвовали въ тѣхъ странахъ, располагая всѣмъ казеннымъ достояніемъ. Между тѣмъ общество провинціи Масулэ, будучи доведено до крайности безпутствомъ и угнетеніемъ нѣкотораго самозванца, извѣстнаго подъ именемъ Исмаил-мирзы (выдававшего себя за сына Шах-Султан-Хусейна), прибѣгло къ помощи Русскихъ и въ союзъ съ ними напало на Исмаил-мирзу, убило его и отправило его голову къ Русскому военачальнику. Тогда русскіе пришли въ Лаиджанъ и Тиможанъ, бывшіе во владѣніи самозванца и покорили эти провинціи, безъ всякаго съ чьей либо стороны сопротивленія. Затѣмъ черезъ нѣсколько времени падишахъ Русскихъ Петръ сухимъ путемъ, черезъ Кизляръ, съ безчисленнымъ войскомъ прибылъ въ Дербентъ и народъ тамошній, опасаясь владычества Лезгинъ и Турокъ, какъ непримиримыхъ враговъ Персіи, безъ разрѣшенія персидскаго шаха, явился къ нему съ покорностью. Тогда падишахъ сей велѣлъ очистить Дербентскую питадель и оставилъ тамъ 3 т. вооруженный гарнизонъ, который по выраженію Русскихъ называется солдатъ. Послѣ чего онъ взялъ Баку и Сальяны и довольствовался справедливою податью и повинностями, существовавшими въ томъ краѣ и возвратился во свояси.

Перевелъ съ персидскаго и сообщ. Ад. П. Берже.

Молитва для мусульманъ на Кавказѣ,

составилъ въ 1820 г. А. П. Ермоловъ.

«Боже всесильный, премилосердый, Боже щедротъ и всякія утѣхи молимъ Тебя, да волею Твоею поставленнаго надъ нами царствовать, Тобою возлюбленнаго самодержавнѣйшаго Великаго Государя Императора Александра Павловича, всея Россіи сохраниши въ величїи и славѣ. Умножи дни живота Его въ здравїи ненарушимомъ и непремѣняемомъ благополучїи, даруй Ему премудрость, да судить въ правду людямъ Твоимъ. Покажи Его врагамъ побѣдителя, злодѣямъ страшна, добрымъ милостива. Да въ немъ обрящеть бѣдствующій призрѣніе, утѣсенный заступленіе. Даруй обширнымъ царствамъ, власти Его покорствующимъ, миръ, тишину, благораствореніе воздуха и земли плодотворное. Утверди доброе согласіе и взаимную довѣренность съ сосѣдственными намъ народами, да Тебѣ единому Творца исповѣдующіе, Тебѣ всемогущій поклоняющіеся, проживемъ мы въ тишинѣ и спокойствїи. Тебѣ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь!»

Примѣчаніе. Молитва эта была составлена и собственноручно написана ген. Ермоловымъ въ 1820 году и въ октябрѣ того же года разслана къ начальникамъ отдѣльных частей края съ тѣмъ, чтобы она обязательно была читаема въ мечетяхъ въ молитвенныя, а въ особенности въ торжественныя дни.

Тифлисъ.

Сообщилъ Ад. П. Верже.

отторженіе многихъ провинцій, ослабленіе государства и безчисленныя народныя бѣдствія». Безбородко замѣчаетъ, что императоръ въ Россіи долженъ быть греческаго закона, а равно его супруга, наследникъ престола и его супруга, но супруги прочихъ великихъ князей могутъ быть и другаго христіанскаго закона. Сказавъ же затѣмъ о коронованіи императора, онъ прибавляетъ: «Не было бы противно самодержавной власти, если бы государь, по изреченіи Символа вѣры, произнесъ клятвенное обѣщаніе въ такихъ выраженіяхъ, которыя явили бы народу его непорочное намѣреніе царствовать во славу имперіи и во благо общественное».

Въ запискѣ для своего завѣщанія, Безбородко, назначаетъ значительную сумму на благотворительность и проситъ: «не употреблять на его погребеніе никакихъ излишнихъ обрядовъ, какъ-то катафалковъ, траурныхъ уборовъ, балдахиновъ и прочихъ оказательствъ пышности, но, прицѣняя ко всему тому, лишнее противъ надобнаго раздать бѣднымъ».

Настоящій томъ украшенъ портретомъ Безбородки и гравюрами.

Историческое общество, такъ много сдѣлавшее для разработки матеріаловъ новой русской исторіи, какъ извѣстно изъ печатныхъ сообщеній, предпринимаетъ изданіе біографическаго словаря русскихъ дѣятелей, заботясь, главнымъ образомъ не объ обширности его, а о точности и обстоятельности. Въ такомъ пособіи давно нуждается отечественная наука, но къ этому считаемъ нужнымъ прибавить пожеланіе, чтобы справочный словарь не ограничился только извѣстными дѣятелями, заслуживающими біографіи. Въ него должны войти также представители высшей и мѣстной администраціи, члены совѣтовъ, сенаторы, презид. и вице-презид. коллегій, другіе сановники, русскіе министры и по-вѣрныя при иностран. дворахъ и т. п., генералъ-губерн., губернаторы, воеводы и т. п.), члены академіи и университета (за XVIII стол.), завѣдывавшіе разными спеціальными заведеніями и учрежденіями и

т. п. Располагая доступомъ во многіе архивы, Общество безъ особеннаго труда могло бы выполнить подобную задачу, при содѣйствіи нѣсколькихъ просвѣщенныхъ архивистовъ, заявившихъ уже о своей дѣятельности и готовности служить на поприщѣ литературы. Въ случаѣ затрудненія въ присоединеніи біографическаго элемента съ справочнымъ, подобные списки могли бы быть отдѣлены, на подобіе росписи Строева, составленной по церковной исторіи и изданной археог. Коммисіи подъ наблюденіемъ Члена Коммисіи М. И. Семевскаго.

Родъ дворянъ Демидовыхъ. К. Д. Головщикова. Ярославль 1881. 268+105. Ц. 2 р.

По новости рода Демидовыхъ въ русской исторіи, дѣятельность его цѣлкомъ относится къ XVIII и XIX столѣтіямъ. Возникновеніе его извѣстности тѣсно связано съ исторіею заводской дѣятельности Россіи въ восточной части европейской Россіи и въ Сибири, а потому здѣсь тѣсно соприкасаются такіе вопросы, какъ крестьянскій, инородческій, заселеніе восточныхъ окраинъ Россіи, состояніе промышленности и частныхъ богатствъ въ Россіи. Затѣмъ, члены этой фамиліи становятся извѣстными на поприщѣ благотворительности и покровительства разнымъ полезнымъ учрежденіямъ, преимущественно по части просвѣщенія. Генеалогическое обзорѣніе доведено авторомъ до настоящаго времени, при чемъ особенною подробностію отличаются біографіи Никиты Демидовича (современника Петра В.), Апполія Никитича, Прокопія Апполіевича (2-я половина XVIII стол.), извѣстнаго своими пожертвованіями и чудачествами; Павла Григорьевича (его внука), извѣстнаго своими связями съ учеными, основаніемъ лицей въ Ярославлѣ и пожертвованіями на университеты въ Сибири, Москвѣ и Кіевѣ; Николая Никитича (жертвователя), Павла Николаевича (Демидовскія преміи въ Акад. Наукъ), Анатолія Николаевича и др. Авторъ пользовался значительнымъ количествомъ матеріаловъ, которые онъ отмѣчаетъ съ точностію, и подѣляетъ приложенія, впрочемъ послѣднія большею частію бывшими уже въ печати. В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамоптова, д. № 46. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамоптова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большой Подъячскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія іерарховъ обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственн., ученыхъ, военн., духовн. и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественн. писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библиографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.

Издатель-редакторъ М. И. Семеvскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

НОЯБРЬ

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. О подписѣ на «Русскую Старину» 1882 г. (тринадцатый годъ изданія).	0	VI. Записки денабриста Михаила Александровича Бестужева. 1800—1871 гг.: Главы I—XXIV: въ Читѣ и въ Петровскѣ. — Наши учителя и руководители. — Друзья и союзнники. — Технические, научные и литературные труды братьевъ Бестужевыхъ. — Воспоминаніе о Рыльевѣ. — Селенгинскъ и его обитатели. — Жизнь на поселеніи. — Смерть Николая Бестужева, 1800—1855 гг.	0
II. Главныя черты моей жизни. Записки генераль-адъютанта Павла Алексѣевича Тучкова, (род. 1803 г. + 1864 г.)	455		
III. Русское общество при восшествіи на престолъ Николая Павловича: донесенія М. М. Фока къ А. Х. Бенкендорфу, 1826 г. [Окончаніе].	510	VII. Императоръ Александръ I и его время: 1. Объ отиѣвѣ жестокостей въ обращеніи съ солдатами, 1804 г. — 2. Сперанскій. — 3. Война 1812 г.: кн. Яшвицъ — кн. Кутузовъ. — гр. Аракчеевъ. — 4. Донесенія высшей полиціи.	591
IV. Война Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, 1829 г. май — июль.	561		
V. Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Тавричскій, въ письмахъ къ наставнику и руководителю его въ дѣтствѣ, священнику Вас. Климентову, 1822—1855 гг. Сообщилъ В. А. Кондаковъ.	575	VIII. Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ [на оберткѣ].	659

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. [стр. 533—596]. — II. Портретъ профессора С.-Петербургской духовной Академіи, писателя по вопросамъ о духовенствѣ Дмитрія Ивановича Ростиславова († 1877 г.). Гравировалъ художникъ Г. П. Грачевъ, ученикъ Академика Сѣрякова. (Продолженіе Записокъ о духовенствѣ, соч. Дм. Ив. Ростиславова будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г.).

Вышелъ въ свѣтъ альбомъ: «Русскіе дѣятели» въ гравюрахъ Академика СѢРЯКОВА.
Цѣна 3 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Безтерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, № 30—1.

1881.

XI-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го ноября 1881 г.

Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI вѣкѣ по сочиненіямъ Максима Грека и современными ему памятникамъ. Ивана Преображенскаго. М. 1881. 249. Ц. 1 р. 50 к.

Пересмотръ того или другаго вопроса, съ цѣлью его пополненія и дальнѣйшаго развитія, всегда бываетъ полезенъ въ наукѣ, въ особенности, если онъ вызывается новыми матеріалами или другими тѣсно связанными съ нимъ вопросами. Такія требованія мы въ правѣ были бы предъявлять къ новому труду по исторіи русской литературы и общества XVI вѣка. Но авторъ, повидимому, не задавался этою болѣе широкою рамкою. Его работа имѣетъ эклектическій характеръ. Это рядъ очерковъ по извѣстнымъ рубрикамъ (просвѣщеніе въ Руси въ XVI в., пороки, господствовавшіе въ средѣ духовенства, пороки въ средѣ мірянъ, пороки въ средѣ монашествующихъ, свѣтлыя стороны въ религіозно-нравственной жизни русскаго народа въ XVI в.), безъ претензій на оцѣнку или освѣщеніе фактовъ и источниковъ съ новой стороны, хотя для такой работы онъ имѣлъ уже достаточный запасъ и данныхъ, и выводовъ, существующихъ въ литературѣ. Съ этой точки зрѣнія нельзя не отдать преимущества очеркамъ г. Жмакина, помѣщеннымъ въ Древ. и Нов. Рос. 1879 года, касающимся тѣхъ же вопросовъ и явленій, но лучше освѣщенныхъ и объясненныхъ.

Переселенія крестьянъ Вятской губ. Изслѣд. Вятск. губ. статистика Н. Романова. Изд. Вятскаго губерн. земства. Вятка. 1881. 336+132. Ц. 2 р. 25 к.

Въ одной изъ прежнихъ замѣтокъ мы указали на участіе вятскаго земства въ изданіи трудовъ, посвященныхъ исторіи тамошняго края—и вотъ новое свидѣтельство такого же вниманія земства къ вопросамъ не только практическимъ, но и научнымъ. Такой характеръ имѣетъ трудъ, заглавіе котораго мы выписали выше. Въ своемъ трудѣ авторъ представляетъ сравнительные выводы о числѣ душъ крестьян-

скаго населенія въ Вятскомъ краѣ съ 1834—1858 г. и съ 1858—78 гг. по уѣздамъ и въ общей сложности; обзоръ переселеній по уѣздамъ; причины и слѣдствія переселеній; изслѣдованіе вопроса о содѣйствіи переселеній со стороны земства. Трудъ этотъ сопровождается множествомъ статистическихъ таблицъ. В. И.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ III (1808—1827). Изданіе графа С. Д. Шереметева. Спб. 1830. XV+453+VIII. стр. въ 6. 8 д. л. Цѣна 2 в. сер. Томъ IV. Стихотворенія (1828—1852). VIII+374+XII стр. Цѣна 2 р. сер. Томъ V (1848). „Фонъ-Визинъ“. XVI+351. Цѣна 2 руб. сер.

Изданіе полного собранія сочиненій князя П. А. Вяземскаго, безукоризненное по изысканію въ типографскомъ отношеніи, продолжается безостановочно, общая, по своему окончанію, быть драгоцѣннымъ вкладомъ въ сокровищницу исторіи нашей словесности. Расположеніе стихотвореній по годамъ съ 1808 по 1852 годъ даетъ возможность читателю постепенно прослѣдить развитіе поэтическаго дарованія князя Вяземскаго, дарованія крупнаго, блестящаго—но, къ сожалѣнію, нерѣдко разнѣвиваемаго на мелочь. По уму и образованію, покойный имѣлъ полнѣйшее право занять мѣсто рядомъ съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, оставляя гораздо ниже себя цѣлый легіонъ писателей Александровской эпохи и даже послѣдующаго времени. Воспитанникъ французской школы XVIII вѣка, князь, при врожденномъ остроуміи, усвоилъ легкость, игривость, изысканство своихъ образцовъ, былъ, такъ сказать, французскимъ поэтомъ въ изыскѣннѣмъ русскомъ переводѣ, но не можетъ быть русскимъ, роднымъ поэтомъ—подобно Крылову, Пушкину, Гоголю, Лермонтову. Изъ 658 стихотвореній, вошедшихъ въ составъ двухъ томовъ, не наберется и пятнадцатой доли такихъ, которыми-бы была въ правѣ гордиться отечественная словесность, хотя въ которыя изъ произведеній князя Вяземскаго и занесены на страницы Христоматіи А. Д. Галахова. Вся эта масса мадригаловъ, посланій, сонетовъ, пѣсень и т. п.,

О ПРИЕМѢ ПОДПИСКИ НА

“РУССКУЮ СТАРИНУ”⁶⁶

изд. 1882 г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾.

При книгахъ «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться портреты русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Большая Садовая, рядомъ съ Публичной бібліотекой, д. Вагнера, № 12); въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія съ 1 янв. 1870 г. — редація обязывалась ежемѣсячными книгами „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемѣ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а съ 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцати печатныхъ листовъ.

НАПЕЧАТАНЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе всѣхъ портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ гравировъ покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ—для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновили на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября, октября и по 10-е ноября мѣсяцевъ 1881 года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль, который благоволятъ выслать съ подписною, **ДЕВЯТЬ** рубл., на журналъ „Русская Старина“ 1882 г. суммою, всего **10** руб.

Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Дѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голеницева-Кутузова (1775 г.), Хаджи-Мурата, барона Гейсмара (при XII-й книгѣ), архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравера-акад. Л. А. Сѣрякова, профессора Н. И. Пирогова, профессора Д. И. Ростиславова, историка-профессора С. М. Соловьева, и друг.—цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

ДМИТРІЙ ІВАНОВИЧЪ РОСТИСЛАВОВЪ,

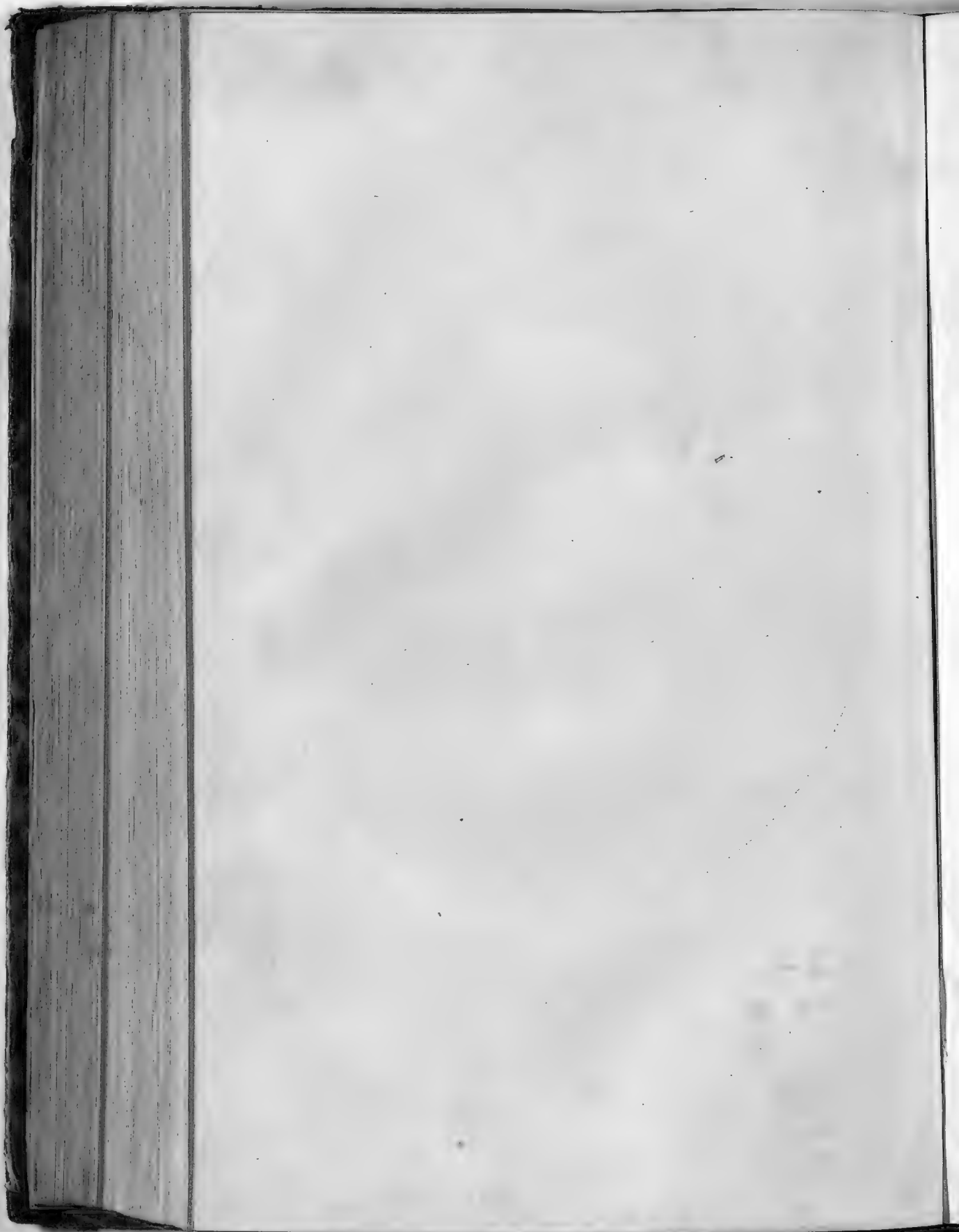
ПРОФЕССОРЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

† 1877 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 г. ТОМЪ XXXII.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 5 АВГУСТА 1881 г.

ЭКСПЕДИЦИЯ ЗАГOTOВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

ГЛАВНЫЯ ЧЕРТЫ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Записки Павла Алексѣевича Тучкова.

.....«Идя стезею правды, встрѣчая преграды со стороны любимцевъ слѣпаго счастья, отражая клевету и злобу, труденъ былъ путь Тучковыхъ, и если воздаяніе заслугъ не вѣзмъ изъ нихъ было удѣломъ, то вѣзмъ нѣкоторымъ предназначена награда свыше: — умереть во славу своего отечества».

Биографія Тучковыхъ, составл. П. А. Тучковымъ, глава III, стр. 14.

I.

Дѣтство.

Дѣтство мое было коротко. Родившись въ 1803-мъ году 7-го апрѣля, въ 1817-мъ г. я уже оставилъ родительскій домъ офицеромъ генеральнаго штаба и отправленъ былъ въ главную квартиру 1-й арміи — въ Могилевъ на Днѣпрѣ.

Слишкомъ коротко было это время и для наслажденія ощущеніями родительской нѣжности и для образованія моего. Успѣхъ въ наукахъ въ теченіи года же въ заведеніи генер. Муравьева далъ мнѣ право на званіе студента въ Московскомъ университетѣ будучи 12-ти лѣтъ отъ роду, и на чинъ прапорщика генеральнаго штаба въ 14-ти лѣтнемъ возрастѣ. Съ этимъ началомъ можно было ожидать многого, если бы 4-е или 5-ть слѣдующихъ годовъ продолжались мои учебныя занятія. Объ этомъ потерянномъ времени, я постоянно чувствовалъ внутреннее сожалѣніе.

Годы дѣтства пронеслись съ быстротою молніи, и въ этой отдаленной отъ меня теперь эпохѣ рисуются еще ярко въ моемъ воображеніи и нѣжность матери, и попеченіе отца, и любовь ихъ—такъ глубоко врѣзавшаяся въ мое сердце—и роскошные дома, и богатая подмосковная, и бѣдныя семейства, призрѣнныя тамъ истинною добродѣтелью отца и матери. Разговоръ, слышанный тогда и преобладающій надъ прочими разказами, былъ о моемъ дѣдѣ, о подвигахъ дядей, о военной ихъ доблести, и болѣе, о ихъ правилахъ чести и о тѣхъ выгодахъ по службѣ, которыя они принесли въ жертву благородству своему. Все это я выслушивалъ съ особенною жадностью въ самомъ младенчествѣ, и съ той ранней поры родилась во мнѣ внутренняя гордость принадлежать имени Тучковыхъ. Пріѣздъ на короткое время дядей моихъ въ Москву былъ въ то время, для насъ дѣтей, истиннымъ праздникомъ. Мы смотрѣли на нихъ какъ на существа исключительныя, и ихъ генеральскіе эполеты, звѣзды, кресты—еще болѣе поражали наше дѣтское воображеніе. Такъ до сихъ поръ еще запечатлѣнъ въ памяти моей образъ дядей Николая Алексѣвича и Александра Алексѣвича, которыхъ я видѣлъ въ послѣдній разъ въ 1811 году, когда мнѣ было 8 лѣтъ.

Въ этомъ году, 7-го февраля, меня и старшаго брата сдѣлали пажами къ Высочайшему двору, по личной просьбѣ дяди Николая Алексѣвича, который только и пользовался благорасположеніемъ царя для пользы ближнихъ, а не для себя. Такъ, онъ воспользовался минутою, когда императоръ Александръ сознавалъ заслуги его и спросилъ чего онъ желаетъ? Николай Алексѣвичъ питалъ особую дружбу къ отцу моему и принималъ сердечное участіе въ его семействѣ, всегда твердилъ ему, что домашнее воспитаніе вредно мальчикамъ и съ этою цѣлью исходатайствовалъ намъ званіе пажей. Черезъ 4 года послѣ того меня отдали въ университетскій пансіонъ и потомъ въ училище кодонновожатыхъ Муравьева. Въ этомъ послѣднемъ заведеніи отлично готовляли молодыхъ людей къ службѣ генеральнаго штаба и съ тѣмъ особеннымъ выборомъ юношей и съ тою отеческою заботливостью старика Муравьева ко всѣмъ намъ, которыя оставили невыразимое впечатлѣніе. Это былъ одинъ изъ годовъ юности, короткое время котораго на всю жизнь запечатлѣлось пріятнѣйшими воспоминаніями. И оно прошло слишкомъ быстро и настала чашъ

разлуки съ товарищами, которые меня любили, съ семействомъ, въ которомъ я былъ истинно, совершенно счастливъ. Разлука была тягостна и долго юное сердце мое рвалось къ отцовскому дому, среди новыхъ впечатлѣній, сивившихся отвлечь отъ него.

II.

Вступленіе въ службу.

Вступивъ на поприще службы, я былъ счастливъ первыми моими начальниками. Въ главной квартирѣ 1-й арміи князя Барялая де Толли, генераль-квартирмейстеромъ былъ генераль-маіоръ Мартынъ Николаевичъ Гартингъ. Онъ вспомнилъ службу свою подъ начальствомъ Николая Алексѣевича и по прибытіи моемъ—въ декабрѣ 1817-го года—въ Могилевъ, съ первой встрѣчи вселилъ въ меня особенную къ нему довѣренность дружескимъ обхожденіемъ и участіемъ къ моей молодости. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые попадаются рѣдко на этомъ свѣтѣ. Соединяя благородство души, доброту сердца съ рѣдкими достоинствами военного человѣка и обширными познаніями, онъ умѣлъ привлекать всѣхъ, кто только имѣлъ до него доступъ. Удаляя все, что могло трогать самолюбіе молодого человѣка въ лѣта, гдѣ часто ставишь его въ томъ, въ чемъ не должно, Гартингъ умѣлъ заставить меня учиться ремеслу моему и быть внимательнымъ моимъ руководителемъ. Вселивъ охоту къ службѣ генеральнаго штаба, въ городѣ, не представлявшемъ никакихъ разсѣянностей, до которыхъ впрочемъ я никогда не былъ охотникомъ, все свободное время отъ службы я посвящалъ чтенію военныхъ книгъ, дѣлая изъ нихъ извлеченіе, и пользуясь бібліотекою и совѣтами моего начальника. Упражненіе въ лѣтнее время съемкою, практическою малою войною и фронтомъ, приучали къ глазомеру и къ дѣйствіямъ войскъ. Года черезъ два я почувствовалъ съ особеннымъ самодовольствіемъ, что я сталъ на счету офицеровъ, которыхъ любили употреблять въ случаяхъ болѣе важныхъ. Начальникъ главнаго штаба Дибичъ, входилъ самъ въ образованіе офицеровъ генеральнаго штаба, часто смотрѣлъ насъ во фронтъ, на аванпостной службѣ, на линейныхъ ученіяхъ кадрами и маневрахъ;—а потому зналъ каждаго изъ насъ лично. Ежедневно, по очереди, приглашались къ нему офи-

церы генеральнаго штаба къ обѣду и тамъ онъ, разговаривая съ каждымъ, узнавалъ степень способности его и образованія.

И такъ оконченное мое слишкомъ рано воспитаніе приняло направленіе специальное и по этому пути развивались мои понятія и вся будущность.

Первые успѣхи.

10-го декабря 1819 года меня произвели за отличіе въ подпоручики и на слѣдующій годъ, находясь при Высочайшемъ смотрѣ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса Бороздина, въ Воронежѣ, я былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Эти двѣ награды заставили меня далеко уйти впередъ отъ моихъ товарищей. Будучи часто командированъ къ войскамъ во время маневровъ, въ 1821 году былъ на Высочайшемъ смотрѣ войскъ гвардейскаго корпуса въ Бешенковичахъ, въ 1823 г. въ г. Орлѣ при 2-мъ резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ барона Корфа, въ 1824 году въ Пензѣ при 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ князя А. И. Горчакова и въ 1825-мъ г. при гвардейскомъ корпусѣ, которымъ командовалъ тогда Войновъ. Въ это время я получилъ назначеніе дивизионнаго квартирмейстера 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи подъ начальствомъ Его Высочества Великаго Князя Николая Павловича.

Между тѣмъ службою моею были довольны и въ 1823-мъ (3-го февраля) я былъ произведенъ въ поручики за отличіе, а въ 1825-мъ году (марта 29-го) въ штабсъ-капитаны.

Перемена домашнихъ обстоятельствъ.

Въ продолженіи всего этого времени нѣсколько разъ бывалъ я въ отпуску, и съ новымъ чувствомъ радости обнималъ родителей—друзей моихъ. Отецъ мой по мѣрѣ того, какъ я входилъ въ лѣта, дѣлался откровеннѣе часъ отъ часу со мною, и мы были съ нимъ совершенными друзьями. Не было ничего, что бы я скрывалъ отъ него. Какая нибудь вѣтренность молодости, первыя завлеченія, планы, мысли мои, все было ему извѣстно. И онъ не скрывалъ отъ меня ни малѣйшаго обстоятельства его жизни. Онъ въ нѣсколько послѣднихъ лѣтъ переменялись ужасно: дома и

подмосковная картинная галлерея были проданы, большое тульское имѣніе также. Долги обременяли семейство. Это дѣйствовало ужасно на характеръ отца и часто заставлялъ я его въ горькой задумчивости. Мать моя, примѣръ совершенной добродѣтели, переносила всѣ перемѣны положенія съ восхитительною твердостью, и была для насъ чуднымъ примѣромъ. Эти обстоятельства не могли не имѣть вліянія и на мое положеніе. Сначала будучи въ самомъ большомъ довольствѣ и даже въ роскоши для молодаго человѣка, я долженъ былъ умѣрить до того мои расходы, что были года, гдѣ я ограничивался однимъ жалованьемъ по службѣ. Жилъ скромно, не входя въ долги и ни разу не погрѣшилъ внутреннимъ даже упрекомъ моему отцу. Положеніе его слишкомъ было близко моему сердцу и въ пріѣздъ мой къ нему, часто удавалось мнѣ разгонять мрачныя мысли его, развеселить его, и тогда я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Успѣхи мои по службѣ также утѣшали его.

Въ 1824-мъ году скончался достойнѣйшій изъ начальниковъ моихъ г. Гартингъ. Нельзя выразить того общаго сожалѣнія о немъ, которое я раздѣлялъ всѣмъ сердцемъ. Онъ умеръ въ одно время съ назначеніемъ его генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества и до отъѣзда моего въ Пензу общалъ мнѣ перевести съ собою въ Петербургъ. Въмѣсто его назначенъ былъ г.-м. Бутурлинъ. Начальникомъ главнаго штаба 1-й арміи былъ тогда уже Толль, смѣнившій Дибича, назначеннаго начальникомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Главнокомандующимъ арміею былъ гр. Сакенъ.

Новый начальникъ мой Бутурлинъ былъ человѣкъ свѣтскій, учтивый, и хотя военный писатель у насъ извѣстный, но не имѣлъ никакихъ практическихъ военныхъ познаній. Онъ болѣе занимался своими сочиненіями и писалъ тогда Испанскую кампанію французовъ, въ которой онъ участвовалъ и для которой я имѣлъ порученіе составить карту театра дѣйствій. Этотъ трудъ сблизилъ меня съ Бутурлинымъ и былъ причиною его расположенія. Но въ маѣ 1825 года работа эта прекратилась назначеніемъ моимъ въ гвардейскій корпусъ.

Первая служба при в. к. Николаѣ Павловичѣ.

Прибывъ въ Петербургъ, передъ вступленіемъ въ лагерь войскъ гвардейскаго корпуса, я представился Его Высочеству, который принялъ меня въ кабинетѣ Аничкина дворца своего и черезъ нѣсколько дней мы выступили въ Красное село. Его Высочество самъ велъ дивизію свою, и расположился въ авангардномъ лагерьѣ Краснаго села. Корпусный штабъ занималъ слободу Бартаминскую, гдѣ я соединился съ моими товарищами. Великій князь Николай Павловичъ имѣлъ нѣкоторое предубѣжденіе къ офицерамъ генеральнаго штаба и потому я былъ поставленъ въ положеніе весьма щекотливое. Недовѣрчивость его отстраняла меня отъ настоящей обязанности офицера при войскахъ и самолюбіе мое было оскорблено. Представился случай на одномъ линейномъ ученіи, гдѣ дивизія была первоначально поставлена однимъ изъ адъютантовъ Его Высочества, выразить, что при 2-й гвардейской дивизіи обязанность моя дѣлается излишнею. Великій князь, желая можетъ быть доказать, что онъ имѣлъ основаніе отстранять такимъ образомъ офицеровъ генеральнаго штаба, приказалъ, съ того дня, мнѣ ставить войска и чрезъ нѣсколько дней сдѣлать небольшой маневръ отъ деревни Горли по направленію къ Дудергофу, мѣстности, тогда весьма мало для меня известной по нахожденію моему въ Красномъ селѣ въ первый разъ. Узнавъ однако случайнымъ образомъ о предлагаемомъ маневрѣ, я поспѣшилъ сдѣлать рекогносцировку и изучилъ эту мѣстность наилучшимъ образомъ. Съ этою увѣренностью я принялъ приказаніе Великаго Князя о первоначальномъ построеніи дивизіи. Подѣзжая къ дивизіи, Его Высочество былъ доволенъ. Потомъ во время нѣсколькихъ часовъ маневра испытывая меня разными порученіями, и видя, что всякій разъ всѣ приказанія его и предположенія были исполняемы съ успѣхомъ и находчивостью, Великій Князь, по окончаніи маневра, въ лестныхъ выраженіяхъ изъяснилъ благодарность свою и совершенно измѣнилъ свое обращеніе со мною. Я былъ приглашаемъ къ обѣду Его Высочества, какъ и товарищъ мой, находившійся при дивизіи в. к. Михаила Павловича, къ сему послѣднему, — и съ того дня я исполнялъ обязанность мою при 2-й гвардейской дивизіи, пользуясь довѣріемъ Его Высочества.

По окончаніи лагернаго времени получивъ порученіе снять топографическій маршрутъ по Смоленской губерніи, для проѣзда Государя Императора Александра въ Таганрогъ, — я представился своему дивизионному начальнику, чтобы откланяться Его Высочеству и Великій Князь изъявилъ благоволеніе свое, выразивъ, что на будущее время онъ не захочетъ имѣть другаго офицера генеральнаго штаба при себѣ какъ меня. Но это было послѣднее время командованія его 2-ю гвардейскою пѣхотною дивизіею. Черезъ три мѣсяца великій князь былъ — императоромъ.

III.

Порученіе въ Астрахань и Таганрогъ ¹⁾.

— По окончаніи съемки маршрутовъ, мнѣ было предписано лично вручить оныя Дибичу при проѣздѣ его съ государемъ черезъ станцію Прискуху въ Псковской губерніи. На этой станціи, въ послѣдніе дни августа 1825 года, я дождался прибытія императора Александра. Здѣсь я имѣлъ случай въ первый разъ говорить съ Государемъ, человекомъ завлекательной наружности и съ невыразимо пріятными формами обращенія. Онъ спросилъ меня о родствѣ моемъ съ генералами Тучковыми, говорилъ, что зналъ мою бабушку и назвалъ ее по имени, сказавъ, что помнитъ ее. Потомъ лично далъ приказанія на счетъ порученія моего въ Астрахань и благосклонно простился со мною. Здѣсь Государь ночевалъ. На другой день я еще разъ видѣлъ его при отъѣздѣ съ ночлега и онъ еще разъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути. Вслѣдъ за нимъ я скакалъ курьеромъ и поворотилъ черезъ Дорогобужъ и Москву въ Астрахань.

Въ Астрахани я имѣлъ порученіе собрать свѣденія о сообщеніи между городомъ Уральскомъ и Астраханью и способахъ проѣзда Государя Императора въ томъ краѣ. Всѣ сіи свѣденія, какъ равно и статистическое описаніе губерніи, я отправилъ по эстафетѣ въ Таганрогъ. Дибичъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 23-го сентября 1825 г. изъявилъ особенную благодарность за исполненіе

¹⁾ Эта маленькая глава была приведена въ „Разсказахъ кн. Н. С. Голицына“, „Рус. Стар.“ 1880 г. кн. XI, стр. 740—742.

этого порученія, и собственноручно приписалъ нѣсколько строкъ, весьма лестныхъ. Въ предписаніи же его отъ 26-го сентября 1825 года, приказывая отправиться изъ г. Царицына (гдѣ я кончилъ съемку топографическихъ маршрутовъ) въ Таганрогъ, заключаетъ свое предписаніе словами: „При чемъ нужнымъ считаю вамъ повторить: работою не слишкомъ торопиться, но беречь здоровье ваше“.

Привожу это какъ примѣръ попеченія и вниманія начальника, каковъ былъ Дибичъ, и какихъ рѣдко послѣ встрѣчали въ нашей службѣ. По предписанію этому я наконецъ прибылъ въ Таганрогъ и остановился съ товарищемъ моимъ Шенигомъ. На другой день я отправился являться къ Дибичу. Идя по узкому тротуару Таганрогской грязной улицы и остановясь противъ воротъ одного дома, спросилъ женщину, шедшую по двору: „Не здѣсь ли живетъ генералъ Дибичъ?“, вмѣсто отвѣта, вдругъ почувствовалъ, что кто то взялъ меня за оба плеча сзади, и потомъ указывая на сосѣдній домъ, говоритъ: „Дибичъ живетъ въ этомъ домѣ“. Узнавъ голосъ Государя, я хотѣлъ сойти съ тротуара, чтобы дать мѣсто, но Государь, не пуская меня, поздоровался и спрашивалъ объ окончаніи моего порученія. Потомъ вышелъ изъ грязи на тротуаръ и пошелъ далѣе, указавъ мнѣ еще разъ домъ Дибича.

Въ другой разъ мы сидѣли подъ окномъ съ Шенигомъ и глядѣли на пьянаго гарнизоннаго офицера, никакъ непопадавшего на тротуаръ. Посмотрѣвъ въ противную сторону, мы замѣтили Государя, идущаго къ нему на встрѣчу противъ нашихъ окошекъ. Государь, поровнявшись съ нимъ, спросилъ его:

— „Гдѣ ты живешь? пойдемъ я доведу тебя, а то если тебя встрѣтитъ Дибичъ въ этомъ положеніи, тебѣ достанется, онъ престрогій“, взялъ его подъ руку и повелъ въ первый переулокъ.

Можно вообразить, что пьяный офицеръ, узнавъ Государя, протрезвился.

Въ пребываніи Государя въ Таганрогъ, онъ ежедневно прогуливался пѣшкомъ и рѣдко прогулка его не была ознаменована какою нибудь помощью бѣдному семейству, отысканному имъ самимъ, или какимъ нибудь благодѣяніемъ другого рода.

Государю вздумалось однажды сдѣлать неожиданное удоволь-

ствіе императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, открывъ видъ на море въ городскомъ саду, гдѣ государыня часто прогуливалась и хотѣла проложить новую дорожку къ самому нагорному берегу. Государь приказалъ спросить кого нибудь изъ насъ, не возьмемъ ли мы на себя распорядиться этою работою и тотъ, кто пожелаетъ, явился бы на другой день въ садъ, гдѣ найдетъ самага Государя. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ мы были счастливы исполнить желаніе Государя, но когда надо было одного только, то я, какъ старшій, получилъ приказаніе явиться въ садъ. Съ очаровательною любезностію Государь объяснилъ свое желаніе и велѣлъ взять людей изъ рабочаго баталіона, съ тѣмъ чтобы къ слѣдующему утру работа была готова. На другой день, едва все было отдѣлано, Государь прибылъ въ садъ, дошелъ по новой дорожкѣ до берега моря и полюбовался видомъ, поблагодарилъ меня и приказалъ дожидаться на этомъ мѣстѣ императрицы, а самъ пошелъ къ ней на встрѣчу. Черезъ короткое время государь съ императрицею, прогуливаясь по саду, подошли къ новой дорожкѣ и императрица узнала вниманіе государя къ желанію ея, ибо она нѣсколько разъ изъясляла сожалѣніе, что въ саду закрытъ видъ на море. Послѣ изъясленія чувствъ своихъ, государь поцѣловалъ у нея руку и они долго любовались видомъ. Потомъ государь представилъ меня императрицѣ, и когда она удалилась, государь подзвалъ меня, поблагодарилъ еще разъ и, вынувъ изъ кармана карбачку съ перстнемъ, вручилъ мнѣ, сказавъ: „вотъ тебѣ на память за труды твои“. И въ этомъ прояснялась утонченность чувствъ государя; онъ считалъ работу эту внѣ обязанностей службы и хотѣлъ наградить безъ формы официальности.

Жизнь въ Таганрогѣ имѣла особенный характеръ. Государь жилъ какъ частный человѣкъ, безъ свиты и придворнаго экипажа, и никто изъ служащихъ, безъ особеннаго приказанія, не могъ пріѣхать въ его уединеніе.

Мы приглашались иногда къ обѣду государя и иногда видали государя съ императрицею въ клубѣ, гдѣ государь танцевалъ польскій съ незнаменитыми горожанками Таганрога. Мы не знали долго ли продлится пребываніе императора въ этомъ городѣ и желали только, чтобы насъ оставили при его небольшой свитѣ.

Скоро государь отправился въ Крымъ и, по возвращеніи, слишкомъ скоро постигло событіе, поразившее Россію искреннею скор-

бію. Я былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ государя, былъ свидѣтелемъ бальзамированія его тѣла, дежурилъ при немъ и когда тѣло положено было на катафалокъ въ залѣ, то у подножія его стоялъ на часахъ. Видѣлъ какъ нѣсколько разъ въ теченіи ночи императрица, изсохшая въ теченіи нѣсколькихъ дней, безъ слезъ и рыданій, въ черномъ одѣяніи, откидывала покрывало свое, входила на ступени гроба и долго не сводила глазъ съ усопшаго супруга.

Я проводилъ тѣло императора до Москвы—гдѣ, получивъ отпускъ, дождался прибытія войскъ, собиравшихся на коронацію императора Николая и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ по части генеральнаго штаба при штабѣ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса. Въ память этой незабвенной эпохи я получилъ серебряную медаль съ изображеніемъ Александра, въ числѣ офицеровъ, находившихся на дежурствѣ при гробѣ покойнаго Императора (предписаніе ген.-квар. 1-й арміи отъ 4 сентября 1826 года за № 876).

IV.

Порученіе Константинопольское.

Въ Москвѣ я дождался прибытія своднаго гвардейскаго корпуса для торжества коронаціи императора Николая I, исправляя должность старшаго адъютанта по части генеральнаго штаба при начальникѣ штаба сихъ войскъ г.-а. Нейдгардтѣ; дѣла было много по приготовленіямъ къ торжественнымъ церемоніямъ, смотрамъ и маневрамъ, и среди этихъ занятій получилъ внезапно приказаніе явиться къ генералу Дибичу. Дѣло состояло въ командированіи меня въ Константинополь по случаю разрыва, предполагаемаго съ Портою, для собранія военныхъ свѣдѣній. Дибичъ объяснилъ лично порученіе, на меня возлагаемое, и сообщилъ повелѣніе государя представиться къ нему лично на другой день. 14-го августа 1826 года, по утру, я приѣхалъ въ Николаевскій дворецъ и въ первый разъ явился къ государю, послѣ восшествія его на престолъ и послѣ того времени, когда я состоялъ при 2-й гв. дивизіи, которою онъ командовалъ, годъ передъ тѣмъ будучи великимъ княземъ. Государь принялъ меня благосклонно, вспомнилъ

мою службу при 2-й дивизіи и говорилъ о порученіи, мнѣ данномъ. Потомъ спросилъ: „Ты такъ внезапно уѣзжаешь, что если у тебя есть какія дѣла, то поручи ихъ мнѣ“. Я вспомнилъ, что нѣсколько десятковъ лѣтъ тянули дѣло отца моего по размежеванію имѣнія, пожалованнаго императоромъ Павломъ, и доложилъ о томъ государю; его величество повелѣлъ подать записку черезъ Дибича, на которую послѣдовала резолюція: „рѣшить не въ очередь другихъ дѣлъ и ежемѣсячно доносить государю о ходѣ дѣла“. Этою вѣстью я успѣшилъ обрадовать отца, который оставался еще въ Москвѣ; остальное все семейство отправилось уже на житье въ село Яхонтово, послѣ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, разстроившихъ состояніе. 15-го августа, купивъ партикулярное платье, я отправился въ немъ курьеромъ въ Одессу къ гр. Воронцову съ депешами. Воронцовъ, Рибопьеръ и пр. вели тогда переговоры въ Аккерманѣ съ турецкими посланными.

22-го августа, въ день коронаціи, я явился гр. Воронцову въ Одессѣ. Онъ принялъ меня какъ старый бояринъ русскій, съ тою утонченною ласкою и радушіемъ, которыя съ первой минуты привлекаютъ къ себѣ каждаго. 24-го я пріѣхалъ къ графу на хуторъ Рено и оттуда въ четверомѣстной открытой каретѣ мы отправились въ Аккерманъ. Съ нами были Сафоновъ и Щербининъ; они попеременно читали журналы и такимъ образомъ незамѣтно доѣхали до Овидіополя, гдѣ сѣвъ на приготовленную лодку, перѣѣхали черезъ Днѣстрскій лиманъ въ теченіи трехъ часовъ и вышли въ Аккерманъ на берегъ. Мы всѣ собрались къ обѣду въ палатку графа, гдѣ я познакомился съ Рибопьеромъ, Антономъ Фонтономъ и Фридингомъ. Получивъ депеши къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополь, я отправился въ тотъ же день далѣе и проѣхавъ Кишеневъ и Скуляны, на другой день прибылъ въ Яссы, остановясь въ домѣ нашего консула Лелли.

Путешествіе въ краѣ, совершенно для меня новымъ, представляло много любопытнаго. Тутъ все имѣетъ какую-то особенность, встрѣчаемую только на востокѣ. Въ Яссахъ мнѣ дали конвойнаго татары отъ турецкаго правительства, и не взирая на малый багажъ нашъ, посадили насъ въ три каруцы, запряженныя каждая четвернею маленькихъ лошадей. До Фокшанъ, т. е. за 13 почтъ, я заплатилъ 52½ піастра. 27-го въ Фокшанѣхъ намъ сказали, что чума въ Бухарестѣ уменьшается, но за этимъ городомъ и въ

Румелии она еще ужасно свирѣпствовала. Эта вѣсть дѣлала не-
пріятное впечатлѣніе, хотя татаринъ мой Мюри-Махметъ и курьеръ
Малиновскій, привыкшіе ко всѣмъ непріятностямъ края, стара-
лись представить мнѣ маловажность этого обстоятельства. Въ этотъ
день я проѣхалъ знаменитый Рымникъ, м. Бузю и на другой
день, 28-го августа, въ 10 часовъ утра, въѣхалъ въ Букарестъ,
проѣхавъ отъ Фокшаны 10 станцій и заплативъ 45 піастровъ.

Букарестъ представлялъ мѣсто точно послѣ осады: улицы бы-
ли пусты, дома заперты и среди дня я насилу достучался до
нашего консула Хатова, къ которому наконецъ допустили меня
со всѣми карантинными предосторожностями, — такъ еще все было
подъ вліяніемъ страха послѣ жестокой чумы, опустошившей го-
родъ. Въ Букарестѣ пробывъ не болѣе 4-хъ часовъ времени, сколь-
ко нужно было получить бумаги отъ консула къ нашему повѣрен-
ному въ дѣлахъ, въ 2 часа пополудни, я отправился далѣе. Запла-
тивъ 22½ піастра за 5 станцій до крѣпости Журжи, сѣли мы
въ три наши каруцы и съ радостью оставили Букарестъ, пока-
завшійся намъ какимъ-то кладбищемъ. Не доѣзжая станціи до
Журжи, мы рѣшились ночевать, чтобы не переправляться ночью
за границу Турціи, откуда я долженъ былъ начать рекогносци-
ровку пути отъ Рушука до Константинополя.

29-го августа, на разсвѣтѣ, мы остановились передъ воротами
крѣпости Журжи. Мюри-Махметъ отправился къ турецкому на-
чальству для показанія паспорта, а я, отпустивъ каруцы, сѣлъ
на чемоданъ и нетерпѣливо ждалъ его возвращенія. Утро было пре-
красное; надъ воротами крѣпости, подъ навѣсомъ, сидѣлъ турецкій
часовой, курия наргиле свой и по временемъ затыкая заунывную
пѣсню. Впереди видѣлся Рушукъ за Дунаемъ. Изъ крѣпостныхъ
воротъ выходили къ рѣкѣ мужчины и женщины за водою, въ сво-
ихъ пестрыхъ костюмахъ, и рѣдкій изъ проходившихъ не бросилъ
на меня презрительнаго взгляда съ прибавленіемъ слова джіаура.
Малиновскій въ полголоса отвѣчалъ на брань, не смѣя возвысить
голоса, боясь послѣдствій. Наконецъ возвратился татаринъ нашъ
и мы поплелись къ Дунаю, неся нашу небольшую ношу съ по-
житками.

Переѣхавъ Дунай на турецкой лодкѣ и войдя въ улицы го-
рода, меня поразила картина самая ужасная. Тутъ свирѣпство-
вала чума во всей ея силѣ: на улицахъ валялись мертвые тѣла,

носили больныхъ, умирающіе стонали, однимъ словомъ, подъ вліяніемъ этого новаго впечатлѣнія и разныхъ ругательствъ, особенно отъ женщинъ, которымъ всякій европеецъ подвергается въ турецкихъ городахъ, мы наконецъ выѣхали изъ Руцука верхомъ на почтовыхъ лошадяхъ. Впереди ѣхалъ суруджи (ямщикъ), держа въ поводу лошадь съ нашимъ вьюкомъ; за нимъ татаринъ подгонявшій вьюкъ и самого суруджи, потомъ я съ курьеромъ Малиновскимъ. Мы ѣхали скоро, и не имѣвъ предосторожности запастись собственнымъ сѣдломъ, я долженъ былъ все путешествіе совершить на безпокойномъ турецкомъ сѣдлѣ. Не доѣзжая 10 верстъ до Разграда, мы остановились ночевать въ хатѣ одного болгара. Тутъ я привелъ въ порядокъ свои топографическія свѣдѣнія и нѣсколько ногъ свои, стертые отъ непривычки къ турецкому сѣдлу. На другой день, рано выѣхавъ изъ д. Есинчи, доѣхали мы благополучно до Разграда, гдѣ перемѣнивъ лошадей, которыхъ я прямо нанялъ до Карнабата, оставляя въ сторонѣ Шумлу, пустились вскачь до Утюклере. Выѣзжая изъ этого селенія, мы увидѣли Балканы, синѣющіе вдаль, и доѣхали въ этотъ день до подошвы ихъ, гдѣ и ночевали въ с. Драгойкиой. Отъ Руцука до Балканъ, какъ мѣстность, такъ и бѣдныя селенія болгаръ, не представляютъ ничего разнообразнаго; мѣстами встрѣчаются близъ дороги фонтаны, которые такъ благотѣльны для путешественниковъ по Турціи.

31 августа, съ самаго утра, мы начали подыматься на горы и спускаясь съ хребта по каменистой тропинкѣ, мы скакали всю прыть. Лошади такъ хорошо приучены, что скользя по каменистымъ ступенямъ, не спотыкаются и съ дикимъ крикомъ нашего суруджи, ѣзда эта мнѣ показалась весьма пріятною, какъ совершенная для меня новость. Иногда татаръ мой затягивалъ свою дико-унылую пѣсню, прерываемую хлопаньемъ бича; иногда останавливались мы на привалѣ минутъ на пять у живописнаго фонтана съ холодною ключевою водою, и освѣженные снова пускались вдоль струившейся рѣчки, быстро бѣгущей съ южнаго ската горъ, среди роскошной благоуханной зелени. Въ Балканахъ мы встрѣтились съ курьеромъ нашимъ, ѣхавшимъ изъ Константинополя. Встрѣча съ русскимъ, въ эту минуту, была самая пріятная. Остановясь на нѣсколько минутъ, мы разспросили другъ друга о всемъ, что тогда было у насъ любопытнаго, и пожелавъ счастли-

ваго пути, разѣхались въ разныя стороны. Спустясь съ горы, намъ открылась великолѣпная долина Карнабатская. Тутъ иная растительность, иное богатство полей и луговъ. Все постепенно указывало приближеніе къ югу. Въ Карнабатѣ, перемѣнивъ лошадей, въ тотъ же день доѣхали до Уранъ-Кіой на ночлегъ. 1-го сентября, проѣхавъ до Факы, ночевали въ д. Канары, 2-го въ г. Молебурджѣ, перемѣнивъ лошадей въ Кирниссеѣ. Въ Молебурджѣ мы долго отыскивали помѣщенія для нашего ночлега; и послѣ долгихъ переговоровъ переводчика моего съ хозяиномъ хана (постоялаго двора) и Мюри-Махметомъ, Малиновскій объявилъ мнѣ, что въ этомъ хану есть одна комната, но хозяинъ боится предложить, потому что изъ нея только что вынесли умершаго отъ чумы. Ознакомясь уже съ чумою и видя невозможность остерегаться отъ нея, прикасаясь безпрестанно ко всему, что проходитъ черезъ руки турокъ, я сдѣлался совершенно равнодушнымъ къ ней, и войдя въ показанную комнату, радъ былъ броситься на низенькій диванъ, служившій, по всей вѣроятности, смертнымъ одромъ умершаго турка, подложилъ подъ себя клеенчатый плащъ, воображая, что онъ защититъ меня отъ заразы, и благополучно проспалъ до слѣдующаго утра, — такъ усталость отъ верховой ѣзды меня утомила.

На слѣдующій день рано утромъ мы выѣхали и въ тотъ день проѣхавъ г. Чорлу, ночевали въ Силивріи, на берегу Мраморнаго моря. Растительность, часъ отъ часу, принимала болѣе характеръ южнаго климата. Платаны, каштановыя деревья, кипарисы, встрѣчаются въ каждой долинѣ. По обѣимъ сторонамъ узкихъ улицъ на открытыхъ стѣнахъ кофейныхъ вѣтвяхъ виноградникъ и сплетаясь сводомъ надъ головою вашею, спускаетъ свои роскошныя кисти. По обѣ стороны этого свода вы видите внутри кофейнь молчаливыхъ турокъ, сидящихъ безпечно въ пестрыхъ костюмахъ за чашкою кофе и за дымящимся наргиле. Вообще вы начинаете ощущать нѣгу востока. Нѣтъ предмета, который бы сходенъ былъ съ предметами, составлявшими до того ваши привычки, вашу обыкновенную жизнь.

4-го сентября, въ субботу, проѣхавъ таможенную заставу въ Кучукъ Чекмедже, мы переѣхали на лодкѣ константинопольскій портъ и къ 4-мъ часамъ пополудни вошли въ домъ нашей коммерческой канцеляріи въ Перѣ, гдѣ г. Македонцевъ, началь-

никъ канцеляріи, озаботился зоготовленіемъ лошадей, чтобы до-
ѣхать немѣшка до Буюкдере.

На 7-й день моего утомительнаго путешествія отъ Рущука, я достигъ Константинополя. На ночлегахъ, когда всѣ окружающіе меня предавались безпечному сну, я вставалъ съ постели, дополнялъ съ памяти всѣ собранныя свѣдѣнія, и не взирая на скорость путешествія и на затрудненія рисовать при свидѣтеляхъ снимаемую мѣстность, мнѣ удалось представить самыя удовлетво-
рительныя свѣдѣнія о пути, мною избранномъ. Тутъ забота моя кончилась, и короткое разстояніе до Буюкдере я могъ проѣхать, не отвлекая себя отъ удовольствія смотрѣть на окружающее съ точки зрѣнія обыкновеннаго путешественника. Это удовольствіе можетъ только понять офицеръ генеральнаго штаба настоящимъ образомъ и оцѣнить эту минуту бездѣйствія послѣ постоянного напряженія во время рекогносцировки.

Въ восьмомъ часу вечера сѣли мы на коней и поскакали тѣмъ же порядкомъ въ Буюкдере. Проѣхали мимо кладбища, самаго живописнаго, въ кипарисовой рошѣ. Начало смеркаться; но мы продолжали скакать, какъ вдругъ татаръ мой, поворотивъ проводника съ выюкомъ далеко вправо отъ дороги, подскакалъ ко мнѣ и въ какомъ то изступленіи заставилъ насъ также сѣсть на значительное разстояніе отъ дороги; не отвѣчая ни слова на наши вопросы, онъ показалъ на показавшуюся толпу, проговоривъ: „султанъ“, — и мы черезъ нѣсколько минутъ увидѣли Махмута, окруженнаго свитою, возвращавшагося въ Константинополь. Въ сумеркахъ, кромѣ пестрой толпы, мы ничего не разглядѣли, и свернувъ опять на нашу дорогу, поскакали далѣе. Подъѣзжая къ Буюкдерской долинь, не убавляя быстроты нашего алюра, мы долго сѣзжали со ската горы и, наконецъ, оставя влѣво извѣстное, по огромной величинѣ и красотѣ своей, платановое дерево, вѣхали въ деревню. Вдоль узкой улицы, подъ сводомъ виноградника, изъ кофеенъ весьма ярко клубился дымъ наргиле и пестрѣлись чалмы сидящихъ турокъ. При освѣщеніи огня, видъ этого свода былъ очаровательный. Наконецъ, выѣхавъ изъ деревни, мы увидѣли слѣва возвышавшіеся прекрасные дома, съ ихъ терасами и садами; вправо ударили волны Босфора на набережную. Мы остановились у воротъ прекраснаго дома, отстающаго отъ рѣшетки на небольшое пространство, изпещренное пирамидами бенгальскихъ

розъ. По обѣ стороны дома двухъ этажные флигеля доходили до улицы. Привратникъ, съ большою предосторожностью, впустилъ меня за рѣшетку, оставя всю свиту мою на улицѣ, и я поспѣшилъ вручить депеши мои повѣренному въ дѣлахъ Мингаки. Пока разбирали шифрованные депеши мои, Мингаки, не зная моего званія, встрѣтилъ меня съ какимъ то смущеніемъ и оставилъ одного въ первой комнатѣ ожидать окончанія ихъ чтенія. Наконецъ вышелъ ко мнѣ опять изъ сосѣдней комнаты, но уже съ самою утонченною вѣжливостью и извиненіями. Секретарь миссіи Карлъ Жерве, которому онъ поручилъ помѣстить меня и успокоить, взялся за свое дѣло съ такою милою привѣтливостью, что черезъ два часа, отужинавъ вмѣстѣ и наговорясь вдоволь, разстались пріятелями. Онъ проводилъ меня въ правый флигель, и въ прекрасныхъ комнатахъ на берегу Босфора, я въ первый разъ легъ на покойную постель, съ спокойнымъ и веселымъ духомъ и проспалъ до утра какъ убитый. Малиновскій, рассчитавшійся съ суруджи и татаринѣмъ, отправился къ знакомому привратнику посланникскаго дома.

5-го сентября, въ воскресенье, пробужденіе мое было самое пріятное. Солнце давно уже освѣтило внутренность моей комнаты, — я взглянулъ въ окно — передо мною красивыя воды Босфора испещрены были и бѣлыми парусами, и пестрыми турецкими каиками. Противный берегъ возвышался съ своими разнообразными кіосками, павильонами, садами; надъ ними господствовала гора Гиганта съ дикою своею фізіономіею, съ гробницею, виднѣвшеюся на вершинѣ. Скоро навѣстилъ меня Жерве и за нимъ внесли намъ завтракъ съ ливанскимъ кофеемъ и съ трубками. Мы бесѣдовали все утро вмѣстѣ, любовались ни съ чѣмъ несравнимою природою — дышали тѣмъ ароматнымъ воздухомъ, который посылаетъ вамъ окружающая растительность черезъ вѣяніе вѣтра Босфора. Въ 2 часа я отправился къ Мингаки, познакомился съ его семействомъ и съ первымъ секретаремъ барономъ Рикманомъ, умнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Вообще жизнь чиновниковъ миссіи самая патріархальная. Здѣсь всѣ связаны тѣснѣе, чѣмъ въ европейскихъ посольствахъ, всѣ живутъ въ одномъ домѣ, составляютъ одно семейство. Здѣсь нѣтъ ни гостинницъ, ни ресторановъ. Всѣ потребности эти соединены въ домѣ посольства —

обѣдъ общій у посланника. Казна отпускаетъ на это особенную сумму.

Пріѣздъ мой въ Константинополь былъ вскорѣ послѣ истребленія янычаръ султаномъ Махмутомъ. Кровавые слѣды преслѣдованія сихъ послѣднихъ еще продолжались. Ужасъ картины этого жестокаго происшествія держалъ еще всѣхъ подданныхъ султана въ нѣмомъ оцѣпененіи. Въ числѣ ихъ пероты—классъ людей особенный отъ другихъ характеромъ, и имѣющій съ европейцами близкія отношенія, но преданные султану—одни, которые осмѣливались, вопреки общему мнѣнію, выражать восторгъ къ кровавому подвигу Махмута, какъ къ просвѣщенному преобразователю своей имперіи. Съ этой эпохи началось и устройство регулярныхъ войскъ въ Турціи. Имѣя порученіе собрать свѣдѣнія о всемъ, что касалось до военнаго преобразованія,—я занялся этимъ предметомъ и представилъ отчетъ въ особенномъ донесеніи, весьма любопытномъ, копія съ котораго и теперь хранится въ моихъ бумагахъ. Между занятіями моими, свободное время я употребилъ для осмотра всего любопытнаго въ Константинополѣ. Не стану описывать этихъ рѣдкостей;—кому онѣ въ настоящее время неизвѣстны? Скажу только, что по тогдашнему характеру этого края, всѣ прогулки въ этомъ отношеніи сопровождались большими затрудненіями, а иногда и непріятностями; какъ потому, такъ и по короткому времени, мнѣ оставшемуся, я все осмотрѣлъ поверхностно; но кажется не упустилъ ничего, что составляло тогда предметъ любопытства путешественника. До 13-го сентября, дня моего выѣзда, я успѣлъ также видѣть окрестности города, осмотрѣть водохранилище Бельграда, батареи Босфора, видѣть любопытное ученье новыхъ регулярныхъ войскъ на площади гиподрома, взойти на первый и второй дворъ султанскаго дворца, гдѣ съ отвращеніемъ взглянулъ на головы, уши и носы несчастныхъ грековъ, украшавшихъ, какъ трофеи, выѣзды въ сераль султана.

Поѣздка въ море.

13-го числа, въ часъ по полудни, я выѣхалъ изъ Буюedere, нанявъ четырехвесельную греческую лодку до Варны за 400 пиастровъ. Намѣреніе мое было осмотрѣть удобныя мѣста для высадки вдоль берега Чернаго моря отъ устья канала до Варны и

потомъ, возвращаясь къ границѣ, обозрѣть береговой путь отъ Варны. Четыре гребца, Малиновскій и татаринъ, данный для конвоя, успѣли со мною въ небольшую лодку, взявъ съ собою продовольствіе на три дня. Мы успѣли въ этотъ день отъѣхать одну милю отъ Фанараки, гдѣ и ночевали подъ открытымъ небомъ, въ кустахъ, покрывавшихъ берегъ. На другой день отправились довольно рано, вѣтеръ дулъ противный, облака начали собираться на небѣ, мелкій дождь съ холодомъ непріятно пронизывалъ насъ, но съ нѣкоторымъ усиленіемъ мы успѣли доѣхать до мыса Карабурну, при которомъ и расположились на ночлегъ.

Крушеніе.

15-ое сентября 1826 г. былъ замѣчательный день моего путешествія. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ берега, западный вѣтеръ началъ дуть сильно, небо стало покрываться тучами; пошелъ мелкій дождь, море взволновалось, дѣлаясь частъ отъ часу бурливѣе; гребцы наши смутились; не имѣя болѣе силы владѣть веслами, они сложили ихъ, предоставя рулевому участь нашего плаванія, и сами замолкли. Въ эту минуту опасности мы не добились отъ нихъ ни одного слова и на вопросы мои они отвѣчали, указывая на небо и преклоняя голову. Буря усиливалась, волны сильнѣе ударяли о бортъ, заливая лодку;—тогда рулевой, внимательный къ своему дѣлу, подалъ знакъ отливать воду. Мы принялись работать, руки костенѣли отъ холода. Начинало смеркаться; нѣсколько часовъ уже какъ берега скрылись изъ вида, ночь была страшная. Порывы вѣтра дѣлались сильнѣе, мы выбились изъ силъ и предвидѣли опасность неминуемую. Каждая волна грозила опрокинуть лодку; но вотъ послѣдній сильный ударъ—лодка не устояла, я ухватился обѣими руками за бортъ—и погрузился въ воду. Я очнулся, слышу вокругъ себя голоса, чувствую себя въ рукахъ одного изъ гребцовъ. Наконецъ я понялъ, что подъ ногами нашими мель. Эта песчаная мель простиралась отъ прибрежныхъ утесовъ на дальнее разстояніе. Промыслъ Божій указалъ это мѣсто для нашего крушенія. Въ водѣ по поясъ, начали мы добираться до ближайшаго острова. Впереди шелъ одинъ изъ гребцовъ, знавшій мѣстность лучше другихъ, и держа одинъ конецъ

весла, подалъ другой Малиновскому, который шелъ сзади, а за него уцѣпился и я. Остальные люди остались распоряжаться лодкою. Шаговъ двѣсти оставалось до острова, вода мелѣла и наконецъ мы благополучно добрались до твердой земли. Съ какою радостью, выйдя на утесъ, мы соединились единою мыслию, осѣнивъ себя крестомъ и возблагодаривъ Господа за чудесное наше избавленіе отъ вѣрной гибели. Съ трудомъ добившись огня и разложивъ костеръ изъ сухихъ сучьевъ въ густомъ кустарникѣ, мы съ усердіемъ принялись грѣться и сушить платье, которое уцѣлѣло на насъ. Шинель, шапка, запасъ нашего продовольствія, — все осталось въ водѣ. Всю ночь мы лежали у огня; но мнѣ было холодно: внутренняя дрожь пробѣгала по всѣмъ жиламъ. Я не могъ уснуть, глаза отяжелѣли, голова горѣла, — это были первые признаки начинавшейся болѣзни.

16-го числа, за 6 миль отъ Миди, мы пристали къ берегу и, взявъ лошадей, отправились верхомъ въ этотъ городъ. Всю дорогу я чувствовалъ лихорадочное состояніе и насилу могъ сидѣть на лошади. На слѣдующій день я не въ состояніи былъ ѣхать далѣе и остался въ хану; но 17-го утромъ, желая дотащиться какъ нибудь скорѣе до границы, мы взяли лошадей и пустились далѣе, но силы начали оставлять меня, жаръ и головная боль до того усилились, что переводчикъ мой долженъ былъ держать меня подъ руку, чтобы я не упалъ съ лошади. Проѣхавъ девять часовъ отъ Миди, кое какъ мы добрались до деревни Серіанъ. Въ этомъ греческомъ селеніи, увидя положеніе мое, жители не хотѣли пустить меня въ дома свои, полагая, что я боленъ чумою, и наконецъ одинъ изъ нихъ сжалился, отведя сарай на концѣ селенія, безъ крыши, куда послали мнѣ въ уголь соломы. Едва я добрался до этой мокрой постели, и покрывшись ковромъ, за дорогія деньги купленный у хозяина, я впалъ въ безпамятство.

Подъ открытымъ небомъ, безъ всякой помощи, подъ дождемъ, лившимъ все время, я пролежалъ въ этомъ положеніи до 24-го числа, и пришелъ въ память около вечера того дня, весьма удивленный, видя себя на хорошей постели въ чистой комнатѣ. Первый предметъ, на который я взглянулъ съ удивленіемъ, это былъ Жерве, пріѣхавшій съ докторомъ.

Этотъ благородный и рѣдкаго сердца другъ, не взирая на кончившійся срокъ ультиматума, данный Портѣ, и не зная еще,

что она приметъ предложенныя условія, но ожидая скорѣе противнаго, слѣдовательно ожидая остаться въ плѣну у турокъ,—онъ, по первому извѣщенію моего переводчика съ посланнымъ татаринѣмъ, тотчасъ взялъ въ Перѣ доктора и прискакалъ ко мнѣ, чтобы избавить отъ вѣрной смерти. Найдя меня въ томъ ужасномъ положеніи, о которомъ онъ и нѣсколько лѣтъ спустя не могъ безъ слезъ вспомнить, онъ завоевалъ, можно сказать, силою хорошую комнату въ этомъ селеніи и на своихъ рукахъ перенесъ меня. Со мною долго хлопотали, чтобы привести въ чувство и къ вечеру, только послѣ кровопусканія, я очнулся. Еще сутки остались мы въ Серіанѣ, чтобы нѣсколько собраться съ силами, и 26-го, въ приготовленной арбѣ, меня уложили на мягкомъ пуховикѣ; возлѣ меня ѣхали Жерве, докторъ и остальные мои спутники. Часто Жерве сходилъ съ лошади, садился у меня въ ногахъ, стараясь развлекать грустныя мои минуты; заботился обо мнѣ, могу сказать, съ нѣжностью рѣдкой дружбы. Три дня мы ѣхали до Буюкдере. 29-го сентября, подъѣзжая къ этому мѣсту, Жерве сѣлъ со мною и навелъ разговоръ на дѣла наши съ Портою. Мало по малу онъ приготовилъ меня къ тому, что три дня тому назадъ кончился ультиматумъ и если наша миссія выѣхала изъ Константинополя, то намъ придется искать убѣжища въ какомъ-нибудь иностранномъ посольствѣ. Тогда я понялъ всю жертву, которую принесъ Жерве его дружбой ко мнѣ—я со слезами бросился ему на шею. Эта чувствительная сцена была прервана встрѣчею съ однимъ изъ чиновниковъ французской миссії, который объяснилъ намъ, что наше посольство въ Буюкдере, что Порта согласилась на всѣ предложенія и что скоро посланникъ нашъ Рибопьеръ долженъ прибыть сюда. Эта вѣсть насъ сдѣлала совершенно счастливыми, и черезъ полчаса я отдыхалъ на постелѣ въ покойной комнатѣ милаго моего товарища; но болѣзнь моя еще продолжалась болѣе мѣсяца, и только 4-го ноября я перешелъ на свою квартиру отъ добраго Жерве.

Остальные два мѣсяца до наступавшаго 1827-го года, я провелъ семейно въ нашей миссії, ожидая извѣстія о времени выѣзда нашего посольства изъ Одессы, дабы воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы обозрѣть еще нѣкоторые пути европейской Турціи, выѣхавъ на встрѣчу посланнику.

Въ крещеніе 1827 года я выѣхалъ изъ Перы, потребовавъ

черезъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ фирманъ отъ Порты, и татаръ для конвоя и взявъ съ собою переводчика. Въ этотъ день я ночевалъ въ Кучукъ-Чекмедже и на пути встрѣтилъ Бея, ѣхавшаго въ какой-то странной каретѣ, запряженной табуномъ лошадей и окруженного многочисленнымъ конвоемъ. 7-го ночевалъ въ Силиврии, 8-го въ Чорлѣ и 9-го въ Киристралѣ. Я нѣсколько часовъ долженъ былъ ожидать въ этомъ селеніи возможности переправиться черезъ Суджакдере. Рѣчка эта, которую переѣзжаютъ обыкновенно въ бродѣ, отъ дождей преобразовалась въ глубокий протокъ. Вода нѣсколько спала и мы кое-какъ переправились вплавь, доѣхавъ 10-го января до Киркиссы, гдѣ отвели мнѣ квартиру у богатаго грека, весьма удобную и покойную. На другой день я ночевалъ, доѣхавъ до Асъ-кіой, и 12-го января въѣхалъ въ Адріанополь, остановясь у нашего консула Іосифа Фонтонна, который принялъ меня съ любезнымъ гостепріимствомъ. М-ле Térèse, хорошенькая дочь его, играла роль милой хозяйки и два дня, проведенные мною въ этомъ семействѣ, были пріятнымъ отдохновеніемъ на скучномъ пути моего долгаго странствованія.

На другой день я имѣлъ аудіенцію у паши и Кіабе адріанопольскаго; расхвалили регулярное турецкое войско; паша былъ тронутъ и велѣлъ собрать полкъ, чтобы показать мнѣ. Этого только мнѣ и нужно было, чтобы убѣдиться въ отлично дурномъ положеніи адріанопольскаго отряда и осмотрѣть казармы и другія военныя учрежденія. Мы оба съ пашою остались другъ другомъ довольны и на слѣдующее утро, 14-го января, я отправился далѣе, проночевавъ въ этотъ день въ Воховѣ, а на другой день въ Ямболѣ.

16-го января я приближался къ Балканамъ прекрасною сливинскою долиною, которая составляла совершенную противоположность съ дикимъ видомъ горъ, довольно возвышенныхъ въ этомъ мѣстѣ. Между утесистыми обрывами мы ѣхали до заката солнца, остановясь въ горахъ, въ дер. Вечера, на ночлегъ. 17-го, проѣхавъ Козанъ, и проночевавъ въ г. Османбазарѣ, 18-го мы доѣхали утромъ до г. Джуманъ. Здѣсь я получилъ извѣстіе о слѣдованіи посланника Рибопьера съ нашею миссіею по Карнабатской дорогѣ. Чтобы сдѣлать обзорѣніе поперечному сообщенію у сѣвернаго ската Балкана, я повернулъ изъ Джуманъ на Драгой-кіой, гдѣ и ночевалъ.

Посольство наше уже проѣхало черезъ это мѣсто и 19-го я

отправился вслѣдъ за онымъ по дорогѣ черезъ горы. Я ѣхалъ скоро и нетерпѣливо, желая нагнать миссію и довершить путь до Константинополя не съ тою одинокою скукою, которая сопутствовала мнѣ въ долгихъ моихъ странствованіяхъ по Турціи. Не доѣзжая Добралы, гдѣ я ночевалъ уже съ посольствомъ вмѣстѣ, перваго русскаго я встрѣтилъ товарища по мундиру прапорщика Веригина, снимавшаго очень прилежно маршрутъ слѣдованія миссіи. Я объявилъ ему, что этотъ путь уже снятъ мною и уговорилъ оставить работу и ѣхать вмѣстѣ далѣе. Мы скоро нагнали прочихъ товарищей и въ этотъ день въ первый разъ я могъ составить уже настоящее понятіе о полковникѣ [Федорѣ Федоровичѣ] Бергѣ, которое впоследствии такъ вѣрно оправдалось¹⁾).

20-го января мы ночевали въ Беймагалеси, 21-го въ Факи, 22-го проѣхали Кизельджиклеси и ночевали въ Буюкъ-баялыкѣ. Здѣсь я оставилъ миссію, чтобы обозрѣть дорогу черезъ Странджу въ Адрианополь. Пробывъ здѣсь два дня, 26-го января я выѣхалъ изъ этого города. При самомъ выѣздѣ изъ онаго меня поразила ужасная картина измученныхъ людей, уже умершихъ и сидящихъ еще на колу по обѣ стороны дороги. Къ вечеру я пріѣхалъ въ Каувши, 27-го въ Люлебургасъ и 28-го въ Силиврию, гдѣ соединился снова съ посольствомъ. 29-го января мы пріѣхали на послѣдній ночлегъ въ Кучукъ-чекмеджи и на другое утро, въ прекрасный лѣтній день, среди покрытыхъ зеленью растеній, мы весело приближались къ Буюкдере. Не доѣзжая онаго, въ Бельградѣ, въ очаровательной рощѣ мы расположились на короткій отдыхъ, обѣдали на чистомъ воздухѣ, — и здѣсь встрѣтили насъ Рикманъ и Жерве, пріѣхавшіе изъ Буюкдере. Всѣмъ этимъ многочисленнымъ обществомъ мы весело довершили путешествіе и разошлись въ разные дома и кіоски прекраснаго помѣщенія нашего посольства.

Съ возвращенія моего до 30-го іюля постоянно я жилъ въ Буюкдере; эти пять мѣсяцевъ, часто повторявшаяся лихорадка прерывала мои занятія по составленію матеріаловъ военнаго обозрѣнія Турціи и разнообразныя поѣздки, которыя такъ увлекательны въ окрестностяхъ Константинополя. Примѣчательнѣйшимъ изъ со-

¹⁾ Здѣсь пропущено двадцать строкъ — въ высшей степени рѣзкаго отзыва о Бергѣ, въ послѣдствіи графъ и фельдмаршалъ. Ред.

бытій въ теченіи этого времени была аудіенція посланника со всѣми нами у султана, которая, по обычаямъ тогдашняго времени, дѣлалась съ церемонією, представлявшею рядъ униженій передъ падишахомъ турецкимъ, и мы въ нашихъ мундирахъ иностранной коллегіи съ треугольными шляпами и сверху надѣтыми керене, должны были казаться весьма каррикатурными существами въ сравненіи съ богатыми костюмами турокъ, которые такъ щедро надѣляли насъ презрительнымъ взоромъ и улыбкою. Вообще же жизнь наша была въ кругу посланниковъ европейскихъ державъ, и время текло съ удовольствіемъ. Генераль Гильмино съ милымъ семействомъ, Страутфортъ Каннингъ и жена его, урожденная Бларамбергъ и русская подданная, составляли общество, которое доставляло намъ ежедневное разсѣяніе. Изъ молодыхъ людей иностранныхъ миссій, всѣхъ ближе съ нами были французы, потомъ нѣсколько англичанъ и одинъ испанецъ Кордоба. Съ нѣмцами русскіе плохо сходились; и теперь, когда еще въ памяти у меня имена французовъ: Бенію, Роже, англичанина Букенина; я не упомяну ни одного нѣмца. Такова натура русская. 30-го іюня я выѣхалъ изъ Буюедере для обозрѣнія окрестностей и разставшись 1-го іюля въ Кучукъ-чекмедже съ Веригинымъ, отбѣжавшимъ въ Россію, ночевалъ въ Деркосѣ, близъ котораго случилось со мною непріятное происшествіе. Отъ Деркоса идетъ цѣпь Странджи до самаго пролива, вдоль береговъ Чернаго моря и на нѣкоторомъ отъ него разстояніи. Все это пространство мало заселено и мало проѣзжаемо. Подъ предлогомъ охоты мы были снабжены позволеніемъ отъ Порты (особеннымъ тескере) для свободного проѣзда въ окрестностяхъ Константинополя, и съ однимъ переводчикомъ, имѣя ружье за плечомъ, мы отправились на лихихъ арабскихъ коняхъ на рекогносцировку. Отбѣхавъ на нѣсколько часовъ разстоянія отъ Деркоса, по самымъ глухимъ мѣстамъ, заросшимъ кустарникомъ, мы замѣтили развалины небольшого каменнаго домика и къ нижнимъ оконнымъ рѣшеткамъ привязанныхъ верховыхъ лошадей съ турецкими сѣдлами. Желая узнать названіе какой-то деревни, видѣнной мною вдали, мы поскакали къ домику, — и каково было наше удивленіе, когда заглянувъ въ окошко въ подвальный этажъ, мы увидѣли двухъ человѣкъ, раздѣвающихъ окровавленное тѣло. По нашему шуму, эти люди бросили свою добычу, чтобы выбѣжать къ намъ; но мнѣ пришло

на умъ прежде, чѣмъ ускакать за моимъ переводчикомъ, который гнался во всю прыть, не оглядываясь, отрѣзая поводья у привязанныхъ лошадей и отогнать ихъ. Выхвативъ кинжалъ и исполнивъ это съ такою быстротою, ударивъ нагайкою по испуганнымъ лошадямъ, что разбойники бросились сначала къ лошадямъ, увидѣли меня уже на довольно далекомъ отъ себя разстояніи, догоняющаго моего переводчика. Видя, что поймать лошадей своихъ пройдетъ много еще времени, одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ изъ ружья въ меня, но пробилъ только пулею раздувавшійся воротникъ моей шинели. Когда я догналъ переводчика, онъ былъ въ большомъ страхѣ на счетъ меня, полагая, что я остался въ рукахъ разбойниковъ. Мы скакали болѣе 6 верстъ во всю прыть, пока доѣхали до постовъ таможенной стражи, гдѣ отдохнувъ отъ всѣхъ ощущеній неожиданнаго происшествія, отправились на ночь легъ въ Буюкдере.

26-го сентября, въ понедѣльникъ, товарищи мои проводили меня на купеческій корабль „Графиня Воронцова“, капитанъ Селищъ. Онъ отплывалъ въ тотъ день въ Одессу, и я получивъ отъ правленія мое, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поспѣшить увезти всѣ собранныя свѣдѣнія о Турціи, сношенія съ которою часъ отъ часу дѣлались двусмысленнѣе и ожидали какъ съ той, такъ и съ другой стороны неминуемаго разрыва. Выѣхали утромъ 26 сентября изъ Босфора; насъ сильно качало первый день и я первый разъ подвергся самой жестокой морской болѣзни. На другой день вѣтеръ былъ попутный, волненіе небольшое, и приѣдъ въ нормальное свое положеніе, первый предметъ, который явился глазамъ моимъ, былъ нѣкто Дайнези (?) тотъ самый, котораго по совѣту Берга, мы остерегались въ Константинополѣ, какъ шпиона турецкаго, и который послѣ сдѣлался адъютантомъ Берга, будучи вышшенъ имъ до степени генерала. Тотъ самый, который въ минуту моего свиданія на кораблѣ, въ бѣдномъ одѣяніи, безъ будущности, готовъ былъ, можетъ быть, сдѣлаться камердинеромъ у какого нибудь знатнаго барина, теперь съ чиномъ, съ богатствомъ, съ связями, самъ открываетъ свои гостинныя для Петербургскаго большаго свѣта. Это вполнѣ авантюристъ, счастливо попавшій подъ знамена Берга. Они поняли другъ друга, или, какъ гласитъ русская пословица: „рыбакъ рыбака видитъ издалека“. На обоихъ

отпечатокъ жидовскаго отродія; но мнѣ кажется Дайнези (?) лучше: по крайней мѣрѣ онъ умнѣе.

Пробывъ въ морѣ четыре дня, на пятый, т. е. 30-го числа, я вступилъ въ карантинъ, гдѣ высидѣвъ 15 скучныхъ дней, явился въ Одессѣ къ гр. Воронцову, который принялъ меня съ особеннымъ радушіемъ. Черезъ нѣсколько дней я прибылъ въ Петербургъ и представилъ Дибичу отчетъ о своемъ порученіи, за которое былъ награжденъ чиномъ капитана и орденомъ Владимира 4-й степени.

V.

Турецкая война 1828 года.—Знакомство съ будущею женою.

Въ теченіи наступившей зимы, приготовленія къ войнѣ съ Турціею принимали оборотъ весьма важный, и мы не сомнѣвались, что съ весною откроется кампанія. Въ ожиданіи этого времени, въ декабрѣ 1827 года, я познакомился въ домѣ Веригиныхъ, изъ котораго суждено мнѣ было избрать будущую жену мою. Но въ то время я не остановился ни на какомъ положительномъ намѣреніи и оставилъ Петербургъ съ нѣкоторымъ сознаніемъ моего къ ней неравнодушія.

Выѣздъ изъ Петербурга и прибытіе подъ Браиловъ.

14-го апрѣля 1828 года былъ день моего выѣзда изъ Петербурга. Проѣхавъ Кишиневъ 28-го числа и 29-го въ воскресенье оставивъ коляску у начальника Леовской карантинной заставы, я сѣлъ на перекладную и доѣхалъ до Фальчи, перваго молдавскаго мѣстечка, гдѣ и ночевалъ. На другой день, продолжая путешествіе и проѣзжая многія селенія, тамошніе священники встрѣчали насъ съ крестомъ и святою водою и благословляли насъ на предстоящіе подвиги. Такъ сочувствіе единовѣрцовъ было велико. 2-го мая, ночью, я пріѣхалъ въ Хаджи-Капитанъ, лагерь главной квартиры 2-й арміи, близъ крѣпости Браилова, а на другой день явился къ князю Петру Дмитриевичу Горчакову, генералъ-квартирмейстеру арміи. Въ теченіи слѣдующихъ дней прибыла осадная артиллерія, потомъ Его Высочество великій князь Михаилъ Павловичъ и 10-го прибылъ Государь.

13-го числа открытъ былъ первый огонь съ нашихъ батарей;

въ 6 часовъ по полудни Государь лично обозрѣвалъ крѣпость, и когда остановился на казачьемъ курганѣ, то непріятельское ядро докатилось до близкаго разстоянія отъ его лошади. Въ тотъ же день Государь выѣхалъ къ Сатунову, гдѣ расположилась императорская главная квартира.

П е р в ы я п у л и.

14-го мая окончена была 2-я паралель и по утру, когда я находился дежурнымъ при графѣ Дибичѣ, то онъ послалъ меня съ Урюпинскаго кургана осмотрѣть осадныя работы третьей паралели. Отдавая приказанія, онъ прибавилъ, чтобы я отстянулъ эполеты и аксельбанты, чтобы не быть цѣлью непріятельскимъ выстрѣламъ и велѣлъ въ траншеяхъ сойти съ лошади. Но я предложилъ ему, что я объѣду всѣ работы верхомъ и такимъ образомъ онъ можетъ видѣть издали какъ идетъ чертежъ нашихъ линій. Онъ что-то возразилъ на это, но я, поспѣшая исполнить первое порученіе подъ огнемъ непріятеля, не снявъ ни эполетъ ни аксельбантовъ, поскакалъ къ крѣпости. Доѣхавъ до работъ, я взялъ карандашъ и бумагу и началъ рисовать линіи нашей паралели и шагомъ объѣхалъ оную. Между тѣмъ изъ крѣпостнаго вала посыпались турецкія пули на меня; но невредимымъ окончилъ порученіе и возвратился съ донесеніемъ къ гр. Дибичу. Выслушавъ меня и осмотрѣвъ поданный рисунокъ, онъ взялъ меня за руку, поблагодарилъ съ жаромъ и съ такою же пылкостью сдѣлалъ выговоръ, зачѣмъ я безъ всякой нужды вызывалъ на себя непріятельскія пули; „эта храбрость неумѣстная“, сказалъ онъ, „но впрочемъ вы исполнили ваше дѣло какъ славный офицеръ“.

Выѣздъ въ императорскую главную квартиру.

Осадныя работы еще продолжались, когда я получилъ приказаніе ѣхать въ императорскую главную квартиру, гдѣ и назначенъ былъ капитаномъ надъ вожатыми. 20-го мая, вечеромъ, съ товарищемъ моимъ барономъ Ливеномъ, мы выѣхали изъ Хаджи-Капитана, 21-го прибыли въ Галацъ и ночевали въ тотъ день въ Тулутештѣ, 22-го въ Вадумо-Исаки, 23-го въ Бѣлградѣ и 24-го въ Сатуновѣ. Черезъ три дня я участвовалъ въ дѣлѣ при переправѣ черезъ Дунай у Сатунова.

Дѣло при Сатуновѣ.

Ночью съ 26 на 27-е число мая отправился я на переправу и, найдя тамъ начальника штаба корпуса Рудзевича князя Горчакова, и зная его еще 10 лѣтъ тому назадъ въ главной квартирѣ 1-й арміи, выпросилъ позволеніе остаться при немъ; предполагая, что по обязанности моей капитана надъ вожатыми, я не буду нуженъ въ свитѣ Государя. Береговая батарея о 20-ти орудіяхъ была въ готовности, равно и флотилія на Дунаѣ, расположившаяся лѣвѣе батареи. Съ разсвѣтомъ флотилія и батарея открыли сильный огонь, между тѣмъ переправа производилась егерскою бригадою 7-й пѣхотной дивизіи въ небольшихъ лодкахъ запорожскихъ казаковъ, перешедшихъ на нашу сторону по старанію дяди моего Сергѣя Алексѣевича. Вмѣстѣ съ княземъ Горчаковымъ я спрыгнулъ въ одну изъ этихъ лодокъ и, подъ сильными выстрѣлами непріятеля, мы благополучно пристали къ противоположному берегу съ частью егерей нашихъ и заняли болотистый лѣсъ, на правомъ флангѣ непріятельской позиціи находившійся. Между тѣмъ, мало по малу, лодки подходили къ правому берегу съ егерскими баталіонами и когда отрядъ нашъ нѣсколько усилился, то мы пошли съ егерями впередъ. Турецкая цѣпь отступила и съ подошедшими къ намъ двумя баталіонами изъ лѣса, мы двинулись рѣшительно на флангъ баттарей непріятельскихъ. Турки бѣжали и батареи достались намъ съ ихъ 16-ю орудіями и снарядами. На одной изъ сихъ баттарей, непріятель успѣлъ сдѣлать взрывъ, отъ котораго погибли нѣсколько нашихъ егерей, но вообще переправа черезъ Дунай стоила намъ не болѣе ста человекъ убитыми и ранеными. Гать черезъ низменную долину Дуная заслуживала особаго вниманія по ея построенію. На другой день переправились уже двѣ дивизіи и 24 орудія 3-го корпуса.

Послѣ сраженія я возвратился въ главную квартиру и встрѣтился съ генераль-квартирмейстеромъ гр. Сухтеленемъ, который изъявилъ неудовольствіе, что я не остался при немъ за три версты отъ мѣста сраженія, а самовольно прикомандировалъ себя къ 3-му корпусу. Слѣдствіемъ этого два изъ товарищей моихъ, не бывъ за Дунаемъ, получили золотыя шпаги за храбрость, а я не былъ представленъ ни къ какой наградѣ, хотя князь Горчаковъ и употреблялъ къ тому всѣ старанія.

Выступленіе за Дунай и походъ къ Шумлѣ.

31-го мая выступила главная квартира изъ Сатунова и расположилась при визирскомъ курганѣ.

1-го іюня мы дошли до Фрикаге, а на другой день выступили къ Бабадаху. Я велъ Государя. Во время перехода Его Величество, выѣхавъ на высокую гору противъ деревни Хаджидаръ-кіой, любовался прекраснѣйшимъ видомъ мѣстоположенія, въ окрестностяхъ озера Разельскъ и Бабадаха. Онъ подозвалъ меня и разговаривалъ со мною о моемъ обозрѣніи въ Турціи, и вообще былъ ко мнѣ весьма милостивъ.

Не доходя Бабадаха, мы замѣтили небольшую толпу, которая ожидала Государя съ хлѣбомъ и солью. То были старшины не-красовцевъ, перешедшихъ подъ скипетръ Россіи. Государь разговаривалъ съ ними милостиво и когда при отъѣздѣ замѣтилъ, что они ожидаютъ чего-то и не расходятся, спросилъ причину и получилъ въ отвѣтъ, что они ждутъ благодѣтеля и покровителя своего генерала Сергѣя Алексѣевича Тучкова. Сергѣй Алексѣевичъ по нездоровью ѣхалъ въ коляскѣ позади императорской главной квартиры. Государь дождался его приѣзда и былъ свидѣтелемъ какъ они съ радостью и уваженіемъ встрѣтили старика дядю, поднеся ему также хлѣбъ-соль. Сергѣй Алексѣевичъ ѣхалъ до Бабадаха, окруженный атаманомъ Гладкимъ и его свитою. Тутъ онъ остался управлять занятою Бабадахскою областью.

3-го іюня мы имѣли дневку въ лагерѣ при Бабадахѣ. Государь осматривалъ въ тотъ день этотъ городокъ. На другой день мы расположились на ночлегъ въ лагерѣ при рѣкѣ Бейдаутъ, у моста Потуръ. 5-го, при рѣкѣ Ташадлѣ; я былъ посланъ въ этотъ день открыть сообщеніе съ Кагарлыкомъ, и возвратился ночью. 6-го числа мы дошли до р. Карассу у с. Каратая, противъ Троянова вала. При Карассу мы оставались до 24-го числа, перешедъ 12-го ближе къ мѣстечку того же названія. 7-го числа кн. Илья Долгорукій, адъютантъ Его Высочества Михаила Павловича, привезъ извѣстіе о неудачномъ штурмѣ Браилова и о понесенной нами значительной потери; но не долго мы оставались подъ влияніемъ этой несчастной вѣсти и на другой день адъютантъ Биби-ковъ привезъ другое извѣстіе о покореніи крѣпостей Браилова и

Мачина. Въ тотъ же день было молебствіе по этому случаю. 12-го получено было донесеніе о взятіи крѣпостей Гирсовы и Кюстенджи, откуда привезены были знамена сихъ крѣпостей. За новый успѣхъ принесено было вновь благодареніе Богу и 14-го Государь отправился въ Кюстенджи, возвратясь въ тотъ же день обратно въ лагерь.

Пребываніе наше при Карассу заключилось извѣстіемъ о сдачѣ нашимъ войскамъ кр. Тульчи и о покореніи кр. Анапы. Эту послѣднюю вѣсть привезъ флигель-адъютантъ гр. Алексѣй Толстой 20-го числа, и того же числа Государь присутствовалъ при молебствіи.

Отъ Карассу мы выступили съ главной императорской квартирой 24-го іюня; 25-го іюня ночевали въ Мусабеи, 26-го въ лагерь при Базарджикѣ, гдѣ оставались до 3-го іюля. Непріятеля мы не ожидали встрѣтить ранѣе Шумлы и потому эти переходы казались прогулкою, пока погода была благоприятная и маркитанты безъ затрудненія подвозили разные припасы. 29-го числа, въ день именинъ моихъ, я угостилъ у себя въ палаткѣ товарищей моихъ. Безпечно предаваясь туманнымъ надеждамъ на будущіе военные подвиги, молодое воображеніе наше заносилось далеко за предѣлы обыкновенной существенности, но намъ было весело. Собесѣдниками были: Шенигъ, Искрицкій, Веригинъ, Казадаевъ, Галяминъ, Ив. Веймарнъ, Гоноропуло. Выступивъ 3-го іюля и проведя ночь у р. Ушенли, 4-го числа мы дошли до м. Козлуджи, 5-го до р. Туркарнаустаръ-дере. Государь, проѣхавъ нѣсколько верстъ далѣе сего ночлега, взѣхалъ на высокій курганъ, съ котораго можно было обозрѣть возвышенія около Шумлы, и подозвавъ меня, спрашивалъ объ окрестностяхъ этой крѣпости.

6-го числа іюля переходъ нашъ совершился до Яникіой, въ 4 верстахъ позади Янибазара, гдѣ былъ расположенъ 3-й корпусъ. Государь осмотрѣлъ при Янибазарѣ позицію и, объѣхавъ аванпосты, возвратился въ лагерь. 7-го числа гр. Дибичъ приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ на рекогносцировку по направленію къ Шумлѣ. Осмотрѣвъ всѣ направленія, къ оной ведущія, я былъ посланъ привести авангардъ нашъ и расположить оный 5 верстъ впереди Янибазара. Тутъ же находилась и императорская главная квартира. Государь, прибывъ въ лагерь, приказалъ мнѣ вести его на

встрѣчу Дибичу, который долженъ былъ возвращаться съ рекогносцировки. Его величество весьма благосклонно шутилъ и разговаривалъ со мною въ продолженіи всей этой поѣздки.

Дѣло при Шумлѣ.

8-го іюля, 3-й корпусъ, построясь въ боевой порядокъ, слѣдовалъ впередъ; за нѣсколько верстъ до Шумлы показался непріятель, вышедшій значительными силами изъ крѣпости. Государь находился лично при войскахъ и посылалъ приказанія Рудзевичу. Одно изъ таковыхъ приказаній поручено мнѣ было передать ему; возвращаясь обратно къ государю, я встрѣтилъ сѣрую лошадь, скакавшую безъ всадника и тѣмъ возвѣстила о смерти одного изъ товарищей. Проѣзжая мимо батареи нашей, я увидѣлъ, что между орудіями лежало тѣло убитого ядромъ флигель-адъютанта Реада. Онъ былъ пораженъ въ то время, какъ устанавливалъ орудія этой батареи. Послѣ нѣкотораго сопротивленія турки удалились въ крѣпость и войска наши заняли позицію передъ крѣпостью. Государь съ главною своею квартирою расположился при Буланлыкѣ. 9-го числа іюля я сопровождалъ государя въ обзорѣни его праваго фланга занятой позиціи, а 10-го — лѣваго фланга и редутовъ, войсками выстроенныхъ. Въ тотъ же день главная квартира передвинулась ближе къ Шумлѣ въ новый лагерь.

Рекогносцировка на лѣвомъ флангѣ.

Черезъ нѣсколько дней пронеслись слухи, что турецкій отрядъ, вышедшій изъ Праводъ, взялъ направленіе на лѣвый флангъ нашей позиціи. Мнѣ поручено было съ отрядомъ, предназначеннымъ для рекогносцировки, удостовѣриться въ справедливости таковыхъ слуховъ. Отрядъ состоялъ изъ одного баталіона пѣхоты, двухъ казачьихъ орудій и эскадрона лейбъ-казаковъ. 14-го іюля мы выступили изъ лагеря во 2-мъ часу по полудни, дошли до дер. Мадерни и, оставивъ отрядъ на позиціи, я съ полуэскадронномъ казаковъ произвелъ рекогносцировку по направленію къ Маковщинѣ. Въ одномъ изъ селеній я захватилъ двухъ жителей и по разпросамъ на дальнее оттуда разстояніе, непріятеля нигдѣ

не показывалось. Жителей этихъ я привелъ съ собою и по недостатку въ проводникахъ, оставилъ ихъ при главной квартирѣ. Возвращаясь на другой день въ лагерь, я нашелъ его на новомъ мѣстѣ, на томъ самомъ, гдѣ былъ лагерь гр. Каменскаго въ 1809-мъ году. 16-го числа на правомъ флангѣ нашей позиціи была занята новая высота послѣ дѣла, продолжавшагося непродолжительное время.

Дѣла 17-го, 18-го и 19-го іюля.

Получивъ назначеніе состоять въ должности оберъ-квартирмейстера отряда генераль-лейтенанта Ридигера, имѣвшаго порученіе дѣйствовать на сообщенія въ тылу Шумлы, 17-го числа мы выступили, во 2-мъ часу по полудни, съ тремя съ половиною баталіонами, восемью орудіями и бригадою гусаръ по направленію къ Чифлику. Непріятель въ числѣ 1000 человекъ занималъ позицію при этой деревнѣ и готовился защищаться; но егерскій полкъ, находившійся въ головѣ, открылъ огонь застрѣльщиками, а остальные баталіоны штыками заставили уступить выгодную позицію на высотахъ передъ деревнею, на которой мы и расположились бивуакомъ. Перестрѣлка стрѣлковъ продолжалась до поздняго вечера.

18-го числа я получилъ повелѣніе съ двумя ротами егерей и тридцатью казаками сдѣлать усиленную рекогносцировку къ Емистамбулу. Выступивъ съ разсвѣтомъ и переправясь черезъ рѣку Буюкъ-камчикъ, направленіе мое было въ нѣкоторомъ разстояніи отъ сей рѣчки и вдоль оной, къ дер. Велпбейкюй. Начальствуя самъ этимъ небольшимъ отрядомъ и подходя къ вышеозначенной деревнѣ, я замѣтилъ на правомъ флангѣ моемъ непріятельскую кавалерію изъ 800 человекъ, слѣдовавшую вдоль лѣваго берега рѣчки Буюкъ-камчика. Пройдя деревню, мнѣ надлежало спуститься въ долину рѣчки, чтобы слѣдовать къ Емистамбулу; но увидя непріятеля, я остановился на высотѣ и построился на оной, ожидая нападенія. Въ это время посланный отъ г. Ридигера, который съ высоты наблюдалъ за движеніемъ турецкаго отряда противъ меня, привезъ приказаніе немедленно присоединиться къ нему и извѣстіе, что непріятель въ числѣ двухъ тысячъ человекъ,

построясь въ три линіи противъ позиціи генер. Ридигера, намѣренъ атаковать его. Я началъ отступленіе и полагалъ, въ случаѣ атаки турокъ, держаться къ дер. Велибей-кію; но непріятель, не преслѣдуя меня, тою же дорогою возвратился къ своему отряду. Тогда поспѣшивъ къ мѣсту сраженія нашего главнаго отряда, мнѣ надлежало проходить мимо праваго фланга линій непріятеля, которыя были отдѣлены отъ меня рѣкою Буюкъ-камчикомъ и густыми кустами по долину оной. Поровнявшись съ высотой непріятельскихъ линій, и желая воспользоваться случаемъ нахожденія моего на флангѣ турецкой позиціи,—я съ небольшимъ отрядомъ своимъ поворотилъ къ рѣчкѣ. Въ кустахъ, скрывавшихъ мое движеніе, я переправился черезъ оную, и построивъ казаковъ влѣво, а пѣхоту въ двѣ ротныя колонны, бросился на непріятеля изъ лѣса. Неожиданность моего появленія во время дѣйствія артиллеріи генерала Ридигера съ фронта, совершенно разстроила турокъ и они бѣжали съ позиціи. Я съ казаками погнался за двумя орудіями, которыя турки спѣшили увезти; но большое разстояніе, насъ раздѣлявшее, не допустило совершить мое намѣреніе. Очистивъ такимъ образомъ пространство впереди г.-л. Ридигера, я соединился съ нимъ и генераль Ридигеръ, храбрый въ душѣ, разцѣловалъ меня, и съ этого дня имѣлъ ко мнѣ совершенную довѣренность. Вечеромъ генераль Ивановъ присоединился къ намъ съ одною бригадою.

19-го іюля 1828 г.

На слѣдующій день генераль Тарбѣвъ смѣнилъ насъ у Чифлика, а мы направились на Емистамбулъ. Кавалерія слѣдовала по дорогѣ на Велибей-Кію; пѣхота же, отрядивъ авангардъ, потянулась по лѣвому берегу р. Урано. Подходя къ мосту черезъ эту рѣчку, мы нашли его разобраннѣмъ и дорогу заложенную камнями. Остановясь при этомъ препятствіи, турки, засѣвъ въ оврагѣ вдоль направленія нашей колонны, внезапно открыли огонь на нашъ флангъ. Тогда генераль Ридигеръ, отрядивъ одинъ баталіонъ въ стрѣлки, приказалъ ему вытѣснить непріятеля и прикрывать флангъ нашъ до тѣхъ поръ, пока исправленъ будетъ мостъ. Генер. Ридигеръ приказалъ мнѣ устроить скорѣе переправу

и я поспѣшилъ въ авангардъ нашъ. Не смотря на огонь непріятеля, мостъ въ скоромъ времени былъ готовъ и непріятель, защищавшій переправу изъ завала, набросаннаго изъ каменьевъ, принужденъ былъ оставить его едва мы перебѣжали съ егерями черезъ мостъ. Вся пѣхота перешла черезъ Урано съ маловажною потерю. Потомъ до Емистамбула мы не встрѣтили никакого сопротивленія. Подходя съ пѣхотою къ Емистамбулу, мы увидѣли нашу кавалерію въ самомъ мѣстечкѣ. Она успѣла захватить нѣсколько чело-вѣкъ плѣнныхъ и отбить обозъ съ фуражемъ, слѣдовавшій къ Шумлѣ. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что непріятель укрѣпился въ Балканахъ, занявъ ущелье при Драгой-кіой двумястами чело-вѣкъ и при Чалыевокъ 6-ю орудіями и 3000 войска, заградивъ такимъ образомъ проходъ въ большіе Балканы.

Сего-же числа генералъ Тарбѣвъ, близъ оставленной нами позиціи, имѣлъ жаркое дѣло съ превосходными силами непріятеля; былъ отбитъ и прогнанъ. Не генералу Тарбѣву отрядъ его обязанъ спасенію, а находившемуся при этомъ отрядѣ офицеру генеральнаго штаба Веймарну, который былъ поставленъ въ исключительное положеніе: отдаливъ пьянаго генерала, распоряжался лично, не допустивъ отступить отряду по приказанію Тарбѣва, построилъ оный въ каре и на мѣстѣ отбилъ всѣ атаки непріятеля. Въ семь дѣлъ много содѣйствовалъ Веймарну командиръ Александрійскаго гусарскаго полка полковникъ Александръ Захарьевичъ Муравьевъ. Тарбѣвъ вслѣдъ за симъ былъ удаленъ изъ арміи. Вѣсть объ отрядѣ Тарбѣва заставила насъ оставить намѣреніе сдѣлать усиленную рекогносцировку на Костежъ и на разсвѣтъ 20-го числа мы возвратились на подкрѣпленіе Тарбѣву. Дойдя до деревни Велибей-кіой и узнавъ, что непріятель ничего болѣе не предпринималъ, мы расположились между Велибей-кіой и переправой черезъ Буювъ-камчикъ. На этой позиціи намъ вѣрно было укрѣпиться, и оставивъ тамъ бригаду егерей, возвратиться въ общій лагерь. Ночью на 21-е число два редута были окопаны и заняты. Постъ сей имѣлъ назначеніе дѣйствовать на сообщеніе отъ Шумлы на Драгой-кіой и Емистамбулъ. 21-го генералъ Ридигеръ съ остальными войсками возвратился въ лагерь подъ начальство принца Евгенія Виртембергскаго, заступившаго мѣсто генерала Войнова въ командованіи 7-мъ корпусомъ. Я возвратился въ главную квартиру императора. За

эту экспедицію я былъ представленъ къ банту на имѣвшійся крестъ св. Владиміра. Офицеры, при мнѣ находившіеся, были: гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Искрицкій, генеральнаго штаба подпоручики Дитмаръ и Сазановичъ и польскаго гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Шимановскій.

Дѣйствія отряда г.-л. Ридигера къ Емистамбулу и далѣе.

Прошло десять дней въ бездѣйствіи моемъ при главной квартирѣ, всегда скучномъ въ военное время, и 30-го вечеромъ я съ радостью поспѣшилъ явиться г.-л. Ридигеру для отправленія должности оберъ-квартирмейстера отряда, предназначеннаго для дѣйствія на сообщеніе кр. Шумлы.

Въ ночь съ 30-го на 31-е іюля, отрядъ выступилъ изъ лагеря подъ Шумлою въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ изъ дивизіона гусарскаго принца Оранскаго полка, одного батальона 38-го егерскаго и войскъ, занимавшихъ редутъ у дер. Велибей-кіой, подъ командою флигель-адъютанта полковника Плаутина, выступивъ ночью, прибылъ въ Емистамбулъ къ разсвѣту 31-го числа. Главный же отрядъ, имѣя въ головѣ дивизіонъ принца оранскаго гусарскаго полка и ахтырскій гусарскій полкъ съ конною ротою № 6, былъ составленъ изъ 1-й бригады 19-й пѣхотной дивизіи, украинскаго полка батарейной № 1 роты, 6-ти орудій легкой № 3 роты и роты 7-го піонернаго батальона, которые слѣдовали въ одной походной колоннѣ. Съ разсвѣтомъ 31-го числа, прибывъ къ редуту противъ Чиflikа и смѣнивъ въ ономъ 3-ю бригаду 19-й пѣхотной дивизіи украинскимъ полкомъ, оставшимся въ командѣ г.-м. Дурново, и давъ войскамъ отдыхъ около двухъ часовъ, г.-л. Ридигеръ продолжалъ слѣдованіе къ Емистамбулу. При этомъ селеніи весь отрядъ расположился между Емистамбуломъ и Осмаромъ. Три дивизіи гусаръ, съ конною ротою № 6, построились въ боевомъ порядкѣ на возвышенности лѣваго берега Камчиѣа противъ дороги, ведущей въ Чиflikъ. Передъ сею позиціею батальонъ днѣпровскаго полка расположился для занятія лѣса и наблюденія дороги. Дивизіонъ гусаръ, на возвышеніи противъ деревни Осмаръ, наблюдалъ равнину по направленію деревни Костежъ. Пѣхота заняла двумя батальонами 37-го егерскаго полка и однимъ 38-го—скать возвышенія, обращеннаго къ Емистамбулу,

имѣя въ интервалахъ между батальонами по 6-ти орудій батарейной № 1 роты; два батальона азовскаго полка, съ 4-мя орудіями легкой № 3 роты, заняли противоположный скатъ передъ дер. Осмаръ, а на самой высотѣ расположился батальонъ днѣпровскаго полка съ двумя легкими орудіями. Одинъ батальонъ 38-го егерскаго полка занялъ кладбище въ самомъ селеніи. По обозрѣніи мѣста, удобнаго для заложения редута противъ сообщенія, ведущаго отъ ущелья р. Камчика на Костежъ, того же числа приступлено было къ построению онаго. На другой день онъ былъ оконченъ и занятъ тремя орудіями батарейной № 1 роты и батальономъ азовскаго полка. Тутъ же приступлено было къ заложению другаго редута на два орудія и одну роту на высотѣ позади перваго. Цѣль сего послѣдняго укрѣпленія состояла въ томъ, что бы прикрыть лѣвый флангъ вновь избранной позиціи, болѣе обезпечить первый редутъ, обстрѣливая пространство, вправо къ подошвѣ горъ простирающееся и что бы пресѣчь дорогу изъ Джумаи и Костежа, правѣ Емпстамбула, ведущую къ ущелью Камчика.

2-го августа второй редутъ былъ оконченъ и два орудія ввезены въ оный. Между тѣмъ пѣхота нашего отряда заняла новую позицію, применивъ лѣвый флангъ свой къ этому редуту. 2-й батальонъ 38-го егерскаго полка занялъ оба редута, остальные полки 1-й и 3-й бригады расположились слѣдующимъ образомъ: два батальона 37-го егерскаго полка въ первой линіи въ батальонныхъ каре, имѣя между собой три батарейныя орудія; 1-й батальонъ 38-го егерскаго полка и 2-й днѣпровскаго на лѣвомъ флангѣ по батальонно уступамъ, между 1-мъ и 2-мъ уступами стало 4 батарейныя орудія. На правомъ флангѣ два батальона азовскаго полка построились такимъ же порядкомъ. Между 1-мъ батальономъ 37-го егерскаго и 2-мъ азовскаго поставлены были 4 мелкихъ орудія и два въ резервѣ съ батальонами въ 3-й линіи. Кавалерія осталась на прежней позиціи. Передъ нею 1-й батальонъ днѣпровскаго полка съ двумя ротами занялъ лѣсъ, а остальные двѣ роты прикрывали вагенбургъ, расположенный позади праваго фланга кавалеріи. Деревня Емпстамбулъ въ тотъ же вечеръ была совершенно истреблена огнемъ.

Получивъ извѣстіе, что огни непріятельскіе весьма умножились на высотахъ при деревнѣ Костежи, и дабы проникнуть въ тылу

крѣпости Шумлы по возможности далѣе, г.-л. Ридигеръ вознамѣрился предпринять усиленную рекогносцировку къ Костежскому ущелью. Нападеніе наше назначено было 3-го числа и наканунѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы три дивизіона гусаръ, съ 8-ю конными орудіями, и одинъ баталіонъ днѣпровскаго полка, съ однимъ батарейнымъ орудіемъ, оставались на занимаемыхъ мѣстахъ подъ начальствомъ г.-м. Рикорда, которому были подчинены и два построенные редута. Въ тотъ же вечеръ, 2-го августа, г.-л. Ридигеръ поручилъ мнѣ обозрѣть пути къ Костежу.

Рекогносцировка 2-го августа 1828 г.

Обозрѣніе я совершилъ весьма удачно и, не взирая на опасность среди непріятельской цѣпи, я съ однимъ казакомъ проползъ между турецкими ведетами въ кустахъ и дошелъ до возвышеній, откуда видѣлъ весь освѣщенный огнями лагерь непріятеля въ ущельи. Такимъ образомъ я запомнилъ путь, по которому мнѣ предстояло вести колонну на фланги батареи, заграждавшей ущелье и въ тылъ оной. Возвращеніе мое также совершилось благополучно; не всякій можетъ вообразить мое нетерпѣніе и радость, когда пройдя цѣпь непріятельскую, я добрался до моей лошади, оставленной съ другимъ казакомъ и скрытой за густыми деревьями въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ непріятельскихъ ведетовъ.

Не долго пришлось отдохнуть отъ моей моральной и физической усталости; но удачно исполненное порученіе мое ободряло меня и придавало силы ко 2-му дѣйствію предстоящей драмы.

Сраженіе 3-го августа при деревнѣ Костежъ.

3-го августа, въ часть ночи, мы выступили. Необыкновенная тишина и порядокъ слѣдованія совершенно скрыли отъ непріятеля наше движеніе. Турки только тогда замѣтили наше наступленіе, когда, пройдя рѣчку Урано, мы построились уже въ боевой порядокъ. Непріятель, числомъ отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ, бросился защищать крутыя высоты, по обѣ стороны ущелья лежащія, и открылъ огонь изъ орудій на наступающія войска наши съ фронта. Но онѣ шли медленно, давая время фланговымъ двумъ колоннамъ,

отряженнымъ къ высотамъ по обѣ стороны ущелья, дойти до назначенія. Я велъ первую колонну по осматрѣнной мною мѣстности наканунѣ, впереди 1-го батальона 38-го егерскаго полка. Едва дошли мы до высотъ, турки, засѣвшіе въ терновники, открыли сильный огонь, но застрѣльщики наши, бросившись къ подошвѣмъ возвышеній, тотчасъ оттѣснили ихъ и мы быстро овладѣли высотой. Тогда оставалось только спуститься въ ущелье. Между тѣмъ съ лѣвой стороны батальонъ 37-го егерскаго полка успѣлъ занять возвышенія и мы въ одно время съ онымъ овладѣли батареею, и за оною всѣмъ лагеремъ. Со стороны фронта Ридигеръ сильно содѣйствовалъ фланговымъ атакамъ дѣйствіемъ артиллеріи. Наконецъ и другой батальонъ 37-го егерскаго полка, поддерживавшій нашу атаку, также подоспѣлъ съ фронта и все ущелье было очищено отъ непріятеля. Деревня же Костежъ была сожжена. Въ нашихъ рукахъ остались: бунчукъ, два знамя, 180 плѣнныхъ, весь лагерь съ палаткою паши и одно орудіе съ заряднымъ ящикомъ; остальные были увезены при занятіи нами смежныхъ высотъ. Непріятель потерялъ убитыми до 300 человекъ.

Послѣ занятія сего ущелья, я былъ посланъ съ двумя егерскими батальонами сдѣлать рекогносцировку вдоль ущелья къ визирскому кургану. Егеря наши шли по обѣ стороны ската и очищали отъ засѣвшихъ въ кустахъ турецкихъ стрѣлковъ, которые открыли сильный огонь съ обоихъ фланговъ. Такимъ образомъ, обозрѣвъ всю мѣстность до визирскаго кургана, мы возвратились къ дер. Костежъ. Тутъ, по приказанію генерала Ридигера, сѣвъ возлѣ него, мы начали писать донесеніе объ этомъ дѣлѣ, отправивъ трофеи наши съ батальономъ днѣпровскаго полка при двухъ орудіяхъ. Между тѣмъ непріятель частъ отъ часу усиливался и выстрѣлъ изъ орудія отъ вершины оврага извѣстилъ о томъ пушечнымъ ядромъ, которое, ударившись о скатъ, подъ которымъ мы писали донесеніе, осыпалъ насъ землею. Тогда Ридигеръ приказалъ начать отступленіе. Построившись въ каре, четыре батальона съ орудіями, отстрѣливаясь отъ 10-ти тысячъ непріятельскихъ войскъ, насъ окружавшихъ, слѣдовали къ р. Урано, гдѣ оставленъ былъ одинъ батальонъ азовскаго полка для прикрытія отступленія. Егеря наши храбро пробивались впередъ и съ содѣйствіемъ артиллеріи очищали путь нашего отступленія. Наконецъ, дойдя до дефила между кустарникомъ, батальонъ егерей остано-

новился у опушки и удерживалъ оную до тѣхъ поръ, пока войска вошли въ лѣсъ. Послѣ сего и этотъ батальонъ началъ отступление. Но тутъ турки бросились съ отчаяніемъ на него и были снова отбиты. Одно орудіе, находившееся при этомъ батальонѣ, имѣя лошадей перебитыми, везлось людьми. При переѣздѣ черезъ рытвину, оно было опрокинуто и оставлено, послѣ тщетнаго успія егерей увести оное. Командиръ артиллерійской роты (легкой № 3 подп. Макалинскій), видя невозможность спасти орудіе свое, бросился къ оному и подъ градомъ пуль и со всѣхъ сторонъ окруженный турецкими всадниками, успѣлъ съ горстью егерей заклепать орудіе.

Непріятель не переставалъ преслѣдовать насъ до нашего выхода изъ лѣса, и отступилъ когда войска построились въ боевой порядоѣ на высотѣ передъ лѣсомъ и г.-м. Рикордъ двинулся съ кавалеріею на подкрѣпленіе. Потеря наша въ этомъ жаркомъ дѣлѣ не могла быть не чувствительна:—выбыло изъ фронта 462 человекъ, въ числѣ которыхъ генераль-лейтенантъ Ивановъ былъ тяжело раненъ и вскорѣ умеръ. Непріятель потерялъ болѣе 1000 человекъ, въ числѣ которыхъ 600 человекъ погибло въ дер. Костежѣ, при истребленіи и сожженіи оной.

Въ началѣ этого дѣла, при овладѣніи лагеремъ, я съ товарищемъ моимъ Казадаевымъ, войдя въ палатку папи, нашли въ чашкѣ недопитый кофе. Казадаевъ допилъ его и отдалъ мнѣ чашку, которую я сберегъ на память этого боевого дня и дружбы Казадаева.

Послѣ сраженія 3-го августа мы заняли прежнюю позицію при Емистамбулѣ, куда присоединился къ намъ посланный на подкрѣпленіе 36-й егерскій полкъ, съ 4-мя легкими орудіями.

Возвращеніе въ главную квартиру.

8-го августа я возвратился въ главную квартиру и занемогъ общемою тогда болѣзнію—кровавымъ поносомъ. Это меня изнурило до чрезвычайной степени, я лежалъ съ недѣлю въ палаткѣ своей, и едва шевелился отъ слабости. Въ это время Ридигеръ навѣщалъ меня и объявилъ о наградѣ за Костежъ Анною 2-й степени.

14-го числа турки насъ встревожили нападеніемъ ночью на флан-

ти нашей позиціи. Они успѣли захватить редутъ и 6 на немъ орудій, и на лѣвомъ флангѣ увести одно орудіе.

28-го августа турки снова хотѣли испытать счастья, напавъ внезапно на лагерь нашъ, но были отброшены съ значительнымъ урономъ.

Переходъ къ Варнѣ.

21-го сентября мы, наконецъ, съ остальными чинами императорской главной квартиры оставили Шумлинскій лагерь. Государь давно уже былъ въ Одессѣ, и потомъ подъ Варною. Съ 3-ю бригадою 19-й дивизіи мы выступили около 7 часовъ по полудни къ утру прибыли въ Янибазаръ. Болѣзнь моя безпрестанно возобновлялась и я былъ не въ состояніи сидѣть на лошади; гр. Сухтеленъ предложилъ мнѣ мѣсто у себя въ коляскѣ, съ которыми я и ѣхалъ до Варны.

22-го числа мы ночевали при рѣкѣ Туркарнаутлардере. 23-го, проѣхавъ въ 1-мъ часу по полудни Козлуджи, имѣли ночлегъ въ Ефимовскомъ редутѣ, за 22 версты отъ Варны, и 24-го въ 6-мъ часу вечера вступили въ лагерь императорской главной квартиры подъ Варною.

На 26-е число, въ ночи, было сдѣлано нашими нападеніе на бастіонъ крѣпости,—которое не имѣло цѣлью удержаться въ ономъ, а потому осталось безъ послѣдствій. Въ этомъ дѣлѣ храбрый мой товарищъ Казадаевъ, находясь въ охотникахъ, былъ раненъ пулею въ плечо.

28-го числа сдался Юсуфъ-Паша съ сыномъ и нѣкоторою частью гарнизона Варны, послѣ трехдневныхъ переговоровъ. Въ то же время открыта была сильная канонада противъ крѣпости, и на другой день, 29-го сентября, крѣпость сдалась.

1-го октября, ѣздивъ въ лагерь гр. Воронцова, мнѣ представилось тамъ совершенно новое зрѣлище. Картина этого лагеря была оживлена присутствіемъ турецкаго гарнизона, сдавагося военноплѣннымъ и окруженнаго цѣпью нашихъ ведетовъ. Государь былъ также въ это время въ лагерь, говорилъ съ Юсуфъ-пашею, смотрѣлъ плѣнныхъ, и когда въ числѣ ихъ одинъ подбѣжалъ ко мнѣ съ изъявленіями радости на своемъ языкѣ, государь спросилъ, что это значитъ? Объяснивъ государю встрѣчу мою съ Эминомъ, однимъ изъ татаръ, сопутствовавшихъ меня

въ одной изъ поѣздокъ по Турціи, государь приказалъ дать ему денегъ и особенно содержать его. Я узналъ впоследствии, что онъ все время плѣна своего жилъ въ Одессѣ, въ домѣ графа Воронцова и былъ доволенъ своею участію. 2-го октября государь отъѣхалъ въ Одессу.

Возвращеніе въ Россію.

Такъ кончилась наша кампанія 1828 года. Гр. Сухтеленъ, видя меня безпрестанно въ болѣзненномъ состояніи, приказалъ отправиться въ Одессу и лечиться. 5-го числа я выѣхалъ и ночевалъ въ Тенскіой, 6-го въ Коварнѣ, 7-го въ Мангаліи, 8-го въ Кистенжи и 9-го пріѣхалъ въ Бабадагъ. Здѣсь я пробылъ до 12 октября и остановился у дяди Сергѣя Алексѣвича, который управлялъ тогда Бабадагскою областью. Въ Бабадагѣ я снова занемогъ лихорадкою и въ интервалахъ между пароксизмами бесѣдовалъ съ дядею. Онъ также страдалъ тою же болѣзнію и очень былъ слабъ. У него я встрѣтилъ въ первый разъ нашихъ русскихъ дамъ: Кладищеву и Глазенапъ, которыя ему надоѣли до чрезвычайности; онъ употреблялъ разные предлоги, чтобы отъ нихъ отдѣлаться и послѣднее средство было пресмѣшное.

12-го числа, распростясь съ Сергѣемъ Алексѣвичемъ, пустился далѣе и на другой день ввечеру пріѣхалъ въ городъ Тучковъ. Въ домѣ Сергѣя Алексѣвича меня встрѣтили какъ роднаго и я расположился въ немъ преспокойно. Это былъ первый пріятный уголъ послѣ всѣхъ походныхъ бивуаковъ—и я расположился тутъ ожидать моей коляски, за которою послалъ въ Леово, гдѣ въ началѣ похода я ее оставилъ. Повозку, верховыхъ лошадей и всѣ походныя принадлежности продалъ за безцѣнокъ, и этими деньгами наградилъ двухъ казаковъ, сопровождавшихъ меня отъ Варны. 25-го октября опять явилась неотступная лихорадка и опять приемы хининной соли. 28-го привезли мою коляску и 31-го оставилъ моего однофамильца; я съ нетерпѣніемъ ожидалъ уѣхать до Одессы, чувствуя, что буду имѣть необходимость въ хорошемъ медикѣ. И дѣйствительно, прибывъ въ Одессу 2-го ноября, 13-го снова возвратилась ко мнѣ лихорадка въ сильныхъ припадкахъ, отъ которой отдѣлался лишь черезъ мѣсяць, благодаря заботамъ доктора Спаскаго, и милаго товарища моего гр. Александра Пет-

ровича Толстаго, который хлопоталъ обо мнѣ какъ о родномъ. Въ Одессѣ лечился отъ раны Казадаевъ. Онъ начиналъ также выздоравливать и мы вмѣстѣ, наконецъ, выѣхали изъ Одессы 19-го декабря.

Возвращеніе въ семейство.

По нашей слабости мы ѣхали тихо, ночевали каждый день и въ Харьковѣ съ Казадаевымъ разстались, онъ отправился къ сестрѣ своей въ деревню, а я на Тамбовъ и Чембаръ. Изъ Чембара я заѣхалъ къ старому пріятелю Горстѣину въ Голодлеву, куда прибылъ въ 10-мъ часу вечера 3-го января. Сердце трепетало скорбе увидѣть семейство, зная какую радость везу родителямъ, представляя передъ ними невредимымъ послѣ войны въ полковничьихъ эполетахъ въ 25 лѣтъ отъ роду, съ крестомъ на шеѣ, заслуженнымъ въ сраженіи. Горстѣинъ проводилъ меня до Яхонтова. Въ крещеніе, въ воскресенье, въ 4 часа послѣ обѣда мы проѣхали всѣ сѣбжные сугробы, окружавшіе село, завернули на дворъ небольшого домика и были у подъѣзда дома родительскаго.—Сердце хотѣло выскочить..... Но я предупредилъ его, бросившись въ объятія стариковъ моихъ. Эти минуты не описываются—ихъ только можно чувствовать.

VI.

1829 и 1830 годы.

Возвращеніе въ Петербургъ и назначеніе.

Назначеніе мое исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера оставшихся въ С. Петербургѣ войскъ было поводомъ къ возвращенію въ столицу весною 1829-го года.

Въ теченіи лѣта посѣщенія мои дачи Подспорья на берегу Невы рѣшили участь моей жизни.

Женитьба.

Исторія женитьбы моей заключается въ двухъ словахъ: влюбился и женился. Но влеченіе сердца было не къ одной наружности. Достоинства, которыми такъ щедро одарило Провидѣніе

жену мою, и которыя развились съ такою полнотою при обязанностяхъ жены и матери, давали уже ей особенное выраженіе, особенный характеръ, невольно привлекавшій къ себѣ каждаго. Меня судьба влекла, не останавливаясь ни на какихъ другихъ разсчетахъ, кромѣ предчувствія счастья, и это чувство, послѣдствіе пылкой любви моей, привело къ скорой развязкѣ. 16-го октября мы объяснились; 5-го февраля 1830 г. былъ день нашей свадьбы. — Мнѣ было 27-й годъ.

Средства наши были не велики, но въ упоеніи счастья мы смѣялись надъ затрудненіями, встрѣчавшимися въ нашемъ домашнемъ быту, отъ чистаго сердца.

Новое назначеніе.

Между тѣмъ я былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса и инспекторомъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Для увеличенія нашихъ средствъ, я принялъ на себя въ той же школѣ преподаваніе высшей тактики.

Незамѣтно прошелъ годъ. Вспыхнуло возстаніе въ Польшѣ и назначенъ походъ гвардейскому корпусу. Я оставлялъ жену беременною первымъ сыномъ. Разставаніе и разлука были изъ тѣхъ тягостныхъ минутъ жизни, которыя оставляютъ по себѣ надолго грустное впечатлѣніе.

Отъѣздъ изъ Петербурга.

8-го февраля 1831 года, въ часъ ночи, я выѣхалъ изъ Петербурга.

VII.

Война съ польскими мятежниками 1831 года.

Пріѣздъ въ Бѣлостокъ. Представленіе цесаревичу в. к. Константину Павловичу.

Выѣхавъ 8-го февраля изъ Петербурга, 11-го числа я соединился съ корпусною квартирою, находившеюся уже въ Ригѣ. Пробывъ тутъ четыре дня, отправился далѣе къ Бѣлостоку для распоряженій по слѣдованію гвардіи. 25-го я пріѣхалъ въ Бѣлостокъ и 27-го отправился представляться цесаревичу великому князю Константину Павловичу. Со мной было нѣсколько офицеровъ

гвардейскаго генеральнаго штаба и когда доложили Его Высочеству о желаніи моемъ представиться къ нему съ офицерами, то онъ, приказавъ благодарить, просилъ отпустить офицеровъ, а самому явиться къ его высочеству въ кабинетъ. Не долго ждалъ я появленія великаго князя, котораго до того времени мнѣ не случилось видѣть близко. Въ скюртукѣ съ желтою петлицею на воротникѣ, въ щегольскихъ серебряныхъ эполетахъ и асельбантѣ, вышелъ его высочество изъ сосѣдней комнаты. Поклонясь очень учтиво, спросилъ о моей фамилии, и когда я назвалъ ее, то онъ продолжалъ: „не родня ли вамъ Николай Алексѣевичъ Тучковъ?“ Я отвѣчалъ: „родной мнѣ дядя.“ — „Я имѣлъ честь служить подъ его начальствомъ. Тучковы славно служили.“ — Потомъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія: „Куда же вы идете съ корпусомъ?“ — „На присоединеніе къ войскамъ арміи гр. Дибича,“ отвѣчалъ я. — „Что же, вы думаете бить поляковъ?“ — „Не знаю, ваше высочество, но еслибы случилось съ ними встрѣтиться, не думаю, чтобы гвардія имъ уступила.“ — „Очень ошибаетесь,“ возразилъ онъ, „я вамъ скажу: что они вамъ тузо намылятъ.“ Потомъ также учтиво откланявшись со мною, оставилъ меня—и оставилъ въ недоумѣніи отъ странности словъ русскаго великаго князя.

Перездъ черезъ границу.

Въ Бѣлостокѣ я оставался до 15-го марта; наканунѣ этого дня я представился его высочеству Михаилу Павловичу и получаю лично нѣкоторые отъ него приказанія, отправился въ Тикочинъ. — 17-го выѣхалъ оттуда и въ тотъ же день пріѣхалъ въ Ломзу

Л о м з а.

Въ окрестностяхъ этого города корпусъ нашъ расположенъ былъ довольно долго. Впереди, у Остроленки, находился отрядъ генераль-маіора Сакена. Правый флангъ примыкалъ къ р. Нареву.

Походъ графа Дибича къ верховьямъ Вислы, пораженіе Розена, все это заставляло наблюдать пространство между Бугомъ и Наревомъ, и потому въ теченіи апрѣля мѣсяца мы дѣлали частыя движенія по направленію Снядова и Андржево и 23-го апрѣля возвратились въ Ломзу. 25-го я получилъ извѣстіе о рожденіи

сына Алексѣя; но безпокойство мое о здоровьи жены далеко оставляло позади себя радость рожденія перваго ребенка, котораго питала мать, во время нашей разлуки, слезами глубокой горести.— Грустныя думы мои были прерваны извѣстіемъ о движеніи непріятеля на гвардейскій корпусъ; оно разсѣяло ихъ и привлекло меня къ моей обязанности.

5-го мая мы пришли въ Снядовъ, авангардъ занялъ Якацу. Сакенъ расположился у Ломзы. Якацъ лежитъ на небольшой болотистой рѣчкѣ. Возвышенія противоположнаго берега были къ вечеру того же дня заняты поляками. Въ это время артиллерія авангарда Бистрома имѣла перестрѣлку съ непріятельскою, безъ всякаго послѣдствія; но эта была первая наша встрѣча, которую мы такъ давно ожидали.

С о в ѣ щ а н і е.

6-е число прошло въ нашемъ бивуакѣ въ недоумѣніи. Къ вечеру его высочество созвалъ нѣкоторыхъ генераловъ къ себѣ на совѣщаніе: Щербатова, Бистрома, Веймарна и Шеншина. Я также былъ призванъ къ его высочеству. — Дѣло шло о разрѣшеніи вопроса, атаковать ли непріятеля или отступать? Какъ младшій, я долженъ былъ объяснить мое мнѣніе первый. Вотъ въ чемъ оно состояло:

1-е) Основываясь на томъ, что непріятель, ободренный успѣхомъ противъ Розена, и мыслию, что гвардія не вдается въ дѣло, полагаетъ достаточнымъ своего появленія, чтобы устранить насъ и вынудить къ отступленію. Неожиданность нападенія нашего же нѣкоторою порукою успѣха. 2-е) По тѣмъ же причинамъ надо полагать, что безпорядокъ расположенія войскъ непріятеля, имѣя въ виду наше отступленіе, будетъ способствовать нашему нападенію. 3-е) Положеніе непріятеля, имѣющаго въ тылу Наревъ, поставитъ его въ затрудненіе неминуемое. 4-е) Числительная сила его, если предположить одинаковою съ нашей, то превосходство гвардіи, отборнаго нашего войска, дѣлаетъ наиболѣе сильнѣе, и наконецъ, 5-е) Отрядъ генераль-маіора Сакена отъ Ломзы будетъ или содѣйствовать намъ или отвлечетъ часть непріятеля отъ насъ. По всѣмъ симъ соображеніямъ мнѣніе мое атаковать непріятеля

на правый его флангъ. Всѣ возраженія на мнѣніе мое заключались въ одномъ: „не забывайте, что мы гвардія.“

Между тѣмъ въ удостовѣреніе 2-го пункта, который я сильно поддерживалъ, чтобы убѣдить въ малой нашей потерѣ при неожиданномъ нападеніи,—я вызвался сдѣлать обзоръ непріятеля, не теряя времени, и донести, что мною будетъ замѣчено.

Рекогносцировка.

Сѣвъ на коня, я отправился съ казакомъ къ рѣчкѣ Якацъ нѣсколько верстъ выше деревни того названія, и, доѣхавъ до кустовъ, слѣзъ съ лошади и, оставя ее казаку, добрался до самой рѣчки. При освѣщеніи огней, спрятавшись въ кустахъ на довольно удобномъ мѣстѣ, я могъ разглядѣть, что дѣйствительно войска непріятеля стояли въ беспорядкѣ; даже у рѣчки не было никакихъ передовыхъ постовъ. Часть артиллеріи, какъ видно недавно прибывшей, стояла на передкахъ и возлѣ сихъ послѣднихъ кормились привязанныя лошади. На высотахъ кавалерія и пѣхота были перемѣшаны въ какую то общую колонну.

Убѣдившись, что поляки слишкомъ увѣрены въ нашей скромности, я посѣпшилъ добраться до моей лошади и поскакалъ къ его высочеству. Немедленно собрались къ нему тѣ-же генералы, но тутъ проникнутый мыслью и увѣренностью въ успѣхъ, я говорилъ съ большимъ жаромъ. Его высочество молчалъ, генералы рѣшили, кажется, отступать во чтобы ни стало. Одинъ генералъ Шеншинъ склонился на мою сторону. Тогда его высочество сказалъ: „ну, рѣшайте большинствомъ голосовъ“. Три голоса были противъ нашихъ двухъ, и вслѣдъ за симъ поскакали адъютанты съ приказаніемъ готовиться къ отступленію, а ночью на 7-е число мы уже слѣдовали всѣмъ корпусомъ на Менжеминъ.

Отступление.

8-го пришли въ Лопухово и черезъ нѣсколько часовъ потянулись далѣе; съ 8-го на 9-е ночью прошли Тикочинъ и направились на Жолтн.

Переходы были сильные, войска утомились. Авангардъ (sic) дрался противъ непріятеля безъ отдыха. Кто не знаетъ, какъ утомитель-

ны ночные переходы.—Не взирая на то, я не чувствовалъ усталости,—такъ занимала меня мысль, относившаяся къ нашему настоящему положенію: авангардъ нашъ, думалъ я, дерется противъ превосходнаго непріятеля, который можетъ тѣснить его до того, что, не взирая на стойкость передовыхъ войскъ нашихъ, Бистромъ могъ своротить отъ Тикочина влѣво за р. Наревъ и открыть непріятелю длинную колонну нашего корпуса, тянувшуюся одною кишкою къ Жолткамъ. Съ другой стороны г. Бистромъ не могъ не отдѣлить часть отряда за Тикочинскую переправу для защиты нашей границы на этомъ пунктѣ. Но ослабить еще болѣе себя противъ непріятеля, уже превосходнаго въ силахъ, было опасно. Все заставляло думать, что авангардъ, на который мы такъ считаемъ, можетъ перейти Наревъ при Тикочинѣ и оставить насъ на произволъ собственной предосторожности. Это опасеніе я сообщилъ генералу Шеншину, съ которымъ ѣхалъ весь переходъ въ головѣ нашей колонны, и онъ, совершенно раздѣляя мои опасенія, торопилъ людей идти живѣе къ переправѣ у Жолтокъ, до которой оставалось намъ еще 4 версты.

Ослушаніе.

Въ минуту нашей внутренней тревоги, адъютантъ Бакунинъ прискакалъ съ приказаніемъ отъ Его Высочества, находившагося въ хвостѣ колонны. Заботясь объ отдохновеніи людей и считая на авангардъ, Его Высочество приказывалъ остановить войска, въ томъ порядкѣ какъ они шли, и сдѣлать привалъ. Мы съ Васильемъ Никаноровичемъ взглянули другъ на друга и я рѣшился отвѣчать, что „теперь не время останавливаться на отдыхъ, а надо спѣшить за переправу на выгодную позицію.“ На это Бакунинъ возразилъ, что прежде всего надо исполнить приказаніе Его Высочества, а я доложу вашъ отвѣтъ великому князю. „Доложите и прибавьте, что я поѣхалъ за переправу ставить желонеровъ“. Шеншинъ, видя всю важность этой минуты, продолжалъ поспѣшать къ переправѣ, ожидая вторичнаго приказанія отъ великаго князя. Пока адъютантъ доѣхалъ къ намъ и обратно до командующаго корпусомъ, колонна приближалась къ переправѣ и я вводилъ головные батальоны на мѣста главной позиціи, занятой нами безъ упущенія малѣйшихъ выгодъ, представлявшихъ мѣст-

ностью. Это было въ 5-мъ часу утра 9-го мая.—Шеншинъ, доѣхавъ до меня, полюбовался мѣстностью, выбранною для артиллеріи, и шутя прибавилъ: „Смотрите, чтобы за ваше искусство вамъ сегодня не досталось.“ И въ самое то время тотъ же адъютантъ привезъ приказаніе, что когда я кончу свое дѣло, то Его Высочество приказалъ мнѣ идти подъ арестъ.

На длинной греблѣ черезъ р. Наревъ стоитъ небольшой домикъ таможи. Въ немъ остановился великій князь съ своимъ штабомъ. За греблю же, къ сторонѣ непріятеля, за неимѣніемъ легкой кавалеріи (которая вся находилась у Бистрома) были поставлены кирасирскій Ея Величества полкъ и отъ него ведеты.

Поставивъ войска на позицію, я отправился по греблѣ къ таможенному домику. Мысль, что я исполнилъ долгъ мой, ободряла меня въ положеніи, столь для меня обидномъ.

Дѣло при Жолтнахъ.

Я ѣхалъ, чтобы отдать мою шпагу; но едва успѣлъ поравняться съ домикомъ, какъ выстрѣлъ изъ орудія произвелъ ужасную суматоху въ домикѣ и въ полку Жадовскаго. Не то ощущение произвелъ во мнѣ этотъ выстрѣлъ. Я понялъ, что этотъ выстрѣлъ былъ торжествомъ моимъ. Поворотя лошадь, я увидѣлъ, что на позиціи войска становятся въ ружье. Я выдвинулъ два орудія на самую греблю, а Шеншинъ выдвинулъ одинъ батальонъ къ мосту на Наревѣ, чтобы при необходимости тотчасъ разобрать его.

Между тѣмъ мимо насъ промчались посѣтители таможенного домика и полкъ Жадовскаго, въ самомъ потерянномъ положеніи.

Едва было очищено имъ мѣсто для дѣйствія артиллеріи, нѣсколько перекрестныхъ выстрѣловъ, хорошо направленныхъ съ боковыхъ отъ гребли батарей и орудій, на самой греблѣ остановили непріятеля, спѣшившаго за Жадовскимъ. Мостъ былъ разобранъ. Непріятель увидѣлъ насъ готовыми принять его на неприступной позиціи. Опасеніе мое оправдалось: Бистромъ вынужденъ былъ переправиться у Тикочина и открыть непріятелю доступъ къ нашимъ главнымъ силамъ, не успѣвъ даже предупредить насъ. Дѣло, ограничившись перестрѣлкою изъ орудій, скоро стало стихать, и всѣ убѣдились, что мы въ безопасномъ положе-

ніи. Тогда я счелъ удобною минутою исполнить повелѣніе Его Высочества отдать мою шпагу. Отыскавъ великаго князя, сидящаго у преображенскаго полка на барабанѣ съ ситаркою, я почтительно подошелъ къ нему, спрося приказаніе кому отдать мою шпагу? Но тутъ великій князь, чувствуя послѣдствія, какія могли бы произойти съ гвардіею, если бы мы отдыхали на привалѣ передъ переправою, обнялъ меня съ тѣмъ порывомъ прекрасной души его, которая такъ всѣмъ извѣстна, и сказалъ сквозь слезы: „извини меня.“—Эта минута была лучшею въ моей военной жизни. Но отношенія къ великому князю, столь щекотливыя въ этомъ дѣлѣ, едва ли позволяли сознаваться мнѣ самому внутренно, что я содѣйствовалъ къ спасенію гвардейскаго корпуса. Кто же послѣ того изъ окружающихъ его посмѣлъ замѣтить это обстоятельство?—Многіе, можетъ быть, и не поняли всей важности его и оно скрылось подъ непроницаемымъ покрываломъ придворной лести. Но тутъ я могу сознаться и въ исполненіи другаго долга, столь же для меня священнаго: я всегда молчалъ объ этомъ происшествіи.

Наградю за дѣло при Жолтвахъ былъ орденъ св. Владиміра 3-й степени.

Послѣ 9-го мая я пользовался благорасположеніемъ Его Высочества, и по возвращеніи въ С. Петербургъ, онъ самъ вызвался крестить сына моего Михаила, для чего я имѣлъ счастье принимать его у себя въ скромномъ моемъ жилищѣ и угощать его. Его Высочество обласкалъ все семейство мое и съ особеннымъ чувствомъ говорилъ о службѣ моей при немъ во время польской кампаніи.

10-го числа мы провели у переправы. Его Высочество перешелъ въ Хорошъ; 11-го мы начали замѣчать движеніе въ непріятельскомъ лагерѣ и на другое утро, съ разсвѣтомъ, противоположный берегъ опустѣлъ. Поляки поспѣшно отступили.... То было слѣдствіемъ движенія Дибича на Остроленку.

Движеніе къ Остроленкѣ.

Авангардъ выступилъ 12-го числа утромъ вслѣдъ за непріателемъ, а главныя силы корпуса послѣ полудня и дошли на ночлегъ къ Лапухову. 13-го перешли въ Снядовъ.

Здѣсь В. Н. Шеншинъ, чувствуя припадки свирѣпствовавшей

тогда холеры, не могъ далѣе слѣдовать и пожелалъ остаться въ Снядовѣ. Черезъ нѣсколько дней скончался почтенный и благородный Шеншинъ. Доброе расположеніе его ко мнѣ было большимъ разсѣяніемъ въ моемъ одиночествѣ и кончина его оставила для меня какую-то грустную пустоту. — 14-го мая, на походѣ къ Остроленкѣ, слышались вдали глухіе раскаты выстрѣловъ. При Остроленкѣ происходило сраженіе; мы поспѣшали на соединеніе съ арміею. Къ 3-мъ часамъ утра 15-го числа, мы успѣли соединиться съ нею, сдѣлавъ нѣсколько усиленныхъ переходовъ. Сраженіе было уже кончено. Непріятель отброшенъ за Наревъ. Остановясь съ гвардейскимъ корпусомъ въ двухъ верстахъ отъ мѣста сраженія, его высочество послалъ меня въ главную квартиру испросить приказанія гдѣ расположиться гвардейскому корпусу. Послѣ утомительнаго дѣла, все въ главной квартирѣ предалось успокоенію на мѣстѣ сраженія, и я съ трудомъ отыскалъ генерала Нейдгардта, разбудилъ его и донесъ о прибытіи гвардіи. Онъ, передавъ мнѣ приказаніе, завернулся снова въ шинель свою, а я отправился обратно. — 16-го числа мы расположились бивуакомъ у Остроленки. Холера начала показываться въ войскахъ, и всѣ начинали брать предосторожности. Не взирая на то, въ тотъ же день я почувствовалъ нѣкоторые припадки и долженъ былъ переѣхать въ городъ, гдѣ помѣстился въ уцѣлѣвшей комнатѣ одного разореннаго дома. Ночью припадки усилились, но благодаря Бога и искуству славнаго доктора и рѣдкаго человѣка Шлегеля, который нѣсколько часовъ не отходилъ отъ моей постели, я выздоровѣлъ, но по слабости не могъ слѣдовать съ корпусомъ и ѣхалъ въ коляскѣ до Макова, куда прибылъ вмѣстѣ съ войсками 22-го мая, выѣхавъ изъ Остроленки 20-го.

Пребываніе въ Маковѣ.

Въ Маковѣ мы простояли съ войсками гвардейскаго корпуса цѣлый мѣсяцъ. Въ теченіи этого времени холера не унималась; главною жертвою былъ фельдмаршалъ графъ Дибичъ, внезапно скончавшійся 29-го мая, близъ Пултуска, въ мызѣ Клешовѣ. За болѣзнію П. О. Веймарна я исправлялъ должность начальника штаба гвардейскаго корпуса и ежедневно ходилъ съ докладомъ къ Его Высочеству. Въ эти дни, оставаясь наединѣ съ великимъ княземъ,

я былъ нѣсколько разъ осчастливленъ его откровенностью, и изъ разговора съ нимъ, особенно 1-го іюня (въ этотъ день онъ удержалъ меня у себя болѣе двухъ часовъ послѣ доклада) я удивленъ былъ вѣрностью взгляда его на вещи, на образъ мыслей молодыхъ людей настоящаго времени, и снисходительнымъ вниманіемъ добраго его сердца къ проступкамъ, къ которымъ увлекаются пылостью, и изъ угрюмаго чела его какъ часто являлись проблески благородной души его.

Прибытіе гр. Паскевича.

Гр. Паскевичъ, смѣнивъ покойнаго Дибича, прибылъ въ главную квартиру 13-го іюня. Проѣздомъ черезъ Маковъ, Паскевичъ пробылъ у его высочества нѣсколько часовъ и 16-го снова прибылъ въ гвардейскій лагерь, для осмотра войскъ. Корпусъ былъ построенъ передъ своими бивуаками и фельдмаршалъ принятъ войсками съ замѣтнымъ восторгомъ. — Солдаты, утомленные переходами, безъ всякихъ доселѣ послѣдствій, ожидали чего то новаго, рѣшительнаго, надѣялись на скорую развязку.

Движеніе къ Вислѣ.

22-го іюня было назначено для выступленія къ низовьямъ Вислы. Нашъ корпусъ составлялъ правую колонну арміи и двинулся къ Цѣханову, 23-го прибылъ въ Госциславъ, 24-го въ Крайково, 25-го въ Сетроніе и 26-го въ Повшинъ, близъ Плоцка.

Извѣстіе о кончинѣ цесаревича.

До выступленія нашего, его высочество получилъ (10-го числа) извѣстіе о кончинѣ цесаревича Константина Павловича. Всѣ переходы великій князь былъ задумчивъ и на лицѣ его изображалась глубокая горестъ. Близъ Плоцка мы простояли два дня.

Избавленіе мое отъ вѣрной смерти.

Не доходя одного перехода до Павшина, я былъ посланъ въ главную квартиру съ порученіемъ отъ его высочества и, возвратясь оттуда въ Сетроніе, нашелъ всю нашу корпусную квартиру расположенною въ одномъ обширномъ сараѣ. Это былъ 6-й часъ по

полудни и нѣсколько группъ нашего штаба усѣлись въ немъ для обѣда. Ближайшею къ выходу былъ нашъ корпусный докторъ Гулькевичъ съ аптекаремъ. Уставъ отъ моей поѣздки, я очень обрадовался найти товарищей готовыми раздѣлить походный обѣдъ свой со мною и едва вошелъ я въ сарай, какъ Гулькевичъ, наливъ въ двѣ рюмки водки и подмѣшавъ въ нее какую-то настойку, пригласилъ выпить съ нимъ изъ предосторожности отъ холеры. Я занесъ уже рюмку ко рту, какъ Львовъ, адъютантъ Щербатова, схвативъ меня за руку, отнялъ рюмку, сказавъ: „что за охота тебѣ пить эту микстуру, выпей лучше моего кюммеля,“ и заставилъ выпить. Гулькевичъ отдалъ тогда предназначенную мнѣ рюмку аптекарю и оба разомъ осушили ихъ. Но лишь только они выпили микстуру свою, какъ почувствовали жестокую боль и жжение въ желудкѣ. Въ составленіи этой водки аптекаръ не распозналъ свои скляночки и, вмѣсто травяной настойки, влилъ въ рюмки эссенцію шпанскихъ мухъ. Побѣжали за помощью этимъ двумъ несчастнымъ и сдавъ ихъ на руки какого то полковаго доктора, — мы отправились далѣе. На другой день у Плоцка Гулькевичъ и аптекаръ умерли въ жестокихъ припадкахъ холеры. Такимъ образомъ я былъ спасенъ чуднымъ образомъ Провидѣніемъ, которое послало мнѣ Андрея Михайловича Львова съ своимъ кюммелемъ.

Тревога и выступленіе.

29-го іюня товарищи мои гвардейскаго генеральнаго штаба вздумали отпраздновать мои именины, пригласивъ меня на заготовленный ими ширъ вечеромъ, на квартирѣ полковника Брюмера. Но едва мы собрались, какъ услышали тревогу въ лагерѣ. Въ одинъ мигъ разбѣжались мы къ лошадямъ своимъ и черезъ четверть часа, подъ холодный дождикъ, собрались всѣ въ лагерѣ. Войска стояли въ ружьѣ, непріятеля нигдѣ не показывалось, мы не понимали причины этой тревоги. Между тѣмъ дождь усиливался, ружья опять составили, и мы, измоченные до костей, провели какъ могли всю ночь на сырой землѣ, ожидая съ нетерпѣніемъ развязки. Къ утру велѣно было выступать и къ 8-ми часамъ слѣдующаго дня мы прибыли въ Сребрно.

Впослѣдствіи мы узнали, что тревога произошла отъ извѣстія, полученнаго Паскевичемъ, что непріятель въ значительныхъ

силахъ подошелъ къ Плонску, занялъ этотъ городъ и выдвинулъ свой авангардъ къ Болкову. Со всѣмъ тѣмъ мы не понимали, почему же нашъ корпусъ простоялъ всю ночь на 30-е число въ ружьѣ. Но таковъ характеръ нашего главнокомандующаго!

Движеніе къ Вислѣ продолжалось черезъ Камень-Котово (1-го іюля), г. Липно (2-го іюля), гдѣ была дневка 3-го и 4-го числа. 5-го прибыли въ Киколь, 6-го дневали въ этомъ селеніи и 7-го переправились черезъ Вислу при Слонскѣ. Тутъ, на границѣ Пруссіи, стояли прусскія войска, равнодушно смотрѣвшія на наше движеніе и занимавшія посты по протяженію границы. Въ этотъ день мы дошли до Радціонзскъ, простояли тутъ два дня и 10-го перешли въ Нишаву, гдѣ оставались до 15-го числа, перейдя въ тотъ день въ Віенець; 16-го выступили къ Раутову, 17-го въ Гостининъ, 18-го въ Валищевъ, 19-го дневка, 20-го въ Чернівѣ, 21-го въ Галіонска, 22-го расположились въ Ловичѣ.

До главнокомандующаго дошли опять слухи, что непріятель намѣревается сдѣлать рѣшительную атаку по лѣвому берегу Бзуры на Ловичъ. Послѣдствіемъ этихъ слуховъ опять тревога, опять ночь на 23-е число простояли подъ ружьемъ по пустому.

25-го, въ часъ ночи, двинулись на Башковъ. Мы доходимъ съ гвардіей до Ниборова—непріятель отступаетъ за р. Равку. Въ тотъ же день мы съ штабомъ нашимъ переѣзжаемъ въ Аркадію. До 3-го августа остаемся въ этомъ прекрасномъ помѣстьи и потомъ переходимъ въ Рудинѣполь, 4-го въ Віеневиць, 6-го въ Валендовъ. Тутъ гвардейскій корпусъ стоялъ до 24-го августа.— По приказанію главнокомандующаго, въ полкахъ дѣлали приготовленія фашинъ и лѣстницъ; люди упражнялись въ употребленіи штурмовыхъ снарядовъ—и все ожидало скорого окончанія рѣшительнымъ ударомъ на Варшаву.

Пока главнокомандующій съ генералами составляли планъ штурма укрѣпленій, мы ѣздили обозрѣвать мѣстность и весь генеральный штабъ изучилъ оную по всѣмъ направленіямъ.

Движеніе къ Варшавѣ.

24-го числа, по данной диспозиціи, армія подступила къ Варшавѣ.—Гвардейскій корпусъ слѣдуетъ черезъ Волицу и Рашинъ и располагается позади лѣса у Опаче-вѣлки.

По диспозиціи на 25-е число всѣмъ войскамъ велѣно готовыми быть къ бою, гвардейской пѣхотѣ слѣдовать за движеніемъ 2-го корпуса, оставляя селеніе Скоропе и Солибсы влѣво. Съ началомъ дѣйствія артиллеріи гвардейскій корпусъ останавливается за 2-мъ корпусомъ.

25-е августа.

Войска почевали въ колоннахъ на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ и до наступленія дня 25 августа заняли мѣста влѣво отъ деревни Опаче-вѣльки. Въ 4 часа пополудни войска, въ колоннахъ къ атакѣ, тронулись съ мѣста и пошли по назначеннымъ направленіямъ.

Начало боя.

Ударилъ часъ, съ которымъ кончилось перемиріе. Отвѣта ожидаемаго не было. По всей линіи загремѣла артиллерія, обстрѣливая непріятельскіе редуты.

Въ началѣ дѣла, съ первымъ отвѣтомъ непріятельскихъ редутъ, одинъ изъ выстрѣловъ пролетѣлъ близко къ фельдмаршалу — который, получивъ контузію въ лѣвую руку ядромъ, сдалъ графу Толлю командованіе. Въ эту минуту его высочество подъѣхалъ туда освѣдомиться о положеніи фельдмаршала, и я своими глазами видѣлъ, какъ съ собственнымъ графу Толлю хладнокровіемъ, онъ призвалъ адъютантовъ и разослалъ съ извѣщеніемъ къ корпуснымъ командирамъ о принятіи имъ командованія арміею. Фельдмаршала отвезли въ коляскѣ, и вслѣдъ за тѣмъ графъ Толль велѣлъ прекратить пальбу и штурмовыя колонны двинулись.

Гвардейскій корпусъ сталъ по правую сторону Вольскаго шоссе, 5-я бригада откомандирована была для присоединенія съ гренадерскимъ за Волею.

Во время штурма гвардейскій корпусъ былъ сближенъ съ боевою линіею у Воли. Битва длилась до полуночи. Постепенно редуты и городской валъ были въ рукахъ русскихъ. Въ ночной темнотѣ пожары освѣтили городъ и валъ вооруженъ нашими батарейными орудіями. Половина передовыхъ войскъ оставалась подъ ружьемъ, гвардейскій корпусъ сталъ между обѣими линіями вѣнскихъ укрѣпленій, а кавалерія собрана въ значительномъ числѣ на флангахъ.

Сдача Варшавы.

Между тѣмъ, по мѣрѣ успѣха нашихъ войскъ, соглашенія съ непріятелемъ шли быстро.—Столица была уступлена.

Вступленіе гвардіи.

На другой день (27-го числа) рано утромъ въ лагерѣ гвардейскаго корпуса все зашевелилось; но то было не приготовленіе къ бою, не движеніе на приступъ, а просто чистка, бѣленіе амунитии. Гвардія рядилась для церемоніальнаго марша, и въ 8 часовъ утра, подъ личнымъ начальствомъ его высочества, вступила въ городъ черезъ Іерусалимскую заставу. У самой заставы насъ встрѣтили депутаты съ ключами города, униженно представляя ихъ его высочеству. Не останавливаясь, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, весело прошли мы главныя улицы города и расположились бивуаками на главныхъ площадяхъ онаго.

Великій князь съ штабомъ своимъ помѣстился въ Лазенкіевскомъ дворцѣ. Начальникъ штаба, я и адъютанты заняли лѣвый флигель. Нетерпѣливо ожидали мы сдачу Модлина и окончанія военныхъ дѣйствій на нѣкоторыхъ пунктахъ царства. Съ своей стороны нетерпѣніе мое было выше всякой мѣры: я ждалъ счастливой минуты возвращенія моего къ семейству.

Гвардейскій корпусъ построился въ 50 саженьяхъ позади 2-го корпуса, между деревнями Раковымъ и Влохами.

Послѣ сильнаго артиллерійскаго огня, 2-й корпусъ двинулся отъ насъ на приступъ, а черезъ нѣсколько времени 5-я гвардейская бригада получила приказаніе поддержать г.-л. Муравьева, дѣйствовавшаго противъ Іерусалимской заставы. Великій князь поручилъ мнѣ вести эту бригаду и по приказанію Муравьева я поставилъ ее на шоссе впереди Ракова. Мы прибыли на мѣсто послѣ взятія Муравьевымъ редута № 53 и окоповъ, облегающихъ д. Раковецъ. Но непріятель продолжалъ дѣйствовать артиллерією изъ окоповъ 2-й линіи и Уминскій, присоединивъ къ себѣ вытѣсненные войска, открылъ по насъ огонь съ лѣваго своего фланга и изъ батареи, находившейся у Іерусалимской заставы.—Съ обѣихъ сторонъ канонада продолжалась довольно долго.

Я возвратился къ Его Высочеству; огонь по всей линіи сталъ стихать, послѣ взятія передовыхъ укрѣпленій Варшавы и Воли.— Въ 6-ть часовъ все умолкло и вечеромъ 5-я бригада присоединилась къ корпусу.

Приступъ остальныхъ укрѣпленій отложенъ былъ до другаго дня.

26-е августа.

По диспозиціи всѣ войска должны были стать въ ружье въ 4 часа утра. Но по случаю открывшихся переговоровъ съ непріателемъ, всѣ движенія остановлены до новаго приказанія.

Фельдмаршалъ согласился на свиданіе съ генераломъ Круковецкимъ; оно произошло въ 9 часовъ утра въ корчмѣ между Волею и городомъ. Его высочество также участвовалъ въ переговорахъ, и потому къ назначенному времени мы сопровождали великаго князя къ назначенному мѣсту, гдѣ уже былъ фельдмаршалъ съ своимъ штабомъ. Паскевичъ и великій князь стояли на шоссе, окруженные многочисленною свитою, когда генералъ Круковецкій прискакалъ съ своимъ штабомъ и, размѣняя учтивыми привѣтствіями съ фельдмаршаломъ, оба они и нѣкоторые генералы сошли съ лошадей и вошли въ корчму.

Пока шелъ довольно горячій разговоръ тамъ, отъ котораго доходили до насъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ громко и съ жаромъ, мы всѣ, окружающіе обоихъ главнокомандующихъ, сошли съ лошадей и, перемѣшавшись между собою, многіе нашли старыхъ знакомыхъ изъ бывшихъ при покойномъ цесаревичѣ офицеровъ, и сходились между собою вовсе не какъ непріатели. Польскіе офицеры изъявляли сожалѣніе о положеніи взаимныхъ отношеній въ настоящее время, надѣялись, что скоро все кончится и изъявляли откровенное въ томъ нетерпѣніе.

Наконецъ переговоры кончились, перемиріе заключено до часа по полудни для рѣшенія сеймомъ о безусловной покорности.— Обѣ стороны разъѣхались.

Выступление къ Блоніи и возвращеніе.

Но 11-го сентября партія, посланная къ Плоцку, извѣстили насъ, что непріатель переправляется черезъ Вислу. Для воспрепятствованія сему намѣренію были составлены два корпуса, одинъ

подъ начальствомъ графа Палена, другой изъ части гвардіи и гренадерской дивизіи и кавалеріи подъ командою великаго князя. — 12-го числа мы двинулись въ Блоніе и по переходѣ непріятеля на правый берегъ Вислы, 14-го сентября, мы возвратились въ Варшаву.

Дни передъ моимъ отъѣздомъ.

Между тѣмъ многіе изъ товарищей были отпущены на родину. 17-го сентября уѣхалъ Александръ Веригинъ, но моя очередь пришла только 7-го октября.

Прощальный обѣдъ офицеровъ гвард. генеральнаго штаба.

4-го октября общество офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, которое всегда имѣло ко мнѣ расположеніе, самое для меня лестное, великолѣпнымъ обѣдомъ ознаменовало сожалѣніе разстаться со мною, и этотъ прощальный пиръ меня тронулъ до глубины сердца. Сколько было искреннихъ заявленій, столько истинны въ чувствахъ всего этого отличнаго общества офицеровъ.

6-го числа полковникъ Брюмеръ еще разъ собралъ у себя то же общество вечеромъ, и тутъ мы простились.

Обѣдъ у великаго князя и выѣздъ.

На другой день утромъ я хотѣлъ пуститься въ дорогу, но представясь великому князю, его высочество такъ былъ милостивъ, что не хотѣлъ отпустить меня безъ того, чтобы я у него не отобѣдалъ. И такъ послѣ обѣда, на которомъ великій князь, отъ всей неоцѣненной души его, благодарилъ меня за службу и отпустилъ меня, обнадеживъ на будущее всегдашнее его благорасположеніе, — вечеромъ въ 7 часовъ я оставилъ Варшаву. 8-го числа въ три часа по полудни прибылъ въ Брестъ-Литовскій и ночевалъ въ Кобринѣ, а 11-го въ 8 часовъ утра пріѣхалъ въ Вильну.

Поѣздка въ Кетовичи.

На другой день, полагая окрестности Вильны безопасными, я предпринялъ небольшое путешествіе къ двоюродной сестрѣ моей Зиновичевой; но на 2-й станціи, подозрѣвая моего подводчика еврея въ нѣкоторыхъ умыслахъ изъ разныхъ переговоровъ въ

каждой жидовской корчмѣ и грубыхъ его отвѣтахъ, я силою остановилъ его противъ почтовой станціи и велѣлъ ямщикамъ удержать еврея.—Смотритель станціи, русскій, разсказалъ мнѣ о разныхъ убійствахъ въ окрестностяхъ и убѣдилъ не ѣхать далѣе.

Давъ еврею порядочный урокъ съ помощью смотрителя и его ямщиковъ,—велѣлъ отпустить его, а самъ черезъ два часа прискакалъ на почтовыхъ въ Вильну.

Выѣздъ изъ Вильны.

13-го выѣхалъ изъ Вильны, и 18-го обѣдалъ въ Новгородѣ. Къ вечеру, приѣхавъ въ Валдай, я послалъ одного изъ людей моихъ въ Келицы, предупредить о моемъ приѣздѣ, и съ разсвѣтомъ пустясь въ путь, привѣтствовалъ наступившій день, 19-го октября, какъ день изъ счастливейшихъ моей жизни.

Встрѣча въ Крутикахъ

Въ Едровѣ, нанявъ шестерикъ въ коляску, своротилъ влѣво, по той безконечно длинной проселочной дорогѣ, которая ведетъ черезъ Дубровку. Не болѣе часа ямщикъ условился кормить тутъ лошадей своихъ; но этотъ часъ мнѣ казался вѣчностью. Наконецъ я выѣхалъ, и съ послѣдней станціи, проѣхавъ плотину и обогнувъ песчаную поляну, съ рѣдкими соснами, мы выѣхали въ боръ, то поднимаясь, то спускаясь по холмистымъ пескамъ, то проѣзжая тряскіе мостки;—и поднявшись на одинъ изъ тѣхъ холмовъ, послышался шумъ экипажа, голосъ кучера; наконецъ показалась старинная линейка.—Стоя!..... и однимъ мигомъ мы были въ объятіяхъ другъ друга..... Описать всѣ ощущенія этихъ счастливыхъ минутъ трудно. Пусть всякій, кто умѣетъ чувствовать, представить ихъ своему воображенію.

Приѣздъ въ село Келицы.

Доѣхалъ до села, гдѣ всѣ родные жены моей были собраны;—жена принесла ко мнѣ ребенка нашего, который родился во время моего похода; я заключилъ маленькое семейство въ горячія объятія и счастье въ черту семейства; наконецъ сердце отлегло отъ долгаго своего волненія—душа отдохнула. Павелъ Тучковъ.

ТУЧКОВЫ.

Помѣстивъ въ этой книгѣ „Записки“ Павла Алексѣевича Тучкова (бывшаго Московскаго военнаго генераль-губернатора, генераль-адъютанта и генераль-отъ-инфантеріи) — „Записки“, сообщенныя его достопочтенными сыновьями М. П. и Н. П. Тучковыми, считаемъ вполне умѣстнымъ напомнить здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія какъ объ этой славной фамиліи, выдвинувшей изъ своей среды цѣлый рядъ усердныхъ слугъ Россіи, такъ и о составителяхъ нами напечатанныхъ „Записокъ“.

Ред.

Тучковы ведутъ свой родъ съ XIII столѣтія, когда слава побѣдъ в. к. Александра Невскаго привлекла изъ чужихъ краевъ, въ особенности изъ Австріи и Пруссіи, многихъ именитыхъ людей. Одинъ изъ нихъ, выходецъ изъ Пруссіи, Михайлъ, получившій въ Россіи прозвище Прушанинъ, былъ сподвижникомъ в. кн. Александра Невскаго, начальствуя частью рати его на берегахъ Невы. Отъ него ведутъ свое происхожденіе Тучковы. Потомки Михайла были боярами и послами, какъ свидѣлствуютъ лѣтописи¹⁾, при Іоаннѣ III и Василіѣ Іоанновичѣ въ 1477 и 1510 годахъ; одинъ изъ нихъ, Михайлъ Васильевичъ, былъ въ 1521 году намѣстникомъ Новгородскимъ и возобновилъ на десять лѣтъ мирный договоръ съ главою рыцарей ливонскихъ Плетенбергомъ. Тогда Тучковы носили прозвище Тучко-Морозовы; одинъ изъ нихъ, Борисъ, принялъ фамилію Тучкова, которая и существуетъ до сего времени. Дочь Ивана Борисовича Ирина Ивановна была въ супружествѣ за бояриномъ Юріемъ Захарьевичемъ; внука ея Анастасія Романовна была первою супругою Іоанна Грознаго, а правнукомъ ея — Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Съ тѣхъ поръ Тучковы постоянно отличаются вѣрною и честною службою во всѣхъ послѣдующихъ царствованіяхъ, что доказывается хранящимися въ семействѣ ихъ грамотами на имѣнія, жалованными имъ за оказанные ими подвиги и заслуги. Въ цар-

¹⁾ Біограф. Тучковыхъ, составл. П. А. Тучковымъ въ 1839 по источн. Софійскій Временникъ, Исторія Государства Россійскаго Карамзина и фамильные документы.

ствование императрицы Екатерины II Алексѣй Васильевичъ Тучковъ начальствовалъ надъ крѣпостями по польской и турецкой границамъ, былъ инженеръ-генераль-поручикомъ и начальникомъ инженернаго корпуса. Подъ его наблюденіемъ былъ построенъ первый постоянный деревянный мостъ черезъ Неву, и въ честь его названъ его именемъ. Въ царствование императора Павла I Алексѣй Тучковъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ въ одинъ изъ департаментовъ правительствующаго Сената въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1799 году. Въ отечественную войну 1812 года изъ пяти сыновей Алексѣя Тучкова, четверо, уже въ генеральскихъ чинахъ, принимаютъ въ ней славное участіе: старшій, Николай Алексѣевичъ¹⁾, въ качествѣ корпуснаго командира, смертельно раненъ подъ Бородинымъ; младшій, Александръ Алексѣевичъ, начальствуя бригадою въ томъ-же бою и защищая флешъ у деревни Семеновской—убитъ, (его супруга Маргарита Михайловна, рожденная Нарышкина, была основательницею и первою игуменьей Спасо-бородинскаго монастыря, построеннаго ею на мѣстѣ славной смерти ея мужа; впоследствии была восприемницею при таинствѣ Св. миропомазанія государыни императрицы Маріи Александровны); третій братъ, Павелъ Алексѣевичъ, во главѣ отдѣльнаго отряда остановилъ, въ извѣстномъ сраженіи подъ Валутиной горой, напоръ Наполеоновскихъ войскъ, хотя отъ излишней отважности, раненый, и былъ, при наступившей темнотѣ, захваченъ въ плѣнъ. Впоследствии, въ царствование императора Николая I, Павелъ Алексѣевичъ сдѣланъ былъ членомъ государственнаго совѣта, председателемъ комисіи прошеній и кавалеромъ ордена Св. Андрея Первозваннаго. Четвертый братъ, Сергій Алексѣевичъ, былъ съ начала 1812 года дежурнымъ генераломъ Дунайской арміи подъ начальствомъ адмирала Чичагова и принималъ дѣятельное участіе въ бывшей въ то время войнѣ съ Турціею; начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ, Тучковъ взялъ съ бою городъ Мангалию, а за переселеніе Некрасовскихъ казаковъ обратно въ Россію и за построение и заселеніе города на Дунаѣ (нынѣ предмѣстье крѣ-

¹⁾ Николай Алексѣевичъ за свое мужество, доброту сердца и образованіе, за строгое безкорыстіе и непоколебимое прямодушіе пользовался уваженіемъ всей арміи. (Военно-энциклопед. лексиконъ бар. Зедлера, томъ XIII, стр. 175).

пости Измаила) безъ всякихъ издержекъ для казны, удостоенъ въ память потомству, что, по Высочайшему повелѣнію, городъ этотъ названъ его именемъ. Въ царствованіе императора Николая I Сергій Тучковъ участвовалъ вновь въ войнѣ съ Турціею, въ 1828 году, и во время пребыванія русской арміи въ непріятельскихъ предѣлахъ за Дунаемъ былъ начальникомъ Бабадагской области; по окончаніи этой войны былъ измаильскимъ градоначальникомъ и за отличное управленіе градоначальствомъ награжденъ орденомъ Бѣлаго орла; умеръ въ Москвѣ въ 1839 г.)

Пятый и самый старшій братъ помянутыхъ выше Тучковыхъ, Алексѣй Алексѣевичъ, началъ службу въ артиллеріи и достигъ чина генераль-маіора въ послѣдній годъ царствованія императрицы Екатерины II, но при императорѣ Павлѣ I, вслѣдствіе непріятностей, возникшихъ между нимъ и Аракчеевымъ, вынужденъ былъ выйти въ отставку и болѣе въ военной службѣ не служилъ. Въ 1812 году былъ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и принималъ дѣятельное участіе въ формированіи ополченія; умеръ въ Москвѣ въ 1853 году на 87 году отъ рожденія. Отъ него родился составитель напечатанныхъ выше записокъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ.

Тучковъ, Павелъ Алексѣевичъ, род. 7 апрѣля 1803 г., числился въ пажемскомъ е. в. корпусѣ ¹⁾, но воспитывался сначала дома, затѣмъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Получилъ военное образованіе въ пансіонѣ (впослѣдствіи училище колонновожатыхъ) въ собственномъ имѣніи генераль-маіора Муравьева и на пятнадцатомъ уже году, за отличные успѣхи въ военныхъ наукахъ, былъ произведенъ въ офицеры. Въ первыхъ еще чинахъ молодому Тучкову, бывшему на счету лучшихъ „свитскихъ офицеровъ“, какъ называли офицеровъ генеральнаго штаба, достались въ удѣлъ особенныя занятія. Императоръ Александръ I имѣлъ привычку, во всѣхъ путешествіяхъ своихъ по Россіи, имѣть у себя подробный топографическій маршрутъ со всѣми достопримѣчательностями, что конечно знакомило его съ краемъ лучше, чѣмъ всякое описаніе. Работа эта возложена была на Тучкова

¹⁾ Получилъ званіе пажа вмѣстѣ съ своимъ братомъ въ честь заслугъ, оказанныхъ Николаемъ Алексѣевичемъ Тучковымъ (дядею его), и въ знакъ особеннаго уваженія Александра I—къ Николаю Тучкову.

и, такимъ образомъ, ему пришлось объѣхать и снять на планъ для государя тысячи верстъ ¹⁾. Въ царствованіе императора Николая I Павелъ Тучковъ занималъ разныя должности ²⁾, въ 1826 и 1827 годахъ находился при императорской миссіи въ Константинополѣ для составленія военнаго обозрѣнія Турціи и собранія свѣдѣній о вновь сформированныхъ регулярныхъ турецкихъ войскахъ. Принималъ участіе въ войнѣ съ Турціею въ 1828 году, находился при осадѣ Браилова, и потомъ назначенъ капитаномъ надъ вожатыми при главной квартирѣ императора, а впослѣдствіи былъ оберъ-квартирмейстеромъ отряда ген. Ридигера, съ которымъ участвовалъ въ дѣлахъ при Чифликѣ и Костежѣ. Въ 1830 году былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса и участвовалъ въ кампаніи 1831 года противъ польскихъ мятежниковъ, отличился въ дѣлѣ при С. Желткахъ и взятіи Варшавы. Въ 1834 году назначенъ начальникомъ штаба гренадерскаго корпуса и флигель-адъютантомъ е. и. в. Во время своего пребывания въ Петербургѣ до назначенія начальникомъ штаба греннад. корпуса, написалъ исторію л. гв. Измайловскаго полка ³⁾. Въ 1840 году произведенъ въ чинъ генераль-маіора, но по разстроенному здоровью вынужденъ былъ выйти въ отставку. Въ 1843 году Павелъ Алексѣвичъ, по предложенію бывшаго тогда министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, поступилъ на гражданскую службу и былъ членомъ совѣта министерства государственныхъ имуществъ. По предписанію министра, ревизовалъ учрежденія министерства въ Саратовской губерніи и за представленный отчетъ удостоился милостиваго отзыва его величества, не смотря на то, что государь все еще былъ имъ недоволенъ за выходъ его въ отставку. Въ 1844 году государь Николай Павловичъ приказалъ Тучкову поступить вновь въ военную службу и назначилъ его директоромъ военно-топографическаго депо генеральнаго штаба. Въ 1854 году въ чинѣ

¹⁾ Такъ, между прочимъ, Тучковъ составилъ статистическое описаніе Астраханской губерніи.

²⁾ Справочный энциклопедическій словарь Старчевскаго, изд. 1848 г., томъ X, часть II, стр. 536.

³⁾ Въ 1830 году, а въ 1836 г. онъ написалъ правила для построенія корпусовъ въ боевые порядки и общія колонны, съ чертежами. (Энцикл. словарь Старчевскаго стр. 536).

генераль-лейтенанта онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба средней арміи, образованной въ виду угрожающихъ дѣйствій со стороны Австріи. По заключеніи парижскаго мира и разформированіи этой арміи былъ начальникомъ резервовъ армейской пѣхоты; въ это же время произведенъ въ генераль-отъ-инфантеріи и удостоенъ званія генераль-адъютанта. Въ 1858 году Павелъ Алексѣвичъ Тучковъ назначенъ московскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Въ этой должности, пользуясь общимъ уваженіемъ и любовью всѣхъ жителей и удостоенный (въ 1859 г.) быть членомъ государственнаго совѣта, Павелъ Алексѣвичъ скончался 21 января 1864 года. Лучшимъ доказательствомъ сочувствія Москвы П. А. Тучкову служитъ то, что Москва почтила его особенно - торжественными похоронами и соорудила ему, на средства города, надгробный памятникъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Подъ этимъ памятникомъ похоронена также нѣжно-любимая имъ жена его Елисавета Ивановна, рожденная Веригина. Павелъ Алексѣвичъ отличался своими сердечными качествами и умомъ, добрымъ сердцемъ, правдивымъ нравомъ, начитанностію и образованіемъ; свободно владѣя русскимъ и французскимъ языками, онъ хорошо владѣлъ перомъ, но при своей скромности, не могъ одолѣть врожденной застѣнчивости, а потому не былъ краснорѣчивъ, когда долженъ былъ говорить публично. Онъ отлично чертилъ и рисовалъ, особенно карикатуры, но, за дѣвая смѣшную сторону лицъ, обратившихъ на себя его вниманіе своими типами, никогда ихъ не обидѣлъ. Онъ былъ отличнымъ семьяниномъ и находилъ только отраду въ кругу тихой семейной жизни, любилъ горячо свое отечество; при отличавшемъ его особенномъ безкорыстіи, былъ чуждъ всякой мысли честолюбія и по примѣру предковъ своихъ, беззавѣтно былъ преданъ своимъ Государямъ; это подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что въ 1862 году П. А. Тучковъ отказался отъ предлагаемаго ему Его Величествомъ мѣста намѣстника Царства Польскаго, чѣмъ даже заслужилъ сначала кратковременное недовольство покойнаго Государя, согласившагося однако вскорѣ съ мотивами отказа и съ тѣхъ поръ удостоивавшаго Тучкова особеннымъ уваженіемъ до самой его кончины. Приводимъ здѣсь письмо Павла Алексѣвича къ бывшему шефу жандармовъ князю Василю Андреевичу Долгорукову, писанное для доклада Государю; въ этомъ письмѣ Туч-

КОВЪ ИЗЛОЖИЛЪ МОТИВЫ ОТКАЗА СВОЕГО ОТЪ ВЫСОКАГО ПОСТА НА-
МѢСТНИКА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ:

„Милостивый государь князь Василій Андреевичъ! Сколь
лѣстно и драгоцѣнно для меня высокое довѣріе Государя Импе-
ратора въ предлагаемомъ назначеніи, столь-же, по долгу честнаго
человѣка, я обязанъ, заглушивъ всякое чувство честолюбія, всякую
мысль личныхъ выгодъ, обратиться къ собственной совѣсти, взвѣ-
сить силы и способности мои и честно сознаться: могу-ли оправ-
дать такое назначеніе?

„Послѣ долгаго размышленія о предметѣ столь важномъ, со
всею откровенностію я долженъ признать въ себѣ тѣ недостатки,
которые могутъ служить вреду самага дѣла.

„Въ настоящемъ случаѣ необходимы: характеръ независимый
и дѣйствія свободныя отъ всякаго посторонняго мѣстнаго вліянія.
Могу-ли я заключить въ себѣ эти условія не зная совершенно
края и его многосложной администраціи, не зная людей, съ кото-
рыми долженъ имѣть дѣло; не имѣя никакихъ политическихъ ни
дипломатическихъ свѣденій, ни дара слова, ни свободного владѣ-
нія языками, столь необходимаго при ежечасномъ сношеніи съ
мѣстными правительственными лицами.

„При такихъ условіяхъ безъ довѣрія къ самому себѣ и при
врожденной непреодолимой моей застѣнчивости, какъ отстранить
отъ себя невольное довѣріе къ другимъ и постороннее оттого влія-
ніе и не впасть въ направленіе ошибочное, въ особенности въ
ту минуту, когда обстоятельства требуютъ безотлагательныхъ
распоряженій и дѣйствій?

„Какъ ни трудна борьба моя съ чувствомъ безотчетнаго вы-
полненія священной для меня воли Государя моего и собствен-
наго честолюбія и личныхъ выгодъ съ чувствомъ внутренней со-
вѣсти, чести и убѣжденій, но жертва, приносимая мною откро-
веннымъ сознаніемъ моей неспособности, при настоящемъ случаѣ,
отстраняетъ вредъ ошибочнаго выбора, вредъ Государю и отечеству.

„Да проститъ меня великодушно Государь за то, что отка-
зываюсь отъ предлагаемаго назначенія, не имѣя другой цѣли,
другихъ къ тому побужденій, какъ существенную пользу Его
Величества.

„Примите, и проч.... Павелъ Тучковъ.“

Москва.

Декабрь 1862-го года.

Не смотря на ограниченное свое состояніе, Павелъ Алексѣевичъ во время своей жизни много помогалъ бѣднымъ, скрывая даже отъ своего семейства свои милостыни, и его благодаренія—одна изъ причинъ почему Москва удостоила его такимъ почетомъ и до сихъ поръ чтить его память, доказывая, при каждомъ удобномъ случаѣ, свое расположеніе даже членамъ его семейства.

Подлинныя фамильныя документы, записки, труды, рисунки и чертежи Павла Алексѣевича Тучкова хранятся у старшаго сына его, свиты его величества генераль-маіора Михаила Павловича Тучкова, которому, а равно и его брату флигель-адъютанту Николаю Павловичу Тучкову, редакція „Русской Старины“ обязана сообщеніемъ выше напечатанныхъ „Записокъ“ ихъ наидостойнѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ родителя. Ред.

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ВОСШЕСТВИИ НА ПРЕСТОЛЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ

ПО ДОНЕСЕНИЯМЪ М. М. Фока—А. Х. Бенкендорфу ¹⁾.

4-го сентября 1826 г.

Недовольные, которыхъ пока еще не очень много, начинаютъ возвышать голосъ и высказываютъ слѣдующія сужденія:

— „Возвѣщали прежде о важныхъ мѣропріятіяхъ, которыя будто бы послѣдуютъ за коронаціею, и о перемѣнахъ къ лучшему. Но время это уже прошло, а, между тѣмъ, все остается на прежнемъ положеніи. Учрежденіе министерствъ было зломъ, это признано: управленіе цѣлою отраслью государственнаго строя зависить отъ произвола одной личности! По закону, министръ подчиненъ сенату; но до сихъ поръ мы видимъ противное, такъ какъ органическія мѣры не обсуждаются въ этомъ учрежденіи; ему только сообщаютъ о нихъ, для приведенія въ исполненіе. Что же касается могущихъ возникнуть пререканій, то уже, конечно, комитетъ министровъ не станетъ разбирать ихъ безпристрастно, такъ какъ всѣ члены этого комитета могутъ сказать другъ другу: рука руку моетъ, обѣ хотятъ быть бѣлы. (Passez-moi le sené, je vous passerai la rhubarbe). „Все это не могло бы имѣть мѣста при коллегіальной системѣ, при которой произволъ встрѣтилъ бы препятствія въ столкновеніи мнѣній. Повидимому, эта благодѣ-

¹⁾ См. „Русская Стар.“ изд. 1881 г., томъ XXXII, (сентябрь), стр. 161—194; (октябрь), стр. 303—336. Переводъ съ французскаго.

тельная система не входитъ въ число задуманныхъ правительствомъ реформъ, или же, скорѣе, ее хотять отложить до другаго времени. А, между тѣмъ, кажется, всѣми признано, что не слѣдуетъ ни медлить, ни вступать въ полюбовную сдѣлку со зломъ. Видно, мы еще очень далеки отъ осуществленія нашихъ сладостнѣйшихъ надеждъ“.

Приверженцы правительства возражаютъ на это:

— „Переверните страницу и вы убѣдитесь въ противномъ. Не вызывая опасныхъ волненій, нельзя сразу приступить къ преобразованіямъ; это извѣстная истина; правительство проникнуто ею и вотъ почему оно рѣшилось лучше обходить, чѣмъ идти—на проломъ. Въ продолженіи послѣднихъ десяти лѣтъ предшествовавшаго царствованія ходили по волкану, который произвелъ изверженіе 14 декабря. Съ того времени и до сихъ поръ правительство не должно было, да и не могло, заниматься ничѣмъ другимъ, какъ только изысканіемъ средствъ для предупрежденія развитія зла, и короткій восьмимѣсячный срокъ былъ слишкомъ недостаточенъ для того, чтобы вырвать съ корнемъ это зло. Не допуская, по принятому правилу, никакихъ опытовъ, приходилось приготовить необходимые способы для совершенія великаго дѣла преобразованія, которое, въ серьезности, должно касаться болѣе людей, чѣмъ существующаго порядка вещей. Въ этомъ смыслѣ правительство дѣйствовало до сихъ поръ и всякій другой образъ дѣйствій былъ бы несвоевременъ; достигнутые имъ результаты, если судить безпристрастно, очень важны: глухая война, которую вела съ нами бюрократія, ослаблена и довѣріе возстановляется. Это все, чего пока можно желать. Цѣль правительства—облегчить положеніе народа, поддержать порядокъ и спокойствіе и покровительствовать всякаго рода собственности“.

Арестъ Спасскаго, оберъ-секретаря московскаго сената, возбуждаетъ много толковъ. Это еще ударъ, нанесенный бюрократіи, два столпа которой—Мясоѣдовъ и Базилевскій-Крапкевичъ, также оберъ-секретари, находятся пока еще въ Москвѣ.

Извѣстная „надзору“ особа знаетъ все, касающееся этихъ двухъ личностей, и желаетъ доставить точныя подробности ихъ біографій, увѣряя, что эти люди сдѣлали гораздо болѣе зла, чѣмъ Спасскій.

6 сентября 1826 г.

„Надзоръ“ долженъ говорить обо всемъ и обо всѣхъ, безъ лицепріятія, это самая главная его обязанность; но самая существенная и, можетъ быть, самая трудная—это когда приходится записывать мнѣнія и разсужденія, высказываемыя,—не недовольными—въ подобномъ случаѣ онѣ не заслуживали бы никакого вниманія,—а людьми извѣстными своею умѣренностью и строгими правилами. Такъ, они говорятъ: 1) Редакція манифеста имѣетъ недостатки. Въ предупрежденіе неправильныхъ толкованій, чему представляется обширное поле, слѣдуетъ издать другой манифестъ,—какъ это и дѣлалось въ предшествовавшее царствованіе. Настоящій государственный актъ затрогиваетъ много предметовъ, не имѣющихъ существенной важности, тогда какъ въ немъ ни слова не сказано ни о дворянствѣ, ни о купечествѣ,—этихъ двухъ, весьма вліятельныхъ сословіяхъ, которыя, поэтому, видятъ себя забытыми; ничего также не упомянуто о самыхъ настоятельныхъ реформахъ. Такимъ образомъ, дополненіе къ манифесту становится необходимымъ. 2) Кто въ особенности воспользовался тѣми милостями и наградами, которыя раздавались въ эпоху общей радости? Личности, ничѣмъ не заслужившія сдѣланнаго для нихъ исключенія изъ общаго правила и принадлежація къ семействамъ, въ средѣ которыхъ бывали зараженные члены! Такъ что семьи, пользующіяся незапятнанною репутаціею, громко заявляютъ, —что производитъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе: „Развѣ для того, чтобы быть отличеннымъ милостію, необходимо принадлежать къ стаду паршивыхъ овецъ?“ 3) Назначеніе посланникомъ въ Вѣну чловѣка, отмѣченнаго общественнымъ мнѣніемъ (печатно говорилось прежде о томъ, что онъ сдѣлалъ, и вѣрно опредѣлялась его нравственность), возбуждаетъ толпы, особенно въ высшихъ классахъ, откуда сужденія эти не замедлятъ распространиться и въ публикѣ, что, конечно, не произведетъ хорошаго впечатлѣнія на умы. 4) При послѣднемъ производствѣ въ генералъ-маіоры обойдено было болѣе двадцати чловѣкъ, посѣдѣвшихъ на службѣ; къ нимъ были несправедливы, а почему? Конечно, государь не имѣлъ ни времени, ни случая оцѣнить ихъ заслуги по службѣ. Неужели всѣ они такъ ужъ неспособны, что ихъ нельзя было включить въ большое производство? Это довольно

трудно предположить, и потому является сомнѣніе — не былъ ли государь введенъ въ заблужденіе ложнымъ донесеніемъ, сдѣланнымъ при представленіи доклада о производствѣ? За что, наконецъ, признаны достойными отличія генералы Клейнмихель и Угрюмовъ? Они не только не выдумали, но даже и не нюхали пороху. Неужели можно признавать заслугами съ ихъ стороны то, что они принадлежатъ къ числу флоретовъ графа Аракчеева? Едва ли это обстоятельство можно считать уважительною причиною къ пренебреженію общественнымъ мнѣніемъ. Да, общественное мнѣніе — движущая сила міра, ни съ кѣмъ не совѣтуется; къ нему же всегда надо обращаться за совѣтомъ, въ особенности въ началѣ новаго царствованія. 5) Лица, содержавшіяся въ тюрьмахъ за преступленія, не поименованныя въ первомъ пунктѣ манифеста, освобождены полиціею изъ заключенія, въ силу дарованной имъ амнистіи. Но не представлялось ли необходимымъ, предварительнаго исполненія подобнаго распоряженія, принять мѣры предосторожности, а именно, чтобы личности эти высланы были изъ столицы, для водворенія на мѣстахъ ихъ родины? Частныя лица, которымъ принадлежатъ эти люди, въ качествѣ крѣпостныхъ, и общества, къ которымъ они приписаны, не имѣютъ ни средствъ, ни возможности исполнить это. Не слѣдуетъ ли теперь опасаться, что только-что освобожденные заключенные, содержавшіяся въ тюрьмахъ съ преступниками, также выпущенными на волю, будутъ подстрекаемы послѣдними къ совершенію безпорядковъ и нарушенію общественнаго спокойствія?"

7-го сентября 1826 г.

Настроenie умовъ пока еще спокойно, но затронутые личныя интересы начинаютъ уже волновать ихъ. Недовольные должны молчать, благодаря тому изумленію, какимъ они были поражены осуществленіемъ ожиданій коронаціи; но изумленіе это, конечно, разсѣется; зависть ползаетъ еще у корня дерева; но, мало по малу, она поднимаетъ голову.

Толки о манифестѣ все продолжаются, и теперь о немъ говорятъ уже во всѣхъ слояхъ общества. Осуждаютъ правительство за то, что оно наградило только однихъ блудныхъ дѣтей, что оскорбляетъ тѣхъ, которые вели себя безукоризненно. Послѣдніе

говорять, что нѣтъ никакой заслуги исполнять свои обязанности! „Надо же было что нибудь сдѣлать и для насъ, когда даже грѣшники пользуются милостями. Въ распоряженіи правительства имѣются безчисленные средства для удовлетворенія всѣхъ; была возможность съ пользою примѣнить эти средства; однако-жъ, ограничилисъ тѣмъ, что начинили манифестъ статьями сочиненія министра финансовъ, виды котораго далеко не соотвѣтствуютъ видамъ добраго патріота, что совсѣмъ не политично съ его стороны, такъ какъ онъ и безъ того уже пользуется очень дурной славой въ обществѣ, которое онъ бравируетъ, не думая, что это никогда не проходитъ даромъ. Говорять, что онъ хорошо сдѣлалъ, исходатайствовалъ титулъ барона негоціанту Штиглицу, такъ какъ Россія приобрѣла этимъ миллионера, который, вслѣдствіе этой награды, поселится здѣсь навсегда. Но онъ могъ бы, въ то же время, позаботиться и о покровительствѣ мѣстному купеческому сословію, которое, безъ сомнѣнія, страдаетъ, видя себя забытымъ при раздачѣ милостей.—Не пеликана бы ему имѣть въ гербѣ,—говорять многіе,—а обжору-россомаху! А между тѣмъ и онъ и многіе другіе держатся на своихъ мѣстахъ, не смотря на то, что ложный блескъ, окружавшій ихъ, уже разсѣялся, такъ какъ правительство знаетъ, что думать о преданности этихъ, такъ называемыхъ, приверженцевъ праваго дѣла. Эта-то увѣренность, основанная на опытѣ прошлаго, сама по себѣ уже составляетъ преимущество, вознаграждая правительство за всѣ понесенныя имъ неудачи, такъ какъ знаніе настоящей причины зла служить основаніемъ плана будущихъ дѣйствій. Съ такими данными, съ точностью взгляда и прямою характера трудно дѣлать промахи и ошибки. Можно употребить на дѣло то время, которое пришлось бы потратить на изслѣдованія,—а развѣ это не большое преимущество—имѣть передъ собою торную дорогу?“ Таково, говорятъ, положеніе правительства, которое, однако-жъ, не смотря на это, оставляетъ во главѣ управленія нѣкоторыхъ людей, заклеянныхъ общественнымъ мнѣніемъ.

Нападенія персіянъ порождаютъ слѣдующія замѣчанія: „Война есть дѣло государства,—пользованіе имъ своими наступательными и оборонительными силами для того, чтобы защитить себя отъ зла и преслѣдовать и уничтожить злоупотребленія. Вотъ происхожденіе военнаго права. Цѣль его—сохраненіе, а средство его—

сила. Всякое общество, имѣющее право самозащиты, предупреждаетъ проступки и мститъ за обиды, нанесенныя ему. Вотъ оправданіе войны, которая по существу своему можетъ быть только оборонительною. Наступательная война, собственно говоря, есть преступленіе, котораго не слѣдуетъ допускать. Поэтому, все побуждаетъ насъ собрать всѣ наши силы, чтобы показать Персамъ или, лучше сказать, тѣмъ, кто побудилъ ихъ обнажить мечъ, что миръ есть такое состояніе общества, которое не допускаетъ подобныхъ дѣйствій, нарушающихъ общественное спокойствіе“.

Я сообщаю эти мысли, чтобы показать, какъ умѣренно настроеніе общества въ этомъ отношеніи.

8-го сентября 1826 г.

Случилось то, чего опасались. Въ предпоследнемъ моемъ письмѣ я сообщалъ о произведенномъ, на основаніи манифеста, освобожденіи заключенныхъ изъ тюремъ. Мѣра эта уже оказала неблагопріятное дѣйствіе, такъ какъ 6 сентября совершенно было шесть кражъ, простыхъ и со взломомъ, и полиція каждую минуту ожидаетъ новыхъ безпорядковъ. Между прочимъ, какой-то человѣкъ, очень хорошо одѣтый, выйдя изъ дома, въ которомъ находился тогда нѣкто Авдѣевъ, сказалъ кучеру этого послѣдняго, чтобы онъ вызвалъ своего барина, прибавивъ, что онъ останется на улицѣ и, въ ожиданіи его возвращенія, присмотритъ за дрожками, запряженными парю лошадей; кучеръ попался въ ловушку, а мошенникъ исчезъ съ экипажемъ, стоящимъ 1500 р. Оберъ-полиціймейстеръ отдалъ самыя строгія приказанія о поимкѣ вора.

Учрежденіе министерства императорскаго двора возбуждаетъ много толковъ. Увѣряютъ, что другіе министры будутъ завидовать объему власти, предоставленной новому министру, но что, все-же, это полезная мѣра, такъ какъ сосредоточиваетъ власть и упрощаетъ управленіе. Выборъ князя П. М. Волконскаго всѣми одобряется, въ виду того уваженія и той прекрасной репутаціи, которыми онъ, вполнѣ справедливо, пользуется. Правда и то, говорятъ, что не всякому была бы по плечу та министерская власть, какою онъ обладается.

Предполагають, что у Государя можетъ явиться намѣреніе создать должность перваго министра.—Дѣло Спасскаго причинить, говорятъ, много неприятностей министерству юстиціи; слѣдствіе по этому дѣлу поручено лицамъ, которыя пойдутъ прямою дорогою и вѣроятно сдѣлають новыя важныя открытія въ судебномъ мірѣ. Дѣльцы этого министерства не могутъ скрыть своего безпокойства: они сильно боятся, чтобы не были выведены на чистую воду всѣ тайныя происки коалиціи. Въ средѣ бюрократіи—общая тревога; пора и ей испытать на себѣ, что всему существуютъ предѣлы, и что, наконецъ, надо отдавать отчетъ,—а это—вещь очень затруднительная для многихъ!

Увѣряють, что показаніе нѣкоего Рыкалова было подтверждено донесеніемъ архангельскаго капитанъ-исправника князю Голицыну, по пріѣздѣ туда послѣдняго. Рыкаловъ сообщаетъ одному изъ своихъ знакомыхъ, что дѣло это разъясняется все болѣе и болѣе.

Мордвиновъ до сихъ поръ живетъ въ Пулковской гостиницѣ, и я убѣжденъ, что онъ пріѣзжаетъ, потихоньку, сюда.

Мало по малу, начинаютъ довольно смѣло высказываться о томъ произволѣ, съ какимъ было сдѣлано распредѣленіе наградъ.

9-го сентября 1826 г.

Вчера дирекціей театровъ данъ былъ маскарадъ. Съ ея стороны было сдѣлано все, чтобы занять общество и доставить ему удовольствіе; всѣ ея старанія были направлены къ этому. Но собраніе было не очень многочисленно и почти совсѣмъ не видно было характерныхъ масокъ. Весь beau-monde помѣщался въ ложахъ; въ залѣ же ходили только обычныя посѣтители маскарадовъ. Извѣстно, что маскарады Большаго театра, за исключеніемъ нѣмецкой масляницы, не посѣщаются высшимъ обществомъ, не желающимъ мѣшаться съ толпой. Надо сказать, что вчера никакихъ излишествъ не было; нельзя также умолчать и о томъ, что въ маскарадѣ было не болѣе десяти человекъ гвардейскихъ офицеровъ, да и тѣ уѣхали рано. Балъ начался въ десять часовъ и кончился въ два часа ночи.

Считаю долгомъ сообщить о нижеслѣдующихъ общихъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ относительно чиновниковъ, уличенныхъ во взяточничествѣ:

— „Обуздать лихоимство и воровство — дѣло столь же справедливое, какъ благоразумное и необходимое; кто не преступилъ самъ и не слѣпъ, тотъ долженъ согласиться съ этимъ. Но чѣмъ строже будутъ наказывать, и чѣмъ чаще станутъ прибѣгать къ этому, тѣмъ больше будетъ людей оскорбленныхъ и, слѣдовательно, затронутыхъ личныхъ интересовъ. Виновные будутъ постоянно повторять одинъ и тотъ же припѣвъ: „Дайте намъ обезпеченное положеніе, соотвѣтствующее той службѣ, каковую отъ насъ требуютъ, и тогда удвойте строгость во всемъ, что касается точности исполненія нашихъ обязанностей“. Но говорить объ этомъ легче, нежели исполнить, такъ какъ откуда же правительству взять средства на покрытіе увеличенныхъ, такимъ образомъ, расходовъ, которые, по всей вѣроятности, превзойдутъ цифру, назначенную по росписи. Нѣкоторые утверждаютъ, что потребныя на это средства могутъ быть получены, если, во 1-хъ, удерживать 10% съ пожизненныхъ пенсій свыше 1000 р., во 2-хъ, взыскивать небольшой налогъ съ поземельной собственности, пожалованной частнымъ лицамъ, съ правомъ пользоваться доходомъ съ нея, въ 3-хъ, увеличить нѣсколько пошлыны съ мировыхъ сдѣлокъ между частными лицами, и въ 4-хъ, наложить пошлыны на издержки по судопроизводству; одна эта послѣдняя статья сдѣлала бы значительную прибавку къ доходамъ“.

По поводу преобразованій въ администраціи дѣлаютъ слѣдующія замѣчанія:

— „Министръ финансовъ имѣетъ слишкомъ большія права. Слѣдуетъ упростить составъ управленія и принять норму, существовавшую до учрежденія министерствъ. Казначейство, департаментъ торговли и промышленности, равно какъ завѣдываніе рудниками и министерствомъ государственныхъ имуществъ, должны бы составить отдѣльныя отрасли управленія, дѣйствія коихъ контролировались бы высшей властью, т. е. Государственнымъ Совѣтомъ; тогда въ мѣропріятіяхъ было бы болѣе единства и легче было бы слѣдить за ходомъ дѣлъ. Министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено, напротивъ, слишкомъ мало власти и онъ имѣетъ слишкомъ мало вліянія на дѣла. Ему слѣдовало бы предоставить болѣе обширную власть и болѣе нравственного авторитета. Иначе лучшія намѣренія его разобьются при столкновеніи съ существующею неудовлетворительною системою администраціи. Раздѣ-

леніе власти составляетъ также значительное препятствіе правильному ходу дѣлъ. Этому можно помочь преобразованіемъ, имѣющимъ цѣлю централизацію власти. Министерство юстиціи могло бы управляться хорошо, если бы исполнительная часть была правильно организована. Существующіе законы и постановленія все опредѣляютъ, все предусматриваютъ, но судьи дѣйствуютъ совершенно противно цѣлямъ правительства. Министръ юстиціи, имѣя дурныхъ помощниковъ, не можетъ ничего сдѣлать для пользы общества, не смотря на всѣ свои добрыя намѣренія. Тутъ болѣе, чѣмъ въ какой либо другой отрасли управленія, нужно оградить отъ нужды человѣка, являющагося орудіемъ закона. Другой, не менѣе важный предметъ, требующій преобразованія, есть судопроизводство, въ которомъ не было бы никакихъ недостатковъ, если бы судьи и мелкіе чиновники не были принуждены затягивать дѣлъ, чтобы вымогать деньги у тѣхъ, которые имѣютъ несчастіе вести тяжбу. Устраните это зло при строгомъ надзорѣ, вы будете имѣть возможность искоренить многочисленныя злоупотребленія, встрѣчающіяся въ судебномъ вѣдомствѣ.

Титулярные совѣтники, не прослужившіе въ этомъ чинѣ опредѣленнаго закономъ числа лѣтъ, не могутъ быть произведены въ коллежскіе ассесоры, если бы даже не дослужили до срока только одного дня. „Манифестъ, говорятъ они, не многихъ сдѣлаетъ счастливыми. Мы, прослужившіе двадцать лѣтъ, лишены надежды на повышеніе, такъ какъ не въ состояніи выдержать экзаменъ, требуемый указомъ 1809 года. Почему не ограничить этотъ указъ, для насъ, конечно, а не для будущаго поколѣнія, требованіемъ познаній, необходимыхъ при исполненіи занимаемыхъ нами должностей? Это незначительное отступленіе примирило бы интересы правительства съ нашими, и никто не имѣлъ бы права считать себя обиженнымъ“.

10-го сентября 1826 года.

Возвратившіяся изъ Москвы лица рассказываютъ, за достоверное, слѣдующій фактъ. Министръ финансовъ когда-то приказалъ московскому вице-губернатору для сбора невнесенныхъ въ срокъ косвенныхъ налоговъ прибѣгать къ дозволяемымъ законамъ принудительнымъ мѣрамъ. Сумма этихъ взысканій дошла до

800,000 рублей; 280 лавокъ были опечатаны; но владѣльцы ихъ не очень горевали, рассчитывая на то, что въ манифестѣ будетъ статья, касающаяся и ихъ. Обманутые въ своей надеждѣ, они за два дня до отъѣзда министра Канкринна, собрались, чтобы сообща обсудить дѣло. Результатомъ ихъ совѣщанія было рѣшеніе отправиться всѣмъ вмѣстѣ во дворецъ, броситься къ стопамъ Государя и просить его о сложеніи недоимки, которую для нихъ тѣмъ невозможнѣе уплатить въ настоящую минуту, что и печати еще не сняты съ ихъ лавокъ. Вице-губернаторъ поѣхалъ къ министру и доложилъ ему, что онъ не имѣлъ возможности исполнить прежнія приказанія, въ виду того бѣдственнаго положенія, въ какомъ находились купцы. При этомъ онъ просилъ министра дать ему предписаніе по этому предмету, и тотъ прислалъ ему приказаніе—исполнить законъ, не прибѣгая къ строгости. Послѣ этого, вице-губернаторъ снова отправился къ министру и заявилъ ему, что во-избѣжаніе всякой отвѣтственности, онъ считаетъ себя вынужденнымъ довести объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія Государя,—прибавивъ, что взыскивая теперь налогъ, неуплоченный своевременно, можно рисковать вызвать сильное волненіе между торговцами. Г. Канкринъ, уже совершенно готовый къ отъѣзду изъ Москвы, тотчасъ же поѣхалъ во дворецъ и выхлопоталъ отмѣну налога.

„Вотъ что случилось въ Москвѣ! восклицаютъ здѣсь,—это доказываетъ, какъ сильно ненавидятъ министра“. Къ этому разсказу еще прибавляютъ, что московскіе купцы во-всеуслышаніе проклинали Канкринна, говоря, что онъ причиною всѣхъ испытанныхъ ими непріятностей; что Государь былъ обманутъ ложными донесеніями, и что спокойствіе до тѣхъ поръ не будетъ восстановлено, пока Канкринна не удалятъ отъ дѣлъ.

Нѣкоторые увѣряютъ, что будетъ изданъ второй манифестъ; другіе же предполагаютъ, что правительство ограничится обнародованіемъ указовъ о назначеніи новыхъ наградъ.

Говорятъ, что всѣ чрезвычайныя посольства, на обратномъ пути изъ Россіи, пройдутъ черезъ Варшаву, и что, поэтому, великій князь Константинъ Павловичъ прибудетъ сюда не раньше тезоименитства государя,—значитъ только въ началѣ декабря мѣсяца 1826 г.

Общество удивляется молчанію правительства о Персидскихъ

дѣлахъ, особенно послѣ выраженнаго въ первой реляціи обща-
нія тотчасъ же извѣщать обо всемъ, касающемся этого предмета,
по мѣрѣ полученія донесеній. Было бы трудно предполагать, что
Персы, послѣ такого наглаго начала, сидѣли бы до сихъ поръ
сложая руки.

11-го сентября 1826 г.

Настроение умовъ удовлетворительно только въ низшихъ сосло-
вяхъ; далеко нельзя того же сказать о высшемъ и среднемъ клас-
сахъ населенія. Если послушать, — такъ окажется, что задѣты част-
ные интересы нѣкоторыхъ выдающихся личностей. Купечество
возстаетъ противъ финансовой системы Канкрина, паденіе кото-
раго — какъ увѣряютъ — весьма близкое, не возбудитъ ни въ комъ
сожалѣній. Очень сильно желаютъ также измѣненія организаціи
министерствъ и въ особенности установленія такого порядка, ко-
торый возвелъ бы въ принципъ правильность въ управленіи и по-
стоянный контроль.

Въ дѣлѣ управленія, говорятъ, существуютъ двѣ важныя сто-
роны, которыя слѣдуетъ старательно отличать одну отъ другой;
одна изъ этихъ сторонъ — нравственная, другая — матеріальная:
первая — голова, вторая — руки. Свойства ихъ весьма различны и
опытъ показалъ, что онѣ должны быть отдѣляемы одна отъ другой,
такъ какъ способность выполненія не совмѣстима съ умѣніемъ
распоряжаться. Намъ не достаетъ еще очень важнаго условія, —
прибавляютъ нѣкоторые, — а именно — централизаціи власти; у насъ
слишкомъ много развѣтвленій и потому мало единства. Едва ли
можно будетъ помочь этому недостатку иначе, какъ учредивъ
должность перваго министра и возвратившись, — по крайней
мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, — къ коллегіальному порядку, ко-
торый одинъ только въ состояніи установить начало солидарной
отвѣтственности.

Разбирать правительственныя распоряженія и разсуждать о
политикѣ — болѣзнь вѣка, и потому Персидская война представ-
ляетъ богатую канву нашимъ всегдашнимъ такъ называемымъ
клубнымъ столпамъ. Привожу тѣ изъ этихъ замѣчаній и разсуж-
деній, которыя теперь въ наибольшемъ ходу:

„Императоръ Александръ былъ властителемъ и распоря-

дителемъ въ Европѣ. Политическая система государствъ основана была на указанныхъ имъ началахъ. Все зависѣло отъ него, вслѣдствіе личнаго значенія, которымъ онъ пользовался въ качествѣ миротворителя. Ключъ къ этой системѣ извѣстенъ былъ только ему одному; онъ унесъ его съ собою въ могилу, такъ что теперь очень трудно съ точностью опредѣлить—что слѣдуетъ дѣлать для поддержанія политическаго равновѣсія въ Европѣ. Кабинеты Сентъ-Джемскій и Вѣнскій имѣютъ тайные виды,—это почти не подлежитъ сомнѣнію; они, кажется, вовсе не думаютъ о водвореніи общаго спокойствія.—Что такое война? Что такое миръ? Война есть приложеніе силъ государства, употребленіе наступательныхъ и оборонительныхъ средствъ для огражденія его отъ потерь и для преслѣдованія за причиненный вредъ. Миръ—есть прощеніе нанесеннаго зла, бывшаго причиной войны. Миръ нарушенъ теперь и явнымъ и тайнымъ нападеніемъ. Кто, смотря здраво на вещи, не узналъ бы прямого намѣренія вызвать безпорядки въ тѣхъ проискахъ, вслѣдствіи которыхъ Персія объявила войну? Повидимому, нѣкоторые кабинеты промѣняли траншею на мину, такъ какъ было невозможно предположить, чтобы шахъ не рассчитывалъ на поддержку съ ихъ стороны. Итакъ, кабинеты эти находятся въ постоянно враждебныхъ отношеніяхъ къ тѣмъ, которые заинтересованы въ сохраненіи мира, и потому послѣдніе имѣютъ полное право силу отражать силою же. Конечно, нѣтъ ничего дороже человѣческой крови: кто, кромѣ революціонеровъ, можетъ безъ ужаса смотрѣть на пролитіе хотя капли этой крови! Но бываютъ случаи, когда человѣкъ служитъ искупленіемъ человѣку, когда личность приносится въ жертву обществу,—тогда кровь ея проливается законно. Въ этого—все безуміе и преступленіе. Настоящій случай не одинъ ли изъ тѣхъ, когда выбирать не приходится, когда выборъ указывается самими обстоятельствами? Если нападеніе,—тайное или открытое, дѣлается безъ предваренія, то и защита непремѣнно должна слѣдовать по тому же пути, въ виду вѣковаго правила средства защиты уравнивать со средствами нападенія. Возраженіе, что персы только добиваются возстановленія прежней администраціи въ пограничной провинціи,—не можетъ быть принято, такъ какъ обладаніе этою провинціею уступлено намъ торжественнымъ трактатомъ. Итакъ,

хорошая война необходима,—не для того только, чтобы отразить неправоe нападеніе, но и потому, чтобы помѣшать проискамъ тѣхъ, которые хотятъ ловить рыбу въ мутной водѣ“.

12-го сентября 1826 г.

Увѣряютъ, что проценты на капиталы, внесенные въ правительственные кредитныя учрежденія, будутъ сокращены до 4-хъ. Слухъ этотъ производитъ очень благопріятное впечатлѣніе, подавая дворянству надежду поправить свой кредитъ.

„Постановленія, существующія относительно торговли, задерживаютъ,—какъ говорятъ,—развитіе національной промышленности, такъ что скоро окажется необходимымъ возвратиться къ закону, извѣстному подъ именемъ *Гордובהго Положенія*, который былъ гораздо выгоднѣе и для правительства, и для управляемыхъ, чѣмъ всѣ нынѣ дѣйствующія правила. Когда, говорятъ, перестанутъ придерживаться того ложнаго мнѣнія, что будто бы интересъ правительства состоитъ въ нагроможденіи повинностей на повинности и налоговъ на налоги! Не пора ли уже отстать отъ этого и возвратиться къ старому порядку управленія?... Но противъ этого возстаютъ личные интересы. Министры и люди, занимающіе хорошія мѣста, не хотятъ пожертвовать общему благу ни своимъ вліяніемъ, ни своею властью. Ихъ кліенты и подчиненные слѣдуютъ тому же примѣру, а общественное дѣло страдаетъ тѣмъ сильнѣе, что манифестъ не даетъ никакой утѣшительной надежды въ будущемъ. Предполагаютъ, что будетъ изданъ другой манифестъ, объяснительный и дополнительный; но не лучше ли было бы сразу достигнуть предназначенной цѣли? Опытъ доказываетъ, что правительство смѣло можетъ требовать многого, лишь бы оно воздвигало зданіе, ненуждающееся въ подпоркахъ. Стоитъ только бросить взглядъ на прошлое, чтобы удостовѣриться въ этомъ,—стоитъ только вспомнить какъ были проведены административная и финансовая реформы,—сколько въ нихъ было силы и въ какой, казалось, благородной цѣли были онѣ направлены. Это было преобразование государственнаго строя по правильному плану. Обширность этой задачи была не единственной ея опасностью, ибо она льстила, въ одно и то же время, и самолюбію и смѣлости, заранѣе подготавливая извѣненія неловкости мастеровъ, чтобы обезпечить за ними возможность отсрочекъ въ будущемъ. Теперь же,

когда опытъ приподнялъ завѣсу,—мы узнаемъ, что необходимо возвратиться, во многихъ отношеніяхъ, къ прежнему порядку вещей, что, конечно, легче задумать, чѣмъ исполнить, такъ какъ дѣло идетъ объ исправленіи безъ потрясеній“.

Увѣряютъ, что большинство отставныхъ военныхъ можетъ найти вѣрныя средства къ существованію, предложивъ свои услуги откупщикамъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то они боятся имѣть дѣло съ министромъ финансовъ, такъ что, думаютъ, конкуренція будетъ не слишкомъ сильна. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого будетъ пониженіе цѣнъ на торгахъ въ январѣ будущаго 1827-го года.

Должно сознаться, что общество недовольно министромъ финансовъ и его управленіемъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что изъ тысячи человѣкъ найдутся, можетъ быть, около десяти, которые подымутъ голосъ въ его пользу. Разговоры только и вертятся на его операціяхъ; большіе и малые толкуютъ о финансахъ; каждый судить по своему. Министръ держится своей партіи, которая не особенно-то сильна.

Лица, пріѣхавшія съ Кавказа, увѣряютъ, что десять полковъ спѣшатъ форсированнымъ маршемъ, на соединеніе съ арміей генерала Ермолова, который, какъ говорятъ, не дождавшись этого подкрѣпленія, энергично началъ наступленіе противъ персовъ, ограничивающихся, однако-жъ, малой войной въ горахъ.

13-го сентября 1826 г.

Разборъ манифеста все еще продолжается. Вотъ что замѣчаютъ по поводу статьи, на основаніи которой должны быть прекращены всѣ дѣла, возбужденныя по преступленіямъ, неподходящимъ подъ рубрики: убійство, грабежъ или хищничество, разбой и взяточничество. Если держаться буквы закона, то окажется, что такіа важныя преступленія, какъ ограбленіе церкви, поддѣлка документовъ и фабрикація фальшивой монеты, и множество другихъ, влекущихъ за собою, по существующимъ законамъ, высшую мѣру наказанія,—вовсе не подходятъ подъ поименованныя рубрики. Предположить, что правительство даруетъ амнистію за эти преступления—невѣроятно; значитъ слѣдуетъ подразумѣвать, что на нихъ не распространяется дѣйствіе манифеста; но такіа недомолвки

не должны быть допускаемы въ законѣ. Лучше было бы, по примѣру манифеста 1793 года, съ точностью обозначить всѣ случаи; иначе, пожалуй, судья можетъ прекратить всякое преслѣдованіе по дѣламъ не менѣе важнымъ, чѣмъ поименованныя въ первомъ пунктѣ, и если бы ему указали на то мѣсто въ Евангеліи, гдѣ сказано: законъ убиваетъ, а духъ оживотворитъ, то онъ могъ бы, въ свое оправданіе, весьма основательно сослаться на то, что ему положительно воспрещено отступать отъ буквы торжественнаго акта, и что ему не приходится ни объяснять смыслъ этого акта, ни отыскивать въ немъ недоразумѣнія.

Говорятъ еще, что срокъ, назначенный для возвращенія бѣглыхъ, слишкомъ кратокъ и не соотвѣтствуетъ огромному протяженію имперіи; что въ прежнихъ манифестахъ, обнародованныхъ при важныхъ событіяхъ, срокъ этотъ былъ опредѣляемъ: для бѣглыхъ, находившихся въ предѣлахъ государства—годовой, а для жившихъ заграницею—двухъ-годовой.

Изъ дневныхъ приказовъ по полиціи, отданныхъ послѣ изданія манифеста, видно, что съ недавняго времени случаи воровства стали гораздо чаще прежняго; вслѣдствіе чего чинамъ полиціи предписывается удвоить бдительность. По мнѣнію нѣкоторыхъ, причиною этихъ безпорядковъ слѣдуетъ признать освобожденіе заключенныхъ изъ тюремъ прежде, чѣмъ приняты были необходимыя мѣры предосторожности.

И такъ, говорятъ, надо ожидать въ скоромъ времени появленія нѣсколькихъ распоряженій, относительно реформъ по разнымъ отраслямъ управленія и, можетъ быть, даже изданія указа, объясняющаго тѣ статьи манифеста, которыя требуютъ разъясненія. То же самое было, замѣчаютъ, въ 1814 году, и та же цѣль была достигнута указомъ.

Говорятъ, что генералъ Кутузовъ будетъ назначенъ первымъ наставникомъ Е. И. В. наслѣдника, а его мѣсто займетъ генералъ Васильчиковъ; что генералъ Закревскій будетъ военнымъ министромъ; что возвращеніе Государя въ Петербургъ, можетъ быть, будетъ отложено, вслѣдствіе предпринимаемыхъ его величествомъ поѣздокъ въ окрестностяхъ Москвы (между прочимъ говорятъ о поѣздѣ въ Тулу); что тѣ лица, которыя до сихъ поръ не получили никакихъ наградъ, могутъ надѣяться получить что нибудь къ Николину дню.

14 сентября 1826 г.

Сообщаю слухи и разговоры: говорятъ, что о Персидскихъ дѣлахъ получены въ Москвѣ такія вѣсти, которыя не поторопятся сообщить намъ; что амнистія, дарованная манифестомъ, имѣетъ главною цѣлью побудить находящихся въ Персіи русскихъ дезертировъ возвратиться въ отечество; что генераль Ермоловъ рѣшился выйти изъ оборонительнаго положенія и, дѣйствуя энергически на двухъ главныхъ пунктахъ,—двинуться во-внутрь Персіи; планъ этотъ будто бы внушенъ ему генераломъ Паскевичемъ.

Говорятъ, что въ губерніяхъ, образующихъ округъ генерала Балашева, беспорядки и растраты доходятъ до такой степени, что придется до основанія разрушить все устроенное имъ, чтобы имѣть возможность исправить зло, пустившее весьма глубокіе корни, и что подобное положеніе дѣлъ заставляеть многихъ помѣщиковъ выселяться въ другія губерніи.

Разсказываютъ, что графъ Аракчеевъ прислалъ сюда сына своего Шумскаго, извѣстнаго своимъ развратнымъ поведеніемъ, для того, чтобы засадить его или отдать подъ присмотръ. Этотъ молодой человекъ, напившись пьянымъ въ какомъ-то трактирѣ, сталъ придиратся и вызывать всѣхъ на ссору, за что и былъ вытолкнутъ за дверь нѣсколькими грубыми нѣмцами, не обратившими вниманіе на то, что онъ носитъ званіе флигель-адъютанта его величества императора Россіи, которымъ онъ и хотѣлъ, было, прикрыться какъ щитомъ.

Такъ какъ никто не возбуждаетъ такой ненависти, какъ графъ Аракчеевъ, то многіе стараются распространить разсказъ о столкновеніи этого сановника съ французскимъ таможеннымъ чиновникомъ, который настоялъ на томъ, чтобы осмотрѣть сундуки графа и даже добрался до шкатулки важнаго путешественника, не принявъ во вниманіе всѣхъ его титуловъ. По пріѣздѣ въ Парижъ, Аракчеевъ тотчасъ же обратился съ жалобою къ нашему посланнику, который, обмѣнявшись нѣсколькими записками съ французскимъ министерствомъ, долженъ былъ заявить графу, что таможенный чиновникъ признанъ невиновнымъ, такъ какъ онъ только исполнялъ свою обязанность. Саркастическія замѣчанія, дѣлаемыя нашею публикою по этому поводу,—безконечны.

Увѣряють, что конгрессъ перенесенъ изъ Аккермана въ Одессу, и Александръ Потоцкій получилъ письмо, въ которомъ его извѣщаютъ о прибытіи турецкихъ пословъ въ этотъ послѣдній городъ. Прибавляютъ, однако, что, судя по послѣднимъ переговорамъ, этимъ господамъ дали только двадцати-дневный срокъ для окончательнаго рѣшенія, и что все принимаетъ враждебный и воинственный характеръ.

Много смѣются надъ дирекціей театровъ, вычеркнувшей изъ своего репертуара знаменитую оперу Моцарта „Милосердіе Тита“, которая давалась здѣсь, въ продолженіи многихъ лѣтъ, при торжественныхъ случаяхъ. Къ чему подавать, такимъ образомъ, поводъ къ разнымъ догадкамъ и предположеніямъ, которыя, безъ этого, никому бы и въ голову не пришли?!

Ходитъ слухъ, пока еще темный, но которому, однако-жъ, многіе вѣрятъ, что слѣдственная коммисія, разбиравшая дѣло о заговорщикахъ, сдѣлана постоянною. Говорятъ, что это будетъ тайное судилище, вѣднію котораго будутъ подлежать дѣла по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ. Обстоятельство это производитъ весьма дурное впечатлѣніе.

14 сентября 1826 г.

Люди, увѣряющіе, что хорошо знаютъ дѣло Спасскаго, на-дѣлавшее такого шума, рассказываютъ о немъ слѣдующія подробности:

Старикъ Кожевниковъ, отецъ того, который игралъ у Спасскаго роль искусителя, оставилъ своему сыну, по духовной, сдѣланной въ 1812 году, капиталъ въ семь милліоновъ, съ оговоркой, что пять изъ нихъ должны остаться въ пользованіе его дѣтямъ, когда они достигнутъ совершеннолѣтія, а двумя остальными онъ можетъ самъ распорядиться, но не иначе, какъ съ согласія своей матери и мужа своей сестры. Онъ сумѣлъ добиться этого согласія и купилъ великолѣпную дачу въ шести верстахъ отъ Москвы, для устройства тамъ фабрики, которая обошлась ему, считая въ этомъ и землю,—болѣе милліона рублей. Заведеніе это приноситъ ему весьма значительный доходъ. Самъ онъ на очень хорошемъ счету у московскаго военнаго генералъ-губернатора, который исходатайствовалъ ему званіе коммерціи

совѣтника и орденъ св. Анны. Наконецъ, онъ состоитъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лицами высшаго круга и закадычный пріятель Спасскаго. Скандальная хроника увѣряетъ даже, что онъ ухаживаетъ за женой своего друга, изъ чего заключаютъ, что если онъ и былъ причиною сдѣланнаго открытія, то ужъ конечно не желалъ выдать Спасскаго. Прибавляютъ еще, что одинъ купецъ, армянинъ, игравшій въ этой исторіи роль барана, просилъ Кожевникова уговорить Спасскаго принять отъ него 2000 руб. и содѣйствовать ему въ Сенатѣ, гдѣ у него шель какой-то процессъ; такимъ образомъ Кожевниковъ согрѣшилъ чисто по невѣдѣнію.

Зная дурной характеръ Спасскаго, многіе находятъ теперь въ смертельной тревогѣ, въ ожиданіи результатовъ, къ которымъ приведутъ допросы, такъ какъ заранѣе предвидятъ, что Спасскій не задумается компрометировать своихъ сообщниковъ или тѣхъ, кто также вкусилъ отъ запретнаго плода. Называютъ уже Пещурова и многихъ другихъ, состоящихъ при министрѣ юстиціи, которые въ настоящее время не только поражены, но просто въ отчаяніи, какъ въ виду того серьезнаго оборота, какой принимаетъ это дѣло, такъ и назначенія для производства слѣдствія лицъ, которыя ни передъ чѣмъ не остановятся. Подсудимые не имѣютъ за себя никакихъ шансовъ, особенно если это правда, что донесшій на Спасскаго тотъ же самый, который донесъ и на Дьякова, т. е. нѣкій Бачишкаревъ, настоящая ядовитая гадина; страшно безнравственный самъ, онъ тѣмъ опаснѣе для людей не совсѣмъ чистыхъ, что, кажется, задался цѣлью вывести всѣхъ ихъ на чистую воду, такъ что приверженцы бюрократіи не имѣютъ врага болѣе опаснаго и болѣе способнаго разоблачить ихъ тайны, — какъ этотъ господинъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что политическій термометръ въ канцеляріяхъ министерствъ юстиціи и финансовъ стоитъ, по меньшей мѣрѣ, на „variable“. — „Пусть и они узнаютъ, — говоритъ большинство публики, — что всему бываетъ конецъ, и что правительство, наказывая ихъ, дѣлаетъ самое справедливое примѣненіе закона о возмездіи“.

14 сентября 1826 г.

Настроение умовъ начинаетъ понемногу колебаться. Надежда и ожиданіе, державшія его въ равновѣсіи, ослабѣваютъ. „Значитъ, не будетъ никакихъ перемѣнъ!“—кричатъ со всѣхъ сторонъ. „Государь хочетъ удержатъ при себѣ старыхъ глупцовъ, чтобы доказать, что онъ одинъ можетъ управлять. Капризы и упрямство Канкрина по прежнему будутъ раззорять нашу торговлю и промышленность; репрессивныя мѣры становятся суровѣе, но нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ законовъ насчетъ взаимныхъ обязанностей между помѣщиками и ихъ крестьянами“!.. Вотъ замѣчанія, раздающіяся то здѣсь, то тамъ, и очень усердно выслушиваемыя. Недовольные подхватываютъ ихъ и комментируютъ съ свойственной имъ горечью. Манифестъ продолжаютъ разбирать и осуждать съ какимъ-то ожесточеніемъ. Особенно стараются растерзать на части новый цензурный уставъ, экземпляры котораго встрѣчаешь даже въ гостинодворскихъ лавкахъ. Литераторы въ отчаяніи. Писатели и журналисты носятся съ своимъ негодованіемъ по всѣмъ кружкамъ, которые они посѣщаютъ, а у нихъ связи и знакомства огромныя.

Всюду говорятъ преимущественно о манифестѣ и о войнѣ съ бюрократіей.—„Намѣренія государя, говорятъ, самыя благотворныя,—одни зложелательные или слѣпые могутъ въ этомъ сомнѣваться; но онѣ не выполняются съ требуемой точностью; въ манифестѣ же намѣренія эти неузнаваемы. Съ одной стороны—дурно примѣненное снисхожденіе, а съ другой—никакого облегченія тѣмъ, которые находятся въ ненадежномъ положеніи. Конечно, дворянство и купечество имѣютъ несомнѣнныя права на отеческую заботливость со стороны правительства и послѣднее обладаетъ всѣми средствами для улучшенія положенія какъ этихъ двухъ, такъ и остальныхъ сословій. Посыпались милости, но воспользоваться ими удалось только немногимъ, поэтому и встрѣчаешь часто вытянутыя лица, между тѣмъ какъ правительство думаетъ, что оно всѣхъ, или почти всѣхъ, удовлетворило. Правду говорятъ, что умѣнье давать кстати—одинъ изъ лучшихъ атрибутовъ власти, и что количествомъ не всегда можно возбудить общее довольство.“

Нельзя не замѣтить, что судьи находятся въ большомъ затруд-

неніи относительно примѣненія нѣкоторыхъ распоряженій манифеста. „Придерживайся буквѣ закона,—скажутъ многіе,—и ты исполнишь свою обязанность“. Нѣтъ, этого недостаточно, ибо если начальство не допускаетъ никакихъ смягченій въ исключительныхъ случаяхъ, потому только, что законъ не обязываетъ къ этому, то они на каждомъ шагу будутъ встрѣчать затрудненія въ исполненіи своихъ обязанностей. Поэтому-то они и должны какъ можно глубже вдумываться въ смыслъ закона; но много-ли такихъ, которые потрудятся надъ этимъ? а между тѣмъ, сколько будетъ совершенно злоупотребленій подъ покровомъ закона!

Подавить происки бюрократіи—намѣреніе благотворное; но, вѣдь, чѣмъ дальше подвигаешься впередъ, тѣмъ больше встрѣчаешь виновныхъ, такъ что вслѣдствіе одной ужъ многочисленности ихъ они останутся безнаказанными. По меньшей мѣрѣ, преслѣдованіе ихъ затруднится и неизбежно проникнется характеромъ сплетень.

15-го сентября 1826 г.

Настроеніе умовъ не особенно дурно, но оно начинаетъ съ каждымъ днемъ измѣняться къ худшему. Какой-то духъ колебанія, который скорѣе чувствуется, чѣмъ опредѣляется, развивается во всѣхъ слояхъ общества. Опять появляются на сцену строгія порицанія дѣйствій правительства. Литераторы, эти провозвѣстники мнѣній, люди, пользующіеся, въ настоящее время, вліяніемъ больше, чѣмъ когда либо, говорятъ, что новый цензурный уставъ закрываетъ имъ ротъ; общество вторитъ имъ, замѣчая, что такъ какъ новымъ уставомъ не дается даже авторамъ гарантія, опредѣленная законами, то положеніе ихъ становится, подчасъ, очень незавиднымъ. Кромѣ того, прибавляютъ нѣкоторые, такъ какъ отвѣтственность продолжаетъ лежать на писателяхъ даже послѣ того, что сочиненіе пройдетъ чрезъ горнило цензуры, то совершенно лишнее имѣть цензоровъ. Далѣе, къ чему было издавать законъ, который всѣми читается и комментируется всюду, даже на рынкахъ? Низшіе классы общества, думавшіе прежде только о своихъ собственныхъ дѣлахъ, анализируютъ въ настоящее время всѣ правительственныя распоряженія: отъ этого происходитъ то, что за ними теперь труднѣе слѣдить.

Купцы, даже торговцы старымъ платьемъ, открыто говорятъ о томъ вліяніи, какое имѣетъ на всѣ финансовыя дѣла слишкомъ извѣстный, по своей дурной славѣ П*. Кредитъ его у генерала Канкина, говорятъ, такъ великъ, что онъ предлагаетъ оказать протекцію тѣмъ, кто собирается участвовать въ торгахъ на снятіе винныхъ откуповъ. По словамъ одного купца, Вешнякова, подтверждаемымъ и другими лицами, П* просилъ съ него деньги за ходатайство передъ министромъ.

Извѣстно также, что надъ канцеляріей министерства финансовъ собирается гроза; всѣ тамъ ходятъ съ вытянутыми лицами, вслѣдствіе официальнаго сообщенія генерала Ермолова, передавшаго министру доносъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, бывшаго чиновника гродненской казенной палаты, о томъ, что палата эта виновна въ злоупотребленіяхъ при представленіи своихъ отчетовъ; что вице-губернаторъ сдѣлалъ въ счетахъ произвольныя добавленія; черновыя этихъ счетовъ, писанныя имъ собственноручно, остались у доносчика и теперь служатъ явными доказательствами вѣрности этого факта.

Замѣчаютъ, что м-ше Жуковская, извѣстная тѣмъ, что прежде занималась устройствомъ *des parties fines*, получила недавно пожизненную пенсію. Много толкуютъ объ этомъ, увѣряя, что государя обманываютъ.

Говорятъ также о двухъ выраженіяхъ, употребленныхъ въ дневномъ приказѣ по полиціи, а именно: истребить и уничтожить нищихъ, которыми кишитъ городъ. Кажется, что слѣдовало бы искоренить нищенство, а не нищихъ; что же касается тѣхъ, которые занимаются этимъ ремесломъ, то имъ можно просто воспретить его, стараясь, въ то же время, доставлять средства къ существованію людямъ бѣднымъ, стыдящимся протягивать руку, и преслѣдовать бродягъ и тунеядцевъ, которые, подъ предлогомъ нищенства, скрываютъ распутство, пороки и преступленія. Вотъ цѣль правительства, и въ этомъ смыслѣ слѣдовало бы составить приказъ; по крайней мѣрѣ, это мнѣніе всѣхъ, читавшихъ его.

Раздаются общія жалобы на дѣйствія многихъ личностей, способныхъ развѣ исполнять обязанности комисіонеровъ, но которыхъ, между тѣмъ, разыгрываютъ роль адвокатовъ и тянутъ деньги съ тѣхъ, чьи дѣла они ведутъ. По большей части, это поляки,

исключенные въ Польшѣ изъ списка адвокатовъ, и занимающіеся здѣсь этою профессіей, во вредъ обществу. Это-то обстоятельство и заставляетъ сознать необходимость учрежденія палаты адвокатовъ, на обязанности которыхъ было бы экзаменовать ходатаевъ по дѣламъ и наблюдать за тѣми изъ нихъ, которые получаютъ свидѣтельства. Палату эту можно бы было сдѣлать отвѣтственной передъ правительствомъ за нравственность состоящихъ подъ ея надзоромъ личностей, и придать ей большое значеніе, чтобы учрежденіе это достигло своей цѣли, а именно—очистило столицу отъ людей, злоупотребляющихъ довѣріемъ публики, и доставило бы людямъ притѣсняемымъ возможность отыскивать свои права, не платя произвольно налагаемой на нихъ дани.

Увѣряютъ, что Спасскій указалъ на многихъ значительныхъ лицъ, какъ на дѣйствовавшихъ за одно съ нимъ, или занимавшихся доходнымъ, но безчестнымъ ремесломъ вымогательства, которое, въ связи съ корыстными дѣйствіями, составляетъ преступленіе, извѣстное подъ именемъ лихоимства. Говорятъ, что подсудимые и сообщники ихъ громко ропщутъ и заявляютъ, что доносы до такой степени размножаются, что, подъ конецъ, придется допрашивать стѣны. Они находятъ, что не слѣдуетъ прибѣгать къ окольнымъ путямъ для разоблаченія ихъ происковъ; замѣчаніе, по меньшей мѣрѣ, странное, возражаютъ другіе,—такъ какъ ничего нѣтъ проще, какъ однимъ чортомъ прогнать другаго. Увѣряютъ, что прокуроры и секретари сената: Пещуровъ, Мясоѣдовъ и Базилевичъ признаны виновными въ вымогательствѣ.

Говорятъ, что Спасскій—человѣкъ, для котораго нѣтъ ничего святого; сердце же у него,—какъ у цыпленка, и поэтому, чтобы какъ нибудь выпутаться, онъ не пощадитъ никого. Широкая сѣть закинута на всѣхъ сторонниковъ бюрократіи. Кажется только,—замѣчаютъ *bon-motist*'ы,—что сѣть эта не Евангельская, и что все, попавшее въ нее, будетъ выброшено. Журавлевъ, Гежелинскій, Ивановъ, Андреевъ, Солодовниковъ, Солоницынъ, эти и многія другія имена, еще прежде отмѣченныя „надзоромъ“, фигурируютъ, какъ увѣряютъ, въ спискѣ лицъ, замѣшанныхъ въ дѣлѣ Спасскаго.

16-го сентября 1826 г.

Чтобы дать вѣрное понятіе о разныхъ сужденіяхъ и толкахъ, распространенныхъ въ обществѣ, мы сочли за лучшее передать ихъ въ формѣ разговоровъ, присоединивъ къ нимъ нѣсколько очерковъ.

Разговоръ рецензента съ агентовъ тайнаго надзора по поводу манифеста, дѣйствій и намѣреній правительства:

Агентъ. Вы желали повидимому поговорить откровенно и безпристрастно о настоящихъ событіяхъ. Подѣлимся нашими взглядами.

Рецензентъ. Рѣшившись говорить откровенно, я выскажу безъ стѣсненія мои собственныя мысли и мнѣнія другихъ лицъ. Мы коснемся главнымъ образомъ трехъ вопросовъ. Чего хочетъ правительство? Что сдѣлало оно по распорядительной части? Что остается ему сдѣлать, чтобы регулировать дѣйствія администраціи во всѣхъ ея разнообразныхъ отрасляхъ? Предоставляю вамъ высказаться первымъ.

Агентъ. Согласенъ; и такъ чтобы быть справедливымъ, скажу вамъ, что до сихъ поръ я вижу въ намѣреніяхъ правительства лишь самое искреннее желаніе содѣйствовать общему благу. Да, я убѣдился въ этомъ желаніи, слѣдя за дѣйствіями правительства въ эпоху, ознаменованную безумными и преступными покушеніями; оно высказалось и въ тѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты имъ для пресѣченія зла въ самомъ началѣ и въ той медленности или, лучше сказать, въ той мудрой осмотрительности, съ какою оно старается не предвѣрять событій, чтобы всегда имѣть возможность сказать: чтобы ни случилось, я не буду застигнутъ врасплохъ; наконецъ, желаніе это высказалось и во всѣхъ правительственныхъ актахъ, которыми оно желало провести реформы, никого не оскорбляя, и выжидать, не выказывая опасенія. Я знаю, что общество критикуетъ и осуждаетъ очень многое, но чтобы высказать по этому поводу свое мнѣніе—необходимо знать, что именно говорить осуждающіе.

Рецензентъ. Я могу высказать это, и мои слова будутъ отголоскомъ общественнаго мнѣнія. 14-го декабря правительство вышло съ честью и славою изъ весьма критическаго положенія. Это фактъ, подтвержденный событіями, поэтому объ немъ здѣсь

не стоитъ и говорить, а слѣдуетъ только разсмотрѣть систему управленія и найти ея слабыя стороны. Опредѣляя недугъ, врачъ долженъ прописать отъ него лекарство. Наша администрація не можетъ опираться на принципъ раздѣленія власти, онъ не годится для самодержавнаго монарха, который долженъ управлять самостоятельно, но съ знаніемъ дѣла, а для этого слѣдуетъ учредить дѣятельный, бдительный надзоръ; который, слѣдя за всѣмъ, отнюдь не стѣснялъ бы и не порождать никакихъ смутъ. Этому надзору, который въ принципѣ долженъ составлять одно нераздѣльное цѣлое, нужно имѣть противовѣсъ, чтобы регулировать дѣйствія управленія. Всякій контроль можетъ принести пользу, если онъ состоитъ изъ двухъ, много изъ трехъ органовъ, тогда можно безошибочно сдѣлать выборъ; но когда существуетъ шесть органовъ, излагающихъ каждый свое собственное мнѣніе, то становится уже труднѣе принять какое либо рѣшеніе, тѣмъ болѣе, если пять голосовъ возстаютъ противъ одного, большинство одерживаетъ обыкновенно верхъ, а мнѣніе не рѣдко бываетъ ошибочно. Не слѣдуетъ забывать, что увеличеніе числа людей, стоящихъ у кормила правленія, составляетъ такое зло, которое влечетъ за собою неисчислимыя послѣдствія: оно не совмѣстно съ единствомъ дѣйствія и централизаціей власти, служащими настоящимъ признакомъ хорошей администраціи, которая не должна терять время въ преніяхъ, когда его можно съ болѣею пользою употребить на дѣло. Эта истина уже слишкомъ общеизвѣстна, однако, ея нибогда не мѣшаетъ повторять. И такъ, выводъ заключеніе изъ всего сказаннаго, мы утверждаемъ, что правительство желаетъ содѣйствовать благу общества, и въ принципѣ не пренебрегало никакими средствами для достиженія этой цѣли, но ему слѣдовало бы увѣнчать дѣло преобразованіями, которыхъ всѣ ожидали отъ манифеста; въ немъ даровано много милостей, но правительство поскупилося на тѣ преобразованія, которыя можетъ даровать только одна верховная власть. Такъ, напримѣръ, было бы весьма полезно и даже необходимо поддержать кредитъ дворянства, облегчивъ займы въ общественныхъ кассахъ и уменьшивъ проценты, уплачиваемые съ капитала; поощрить торговлю, народную промышленность и земледѣліе, возвратившись къ стариннымъ учрежденіямъ, которыя оказались полезными вслѣдствіе многолѣтняго опыта; полезно было бы возстановить коллегіальный по-

рядомъ въ главныххъ отрасляхъ администраціи; ускорить судопроизводство, упростивъ его, такъ какъ оно отличается теперь большими погрѣшностями; увеличить жалованье чиновниковъ, которые, получая мало, вынуждены брать взятки, и предоставить бюрократіи свободу дѣйствій; уничтожить нѣкоторые косвенные налоги, чрезвычайно обременительные, потому что они причиняютъ много хлопотъ, какъ то: адресныя конторы въ обѣихъ столицахъ; регулировать взиманіе земскихъ повинностей, наконецъ, опредѣлить точныя границы всякому сословію съ тѣмъ, чтобы опредѣлить права каждаго изъ нихъ и предупредить всякія недоразумѣнія. Въ манифестѣ не упоминается ни объ одномъ изъ этихъ преобразованій и общество всячески старается объяснить подобныя недомолвки, что отвѣчать ему?

Агентъ. Какъ неблагоприятно общество, которое, выказывая такъ некстати свое нетерпѣніе, воображаетъ, что также легко создавать и преобразовывать, какъ болтать и требовать невозможнаго которое равняется безумію или преступленію. Дѣйствительно, могло ли правительство въ девять мѣсяцевъ совершить столь обширныя преобразованія? Но чтобы оправдать его въ томъ, что въ манифестѣ не упоминается совершенно о всѣхъ тѣхъ преобразованіяхъ, о коихъ вы говорите, нужно было бы знать въ точности всѣ его цѣли и намѣренія. Не имѣя возможности узнать ихъ, слѣдуетъ терпѣливо ожидать ихъ обнародованія, не забывая, что на правительствѣ лежатъ одновременно три обязанности: оно должно дѣйствовать, преобразовывать и руководить. Убѣдившись въ этомъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что если способъ надзора не вполне соответствуетъ цѣли этого учрежденія, то, быть можетъ, по причинамъ, неизвѣстнымъ обществу, было необходимо учредить его временно. Итакъ, общество должно воздержаться отъ поспѣшнаго сужденія до тѣхъ поръ, покуда оно не узнаетъ причину дѣйствій правительства. Все, что вы говорили о неудобствѣ увеличивать число властей и объ отличительныхъ признакахъ хорошей администраціи, совершенно вѣрно; но чтобы обсудить этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ, нужно дождаться возвращенія двора сюда. Желанія общества будутъ исполнены и оно не обманется въ своихъ ожиданіяхъ; нужно только дождаться выполненія тѣхъ мѣръ, которыя, весьма вѣроятно, уже намѣчены администраціей, что дастъ правительству возможность сказать: я исполняю то,

что оно сказало. Это намѣреніе правительства высказывается во всѣхъ его актахъ, въ его отеческой заботливости и даже въ той медленности, съ какою оно совершаетъ свои преобразованія.

Объобщенные очерки пришло завтра.

17-го сентября.

Продолжаю безъ всякихъ предисловій мое вчерашнее письмо.

Очерки: Полиція. Полиція поддерживаетъ порядокъ; первая ея обязанность состоитъ въ томъ, чтобы указать каждому свое мѣсто. Для этого она сама должна знать свое мѣсто и не должна забывать, что примѣръ есть лучший учитель. Полиція составляетъ самое трудное, наименѣе блестящее, но самое славное вѣдомство городского начальства. Она должна предупреждать преступленія, а когда онѣ совершены, наблюдать за тѣмъ, чтобы виновный не избѣгнулъ кары законовъ. Для того, чтобы предупреждать преступленія, полиція должна знать, что именно порождаетъ ихъ, а равно и тѣ признаки, которые имъ предшествуютъ, такъ что въ этомъ случаѣ осторожность и умѣнье нужнѣе всѣхъ атрибутовъ уголовного судопроизводства. Полиція должна быть проникательна для того, чтобы замѣтить признаки, угрожающіе спокойствію общества. Такимъ образомъ, во всемъ худомъ, случающемся въ государствѣ, слѣдуетъ почти всегда обвинять власть, не сумѣвшую предупредить зло. Однако, власть не должна забывать, что полиція не представляетъ собою системы груснаго шпионства, но просто органъ, наблюдающій за исполненіемъ законовъ. Такимъ образомъ, городское управленіе должно знать законы и быть столь же безпристрастнымъ, какъ они. Да это, скажутъ, планъ республики de Moius. Положимъ такъ, но это не причина отказываться отъ усовершенствованія полицейскаго управленія.

Войско. Войско составляетъ въ государствѣ какъ бы отдѣльную націю, составленную изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Для того, чтобы составить изъ нихъ одно цѣлое, нужно было подчинить войско неизмѣннымъ и строгимъ правиламъ, ибо гражданинъ, вступая подъ знамя, становится совершенно инымъ человекомъ: его взгляды, привычки, вкусы—все измѣняется. Только эти законы могли заставить солдата исполнять свои обязанности; душою этихъ правилъ является дисциплина. Поддерживать дисци-

плину безъ малѣйшаго упущенія составляетъ обязанность военной власти, которая не подчиняется никому. Солдатъ не болѣе какъ машина и не долженъ быть ничѣмъ инымъ; самое пассивное послушаніе есть единственное качество, которымъ онъ можетъ отличиться, чтобы сдѣлать честь его девизу: Богъ, государь и знамя. Умереть тысячу разъ скорѣе, нежели измѣнить этому знамени, уважать своихъ начальниковъ и строго исполнять данное приказаніе, вотъ обязанности солдата, подчиненнаго начальникамъ, имѣющимъ различную степень власти. Ближайшимъ начальникомъ солдата является капралъ и фельдфебель. Отъ капрала требуется точность, смѣлленность и хорошее поведеніе. Обязанности его составляютъ обученіе ружейнымъ приемамъ и наблюденіе за порядкомъ въ ротѣ. Дѣятельность фельдфебеля гораздо обширнѣе, на немъ лежатъ всѣ мелочи военной службы. Отъ него требуется хорошій примѣръ и самое безупречное исполненіе служебныхъ обязанностей. Власть его не должна быть стѣснительна для солдатъ, иначе она не будетъ соответствовать цѣли военнаго устава. Итакъ, изъ двухъ фельдфебелей, изъ коихъ одинъ, старшій и угрюмый, заставитъ себя бояться и любить, а другой, менѣе суровый, будетъ придирчивъ; перваго всегда будутъ слушаться скорѣе, такъ что ему будетъ достаточно сказать слово, чтобы его послушались, тогда какъ другой долженъ будетъ прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ, чтобы были исполнены простѣйшія его приказанія. Надъ этой первой инстанціей власти находится другая, составленная изъ офицеровъ всѣхъ чиновъ до ротнаго командира. Они являются сотрудниками послѣдняго и должны вмѣстѣ съ нимъ стараться усовершенствовать, съ одной стороны, матеріальную, а съ другой нравственную части войска. Но для того, чтобы содѣйствовать этой двоякой цѣли, не достаточно присутствовать на парадахъ и ученьяхъ, нужно изучить характеръ солдата, узнать его наклонности, привычки. Пренебрегая этимъ правиломъ, офицеры сдѣлались бы чужды войску и наоборотъ. Офицеры также не должны забывать, что серьезное изученіе своихъ обязанностей необходимо для того, чтобы они могли впослѣдствіи занять высшія должности. Четвертую инстанцію составляетъ ротный командиръ. Войско есть зданіе, а ротные командиры, тѣ столпы, на которыхъ зиждется это зданіе. Неусыпная заботливость о благосостояніи солдата, полнѣйшее безпристрастіе и справедливость составляютъ

необходимыя качества начальника, дорожащаго исполненіемъ своихъ обязанностей. Дѣятельнымъ и осмысленнымъ надзоромъ онъ обязанъ поддерживать военную дисциплину во всей ея силѣ и слѣдить за всѣмъ, что говорится и дѣлается въ казармахъ, словомъ заниматься матеріальной частью, не забывая въ то же время и нравственной стороны службы. Ротный командиръ можетъ слѣдить за всѣмъ, не прибѣгая къ доносчикамъ, которыхъ солдаты обыкновенно не терпятъ; ему стоитъ только сблизиться съ ними, не вдаваясь однако въ фамиллярность, которая всегда портитъ дѣло. И такъ скажемъ въ заключеніе, что при исполненіи своихъ обязанностей ротный командиръ долженъ быть проницателенъ, изучить человѣческое сердце и умѣть поставить себя въ глазахъ войска; въ такомъ случаѣ ему всегда удастся исполнить свои обязанности и держать солдатъ въ повиновеніи. Обязанности баталіоннаго командира, составляющаго пятую инстанцію, основаны на тѣхъ же принципахъ, только гораздо обширнѣе; ибо заступая всегда мѣсто полковаго командира, онъ разумѣется долженъ изучить всѣ обязанности послѣдняго. Наконецъ, мы дошли до послѣдней инстанціи, т. е. до должности полковаго командира. Полкъ представляетъ собою тѣло, въ которое онъ вливаетъ душу, стараясь всевозможными средствами, съ одной стороны, внушить солдату уваженіе къ монарху, преданность знамени, любовь къ порядку, славу и упорность въ трудѣ, неразлучномъ съ военной службою; съ другой—развить въ офицерахъ сословный духъ для того, чтобы образовать изъ нихъ дѣятельныхъ и разумныхъ помощниковъ! Горе тому начальнику, который счелъ бы возможнымъ обойтись безъ помощниковъ. Онъ сталъ бы тогда дѣйствовать совершенно противно цѣли военного устава и своимъ обязанностямъ, которыя столь же важны, какъ обширна его дѣятельность. Онъ глава и направляетъ всѣми членами полка; этимъ все сказано! Достаточно будетъ замѣтить, что одна изъ первыхъ обязанностей его состоитъ въ усвоеніи нравственнаго смысла воинскаго устава, т. е. въ поддержаніи порядка и удовлетвореніи всѣхъ нуждъ войска. Но, спросятъ насъ, что же нужно дѣлать, чтобы достигнуть этой двойной цѣли? Стоитъ только доставить войску всѣ предметы, означенные уставомъ и исполнять его буквально. Нѣтъ, и этого еще не достаточно. Представьте себѣ, что какому нибудь начальнику, слѣпому исполнителю устава, приказано выполнить какое нибудь трудное пору-

ченіе, не уклоняясь отъ точнаго исполненія устава. Если онъ не исполнить этого только потому, что не имѣетъ на это права по уставу, и захочетъ все таки, чтобы солдаты повиновались ему, то они будутъ ему повиноваться, но это дѣйствіе съ его стороны непременно вызоветъ въ войскѣ духъ упорства, составляющій зародышъ всякихъ безпорядковъ. Посмотрите теперь на другаго начальника, требовательнаго, но не столь строгаго какъ первый: онъ не задумался уклониться отъ общаго правила въ затруднительномъ положеніи, прибѣгнуть къ какой нибудь уловкѣ, не упомянутой въ уставѣ, но удобной для исполненія его цѣлей, — дѣйствія его увѣнчаются успѣхомъ, такъ какъ онъ постигъ смыслъ устава, тогда какъ первый потерялъ авторитетъ, такъ какъ не сумѣлъ держать себя. Результатъ этотъ былъ-бы неизбѣженъ. Поэтому начальникъ, желающій дѣйствительно имѣть власть надъ солдатами и одаренный необходимыми для начальника качествами, какъ-то: строгостью безъ грубости, справедливостью безъ упрямства и добротою безъ слабости, конечно будетъ стараться облегчить обязанность солдата, предупредить его нужды и требовать отъ войска только должнаго. Подобный образъ дѣйствій поставитъ войско въ невозможность уклониться отъ своихъ обязанностей, не нарушая въ то же время самыхъ дорогихъ своихъ интересовъ. Весьма естественно, что не одинъ начальникъ не захотѣлъ бы приобрести вліяніе, входя во всѣ мелочи службы, ибо хотя онъ не долженъ быть чуждымъ ей, чтобы отдавать правильныя приказанія, но ничто не можетъ побудить его заниматься ею исключительно, по очень простой причинѣ: тогда онъ исполнялъ бы обязанность капрала, а кто же сталъ бы исполнять его собственную? Начальникъ можетъ все, поэтому онъ долженъ все дѣлать, чтобы не грѣшить въ исполненіи своихъ обязанностей. Ему необходимо заслужить любовь войска; она облегчаетъ самую трудную обязанность и удваиваетъ нравственныя силы военной власти. Она составляетъ опору священнослужителя, судьи, отца семейства и верховной власти.

Весьма желательно, чтобы эти мысли распространялись все болѣе и болѣе среди офицеровъ для того, чтобы они старались сдѣлаться руководителями войска, скорѣе нежели правительства и общественнаго мнѣнія, которое отъ этого можетъ только пострадать.

18-го сентября 1826 г.

Вниманіе общества обращено на три предмета: 1) на бюрократію, 2) на министерство финансовъ и 3) на вторженіе Персіанъ.

Бюрократія, говорятъ, это гложащій червь, котораго слѣдуетъ уничтожить огнемъ или желѣзомъ; въ противномъ случаѣ невозможны ни личная безопасность, ни осуществленіе самыхъ благодѣльных и хорошо обдуманнхъ намѣреній, которыя, конечно, противны интересамъ этой гидры, болѣе опасной, чѣмъ сказочная гидра. Она ненасытна; это пропастъ, становящаяся все шире, по мѣрѣ того, какъ прибываютъ бросаемыя въ нее жертвы. Необходимо, во что бы то ни стало, засыпать эту бездну. Всѣ благомыслящіе люди, вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ обирала и обираетъ еще бюрократія, благословляютъ отеческую заботливость правительства, рѣшившагося уничтожить ее. Начатія, съ этою цѣлью, преслѣдованія настолько же полезны, насколько и необходимы, — въ этомъ всѣ согласны; но, замѣчаютъ въ то же время, надзоръ долженъ удвоить свою дѣятельность и старанія, чтобы предупредить глущую реакцію со стороны бюрократіи, приверженцы которой тѣмъ опаснѣе, что могутъ дѣйствовать за одно и причинить правительству не малыя затрудненія, парализовавъ мѣры, принимаемыя съ такимъ успѣхомъ противъ злоумышленниковъ, которые навсегда останутся вѣрными тому принципу, что цѣль оправдываетъ средства.

Министерство финансовъ, замѣчаютъ, вслѣдствіе его состава и объема, даетъ управляющему имъ возможность пользоваться предоставляемою ему властью, какъ обоюдоострымъ мечемъ. Всѣ въ одинъ голосъ кричатъ о необходимости ограниченія этой власти, возвратомъ къ коллегіальному порядку, который гарантируетъ правильность и принимаетъ на себя отвѣтственность и контроль, между тѣмъ какъ теперешняя организація министерства не отличается ни однимъ изъ этихъ качествъ. Всѣ сословія высказываютъ сильное желаніе реформы существующаго финансового порядка. Всѣ сознаютъ, что реформа эта — дѣло не легкое, что въ подобныхъ обстоятельствахъ необходимо хорошо обдумать и имѣть въ виду, что перемѣщеніе еще не составляетъ преобразованія; но знаютъ также, что для правительства, пользующагося

своею властью только лишь въ интересахъ установленія прочнаго порядка по всѣмъ отраслямъ управленія, — нѣтъ ничего невозможнаго.

Официальное извѣстіе о враждебныхъ намѣреніяхъ персидскаго правительства порождаетъ много толковъ. Сен-Джемскій кабинетъ, говорятъ, сильно замѣшанъ въ этомъ. Трудно предположить, чтобы Персія отважилась начать войну, не рассчитывая на поддержку одного изъ могущественныхъ государствъ, въ интересъ котораго производить постоянныя смуты. Турція не останется, конечно, въ бездѣйствіи: настоящій случай покажется ей слишкомъ соблазнительнымъ, чтобы не воспользоваться имъ, хотя бы только для того, чтобы затянуть переговоры конгресса. Доказательствомъ этому служить то обстоятельство, что турецкіе уполномоченные, вѣроятно, съ умысломъ не были облечены настолько обширными полномочіями, чтобы покончить дѣло. Во всемъ этомъ есть что то подозрительное и, какъ кажется, наши эмисары въ Персіи и Турціи нуждались или въ средствахъ, или въ желаніи, чтобы вовремя предостеречь на счетъ истинныхъ намѣреній этихъ двухъ государствъ. Что же касается занятія Елисаветполя, то, говорятъ, фактъ этотъ былъ уже извѣстенъ болѣе двухъ недѣль тому назадъ. Дѣйствительно, объ этомъ сообщалось въ одномъ изъ предыдущихъ донесеній надзора.

21-го сентября 1826 г.

Я много размышлялъ эти дни о настроеніи умовъ и объ общественномъ мнѣніи, и остановился на нѣкоторыхъ мысляхъ, не лишенныхъ, какъ мнѣ кажется, интереса.

Въ наше время несравненно легче управлять народами въ критическихъ обстоятельствахъ, чѣмъ въ обыкновенныхъ. Въ первомъ случаѣ народы всецѣло поглощены однимъ важнымъ интересомъ и просятъ у правительства только одного: превратить ихъ намѣренія въ усилія, усилія—въ дѣйствія, дѣйствія—въ успѣхъ, и эта прогрессія совсѣмъ не трудна; добрая воля народовъ въ томъ порукой. Къ тому же, вслѣдствіе особенно важнаго значенія событій, всѣ ошибочныя распоряженія правительства и неудачныя мѣры сглаживаются, забываются и прощаются. Въ обыкновенное же время, когда жизнь общества входитъ въ свою обыч-

ную колею, когда грозившая всѣмъ опасность устранена, каждый начинаетъ думать о своихъ дѣлахъ, о своихъ личныхъ потеряхъ, и въ виду принесенныхъ имъ жертвъ, считаетъ себя въ правѣ рассчитывать на улучшеніе своего положенія и является съ новыми притязаніями; каждый зорко слѣдитъ за дѣйствіями правительства и требуетъ, чтобы оно исправляло всѣ ошибки, устраняло всякое зло и разсыпало всякія блага.—Какъ ни парадоксально это мнѣніе, но я убѣжденъ, что при необыкновенныхъ, критическихъ обстоятельствахъ государствами могутъ управлять посредственные министры; между тѣмъ какъ необходимы люди высокаго ума, чтобы стоять во главѣ управленія въ обыкновенное, мирное и однообразно текущее время.

Какъ образуется общественное мнѣніе? Существуетъ небольшой кружокъ людей, стоящихъ очень высоко, которые искренно добиваются истины, глубоко все обдумываютъ и высказываютъ свои мысли на ухо очень немногимъ, способнымъ понимать ихъ. Нѣкоторые лучи этихъ мыслей спускаются ниже, но они рѣдко сохраняютъ свою чистоту: почти всегда свѣтъ ихъ или получаетъ отраженіе, или переломляется. Болѣе многочисленный кружокъ людей подхватываетъ ихъ, но при этомъ извращаетъ, или, пропустивъ ихъ чрезъ свое невѣжество, свои предразсудки и свои страсти, люди эти воображаютъ, что они сами думаютъ, тогда какъ это не болѣе, какъ одинъ заемъ; но то, что у первыхъ выходило хорошо, у вторыхъ выходитъ дурно. Между тѣмъ, эти послѣдніе,—постоянно повторяя то, чего не понимаютъ,—и составляютъ мнѣніе большинства, которое говоритъ не думая и только извращаетъ.—не сознавая и не желая этого.—доходящія до него идеи, и безъ того не отличавшіяся особенною чистотой.

Не смотря, однако жъ, на все это, Талейранъ выразился очень вѣрно: „Я знаю кого-то, кто умнѣе Наполеона, Вольтера съ компаніей, умнѣе всѣхъ министровъ, настоящихъ и будущихъ, и этотъ кто-то—общественное мнѣніе“.

Общественное мнѣніе не навязывается; за нимъ надо слѣдовать, такъ какъ оно никогда не останавливается. Можно уменьшить, ослабить свѣтъ озаряющаго его пламени, но погасить это пламя—не во власти правительства.

Наполеонъ самъ сказалъ, что если бы можно было дать сраженіе общественному мнѣнію, онъ не боялся бы его; но что, не

имѣя такихъ артиллерійскихъ снарядовъ, которые могли бы попадать въ него, приходится побѣждать его правосудіемъ и справедливостію, передъ которыми оно не устоитъ; дѣйствовать противъ него другими средствами, говорилъ онъ, значить даромъ тратить и деньги и почести; надо покориться этой необходимости; общественное мнѣніе не засадишь въ тюрьму, а прижимая его—только доведешь до ожесточенія.

О настроеніи умовъ ничего нельзя сказать особеннаго,—ни хорошаго, ни дурнаго. Нѣсколько разсужденій, высказанныхъ недовольными личностями относительно генерала Татищева, адмирала Шишкова и князя Лобанова, не могутъ, конечно, характеризовать направленіе общественнаго мнѣнія. Вопли и брань нѣсколькихъ крикливыхъ женщинъ заслуживали бы, пожалуй, наказанія, но до сихъ поръ имъ вторять только одни ротозѣи. Надо, впрочемъ, замѣтить, что общество все еще сильно высказывается не только противъ личности генерала Канкринна,—который, навѣрное, не могъ бы собрать за себя и пяти голосовъ,—но и противъ финансовой системы, принятой имъ и превозносимой до небесъ, между тѣмъ какъ настоящее положеніе нашихъ финансовъ не представляетъ никакого поворота къ лучшему и никто не видитъ въ этой системѣ преобразовательнаго начала, вопреки утвержденію г. Канкринна. „Какъ, говорятъ, онъ, который хвастается бережливостію въ употребленіи общественныхъ суммъ, терпитъ столько паразитовъ въ своихъ канцеляріяхъ! Родственниковъ его жены, г. Ганнибалъ, вѣроятно въ качествѣ близкаго человѣка, пользовался жалованьемъ, которое только что отняло у него правительство, зачисливъ его сверхштатнымъ. Министерство должно было бы избѣгнуть этого урока, если бы оно придерживалось принципа: не имѣть въ своихъ канцеляріяхъ людей ненужныхъ и не увеличивать число своихъ креатуръ“.

Рубрика слуховъ и толковъ довольно скудна въ настоящую минуту. Почти громко говорятъ, что князь Александръ Голицынъ кончитъ тѣмъ, что оставитъ за собой министерство императорскаго двора. Въ организаціи канцеляріи этого министерства видятъ принципъ экономіи, который правительство желаетъ приѣмнѣть на практикѣ.

Увѣряютъ, что адмиралъ Синявинъ будетъ назначенъ вице-президентомъ адмиралтействъ-коллегій, что повлечетъ за собою упраздненіе морскаго министерства, — мѣра всѣми желаемая и признаваемая необходимою для того, чтобы положить конецъ безчисленнымъ злоупотребленіямъ, совершающимся въ морскомъ вѣдомствѣ.

Война съ Персіею продолжаетъ служить темой для разговоровъ. Недовольны послѣднимъ донесеніемъ генерала Ермолова. Родители молодыхъ офицеровъ, посланныхъ съ батальонами раскаявшейся шайки (*avec les bataillons de la cohorte repentante*¹⁾), оплакиваютъ уже своихъ сыновей. — Говорятъ о войнѣ съ Турками и слухи эти имѣютъ много вѣроятія. Многие отставные офицеры оттачиваютъ уже сабли и тысячами побиваютъ въ своихъ комнатахъ разныхъ спагговъ и янычаръ.

22-го сентября 1826 г.

Масса людей нуждающихся незамѣтно порождаетъ большую часть безпорядковъ, которые приписываютъ, обыкновенно, другимъ причинамъ. Язва, называемая нищенствомъ, служитъ источникомъ непоправимыхъ золъ. Въ другихъ государствахъ, дѣйствительно, много нищихъ, потому что большинство людей нуждается въ предметахъ первой необходимости; у насъ же изъ ста нищихъ найдется двое—трое, которые испытываютъ настоящую нужду и лишены возможности добывать себѣ самое необходимое; остальные почти всѣ бродяги по профессіи или тунеядцы, находящіе это ремесло очень выгоднымъ. Обыкновенно, это отставные солдаты, бѣглецы и чаще всего — крѣпостные, скрывающіеся отъ помѣщиковъ. Принятіе слишкомъ крутыхъ мѣръ для подавленія нищенства, заставивъ страдать многихъ, не исправитъ зла; надо сначала рассортировать нищихъ, прослѣдить ихъ образъ жизни; размѣстить по общественнымъ заведеніямъ тѣхъ изъ нихъ, которые въ состояніи работать, приютить въ богадѣльняхъ людей дряхлыхъ и увѣчныхъ, а крѣпостныхъ, просящихъ милостыню въ столицѣ и ея окрестностяхъ, — отослать къ помѣщикамъ, внушивъ послѣднимъ, чтобы

¹⁾ Т. е. съ батальонами, сформированными изъ нижнихъ чиновъ, принимавшихъ участіе въ бунтѣ 14-го декабря 1825 г.

они приняли мѣры для доставленія своимъ крестьянамъ средствъ къ существованію. Между тѣмъ, ничего подобнаго у насъ не дѣлается, такъ какъ это потребовало бы усиленной работы и не позволило бы дѣйствовать палкой. Довольствуются тѣмъ, что стараются уменьшить нищенство и воображаютъ, что этимъ можетъ быть достигнута предположенная правительствомъ цѣль. Какое заблужденіе! Всѣ это видятъ, но никто не думаетъ поправить ошибку, такъ какъ оно было бы слишкомъ неудобно и — что еще важнѣе — совсѣмъ не прибыльно. Человѣкъ, живущій только для себя, думающій только о себѣ, молчащій и отворачивающійся отъ всего, что можетъ испугать или потревожить его, — вотъ, по мнѣнію эгоистовъ, идеаль мирнаго гражданина, осторожность и воздержанность котораго восхваляются ими.

Каждый день открываются новыя злоупотребленія въ вѣдомствѣ юстиціи; при разслѣдованіи дѣла Спасскаго многое всплыло на поверхность. Говорятъ, что при допросѣ онъ впуталъ цѣлую толпу бюрократовъ. Приняты ли, спрашиваютъ, мѣры, чтобы были привлечены къ отвѣтственности всѣ, измѣняющіе долгу службы? Злоупотребленія могутъ быть искореняемы двоякимъ способомъ: или занести топоръ и однимъ взмахомъ уничтожить дерево, зараженное до самаго корня; или же довольствоваться распространеніемъ добрыхъ началъ и ждать, пока время не разовьетъ ихъ. Въ дѣлѣ искорененія злоупотребленій все зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ той быстроты, съ какою будутъ проведены придуманныя, для этой цѣли, мѣры: онѣ должны являться неожиданно и разражаться какъ громъ, чтобы толпа злонамѣренныхъ людей, заинтересованныхъ въ сохраненіи злоупотребленій, не могла сплотиться и образовать непреодолимый заговоръ. Точно также и въ дѣлѣ Спасскаго. Лица, принадлежащія къ его партіи, можетъ быть сдѣлали больше зла, чѣмъ онъ самъ; но онѣ причинять еще болѣе вреда, если только имъ дадутъ время узнать другъ друга, т. е. убѣдиться въ своихъ силахъ.

Нѣкоторые говорятъ, что придется слишкомъ много наказывать, и что самая многочисленность виновныхъ будетъ причиной ихъ безнаказанности. Вздоръ! говорятъ другіе: тотъ, кто творилъ зло, долженъ быть выведенъ на чистую воду и заклеимъ позоромъ. Для подобныхъ людей не должно быть никакого снисхожденія, такъ какъ и они не оказывали его для общаго блага.

Правда, что дурные люди могут исправиться; — для каждого грѣшника доступно исправленіе, — но опытъ всѣхъ вѣковъ доказываетъ, что на одного злоумышленника, искренно раскаившагося, двадцать впадаютъ еще въ худшія преступленія. Что ангелы никогда не дѣлаютъ зла, это очень понятно: они проникнуты духомъ милости; но чтобы люди, привыкшіе ко злу, удерживались бы отъ него, когда имѣютъ полную возможность его дѣлать, это было бы чудомъ. Поэтому, человекъ, даже только отчасти замѣшанный въ злоупотребленія, долженъ быть удаленъ отъ управленія общественными дѣлами. Жезлъ, этотъ символъ правосудія, никогда не долженъ быть оставляемъ въ бездѣйствіи; — онъ долженъ цвѣсти, какъ жезлъ Моисея.

Предразсудки суть заблужденія разума, и самый опасный изъ нихъ тотъ, если человекъ считаетъ себя способнымъ играть всякую роль. Среди множества лицъ, являющихся просить мѣсть, найдется ли одинъ, который могъ бы положительно сказать: я годенъ только на это дѣло, я умѣю дѣлать только его; нѣтъ, военный берется управлять финансами; финансисты хотятъ имѣть понятіе о внѣшней политикѣ потому, что они печатаютъ купленные ими мысли, судья вмѣшивается въ законодательство, не понимая разстоянія, существующаго между судьей и законодателемъ, и всѣ стремятся только къ диктаторству. Чтобы дѣйствительно быть полезнымъ другимъ — нужно знать свое дѣло лучше другихъ. Можно сказать почти навѣрно, что если человекъ займется чѣмъ нибудь исключительно, то онъ сдѣлается по этой части специалистомъ. Какъ хорошо шли бы дѣла, еслибы всякій игралъ въ свѣтѣ лишь у роль, которая ему свойственна.

Вотъ общія замѣчанія, имѣющія вліяніе на общественное мнѣніе.

22 сентября 1826 года.

З...въ, извѣстный агентъ надзора, донесъ слѣдующее.

Приверженцы бюрократіи начинаютъ сильно волноваться. — Что случилось? спрашиваетъ у нихъ З...въ. — Развѣ вы не знаете, какъ обращается съ людьми генералъ Бенкендорфъ и какія принимаетъ онъ мѣры, чтобы вывѣдывать семейныя тайны! Конечно, онъ обладаетъ всѣми средствами для этого, у него и сила, и власть, можетъ быть и намѣренія его добрыя, — но вѣдь какъ легко оши-

Нельзя чихнуть въ домѣ, сдѣлать жестъ, сказать слово, чтобы объ этомъ тотчасъ же не узналъ Государь!') Ему ли заботиться о такихъ пустякахъ, и какъ хватаетъ у него времени заниматься этимъ? Пусть, однако, берегутся: подобный надзоръ стѣснителенъ и кончить тѣмъ, что произведетъ смуты, значить онъ одинаково вреденъ какъ тѣмъ, за кѣмъ слѣдятъ, такъ и тому, — кто слѣдитъ."

Какъ вамъ угодно, сударыни! По вашему мнѣнію, правительство не должно само входить во все, чтобы глубже изучить причины зла и недовольства. Но, въ такомъ случаѣ, какъ же узнаетъ оно что ему слѣдуетъ дѣлать и чѣмъ мотивировать свои распоряженія? Этотъ надзоръ, столь неудобный, конечно, для людей злонамѣренныхъ, напротивъ, очень полезенъ и благодѣтеленъ для тѣхъ, которые ни въ чемъ не могутъ себя упрекнуть. Для того, чтобы не судить слишкомъ опрометчиво, — необходимо все знать; тогда не поддаешься первому доносу и не увлекаешься вторымъ. Лица, которымъ правительство поручило этотъ надзоръ, само-собою разумѣется, должны возбуждать къ себѣ ненависть и зависть со стороны людей, старающихся скрывать свои дѣйствія, — это неизбежная участь всѣхъ вѣрныхъ и усердныхъ слугъ. Поэтому правительство, въ собственномъ своемъ интересѣ, должно явно поддерживать ихъ, чтобы они не боялись ни силы, ни хитрости тѣхъ, которые захотѣли бы ихъ погубить. — Чего же хотятъ Іереміи въ юпкахъ?.. Вѣроятно онѣ желаютъ того, чтобы изъ опасенія затронуть частные интересы, были принимаемы только палліативныя мѣры, т. е. чтобы вмѣсто излеченія ранъ, были только облегчаемы ихъ страданія. Нѣтъ, подобный образъ дѣйствій не входить въ разсчеты правительства: оно спитъ чутко, какъ левъ, не смыкая глазъ, чтобы не упустить изъ виду малѣйшаго обстоятельства, которое могло бы нарушить существующій порядокъ. Система его основана на томъ принципѣ, что наказаніе и награда — два двигателя хорошаго управленія, и что лучше обойтись безъ второй, чѣмъ отказаться отъ перваго. Опытномъ доказано, что люди легко забываютъ благодѣянія, и что наказанія за такіа, напр., преступленія, какъ взяточничество, — лучшее сред-

') Слова, напечатанныя разрядкой, отчеркнуты карандашомъ и сбоку написано рукою гр. Бенкендорфа: „C'est beaucoup de gagné, si on le croit.“

ство удержатъ каждаго въ предѣлахъ его обязанностей; наказанія забываются тѣмъ труднѣе, что онѣ дѣйствуютъ непосредственно на наши чувства, а чувство въ человѣкѣ могущественнѣе разсудка, который на многіе умы не имѣетъ никакого вліянія. Быть строгимъ къ личностямъ, извлекающимъ для себя пользу изъ того зла, которое онѣ дѣлаютъ другимъ, — значитъ быть добрымъ ко всѣмъ; нѣтъ болѣе ошибки въ дѣлѣ управленія, какъ снисхожденіе къ людямъ, нарушающимъ общественные интересы.

25-го сентября 1826 г.

Къ свѣдѣнію: Несправедливыя желанія и дѣйствія, вызванныя у однихъ бѣдностью, а у другихъ тщеславіемъ и гордостью также должны быть подавлены. Доказательствомъ этому служить современное положеніе общества.

Несоразмѣрность, существующая между количествомъ и дѣятельностью самолюбія, вызванныхъ культурою и числомъ доходныхъ и почетныхъ мѣстъ, которыми располагаетъ общество, столь велика, что люди оскорбленные и озлобленные неудачею или обманутыми желаньями, обвиняя общество въ томъ, въ чемъ оно совершенно неповинно, хотятъ въ своемъ безуміи потрясти его въ тщетной надеждѣ извлечь изъ этого выгоду.

Равновѣсіе между желаніями и средствами къ удовлетворенію ихъ не возстановится само собою. Въ этомъ случаѣ сама природа вещей не дастъ лекарства, его должно изыскать и примѣнить правительству. Для этого слѣдуетъ уменьшить число лицъ, посвящающихъ себя различнымъ отраслямъ администраціи; единственное средство достигнуть этой цѣли — не давать слишкомъ большихъ льготъ и поощреній и сдерживать страсти, измѣнивъ систему образованія и влія на общественные нравы и привычки. Общественное мнѣніе не есть эквивалентъ разума, но выражаетъ собою то значеніе, какое имѣютъ нѣкоторыя мысли; общественное мнѣніе не есть эквивалентъ истины, но распространенность извѣстныхъ идей. Общественное мнѣніе есть курсъ правилъ и положеній; оно относится къ истинѣ такъ же, какъ государственныя бумаги къ звонкой монетѣ. Бумаги рѣдко бываютъ равнозначущи золоту, по крайней мѣрѣ онѣ рѣдко ходятъ по номинальной цѣнѣ и ихъ цѣнность всегда равна количеству выдаваемой за нихъ звонкой

Монета цѣнность же монеты опредѣляется количествомъ заключающагося въ ней серебра; но такъ какъ въ ней бываетъ всегда большая или меньшая примѣсь мѣди, то она всегда теряетъ болѣе или менѣе въ сравненіи съ серебромъ. Такъ и общественное мнѣніе есть смѣсь истины и заблужденій, вслѣдствіе чего оно никогда не служитъ мѣриломъ истины. Судить его можетъ только свѣдѣній независимый умъ.

Но что же составляютъ два главныхъ сословія, образующія массу народа, отъ мыслей, распространенныхъ въ двухъ высшихъ классахъ общества? То, что соотвѣтствуетъ ихъ нуждамъ, интересамъ и страстямъ; они не касаются всего остального и замѣтите что выборъ этого обуславливается ихъ личными нуждами, интересами и страстями, а не общественными потребностями, не общими интересами и не общими побужденіями.

Итакъ сила общественнаго мнѣнія составляетъ не абсолютное, а относительное благо. Оно можетъ называться благомъ, когда оно просвѣщено, когда же время прочно и умеренно. Но общественное мнѣніе составляетъ зло, когда оно заблуждается въ выборѣ средствъ, становится таинвымъ образомъ силою, которая противится правительству.

Въ обществѣ мужчины и женщины желаютъ только правды другъ другу и близкимъ. Вслѣдствіе этого зарождаются ложныя идеи, поддерживаемыя не въ силу твердаго убѣжденія, а въ силу распространенія ихъ, какъ бы по безмолвному соглашенію; соглашенію же между ними дѣлается, чтобы упрочить извѣстныя идеи. Вслѣдствіе этого страннаго компромисса вопросы, обсуждаемые въ обществѣ, дурно поняты во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь въ некоторыхъ вещахъ, которыя скорѣе могутъ быть поняты женщинами однимъ чувствомъ, а иныя скорѣе могутъ быть поняты мужчинами. Но въ сѣминахъ и собранияхъ, называемыхъ обществомъ, женщины извращаются или совершенно утрачиваютъ чувства, а мужчины возвышаются до разума, котораго онѣ не имѣютъ и до котораго никогда не достигнутъ. Мужчины унижаютъ свой умъ, ослабляя его, и въ желанія сдѣлать его легкимъ, приятнымъ и поверхностнымъ. Спасеніе отъ этого состоитъ въ томъ разговорѣ и сужденіи.

„До тѣхъ поръ, говорятъ, пока личный составъ судебныхъ мѣстъ будетъ дурно организованъ; трудъ служащихъ худо оплаченъ и формы судопроизводства не будутъ измѣнены къ лучшему, нельзя ожидать удовлетворительныхъ результатовъ отъ той энергической заботливости, съ какою правительство старается уничтожить гидру бюрократіи, эту младшую сестру взяточничества. Между тѣмъ, чѣмъ строже будутъ преслѣдованія, — что теперь даже необходимо, такъ какъ дѣло уже начато, — тѣмъ болѣе встрѣтятся препятствій къ уничтоженію зла, потому что, повторяютъ, самая многочисленность преслѣдуемыхъ будетъ причиною ихъ безнаказанности. Возможно ли требовать, чтобы какой нибудь чиновникъ, избалованный роскошью и образомъ жизни нашего времени, устоялъ бы противъ соблазна и разыгрывалъ бы, весьма не встати, роль Катона, тогда какъ начальники его подають ему примѣръ и загребають обѣими руками? Извѣстно и доказано, что за двѣсти, и даже за сто рублей, можно подкупить судей въ высшемъ судебномъ учрежденіи; поэтому, пока они останутся на своихъ мѣстахъ, установленіе другаго порядка вещей невозможно. Между тѣмъ, послѣдствіемъ насильственныхъ мѣръ будетъ то, что неизбѣжныя преслѣдованія, какъ уже бывшія, такъ и предстоящія, должны непременно увеличить число недовольныхъ. Трудно, конечно, предположить, чтобы они рѣшились на какое нибудь покушеніе: они такъ всѣми презираемы, эти взяточники и моты, — но они сильны своими денежными средствами и своими связями, такимъ образомъ, скандалъ, — который, уже самъ по себѣ, вещь очень непріятная, — неизбѣженъ, хотя цѣль — выгнать всѣхъ, не можетъ быть достигнута скоро, если бы даже приняты были самыя рѣшительныя мѣры для очистки этихъ авгіевыхъ конюшенъ“.

Увѣряютъ, что адмиралъ Сенявинъ будетъ назначенъ главнымъ инспекторомъ флота и въ этомъ качествѣ будетъ предсѣдательствовать въ адмиралтействъ-коллегіи. Итакъ, нѣтъ больше министерства морскаго и главнаго штаба, — этихъ двухъ учреждений, которыя, — пора въ этомъ сознаться, — задерживаютъ ходъ дѣла и запутываютъ управленіе. Прибавляютъ, что наслѣдникъ престола будетъ облеченъ званіемъ генераль-адмирала, и что церемонія введенія его въ эту должность будетъ совершена съ большою торжественностью въ Кронштадтѣ.

Назначеніе экспедиціи въ Архипелагъ, подъ начальствомъ

Беллинггаузена, одобряется всѣми. Давно, говорятъ, пора, да и случай представляется удобный съ пользой и почетомъ занять экипажъ гвардіи, — эту отличную часть относительно нижнихъ чиновъ, но въ которой составъ офицеровъ совершенно зараженъ.

Надѣюсь, что это письмо будетъ послѣднее, что я пишу вашему превосходительству въ Москвѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о вашемъ отъѣздѣ и благополучномъ прибытіи въ Петербургъ, такъ какъ не знаю уже болѣе о чемъ и писать. Фокъ.

Примѣчаніе. Напечатанныя выше письма-донесенія М. М. Фока подарены намъ въ подлинникахъ, 19 апрѣля 1875 г., П. М. Дораганомъ, если не ошибаемся доводившимся Фоку роднымъ племянникомъ. Переводъ писемъ принадлежит г. Казину. И сообщитель этихъ интересныхъ документовъ, и переводчикъ ихъ — нынѣ уже покойные. Вместе съ донесеніями Фока — П. М. Дораганъ также сообщилъ намъ нѣсколько подлинныхъ писемъ гр. В. П. Кочубея, 1823—1826 гг., и А. Х. Бенкендорфа 1828 г. къ М. М. Фоку. Тѣ и другія ничтожны по содержанию, но изъ общаго тона ихъ видно, что Фокъ пользовался „благоклоннымъ“ вниманіемъ своего, какъ видно изъ писемъ, „прежняго пачальника“ Кочубея, и положительно самую предупредительную дружбою и довѣріемъ Бенкендорфа.

Ред.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. ¹⁾.

1829 г.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь подъ Силистріею, 16-го мая ²⁾.

Хотя я и не имѣю сообщить В. В.—ву ничего важнаго, но считаю однако должнымъ послать фельдъегеря, съ донесеніемъ о состояніи войскъ и отвѣтомъ на письмо, которое вы благоволили написать мнѣ 7-го мая изъ Варшавы.

12-го мая мы открыли огонь съ батарей нашихъ на островъ и со стороны ложной атаки. Огонь этотъ повидимому былъ удаченъ,—особенно съ трехъ канонерскихъ лодокъ, которыя, укрывшись въ небольшомъ заливѣ, дѣйствуютъ и по нижнему полигону.

Послѣ устройства необходимыхъ сообщеній, приступлено было, въ ночь съ 13-го на 14-е, къ заложению первой параллели настоящей атаки. Параллель эта, при самомъ началѣ устройства которой непріятельскіе стрѣлки должны были быть вытѣснены изъ ихъ ложементовъ, окончена въ ночь съ 14-го на 15-е. Она находится въ разстояніи 250—300 сажень отъ крѣпостнаго рва. Демонтирныя батареи на 20 орудій, равно какъ нѣкоторыя дополнительные траншеи устраивались нынѣшнею ночью; да и въ будущую ночь надъ ними еще станутъ работать, ибо почва весьма трудная. Утромъ 18-го числа

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—100, 511—526, 765—780; XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г., томъ XXX стр. 105—130; томъ XXXII, (октябрь), стр. 237—302.

²⁾ Отвѣтъ на письмо Государя, отъ 7-го мая. (Переводъ съ французскаго).

мы откроемъ огонь и потребуемъ сдачи крѣпости. Остальная часть осады будетъ зависѣть отъ дѣйствія нашихъ батарей и отъ рода обороны; но я надѣюсь, что осада продлится не болѣе 19—20-ти дней, такъ какъ огонь непріятеля весьма слабъ, — а можетъ быть еще и меньше, если справедливы ежедневно получаемыя нами свѣдѣнія о недостаткѣ боевыхъ и продовольственныхъ припасовъ въ крѣпости.

Вчера, въ ночь, непріятель, въ числѣ 1500—2000 чел., сдѣлалъ сильную вылазку противъ нашего лѣваго крыла, но былъ мужественно отброшенъ штыками 6 ротъ Черниговскаго и Алексопольскаго полковъ, подъ начальствомъ майоровъ Корсакова и Булгакова. Непріятель оставилъ въ нашихъ рукахъ 15 тѣлъ, пронзенныхъ штыками, кромѣ тѣхъ, которыя были имъ унесены, по обыкновенію. Мы потеряли 12 человѣкъ убитыми и около 20-ти ранеными.

Третьяго дня, противъ казаковъ нашихъ, расположенныхъ въ 15-ти верстахъ отсюда, на Разградской дорогѣ, показался отрядъ турецкой конницы, силою въ нѣсколько сотъ человѣкъ; но онъ, черезъ нѣсколько часовъ, повернулъ назадъ. Я послалъ на эту дорогу ген.-лейт. Крейца съ 3-мя полками его дивизіи. Ему приказано избѣгать всякаго столкновенія съ превосходными силами, но рѣшительно атаковать всякій одиночный отрядъ и, особенно—новонабранную милицію.

Ген. Ротъ уже 12-го числа находился на позиціи у Туркъ-Арнаутлара, но найдя ее слишкомъ открытою съ лѣваго крыла, отошелъ къ Козлуджи и, 13-го числа, занялъ позицію, передъ этимъ мѣстечкомъ. Онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ кн. Мадатовымъ, который занялъ мѣсто ген. Крейца въ Каургѣ и посылаетъ сильныя партіи на дорогу изъ Шумлы въ Силистрію; но онъ еще не встрѣчали непріятеля. Офицеръ турецкихъ регулярныхъ войскъ, дезертировавшій вѣроятно для того, чтобы уйти на родину, и взятый патрулемъ Мадатова, подтверждаетъ, что подъ Эски-Арнаутларомъ были всѣ силы великаго визиря, за исключеніемъ лишь вооруженныхъ жителей Шумлы и 4-хъ регулярныхъ полковъ оставленныхъ въ резервъ въ Енибазарѣ. Онъ также какъ и болгарскіе перебѣжчики, считаетъ, что въ бою принимали участіе болѣе 30 т. человѣкъ, что ихъ потеря была весьма велика и, что, между прочимъ, одинъ полкъ регулярной пѣхоты совершенно уничтоженъ. Алихъ-паша раненъ въ ляжку, хотя легко.

Всѣ пѣхотные и перебѣжчики изъ Силистріи тоже повторяютъ намъ о значительномъ уронѣ (болѣе 800 чел.), понесенномъ ими при облаженіи крѣпости, 5-го числа, и о впечатлѣніи, произведенномъ

этимъ внезапнымъ обложеніемъ на гарнизонъ, который весьма плохо снабженъ всѣмъ нужнымъ.

Если все это справедливо, то я надѣюсь покончить здѣсь въ первыхъ числахъ, или, по крайней мѣрѣ—въ срединѣ іюня, а затѣмъ буду дѣйствовать согласно тому, какъ предписано В. В.—омъ, въ последнемъ письмѣ; но—если только не придется дать сраженія—я не уѣду изъ подъ Силистріи, потому что послѣдніе дни осады суть самыя важныя. Послѣ взятія этой крѣпости я ни мало не задумаюсь перейти черезъ Балканы, съ 35—40 т. человекъ, которыхъ надѣюсь имѣть возможность собрать, оставивъ 18—20 т. чел. (не считая необходимыхъ гарнизоновъ въ крѣпостяхъ и городахъ Болгаріи) противъ Шумлы и отправивъ одну дивизію моремъ, на подкрѣпленіе войскъ въ Сизополь. Если бы на сей конецъ В. В. могли прислать мнѣ, около конца іюня, 12-ю дивизію, то это сильно обезпечило бы успѣхъ. Въ противномъ случаѣ (и даже съ прибытіемъ этой дивизіи, если въ ней не можетъ быть 10 т. чел. подъ ружьемъ), малое число войскъ, перешедшихъ черезъ Балканы, не дозволитъ ожидать тамъ рѣшительныхъ успѣховъ, до прибытія маршевыхъ баталіоновъ. Если бы они могли подойти къ подошвѣ Балкановъ къ началу іюля,—если бы, сверхъ того, нѣсколько резервныхъ бригадъ, двигаясь вмѣстѣ съ сими баталіонами, могли замѣстить гарнизоны, оставленные въ Болгаріи и занять тамъ пункты, назначенные подъ зимнія квартиры,—тогда я могу надѣяться, при помощи Божіей, вполне осуществить желанія В. И. В.—ва и повести рѣшительную кампанію, по ту сторону горъ. Но если прибытіе помянутыхъ баталіоновъ къ арміи за Балканами послѣдуетъ позднѣе августа, то они пригодны будутъ лишь для приготовленія зимнихъ квартиръ; потому что опытъ минувшаго года доказалъ намъ, что о занятіи сихъ квартиръ слѣдуетъ думать уже въ октябрѣ; да кромѣ того придется часть войскъ опять вернуть изъ за Балкановъ; квартиры же въ Румеліи потребуютъ еще болѣе заботъ.

В. И. В. спрашиваетъ меня о маршевыхъ баталіонахъ и эскадронахъ. Я не осмѣливался доносить объ этомъ, не имѣя рапортовъ отъ корпусныхъ командировъ, а таковыя еще не отъ всѣхъ получены. Жалуются порядочно на пѣхоту, особенно на ту, которая прибыла съ кадрами 5-го корпуса; впрочемъ, подобныя жалобы всегда бывають, когда какая нибудь часть переходитъ отъ одного начальника къ другому. Видѣвъ 5, 6, 7, 8 и 9-ю пѣхотныя дивизіи въ полномъ составѣ и по частямъ, на смотрахъ и въ бою, и уже послѣ того, что маршевые баталіоны вступили въ ряды, я не замѣтилъ никакой ощутительной разницы между старыми и молодыми солда-

тами, ни въ одеждѣ, ни въ выправкѣ, ни въ хорошемъ духѣ,—что доказываетъ мнѣ, что составъ войскъ, вообще, таковъ, какого слѣдуетъ желать для войны. Кавалерійскіе эскадроны, вообще говоря, хороши; въ 1-й конно-егерской дивизіи нѣсколько послабѣе; полукэскадроновъ же 2-й гусарской дивизіи я еще не видѣлъ. Какъ только получу всѣ рапорты о пѣхотѣ, то представлю ихъ—равно, какъ и о кавалеріи—В. И. В—ву; но напередъ выражаю мое убѣжденіе, что резервами, вообще, надо быть довольнымъ.

Состояніе нашей продовольственной части весьма удовлетворительно; у меня въ болгарскихъ портахъ собрано болѣе, чѣмъ на 3 мѣсяца, запасовъ на 100 т. человекъ, и я вполне обезпеченъ, даже на случай самаго долговременнаго продленія осады Силистріи. Между тѣмъ, всѣ транспорты, и морскіе и сухопутные, подвигаются усиленно и, покамѣстъ, по этой части, еще господствуетъ порядокъ. Хотѣлось бы мнѣ быть столько же довольнымъ и госпитальною частью; но мѣстныя затрудненія, а особенно успѣхи заразительной болѣзни, ставятъ много препятствій стараніямъ Карика (?), которымъ я до сихъ поръ весьма доволенъ. Къ несчастію, болѣзнь эта сдѣлала новыя успѣхи, какъ въ Букарестѣ, такъ и въ Фокшанахъ, и появилась во многихъ деревняхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ войска оставили страну, мѣры надзора почти уничтожились, но отдѣлать для сего войска невозможно, и я безъ того уже въ отчаяніи, что оказалось необходимо нужнымъ оставить въ Фокшанахъ баталіонъ 18-го егерскаго полка.

Въ тѣхъ частяхъ, гдѣ эта несчастная болѣзнь укоренилась, походъ и перемѣна воздуха оказали наилучшее дѣйствіе и болѣзнь прекратилась.

Я доносилъ В. И. В—ву о прибытіи сенатора Безроднаго въ главную квартиру, въ періодъ обложенія Силистріи. Я поручилъ ему сейчасъ же ознакомиться со всѣми дѣлами, дабы имѣть о нихъ вѣрное понятіе. Въ результатѣ, онъ вынесъ убѣжденіе, что Абакумовъ весьма усерденъ, дѣятеленъ и хорошо понимаетъ дѣло, но что желательно было бы побольше аккуратности въ счетной части. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сенаторъ Безродный сказалъ мнѣ, что еще въ Петербургѣ онъ заявлялъ свое сомнѣніе въ томъ, чтобы его лѣта и здоровье дозволили ему переносить труды столь тяжелой должности,—что хотя онъ чувствуетъ себя гораздо лучше и готовъ служить, гдѣ бы и какъ бы я ни приказалъ, но считаетъ долгомъ выразить мнѣ, что—принимая во вниманіе то довѣріе, какое, по его убѣжденію, я къ нему питаю, а, съ другой стороны, свои собственныя качества,—онъ полагалъ бы гораздо болѣе полезнымъ оставаться при мнѣ, въ качествѣ лица,

отвѣтственнаго за приказанія, отдаваемые Абакумову, а также за надзоръ и контроль, нежели самому управлять дѣлами. Въ дѣлахъ этихъ онъ, какъ человекъ новый, могъ бы на первое время надѣлать ошибокъ, а въ случаѣ болѣзни не оставалось бы никого, кого можно было бы поставить во главѣ дѣлъ. Найдя въ этомъ мнѣніи много вѣрнаго, я посовѣтовался съ Толлѣмъ и, встрѣтивъ въ немъ тотъ же взглядъ на дѣло, счелъ долгомъ сохранить порядокъ вещей «in statu quo», пользуясь немедленно всѣми совѣтами Безроднаго и сообщая ему приказанія, которыя слѣдуетъ отдать Абакумову, равно какъ получаемыя рапорты и табели; за симъ буду ожидать послѣдующихъ повелѣній В. И. В.—ва.

Дай Богъ, чтобы удовольствіе, испытанное В. И. В.—омъ въ Варшавѣ, оставалось всегда прочнымъ и неизмѣннымъ. Я увѣренъ въ этомъ относительно прекрасной польской арміи; но, зная хорошо и съ разныхъ сторонъ самую націю (благодаря частымъ сношеніямъ, которыя имѣлъ съ нею), я убѣжденъ, что хотя она тоже имѣетъ нѣкоторыя отличныя качества, но, въ обращеніи съ нею, надо великодушіе всегда соединять съ большою твердостью и, даже, строгостію. Относительно поляковъ слѣдуетъ держаться этого правила гораздо болѣе, нежели относительно другихъ народовъ; особенно же надо остерегаться того, чтобы, вмѣстѣ съ лицами высшихъ сословій, не впасть въ ловушку наружной вѣрности, вслѣдствіе громаднаго вліянія женскаго пола, который въ этой странѣ еще болѣе, нежели въ другихъ, присоединяетъ ко всѣмъ своимъ прекраснымъ качествамъ еще какой то рыцарскій—такъ называемый національный—духъ, весьма мало похожій, однако, на духъ рыцарей безъ страха и упрека.

Простите меня, Государь, что я позволилъ себѣ включить эти мысли въ мое письмо; но я считаю нынѣшнее время слишкомъ важнымъ, чтобы не высказывать передъ вами всего того, что внушаетъ мнѣ мое сердце.

Не понимаю, какъ я забылъ упоминать о Толлѣ въ моихъ письмахъ. Онъ продолжаетъ идти путемъ человека прямого, честнаго и полного усердіемъ, и я надѣюсь, Государь, что вы меня достаточно хорошо знаете, дабы быть увѣреннымъ, что при подобныхъ чувствахъ, онъ не можетъ не обладать моимъ уваженіемъ и дружбою, равно какъ и полнымъ моимъ довѣріемъ. Онъ, также какъ и гр. Паленъ, весьма бываетъ тронутъ, когда В. В. удостоиваете вспоминать о немъ.

Благоволите, Государь..... и проч. Дибичъ.

Лагерь подъ Силистрією, 17-го мая.

(Переводъ). Въ тотъ самый день, какъ я хотѣлъ отпрать своего фельдъегеря, пріѣхалъ ко мнѣ гр. Виттъ изъ Сизополя, куда противныя вѣтры занесли его изъ Севастополя; онъ привезъ мнѣ извѣстіе отъ адмирала Грейга объ уничтоженіи 60-ти пушечнаго корабля и нѣсколькихъ другихъ турецкихъ судовъ капитаномъ Соколовскимъ въ заливѣ Пендерекли, — а также извѣстія о положеніи дѣлъ въ Румелии. Имѣю счастье поздравить В. И. В. съ новыми успѣхами нашего доблестнаго флота, которые, конечно, будутъ имѣть большое вліяніе на средства снабженія Константинополя; но вмѣстѣ съ тѣмъ, долгомъ считаю обратить особое вниманіе на извѣстія, которыя сообщаетъ мнѣ адмиралъ о настроеніи жителей Румелии.

Имѣя счастье представить В. И. В.—ву мои военныя соображенія по этому предмету, осмѣливаюсь прибавить къ нимъ и соображенія политическія.

В. И. В.—ву извѣстно, какъ я всегда старался устранять всякое революціонное движеніе отъ тѣхъ плановъ военныхъ дѣйствій противъ турокъ, которые имѣли счастье предъявлять на благоусмотрѣніе В. В.—ва, и конечно я никогда не осмѣлился бы посовѣтовать, въ мирное время, готовить народы къ подобнымъ идеямъ, такъ какъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что принципъ (власти) и его поддержаніе слишкомъ священны, и даже болѣе полезны, нежели временныя преимущества. Но здѣсь, въ разгарѣ упорной войны, рѣчь идетъ о народѣ, имѣющемъ общую съ нами религію, общее происхожденіе и нарѣчіе, и который, безъ всякаго возбужденія съ нашей стороны, не можетъ уже болѣе переносить ярмо безпримѣрнаго притѣсненія и возстаетъ не столько противъ самаго правительства турецкаго, сколько противъ своихъ угнетателей. При приближеніи нашихъ войскъ, ему не остается иного выбора, какъ, по приказанію своихъ тирановъ, бросать и жилища и поля и переселяться, на встрѣчу вѣрной смерти, въ мѣста раззоренныя (и съ каждымъ днемъ еще болѣе раззоряемыя), гдѣ несчастнымъ христіанамъ отказываютъ даже въ томъ слабomъ раціонѣ, который выдается другимъ, или же сопротивляться этому переселенію, — чего нельзя сдѣлать иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я думаю, что отказывать этому народу въ единственной помощи, которой онъ у насъ проситъ, т. е. въ оружіи и боевыхъ припасахъ, значило бы, въ подобномъ случаѣ, слишкомъ далеко простираť внимательность къ правительству, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе обнаруживающему къ намъ непримиримую ненависть, изъ за которой

оно не отказалось бы ни отъ какихъ противъ насъ средствъ; это значило бы даже—какъ мнѣ кажется — выказать себя безчувственнымъ къ бѣдствіямъ нашихъ единовѣрцевъ, — людей спокойныхъ и покорныхъ до крайности. Представленное съ этой точки зрѣнія, возстаніе болгаръ не можетъ встревожить европейскіе кабинеты; но послѣдніе, по моему мнѣнію, не должны объ этомъ узнать прежде, нежели самое событіе осуществится. Я твердо убѣжденъ въ томъ, что на это возстаніе посматрять гораздо менѣе какъ на революцію, нежели на подобное возстаніе въ Сербіи.

Поэтому, мнѣ кажется, я могу надѣяться, что получу отъ В. И. В—ва приказаніе помочь болгарамъ, насколько настоящее наше положеніе это дозволяетъ, и рѣшительнымъ образомъ воспользоваться ихъ настроеніемъ, послѣ перехода черезъ Балканы. Но такъ какъ В. В. не желаете дѣлать никакихъ завоеваній, ни даже производить измѣненій во внутреннемъ управленіи турецкими областями, то я полагаю, что слѣдовало бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, заблаговременно сообразить—куда дѣвать нѣсколько десятковъ тысячъ семействъ, которыя должны будутъ послѣдовать за нами по окончаніи войны? Мнѣ кажется, что въ Екатеринославской и Таврической губерніяхъ, въ окрестностяхъ Орѣхова и Маріамполя, есть еще много свободныхъ и очень плодородныхъ земель; часть ихъ была отдана жителямъ послѣдняго города, у которыхъ земли даже слишкомъ много. Мнѣ кажется, что эта страна весьма подходила бы для болгарскихъ колонистовъ; можетъ быть и подготовить ее къ этому было бы можно, посредствомъ переселенія туда части обывателей Болграда.

Мѣра болѣе простая, но которая, сколько мнѣ извѣстно, не входила въ общія соображенія В. В—ва, состояла бы въ томъ, чтобы поселить семейства всѣхъ взявшихъ за оружіе болгаръ въ странѣ между Траяновымъ валомъ и Дунаемъ, обезпечивъ за ними, при заключеніи мира, полунезависимое положеніе, подобное тому, какимъ пользуются княжества.

Буду ожидать повелѣній В. В—ва по сему предмету, какъ для настоящаго, такъ и для будущаго времени.

Гр. Виттъ, хотѣвшій изъ Севастополя проѣхать въ Кистенджи, а отсюда въ главную квартиру, чтобы отдать отчетъ о движеніи подвижныхъ магазиновъ (которое идетъ очень хорошо), занесенъ былъ противными вѣтрами въ Варну, а оттуда поѣхалъ въ Сизеполю, повидаться съ адмираломъ Грейгомъ. Онъ привезъ мнѣ самыя удовлетворительныя извѣстія о состояніи Сизеполя и Варны, а также объ отличномъ духѣ войскъ, которыхъ онъ видѣлъ, въ особенности же—раненныхъ, вернувшихся изъ сраженія подъ Эски-Арнаутларомъ.

Онъ увѣряетъ меня, что уже теперь, для посылки къ дѣйствующей арміи, готово по 500 чел. на баталіонъ, въ резервахъ 3, 6 и 7-го корпусовъ и 10-й дивизіи, и по 400 чел. въ баталіонахъ 5-го корпуса, и что 5-е эскадроны пяти кавалерійскихъ дивизій (кроме дивизіи Будберга) находятся въ наилучшемъ состояніи для выступленія въ походъ. Подобное подкрѣпленіе, прибывъ къ намъ въ іюль, дало бы мнѣ самыя блестящія надежды; потому что, хотя я и не очень вѣрю наступленію многочисленныхъ отрядовъ албанцовъ и босняковъ, о которыхъ Милошъ сообщаетъ мнѣ officialныя извѣстія и которые, подъ начальствомъ Скутарійскаго паши, должны направиться черезъ Ниссу на Виддинъ, — тѣмъ не менѣе вѣрно, что турки стараются собрать все, что только могутъ, дабы противопоставить намъ достаточныя силы при переходѣ черезъ Балканы и въ Адрианополь, — и что выигранное въ этихъ странахъ сраженіе (съ достаточными силами для надлежащаго преслѣдованія) должно, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣть непосредственнымъ послѣдствіемъ предложеніе мира.

Благоволите Государь.....

Императоръ Николай — Дибичу.

Берлинъ 26-го мая (7-го іюня) ¹⁾.

Отсюда, изъ милаго Берлина, отвѣчаю я, любезный другъ, на ваше письмо отъ 16-го и 17-го, которое получилъ сегодня утромъ. Я весьма доволенъ вашимъ отчетомъ о ходѣ осады и о всѣхъ дѣйствіяхъ вообще. Важный вопросъ о болгарахъ заслуживаетъ полнаго нашего вниманія и я разрѣшаю вамъ, вполне, дѣйствовать въ смыслѣ моихъ инструкцій, которыя должны уже быть получены вами, вслѣдствіе рапорта, который я получилъ прямо отъ Грейга. Только подумайте о томъ, откуда вамъ можно будетъ своевременно доставить имъ оружіе и заряды. Дѣло это, если только оно пойдетъ хорошо, можетъ имѣть громадныя послѣдствія.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего отвѣта относительно сербовъ. Что касается обезпеченія судьбы болгаръ послѣ войны, то этимъ дѣломъ я собираюсь заняться. Мысль о поселеніи ихъ между Дунаемъ и Траяновымъ валомъ я всегда имѣлъ, но она не легко осуществима.

Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ поляковъ. Что сказать

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича отъ 16-го и 17-го мая. (Переводъ).

мнѣ вамъ о томъ, что дѣлается здѣсь, куда я прибылъ такъ неожиданно, что уже стоялъ за королемъ, а онъ меня еще не видѣлъ и не подозрѣвалъ моего присутствія. Увидавъ меня, онъ чуть не упалъ навзничь. Однимъ словомъ: я отдыхаю здѣсь, послѣ четырехдѣтныхъ трудовъ! Всѣ приняли насъ, не то что съ удовольствіемъ, но съ восторгомъ. Мы тутъ, какъ бы свои.

Отъ васъ ожидаютъ писемъ и извѣстій; дай Богъ мнѣ поскорѣе получить ихъ.

Толстой постарается увидаться съ вами, если вы того желаете; и если резервы уже въ такомъ состоянціи, что ихъ немедленно можно двинуть въ походъ (при чемъ комплектъ баталіоновъ будетъ не въ 500, а въ 700 и 800 человекъ), то они тотчасъ же направятся на соединеніе съ вами.

Мой поклонъ Толлю и Палену. Жена моя вамъ кланяется. Остаюсь, любезный другъ, навсегда васъ любящій Н.

Berlin, le 26 Mai (7 Juin).

C'est d'ici, du cher Berlin, que je réponds à votre lettre du 16 et 17, mon cher ami, que j'ai reçu ce matin. Je suis bien satisfait du compte que vous me rendez de la marche du siège et des opérations en général. L'objet important des Bulgares est de nature à mériter toute notre attention, et je vous autorise en plein d'agir dans le sens de mes instructions, que vous aurez déjà reçu par suite du rapport que j'ai reçu directement de Greig. Pensez seulement d'où vous pourrez à temps leurs fournir armes et munitions; cet événement, s'il marche bien, peut avoir des suites énormes!

J'attends avec impatience votre réponse au sujet des Serbiens. Quant au sort à assurer aux Bulgares après la guerre, — c'est une chose dont je vais m'occuper. L'idée de les placer entre le Danube et le rempart de Trajan est une des celles que j'ai toujours eu, mais qui n'est pas des plus aisées.

Je partage parfaitement votre opinion à l'égard des Polonais. Que vous dirai-je d'ici? — Que je suis arrivé tellement inattendu, que je me tenais derrière le Roi, qui ne me voyait pas et qui ne s'en doutait pas encore; il est presque tombé à la renverse en m'apercevant. Enfin, je me repose ici, après quatre années de peines! Tout le monde nous a reçu, non avec plaisir, mais avec enthousiasme; nous avons l'air d'appartenir ici.

L'on attend de vous des lettres et des nouvelles; fasse le Ciel, que j'en reçoive bientôt.

Tolstoy tâchera de vous voir, si vous le desirez; et si l'état des réserves est tel à pouvoir faire marcher de suite des bataillons, non de 500, mais de 7 et 800, — ils iront vous joindre de suite.

Mille choses à Toll et Pahlen. Ma femme vous dit mille choses. A vous, mon cher ami, et pour la vie, votre affectionné N.

Дибичъ — Императору Николаю.

Лагерь подъ Силистріею, 23-го мая.

Прилагаемая записка, равно какъ мои рапорты, объясняютъ В. И. В—ву настоящее положеніе дѣлъ и причины, побуждающія меня идти на сближеніе съ генер. Ротомъ. Движеніе это можетъ оттянуть взятіе Силистріи на недѣлю, и даже на двѣ (хотя я сильно рассчитываю на дѣятельность и усердіе Красовскаго), и оно окажется мѣрою ошибочною, если Ротъ, въ рапортахъ своихъ о движеніяхъ и вѣроятныхъ намѣреніяхъ великаго визиря, смотрѣлъ на дѣло съ ложной точки зрѣнія; если же, напротивъ, положеніе дѣлъ дѣйствительно таково, какъ онъ описываетъ, то это можетъ повести къ рѣшительнымъ результатамъ,—если визирь приметъ сраженіе; и шансы слишкомъ благопріятны, чтобы упустить случай ими воспользоваться.

Завтра отправляюсь въ Кучукъ-Кайнарджи. Да послужить это знаменитое имя добрымъ предзнаменованіемъ для нашего похода! При Божіей помощи, рассчитываю на отличный духъ храбрыхъ войскъ нашихъ и ускорю мое движеніе, насколько лишь будетъ возможно.

У Гейсмара и Киселева все благополучно.

Мадатовъ присоединился къ Роту, а 3-я бригада 11-й дивизіи имѣетъ приказаніе идти къ Базарджику, отъ котораго она была всего въ 30-ти верстахъ.

Я только что получилъ рескриптъ В. И. В—ва, съ полномочіями для веденія мирныхъ переговоровъ, а также инструкцію Нессельроде. Дай Богъ, чтобы успѣхъ нашего оружія, при благословленіи Господнемъ, позволилъ намъ скорѣе получить основательную надежду на преодоленіе упорства султана. Счастливейшею минутою въ моей жизни буду считать ту, въ которую мнѣ удастся завершить это, столь желаемое, дѣло достойнымъ Вашего августѣйшаго довѣрія образомъ. Генераль Толль съ величайшею благодарностію принялъ выраженіе удовольствія В. В—ва; онъ вполне достоинъ названія честнаго и прямодушнаго человѣка,—и только при подобныхъ чувствахъ достигается высокая цѣль благороднаго сословія. Господь, благословляя труды В. В—ва, да доставитъ Вамъ и отраду—увидѣть, что и для августѣйшаго наслѣдника Вашего образуется поколѣніе, проникнутое подобными же принципами. Этого великаго результата можно достигнуть лишь уважая даже и самыя предразсудки чести, если они не заключаютъ въ себѣ порочной основы, и обращаясь съ этимъ нѣжнымъ растеніемъ настолько же осторожно, на сколько твердо

(коль скоро оно оказывается лишь поддѣльнымъ золотомъ). Я убѣжденъ, что еще долго придется намъ поддерживать этотъ великій принципъ чести и законности, — пока не будемъ еще имѣть силъ возвыситься до чистой добродѣтели.

Благоволите Государь....

Лагерь при Мадара, близъ Шумлы, 31-го мая.

Всевышній благословилъ, вчера, геройскія усилія побѣдоносныхъ войскъ В. И. В—ва. Великій визирь совершенно разбитъ; онъ потерялъ всю свою артиллерію, всѣ тяжести, и его вполнѣ разстроенной арміи, безъ обоза и пушекъ, съ трудомъ лишь (какъ я надѣюсь) удастся добраться до Шумлы, проселочными дорогами. Я еще сегодня двинусь, съ корпусомъ Рота и двумя кавалерійскими дивизіями, по направленію къ Эски-Стамбулу, чтобы попытаться отрѣзать еще кой-какіе остатки. Гр. Паленъ преслѣдовалъ непріятеля по пятамъ; теперь онъ вернулся, предоставивъ это дѣло генер. Купреянову и захвативъ болѣе 40 пушекъ. Наша потеря тоже велика, хотя, по показаніямъ всѣхъ плѣнныхъ, она составляетъ лишь около трети урона, понесеннаго непріателемъ, оставившимъ болѣе двухъ тысячъ убитыхъ на полѣ сраженія. Мы потеряли болѣе 2000 чело-вѣкъ, изъ коихъ двѣ трети убитыми. Столь сильно пострадала почти одна только 6-я дивизія, а также Иркутскіе гусары. Первые баталіоны 12-го егерскаго и Муромскаго полковъ легли до послѣдняго человѣка, защищая свои знамена; множество убитыхъ турокъ, съ которыми перемѣшаны ихъ тѣла, свидѣтельствуютъ, что они дорого заставили заплатить за свою гибель. Знамя 12-го егерскаго полка отнято было у противника по частямъ, такъ какъ солдаты, оное окружавшіе, сорвали его съ древка въ ту минуту, когда оно попало въ руки турокъ. Знамя Муромскаго полка до сихъ поръ еще не отыскано; но я осмѣливаюсь умолять В. В. наградить таковымъ новый, имѣющій быть сформированнымъ баталіонъ, потому что отличный полкъ этотъ вполнѣ заслужилъ сего.

Полки: Невскій и 11-й егерскій, постоянно отражая бѣшенныя атаки турокъ, тоже потеряли половину своихъ людей; но потеря эта распределена, по баталіонамъ, болѣе равномерно.

Конная № 19-я батарея рѣшила дѣло и была причиною тому, что непріатель потерялъ большую часть своей артиллеріи; осмѣливаюсь испрашивать для нея, у В. В—ва, кивера за отличіе, а офицерамъ петлицы. Если бы я осмѣливался просить великой милости для меня лично, то это было бы — возведеніе моего лучшаго и до-

стойнаго помощника, Толля, въ графское достоинство, въ память этого славнаго дня; я знаю, что это весьма осчастливило бы его, и онъ этого достоинъ, по своимъ отличнымъ заслугамъ. Осмѣливаюсь также, на первый разъ, испрашивать: Владимирскую ленту графу Палену, Анненскую ленту генераламъ Арнольди и Обручеву, и Владимира 2-й степени Бутурлину.

Самъ Толль, лично, придалъ такую энергію первоначальному преслѣдованію непріятеля. Графъ Паленъ, отличавшійся самымъ блистательнымъ поведеніемъ во время боя, гналъ противника на протяженіи 15-ти верстъ и отнялъ у него, въ горныхъ дефилеяхъ, остатки артиллеріи и обозовъ.

Съ письмомъ этимъ и двумя, взятыми у противника знаменами (одно изъ нихъ принадлежало регулярной кавалеріи, а другое регулярной пѣхотѣ) я посылаю адъютанта моего, князя Трубецкаго. Онъ постоянно служитъ съ величайшимъ усердіемъ.

Осмѣливаюсь просить В. В. повергнуть меня къ стопамъ Ея В—ва Императрицы и благоволить.....

Лагерь у Мадара, 2-го іюня.

Непосредственныя послѣдствія пораженія великаго визиря при Кулевчѣ были еще важнѣе, нежели я полагалъ; когда посылаю Трубецкаго. Кромѣ захваченныхъ у турокъ 40 пушекъ и 3-хъ мортиръ и обратно у нихъ взятаго, подбитаго орудія нашей 9-й бригады, отняты у нихъ еще двѣ пушки, изъ числа потерянныхъ Купреяновымъ; остальные же двѣ изъ сихъ послѣднихъ отбиты самимъ храбрымъ генераломъ этимъ, во время преслѣдованія, которое онъ продлилъ даже по ту сторону Камчика, по направленію на Янково. Возвращеніе этихъ пушекъ меня весьма порадовало. Теперь остается еще знамя Муромскаго полка; да и оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, не будетъ сохранено непріателемъ, при его безпорядочномъ бѣгствѣ.

Но что всего важнѣе, по моему мнѣнію, это—полное разстройство двадцати полковъ регулярной пѣхоты, т. е. почти половины того, что имѣетъ Оттоманская имперія; впечатлѣніе, которое должно быть произведено пораженіемъ этихъ войскъ на народъ и на самаго султана, можетъ имѣть самыя важныя послѣдствія.

Во всякомъ случаѣ я надѣюсь, что изъ 40 т. человекъ, которыхъ визирь имѣлъ при Кулевчѣ, какихъ нибудь тысячъ десять вернется, окольными дорогами и горами, въ Шумлу, да и то въ состояніи полнаго разстройства. Въ одной лишь кавалеріи могъ еще сохраниться кой какой порядокъ; а между тѣмъ визирь имѣлъ ее при

себѣ всего нѣсколько сотъ человѣкъ, которые ночью и прибыли въ Шумлу, сдѣлавъ огромный обходъ черезъ Балканы. Неизвѣстно, гдѣ находится Халиль-Паша: иные считаютъ его погибшимъ; другіе думаютъ, что онъ, съ нѣсколькими тысячами бѣглецовъ, спасся въ Айдошъ.

Генер. Ротъ, вчерашняго числа, во время своего движенія на Морачъ, имѣлъ очень хорошее дѣло: Мадатовъ отбросилъ вышедшихъ изъ Шумлы 1500—2000 турецкихъ всадниковъ на ихъ передовые редуты; гусары вели себя тутъ самымъ блистательнымъ образомъ, особенно — Александрійскіе, предводимые Муравьевымъ, который собственноручно взялъ знамя Ахмедъ-Бея, командовавшаго конницею въ Шумлѣ, послѣ того какъ Алихъ-Паша былъ раненъ. Впереди всѣхъ находился самъ Мадатовъ; его гусары, бросившись на редуты, сбѣжились и, дѣйствуя саблями и пиками, взяли первый изъ нихъ; другой редутъ, съ 3-мя пушками, взяли былъ штыками Охотскаго и 31-го егерскаго полковъ, приведенныхъ самимъ Ротомъ. 12 знаменъ и 5 орудій были трофеями этого славнаго дѣла, которое стоило намъ 100 человѣкъ убитыми и ранеными, и въ которомъ у турокъ убито 500 человѣкъ и 50 взято въ плѣнъ. Я предложилъ коменданту Шумлы позволить жителямъ похоронить своихъ мертвецовъ согласно принятымъ у турокъ обычаямъ. Великій визирь, въ отвѣтъ на это, послалъ ко мнѣ секретаря, въ качествѣ парламентаря, повѣривъ словамъ послѣдняго, будто дѣло идетъ о чемъ то болѣе важномъ. Онъ поручилъ много благодарить меня за предложеніе и принялъ оное съ готовностію.

Такъ какъ въ словахъ помянутаго секретаря почти проглядывало желаніе поговорить о чемъ либо болѣе важномъ, то я счелъ полезнымъ, отправить сегодня къ визирю Фонтону, съ весьма учтивымъ письмомъ и выраженіемъ желанія, чтобы побѣда, Богомъ намъ дарованная, повела къ замиренію обѣихъ имперій. Полагаю, что шагъ этотъ не можетъ причинить вреда. Если визирь имѣетъ полномочія, то, можетъ быть, предложить перемиріе; но я на таковое не согласусь иначе какъ съ условіемъ, чтобы намъ отдали Шумлу и Журжево, въ обезпеченіе того, что черезъ четыре недѣли будетъ заключенъ миръ. Если бы это касалось самаго визиря лично, то я думаю, что могу разсчитывать на В. В.—во и общать ему пристанище и обезпеченное пребываніе въ Вашемъ государствѣ, по примѣру Юсуфа-Паши.—Фонтонъ уже посмотритъ, что можно сдѣлать; можетъ быть, и даже вѣроятно, что это останется безъ послѣдствій. Но между тѣмъ, оно не помѣшаетъ хорошенько осмотрѣть окрестности Шумлы, а можетъ быть, (конечно, только въ случаѣ вѣроятности успѣха), и

предпринять что нибудь противъ ея передовыхъ верковъ. Въ противномъ случаѣ, я сосредоточу всѣ свои войска (какъ только окончится преслѣдованіе непріятеля, разсѣяннаго подъ Кулевчей) на позиціи между Буландыкомъ и Енибазаромъ, дабы успѣть приготовить все для перехода черезъ Балканы, какъ скоро Красовскому представится возможность присоединиться ко мнѣ, послѣ взятія Силистріи, которое не должно быть позже 10-го іюня.

Мнѣ можно будетъ тогда располагать 6-ю дивизіями, весьма слабыми конечно, но достаточными для того, чтобы отбросить Абдерахмана-Пашу къ Адріанополю и тотчасъ же серьезно заняться утвржденіемъ на Бургасскомъ заливѣ. Такъ какъ нынѣшнія обстоятельства, въ особенности — переходъ черезъ Балканы, могутъ повести къ переговорамъ, то весьма необходимо, чтобы В. В. благоволили назначить втораго уполномоченнаго и чтобы онъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, прибылъ въ Одессу. Но надежда на это заставляетъ меня еще болѣе желать наипоспѣшнѣйшаго прибытія резервовъ. Если бы резервы шести дивизій пѣхоты и трехъ дивизій кавалеріи прибыли къ 15-му іюля въ Бургасъ и если бы В. В. дали мнѣ еще 12-ю дивизію (какъ въ томъ Вы меня обнадежили), тогда я, еще до начала августа, могъ бы приблизиться къ Адріанополю, имѣя около 40 т. чел. пѣхоты и 10 т. коней; и это, конечно, обозначало бы заключеніе мира, если бы о томъ уже велись переговоры, потому что реорганизація турецкой арміи, лишившейся всей своей матеріальной части, не можетъ быть окончена къ тому сроку.

Еслибы такъ же точно, и въ тѣхъ же размѣрахъ (по 500 чел. на полкъ пѣхоты и по 1 эскадрону на полкъ кавалеріи), прибыли и резервы прочихъ дивизій, то я могъ бы притянуть еще одну дивизію изъ Болгаріи и имѣлъ бы около 60 т. человекъ, которымъ непріятель противопоставить, приблизительно, 30 полковъ регулярной пѣхоты и все, что онъ еще можетъ стянуть изъ Румиліи, Албаніи и Босніи.

Нашъ храбрый Толль повергаетъ себя къ стопамъ В. В.—ва, я же прошу благоволить. и проч. Дибичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ,

АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКИЙ И ТАВРИЧЕСКИЙ.

ВЪ ПИСЬМАХЪ ЕГО 1822—1855 гг.

Въ древнѣйшей части города Ельца, Орловской губерніи, на склонѣ красивой возвышенности, почти у береговъ небольшой рѣчки Ельчикъ, впадающей въ предѣлахъ города въ рѣку Сосну, къ сѣверной сторонѣ Введенской церкви, прилегаетъ небольшая продолговатая площадь, а въ сѣверовосточномъ углу этой площади стоитъ скромненькій одноэтажный деревянный домикъ въ четыре окна. Нынѣшней владѣлицѣ этого домика, женѣ діакона Воскресенскаго собора, Александрѣ Адріановнѣ Рудневой, не случайно досталось мѣсто подъ домикомъ—оно дорогое наслѣдіе отъ предковъ. Уже почти столѣтъ тому назадъ имъ владѣлъ прадѣдъ Александры Адріановны о. Алексѣй Борисовъ, священникъ Успенской церкви, находившейся въ то время на мѣстѣ нынѣшняго Вознесенскаго собора.

На рубежѣ настоящаго столѣтія, 15 декабря 1800 года, въ еще болѣе скромномъ домикѣ о. Алексѣя Борисова, къ сожалѣнію, не сохранившемся до нашего времени, родился у владѣлицы домика сынъ, имя котораго неизгладимыми чертами запишется въ исторіи развитія русскаго народа,—родился Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, впослѣдствіи знаменитый проповѣдникъ Иннокентій, архіепископъ Херсонской и Таврической.

Годы дѣтства и первой молодости въ жизни великаго іерарха, какъ извѣстно, остаются почти совершенно неизслѣдованными. Мнѣ, уроженцу Ельца и ближайшему сосѣду съ мѣстомъ рожденія архіепископа Иннокентія, въ недавнее пребываніе въ Ельцѣ, удалось собрать нѣкоторыя объ этомъ свѣдѣнія. Доставленіемъ этихъ свѣдѣній я наиболѣе обязанъ священнику Введенской церкви о. Іоанну Іосифовичу Вуколову, зятю и преемнику священника той же церкви о. Василія Ѳеодоровича Климентова, наставника и друга покойнаго

архипастыря. Движимый чувствомъ благоговѣйнаго уваженія къ памяти покойнаго преосвященнаго и желаніемъ сохранить для потомства всякое свидѣтельство о немъ, о. Іоаннъ Іосифовичъ съ просвѣщенною готовностію отдалъ въ мое распоряженіе для напечатанія въ «Русской Старинѣ» нижепомѣщаемыя письма Иннокентія къ о. Василию Климентову. — Не отличаясь богатствомъ содержанія, письма эти, тѣмъ не менѣе, являются дорогимъ матеріаломъ для оцѣнки покойнаго архіепископа, какъ человѣка.

Въ санъ священника о. Алексѣй Борисовъ былъ посвященъ незадолго до рожденія его знаменитаго сына, а до того времени онъ занималъ мѣсто діакона въ Введенской церкви; семейство его состояло изъ двухъ сыновей: старшаго — Матвѣя, рожденіе котораго записано въ метрическихъ книгахъ Введенской церкви, и младшаго — Ивана, рожденіе котораго записано въ метрическихъ книгахъ Успенской церкви, и дочерей Анны и Екатерины. Екатерина Алексѣевна, по словамъ о. Іоанна Іосифовича, отличалась поразительнымъ сходствомъ съ младшимъ братомъ своимъ, и сходствомъ не внѣшнимъ лишь, но и внутреннимъ: тотъ же живой, бойкій характеръ, умная, краснорѣчивая рѣчь; всѣ ея привычки и пріемы близко напоминали ея брата. Выйдя замужъ за діакона или священника Тебенкова (обстоятельство это хорошо неизвѣстно), она вскорѣ овдовѣла и послѣ того, продолжительное время жила въ Ельцѣ, а затѣмъ, по желанію брата, какъ видно и изъ его писемъ, поселилась въ Харьковѣ, гдѣ ей было предложено мѣсто настоятельницы одного изъ женскихъ монастырей, но занимала ли она это мѣсто до своей смерти и когда она умерла — остается неизвѣстнымъ. Другая сестра Иннокентія, Анна Алексѣевна, была замужемъ за священникомъ о. Егоромъ Ждановымъ; отъ этого брака родился Адріанъ Егоровичъ Ждановъ, такъ часто упоминаемый дядею его въ письмахъ къ о. Василию Климентову. Адріанъ Егоровичъ былъ діакonomъ Воскресенскаго собора и его мѣсто наследовалъ впослѣдствіи мужъ дочери его Александры Адріановны, нынѣшній о. діаконъ того же собора Дмитрій Наумовичъ Рудневъ; объ этой-то свадьбѣ и говорится въ одномъ изъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ покойнаго преосвященнаго.

Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ съ раннихъ лѣтъ отличался необыкновенно живымъ и бойкимъ характеромъ; по рассказамъ моихъ домашнихъ, это былъ неудержимый шалуни, постоянно вызывавшій жалобы сосѣдей на его проказы. Никто, напримѣръ изъ его сверстниковъ-мальчиковъ не умѣлъ такъ ловко и незамѣтно обрывать плоды съ фруктовыхъ деревьевъ въ сосѣднихъ садахъ, какъ дѣлалъ это маленькій Борисовъ; рассказываютъ, что однажды въ работѣ надъ

разореніемъ птичьихъ гнѣздъ онъ завязъ въ трубѣ и завязъ такъ, что потребовалась посторонняя сила, чтобы вытащить его оттуда. Отъ Введенской церкви къ берегу рѣчки Ельчикъ ведетъ крутая гора; бѣдняки изъ жителей расположенныхъ въ этой мѣстности домовъ имѣли обыкновеніе носить изъ рѣчки воду въ особыхъ глиняныхъ кувшинахъ, помѣщавшихся на спинѣ; шалунъ Борисовъ устроилъ себѣ и изъ этого удовольствіе: онъ поджидалъ гдѣ нибудь въ засадѣ на горѣ женщину, несущую воду, заранѣе приготовленнымъ камнемъ съ ловкостію разбивалъ кувшинъ въ дребезги и забавлялся испуганнымъ видомъ, намоченной разлившеюся водою, бабы. Естественно, что всѣ эти проказы мальчика оканчивались жалобами на него домашнимъ, но жалобы ни къ чему не вели: мальчикъ на другой же день забывалъ сдѣланное ему внушеніе; мать его, видя безполезность своихъ усилій, сознавалась, что не въ силахъ ничего съ нимъ подѣлать и покорно соглашалась съ мнѣніемъ кумушекъ, что изъ ея сына никакого прока не выйдетъ.

Наконецъ настало время отдать мальчика учиться. По словамъ о. Іоанна Іосифовича, его отправили въ Воронежъ, но тамъ, въ началѣ ученія, онъ серьезно заболѣлъ, былъ возвращенъ въ Елецъ и оставался дома довольно продолжительное время. Трудъ подготовить его въ это время къ поступленію въ одинъ изъ первыхъ классовъ Орловской семинаріи принялъ на себя вышеназванный уже священникъ Введенской церкви о. Василій Θεодоровичъ Климентовъ.

О. Василій, по разсказамъ знавшихъ его, былъ человѣкъ замѣчательный: при необычайной простотѣ и доступности для всѣхъ и каждаго, при рѣдкой добротѣ сердца, о. Василій отличался честнымъ, строгимъ и независимымъ характеромъ, относительно широкими для своего времени и условій дѣятельности познаніями не только въ области духовныхъ, но и свѣтскихъ наукъ, основательнымъ знаніемъ латинскаго и даже французскаго языковъ. Онъ любилъ науку и постоянно слѣдилъ за нею. Вообще своими личными качествами о. Василій рѣзко выдѣлялся изъ среды современнаго ему Елецкаго духовенства. Между прочимъ, онъ владѣлъ замѣчательною способностію къ стихосложенію и находчивостію на мѣткія опредѣленія и слова. Несомнѣнно, что занятія и бесѣды его съ мальчикомъ Борисовымъ, оставивъ въ послѣднемъ глубокій слѣдъ, имѣли благотворнѣйшее вліяніе на развитіе впечатлительнаго, гениальнаго воспитанника.

Печатаемые здѣсь письма и разсказы современниковъ показываютъ, какъ высоко цѣнили самъ Иннокентій труды своего стараго наставника и съ какимъ глубокимъ уваженіемъ и любовью относился онъ къ нему. Онъ любилъ называть его своимъ «незабвеннымъ на-

ставникомъ». Ни въ одно изъ своихъ посѣщеній Ельпа благодарный воспитанникъ не забывалъ навѣстить своего наставника, и эти свиданія знаменитаго архипастыря съ заштатнымъ старикомъ-священникомъ отличались особенною трогательностію. О. Іоаннъ Іосифовичъ разсказалъ мнѣ объ одномъ изъ нихъ, кажется, послѣднемъ, въ 1856 году. О. Василій, уже семидесятилѣтній старикъ, страдалъ слабостію ногъ; для него даже движеніе по комнатѣ было затруднительно,—онъ почти не выходилъ изъ своей спальни; пріѣзжаетъ Иннокентій и, послѣ обычнаго обмѣна привѣтствіями, тотчасъ же спрашиваетъ: «гдѣ же о. Василій?»—Ему отвѣчаютъ, что о. Василій слабъ и не можетъ такъ скоро выйти къ нему; «да гдѣ онъ?»—спрашиваетъ преосвященный и направляется къ запертой двери, ведущей во внутреннія комнаты. «Здѣсь?»—Быстро отворяетъ дверь и съ распростертыми объятіями спѣшитъ къ постели о. Василія, горячо привѣтствуетъ старика и съ нетерпѣливою поспѣшностію дружескаго участія разспрашиваетъ о здоровьѣ; затѣмъ, съ особенною готовностію принимаетъ предложеніе о. Василія позавтракать вмѣстѣ. И, разумѣется, во все продолженіе свиданія живая, дружеская бесѣда не прерывалась. Тутъ у мѣста будетъ замѣтить, что преосвященный Иннокентій, еще въ бытность свою ректоромъ кievской академіи, неоднократно предлагалъ о. Василію помѣститься въ монастырѣ; не разъ упоминалъ онъ объ этомъ и въ своихъ письмахъ къ нему; къ предложеніямъ этимъ, судя по разсказамъ о. Іоанна Іосифовича, онъ побуждался прежде всего горячимъ желаніемъ имѣть своего стараго наставника ближе къ себѣ, но о. Василій, не чувствуя никакой склонности къ монашеской жизни, упорно отказывалъ въ своемъ согласіи. Съ мальчикомъ Борисовымъ о. Василій, сколько извѣстно, занимался всѣми предметами, знаніе которыхъ было необходимо для поступленія въ первые классы семинаріи;—это, впрочемъ, видно и изъ студентческаго письма самаго Ивана Алексѣевича къ о. Василію, гдѣ стоятъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «Вы замѣняли собою для меня многихъ учителей».

Судя по времени окончанія Иваномъ Алексѣевичемъ Борисовымъ курса кievской духовной академіи, во время занятій его у о. Василія ему было 12—14 лѣтъ, и тогда уже онъ обнаруживалъ бойкія, блестящія способности; въ его богатой натурѣ замѣчались поэтическія наклонности: онъ любилъ природу, любилъ бродить по окрестностямъ города, лазить по горамъ на берегахъ рѣки Сосны. Лѣвый берегъ послѣдней, ниже впаденія въ нее рѣчки Ельчикъ, красивъ: высокій, обрывистый, съ рѣзкими скалистыми выступами; съ высоты этого берега открывается чудесный видъ на городъ, широко раски-

нувшійся на противоположной возвышенности, на поля, постепенно повышающіяся красивыми холмами отъ слободы Засосенской, построившейся на отлогомъ правомъ берегу рѣки. Здѣсь на почти гладкой поверхности высокаго берега, въ былые годы происходили кулачные бои, къ счастью, нынѣ оставившіе лишь грустное по себѣ воспоминаніе. Однажды о. Василій, поручивъ своему воспитаннику описать одинъ изъ такихъ боевъ и, по его рассказамъ въ позднѣйшее время, переданнымъ мнѣ о. Іоанномъ Іосифовичемъ, маленькій авторъ, прекрасно выполнилъ задачу: описаніе его, написанное на двухъ листахъ, отличалось, для его возраста, несомнѣнными достоинствами живыми и бойкими красками; къ сожалѣнію, оно не сохранилось, хотя о. Василій неоднократно усердно его отыскивалъ.

Честно и безупречно потрудившись тридцать лѣтъ на высокомъ постѣ пастыря христіанскаго, о. Василій въ 1841 г. уступилъ свое мѣсто зятю своему о. Іоанну Іосифовичу Вуколову и, оставаясь заштатнымъ священникомъ въ теченіи шестнадцати лѣтъ, скончался, кажется, въ іюлѣ 1857 года, 76-ти лѣтъ отъ рѣду. (Къ сожалѣнію, я забылъ день его смерти, хотя онъ и былъ переданъ мнѣ о. Іоанномъ Іосифовичемъ). На его долю выпало глубокое несчастье: ему суждено было нѣсколькими недѣлями пережить своего именитаго воспитанника и друга! Его слабыя силы не выдержали этого удара! Пусть же потомство сохранить въ благодарной памяти это скромное имя, имя человека, непримѣтно исполнившаго, можетъ быть, многозначительную роль въ развитіи одного изъ великихъ сыновъ отечества!

Живое воспоминаніе объ одномъ изъ пріѣздовъ преосвященнаго Иннокентія въ Елець сохранила внучка его Александра Адріановна Руднева, имя которой не разъ уже было здѣсь упомянуто. Со словами благодарности рассказывала она мнѣ объ этомъ посѣщеніи. Доходы мужа ея, о. діакона, были настолько скудны, что ихъ не хватало на удовлетвореніе всѣхъ скромныхъ потребностей семьи, и Александра Адріановна вынуждена была пополнять заработокъ мужа своимъ личнымъ трудомъ—она занималась съ нѣсколькими мальчиками, сыновьями мѣстныхъ городскихъ обывателей, обученіемъ первоначальной грамотѣ. Сознавала-ли себя Александра Адріановна недостаточно подготовленною къ этимъ занятіямъ или по другимъ причинамъ, но она крайне тяготилась ими. Однажды, въ лѣтній день (въ какомъ году это было—Александра Адріановна не могла припомнить) послѣ ранняго обѣда своего, она, по обыкновенію, занималась уроками; вдругъ подъѣзжаетъ къ дому карета, уже и прежде знакомая семейству Рудневыхъ по посѣщеніямъ преосвященнаго Иннокентія;

Александра Адріановна, поэтому, тотчасъ же догадалась, что пріѣхалъ навѣстить ихъ знаменитый дѣдушка ея, никогда не измѣнявшій своему обыкновенію посѣщать Елецъ безъ всякихъ предувѣдомленій, въ полномъ безмолвіи. Застигнутая въ распахъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, Александра Адріановна бросаетъ занятія и спѣшитъ къ воротамъ встрѣтить дорогаго гостя; крайне возбужденная внезапною радостью, она падаетъ къ ногамъ преосвященнаго, но онъ предупредительно поднимаетъ ее и, идя въ комнаты, успокоиваетъ, многократно цѣлуя ее въ лобъ и въ голову. Входятъ въ комнаты. Дѣти, обрадовавшіеся случаю прекратить занятія, цѣлымъ хоромъ набрасываются на Александрѣ Адріановнѣ съ вопросомъ: «можно уходить, Александра Адріановна, можно уходить, Александра Адріановна?» Все еще встревоженная Александра Адріановна отвѣчаетъ имъ: «уходите, уходите и никогда больше не приходите!» Мальчики уходятъ.

— «Что это у тебя такое?» спрашиваетъ Иннокентій.

— Я занимаюсь, ваше преосвященство, обученіемъ дѣтей грамотѣ.

— «Развѣ доходы мужа недостаточны?» — Да, недостаточны, ваше преосвященство. — «А сколько въ годъ приносятъ тебѣ твои занятія?» Ал. Адріановна затрудняется отвѣтить на этотъ вопросъ, но, по настоятельной просьбѣ преосвященнаго опредѣлить сумму ея дохода хотя приблизительно, она указываетъ 200 р. въ годъ.

— «Ну, такъ вотъ что» — говоритъ Иннокентій — «пусть слова твои сбудутся, пусть дѣти больше не приходятъ къ тебѣ заниматься; я буду каждый годъ высылать тебѣ эти деньги!»

Въ лѣтніе пріѣзды свои въ Елецъ преосвященный Иннокентій любилъ подолгу оставаться въ маленькомъ родномъ садикѣ и часто, при этомъ, воспоминалъ о годахъ дѣтства и указывалъ излюбленнымъ имъ въ тѣ годы мѣста въ садикѣ.

В. А. Кондаковъ.

г. Гатчино.

26 мая 1880. г.

Письма Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, къ о. Василю Федоровичу Климентову, священнику Введенской церкви въ г. Ельцѣ.

1822—1855 гг.

I.

Честный отецъ Василій!

Дружеское писаніе ваше принесло мнѣ столько удовольствія, сколько можетъ получить онаго признательный ученикъ, читая строки своего прежняго почтеннаго наставника. Такъ, честный отецъ! я всегда съ удовольствіемъ вспоминаю о тѣхъ минутахъ дѣтства, когда не понимая

еще пользы наукъ, но зная необходимость ученія, я принималъ изъ устъ вашихъ первыя наставленія въ наукахъ. Вы замѣняли собою для меня многихъ учителей, и я никогда не сожалѣлъ о семъ, даже желалъ бы, чтобы вы еще замѣнили нѣкоторыхъ, мною слышанныхъ. Въ послѣдствіи времени разстояніе мѣстъ и разнообразіе обстоятельствъ прервали видимое между нами сношеніе: но никакое разстояніе мѣстъ и временъ не изгладили во мнѣ и никогда не изгладятъ тѣхъ чувствованій, которыя вы поселили во мнѣ отеческимъ попеченіемъ о моемъ дѣтствѣ. Не разъ принималъ я намѣреніе свидѣтельствовать предъ вами письменно свою признательность, не разъ бралъ въ руки перо—и всегда клалъ въ надеждѣ на будущее. Сія-то обманчивая надежда была причиною, что я три года ¹⁾ питалъ въ своемъ сердцѣ то, что готовъ былъ проповѣдовать на кровѣхъ—свою признательность къ вамъ. Наконецъ, вы сами положили конецъ молчанію,—судовольствіемъ уступаю вамъ сіе преимущество, не представляя себѣ другой чести, какъ быть продолжателемъ начатаго вами. Надѣюсь, что вы не откажетесь удовлетворить сему желанію вашего, смѣю такъ назвать себя, признательнаго воспитанника. И между тѣмъ, въ сей надеждѣ, о чудо превратности человѣческихъ мыслей! я снова долженъ положить перо до благопріятнѣйшаго времени: волненіе, въ которомъ находится наша Академія по причинѣ назначенія въ нее ревизора, отнимаетъ у меня возможность далѣе бесѣдовать съ вами. Черезъ двѣ недѣли, много три, я буду совершенно свободенъ отъ всѣхъ суетъ школьныхъ, и непремѣннымъ почту долгомъ употребить часы свободы на бесѣдованіе съ вами. А теперь могу только сказать вамъ, что я есмь вашъ признательный воспитанникъ ст. кiev. ак. Ив. Борисовъ.

1822 г. іюня 9 дня.

Р. S. Зная ваши занятія по части французской словесности, посылаю вамъ ролленево сокращеніе древней исторіи; впоследствии, если успѣю, постараюсь доставить Массильоновъ *Petit caheme*. Это перло французской словесности.

Ревизоромъ у насъ здѣшній митрополитъ,—извѣстный въ Европѣ любитель древностей и исторіи.

Въ московскую академію назначено два ревизора: тамошній митрополитъ—Филаретъ, и Ярославскій архіепископъ Симеонъ.

Черезъ годъ у насъ будетъ ревизоромъ—Филаретъ.

Помѣта: „Получено іюня 23 дня 1822 года“.

¹⁾ Очевидно, Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, со времени поступленія въ студенты Кіевской духовной академіи до дня написанія письма, у родныхъ въ Ельцѣ и ни разу не былъ. В. К.

II.

Достопочтеннѣйшій отецъ Василій!

Спѣшу воспользоваться представившимся случаемъ для засвидѣтельствованія вамъ того уваженія, которое я привыкъ питать еще изъ дѣтства. Воспоминаніе о васъ было однимъ изъ пріятнѣйшихъ предметовъ моей бесѣды съ почтенными земляками. Пріятно воспоминать о тѣхъ людяхъ, кои дѣлали намъ добро безъ всякихъ видовъ, по одному усердію къ добру. Отъ нихъ узналъ я о постигшемъ васъ искушеніи. Крестъ тяжкій! но тотъ, кто послалъ его вамъ, конечно, взвѣсилъ его еще прежде, знаетъ его тяжесть, видитъ наши силы и немощи, и всегда готовъ подать благовременную помощь. Ему—утѣшителю—предадимъ скорбныя сердца наши. Онъ не попуститъ искуситься паче, нежели можемъ.

Въ свободное время не забывайте отзвѣщаться къ намъ въ Петербургъ. Я съ удовольствіемъ буду отвѣчать вамъ. Не нужно-ли какихъ книгъ? Я пришлю. Это одно изъ лучшихъ утѣшеній.

Прочее мирствуйте о Господѣ и въ державѣ крѣпости Его возмгайте. Вашего преподобія покорный слуга архимандритъ Иннокентій.

1827 г. іюня 31 дня.

III.

Достопочтеннѣйшій о. Василій!

Отъ родныхъ моихъ узналъ я столь много о вашемъ благорасположеніи къ нашему дому и о разныхъ вашихъ одолженіяхъ, имъ оказанныхъ, что я не знаю какъ благодарить васъ за все сіе. Да наградить васъ самъ Богъ, единый вѣрный мздовоздатель за всѣ благія дѣла! Прошу покорно и впредь не лишать ихъ отеческаго призрѣнія, который для нихъ весьма нуженъ. Къ великому сожалѣнію, узналъ я, что между ними бываютъ иногда разногласія и распри, и другія нравственныя слабости. Примите трудъ пастырскій возстановлять въ такомъ случаѣ любовь. Дѣйствуйте всею духовною властію, даже страхомъ. Онъ иногда бываетъ спасителемъ... Будьте вмѣсто Ангела хранителя ихъ душъ, особенно не попускайте имъ предаваться не трезвости. Этотъ порокъ, кромѣ того, что вреденъ самъ по себѣ, преслѣдуется нынѣ съ великою строгостію Г. Императоромъ и Синодомъ.

Повременамъ, просиль-бы я васъ, если это не въ тягость, извѣщать меня о положеніи родныхъ—обстоятельно—то есть не скрывая ихъ слабостей, дабы я могъ съ своей стороны принимать мѣры.

Чувствую, что обременяю васъ симъ порученіемъ. Но ваше доброе сердце не поникнетъ подъ сею тяжестью.

Желалъ бы знать, не могу-ли чѣмъ служить для васъ, или дѣтей вашихъ. Я слышалъ о нихъ и готовъ вспомошествовать во всемъ добромъ.

Получается-ли въ вашемъ городѣ Хрис. Чтеніе?

Препоручая себя вашимъ молитвамъ есмь вашъ покорный слуга арх. Иннокентій.

С.-Петербургъ, іюня 26, 1830 г.

Помѣта: „Получ. іюля 12-го 1830 г.“.

IV.

Кіевъ. 15 августа (1836 г.)

Добраго здоровья достопочтеннѣйшему о. Василию! Наконецъ я въ Кіевѣ, и спѣшу сдержать свое слово. Вотъ вамъ деньги, прошу привести въ дѣло то, о чѣмъ мы съ вами говорили, то есть, купить понадежнѣ (?) домъ и передать его потомъ (инкогнито) Адріану. О правилахъ благоразумія присемъ нѣтъ нужды упоминать вамъ; онѣ вамъ извѣстны не менѣ моего.

Что у васъ послѣ меня? Мнѣ такъ было скучно оставить васъ!

Я видѣлся съ вашимъ владыкою и упоминалъ ему о васъ. Онъ вполне непротивъ васъ.

Не нужно-ли вамъ чѣго въ Воронежѣ для дѣтей? Я писалъ къ тамошнему о. ректору и просилъ взять ихъ подъ свое покровительство.

Знакомымъ всѣмъ по поклону до новаго письменнаго свиданія! Пора въ Лавру.

Помѣта: „Получ. августа 24-го ч. 1836 г.“.

V.

Мира и благословенія Божія достопочтеннѣйшему о. Василию! Несмотря на ваши заботы собственныя, я все обращаюсь къ вамъ со своими заботами. Что дѣлать? Самъ Господь далъ васъ въ попечителя нашему семейству. Это дѣло любви не забудется предъ Нимъ въ свое время.

Собираясь въ путь, не хочу оставить безъ призора домашнихъ. Теперь же наступаетъ время зимнее, время нуждъ и запасовъ. Посему покорнѣйше прошу васъ употребить посылаемые деньги на ихъ нужды. Мнѣ очень хотѣлось бы, что при нихъ была какая либо служанка. Я готовъ, что угодно, платить за все это.

Если торговля у васъ не сладится, то будущю весною исправьте на торговня деньги домъ. Чего не достанетъ—вышлю.

Долгъ Адріановъ также уплачу. Теперь не плачу потому, что весь (?) на пути, а дорога любитъ деньги.

Не оставьте меня въ вашихъ молитвахъ. Въ Питерѣ думаю быть, если Господь велитъ, къ 15 слѣд. мѣсяца. Пора года ужасная, но надобно ѣхать.

Въ Ельцѣ опять едвали достанется быть, хотя и хотѣлось.

Знакомымъ прощу поклониться. Очень радъ, что дѣло о. прот. Горохова окончилось хорошо. Довольно потерпѣлъ!

Адріанъ не долженъ спѣшить выборомъ мѣста—чтобы не промѣнять лучшее на худшее.

Въ будущемъ году вы непременно должны быть у меня: пришлемъ бумагу о вытребованіи васъ.

А до того времени—Господь и благодать Его съ вами!

Кіевъ. Окт. 29 дня 1836 г.

Помѣта: „Получ. ноября 16-го числа 1836 г.“.

VI.

Христосъ воскресъ! возлюбленный отче! Давно бы мнѣ надлежало отвѣтить на письмо ваше, и я давно бы отвѣчалъ, еслибы не хлопоты непрестанные. Примите, во первыхъ, искреннюю благодарность за ваше участіе въ погребеніи матушки. Она вамъ обязана была много, очень много. Это долгъ на мнѣ. Касательно распоряженій сестрицы, хотя ихъ и нельзя вовсе одобрить, но поелику они сдѣланы уже, то хорошо, что сдѣлано. Деньги вещь неважная, а въ такомъ случаѣ—нечего и говорить о нихъ. Домъ долженъ быть отданъ Адріану Егоровичу. Впрочемъ, братецъ обѣщался побывать въ Ельцѣ, и устроить это.

Вѣсть ваша о намѣреніи вашемъ быть у насъ въ Кіевѣ весьма обрадовала меня. Пріѣзжайте прямо ко мнѣ, я буду вамъ радъ, какъ брату, и вы, надѣюсь, не потужите, что повидите нашъ Кіевъ. Если для сего нужно, съ моей стороны, сказать что либо вашему владыкѣ, то я готовъ, только дайте мнѣ знать объ этомъ. Роднымъ всѣмъ поклонъ. Вашъ усердный слуга Иннокентій, епископъ Чиги(ринскій).

Кіевъ, мая 18, 1837 г.

Помѣта: „Получ. 26-го мая 1837 г.“.

VII.

Извините, почтеннѣйшій о. Василій, что нѣсколько поздно отвѣчаю я на письмо ваше. Чтò должно сдѣлать по нему, я однакоже давно сдѣлалъ. То есть, написалъ къ о. ректору Вор(онеж.) семинаріи, и просилъ его обратить вниманіе на сына вашего и его дѣло. Думаю, что ходатайство мое не останется безъ дѣйствія. Крайне жаль, что эта непріятность постигла васъ, но, Богъ милостивъ, пройдетъ благополучно.

Къ вамъ ѣдетъ новый о. архимандритъ. Я рекомендовалъ ему васъ. Познакомьтесь съ нимъ.

Роднымъ отъ меня благословеніе. Прошу васъ покорнѣйше надзирать за сестрою Катериною. Она, по состоянію своему, имѣетъ большую нужду въ призорѣ. Если нужны ей будутъ деньги, прошу давать, сколько нужно. Только смотрите пожалуйста, чтобы она не тратила ихъ по своей фантазіи, а на истинную свою нужду. По увѣдомленіи, я тотчасъ буду высылать вамъ съ лихвою все, что вы ей дадите.

Прошу васъ сказать Гавріилу Афонасьевичу Козьмину, что я получилъ письмо его, и весьма благодаренъ ему. Воскресное Чтеніе, я велѣлъ ему выслать немедленно. Господь и благодать Его съ вами, Иннокентій, Е. Ч. В. К. Р. А. (то есть: епископъ Чигиринскій, викарій Кіевскій, ректоръ Академіи).

Кіевъ, ноября 1, 1837 г.

Помѣта: „Получ. ноября 22-го 1837 г. чрезъ о. архим. Фловіана“.

VIII.

Благодарю сердечно за воспоминаніе! Прошу и впредь не забывать подобнымъ памятованіемъ. А я вѣкъ всегдашній воспоминатель и слуга.

Посылаю денегъ на нужды сестры Катерины. Купите ей, что нужно. Если нужно, еще пришлю. Но Адріану не надобно давать ни гроша. Онъ дуракъ. Поведеніе его очень смущаетъ меня. Ктобы его взялъ въ руки ежовья? Это ему нужно; иначе онъ сдѣлается совершеннымъ пьяницею.

На что ему деньги? у него мѣсто хорошее. Притомъ старый домъ пусть продастъ; вотъ и деньги. А на пуншъ и водку для него у меня нѣтъ денегъ. Скажите ему прямо, что если онъ не исправится, то я напишу преосв. Никодиму, чтобы онъ его проучилъ получше.

За сестрою Екатериною прошу наблюдать. Я для нея сдѣлаю все, что найдете нужнымъ.

Я писалъ уже къ вашему о. протоіерею, чтобы онъ обратилъ отеческое вниманіе на Адріана. Жаль мнѣ этого баловня; я его особенно любилъ когда-то. Господь и благодать Его съ вами!

Примѣчаніе. Рукою о. Василія полученіе этого письма помѣчено 23-мъ февраля 1839 г.

IX.

Покорнѣйше благодарю за надзоръ и контроль! Прошу и впредь не соскучить симъ трудомъ. Для расходовъ прилагается у сего сто рублей. Желалъ бы иногда знать какъ живутъ прочіе родственники. Не поставьте въ трудъ, почт. о. Василій, дать мнѣ и о нихъ понятіе. Можетъ быть, иной имѣетъ нужду въ помощи и достоинъ ея. Такимъ

я неизмѣнный помощникъ. А васъ все нѣтъ въ нашемъ Кіевѣ. Поспѣшайте. Иначе я уѣду, и вамъ здѣсь безъ меня будетъ не такъ хорошо. Если нѣтъ на дорогу денегъ, у меня возьмете.

Господь и благодать Его съ вами!

Примѣчаніе. Полученіе этого письма помѣчено 1-мъ августа 1839 г.

X.

Съ новымъ годомъ, достопочтеннѣйшій отче! Да даруетъ Господь узрѣть вамъ въ продолженіе его вся благая Іерусалима, не столько земнаго, сколько горняго, иже есть мати всѣмъ намъ (?).

Благодарю сердечно за попеченіе о сестрѣ. Изъ посылаемыхъ денегъ употребляйте на что нужно по вашему разумѣнію. И скажите ей, что Аксенушка ея здоровъ, веселъ и учится хорошо.

Знакомымъ добрымъ всѣмъ по поклону!

Съ грядущей весною не вздумаете ли посѣтить наши святныя горы? Какъ бы мы были вамъ рады!...

Примѣчаніе. Полученіе письма помѣчено 28-мъ января 1840 г.

XI.

Съ благополучнымъ возвратомъ! Вы отъ насъ, а мы къ вамъ! Просимъ покорно принять въ ваше дружеское расположеніе сего подавателя письма, о. Іоанна, и поруководствовать въ исполненіи дѣла, ему ввѣреннаго. Хочется сдѣлать нужное для (?) обители; а своихъ способовъ для сего мало.

Брата доселѣ нѣту, и я отлагаю уже надежду видѣть его: нѣту и слуху и вѣстей отъ него; измѣнился совершенно. Въ письмѣ къ нему я журилъ его за себя и за васъ: будетъ съ него!

Господь и благодать Его съ вами и семействомъ вашимъ!

Кіевъ, ав. 10, 1840 г.

Помѣта: „Получ. сент. 26-го съ архим. Іоанномъ“.

XII.

Еще добраго здоровья почтеннѣйшему о. Василию!

Прилагаемое здѣсь письмецо прошу покорнѣйше вручить о. іеромонаху Іоанну, который будетъ проѣзжать черезъ вашъ Богоспасаемый градъ.

О деньгахъ, вами взятыхъ, прошу не заботиться: мнѣ они совершенно не нужны; а въ вашемъ положеніи онѣ не излишни.

Господь и благодать Его съ вами и семействомъ вашимъ!

Августа 22-го, 1840.

Мы 11-го обрадованы были посѣщеніемъ Государя Императора съ Наслѣдникомъ Его. Обои были такъ милостивы и добры у насъ, какъ только можно было желать.

Помѣта: „Получ. сент. 8-го 1840“.

XIII.

Молчаніе мое точно могло васъ привести въ смущеніе. Но я молчалъ просто, отлагая среди разныхъ ученыхъ работъ, со дня на день, отвѣчать вамъ. Весьма благодаренъ за доставленіе рисунковъ: велите сдѣлать по тому, который дешевле. Лучше остальные противъ второго рисунка деньги употребить на милостыню, которая лучше для покойниковъ всѣхъ памятниковъ¹⁾.

Очень радъ, что епархія Орловская отдыхаетъ подъ новымъ владыкою: дай Богъ ей побольше отдохнуть; ибо долго ждала успокоенія.

Увѣдомьте меня объ Адріанѣ. Если онъ исправится, то я готовъ ему помогать; ибо жаль его семейства.

Что ваше дѣло?—Я совѣтовалъ бы не медлить приведеніемъ его къ концу. По крайней мѣрѣ не откладывать далѣе будущаго дѣла.

А брата Матвѣя Алек. и послѣ васъ не было, и доселѣ нѣту. За то и я отложилъ уже вовсе ожиданіе его.

Спасайтесь о Христѣ! — И. Е. Ч. В. К. (т. е. Иннокентій епископъ Чигиринскій, викарій Кіевскій).

Кіевъ, дек. 7, 1840.

По слѣдующей почтѣ я велѣлъ отправить къ вамъ журналъ В. Чтенія. Читайте во здравіе!

Помѣта: „Получ. 22-го декабря 1840“.

XIV.

Теперь, думаю, уже вы успокоились, почтеннѣйшій о. Василій, ибо вѣрно давно получили мое письмо къ вамъ съ отвѣтомъ. Прошу и впредь не тревожиться, если случится мнѣ сдѣлать подобное замедленіе. И въ вашемъ быту оно иногда неизбежно; а въ нашемъ подавно. Прошу изъ прилагаемыхъ ветошекъ половину отдать сестрѣ Аннѣ на нужды Адріанова дома; а другую извольте употребить, какъ знаете, на нужды сестры Катерины.

Благополучнаго вступленія въ новый годъ!

Дек. 29, 1840.

Помѣта: „Получ. 13-го янв. 1841“.

XV.

Христосъ воскресъ! Достопочтеннѣйшій о. Василій!

Назначеніе меня на паству Вологодскую открываетъ мнѣ довольно удобный случай, въ проѣздъ къ мѣсту назначенія, посѣтить снова

¹⁾ Это были рисунки памятника на могилу родителей Иннокентія. В. К.

свою родину, богоспасаемый градъ Елецъ, и я думаю воспользоваться симъ случаемъ. При семъ неизбежно приходитъ мысль: гдѣ мнѣ остановиться въ Ельцѣ?—въ монастырѣ?—Еслибы это было удобно, то я всего лучше остановился бы въ немъ уже потому, что провести бы побольше времени вблизи могилы родителей моихъ ¹⁾. Но не стѣсню ли я почтеннѣйшаго о. настоятеля, коего гостепріимствомъ я уже пользовался нѣкогда въ Кременцѣ. Помню, что обитаніе, для него предназначенное, необширно. Для меня впрочемъ нужно не болѣе одной комнаты: прислуга моя состоитъ не болѣе какъ изъ 4 человекъ. Да и пробыть въ Ельцѣ я намѣренъ не болѣе двухъ, много трехъ дней.—По всему этому, если найдете удобнымъ, то прошу оповѣстить о. архимандрита и испросить его согласіе. Въ противномъ случаѣ, я могу остановиться у кого либо изъ своихъ, ближе всего у Адріана, если можно это сдѣлать, не стѣсняя его семьи.

Въ Ельцѣ я надѣюсь быть около 15 или 20 мая.

О намѣреніи моемъ быть у васъ прошу покорно не сказывать никому. Мнѣ хочется какъ можно болѣе безмолвія.

До радостнаго свиданія!

Кіевъ, апр. 22, 1841.

Вѣсть о благоуспѣшномъ путешествіи вашемъ въ Орель причинила мнѣ истинное удовольствіе. Да даруетъ Господь благой конецъ благому началу!

Помѣта: „Получ. мая 3-го 1841 г., въ 10 ч. утра“.

XVI.

Давно бы мнѣ надлежало отвѣчать вамъ; но кстати, что не отвѣчалъ до селѣ: ибо теперь имѣю удовольствіе извѣстить васъ, что я скоро буду паки гостемъ у васъ. Для новаго года мнѣ выпалъ путь въ Харьковъ; а Елецъ на семъ пути почти неминуемъ. Я же думаю ѣхать черезъ Воронежъ, слѣд. и черезъ Елецъ. Прошу извѣстить о семъ моихъ родныхъ, но подѣ непремѣннымъ условіемъ, чтобы чужимъ никому о семъ не было сказываемо. На сей разъ хотѣлось бы мнѣ пробыть не у чужихъ, а у своихъ гдѣ либо. Но гдѣ? мнѣ нужно немного—двѣ чистыя комнаты, съ воздухомъ чистымъ. Жить я долго не буду—день, два—много. И такъ—если найдете подобное пристанище—хотя за Сосною ²⁾, то дайте мнѣ знать поскорѣе въ Москву—на имя профессора университета, Михаила Петровича Погодина, или

¹⁾ Мужеской монастырь въ Ельцѣ находится противъ кладбища.

²⁾ Слобода на правомъ берегу рѣки Сосны.

въ Ефремовъ, на имя почтмейстера. Въ противномъ случаѣ—нечего дѣлать—надобно будетъ остановиться пока въ монастырѣ—хотя мнѣ весьма совѣстно беспокоить о. архимандрита.

Тогда, (два слова не разобр.), побесѣдуемъ о вашей будущей судьбѣ. А до тѣхъ поръ помолитесь поусерднѣе, чтобы намъ увидѣться въ добромъ здоровьѣ. Tuus et animo I.

Вологда. Янв. 17, 1842.

Помѣта: „Получ. 27-го генв. 1842 г.“.

XVII.

Орель, Фев. 19, 1842.

Извините: я не буду у васъ. Съ одной стороны Москва своимъ гостепріимствомъ задержала меня около недѣли; съ другой—дорога такъ слаба и худа, что я боюсь потерять теперь одинъ лишній день, чтобы не потерять зимней дороги; а перемѣнять экипажъ зимній на лѣтній очень затруднительно,—вотъ мое оправданіе предъ вами. Теперь къ дѣлу: примите трудъ снабдить сестру Катерину необходимъ. По приѣздѣ въ Харьковъ, мы съ братомъ немедленно займемся устроеніемъ ея судьбы. На счетъ вашихъ собственно—подумайте, и напишите мнѣ: я готовъ сдѣлать для васъ все, что только зависить отъ меня.

Адріанъ просить денегъ, но не подумаетъ о томъ, гдѣ взять ихъ мнѣ. Они воображаютъ, что у меня колодезь съ деньгами, а мы архіереи нерѣдко бѣднѣе васъ.

Въ Харьковъ пишите поскорѣе: дней черезъ пять, я надѣюсь, при помощи Божіей, быть тамъ.

Помѣта: „Получ. 23-го февр. 1842 г. въ Ельцѣ, въ 2 ч. по полудни“.

XVIII.

Мира, радости и благодати Божіей незабвенному о. Василию!

А оны, кажется, забыли насъ; ибо никогда почти не посѣщаютъ насъ уже своими письмами. Правда, и мы молчимъ; но это не отъ забвенія, а отъ множества дѣлъ и хлопотъ. Но вмѣсто дружескихъ прекословій и счетовъ обратимся къ дѣлу. У моихъ родичей сочиняется свадьба: нужно приданое и деньги на издержки. Не знаю, кому послать. Сестра не бываетъ иногда дома; а Адріанъ хворъ и слабъ. Примите трудъ отдать изъ посылаемыхъ денегъ 500 р. жениху вмѣсто просимаго имъ приданого, а 150 отдайте сестрѣ на свадьбу. Будетъ съ нихъ: они любятъ тратить лишнее. Будущему племяннику¹⁾ я не замедлю еще прислать на рясу и прочее. Увѣрьте

¹⁾ Ошибка, слѣдовало—внуку. Это была свадьба Александры Адріановны, дочери Адріана Егоровича, сына сестры Иннокентія—Анны Александровны.

его въ семь и скажите ему, чтобы первѣе всего былъ добрый чело-
вѣкъ и занимался образованіемъ себя въ духѣ пастыря Христіанскаго,
а прочее все приложится.

Что съ вами? какъ вы поживаете? ужели доселѣ не наскучила
вамъ суета житейская? чтобы подумать, да и къ намъ, гдѣ вамъ
были бы рады какъ ближайшему родному.

Господь да не оставляетъ васъ Своєю благодатію!

Ахтырка. Авг. 26, 1845.

Мы уже съ мѣсяцъ, какъ странствуемъ по епархіи. Въ сентябрѣ
ждемъ къ себѣ высочайшихъ гостей.

Помѣта: „Получ. сентября 7-го 1845 г.“.

XIX.

Симферополь. Окт. 10, 1850. Секретно.

На пути не бесѣдуютъ долго: и такъ нѣсколько нужныхъ словъ
въ отвѣтъ на письмо ваше! Пусть вашъ семинаристъ какъ можно
скорѣе является къ намъ, вступивши въ бракъ. Иначе хорошія
мѣста могутъ уйти отъ него, кои теперь праздны. Бумаги о принятіи
его въ Хер(сонскую) епархію уже должны быть посланы. Помнится, я ве-
лѣлъ отправить даже билетъ на женитбу въ ваше духов. правленіе.
Но какъ бы то ни было, вы безъ всякаго—съ нашей стороны—сомнѣ-
нія можете перевѣнчать ихъ, и еще повторю — какъ можно скорѣе
отправить его къ намъ. Это нужно для него самого.

Мира и радости о Господѣ! И. А. Х. (то-есть: Иннокентій архіе-
пископъ Херсонскій).

О. протоіерею вашему и прочей о Христѣ братіи братское цѣло-
ваніе о Господѣ.

Помѣта. „Получ. окт. 31-го 1850 года“.

XX.

Посылаю вамъ денегъ; извините, что запоздали немножко съ этимъ
пособіемъ. Причиною множество дѣлъ и хлопотъ, среди коихъ жи-
вемъ мы теперь.

Будьте здоровы и веселы, и молитесь о насъ по усердію. Труд-
ное время, особенно для насъ здѣсь.

Если еще нужно пособіе, увѣдомьте скорѣе: мы доставимъ.
Господь съ вами!

Апр. 9, 1855. Одесса.

Примѣчаніе. Это послѣднее письмо, какъ видно изъ его содержанія,
было адресовано преосвященнымъ Иннокентіемъ непосредственно на имя
его родственниковъ. Сообщ. В. А. Кондаковъ.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА.

р. 1800 + 1871 г.

Въ 1860 году напечатали мы въ „Отечественныхъ Запискахъ“, въ книгахъ V, VI и VII, обширное собраніе писемъ Александра Александровича Бестужева къ его матери и брату Павлу Александровичу. Письма эти были подарены Павломъ Бестужевымъ Александру Николаевичу Креницыну (+ 28 августа 1865 г.), а имъ предоставлены въ наше распоряженіе.

Съ этими письмами, во многомъ отношеніи весьма интересными, впервые появилось въ печати, послѣ почти полувѣковаго запрета, подлинное имя и обрисовывалась дѣйствительная личность въ свое время весьма извѣстнаго и весьма любимаго русскимъ обществомъ писателя, извѣстнаго дотошъ подъ псевдонимомъ Марлинскаго.

Черезъ посредство друга всей фамиліи Бестужевыхъ достойнѣйшаго профессора архитектуры Ивана Ивановича Свѣзева, нынѣ также уже умершаго, мы тогда же, въ 1860 г., узнали, что въ Селенгинскѣ живетъ послѣдній представитель этой фамиліи Михаилъ Александровичъ Бестужевъ, еще въ 1856 году получившій обратно свои права личныя и по состоянію, утраченныя имъ по приговору верховнаго уголовного суда въ 1826 году за участіе въ декабрьской смутѣ 1825 г.

Заинтересованные всею фамиліею Бестужевыхъ и ихъ роковою судьбою, главнымъ же образомъ двумя изъ пяти этихъ братьевъ: Николаемъ и Александромъ, даровитыми отечественными писателями, пишущій эти строки предположилъ собрать матеріалъ къ характеристикѣ ихъ литературной и общественной дѣятельности, для чего и обратился съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ къ брату ихъ Михаилу. Селенгинскій изгнанникъ оказался человекомъ, исполненнымъ еще бодрости, энергіи, увлеченія; человекомъ въ высшей степени искреннимъ и откровеннымъ. Съ величайшею готовностью отвѣчалъ онъ, и весьма иногда пространно, на наши вопросы. Цѣлая тетрадь посылались изъ

Селенгинска въ С.-Петербургъ, и заочное знакомство, не смотря на шесть тысячъ верстъ, раздѣлявшихъ новыхъ знакомыхъ, весьма прочно завязалось и обратилось въ самую искреннюю пріязнь.

16-го іюня 1869 года мы имѣли удовольствіе видѣть у себя гостей М. А. Бестужева въ С.-Петербургѣ, а въ 1871 году онъ почти внезапно скончался въ Москвѣ, оставивъ послѣ себя двоихъ дѣтей, сына и дочь, которые вскорѣ послѣдовали за нимъ . .

Въ 1870 году, т. е. еще при жизни М. А. Бестужева, въ „Русской Старинѣ“ явились отрывки изъ его Записокъ, (см. третье изданіе „Рус. Старины“ 1870 г. томы I и II); затѣмъ кончина его и скопленіе множества матеріаловъ въ нашемъ распоряженіи заставили насъ, изъ году въ годъ, отеладывать печатаніе дальнѣйшихъ разсказовъ Михаила Александровича Бестужева. Не представляя собою стройнаго, систематическаго изложенія событій, его „Записки“, не будучи въ строгомъ смыслѣ „Записками“, суть ни что иное, какъ отвѣты на вопросы, которые мы задавали въ 1860—1861 гг. Бестужеву по мѣрѣ того, какъ вопросы эти возникали у насъ при разсмотрѣніи множества писемъ и бумагъ Бестужевыхъ, переданныхъ въ наше распоряженіе Еленю Александровною Бестужевой († 1873 г.) и И. И. Свѣзевымъ († 1875 г.)

Отвѣты на эти вопросы, иногда пространные, иногда краткіе, объемлютъ событія разныхъ періодовъ времени, часто возвращаются къ тѣмъ же подробностямъ и лицамъ, которыхъ Бестужевъ коснулся въ другомъ мѣстѣ и проч. Тѣмъ не менѣе разсказы эти, полные правды, искренности, написанные человѣкомъ весьма и многосторонне образованнымъ, однимъ изъ типическихъ представителей русскаго общества 1820-хъ годовъ, человѣкомъ, связаннымъ кровнымъ родствомъ, дружбою и общностью тяжелой судьбы съ двумя замѣчательными по уму и талантамъ писателями, его братьями Николаемъ и Александромъ Бестужевыми, — разсказы Михаила Александровича Бестужева представляютъ настолько важный и интересный для исторіи русскаго общества матеріалъ, что мы, не стѣсняясь отрывочною формою въ коей онъ изложенъ, представляемъ его на страницахъ „Русской Старины“¹⁾.

¹⁾ Кромѣ отрывковъ изъ Записокъ М. А. Бестужева, помѣщенныхъ, какъ уже указано нами выше, въ „Русской Старинѣ“ 1870 г. (изд. третье, т. I, стр. 258—279; т. II, стр. 231—250) нами помѣщено нѣсколько статей, составленныхъ на основаніи бумагъ Бестужевскаго фамиліаго архива. Таковы: «А. А. Бестужевъ-Марлинскій, 1797—1837 гг.» [Отеч. Записки 1860 г. кн. V—VII]; «Дѣтство и юность А. А. Бестужева» [Русское Слово 1861]; «Селенгинскъ», небольшая выдержка изъ Зап. М. А. Бестужева въ газетѣ «Вѣкъ» 1862 г.; «А. А. Бестужевъ въ Якутскѣ» [Русскій Вѣстникъ 1867 г.]. «А. А. Бестужевъ на Кавказѣ» [Русскій Вѣстникъ 1869 г. августъ]; «Николай Александровичъ Бестужевъ»—

При этомъ само собою разумѣется, что мы печатаемъ изъ этихъ „Записокъ“ только тѣ отвѣты на наши вопросы, которые не были еще помѣщены въ „Русской Старинѣ“, при чемъ вопросы обращаемъ въ заголовки отвѣтовъ, которые печатаемъ въ возможно-хронологической послѣдовательности описываемыхъ въ нихъ событій. Не многія примѣчанія къ „Запискамъ“ сдѣланы уже въ С.-Петербургѣ въ 1862 г. барономъ Владиміромъ Ивановичемъ Штейнгейлемъ († 1862 г.), Еленой Александровной Вестужевой въ 1864 г. († 1873 г.) и Иваномъ Ивановичемъ Свѣзевымъ († 1875 г.). Ред.

I.

Чита и Петровскъ.

1827—1839 гг.

Въ эпоху прибытія нашего въ Читу, это была маленькая деревушка заводскаго вѣдомства, состоявшая изъ нѣсколькихъ полуразрушенныхъ хатъ. Управителемъ былъ горный чиновникъ Смоляниновъ. Жители, по общему обычаю всѣхъ сибиряковъ-старожиловъ, были лѣнны и бѣдны. Наше почти трехлѣтнее пребываніе обогатило жителей, продававшихъ дорогою цѣною и свои скудные продукты, и свои тощія услуги, и вмѣстѣ съ тѣмъ украсило Читу десяткомъ хорошихъ домовъ какъ чиновничьихъ, такъ и нашихъ дамъ: Трубецкой, Волконской, А. Г. Муравьевой, фонъ-Визинной, Анненковой и Давыдовой. У жителей появилось довольство, дома приняли болѣе благообразный видъ, костюмы—болѣе опрятныя, и, прежде оборванные, ребятишки уже въ чистыхъ рубашенкахъ не чуждались насъ, а, напротивъ, завидя издали, кричали: „Не надо-ли пиіоновъ (т. е. шампиньоновъ)?“ Изъ посланнаго уменьшеннаго плана Читы вы можете легко составить понятіе о величинѣ и мѣстоположеніи этой ничтожной деревушки. Планъ въ большомъ размѣрѣ снималъ Фаленбергъ съ братомъ (моимъ) Николаемъ. Я говорю съ братомъ не потому, чтобъ братъ занимался собственно съемкою: въ ней всѣ мы участвовали по оче-

биографическій очеркъ, 1791—1825 гг. [«Заря», 1869 г. книга VII]. Некрологи «М. А. Вестужевъ» и «Елена Вестужева» — помѣщены нами въ «Русской Старинѣ» изд. 1871 г. и 1873 годовъ. Необходимо также замѣтить, что нѣкоторыя изъ сочиненій Н. А. Вестужева изданы въ Москвѣ, въ 1860 г. Еленою Вестужевою — особою книгою, подъ заглавіемъ: «Разказы стараго моряка Н. А. Вестужева». Ред.

реди, кому хотѣлось прогуляться подалѣе завѣтной черты нашихъ земляныхъ работъ, но потому, что Фаленбергъ былъ обязанъ брату въ сооруженіи необходимыхъ для сего инструментовъ. Чтобъ достигъ до возможности произвести эту серьезную работу, мы должны были пройти черезъ длинный рядъ ребяческихъ хитростей и увертокъ, чтобъ мало-по-малу завоевать право или позволеніе имѣть нѣкоторые инструменты. Но въ казматахъ имѣть ихъ не позволялось. Для этого выстроено было особое помѣщеніе на дворѣ того казмата, который служилъ лазаретомъ, и тамъ только нѣкоторымъ лицамъ было позволено заниматься слесарнымъ, столярнымъ или токарнымъ дѣломъ. Братъ и Фаленбергъ съ цѣлю—во-первыхъ—доставить пріятную прогулку товарищамъ, во-вторыхъ—чтобъ снять планъ окрестностей, и наконецъ, чтобъ снять съ нихъ виды, уговорили Лепарскаго позволить имъ попытать свои силы въ приготовленіи необходимыхъ для сего орудій. Комендантъ, можетъ быть съ вѣрнымъ расчетомъ въ неудачѣ, далъ позволеніе,—и ошибся: инструменты сдѣланы были прекрасно; всѣ принадлежности тоже, и онъ, осматривая ихъ лично, по необходимости согласился, чтобъ они были употреблены для предполагаемой цѣли. Но черезъ какой лабиринтъ трудовъ, затруднений и терпѣнья должны были они пройти, чтобъ достигнуть желаннаго результата. Вы сами, не ошибаясь, можете прослѣдить исторію каждой дарованной намъ льготы, если вы постоянно будете представлять въ своемъ воображеніи борьбу настойчивой воли въ неволѣ съ добротой коменданта, подчиненнаго страшной отвѣтственности за послабленія, и желавшаго всѣ нарушенныя строгости инструкцій юридически оправдать закономъ или хоть по возможности оставить для себя лазейку. Братъ составилъ очень хорошую коллекцію видовъ прекрасныхъ окрестностей Читы; но онъ почти всѣ раздарилъ разнымъ лицамъ, такъ что у него сохранились въ послѣднее время только три вида, и то въ копіи, изъ числа тѣхъ, которые остались у Лепарскаго, послѣ смерти его въ Петровскомъ заводѣ.

По отбытіи нашемъ, жители Читы, привыкшіе къ легкому приобрѣтенію денегъ, скоро впали въ бѣдность, еще болѣшую прежней: лѣнь пошла объ руку съ пьянствомъ, и такъ, прогрессивно упадая, они дожили до той эпохи, когда ихъ бѣдная деревушка была переименована въ областной городъ Забайкальскаго края;

сами они переименованы въ казаковъ и выселены въ Атамановку, въ 12 верстахъ отъ Читы. Поистинѣ должно признаться въ весьма неудачномъ выборѣ мѣста для главнаго пункта областного правленія. Основная идея, увлекшая Н. Н. Муравьева въ избраніи этого мѣста, была—сдѣлать Читѣ складочнымъ торговымъ городомъ между Иркутскомъ и Амуромъ. Онъ тогда слѣпо вѣрилъ въ возможность воднаго сообщенія этихъ двухъ пунктовъ посредствомъ рѣкъ: Шилки, Онона, Читы, Хилки, Селенги и озера Байкала. Небольшой переволокъ отъ верховьевъ Читы до верховьевъ Хилки его не останавливалъ. Время доказало несбыточность предположенія: пароходы едва поднимаются до Срѣтенска и только ¹⁾. Въ прошлую навигацію пароходъ „Казакевичъ“ съ трудомъ поднялся до Нерчинска. Только при весеннихъ разливахъ этотъ водный путь имѣетъ достаточно воды для плаванія; но зато страшная быстрина въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ будетъ непреодолимою помѣхой. Въ первое наше свиданіе съ Н. Н. Муравьевымъ, мы трое (тогда еще живъ былъ Торсонъ) долго и безуспѣшно старались отвратить его отъ намѣренія основать въ Читѣ главный городъ области; *des idées arrêtées* восторжествовали: указъ подписанъ,—но указомъ города не строятся. Значительныя льготы, учрежденіе ярмарки, личныя убѣжденія генералъ-губернатора, обращенныя къ сибирскимъ купцамъ,—ничего не помогло. Уничтожьте указомъ въ Читѣ областное правленіе и черезъ годъ этотъ городъ представитъ картину разрушенія казенныхъ зданій и домовъ чиновничества. Ежели со временемъ торговля амурская разовьется, главнымъ складочнымъ пунктомъ сдѣлается или Шилкинскій заводъ, или (что вѣроятнѣе) Срѣтенскъ, и все таки путь торговый не пойдетъ на Читѣ, дороги изъ которой до Нерчинска ужасно гористы, а до Верхнеудинска—пустыни и топки. Торговый путь пойдетъ зимою по рѣкамъ вверхъ до Хилоцкаго переволока, а потомъ Хилкомъ, Селенгою, Байкаломъ до Иркутска, и вѣроятно пойдетъ помощью ледоходовъ, какъ уже это дѣлается въ Америкѣ и чему дѣлаются опыты и на Амурѣ.

О путешествіи нашемъ изъ Читы въ Петровскій заводъ можно только сказать, что оно было для насъ очень пріятно и полезно относительно нашего здоровья. Тутъ мы запаслись новыми силами на многіе годы. Погода стояла прекрасная; переходы не утоми-

¹⁾ Примѣч. на копін: „Совершенно справедливо“. В. III.

тельны, тѣмъ болѣе, что черезъ два дни въ третій мы отдыхали на дневкахъ. Мы были раздѣлены на двѣ партіи: первая подъ начальствомъ племянника Лепарскаго, обязаннаго жизнью Вольфу, и потому признательнаго и даже до слабости снисходительнаго ко всѣмъ намъ; второю начальствовалъ самъ комендантъ. Каждая изъ партій раздѣлялась на юрты по четыре и по пяти человекъ, помѣщавшихся всегда вмѣстѣ и въ юртахъ—на бурятскихъ степяхъ и въ домахъ деревень, проходимыхъ нами. Нашу съ братомъ юрту дополняли Розенъ, Торсонъ и Громницкій, ученикъ брата по всѣмъ возможнымъ мастерствамъ. Розенъ былъ назначенъ хозяиномъ нашей второй партіи и всегда отправлялся на подводѣ впередъ за переходъ—приготовлять обѣдъ, такъ что по прибытіи на мѣсто мы уже находили готовое назначеніе къ размѣщенію по юртамъ и приготовленный обѣдъ. Наша юрта, состоявшая почти все изъ мастеровыхъ, была въ матеріальномъ отношеніи лучше всѣхъ снабжена всѣми удобствами путевой жизни. У насъ были сдѣланы собственными руками нашими и складныя кровати, и столъ, и стулья, и походный погребецъ, уютно вмѣщавшій необходимое для стола и чаю. Всѣ наши тяжести везлись на подводахъ, на которыя намъ позволялось садиться для отдыха, и чѣмъ рѣдко кто пользовался. На полъ-переходѣ привалъ для завтрака. Этотъ походъ ознаменовался прибытіемъ двухъ нашихъ дамъ: Марьи Казиміровны Юшневской и Анны Васильевны Розенъ.

Предоставляю вамъ судить о нашемъ положеніи, когда, послѣ такой привольной жизни, насъ заперли въ темныя стойла Петровскаго казамата. Не стану повторять исторію милостиваго разрѣшенія о пропускѣ нѣсколькихъ лучей въ наши конюшни, ни образа жизни нашей въ нихъ. Я уже объ этомъ писалъ вамъ. Скажу нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вопросъ вашъ о Петровскомъ заводѣ. Онъ нисколько не отличался отъ всѣхъ сибирскихъ заводовъ, назначенныхъ быть каторгою преступникамъ, и гдѣ приписные къ заводу крестьяне обречены на участь, еще горшую каторжной. Не подумайте, чтобъ я преувеличивалъ: нѣтъ, это истина. Каторжный, осужденный на извѣстное число лѣтъ работы, ежели онъ велъ себя добропорядочно, почти всегда имѣлъ возможность избѣжать работы, нанимаясь какъ мастеровой или даже какъ простой работникъ у заводскихъ чиновниковъ. По истеченіи

срока каторжной работы, его приписываютъ, какъ поселенца, къ волости, и по прошествіи пяти лѣтъ безукоризненной жизни, онъ имѣетъ право приписаться въ городъ, какъ мѣщанинъ, и потомъ, получа гильдейской билетъ, торговать наравнѣ со всѣми купцами. А отверженное племя: крестьянъ и горно-заводскихъ служителей обречено съ колыбели до совершеннаго истощенія силъ оставаться или угольщикомъ, или дровосѣкомъ, или кузнецомъ,—и участь его тѣмъ болѣе горестна, чѣмъ онъ трудолюбивѣе и прилежнѣе на работѣ ¹⁾. Я видѣлъ собственными глазами, какъ 75-ти лѣтній сѣдой старикъ (Старченко), слесарь, умеръ, или точнѣе угасъ, работая у своихъ тисковъ. Этотъ старикъ былъ мой учитель по литейной и чернедевой работѣ, и не смотря на мое ходатайство у начальниковъ завода, съ которыми мы были дружны, они ничего не могли для него сдѣлать.

Наше присутствіе въ заводѣ имѣло благотѣльное вліяніе на укрощеніе буйнаго произвола начальствующихъ, произвола, повсемѣстно замѣнявшаго всѣ божескіе и человѣческіе законы и каравшаго заводскаго служителя наравнѣ съ кандальникомъ. Злоупотребленія, укрывавшіяся отъ Лепарскаго, доходили до насъ прямымъ путемъ или черезъ прислугу нашу, всю составленную изъ каторжныхъ. И за то какою чистосердечною привязанностью, какою безкорыстною любовью платили намъ эти отверженцы общества! Впродолженіи всей нашей петровской жизни никто изъ прислуги не погрѣшилъ противъ насъ ни словомъ, ни дѣломъ. Не смотря на сотни кандальниковъ, работавшихъ въ первые годы внутри казамата, у насъ не было слуху о пропажѣ намъ принадлежащаго, когда они имѣли къ тому тысячи случаевъ. И какую интересную психологическую исторію преступленій можно было-бы написать изъ ихъ откровенныхъ разсказовъ, тѣмъ болѣе, что они предъ нами не имѣли никакой надобности маскироваться и выливали свою душу. Безъ сомнѣнія, нѣтъ правила безъ исключеній; но большая часть преступленій была вынуждена порочнымъ устройствомъ нашего общества: то были жертвы безчеловѣчія помѣщиковъ или начальниковъ, то отчаянія оскорбленнаго отца, мужа или жениха, то случайнаго разгула русской природы, и

¹⁾ Совершенно справедливо; къ счастью, въ настоящее время горнозаводскіе крестьяне и мастеровые уже свободны. Примѣч. на копіи. И. И. Свѣзевъ (1864).

еще чаще произвола нашего безсовѣстнаго и безтолковаго суда¹⁾. Нашъ поварь, крымской татаринъ Силикъ (возвращенный впослѣдствіи на родину по ходатайству княгини Зинаиды Волконской лично у государя) былъ сосланъ за то, что оказался виновнымъ въ случайномъ присутствіи при убійствѣ; крестьянинъ Ивашева Малышевъ, служившій въ жандармахъ, обладавшій необычайною силою, былъ сосланъ на каторгу за то, что хмѣльной, заснувъ крѣпко, оттолкнулъ неосторожно вахмистра, который его будилъ на службу. (Онъ до самаго конца нашего пребыванія въ Петровскѣ служилъ и работалъ, какъ паровая машина въ десять лошадиныхъ силъ, у своего барина, нашего союзника Ивашева). У насъ былъ въ услуженіи кандалникъ Степанъ Жилкинъ, выпросившійся съ нами даже въ Селенгинскъ; онъ былъ сосланъ въ каторгу за то, что, встрѣтаясь въ лѣсу съ попомъ, который ограбилъ его, взявъ за сватъбу послѣднія деньги, началъ его упрекать въ жадности, приведшей его къ нищетѣ, и когда тотъ отвѣчалъ ругательствами и лѣзъ драться, оттолкнулъ его такъ сильно, что попъ, ударившись о пень головою, испустилъ духъ. Онъ такъ былъ привязанъ къ намъ, что когда надо было, наконецъ, его возвратить въ Петровскій заводъ, онъ, на другой день по прибытіи на мѣсто, бѣжалъ и какъ въ воду кануль. Черезъ два года братъ Николай, въ бытность свою въ Иркутскѣ, встрѣтился съ нимъ на улицѣ, которую равняла партія кандалниковъ. Жилкинъ узналъ брата, подбѣжалъ къ нему и поклонился ему до лица земли. Братъ исходатайствовалъ ему позволеніе вступить въ рабочій ремесленный домъ, снабдивъ его необходимыми инструментами, и онъ скоро сдѣлался прилежный и зажиточный мастеровой.

Первый изъ горныхъ инженеровъ управляющимъ Петровскимъ заводомъ былъ назначенъ А. И. Арсеньевъ, человекъ прямой, безкорыстный, честный и благонамѣренный. Мы всѣ съ нимъ очень сблизились, а особенно мы съ братомъ. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ онъ не навѣщалъ насъ въ казематъ, или чтобъ мы не посѣщали его. Посреди насъ—онъ былъ нашъ; мы и онъ дѣлили пополамъ радость и горе. Онъ былъ истинный отецъ для служителей и кандалниковъ, ввелъ многія улучшенія, и первый доказалъ, что изъ петровскаго чугуна можно дѣлать желѣзо, не хуже лучшаго шведскаго. Въ его успѣхахъ и неудачахъ мы брали живѣйшее участіе, и ничего онъ не предпринималъ, не посоветовав-

¹⁾ Писано до судебной реформы.

шлись съ нами, а особенно съ братомъ. Наши импровизованные обѣды, ужины, сельскіе пикники и его, какъ мы называли, дукуловскіе пиры мы проводили очень весело вмѣстѣ; а комендантъ, полюбившій его тоже, довѣрчиво и снисходительно смотрѣлъ на наши сношенія съ нимъ и позволялъ ему свободно посѣщать насъ во всякое время, даже поздно вечеромъ, и намъ посѣщать его, равно какъ и всѣ его мастерскія. Въ это время Лепарскій пристрастился къ минералогіи, раззорялся на покупку камней, и хотя увѣренный въ непогрѣшительности своего знанія, обогащалъ плутовъ покупкою рѣдкихъ минералогическихъ экземпляровъ, но всегда отдавалъ покупки свои на судъ или брата, или Арсеньева. Ни тотъ, ни другой не могли его убѣдить въ заблужденіи, и наконецъ, чтобъ не огорчать старика, должны были находить небывалыя качества минераловъ или рѣдкихъ камней.

Арсеньевъ носилъ между нами названіе „отца природы“ по поводу ужасной галиматьи, въ видѣ просьбы поданной однимъ унтеръ-шехмейстеромъ на имя А. И. Арсеньева, которая началась этимъ титуломъ. Когда К. В. Чевкинъ, посѣтивъ заводъ, пожелалъ, чтобъ Арсеньевъ объѣхалъ всѣ Уральскіе заводы и тогда приступилъ къ предполагаемымъ преобразованіямъ, мы точно стосковались въ его отсутствіе; но, узнавъ о его возвращеніи, приготовили ему оригинальный приѣмъ. Былъ уже 12-й часъ вечера, когда онъ, едва успѣвъ переодѣться, прибѣжалъ къ намъ съ братомъ и бросился лобызать всѣхъ собравшихся. Но мы съ непоколебимою сурьезностью уклонились отъ его дружескихъ изліяній и запѣли хоромъ гимнъ на голосъ: „Ты возвратился, благодатный“, пѣтый нѣкогда м-те Каталани Александру I:

Ты возвратился, нашъ отецъ природы,
Всѣхъ управляющихъ вѣнецъ,
И облетѣвъ Уральскіе заводы,
Въ Петровскъ пріѣхалъ наконецъ.
Внемли-жъ веселыя клики звучны (2)!
О, сколько мы благополучны,
Узрѣвъ природы всей отца!
Ура, ура, ура!
Узрѣвъ природы всей отца!

* *

Въ прекрасной сѣверной столицѣ
Тебя лучъ славы озарилъ,
И для пошени въ петлицѣ
Ты Станислава получилъ.
Внемли-жъ и проч.

Комизмъ этой неожиданной сцены, примѣненіе къ нему импровизованныхъ стиховъ, когда онъ ихъ слышалъ пѣтыхъ другому, имѣлъ успѣшный результатъ: всѣ мы много смѣялись.

Въ другой разъ, когда мы праздновали у него день его именинъ, нашъ доморощенный хоръ пропѣлъ ему гимнъ en vers burlesques, гдѣ воспѣвались его административные и сердечные подвиги, и гдѣ каждый куплетъ заканчивался припѣвомъ на голосъ: „Александръ, Елизавета—восхищаете вы насъ“:

Александръ Ильичъ Арсеньевъ,
Восхищаете вы насъ.

Наше дружеское съ нимъ знакомство продолжалось и по выѣздѣ нашемъ на поселеніе въ Селенгинскъ. Онъ насъ часто посѣщалъ, и когда праздновалъ свою свадьбу съ дочерью генералъ-губернатора Руперта, то я у него гостилъ цѣлыя три недѣли.

По смерти Лепарскаго, на его мѣсто прислали жандармскаго полковника Ребиндера. Плацъ-маіора Лепарскаго замѣнилъ маіоръ Казимірскій, а адъютанта, нѣмецкаго іезуита Розенберга—штабсъ-капитанъ Барановъ. Ребиндеръ былъ острожно-хитрый человѣкъ, и съ начала своего управленія попытался перемѣнить тонъ обращенія съ нами, но ему очень чувствительно дали замѣтить неприличіе такой попытки, и онъ наладилъ свои поступки въ тонъ камертона Лепарскаго, и до конца выдержалъ свою роль, ежели это не было его душевное побужденіе. Онъ сталъ съ нами на ногу товарищества, часто посѣщалъ женатыхъ, казачатскихъ, и почти каждый день приглашалъ насъ къ своему обѣду. Казимірскій былъ человѣкъ въ полномъ смыслѣ открыто благородный и заслужилъ всеобщую пріязнь, не смотря на свой голубой мундиръ. Брать и я пользовались особымъ его расположеніемъ, часто бывали у него и продолжали знакомство съ нимъ и на поселеніи. Изъ нѣкоторыхъ писемъ, писанныхъ имъ къ брату Николаю и отосланныхъ мною къ вамъ, вы познакомитесь нѣсколько съ нимъ. По его усиленнымъ просьбамъ, братъ ѣздилъ въ послѣдній разъ въ Иркутскъ для свиданія съ нимъ, когда онъ, какъ окружной жандармскій генералъ, объѣзжая по обязанности службы, пытался трижды переправиться черезъ Байкаль и былъ остановленъ бурями. Эта поѣздка стоила брату жизни: онъ простудился при весеннихъ вѣтрахъ Иркутска, добавилъ простуду

на 60-ти верстномъ переездѣ по льду Байкала, уступивъ свою повозку бѣдному семейству Киренскаго, назначеннаго по его ходатайству намъ въ городничіи, скрывая долго уже развившуюся болѣзнь отъ насъ, и умеръ въ 1855 г., отказываясь принимать лекарства. Послѣ его стоически-твердой борьбы съ судьбою-мачихой, онъ, казалось, утомился жизнью и жаждалъ смерти.

II.

Не помню, но, кажется, я вамъ упоминалъ выше, что въ Читѣ мы почти не читали никакихъ газетъ. Въ паровикѣ нашего казачьего общества бурлили пары, сжатые высокимъ давленіемъ; машинисты-тюремщики еще не ознакомились съ управленіемъ такой паровой машины, которая грозила имъ каждую минуту страшнымъ взрывомъ, и потому они боялись подливать масло на огонь. Къ намъ доходили контрабандою нѣкоторые листы „Инвалида“, но и тѣ были вскорѣ запрещены послѣ гимновъ за упокой Маріи Ѳеодоровны. Корреспонденція съ нашими родными черезъ посредство нашихъ дамъ только что завязывалась; многіе изъ насъ уже начали получать и деньги и посылки, но книгъ еще присылали мало: надо было сперва удовлетворить физическимъ потребностямъ: намъ надо было имѣть одежду, обувь, мастеровыхъ въ Читѣ совсѣмъ не было, или были, но такъ плохи, такъ лѣнны и пьяны, что отдавши имъ скудные запасы нашихъ матерьяловъ, мы все-таки оставались безъ одежды, и потому мы составили цѣхи разныхъ мастеровыхъ, напр. портныхъ, сапожниковъ, столяровъ. Мы съ братомъ, Торсонъ и Розенъ были портными. Такимъ образомъ, большая часть времени у насъ поглощалась матерьяльными занятіями, а при скудномъ освѣщеніи вечеромъ и при постоянномъ шумѣ бряцающихъ желѣзъ отъ *perpetuum mobile* живыхъ существъ, при постоянномъ гулѣ *vivos vocos*, при утомленіи отъ дневныхъ трудовъ за иголкою, — трудно было заниматься чтеніемъ, тѣмъ болѣе, что зимніе дни были коротки и съ девяти часовъ насъ запирали на замокъ до разсвѣта. Но все-таки запасъ книгъ, и книгъ очень дѣльныхъ, былъ очень великъ. Онъ составилъ и былъ пущенъ въ общее пользованіе изъ всего, что было привезено каждымъ изъ насъ и что было получено нашими дамами по назначенію ихъ мужей.

Въ Петровскомъ заводѣ мы зажили совсѣмъ другою жизнью. Сношеніе наше съ родными уже упрочилось; постоянная переписка чрезъ дамъ дала намъ возможность не только получать постоянныя пособія въ деньгахъ для матерьяльнаго существованія, но доставляла обильную пищу для ума. Мы съ общаго согласія выписывали чрезъ нашихъ родныхъ и самыя замѣчательныя современныя литературныя и политическія произведенія, и самыя лучшіе періодическіе журналы и газеты, какъ иностранныя, такъ и русскіе. Все, что въ то время писалось и издавалось въ Россіи замѣчательнаго; все, что печаталось за границею стоящаго чтенія, какъ въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, такъ и въ періодическихъ, мы всѣ получали безъ изъятія. Петровскій заводъ многочисленностью своихъ мастеровыхъ избавилъ насъ отъ матерьяльных заботъ, и мы погрузились съ наслажденіемъ въ волны умственнаго океана, чуть не захлебнувшись имъ.

Не стану вамъ исчислять книгъ нашего обширнаго каталога; упомяну только о тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя сохранились въ моей памяти. Все тогдашне-ограниченное число ежемѣсячныхъ и еженедѣльныхъ русскихъ журналовъ и газетъ мы получали. Изъ иностранныхъ: *Revue Brittanique*, *Revue de Paris*, *Revue de deux mondes*, *Revue industrielle*, *Revue du mécanicien*, *Revue technologique*, *Mécanicien anglais*, *Cabinet de lecture*, *L'illustration française*, *Journal pour rire*, *Journal des débats*, *Indépendance Belge*, etc. etc. etc.; *Times*, *Quarterly review*, *Edinburgh-review*, *Morning post*, *Punch*, *English illustration*, etc. etc. etc.; *Journal de Francfort*, *Journal de Hambourg*, *Allgemeine Zeitung*, *Preussische* etc. etc. etc.; нѣсколько польскихъ и итальянскихъ газетъ. Это только часть тѣхъ періодическихъ изданій, сохранившихся въ моей памяти, и потому вы можете судить о роскоши нашей умственной жизни касательно удовлетворенія только современныхъ событій. Чтобъ всѣ безобидно и своевременно могли пользоваться чтеніемъ газетъ и журналовъ, изъ среды насъ избрался на годъ распорядитель чтенія, который, получая почту, распределялъ время, потребное для прочтенія каждаго, составлялъ списокъ читателей и присоединялъ его къ каждому № журналовъ и газетъ. Каждый изъ насъ обязанъ былъ, по прошествіи урочнаго времени, передать № товарищу, означенному въ списокѣ. Этотъ порядокъ немало служилъ къ ослабленію нашего зрѣнія.

III.

Вѣсть о гибели брата — Александра Бестужева.

Смерть брата Александра, убитого при высадкѣ на мысъ Адлеръ, на Черноморскомъ берегу, 7 іюля 1837 года, произвела не только на насъ, но и на всѣхъ нашихъ товарищей какое-то потрясающее дѣйствіе, какъ будто происшествіе, внезапно постигшее всѣхъ, тогда какъ всѣ, а особенно мы съ братомъ, были уже къ этому подготовлены и письмами его, въ которыхъ пробивалась его рѣшимость — искать смерти, и уже замѣтнымъ намѣреніемъ вывести его въ расходъ ¹⁾. Братъ страдалъ молча, но страдалъ видимо. Я плакалъ впервые въ жизни и плакалъ какъ ребенокъ до того, что сдѣлалось воспаление глазъ: я не могъ смотрѣть на свѣтъ и сидѣлъ въ темной комнатѣ. Добрый товарищ Вольфъ съ медицинскою помощью пролилъ въ душу мою цѣлебное успокоеніе, и выпросивъ мнѣ у коменданта позволеніе прогуливаться, доставилъ тѣмъ возможность нѣсколько разсѣяться. Я не могъ дать отчета своимъ чувствамъ: и прежде и послѣ я испытывалъ неожиданные удары въ жизни, но никогда я не былъ такъ потрясенъ несчастіемъ, котораго мы ожидали со дня на день.

IV.

Наши учителя и руководители.

О братѣ Александрѣ я ничего не могу сообщить вамъ удовлетворительнаго. Воспитывались мы въ разныхъ корпусахъ, и потому видѣть этого я не могъ, а въ разговорахъ мы никогда не нападали на этотъ предметъ. Да и сомнительно, чтобъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ мы это могли замѣтить. О себѣ скажу, что какъ я ни старался припомнить прошедшія впечатлѣнія изъ этой толпы ничтожностей, составляющихъ тогда сословіе нашихъ образователей, нанимавшихся у Карцова за мѣдные гроши, я не припомню ни одной личности, которая-бы теперь не порождала улыбки презрѣнія ²⁾. Одинъ только мой учитель математики По-

¹⁾ См. статью мою „Александръ Бестужевъ на Кавказѣ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1869 г., августъ.

²⁾ За что же? Вотъ же самый этотъ Побреинъ, въ мое время состоя при Сурковѣ, учитель геодезіи, казался смѣшнымъ и ничего ровно не значущимъ; а у Мишеля — уже примѣрнымъ и уважительнымъ. И какая завидная похвала! В. Ш. (1862 г.).

бреинтъ имѣлъ на меня большое вліяніе своею кротостью, пунктуальностью и безграничнымъ терпѣніемъ. Правда, онъ былъ рутинеръ, не слѣдовалъ, а можетъ быть и не имѣлъ средствъ слѣдовать за наукою, какъ должно, не простиралъ взора далѣе своихъ миниатюрно исписанныхъ тетрадокъ, но былъ точенъ, ясенъ и терпѣливъ въ трудныхъ объясненіяхъ навигаціи и астрономіи. Я его еще больше полюбилъ, когда временная болѣзнь заставила меня усиленно догонять ушедшій впередъ классъ, и я, нанявъ его для частныхъ уроковъ, имѣлъ случаи посѣщать его домъ. Видъ его бѣднаго семейства въ холодныхъ комнатахъ, эта бѣдность и нужда, бросающаяся изъ всѣхъ угловъ и закоулковъ, а между тѣмъ его покорность своему жребію, его спокойная кротость, его нѣжная обо мнѣ заботливость—съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе меня къ нему привязывали, и у него въ домѣ я научился уважать бѣдность и цѣнить жертвы ея. Высшія дифференціальныя и интегральныя вычисленія намъ преподавалъ А. И. Давыдовъ, бывшій корпусный офицеръ и впослѣдствіи управляющій штурманскимъ корпусомъ, какъ директоръ. Его метода преподаванія была совершенно противоположна Побреинновской: въ немъ отражался, какъ въ зеркалѣ, его учитель, знаменитый того времени Кузнецовъ, у котораго онъ былъ первымъ ученикомъ, и отъ того первымъ онъ вышелъ и изъ корпуса. Смѣлый, бойкій взглядъ на преподаваемые предметы, ясность изложенія, краткость и сила,—однимъ словомъ, вѣрный типъ школы кузнецовской отражался въ немъ и невольно заставлялъ отражаться и въ ученикахъ его.

Братъ Николай всю математику, начиная съ нумерка ¹⁾, по кадетскому выраженію, до выпуска изъ корпуса, проходилъ у этого знаменитаго Кузнецова, имѣвшего такой даръ влюбить своихъ учениковъ въ науку; что шалуна-лѣнивца Вестужева сдѣлалъ первымъ своимъ ученикомъ и первымъ по выпуску офицеромъ. Но братъ былъ еще счастливѣе присутствіемъ въ корпусѣ Платона Яковлевича Гамалѣя въ званіи инспектора. Это замѣчательное лицо той эпохи, знаменитъ сочиненіемъ астрономіи, навигаціи, морской практики и высшихъ морскихъ вычисленій, изданныхъ впервые на русскомъ языкѣ печатно, и пода-

¹⁾ Въ мое время говорили „съ нумераціи“. В. III. (1862 г.).

рившихъ воспитанникамъ, вмѣстѣ съ прекрасными изложенными сочиненіями, болѣе половины терявшагося времени въ перепискѣ подѣ диктовку учительскихъ записокъ, писанныхъ по произволу каждаго изъ преподавателей и переписанныхъ учениками съ ошибками и часто безъ всякаго смысла. Но сверхъ этой заслуги въ области учености, онъ заслужилъ еще большую благодарность своею любовью къ наукѣ, своею любовью къ воспитанникамъ, которымъ старался перелить въ душу свою заветную страсть. Когда усиленные занятія лишили его зрѣнія, онъ и тогда не оставлялъ своихъ дѣтей. „Онъ часто собиралъ лучшихъ учениковъ къ себѣ,—разсказывалъ братъ Николай,—и сидя въ темномъ уголку за ширмою, съ зонтикомъ на глазахъ, заставлялъ насъ рѣшать математическія задачи; и горе было тому, кто нелогично доказывалъ: „Не говори, братецъ,—повторялъ онъ часто,—не говори: такъ какъ, когда еще ничего не сказалъ—какъ это; не говори слѣдовательно, когда изъ того, что ты сказалъ, ничего не слѣдуетъ“.—Братъ Николай съ горячимъ чувствомъ благодарности отзывался о немъ всегда и говорилъ, что онъ ему обязанъ многимъ, что въ немъ было хорошаго „а главное—онъ научилъ меня говорить и дѣйствовать логично“.

О Василевскомъ я уже вамъ упоминалъ выше. Большаго вліянія онъ на него не имѣлъ какъ человекъ; но какъ ученый, философъ и хорошо изучившій литературу Руси, онъ благотворительно дѣйствовалъ на брата. Впослѣдствіи и мнѣ онъ принесъ много пользы, проходя со мною риторику и русскую словесность. Его взглядъ былъ вѣренъ, трезвъ отъ опьяненія привилегированныхъ знаменитостей, но нѣсколько строгъ и саркастиченъ.

Когда братъ Николай служилъ въ 14-мъ экипажѣ, онъ сблизился съ капитаномъ 2-го ранга О. Я. Тизенгаузенцомъ, и эта горячая нѣмецкая личность тоже много имѣла вліянія на брата. Она заставила брата полюбить военныя науки привязанностію любовника и передала убѣжденія, что ни въ чемъ не должно видѣть окончательнаго совершенства, что все движется впередъ, и слѣдовательно, что есть—подлежитъ перемѣнамъ, а тѣмъ болѣе по военной частн. Тизенгаузенъ написалъ умный или, вѣрнѣе сказать, остроумный трактатъ о защитѣ крѣпостей совершенно по новымъ началамъ, и склонилъ брата Николая къ переводу *de l'art de la guerre par Rognat* и братъ перевелъ почти всю книгу, но почему-то она не была напечатана.

V.

Самые близкіе друзья до ссылки и въ заключеніи.

Ежели отвѣчать на этотъ вопросъ ab ovo, т. е. съ корпусной жизни брата Николая [Вестужева], то самый близкій, неизмѣнный другъ его былъ Константинъ Петровичъ Торсонъ. Онъ только годомъ раньше брата вышелъ изъ корпуса. Они все время пребыванія ихъ въ корпусѣ жили въ одной комнатѣ, спали бокъ-о-бокъ, служили въ одномъ и томъ же Кронштадтѣ, помѣщались на одной квартирѣ, и одно или два лѣта служили вмѣстѣ на бранвахтскомъ фрегатѣ. По переводѣ Торсона главнымъ адъютантомъ къ морскому министру Антону Васильевичу Моллеру, и братъ вскорѣ переведенъ былъ въ Петербургъ въ должность исторіографа и начальника морскаго музея,—слѣдовательно, жили въ одномъ городѣ, видѣлись часто, поступили почти одновременно въ тайное общество, вмѣстѣ погибли, вмѣстѣ жили въ казamatъ, въ Селенгинскѣ, и наконецъ Торсонъ и умеръ на рукахъ брата.

Торсонъ былъ баярдъ идеальной честности и практической пользы: это былъ рыцарь безъ страха и упрека на его служебномъ и частномъ поприщѣ жизни. Обладая неймовѣрною силою воли въ достиженіи своихъ благородныхъ цѣлей, онъ вмѣстѣ съ симъ владѣлъ огромнымъ запасомъ терпѣнія при неудачахъ, и въ этомъ составлялъ совершенную противоположность съ пылкою и подвижною дѣятельностью брата. Mais les extrémités se touchent—и во взаимной ихъ дружбѣ недостатки одного регулировались и пополнялись избыткомъ другаго. Голова его была постоянно занята проектами о разныхъ преобразованіяхъ и исключительно касающихся флота. Первый проектъ его о матерьяльномъ усовершенствованіи нашего флота былъ благосклонно принятъ покойнымъ императоромъ Александромъ 1-мъ, и приказано было отдать въ его распоряженіе новопостроенный корабль „Эмгейтентъ“ для осуществленія предполагавшихся перемѣнъ. Много онъ писалъ изъ Петропавловской крѣпости къ Николаю 1-му, и все его бумаги государь приказалъ сообщить составленному по его волѣ морскому комитету, и много преобразованій, очень полезныхъ, были почерпнуты и введены въ нашъ флотъ. Въ Читѣ Торсонъ усиленно и много занимался тѣмъ-же. Мелочныя предосторожно-

сти, чтобъ скрывать отъ глазъ тюремщиковъ свои отрывочныя записки, и неумолкаемый шумъ въ тѣсномъ нашемъ помѣщеніи—держали его въ постоянномъ раздраженіи и невольно принуждали его обдумывать свои планы въ ночной тишинѣ, что причиняло ему частыя приливы крови къ головѣ и наконецъ губельно подѣйствовало на его здоровье. За разстройствомъ желудка появилась гипохондрія: онъ сдѣлался подозрителенъ. Я былъ единственный человѣкъ, кому онъ еще довѣрялъ, и мы съ нимъ проводили большую часть дня въ лѣтнее время, уединившись въ бесѣдку, поставленную мною (какъ и многими) въ нашемъ саду, разсуждая о его планахъ, выправляя и приводя въ порядокъ черновые отрывки. Онъ ихъ хотѣлъ послать государю, мечталъ (бѣдный) о милостяхъ, которыя послѣдуютъ затѣмъ, и даже серьезно спрашивалъ насъ съ братомъ: чего мы хотимъ просить отъ государя? Въ Петровскомъ казематѣ болѣзнь еще болѣе усилилась. Правда, онъ имѣлъ особую комнату для занятій, но за то онъ и злоупотреблялъ случаемъ выше слабѣющихъ своихъ силъ и не имѣлъ уже никакого развлечения. Такъ онъ уѣхалъ въ Акшинскую крѣпость на поселеніе, такъ, или еще хуже, прибылъ въ Селенгинскъ, куда онъ перепросился, чтобъ быть по близости Петровскаго завода, для осуществленія своей любимой идеи—основать по своему проекту мукомольную мельницу, крупчатку, молотильню и вѣялку—съ одною дѣйствующею силою, и потомъ образовать механическое заведеніе для снабженія всего края механическими орудіями, для производства работъ по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Братъ Николай тщетно убѣждалъ его оставить химерическую идею, тщетно доказывалъ ему въ письмахъ изъ Петровска, что однихъ добрыхъ, благородныхъ намѣреній недостаточно, чтобъ переродить людей въ краю безлюдномъ, бѣдномъ и лѣнивомъ, гдѣ трудъ и время нипочемъ. Онъ сердился на насъ, упрекалъ насъ въ равнодушіи къ благому дѣлу, въ желаніи ему ставить препятствія медленною высылкою необходимыхъ желѣзныхъ вещей, и кончилъ тѣмъ, что устроивъ мельницу (уже поконченную при своихъ родныхъ въ нашемъ присутствіи въ Селенгинскѣ) и потративъ на нее значительную часть единственнаго капитала, необходимаго для существованія, желалъ ее впослѣдствіи сжечь, чтобъ не имѣть предъ своими глазами вѣчнаго свидѣтеля глупости и неблагодар-

ности людской. Прибытіе сестры и матери спасло его отъ вѣрной смерти физической и моральной.

Пріязнь брата Николая съ Василевскимъ началась по выходѣ его изъ корпуса. Это отнюдь не была дружба; ихъ связывали одинакія наклонности къ наукамъ, къ литературнымъ занятіямъ, нѣкоторое сходство во взглядахъ на предметы, нѣкоторое сходство въ проблескахъ живаго, беззаботнаго характера молодости, посѣщеніе почти однихъ и тѣхъ же кружковъ знакомства. Василевскій, какъ истый буршъ, былъ постоянно веселъ, шутилъ и вѣдо острилъ; братъ называлъ его сатиромъ, и точно, въ самой его наружности было такъ много сходства съ этимъ лѣснымъ полубогомъ, что когда братъ однимъ почеркомъ карандаша или мѣломъ на стѣнѣ рисовалъ его сатиромъ, — всѣ тотчасъ узнавали Василевскаго. Впослѣдствіи ихъ жизнь разошлась разными дорогами: Василевскій переѣхалъ въ Москву, потомъ уѣхалъ за границу, и мы потеряли его изъ виду. По старой пріязни онъ писалъ иногда брату письма въ Сибирь; но эта была жалкая дань прежней пріязни, приносимая подъ вліяніемъ страха предъ подозрительнымъ правительствомъ. Вы найдете нѣкоторые образчики его корреспонденціи въ портфель.

Въ бытность свою корпуснымъ офицеромъ, онъ былъ болѣе близокъ съ Ник. Алек. Милюковымъ, Сергѣемъ Щулепниковымъ и двумя братьями Нахимовыми. Съ Щулепниковымъ онъ занимался военною исторіей, а съ Платономъ Нахимовымъ и Милюковымъ онъ жилъ вмѣстѣ на одной квартирѣ въ морскомъ корпусѣ. У меня въ памяти остался одинъ анекдотъ относительно ихъ совмѣстнаго житья. Однажды братъ припопъ домой и засталъ ихъ за обѣдомъ. Нахимовъ сидѣлъ нахмурившись, Милюковъ молчалъ. „Что съ вами братцы?“ — спросилъ братъ. — Да чтд, Николушка, — сказалъ Нахимовъ: мы хотимъ просить тебя перебраться отъ насъ на другую квартиру. — „За что такая немилость?“ — спросилъ братъ. — Да такъ, продолжалъ Нахимовъ: можетъ быть, ты насъ будешь чаще посѣщать.... — Онъ также былъ довольно близокъ съ Маркомъ Фіелановичемъ Горьковенко; но ихъ сближенію была причина служебно-ученая. Въ его время въ корпусѣ не преподавалась физика; братъ, поступивъ въ корпусные офицеры и уже преподавая въ трехъ классахъ морскую эволюцію, морскую практику и высшую теорію морскаго иску-

ства, предложилъ Горковенкѣ ввести преподаваніе физики. Это дѣло было не легкое: надо было устроить какъ нибудь физическій кабинетъ. Директоромъ морскаго корпуса тогда былъ адмиралъ Петръ Кондратьевичъ Карцовъ, человекъ весьма ограниченнаго ума и помѣшавшійся на экономіи: кадетъ Богъ знаетъ какъ кормили, Богъ знаетъ какъ учили. Онъ и слышать не хотѣлъ о новыхъ расходахъ. Его кое-какъ уломали тѣмъ, что братъ станетъ преподавать физику даромъ, а кабинетъ они какъ нибудь устроятъ собственными средствами. Братъ принялся за устройство электрической машины и другіе несложные препараты. Горковенко, назначенный инспекторомъ, помогать по силамъ деньгами для покупки необходимѣйшихъ предметовъ. Когда составила довольно полная коллекція препаратовъ, они подъ веселый часокъ позабавили невиданными диковинками стараго адмирала, и онъ такъ раздобрился, что ассигновалъ постоянную сумму на ремонтъ, и съ тѣхъ поръ физическій классъ упрочился навсегда.

Въ 1814-мъ году капитанъ-лейтенантъ Макаровъ предложилъ брату участвовать въ кругосвѣтномъ войяжѣ на островъ Ситху, куда онъ былъ назначенъ управляющимъ дѣлами американской компаніи. Братъ согласился, оставилъ корпусную службу и былъ уже готовъ пуститься въ далекія страны, какъ несогласіе Макарова съ директорами американской компаніи остановило отправку экспедиціи. Макаровъ былъ смѣненъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ офицеры, имъ выбранные. Брату, вмѣсто радужныхъ мечтаній интереснаго плаванія, остались долги, долгое время его тяготившіе. Это обстоятельство переселило его въ Кронштадтъ, перенесло его въ новый міръ жизни, въ новый кругъ знакомства, поставило въ новыя служебныя отношенія. Первоначально онъ сблизился съ Александромъ Иван. Тихменевымъ, къ которому впоследствии и переехалъ жить, и тутъ, подъ кровомъ этого зданія, судьба ему опредѣлила испытать ту привязанность, которая наложила на его жизнь роковую печать и усѣяла ее цвѣтами и терніемъ.

Кромѣ дома, столь для него близкаго, онъ былъ близко знакомъ съ семействомъ адмирала Михайловскаго, адмирала Миткова, Имберха (таможеннаго чиновника) и потомъ съ семействами нѣмцевъ: Гасельмана (консулъ нѣмецкихъ націй), Берловскаго (тамож. чинов.) и Мейера (тоже тамож. чинов.). Особенно онъ любилъ посѣщать перваго, гдѣ хозяинъ, русскій нѣмецъ, воз-

роспій въ Архангельскѣ и говорившій какъ истый Новгородецъ, при сурьезной физиогноміи отпускалъ такія смѣшныя штучки и такъ остро и мило, что мы помирали со смѣху. Жена и свояченица его были преобразованныя и милыя дамы.

Въ 1823-мъ году братъ Николай переѣхалъ въ Петербургъ для занятій по должности исторіографа. Тутъ онъ сблизился съ Рылѣвымъ, Корниловичемъ, Сомовымъ и вообще со многими литературными собратами по „обществу сореоователей просвѣщенія“. Я не говорю о знакомствѣ его съ Гречемъ и Булгариннымъ. Знакомство съ первымъ началось въ 1817-мъ году на кораблѣ „Не тронь меня“ и поддерживалось въ продолженіи всего времени церемонно-холодно, потому что съ нимъ, какъ величайшимъ эгоистомъ, сближеніе дружеское не возможно. Мы, всѣ братья, посѣщали его домъ какъ фокусъ нашихъ литературныхъ талантовъ, любили умную болтовню хозяина, временемъ горячую полемику гостей, и при прощаніи, переступивъ порогъ, не оставляли за нимъ ничего завѣтнаго. О Булгаринѣ и говорить нечего: это былъ, въ глазахъ нашихъ, балаганный фигляръ, приманивающій людъ въ свою комедь кривляніями и площадными прибаутками. Братъ Александръ [Бестужевъ] его посѣщалъ довольно часто, но ужъ вовсе не ради его милыхъ глазъ.

Дома Воейкова и Сперанскаго были изъ числа тѣхъ, которые братъ Николай посѣщалъ съ большимъ удовольствіемъ. Въ первомъ—милая хозяйка своею красотою и любезностью собирала вокругъ себя кружокъ поклонниковъ, большею частію изъ литературной братіи, потому что и она сама не прочь была на титулъ *bas bleu*; во второмъ—маститый и мудрый старикъ хозяинъ и умная дочь невольно манили въ ихъ тихую бесѣду. Тутъ онъ сблизился съ Батенковымъ.

Въ тюремной жизни довольно трудно сказать, съ кѣмъ братъ Николай былъ не только друженъ, но болѣе близокъ: онъ былъ всѣмъ нуженъ, а онъ былъ со всѣми одинаково близокъ. Но предпочтительно онъ сблизился съ Трубецкимъ, изъ женатыхъ, т. е. внѣ казamatъ, и съ Поджіо, въ самомъ казamatѣ, къ которому онъ ходилъ по вечерамъ, когда не собирались у него, а собирались у него чаще, т. е. постояннѣе—Игельстромъ и Лореръ. Надо сказать, что Лореръ былъ такой искусный рассказчикъ, какого мнѣ не случалось въ жизни видѣть. Не обладая

большою образованностью, онъ между тѣмъ говорилъ на четырехъ языкахъ (французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ), а ежели включить сюда польскій и природный русскій, то на всѣхъ этихъ шести языкахъ онъ черезъ два слова въ третье дѣлалъ ошибку, а между тѣмъ какой живой рассказъ, какая теплота, какая мимика! Самый недостатокъ, т. е. неосновательное знаніе языковъ, ему помогать какъ нельзя болѣе: ежели онъ не находилъ выраженія фразы на русскомъ, онъ ее объяснял на первомъ попавшемся подъ руку языкѣ, и, сверхъ того, вставляя и въ эту фразу слова и обороты изъ другихъ языковъ. Иногда въ рассказѣ онъ вдругъ остановится, не скажетъ ни слова, но сдѣлаетъ жестъ или мину — и всѣ понимаютъ. Аудиторія была всегда полна, когда присутствовалъ Лореръ или Абрамовъ, тоже прекрасный рассказчикъ, но въ другомъ родѣ: этотъ рассказывалъ чистымъ русскимъ, военнымъ языкомъ, и часто просто солдатскимъ, короткимъ, сильнымъ, энергическимъ. Въ повѣсти: „Русскіе въ Парижѣ“ братъ пытался передать почти буквально соединеніе этихъ двухъ рассказчиковъ, но кажется это плохо удалось, какъ всякое подражаніе, и не смотря на неудачу, повѣсть сохраняетъ колоритъ правды и теплоту чувствъ. Жаль, что ее напечатали (въ 1860 г.) не исправивъ сіи и оныя.

Мы пріѣхали въ Селенгинскъ, какъ городъ знакомый: съ такою изумительною вѣрностью были очерчены лица, составлявшія его общество, что мы часто безъ рекомендаціи узнавали ихъ. Этому предварительному знакомству мы были обязаны тоже рассказчику (о, сколько ихъ у насъ было!) въ юмористическомъ родѣ Диккенса. Это былъ нашъ казamatскій докторъ Ильинскій, личность, заслуживающая того, чтобъ ей посвятить страничку, какъ сама по себѣ, такъ и потому, что черезъ нее судьба свела насъ съ семействомъ Старцева отъ самаго начала нашего читинскаго заключенія до сей минуты (1860 г.).

Ильинскій былъ изъ духовнаго званія, получившій образованіе сперва въ семинаріи, а потомъ въ медико-хирургическомъ отдѣленіи московскаго университета, слѣдовательно, весьма плохое, и самое его назначеніе въ Селенгинскъ уже довольно ясно это обозначаетъ. Онъ познакомился въ домѣ селенгинскаго купца 3-й гильдіи Старцева и женился на его 14-ти лѣтней дочери. Командантъ Лепарскій проѣздомъ черезъ Селенгинскъ пригласилъ

его на службу при государственных преступникахъ,—и вотъ онъ съ женою и тещею, уже овдовѣвшею, переселился въ Читѣ. Всѣ эти три лица были въ высшей степени замѣчательны. Старуха-теща—это настоящий типъ сибирячки, т. е. человѣка, неимѣющаго никакого образованія, но здравомыслящаго, проницательнаго и вѣрнаго въ сужденіяхъ даже тѣхъ предметовъ, которые выше его понятій; прибавьте къ этому необыкновенную доброту, симпатичность къ ближнему и набожность, столь рѣдкую въ Сибири.¹⁾—и вы будете имѣть ея портретъ, довольно вѣрный. Молоденькая и очень хорошенъкая ея дочь (Катерина Дмитриевна), отданная за-мужъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, невинностью и неопытностью была совершенное дитя, такъ что ея супругъ, съ помощію текстовъ изъ священнаго писанія, едва добился отъ нея, уже долго послѣ сватъбы, покорности супружескимъ обязанностямъ. Наши дамы ее очень полюбили, ласкали ее и играли ею какъ игрушкой. Когда ея мужъ не ночевалъ дома (а это случалось довольно часто вначалѣ, потому что, вспоминая студентскую жизнь бурша, онъ сблизился съ гуляками нашего штаба и преимущественно съ Куломзинымъ, племянникомъ генерала, глупцомъ и пьяницей), то она постоянно приходила ночевать къ нашимъ дамамъ, дѣтски-наивно признаваясь, „что она привыкла спать съ Митей (ея мужъ) и безъ него боится одна лечь въ постель“²⁾. Дамы должны были спать съ нею вмѣстѣ. Однажды, княгиня М. Н. Волконская, любясь ею, сказала: „какъ прелестны ваши большіе, черные глаза!“³⁾—и этихъ немногихъ словъ было достаточно, чтобъ разбидѣть ее на многіе дни. „Господи! повторяла она: развѣ я корова, что у меня такіе глаза? развѣ я виновата, что Богъ ихъ создалъ черными?“ Но этотъ ребенокъ, со врожденнымъ умомъ, въ обществѣ дамъ нашихъ развивался не по днямъ, а по часамъ, и вскорѣ она сдѣлалась прелестною дамочкою хоть куда, завоевавшею сердца многимъ изъ заключенниковъ. Мужъ ея, взбалмошный, но добрый студентъ, не видавшій никогда хорошаго общества, получившій такое ограниченное обра-

¹⁾ Едва-ли это вѣрно: Сибирь велика и въ набожныхъ недостатка нѣтъ.

²⁾ Вообще, я сожалею, что Мишель это написалъ: съ одной стороны—мелочь, съ другой—оскорбленіе. Ильинскій много служилъ намъ.

³⁾ У самой княгини М. Н. Волконской глаза черны—какъ черная смо-родина. В. П. (1862 г.).

зованіе, но по влеченію молодости жаждущій познаній, былъ совершенно сбитъ съ толку неестественнымъ состояніемъ, въ которое его бросила судьба. Вообразите себѣ молодаго человѣка со свойственнымъ молодости самолюбіемъ, съ претензією на университетское образованіе, съ невѣдѣніемъ самыхъ простыхъ понятій о составѣ общества, съ политическимъ его устройствомъ, а главное—отсутствіемъ всякаго понятія о нашемъ намѣреніи, незнаніемъ, чего мы хотѣли, за что пострадали,—вообразите этого человѣка, брошеннаго въ водоворотъ нашей тюремной жизни въ ту эпоху, когда впечатлѣнія еще были живы, раны свѣжи, потери горьки, когда кипучая молодость, лишенная дѣятельности, изливалась въ шумныхъ диспутахъ и борьбѣ разнорѣчащихъ мнѣній, еще не сгладившихся шероховатостей. Его изумленіе было велико, когда, слушая знакомую ему русскую рѣчь, онъ въ ней не понималъ ничего. Изъ состраданія къ его любознательности, ему объяснили его невѣжество. Тогда, очертя голову, онъ бросился въ море учености, просилъ, вымалывалъ у насъ книги, и когда увидѣлъ, что изъ русскихъ книгъ онъ немногому научится, онъ началъ изученіе французскаго языка, заставилъ и жену учиться по французски, читалъ самъ и заставлялъ читать жену философскаго и спеціальнаго содержанія книги; не познакомившись хорошо съ языкомъ и начавъ дѣло съ середины, естественно—понималъ все вѣривъ и вкось, и желая намъ показать свое знаніе, пускался въ философскія и политическія пренія, и наконецъ дошелъ до такого умственного сумбура, что становилось жаль, когда насмѣшники нарочно вовлекали его въ диспуты и, засыпая его техническими терминами, пороли чепуху въ забаву публики. Эти диспуты сдѣлались для него хроническою болѣзнью, и онъ такъ надоѣлъ всѣмъ, что комендантъ, видя какъ онъ небрежеть своею должностію и промѣнялъ медицину на философію, запретилъ ему (чудное дѣло!) входъ въ казематы и леченіе больныхъ арестантовъ, иногда позволяя въ такихъ только случаяхъ, когда больной, не желая лечиться у нашего товарища Вольфа, просилъ у коменданта позволенія лечиться у Ильинскаго¹⁾). И такъ, медикъ, назначенный правительствомъ къ арестантамъ, котораго обязанность была ежедневно посѣщать насъ по службѣ, не иначе могъ проникнуть въ заѣтныя стѣны, какъ только съ нашего позволенія. И онъ часто

¹⁾ Не знаю подобнаго случая, развѣ послѣ.

прибѣгалъ къ намъ съ просьбой—сказаться больнымъ, и мы его выписывали и скучали съ нимъ; но все, все мы ему прощали ради его привязанности къ намъ, ради его любознательности, ради участія въ нашемъ положеніи доброй, почтенной старушки Ѳедосьи Дмитріевны и жены его, ради доставленія всякаго рода контрабанды, начиная съ карандаша и стклянки вина подъ видомъ лекарства до запрещеннаго стихотворенія или брошюры. Онъ умеръ въ бытность нашу въ Селенгинскѣ, въ чахоткѣ. Молодая вдовушка, жена его, уже содѣлавшаяся порядочною *bas bleu*, по склонности къ философіи, дала уже свое согласіе отдать руку и сердце Петру Ив. Борисову, первостатейному нашему философу; но какъ родные колебались отпустить ее въ домъ Борисова, гдѣ сумасшедшій его братъ Андрей сдѣлалъ его домомъ сумасшедшихъ, то, по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ смерти мужа, она вышла за Кречковскаго, политическаго преступника изъ поляковъ, бывшаго гувернеромъ дѣтей Д. Д. Старцева. Она уже умерла, равно какъ и жена Дмитрія Дмитріевича Старцева, похороненная нами вчера (24 ноября 1860 г.). Братъ Николай очень любилъ все это семейство, крестилъ почти всѣхъ ихъ дѣтей, какъ Дмитрій Дмитріевичъ теперь (1860 г.) креститъ моихъ, училъ своихъ крестницъ и крестниковъ французскому языку, рисованью и проч., какъ я теперь (1860 г.) занимаюсь съ двумя сыновьями его и дочерью—французскимъ, англійскимъ, итальянскимъ языками, математикой, исторіей, географіей, физикою и проч. и проч. и проч.

Другой патриархъ и Несторъ нашего общества—купецъ 3-й гильдіи Мих. Мих. Лушниковъ. Его опытностью и уваженіемъ къ нему держится общество бѣдныхъ и лѣнивыхъ нашихъ мѣщанъ, какъ всѣ родовитые сибиряки. Безъ его совѣта и голоса ничто у насъ не творится. Братъ и я, мы полюбили его за патриархальную простоту, доброту и правоту. Одного изъ его сыновей братъ училъ рисовать. Онъ живъ и понынѣ (1860 г.).

Третье лицо, съ которымъ насъ сблизила судьба въ Селенгинскѣ официально, это былъ городничій Кузьма Ив. Скорняковъ, креатура Трескина, который, какъ Петръ Великій или Наполеонъ, не ошибался въ выборѣ своихъ дѣятелей. Онъ былъ простой сибирскій казакъ, находившійся на постоянныхъ ординарцахъ у губернатора. Говорили изъ насмѣшки, что Трескинъ,

прѣзжая Селенгинскъ, вытряхнулъ его съ запятокъ, и не желая останавливаться, приказалъ ему городничествовать въ этомъ городѣ. И выборъ былъ также хорошъ, какъ выборъ исправника Лоскутова въ Нижне-Удинскѣ, котораго сперва проклинали, а теперь чуть не боготворятъ за его административныя мѣры ¹⁾). Нашъ Скорняковъ управлялъ городничествомъ 35 лѣтъ, и въ теченіи этого времени, не умѣя правильно подписать своего имени, умѣлъ вести дѣла такъ, что для ревизора, положимъ хоть подобнаго Петру Великому съ Галицкимъ воеводой, онъ бы не могъ предложить ни одного дѣла для ревизіи. Онъ намъ много помогъ въ нашемъ новомъ водвореніи и былъ прямой защитникъ нашего беззащитнаго положенія. Мы его уважали за его сердце и природный умъ.

Впослѣдствіи, когда мѣсто его замѣнено было Иркутскимъ квартальнымъ Кузнецовымъ, мы должны были испытать всѣ притѣсненія, на которыя обрекаются въ Сибири лица, заслужившія неблаговоленіе правительства. Къ счастью нашему, генералъ-губернаторъ Муравьевъ не сочувствовалъ его вѣрноподданническому усердію, и не смотря на троекратное заступничество брата Николая, его смѣнили. Два городничихъ: Кларкъ и Киронскій, занимавшіе послѣ его мѣсто, были добрыя и благородныя лица. Тому и другому мы отблагодарили, доставъ, по ходатайству нашему, у генералъ-губернатора спокойныя мѣста: первому—городничимъ въ Верхоленскѣ, второму—городничимъ въ Киренскѣ ²⁾).

Съ прочими гражданами мы были знакомы со всѣми безъ исключенія; но знакомство съ ними ограничивалось посѣщеніями въ торжественные праздники, въ общей компаніи всѣхъ согражданъ, какъ это велось искони и какъ теперь постепенно выходитъ изъ обычая.

О близкихъ знакомствахъ брата Александра и его дружескихъ связяхъ я, въ несчастію, не могу ничего сказать положительно; такъ какъ насъ судьба развела по различнымъ дорогамъ, наши свиданія были рѣдки и кратки. Знаю, что онъ, въ первыхъ годахъ офицерства, былъ близокъ съ Креницынымъ. Помню, что мы часто его посѣщали въ пажескомъ корпусѣ, что тамъ

¹⁾ Это и я сказалъ.

²⁾ Миншело, благородному душою—и въ голову не пришло, что это можетъ показаться хвастовствомъ. В. И. Штейнгейль (1862 г.).

намъ читали разные стихи, написанные кадетами на разные корпусные случаи; помню, какъ братъ мнѣ говорилъ, что старухаматъ Креницына (кажется, такъ) была недовольна сыномъ за знакомство „съ такимъ вольнодумцемъ“. Но о житьѣ-бытьѣ въ полку, потомъ у Бетанкура адъютантомъ, потомъ у герцога Виртембергскаго—я зналъ очень мало. Когда я, уже переведенный въ Московскій полкъ, жилъ, по болѣзни, у него и Рылѣева на квартирѣ, вся наша дѣятельность священной (?) обязанности тайнаго общества—свиданія и толки были только съ членами; большая и меньшая довѣренность и сближеніе зависѣли отъ большей или меньшей дѣятельности и участія члена. Часто собирались и литераторы, читались разные литературныя произведенія, были споры, сужденія, особенно въ эпоху перваго изданія „Полярной Звѣзды“. Но въ этихъ столкновеніяхъ трудно было замѣтить пріязнь или дружбу одного къ другому. Знакомство брата Александра съ домомъ Савицеихъ и Фонъ-Дезина, равно какъ сердечное участіе въ этихъ знакомствахъ, вамъ вѣроятно уже извѣстны. Вѣроятно извѣстно также и то, что Фонъ-Дезинъ, отказавшись отъ дуэли съ братомъ Александромъ, былъ прибитъ Рылѣевымъ на улицѣ хлыстомъ, и что это обстоятельство, чуть не имѣло гибельныхъ результатовъ впоследствии для всѣхъ нашихъ товарищей, служившихъ на Кавказѣ, и что братъ Петръ все-таки попался сумасшествіемъ.

Моимъ первымъ другомъ съ перваго дня вступленія въ корпусъ былъ Александръ Никитичъ Баскаковъ; послѣднимъ въ тюремной жизни—баронъ Владиміръ Ивановичъ Штейнгейль. О первомъ вы спросите у сестры Елены Александровны, и она вамъ расскажетъ о его неизмѣнной привязанности ко мнѣ (даже въ то время, когда судьба насъ разлучила на вѣки); какъ онъ, не имѣя возможности облегчать мою участь личнымъ участіемъ своей дружбы, во имя ея старался, по возможности, быть полезнымъ матушкѣ и сестрамъ. До самой смерти своей онъ велъ постоянно со мною переписку, присылалъ на память разные вещи и работы своей дочери, и готовъ былъ присылать деньги, если бы я на это далъ свое согласіе. Послѣдняго—84-хъ-лѣтняго старца¹⁾, ежели пожелаете, можете узнать лично: онъ живетъ въ Пе-

¹⁾ И теперь только еще къ 78-му близусь.

Баронъ В. И. Штейнгейль (1862 г.).

тербургѣ, въ Кирочной улицѣ, въ домѣ Кольмана. Вы увидите въ немъ весь пылъ молодости ¹⁾, сохранившійся подъ убѣленную временемъ головою, какъ пламя Этны подъ снѣгомъ. Вы найдете въ немъ живую лѣтопись прошедшаго, которая не солжотъ вамъ даже въ часѣ прошлаго событія: такъ свѣжа его память ²⁾, и слѣдовательно, кромѣ любопытныхъ подробностей о нашемъ казатскомъ бытѣ, онъ можетъ сообщить многія интересныя событія вамъ, какъ исторіографу.

Въ промежутокъ между этими окраинами моей жизни я имѣлъ счастье заслужить беззавѣтную привязанность отъ нѣсколькихъ изъ моихъ знакомыхъ, къ которымъ я не питалъ чувствъ дружбы, не имѣя того, что называютъ „симпатіей“. Врожденная веселость моего характера, общительность и непреодолимая откровенность, отъ которой и доселѣ не излечили меня ни горькій опытъ, ни горькія послѣдствія, сближали меня скоро съ людьми и завязывали узелъ ежели не дружбы, то пріязни, который не разрывался даже тогда, когда я приправлялъ свои сношенія порядочною дозою насмѣшливости и сарказмовъ, можетъ быть, потому, что самъ былъ не обидчивъ и не сердился, когда мнѣ платили тою-же монетою. Но мнѣ не нравилась холостая жизнь мичмановъ; мнѣ не нравилась эта разгульная, безцѣльная и безцвѣтная жизнь. Я предпочелъ ей знакомство съ семейными домами и посѣщалъ ихъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ. Я точно также, какъ и онъ, былъ близко знакомъ съ семействомъ Имберховыхъ и Михайловскихъ, куда меня влекли и сердечныя привязанности; бывалъ часто у Берловскихъ, Гасельмановыхъ, Мейеровыхъ, и проч., но чаще всего у Степовыхъ, дѣтей которыхъ я даже училъ. Одна изъ трехъ дочерей, Софья Михайловна, вышла за генер. Гогеля, воспитателя Наслѣдника теперешняго (1860 г.) государя.

Добрый К. П. Торсонъ, изъ любви къ брату и желая наставить мои неопытные шаги на жизненномъ и служебномъ поприщѣ, взялъ меня подъ свою опеку: предложилъ мнѣ жить вмѣстѣ, склонилъ къ занятіямъ сурьезнымъ и былъ моимъ дядькою и учителемъ. Мы вмѣстѣ занимались французскимъ языкомъ, чи-

¹⁾ Онъ говоритъ по воображенію.

²⁾ Была! Баронъ В. И. Штейнгейль (1862 г.).

тали историческія сочиненія, морскія войяжи, изучали физику, механику и прочія спеціальныя науки. Онъ тогда жилъ во флигелѣ у корабельнаго мастера Ершова, и мнѣ очень памятенъ тотъ вечеръ, въ который погибъ несчастный бригъ „Фалькъ“. Мы были въ гостяхъ у нашего хозяина и въ угоду хозяйкѣ сѣли играть въ бостонъ, какъ разразилась та буря, которая сокрушила, можетъ быть, не одинъ бригъ „Фалькъ“. Мы невольно оставили карты и начали разсуждать о горькой жизни моряковъ. „Тогда какъ мы сидимъ теперь въ теплой комнатѣ и беззаботно проводимъ время,—говорилъ хозяинъ,—сколько несчастныхъ жертвъ поглощаетъ море, сколько живыхъ существъ въ предсмертныхъ мукахъ кончаютъ жизнь“. Намъ даже казалось, что слышимъ пушечные выстрѣлы, вѣстники гибели. И точно: въ эти минуты гибли ужасною смертію цѣлыя десятки людей, безъ всякой надежды на помощь... Но какъ неисповѣдимы пути жизни человѣческой: изъ троихъ насъ, сидѣвшихъ за бостономъ, были два моряка, около которыхъ влажная смерть кругомъ ходила осклабясь, и они погибли сухопутно—въ Сибири; третій, обитатель суши, былъ одинъ изъ числа немногихъ, предъ взорами которыхъ погибли тысячи несчастныхъ жертвъ при крушеніи корабля Ингерманланда, погибли тысячею разнообразныхъ смертей и спасався какимъ-то особеннымъ providѣніемъ Божиимъ¹⁾.

Въ началѣ 1819 года я отправился въ г. Архангельскъ съ 14-мъ экипажемъ, какъ лучшимъ по фрунтовой части, для приѣма Государа, рѣшившагося посѣтить этотъ городъ первымъ со временъ Петра Великаго. Я ѣхалъ туда какъ въ ссылку. Ни родныхъ, ни знакомыхъ у меня тамъ не было. Братъ Николай, по собственной его просьбѣ, былъ оставленъ въ Кронштадтѣ, но не хотѣлъ оставить меня на произволъ судьбы и снабдилъ множествомъ рекомендательныхъ писемъ какъ отъ своего лица, такъ и отъ лицъ, имѣющихъ комерческія сношенія съ купцами Архангельска. *Θ. В. Моллеръ*, главный командиръ кронштадтскаго порта, объяснивъ мнѣ, что молодому офицеру не должно уклоняться отъ назначеній, обнадежилъ своимъ ходатайствомъ перевода изъ Архангельска, ежели я буду его просить объ этомъ. Я отправился на

¹⁾ Жаль, что не означилъ о комъ рѣчь.

почтовыхъ съ нашимъ экипажнымъ командиромъ В. И. Рудневымъ. Прибывъ въ Архангельскъ на послѣднихъ недѣляхъ великаго поста, сидѣлъ запершись въ своей уединенной хатѣ, сжегъ всѣ рекомендательныя письма, твердо рѣшась просить перевода... И что-же?—Увлеченный почти силою на первый балъ въ клубъ, по наступленіи свѣтлыхъ дней праздника, и очарованный красотою К....., увы!—поступилъ рекрутомъ въ фалангу ея обожателей, дослужился до чина фельдмаршала, — и въ этой сладкой службѣ непримѣтно протекли два съ половиною года.

Не стану утомлять вашего терпѣнія описаніемъ этихъ двухъ съ половиною годовъ, на что я употребилъ-бы двѣ съ половиною десяти бумаги; скажу только, что я провелъ ихъ такъ, что даже и теперь воспоминаніе о нихъ есть мое лучшее достояніе, потому что достояніе человѣка не имѣющаго ни настоящаго, ни будущаго, есть только прошедшее.

Возвратясь изъ Архангельска, я снова поступилъ подъ опеку Торсона — и не раскаяюсь: я много обязанъ ему. Онъ только что возвратился изъ полярныхъ странъ Южнаго моря, и его рассказы и наставленія глубоко врѣзались въ мою душу. Онъ составилъ проектъ (какъ я говорилъ выше) о матерьяльномъ усовершенствованіи русскаго флота. Ему было поручено осуществить его вооруженіемъ корабля „Эмгейтена“, и онъ пригласилъ меня и моего товарища по выпуску, Мих. Сатина, ему помогать. Цѣлая зима проведена была нами въ холодныхъ зданіяхъ адмиралтейства, чтобъ приготовить такелажъ по новому положенію; цѣлая весна въ вооруженіи корабля и въ исчисленіи безконечныхъ таблицъ новаго штата, отъ котораго глаза наши едва не ослѣпли. Когда все было готово, чтобъ, представивъ корабль на смотръ государя, отправить его подъ начальствомъ Торсона для практическаго изслѣдованія въ крейсерство, вдругъ Торсонъ получаетъ извѣщеніе отъ своего министра (онъ уже былъ его старшимъ адъютантомъ), что корабль назначается для отвоза великаго князя Николая Павловича съ женою въ Пруссію, такъ какъ не было не только готоваго на этотъ предметъ корабля во всемъ кронштадтскомъ порту, но даже мало-мальски годнаго. Наканунъ прибытія великаго князя гвардейскій экипажъ былъ посаженъ на корабль. Капитанъ 2-го ранга Качаловъ принялъ надъ нимъ начальство и вытянулся на рейдъ. Государь со всѣмъ дворомъ,

великій князь, со своею путевою свитою, на утро пріѣхали на корабль—и всѣ были поражены небывалымъ устройствомъ, изящною отдѣлкою и видомъ корабля, не походяго на то, что прежде видано. Александръ I, вполне довольный, благодарилъ министра, благодарилъ Качалова, нѣсколько разъ спрашивалъ: „отъ чего онъ тутъ видитъ то, чего прежде нигдѣ не видалъ“,—и всѣ кланялись и молчали, потому что истины сказать не смѣли. И эти сцены происходили въ присутствіи Торсона! Каково-же было его положеніе?... Узвленный, и такъ неudelитатно, въ самое сердце, тѣмъ самымъ лицомъ, которое вызвало его для помощи на новомъ своемъ поприщѣ, всегда осторожный Торсонъ разразился предъ нимъ всѣмъ пыломъ своего благороднаго негодованія и грозился донести государю о противозаконномъ поступкѣ министра. Нѣмецкій министръ его растерялся и началъ извиняться предъ нимъ какъ школьникъ, сдѣлавшій неопозволительную шалость, и чтобъ вознаградить Торсона, или, лучше сказать, чтобъ удалить его, потому что онъ уже начиналъ тяготиться присутствіемъ этого неподкупнаго Катона, онъ предложилъ ему принять начальство надъ ученою экспедиціею. Онъ поручалъ ему выстроить два корвета подъ личнымъ его надзоромъ, позволялъ выборъ офицеровъ по волѣ Торсона ¹⁾, и даже обѣщалъ утвердить инструкцію, составленную Торсономъ, и которая должна опредѣлить цѣль, продолжительность и даже мѣсто дѣйствій экспедиціи. „По вашемъ возвращеніи изъ войяжа,—говорилъ плачевно министр,—я буду въ возможности наградить васъ вдвойнѣ—и за войяжъ, и за то, что вы потеряли теперь; тогда и офицеры, трудившіеся при составленіи штатовъ (т. е. я и М. Сатинъ, мой корпусный товарищъ) будутъ награждены такъ, что вы останетесь довольны“. Какъ ни странна была подобная сдѣлка, до которой унизился государственный сановникъ, управляющій министерствомъ, но изъ этого обстоятельства Торсонъ ясно увидѣлъ, что отъ него ничего путнаго ожидать нельзя, и что чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше его оставить. Сверхъ того, предложеніе было такъ заманчиво, такъ хорошо соотвѣтствовало его постоянному направленію къ пользѣ наукъ и славы отчизны, что онъ согласился и далъ обѣщаніе

¹⁾ Лишнее: *онъ имъ поручилъ выбирать ихъ по своему усмотрѣнію*. В. III.

молчать. Но накипѣвшее негодованіе не могло скоро уходить. Въ частыхъ бесѣдахъ со мною Торсонъ раскрывалъ душевныя раны, и жалобы съ горечью изливались на существующія злоупотребленія, на гнетущій произволъ, на тлетворное растлѣніе всего административнаго организма. „Надо положить этому конецъ“—произносилъ онъ часто, останавливался, задумывался и перемѣнялъ разговоръ. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, онъ открылъ мнѣ существованіе тайнаго общества съ цѣлью—положить конецъ этому, и принять меня въ члены.

VI.

Заграничныя поѣздки и участіе Николая Бестужева въ бою 1808 г.

Изъ записокъ о Голландіи вы увидите годъ и продолжительность пребыванія брата въ этой странѣ. Братъ находился въ сводномъ экипажѣ, сформированномъ для этой цѣли и отданномъ подъ начальство капитана 2-го ранга Тизенгаузена. Въ 1817-мъ году мы плавали съ нимъ на кораблѣ „Не тронь меня“ въ Кале, въ сообществѣ Греча и семейства генерала Жюмини. Изъ записокъ: „Плаваніе фрегата Проворнаго“ вы увидите, когда и какіе порты Франціи и Англіи братъ Николай посѣщалъ. Что же касается до подробностей кампаніи 1808 г., то, къ сожалѣнію, я ничего сообщить не могу. Я и не спрашивалъ его о нихъ, зная, что онъ пишетъ повѣсть, гдѣ онъ общалъ подробно изложить всѣ подробности плаванія и участіе въ бою. Куда дѣлась эта начатая или оконченная повѣсть—я не знаю: вѣроятно истреблена, какъ и много было подтверждено той же участи записокъ и сочиненій при внезапныхъ обыскахъ.

VII.

Дуэли и участіе въ нихъ братьевъ Бестужевыхъ.

Желая говорить съ вами только языкомъ истины, я уже прежде оговорился касательно слабѣющей моей памяти, измѣняющей мнѣ болѣе всего въ именахъ и числахъ, и потому не сѣтуйте, ежели я, приводя факты вѣрные, не могу припомнить эпохъ и именъ. Я, въ описаніи дѣтства брата Александра, вамъ упоминалъ

о его первой дуэли съ офицеромъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка за его карикатурные рисунки, гдѣ все общество полка было представлено въ образѣ животныхъ. Вторая его дуэль была затѣяна изъ-за танцевъ. Третья съ инженернымъ штабъ-офицеромъ, находившимся при герцогѣ Виртембергскомъ, и это происходило во время поѣздки герцога, гдѣ братъ и инженеръ составляли его свиту, и братъ былъ вызванъ имъ за какое-то слово, понятое оскорбительнымъ. Въ этихъ дуэляхъ никто изъ насъ, даже Рылѣевъ, не участвовалъ. Въ дуэли Рылѣева съ женихомъ сестры его, братъ Александръ былъ секундантомъ. Дуэль была ожесточенная, на близкой дистанціи. Пуля Рылѣева ударила въ стволъ пистолета его противника и отелонила выстрѣлъ, — направленный прямо въ лобъ Рылѣева — въ пятку ноги.

VIII.

О степени участія въ Массонскихъ ложахъ и тайномъ обществѣ.

Изъ всѣхъ пяти братьевъ нашихъ братъ Николай былъ однимъ членомъ единственной въ то время существовавшей Массонской ложи въ Петербургѣ. Онъ былъ введенъ въ нее Н. И. Гречемъ и занималъ въ ней, кажется, значительную степень. Ежели Н. И. Гречъ еще живъ, онъ вѣроятно не откажетъ вамъ сообщить нужныя подробности.

Что же касается до вступленія моего въ тайное общество, выше я это объяснилъ ¹⁾. Братъ Петръ былъ принятъ гвард. экип. лейтенантомъ Арбузовымъ. Степень участія нашего въ обществѣ до 14-го числа ограничивалась распространеніемъ общества избраніемъ членовъ, достойныхъ быть членами, а главное — обязанностью распространять либеральныя понятія, основанныя на просвѣщенной свободѣ самоуправленія (self-government), для чего стараться по силамъ и возможности распространять просвѣщеніе, безъ коего свобода можетъ обратиться въ своеволие, худшее самаго крайняго произвола.

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1870 г., третье изданіе, томъ I, стр. 264 и слѣдующія.

IX.

Литературные труды Николая Бестужева; занятія другими предметами и его изобрѣтенія.

Всѣ напечатанныя ¹⁾ литературныя произведенія брата, какъ переводныя, такъ и оригинальныя, весьма блѣдно отражаютъ литературную его личность. Всѣ онѣ болѣе или менѣе были порожденіемъ случайности, требованіемъ обстоятельствъ, какъ бы *hors d'oeuvre* его настоящаго предназначенія. Вамъ извѣстно, что литература того времени была прихотью, а не потребностью общества: это былъ десертъ, безъ котораго обѣдъ могъ безупречно обойтись, особенно когда этотъ десертъ подавали въ видѣ пожертвованія люди, чуждые цѣха записныхъ писакъ, люди, обязанные службою, дарившіе непритворной публикѣ свои кратковременныя досуги въ видѣ сластей или бонбошекъ. Да и записные литераторы и журналисты чѣмъ подчивали публику? что дѣльнаго или сурьезнаго было написано въ то время? Ежели братъ хотѣлъ и могъ вполнѣ высказаться и выказать свои способности, какъ писатель, то это могло осуществиться въ его серьезномъ трудѣ, предпринятомъ по порученію правительства, написать исторію русскаго флота. Но и въ этомъ святомъ дѣлѣ щепетильность и узкость понятія его начальства обставили его путь такими препятствіями, что результатомъ годовыхъ усилій брата были слабыя корректурныя листки, напечатанные только для того, чтобъ вызвать сужденія и чтобъ показать начальству, что онѣ не спитъ. Онѣ не могъ добиться свободнаго доступа въ другіе архивы, даже свободнаго пересмотра необходимыхъ книгъ и манускриптовъ публичной бібліотеки, а архивъ морскихъ дѣлъ при адмиралтействѣ былъ въ такомъ безпорядкѣ, что было выше человѣческихъ силъ добиться или найти даже то, что тутъ находилось, а что было отыскано—часто было такъ изуродовано, что не приносило никакой пользы. Много зла нанесъ архиву вандалъ Вас. Берхъ, безцеремонно вырѣзывавшій часто изъ манускриптовъ цѣлыя части, въ которыхъ онѣ имѣлъ надобность, когда издавалъ свои водянистыя труды. Сверхъ этихъ затрудненій министръ поручилъ брату завѣдываніе морскимъ музеемъ, т. е. без-

¹⁾ Собраніе ихъ вышло въ 1860 г.: „Разсказы и повѣсти стараго моряка Н. А. Бестужева“. Москва, стр. 575. — Наша рецензія этой книги напечатана въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ 6-го окт. 1860 г. Ред.

образною кладовою, куда свалены были всё морскія рѣдкости. Могъ-ли братъ равнодушно смотрѣть на этотъ хаосъ? Онъ рѣшился привести музей въ приличный видъ, пополнить богатый отдѣлъ моделей и размѣстить ихъ по эпохамъ, пополнить виды новооткрытыхъ и посѣщенныхъ нашими моряками земель, разсортировать по группамъ любопытные предметы, принадлежавшіе собственно каждой землѣ, и наконецъ составить полный и дѣльный указатель музея, съ возможно-краткимъ, но яснымъ описаніемъ земель и сгруппированныхъ предметовъ. Эти мелочныя, но кропотливыя заботы, лежавшія на немъ одномъ, безъ помощника, поглощали много времени и отвлекали его отъ главнаго предмета его занятій.

Съ самаго выпуска изъ корпуса онъ не оставлялъ по временамъ заниматься миниатюрною живописью и механическими работами. Онъ много рисовалъ портретовъ и самъ обдѣлывалъ ихъ въ изящныя рамки. Много точилъ онъ изъ кости, янтаря и разноцвѣтныхъ деревъ на станкѣ, сдѣланномъ имъ самимъ. Въ тюремной его жизни я вамъ уже рассказалъ его первыя механическія занятія ¹⁾, и первый удачный плодъ его усилій—небольшіе столовые часы со стекляннымъ циферблатомъ и сквозными станинами, чтобъ открыть весь ходъ часовъ, были подарены А. Г. Муравьевой изъ благодарности за полный часовой инструментъ, выписанный ею безъ его вѣдома. Но какъ это всегда бываетъ, когда ассортиментъ выписываемыхъ инструментовъ предоставляется на произволъ мастеровъ, то они стараются сбывать то, что имъ не нужно и чего у нихъ много, забывая присоединить, что необходимо нужно,—то братъ принужденъ былъ многія необходимыя для часоваго дѣла машинки и инструменты дѣлать самъ. Такъ, онъ долженъ былъ устроить маленький ручной токарный станокъ, дѣлительную машинку для нарѣзки зубцовъ часовыхъ колесъ и шестерней, станокъ для провѣрки присаженныхъ на оси колесъ, и другіе, не менѣе сложные и требующіе необыкновенной точности. Преобладающей идеѣ своей о упрощеніи хронометровъ было посвящено все его время, ежели исключить безпрестанныя перерывки его сурьезныхъ занятій по просьбамъ всѣхъ насъ, вольнопрактиковавшихся въ разныхъ ремеслахъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1870 г. (изд. третье), томъ II, стр. 245 и слѣдующія.

показать: какъ сдѣлать то, какъ спаять это, какую форму дать тому или другому предмету и прочія настойчивыя требованія товарищей, которыя онъ удовлетворялъ съ такимъ неизмѣннымъ терпѣньемъ, что поистинѣ всѣхъ удивляло. Часто, видя неудачу по неопытности или непонятливости докучливаго субъекта, онъ дѣлалъ всю работу при немъ самъ и отдавалъ ему готовую. Зато какъ пріятно было ему получать подарки отъ своихъ учениковъ ихъ посильныхъ трудовъ! Такъ, по пріѣздѣ нашемъ въ Селенгинскъ, насъ посѣтилъ буряты Убугунъ Сарампиловъ, пріѣзжавшій нѣкогда въ Петровскъ, чтобъ видѣть брата и поучиться у него. Онъ привезъ намъ съ братомъ по подарку собственнаго своего произведенія: мнѣ изящно отдѣланное огниво съ тисненымъ серебрянымъ украшеніемъ, а брату зрительную трубу. Мы удивились и не вѣрили глазамъ, чтобъ это былъ тотъ самый Убугунъ, который въ казamatъ удивлялся, какъ чуду, простому токарному станку брата, который не имѣлъ никакого понятія о теоріи увеличительныхъ стеколъ, который не имѣлъ даже хорошей стали для своихъ инструментовъ, не говоря, что его собственные снаряды были грубой самодѣльщины. Братъ терпѣливо удовлетворялъ его любознательности, объяснялъ дѣломъ и словомъ всѣ приемы работъ, позволилъ ему снять рисунки съ машинокъ и всѣхъ орудій часоваго и слесарнаго мастерства, снабдилъ его сталью, инструментами, осколками толстыхъ стеколъ отъ зеркалъ и стакановъ, и даже подарилъ ему табакерку съ музыкою и съ испорченнымъ механизмомъ. Когда мы его въ послѣдствіи посѣтили въ его юртѣ, то насъ поразилъ видъ всего, что онъ видѣлъ у брата или что срисовалъ, улучшеннаго замысловатою простотою. Осколки стеколъ уже превратились въ стекла зрительныхъ трубъ и биноклей, многіе изъ нихъ уже были не только совсѣмъ готовы, но даже поступали въ продажу и отличались необыкновенною ясностью; табакерка была исправлена, играла очень удовлетворительно, и сверхъ того, къ ней былъ прилаженъ бурятскій хурдо, должность коего состояла въ непрестанномъ верченіи цилиндрика, вмѣщавшаго ламскія молитвы. Этотъ хурдо замѣняетъ у бурятъ изустныя молитвы, и набожные убуши (посвятившіе себя Богу) вертятъ его руками или заставляютъ вертѣться вѣтромъ или жаромъ отъ ихъ очага.

Въ Селенгинскѣ, располагая болѣе свободнымъ временемъ,

онъ сурьезно занялся своими хронометрами, устроилъ астрономическую обсерваторію для повѣрки часовъ по звѣздамъ. Печка, устроенная внутри, то нагрѣвала маленькую комнатку обсерваторіи до высокихъ градусовъ термометра, то вдругъ комнатка охлаждалась зимою до 30-ти градусныхъ морозовъ, и не смотря на такіе гигантскіе скачки температуры, его хронометры шли очень хорошо, особенно послѣдній, еще не совсѣмъ устроенный предъ самою его смертію. Его ходъ былъ постоянное отставаніе на $\frac{1}{10}$ секунды. Такой точности едва-ли можно требовать отъ лучшихъ англійскихъ или французскихъ хронометровъ. Эти часы я подарилъ на память брата Петровскому заводу, и они въ богатомъ футлярѣ до сихъ поръ не измѣняютъ хода. Много разобранныхъ часовъ осталось послѣ его смерти и участь ихъ—оставаться вѣчно въ такомъ положеніи, потому что въ дѣлѣ каждаго часовъ онъ преслѣдовалъ свою мысль: одинъ и тотъ же винтикъ имѣлъ двадцать дырокъ; гдѣ его настоящее мѣсто—про то зналъ одинъ хозяинъ. Какихъ трудовъ, какой настойчивой воли стоило ему устройство каждаго часовъ—вы можете судить изъ того, что онъ долженъ былъ латунь, назначенную для станинъ, наклепывать ручнымъ молоткомъ: работа тяжелая, продолжавшаяся иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ,—тогда какъ такая латунь, прокатанная черезъ вальки (плющильные), продавалась въ Россіи готовая, и онъ не могъ ее получить, многократно выписывая, и получилъ ее черезъ астронома Струве тогда, какъ уже лежалъ въ могилѣ.

Первое время моего пребыванія въ казматахъ Читы и Петровска я посвящалъ чтенію, на которое я бросился съ жадностью голодавшаго полтора года человѣка, и въ родѣ отдыха продолжая изученіе языковъ, начатое въ Шлюссельбургѣ. Когда по смерти Плуталова назначенъ былъ добрый генераль Фритбергъ, и когда я ему объяснилъ, что у Плуталова находились мои деньги 40 рублей, оставшіеся изъ 100 (т. е. 60 руб. израсходованные плацъ-маіоромъ въ Петропавловской крѣпости въ теченіи одного мѣсяца на три лимона и на булки къ чаю), и что на эти деньги Плуталовъ обѣщалъ мнѣ купить итальянскую, латинскую и нѣмецкую бібліи, не запрещенныя арестантамъ, и меня обманулъ, то онъ поспѣшилъ исполнить мое желаніе и доставилъ бібліи черезъ нѣсколько дней. На остальные деньги онъ купилъ мнѣ грамматики и лексиконы итальянскій и латинскій. Онъ даже обѣ-

щаль мнѣ доставить нѣкоторыя классическія сочиненія на этихъ языкахъ, но не могъ исполнить обѣщанія по именному повелѣнію. „Я бы долженъ былъ у васъ взять назадъ и всѣ прочія книги, кромѣ славянской библіи, но я этого не сдѣлаю и приму всю отвѣтственность на себя“. — До него у меня была только одна книга: Théâtre de Racine, положенная украдкой сестрой Еленой Александровной, и эта единственная книга, можетъ быть, спасла меня отъ потери разсудка въ этомъ гробу. Я зналъ ее наизусть отъ доски до доски, и такъ изощрилъ свою память, что по полученіи библіи черезъ два мѣсяца я уже свободно читалъ и понималъ латынскую, итальянскую и частью нѣмецкую, но, по всегдашней нелюбви этого языка, я откладывалъ ее для будущности.

У брата Николая въ Шлюссельбургѣ была книга — Стерна сантиментальное путешествіе на англійскомъ, и она на него имѣла благотворное вліяніе.

И такъ, въ казматахъ Сибири, я, продолжая изученіе этихъ языковъ, занимался еще польскимъ, англійскимъ и впослѣдствіи испанскимъ языками. Мы учились по методу взаимнаго обученія: такъ напр. польскому и латинскому языку я учился у поляка Рукевича, итальянскому у Поджіо, англійскому — у Чернышева, испанскому — у Завалишина (Дмитрія Ирпнарховича), уча ихъ въ свою очередь тѣмъ языкамъ, въ которыхъ уже сдѣлалъ успѣхи.

При постепенныхъ льготахъ, когда мы имѣли возможность съ большею свободою пользоваться перомъ, наступила та литературная эпоха, о которой я вамъ упоминалъ выше. Я писалъ для чтенія на общихъ собраніяхъ и переводы, и философскіе и историческіе трактаты, и оригинальныя повѣсти. Кромѣ этихъ литературныхъ собраній, человѣкъ шесть изъ насъ составили свой кружокъ и собирались одинъ вечеръ въ недѣлю для диспутовъ на заданную философскую тему, которую должно было изложить въ особо-написанномъ трактатѣ. Торсонъ, обрабатывая свои проекты объ измѣненіи администраціи по всѣмъ отраслямъ правленія, задавалъ мнѣ типы изъ механическаго устройства различныхъ машинъ, и сравнивая ихъ съ тѣми, которыя уже были имъ придуманы или обрабатывались въ головѣ, принималъ или отвергалъ послѣ тщательнаго обсужденія. У меня въ памяти сохранилось одно изъ моихъ предположеній — замѣнить гребныя ко-

леса и винты параходовъ другимъ двигателемъ—двумя закрытыми цилиндрами, вставленными въ кормовую подводную часть корабля, во внутренности коихъ два глухія пистона, попеременно дѣйствующие, выгоняя воду изъ одного цилиндра и втягивая воду въ другой, должны неминуемо сообщить кораблю поступательное движеніе впередъ.

Кромѣ того, все, что было окончательно обработано и изложено Торсономъ въ его проѣктахъ, онъ прочитывалъ намъ съ братомъ и обсуживалось по частямъ и въ общности. Когда же наконецъ усиленное чтеніе книгъ и газетъ, при сомнительномъ полусвѣтѣ нашихъ комнатъ, когда письмо при тускломъ мерцаніи маковыхъ свѣчъ значительно ослабили мое съ малолѣтства разстроенное зрѣніе, я принялся за ремесла, чтобъ хоть по временамъ давать отдыхъ уму и глазамъ. Я началъ съ часового; самаго сподручнаго для меня по занятіямъ брата. Вымѣненные мною стѣнные часы были превосходной работы, но изломаны; послѣ долгихъ усилій я, наконецъ, исправилъ ихъ: перемѣнилъ циферблатъ, стрѣлки и придѣлалъ къ нимъ бой. Эти часы и до сихъ поръ (1860 г.) служатъ мнѣ вѣрою и правдою. Потомъ перешолъ къ мастерству переплетному, какъ самому необходимому для сохраненія дорогихъ увражей, тающихъ въ рукахъ жадныхъ читателей. Потомъ къ золотыхъ дѣлъ мастерству, къ чернеди, къ токарному, бапмачному, картонажному и проч. и проч. Все, чему я научился, послужило много мнѣ впослѣдствіи, когда надо было примѣромъ, а не словомъ, учить понятливыхъ, но невѣжественныхъ сыновъ природы, каковы „братскіе“ (буряты?).

X.

Что первое по времени явилось въ печати изъ сочиненій Бестужевыхъ Николая Александровича, Александра и Михаила Александровичей?

Первыми по времени литературными произведеніями брата Александра были: „Критическій разборъ комедій князя Шаховскаго“, который и былъ причиною псевдонима Марлинскаго; потомъ—„Критика на переводъ Катенина Руссо—Эсэиръ“ чуть не вовлекло его въ дуэль съ переводчикомъ. Возвратясь однажды изъ театра, гдѣ представляли эту переводную трагедію, у него

вырвалось: „Нѣтъ! надо постегать этого литературнаго диктатора Катенина. Мочи нѣтъ быть съ нимъ вмѣстѣ въ театрѣ: судить и ридить на весь театръ все и всѣхъ, такъ что хоть бѣги вонъ“. — Начальные сочиненія брата Николая у васъ вѣрно обозначены, но Паризину я видѣлъ у него прежде въ рукописи.

Изъ всего того, что марали мы, т. е. три младшіе ихъ брата, — а марали мы не мало, а особенно мы съ братомъ Петромъ, — не суждено было ничему явиться на свѣтъ Божій. Когда появленіе поэмъ Байрона вскружило всѣмъ головы, я много написалъ піесъ въ подражаніе ему: тутъ были и замки, и Ливонскіе рыцари, и дѣвы, и Новогородцы. Но когда я читалъ ихъ брату Николаю, онъ мнѣ постоянно повторялъ: „Поменьше кудреватости, побольше простоты, а главное — побольше мыслей. Помни, что ни одинъ порядочный человѣкъ не одѣвается московскимъ франтомъ; побрякушки и разноцвѣтные банты на его галстугѣ никакъ не замѣняютъ отсутствіе ума“. — Хотя мои литературныя произведенія съ каждымъ разомъ ближе и ближе подходили къ требованіямъ брата, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже заслуживали одобреніе брата Александра и благосклонно проходили его цензуру, но я всегда предпочиталъ держаться цензуры брата Николая и не рѣшался отдаваться на судъ публики. Въ 1824 году ноября 7-го я описалъ наводненіе въ Кронштадтѣ: я наблюдалъ его съ высокой обсерваторіи, и подъ горячимъ впечатлѣніемъ этого страшнаго зрѣлища сдѣлалъ простое и вмѣстѣ потрясающе-вѣрное описаніе. Оба брата нашли его стоящимъ печати; но когда показали морскому министру, чтобъ получить его разрѣшеніе для напечатанія, онъ наотрѣзъ отказалъ, потому что въ этомъ описаніи было много истины, а ее-то и хотѣли скрыть отъ государя. Въ казamatъ я на эту тему написалъ повѣсть, черновые отрывки которой у меня кое-какъ сохранились доселѣ, но бѣловая погублена. Мухановымъ вмѣстѣ съ пятью другими повѣстями, изъ коихъ одна: „Случай великое дѣло“ была очень не худа. Вы ее можете взять у сестры Елены; но это все-таки черновые отрывки съ нѣкоторыми поправками брата Николая.

XI.

«Полярная Звѣзда» на 1826-й годъ.

„Полярная Звѣзда“ на 1826-й годъ предполагалась съ начала года 1825-го быть изданною въ видѣ, составѣ и объемѣ предшествующихъ годовъ. Когда же впослѣдствіи, а въ особенности около декабря 1825 г., дѣла тайнаго общества усложнились сношеніемъ съ южнымъ обществомъ, когда остающееся отъ служебныхъ обязанностей время было посвящено болѣе священной (?) дѣятельности,—братъ Александръ и Рылѣевъ рѣшились издать уже собранные матерьялы въ небольшомъ альманахѣ, подъ названіемъ „Звѣздочка“, печатаніе которой къ 14-му декабря уже довольно продвинулось¹⁾.

XII.

Гдѣ рескрипты императора Александра I, данные, какъ извѣстно, Рылѣеву и Бестужеву за „Полярную Звѣзду“ 1823—1825 гг.?

Настоящіе рескрипты находились въ бумагахъ брата Александра и Рылѣева, и вѣроятно захвачены вмѣстѣ съ ними при опечатываніи. Копій мы съ нихъ не снимали, не находя ихъ сколько-нибудь стоящими этого труда.

XIII.

Когда написанъ Н. А. Бестужевымъ рассказъ: «Отчего я не женатъ?»

Я выше описывалъ вамъ казamatскую эпоху, когда болѣе всего процвѣтала мода на литературныя произведенія, чтеніе коихъ, кромѣ литературныхъ собраній, по большей части происходило въ присутствіи нашихъ дамъ. Онѣ часто, видя какъ братъ Николай любитъ дѣтей, видя какъ онѣ умѣетъ привязать къ себѣ каждаго ребенка и по цѣлымъ часамъ рѣзвится и забавляетъ ихъ, то подымая содомъ на весь домъ, то рисуя имъ картинки или дѣлая замысловатыя игрушки,—онѣ часто спрашивали его, почему онѣ не женатъ?—„Погодите, часто отвѣчалъ онъ: я вамъ это опишу“.—И когда онѣ приступили съ рѣшительностью и взяли съ него слово,—онѣ написали эту повѣсть. Но такъ какъ

¹⁾ Экземпляръ этой, не оконченной печатью, книжечки находится въ нашей библіотеки.

ему не хотѣлось сказать истины вполне, не хотѣлось обнажить своей завѣтной любви предъ чужими взорами, онъ выставилъ подставное лицо героини повѣсти, въ описаніи которой, впрочемъ, невольно отразился колоритъ характера любимой имъ женщины. Вставленный въ эту повѣсть рассказъ о домовыхъ—истинное происшествіе.

XIV.

Когда написано Н. А. Бестужевымъ воспоминаніе о Рылѣевѣ?

Воспоминаніе брата Николая Александровича о К. Ѳ. Рылѣевѣ было имъ написано въ Петровскомъ казематѣ въ первое время нашего тамъ пребыванія, именно въ эпоху, когда у насъ много писалось. Многіе изъ нашихъ товарищей и нѣкоторые изъ дамъ, которыя были извѣстны сбивчивые слухи о неразгаданной, таинственной связи Рылѣева, описанной братомъ, просили его написать истину, и онъ, исполняя ихъ желаніе, написалъ это воспоминаніе. Его намѣреніе было написать полную біографію Рылѣева, но исполненіе откладывалось со дня на день, частью потому, что чтеніе и механическія занятія поглощали почти все время, а частью изъ опасенія обысковъ, которые, уничтоживъ его труды, могли бы за собою повлечь непріятныя и стѣснительныя мѣры для всѣхъ. Равно у насъ съ нимъ было намѣреніе составить по возможности полныя біографіи всѣхъ нашихъ товарищей, и братъ имѣлъ намѣреніе приложить ихъ къ коллекціи портретовъ, нарисованныхъ имъ акварелью съ изумительнымъ сходствомъ, не смотря что нѣкоторые изъ портретовъ, за спѣшностью отправленія оригиналовъ на поселеніе, были сняты въ нѣсколько часовъ. Эта коллекція увезена сестрою Еленою Александровною¹⁾, а предполагаемыя біографіи унесены братомъ въ гробъ. Онъ нѣсколько разъ принимался ихъ писать въ Селенгинскѣ, гдѣ было болѣе свободнаго времени и менѣе опасности; но память намъ во многомъ измѣняла: происшествія и годы путались, а для объясненія недоумѣній надо было прибѣгать къ перепискѣ, которая шла или черезъ III-е Отдѣленіе, или черезъ руки почтмейстеровъ, обладавшихъ собачьимъ чутьемъ.

¹⁾ Въ 1860-хъ годахъ Е. А. Бестужева продала эту коллекцію въ Москвѣ извѣстному ревнителю просвѣщенія и издателю множества прекрасныхъ книгъ —Бозымъ Солдатенкову.

XV.

Рукописи сочинений и письма Николая и Александра Бестужевых.

Изъ сочинений брата Александра я ничего имѣть не могъ, что имъ писано до 14-й конфискаціи (т. е. до 14-го декабря); а что писалъ онъ въ Якутскѣ и на Кавказѣ—было слишкомъ далеко отъ насъ. Есть нѣкоторыя его легкія стихотворенія, писанныя на случаи,—но онѣ по рукамъ якутянъ. Тутъ я прилагаю вамъ одинъ образчикъ, равно какъ и нѣкоторые черновые листы его сочинений. Изъ сочинений брата Николая прилагаю его рукопись „О свободѣ торговли“, писанную имъ вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Петровскъ. Но согласитесь сами, что это теперь—послѣ ужина горчица. Она уже не имѣетъ никакой современной цѣны.—Не могу постичь, куда дѣвались черновыя его капитальныхъ двухъ сочинений: Система міра и Упрощенное устройство хронометровъ. И то, и другое сочиненіе не было ни кончено, ни приведено въ порядокъ написанное; но онъ мнѣ и многимъ изъ знакомыхъ читалъ довольно большіе отрывки, имѣвшіе полную цѣлаго. Двукратная переборка изъ дому въ домъ, потомъ отъѣздъ сестеръ (изъ Сибири въ Россію),—сбили меня совершенно съ толку. Можетъ быть, и сестра Елена Александровна взяла ихъ съ собою; но только до сихъ поръ я не могъ ихъ отыскать въ морѣ-океанѣ нашего глубокаго архива. Я изъ этого моря почерпнулъ наугадъ нѣсколько разныхъ писемъ—не для того, чтобъ ихъ печатать, но, можетъ быть, вы ихъ вздумаете просмотрѣть, чтобъ вѣрнѣе знать лица, съ которыми мы были въ сношеніи и какого рода они были, и чтобъ подробнѣе изучить наше житье-бытье какъ казamatское, такъ и поселенское. Я даже разоблачаю нашу жизнь тюремную, прилагая тутъ-же Плоды тюремной хандры, сумбуръ, особенно нравившійся Ильинскому, и почти для него написанный Давыдовымъ и Барятинскимъ.

XVI.

Селенгинскъ и его обитатели ¹⁾.

Удалые казаки, подарившіе Россіи Сибирь, безъ лекцій въ военной академіи были замѣчательные стратеги, и вообще, выборъ стратегическихъ пунктовъ, обеспечивавшихъ завоеванія, гдѣ они строили остроги, былъ всегда основанъ на разумномъ военномъ соображеніи. И Селенгинскій острогъ, единственный тогда пунктъ, обеспечивавшій все занятое ими Забайкалье, былъ поставленъ въ мѣстѣ, какъ нельзя болѣе соответствующемъ этой пѣли. Какъ ближайшій пунктъ къ сосѣдству непріязненныхъ намъ Монголовъ, онъ хорошо защищенъ былъ сзади высокимъ хребтомъ горъ, съ фронта—глубокою Селенгою, слѣва—Чикоемъ, впадающимъ въ Селенгу выше только въ 5-ти верстахъ, и наконецъ справа—хребтами горъ, подходящими почти къ самому берегу Селенги. Верстахъ въ 5-ти выше, почти противъ впаденія Чикоя и тамъ, гдѣ Селенга дѣлаетъ крутой поворотъ почти на востокъ, на вершинѣ высокой скалы, на лѣвомъ берегу рѣки, былъ у казаковъ сторожевой постъ. Эта возвышенная мѣстность, сохранившая и доселѣ названіе „караульнаго камня“, позволяла имъ обзрѣвать далеко вверхъ по Чикоею, вправо вверхъ по Селенгѣ и сзади открытое пространство, примыкавшее къ Юнхорской степи, откуда можно было всего болѣе ожидать нападенія ²⁾. По времени Селенгинскій острогъ, какъ и всѣ сибирскіе остроги, разросся и сдѣланъ городомъ гораздо прежде существованія Верхнеудинска. Въ немъ сосредоточивалась вся административная власть Забайкальскаго края. Селенгинская ратуша завѣдывала обществомъ Селенгинскихъ мѣщанъ и мѣщанъ Троицко-Савска, Удинскаго, Баргузинскаго и Ильинскаго остроговъ. Тутъ было пограничное правленіе, духовное и таможенное правленіе, большой запасъ артиллерійскихъ снарядовъ, орудій и оружія, находился Селенгинскій гарнизонъ, Селенгинскій полкъ (до 1799 года), Ека-

¹⁾ Небольшая выдержка изъ этой главы была напечатана нами въ газетѣ „Вѣкъ“ кажется въ 1862-мъ году. Ред.

²⁾ Примѣч. на копіи: Селенгинскій острогъ основанъ въ 1666 г., а получилъ названіе города съ 1685-го г. — Ив. Ив. Свѣзевъ.

теринбургскій полкъ (частію), эскадронъ драгунъ (до 1769 г.), конные карабинеры (частію, а остальные квартировали въ Ильинской волости), полевая артиллерія (до 1790 г.) и гарнизонная артиллерія, остававшаяся до послѣдняго времени, равно какъ и артиллерійскій складъ снарядовъ и орудій, между коими было много большихъ чугунныхъ и мѣдныхъ шуваловскихъ единороговъ. Весь этотъ складъ, по уничтоженіи гарнизонной артиллеріи, распроданъ въ ломъ съ публичныхъ торговъ за безцѣнокъ, тогда какъ Амурскія дѣла имѣли надобность и въ орудіяхъ, и въ снарядахъ. Спихнулись, да поздно: и для Амура снаряды и орудія надо было вести изъ Москвы!... Чего стоить для народа провозъ тяжолыхъ орудій до Читы—это страшно сказать....

По прибытіи нашемъ въ Селенгинскъ на поселеніе (въ октябрѣ 1839 г.), этотъ, нѣкогда столь значительный, городъ не имѣлъ вида даже порядочной деревушки. Едва можно было насчитать около 60-ти домовъ, въ числѣ коихъ два-три главныхъ купцовъ можно еще, съ грѣхомъ пополамъ, назвать домами; остальные были полуразрушенныя, полу-засыпанныя пескомъ лачужки. Селенгинскъ отжилъ свой вѣкъ: онъ выполнилъ предназначенную ему роль и сошелъ со сцены. Торговля съ Китаемъ сосредоточилась въ Кяхтѣ, администрація перешла въ Верхнеудинскъ, войска выведены, казенныя зданія распроданы на сломъ. И самая судьба, доселѣ къ нему милостивая, отворотилась отъ него: Селенга начала подрывать его берегъ и отмыла цѣлыя улицы; горные потоки, при большихъ дождяхъ, смывали зданія, и песокъ, обнаженный отъ дерна, гдѣ прежде стояли казенныя зданія, засыпалъ дома жителей. Два страшные пожара въ 1780 году окончательно его доконали: первый, случившійся 4 апрѣля, истребилъ 278 частныхъ домовъ, 60 купеческихъ лавокъ и 2 церкви; другой, въ томъ же году въ октябрѣ, истребилъ остальное. Императрица Екатерина II ассигновала погорѣлымъ жителямъ, на возведеніе храма и постройку города, двухлѣтній сборъ съ Кяхтинской торговли, что составляло, по тогдашнему, значительную сумму, и предоставляла выборъ новаго мѣста, ежели прежнее не удобно. Старики начали разводить умомъ: переходить или не переходить на новое мѣсто,—и хотя настоятельная необходимость перевести городъ на новое мѣсто была очевидна, но они положили рѣшить этотъ казусный случай жеребьемъ—бросить рукавицу, и ежели она

упадетъ пальцемъ въ землю, то переходить, ежели же вверхъ—остаться. Рукавица упала пальцемъ вверхъ—и городъ началъ снова выстраиваться на пожарницѣ, смываемый, подмываемый водою и засыпаемый пескомъ. Каменная церковь въ два этажа, существующая и теперь въ старомъ городѣ, очень прочной постройки и оригинальной архитектуры, была построена томскимъ мѣщаниномъ Мальцовымъ, который въ контрактъ выговорилъ себѣ въ вознагражденіе за постройку—16 руб. мѣдью, кусокъ синей дабы и 2 кирпича чаю въ мѣсяцъ. Подлѣ самой церкви выстроили каменный гостинный дворъ съ 20-ю лавками, уцѣлѣвшій доселѣ, гдѣ только въ двухъ лавкахъ торгуютъ мелочники. Наконецъ махиха-судьба, въ образѣ рукавички предковъ, до того насолела потомкамъ, что они вынуждены были испрашивать высочайшаго разрѣшенія перенести городъ на другую сторону Селенги, что имъ и разрѣшено 1840 г. сентября 6 числа. Но и на этотъ разъ выборъ мѣстности былъ неудаченъ. Они избрали мѣсто почти напротивъ стараго города, въ прекрасной Тайонской долинкѣ; но страшась разлива Селенги, удалились слишкомъ далеко отъ нея и тѣмъ лишились необходимаго условія для существованія города—воды. Колодцы не даютъ воды даже на 9-ти саженой глубинѣ, а для бѣдныхъ жителей вырыть такой колодезь, снабдить его веревками, особенно въ зимнее время, когда онѣ обмерзшія безпрестанно ломаются, это такія издержки, которыя они не въ состояніи вынести. Сверхъ того, огороды съ табакомъ есть единственное средство существованія большей части мѣщанъ, а съ колодцемъ на такой глубинѣ не достанетъ ни силъ, ни времени для обильной поливки, потребной для табаку. Плоты, спускающіеся съ хлѣбомъ изъ нашей Забайкальской житницы, т. е. отъ раскольниковъ, поселенныхъ на Чикоѣ, плоты съ лѣсомъ и дровами, идущіе тоже оттуда, по невозможности пристать въ мелководной протоцѣ, ближайшей къ городу, пристають у острова, на который надо попадать въ лодкѣ. Протока зимою промерзаетъ до дна, и потому за водою надо выѣзжать на матерую Селенгу.... Однимъ словомъ, неудобствъ такъ много, что жители очень неохотно оставляютъ старый городъ, не смотря на нѣкоторыя льготы и запрещенія строиться на прежнемъ мѣстѣ. Теперь (1860 г.) нашъ городъ, т. е. новый, которому данъ гербъ, изображающій феникса, поднимающагося изъ пламени, состоитъ изъ 5-ти или

6-ти домовъ первостатейныхъ купцовъ порядочной наружности, и изъ какихъ-нибудь 20-ти маленькихъ домиковъ болѣе зажиточныхъ мѣщанъ. На площади (т. е. предполагаемой) стоятъ казенныя зданія полиціи, почтамта, домъ словеснаго суда, дома купцовъ Старцева, Мельникова и Лушникова. Остальные дома разбросаны безъ особой симметріи. Посреди площади стоитъ часовенька на мѣстѣ сгорѣвшаго собора, только что освященнаго и не совсѣмъ отдѣланнаго. На горѣ, внѣ черты городской, стоитъ кладбищенская церковь (успенія Пресвятой Богородицы), выстроенная послѣ сгорѣвшаго собора. Зданія бригаднаго правленія 3-й конной бурятской бригады стоятъ поотдалъ и не якшаются съ простолюдинами.

Вамъ теперь будетъ понятно, почему мы съ братомъ не хотѣли строиться на новомъ городѣ и предпочли остаться, гдѣ у насъ былъ купленъ домъ. Правда, мы немного удалены отъ города (5 верстъ ниже по теченію Селенги), но за то мы наслаждаемся вполнѣ сельскою жизнью, живемъ на самомъ берегу рѣки и прогуливаемся въ легкихъ сидѣйкахъ въ новый городъ, по прекрасной горной дорогѣ. Кругомъ насъ живутъ добрые бурята, почти всѣ народившіеся на нашихъ глазахъ. Старики насъ любятъ и уважаютъ; всѣ они больше или меньше наши должники и люди, обязанные благодарностью. Пять домовъ селенгинскихъ мѣщанъ, еще не переселившихся въ новый городъ, составляютъ все русское народонаселеніе нашей заимки. Домъ Торсона проданъ и уже свезенъ въ новый городъ.

Изъ вышеписаннаго мною касательно патріархальнаго быта селенгинскихъ жителей, вы уже довольно познакомились съ образомъ ихъ жизни. Мнѣ немного остается прибавить. Изъ 700 душъ, составляющихъ мѣщанское общество города, со включеніемъ и разночинцевъ, почти всѣ хлѣбопашцы, а женское населеніе преимущественно занимается уходомъ за табакомъ, считающимся лучшимъ изъ всего Забайкалья. Нѣкоторые изъ нихъ разводятъ арбузы и сбываютъ въ Кяхтѣ особенно выгодно въ арбузный праздникъ китайцевъ. Отличительная черта ихъ нрава—это лѣнь, вошедшая въ кровь и плоть всѣмъ сибирякамъ отъ азіатцевъ. Ежели онъ, а пуще того она обладаютъ $\frac{1}{4}$ кирпича чаю крымскаго, даже безъ куска хлѣба, они не пошевельнутъ пальцемъ для работы. Голодь—единственный stimulant ихъ дѣятельности.

Въ урожайный годъ вы съ трудомъ найдете работника и тѣмъ менѣе работницу. Если-бъ не было бурять плотниковъ, столяровъ и кузнецовъ, не возможно бы было предпринять здѣсь никакой постройки, и странно, что азіатцы, заразившіе ихъ лѣнью, теперь показываютъ имъ примѣръ трудолюбія. Кяхта, Селенгинскъ, Верхнеудинскъ и самъ Иркутскъ, наша столица Восточной Сибири, безъ бурять пропали бы. Я изъ этого сомнѣнія исключая раскольничьи деревни, цвѣтущія довольствомъ отъ ихъ трудолюбія. Брата Николая и Торсона сначала бѣсили отзывы нѣкоторыхъ изъ нашихъ сосѣдей сибиряковъ, когда на приглашеніе ихъ — придти пособить какой-нибудь спѣшной работѣ, они отвѣчали: „Нѣтъ, батюшка, Николай Александровичъ, я занятъ по домашности“. И въ чемъ же заключались эти занятія по домашности? — Цѣлый день онъ или она сидятъ на завалянкѣ, и когда опустѣетъ горшокъ съ кирпичнымъ чаемъ, то снимаютъ дранье съ дому, чтобъ вскипятить другой горшокъ. На наличныя деньги вы ничего не сдѣлаете простымъ наймомъ; надо дать впередъ — и тогда вы уже сдѣлаетесь рабомъ того, кому дали. Акуратный нѣмецъ Торсонъ не могъ равнодушно переварить такой порядокъ вещей, особенно когда онъ по необходимости имѣлъ надобность въ мастеровыхъ при устройствѣ своей мельницы. Напримѣръ, дѣло стало за какой-нибудь желѣзной скобкой, заказанной сосѣду кузнецу, взявшему деньги впередъ. Два срока уже давно прошли. Торсонъ идетъ къ нему лично, чтобъ узнать причину, и застаётъ его лежащимъ на печкѣ посреди нагихъ своихъ ребятишекъ. „Помилуй, — говоритъ Торсонъ, — что ты со мной дѣлаешь? Изъ-за твоей лѣни десять человѣкъ рабочихъ сидятъ сложа руки, потому что безъ скобъ нельзя продолжать дѣло“. — Да, вамъ хорошо говорить, — отвѣчаетъ тотъ, — вы сыты, а я другой день чаю не пилъ. Дайте остальные деньги, такъ авось сдѣлаю. — „Да вѣдь, братецъ, эта работа одного часа не возьметъ: сдѣлай — и получишь остальные“. — Нѣтъ, ужъ безъ чаю я не примусь за дѣло. — Каковъ народецъ? — Я, напримѣръ, съ производствомъ своихъ сидѣекъ тоже много терпѣлъ отъ этой вредной системы задатковъ впередъ, но все-таки я имѣлъ дѣло съ бурятами, которые вообще добросовѣстнѣе старожиловъ-сибиряковъ. Когда-же случай меня приводилъ имѣть съ ними дѣло, я почти всегда раскаявался въ намѣреніи сдѣлать добро какому-нибудь

мальчику изъ жителей. Случалось, что видя способности ребенка и охоту къ учению, призовешь отца или мать его, и объяснивъ имъ, что беру ихъ сына, чтобъ сдѣлать изъ него трудолюбиваго ремесленника, буду одѣвать, обувать его, и въ добавокъ, въ свободное отъ работы время, учить его грамотѣ, — на вопросъ мой: согласны-ли они на это? — былъ почти постоянно одинъ и тотъ-же отвѣтъ: „Какъ, батюшка, Михаилъ Александровичъ, не быть согласнымъ: вѣдь это вы намъ дѣлаете истинное благодѣяніе. Мальчишка бьетъ въ баклуши, ничего не дѣлаетъ, — а его одѣвай да корми...“ — Ну, такъ ты его приведи ко мнѣ. — „Слушаюсь. А что же вы пожалуете въ годъ жалованья ему?“ — И я платилъ, и потомъ приводилось раскayваться: приводилось съ каждымъ мѣсяцемъ торговаться съ нѣжными родителями, которые увеличивали требованія по мѣрѣ моихъ хлопотъ сдѣлать ихъ дѣтище путнымъ человѣкомъ, и въ заключеніе, когда я уже безъ него не могъ обойтись, у меня его брали безъ всякаго предваренія или требовали такую плату, которой я не могъ дать. Руководя въ этомъ обществомъ два лица: Старцовъ и Лушниковъ, и надо признаться, что ихъ попеченіямъ это общество дѣятельно и обязано, что оно не распалось.

Двадцать лѣтъ въ жизни общества много значать: теперь это общество, въ которомъ мы должны были составлять звѣно, улеглось въ общечеловѣческія формы; теперь это самое общество не отдается душою и тѣломъ патріархальнымъ пирушкамъ: оно читаетъ журналы и газеты, ихъ интересуется теперь общая жизнь Руси; а въ эпоху нашего прибытія въ этотъ городъ, ихъ жизнь и развлеченія были чисто матерьяльныя. И мы участвовали во всѣхъ ихъ развлеченіяхъ по пословицѣ: съ волками жить — по-волчьи выть, утѣшая себя мыслью и видя на самомъ дѣлѣ, что въ основаніи ихъ было простодушіе, добросердечіе и патріархальное гостепріимство. Мы ѣздили съ ними на Гусиное озеро купаться; ѣздили на острова, зѣбаки и въ очаровательную Тумуръ-дарицъ праздновать семейные праздники; ѣздили въ соловаренный заводъ и на поворотъ; поѣздами въ 20 и болѣе троекъ на именины начальника завода Киргизова или И. А. Сѣдова, проводили тамъ цѣлые дни; участвовали въ дѣлежѣ ихъ общественныхъ покосовъ, гдѣ были и наши части, въ празднованіи годовыхъ праздниковъ и въ ихъ семейныхъ развлеченіяхъ. Но

время отъ времени намъ стало это надоѣдать, и мы мало-по-малу уединялись подъ свой мирный кровъ.

Время домашней нашей жизни дѣлилось между занятіями по хозяйству, чтеніемъ, поѣздками на пашню и на сѣнокосъ. Кромѣ того, у меня на рукахъ было воспитаніе маленькаго сына Наквасиныхъ и присмотръ за мастеровыми. Братъ Николай свободное время посвящалъ своей любимой идеѣ—хронометрамъ, и кромѣ того добивался устройства ружейнаго замка въ самомъ простѣйшемъ видѣ. Онъ наконецъ и довелъ простоту его до *pes plus ultra*: въ его замкѣ былъ только одинъ шурунъ. Передъ смертью своей, въ бытность его въ Иркутскѣ, генераль-губернаторъ Муравьевъ просилъ его сдѣлать такой замокъ, чтобъ представить его въ Петербургъ; братъ сдѣлалъ, Муравьевъ отослалъ—и онъ канулъ какъ въ воду. Вѣроятно, разсматриваютъ ученымъ комитетомъ его хитрую простоту. А между тѣмъ бѣдный солдатикъ будетъ еще лѣтъ десять мучиться, собирая на походъ свой многосложный инструментъ. Это послѣднее занятіе непримѣтно пристрастило брата Николая къ охотѣ; но онъ хотѣлъ непременно имѣть весь охотничій снарядъ своего издѣлія; стволы винтовокъ, дробовиковъ, ложи къ нимъ, порошницы, натруски, екташи, патронташи, пистонницы,—все это дѣлалъ онъ собственными руками, съ различными приспособленіями и особенными устройствами. Всѣ наши заборы были изстрѣляны пулями и дробью, и наконецъ онъ дошелъ до изумительной вѣрности выстрѣла; но на дѣйствительной охотѣ онъ былъ постоянно несчастенъ. Причинами этого были: во-первыхъ то, что онъ ничего не могъ дѣлать хладнокровно, и въ мгновеніе рѣшительнаго выстрѣла волненіе до такой степени одолевало его, что онъ стрѣлялъ наугадъ; во-вторыхъ онъ былъ въ душѣ поэтъ и художникъ. Всякая живописная мѣстность, ручей, скала, дерево поглощали его вниманіе до такой степени, что дичь очень часто убѣгала изъ подъ его ногъ. Къ этому должно прибавить, что онъ не хотѣлъ никогда охотиться съ собакою; онъ не хотѣлъ, какъ онъ часто говорилъ, чтобъ собака водила его за носъ, охотилась за него, оставляя для него только трудъ выстрѣла. Онъ хотѣлъ подражать бурятамъ, которые, почти безъ преувеличенія можно сказать, едва-ли не первые охотники и первые стрѣлки. Со всѣми лучшими охотниками изъ бурятъ онъ былъ въ большой дружбѣ, уходилъ съ ними на цѣ-

лѣя недѣли въ горы, устраивалъ засады и облавы. Съ цѣлью лучше сблизиться съ бурятами, онѣ нѣсколько разъ, какъ и азъ грѣшный, принимались за изученіе монгольскаго книжнаго языка, но попытки были неудачны: намъ много мѣшало то, что окружающіе насъ бурята всѣ очень хорошо говорили по русски, а изученіе языка съ ученою цѣлью было для насъ невозможно по недостатку средствъ.

Вы просите сообщить свѣденія о ссыльныхъ въ Селенгинскъ аннинскихъ, елизаветинскихъ и екатерининскихъ временъ. Но вы лучше, нежели кто, знаете, какъ въ Россіи труденъ доступъ къ архивамъ даже лицамъ, уполномоченнымъ отъ правительства. Въ Сибири-же, особенно намъ, носящимъ печать отверженія, а еще того хуже—подозрѣнія, уже потому только, что мы должны были свои письма адресовать въ III отдѣленіе собственной е. и. в. канцеляріи. Когда же случалось намъ просить о подобныхъ справкахъ людей, намъ дружески расположенныхъ, бесполезныя хлопоты всегда были результатомъ ихъ попытокъ. Они встрѣчали такъ мало сочувствія къ ихъ просьбамъ отъ хранителей этого мертваго капитала, находили его въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ и небрежномъ, жалкомъ положеніи, что не было никакой возможности найти хоть искру свѣта въ этой тмѣ кромѣшной. Касательно-же отсутствія устныхъ преданій о замѣчательныхъ лицахъ, то его можно объяснить холоднымъ равнодушіемъ сибиряковъ, привывшихъ денно и нощно видѣть предъ своими глазами нескончаемую вереницу ссыльныхъ секретныхъ, ссыльныхъ подъ номерами, простыхъ и государственныхъ, даже политическихъ ссыльныхъ. Современники смотрятъ на нихъ съ равнодушіемъ, а потомки, ежели-бы захотѣли что-либо узнать о нихъ по подробнѣе, находятъ въ ихъ равнодушіи одно забвеніе. Такъ я ничего ни отъ кого не могъ добиться касательно кратковременнаго пребыванія сына Волынскаго. Гетманъ Дамьянъ Многогрѣшный, жившій очень долго въ Селенгинскѣ, участвовавшій съ гражданами въ побойщѣ Монголъ на горѣ, носящей до сихъ дней названіе Убіенной,—объ его пребываніи не сохранилось здѣсь никакихъ преданій, даже мѣсто, гдѣ онъ похороненъ, неизвѣстно, потому что плита съ его могилы снята при постройкѣ каменнаго собора въ Селенгинскѣ и заложена въ каменный полъ нижней церкви въ числѣ другихъ плитъ.

Въ доказательство ихъ равнодушія къ преданіямъ, даже болѣе близкимъ ихъ душѣ, по обычной склонности русскаго къ религіознымъ чудесамъ, я приведу вамъ нѣсколько примѣровъ. Еще до пожара въ 1780-мъ году, крестьянинъ Ключевского (на Хилкѣ) селенія, Артамонъ Клементьевъ по три ночи видѣлъ во снѣ видѣнія, нѣкоего старца, приказывающаго ему отрыть крестъ деревянный въ показанномъ мѣстѣ (6 верстъ ниже города). И точно, тамъ найденъ деревянный крестъ, глубоко засыпанный пескомъ, съ вырѣзанною надписью: въ (7198) 1689 году поставилъ гетманъ Гаятевъ, который съ торжествомъ и былъ перенесенъ въ соборъ. Во время пожара, когда церковь до тла сгорѣла, онъ, сохранившійся цѣлымъ, перенесенъ въ Покровскую; когда-же и та сгорѣла и онъ остался цѣлъ, его перенесли въ Казанскую и для него построили часовеньку подлѣ церкви, тоже сгорѣвшей. Въ память этихъ чудесъ установленъ крестный ходъ изъ Кяхты и Ключей въ Селенгинскъ. Но я никакъ не могъ допроситься какихъ либо преданій объ этомъ гетманѣ Гаятевѣ.

Другой предметъ ихъ наружной религіозности (истинной религіи они чужды)—это поклоненіе гробу митрополита Арсенія, похороненнаго въ деревянной часовенькѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, подлѣ Троицкой церкви въ Удинскѣ (Верхнемъ). Вамъ разскажутъ съ подробностью, какъ онъ немощной ѣхалъ изъ Нерчинскаго упраздненнаго монастыря, и при вѣздѣ въ Верхнеудинскъ лошади остановились у рѣчки Березовки и не пошли далѣе; какъ онъ, чувствуя свой послѣдній часъ, пригласилъ священника для послѣдняго напутствія; какъ этотъ священникъ, при входѣ въ избу, гдѣ лежалъ больной, остановился въ священномъ ужасѣ на порогѣ, увидя въ избѣ святителя въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, окруженнаго ослѣпительнымъ свѣтомъ; какъ попъ упалъ къ ногамъ его и сказалъ: „Не мнѣ, а тебѣ давать благословеніе!“ какъ потомъ видѣніе исчезло, и онъ, увидавъ предъ собою умирающаго, напутствовалъ его,—все это вамъ разскажутъ съ разными прикрасами. Но спросите: кто же былъ этотъ угодникъ?—„Да угодникъ и былъ“—отвѣтятъ вамъ пренаивно.

Даже о святителѣ ихъ Иннокентіи, мощамъ котораго каждый сибирякъ считаетъ долгомъ поклониться хоть разъ въ своей жизни, даже о немъ въ народѣ не сохранилось правдиваго преданія. Я не говорю о печатной его біографіи: намъ извѣстно,

какъ онѣ составляются. Напр., у Д. Д. Старцова есть образъ, писанный рукою этого святителя. Старушка, его мать (ей 85-й годъ), при всей своей набожности и свѣтломъ умѣ, ничего не могла мнѣ сказать: гдѣ онѣ были писаны, при какихъ обстоятельствахъ и какъ онѣ попали въ ихъ руки?

Къ слову объ иконахъ. Когда вамъ случай доведетъ быть въ Кяхтѣ, то при выѣздѣ изъ Троицко-Савска въ Кяхту по шоссе, направо, вы увидите кладбищенскую церковь, въ восточной стѣнѣ которой вставленъ образъ этого святителя, писанный масляными красками во весь ростъ. Это работа брата Николая.

Живописью масляными красками братъ Николай началъ заниматься случайно. Въ первую бытность его въ Иркутскѣ, генераль-губерн. Рупертъ, съ семейства котораго братъ снялъ портреты очень похожіе, подарилъ ему полный приборъ для письма масляными красками, съ избыточнымъ запасомъ. Онъ не принимался до тѣхъ поръ, когда для письма иконъ въ новопостроенный соборъ граждане выписали изъ Иркутска иконописца и просили насъ принять его къ намъ въ домъ для жительства для его занятій, а главное — для совѣтовъ брата. Братъ согласился, и нашъ домъ мгновенно обратился въ студию живописи. Одноглазый нашъ артистъ былъ суздальскій рутинеръ, въ полномъ смыслѣ этого слова, но за то онъ обладалъ механическими приѣмами въ живописи, приобретенными имъ долговременнымъ навыкомъ, и потому они съ братомъ истинно были полезны другъ другу. Изъ числа всѣхъ иконъ, составлявшихъ иконостасъ сгорѣвшаго собора, Благовѣщеніе и картина на лѣвой выходной изъ алтаря двери и двѣ символическихъ изображеній надъ алтаремъ, были написаны братомъ; остальные или по его рисунку, или съ его совѣта. И говоря безъ прикрасъ, иконостасъ былъ изящное произведеніе, тѣмъ болѣе, что ему соотвѣтствовала изящная золоченая рѣзьба по дереву, исполненная артелью рѣзчиковъ, прибывшихъ изъ Россіи въ Иркутскъ и желавшихъ ознаменовать свой дебютъ со славой. Жаль, очень жаль, что этотъ соборъ, великолѣпно и гармонически украшенный даяніемъ 40 слишкомъ капиталистовъ, первостатейныхъ купцовъ, составляющихъ наше купеческое сословіе и привлеченныхъ единственно только льготами, дарованными новому городу, но въ нашемъ городѣ не живущихъ и даже не имѣ-

ющихъ въ немъ своихъ домовъ,—этотъ прекрасный соборъ сгорѣлъ въ какіе-нибудь два часа, по неосторожности сторожа, оставшаго огарокъ непотушенной свѣчки.

XVII.

Поселеніе и жизнь въ Селенгинскѣ.

1840—1860 гг.

Изъ Посольска, гдѣ получено было наше новое поселеніе, въ Селенгинскъ мы прибыли въ концѣ августа 1840 года ¹⁾.

Такъ какъ Торсонъ еще не достроилъ своего дома и жилъ въ домѣ купца Наквасина (Никифора Григорьевича), и маленькій флигелекъ, предложенный намъ для жительства, занималъ самъ хозяинъ, то въ ожиданіи, когда, по окончаніи своего дома, Торсонъ переѣдетъ на новоселье, а хозяинъ нашъ очиститъ флигель переходомъ на мѣсто Торсоновыхъ,—насъ пригласилъ погостить у себя Дмитрій Дмитриевичъ Старцевъ.

Домъ Старцевыхъ всегда былъ и теперь (1861 г.) есть первымъ въ Селенгинскѣ какъ по значительности, такъ и по гостепріимству. Очень умная и необыкновенно добрая старушка и говорящая ты всѣмъ, даже губернаторамъ, поддерживаетъ и до сихъ поръ его значительность. Съ ея дочерью вы уже знакомы, а сынъ еще въ то время былъ молодъ, только что женился на дочери Сабашникова, правителя дѣлъ американской компаніи въ Кяхтѣ, и слѣдовательно, приобрѣлъ отца и покровителя своихъ коммерческихъ предпріятій, только тогда начинавшихся у него въ Кяхтѣ. Онъ отъ природы очень умный и смысленный малый, но не получивъ никакого образованія, чуть не былъ совсѣмъ сбитъ съ толку Дмитр. Захар. Ильинскимъ. Къ счастью, ему помогъ природный его смыслъ, и онъ отъ всѣхъ внушеній Ильинскаго занялъ только охоту къ чтенію и выписку книгъ, чего прежде за Селенгинскомъ не водилось. Теперь (1861 г.) въ нашемъ городѣ выписываютъ, кромѣ другихъ книгъ, однихъ журналовъ и газетъ болѣе чѣмъ на 300 руб. сер. Въ этомъ-то патріархальномъ дому мы провели болѣе мѣсяца и въ полномъ смыслѣ катались какъ сыръ въ маслѣ, потому что въ Сибири вообще и до сихъ поръ, а у Старцевыхъ всегда угощеніе хлѣбомъ-солью считается святымъ долгомъ. Сверхъ того, Ильинскій въ насъ души

¹⁾ Выше на стр. 634 сказано: „въ октябрѣ 1839 г.“

не слышалъ, а старуха любила безъ души своего тестюшку, — слѣдовательно, мы жили какъ одно семейство, а теперь (1861 г.) еще болѣе — когда посжились да покумились.

Городъ нашъ и до сихъ поръ носить печать патриархальныхъ нравовъ, а тридцать лѣтъ (22 года) назадъ еще болѣе былъ связанъ какъ-бы въ одно семейство, — слѣдовательно, мы сразу попали какъ бы въ общую семью и со всѣми сблизились скоро. Къ тому-жъ братъ былъ такой истошникъ (источникъ), какъ здѣсь говорятъ, былъ такъ добръ и простъ въ обращеніи со всѣми, что всѣ къ намъ обращались за совѣтами, какъ бы мы уже цѣлое столѣтіе съ ними жили. Хозяинъ нашего дома былъ уже знакомъ съ нами прежде, въ бытность его съ женою въ Петровскомъ заводѣ, и потому съ нимъ мы сошлись какъ старые знакомые и полюбили его отъ всей души за его безграничную доброту, — и это не гипербола, — и чтобъ вамъ это доказать — довольно, ежели я вамъ скажу, что будучи очень состоятельнымъ купцомъ, помогая и довѣряя своимъ милымъ братцамъ, онъ въ послѣдствіи дошелъ почти до нищеты. Домикъ, въ которомъ мы наконецъ поселились, былъ чистенькій, тепленькій флигелекъ, нѣкогда бывшій обиталищемъ Ворошилова, дѣда Старцевыхъ по матери. Тутъ былъ кожевенный заводъ, тутъ-же и Наквасинъ продолжалъ выдѣлывать кожи, пока подряды съ казною его не довели. Торсонъ построилъ свой домъ неподалеку отъ насъ, такъ что теперешній нашъ домъ отдѣлялся отъ его строенія только глубокимъ оврагомъ. Надо вамъ сказать, что городъ Селенгинскъ еще не былъ перенесенъ на новое мѣсто и былъ передъ нашими глазами какъ на ладони, потому что мы жили по другую сторону рѣки, тремя верстами ниже.

Прежде нежели заводить скотъ и барановъ, надо было подумывать, гдѣ приискать хорошенькія сѣнокосныя мѣста. Услужливый нашъ городничій Скорняковъ охотно вызвался показать намъ всѣ свободныя оброчныя статьи, — и вотъ начались наши *partie de plaisir*, гдѣ между бездѣльемъ мы осматривали будущія свои владѣнія. Между многими осмотрѣнными, братъ Николай, какъ поэтъ въ душѣ, выбралъ живописное мѣстоположеніе на одной съ нами сторонѣ рѣки и съ травой, которая считается лучшею по качеству. Одна бѣда: чтобъ быть съ сѣномъ, надо смочный годъ, а ихъ-то у насъ большой недочетъ; и въ послѣдствіи мы хоть охали, но братъ говорилъ въ утѣшеніе: „За то мѣста-то какія!“

Когда единственный сынъ Наквасина, мой ученикъ, въ отсутствіе мое на сѣнокосѣ, утонулъ подлѣ дома, безутѣшный добрякъ Наквасинъ продалъ намъ домъ, скотъ, почти все хозяйственное заведеніе, и уѣхалъ съ товарами въ Россію. Мы перешли въ большой домъ, который занимали сестры и въ которомъ теперь я живу (1861 г.), и занялись хозяйствомъ не на шутку. Вамъ извѣстно, что въ Сибири пахотныя земли не имѣютъ цѣнности: здѣсь цѣнятся только городьба, обнесенная кругомъ ея. У Наквасина мы такихъ земель или лучше—такой городьбы купили пропасть; прикупили сѣнокосныхъ луговъ, начали сѣять и косить,—но увя!—почти десять лѣтъ мы зарывали наши деньги безъ всякаго вознагражденія. Одинъ только годъ насъ порадовалъ—и это былъ единственный. Въ нашемъ засушливомъ краѣ нѣтъ выгоды сѣять хлѣбъ, а особливо тѣмъ хозяевамъ, которые не сами пахутъ, а все дѣлаютъ съ найма. Ежели хлѣбъ дорогъ—ваша работа съѣсть; ежели хлѣбъ дешевъ, даже при урожаѣ, — вы не выручите издержекъ, продавая дешевый хлѣбъ. Мы бросили хлѣбопашество и обратились къ скотоводству.

Составивъ компанію съ Старцевымъ, Лушниковымъ и отставнымъ поручикомъ Сидовымъ, родственникомъ послѣдняго, мы купили стадо меринсовыхъ овецъ въ 500 головъ съ тѣмъ, чтобъ отъ приписанныхъ къ намъ сѣнокосныхъ земель, въ числѣ 500 десятинъ, имѣть лишнее сѣно для продажи. Но и эта хозяйственная мѣра оказалась безплодною. Шерсть съ овецъ даже не покупали наравнѣ съ шерстью простыхъ овецъ. Приплодъ стада не покупали, чтобъ не портить простыхъ стадъ; мяса не покупали, потому что оно хуже обыкновенныхъ овецъ,—а сѣна едва хватало на ихъ содержаніе, потому что меринсовые овцы такія барыни, что ихъ почти круглый годъ надо было держать на постоянномъ кормѣ. Стадо въ томъ же составѣ существуетъ и теперь и по прежнему не приноситъ никакой прибыли. Въ прошломъ году (1860 г.) былъ довольно удачный случай сбыть шерсть на Амуръ американцамъ. Не знаю какъ пойдетъ дѣло дальше.

Издержки на хозяйственные заведенія, различныя попытки и потери, расходы на постройки и жизненныя потребности—истощили наши средства. Нужда начала хватать насъ за бока. Я

принялся за производство мною выдуманных сидѣек¹⁾, и вначалѣ довольно выгодно сбывалъ ихъ въ Кяхту и Иркутскъ. Но такъ какъ я хотѣлъ, чтобъ изобрѣтеніе было полезно всему краю, то скоро производство ихъ распространилось по всему Забайкалью, и мнѣ эта отрасль оставляла только удовольствіе видѣть отъ него пользу жителямъ, иногда угождать просьбамъ хорошихъ знакомыхъ и мыслью, что я доставляю хлѣбъ 30-ти бѣднымъ бурятамъ, работавшимъ у меня и обучавшимся столярному, слесарному, кузнечному и другимъ мастерствамъ.

Братъ Николай, въ свою очередь, выпросилъ позволеніе ѣхать въ Кяхту. Съ пріѣздомъ генераль-губернатора Руперта, простаго добряка, дѣло это, хотя съ трудомъ, но уладилось кое-какъ. Въ Кяхтѣ онъ занялся рисованіемъ портретовъ. Дѣло шло вначалѣ туго: всѣ какъ-то дичились писать свое обличіе. Но когда сняты были портреты съ двухъ-трехъ модныхъ дамъ и львовъ Кяхты, когда всѣ увидѣли, что на портретахъ они изображены не только похожими, но даже лучше настоящаго, — всѣ какъ будто вздурились. Мода взяла свое, и братъ въ короткое время заработалъ порядочную сумму, потому что обладалъ даромъ рисовать скоро и очень похоже. Сперва онъ усвоилъ себѣ манеру Изиде тщательно-копотливой работы и терялъ много времени на отдѣлку; потомъ, когда получены были портреты родныхъ нѣкоторыми изъ нашихъ союзниковъ работы нашего портретиста Соколова, онъ тотчасъ принялъ его методу и много выигралъ какъ во времени, такъ въ эффектѣ. Я пріѣхалъ къ нему въ Кяхту на праздники святокъ, и мы провели ихъ необыкновенно весело. Мы всегда называли Кяхту — „забалуи-городокъ“ — и тогда онъ заслуживалъ это названіе вполнѣ. Звуки бальной музыки раздавались почти всякій вечеръ, а звуки оттыкающихся шампанскихъ пробокъ раздавались чуть-ли не съ зарей и до поздней ночи. Вся Кяхта, начиная съ директора таможни, рвала наперерывъ насъ изъ одного дома въ другой, такъ что наконецъ намъ, мирнымъ жителямъ, это уже стало тяжело — и мы убрались восвояси.

Персинъ давно вызывалъ брата въ Иркутскъ для той-же цѣли, и братъ наконецъ рѣшился отправиться въ столицу Восточной Сибири, пробылъ тамъ почти годъ, принятый какъ свой въ домъ

¹⁾ Особого рода тележекъ.

Руперта, губернатора Пятницкаго, и ласкаемый всѣми, а особенно высшимъ купечествомъ и чиновничествомъ; перерпсоваль почти всѣхъ, и, утомленный работою и непривычною для насъ свѣтскою жизнью, возвратился подъ мирный кровъ съ порядочнымъ запасомъ матерьяльныхъ средствъ для нашего существованія. Вскорѣ матушка получила милостивое разрѣшеніе отправиться къ намъ въ тюрьму (только огромнаго размѣра). Мы начали отдѣлывать свой домъ для ихъ пріема, и когда, послѣ 8-ми мѣсячныхъ трудовъ, все было готово къ ихъ принятію, когда бѣлая часть вещей ихъ уже была получена нами, когда онѣ продали деревню и истратились на путевыя приготовленія и были уже въ Москвѣ,—власть раскаялась въ своемъ неумѣстномъ великодушіи, запретила дальнѣйшее слѣдованіе въ Сибирь, и несчастная матушка съ сестрами очутилась между небомъ и землею, брошенная безъ всякихъ средствъ жизни, даже безъ необходимыхъ вещей, въ незнакомомъ ей городѣ, безъ надежды—когда либо свидѣться съ нами. Она не пережила этого удара и скоро умерла ¹⁾. По смерти ея, сестра возобновила настоятельныя просьбы позволить имѣть вѣхать въ тюрьму, и наконецъ выхлопотала, какъ величайшую милость, снова отправиться. По ихъ пріѣздѣ, хозяйство перешло въ руки Елены Александровны; но уже это было чисто домашнее хозяйство. Я женился на сестрѣ эсаула Селиванова, двушкѣ-сибирячкѣ, т. е. съ природнымъ умомъ и практическою смѣтливостью, выстроилъ прекрасный домъ, убранный мебелью и украшенный затѣйливо собственными моими столярными и мастерами, и мы зажили, даже припѣваячи, потому что я, постоянно несчастливый въ лоттерейхъ, вдругъ выигралъ прекрасное фортепіано.

¹⁾ Примѣчаніе Елены Александровны Вестужевой: „Это ошибочно показано: намъ въ первый разъ было повѣщено, что государь императоръ, по нѣкоторымъ причинамъ, и для собственной нашей пользы, къ отъѣзду для жительства съ братьями не соизволяетъ. А уже послѣ трехъ лѣтъ—когда въ 1846 году скончалась матушка, послѣ тяжкой ея болѣзни, тогда нарочно поѣхала я въ Петербургъ и выхлопотала себѣ и сестрамъ позволеніе вѣхать къ братьямъ въ Сибирь на добровольно вѣчное съ ними заключеніе.

Е. В. (1862 г. Спб.).

XVIII.

Пріѣздъ сестеръ въ Селенгинскъ въ 1848 году.

Вѣроятно сестра Елена Александровна вамъ рассказала довольно оригинальную встрѣчу ихъ съ нами, и желаніе узнать нѣкоторыя подробности—вызвали вашъ вопросъ на эту тему. Вотъ какъ это было. Камеръ-юнкеръ Булычевъ, бывшій одинъ изъ членовъ, составлявшихъ огромный составъ ревизіонной сенаторской ревизіи Толстаго, точно также какъ и всѣ его члены были, очень хорошо съ нами знакомы. Они всѣ насъ посѣщали, гостили у насъ по нѣскольку дней, просили и узнавали отъ насъ все, что они ни по своей европейской образованности, ни по своему благородному стремленію быть полезными краю—не могли-бы узнать, если-бъ даже они прожили десятки годовъ. Этотъ Булычевъ, женившійся на племянницѣ миллионера-золотопромышленника Кузнецова, прельстившейся его ливреей, шитой золотомъ, въ проѣздъ свой съ новобрачной въ Кяхту, останавливался у насъ и провелъ цѣлыя сутки. Уѣзжая, онъ просилъ у насъ позволенія—на обратномъ пути отдохнуть день-другой у насъ. Мы его ждали... Между тѣмъ сестры спѣшили къ намъ и спѣшили такъ, что ихъ прибытіе, котораго мы никакъ не рассчитывали ранѣе двухъ недѣль, совпало почти въ тотъ-же день, когда мы ожидали Булычевыхъ. Пришедши отъ Торсона, гдѣ мы имѣли общій столъ, и намѣреваясь отправиться въ новый городъ къ Старцовымъ, я сидѣлъ у окна, выходящаго на дворъ, и курилъ сигару; братъ Николай пошелъ подъ навѣсъ посмотрѣть, какъ ново-нанятый нашъ кучеръ запрягаетъ лошадь въ сидѣлку. Вдругъ послышались колокольчики. Тарантасъ остановился посреди двора и изъ него вышла дама, принятая мной сперва за м-ше Булычеву. Потомъ, когда вышла Елена Александровна, я ее тотчасъ узналъ и бросился къ нимъ. Объятія.... слезы.... Насъ окружила плотная толпа любопытныхъ—бурята и сосѣдей. Братъ, полагая, что пріѣхали Булычевы, былъ въ большомъ затрудненіи явиться къ нимъ безъ скюртука, и, поймавъ маленькую дѣвочку Катюшу, дочь нашей стряпки, разбалованную имъ, свою любимицу, приказываетъ

принести ему сюртукъ. «Вотъ вы какой... вѣдь мнѣ некогда... я и сама хочу поглядѣть на пріѣзжихъ» — и съ этимъ словомъ убѣжала, оставивъ брата въ самомъ критическомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не узналъ, наконецъ, что пріѣхали сестры, и тогда онъ, забывъ о своемъ дезабиле, бросился обнимать и цаловать милыхъ пріѣзжихъ. Такъ какъ мы ихъ ожидали гораздо позже и не перебирались во флигель, чтобъ очистить домъ для нихъ, онѣ застали нашу холостой быть на распадку и могли составить полную идею о житьѣ-бытьѣ. Галактіонъ Степан. Баташевъ (кривой Апеллесъ) принялъ ихъ въ своей студіи, заставленной мольберами съ начатыми и оконченными образами, картонами эскизовъ между столовъ и скамеекъ, заваленныхъ красками, палитрами и кистями.

XIX.

СІДЪЙКИ.

Касательно вопроса вашего объ устройствѣ сидѣекъ, то, говоря по правдѣ, все ихъ достоинство составляетъ простота, главное основаніе всякаго полезнаго изобрѣтенія, такъ тщательно избѣгаемая всѣми изобрѣтателями, и къ которой рано или поздно опытъ приводитъ cadaго. Въ нашей (т. е. за-Байкаломъ) гористой мѣстности употребленіе четырехколеснаго экипажа и тяжело для лошади, и опасно: у насъ повсемѣстно употребляется двухколесная телѣга, и эту-то телѣгу я обратилъ въ сидѣйку. Въ устройствѣ городскихъ двухколесныхъ кабриолетовъ длина и эластичность оглоблей пренебрежены, безпокойная тряска отъ неровности дороги предупреждена лежащими и разнаго рода рессорами, — тогда какъ у меня всѣ эти рессоры замѣнены эластическимъ нагибомъ самой оглобли, смягченной еще нагибомъ особенной деревянной пружины. Вы это лучше поймете на рисунокѣ ¹⁾.

Въ рисунокѣ № 1 вы видите сидѣйку въ самомъ простѣйшемъ ея видѣ и повсемѣстно принятой всѣмъ Забайкальемъ, потому что, кромѣ простоты и легкости, она удобна еще тѣмъ, что каждую двухколесную телѣгу въ полчаса можно обратить въ спокойный экипажъ, привязавъ къ оглоблямъ двѣ пружины и положа на концы ихъ доску для сидѣнья.

¹⁾ Два рисунка помѣщены въ концѣ статьи, на стр. 658.

Въ рисунокѣ № 2 (на стр. 658) вы уже видите городской экипажъ, имѣющій предъ первую то преимущество, что для удобнѣйшаго входа въ него онъ значительно пониженъ переносомъ деревянныхъ пружинъ внизъ оглоблей, и такъ какъ кузовокъ укрѣпленъ на нихъ, то этимъ значительно пониженъ центр тяжести и предупреждена опасность опрокидыванія экипажа. Видите, какъ просто открывается тарчикъ!

XX.

Поездки изъ Селенгинска.—Посѣтителѣ Селенгинска.

Первая поездка брата изъ Селенгинска была въ Кяхту для пріобрѣтенія средствъ существованія посредствомъ портретной живописи; съ тою-же цѣлью онъ ѣздилъ въ Иркутскъ и въ Удинскъ. Въ Кяхтѣ онъ прожилъ около пяти мѣсяцевъ, въ Иркутскѣ около года. Въ бытность свою въ Кяхтѣ онъ хотѣлъ, чтобъ и я туда пріѣхалъ на праздникъ Рождества, чтобъ много развлечься, и я, исполняя его желаніе, пробылъ тамъ около мѣсяца.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ городѣ мы были знакомы со всѣми безъ изъятія и вездѣ насъ принимали съ непритворнымъ радушіемъ ¹⁾. Ежели оставались какіе-либо дома, не познакомившіеся съ нами, то это было единственно отъ недостатка времени. Въ Иркутскѣ братъ былъ чаще въ домахъ генераль-губернатора Руперта и губернатора Пятницкаго, особенно въ домѣ послѣдняго. Пятницкій былъ гостепріимный русскій хлѣбосоль, но вялый и ограниченнаго ума администраторъ. Въ его управленіе чиновники, черезъ руки которыхъ шли наши письма, посылки и деньги, обкрадывали насъ безстыдно, и онъ ничего не зналъ до тѣхъ поръ, когда ему пришлось платить за растроченныя деньги. Передъ правительствомъ онъ старался казаться бдительнымъ, и его донесенія въ родѣ доносовъ много зла принесли намъ. Смѣненъ онъ былъ уже по злост-

¹⁾ Ни слова не сказано о знакомствѣ Ник. Вестужева съ извѣстнымъ путешественникомъ Ад. Эрманомъ. Между тѣмъ Эрманъ, въ своемъ путешествіи много говоритъ о Вестужевѣ. Ив. Свѣзевъ (1864 г.).

ному доносу на Н. Н. Муравьева, на котораго онъ доносилъ, что онъ сталъ на дружескую ногу со всѣми государственными преступниками. Въ Удинскъ братъ ѣздилъ единственно по приглашенію жены Руперта, чтобъ кончить начатые портреты съ ея дѣтей и чтобъ нарисовать еще одинъ со старшей ея дочери Людмилы для жениха ея, Александра Ильича Арсеньева. Въ проѣздъ ихъ въ Кяхту, мы видѣлись снова съ ними и были приглашены на свадьбу въ Петровский заводъ. Брату было некогда ѣхать туда и на свадьбѣ присутствовалъ одинъ я.

Когда Петровскимъ заводомъ управлялъ Оскаръ Алек. Дейхманъ (прекрасный человекъ, познакомившійся съ нами и гостившій у насъ въ Селенгинскѣ), братъ ѣздилъ туда раза три. Приставалъ онъ всегда у нашего товарища, и теперь (1861 г.) тамъ живущаго, Ивана Ивановича Горбачевского. Другой разъ онъ ѣздилъ въ Кяхту уже съ сестрами, а въ другой и послѣдній разъ, передъ смертью въ Иркутскъ — по вызову генерала Я. Д. Казимірскаго.

Когда вначалѣ нашей селенгинской жизни былъ городничимъ добрякъ казакъ Скорняковъ, хлопоты по хозяйству ограничивали его поѣздки по окрестностямъ болѣе для развлечения, нежели съ болѣе серьезною цѣлью; потомъ, когда онъ былъ замѣненъ отъявленнымъ мерзавцемъ, иркутскимъ квартальнымъ Кузнецовымъ, тогда и эти поѣздки мы должны были дѣлать съ оглядкою, опасаясь его доносовъ — не за себя, а за участвующихъ съ нами, тѣмъ болѣе, что на томъ времени, вслѣдствіе донесенія Пятницкаго, правительство предписало мѣстнымъ властямъ не дозволить намъ всѣмъ отлучку отъ мѣста жительства далѣе 15-ти верстнаго разстоянія. Земли, отведенныя намъ подъ пашни и сѣнокосъ въ Зуевской пади, отдалены были отъ города въ 15½ верстахъ; вслѣдствіе такого распоряженія, если намъ нужно было посмотрѣть, какъ пахутъ или косятъ работники, мы должны были писать просьбу на имя шефа жандармовъ, который долженъ былъ испросить у государя высочайшее разрѣшеніе на выѣздъ. Чтобъ выказать все неудобство подобныхъ предписаній, мы написали просьбу къ шефу жандармовъ, въ которой просили испросить у государя милостивое разрѣшеніе сѣздить на собственный нашъ покосъ для того, чтобъ выгнать табуны лошадей и стадо бурятскаго скота, вы-

травляющихъ нашъ покось. Просьба осталась безъ отвѣта, а распоряженіе все-таки осталось во всей своей силѣ и давало оружіе какому-нибудь квартальному дѣлать намъ притѣсненія на каждомъ шагѣ.

Въ доказательство тому, что можетъ дѣлать въ Россіи личный произволъ самаго мелкаго чиновника, опирающагося на распоряженія правительства, изъ многочисленныхъ непріятностей, дѣланныхъ намъ городничимъ, я приведу одинъ примѣръ. Ему непріятно было видѣть, какъ ежедневно насъ посѣщали почти всѣ тѣ лица, которыя были въ Забайкальи, а особенно проѣзжавшіе въ Кяхту, равно какъ всѣ наши Иркутскіе, Удинскіе, Кяхтинскіе, Петровскіе и прочіе знакомые; а особенно-же было ему не понутру являться по обязанностямъ службы или по требованію высшихъ чиновниковъ, постоянно останавливавшихся у насъ. Въ пьяно-дружескихъ бесѣдахъ съ почтмейстеромъ Каковинимъ они придумали курьезныя мѣры для прекращенія подобныхъ посѣщеній. Каковинъ, опираясь на авторитетъ городничаго, далъ отъ себя предписаніе на станціи, ведущія къ Селенгинску, такого содержанія: что «какъ извѣстно-де сдѣлалось мѣстному начальству о подозрительныхъ посѣщеніяхъ господъ государственныхъ преступниковъ Бестужевыхъ разными лицами всѣхъ сословій, что совершенно противно видамъ правительства, то строжайше предписывается станціоннымъ смотрителямъ—запретить ямщикамъ возить къ упомянутымъ гг. преступникамъ кого-бы то ни было».

Знакомый намъ жандармскій генералъ Вагапуло, возвращаясь изъ Кяхты, заѣхалъ къ намъ и со смѣхомъ разсказалъ намъ, какъ ямщикъ не хотѣлъ слушать его приказаній вести его къ намъ; и тутъ-же пріѣхавшій ревизоръ почтовой части въ Восточной Сибири Нефловъ объяснилъ этотъ казусъ, показавъ снятое имъ со стѣны почтовой станціи предписаніе его подчиненнаго. Потребовали къ отвѣту и того и другаго; оба явились въ пьяномъ видѣ. Гнѣвъ и буря—съ одной, подлость и униженіе—съ другой стороны, доходившія до такой отвратительной сцены, что они оба чуть не на колѣняхъ вымаливали у насъ прощеніе, и братъ сжалился надъ ними и упросилъ начальниковъ—помиловать ихъ. Въ благодарность—мы должны были испытать еще горшія, но болѣе осторожны ихъ пакости.

XXI.

Переписка съ пріятелями и знакомыми.

Первое время нашей тюремной жизни въ Сибири, когда мы могли сноситься съ тѣмъ свѣтомъ только черезъ благотѣльное посредство нашихъ дамъ, естественно, что щадя и дорожа это послѣднее звѣно, связывавшее еще насъ съ жизнью, мы очень осторожно пользовались ихъ предупредительными услугами и по возможности сокращали даже переписку съ родными. Но впрочемъ, намъ тогда и не предстояла надобность увеличивать объемъ своей корреспонденціи: исключая очень немногихъ примѣровъ, всѣ друзья, всѣ пріатели оказались «до чернаго лишь дня». Страхъ-ли шпіонства, опасеніе-ли голубыхъ очей, боязнь-ли, чтобъ не заподозрили въ чувствахъ вѣрноподданничества, но только никто не рѣшался коснуться словомъ прокаженныхъ покойниковъ; а мы въ свою очередь были слишкомъ горды, чтобъ унижаться, вызывая притворное сочувствіе, а можетъ быть и обидное молчаніе на наши письма. Къ тому же, надо правду сказать: что намъ могли писать, что мы могли отвѣчать, когда наши обоюдныя письма должны были пройти черезъ горнило III отдѣленія? Даже переписка наша съ близкими родными, краткая и осторожная, гдѣ каждая фраза десять разъ обдумывалась прежде, нежели была написана, чтобъ проходя первую цензуру Лепарскаго не заставлятъ (что очень часто случалось) нашихъ добрыхъ дамъ переписывать снова наши письма, чтобъ не подвергнуть родныхъ и коменданта отвѣту (что тоже было нерѣдко); эта переписка, говорю я, была такъ блѣдна, такъ безжизненна, носила такой пошлый отпечатокъ казенной официальности, что меня одолевала одурь всякій разъ, когда я писалъ письма, и эту пытку братъ Николай, по обычной добротѣ, постоянно бралъ на себя.

Корреспонденція наша съ поселенными нашими союзниками была еще тягостнѣе. Кромѣ того, что наши письма совершали чудовищныя путешествія въ 14000 и болѣе верстъ, чтобъ пройти черезъ III Отдѣленіе, тогда какъ мы жили чуть не о бокъ другъ друга, очень часто случалось, что послѣ полугодоваго ожиданія мы, вмѣсто отвѣта, получали запросъ на какую-либо, по ихъ

мнѣнію, темную фразу или намекъ, а комендантъ—выговоръ. Кажется, все было придумано, чтобъ отбить охоту къ письму, и надо было родиться Лунинымъ, который находилъ неизъяснимое наслажденіе дразнить «бѣлаго медвѣдя» (какъ говорилъ онъ) (т. е. мѣстныхъ власти) не обращая вниманія на мольбы обожавшей его сестры (графини Уваровой) и на лапы дикаго звѣря, (т. е. Сибирское начальство) въ когтяхъ котораго онъ и погибъ въ Акатуй.

Корреспонденція съ мѣстъ нашего поселенія сдѣлалась нѣсколько льготнѣе, потому что наши родные, а за ними вслѣдъ и знакомые, попытались посылать письма прямо черезъ почту. Но и тутъ все зависѣло отъ лицъ, мѣстную власть исполнявшихъ. Передъ смертію братъ очень часто переписывался съ адмираломъ Рейнеке и архитекторомъ Ив. Ив. Свѣзевымъ. Полагаю, что въ посланной коллекціи вы найдете ихъ письма. Онъ также писалъ къ астроному Струве, но отвѣта не получилъ ¹⁾.

XXII.

Въ бытность брата Николая въ Иркутскѣ до пріѣзда сестеръ онъ видѣлся со всѣми жившими тамъ нашими товарищами. Съ Горбачевскимъ, какъ я уже вамъ упомянулъ выше, мы видались довольно часто или у насъ въ Селенгинскѣ, или у него въ Петровскомъ заводѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ сестеръ насъ посѣтилъ Ив. Ив. Пущинъ съ Марьей Казимировной Юшневскою. Онъ, подъ предлогомъ болѣзни, выпросился изъ Ялуторовска, гдѣ онъ былъ поселенъ вмѣстѣ съ Басаргинымъ, Оболенскимъ, Якушкинымъ, Спиридовымъ, Матвѣемъ Муравьевымъ и т-ше Янтальцевою (уже вдовою), на Забайкальскіе Туркинскія воды—единственно съ цѣлью повидаться съ товарищами. Потомъ насъ посѣтилъ Сергѣй Григор. Волконской, его жена Марія Николаевна, его сынъ и замужняя дочь (теперь замужемъ за Кочубеемъ). Потомъ Трубецкой, и когда дочь его Александра Сергѣевна вышла за генерала Ре-

¹⁾ Выше сказано, что Струве послалъ Бестужеву латунь, которая дошла до него послѣ смерти.

биндера, Кяхтинскаго градоначальника, то и княгиня, жена его Катерина Ивановна съ дочерьми (Зинаидою и Александрою) и сыномъ (Иваномъ). Впослѣдствіи Трубецкой и Ребиндеръ съ женою всегда бывали у насъ проѣздомъ въ Иркутскъ и обратно, точно также и Волконской съ сестрою (женою маршала двора), и Молчановъ съ женою (Еленою Серг. рожд. Волконскою).

Переписывались мы со многими изъ нашихъ товарищей. Братъ чаще—съ Трубецкимъ, Волконскимъ, Поджіо, Пушкинымъ, Горбачевскимъ, Батенковымъ и Безчасновымъ; я—со Штейнгейлемъ, Безчасновымъ, Трубецкимъ, Волконскимъ, Горбачевскимъ и Пушкинымъ.

Надо прибавить, что братъ Николай былъ очень акуратень въ своей корреспонденціи и поддерживалъ ее исправно, тогда какъ я, признаюсь вамъ, былъ неисправимый лѣнивонецъ.

XXIII.

Вѣсть о кончинѣ Николая I.—Смерть Николая Бестужева.

Извѣстіе о смерти императора Николая Павловича пришло въ Иркутскъ во время пребыванія брата тамъ, и потому я не могу сообщить вамъ подробности перваго впечатлѣнія этого событія на моего брата. По его возвращеніи въ Селенгинскъ (въ апрѣлѣ, передъ пасхою 1855 года) въ то время, когда онъ уже носилъ въ груди зародышъ смерти, печальный и молчаливый, онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, когда рѣчь падала на критическое положеніе Россіи:

— «Что выльется изъ нашего новаго царя (Александра II)—Богу извѣстно одному; но говорятъ, онъ добръ, и слѣдовательно не захочетъ идти по слѣдамъ своего батюшки. Онъ не захочетъ окончательно погубить Россію, продолжая войну, какъ это-бы сдѣлалъ его отецъ изъ личнаго самолюбія(?!), воображая себя молотомъ европейской политики, кующимъ цѣпи по своему произволу». — Успѣхи и неудачи Севастопольской осады его интересовали въ высочайшей степени. Впродолженіи семнадцати долгихъ ночей его предсмертныхъ страданій, я самъ, истомленный усталостью, едва понимая, что онъ мнѣ говорилъ почти въ бреду,

долженъ былъ употреблять всѣ свои силы, чтобъ успокоить его касательно бѣдной, погибающей Россіи. Въ промежутки страшной борьбы его желѣзной, крѣпкой натуры со смертью, онъ меня спрашивалъ:

— «Скажи, нѣтъ-ли чего утѣшительнаго (о Севастополѣ)?»

XXIV.

Домъ и могила Н. А. Бестужева въ Селенгинскѣ.

Единственно изъ желанія исполнить просьбу вашу, я прилагаю оба рисунка, въ ущербъ моего самолюбія, потому что по нимъ вы можете судить о моемъ крайнемъ невѣжествѣ въ этой отрасли искусствъ. Въ родительскомъ домѣ я получилъ очень хорошія основныя начала рисованья у того-же самаго профессора живописи (Финѣва), какъ и братъ Николай и сестры, но поступивъ въ корпусъ, я не только не подвинулся впередъ ни на волосъ, но и забылъ, чему учился прежде. Вышедши изъ корпуса, я былъ разлученъ службою съ братомъ, который еще могъ бы пробудить во мнѣ охоту къ живописи, а впоследствии развлеченіе и служба сдѣлались помѣхою хотя врожденной, но не развитой склонности. Братъ, нарисовавшій акварелью такъ много прелестныхъ видовъ Читы и Петровска, не оставилъ ни одного Селенгинскаго, хотя имѣлъ твердое намѣреніе сдѣлать ихъ нѣсколько и даже часто приготавливалъ все необходимое для исполненія. Увѣренность, что это всегда можно сдѣлать, была причиною, что ничего не было сдѣлано. Одинъ изъ политическихъ преступниковъ, полякъ, человекъ очень хорошо знакомый съ нами, но имя котораго я забылъ (мы были знакомы со всѣми поляками Забайкалья), въ бытность его у насъ такъ прельстился прекрасною картиною мѣстности, открывавшейся съ утеса горы, которая высится тотчасъ за нашимъ домомъ, что снялъ видъ, въ которомъ нашъ домъ помѣщенъ на второмъ планѣ, а на первомъ очень оригинально изображена отвѣсная скала, на которой онъ сидѣлъ. Самъ братъ выбралъ удобный камень для занятія, самъ устроилъ ему складной столикъ, укрѣпилъ зонтикъ отъ палящихъ лучей солнца

(у насъ лѣтомъ невыносимые жары), наблюдалъ за ходомъ рисунка почти цѣлый день до заката солнца, и чтобъ не терять времени на ѣду, самъ носилъ ему въ судкахъ обѣдъ и чай. Художникъ далъ слово брату прислать съ него копію, но почему-то не сдержалъ слова. Это обстоятельство было тоже не послѣднею изъ причинъ, почему братъ надѣялся и безъ своихъ трудовъ имѣть превосходный видъ. Этотъ видъ, равно какъ и имя художника, вы можете увидѣть въ интересномъ альбомѣ съ текстомъ, изданномъ камергеромъ Булычевымъ. Съ разрѣшенія ген.-губернатора, польскій художникъ сопровождалъ членовъ сенаторской ревизіи на Лену, въ Якутскъ, въ Охотскъ, Камчатку и проч., снялъ множество видовъ этихъ мѣстностей и продалъ ихъ Булычеву, которымъ (вмѣстѣ съ неподражаемою вѣрностью въ рисунокъ Сибирской флоры и птицъ, работы нашего товарища Петра Ив. Борисова 2-го) посланы оригиналы въ Лондонъ, гдѣ они были награвированы на стали и въ Петербургѣ изданы въ видѣ альбома.

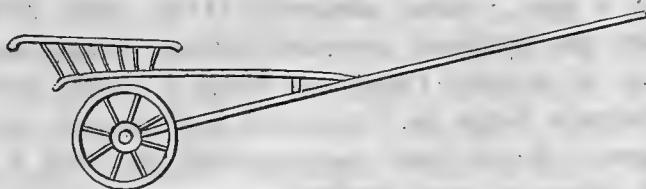
Для поясненія моего жалкаго рисунка, я долженъ увѣдомить васъ, что домъ первый слѣва (гдѣ мы теперь живемъ и гдѣ жили сестры) стоитъ на скалѣ, едва прикрытой слоемъ земли. Гдѣ нарисована бесѣдка, тутъ сдѣланъ нами деревянный срубъ и мѣсто выровнено подъ садъ. Второе зданіе—это маленький флигель, гдѣ жилъ и умеръ братъ Николай; а третье, двухэтажное зданіе—это домъ, гдѣ я послѣ женитьбы жилъ съ семействомъ. Онъ теперь (1861 г.) проданъ, равно какъ и огромная мастерская, не помѣстившаяся на рисунокѣ справа, и будутъ свезены лѣтомъ въ новый городъ. Передъ моимъ домомъ на кручѣ берега разбитъ скверъ, а колонны и оба балкона до самой крыши лѣтомъ закрывались зеленью хмѣля, плюща и другихъ вьющихся растений. Этотъ домъ былъ построенъ и отдѣланъ прочно и изящно, выщекатуренъ снаружи, какъ и всѣ наши зданія. Глубокій оврагъ или лощина (по сибирски буеракъ) отдѣляла насъ отъ дома Торсона и его мельницы. Этотъ глубокий буеракъ мы частію засыпали и сровняли, чтобъ проѣздъ черезъ него сдѣлать удобнымъ; но эта засыпь почти каждое лѣто смывается или размывается бурливымъ потокомъ послѣ cadaго проливнаго дождя. Когда, по сибирскому выраженію, пойдетъ буеракъ—картина прекрасная, особенно ночью. Во

тѣмѣ, при раскатахъ грома по окрестнымъ горамъ, при безпрестанной ослѣпительной молніи, пѣнистый буеракъ, какъ чешуйчатая змѣя, спускается, извиваясь съ кручи холмовъ и утесовъ, шипитъ и прыгаетъ, глотая песокъ и камни, и добѣжавъ до насыпи, бросается внизъ, со злобы распырнувшись въ пѣну и брызги.

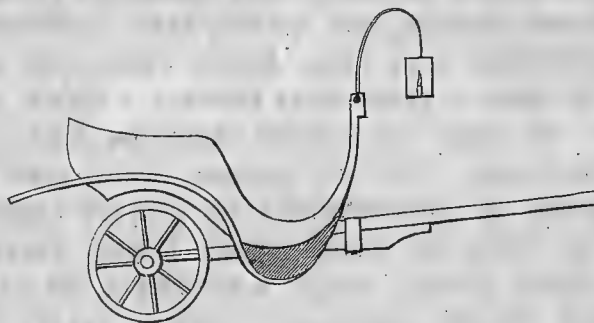
Рисунки «сидѣекъ» или «бестужевокъ».

(см. выше стр. 649—650).

№ 1.

№ 2.

Михаилъ Александровичъ Бестужевъ.

Городъ Селенгинскъ. 1860—1861 гг.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПАВЛОВИЧЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

Историческіе матеріалы, къ нему и его эпохѣ относящіеся.

1804—1820.

I.

Рескриптъ императора Александра I о прекращеніи жестокаго обращенія съ солдатами.

1804 г.

Господину генераль-лейтенанту Брестской и Украинской инспекціи по кавалеріи инспектору Боуру.

Доходитъ до свѣдѣнія моего, что во многихъ полкахъ при обученіи солдатъ и рекрутъ экзерциціи наказываютъ ихъ съ такою строгостію, какую употреблять должно въ случаѣ важныхъ только преступленій. Метода сія, бывъ столько же вредна для службы, сколь противна здравому разсудку, введена конечно или отъ непонятія въ чемъ состоятъ должна воинская строгость, или же отъ природной нѣкоторыхъ наклонности къ жестокостямъ. Первое непростительно никакому офицеру, а послѣдняя, обнаруживая дурныя свойства души, уничтожаетъ въ немъ самое достоинство человѣка. Неоспоримо, что строгость въ войскѣ отнюдь ослабляема быть не должна и взыскаіііе за проступки дѣлать надлежитъ неупустительно; но съ преступленіями, подвергающими виновнаго строгому наказанію, нельзя смѣшивать погрѣшностей, происходящихъ по неумышленности или отъ не привычки еще къ тому, о чемъ погрѣшающій не имѣлъ прежде никакого понятія. Преступленія моральныя какъ запрещаемыя всѣми законами: грабежъ, воровство, обманъ и проч., такъ въ особенности не терпимыя въ службѣ воинской: неповиновеніе командиру, оплошность стоя на караулѣ, небреженіе ружья своего и аммуниціи, от-

лучка безъ позволенія, трусость противъ непріятели и тому подобныя, требуютъ неотложнаго взысканія, сужденія по военскимъ артикуламъ и неизбѣжнаго наказанія; но ошибки въ ружейныхъ приѣмахъ, въ маршированіи, въ словахъ когда рапортуетъ, или является вѣстовымъ, особливо же въ новопринятомъ солдатѣ, требуютъ больше неусыпности офицера и способности его къ наученію нежели строгости. Она въ семь случаевъ не только не вмѣстна, но вредна для службы и для самыхъ успѣховъ въ доведеніи обучаемыхъ до надлежащаго назначенія; ибо кромѣ того, что чрезъ частыя безразсудныя наказанія лишается солдатъ здоровья и крѣпости, толико нужныхъ ему для понесенія трудовъ военныхъ, не согласно съ разумомъ, чтобы онъ, выходя на ученіе, имѣлъ въ намѣреніи своемъ ошибаться съ умысла, напротивъ того ежеминутное ожиданіе палочныхъ ударовъ, а особливо въ человѣкѣ торопливомъ, разстроиваетъ вниманіе его, и при всемъ напряженіи силъ исполнять наилучшимъ образомъ командуемое, ошибается онъ на всякомъ шагѣ и при всякомъ словѣ.

Движимъ будучи чувствованіями состраданія къ сему толико заслуживающему о себѣ попеченія классу людей, и желая чтобы какъ высшіе такъ и другіе офицеры при обученіи солдатъ должностямъ ихъ и экзерциціи давали себѣ больше труда ко вразумленію ихъ въ томъ прилежнымъ и частымъ растолкованіемъ и тѣмъ, а не побоями, гдѣ безъ нихъ обойтись можно, доводя ихъ до совершенной исправности, отличали сами себя успѣхами и приобрѣтеніемъ похвалы и достойной справедливости, я рекомендую вамъ возымѣть объ ономъ рачительное попеченіе и сообщить съ сего. копіи господамъ шефамъ полковъ ввѣренныхъ вамъ инспекцій на тотъ конецъ, чтобы они не предписаніями и не отдачею въ приказахъ, а внушеніями при случаяхъ приличныхъ эскадроннымъ командирамъ и собственнымъ своимъ надзоромъ старались дать желаемое на сей предметъ вліяніе. Впрочемъ сіе мое повелѣніе сохранить имъ, какъ и вамъ, въ одномъ своемъ только свѣдѣніи.

Въ Санктпетербургѣ. Іюля 12-го дня 1804 года. Александръ.
Военный министръ Вязмитиновъ.

Примѣчаніе. Напоминаемъ вышеприведенный документъ — уже бывшій въ печати, — именно въ „Русской Старинѣ“ изд. 1872 г. томъ VI, стр. 283—284, — напоминаемъ потому, что онъ скрѣпленъ подписью военнаго министра Вязмитинова, Сергѣя Козьмича, — по поводу котораго сообщена намъ слѣдующая замѣтка:

Въ интересной статьѣ: „Императоръ Александръ Павловичъ и его дворъ, въ 1804 году“, помѣщенной въ декабрьской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1880 г. томъ XXIX, составляющей переводъ документа, хранящагося въ бумагахъ бывшаго саксонскаго посольства въ Россіи, между прочимъ, сказано:

„Военный министр, генералъ отъ инфантеріи Вязмитиновъ, много лѣтъ прослужилъ въ военномъ вѣдомствѣ, служа постоянно по административной части. Онъ былъ нѣкогда правителемъ канцеляріи графа Захара Чернышева, президента военной коллегіи, затѣмъ въ царствованіе Павла I былъ комендантомъ С.-Петербургской крѣпости и управлялъ комиссаріатомъ, а затѣмъ перешелъ гражданскимъ губернаторомъ въ Черниговъ или Полтаву, гдѣ заслужилъ репутацію честнаго и дѣятельнаго человека, вслѣдствіе чего и былъ призванъ въ министерство. Человекъ этотъ, выслужившійся изъ рядовыхъ...“ и проч.

Нѣсколькимъ ошибкамъ, заключающимся въ этихъ словахъ, тѣмъ менѣе слѣдуетъ придавать значенія, что онъ написаны иностранцемъ, пробывшимъ лишь нѣкоторое время въ Россіи и не вполне знавшимъ тогдашнее русское общество. Но исправленіе всякой ошибки, какъ бы она ни была незначительна, не можетъ быть лишнимъ.

Сергій Козьмичъ Вязмитиновъ не могъ быть „выслужившимся изъ рядовыхъ“, такъ какъ принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, которая состоитъ въ числѣ фамилій, занесенныхъ въ 6-ю дворянскую книгу, куда, какъ извѣстно, зачисляются древніе дворянскіе роды. Изъ хранящихся въ нашемъ семействѣ фамиліальныхъ документовъ, видно, что Сергій Козьмичъ поступилъ на службу въ 1759 году и въ 1761 произведенъ въ офицеры; затѣмъ, изъ тѣхъ же документовъ видно, что первые 9 лѣтъ своей службы онъ прослужилъ во фронтѣ, потомъ былъ адъютантомъ у графа З. Г. Чернышева, а съ 1777 по 1790 годъ снова былъ во фронтѣ и командовалъ полкомъ. Въ Высочайшей грамотѣ, данной С. К. Вязмитинову 22-го апрѣля 1819 года, сказано: „Во время службы былъ въ войнѣ съ турками, начавшейся въ 1787 году и въ продолженіи оной находился въ дѣйствующихъ противу непріятеля арміяхъ, сперва въ Украинской, подъ предводительствомъ генераль-фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, потомъ въ Екатеринославской, предводительствуемой генераль-фельдмаршаломъ кн. Потемкинымъ - Таврическимъ. При самомъ открытіи кампаніи въ 1787 году, команду авангардомъ въ корпусѣ войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ генераль-аншефа графа Салтыкова, соединенныхъ при Днѣстрѣ, командированъ былъ съ отрядомъ, состоявшимъ изъ гренадерскихъ и егерскихъ батальоновъ, въ помощь къ союзной Цесарской Императорской арміи, подъ командою генерала принца Савсенъ-Кобургскаго находившейся, и переправясь черезъ Днѣстръ въ виду непріятеля, присоединился къ оной у рѣки Прута; тамъ получа въ команду свою, къ усиленію, отрядъ Императорско-Цесарскихъ войскъ и занявъ впереди арміи посты противъ Хотина, неоднократно находился въ дѣлѣ съ непріятелемъ, изъ крѣпости Хотинской покушенія дѣлавшимъ, который при всякомъ случаѣ былъ опрокинутъ и прогнанъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ ордеромъ генераль-фельдмаршала съ отрядомъ своимъ отозванъ отъ Цесарской арміи и присоединенъ къ корпусу войскъ генерала графа Салтыкова; служилъ въ ономъ при покореніи 8-го сентября оружію союзныхъ Россійскихъ и Римскихъ Императорскихъ войскъ города и крѣпости Хотинской и до окончанія кампаніи, въ 1789 году. Получа въ особую команду Екатеринославскій егерскій корпусъ, находился въ Екатеринославской арміи, при взятіи 30-го сентября крѣпости Авермана, а 4-го ноябрю Бендеръ“.

Документы, касающіеся службы С. К. Вязмитинова и приведенныя слова Высочайшей грамоты показываютъ, что онъ не служилъ постоянно по адми-

нистративной части, какъ говорить авторъ вышеупомянутой статьи, а послужилъ 22 года во фронтѣ, участвуя въ бывшихъ въ теченіи этого времени кампаніяхъ.

А. Вязмитиновъ.
С. Маѣево, Курской губ.

II.

Изъ переписки Императора Александра I съ графомъ Салтыковымъ¹⁾.
1812 года.

Императоръ Александръ—графу Николаю Ивановичу Салтыкову.

Въ Главной квартирѣ въ Вильнѣ 19-го апрѣля 1812 г.

Имѣлъ я удовольствіе получить два письма в. с. отъ 11-го и 13-го апрѣля. Искренно васъ благодарю за чувства въ нихъ изъясненныя; надѣюсь, что вы не сомнѣваетесь во всей моей привязанности къ вамъ. У насъ слава Богу все еще смирно и спокойно. Армія въ самомъ лучшемъ духѣ. Артиллерія, которую я успѣлъ осмотрѣть, въ наипрекраснѣйшемъ состояніи. Возлагая все упованіе мое на Всевышняго, спокойно ожидаю дальнѣйшихъ событій. Прилагаю при семъ выписку изъ письма Сперанскаго и пребываю навсегда вамъ искренно доброжелательнымъ Александръ.

Выписка изъ письма Сперанскаго²⁾.

Между бумагами въ одномъ изъ трехъ пакетовъ находящихся В. И. В. изволите найти расшифрованныя перлюстраціи. Они мнѣ были доставляемы по временамъ отъ Бѣка. Въ семъ поступкѣ сознаю себя виновнымъ, и не ища оправданій предаюсь милосердію Вашего Величества и проч.

Императоръ Александръ I—гр. Н. И. Салтыкову.

Вильно. 13-го іюня 1812 г.

Война началась. Непріятель перешелъ нашу границу выше Ковны. Сосредоточивъ всѣ силы свои за Вильно, будемъ готовы его отразить съ помощію Всевышняго. Пребываю на всегда вамъ искренно доброжелательнымъ Александръ.

¹⁾ Генералъ-фельдмаршалъ (съ 1796 года), бывшій воспитатель Императора Александра, 76-ти лѣтній старецъ. Въ достопамятный 1812 годъ назначенъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ. Въ этомъ званіи онъ оставался четыре года, до возвращенія Государя изъ заграничныхъ походовъ. 30 августа 1814 г. возведенъ въ потомственное достоинство Россійскаго князя. Скончался 16 мая 1816 года.

²⁾ Собственной руки Александра I, также какъ и письмо Салтыкову.

P. S. Касательно сдѣланія новыхъ бумажекъ нельзя ли такъ учредить, чтобы ихъ надѣлать единственно для того предмету, чтобы имѣть наличныя знатныя суммы въ казначействѣ прежде поступленія податей. Помѣръ же вступленія сихъ послѣднихъ исподоволь истреблять, чтобы число ихъ не умножать и не нарушить онымъ даннаго слова.

Бѣльковщина. 3-го іюля 1812 г.

Разрѣшая представленіе ваше о разсмотрѣніи мѣръ, до финансовъ относящихся, долженъ, по откровенности моей съ вами, сказать, что мнѣ кажется въ департаментѣ экономическомъ много времени проходитъ въ пустыхъ разговорахъ, а дѣло не подвигается. Необходимо заняться дѣятельнѣе присканіемъ настоящихъ мѣръ. На займы иностранныя врядъ ли можно много считать, по недостатку вездѣ денегъ, даже въ самой Англіи. На благоусмотрѣніе ваше предлагаю не полезно ли будетъ при сокращеніяхъ обратиться также и на слѣдующіе предметы:

- 1) на остановленіе пенсіоновъ свыше 300 рублей,
 - 2) на остановленіе жалованья чиновникамъ, по выборамъ служащимъ.
 - 3) на остановленіе двойныхъ окладовъ у тѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, которые съ разныхъ мѣстъ оное получаютъ,
 - 4) на остановленіе столовыхъ денегъ, кромѣ въ арміи находящихся.
- Все сіе составитъ довольно значущія суммы. Можно представить на разсужденіе въ Совѣтъ сіи предметы.

Бѣльковщина. 4-го іюля 1812 г.

Вчерашняго числа было удачное дѣло между авангардомъ корпуса гр. Витгенштейна подъ командой ген.-маіора Кульнева и французскимъ кавалерійскимъ корпусомъ. Благодаря Бога, оной былъ разбитъ, генераль Сенъ-Женіеръ взятъ въ полонъ съ многими офицерами и болѣе 200 рядовыхъ. Непріятель нашъ не атакуетъ съ переди, а старается обойти съ фланговъ; сперва устремился на нашъ правой флангъ и хотѣлъ завладѣть штурмомъ Дюнабургскимъ мостовымъ укрѣпленіемъ, но онъ былъ отъ онаго отбитъ, и до сихъ поръ сіе ему не удалось. Потомъ началъ стремиться на нашъ лѣвой флангъ къ Диснѣ. Чтобы не быть обойдену, потому что Двина имѣетъ въ сіе время года много бродовъ, мы сдѣлали движеніе въ лѣво къ Диснѣ и Полоцку. До сихъ поръ благодаря Всевышняго всѣ наши арміи въ совершенной цѣлости, но тѣмъ мудренѣе и деликатнѣе становятся всѣ наши шаги. Одно фальшивое движеніе можетъ испор-

тить все дѣло, противу непріятеля, силами насъ превосходнѣе, можно сказать смѣло на всѣхъ пунктахъ. Противу нашей 1-й арміи, составленной изъ 12-ти дивизій, у него ихъ 16 или 17, кромѣ трехъ направленныхъ въ Курляндію и на Ригу. Противу Багратіона, имѣющаго 6-ть дивизій, у непріятеля ихъ 11-ть. Противу Тормасова одного силы довольно равны. Рѣшиться на генеральное сраженіе столько же щекотливо, какъ и отъ онаго отказаться, въ томъ и другомъ случаѣ можно легко открыть дорогу на Петербургъ, но потерявъ сраженіе трудно будетъ исправиться для продолженіи кампаніи. На негосіаціи же намъ и надѣяться нельзя, потому что Наполеонъ ищетъ нашей гибели и ожидать добраго отъ него есть пустая мечта. Единственно продолженіемъ войны можно уповать, съ помощію Божіею, перебороть его. Всѣ сіи обстоятельства заставляютъ помыслить заблаговременно о предметѣ разговора нашего незадолго передъ моимъ отъѣздомъ, то-есть о возможности непріятеля пробраться до Петербурга. Я бы желалъ, чтобы ваше сіятельство внимательно подумали о семъ предметѣ и по крайней мѣрѣ, чтобы уже рѣшено было по здоровомъ размысленіи все то, что надобно будетъ увезти изъ Петербурга и о способахъ сего увоза. Въ торопяхъ сіе будетъ сдѣлано, съ замѣшательствомъ и не основательно. При семъ прилагаю реестръ того, что мнѣ на первой случай на память пришло. За симъ ваше сіятельство, бывъ на мѣстѣ, болѣе имѣете способвъ сообразить сей важный предметъ, нежели я. Само собою разумѣется, что вы будете исправно извѣщены о всемъ происходящемъ здѣсь, и я уповаю на Всевышняго, что онъ отвратитъ отъ насъ сіи послѣдствія. Въ прочемъ если бы они должны случиться, то отъ произшествія здѣсь могущаго быть, до прибытія непріятеля въ Петербургъ, дней двадцать необходимо пройдетъ. Но я считаю необходимымъ заранѣе все примыслить и приготовить, дабы не въ торопяхъ все дѣлалось. Я твердо считаю на привязанность вашего сіятельства ко мнѣ и къ отечеству, и что въ семъ важномъ случаѣ вы мнѣ докажете оную вашимъ дѣятельнымъ содѣйствіемъ.

Пребываю навсегда вамъ искренно доброжелательнымъ Александръ.

Нужно вывезти изъ Петербурга:

Совѣтъ. Сенатъ. Синодъ. Департаменты Министерскіе. Банки. Монетный дворъ. Кадетскіе корпуса. Заведенія, подъ непосредственнымъ начальствомъ Императр. Маріи Феодоровны состоящія.— Арсеналь. Архивы. Колегіи Иностранныхъ дѣлъ. Кабинетской. Изъ прочихъ всѣ важнѣйшія бумаги. Изъ придворнаго вѣдомства: серебро и золото въ посудахъ. Лучшія картины Эрмитажа, также и камни рѣзные, хранящіеся также въ вѣденіи придворномъ одежды прежнихъ

государей. Сестрорецкой заводъ съ мастеровыми и тѣми машинами, которыя можно будетъ забрать.

По достовернымъ извѣстіямъ Наполеонъ въ предположеніи вступить въ Петербургъ намѣревается увезти изъ онаго статую Петра Великаго, подобно какъ онъ сіе учинилъ уже изъ Венеціи, вывозомъ извѣстныхъ четырехъ коней бронзовыхъ съ плаца Св. Марка, и изъ Берлина триумфальной бронзовой колесницы съ конями съ воротъ, называемыхъ Браденбургскими, то обѣ статуи Петра I-го большую, и ту, которая передъ Михайловскимъ замкомъ, снять и увезти на судахъ, какъ драгоцѣнности, съ которыми не хотимъ разставаться.

Восковое изображеніе Имп. Петра I-го, въ Академіи наукъ хранящееся, и всѣ вещи къ оному принадлежащія. Изъ Монплезира также всѣ вещи сему великому Государю принадлежащія. — Я бы думалъ также разобрать бережно домъ его, возлѣ крѣпости состоящій, и равномерно на галіотѣ увезти — всѣ трофеи, хранящіеся въ крѣпости, въ Исаіевской церкви, въ арсеналѣ, въ Петергофской слободской церкви. Богатства Александровской лавры. Если можно то и моши. — Направленія всему сему другаго дать нельзя какъ Казань, куды и Императорская фамилія можетъ отправиться въ нужномъ случаѣ черезъ Ярославль.

Везти можно всѣ сіи предметы водою по Маріинскому каналу и частію что можно сухимъ путемъ, на наряженныхъ подвозахъ. — Кромѣ тѣхъ судовъ, которыя можно будетъ найти нарядомъ, взять можно отъ маркиза Траверсе тѣ 60 судовъ плоскодонныхъ, которыя были построены олонекимъ губернаторомъ. — Статую Суворова съ Царыцынскаго дуга. Лучшія мраморныя статуи изъ Таврическаго дворца.

III.

Князь Яшвилъ.

Всеподданнѣйшій рапортъ князя м. и. голен.-кутузова.

Отъ 26-го сентября 1812 г., гл. кв. деревня Латышевка.

Генер.-маіоръ князь Яшвилъ, жительствующій въ Калужской губерніи, не мало способствовалъ къ заведенію порядка въ разсужденіи ополченія той губерніи совѣтами и помощію г.-л. Шепелеву. Я не вѣдая никакъ, что онъ находится подъ присмотромъ правительства, не только употребилъ его, но и поручилъ ему нынѣ отрядъ большею частію изъ ополченія калужскаго состоящій 4-хъ тысячной, которому приказалъ идти къ Рославлю, выбить оттуда непріятеля и закрывая

Брянскъ дѣйствовать по его комуникаціи; сдѣлавъ уже все сіе, получилъ отъ калужскаго губернатора донесеніе, что онъ (Яшвилъ) находится подъ надзоромъ; но давъ уже ему столь важное направленіе, не останавливаю его впредь до воли В. И. В.; по моему же разумѣнію сей чело-вѣкъ по данной ему комисіи можетъ быть очень полезенъ. Жена его съ 5-ю дѣтьми можетъ быть между тѣмъ подъ присмотромъ.

Рескриптъ Императора Александра Павловича князю Кутузову ¹⁾.

Отъ 3-го октября 1812 г.

Князь Михайло Ларіоновичъ! Съ крайнимъ удивленіемъ увидѣлъ я изъ одного изъ рапортовъ вашихъ, что вы употребили на службу находящагося въ ссылкѣ извѣстнаго Яшвиля, не взирая даже на донесеніе, которымъ губернаторъ извѣстилъ васъ, что онъ подъ при-смотромъ. Вы сами себѣ приписали право, которое я одинъ имѣю; что поставляя вамъ на замѣчаніе, предписываю немедленно послать Яшвиля смѣнить и отправить его въ Симбирскъ подъ строгой надзоръ къ губернатору. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

Александръ.

Всеподданнѣйшій рапортъ князя Кутузова.

Отъ 31-го октября 1812 г., гл. кв. с. Лобново.

В. И. В.—ву имѣю счастье донести, что отставной генераль-маіоръ Яшвилъ въ деревню свою возвратился.

IV.

Два повелѣнія императора Александра I—графу Тормасову.

1817 и 1818 гг.

ГЕНЕР.-АДЪЮТ. КНЯЗЬ П. М. ВОЛКОНСКІЙ—ГРАФУ ТОРМАСОВУ
(Московскому воен. ген.-губернатору).

Курскъ 20-го сентября 1817 г.

До свѣдѣнія Е. И. В. дошло, что при назначеніи квартиръ для свиты Государя Императора въ Москвѣ, обыватели вытѣсняются изъ лучшихъ покоевъ своихъ домовъ, безъ всякаго къ хозяевамъ уваженія, каковыя мѣры подають подозрѣніе въ злоупотребленіи и корысти

¹⁾ Посылая собственноручно написанный черновой отпускъ этого рескрипта графу Аракчееву, на обложкѣ Императоромъ Александромъ I напи-сано карандашомъ: «Его величество».

того штабъ-офицера, коему поручено отводить квартиры. Е. И. В. приказавъ мнѣ о томъ увѣдомить в. с., весьма соболѣзнуеть, что высочайшее присутствіе въ Москвѣ, долженствующее произвести радость, наноситъ жителямъ лишь скорби.

ГЕНЕР.-АДЪЮТ. КНЯЗЬ П. М. ВОЛКОНСКІЙ—ГРАФУ ТОРМАСОВУ.

С.-Петербургъ, 11-го іюля 1818 г. № 21.

Дошло до свѣдѣнія Государя Императора, что 17-го числа прошедшаго іюня вечеромъ во время прогулки въ Москвѣ по Тверскому бульвару графини Марьи Александровны Дмитріевой-Мамоновой, дворовой человѣкъ г. Казначеева, Тимофей Кириловъ подошедъ къ шедшему за нею крѣпостному человѣку, произносилъ насчетъ помѣщиковъ и самой графини въ слухъ довольно неприличныя и даже бранныя слова, проповѣдая ему о вольности и независимости крѣпостныхъ людей отъ помѣщиковъ, и за то наказанъ келейно розгами, почему Е. И. В. высочайше повелѣтъ соизволить: сообщить в. с., что онаго Кирилова за столь буйственный и дерзновенный поступокъ слѣдовало наказать наистрожайшимъ образомъ и публично.

Исполняя симъ высочайшую волю, честь имѣю быть и проч. князь Петръ Волконскій.

V.

Толки и настроеніе умовъ въ Россіи по донесеніямъ высшей полиціи въ С.-Петербургѣ съ августа 1818 по 1-е мая 1819 г.

Общее обозрѣніе духа народнаго по всему государству являетъ видъ спокойный, утѣшительный: частныя злоупотребленія, мѣстные нѣкоторые порывы неповиновенія крестьянъ, происходившіе болѣе отъ заблужденій, отъ недоразумѣній и часто ложныхъ или произвольныхъ примѣненій законовъ, показывались въ иныхъ губерніяхъ, но прекращались съ успѣхомъ и не разстраивали ни мало общаго порядка. О всѣхъ таковыхъ случаяхъ доведено до свѣдѣнія высшаго правительства опредѣленною на то дорогою.

Остается только представить здѣсь въ краткихъ чертахъ примѣчательнѣйшія наблюденія высшей полиціи относительно общихъ мнѣній и слуховъ.

О путешествіи Ихъ И—хъ Величествъ. Нельзя умолчать, что публика съ нѣкоторымъ прискорбіемъ взирала на единовременный отъѣздъ Ихъ И—хъ В—въ, ибо наслажденіе Августѣйшаго здѣсь присутствія, по возвращеніи изъ Москвы, было весьма кратковременно.

Странномысли, кои встрѣчаются во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, распространяли разные слухи на счетъ сего путешествія; но благоговѣйное участіе всѣхъ вѣроподданныхъ и общія молитвы сопровождали постоянно Ихъ Величества. Всѣ публичныя извѣстія о семъ путешествіи принимались съ жадностію.

Объ Ахенскомъ конгрессѣ и о такъ называемомъ заговорѣ противъ Государя Императора ¹⁾. Послѣ всеподданнѣйшаго донесенія Его Велич—у, касательно различныхъ толковъ и сужденій, произведенныхъ извѣстіемъ о помянутомъ якобы заговорѣ, остается только присовокупить, что сіе впечатлѣніе исчезало вмѣстѣ съ вѣроятностію, по мѣрѣ иностранныхъ увѣдомленій. Есть однакоже особы, кои непремѣнно хотятъ видѣть въ семъ прозшествіи великую тайну, и кои подозрѣваютъ Австрійское министерство въ нѣкоторомъ нѣжномъ пристрастіи къ Наполеону.

Окончательныя положенія конгресса многимъ казались неудовлетворительными, не соотвѣтствующими ожиданіямъ. Политическіе пустословы, привыкшіе къ оборотамъ необычайнымъ, жаждущіе событій разительныхъ, не могутъ понять мысли о постоянномъ мирѣ, а потому сомнѣвались, чтобы деклараціи министровъ пяти державъ могли предоградить отъ новыхъ потрясеній.

О перемѣнахъ во внутреннемъ управленіи. Въ теченіи сентября мѣсяца, болѣе всего занимались въ разныхъ обществахъ предсказаніями и догадками касательно предполагаемыхъ будто бы перемѣнъ. Увѣряли, что Е. В—ство, при отбытіи своемъ, оставилъ въ рукахъ графа Аракчеева нѣкоторое число указовъ, кои вскорѣ должны были быть обнародованы. Говорили о преобразованіи сената, объ учрежденіи областныхъ начальниковъ, о распространеніи круга дѣйствій Собственной Его Величества канцеляріи, о введеніи вообще большаго единства въ управленіи. Но слухи сіи не были постоянны; общее вниманіе обращалось на возвращеніе Ихъ Велич—въ. По прибытіи Госуд. Императора, всѣ сіи догадки воскресли и усиливались нарочито до новаго года. Назначеніе областей и генералъ-губернаторовъ считали несомнѣннымъ. Препдрѣкали съ увѣренностію: уничтоженіе министерства полиціи, коего большая часть переходила въ завѣдываніе Собственной Е. В. Канцеляріи, а другія сливались съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго про-

¹⁾ Относительно этого неудавшагося заговора необходимо припомнить, что злоумышленники задумали захватить Императора Александра I на пути во Францію, чтобы заставить его подписать декларацію объ освобожденіи Наполеона и о возведеніи на французскій престолъ его сына, подъ опекою Маріи-Луизы.

свѣщенія;—ограниченіе дѣйствія комитета министровъ; учрежденіе особаго верховнаго совѣта, изъ трехъ или четырехъ лицъ токмо состоящаго; назначеніе новыхъ статсъ-секретарей по отдѣленіямъ Собственной Е. В. канцеляріи, на каковыя вакансіи каждый имѣлъ своего рекрута; раздѣленіе сената на двѣ части: на правительствующую и на судную. Всѣ сіи мечты, кои большая часть публики, въ особенности должностные, считали истинами непреложными, мало по малу исчезали и оставили одни лишь призраки за собою.

Объ уничтоженіи рабства и о вольности крестьянъ. О семъ предметѣ много толковали и толкуютъ. До отъѣзда еще Ихъ Велич—въ говорили, что освобожденіе крестьянъ объявлено будетъ въ исходѣ августа мѣсяца, и что Ихъ Велич—ва для того только отъѣзжаютъ, чтобы не находиться здѣсь при обнародованіи сей важной новости. Кажется, что помѣщики внутреннихъ губерній нѣсколько были встревожены сими слухами, ибо въ письмахъ выражали свое опасеніе. Страхъ сей миновалъ и начали взирать на сію мѣру, какъ на отложенную до неизвѣстнаго времени. Хотя иные полагаютъ, что не все еще созрѣло къ исполненію, но однакоже вообще увѣрены, что она рано или поздно будетъ исполнена. Если средній классъ вообще благословляетъ Государя, не останавливающагося въ благихъ своихъ намѣреніяхъ ни силою предразсужденій, ни застарѣлыми преимуществами, не соглашающимися съ образованностію вѣка, то не всѣ прочіе классы одинаковаго съ онымъ мнѣнія.

Освобожденіе крестьянъ въ Остзейскихъ губерніяхъ мало дѣлаетъ впечатлѣнія въ русской публикѣ; не многіе постигаютъ положеніе того края, а еще менѣе умѣютъ судить о семъ предметѣ. Чиновники Лифляндской коммисіи, здѣсь существовавшей, теряющіе пенсію ими получаемую, изъявляютъ нѣкоторое сомнѣніе и заблуждаются въ ложныхъ самопроизвольныхъ заключеніяхъ.

Приготовленія, чинимыя по сему предмету въ Динабургскомъ уѣздѣ, болѣе произвели толковъ, особливо между помѣщиками Вѣлорусскихъ губерній.

О рекрутскомъ наборѣ и слухахъ о войнѣ. Не взирая на причины, изложенныя въ самомъ указѣ, публика принимала новый рекрутскій наборъ за знакъ войны, и сіе самое было поводомъ къ нѣкоторымъ частнымъ неудовольствіямъ. Догадки, подтверждаемыя распоряженіями касательно заготовленій провіанта, артиллерійскихъ лошадей, движеній самыхъ войскъ къ Молдавіи, обращались то противу Турціи, то противу Австріи.

Клубные населенцы вымышляли множество вздорныхъ на сей предметъ слуховъ, но благоразумная часть публики ихъ отвергала.

Одни молодые офицеры желали исполненія симъ предрѣченіямъ, дабы имѣть случай удовлетворить свое славолюбіе.

Нынѣ сіи слухи совершенно умолкли; напротивъ говорятъ, что будто бы Его Величество изволилъ отозваться, что «войны не бывать дѣтъ чрезъ десять и болѣе».

О военныхъ поселеніяхъ. Многіе въ публикѣ находятъ въ семъ учрежденіи: пользу общую и выгоду для хлѣбопашцевъ, улучшение духа въ войскѣ, сбереженіе выгодъ казенныхъ и частныхъ, распространеніе, наконецъ, промышленности и образованности; но между тѣмъ другіе съ симъ мнѣніемъ не соглашаются и почитаютъ сіе учрежденіе опаснымъ въ послѣдствіяхъ.

Что касается лично до графа Аракчеева, то число непріятелей и завистниковъ его не уменьшилось; но здоровая часть публики отдаетъ справедливость его заслугамъ, твердости и безпредѣльной преданности Государю Императору.

О графѣ Кочубей. Графъ Кочубей ¹⁾ въ особенности обращалъ на себя вниманіе публики. Его опредѣляли то къ одному, то къ другому мѣсту. Съ начала говорили, что министерства внутреннихъ дѣлъ и полиціи соединяются подъ его управленіемъ; потомъ вѣрили ему особыя Высочайшія порученія; а наконецъ жаловали даже въ государственные канцлеры.

Есть-ли многіе считаютъ графа Кочубея отличнѣйшимъ изъ государственныхъ мужей и способнѣйшимъ къ исправленію значительнѣйшихъ обязанностей правительства; то другіе однако же открываютъ въ немъ слабости уважительныя, какъ то: непостоянство въ правилахъ, страсть къ новостямъ, непрерывную переменчивость въ системахъ. «Нѣтъ великой націи, коея кафтана онъ бы не носилъ, исключая русскаго», отзывался о немъ весьма знатный государственный человѣкъ.

О Санктпетербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. Никто, конечно, не занималъ столько публику, какъ графъ Милорадовичъ. Бывъ столько же извѣстенъ со стороны прямодушія и искренности, сколько со стороны хвастовства и расточительности, опредѣленіе его къ настоящему мѣсту служило поводомъ ко многоразличнымъ разговорамъ. Не сомнѣваясь ни мало въ его ревности и любви къ справедливости, опасались однако же его опрометчивости. Публикѣ казалось часто, что графъ ронялъ свое достоинство, зани-

¹⁾ Графъ Викторъ Павловичъ, впослѣдствіи князь, племянникъ и воспитанникъ князя Безбородки. 4-го ноября 1819 г., ему было вторично ввѣрено министерство внутреннихъ дѣлъ, послѣ того какъ онъ пробылъ 12 л. въ немплости. Ред.

маясь самъ собою болѣе, нежели своимъ званіемъ. Но мало по малу тяжелая скучность канцелярскаго производства охлаждала пылкость военнаго жара. Желательно только, чтобы люди, коихъ совѣтамъ онъ покоряется, были люди благонамѣренные.

О чиновникахъ, при немъ (Милорадовичѣ) служащихъ, и о дѣйствіяхъ его канцеляріи. Общее мнѣніе благопріятствовало сначала, какъ правителю его канцеляріи Геттуну, такъ и подковнику Глинкѣ (Федору Николаевичу). Но противное совершенно вниманіе обращали на себя: Фуксъ, Фогель, Наумовъ, Крыжевъ и прочіе подобнаго покроя люди, кои явно и скрытно употребляются.

Секретная полиція столицы большею частію поручена была Фогелю, которому даже подчинены Лоль-Лакси и который разстроилъ до основанія сіе учрежденіе. Извѣстность Фогеля, его развратность, превращаютъ сію полицію въ коварное ябедничество, въ притязательное отягощеніе публики, особенно иностранцевъ, и наносятъ вредъ полицейскимъ распоряженіямъ всего правительства, кои, при настоящемъ времени лишь облагорожденіемъ своимъ могутъ приносить существенную пользу. Подобнаго же рода полиція помрачаетъ славу начальствующаго, — тѣмъ болѣе, ежели презрительныя ея орудія ограждаются личною его защитою.

Впослѣдствіи времени публика начала роптать на дѣйствія Геттуна и всей канцеляріи. Военный генералъ-губернаторъ, до коего сіи слухи доходили, производилъ нѣкоторыя по сему предмету изслѣдованія: способы убѣдиться въ основательности или несправедливости ихъ находятся въ его рукахъ.

О министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Различныя его распоряженія не заслуживали общаго одобренія ¹⁾. Строгость, оказанная въ дѣлѣ графини Разумовской, служила поводомъ ко многимъ крикамъ; между тѣмъ, какъ снисхожденіе къ приверженцамъ различныхъ сектъ и къ особамъ, прилѣпляющимся къ католицизму, сильно было осуждаемо православными.

Миссіонеры, отправленные въ польскія губерніи для превращенія евреевъ, мало успѣвають; а между тѣмъ сами евреи сильно ропчутъ на самоправно наложенную на народъ ихъ подать съ смертельныхъ рубяхъ, вымышленную собранными въ Вильнѣ депутатами ихъ.

Укорененіе и вліяніе библейскаго общества, распространяющаго благотворительные плоды свои, служа утѣшеніемъ свѣтской публикѣ, порождаетъ сомнѣнія въ умахъ духовенства.

¹⁾ Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Правила, приемлемыя въ руководство народного просвѣщенія, по сужденіямъ занимающихся науками и словестностію, кажутся преступающими свои предѣлы. Благословляя отеческія попеченія Его Величества о благѣ подданныхъ, предписывающія научать священнымъ словамъ евангелія во всей непорочности, основывая каждое познаніе на истинахъ религіи,—публикѣ кажется, что министерство народного просвѣщенія не постигаетъ сего благаго намѣренія, распространяя оное въ строгомъ смыслѣ христіанства на науки отвлеченныя, кои очищая понятія и обогащая умъ, не имѣютъ вліянія на вѣру. Такимъ образомъ предназначается образъ ученія, противный образованности вѣка.

О министрѣ финансовъ. Мнѣніе общее единогласно противъ министра финансовъ ¹⁾. Ропотъ на произвольныя во многихъ случаяхъ дѣйствія его весьма распространился. Говорятъ, что законъ имѣетъ только наблюдается въ пользу казны, а толкуется всегда въ ущербъ частнаго человѣка.

Злоупотребленіе по таможеннымъ переносится теперь также на часть винной продажи. Открывается и устроивается новое поприще ликимству и новый классъ чиновниковъ посвящается развращенію. Вотъ сужденіе довольно общее на счетъ сей операціи, коей мало предпрѣкаютъ успѣху.

О министрѣ внутреннихъ дѣлъ. Сколь часто, во время наблюденія запретительной системы министръ внутреннихъ дѣлъ занимать публику своею фабрикоманіею, столь рѣдко нынѣ разсуждаютъ о его подвигахъ ²⁾. Докторъ Сальватори, пухъ тибетскихъ козь, фабрика кашемировъ—вотъ единственные предметы, о коихъ говорили въ нѣкоторыхъ обществахъ.

О министрѣ юстиціи. Съ начала вступленія его, много было пустаго шуму; кричали, превозносили, осуждали, но мало по малу умолкали ³⁾. Нѣсколько уже разъ его смѣняли и замѣняли то братомъ его; то дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ланскимъ.

Усиленіе штатовъ въ сенатѣ напомнило публикѣ министра юстиціи и обратило на него одобрительное вниманіе.

О статскомъ совѣтникѣ Стурдзѣ. Лишь только публичные

¹⁾ Графъ Гурьевъ. Назначеніе его послѣдовало въ 1810 г. и управленіе продолжалось до 1823 г.

²⁾ Осипъ Петровичъ Козадавлевъ. Управлялъ министерствомъ съ 1810 года до кончины своей въ 1819 г.

³⁾ Кн. Дм. Ив. Лобановъ-Ростовскій. Онъ смѣненъ въ 1816 г. Тропинскаго. Ред.

листки начали упоминать о сочиненіи его на счетъ положенія Германіи, какъ каждый любопытствовалъ оное прочесть. Сужденія нашей публики не благопріятствовали автору. Всѣ вообще, даже самые противники свободолюбивыхъ понятій, находили въ семъ сочиненіи сборъ тучныхъ рѣчей; картину весьма одностороннюю; однѣ тѣни безъ свѣта. Если умы безпристрастные и благоразсудительные находили уважительнымъ самый предметъ сего сочиненія, то не могли однако же не убѣдиться, что сущность онаго не была постигнута авторомъ, писавшимъ о вещи, которую совершенно не понималъ. Далѣе казалось несоотвѣтственнымъ цѣли, дѣйствовать орудіями злоязычія противу заведеній, вѣками установленныхъ.

Неблаговидный образъ поведенія Стурдзы, при личномъ вызовѣ іенскихъ студентовъ, казался всѣмъ толико позорнымъ, что обратило на него общее презрѣніе и даже ненависть, порожденную тѣмъ, что священнѣйшее и любезнѣйшее имя Государа Императора было имъ замѣшено.

О смерти Коцебу. При полученіи здѣсь сего извѣстія, всѣ умы наполнились справедливымъ ожесточеніемъ какъ противу убійцы, такъ и противу того духа буевѣрія, который овладѣлъ нѣкоторою частію германскаго юношества, подстрекаемаго, кажется, въ сей запальчивости весьма малымъ числомъ извѣстныхъ бумагомарателей и профессоровъ. Сіи гнусные наставники, арлекинствами средняго вѣка и тевтоническимъ яacobинизмомъ, привлекаютъ развращенное воображеніе безузданностію вѣка зараженныхъ студентовъ, коихъ число послѣдними политическими событіями нарочито увеличилось, и превращаютъ ихъ въ Германскіе санкюлоты. А потому люди опытные, знающіе Германію, утверждаютъ, что болѣе должно обращать вниманія на таковыхъ учителей, нежели на самое юношество, которое всегда направлялось и направляться будетъ духомъ своихъ наставниковъ.

О назначеніи маркиза Паулуччи и тайнаго совѣтника Сперанскаго. Взоры были обращены на маркиза Паулуччи; ожидали, что съ распространеніемъ его власти воспослѣдуетъ также наименованіе прочихъ областныхъ начальниковъ.

Эстляндія ожидаетъ отъ его управленія много для себя выгодъ.

Назначеніе г. сов. Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ произвело общее удовольствіе, тѣмъ болѣе, что тотъ край утѣпалъ въ злоупотребленіяхъ, какъ увѣряютъ.

О сектѣ Татариновой въ Михайловскомъ дворцѣ. О сей сектѣ всеподданнѣйше донесено было Его Величеству, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1817 года, и чрезъ князя Голицына полученъ отвѣтъ съ изъясненіемъ Высочайшаго отзыва: «Оставить оную безъ вниманія,

какъ не заключающую въ себѣ важности». Между тѣмъ сіе скопище изувѣрія распространяется, и болѣе уже сорока человѣкъ считаетъ поклонниковъ. Дѣвица Пиперъ, живущая въ домѣ г-жи Загряжской, играетъ роль цѣи, а придворный музыкантъ Федоровъ и коллежскій ассесоръ Пилецкій проповѣдничаютъ въ смыслѣ сего мнимаго вдохновенія.

О масонствѣ. Обѣ директоріальныя ложи заключили между собою братскій конкордатъ, и тѣмъ прекратили всѣ существовавшіе дотолѣ споры. По донесеніямъ обоихъ великихъ мастеровъ, графовъ: Муссина-Пушкина и Вельгорскаго, тридцать двѣ ложи состоятъ нынѣ подъ ихъ управленіемъ, т. е. 24 подъ ложею Астреи, слѣдовательно 10 новыхъ по истеченіи года, и 8—подъ провинціальною ложею. Изъ сихъ 32-хъ ложъ, 14 открыты въ С.-Петербургѣ, Митавская и Симбирская закрыты по распоряженіямъ мѣстныхъ начальствъ; Томская и Каменецъ-Подольская въ началѣ дѣйствія; остальные же 14 производятъ работы внутри Имперіи. Сверхъ сего существуютъ еще двѣ ложи скрытныя, одна въ Москвѣ, подъ управленіемъ сенатора Кутузова, а другая въ Петербургѣ подъ вліяніемъ уѣхавшаго недавно дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабзина. Обѣ не находятся ни въ какихъ отношеніяхъ къ министерству полиціи, равно какъ и нѣсколько еще ложъ въ Литовскихъ губерніяхъ, кои состоятъ въ зависимости Варшавскаго востока. О подчиненіи сихъ литовскихъ ложъ здѣшнимъ директоріальнымъ ложамъ, чинились сими послѣдними разныя сношенія съ варшавскою великою ложею; но согласія на сіе не воспослѣдовало.

Масонство въ Россіи, не состоя подъ явнымъ вліяніемъ правительства, не можетъ имѣть выгоднаго въ публикѣ мнѣнія и всегда составляться будетъ изъ людей болѣею частію низшихъ классовъ.

Должно однако же признаться, что здѣшніе масоны, въ семъ ихъ качествѣ, не подавали ни малѣйшаго повода къ невыгоднымъ на свой счетъ замѣчаніямъ.

Частныя ихъ споры относились единственно до порочности общественныхъ учрежденій ихъ и не имѣли никакого вліянія на благоустройство и спокойствіе общія.

До сего времени, всѣ здѣшнія ложи болѣе могутъ быть уподобляемы клубамъ, нежели правственнымъ какимъ собраніямъ.

Онѣ всѣ слѣдуютъ разнымъ системамъ, а потому и не могутъ имѣть единства, что при настоящемъ отношеніи ихъ къ правительству, кажется положеніемъ приличнѣйшимъ.

Между тѣмъ въ послѣднее время происходили нѣкоторыя движенія, кои заслуживаютъ быть упомянуты. Графъ Мусинъ-Пушкинъ

нѣсколькими нотами домогался открытаго покровительства министерства полиціи и опредѣлительныхъ отвѣтовъ на существованіе или уничтоженіе общества. Министерство отвѣтствовало уклонительно и словесно. Сіе побудило графа Пушкина, направляемаго другими членами, обратиться къ князю Голицыну съ просьбою принять здѣшнее масонство въ свою зависимость. Записка, по сему предмету составленная, свидѣлствуетъ о лицемѣріи представителей и наполнена мистическими нелѣпостями, никогда въ обществѣ семъ не существовавшими, но заимствованными изъ поученій другихъ сектъ, во время іезуитскаго вліянія, изъ масонства порожденныхъ.

Не получая отвѣта отъ князя Голицына, графъ Пушкинъ и многіе другіе изъ уважительнѣйшихъ членовъ, намѣрены оставить общество.

Относительно масонства слѣдуетъ присовокупить слѣдующее. Великая ложа Астрей получила извѣстіе изъ Полтавы, гдѣ устроивалась новая ложа подъ управленіемъ правителя канцеляріи князя Репнина, надворнаго совѣтника Новикова, что сія ложа закрыта по повелѣнію высшаго правительства. Масоны увѣряютъ, что повелѣніе сіе сообщено малороссійскому военному губернатору княземъ Волконскимъ; а потому всѣ здѣшніе братія, принимая сіе изъясненіемъ Высочайшей воли, оставляютъ общество. Князь Лобановъ сдѣлалъ начало письменно, не утаивая причины, къ сему его побудившія. Графъ Пушкинъ завтрешній день слѣдуетъ его примѣру со многими другими. Лучшіе члены оставляютъ общество; останутся только, съ одной стороны, сволочь, которая превратитъ ложи въ сборища разврата, а съ другой стороны—закоренѣлые мечтатели, кои окружаютъ себя мнимой таинственностію и будутъ искать свѣта во тьмѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1818 года, помѣщена была въ періодическомъ изданіи, «Вѣстникъ Европы», статья подъ заглавіемъ: Наставленіе для руководства ученаго комитета, учрежденнаго при главномъ училищѣ правленія.

Сія статья служила поводомъ ко многоразличнымъ невыгоднымъ заключеніямъ и сатирическимъ примѣчаніямъ противу распоряженій министерства народнаго просвѣщенія.

Странное раздѣленіе и противородное сдѣленіе самихъ познаній между собою; несбыточное смѣшеніе умственнаго съ чувственнымъ, истины съ догадкою, неопредѣлительнаго съ опредѣлительнымъ; зыблимость системы и невозможность, наконецъ, исполненія. Въ семъ заключались главныя укоризны.

Приведемъ два токмо примѣра, кои между тысячами другими подавали пищу злослычію:

«Ученый комитетъ долженъ допускать въ преподаваніи законо-

дательства тѣ токмо книги, отъ вѣры, кои не противорѣчаютъ практическому христіанству». Законъ судить дѣло, а не совѣсть, осуждаетъ наравнѣ идолопоклонника и христіанина. Законы существовали до введенія христіанства и большая часть древнихъ тѣхъ законовъ и нынѣ въ общемъ уваженіи и употребленіи.

«Ученый комитетъ, разсматривая употребительныя книги по части естественной исторіи, отстраняетъ отъ системы преподаванія всѣ суетныя догадки о происхожденіи и превращеніяхъ шара земнаго».

Всѣ умствованія челоѣческія вообще ни что иное какъ догадки. Неужели для того сжечь творенія Бюффона, Невтона и пр.? Неужели уничтожить глобусы и не смѣть болѣе полагать, что земля вращается кругъ солнца, потому, что сіе противно нѣкоторымъ мѣстамъ библіи?

VI.

Полицейская идилія 1820 года.

ГЕН-МАЮРЪ ШУЛЬГИНЪ — ЦЕСАРЕВИЧУ КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ.

Москва, 9-го февраля 1820 г.

В. И. Высочество! Священною обязанностію поставляю В. И. В. донести, что сырная недѣля при благопріятствовавшей погодѣ для увеселенія публики здѣшней кончилась благополучно, кромѣ одного случившагося 7-го числа сего февраля произшествія, и именно: ѡхавшими отъ Москворецкаго мосту къ лобному мѣсту лошадьми, запряженными въ каретѣ тит. сов. Кобылинскаго, сшибло съ ногъ и зашибло шедшую чрезъ улицу противъ церкви Василя Блаженнаго духовной типографіи Тередорщика жену, имѣющую отъ роду 65 лѣтъ, которая хотя сначала отъ ушибу и находилась въ худомъ положеніи, но теперь при подаваемыхъ ей пособіяхъ надежда есть къ ея выздоровленію. Впрочемъ относительно города непріятныхъ послѣдствій въ теченіи масляницы не было и все миновалось съ желаннымъ успѣхомъ.

Стеченіе веселящагося на гуляньѣ народа было необыкновенное, такъ что никто изъ здѣшнихъ старожиловъ того не запомнить. На устроенныхъ на Москвѣ рѣкѣ горахъ, у бѣгу и на набережной всѣ мѣста усыяны были во множествѣ разнаго сословія людьми и находилось безчисленное число экипажей, изъ коихъ внизу на Москвѣ рѣкѣ происходила одна только санная прогулка, а вверху по набережной проѣзжали въ четыре ряда кареты, начиная отъ каменнаго мосту до самаго Яузскаго, отъ Москворѣцкаго же мосту на красную площадь въ охотный рядъ и потомъ продолжали ѣзду обратно на набережную.

Въ продолженіи масленицы я по долгу званія моего находился

самъ лично, и съ моей стороны употреблены были всѣ средства и надлежащія мѣры къ соблюденію по всѣмъ частямъ должнаго порядка и устройства. Какія же въ теченіи сырной недѣли случились обыкновенныя происшествія и представлены были на здѣшнемъ императорскомъ театрѣ піесы, я имѣю счастье поднести у сего на благоусмотрѣніе В. И. Высочества вѣдомость.

В. И. Высочества вѣрноподанный Александръ Шулгинъ.

Вѣдомость о происшествіяхъ въ Москвѣ.

2-го февраля 1820 г.

По мясницкой части. На домѣ надворнаго совѣтника Чиркова отъ ветхости стропиль обвалилась желѣзная крышка на 8 сажень.

Публичныя собранія:

Въ англійскомъ клубѣ было 120	} персонъ.
Въ маскарадѣ 136	

Въ театрѣ даны спектакли: въ дневномъ: Фараонова дочь, комедія въ одномъ дѣйствіи, за оною: Венгерская хижина, или знаменитые изгнанники, героико-комическій балетъ въ 4 дѣйствіяхъ, зрителей было 769 персонъ; въ вечернемъ: Чудныя встрѣчи или суматоха въ маскарадѣ, оригинальная комедія въ 5 дѣйствіяхъ, зрителей было 977 персонъ.

3-го февраля.

По пречистинской. По полуночи въ 9 часу, жившій въ домѣ мѣщанина Лазарева Московской вѣчно цѣховой Федотъ Михайловъ 60 лѣтъ, одержимый нерѣдко падучею болѣзною, скоропостижно умеръ, какъ по осмотру частнаго штабъ лекаря оказалось, отъ апоплексическаго удара.

По Арбатской. По полудни въ 12 часу, пришедшій въ домъ г-жи Волынской къ нанимающему въ ономъ тит. сов. Дмитріеву для расчета съ нимъ, бывшій у него въ услуженіи г-жи Нарышкиной крестьянинъ Павелъ Петровъ 45 лѣтъ, скоропостижно умеръ.

Въ англійскомъ клубѣ было 130	} персонъ.
Въ благородномъ собраніи 952	

Въ театрѣ даны спектакли: въ дневномъ: Казакъ стихотворецъ, анекдотическая опера-водевиль въ 1 дѣйствіи, за оною: Гулянье 1 мая въ Сокольникахъ, разнo характерный дивертисманъ, зрителей было 348 персонъ; въ вечернемъ: Дмитрій Донской, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, за оною: дивертисманъ; зрителей было 753 персоны.....

Примѣчаніе. Въ такомъ родѣ и всѣ послѣдующія вѣдомости А. Шулгина.

Къ Запискамъ И. В. Селиванова.

ПОПРАВКА.

Въ помѣщенныхъ въ VIII-й книгѣ „Русской Старины“ изд. 1881 г. Запискахъ И. В. Селиванова, между прочимъ, приведены стихи изъ польской повстанской картинки: Умерщвление 60 безоружныхъ повстанцевъ на Литвѣ. Въ этихъ стихахъ вкрались двѣ описки или опечатки: въ 4 строкѣ вмѣсто „zdradzierski“ напечатано „zdradziecki“, а въ послѣдней строкѣ вышла непонятная фраза ...„przyjść waws swe łono, вызвавшая даже постановку вопросительнаго знака послѣ слова „swe“. Последнюю строку слѣдуетъ читать такъ:

„Piekło się wzdygnie przyjąć was w swe łono“.—

Я имѣлъ эту картинку въ своихъ рукахъ и, сколько помню, послѣдняя строка была помѣщена въ ней такъ, какъ приведено мною выше.

Митрофанъ Городецкій.

Къ Запискамъ И. П. Пожалоestina.

Въ VIII книгѣ „Русской Старины“ изд. 1881 г., томъ XXXII:

На страницѣ 570, въ началѣ разсказа, упущено мѣсто рожденія—село Еголдаево.

На стр. 573, строка вторая снизу, сказано: „Село Конзино“, слѣдуетъ село Кензино.

Стр. 591, строка сверху 12-я, сказано: „Село Салотчи“ слѣдуетъ—село Салотча.

Стр. 593, строка снизу 11-я, сказано: въ деревни „Буграй“ слѣдуетъ: въ селѣ Еголдаевѣ.

Въ сентябрьской книгѣ тома XXXII:

Напечатано:

Стр. 115 Зараевъ

„ 116 Ыздиль я по ревизіямъ

„ 117 потребовали Ефимова

„ 122 Иголдаевского общества

Въ октябрьской книгѣ, т. XXXII:

Стр. 359, строка 7-я сверху: „купающіеся финскіе войны“

Читай:

Зазаевъ

Началь я составлять 10-ю ревиз. сказку,

представляли Ефимова

Еголдаевского общества

„купающіеся римскіе войны“

И. П. Пожалоestina.

при всей звучности стиха, сбивают на водевильные куплеты; басни—просто плохи, а эпиграммы (въ особенности на Бугарина) доходят до прозаической и неприличной брани. Слѣдует замѣтить, что искренность и теплота чувствъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ выкупаютъ недостатки большинства изъ нихъ. Бросается въ глаза та особенность таланта покойнаго князя, что его стихотворенія старческихъ и предконныхъ лѣтъ несравненно лучше написанныхъ въ молодости и въ лѣтахъ зрѣлыхъ, а стихотворенія «предсмертныя» 1879 года (напечатанныя въ «Русскомъ Архивѣ») могутъ быть названы, по всей справедливости—лебедиными пѣснями; это чудный, свѣтлый закатъ послѣ дня перемѣжавшагося ненастья. Если стихотворенія покойнаго были подготовлены къ печати имъ самимъ—въ томъ была его воля; но если собраніе произведеній, вошедшее въ составъ III и IV томовъ, редактировано кѣмъ либо другимъ, то мы позволили-бы себѣ замѣтить нѣкоторыя излишества, совершенно безполезныя. Такъ напримѣръ, нѣкоторые басни и эпиграммы напечатаны дважды, подъ разными годами, невѣдомо зачѣмъ. Таковы, изъ басенъ, «Пастухъ и овца» Красицкаго (Томъ III стр. 265 и 404); басни «Оседъ и быкъ», «Гусь» и стихи «къ Овечкамъ» ничто иное какъ перифразы одной и той-же идеи (стр. 131, 146, 168, 171, 305 и 309). Эпиграмма: «къ портрету молчаливаго» напечатана два раза (1821 г. стр. 249 и 1823 г. стр. 302); «благословенный плодъ проклятаго терпѣнья» тоже (1821 г. стр. 217 и томъ IV—1830 г. стр. 72); тоже замѣтка: «быль древній храмъ» и т. д. Авторъ могъ варьировать одно и то же стихотвореніе разъ пять, шесть, но зачѣмъ же его столько-же разъ и перепечатывать? «Сравненіе Петербурга съ Москвою» (томъ III стр. 289) состоитъ изъ заглавія и замѣтки въ три строчки, что «это стихотвореніе въ бумагахъ князя не сохранилось». Зачѣмъ же тогда и упоминать о немъ? Стихотвореніе «Выдержка» (томъ III стр. 445—подъ 1827 г.), начинающееся словами: «Мой умъ—голода вартъ» было, какъ значится въ вы-

носкѣ, напечатано въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. стр. 122, а мы прибавимъ—что то же стихотвореніе напечатано въ изданіи «Репертуаръ и Пантеонъ» на 1843 годъ подъ именемъ «А. И. Писарева»—кому же оно принадлежитъ? Во всякомъ случаѣ любители отечественной словесности скажутъ сердечное спасибо за собраніе сочиненій кн. Вяземскаго въ превосходномъ и по цѣнѣ вполне доступномъ изданіи.

Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи. Русь до Татарскаго нашествія. Выпускъ первый. Составилъ Б. Елпатьевскій. Спб. 1881. III+106 въ 8 д. л. Цѣна 50 коп. сер.

Полезное пособіе учащимся, изложенное просто и занимательно. Сборникъ г. Елпатьевского будетъ состоять изъ четырехъ выпусковъ, по періодамъ отечественной исторіи. Матеріалами для составленія перваго выпуска автору служили труды нашихъ новѣйшихъ историковъ, а также, разумѣется, и письменные памятники до-татарской эпохи. Первый выпускъ состоитъ изъ 12 отдѣловъ, обозрѣвающихъ начало бытія древней Руси, постепенное развитіе гражданственности, письменности, религіи и культуры. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ указываетъ на источники по русской исторіи—отъ Нестора-лѣтописца до послѣдняго историческаго изданія. Отдавая должную справедливость ясности и смелости изложенія, мы находимъ только не совсѣмъ умѣстною цитату изъ Бориса Годунова (сцена Пимена и Лжедмитрія), изложенную въ формѣ прозаическаго діалога. Характеристика русскихъ лѣтописцевъ явствуетъ сама собою изъ ихъ произведеній. Книга г. Елпатьевского знакомитъ читателя съ жизнью и религіею славянъ-язычниковъ, съ начатками гражданственности, грамотности, народнымъ бытомъ и т. д. «Русская Правда» и «Слово о полку Игоревѣ» въ переводахъ на современный языкъ, поученія пастырей русской церкви—все это изложено вполне занимательно и толково. Желательно, чтобы книга эта поступила въ ученическія библіотеки.

Б. П.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостиного двора, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 46. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, статьи, обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.

Издатель-редакторъ М. И. Семеvскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двѣнадцатый.

ДЕКАБРЬ.

1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. О подписѣхъ на «Русскую Старину» 1882 г. (тринадцатый годъ изданія).	0	УШ. Императоры Александръ I, Николай I и Александръ II. Историческіе матеріалы, къ нимъ и ихъ эпохамъ относящіеся, 1822—1855 гг.	881
II. Пережитое и пережитое. Воспоминанія декабриста А. П. Бѣлаева. [Окончаніе]. Главы XXII—XXIII: ссылка и пребываніе на Кавказѣ, 1844—1845 гг.	679	IX. Замѣтки и очерки: 1. Посольство Порошина въ Берлинъ въ 1654 г. Сообщ. баронъ В. Кёне (910). 2. Горе и нужды Россіи въ началѣ царствованія Александра I. Письмо современника въ 1807 г. Сообщ. въ 1880 г. Ѳ. К. Опочининъ. (906). 3. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ декабрѣ 1825 г. (918). 4. Пзма-плѣ Срезневскій; письма его къ памянику (916). 5. Л. А. Сѣряковъ (920).	
III. Война Россіи съ Турціей въ 1828—1829 гг.: переписка императора Николая съ гр. Дибичемъ, 1829 г. июль	705	X. «Русская Старина» 1881 г. Обзоръ двѣнадцати книгъ	921
IV. Баронъ Федоръ Клементьевичъ Гейсмаръ. 1783—1848 гг. Биографическій очеркъ. Состав. баронъ В. Гейсмаръ	721	XI. Спикеръ лицъ, сообщившихъ статьи и матеріалы «Русской Старинѣ», 1870—1881 гг.	937
V. Записки Несчастнаго, содержащія путешествіе въ Сибирь по канату въ 1826—1827 гг.	763	XII. Статистическая вѣдомость подписчиковъ на «Русскую Старину» 1881 г.	943
VI. Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій, 1805—1866 гг. Очеркъ его ученой дѣятельности. Состав. свящ. Ѳ. Хоружинъ. [Окончаніе]	805	XIII. Библиографическій списокъ русско-историческихъ книгъ [на оберткѣ].	
VII. Между строками одного формулярнаго списка, 1823—1881 гг.	817		

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича, Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. Приложенія къ Запискамъ [стр. 597—636].—II. Указатель личныхъ именъ въ XXXII томѣ «Русской Старины» изд. 1881 г.—III. Портретъ Федора Клементьевича Гейсмара. Гравировалъ художникъ Н. Н. Матюшинъ, ученикъ Академика Ст. Якова. (Продолженіе Записокъ о духовенствѣ, соч. Дм. Пав. Ростиславскаго будетъ помѣщено въ «Русской Старинѣ» изд. 1882 г.).

Вышелъ въ свѣтъ альбомъ: «Русскіе дѣтели» въ гравюрахъ Академика СѢРЯКОВА.
Цѣна 3 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Марининскимъ мостами, № 90—1.

1881.

XII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го декабря 1881 г.

П. О. Бобровский. Развитие способов и средств для образования юристов военного и морского ведомств въ Россіи. Историческое изслѣдованіе. Періодъ преобразованій Петра Великаго. Спб. 1881 г. VII+166+XII, въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Состояніе военного права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ XVI, XVII и начало XVIII вѣка. Спб. 1881 г. IV+III+464 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 руб.

Въ первой книгѣ авторъ вкратцѣ излагаетъ постепенное развитіе Аудиторской школы со времени ея основанія въ 1711 году по наше время, т. е. до основанія въ 1878 году «Военно-юридической академіи». Затѣмъ г. Бобровскийъ приступаетъ къ подробному обозрѣнію періода преобразованій по военно-судной части въ царствованіе Петра Великаго. Прослѣдивъ ихъ шагъ за шагомъ, авторъ приходитъ къ тому выводу, что воинскій и морской уставы Преобразователя остаются лучшимъ памятникомъ неуспынной его заботливости по организаціи вооруженныхъ силъ. Петръ завіцѣпалъ своимъ преемникамъ благоустроенную армію въ 210 тысячъ человекъ и флотъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 787 разной величины меньшихъ судовъ. Лучшія силы государства были направлены для службы военной и не было ни одного военно-организаціоннаго вопроса, надъ которымъ не поработалъ бы самъ государь. Соразиравно усовершенствованіямъ военно-юридической части, гражданская администрація, не смотря на учрежденіе коллегій, во многихъ своихъ частяхъ еще сохраняла порядки—(или, правильнѣе, безпорядки) прежнихъ временъ. Сухопутная и морская коллегіи имѣли перевѣсъ надъ десятью остальными, такъ какъ власть управлявшихъ ими—генераль-фельдмаршала и генераль-адмирала опиралась на стройную, скованную военною дисциплиною іерархію должностныхъ чиновъ въ арміи и во флотѣ. Переходъ къ верховному совѣту, по кончинѣ Петра, былъ повидимому неизбеженъ. Но и верховный совѣтъ не могъ, согласно тѣмъ вѣщаніямъ духа времени, совершенствовать военно-юридическую часть, такъ какъ должности аудиторовъ и представителей военно-юридическаго института препоручались лицамъ, по своему образованію, стоявшимъ недо-

стижимо ниже требованій этихъ должностей. Такъ было до 2-го ноября 1862 г., когда послѣдовали коренныя преобразованія въ военномъ и морскомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ.

По специальности предмета, трудъ г. Бобровскаго конечно не принадлежитъ къ разряду общедоступныхъ историческихъ сочиненій, но, во всякомъ случаѣ, онъ—равно какъ и «Состояніе военного права» того же автора, принадлежитъ къ числу книгъ настольныхъ, для каждаго, основательно изучающаго военное правовѣдѣніе.

«Состояніе военного права» имѣетъ тѣсную связь съ предыдущею книгою, такъ какъ это второе изслѣдованіе г. Бобровскаго знакомитъ съ законоположеніями Западной Европы, изъ которыхъ Петръ Великій заимствовалъ основы для русскаго военного суда. Предпославъ своему изслѣдованію общій историческій обзоръ учрежденія и состоянія постоянныхъ войскъ въ Европѣ, авторъ разсматриваетъ военные суды и регламентаціи—Австріи, Швеціи, Франціи, Бранденбурго-Пруссіи, Даніи, Саксоніи и Голландіи. Приложенная къ изслѣдованію схематическая таблица знакомитъ съ главнѣйшими типами военного права въ Западной Европѣ.

Ю. Я. Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Изданіе второе. Спб. 1881. XVI+166+102 стр. въ 8 д. л. Цѣна 1 р. 50 коп.

Первое изданіе этой книги, вышедшей въ свѣтъ въ 1877 году, обратило на себя вполнѣ заслуженное вниманіе публики, какъ по прямому своему отношенію къ статистикѣ Россіи, такъ и по важности значенія матеріала для исторіи освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Матеріальное значеніе незабвеннаго государственнаго акта выражено на первыхъ же страницахъ труда г. Янсона весьма краснорѣчивыми цифрами: 52 милліона бывшихъ крѣпостныхъ и государственныхъ крестьянъ сдѣлались земледѣльцами-собственниками. Великій переворотъ, произведенный реформою 19-го февраля 1861 года по его отношенію къ землевладѣльцамъ 50 губерній, выражается слѣдующими данными процентнаго содержанія: До 1861 г. владѣнія казны: 64,6%, удѣльныя 3,3%, помѣщичьи: 30,6%, мелкихъ собственниковъ 1,7%. Послѣ освобожденія: вла-

О ПРИЕМѢ ПОДПИСКИ НА

“РУССКУЮ СТАРИНУ”⁶⁶

изд. 1882 г.

тринадцатый годъ изданія.

«РУССКАЯ СТАРИНА» въ 1882 г., тринадцатый годъ изданія, будетъ выходить, какъ въ первые двѣнадцать лѣтъ выходила, ежемѣсячно, каждое первое число. Годовое изданіе изъ двѣнадцати книгъ составитъ четыре тома, каждый не менѣе 42 листовъ убористой печати ¹⁾.

При книгахъ «Русской Старины» изданія 1882 года будутъ прилагаться **портреты** русскихъ достопамятныхъ дѣятелей.

Цѣна годовому изданію «Русской Старины» изд. 1882 г.:

Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургъ и въ Москвѣ и съ пересылкою въ прочіе города имперіи:

ДЕВЯТЬ РУБЛЕЙ.

Лица, проживающія за границей, приплачиваютъ къ девяти рублямъ за доставку два рубля.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ Мамонтова (Большая Садовая, рядомъ съ Публичной библіотекой, д. Вагнера, № 12); въ Москвѣ—въ магазинѣ Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова).

Гг. Иногородныхъ просятъ обращаться исключительно въ редакцію „Русской Старины“ въ С.-Петербургъ, Большая Подъячская, домъ № 7.

(См. на оборотѣ).

¹⁾ При началѣ изданія—съ 1 янв. 1870 г.—редакція обязывалась ежемѣсячными книгами „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ издавать въ объемѣ каждую не менѣе восьми печатныхъ листовъ; съ 1874-го года—не менѣе одиннадцати листовъ; а съ 1882 года каждая книга „Русской Старины“ будетъ обязательно заключать въ себѣ не менѣе четырнадцати печатныхъ листовъ.

II «Л. А. СЪРЯКОВЪ».

НАПЕЧАТАНЪ И РАЗСЫЛАЕТСЯ АЛЬБОМЪ

РУССКІЕ ДѢЯТЕЛИ

ВЪ ПОРТРЕТАХЪ

гравированныхъ академикомъ Л. А. СЪРЯКОВЫМЪ.

Это обширное собраніе портретовъ, гравированныхъ даровитѣйшимъ изъ отечественныхъ гравировъ, покойнымъ Л. А. Сѣряковымъ—для изданія „РУССКАЯ СТАРИНА“. Каждый портретъ сопровождается изложеніемъ біографическихъ и другихъ свѣдѣній о лицѣ, имъ изображаемомъ.

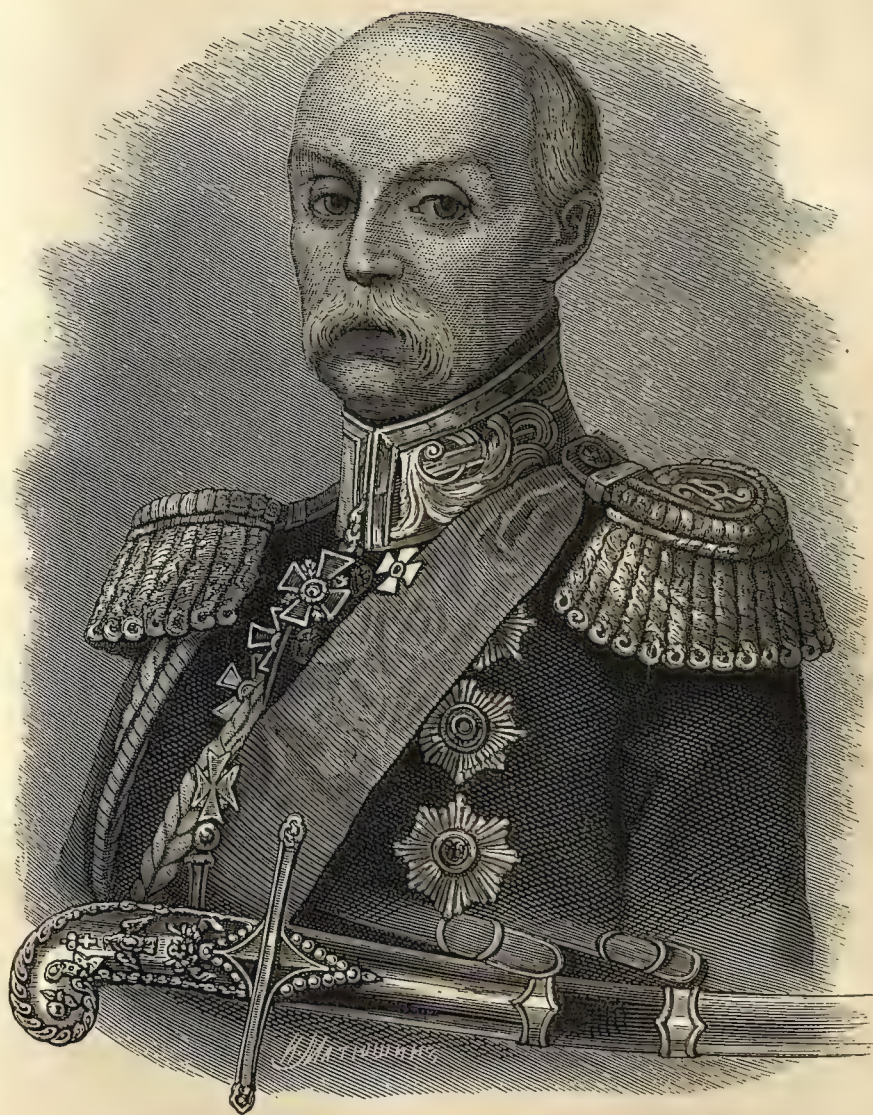
Тѣ изъ подписчиковъ „Русской Старины“, которые возобновили на этотъ журналъ, на 1882 годъ, подписку въ теченіи сентября, октября и ноября мѣсяцевъ 1881 года, получаютъ помянутый „Альбомъ гравюръ академика Сѣрякова“ за одинъ рубль.

Можно еще получить «Русскую Старину» изданіе 1881 года. Дѣнадцать книгъ, съ портретами: императора Александра II, императрицы Маріи Александровны, императора Павла Петровича, М. И. Голенищева-Кутузова (1775 г.), Хаджи-Мурата, барона Гейсмара, архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравера-академика Л. А. Сѣрякова, профессора Н. И. Пирогова, профессора Д. И. Ростиславова и историка-профессора С. М. Соловьева, цѣна **восемь** рублей съ пересылкою.

РУССКАЯ РОДОСЛОВНАЯ КНИГА

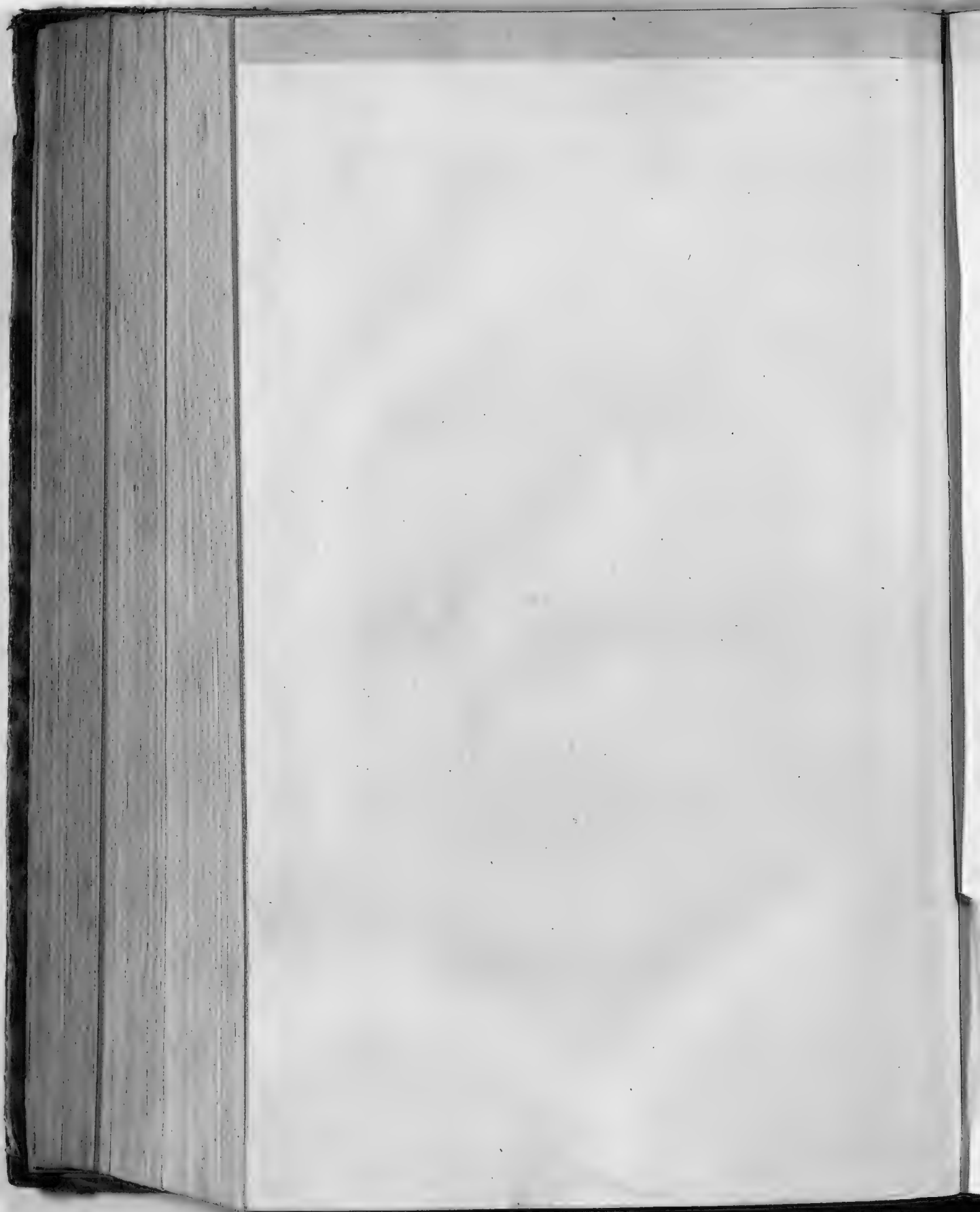
два тома, изд. ред. «Рус. Стар.».

Подписчики «Русской Старины», возобновившіе подписку на этотъ журналъ, могутъ получить «Русскую Родословную книгу»—два тома—вмѣсто пяти рублей за одинъ рубль.

БАРОНЪ ТЕОДОРЪ КЛЕМЕНТЬЕВИЧЪ ГЕЙСМАРЪ.

РОД. 1783 † 1848 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

(Окончаніе).

ГЛАВА XXII¹⁾.

Науръ.

Въ станицѣ Наурѣ мы проводили все время, свободное отъ экспедицій. Здѣсь же я захватилъ лихорадку, которая съ перемежками продолжалась цѣлый годъ. Науръ есть для насъ мѣсто самыхъ пріятныхъ воспоминаній. Тутъ мы сошлись съ нѣсколькими семействами, которыхъ доброта, радушіе и искренняя пріязнь къ намъ составляли нашу истинную отраду. Одно семейство, постоянно тутъ жившее, состояло изъ вдовы прежняго полковаго командира Настасьи Ивановны Найденовой съ дочерьми, изъ коихъ старшая была вдовой, а младшая замужемъ за маіоромъ или войсковымъ старшиной Алексѣемъ Петровичемъ Баскаковымъ. Елизавета Ивановна, жена его, была очень молодая, очень хорошенькая, умненькая и образованная дамочка; всегда веселая, милая она оживляла своимъ умомъ и пріятностью тѣсный кружокъ, у нихъ бывавшихъ, постоянныхъ жителей Наура. Не смотря на свой милый, веселый характеръ, она была страдальца по боевому положенію ея мужа, постоянно отправлявшагося въ экспедиціи съ казаками и часто весьма опасна. «Какая это жизнь, говорила она, когда любящая жена должна каждый день жи-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—661; (декабрь), стр. 823—850. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 487—518; (апрѣль), стр. 799—833; томъ XXXI (іюль), стр. 327—370; томъ XXXII (сентябрь), стр. 1—46; (октябрь), стр. 251—286.

„РУССКАЯ СТАРИНА“, томъ XXXII, 1881 г. ДЕКАБРЬ.

дать роковой вѣсти о мужѣ». Тогда еще не было свободного перехода изъ казачьяго сословія и потому никуда нельзя было перейти. Помню, какъ однажды во время горячаго дѣла подъ Вnezапной, куда подступилъ Шамиль и куда былъ собранъ налегкѣ отрядъ, гдѣ былъ Алексѣй Петровичъ, ея мужъ, мы пошли съ нею и другими знакомыми гулять и, вышедши за станицу, вдругъ увидѣли повозки съ ранеными, направляющимися въ госпиталь. Помню какъ она поблѣднѣла и зашаталась и тогда только успокоилась, когда мы спросивши раненыхъ, могли передать ей, что мужъ ея живъ, здоровъ и скоро возвратится; когда же не было опасности, она считала себя совершенно счастливой и предавалась всей веселости своего милаго характера.

Старшая сестра ея была уже пожилая дама, очень умная и пріятная, но при своей милой, оживленной сестрѣ, конечно, не выдавалась. Старушка мать ея, какъ всѣ старики и старушки, жила воспоминаніями о минувшемъ. Почти каждый вечеръ собиралось наше маленькое общество или у нихъ, или у Венеровскихъ, у Найденовыхъ часто бывалъ полковой командиръ этого полка, у котораго по временамъ жила графъ Штейнбокъ, товарищъ его по Оранскому гусарскому полку, также бывавшій у нихъ; Дм. Петр. Фредриксъ и другіе. Часто бывалъ разговоръ очень оживленный и интересный, но вотъ подсаживается ко мнѣ старушка-мать и не обращая вниманія на то, что въ разговорѣ участвовалъ и я, начинаетъ разсказъ объ Анапѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ былъ ея мужъ, о танцахъ и веселостяхъ того времени, о томъ, какъ блистала на балахъ ея Сашинька, тогда еще молодая дѣвушка, при чемъ она прибавляла: «она вѣдь тогда была очень хороша: бѣлая, полная, румяная и какъ она носилась въ вальсѣ, и какъ всѣ военные, тамъ стоявщіе, перебывали ее другъ у друга». Такимъ образомъ слухъ мой долженъ былъ двоиться: изъ вѣжливости слушаю ее, а въ разговорѣ участвовать отрывочными фразами.

Что за гостепріимная и милая была эта семья Найденовыхъ! Съ какимъ пріятнымъ чувствомъ бывало идешь къ нимъ, а вечеромъ уходишь отъ нихъ всегда провожаемый сердечнымъ и привѣтливымъ «до свиданія», и это ежедневно.

Это семейство было счастливое семейство. Потому и оно было поражено горемъ. Другое тутъ жившее было семейство Венеровскихъ, состоявшее изъ Олимпіады Иван., молодой прелестной вдовы, только что убитаго въ экспедиціи, кавказскаго героя, командира сосѣдняго Гребенскаго полка, изъ 70-лѣтней старушки, матери его, Татьяны Афанасьевны и сестры его. Вѣры Антоновны. Это было несчастное

семейство и ихъ несчастіе-то и сблизило насъ съ нимъ. Мужъ Олимп. Иванъ, Левъ Антоновичъ, былъ изъ числа тѣхъ кавказскихъ героевъ и наѣздниковъ, которыхъ ничто не могло удержать, если гдѣ предстояла опасность: ни ласки, ни просьбы, ни слезы прелестной жены. Эта отвага доходила у него до безразсудства. При первомъ ударѣ набатнаго колокола, возвѣщавшемъ о появленіи непріятеля, онъ уже былъ на конѣ, всегда осѣдланномъ и готовомъ, и не дожидаясь конвой, ни очередныхъ сотенъ, скакавшихъ за нимъ, онъ одинъ бросался въ ту сторону, гдѣ появлялся непріятель. Въ одной изъ такихъ экспедицій онъ и былъ убитъ. Ударъ для семьи былъ дѣйствительно ужасенъ. Когда получено было роковое извѣстіе, молодая вдова его упала въ обморокъ и такой обморокъ, что лежала безъ признаковъ жизни болѣе полусутокъ, такъ что думали не послѣдуетъ ли и она за нимъ. Сестра его въ своей скорби была даже страшна: она стояла какъ истуканъ при его гробѣ, съ неподвижно устремленными на покойнаго глазами, не шевеля ни однимъ членомъ, не произнеся ни одного слова, въ гробовомъ молчаніи. Подобная страшная скорбь была вторая, какую мнѣ случилось видѣть во всю мою жизнь. Первая подобная скорбь безъ слезъ, безъ движенія, подобіе живой статуи, была скорбь Никиты Михайловича Муравьева (декабриста) при смерти его жены, въ Читинскомъ заключеніи, Александры Григорьевны, рожденной графини Чернышевой, умершей родами.

Старушка мать убитаго, по прежнему, обычному въ старину, извѣленію скорби, вопила, призывая къ жизни любимое дѣтище; стонъ ея проникалъ въ сердце и не было возможности удержать слезъ при видѣ этой страшной скорби.

Такъ какъ Венеровскаго похоронили въ Наурѣ, (Червленая станица, штабъ-квартира полка, которымъ онъ командовалъ, была раскольничья), то и семейство переѣхало въ Науръ. Наше сердечное участіе въ ихъ несчастіи, религиозныя утѣшенія, постоянное посѣщеніе, чтеніе духовныхъ книгъ, духовныя бесѣды, располагавшія душу къ самоотверженной покорности всесвятой и всегда благой волѣ Божіей, такъ связали насъ съ ними, такую святой дружбой, что мы уже были для нихъ какъ самые близкіе и самые любимые родные. Этотъ внезапный ударъ тѣмъ ужаснѣе былъ для Олимпиады Ивановны, что она страстно любила своего мужа. Самый союзъ ихъ былъ романтическій. Она еще молодой дѣвочкой любила его; онъ былъ у нихъ въ домѣ какъ свой, когда служилъ приставомъ Закубанскихъ мирныхъ черкесовъ, а отецъ ея командовалъ полкомъ на Кубани. Левъ Ивановичъ былъ храбръ до безумія, твердъ, справедливъ, искренно любилъ своихъ горцевъ и дѣлалъ имъ много добра. Такіе люди для

азиатцевъ драгоцѣнны и привязанность ихъ къ нему была безгранична. Родители Олимпіады Ивановны просватали ее, по казачьему обычаю, не спросивъ ея согласія, одному высокопоставленному лицу въ кавказской гражданской іерархіи, но дочь ихъ не могла даже видѣть своего суженаго равнодушно. Не знаю, чей былъ починъ въ рѣшимости бѣгства, такъ какъ допъ свадьбы съ ненавистнымъ человекомъ приближался, только въ одну изъ прекрасныхъ тихихъ кавказскихъ ночей стройный всадникъ, на лихомъ конѣ, подѣхалъ къ калиткѣ сада; робкая, но уже рѣшившаяся юная нарѣченная невѣста проскользнула въ калитку, могучей рукой поднята въ сѣдло и конь, которому въ быстротѣ не было подобныхъ въ этой мѣстности, умчалъ всадника и его драгоцѣнную ношу за нѣсколько десятковъ верстъ къ берегу Кубани; переѣхалъ рѣку, а тутъ уже стояла арба, запряженная буйволами, убранная коврами по душистой травѣ, куда и посадили невѣсту. Похититель зналъ, что это сокровище не будетъ ему уступлено безъ борьбы и потому не повезъ ее въ ближайшую церковь, а повезъ объѣздомъ въ дальнюю, азиатскимъ берегомъ Кубани, гдѣ уже все было готово. Сотня лихихъ и преданнѣйшихъ ему черкесовъ конвоировали влюбленную чету и на далекое разстояніе ихъ разъѣзды слѣдили за погоней.

Съ наступленіемъ утра горничная въ испугѣ извѣстила родителей объ исчезновеніи барышни, посланная постель которой не была даже помята. Сейчасъ же были собраны сотни казаковъ, въ карьеръ пустившихся по всѣмъ дорогамъ на розыски; объѣхали всѣ сосѣднія церкви, но, не найдя ничего, возвратились обратно. Отецъ можетъ быть и не хотѣлъ выдавать дочь противъ воли, но какъ мать, кажется, была главой мужа и къ тому же женщина гордая и честолюбивая, то этотъ побѣгъ ее крайне раздражилъ, и, не помню хорошенько, но чуть ли она ни прокляла дочь, знаю только то, что смерть мужа своего эта кроткая и смиренная дочь приписывала этому проклятію. Молодые послѣ вѣнца просили, какъ водится, прощенія и благословенія, но имъ было въ этомъ отказано и ужъ много времени прошло, когда мать примирилась съ дочерью. У Венеровскихъ были два сына и одна дочь; старшему было, при смерти отца, восемь лѣтъ, дочери пять и послѣднему сыну Николинкѣ три года. Всѣ дѣти были прелестны, но какъ бы къ довершенію ея несчастія, двое меньшихъ умерли въ одну недѣлю отъ страшнаго крупа. Бѣдная мать была безутѣшна, но какъ истинная христіанка безропотно приняла и покорилась волѣ всемогущаго и всеблагаго Промысла.

Образъ этихъ милыхъ дѣтей долго не выходилъ изъ моихъ мыслей, мнѣ въ моей жизни еще не случалось быть свидѣтелемъ кон-

чины дѣтей, этихъ улетающихъ ангеловъ, которыхъ очень любилъ, какъ ихъ мать и все ихъ семейство. Домъ ихъ для меня былъ однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ пріютовъ, какіе не часто достаются земнымъ странникамъ. Я впрочемъ былъ такъ счастливъ въ моей жизни, или, вѣрнѣе сказать, такъ велика и безмѣрна была милость Божія на мнѣ, что мнѣ не разъ и не два въ моей жизни случалось, отъ юности и до старости, встрѣчать и восхищаться поистинѣ идеальными по добродѣтели, симпатичности и чудной добротѣ людьми, такъ что изъ всей моей жизни я вынесъ твердое убѣжденіе, что еще много, много людей у Бога, не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ, богомъ этого міра, а пребывающихъ вѣрными своему Творцу и Спасителю.

Во все свободное время я занимался ученіемъ сына Олимпіады Ивановны, Вани, и продолжалъ во все время нашего тамъ пребыванія. Потомъ они переѣхали на свою землю за Екатериноградомъ на р. Курѣ, гдѣ мы навѣщали ихъ иногда съ братомъ и полковникомъ Аминовымъ, а я по временамъ оставался у нихъ гостить. Тутъ скончалась и старушка мать Венеровскаго, надъ которой, за неимѣніемъ другихъ, я самъ читалъ псалтырь. Когда она прощалась съ семьей и со мной, то никогда не забуду ея послѣдняго слова любви и благодарности за мою любовь къ ней и ея семьѣ. Затѣмъ мы уже навсегда разстались съ ними и знаю только, что Олимп, Иван, скоро скончалась.

Много лѣтъ спустя, когда я жилъ въ Балашевскомъ уѣздѣ, ученикъ мой, казачій офицеръ Иванъ Львовичъ Венеровскій, проѣздомъ былъ въ Саратовѣ у брата, въ надеждѣ видѣть меня, но я въ это время былъ въ имѣніи и мнѣ очень жаль было, что я его не видѣлъ.

Въ Наурѣ же мы сошлись и подружились съ Густавъ Густавовичемъ Аминовымъ, полковымъ командиромъ Моздокскаго линейнаго полка. Онъ былъ тогда холостымъ человѣкомъ, жилъ въ огромномъ полковомъ и очень старомъ домѣ, занимая половину его, состоявшую изъ большой залы безъ мебели, гостиной или диванной съ однимъ около стѣны турецкимъ диваномъ: туда еще не проникала тогда мягкая мебель; третья комната была столовая, гдѣ обѣдали, пили чай и ужинали. Затѣмъ былъ буфетъ и за нимъ его спальня. Густавъ Густавовичъ былъ высокій, стройный, тонкій или скорѣй худощавый человѣкъ съ правильными чертами красиваго лица, большими усами и добрыми голубыми глазами. Онъ происходилъ отъ тѣхъ Аминовыхъ, которые отъ свирѣпости Іоанна Грознаго переселились въ Швецію, почему и въ лицѣ его былъ видѣнъ типъ шведа. Благороднѣйшій, честнѣйшій, правдивый человѣкъ, онъ при всей его иногда проявляв-

шейся пылкости, былъ чрезвычайно флегматиченъ, ходилъ мѣрно и важною поступью, никогда не торопился и все дѣлалъ обдуманно.

Всѣ прїѣзжавшіе изъ Петербурга, прикомандированные къ различнымъ отрядамъ кавказскихъ войскъ, бывали у него. У него же мы познакомились со многими, въ томъ числѣ съ Беклемишевымъ, отецъ котораго служилъ однимъ изъ штабмейстеровъ подъ начальствомъ князя Долгорукова; тутъ мы возобновили знакомство съ флигель-адъютантомъ Александромъ Ѳеодоровичемъ Голицынымъ, котораго знали еще въ дѣтствѣ; тутъ встрѣтились съ адмираломъ Путятинымъ, потомъ графомъ, который былъ въ одномъ выпускѣ съ моимъ братомъ и сидѣлъ съ нимъ на одной скамьѣ; онъ посланъ былъ въ Астрахань по какому то важному порученію; съ нимъ ѣхалъ также Краббе, тогда еще лейтенантъ, а потомъ уже министръ. Тутъ проѣзжалъ и обѣдалъ какой то англійскій лордъ, кажется, ѣхавшій изъ Индіи и котораго мы всѣ прогулкой провожали за станицу и который восхищался эволюціями и удалью казаковъ, назначенныхъ ему въ почетный конвой, — словомъ, гостепримствомъ Аминова пользовалось пропасть лицъ, очень замѣчательныхъ впослѣдствіи. Тутъ же мы видѣлись съ Александромъ Ивановичемъ Арнольдъи, сыномъ безногаго генерала Арнольдъи, Ивана Карловича, теперь тоже генераль-лейтенантъ и одинъ изъ выдающихся героевъ послѣдней войны. Тутъ также познакомились мы съ флигель-адъютантомъ Васильчиковымъ, потомъ героемъ Севастополя. Многихъ другихъ не припомню, но помню, что тутъ, какъ въ панорамѣ, проходило много личностей, тогда еще все молодыхъ, въ небольшихъ чинахъ, а потомъ уже знаменитыхъ дѣятелей на различныхъ высокихъ постахъ нашего отечества.

Нигдѣ такъ не выражалась флегма Аминова, какъ когда въ большой церковный колоколъ ударятъ въ набатъ и очередная сотня казаковъ уже стоитъ у крыльца командира, и онъ начинаетъ одѣваться и ополчаться на брань. Колоколъ гудитъ, кони казаковъ нетерпѣливо фыркаютъ и роютъ землю, а онъ начинаетъ медленно, не торопясь, надѣвать черкеску, затягиваетъ поясъ, привѣшиваетъ пашку, затыкаетъ за поясъ кинжалъ, и все это съ сигарой въ зубахъ, закидываетъ за плечи ружье и тихимъ шагомъ выходитъ на крыльцо; подводятъ коня, онъ садится и на рыскахъ сотня слѣдуетъ за нимъ. Надо сказать правду, что значительная причина этой медленности была его раненая подъ Ахульго рука, не подававшаяся нѣкоторымъ движеніямъ и много мѣшавшая одѣванію.

Въ описываемое время, въ 1840-хъ годахъ, когда мы жили въ Наурѣ, тревоги бывали очень часто: хищники отправлялись на ту-

злукахъ (надутый мѣхъ) черезъ Терекъ за какой нибудь добычей; нерѣдко случались ими похищенія женщинъ и дѣвицъ; я разумѣю тутъ небольшія партіи въ четыре или пять человекъ, которыхъ иногда и ловили, если они не успѣвали ускакать. Случались иногда и геройскіе подвиги со стороны казачекъ. Разсказывали, какъ одна казачка, уже похищенная и увлекаемая черезъ рѣку, выпарапала руками глаза своему похитителю и успѣла спастись вплавь. Такъ однажды мы съ братомъ вечеромъ купались въ Терекѣ, какъ услышали набатъ, зная, что показались гдѣ нибудь хищники. Мы, конечно, поспѣшно выскочили изъ воды и едва успѣли одѣться, какъ показали казаки съ командиромъ во главѣ; казаки разѣхались по берегу и увидѣли черкесовъ, засѣвшихъ въ ямѣ, поросшей густымъ кустарникомъ. Только что они увидѣли подъѣзжавшихъ казаковъ, какъ открыли огонь и одинъ казачій офицеръ былъ раненъ въ руку; къ нимъ послали парламентеровъ съ требованіемъ сдаться, обѣщая пощаду, но они продолжали стрѣлять, бормоча свою боевую пѣсню и не сдались. Тогда уже казаки бросились на нихъ со всѣхъ сторонъ; но они защищались до тѣхъ поръ, пока не были всѣ изрублены, ни одинъ не сдался.

Дѣло это началось съ того, что одна молодая казачка пошла въ свой садъ,—тамъ всѣ сады на берегу Терека,—и, войдя, увидѣла казаченку, взбравшагося на яблоню и ворующаго яблоки. Она приказывала ему сойти, но онъ не слушался, тогда она сама полѣзла на дерево и только что поднялась на нѣсколько аршинъ, какъ почувствовала, что кто-то ее тащить внизъ и когда она увидѣла, что это былъ чеченецъ, то въ ужасѣ рванулась и полѣзла выше, оставивъ въ его рукахъ оборванную часть юбки. Тутъ она закричала: «чеченцы, чеченцы!» Изъ другихъ сосѣднихъ садовъ услышавшіе этотъ крикъ бросились въ станицу, гдѣ и ударили въ набатъ.

Описывая Наурское общество, въ которомъ было столько прекраснаго, нельзя не упомянуть о многомъ смѣшномъ, какъ дополненіе къ обычной человеческой жизни, гдѣ серьезное и важное мѣшается съ смѣшнымъ, грустное съ веселымъ.

Между обывателями Наура былъ докторъ Докучаевъ, котораго всѣ эти тревоги приводили въ отчаяніе; онъ и жена его были въ вѣчномъ страхѣ. Каждый день докторъ приходилъ утромъ къ полковому командиру и бросалъ робкіе взгляды по всей комнатѣ, не лежить ли гдѣ нибудь цыдула съ перомъ, извѣщающая о хищникахъ; (при спѣшной цыдулѣ въ печать влагалась часть пера). При набатѣ онъ обыкновенно бралъ подъ мышку свою шкатулку и отправлялся на площадь, гдѣ по тревогѣ собирались роты пѣхоты нашего

полка. Жена его Александра Ивановна, молодая женщина прекраснаго кроткаго характера, очень умная и милая особа, вполне раздѣляла ужасъ своего мужа. При тревогѣ она совершенно терялась, не знала, что дѣлать, за что взяться, брала на руки своего маленькаго сына и бѣжала вонъ изъ дома, который находился близъ вала, такъ какъ больница была за станицей и потому домъ ихъ могъ прежде другихъ подвергнуться нападенію. Еще забавнѣе было то, что мужъ ея, при первомъ ударѣ набата, куда-то исчезалъ, а когда появлялся снова, то садился на свою лошадь со шкатулкой подъ мышкой и, увидѣвъ идущую около забора жену съ сыномъ, онъ, проѣзжая мимо, кричалъ ей: «Сашенька, за мной!». Надо не забыть, что иногда случалась непроходимая грязь по улицамъ, и по этой-то грязи она, едва не задыхаясь, добиралась до площади. Трусость Докучаева была предметомъ безконечныхъ шутокъ надъ нимъ, а когда его спрашивали: «куда же вы исчезаете, Иванъ Ивановичъ, когда ударятъ въ набатъ?» онъ обыкновенно отвѣчалъ: «извѣстно куда; вы, господа профаны, не понимаете, что при всякомъ сильномъ страхѣ, кишки сильно сжимаются и тогда поневолѣ бѣжишь отъ чеченцевъ». Это тяжелое положеніе всегда быть въ страхѣ и мученіи, скоро заставило ихъ покинуть Науръ и переселиться въ Ставрополь, гдѣ я впоследствии видѣлся съ ними и уже съ общимъ смѣхомъ вспоминали мы о минувшихъ ужасахъ.

Въ Наурѣ также стояла казачья конная артиллерія, которой командовалъ подполковникъ Эрнестъ Ермслаевичъ Штемпель. Тутъ же была баталіонная штабъ-квартира сперва нашего, а потомъ Куринскаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Петръ Петровичъ Меллеръ-Закомельскій, личность очень замѣчательная какъ въ служебномъ отношеніи, такъ и по своему пріятному характеру и выдающемуся уму. Въ командованіи онъ былъ строгъ, разумно требователенъ, точенъ и не терпѣлъ выслуживанія; онъ обладалъ необыкновенною способностью всегда и вездѣ шутить: въ походахъ, дома, въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ былъ всегда одинаковъ; еще другая его способность была отлично вести свое какъ домашнее, такъ и походное хозяйство. Всегда веселый, но никогда не смѣющийся громко, остроумный шутникъ и неистощимый мистификаторъ, такъ что бывало не угадаешь серьезно или въ шутку онъ проводитъ какую нибудь мысль. Его общество было увлекательно-пріятно. Потомъ, при вступленіи въ военную службу сына Воронцова, какъ я слышалъ, ему поручилъ отецъ быть его руководителемъ въ военныхъ дѣлахъ.

Послѣ Докучаева былъ опредѣленъ докторомъ молодой человѣкъ

Дорофей Ивановичъ Чистяковъ, котораго слабостью, въ противность Докучаеву, было выдавать себя за храбраго человѣка. Это былъ прекрасный малый, добрякъ и чрезвычайно забавенъ своею простотою, такъ что я готовъ даже думать, что онъ напускалъ на себя эту простоту для потѣхи публики. Такъ онъ однажды съ добродушнымъ хохотомъ сталъ вычислять, сколько нужно было ему прослужить, чтобы достигнуть тѣхъ чиновъ и орденовъ, какіе имѣлъ Вилье; оказалось по его разсчету 110 лѣтъ. Когда онъ приходилъ куда нибудь, гдѣ были дамы, то говорилъ: «здравствуйте Елиз. Иван., пришелъ васъ отвѣдать»; когда же мы, отвѣдя его въ сторону, говорили ему, что это невѣжливо, то онъ поправлялся «ну провѣдать», а когда, въ началѣ его пріѣзда, говорили ему о хищникахъ, то онъ въ азартѣ говорилъ—и это тоже въ обществѣ дамъ: «ужъ извините, а я никогда не покажу зада непріятелю». Тутъ опять ему тихонько замѣчали, что невѣжливо такъ выражаться при дамахъ, тогда онъ поправлялся и добавлялъ: «ну, хоть не покажу тыла».

Вспоминая Кавказскихъ знакомыхъ, останавливаюсь на одной безподобной личности, бывшей среди этого милаго общества, и такой личности, на которой также пріятно остановиться. Это былъ нашъ добрый другъ Дмитрій Петровичъ Фредриксъ. Онъ прежде былъ морскимъ офицеромъ, служилъ въ гвардейскомъ экипажѣ и адъютантомъ у князя Меншикова, морскаго министра; потомъ онъ былъ въ Черноморскомъ флотѣ, претерпѣлъ крушеніе на какомъ-то суднѣ, причемъ нѣсколько разъ былъ выкидываемъ волною на берегъ и также нѣсколько разъ другой волной отброшенъ въ море; но наконецъ кѣмъ-то удержанъ и спасенъ. Потомъ онъ опредѣлился въ кавалерію и прикомандировался къ Моздокскому казачьему полку. Въ дѣлахъ онъ былъ такъ храбръ, что многіе истолковывали эту храбрость нежеланіемъ жить; и дѣйствительно, у него была какая-то сердечная боль, которую, хотя отчасти онъ не скрывалъ отъ насъ, но все-же, это была его тайна. По наружности высокій, стройный, съ прекрасными, правильными чертами, черными усами, вьющимися волосами и голубыми глазами—онъ былъ дѣйствительный красавецъ; ему было 25 лѣтъ. Всегда задумчивый, рѣдко веселый, скромный, кроткій и въ то же время пылкій; но всегда сдержанный и сосредоточенный. Онъ былъ такъ привлекателенъ, такъ симпатиченъ, что нельзя было не полюбить его сердцемъ. Онъ былъ очень разсѣянъ и когда бывало сѣдился за преферансъ, то смѣшилъ всѣхъ своею разсѣянностію и всегда проигрывалъ. Жилъ онъ на одной улицѣ съ нами и противъ насъ и мы всегда почти проводили вечера вмѣстѣ или у Найденовыхъ, или у Венеровскихъ, или у Густава Густавовича, и вмѣстѣ, часто очень

поздно, возвращались домой. При этомъ иногда разыгрывалась презабавная комедія. У Дм. Петр. былъ деньщикъ Василій и отставной кавказскій солдатъ при лошадяхъ. Оба они имѣли способность такъ непробудно спать, что или приходилось почевать на крыльцѣ, или принимать самыя энергическія мѣры. Прежде всего, онѣ стучали изо всѣхъ силъ;—никакого отвѣта; тогда идемъ на галерею, куда выходило окно изъ кухни, гдѣ спали люди; тутъ начинался кличъ: «Василій! Никифоръ!» и кличъ, который можно было услышать за версту;—то же молчаніе и тотъ же храпъ. Тогда Дмитрій Петровичъ беретъ полѣна, приготовленныя для кухни и начинаетъ бросать одно за другимъ и наконецъ они просыпаются. Услышавъ его голосъ, они стремглавъ вскакиваютъ; человекъ мечется, какъ угорѣлый, и, отыскавъ сапоги, начинаетъ съ ними прыгать, не попадая въ сапоги; солдатъ начинаетъ шарить по стѣнѣ, вѣроятно для отысканія оружія при тревогѣ, которую онъ должно быть видѣлъ во снѣ. Мы во всю эту продѣлку стоимъ у окна и надрываемся со смѣху; и въ одномъ только этомъ случаѣ я видѣлъ его хохотавшимъ, и еще, когда однажды у Аминова стали угадывать загадки и сочинять шарады; кто-то, обратившись къ доктору, спросилъ: «Дорофей Ивановичъ, на деревѣ сидѣло шесть галокъ; охотникъ подстрѣлилъ двухъ; сколько осталось?» Онъ тотчасъ-же, отвѣчалъ: «ну, конечно, четыре; я вѣдь вычитаніе-то знаю». Тутъ поднялся общій хохотъ и насилу увѣрили его, что не осталось ни одной.

Въ 1843-мъ году, подъ начальствомъ Гурко, была экспедиція въ Дагестанъ. Передъ Темиръ-ханъ-Шурую стоялъ Шамиль съ огромнымъ полчищемъ и многочисленной кавалеріей. Командующій войсками былъ въ блокадѣ и запертъ въ Шурѣ. Когда Фрейтагъ узналъ, что Гурко запертъ въ Шурѣ, а Пассекъ въ Зырянскомъ ущельѣ, то онъ опять собралъ казаковъ и все что могъ собрать пѣхоты, какъ въ 1842-мъ году, и пошелъ въ Дагестанъ. Прийдя къ Шурѣ, онъ тотчасъ-же атаковалъ непріятеля, пославъ казаковъ, которыхъ у него было до тысячи, въ атаку. Тутъ также былъ и Фредриксъ. Атака была лихая; черкесы побѣжали; Шамиль съ пѣхотой тоже отступилъ и изъ Темиръ-ханъ-Шуры вышли войска для преслѣдованія. Затѣмъ войска пошли на помощь Пассеку и освободили его. Во время атаки подъ Шурую Фредриксъ, увидавши вдалекѣ нѣсколько человекъ, увозившихъ пушку и застрявшихъ въ канавѣ, которыя проводятся для марины, онъ тотчасъ же бросился туда съ урядникомъ и казакомъ. Черкесы бѣжали или были изрублены; только пушка была взята. Сотникъ Камковъ, другаго Гребенскаго полка, увидѣвши, что Фредриксъ понесся туда, тоже поскакалъ со своей сотней и какъ кон-

войнѣ Фредрикаса, по малочисленности, не могли вытащить изъ канавы пушку, то сотня казаковъ помогла; пушку вытащили и поставили, какъ трофей, передъ домомъ командующаго войсками. Онъ благодарилъ Фредрикаса и объявилъ, что онъ будетъ представленъ къ Георгію, но при этомъ случаѣ обнаружилась та шипящая зависть, которая въ этомъ мірѣ творить столько зла и она была причиной смерти этого героя. Камковъ, вѣроятно, такъ представилъ своему полковому командиру, что тотъ представилъ его къ Георгію за взятіе пушки. Я не могу ни понять, ни объяснить этого поступка командира Гребенскаго полка. Александръ Алексѣевичъ Сусловъ, замѣстившій Венеровскаго въ командованіи Гребенскимъ полкомъ, былъ прекрасный человѣкъ, отличный начальникъ, благороднѣйшая личность, въ послѣдствіи извѣстный геройскимъ подвигомъ, и я никакъ не считаю его способнымъ къ какой-либо намѣренной несправедливости; по желанію-ли прославить свой полкъ, желанію-ли заслужить любовь и довѣріе полка; но онъ сильно поддерживалъ свое представленіе и отстаивалъ своего офицера. Генералъ Гурко, командующій войсками, и Робертъ Карловичъ Фрейтагъ разсматривали это дѣло и по долгомъ совѣщаніи, вѣроятно, чтобъ отдать справедливость Фредриксу, какъ первому взявшему пушку и чтобъ не обидѣть Камкова и, еще болѣе, стоявшаго за него полковаго командира, рѣшили представить ихъ обоихъ. Конечно, Фредриксъ считалъ себя обиженнымъ и, какъ онъ зналъ, что во всемъ этомъ дѣйствовалъ Сусловъ, то, по возвращеніи на линію, онъ написалъ ему вызовъ. Къ счастью, по дружбѣ къ намъ съ братомъ, онъ показалъ намъ письмо и объявилъ о своемъ рѣшеніи. Мы конечно крѣпко отсовѣтывали ему принимать такое рѣшеніе и предоставить все это кавалерской думѣ, куда было послано представленіе и ожидать справедливости. Онъ такъ и сдѣлалъ, сказавъ: «ну, я докажу имъ, что сумѣю взять и другую пушку, если представится случай».

Въ 1844-мъ году, когда мы дѣлали свою послѣднюю экспедицію въ Дагестанъ и когда, возвратившись въ Шуру, обѣдали у Петра Петровича Меллера, гдѣ обѣдалъ также Робертъ Карловичъ Фрейтагъ и многіе другіе, за столомъ зашелъ разговоръ объ этомъ дѣлѣ; въ это время уже пошло представленіе объ обоихъ. Мы съ братомъ стали защищать Фредрикаса, доказывая, что онъ первый увидѣлъ пушку и взялъ ее, а только вытащить изъ канавы помогъ ему Камковъ, но Робертъ Карловичъ возражалъ и, какъ теперь помню, его собственныя слова: «ну представьте себѣ, что два человѣка идутъ по разнымъ сторонамъ рѣки и, увидѣвъ утопающаго, оба бросаются въ воду и спасаютъ его; не одинъ ли и тотъ же подвигъ со-

вершили они»? Мы же настаивали на томъ, кто первый овладѣлъ пушкой.

Послѣ были еще экспедиціи, помнится, къ Аргунскому ущелью; Фредриксъ также былъ съ своею сотнею и мы, провожая его изъ станицы, простились съ нимъ, не думая, что это прощаніе было послѣднее. Въ этой экспедиціи Шамиль снова вывозилъ двѣ пушки и громилъ лагерь, расположившійся на островѣ въ одной обширной мѣстности, около которой протекала ручьями рѣка Аргунь; Фредриксъ нѣсколько разъ набиралъ охотниковъ и просился въ ночной набѣгъ, чтобы внезапно захватить пушки, но ему въ этомъ отказывали; когда же отрядъ двинулся, онъ опередилъ его и съ казаками ѣхалъ впереди все съ одной и той же мыслию—открыть пушки и броситься на нихъ, но роковая пуля спрятавшихся чеченцевъ поразила его, пройдя около его золотыхъ часовъ; рана его была смертельна. Положивъ на носилки, понесли его черезъ рѣчку и тутъ видѣли какъ онъ снялъ съ пальца кольцо и бросилъ въ воду, а встрѣтивъ кого то, сказалъ: «Envoyez-moi vite le prêtre». Черезъ часъ онъ скончался; его перевезли въ Науръ, гдѣ и похоронили. Всѣ жители Наура и всѣ его знавшіе и любившіе провожали его въ могилу. Помню, что было пасмурно, вѣтренно и холодно и весь этотъ день и вечеръ всѣ мы, собравшіеся у Найденовыхъ, проговорили о немъ. Когда его похоронили, пришло извѣстіе, что Георгіевскій крестъ былъ присужденъ ему.

Въ юности и дѣтствѣ Фредриксъ, по своимъ родственнымъ связямъ, былъ близокъ къ царской фамиліи и онъ показывалъ намъ письмо, писанное еще тогда юнымъ наслѣдникомъ, Александромъ Николаевичемъ, которому послужить, какъ государю, ему уже не пришлось.

Кромѣ общей взаимной симпатіи насъ крѣпче всего связала религія. По своей фамиліи и по своему роду онъ былъ лютеранинъ, какъ вдругъ пожелалъ перейти въ православіе; сознавъ инстинктивно, что православная церковь есть единая истинная апостольская церковь; сознавъ это, тотчасъ же рѣшился исполнить это призваніе какъ бы по какому то вдохновенію. Это было еще въ Петербургѣ. «Сначала, говорилъ онъ, я отправился къ архіерею, который, узнавъ мою фамилію, очень удивился и представилъ какія-то затрудненія; я этимъ не удовольствовался и даже не оскорбляясь тѣмъ, что какъ-то не совсѣмъ доброжелательно отнеслись къ моему рѣшенію, упорно настаивалъ и наконецъ, послѣ многихъ затрудненій, надо мной совершили мвропомазаніе». Онъ, кромѣ насъ, ни съ кѣмъ не говорилъ о религіи, хотя торжественно ее исповѣдывалъ, но чистая душа этого юнаго героя всецѣло принадлежала

Богу. У обѣдни онъ удивлялъ всѣхъ своимъ благоговѣніемъ. Ставши однажды на свое обычное мѣсто за правымъ крылосомъ, онъ стоялъ всю обѣдню ни разу не поворотивъ голову, ни въ какую сторону. Наши христіанскія бесѣды были его наслажденіемъ. Онъ старался просвѣтить свой умъ и усвоить вполнѣ Божественное православное ученіе; о многомъ разспрашивалъ, много читалъ и какъ отраднo было намъ видѣть въ немъ эту смиренную твердую вѣру, эту пламенную любовь къ Богу и соединять въ Немъ души наши. Смиренная, самоотверженная душа его, конечно, воспарила туда, куда стремилась она еще на землѣ, въ тотъ чудный свѣтъ, который еще здѣсь озарилъ его, какъ нѣкогда іудействующаго Савла. Въ послѣднюю поѣздку въ Петербургъ, онъ привезъ намъ нѣсколько духовныхъ книгъ, въ томъ числѣ были: «Правда вселенской церкви» соч. Муравьева, Новая скрижаль, Училище благочестія, Путешествіе къ св. мѣстамъ Муравьева и другія, съ подписаніемъ его рукой, что книги эти онъ дарилъ намъ въ память нашего христіанскаго общенія. Онъ хранится у меня, какъ драгоценный залогъ нашего братскаго соединенія во Христѣ! Когда мы уже были произведены и собирались въ Россію, братъ мой подарилъ ему свою лошадь и на ней Фредриксъ былъ убитъ, а также и лошадь.

ГЛАВА XXIII.

Наша послѣдняя экспедиція 1844 года.—Отъѣздъ въ Россію.

Объ Дагестанской экспедиціи 1843 года и о дѣйствіяхъ ген. Фрейтага я уже упоминалъ въ эпизодѣ о Фредриксѣ. Теперь перейду въ моихъ воспоминаніяхъ къ самому Роберту Карловичу Фрейтагу, этому замѣчательному дѣятелю того времени на Кавказѣ, на долю котораго выпалъ завидный жребій—быть постояннымъ избавителемъ нашихъ войскъ въ самыхъ гибельныхъ положеніяхъ и обстоятельствахъ. Онъ былъ небольшого роста, крѣпкаго сложенія, довольно плотный, съ самыми пріятными чертами лица, живой и чрезвычайно энергичный во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Простота его обращенія, доступность для каждаго, снисходительность и доброта привлекали къ нему сердца всѣхъ служившихъ подъ его командой. Его называли «нашъ маленькій Робертикъ» и къ нему вполнѣ можно было отнести старинную солдатскую пѣснь: «Мы тебя любимъ сердечно, Будь намъ начальникомъ вѣчно».

„Мы тебя любимъ сердечно,
Будь намъ начальникомъ вѣчно“.

И дѣйствительно, это былъ человѣкъ, выходившій изъ ряда обыкновенныхъ, не смотря на то, что по простотѣ сердечной и скромности онъ, кажется, и не подозрѣвалъ въ себѣ тѣхъ достоинствъ и великихъ качествъ, которыя всѣ признавали и видѣли въ немъ. Полковникомъ онъ одно время командовалъ Куринскимъ полкомъ, не наживъ отъ командованія ни гроша, въ то время какъ другіе командиры наживали, и всю экономію обращалъ на полкъ и на улучшеніе положенія солдатъ. Начальникомъ лѣваго фланга, онъ изумлялъ своей энергіей, быстротою и своими всегда удачными дѣйствіями. Въ экспедиціи подъ Грозной онъ былъ раненъ въ шею, но благодаря Бога, рана была излечена. Въ 1842 году, когда Граббе отступалъ Ичкеринскимъ лѣсомъ, онъ, съ удивительной быстротою собравъ все, что могъ, явился на помощь въ ту самую минуту, когда помощь была настоятельно необходима, такъ какъ горцы съ большими силами ожесточенно преслѣдовали отрядъ, уже сильно ослабленный и потерей въ людяхъ, и въ большомъ количествѣ отряженныхъ подраненныхъ,—и спасъ его, можетъ быть, отъ гибели.

Въ 1843-мъ году онъ съ такою-же неустанною быстротою проскакалъ по линіи за маршевыми батальонами и также, собравъ все, что могъ, пѣхоты и казаковъ, внезапно явился подъ Темиръ-ханъ-Шурую, разбилъ и разсѣялъ скопище Шамиля, бросился въ Зырянское ущелье и освободилъ генерала Пассека, запертаго въ ущельи и уже лошадинымъ мясомъ кормившаго людей. Наконецъ, въ 1845-мъ году, Фрейтагъ-же явился на помощь тогдашнему графу Воронцову въ томъ-же Ичкеринскомъ лѣсу послѣ взятія Дарго. Эта экспедиція была, какъ извѣстно, предпринята противъ мнѣнія Воронцова. Когда Фрейтагъ появился въ Ичкеринскомъ лѣсу и раздались его пушечные выстрѣлы, то между горцами пронеслась вѣсть, что пришелъ «счастливый генералъ» и они тотчасъ отступили, такъ какъ по ихъ фатализму, постоянную удачу его они приписывали року, съ которымъ нельзя бороться. Затѣмъ, въ томъ-же 1845 году, Шамиль бросился въ большую Кабарду, что-бы и ее поднять и, если-бъ это ему удалось, то онъ много бы прибавилъ хлопотъ правительству; но Робертъ Карловичъ Фрейтагъ не дремалъ, вслѣдъ-же за нимъ пошелъ въ Кабарду и занялъ позицію противъ Кабарды. Этотъ приходъ Фрейтага остановилъ волненіе; кабардинцы оставались глухи къ увѣщаніямъ Шамиля и онъ долженъ былъ распустить свою пѣхоту, такъ какъ боялся, чтобы не очутиться между двухъ огней, а самъ съ кавалеріей, оставивъ огни на мѣстѣ своего расположенія, бросился обратно за Терекъ и такъ быстро было его бѣгство, что, какъ говорятъ, онъ въ одни сутки сдѣлалъ 150 верстъ, что способны выдер-

жать только горскія кавказскія лошади. Узнавъ о его отступленіи, Фрейтагъ далъ знать во Владикавказъ, чтобы Нестеровъ немедленно выступилъ и пересѣкъ Шамилю переправу черезъ Терекъ.

Я сидѣлъ вечеромъ у Вревскаго, когда онъ получилъ предписаніе немедленно приготовиться къ выступленію. Еще не разсвѣтало, а отрядъ уже тронулся; но въ первомъ-же переходѣ увидѣли нарочнаго; посланнаго отъ Меллера-Закомельскаго, увѣдомлявшаго, что Шамиль переправился черезъ другой бродъ и не пошелъ туда, гдѣ ждалъ его Меллеръ, съ однимъ кажется батальономъ. Хотя Меллеръ поспѣшилъ за нимъ и туда, но уже засталъ всю почти партію переправившуюся. Тутъ валялось еще нѣсколько труповъ, когда мы проѣзжали этой дорогой, возвращаясь въ Россію.

Въ 1845 году, послѣ разсѣянія Шамилева скопища, мы уѣхали въ Россію, гдѣ потомъ узнали, что Фрейтагъ былъ переведенъ въ Варшаву генераль-квартирмейстеромъ и тамъ уже умеръ. Какъ теперь смотрю на него въ его Ойсунгурской землянкѣ за преферансомъ; а тутъ въ то же время дѣлалась жженка, освѣщавшая синеватымъ пламенемъ землянку, и потомъ весело распивавшаяся; помню, какъ радушно угощалъ онъ своихъ всегдашнихъ гостей ужиномъ; помню также, какъ заходилъ онъ вечеромъ въ палатку къ Вревскому, гдѣ заставлялъ насъ за религіозными преніями, вставляя тутъ изрѣдка и свое мнѣніе.

Пріятно вспоминать и въ то-же время напоминать всѣмъ о высокихъ доблестяхъ такихъ людей и дѣлать это правдиво и по совѣсти.

Обращаюсь къ разсказу.

Въ 1844-мъ году была большая экспедиція въ Дагестанъ. Мы конечно не знали, что тамъ дѣлалъ Шамиль, какъ велики были его успѣхи въ этой борьбѣ, да и не помню всѣхъ названій возмущившихся мѣстностей и племенъ. Помню, что въ 1843-мъ году говорили объ опасномъ положеніи Тарковского владѣтельнаго князя и генерала нашей службы; о переходѣ къ Шамилю тоже генерала нашей службы султана Инисуйскаго и другихъ; но объ этомъ будетъ говорить исторія; мои-же воспоминанія ограничиваются видѣннымъ и мною самимъ испытаннымъ или слышаннымъ изъ устъ самыхъ вѣрныхъ свидѣтелей и участниковъ. Помню, что въ этомъ походѣ мы шли горами съ сильной перестрѣлкой и когда нашъ полкъ и другіе отряжаемые отдѣльно въ сторону, брали съ бою позиціи, потомъ возвращались къ главнымъ силамъ и наконецъ пришли на пунктъ соединенія нашего отряда съ отрядомъ, приведеннымъ корпуснымъ командиромъ генераломъ Лидерсомъ, такъ что весь отрядъ

совокупно составлялъ, кажется, болѣе, нежели 20 батальоновъ пѣхоты съ артиллеріей и кавалеріей, въ которой былъ также нижегородскій драгунскій полкъ, подъ командой ген. Безобразова,—на другой сторонѣ огромнаго оврага стоялъ Шамиль съ большою партією. Прогуливаясь изъ лагеря съ нѣкоторыми офицерами, мы встрѣтили отрядъ генерала Лидерса; самъ онъ отправился съ ковоемъ кавалеріи въ нашъ лагерь. Войска эти пришли изъ Россіи и мы съ удовольствіемъ смотрѣли на пришедшихъ изъ нашей матушки Россіи земляковъ. Вечеромъ мы сидѣли въ палаткѣ у Петра Петровича Мѣллера, и узнали тутъ о росписаніи всѣхъ войскъ для завтрашней атаки Шамиля. Помню, что нашъ полкъ былъ назначенъ идти въ колоннѣ. По всему видно было, что предстояло дѣло жаркое, такъ какъ у Шамиля была большая масса разноплеменныхъ войскъ. Къ вечеру устроена была батарея, которая и открыла огонь, бросая гранаты въ непріятеля. Шамиль, какъ видно было, ожидалъ нашего движенія и рѣшился встрѣтить, расположившись на другой противоположной сторонѣ огромнаго лѣсистаго оврага. Генералъ Безобразовъ отправленъ былъ со всей кавалеріей въ обходъ къ горѣ Ибрагимъ-Дада, гдѣ оврагъ суживался и представлялъ возможность перейти его. Многіе, ложась спать, конечно думали, что съ завтрашнимъ днемъ можетъ быть наступить конецъ ихъ земной жизни. Но вотъ разсвѣтъ; барабаны молчатъ, не звучатъ трубы, въ отрядѣ все тихо, на своемъ мѣстѣ. Что это значитъ? всѣ спрашиваютъ другъ друга. Передъ нашей колонной были палатки корпуснаго командира и штаба. Изъ палатки выйдутъ корпусный командиръ г. Нейдгардтъ и штабные, посмотрятъ въ трубу долго и внимательно и возвратятся. Въ трубу хорошо была видна палатка Шамиля съ водруженнымъ передъ ней зеленымъ знаменемъ. Всѣ видѣли и его палатку, и его полчище; батарея бросала гранаты, а Шамиль не шевелился, какъ будто чего-то ждалъ и это продолжалось довольно долго. Наконецъ у него забилъ барабанъ и вся его армія потянулась отъ оврага въ степь: вѣроятно онъ узналъ, что кавалерія наша идетъ ему въ тылъ. Тутъ только увидѣли, какъ изъ лѣсистаго оврага потянулась масса черкесовъ, запряганныхъ въ трущобахъ оврага и алчно ждавшихъ нашего движенія въ оврагъ. Если-бъ это движеніе состоялось, то потеря наша была-бы огромна, потому что, проходя этотъ оврагъ, всѣ ясно видѣли, какъ трудно было переходить его и безъ боя. Безобразовъ, перейдя оврагъ, засталъ уже быстро уходившаго непріятеля, преслѣдовалъ его сколько могъ; но тотъ успѣлъ уйти въ горы, куда съ кавалеріей уже нельзя было идти. Такимъ образомъ кончился этотъ день, обѣщавшій не

сраженіе, на которое, конечно, не могъ-бы рѣшиться такой умный вожьдъ дикарей, какъ Шамиль, а вѣрную гибель, припоминая неимоверную трудность перехода страшной мѣстности, загороженной завалами и множествомъ другихъ препятствій. Мудрая и челоуѣколюбивая осторожность главнокомандующихъ спасла тысячи геройскихъ жизней; но въ то время всѣ не понимавшіе соображеній главныхъ начальниковъ, роптали громко, что не повели ихъ захватить Шамиля, не разсчитывая, что ихъ можно было вести на явную гибель, а отнюдь не на бой. Послѣ этого перехода отрядъ нашъ остановился на ночь на какой-то неровной мѣстности и уже пришли поздно на мѣсто. Лидерсъ, вѣроятно, пошелъ другой дорогой и ночью слышались пушечные выстрѣлы; но что это такое было—я не знаю и не помню, если послѣ разсказывали что-нибудь.

Затѣмъ войска возвратились въ Темиръ-ханъ-Шуру, гдѣ мы и узнали, что произведены въ офицеры и должны были для обмундировки ѣхать въ Ставрополь, а оттуда во Владикавказъ—штабъ-квартиру своего Навагинскаго полка, въ которомъ дѣлали послѣднія экспедиціи, переведенные изъ Кабардинскаго.

Изъ Шуры мы вышли съ колонной или такъ называемою оказіей. Съ нами ѣхали также генералъ Безобразовъ, Фредриксъ, Меллеръ-Закомельскій, разжалованный за дуэль и присланный на Кавказъ, бывшій уланскій офицеръ, родственникъ Петру Петровичу Меллеру, и мы съ братомъ. Эта поѣздка наша была очень пріятна по спутникамъ нашимъ, которые всѣ были хороши и дружески знакомы съ нами, не исключая и Безобразова, съ которымъ я и доѣхалъ въ его коляскѣ до Ставрополя. Само-же путешествіе наше было чрезвычайно утомительно: мы шли къ Кизляру безлѣсной степью во время страшныхъ іюльскихъ жаровъ. Сперва оказію вели апшеронцы, кавказскіе ходаки, и потому переходы дѣлались скоро; а когда далѣе къ линіи ихъ замѣнили линейные батальоны, то медленность ихъ шага показалась намъ нестерпимой. Невыносимой зной, ни кустика, ни капли воды, кромѣ единственнаго болотнаго озера, поросшаго камышомъ и покрытаго болотною травой, гдѣ сдѣланъ былъ привалъ; не смотря на это, на привалѣ все бросилось въ воду, чуть не кипяченую. Ночлеги наши, при огромномъ количествѣ мошекъ и комаровъ, были истинной пыткой.

Напившись чаю на берегу какой-то рѣчки, гдѣ былъ ночлегъ, подъ страшнымъ дымомъ, выѣдавшимъ глаза, безъ чего нельзя было дышать, не проглотивши массы насѣкомыхъ съ пищею, которую намъ готовили на ужинъ, мы тутъ-же располагались спать на потникѣ, снятомъ изъ подъ сѣдла лошади, и подъ шинелью, и что это былъ

за сонъ! Но несмотря на всѣ матеріальныя неудобства, мы всѣ были очень веселы. Не помню, какъ звали Безобразова: Леонидъ-ли Григорьевичъ или наоборотъ; его, какъ генерала, приглашали на ночь къ мѣстному военному начальнику, который при этомъ случаѣ, вѣроятно, самъ выходилъ куда нибудь. Онъ также съ нами раздѣлялъ и чай и ужинъ, а какъ это былъ человѣкъ веселый, пріятный и въ нашемъ странническомъ положеніи добрыйшій товарищъ, то неудобства насъ болѣе смѣшили нежели сердили, и часто раздавался веселый смѣхъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ, съ горемъ и весельемъ пополамъ, мы наконецъ достигли Кизляра.

Въ Кизлярѣ въ это время былъ жандармскимъ полковникомъ Прянишниковъ, родной братъ бывшаго министра почтъ. Когда онъ узналъ о прибытіи въ Кизляръ генерала Безобразова, онъ просилъ его и всѣхъ насъ, его спутниковъ, остановиться у него, отвелъ намъ особый флигель, прислалъ сейчасъ чаю, кофе, пришелъ самъ, довольно долго бесѣдовалъ съ нами, разспрашивалъ о военныхъ дѣйствіяхъ и, уходя, просилъ обѣдать и провести у нихъ весь день. День этотъ былъ для всѣхъ насъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ нашей страннической жизни. Жена его, помнится Варвара Андреевна, была одна изъ тѣхъ умныхъ, любезныхъ и интересныхъ дамъ, которыя не скоро забываются. Къ тому же мы нашли въ ней единомысліе съ нашими религіозными убѣжденіями, живую и истинную вѣру, усиленную и укрѣпленную въ ней видѣнными ею чудесными дѣйствіями Божественнаго промысла. Такъ, она рассказывала, какъ одна знакомая или родственница ея, молодая дама, умерла; надъ ней уже служили панихиды, читали псалтырь, какъ незадолго до погребенія вдругъ псаломщикъ увидѣлъ, что она откинула покровъ и въ гробѣ сѣла; онъ конечно въ суетвѣрномъ страхѣ бросился вонъ изъ комнаты, а мужъ, увидѣвъ ее ожившею, въ восторгѣ поднялъ ее изъ гроба и отнесъ на постель. Подобныя обмиранія и оживленія случаются не рѣдко, но тутъ то было знаменательно, что она, какъ видно, переходила въ тотъ міръ, и видѣла Спасителя, потому что тихо приговаривала и все повторяла: «Какъ Онъ хорошъ! какъ свѣтелъ!» и еще прибавила окружающимъ ея роднымъ, конечно въ жизни нѣжно ею любимымъ: «вы не повѣрите, какъ всѣ вы мнѣ кажетесь теперь гадки». Ее спрашивали, конечно изъ любопытства, о многомъ, но она не отвѣчала ни слова, и, кажется, на другой или третій день скончалась уже обычною человѣческою смертію. Этотъ рассказъ такъ врезался въ моей памяти, что какъ будто я вчера слышалъ его.

На другой день мы отправились въ Науръ, гдѣ Меллеръ заболѣлъ и умеръ, а мы съ братомъ въ Ставрополь и потомъ во Влади-

кавказъ. На слѣдующей станціи Безобразовъ просилъ меня сѣсть къ нему въ коляску и дорогой разсказалъ мнѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ летитъ въ Ставрополь, гдѣ ожидала его жена, съ которою онъ былъ болѣе десяти лѣтъ въ разлукѣ. При этомъ онъ также разсказывалъ мнѣ, что въ его рѣшимости примириться и вновь соединиться съ женою, съ которой такъ давно разстался, онъ много обязанъ Михаилу Александровичу Назимову, одному изъ нашихъ товарищей, пользовавшемуся большимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его ¹⁾. По своему уму, высокимъ качествамъ, серьезности, прямотѣ характера, правдивости Михаилъ Александровичъ Назимовъ слылъ и былъ какинъ то мудрецомъ, котораго слово для многихъ имѣло большой вѣсъ. Много разъ онъ уговаривалъ Безобразова и убѣждалъ примириться съ женой и, вѣроятно, сильны и вѣски были его доводы съ религіозной и нравственной точки зрѣнія, что «я, какъ говорилъ Безобразовъ, вполнѣ согласился съ нимъ и тѣмъ болѣе, что доводы эти проникали въ сердце его любовью и искреннимъ благожеланіемъ мнѣ добра и я всегда буду ему сердечно благодаренъ».

По прїѣздѣ въ Ставрополь, Безобразовъ меня пригласилъ придти къ нему на завтрашній день къ утреннему чаю, что я съ величайшимъ удовольствіемъ исполнилъ. Онъ познакомилъ меня съ своей женой, женщиной среднихъ лѣтъ, но уже носившею на себѣ слѣды глубокой скорби въ просѣди ея черныхъ или темныхъ волосъ и въ какомъ-то меланхолическомъ настроеніи. Черты у нея были правильны и все лицо прекрасно и симпатично; видно, что она была еще недавно красавицей. Я простился съ ними, поблагодаривъ, что они доставили мнѣ сердечное наслажденіе, дозволивъ быть свидѣтелемъ ихъ новаго счастья, продленіе котораго также пожелалъ имъ отъ всего сердца, съ увѣренностью, что это желаніе осуществится и что они до конца дней своихъ будутъ счастливы. Потомъ уже въ Россіи мнѣ разсказалъ о нихъ одинъ мой родственникъ, хорошо съ ними знакомый, что бывши у него въ Воронежѣ, гдѣ онъ уже командовалъ корпусомъ, онъ узналъ, что жена его умерла, что онъ сдѣлался спиритомъ и постоянно былъ въ общеніи съ ея духомъ посредствомъ переписки. Это уже показывало, что они были счастливы взаимною лю-

¹⁾ Михаилъ Александровичъ Назимовъ—сынъ, въ 1831 г., преклонныхъ лѣтъ старецъ, живетъ уже съ 1850-хъ годовъ въ городѣ Псковѣ. Издавна всѣми уважаемый, Михаилъ Александровичъ, съ самаго начала реформъ императора Александра II Освободителя, принималъ самое дѣятельное участіе при ихъ разработкѣ и осуществленіи на мѣстѣ его жительства, во Псковѣ: М. А. Назимовъ былъ членомъ разныхъ комитетовъ, комиссій, участвовалъ потомъ въ земствѣ и проч.

бовью, если и по смерти ея онъ былъ въ общеніи съ ея духомъ и руководился ея совѣтами. Я не спирить, но заявляю здѣсь слышанное мною изъ самаго вѣрнаго источника, а насколько это была у него иллюзія или дѣйствительность—судить не рѣшаюсь¹⁾.

Обмундировавшись въ Ставрополѣ, мы поѣхали во Владикавказъ, гдѣ и явились къ нашему полковому командиру генералу Михаилу Петровичу Полтинину. Это былъ веселый, очень оригинальный добрякъ и нѣсколько чужакъ, онъ очень любилъ поговорки и особенно въ рифмахъ, которыя слагалъ безъ разбора. Помню, какъ въ одной экспедиціи въ Ауховскія земли, онъ пошелъ высматривать позиціи, а какъ лагерь стоялъ на высотѣ, которая оканчивалась обрывомъ, а въ глубинѣ скрывались черкесы, стрѣлявшіе по лагерю, и когда онъ нагнулся съ кручи, чтобъ посмотрѣть, нельзя ли ихъ выбить оттуда, какъ пуля попала ему прямо въ животъ, что нисколько не смутило его и когда его принесли на носилкахъ въ его палатку, онъ громогласно вскрикнулъ: «Генералъ Полтининъ, Тверской дворянинъ, три раза раненъ, два раза контуженъ, но ни разу не сконфуженъ. Ура!» Онъ часто насъ приглашалъ къ себѣ обѣдать и на свои довольно частые вечера, гдѣ собиралось все Владикавказское общество и всѣ танцевали весьма усердно. Онъ самъ танцевалъ и руководилъ танцами и у него всегда было очень весело. Однажды во время танцевъ случилась тревога, необычная для баловъ.

Особенность Владикавказа въ наше время была та, что въ темныя ночи ходить по улицамъ было не безопасно. За Владикавказомъ въ нѣсколькихъ верстахъ возвышались черныя Галаховскія горы, отроги хребта, увѣнчаннаго великаномъ Казбекомъ. Тутъ жило племя Галаховцевъ, самое злое и мятежное. Конечно много разъ туда посылались отряды, какъ и въ Чечню, опустошали ихъ аулы и поля, всегда впрочемъ при горячемъ боѣ и порядочной потерѣ, но все же безъ окончательныхъ результатовъ, какъ и вся кавказская война до полного и совершеннаго покоренія Кавказа. Сосѣди Галаховцы, конечно, имѣли кунаковъ (друзей) и сообщниковъ въ форштатѣ, заселенномъ мирными гражданами, семействами военныхъ, торговцами армянами и разнымъ другимъ людомъ, между которыми жили также

¹⁾ Въ 1870 году этомъ самый генер. Безобразовъ былъ у насъ передъ отъѣздомъ для леченія за границу. Хотя уже больной едва держась на ослабѣвшихъ ногахъ, онъ живо интересовался разработкой отечественной старины. Вскорѣ онъ умеръ. Интересно столкновение его съ императоромъ Николаемъ—приведшее Безобразова къ переходу на боевую службу на Кавказъ, гдѣ онъ и встрѣтился съ авторомъ этихъ Записокъ. Ред.

и горцы подь названіемъ мирныхъ. Пользуясь темнотою ночи, хищники, скрываясь у нихъ днемъ, часто ночью уводили лошадей, скотину, а иногда эти похищенія сопровождались убійствами и никогда нельзя было найти слѣдовъ, такъ какъ они мгновенно укрывались въ мѣстныхъ трупобахъ. Потому часто случалось слышать ружейные выстрѣлы, неизвѣстно куда направленные. Такъ однажды помню, что во время самыхъ танцевъ у генерала Полтинина, раздалось нѣсколько выстрѣловъ; дамы страшно перепугались, думая, что будутъ стрѣлять въ окна, но ихъ тотчасъ же закрыли ставнями, посланы патрули и танцы продолжались съ прежнимъ оживленіемъ. Бывали случаи, что стрѣляли въ идущаго съ фонаремъ, такъ какъ въ дождливое время грязь была невылазная и необходимо было искать тропинки съ фонаремъ. Послѣ этого я уже держалъ всегда фонарь подалѣе отъ туловища, когда шелъ домой.

Не помню въ 1844-мъ или въ 1845-мъ году Полтининъ былъ назначенъ бригаднымъ командиромъ и на его мѣсто поступилъ командиромъ полка полковникъ генеральнаго штаба Михаилъ Николаевичъ Бибиковъ, прекраснѣйшій и благороднѣйшій человекъ, но онъ командовалъ полкомъ очень недолго. Въ извѣстной экспедиціи, подь командой графа Воронцова, въ 1855 году, онъ сначала былъ просто раненъ, но переносимый на носилкахъ къ перевязочному пункту, былъ вторично пораженъ двумя пулями и умеръ. Тѣло его перевезли во Владикавказъ, гдѣ съ подобающими почестями и похоронили; его провожало все населеніе Владикавказа. Онъ былъ женатъ на прелестной молодой женщинѣ, умной, любезной и чрезвычайно талантливой. Ея умъ, красота, таланты, обращеніе были восхительны, и домъ ея былъ самымъ пріятнымъ пріютомъ въ нашей жизни во Владикавказѣ. Она рисовала на стеклѣ и можно сказать, что эти произведенія ея досуга были дѣйствительно художественны по изяществу исполненія. Уже послѣ нашего отъѣзда я узналъ, что она вышла замужъ за артиллерійскаго офицера Есакова, очень умнаго и образованнаго молодаго человека, который былъ пріятелемъ ея мужа и по смерти его уже видно было по его непрерывнымъ посѣщеніямъ, что онъ ему наследуетъ. Не знаю, были ли они счастливы, но по наружности, кажется, все обѣщало, что выборъ Софьи Николаевны (сколько помню) былъ хорошъ.

Послѣ Бибикова полкъ нашъ принялъ полковникъ баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій. Знакомство наше началось съ самаго начала нашего пребыванія на Кавказѣ. Вревскій былъ друженъ съ Михайломъ Александровичемъ Назимовымъ, который и познакомилъ насъ съ нимъ. Съ самой первой нашей экспедиціи и до самаго

выѣзда нашего, судьба соединяла насъ съ бар. И. А. Вревскимъ вездѣ, начиная съ Ставрополя, потомъ въ Чеченскихъ и Дагестанскихъ экспедиціяхъ, въ отрядѣ подъ Ойсь-Унгуромъ и особенно во Владикавказѣ, гдѣ уже мы служили подъ его начальствомъ, какъ нашего полковаго командира и гдѣ сблизились съ нимъ еще болѣе. Баронъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій былъ, могу сказать, однимъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своего времени. Помнится, что онъ кончилъ курсъ или учился въ Дерптскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ также курсъ медицины, зналъ многіе иностранные языки, былъ очень любознателенъ, имѣлъ чрезвычайно многостороннія познанія и специально изучилъ военныя науки. Въ пріемахъ своихъ онъ былъ очень оригиналенъ и нѣсколько застѣнчивъ, что къ нему удивительно какъ шло. Небольшаго роста, брюнетъ, съ пронзательными карими глазами, правильными, нѣсколько южными, чертами, тихою, какъ бы вкрадчивою, поступью, онъ тѣмъ не менѣе былъ очень живаго и веселаго характера. По его уму, многостороннимъ познаніямъ, по его вполне геройскому мужеству и страсти къ военной боевой службѣ, я тогда еще предсказывалъ ему великую военную роль въ будущемъ и еслибъ не ранняя смерть его въ лезгинскомъ горномъ походѣ, 1859-го года, я и до сихъ поръ увѣренъ, что, проживи онъ долѣе, то безъ сомнѣнія былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ военнo-начальниковъ. Вревскій съ самаго начала не довольствовался одною штабною службою, а всегда въ дѣлахъ, по его собственному желанію, командовалъ батальономъ и всегда старался выбирать самыя почетныя позиціи по опасности. Какъ теперь смотрю на него въ лѣвой цѣпи въ одной изъ горныхъ экспедицій съ Куренскимъ батальономъ, на огромной высотѣ, въ страшномъ огнѣ, прокладывавшимъ себѣ дорогу. Я восхищался его хладнокровіемъ и мужествомъ. Невозмутимо спокойный, съ коротенькимъ тубукомъ въ зубахъ, онъ шелъ впередъ, разрушая завалы и всѣ преграды самой дикой природы. Однажды также одинъ изъ батальоновъ его Навагинскаго полка велъ оказію, въ которой и онъ находился. На дорогѣ онъ былъ окруженъ огромною партіею горцевъ; бывшіе тутъ въ оказіи конечно оробѣли, ожидая дурнаго исхода, но онъ хладнокровно переѣзжалъ отъ одного фаса къ другому, распоряжался отчетливо и такъ успѣшно, что неприятель былъ отбитъ и «оказія» приведена благополучно. Какъ я упомянулъ выше, онъ слушалъ въ Дерптѣ курсъ медицины и отмѣчу, какъ особенность: онъ имѣлъ охоту Петра Великаго рвать зубы. Однажды, когда мы были у Суслова, командовавшаго Гребенскимъ полкомъ въ Червленной станицѣ, между нами былъ также уже знакомый читателю по Науру графъ Штейнбоксъ, у котораго сильно

болѣлъ зубъ; вдругъ слышимъ колокольчикъ и подъѣхавшій экипажъ, а затѣмъ входитъ Ипполитъ Александровичъ; поздоровавшись со всѣми, онъ, увидѣвъ страданія графа, тотчасъ же предложилъ ему выдернуть зубъ; тотъ, хотя быть можетъ и усомнился въ его искусствѣ, однакожъ мучимый болѣю, согласился. Онъ немедля досталъ инструменты, которые возилъ съ собой и операція мгновенно была совершена вполне успѣшно, и какъ благодаренъ былъ ему его паціентъ!

Принявъ полкъ, баронъ Вревскій купилъ свой домъ на большой улицѣ. Всѣ пріѣзжавшіе въ Тифлисъ или изъ Тифлиса были гостями Вревскаго. Тутъ можно было видѣть цвѣтъ Петербургскаго военного общества или, лучше сказать, цвѣтъ русской арміи. У него я познакомился со многими, тогда еще молодыми людьми, которые впоследствии занимали, а нѣкоторые еще продолжаютъ занимать высокіе посты въ государствѣ. Между ними помню прославившагося во всемъ свѣтѣ знаменитаго комиссара въ освобожденной Болгаріи князя А. М. Дундукова-Корсакова, тогда еще молодаго адъютанта главнокомандующаго графа Воронцова; помню также двухъ братьевъ Глѣбовыхъ, старшій изъ коихъ былъ героемъ дня, такъ что въ Петербургѣ что-то изъ принадлежностей дамскаго туалета называлось à la Gleboff, потомъ убитаго въ какомъ-то дѣлѣ. О его смерти мнѣ писалъ Ипполитъ Александровичъ Вревскій въ Россію, называя его «русскимъ баярдомъ». Былъ также, кажется, еще полковникомъ, флигель-адъютантомъ Николай Васильевичъ Исаковъ, графъ Штейнбокъ, который жилъ одно время въ Наурѣ у полковаго командира Аминова и съ которымъ мы были коротко знакомы и вмѣстѣ были въ нѣкоторыхъ экспедиціяхъ; опять я долженъ сказать, что это былъ очень умный, пріятный и благороднѣйшій человѣкъ. Къ Ипполиту Александровичу онъ заѣхалъ проѣздомъ, уже на деревяшкѣ, лишившись ноги въ Воронцовскую Даргинскую экспедицію. Штейнбокъ былъ большой острякъ и шутникъ....

Во Владикавказѣ начальникомъ округа былъ генералъ Петръ Петровичъ Нестеровъ, высокій ростомъ, красавецъ въ полномъ смыслѣ и опять таки прекраснѣйшій человѣкъ. Мы у него иногда бывали и часто видѣлись съ нимъ у Вревскаго. Жена его была очень хороша собой, а также и ея сестры, при насъ еще дѣвицы. Съ благодарностью долженъ вспомнить при этомъ, что, по моему ходатайству, Нестеровъ возвратилъ изъ Сибири одного черкесскаго князя, жившаго съ другими черкесами въ Минусинскѣ, о чемъ я упоминалъ въ своихъ сибирскихъ воспоминаніяхъ.

Случилось какъ-то, что у Ипполита Александровича Вревскаго съѣхались въ одно время многіе изъ упомянутыхъ мною молодыхъ

изящныхъ военныхъ, и онъ вздумалъ устроить импровизированный балъ.

На задуманномъ Ипол. Александровичемъ балѣ были, конечно, всѣ знакомыя семейства. Изъ дамъ были: вдова Софья Ник. Бибикова, жена начальника округа съ сестрами, Оздобина, съ сестрой княжной Орбеляни, Мылова, Вѣра Максимовна, съ племянницей, Павленковы, сколько помню, и другія. Помню только, что всѣ дамы и дѣвицы, бывшія на вечерѣ, какъ нарочно отличались красотой и граціей. Открылся балъ очень оригинально: польскимъ, въ первой парѣ шли вдова Софья Ник. Бибикова съ безногимъ графомъ Штейнбокомъ. Другихъ танцевъ ужъ конечно они танцевать не могли: графъ, какъ на деревянной ногѣ, Софья Ник. по причинѣ траура; всѣ остальные танцевали до упаду и весь вечеръ до поздней ночи былъ самый оживленный и пріятный, оставившій во всѣхъ самое пріятное воспоминаніе.

Тогда еще, въ 1845 году, Владикавказъ былъ не то, что теперь, но все же и тогда тамъ было устроено собраніе, гдѣ собиралось до 40 паръ танцующихъ. Иполитъ Александровичъ и всѣ военные принимали живое участіе въ танцахъ. Нельзя не сказать, что между танцующими только немногіе отличались граціей и ловкостью, на которыхъ я и любилъ смотрѣть, но зато были и такія пары, которыя отличались неуклюжестью и угловатостью, безъ чего впрочемъ, я думаю, не обходится ни одинъ балъ. Прекрасный оркестръ полковой музыки, которую Иполитъ Александровичъ много улучшилъ, выписавъ хорошіе инструменты и хорошаго капельмейстера, разнообразное общество, много знакомыхъ, нѣсколько прелестныхъ женскихъ головокъ — все это доставляло очень пріятное препровожденіе времени.

Во Владикавказѣ зимы нѣтъ, но бываетъ, что вдругъ забушуетъ буря, нависнутъ тяжелыя тучи и выпадетъ снѣгъ, хотя опять скоро исчезнетъ. Въ эти дни съ палатей сараевъ снимаются сани, тотчасъ устраиваются веселые пикники. Саней десять или пятнадцать запрягаются тройками и отправляются по дорогѣ къ ущелью даже до укр. Ларса, верстъ двѣнадцать, гдѣ иногда закусываютъ и отдыхаютъ. При мнѣ, въ одинъ изъ такихъ пикниковъ, случилось маленькое неудовольствіе, которое могло кончиться очень печально. Иполитъ Александровичъ предложилъ свои сани племянницѣ Николая Григорьевича Мылова, той самой, которая весьма правилась Вревскому. Все это было въ порядкѣ, такъ какъ всѣ кавалеры предлагали свои сани дѣвицамъ и дамамъ и сами садились съ ними. Всѣ сани ѣхали одни за другими, но какъ у Вревскаго были очень рѣзвыя лошади, то его сани далеко уѣхали впередъ. Дядя ея, бывшій

въ числѣ катающихся, погнался за ними, чтобы не оставлять племянницу одну съ глаза на глазъ съ молодымъ человѣкомъ, хотя на столько возвышенно и рыцарски благороднымъ, что ему можно было повѣрить и сестру, и дочь, и жену. Но тутъ вышло, что дядя былъ очень недоволенъ ихъ удаленіемъ отъ другихъ, разсердился на племянницу и даже хотѣлъ вызвать Ипполита Александровича на дуэль, но благодаря его умной, кроткой, чудной женѣ и моему содѣйствію дѣло обошлось безъ послѣдствій.

Жизнь наша и здѣсь во Владикавказѣ была также пріятна, какъ и въ Наурѣ. Тамъ и тутъ мы истинно были счастливы и именно потому счастливы, что любили искренно, также какъ любили и насъ. А гдѣ же и счастье, какъ не въ чувствованіяхъ сердца!

Служба моя во Владикавказѣ до полученія отпуска и потомъ отставки состояла въ завѣдываніи школой солдатскихъ дѣтей или, по тогдашнему, кантонистовъ, устроенной на полковомъ дворѣ, куда я каждый день ѣздилъ наблюдать за ходомъ ученія и экзаменовалъ учениковъ. Прогулки во Владикавказѣ верхомъ и пѣшкомъ были чрезвычайно пріятны по прелестному мѣстоположенію Владикавказа. Бульваръ былъ расположенъ на самомъ берегу Терека. Что за прелесть былъ этотъ бульваръ въ лунную ночь, когда луна всплыветъ надъ вершиной Казбека и освѣтитъ очаровательную окрестность съ черными мрачными Галаховскими горами, съ ревущимъ Терекомъ, съ его пѣнистыми волнами, придающими по огромнымъ камнямъ его русла. Этотъ молодой, но уже тѣнистый садъ съ благоухающими бѣлыми акаціями, ароматическій воздухъ и чудная картина — все это доставляло истинное наслажденіе мнѣ, какъ страстному любителю природы. И теперь, переносясь туда въ моихъ воспоминаніяхъ, я какъ будто смотрю на всю эту чудную красоту!

Получивъ отпускъ, мы простились со всѣми любившими насъ — съ искреннимъ чувствомъ благодарности за ихъ дружбу, гостепріимство, радушіе, и отъѣзжая увезли въ душѣ всѣ тѣ чувства, которыя насъ наполняли тогда, наполняютъ теперь и которыя сохранятся навсегда.

Проѣздомъ мы остановились въ Екатериноградѣ у полковаго командира князя Эристова, Георгія Романовича, котораго гостепріимствомъ и пріязнью пользовались во все то время, когда мы живали въ Наурѣ и потомъ изъ Владикавказа по пути въ Науръ, такъ какъ это былъ сосѣдній полкъ съ Моздокскимъ и мы довольно часто ѣзжали къ нему или съ Аминовымъ, или я одинъ. Это былъ, опять же долженъ сказать, прекрасный человѣкъ, благородный, сынъ чудной Грузин. Онъ воспитывался, кажется, въ пажескомъ корпусѣ, а потомъ

служилъ въ гвардейской кавалеріи и потомъ былъ командиромъ Горскаго полка, былъ добръ, гостепріименъ, благотворителенъ, отъ него всѣ проходящіе бѣдняки или отставленные отъ службы и оставшіеся безъ средствъ къ жизни, получали всегда положенное и опредѣленное имъ пособіе. Столъ у него всегда былъ превосходный и радушіе хозяина безмѣрно. Иногда мы ѣзжали съ нимъ по станицамъ его полка, иногда проводили у него вечера, куда приходили военные стоявшаго тамъ полка, съ полковымъ командиромъ и конечно всѣ садились за карты, а иногда у полковаго командира. Всѣ проѣзжавшіе въ Тифлисъ непремѣнно бывали у него; тогда же проѣзжалъ архіепископъ Исидоръ, назначенный экзархомъ Грузіи и помню, что въ домѣ была всенощная.

Теперь мы проѣзжали Екатериноградъ уже въ послѣдній разъ и въ послѣдній разъ пользовались радушнымъ гостепріимствомъ кн. Эристова и грустно было намъ разстаться съ нимъ навсегда. Потомъ мы остановились въ Наурѣ, который, при пріѣздѣ нашемъ на Кавказъ, былъ первой станціей изъ станицъ казачьихъ, и гдѣ теперь простились съ незабвеннымъ другомъ нашимъ Аминовымъ, со старушкой Найденовой и ея дочерью Александрой Ивановной; кумушка моя Елизавета Ивановна Баскакова жила съ мужемъ въ другой станицѣ того полка, которымъ теперь уже командовалъ ея мужъ Алексѣй Петровичъ Баскаковъ, на правомъ флангѣ. Вотъ всѣ тѣ милыя, добрыя благородныя существа, съ которыми судьба связала насъ на Кавказѣ и память о которыхъ будетъ жить во мнѣ до конца дней моихъ.

Нѣкоторыя отголоски изъ этого незабвеннаго края я получалъ еще нѣкоторое время въ Россіи...

Но теперь уже все это замолкло, многія подробности изгладились изъ моей памяти, и многіе изъ дѣйствующихъ лицъ и добрыхъ друзей уже сошли въ могилу, чтобы въ той же взаимной чистой любви, съ вѣрой и любовью къ Богу, соединявшими насъ здѣсь, соединиться, безъ сомнѣнія, и въ вѣчной жизни.

А. П. Бѣляевъ.

Москва.
1881 г.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ-ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг.¹⁾

1829 г.

Императоръ Николай—Дибичу.

Варшава, 9-го (21-го) іюня¹⁾.

Да будетъ Господь тысячекратно благословленъ и да вознаградитъ Онъ васъ, любезный другъ, въ будущей жизни за ту знаменитую заслугу, которую вы оказали вашему отечеству! Вамъ извѣстны чувства, какія я питаю къ вамъ, и вы знаете то довѣріе, которое я имѣю къ вашимъ чувствамъ. Я счастливъ, что вы доказали всему міру, что довѣріе мое къ вамъ было справедливо. Примите мою сердечную и душевную благодарность. Отнынѣ имя ваше начертано безсмертными строками въ лѣтописяхъ славы нашей арміи!

Но что за молодцы эти прекрасныя войска, эти дорогіе ратные товарищи, и какъ я сожалею, что болѣе не съ ними! Что за геройскіе полки: 12-й егерскій и Муромскій и храбрые Александрійскіе гусары! Вотъ подвиги, которые должны быть отмѣчены въ исторіи нашей арміи!—Радость здѣсь была большая: вся армія, подъ ружьемъ и подъ моею командою, присутствовала при молебнѣ, который мы отслужили сегодня по утру, при громѣ залповъ всей артиллеріи и въ присутствіи всей Варшавы. Я еще вчера вечеромъ послалъ Купшелева къ королю, чтобы возвѣстилъ ему новость. Для вашихъ храбрыхъ помощниковъ я сдѣлалъ все, чего вы пожелали; васъ же самихъ украсить Георгій 2-й степени. Сдѣлайте такъ, чтобы я не-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934. Изд. 1881 г., томъ XXX, стр. 105—130; томъ XXXII, стр. 287—302.

²⁾ Отвѣтъ на письма Дибича отъ 31-го мая и 2-го іюня. (Переводъ съ франц.).

ремѣнилъ его на 1-ю степень,—и никто тому не будетъ радоваться болѣе меня.

Завтра же Виттъ ¹⁾ получить приказаніе отправить всѣ резервные баталіоны 3, 6 и 7-го корпусовъ и 10-й дивизіи, въ составѣ 600 чел. на баталіонъ, а также по 2 эскадрона на каждый полкъ дивизіи: 3-й гусарской, 4-й и 5-й уланскихъ, 1-й драгунской и 1-й конно-егерской. Резервы 2-го корпуса я самъ увижу и отправлю къ вамъ все, что въ состояніи будетъ двинуться, тотчасъ же послѣ смотра. Посылаю приказаніе 12-й дивизіи быть готовою къ посадкѣ на суда; но зная, что войска эти еще крайне молоды, я полагаю, что они могутъ лишь замѣстить тѣ части, которыя занимаютъ Сизеполю. Туда я ихъ отправлю; но это можетъ быть сдѣлано лишь мало по малу, смотря по средствамъ перевозки. Я сильно сомнѣваюсь въ успѣхѣ переговоровъ съ визиремъ; но, во всякомъ случаѣ, вы имѣете въ своемъ распоряженіи Фрица Палена, а впоследствии я пришлю Орлова, въ качествѣ втораго уполномоченнаго,—какъ чело-вѣка надежнаго, умнаго и истинно русскаго. Что касается возможности попытки противъ Шумлы, то я предпочитаю сомнѣваться въ ней, чѣмъ обольщать себя напрасною надеждою; впрочемъ я увѣренъ, что вы не захотите терять плодовъ побѣды, рискуя войсками безъ увѣренности въ успѣхѣ. Шумла — дѣло добавочное, полезное, но не необходимое, между тѣмъ какъ приготовленія къ переходу черезъ Балканы представляютъ цѣль, которую вы всегда должны имѣть передъ глазами и къ достиженію которой вамъ слѣдуетъ направить всѣ ваши усилія. Я сдѣлаю все, что можно, чтобы облегчить вамъ успѣхъ.

Клавяйтесь очень графу Толлю ²⁾, вашему храброму и достойному помощнику. Ваше взаимное согласіе есть ключъ къ дальнѣйшему пути и служить мнѣ порукою за ваши будущіе успѣхи. Надѣюсь, что Красовскій будетъ имѣть возможность скоро покончить съ Силистріею и, затѣмъ, присоединиться къ вамъ; но я не думаю, чтобы вы были правы, притягивая къ себѣ дивизію изъ Валахій прежде, нежели какіе либо рѣшительные успѣхи въ Сербіи обезпечатъ ваше правое крыло.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій отъ Грейга и желаю, чтобы онъ быстро и сильно отомстилъ за постыдную и напрасную потерю фрегата ³⁾. Весьма важно, чтобы онъ какъ можно скорѣе сдѣлался свободнымъ, дабы обезпечивать переходъ черезъ Балканы.

¹⁾ Графъ де-Виттъ—начальникъ южныхъ военныхъ поселеній.

²⁾ Баронъ Толль возведенъ въ графское достоинство, за сраженіе при Кудевчѣ.

³⁾ Фрегатъ „Рафаилъ“, безъ боя сдавшійся туркамъ.

Впрочемъ, любезный другъ, Богъ да поможетъ вамъ, какъ доселѣ помогалъ. Его милосердію приписывайте (какъ вы и дѣлаете) тѣ успѣхи, которые Онъ доставляетъ вамъ; я очень радъ былъ найти это чувство въ вашемъ письмѣ и я увѣренъ—насколько знаю васъ—что вы его сохраните, и тогда Богъ намъ поможетъ.

Благодарность и дружескій привѣтъ всѣмъ моимъ товарищамъ, въ особенности—Толлю и Палену.—Вашъ навсегда, душою и сердцемъ Н.

Varsovie, le 9 (21) Juin.

Que Dieu soit mille fois béni, mon cher ami, et qu'il vous récompense dans l'autre vie pour le service signalé que vous venez de rendre à votre patrie! Vous connaissez mes sentimens pour vous et vous savez aussi la confiance que je mets dans les vôtres. Je suis heureux que vous ayez prouvé à la face du monde, que je l'avais bien placé, en la plaçant en vous. Recevez ma reconnaissance de coeur et d'âme. Voila votre nom inscrit dans les fastes de notre armée d'une manière immortelle!

Mais quels braves, que ces excellentes troupes, ces chers compagnons d'armes, que je regrette de ne plus suivre. Quels héros, que ceux du 12 chasseurs, de Муромъ et ces braves hussards d'Alexandrie. Voila des faits, qu'il faut souligner dans l'histoire de l'armée! La joie ici a été grande, et toute l'armée sous les armes a assistée, sous mes ordres, au Tedeum, que nous avons chantés ce matin au bruit des salves de toute l'artillerie et en présence de toute Varsovie. J'ai envoyé, encore hier soir, Кумелевъ au Roi, pour lui porter la nouvelle. J'ai fait tout ce que vous avez désiré pour vos braves aides. Le 2-me de St. Georges va vous orner; faites le moi changer en 1-er, et personne ne s'en réjouira plus que moi.

Dès demain Witt reçoit l'ordre de faire partir tous les bataillons de réserve des 3, 6 et 7-me corps et de la 10-me division, à 600 hommes par bat. et 2 escadrons par régiment de la 3-me hussards, 4 et 5 lanciers, 1 dragons et 1 chasseurs. Je verrai moi-même les réserves du 2 corps et ferai partir tout ce qui peut marcher, de suite après la revue. J'envoie l'ordre à la 12 div. d'être prête à s'embarquer, mais connaissant l'extrême jeunesse de cette troupe, je suppose qu'elle ne pourra que remplacer les troupes garnisonnées à Sizepolis. C'est là que je les expédierai; mais cela ne peut être qu'à fur et mesure, selon les moyens de transport. Je doute beaucoup de la réussite des négociations avec le Wизир; en tout cas, cependant, vous avez Fritz Pahlen à vos ordres, et j'enverrai plus tard Orlof, comme second plénipotentiaire,—comme un homme sûr, d'esprit et un vrai Russe. Quant à la possibilité d'une tentative sur Schoumla, j'aime mieux en douter que de me flatter d'un vain espoir; au reste je suis persuadé que vous ne voudrez pas perdre les fruits de la victoire, en compromettant les troupes sans certitude de succès. Schoumla est un accessoire utile, mais non indispensable; tandis que les préparatifs du passage des Balkans sont le but que vous devez avoir constamment devant les yeux et vers lequel vous devez tourner tous vos efforts. Je ferai ce que je puis pour vous en faciliter le succès.

Dites mille choses au Comte Toll, votre brave et digne aide; votre har-

monie est la clef de la route et le garant pour moi de vos succès à venir. J'espère que Красовскій pourra finir bientôt avec Silistrie et, alors, vous joindre; mais je ne crois pas que vous ayez raison d'attirer une division de Walachie avant que des succès décisifs en Servie assurent d'avantage votre droite.

J'attends avec impatience des nouvelles de Greig et je souhaite qu'il venge bientôt et ferme la honte d'avoir perdu pour rien une fregatte; il est essentiel qu'il soit libre le plus tôt possible, pour assurer le passage des Balkans.

Enfin, mon cher ami, que Dieu vous aide, comme il vous a aidé; et rapportez, comme vous le faites, à Sa miséricorde les succès qu'il vous a fait obtenir; j'ai été charmé de retrouver ce sentiment dans votre lettre, et je suis sûr—tel que je vous connais—que vous le garderez; et alors Dieu nous aidera.

Reconnaissance et amitié à tous mes camarades, en particulier—à Toll et Pahlen. A vous pour la vie et de coeur et d'âme N.

Дивичъ—Императору Николаю.

Лагерь при с. Энжикюй, близъ Шумлы, 9-го іюня.

Со времени отправки курьера, 2-го числа сего мѣсяца, ничего особенно важнаго здѣсь не происходило. В. В—мъ, конечно, уже получено мое письмо, возвѣщающее о славной экспедиціи генер. Гейсмара на Рахово ¹⁾ и отправленное съ фельдъегеремъ, повезшимъ мои депеши гр. Толстому.

Такъ какъ непріятель, видя дорогу изъ Эски-Стамбула отрѣзанною, сталъ направлять все черезъ Казонъ и, судя по всѣмъ донесеніямъ, получалъ свое продовольствіе изъ Тырнова,—то я, убѣдившись, что наша полу-блокада, раскидываясь на огромное пространство, поведетъ лишь къ изнуренію кавалеріи аванпостною службою, сосредоточилъ свои силы на енибазарской дорогѣ, оставивъ казаковъ въ окрестностяхъ Морача; генерала же Крейца, съ однимъ казачьимъ полкомъ и 1-ю бригадою 4-й уланской дивизіи послалъ на Афлотаръ для того, чтобы онъ могъ поддержать Красовскаго въ томъ вѣроятномъ случаѣ, если бы Гуссейнъ-Паша двинулся къ Силистріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я направилъ кн. Мадатова, по разградской и тырновской дорогамъ, къ Джумаѣ; но онъ нигдѣ не встрѣтилъ непріятеля, а Джумая и Разградъ оказались покинутыми ихъ обывателями.

Извѣстія изъ подѣ Силистріи удовлетворительны; хотя я желалъ бы, чтобы тамъ дѣйствовали побыстрѣе. Вѣнчаніе гласиса продолжается съ 6-го числа, равно какъ и устройство минъ подѣ контръ-

¹⁾ Этого письма не нашлось.

эскарпомъ, которыя должны были быть взорваны вчера, присоеди-
няя свое дѣйствіе къ дѣйствію брешь-батарей, бьющихъ по эскарпу.
Надо надѣяться, что удачное дѣйствіе минъ и батарей поколеблетъ
гарнизонъ, который уже хотѣлъ капитулировать, но только на усло-
віяхъ, дарованныхъ Браилову. Условія же, которыя я разрѣшилъ
Красовскому даровать, суть: сохраненіе всякаго частнаго имущества,
свободный выходъ женщинъ, дѣтей и стариковъ свыше 60 лѣтъ, или
же—дозволеніе имъ остаться въ городѣ; остальные должны сдаться
военно-плѣнными.

По разсказамъ перебѣжчиковъ изъ крѣпости, общая нужда уве-
личивается въ городѣ съ каждымъ днемъ, а гарнизонъ несетъ еже-
дневно большія потери отъ нашего огня, особенно—отъ бомбъ.

Изъ бумагъ, посланныхъ мною вице-канцлеру, копіи съ которыхъ
(на случай, если бы его не было съ Вами) имѣю счастье при семъ
приложить, В. В.—ву сдѣлается извѣстнымъ продолженіе нашихъ пе-
реговоровъ съ турками. Не льщу себя надеждою (вопреки тому, что
можетъ показаться съ перваго взгляда), чтобы это, теперь, могло по-
вести къ серьезнымъ послѣдствіямъ; но надѣюсь, что это значительно
ускоритъ ходъ переговоровъ послѣ перехода черезъ Балканы,—осо-
бенно, если прибытіе резервовъ позволитъ мнѣ двинуться къ Адриа-
нополю.

Дѣло подъ Раховымъ тоже представляетъ собою блестящій ан-
трактъ,—весьма полезный потому, что прерываетъ водяное сообщеніе
между Виддиномъ и Никополемъ.

Насколько военныя дѣла представляются повсюду совершенно
удовлетворительными; насколько, кромѣ того, я имѣю полныя осно-
ванія быть довольнымъ продовольственною частію, — настолько же,
къ несчастію, извѣстія о заразительной болѣзни становятся со дня
на день печальнѣе и безутѣшнѣе. Опустошенія, производимыя ею въ
Валахій и Молдавіи, продолжаются и увеличиваются; но, къ несча-
стію, и въ Болгаріи—особенно же въ Кистенджи и Варнѣ,—она вне-
запно появилась съ такими злокачественными симптомами, которые
дѣлаютъ ее похожею на восточную чуму. Особенно страдаютъ отъ
нея первые три полка 10-й дивизіи и 4-й піонерный баталіонъ; въ
теченіи недѣли тамъ было уже около 300 умершихъ и столько же
заболѣвшихъ, и пребываніе въ лагерѣ вовсе, повидимому, не улуч-
шаетъ ихъ положенія. Я приказалъ перемѣнить лагерное мѣсто,
каждый день водить людей купаться; однимъ словомъ: всѣ мѣры при-
няты и будутъ принимаемы; но только рука Всевышняго можетъ
остановить этотъ бичъ. Черезъ Варну пройдутъ не всѣ войска, и я
буду стараться, насколько возможно, чтобы всякое сообщеніе съ за-

раженными было устранено; но совершенно этого избѣжать невозможно. Всѣ войска, которыя проходить, и преимущественно резервныя, будутъ располагаемы внѣ зараженныхъ городовъ и получать продовольствіе съ соблюденіемъ необходимыхъ предосторожностей.

Войска осматриваются какъ можно чаще; людей приказано купать и мыть, и я велѣлъ составить особую по сему предмету, походную инструкцію, печатные экземпляры которой выпило немедленно на встрѣчу резервнымъ баталіонамъ и эскадронамъ, которые впрочемъ буду по возможности отклонять отъ зараженной дороги. Такимъ образомъ я надѣюсь, что, при помощи Божіей, несчастная болѣзнь эта останется лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ усиленію ея наиболѣе, видимому, способствовали: нездоровый климатъ и истощеніе силъ въ людяхъ,—особенно въ тѣхъ, которые зимою и весною употреблялись для земляныхъ работъ.

В. В—ву, въ послѣднемъ письмѣ, благоугодно было снова написать, что Вы разсчитываете прислать мнѣ резервные баталіоны въ составѣ отъ 700 до 800 человекъ. Осмѣливаюсь повторить, что прибытіе на каждый полкъ по одному баталіону въ 400—500 чел. и по одному комплектному эскадрону—но такъ, чтобы они присоединились къ арміи еще въ теченіи іюля—казалось бы мнѣ, на первый разъ, достаточнымъ и гораздо предпочтительнѣе прибытія баталіоновъ болѣе сильныхъ, но однимъ мѣсяцемъ позже, когда время года не дозволитъ предпринять чего либо рѣшительнаго, а первый страхъ, произведенный на непріятеля (какъ я надѣюсь) переходомъ черезъ Балканы, успѣетъ отчасти миновать.

Толль и Паленъ весьма тронуты вниманіемъ В. В—ва и повергаютъ себя къ стопамъ Вашимъ, Государь.

Деллингсгаузенъ, который—не знаю, почему—кажется недовольнымъ своимъ положеніемъ, сказалъ Толлю, что видитъ себя вынужденнымъ проситься въ отставку, по случаю болѣзни. Толль объяснилъ ему всю неблаговидность этого; но онъ остался при своемъ мнѣніи. Если онъ подастъ мнѣ прошеніе, то я намѣренъ разрѣшить ему ѣхать въ Россію, ибо полагаю, что во время войны, въ особенности, не слѣдуетъ никого удерживать помимо его воли.

Благоволите, Государь, повергнуть къ стопамъ Ея В—ва Императрицы глубокую мою благодарность за то, что удостоила вспомнить обо мнѣ.

Весьма счастливъ былъ увидѣть изъ Вашего письма и узнать отъ прапорщика Иностранцева (за производство котораго приношу В. В—ву искреннѣйшую благодарность), сколь довольны были В. В. своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ. Очень счастливъ былъ бы я послѣдовать

туда за Вами, Государь; но утѣшаюсь убѣжденіемъ, что здѣсь былъ не безполезенъ для службы Вамъ. Я былъ бы неблагодарнѣйшимъ человѣкомъ, если бы съ радостію не жертвовалъ для Васъ всѣми пріятностями моего существованія.

Благоволите, Государь...

Лагерь при Энжикіой, близъ Шумлы, 16-го іюня вечеромъ ¹⁾.

Фельдтегеръ Шекинъ только что привезъ письмо и рескриптъ отъ 9-го іюня, которыми В. В. удостоили почтить меня. Они весьма осчастливили меня, Государь. Осмѣливаюсь признаться, что еще болѣе радъ тому, что мнѣ удалось осуществить желанія Ваши, и что я узналъ это отъ Васъ самихъ, — нежели полученію отъ Вашей милости тѣхъ щедрыхъ наградъ, которыми В. В. насъ осыпали и которыя, относительно меня, Вамъ благоугодно было усугубить. Конечнымъ же избыткомъ счастья для меня есть полное удовольствіе, выраженное В. В.—мъ поведенію тѣхъ храбрыхъ, которыхъ Вы мнѣ ввѣрили.

Благоволите, Государь, принять выраженіе глубочайшей благодарности за новые знаки Вашихъ милостей; показать себя ихъ достойнымъ повелѣваютъ мнѣ, одинаково, и сердце мое и чувство долга. Сегодня, послѣ богослуженія, я передалъ находящимся здѣсь войскамъ благодарность Вашу, Государь. Они приняли ее съ восторгомъ, и могу Васъ увѣрить, что мы всѣ чувствуемъ святость обязанностей, ею на насъ налагаемыхъ. Тотъ, милости Котораго мы всѣ обязаны, да подастъ мнѣ силы и да благословитъ прилагаемая доблестною Вашею арміею старанія къ исполненію августѣйшихъ намѣреній Вашихъ! Да осуществить Всевышній желанія, нами питаемая, и надежду на прочный и почетный миръ, внушаемую мнѣ, какъ положеніемъ противника, такъ и тѣми обширными, резервными средствами, которыя В. В., въ послѣднихъ депешахъ, предоставляете мнѣ!

Исполненіемъ этихъ надеждъ льщу себя, однако, не ранѣе перехода черезъ Балканы, и тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю сдачи Силистріи. Къ несчастію, упорная оборона гарнизона, а еще болѣе—постоянные дожди, (которые, съ другой стороны, весьма намъ полезны, освѣжая траву и воздухъ) замедлили взятіе оной гораздо долѣе того срока, на который я считалъ возможнымъ надѣяться. Я думаю, что были также и кой какія неправильности въ осадныхъ

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Государя отъ 9-го іюня.

работахъ: храбрый и неутомимый Шильдеръ, отъ избытка усердія, хотѣлъ подвигать ихъ впередъ слишкомъ скоро и чрезъ это самое предпринималъ иногда преждевременную работу, которую затѣмъ приходилось исправлять. Такою работою, между прочимъ, была, по-видимому, и мина, подведенная уже подъ эскарпъ, прежде нежели довершено было вѣнчаніе гласиса: вслѣдствіе вылазки гарнизона ее пришлось оставить. Теперь будутъ укрѣплять ту часть контръ-эскарпа, которая дѣйствуетъ по потернѣ, и я надѣюсь, что новая мина удастся. Я самъ отправился бы подъ Силистрію, если бы пребываніе мое не было нужно здѣсь, для подготовки перехода за Балканы, и если бы не опасался, что лица, видящія все въ черномъ цвѣтѣ, не назвали бы такое движеніе отступленіемъ.

Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что задержка эта не будетъ значительною. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, генераль Красовскій полагалъ, что крѣпость будетъ взята около 20-го или 22-го числа.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ отъ перебѣжчиковъ, ежедневно являющихся къ намъ изъ Шумлы, Решидъ-Паша, получивъ подкрѣпленіе въ нѣсколько тысячъ албанцевъ, и прибавивъ къ нимъ столько же делибашей, послалъ отъ 5-ти до 8-ми т. человекъ, безъ пушекъ (судя по различнымъ показаніямъ), черезъ Джумаю на Виддинъ, Тырново и Разградъ. Такъ какъ весьма вѣроятно, что онъ, изъ окрестностей Разграда двинется къ Силистріи, я отдѣлилъ туда бригаду генер. Малиновскаго, которая была назначена для очищенія лѣса между Силистріею и Разградомъ, и дивизію кн. Мадатова. Это можетъ быть и лишнее,—но движеніе не вредитъ людямъ; здѣсь же у меня войскъ остается достаточно противъ 20 т. (самое большое), которыя визирь можетъ имѣть въ Шумлѣ, присоединивъ обезкураженные остатки полковъ, бывшихъ подъ Кулевчею, къ гарнизону, сила котораго не превосходила 12 т. человекъ, считая въ томъ числѣ и вооруженныхъ жителей.

Заразительная болѣзнь продолжаетъ производить опустошенія въ болгарскихъ портахъ и въ княжествахъ; я принимаю всѣ мѣры для того, чтобы она не могла распространяться въ войскахъ и резервахъ, которые отъ Бабадага направлены по степи, гдѣ приготовлены для нихъ этапы.

Благодаря заботамъ Киселева, Журжевскій отрядъ кажется совсемъ освободился отъ этого бѣдствія. Я отправилъ Рота въ Варну, ибо мнѣ казалось, что Головину не достаетъ энергіи и хладнокровія. Морскіе транспорты я уже приказалъ направить въ Сизеполь, гдѣ продовольственные запасы помѣстятъ на островахъ. вмѣстѣ съ

тѣмъ мы примемъ всевозможныя мѣры относительно припасовъ въ болгарскихъ портахъ.

Не могу достаточно благодарить В. В. за 12-ю дивизію; она будетъ составлять гарнизонъ Сизеполя и прочихъ портовъ Бургасскаго залива.

Позвольте мнѣ, Государь, еще разъ выразить передъ Вами чувства глубочайшей признательности за милости, которыя Вы излили на насъ. Толмъ совершенно счастливъ; онъ, равно какъ и Паленъ, приносятъ Вамъ искреннѣйшую благодарность за воспоминаніе, которымъ Вы ихъ удостоиваете. Меня же В. В. весьма изволили осчастливить, наименовавъ кн. Трубецкаго Вашимъ адъютантомъ.

Когда я уже почти совсѣмъ окончилъ это письмо, то получилъ отъ генер. Красовскаго донесеніе о взятіи люнета передъ фронтомъ 6—7-й, вмѣстѣ съ 5-ю знаменами, которыя имѣю счастье представить съ тѣмъ же фельдъегеремъ, равно какъ и планъ осадныхъ работъ, которыя В. В. найдете изрядно подвинувшимися, но нѣсколько избыточными. Адъютантъ Красовскаго сказалъ мнѣ, что мины подъ эскарпомъ надѣются взорвать 16-го или 17-го числа. Въ окрестностяхъ Силистріи все тихо. Петери убитыми и ранеными довольно значительны: ихъ было болѣе двухсотъ, въ теченіи трехъ дней, какъ устраивали спускъ въ ровъ. Гвардейскій офицеръ Черкесовъ сильно контуженъ, а адъютантъ Его Выс—ва Вел. Князя Михаила Павловича, Философовъ—легко раненъ. Оба они служатъ съ величайшимъ отличіемъ, равно какъ Бакунинъ и всѣ гвардейскіе офицеры, которыхъ В. В. благоугодно было прислать къ намъ.

Поведеніе генерала Г. тѣмъ болѣе позорно, что оно могло быть лишь послѣдствіемъ выговора, даннаго ему генер. Ротомъ за то, что онъ опоздалъ къ дѣлу 5-го числа и за противныя дисциплинѣ выраженія, произнесенныя имъ при этомъ случаѣ. Вслѣдствіе сего,—еще до полученія приказаній В. В.—я уже послалъ г. Г. формальный запросъ.—Льшу себя тѣмъ, Государь, что съ каждымъ днемъ замѣчаю въ превосходныхъ войскахъ, ввѣренныхъ мнѣ милостію Вашей, все болѣе и болѣе привязанности и довѣрія ко мнѣ, но заслужить это надѣюсь лишь строгою справедливостію, какъ къ хорошему такъ и къ дурному, и твердымъ соблюденіемъ законовъ.

Осмѣливаюсь просить Васъ, Государь, повергнуть меня къ стопамъ Ея В. Императрицы и благоволить..... Дибичъ.

Императоръ Николай—Дибичу.

Лагерь при Тульчинѣ, 21-го іюня.¹⁾

Вашъ курьеръ, любезный другъ, прибылъ ко мнѣ сегодня вечеромъ и я очень радъ, видя, что вы и ваши храбрые ратные товарищи довольны; но ручаюсь, что вы не болѣе довольны, нежели я—всѣми вами.

Надѣюсь, что наконецъ Силистрія должна пасть; я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія, что вы уже далеко отъ Шумлы; слишкомъ долгое пребываніе передъ нею (хотя въ иныхъ отношеніяхъ и полезное), имѣетъ ту дурную сторону, въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ, что заставляетъ думать, будто мы опять долго простояли передъ этою крѣпостію, не будучи въ состояніи ничего сдѣлать. И такъ, самое лучшее, что вы можете сдѣлать, это—поскорѣе уйдти оттуда; ибо если визирь силенъ—онъ послѣдуетъ за вами; если же онъ слабъ (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія), то вамъ нечего опасаться. Мы распоряжаемся такъ, чтобы доставить вамъ всё, не позже какъ къ 20-му іюля; первые же (резервы) прибѣдутъ къ вамъ 19-го іюля. Считаю съ 12-ю дивизіею, вы получите подкрѣпленій 42 т. человекъ, изъ конныхъ пѣхоты 36,800. Я посылаю вамъ 4 орудія конной батареи № 19-го и по одному дивизиону (людей и лошадей) изъ всей резервной, пѣшей и конной артиллеріи.

Старайтесь и торопитесь приготовленіями къ переходу черезъ горы. Лошади 12-й артиллерійской бригады и подъ необходимыя для дивизіи тяжести скоро прибѣдутъ въ Варну; примите мѣры къ посадкѣ ихъ на суда. Дивизія эта не будетъ имѣть своихъ провіантскихъ фуръ; и я думаю, что она можетъ безъ нихъ обойтись.

Кланяйтесь графамъ: Толлю и Палену. Вашъ навсегда Н.
Здѣсь я остался всѣмъ вполне доволенъ.

Au camp de Тульчинъ, le 21 Juin.

Votre courrier m'est arrivé ce soir, mon cher ami, et je suis charmé de vous voir, ainsi que vos braves compagnons d'armes, satisfaits; mais je vous défie de l'être plus que je ne l'ai été de vous tous.

J'espère qu'enfin Silistria doit tomber, et il me tarde de vous savoir loin de Шумла; un trop long séjour vis-à-vis—quoique utile sous d'autres rapports—à le mauvais, politique et moral, de faire croire que nous sommes de nouveau restés longtemps devant, sans avoir rien pu faire. Aussi vous ne sauriez mieux

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 16-го іюня 1829 г.

faire que de le quitter le plus tôt possible; car si le Wизir est fort, il vous suivra; s'il est faible—ce qui est sûr—alors vous n'en avez rien à craindre.— Nous faisons en sorte de vous faire arriver tout, au plus tard, pour le 29 Juillet, et les premiers vous joindront le 19 Juillet. Vous aurez, avec la 12-me division, 42 m. hommes de renforts, dont 36,800 d'infanterie. Je vous envoie 4 pièces de la batterie à cheval № 19 et par une division,—hommes et chevaux—de toute l'artillerie, à pied et à cheval, de la reserve.

Soignez et pressez les préparatifs du passage des monts. Les chevaux de la 12-me brigade d'artillerie et ceux des bagages indispensables de la division vont vous arriver à Warna; prenez vos mesures pour leur embarquement. Cette division n'aura pas ses voitures de vivres et je crois qu'elle peut s'en passer.

Mille choses au Comtes Toll et Pahlen. A vous, mon cher ami, et pour la vie N.

J'ai été parfaitement satisfait de tout ici.

Дибичъ—Императору Николаю.

Лагерь при Эвжиной, близъ Шумы, 20-го іюня.

Вмѣстѣ съ симъ курьеромъ, имѣю счастіе представить В. И. В.—ву рапортъ генер. Красовскаго о благополучномъ овладѣніи Силистрію, по капитуляціи, заключенной 18-го числа, на тѣхъ основаніяхъ, которыя мною были даны Красовскому и копію съ коихъ при семъ прилагаю.

По этой капитуляціи, крѣпость должна была быть сдана 19-го числа. Махмудъ-Паша Адрианопольскій, твердости котораго Силистріискій Паша, Хаджи-Мегметъ, преимущественно обязанъ главною обороною, остался у насъ заложникомъ, съ тремя почетными городскими обывателями, до вступленія нашихъ войскъ. По свѣдѣніямъ, которыя онъ сообщилъ генер. Красовскому, мы можемъ ожидать 10 т. плѣнныхъ (въ томъ числѣ двое трехъ-бунчужныхъ пашей), около 220 орудій (со включеніемъ фальконетовъ и морскихъ пушекъ) и около 80-ти знаменъ.

Важнымъ приобрѣтеніемъ этимъ, обезпечивающимъ для насъ вторую операціонную линію и прочный базисъ на Дунаѣ, мы—за помощь Всевышняго—обязаны, преимущественно, доблести генер. Красовскаго, а затѣмъ—усиліямъ храбрыхъ войскъ В. И. В.—ва, которыя, съ самаго начала обложенія и до конца осады, превзошли себя и въ отвагѣ, и въ веденіи осадныхъ работъ. Изъ нихъ Черниговскій полкъ нанесъ непріятелю первые удары штыкомъ и особенно отличался въ траншейныхъ схваткахъ и при отраженіи вылазокъ, равно какъ храбрые саперные и піонерные баталіоны и 3-й баталіонъ 3-й бригады 9-й дивизіи.

Милость Божія спасла насъ отъ страшныхъ послѣдствій приступа; я предписалъ Красовскому избѣгать этого насколько будетъ возможно, но не колебаться, если бы ходъ осады сдѣлалъ штурмъ неизбѣжнымъ. Въ тотъ самый день, въ который намѣревались штурмовать эскарпъ, дабы утвердиться на ономъ, турки открыли переговоры; и окончательный договоръ удалось заключить въ 11 ч. вечера.

Извѣстіе это везетъ гвардейскаго конно-егерскаго полка капитанъ Врангель; онъ съ отличіемъ служилъ въ Персидскую кампанію, находясь адъютантомъ при ген. Красовскомъ, и мнѣ онъ извѣстенъ съ прапорщичьяго чина, какъ прекрасный офицеръ; на основаніи сего осмѣливаюсь просить В. В. о переводѣ его въ старую гвардію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь испрашивать для Красовскаго—если В. В. не назначаете ему другой награды—орденъ св. Владимира 1-й степени; онъ не имѣетъ еще ордена св. Александра Невскаго, но я полагаю, что важность крѣпости допускаетъ сдѣлать исключеніе въ послѣдовательности наградъ.

Официальнымъ рапортомъ испрашиваю щедрыхъ наградъ главнымъ помощникамъ Красовскаго, которыхъ поручаю милости В. И. В—ва. Изъ нихъ особенной похвалы заслуживаютъ: Горчаковъ и Бергъ.

Какъ только я получу отъ Красовскаго обстоятельное донесеніе о дняхъ, въ которые онъ можетъ выступить въ походъ, то буду имѣть счастье представить В. И. В—ву мои распоряженія къ переходу черезъ Балканы, который—какъ я надѣюсь,—при помощи Божіей—будетъ вторымъ послѣдствіемъ совершеннаго пораженія Решида-Паши.

Позвольте мнѣ, Государь, выразить передъ Вами мои лучшія пожеланія по случаю дня рожденія Вашего, къ которому—я надѣюсь—Врангель успѣетъ прибыть. Да благословитъ Господь Богъ труды, подъятыя Вами для счастья Вашихъ народовъ!

Императоръ Николай—Дибичу.

Козелецъ, 26-го іюня ¹⁾.

Очень любезно съ вашей стороны, милый другъ, что вы, ко дню моего рожденія, прислали мнѣ такой великолѣпный подарокъ, какъ Силистрія; это отличное извѣстіе я получилъ вчера утромъ, когда одѣвался. Да будетъ Господь Богъ тысячекратно благословенъ за это прекрасное приобрѣтеніе. Слава нашимъ храбрымъ войскамъ и вашимъ распоряженіямъ, которыя сразу подвинули дѣло! Въ память

¹⁾ Отвѣтъ на письмо Дибича отъ 20 го іюня.

этого славнаго покоренія я назначилъ васъ шефомъ Черниговскаго полка; я подписалъ тоже всѣ ваши представленія о лицахъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ успѣху осады. Какое счастье, что все кончилось безъ пролитія крови! Надѣюсь, что вы уже приказали занять крѣпость 1-ю бригадою 11-й дивизіи и, въ такомъ случаѣ, вы могли бы ввѣрить начальство тамъ Кузьмину, подчинивъ, однако, крѣпость высшему вѣдѣнію Киселева. Такимъ образомъ все устроится какъ слѣдуетъ и въ предположенномъ боевомъ порядкѣ. Вы можете смѣло притянуть къ себѣ все, что было у Красовскаго. Не знаю еще, кого и гдѣ вы оставляете для наблюденія за вашимъ пріятелемъ, визиремъ. Такъ какъ, на первый разъ, вамъ не будетъ надобности во всей вашей кавалеріи, то я думаю, что вы хорошо сдѣлали бы, подкрѣпивъ ею и конною артиллеріею тотъ отрядъ, который назначенъ прикрывать вашъ тылъ и правое крыло. Могу дать вамъ самый удовлетворительный отчетъ о тѣхъ резервахъ, которые видѣлъ. Въ 1-й драгунской и 1-й конно-егерской дивизіяхъ было по 2 эскадрона на полкъ, по 20 рядовъ во взводѣ; всего 16 эскадроновъ, дѣйствительно превосходныхъ.

Изъ нихъ, равно какъ и изъ остальной кавалеріи я посылаю вамъ только по одному эскадрону, потому что этого, кажется, достаточно. вмѣстѣ съ тѣмъ вы получите 4 запряженныхъ орудія 19-й конно-батарейной батареи; а также людей и лошадей еще для восьми конныхъ орудій. Въ Кіевѣ я сдѣлалъ смотръ 9-ти своднымъ баталіонамъ, т. е. 18-ти баталіонамъ 5-го корпуса; почти всѣ они въ отличномъ состояніи; по 32 ряда, и рекрута прекрасные.

Изъ числа послѣднихъ вы получите то количество, которое Толстой вамъ обозначилъ; и я приказалъ, чтобы всѣ они были отправлены въ 6-ю, 16-ю и, если пожелаете, въ 7-ю дивизію; такъ какъ 4-я и 17-я въ нихъ пока не нуждаются. Виттъ уѣхалъ въ Севастополь, гдѣ, вмѣстѣ съ Корсаковымъ, (который уже тамъ находится) онъ, насколько возможно скоро, распорядится отправленіемъ одной бригады 12-й дивизіи въ Сизеполи. Изъ писемъ Понсета Воронцову видно, что крайне необходимо послать подкрѣпленія въ этотъ пунктъ, потому что непростительно было бы потерять его. И такъ, любезный другъ, я рассчитываю, что около 25-го іюля, вы будете подкрѣплены 42 т. человекъ резерва и всѣмъ Силистрійскимъ отрядомъ; если послѣдній сократился и до наименьшей численности, то я считаю, что всего будетъ 50 т. человекъ. Это огромныя средства, которыя вы—я въ томъ не сомнѣваюсь—сумѣете хорошо употребить. Съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаю увѣдомленія о послѣдующихъ намѣреніяхъ вашихъ. Я посѣтилъ также Кіевскій арсеналъ, который со-

держанъ очень хорошо и въ комплектъ, — кромѣ осадной артиллеріи, изъ которой не осталось болѣе ни одного орудія. Нельзя ли вамъ будетъ теперь приказать флотилии подняться вверхъ по Дунаю, что бы прервать сообщенія между Рушукомъ и Журжею, и тогда послать осадную артиллерію Киселеву, чтобы попробовать атаковать, или, по крайней мѣрѣ, окончательно обложить Журжу. Я думаю, что это возможно. Сообщите мнѣ, какъ можно скорѣе, ваше мнѣніе объ этомъ. Въ противномъ случаѣ вы могли бы отослать къ намъ Шильдера и половину гвардейскихъ офицеровъ; потому что въ Саперномъ баталіонѣ ощущается отсутствіе его командира. Адлербергъ сообщаетъ вамъ, что я нашелъ въ Киевскомъ арсеналѣ лазаретный обозъ новаго образца, который, согласно приказанію, отданному начальнику комиссаріата, долженъ отправиться въ Яссы; полагаю, что тутъ, навѣрное, ошибка, — если только вы не пожелали отправить его теперь въ Силистрію. На всякій случай, я приказалъ, чтобы онъ дожидался въ Кишиневѣ, куда и прошу васъ послать ему ваши приказанія. Паскевичъ прислалъ ко мнѣ адъютанта, Муравьева, съ пятью знаменами; они съ Бурцовымъ разбили 15-ти тысячный турецкій корпусъ около Ардагана и взяли 6 пушекъ; дѣло очень хорошее. Замѣчательно то, что состоящій на нашей службѣ 3-й мусульманскій полкъ атаковалъ и взялъ двѣ пушки! Каково! — Я даю ему за то знамя съ моимъ вензелевымъ изображеніемъ. Паскевичъ въ Карсъ; Сераскиръ съ 40 т. находится въ 60-ти верстахъ оттуда, и Паскевичъ намѣревался идти атаковать его.

Здѣсь я остался весьма доволенъ кирасирами и гусарами; послѣдніе точно удивительны; да и весь корпусъ представляетъ самый блестящій видъ. Добрый старикъ фельдмаршалъ ¹⁾ здоровъ и все тотъ же, что и былъ. Полагаю остаться здѣсь завтра, а послѣ завтра вечеромъ выѣхать въ Бобруйскъ, гдѣ буду, вѣроятно, 30-го утромъ. Тамъ я думаю остаться 1-е и 2-е число и вечеромъ выѣхать въ Старую Русу, черезъ Витебскъ и Порховъ. Кланяйтесь Толлю и Палену. Прощайте, любезный другъ. Вашъ навсегда Н.

Koseletz, le 26 Juin.

Vous êtes bien aimable, mon cher ami, de m'avoir envoyé un aussi superbe cadeau pour ma fête, que Silistrie; j'ai reçu cette excellente nouvelle au moment où je m'habillais, hier matin. Que le bon Dieu soit mille fois béni pour cette belle acquisition; et gloire à nos braves troupes et à vos excellentes dispositions qui, dès le premier moment, ont donné l'impulsion né-

¹⁾ Графъ Сакенъ, начальникъ 1-й арміи.

céssaire. En mémoire de votre bel investissement, je vous ai fait Chef du régiment de Tchernigof; j'ai, également, souscrit à toutes vos présentations pour les individus qui ont le plus contribué au succès du siège. Qu'il est heureux que tout aie fini sans effusion de sang! — J'espère que vous aurez déjà ordonné de faire occuper la place par la 1-re brigade de la 11-me division et en ce cas, vous pourriez en confier le commandement à Kousmin, en mettant — je crois, toute fois, — la place sous les ordres supérieurs de Kucerev. De cette manière tout est en règle et dans l'ordre de bataille convenu. Vous pouvez hardiment attirer à vous tout ce que Kpacobckii avait avec lui. Je ne sais encore, qui vous laissez et ou, pour observer votre ami, le vizir. Comme pour le premier moment vous n'aurez pas besoin de toute votre cavallerie, vous feriez bien, je crois, d'en renforcer, ainsi que de l'artillerie à cheval, le corps destiné à couvrir votre dos et votre droite. Je puis vous donner le compte le plus satisfaisant des réserves que j'ai vu. Celle de la 1-re division de dragons et 1-re de chasseurs à cheval étaient à 2 escadrons par régiment; à 20 fils le peloton; en tout, 16 escadrons, réellement superbes.

Je ne vous en envoie, ainsi que de tout le reste de la cavallerie, que par un escadron, car cela paraît suffisant. Vous aurez avec 4 pièces attelées de la 19-me batterie à cheval, de position, et les hommes et les chevaux pour huit autre pièces à cheval. A Kief j'ai passé la revue de 9 bataillons combinés, c. à d. 18 bataillons du 5-me corps, presque tous excellents, à 32 files; et des recrues superbes. Vous aurez de ceux là le nombre que Tolstoy vous a marqué et j'ai ordonné que le tout part pour les 6-me, 16-me et, si vous le voulez, pour la 7-me division; les 4-me et 17-me n'ayant pas besoin pour le moment. Witt est parti pour Sevastopol, où, avec Kопцаковъ, qui s'y trouve déjà, il fera partir, le plus tôt possible, pour Sizépolis, une brigade de la 12-me. D'après des lettres de Poncette à Woronzof, il est de la plus grande urgence de renforcer ce point, car il serait impardonnable de le perdre. Je calcule donc, mon cher ami, que vers le 25 du mois de Juillet vous serez renforcé de 42 m. hommes de réserve et de tout le corps de Silistrie, et, en le réduisant au minimum, j'estime le tout à 50 m. hommes. Ce sont d'immenses moyens, que vous saurez — je n'en doute pas — bien employer. J'attends avec grandes impatience la communication de vos projets ultérieurs. J'ai visité aussi l'arsenal de Kief qui est fort bien tenu et rempli, hors l'artillerie de siège, dont il n'y a plus une seule pièce. Ne pourrez vous pas faire remonter maintenant le Danube à la flotille, pour couper communication entre Roustchouk, et Jourga, et alors envoyer à Kucerev l'artillerie de siège, pour tenter l'attaque ou, du moins, le blocus formel de Jourga; je crois la chose possible. Dites m'en au plus tôt votre opinion. Dans le cas contraire, vous pourriez nous renvoyer Schilder et la moitié des officiers de la garde; car le bataillon de sapeurs se ressent de l'absence de son commandant. Adlerberg vous écrit, pour vous dire que j'ai trouvé à l'arsenal de Kief un parc d'ambulance du nouveau modèle, qui, d'après l'ordre donné au Chef du Commissariat, doit partir pour Jassy; je suppose que c'est erreur, — à moins que vous ne vouliez le faire aller maintenant pour Silistrie; en tout cas j'ai ordonné qu'il attend à Kишиневъ, où je vous pris de lui donner vos ordres. Paskévitch m'a envoyé l'aide de camp de Муравьевъ, avec cinq drapeaux; lui et Bourzof ont battu un corps de 15 m. Turcs, près d'Ardagan, et enlevé 6 canons; une fort jolie affaire. Ce qui est particulier est que le 3-me régiment Musulman à notre service a chargé et

enlevé 2 canons!—c'est fort! Je leur donne aussi un drapeau avec mon chiffre. Paskévitch est à Kars; le Serasquier est, avec 40 m. hommes, à 60 verstes de là, et Paskévitch voulait aller l'attaquer.

J'ai été fort content ici des hussards; les derniers sont réellement étonnant, et tout le corps présente le plus bel aspect. Le bon vieux Maréchal se porte bien, et toujours le même. Je me propose de rester ici demain et de partir après demain soir pour Bobrouysk où je serai, probablement, dans le matin du 30; j'y compte rester le 1er et le 2e, et partir le soir pour Staraya Roussa, par Witebsk et Попховъ.—Mille choses à Toll et Pahlen. Adieu, mon cher ami; à vous pour la vie N.

БАРОНЪ ОЕДОРЪ КЛЕМЕНТЬЕВИЧЪ ГЕЙСМАРЪ.

Биографическій очеркъ.

1783—1848.

Представляю очеркъ біографіи моего дѣда генераль-адъютанта барона Гейсмара, — я имѣлъ въ виду возстановить добрую, вполне заслуженную память покойнаго. — Все, что до сихъ поръ было извѣстно объ этой замѣчательной личности, — все это преимущественно заключалось на страницахъ специальныхъ военныхъ сочиненій, а потому, — съ одной стороны было очень одно-сторонне и притомъ крайне не подробно, а подчасъ даже и невѣрно, съ другой, — не было общезвѣстно.

При составленіи біографическаго очерка, я пользовался слѣдующими источниками: 1) Семейнымъ архивомъ и тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ были сообщены вдовой и старшимъ сыномъ покойнаго. 2) Запиской покойнаго о его службѣ. 3) Краткой біографіей генерала Гейсмара, напечатанной въ Мюнстерѣ (на нѣмецкомъ языкѣ) въ 1860 г. по инициативѣ старшаго сына. 4) Формулярнымъ спискомъ генераль-адъютанта барона Гейсмара и, наконецъ, 5) нѣкоторыми специально-военными сочиненіями, каковы: Война съ Турціей въ 1806—1812 гг. Мих. Данилевскаго, Война 1823—1829 гг., соч. г. Лукьяновича, Польскій походъ 1830—1831 гг. Смита, Извѣстія изъ дѣйствующей арміи, помѣщенныя въ „Сѣверной Пчелѣ“ и „Русскомъ Инвалидѣ“ за 1825—1826; 1823—1829; кромѣ того нѣкоторыя сочиненія на нѣмецкомъ языкѣ: Plotho, 1813; Aster, Die Schlacht bei Leipzig и друг. — Но изъ всѣхъ этихъ источниковъ семейный архивъ покойнаго далъ мнѣ возможность въ особенности привести нѣкоторые интересные подробности, доселѣ вовсе не извѣстныя писавшимъ что, либо о генераль-адъютантѣ баронѣ Гейсмарѣ.

Весьма обязательно приложенный редакціей „Русской Старины“ къ настоящей книгѣ этого изданія портретъ моего дѣда исполненъ художникомъ граверомъ И. И. Матюшинымъ съ весьма хорошей литографіи 1843-го года Vouge, мною редакціи сообщенный.

Баронъ В. Гейсмаръ.

ГЛАВА I.

Временъ Суворовскихъ солдатъ,
Налетъ за Рейномъ дерзновспый,
Герой Бойлештской вдохновенный,
Въ бояхъ прославленный булатъ ¹⁾.

Первые годы его жизни. — Походы въ Италію. — Заключеніе въ крѣпость Геную. — Выходъ въ отставку.

Въ Вестфалии, недалеко отъ г. Алена, расположено родовое имѣніе древнихъ германскихъ бароновъ Гейсмаръ: д. Северингаузенъ. Тутъ-то, 12 мая 1783 года, у камергера двора короля Пруссіи барона Клементія Гейсмара родился сынъ, окрещенный по католическому обряду и получившій имя Фридриха. На 16-мъ году онъ окончилъ воспитаніе въ пансіонѣ въ Мюнстерѣ, куда помѣстилъ его отецъ, послѣ того какъ мальчику минуло 9 лѣтъ и, вернувшись домой въ деревню, самъ еще нѣкоторое время съ рвеніемъ, свойственнымъ только молодости, довершалъ свое образованіе. Съ юныхъ лѣтъ Теодоръ Гейсмаръ выражалъ свое особенное расположеніе къ военной службѣ, но одно обстоятельство чуть было не уклонило его отъ этого пути; онъ былъ очень слабъ здоровьемъ и весьма нѣжнаго тѣлосложенія, поэтому среди его родныхъ укоренилось мнѣніе, что онъ годится только къ тихой пастырской дѣятельности, и потому, не смотря на всѣ его просьбы и убѣжденія позволить ему вступить въ военную службу, — родные заявили ему, что черезъ 2 года послѣ возвращенія изъ пансіона его отдадутъ въ духовную коллегію. Юношу не смутили однако подобныя требованія родныхъ: въ его головѣ уже созрѣлъ планъ образа дѣйствій. Къ тому времени братъ молодаго Гейсмара поступилъ въ австрійскую военную службу и находился въ пѣхотномъ полку Дейтчмейстера: туда-то и рѣшилъ поступить нашъ молодой герой. Но какъ быть? — Отецъ ни за что не позволить ему, слабому отъ природы, переносить всѣ лишения военной жизни, а самъ онъ дѣйствовать не осмѣлится, боясь на-

¹⁾ Это четверостишіе было сочинено офицерами 1-го пѣхотнаго корпуса въ годовщину Бойлештской побѣды.

вlechъ на себя гнѣвъ престарѣлаго отца. Но вотъ отецъ скоропостижно умираетъ отъ удара, а спустя 3 мѣсяца послѣ похоронъ отца, Ѳеодоръ Гейсмаръ исчезаетъ изъ дому и, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, родные не знаютъ, гдѣ скитается юноша. Между тѣмъ 15-ти лѣтній баронъ Гейсмаръ, оставивъ родительскій кровъ и престарѣлую мать, ночью въ мартѣ 1798 г. перешелъ прусскую границу и въ Австрію, благодаря стараніямъ брата, поступилъ на службу въ Дейтмейстера полкъ юнкеромъ. Какъ извѣстно, около того же времени состоялся походъ австрійцевъ въ Италію противъ французовъ. Полкъ Дейтмейстера, а слѣдовательно и нашъ юноша, принялъ участіе въ этомъ походѣ: тутъ то впервые оказалось то замѣчательное явленіе, что худой и съ виду болѣзненный Ѳеодоръ Гейсмаръ стойко вынесъ походъ и всѣ сопряженныя съ нимъ лишенія и невзгоды: онъ участвовалъ при осадѣ крѣпости Мантуи, подъ командой генерала Края, и въ сраженіи подъ Нови. Въ страшномъ побоищѣ подъ Нови, $\frac{2}{3}$ офицеровъ полка Дейтмейстера выбыли изъ строя, въ числѣ ихъ и братъ молодого барона былъ убитъ; самъ же Гейсмаръ, не смотря на все оказанное имъ мужество, даже не былъ раненъ, а здоровъ и невредимъ возвратился съ полкомъ въ Австрію. Слѣдующій 1800 годъ былъ для него очень несчастливъ: благодаря дурнымъ распоряженіямъ высшаго австрійскаго начальства, весь отрядъ, въ которомъ онъ состоялъ, былъ взятъ въ плѣнъ французами и заключенъ въ крѣпость Геную. Здѣсь ему пришлось перенести всю тяжесть дурнаго и грубаго обращенія французскихъ солдатъ, сильно тогда озлобленныхъ противъ нѣмцевъ, и испытать всякаго рода лишенія: такъ, напр., онъ самъ въ семейномъ кругу впоследствии рассказывалъ, что нигдѣ ему такъ худо не было, какъ именно въ Генуѣ, и что тамъ онъ и его товарищи жевали даже голенища своихъ сапогъ, лишь бы только чѣмъ либо спастись отъ голодной смерти, такъ какъ французы разъ въ 3 или 4 дня давали имъ пищу,—остальное же время держали ихъ подъ строгимъ надзоромъ. Наконецъ, генералъ Массена—бывшій тогда комендантомъ крѣпости Генуи—отпустилъ взятыхъ въ плѣнъ австрійцевъ, взявъ съ нихъ предварительно честное слово не участвовать въ кампаніи этого года.

Послѣ битвы при Маренгѣ, Гейсмаръ снова появляется въ Италіи и въ рядахъ австрійцевъ сражается противъ французовъ;

надо замѣтить, что онъ уже въ этомъ походѣ участвовалъ въ чинѣ прапорщика и тутъ впервые выказалъ невозмутимое мужество и хладнокровіе, — качества, благодаря которымъ, впослѣдствіи, стяжалъ себѣ извѣстность опытнаго воина; при д. Буззола на р. Минчіо, онъ, командуя полуротой, отбилъ у французовъ двѣ пушки, а при Валежіо лично спасъ жизнь генералу С-нъ Жюльену. За эти подвиги онъ былъ представленъ къ ордену Маріи Терезіи, но по причинѣ молодости не получилъ его.

Отчасти недовольный нерѣшительными распоряженіями высшего австрійскаго начальства (Hofkriegsrath), отчасти желая попытать счастья, онъ въ 1804 г. вышелъ въ отставку, для того, чтобы перейти на службу въ англійскія войска, находившіяся въ Индіи, и, съ этою цѣлю, намѣренъ былъ отправиться черезъ остр. Корфу на островъ Цейлонъ, гдѣ и осуществить свое намѣреніе ¹⁾.

Пріѣхавъ въ г. Корфу, онъ тамъ совершенно случайно встрѣтился съ русскимъ генераломъ Анрепомъ. Послѣдній, увидавъ въ немъ способнаго и образованнаго молодого человѣка, убѣдилъ его поступить на службу подъ знамена русскаго царя.

Въ январѣ 1805 г. Гейсмаръ зачисленъ прапорщикомъ въ сибирскій гренадерскій полкъ, который стоялъ тогда въ г. Корфу.

ГЛАВА II.

Поступленіе въ русскую службу. — Участіе въ войнахъ съ турками 1806—1811 гг. — Жевитъба. — Отставка. — Поступленіе снова на службу. — Гейсмаръ-партизанъ.

Съ сибирскими гренадерами баронъ Гейсмаръ участвовалъ въ войнахъ 1805 и 1806 гг. (противъ французовъ), на судахъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ, а также и при десантѣ въ Неаполитанское королевство.

Послѣ войны съ французами сибирскіе гренадеры прибыли на мѣсто стоянки въ Подольскую губернію, когда уже была объявлена война Турціи (въ 1806 году): полкъ былъ быстро снова

¹⁾ Примѣчаніе. Въ концѣ 1804 г. онъ съ нѣсколькими венеціанскими купцами странствовалъ по Сѣверной Африкѣ и Малой Азіи, гдѣ, между прочимъ, одинъ турецкій паша принялъ его за русскаго шпіона и велѣлъ повѣсить, но, къ счастью, спутники его во-время подоспѣли на помощь и освободили.

мобилизованъ, введенъ въ составъ гренадерской дивизіи Милорадовича и вмѣстѣ съ арміей генерала Михельсона, въ концѣ 1806 года, вступилъ въ Молдавію и Валахію. Въ этой кампаніи Гейсмаръ отличился при с. Турбатъ: во главѣ ста охотниковъ онъ взялъ штурмомъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Башинскій замокъ, въ виду всей арміи и генералитета—какъ объ этомъ сказано въ реляціи главнокомандующаго¹⁾).

Три мѣсяца спустя послѣ взятія замка Турбатъ, а именно 2 іюня 1807 г., Милорадовичъ нанесъ туркамъ страшный ударъ подъ д. Обилешти.

Въ этомъ сраженіи Гейсмаръ участвовалъ въ чинѣ подпоручика и, какъ самъ въпослѣдствіи рассказывалъ, теченіи всего боя внимательно соображалъ всѣ передвиженія турокъ, — старался уловить, такъ сказать, характеръ ихъ военныхъ дѣйствій. — Навѣрно никто тогда не могъ предполагать, что онъ 20 лѣтъ спустя, уже въ качествѣ самостоятельнаго главнокомандующаго, дастъ туркамъ Бойлештское сраженіе, цѣль и послѣдствія котораго были тѣ же, что и Обилештскаго — а потому баронъ Гейсмаръ можетъ считаться достойнымъ ученикомъ генерала Милорадовича, усвоившимъ себѣ хладнокровіе, мужество и быстроту своего „незабвеннаго учителя“.

Вскорѣ послѣ Обилештскаго сраженія было заключено перемиріе, и въ г. Руцукѣ шли переговоры о мирѣ: — баронъ Гейсмаръ, какъ человѣкъ всесторонне образованный и прекрасно знающій почти всѣ европейскіе языки, былъ отправленъ въ главную квартиру великаго визиря, съ порученіемъ убѣдить его подписать болѣе выгодныя условія мира въ пользу сербовъ; исполнивъ это порученіе и вернувшись въ русскую главную квартиру, онъ въ теченіи 1808 г. былъ нѣсколько разъ посылаемъ съ подобными дипломатическими порученіями къ Мустафѣ-Байрактару и Кара-Георгію.

Въ слѣдующемъ году въ мартѣ мѣсяцѣ, съ началомъ военныхъ дѣйствій, онъ съ охотниками, послѣ ожесточеннаго боя, взялъ ночью штурмомъ укрѣпленный замокъ Слободзею-дю-Кайрактаръ (съ 27-ми пушками и 33-ми знаменами) и взорвалъ его,

¹⁾ Подвигъ подпоручика Гейсмара описанъ въ соч. Михайловскаго-Данилевскаго въ исторіи русско-турецкой войны 1806—1812 гг. В. Г.

когда увидѣлъ, что попытка къ наступленію русскихъ войскъ со стороны Журжи не удалась. За этотъ блистательный подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Въ томъ же году Австрія объявила войну Франціи, и русская армія, союзная французской, вступила въ Галицію;—Гейсмаръ получилъ приказаніе слѣдить за передвиженіями австрійскихъ войскъ въ Трансильваніи. Послѣ мира Франціи съ Австріей, генералъ Милорадовичъ вызвалъ его къ себѣ въ Букарестъ и сдѣлалъ своимъ адъютантомъ. Когда-же генералъ Сабанеевъ осадилъ крѣпость Разградъ, Гейсмару поручено было вести переговоры съ папшей о сдачѣ крѣпости, которая, дѣйствительно, вскорѣ сдалась.

Въ ту же кампанію онъ участвовалъ подъ Шумлой въ сраженіи, данномъ графомъ Каменскимъ, гдѣ снова отличился: со 100 сибирскими гренадерами онъ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, отражалъ отчаянныя атаки 6,000 турецкихъ всадниковъ, предводимыхъ лично великимъ визиремъ: онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и, сознавая всю важность занимаемой имъ позиціи, рѣшилъ лучше умереть, чѣмъ уступить ее непріятелю; къ счастью, на помощь прискакалъ храбрый Кульневъ съ двумя полками гусаръ и спасъ ему жизнь, прикрывъ своими гусарами отступление горсти храбрецовъ.

Въ концѣ кампаніи Гейсмаръ участвовалъ при совершенномъ разбитіи корпуса сераскира Кумале-Алла и при осадѣ крѣпостей Рущука и Журжи, во время которой онъ, по собственному предложенію, съ горстью охотниковъ 8-го егерскаго полка, разрушилъ между Рущукомъ и Журжей мостъ черезъ рукавъ Дуная.

Въ 1811 году война съ Турціей кончилась и баронъ Гейсмаръ вышелъ въ отставку, причина которой отчасти была та, что, по его мнѣнію, онъ за свои подвиги долженъ былъ получить больше наградъ, чѣмъ получилъ, отчасти же здоровье его требовало совершеннаго отдыха на нѣкоторое время. Кромѣ того, одно обстоятельство требовало, чтобы онъ остался въ Молдавіи, между тѣмъ какъ полкъ его уходилъ въ Россію: онъ женился въ началѣ 1811 г. на довольно богатой молдаванкѣ княжнѣ Гика, владѣвшей землею около Букареста.—Для управленія-то этимъ имѣніемъ онъ, вѣроятно все, пожелалъ остаться въ Букарестѣ и подалъ въ отставку.

Бракъ его—первый—былъ не по любви, а больше изъ разсчета,

что и послужило потомъ поводомъ къ семейнымъ раздорамъ, окончившимся разводомъ по обоюдному согласію. Выйдя въ отставку въ чинѣ поручика, онъ занялся устройствомъ виноградниковъ жены, и своимъ умѣніемъ взялся за дѣло вскорѣ поправилъ разстроенныя ея дѣла. Впрочемъ недолго суждено было ему наслаждаться тихою сельскою жизнью: ровно черезъ годъ, т. е. въ апрѣлѣ 1812 года, онъ узнаетъ, что Россія готовится къ войнѣ съ Франціей,—немедленно отправляется въ Петербургъ и къ началу отечественной войны поступаетъ снова на службу,—зачисляется въ кievскій гренадерскій полкъ и назначается адъютантомъ къ генералу Бахметьеву. При отступленіи нашихъ войскъ къ Витебску, въ сраженіи при м. Островно, онъ былъ тяжело раненъ ядромъ въ лѣвую ногу выше колѣна, съ поврежденіемъ кости, и привезенъ въ Петербургъ. Рана была такъ опасна, что въ началѣ доктора не имѣли надежды на его выздоровленіе, а затѣмъ, когда онъ перенесъ сильную лихорадку, порѣшили, что надо отнять ногу выше колѣна. Никакія убѣжденія докторовъ на него не подѣйствовали, и онъ сказалъ, что лучше умереть, чѣмъ позволить себѣ отрѣзать ногу. Встрѣтивъ съ его стороны такое сопротивленіе, доктора начали изыскивать средства, какъ нибудь иначе помочь горю, и наконецъ объявили ему, что ногу они не отрѣжутъ, а только сдѣлаютъ ему необходимую операцію, дабы удержать распространеніе антонова огня. „На какую угодно операцію я согласенъ,“ отвѣчалъ онъ на это, „лишь бы только нога моя осталась при мнѣ,“ и затѣмъ, судорожно жевая во рту полотенце, онъ мужественно перенесъ операцію, вскорѣ послѣ которой со всѣмъ оправился.

Тотчасъ по выздоровленіи Гейсмартъ присоединился къ арміи, преслѣдовавшей тогда отступавшихъ, въ страшномъ безпорядкѣ, французовъ, и снова занялъ мѣсто адъютанта при графѣ Милорадовичѣ, который изъ г. Калиша отправилъ его съ четырьмя эскадронами разныхъ полковъ и сотнею казаковъ партизаномъ въ Саксонію. По дорогѣ къ Дрездену онъ встрѣтилъ партизанскіе отряды извѣстныхъ полковниковъ: Орлова и Давыдова, съ которыми и соединился въ виду общей цѣли дѣйствій: преслѣдованія отступавшихъ французскихъ войскъ, которыми въ Саксоніи тогда командовалъ генералъ-лейтенантъ Дюрютъ (Durutte;) полковникъ Орловъ хотѣлъ мирными предложеніями убѣдить Дюрюта

положить оружіе, и для этого вступилъ съ нимъ въ переговоры въ Дрезденъ, а между тѣмъ Гейсмаръ и Давыдовъ попробовали перейти Эльбу: между городомъ Мейсеномъ и крѣпостью Торгау Гейсмаръ нашелъ удобное мѣсто для переправы и 14-го марта 1813 года перешелъ Эльбу, такъ внезапно, что непріятель, боясь быть отрѣзаннымъ, быстро покинулъ Дрезденъ и Мейсенъ и сталъ отступать къ гор. Вильсдорфу, Носсену и далѣе къ Рохлицу и Кольдицу, энергично преслѣдуемый Гейсмаромъ и Орловымъ. Наконецъ, партизаны дошли до рѣки Мульды, черезъ которую всѣ переправы были заняты войсками Дюрюта и баварцами Рехберга; не долго думая, лихой начальникъ партизанскаго отряда рѣшился пуститься вплавъ черезъ рѣку между городами Кольдицъ и Рохлицъ, а вслѣдъ затѣмъ немедленно атаковать непріятеля на занимаемой имъ позиціи, что и было имъ выполнено блистательно: непріятель былъ разбитъ и принужденъ къ быстрому отступленію. Надо замѣтить, что преслѣдуя въ Саксоніи корпуса Дюрюта и Рехберга, онъ не имѣлъ съ собой ни артиллеріи, ни пѣхоты, а располагалъ только горстью всадниковъ, съ которыми и успѣшно боролся противъ превосходнаго въ силахъ непріятеля.

Преслѣдуя отступавшихъ баварцевъ при Рохлицѣ, Гейсмаръ былъ тяжело раненъ пулею въ правое плечо „съ раздробленіемъ лопатки“; по выздоровленіи снова нѣкоторое время находился при графѣ Милорадовичѣ. Между тѣмъ союзныя войска подходили къ Дрездену; подъ Кульмомъ было дано рѣшительное сраженіе, и Гейсмаръ, находясь тогда въ дефиле у Тенлица и услыжавъ канонаду въ сторонѣ Кульма, поспѣшилъ на поле битвы и, благодаря своему хладнокровію и рѣшимости, убѣдилъ австрійскаго генерала Колоредо обойти лѣвое крыло французовъ:—движеніе это, въ высшей степени хорошо соображенное, значительно способствовало къ побѣдѣ.

Послѣ Кульмскаго сраженія, по повелѣнію главнокомандующаго арміей, Гейсмаръ причисленъ былъ къ корпусу графа Платова, съ которымъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Альтенбергѣ, Цейцѣ и Кельницѣ; послѣ чего вскорѣ получилъ приказаніе: отправиться изъ г. Пегау съ сотнею казаковъ для открытія сообщенія съ кронъ-принцемъ шведскимъ, находившимся въ г. Галле, что было имъ въ точности исполнено: ночью 29 августа 1813 г. онъ прошелъ севозъ непріятельскую армію и тѣмъ до-

ставилъ кронъ-принцу всѣ нужныя свѣдѣнія, а получивъ таковыя отъ него, благополучно вернулся въ Пегау. Въ памятный трехъ дневный бой подъ Лейпцигомъ онъ, во главѣ легкаго казачьяго отряда, произвелъ нѣсколько лихихъ кавалерійскихъ атакъ. Ему-то, между прочимъ, генералы: Бюртембергскій—Норманъ и Саксонскій—Риссель сообщили (въ томъ же сраженіи) свое желаніе присоединиться къ союзникамъ, для чего онъ и употребилъ зависившія отъ него мѣры.

7-го октября 1813 года, по повелѣнію императора Александра, Гейсмаръ съ двумя казачьими полками былъ отправленъ съ особыми порученіями въ г. Веймаръ, куда прибылъ 8-го вечеромъ, а получивъ на слѣдующій день извѣстіе о приближеніи спасающихся бѣгствомъ первыхъ французскихъ колоннъ подъ командой генерала Бертрана (Bertrand) пошелъ на встрѣчу,—атаковалъ и разбилъ его, при чемъ взялъ въ плѣнъ 60 офицеровъ. Но вслѣдъ затѣмъ (10-го числа) онъ былъ атакованъ въ самомъ городѣ всею французскою гвардейскою кавалеріею подъ начальствомъ генерала Лефевра де Нуэта, отправленнаго самимъ Наполеономъ съ приказаніемъ ограбить, зажечь г. Веймаръ и взять въ плѣнъ герцога Веймарскаго. Мужественно отразивъ натискъ французовъ, Гейсмаръ спасъ Веймаръ отъ вѣрной гибели ¹⁾. Онъ задержалъ непріятельскій корпусъ до тѣхъ поръ, пока графъ Платовъ и генералъ Тиллеманъ прибыли къ нему на помощь со свѣжими войсками и совершенно разбили французовъ. Дабы не дать имъ оправиться, Гейсмаръ неутомимо сталъ преслѣдовать разбитые остатки французской арміи, особенно отличился при гор. Фахъ и Ганау и наконецъ, вытѣснивъ непріятеля изъ Франкфурта, первымъ вступилъ туда во главѣ небольшого отряда.

За свои партизанскіе подвиги въ Германіи Гейсмаръ былъ переведенъ л. гв. въ уланскій полкъ, вскорѣ произведенъ въ полковникъ и получилъ лично высочайшее повелѣніе находиться при

¹⁾ Получивъ донесеніе, что французы начинаютъ занимать часть г. Веймара и сильно тѣснить наши войска, онъ немедленно поскакалъ туда съ цѣлю ободрить солдатъ и лично сдѣлать распоряженіе для удержанія натиска французовъ.—Цѣли своей онъ достигъ, но проѣзжая по улицѣ Веймара, занятой непріятельскими стрѣлками, онъ былъ раненъ въ правое плечо: выстрѣлъ раздался изъ окна и только благодаря случаю, что въ моментъ выстрѣла онъ повернуть лошадь влѣво,—остался живъ.

особѣ императора Александра Павловича. Когда же въ январѣ 1814 года, по высочайшему повелѣнію, Гейсмаръ прибылъ въ г. Веймаръ съ приказаніемъ находиться подъ командой великаго герцога Веймарскаго, то былъ торжественно встрѣченъ жителями города, поднесшими ему золотую саблю съ надписью: „жители г. Веймара—своему спасителю, 10 октября 1813 года“, и дипломъ почетнаго гражданина г. Веймара, а отъ великаго герцога онъ получилъ орденъ Бѣлаго Сокола 1-й степени.

Вслѣдъ затѣмъ Гейсмаръ съ саксонскими войсками былъ въ походахъ черезъ Вестфалію, Голландію и Бельгію до г. Брюсселя.

Прибывъ въ г. Брюссель вмѣстѣ съ великимъ герцогомъ, онъ вскорѣ былъ посланъ, съ казачьимъ полкомъ Чернозубова и 8 эскадронами саксонскихъ гусаръ, партизаномъ въ сѣверо-восточные департаменты Франціи, съ цѣлью перейти Шельду и, проскользнувъ за линію французскихъ крѣпостей, въ тылъ отступавшему непріятелю, разсѣять между жителями этой части Франціи прокламаціи въ пользу Бурбоновъ. Это трудное порученіе, подобно всѣмъ предшествующимъ, было исполнено имъ съ обычнымъ рвеніемъ. Во главѣ маленькаго отряда, безъ пѣхоты и артиллеріи, онъ быстро перешелъ Шельду, появился у г. Куртре (въ сѣверо-восточной части Франціи), разбилъ находившіяся тамъ французскія войска и, безпрестанно двигаясь все далѣе и далѣе въ глубь Франціи, послѣдовательно занялъ съ боя города: Больболи, Манкассели, Сенполь, Цитадель, Дулана, Роа, Ноионъ, Монтидіе, крѣпость Сенкантенъ и наконецъ С. Жермень, а къ концу февраля 1814 г. онъ сталъ въ тылу отступавшей французской арміи.

Захвативъ внезапно г. Сенкантенъ и укрѣпясь въ немъ, Гейсмаръ лихими кавалерійскими наѣздами страшно обезсилилъ французскія войска, и не далъ вновь образуемымъ отрядамъ вполне сформироваться. Уничтожая въ тылу отступавшей арміи телеграфы, мосты, ловя непріятельскихъ курьеровъ и проч., онъ всевозможными средствами старался задержать противника на каждомъ шагу, и такимъ образомъ далъ союзникамъ возможность полнѣе довершить Лейпцигскій погромъ великой арміи.

Захваченные жизненные припасы были имъ немедленно отправляемы союзнымъ войскамъ, такъ что въ какіе нибудь 1½ мѣсяца они получили отъ него болѣе 2000 повозокъ съ хлѣбомъ

и проч. продуктами. Кромѣ того, освобождая массу военно-плѣнныхъ: англичанъ, нѣмцевъ и испанцевъ, находившихся тогда во французскихъ крѣпостяхъ, онъ ихъ наскоро вооружалъ и формировалъ изъ нихъ пѣшія части, которыя впослѣдствіи принесли не малую пользу союзникамъ.

Вообще говоря, палетъ полковника барона Гейсмара за Рейномъ былъ, какъ дѣйствительно тогда выражались, „дерзновенный“.

ГЛАВА III.

Возвращеніе изъ похода во Францію 1814 года. — Событіе его семейной жизни. — Усмиреніе декабрьскаго возстанія въ юго-западномъ краѣ 1825 года.

Послѣ Парижскаго мира Ѳеодоръ Клементьевичъ былъ назначенъ командиромъ Чугуевскаго уланскаго полка, съ которымъ и вернулся въ 1815 году въ Россію, а вслѣдъ затѣмъ получилъ московскій драгунскій полкъ.

Проездомъ изъ Варшавы къ новому мѣсту служенія, онъ на одной изъ подмосковныхъ почтовыхъ станцій встрѣтился съ пожилымъ господиномъ, который тоже ѣхалъ въ Москву. Совершенно случайно они познакомились, благодаря тому, что на станціи долго не давали лошадей, а когда наконецъ лошади были готовы, молодой полковникъ предложилъ своему новому знакомому ѣхать вмѣстѣ, на что тотъ съ радостью согласился: по всему видно было, что онъ былъ человѣкъ не богатый.

Подѣзжая къ Москвѣ, новые знакомые сообщили другъ другу свои фамиліи и Гейсмартъ узналъ въ своемъ спутникѣ брата извѣстнаго нѣмецкаго поэта Ѳеодора Гердера.

Въ Москвѣ знакомство это продолжалось и привело къ тому, что Гейсмартъ, разведясь съ первою своею женою, вступилъ въ бракъ съ 16-ти лѣтнею дочерью Гердера.

Выборъ жены былъ какъ нельзя болѣе удаченъ: 30 лѣтъ спустя, на смертномъ одрѣ, онъ говорилъ: „я благославляю ту минуту, когда въ первый разъ встрѣтилъ дорогую сердцу моему молодую дѣвушку Гердеръ“. — Съ перваго взгляда могло бы показаться страннымъ — какимъ образомъ такой неравный бракъ могъ бы быть счастливымъ: онъ уже пожилой человѣкъ лѣтъ подъ 40, она — молодая дѣвушка 16-ти лѣтъ. На самомъ же дѣлѣ оказалось,

что онъ нашелъ въ юной Гердеръ вѣрную подругу жизни,—и насколько въ 1-мъ бракѣ онъ былъ несчастливъ, настолько во 2-мъ—онъ наслаждался истиннымъ счастьемъ семейнаго человѣка.

Въ теченіи всей послѣдующей боевой жизни она безропотно, вмѣстѣ съ нимъ, переносила всѣ лишенія и невзгоды походовъ, и въ то время, какъ онъ подъ Бойлештами или Гроховымъ бросался въ сильнѣйшій огонь непріятеля, она въ его походной квартирѣ, съ устремленными на образъ Спасителя глазами, горячо молилась за него.

Вскорѣ послѣ женитьбы полковникъ Гейсмаръ былъ произведенъ въ генералы и назначенъ командиромъ бригады.

Въ 1825 году Гейсмаръ съ кирасирской бригадой стоялъ въ Подольской губерніи. Когда послѣ смерти Александра I въ Петербургѣ вспыхнуло извѣстное декабрьское возстаніе, и въ юго-западномъ краѣ оно отразилось бунтомъ черниговскаго полка, Гейсмару предписано было съ 4-мя эскадронами гусарскихъ полковъ и 2-мя орудіями подавить мятежь.

Баронъ Гейсмаръ получилъ это предписаніе, находясь въ Житомирѣ, и, немедленно вступивъ въ командованіе ввѣренными ему отрядамъ, быстро двинулся къ г. Василькову (киевск. губ.), гдѣ тогда стоялъ черниговскій пѣхотный полкъ. На дорогѣ онъ узнаетъ, что взбунтовавшіеся черниговцы, подъ командой полковника Сергѣя Ивановича Муравьева, ушли наконецъ изъ г. Василькова и направились на г. Бѣлую Церковь; немедленно измѣняетъ онъ направленіе своего движенія, идетъ на Бѣлую Церковь съ цѣлью прибыть туда ранѣе мятежниковъ. Это ему удается: въ 15 верстахъ передъ Бѣлой Церковью онъ перерѣзываетъ мятежникамъ дорогу; размѣщаетъ 2 орудія на возвышенности, съ которой можно было обстрѣливать всю дорогу продольно и, выждавъ приближеніе непріятеля на дальность дѣйствительнаго картечнаго выстрѣла, командуетъ „пли“, но солдатъ, стоящій съ флигелемъ, не исполняетъ команды, которая впрочемъ уже была повторена; понявъ въ чемъ дѣло, другими словами—догадавшись, что прислуга при орудіяхъ держала сторожу мятежниковъ, Гейсмаръ подскакиваетъ на лошади къ орудію, обнажаетъ саблю и, поднявъ ее надъ головой ослушавшагося солдата, внушительно ему говоритъ: „Пли, или голова твоя сію минуту слетитъ съ плечъ!“ Раздается выстрѣлъ и картечь осыпаетъ колонну наступавшихъ мятежниковъ,

вслѣдъ затѣмъ 2-е—отрядъ повторяетъ тоже, и мятежники начинаютъ сперва колебаться, а потомъ мало по малу—разсѣиваются. Замѣтъ маленькое колебаніе въ рядахъ мятежниковъ, Гейсмаръ устремляетъ на нихъ въ атаку 2 эскадрона гусаръ, которые обращаютъ непокорныхъ въ бѣгство и неутомимо преслѣдуютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока главные заговорщики не были переловлены и весь полкъ сложилъ оружіе. Этою рѣшительностью дѣйствій планъ С. И. Муравьева былъ уничтоженъ, а вмѣстѣ съ нимъ подавленъ мятежъ на югѣ.

Глава IV.

Турецкая кампанія 1828—1829 гг.—Назначеніе Гейсмара начальникомъ авангарда.—Быстрый маршъ въ Букаресту и его значеніе.—Поднесеніе ему почетной сабли¹⁾.—Ночное нападеніе подъ Бойлештами;—значеніе этого нападенія.—Награда за подвигъ.—Быстрый маршъ въ Калафату.—Истребленіе остатковъ арміи Ибрагима-паши при переправѣ его за Дунай.—Переправа черезъ Дунай и взятіе штурмомъ крѣпостей: Рахова и Турно.—Дѣйствія его въ концѣ кампаніи.—Его семейныя дѣла; поѣздка за границу.

Передъ началомъ турецкой кампаніи 1828—1829 гг. Гейсмаръ командовалъ 1-ой конно-егерской дивизіей, а съ объявленіемъ войны—сдѣланъ начальникомъ авангарда 6-го корпуса

¹⁾ Почетная сабля, поднесенная барону Гейсмару благодарнымъ населеніемъ Молдавіи и Валахіи, имѣетъ историческое значеніе,—какъ археологическая древность; а потому считаю не лишнимъ сообщить о ней интересныя подробности: по наружному виду сабля представляетъ собой образецъ обыкновеннаго холоднаго оружія восточныхъ народовъ; эфесъ и ножны—золотые, причемъ на первомъ весьма искусно изображенъ гербъ Валахіи, крестъ съ короной; то и другое усыпано алмазами, на ножнахъ же, съ одной стороны—алмазами усыпанная надпись: Фридрихъ баронъ Гейсмаръ, съ другой—изображенъ символъ вѣчности: змѣя, кусающая себѣ хвостъ—все это также изъ алмазовъ.

Клинокъ этой сабли,—тотъ самый, который, слѣшкомъ 1000 лѣтъ тому назадъ, былъ врученъ константинопольскимъ патриархомъ равноапостольному князю Константину Великому, императору восточно-римской имперіи, при переходѣ его въ христіанство.—На клинкѣ золотой настичкой изображенъ крестъ съ слѣдующей надписью на старо-греческомъ языкѣ: *Εν τούτῳ τῷ σιμαίῳ νικῆσεις*, что означаетъ „симъ побѣдишь“. Если читатель вспомнить, то тѣ же слова Императоръ Константинъ видѣлъ на небѣ.

Одлинность этого клинка доказывается грамотами и записями, которые были переданы генералу Гейсмару вмѣстѣ съ саблей, уложенной въ красный бархатный футляръ.—Матеріальная стоимость сабли не велика, ибо золото и алмазы эфеса и ноженъ стоятъ всего нѣсколько тысячъ рублей, но древность клинка

генерала Рота, и получилъ командованіе отрядомъ, составленнымъ изъ самыхъ подвижныхъ родовъ оружія: кавалеріи (казаковъ 4 полка, 2 егерскихъ и 2 уланскихъ) и батареи донской артиллеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ предписаніе быстрымъ вторженіемъ въ Молдавію и Валахію спасти ихъ и въ особенности городъ Букарестъ отъ опустошенія турецкими войсками, которымъ было дано строжайшее приказаніе занять Букарестъ раньше русскихъ и не оставить въ немъ, какъ говорится, камня на камнѣ.

25-го апрѣля 1828 г. Гейсмаръ переправляется при с. Вада-луй-Исаки черезъ рѣку Прутъ, 27-го чрезъ р. Сереть и уже 30-го утромъ вступаетъ въ Букарестъ. Такимъ быстрымъ маршемъ онъ разстроилъ дальнѣйшіе планы турокъ, которые, занимая кр. Журжу, были всего только въ 60 верстахъ отъ г. Букареста, тогда какъ лихой отрядъ барона Гейсмара перешелъ границу въ 280 верстахъ отъ того города и долженъ былъ еще строить мостъ для переправы чрезъ р. Сереть. За столь важную услугу, оказанную Валахіи Гейсмаромъ, общество бояръ того княжества поднесло ему замѣчательную, (см. примѣчаніе) алмазами украшенную саблю съ надписью: „Благодарные жители Валахіи своему спасителю“. Императоръ Николай I дозволилъ эту саблю принять и носить.

При вступленіи въ Букарестъ, Оедоръ Клементьевичъ былъ торжественно встрѣченъ жителями города и депутаціей, которая на золотомъ блюдѣ поднесла ему чашу съ виномъ и хлѣбъ-соль.

дастъ ей громадную цѣну, если вспомнить, что еще Константинъ Великій обнажалъ этотъ клинокъ, для защиты и распространенія христіанства среди языческаго міра.

Въ этомъ отношеніи безъ преувеличенія можно сказать, что сабля эта должна имѣть цѣну въ глазахъ каждаго христіанина.

Послѣ смерти барона Гейсмара, сабля нѣкоторое время хранилась въ семействѣ покойнаго, когда же, однажды, вдовѣ генерала понадобились деньги, — она отдала саблю въ залогъ одному лицу, и не взяла съ него въ томъ никакаго письменнаго удостовѣренія. — Результатомъ этого было то, что когда она, спустя нѣкоторое время, хотѣла выкупить саблю, лицо, взявшее ее, упорно утверждало, что о саблѣ ничего знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ.

Впослѣдствіи при розыскахъ узнали, что сабля была увезена за границу, но кѣмъ и куда — остается до сихъ поръ тайной.

Подъ портретомъ Гейсмара, въ „Русской Старинѣ“ приложенномъ, помещенъ рисунокъ этой замѣчательной сабли.

Занявъ Букарестъ, баронъ Гейсмаръ черезъ два дня получаетъ отъ генерала Рота приказаніе обложить кр. Журжу, что немедленно и выполняетъ: стѣсняетъ гарнизонъ въ окопахъ крѣпости и 21 мая на разсвѣтѣ разбиваетъ турокъ, пришедшихъ на выручку осажденныхъ.

Въ началѣ іюня 1828 года онъ былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣльнаго отряда войскъ въ Малой Валахіи и 20 прибылъ въ свою главную квартиру въ д. Радованъ, а уже 26—онъ съ 3,500 чел. двинулся въ Калафату, который былъ занятъ 15,000 турокъ; непріятель вышелъ къ нему на встрѣчу и энергично сталъ противиться его наступленію, но былъ разбитъ и понесъ такой большой уронъ, что принужденъ былъ искать спасенія за стѣнами Калафата.

Вслѣдъ затѣмъ Гейсмаръ передвинулъ свой лагерь къ Маглавиту, чтобы удобнѣе можно было слѣдить за движеніями непріятеля и лучше прикрыть отъ турокъ Малую Валахію. Только къ 12 іюля турки оправились отъ предшествующаго пораженія и снова попробовали атаковать маленькую горсть русскихъ храбрецовъ. Эта атака была ведена 3,000 отборной кавалеріи, которой дано было приказаніе захватить русскій авангардъ, состоявшій только изъ 2 ротъ пѣхоты, эскадрона кавалеріи, 2-хъ съ половиной сотенъ казаковъ и 2-хъ орудій, но турки и въ этотъ разъ были отбиты съ урономъ и, преслѣдуемые нашей кавалеріей, укрылись въ крѣпости. Непріятель ежедневно усиливался въ Калафатѣ. Въ августѣ его уже тамъ было около 25,000, поэтому Гейсмаръ рѣшилъ тогда отступить верстъ на 50 отъ Калафата и, на болѣе выгодной позиціи, выждать нападенія, которое дѣйствительно и послѣдовало 14-го сентября 1828 г.

Виддинскій сераскиръ Ибрагимъ (по его собственной реляціи), располагалъ 30-тью пушками и отрядомъ приблизительно въ 35,000 человекъ, изъ которыхъ 11,000 кавалеріи и 3 полка албанцевъ, считавшихся тогда храбрѣйшими изъ многочисленной турецкой арміи. Съ этой-то массой войска, онъ, на разсвѣтѣ, выходитъ изъ Калафата, чтобы атаковать Гейсмара въ его лагерьъ при Тшерой, но послѣдній уже придвинулся въ направленіи къ непріятелю до д. Бойлешти, гдѣ, расположивъ свой отрядъ (въ 4 т. чел. и 14 орудій) на позиціи, рѣшилъ, не смотря на малочисленность своихъ силъ, дать туркамъ сраженіе.

Съ перваго взгляда эта рѣшимость можетъ показаться непонятной, тѣмъ болѣе, что баронъ Гейсмаръ касательно боя при Бойлешти не получилъ отъ высшаго начальства никакихъ предначертаній: онъ могъ отступить, могъ требовать подкрѣпленій и съ точки зрѣнія, такъ сказать „юридической“, остался бы правъ.

Это бы безъ сомнѣнія и сдѣлалъ всякій менѣе способный и энергическій полководецъ. Но въ томъ-то и дѣло, что рѣшимость вступить въ бой при Бойлешти всецѣло принадлежитъ Гейсмару, — ему одному принадлежитъ и планъ этого сраженія, веденнаго съ замѣчательнымъ искусствомъ. Самая рѣшимость ¹⁾ Гейсмара дать сраженіе основывалось на томъ, что онъ твердо былъ убѣжденъ въ превосходствѣ моральнаго элемента своихъ войскъ, въ ихъ внутренней силѣ, той силѣ, которая всегда и вездѣ отличала доблестныя русскія войска отъ слабыхъ духомъ турокъ, и которая всегда давала имъ побѣду. Баронъ Гейсмаръ хорошо понималъ, что турки, разсѣиваемые имъ такъ часто въ предшествующихъ сраженіяхъ, уже не будутъ имѣть той стойкости, той увѣренности въ побѣдѣ, которыя, въ противоположность, приобрѣтены были его маленькимъ отрядомъ въ безпрестанныхъ побѣдахъ надъ турками. Словомъ, храбрецы въ Малой Валахіи, подъ начальствомъ Гейсмара, твердо были убѣждены въ непобѣдимости своего начальника, начальникъ съ своей стороны былъ увѣренъ въ ихъ стойкости и высокоразвитомъ нравственномъ боевомъ элементѣ, безъ котораго, понятно, побѣда немыслима.

Въ теченіи дня—14-го сентября Ибрагимъ-паша двигаетъ въ атаку противъ Гейсмара, послѣдовательно, всю массу своей кавалеріи: сначала беспокоитъ его на лѣвомъ флангѣ занятой позиціи, потомъ на правомъ, но повсюду встрѣчаетъ упорное сопротивление и, убѣдившись въ невозможности смять нашъ отрядъ, къ вечеру прекращаетъ атаки и убираетъ свою кавалерію за линію пѣхоты, которая, надо замѣтить, къ тому времени уже успѣла кое-чѣмъ прикрыться, приспособивъ къ оборонѣ наружную окраину и дома деревни Бойлешти.

Наступила ночь. Сначала въ лагерѣ турокъ, у деревни, были

¹⁾ „Рѣшимость генерала Гейсмара, говоритъ Лукьяновичъ въ своемъ сочиненіи о турецкой войнѣ 1828—29 годовъ, была истинно геройская и вполнѣ оправдала его испытанную храбрость и благоразумную предприимчивость“.

слышны пѣсни и радостныя крики, ибо Ибрагимъ-паша объявилъ отряду, что наши понесли страшныя потери, а потому вѣроятно этою же ночью будутъ спасаться бѣгствомъ, и что на завтра назначалось дальнѣйшее наступленіе въ Валахію. Однимъ словомъ, весь турецкій лагерь шумно праздновалъ мнимую побѣду, между тѣмъ какъ въ русскомъ—все было тихо: войска не двигались съ позиціи, и въ какихъ мѣстахъ были расположены части днемъ—въ бою, въ тѣхъ же мѣстахъ онѣ тихо расположились на bivуакъ,—выставивъ впередъ сильную сторожевую цѣпь. Никто, даже съ вечера, не зналъ, что предприметъ храбрый начальникъ, поэтому съ наступленіемъ ночи всѣ какъ-то невольно ждали чего-то особеннаго; и дѣйствительно, произошло нѣчто особенно замѣчательное—ночное нападеніе,—примѣръ которому нельзя даже подыскать въ военной исторіи (см. тактику полк. Радзиевскаго изд. 1877 г. стр. 363-я). Около 10 часовъ вечера Гейсмаръ собираетъ всѣхъ ротныхъ и баталіонныхъ командировъ и точно каждому объясняетъ цѣль предполагаемаго нападенія и планъ, по которому каждый изъ нихъ долженъ дѣйствовать.

Наконецъ раздѣляетъ свой отрядъ на 8 колоннъ, которыя въ свою очередь дѣлитъ на 2 части: одна назначается для атаки на непріятельскій лагерь съ фронта, другая—въ то же время съ фланга. Къ началу 12-го часа ночи, онъ велитъ колоннамъ собраться и лично каждой изъ нихъ напоминаетъ, что успѣхъ предполагаемаго нападенія зависитъ отъ быстроты дѣйствій и тишины, затѣмъ перестраиваетъ ихъ въ походный порядокъ и направляетъ сообразно задуманному плану. Къ тому времени непріятельскій лагерь уже погрузился въ молчаніе, и только изрѣдка слышались слабыя оклики часовыхъ. Лихія войска тихо приближаются къ врагу, подходят на дальность дѣйствительнаго ружейнаго выстрѣла и производятъ послѣдовательно и одновременно съ фронта и съ лѣваго фланга непріятели нѣсколько залповъ.

Уже при первыхъ выстрѣлахъ испуганныя лошади турецкой кавалеріи понеслись въ разныя стороны и насккали на стоявшую сзади пѣхоту. Сонныя кавалеристы съ перепугу не знали что имъ дѣлать и какъ догонять уносившихся лошадей—словомъ, переполохъ въ лагерь поднялся страшный. Порядокъ и дисциплина исчезли. Этимъ-то моментомъ воспользовался Гейсмаръ, и не давъ турецкимъ офицеромъ времени на приведеніе частей въ порядокъ,

двинулъ войска на штурмъ непріятельскаго лагеря, который быстро былъ взятъ, и все, что въ немъ сопротивлялось, опрокинуто; вслѣдъ за лагеремъ была взята деревня Бойлешти, и турки, искавшіе спасенія въ деревенскихъ хижинахъ, погибли въ пламени. Несчастныя остатки разбитой арміи Ибрагима въ безпорядкѣ спасались бѣгствомъ. Только темнота ночи спасла турокъ отъ окончательнаго погрома.

Въ 2 часа пополудни генералъ Гейсмаръ собралъ своихъ воиновъ и добытыя ими трофеи на дымящихся развалинахъ Бойлешти. Потери наши оказались довольно значительными по малочисленности отряда, но ничтожными по важности одержанной побѣды. Бойлештское сраженіе, подобно Кагульскому, доказало, что порядокъ и дисциплина войскъ, соединенныя съ обдуманною смѣлостью начальника, всегда имѣютъ преимущество передъ бѣшеными порывами храбрости полчищъ многочисленныхъ, но неустроенныхъ (Лукьяновичъ, „война 1828—1829 гг.“)

Бросивъ подъ Бойлештами свой лагерь со всѣми военными припасами, снарядами, кассой и даже собственными бумагами, Ибрагимъ-паша думалъ укрыться въ Калафатъ, но когда увидѣлъ на разсвѣтѣ отрядъ, подошедшій форсированнымъ ¹⁾ маршемъ къ Калафату, то велѣлъ всѣмъ спасаться на тотъ берегъ Дуная, и самъ первый подалъ къ тому примѣръ. Увидя, что турки оставляютъ Калафатъ и начинаютъ переправляться на судахъ, Гейсмаръ ворвался въ городъ, занялъ его и при переправѣ остатковъ арміи нанесъ ей еще разъ страшное пораженіе, вслѣдствіе того, что турки, не имѣя достаточнаго количества судовъ, должны были нагружать ихъ большимъ числомъ людей, отчего многія суда и потонули.

Турки потеряли при этой переправѣ однихъ утонувшихъ—до 4,000 человекъ. Занявъ укрѣпленный Калафатъ, Гейсмаръ тѣмъ самымъ очистилъ и обезпечилъ Малую Валахію отъ набѣговъ турокъ.

Съ приближеніемъ зимы, Гейсмаръ оставилъ въ Калафатѣ полкъ пѣхоты, а самъ съ остальными силами отряда ушелъ въ Малую Валахію на зимнія квартиры.

Между бумагами Ибрагима-паши было найдено самимъ султа-

¹⁾ Между Бойлештами и Калафатомъ 50 верстъ, и это разстояніе Гейсмаръ прошелъ въ одну ночь. В. Г.

номъ написанное повелѣніе: разбить русскія войска, занимавшія Молдавію и Валахію, собрать всѣ гарнизоны Дунайскихъ крѣпостей и отрѣзать отступление русской арміи. За блестящее дѣло при с. Бойлешти Баронъ Гейсмаръ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

Въ январѣ 1829 года Гейсмаръ получилъ приказаніе овладѣть крѣпостью Турно, что и было имъ вскорѣ выполнено съ обычной энергіей и мужествомъ.

Въ теченіи зимы онъ сформировалъ изъ населенія Валахіи 7 баталіоновъ пѣхоты и 350 человекъ кавалеріи, которыми и занялъ важнѣйшіе пункты на Дунаѣ.

Для предполагавшейся переправы черезъ рѣку, — онъ велѣлъ построить 110 легкихъ судовъ, которые бы впослѣдствіи могли служить для сооруженія моста. Около этого времени у Гейсмара уже было подъ начальствомъ болѣе 20,000 человекъ, съ которыми онъ перешолъ Дунай 28 мая, обложилъ крѣпость Рахово и взялъ ее штурмомъ. Паша и 1,000 человекъ гарнизона были взяты въ плѣнъ, а 800 человекъ при штурмѣ убиты, 5 пушекъ, нѣсколько знаменъ и много продовольственныхъ припасовъ попали въ руки побѣдителей. Съ нашей стороны вышло изъ строя только 350 человекъ убитыми и ранеными.

Къ концу этой кампаніи у барона Гейсмара было только нѣсколько небольшихъ дѣлъ, на берегахъ Дуная.

Въ началѣ сентября, онъ окружилъ г. Врацу у подножія Балканскихъ горъ. Тутъ-то къ нему и пришло извѣстіе объ Адрианопольскомъ мирѣ 2 сентября. Въ послѣднихъ же числахъ этого мѣсяца былъ пойманъ татаринъ, несшій Виддинскому пашѣ приказаніе великаго визиря, въ которомъ между прочимъ говорилось, что русскія войска дѣйствительно были въ Адрианополь, но онъ надѣется, — они найдутъ тамъ свою погибель. Паша долженъ быть готовымъ дѣйствовать по первому приказанію.

1-го октября, Гейсмаръ получаетъ донесеніе, что Скутарійскій паша отказывается принять Адрианопольскій миръ и намѣренъ выйти изъ Филипполя, чтобы напасть на стоявшую тогда въ Адрианополь русскую армію, среди которой свирѣпствовала чума.

Опасность, угрожавшая русскимъ, была такъ велика, что Гейсмаръ рѣшился, безъ всякаго приказанія, перейти Бал-

каны, чтобы удержать Скутарійскаго пашу отъ выполненія его замысла.

Дѣйствительно, 7 октября, онъ встрѣчаетъ турокъ въ Балканахъ на укрѣпленной позиціи при Аратаутъ-Кале во Враческой клисурѣ (ущели), разбиваетъ ихъ здѣсь, захватываетъ 3 пушки и разбиваетъ окончательно турецкія войска, послѣ чего переходитъ черезъ горы, приближается быстро къ Софіи и тѣмъ заставляеть этотъ большой, хорошо укрѣпленный городъ, отворить ворота ¹⁾.

Паша, увидя, что дѣла плохи, прислалъ Гейсмару свое изъясненіе покорности, самъ же удалился въ Албанію. Надо отдать должную справедливость этимъ послѣднимъ военнымъ подвигамъ Гейсмара въ Турціи въ 1829 г., благодаря только которымъ, кто знаетъ, быть можетъ и была спасена русская армія, находившаяся къ концу войны въ Адрианополѣ въ самомъ критическомъ положеніи.

Въ концѣ 1829 года войска выходятъ изъ Турціи и Гейсмаръ съ своимъ славнымъ отрядомъ приходитъ въ Бессарабію на зимнія квартиры, а вслѣдъ за расформированіемъ отряда получаетъ 2-ю драгунскую дивизію.

ГЛАВА V.

Польскій мятежъ.—Неудача Гейсмара при д. Стожекѣ.—Битва при Гроховѣ.—Сраженіи при Дембы-Вельке и Игане.—Послѣдствія ихъ.—Удаленіе Гейсмара изъ арміи и возвращеніе его снова въ дѣйствующія войска.—Штурмъ Варшавы.

1830—1831.

Высочайшій манифестъ 1830—1831 гг. о походѣ противъ польскихъ мятежниковъ засталъ Гейсмара въ Подольской губерніи; онъ только что вернулся изъ-за границы, куда ѣздилъ въ отпускъ и принялъ 2-ую конно-егерскую дивизію, (полки переяславльскій и короля Виртембергскаго), входившую въ составъ войскъ 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса генерала Крейца. 24-го января

¹⁾ Турки называли Гейсмара—„хромымъ генераломъ“, потому что онъ былъ такъ подвиженъ и быстръ въ своихъ боевыхъ передвиженіяхъ. По турецки, хромой—топал. У турокъ такое обыменовіе: если надо особенно выразительно что нибудь назвать, то они называютъ это противоположностью

1831 года 5-й корпусъ перешелъ черезъ р. Бугъ при м. Влодавѣ и вступилъ въ предѣлы царства Польскаго. Гейсмару было немедленно дано самостоятельное назначеніе: онъ былъ сдѣланъ начальникомъ отряда, состоявшаго изъ 2-й конно-егерской дивизіи, 2-хъ батарей пѣшей артиллеріи и 2-хъ казачьихъ полковъ, и получилъ приказаніе прикрывать лѣвый флангъ дѣйствующей арміи, съ которой поддерживать постоянную связь при помощи легкаго кавалерійскаго отряда полковника Анрепа.

Быстрымъ маршемъ шелъ Гейсмаръ отъ м. Влодава черезъ м. Рудно и г. Луковъ, по направленію къ г. Сѣдлецу; прибывъ въ г. Луковъ, онъ узнаетъ, что къ Сѣдлецу прибылъ генераль Сухоржевскій съ дивизіею польскихъ уланъ и оттѣснилъ полковника Анрепа. Поэтому онъ приостановилъ свое движеніе, въ надеждѣ вывѣдать силы и намѣренія противника. Нѣсколько дней простоялъ въ Луковѣ и не получилъ никакихъ свѣдѣній о движеніи польскихъ войскъ. Предполагая, что Сухоржевскій отступилъ, Гейсмаръ двинулся далѣе по дорогѣ къ Сѣдлецу и, прибывъ 1-го февраля вечеромъ въ м. Сорочинѣ, получилъ извѣстіе о приближеніи польскаго корпуса.

Командовавшій тогда польскими войсками, расположенными на лѣвомъ берегу Вислы, старый генераль Клицкій получилъ предписаніе съ 10,000-мъ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ остановить движеніе Гейсмара, для выполненія чего и послалъ помощника своего генерала Дверницкаго, человѣка рѣшительнаго и храбраго, обладавшаго кромѣ того военными талантами. Онъ далъ ему приказаніе перейти на правый берегъ Вислы, прикрывать правый флангъ польской арміи и при малѣйшей возможности напасть на отрядъ Гейсмара. 28-го января Дверницкій перешелъ Вислу по льду у Мнишева, съ 8 эскадронами уланъ, и уже 31-го соединилъ у Залехова 3 баталіона, 17 эскадроновъ и 6 орудій, всего около 6,000 человѣкъ. Тутъ онъ получилъ извѣстіе, что Гейсмаръ находится въ Луковѣ и рѣшилъ немедленно напасть на него и разбить на маршѣ. Для этого онъ сошелъ съ большой Сѣдлецкой дороги и лѣсами пробрался черезъ д. Филиповку въ д. Стожекъ, куда прибылъ 2-го февраля рано утромъ. Но Гейсмаръ узналъ уже о движеніи Дверницкаго отъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Латовичахъ, а потому и остановился, какъ упомянуто выше, въ м. Сорочинѣ.

Будучи человѣкомъ очень рѣшительнымъ и храбрымъ и всегда ставя въ основу всѣхъ своихъ военныхъ дѣйствій—быстроту, Гейсмаръ рѣшилъ напасть на Дверницкаго у д. Стожекъ, тѣмъ болѣе, что полагалъ силы поляковъ незначительными.

Вспомнивъ свое лихое нападеніе на турокъ при Бойлешти, Гейсмаръ и въ данномъ случаѣ дѣлитъ свой отрядъ на три части: одну назначаетъ для атаки поляковъ съ фронта, другую съ фланга, и наконецъ третью часть держитъ въ резервѣ. Передъ нападеніемъ на Дверницкаго Гейсмаръ съ своей стороны позаботился о томъ, чтобы всѣ шансы на успѣхъ были бы на его сторонѣ: быстрота и неожиданность нападенія; фронтальная атака, соединенная съ фланговой; наконецъ точныя и ясныя приказанія начальникамъ—все это должно было, по его мнѣнію, доставить полную побѣду. Одно только обстоятельство было имъ упущено изъ виду и сильно повліяло на результатъ этого перваго столкновенія русскихъ войскъ съ мятежниками. Обстоятельство это было слѣдующее: Гейсмаръ забылъ, что атакуютъ Дверницкаго не съ томскимъ и колыванскимъ полками (полки, бывшіе подъ его командой въ ночь съ 14 на 15 сентября 1828 г. подъ Бойлештами)—этими чудобогатырями, не знавшими преградъ своему наступленію и выполнявшими всѣ возлагаемыя на нихъ приказанія,—нѣтъ, не они были съ Гейсмаромъ подъ Стожкомъ—онъ это забылъ, онъ думалъ, что всѣ безъ исключенія русскіе полки лихо появляются на поле битвы и скорѣе „лягутъ костями“, чѣмъ покажутъ свой тылъ непріятелю. Гейсмаръ въ послѣдствіи самъ рассказывалъ, что онъ вовсе не зналъ духа вѣранныхъ ему войскъ и, предполагая нравственные качества отряда въ хорошемъ состояніи, рѣшилъ напасть на Дверницкаго. Въ противномъ случаѣ онъ поступилъ бы иначе.

Рѣшивъ дать Дверницкому сраженіе у деревни Стожекъ, Гейсмаръ приказываетъ генераль-маіору Пашкову съ переяславльскимъ конно-егерскимъ полкомъ и 4-мя орудіями двинуться прямымъ путемъ отъ Сорочина къ Стожку, самъ въ то же время съ конно-егерскимъ герцога Виртембергскаго полкомъ и 6 орудіями идетъ черезъ лѣсъ, чтобы атаковать непріятеля во флангъ со стороны Точка (Tozek).

Дверницкій нѣсколько часовъ передъ тѣмъ подошелъ къ Стож-

ку и велѣлъ уланамъ покормить лошадей, а людямъ отдохнуть и сварить пищу.

Вдругъ прибѣжавшіе мужики сообщили Дверницкому, что „москали идутъ къ Стожеку. И дѣйствительно, съ высоты вскорѣ можно было различить обѣ приближавшіяся колонны.

Дверницкій занимаетъ позицію за деревней, на высотѣ—располагаетъ артиллерію такимъ образомъ, чтобы она могла обстрѣливать путь наступленія обѣихъ колоннъ,—пѣхоту размѣщаетъ кареями по обѣимъ сторонамъ артиллеріи; 6 эскадроновъ уланъ развертываетъ противъ г. Пашкова и 8 эскадроновъ конно-егерей противъ самаго Гейсмара.

Къ тому времени колонна Пашкова вышла изъ лѣса. Последний выставилъ орудія вправо отъ дороги и развернулъ свой полкъ уступами въ три линіи.

Начался артиллерійскій огонь съ обѣихъ сторонъ, и вскорѣ польская кавалерія двинулась сначала шагомъ, а потомъ маршемъ, атаковала 2-ой дивизіонъ Пашкова, который велѣлъ встрѣтить поляковъ залпомъ, и въ то-же время 1-й дивизіонъ послать для удара съ фланга. Вдругъ 1-мъ дивизіономъ овладѣваетъ паническій страхъ,—и онъ вмѣсто того, чтобы атаковать стремительно поляковъ, поворачиваетъ кругомъ и ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; третій дивизіонъ слѣдуетъ примѣру 1-го, а 2-й, видя себя покинутымъ товарищами, бросаетъ прикрываемыя имъ орудія и также начинаетъ быстро уходить отъ непріятеля. Между тѣмъ Гейсмаръ обходной колонной выходитъ изъ лѣса въ ту минуту, когда весь Переяславльскій конно-егерскій полкъ обращается въ постыдное бѣгство, бросаетъ орудія и ихъ прислугу въ жертву непріятеля и въ карьеръ уносится по дорогѣ въ Луковъ. Увидя бѣгство переяславльскаго полка, герой Бойлештъ и Веймара не смутился, но быстро выстроивъ уступами полкъ герцога Виртембергскаго (3-ій дивизіонъ, за нимъ 2-й и 1-й) велѣлъ 3-му дивизіону атаковать польскихъ егерей; послѣдній не исполнилъ приказанія: уstraшенный числительной силой поляковъ, онъ, не дойдя до непріятеля, повернулъ кругомъ и ускорилъ по дорогѣ въ близъ лежащій лѣсъ. Что-бы возбудить мужество солдатъ собственнымъ примѣромъ, Гейсмаръ становится во главѣ втораго дивизіона и послѣ краткой воодушевляющей рѣчи командуетъ движеніе впередъ: маршъ! маршъ!... причемъ оба дивизіона конно-еге-

рей Виртембергскаго полка обращаютъ тылъ и быстро догоняютъ своихъ бѣгущихъ товарищей. Всѣ его усилія и попытки остановить бѣгущихъ были — напрасны.

Паническій страхъ овладѣлъ конно-егерями.

Видя такое постыдное бѣгство двухъ полковъ, нравственные качества которыхъ онъ до сихъ поръ, какъ упомянуто выше, не зналъ, Гейсмаръ приостановилъ лошадь и невольно сталъ соображать послѣдствія неудачнаго нападенія. Много разъ въ предшествующихъ войнахъ съ французами, турками и при усмирении декабрьскаго возстанія въ юго-западномъ краѣ, онъ бывалъ въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ и вездѣ его личная храбрость воодушевляла войска и вела ихъ къ побѣдамъ. Подъ Стожкомъ-же всякія усилія Гейсмара воодушевить трусовъ — остались тщетными. И такъ, на нѣсколько мгновеній онъ погрузился въ раздуміе на Стожковой равнинѣ; его вывели изъ этого раздумія крики польскихъ уланъ, несшихся съ пиками на перевѣсъ въ погоню за убѣгавшими конно-егерями и ерничавшими безъ устали бить москаля, бить его; уже многіе изъ нихъ, увлеченные преслѣдованіемъ — пронесли мимо стоявшаго въ раздуміи Гейсмара, который наконецъ также повернулъ лошадь и послѣднимъ оставилъ поле битвы.

Польскіе уланы въ пылу боя не замѣчаютъ, что рядомъ съ ними скачетъ русскій генералъ и даютъ ему возможность избѣжать плѣна и добраться до Сорочина, гдѣ имъ была расположена въ боевомъ порядкѣ другая бригада его дивизіи.

Послѣднее обстоятельство устрало поляковъ, прекратило ихъ дальнѣйшее преслѣдованіе и дало возможность Гейсмару собрать и привести въ порядокъ трусовъ вѣренныхъ ему конно-егерскихъ полковъ.

Это неудачное столкновеніе съ поляками заставило Гейсмара отступить къ главной арміи въ Сѣдлецъ. Поляки не преслѣдовали; они расположились лагеремъ подъ Стожкомъ и шумно стали праздновать побѣду ¹⁾. Вечеромъ того-же дня адъютантъ генерала

¹⁾ Особенно торжественно праздновали поляки эту побѣду въ Варшавѣ: вечеромъ 3 февраля весь городъ былъ иллюминированъ, съ невыразимой радостью поляки привѣтствовали другъ друга, восхваляли Дверницкаго и стали мечтать о будущихъ побѣдахъ. Была написана картина, изображающая тотъ моментъ, когда Дверницкій и его уланы преслѣдуютъ по дорогѣ къ Сорочину русскихъ егерей. На первомъ планѣ, изображенъ генералъ Гейсмаръ и Дверницкій,

Клицкаго привезъ Дверницкому приказаніе немедленно перейти обратно на лѣвый берегъ Вислы и соединиться съ войсками Обравскаго.

Главномандующій русскою арміею фельдмаршалъ Дибичъ узналъ объ этомъ столкновеніи Гейсмара съ мятежниками черезъ графа Толя. Неудача Гейсмара, лично извѣстнаго ему съ хорошей боевой стороны еще въ турецкую кампанію 1828 и 1829 гг., очень опечалила фельдмаршала и онъ требовалъ, чтобы Гейсмаръ указалъ бы ему на тѣхъ, кому главнымъ образомъ онъ приписывалъ причину пораженія. Отвѣчать фельдмаршалу на его вопросъ прямо, это значило бы, по мнѣнію Гейсмара, указать на то, что дисциплины и порядка въ ввѣренной ему бригадѣ не было; прежній командиръ мало заботился о поддержаніи нравственныхъ, боевыхъ качествъ войскъ, Гейсмаръ же принялъ бригаду передъ самымъ походомъ, а потому вовсе не имѣлъ времени ознакомиться ни съ офицерами, ни съ нижними чинами; но дабы избѣжать отвѣта, непріятнаго для него въ высшей степени, Гейсмаръ въ такой формѣ отвѣчалъ на вопросъ Дибича: „офицеры ввѣренной мнѣ бригады (въ то же время и дивизіи) добросовѣстно исполняли свои обязанности и только внезапный паническій страхъ, овладѣвшій солдатами, былъ причиной неудачи столкновенія“. Спрошенный фельдмаршаломъ о томъ-же во второй разъ, онъ повторилъ тотъ же отвѣтъ и присовокупилъ слѣдующее: „только съ 23-го января, я команду этой дивизіей, а потому не имѣлъ возможности въ этотъ короткій промежутокъ времени ближе познакомиться съ офицерами ввѣренной мнѣ дивизіи. Два эскадрона честно исполнили свой долгъ и вступили въ рукопашный бой; во время бѣгства съ поля сраженія я слышалъ голоса многихъ офицеровъ, которые убѣждали солдатъ остановиться, но всѣ ихъ усилія, такъ же какъ и мои, и генерала Пашкова оставались тщетными“.

Впрочемъ, въ письмѣ своемъ къ полковнику Анрепу, назна-

примечъ первый скачетъ позади Дверницкаго, окруженный польскими уланами. Картина эта, превосходной работы, до сихъ поръ хранится въ семействѣ Дверницкихъ въ ихъ имѣніи Подольской губ. м. Гусятина. Громадное значеніе эта побѣда имѣла въ глазахъ поляковъ потому, что была одержана надъ генераломъ Гейсмаромъ, имя котораго было еще такъ свѣжо въ памяти у всѣхъ послѣ турецкой кампаніи, на дальнѣйшій же ходъ военныхъ дѣйствій она не оказала ни малѣйшаго вліянія.

В. Г.

ченному командиромъ переяславльскаго конно-егерскаго полка, онъ изложилъ свое убѣжденіе въ томъ, что вообще во всемъ составѣ этого полка замѣчалось мало дисциплины и тѣхъ качествъ, которыя онъ, Гейсмаръ, всегда замѣчалъ во всѣхъ русскихъ ротахъ, баталіонахъ и полкахъ, которыми ему приходилось командовать; эти качества, по словамъ Гейсмара, заключались въ слѣпомъ исполненіи долга и беззаветной храбрости.

Вскорѣ Гейсмаръ получилъ въ отвѣтъ на свое донесеніе о дѣлѣ подъ Стожекѣ собственноручное письмо графа Дибича, въ которомъ послѣдній въ очень дружескихъ выраженіяхъ увѣрялъ генерала, что вполне вѣритъ въ его военные таланты, довѣряетъ всемъ его дѣйствіямъ и проситъ командовать войсками съ той же прежней энергіей и мужествомъ, которыя онъ постоянно выказывалъ во всѣхъ предшествующихъ войнахъ.

Надо признаться, что со стороны Гейсмара лично, въ сраженіи подъ Стожекѣ, было сдѣлано нѣсколько крупныхъ ошибокъ: атака была ведена не достаточными силами и отрядъ свой онъ разбросалъ на большомъ протяженіи — это дало полякамъ возможность разбить наши колонны по частямъ.

На эти-то ошибки Гейсмара (независимо отъ выказанной его войсками трусости) и напиралъ Дибичъ въ своемъ донесеніи императору Николаю 1-му о дѣлѣ подъ д. Стожекъ.

Кстати надо замѣтить, что хотя въ иныхъ случаяхъ Дибичъ обнаруживалъ расположеніе и очень дружески относился къ Гейсмару, въ другихъ онъ явно выказывалъ къ нему свое неблаговоленіе. Самъ Гейсмаръ объяснялъ это тѣмъ, что будучи человекомъ прямымъ и откровеннымъ, онъ часто говорилъ рѣзкую правду нѣкоторымъ приближеннымъ фельдмаршала, который въ польскую кампанію особенно сильно подчинялся постороннему вліянію и поэтому часто дѣлалъ то, чего самъ по себѣ никогда бы не сдѣлалъ.

На другой день послѣ описаннаго нами столкновенія при д. Стожекѣ, Гейсмаръ, какъ упомянуто, прибылъ къ Сѣдлецу, гдѣ при с. Полянахъ принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса цесаревича Константина Павловича и переправясь черезъ рѣку Кюстринь, 5-го февраля, имѣлъ очень удачное дѣло съ мятежниками подъ Калушинымъ и Яновымъ, слѣдствіемъ котораго было поспѣшное отступленіе непріятеля за г. Минскъ; Гейсмаръ энергично сталъ преслѣдовать поляковъ, которые отходили въ полномъ

порядкѣ; наступившая темнота ночи заставила Гейсмара остановиться за Яновымъ. Тутъ онъ получилъ приказаніе Дибича прикрывать лѣвый флангъ главныхъ силъ при ихъ наступленіи къ м. Грохову, для чего ему данъ былъ отрядъ, состоявшій изъ полка пѣхоты, 3-хъ кавалерійскихъ и одного казачьяго.

Съ этими силами онъ двинулся къ Вислѣ, съ цѣлью приготовить тамъ матеріалы для предполагаемой переправы. 8-го февраля онъ прибылъ къ м. Карчеву и простоялъ тамъ по 13-е, т. е. до дня извѣстной битвы подъ Гроховымъ. Въ этомъ сраженіи онъ начальствовалъ лѣвымъ флангомъ арміи. Въ теченіи всего боя Гейсмаръ не принималъ участія въ битвѣ, и въ то время, когда центръ нашего боеваго расположенія дѣлалъ невѣроятныя усилія къ овладѣнію Ольховою рощицею, а правый флангъ князя Шеховскаго долженъ былъ отбросить польскую армію отъ Праги, — лѣвый флангъ, подъ командой Гейсмара, не получалъ никакихъ приказаній и только, такъ сказать, созерцалъ поле битвы. Наконецъ наступаетъ вечеръ; Ольховая роща послѣ многократныхъ атакъ взята наконецъ штурмомъ; польская армія начинаетъ отступать; тщетно генералъ Хлопицкій дѣлаетъ послѣднія усилія; съ оставшимся резервомъ лично бросается для отраженія послѣдней атаки гренадеръ; онъ раненъ, а армія разбита; — да, около 3-хъ часовъ пополудни 13 февраля 1831 года, польская армія была разбита Дибичемъ, и для нея насталъ критическій моментъ: — она могла быть уничтожена въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Генералъ Гейсмаръ, своимъ военнымъ глазомъбромъ слѣдя за передвиженіемъ нашихъ и польскихъ войскъ на Гроховскомъ полѣ битвы, замѣтилъ, что сдѣлай онъ около 4-хъ часовъ пополудни любое захожденіе лѣвымъ флангомъ къ Прагскому шоссе и польская армія, разбитая фронтальной атакой, была-бы отрѣзана отъ своего пути отступленія и принуждена была-бы или силой прорываться черезъ сжимающее ее кольцо русскихъ войскъ (этого она не могла сдѣлать, ибо, по свидѣтельству самихъ поляковъ, была тогда въ полномъ разстройствѣ), или же вся положила-бы оружіе. Понимая инициативу начальника въ широкомъ смыслѣ слова, Гейсмаръ, безъ приказанія Дибича, сталъ дѣлать упомянутый фланговой маршъ, но еще до окончанія его получилъ двукратное приказаніе фельдмаршала „не двигаться съ мѣста“, вслѣдствіе чего и остановился, а польская армія между тѣмъ благополучно отсту-

пила къ Прагѣ. Такимъ образомъ Дибичъ изъ Гроховской побѣды не сумѣлъ извлечь тѣхъ результатовъ, которые должны были быть получены.

Въ ночь послѣ Гроховской битвы Гейсмаръ принялъ начальство надъ авангардомъ всей арміи и 14-го утромъ занялъ сожженную поляками Прагу. Почти двѣ недѣли простоялъ онъ съ авангардомъ въ Прагѣ и только 25-го февраля, когда 1-й корпусъ былъ расположенъ уступами отъ Вавера къ Минску, Гейсмаръ вышелъ изъ Праги и занялъ своимъ авангардомъ корчму Ваверь, выставивъ у Праги сильное прикрытіе изъ 2-хъ конноегерскихъ полковъ и казацкихъ. На слѣдующій день поляки, подъ командой генерала Янковскаго, произвели сильную вылазку, чтобы узнать, куда отступили русскія войска.

Янковскій выдвигалъ противъ Гейсмара отдѣльныя небольшія части, которыя всякій разъ были отбрасываемы съ большимъ урономъ. Во время одной изъ такихъ схватокъ попалъ къ намъ въ плѣнъ раненный полковникъ Блендовскій.

Послѣдній былъ русскій подданный (родомъ изъ волынской губ.), а потому его должно было ожидать строгое наказаніе. Гейсмаръ былъ знакомъ съ Блендовскимъ, но притворился, что не знаетъ его, велѣлъ заботливо перевязать его раны и, испросивъ предварительно разрѣшеніе фельдмаршала, позволилъ Блендовскому вернуться въ Варшаву для леченія ранъ. Русскіе солдаты на скрещенныхъ карабинахъ донесли его до Грохова, гдѣ и вручили полякамъ.

Вылазка Янковскаго имѣла характеръ усиленной рекогносцировки расположенія авангарда генерала Гейсмара. Главнокомандующій польскихъ войскъ хотѣлъ удостовѣриться, позволитъ-ли вязкій грунтъ окрестностей Праги употребить въ дѣло кавалерію, а съ другой стороны хотѣлъ приучить генерала Гейсмара къ вылазкамъ поляковъ изъ Праги. Онъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что русскій генералъ не намѣренъ покидать свою позицію у Вавра—этого только ему и нужно было. Генералъ-квартирмейстеръ польскихъ войскъ—Прондзинскій составилъ слѣдующій планъ военныхъ дѣйствій. Всѣми силами сдѣлать вылазку изъ Праги, другими словами, обрушиться всей массой войскъ на слабый авангардъ Гейсмара, окружить его и уничтожить, затѣмъ уже броситься на кантониръ квартиры русской арміи и разбить ее по час-

тѣмъ. Изъ только что сказаннаго видно, въ какомъ критическомъ положеніи долженъ былъ стать Гейсмаръ, если-бы поляки приступили къ выполнению хорошо задуманнаго плана: онъ долженъ бы былъ со слабыми силами остановить наступленіе всей польской арміи, или по крайней мѣрѣ задержать ее до тѣхъ поръ, пока разбросанныя по квартирамъ войска 6-го и 1-го корпусовъ не приготовятся встрѣтить непріятеля. Если прибавить ко всему этому то обстоятельство, что Дибичъ положительно не допускалъ и мысли о сильномъ наступленіи польской арміи со стороны Праги и занять былъ главнымъ образомъ переправой войскъ на лѣвый берегъ Вислы съ цѣлью угрожать непосредственно Варшавѣ, для чего и армія наша должна была предпринять движеніе въ этомъ направленіи, то станетъ понятно, что Гейсмаръ съ незначительными силами, въ случаѣ вышеупомянутой вылазки изъ Праги, во что бы то ни стало долженъ былъ задержать превосходящія силы противника; говорю задержать, потому что разбить и отбросить ихъ обратно къ Прагѣ не было не малѣйшей возможности.

Что бы вполнѣ отчетливо представить себѣ тѣ военныя операціи (происходившія въ періодъ послѣ гроховской битвы), въ которыхъ принималъ участіе Гейсмаръ, приведемъ вкратцѣ инструкцію фельдмаршала, данную имъ командиру 6-го корпуса генералу Розену отъ 11 марта, изъ главной квартиры при м. Шеницы: генералъ Розенъ долженъ прикрывать сообщенія дѣйствующей арміи отъ всякихъ покушеній со стороны непріятеля; авангардъ свой, подъ начальствомъ Гейсмара, оттянуть отъ Вавра къ Дембы-Вельке, а съ остальными силами занять позицію между Минскомъ и Калушинымъ. Въ Ваврѣ оставить только казаковъ, поддержанныхъ эскадрономъ уланъ. Далѣе въ инструкціи указывалось на то, что если-бы поляки сдѣлали вылазку изъ Праги съ частию своихъ силъ, то генералъ Розенъ долженъ удержать ихъ натискъ у Минска или Калушина и ни въ какомъ случаѣ не далѣе Сѣдльца. „Предпріятіе на Варшаву обезпечиваетъ Гейсмара отъ всякаго нападенія значительныхъ силъ, и потому онъ можетъ совершенно удобно прикрывать сообщенія арміи“. Послѣднія слова инструкціи показываютъ насколько ошибочны были предположенія Дибича.

Два дня спустя послѣ отданія этой инструкціи генералу Ро-

зену, т. е. 19 марта, Дибичъ уѣхалъ въ Тырчинъ для подробнаго осмотра мостовъ, сооружаемыхъ черезъ Вислу; остался всѣмъ очень доволенъ и даже назначилъ черезъ 3 дня переправу войскъ на тотъ берегъ рѣки. Вернувшись поздно вечеромъ въ главную квартиру, онъ вдругъ получилъ краткое донесеніе генерала Розена, помѣченное тѣмъ же числомъ въ полдень; Розенъ доносилъ, что „рано утромъ форпосты Гейсмара открыли значительныя непріятельскія силы, наступающія на него двумя колоннами, почему Гейсмаръ и отступилъ на Милосинское шоссе. Въ настоящее время я собираю свои силы на позиціи у Дембы-Вельке, дабы подкрѣпить Гейсмара и удержать натискъ непріятеля“. Къ сему онъ приложилъ поспѣшно написанное на клочкѣ синей бумаги донесеніе Гейсмара: „не часть, но вся польская армія наступаетъ противъ меня; мои войска храбро сражались, это доказываетъ ихъ значительный уронъ; но мнѣ необходимы подкрѣпленія, потому что непріятель тѣснитъ меня превосходными силами. Я отступилъ уже за Милосну и думаю удерживать здѣсь опушку лѣса. Вся пѣхота введена уже въ дѣло, кавалерія изнурена; я еще разъ прошу о подкрѣпленіи, въ особенности пѣхотою, дабы отступить съ меньшею потерей. Взято знамя 5-го польскаго полка“.

За этимъ все еще недостаточно опредѣленнымъ донесеніемъ послѣдовало тотчасъ второе, писанное собственной рукой Розена въ ночь 19 марта изъ Минска: „Гейсмаръ съ своимъ авангардомъ (5,300 чел. съ 700 казаковъ) удерживалъ непріятеля сколько могъ. При Дембы-Вельке я принялъ Гейсмара на себя и тогда началось упорное сраженіе, продолжавшееся болѣе четырехъ часовъ. Превосходными силами непріятель принудилъ меня къ отступленію; я полагаю въ теченіи ночи отступить къ Калущину“. Наконецъ, 20 марта вечеромъ, Дибичъ получилъ третье донесеніе Розена о томъ, что онъ уже отступилъ отъ Калущина и что авангардъ его находился у Ягодной, на рѣкѣ Кострижнѣ; къ сему было приложено письмо Розена, въ которомъ онъ жалуется на свою судьбу.

Вотъ какъ произошло столкновение Гейсмара съ польской арміей, наступавшей изъ Праги къ Дембы-Вельке: выполняя общій планъ (объясненный выше), 40,000 армія поляковъ обрушилась на 5,000 авангардъ Гейсмара у Вавра. Погибель его казалась неминуемою: поляки принимаютъ всѣ мѣры для того, чтобы окру-

жить его и уничтожить. Гейсмаръ не можетъ не отступать, ибо непріятель начинаетъ его окружать; онъ отступаетъ, но отступаетъ съ честью. Съ проницательностью предугадываетъ онъ движеніе противника и сообразно этому размѣщаетъ войска для обороны сначала у Вавра, а потомъ у Милосны, гдѣ онъ оказалъ особенно упорное сопротивленіе. Такимъ образомъ непрерывно сражаясь, медленно отступая, останавливаясь и опять отступая, Гейсмаръ выигралъ 11 часовъ времени и, будучи въ дѣлѣ съ 5 часовъ утра, прибылъ только въ 4 часа пополудни на позицію при Дембы-Вельке. Этимъ онъ далъ возможность Розену собрать разбросанные войска 6-го корпуса и изготавиться къ бою. Кто послѣ этого скажетъ, что сопротивленіе Гейсмара не достойно похвалы? Военная исторія представляетъ не много примѣровъ такого геройскаго отступленія при столь неблагоприятныхъ обстоятельствахъ: начать хоть бы съ того, что литовскіе полки, бывшіе въ авангардѣ Гейсмара, сражались довольно плохо и вообще сочувствовали „Польской справѣ“. Въ сраженіи при Дембы-Вельке командовалъ Розень. Гейсмаръ съ совершенно изнуренными войсками занималъ лѣвый флангъ позиціи.

У Розена было всего около 8,000 ч. пѣхоты и 2,000 ч. кавалеріи; на него нападали около 40,000 поляковъ, почему исходъ сраженія не могъ подлежать сомнѣнію. Розену только нужно было задержать противника до тѣхъ поръ, пока 25-ая пѣхотная дивизія займетъ Калущинъ; къ концу боя, поздно вечеромъ, поляки прорываютъ центръ боеваго расположенія Розена; тщетно онъ дѣлаетъ усилія возстановить порядокъ—все обращается въ бѣгство. Самъ Розень послѣ долгаго колебанія послѣдовалъ за бѣгущими и, поручивъ свой авангардъ Гейсмару (всего около 5,000 ч.), поспѣшилъ въ Минскъ, что бы собрать тамъ остатки своихъ войскъ, также какъ и бѣгущихъ и разсѣявшихся солдатъ.

Храбрый Гейсмаръ съ авангардомъ занялъ позицію у Стоядле, въ трехъ верстахъ отъ Минска, и долженъ былъ удержаться на ней до тѣхъ поръ, пока отступавшія войска не достигнутъ Минска. Самъ Розень въ 2 часа ночи отступилъ изъ Минска далѣе къ Калущину, и ожидалъ своего спасенія единственно отъ сопротивленія, которое окажетъ Гейсмаръ. Послѣдній и въ этотъ разъ оправдалъ надежды Розена и мужественно удерживалъ наступавшаго непріятеля: до 8 часовъ утра 20-го марта онъ оставался

въ своей позиціи у Стоядле; когда уже узналъ, что отступавшія войска уже прошли г. Минскъ, — сталъ самъ отходить назадъ къ Калущину; казаки, по его приказанію, прикрывали отступление.

Подъ Калущинымъ Гейсмаръ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, снова выдерживалъ нападеніи противника и только тогда началъ отступать, когда волынской и минской полки (согласно приказанію генерала Розена) присоединились къ нему. Продолжая дальнѣйшее отступление, Гейсмаръ отошелъ къ Ягоднѣ, гдѣ занялъ позицію за болотистымъ Костражиномъ, рѣшивъ далѣе не отходить, а наблюдать за дальнѣйшими намѣреніями поляковъ.

Такъ прошло 4 дня. Въ теченіи этого времени войска стояли на мѣстѣ, обоюдно наблюдая другъ за другомъ.

Розень уѣхалъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а Гейсмаръ, на время его отсутствія, принялъ начальство надъ 6 пѣхотнымъ корпусомъ и всѣми войсками, находившимися въ окрестностяхъ г. Сѣдлеца. 26 марта онъ былъ атакованъ всей польской арміей при с. Игане. Генераль Розень, вернувшійся отъ Дибича во время самаго боя, отказался принять команду надъ вѣренными ему войсками въ этотъ критическій моментъ, — онъ возложилъ рѣшеніе трудной задачи веденія боя на Гейсмара и чистосердечно ему признался, что на полѣ битвы онъ не имѣлъ столько хладнокровія, сколько баронъ Гейсмаръ; это дѣйствительно была весьма лестная похвала изъ устъ такого человѣка, каковъ былъ Розень.

Въ битвѣ при Игане Гейсмару удалось съ 10,000-мъ корпусомъ отразить нападеніе матежниковъ, удержаться на своей позиціи на берегахъ Муховца и даже заставить генерала Скрженецкаго отступить, ночью 31 марта.

Потери обѣихъ сторонъ въ этомъ дѣлѣ были громадны. Русскіе потеряли 3,500 ч. убитыми и ранеными, поляки и того болѣе.

Встрѣтивъ такое упорное сопротивленіе при Игане, поляки не могли двинуться впередъ къ Сѣдлецу и тѣмъ привести въ исполненіе свой искусно задуманный планъ — разбить русскую армію по частямъ. Короче говоря, упорный бой при Игане исторгъ изъ рукъ поляковъ тотъ успѣхъ, который они приобрѣли удачной вылазкой изъ Праги.

Изъ нашего разсказа видно, что при усмиреніи польскаго мятежа генераль Гейсмаръ оказалъ нашей арміи не маловажныя

услуги въ самыя критическія минуты. Между тѣмъ послѣ сраженія 30 марта, онъ былъ, по распоряженію высшаго начальства, удаленъ изъ дѣйствующей арміи, и даже ходили тогда слухи о преданіи его военному суду, будто бы за неправильность военныхъ дѣйствій. Высланный изъ арміи, онъ, въ ожиданіи отвѣта изъ Петербурга, жилъ нѣкоторое время въ Кіевѣ, гдѣ однажды ночью съ отчаянія хотѣлъ застрѣлиться, но былъ во время остановленъ женой, которая, отобравъ у него пистолетъ, убѣдила его не отчаиваться и спокойно дожидаться рѣшенія своей участи.

Нѣсколько времени спустя, въ Кіевъ былъ присланъ изъ Петербурга курьеръ, привезшій Гейсмару высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы онъ немедленно отправился въ дѣйствующую армію и принялъ начальство надъ авангардомъ корпуса генераль-адъютанта Ридигера. Эта монаршая воля ясно доказала всю несостоятельность введенныхъ на него обвиненій и дала ему возможность еще нѣсколько разъ въ концѣ кампаніи выказать свои военныя боевыя способности.

Уже 10-го іюля 1831 г., онъ принялъ начальство надъ ввѣреннымъ ему авангардомъ, съ которымъ, переправившись черезъ р. Вислу, занялъ село Павловскую Волю, а черезъ три дня разбилъ и уничтожилъ совершенно отрядъ мятежниковъ при м. Гнѣвашовѣ, при чемъ взялъ въ плѣнъ полкъ № 22-й польской пѣхоты, роту вольныхъ стрѣлковъ и два орудія. Недѣлю спустя онъ устремился въ погоню за отрядомъ извѣстнаго мятежника Ружицкаго, желая захватить его въ плѣнъ; при с. Ильзы онъ настигъ отрядъ и разсѣялъ его,—впрочемъ, ему не удалось захватить въ плѣнъ главныхъ начальниковъ.

Наконецъ, когда главныя русскія силы подошли къ Варшавѣ, генераль Гейсмаръ былъ сдѣланъ начальникомъ одной изъ тѣхъ трехъ колоннъ, которыя назначены были для штурма Варшавы.

Съ ввѣренной ему колонной онъ первый повелъ атаку на передовыя Варшавскія укрѣпленія, и взялъ приступомъ редуты №№ 54 и 55-й съ шестью осадными орудіями, при чемъ, при взятіи втораго редута, когда онъ оббѣждалъ штурмуемый фасъ—былъ тяжело раненъ пулею въ лѣвую ляшку на вылетъ.

За штурмъ Варшавы Гейсмаръ получилъ Высочайшее благоволеніе и орденъ св. Александра Невскаго—это было первая и послѣдняя награда, которую онъ получилъ въ эту войну.

ГЛАВА VI.

Назначеніе командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса.—Жизнь въ Вильно.—Выходъ изъ строя.—Покупка имѣнія.—Жизнь въ деревнѣ.—Путешествіе за границу.—Гейсмаръ узнаетъ объ Венгерской кампаніи.—Его пріѣздъ въ Петербургъ.

1831—1848.

Послѣ войны съ поляками мы видимъ Гейсмара на высокомъ посту командира 1-го пѣхотнаго корпуса. Старшій сынъ его отъ первой жены умеръ, второй служилъ въ саперахъ на Кавказѣ.

Отъ горячо любимой второй жены (рожд. Гердеръ) Гейсмаръ имѣлъ 5 сыновей и 3 дочери, о которыхъ онъ нѣжно заботился до самой смерти; любя жену, онъ также любилъ и дѣтей, которыхъ она ему подарила. Двѣ старшихъ дочери Марія и Луиза въ 1836 году пріѣхали къ отцу въ Вильно, окончивши Смольный институтъ, при чемъ старшая вскорѣ была назначена фрейлиной къ Ея Императорскому Величеству, 3-я дочь умерла въ Краiovѣ въ 1829 году, во время страшнаго землетрясенія. Старшаго сына, пажа двора Его Императорскаго Величества, Александра, пріѣхавъ въ Вильно, онъ помѣстилъ въ благородный пансіонъ, который онъ и окончилъ въ 1840 г. и вышелъ въ стародубовскіе драгуны, откуда 8 лѣтъ спустя былъ переведенъ въ кавалергардскій полкъ и уже въ концѣ 1850-хъ годовъ былъ полковникомъ; 2-й сынъ, Алексѣй, изъ Вильно былъ отданъ въ морской корпусъ, а остальные трое еще были очень молоды и потому воспитывались дома.

Командуя войсками въ Вильно, Оедоръ Клементьевичъ познакомился со многими знатыми польскими фамиліями, каковы: Радзивиллы, Чарторыйскіе, Потоцкіе и друг. и результатомъ этого знакомства было то, что онъ измѣнилъ первоначальное свое мнѣніе о полякахъ: прежде онъ говорилъ, что поляки люди нехорошіе,—ихъ надо избѣгать; теперь, напротивъ, онъ полюбилъ этотъ народъ и даже впоследствии старшую свою дочь выдалъ за-мужъ за польскаго магната графа Грабянка. Въ Вильнѣ онъ и былъ произведенъ въ генералы-отъ-кавалеріи и когда увидѣлъ, что высшаго назначенія онъ не получитъ, а служить въ строю въ мирное время ему уже становилось трудно, войны же не предви-

дѣлось, то началъ придумывать, какъ-бы лучше подѣ старость лѣтъ устроить свое положеніе, и наконецъ, послѣ многихъ семейныхъ толковъ и разсужденій, рѣшилъ купить себѣ гдѣ-нибудь на югѣ Россіи имѣніе и въ немъ поселиться, для чего и хотѣлъ выйти изъ строя на время болѣе или менѣе продолжительное, пбо въ отставку ему выйти было нельзя. Но несмотря на то, что онъ уже такъ высоко стоялъ по службѣ, получалъ сравнительно большое содержаніе, высочайше пожалованную аренду ¹⁾ и много разъ по высочайшему повелѣнію ему выдавались временныя денежныя пособія, все-таки не располагалъ такими большими средствами, чтобы купить хотѣ сколько-нибудь порядочное имѣніе. Это обстоятельство часто заставляло его задумываться надъ своимъ положеніемъ: ему ужасно хотѣлось послѣ такой бурной военной жизни вкусить всѣ прелести тихаго сельскаго одиночества. Наконецъ въ 1840-мъ году онъ совершенно случайно узнаетъ отъ одного изъ своихъ польскихъ знакомыхъ, что въ Подольской губерніи графиня Мнишекъ продаетъ свое большое имѣніе м. Грудекъ, даже очень дешево, потому что хочетъ поселиться за границей и нуждается въ деньгахъ. Сумма, которую требовала графиня за имѣніе, была столь велика, что Гейсмаръ и думать не могъ совершить эту покупку, но вдругъ къ нему на помощь является одно обстоятельство, которое и даетъ ему средства совершить давно желанную покупку; обстоятельство это слѣдующее: исполняя въ 1834 г. обязанности дежурнаго генераль-адъютанта и живя въ Петербургѣ,—у него родился меньшой сынъ Анатолій, крестнымъ отцомъ котораго былъ извѣстный русскій богачъ Демидовъ ²⁾, онъ-то и положилъ въ банкъ на имя своего крестника 300,000 руб. ассигнац. съ условіемъ, что никто не имѣетъ права ихъ взять безъ его разрѣшенія до совершеннолѣтія его крестника; затѣмъ деньги составляютъ собственность того, на чье имя положены.

Когда Гейсмару понадобились деньги на покупку м. Грудка, Демидовъ далъ ему разрѣшеніе взять деньги изъ банка, а потомъ

¹⁾ Вскорѣ послѣ усмирения польскаго возстанія 1830—1831 гг. императоръ Николай I подарилъ генералу Гейсмару прекрасное помѣстіе въ Царствѣ Польскомъ—г. Урженцовъ, и чтобы оно постоянно оставалось въ семействѣ бароновъ Гейсмаръ,—даровалъ права майората.

²⁾ Гражданскій губернаторъ Курской губ. въ 1830-хъ годахъ. В. Г.

пополнить ихъ временными взносами. Такимъ образомъ у него явился требуемый капиталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и купчая крѣпость на имѣніе графини Мнишекъ. Получивъ отпускъ „до излеченія отъ болѣзни“, Гейсмаръ совсѣмъ переселяется въ свое вновь купленное имѣніе:—превращается въ мирнаго помѣщика-хозяина.

Съ 1842 г. по 1848, т. е. до самой своей смерти, онъ почти безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, занимаясь преимущественно устройствомъ имѣнія и введеніемъ образцоваго хозяйства. Въ не-большой періодъ времени онъ построилъ два завода: пивоваренный и сахарный, исправилъ мельницы и завелъ стада тонкорунныхъ овецъ и голландскаго скота. Никогда ни въ чемъ не полагаясь на своихъ управляющихъ, онъ всегда самъ лично за всѣмъ присматривалъ, что, очевидно, должно было дать ему весьма выгодные результаты. Заботясь о благоустройствѣ имѣнія, онъ въ то же время заботился о благосостояніи жителей своей деревни: всякій неимущій всегда обращался къ нему за помощью, которая тотчасъ была оказываема ¹⁾. На свой счетъ построилъ церковь и костель, устроилъ госпиталь, (для чего выписалъ изъ заграницы доктора), нѣчто въ родѣ богадѣльни и школу для дѣтей своихъ крѣпостныхъ,—все это не могло не расположить къ нему обитателей его деревни, которые и дѣйствительно любили его какъ отца, и когда онъ ежедневно по утрамъ объѣзжалъ верхомъ (несмотря на свои 60 лѣтъ) свое хозяйство, встрѣчающіеся ему поселяне съ почтеніемъ снимали шляпы и низко кланялись.

Счастливо и мирно, среди любящаго семейства, доживалъ славный воинъ свои годы и не могъ наѣшиться, глядя на подраставшихъ дѣтей. Такъ, какъ у него были уже двѣ взрослые дочери, то онъ и устраивалъ балы и давалъ вечера, на которыхъ присутствовала всегда вся тамошняя знать, преимущественно польская. Домъ его былъ устроенъ на широкую ногу и отличался своимъ гостепріимствомъ, а его славное имя дѣлало то, что всякій, даже гордый польскій аристократъ, считалъ за честь бывать у него въ домѣ.

¹⁾ Когда въ концѣ 1840-хъ годовъ, страшный пожаръ истребилъ большое количество еврейскихъ домовъ м. Грудка, а также очень много причинилъ убытковъ крестьянамъ, Гейсмаръ безвозмездно далъ матеріалъ на возобновленіе построекъ и роздалъ денежное пособіе погорѣвшимъ. В. Г.

Старшую дочь свою Гейсмаръ, какъ упомянуто выше, вскорѣ дѣйствительно и выдалъ замужъ, за своего сосѣда богатаго помѣщика графа Грабянка. Младшая дочь его умерла отъ чахотки, которую получила отъ простуды на балѣ у графовъ Браницкихъ, при чемъ особенно замѣчательно то обстоятельство, что въ ту же ночь, въ которую она умерла — убитъ былъ на Кавказѣ старшій братъ ея Карлъ, и на другой день курьеръ изъ Петербурга привезъ высочайшее повелѣніе о назначеніи ея фрейлиной къ Ея Императорскому Величеству. Эта потеря, сильно повлияла на старика отца, который серьезно заболѣлъ и, оправившись не много, по совѣту докторовъ, отправился на зиму и весну за границу, для пользованія минеральными водами.

Вернувшись изъ путешествія, онъ еще нѣсколько лѣтъ прожилъ тихо въ деревнѣ, и на этотъ разъ уже ничто не нарушило его покойную сельскую жизнь. Торжественно отпраздновалъ онъ свою серебряную свадьбу и изрѣдка еще все таки давалъ вечера, хотя впрочемъ уже не для кого и было ихъ давать. На этихъ вечерахъ онъ обыкновенно игралъ въ карты въ преферансъ и бывало изъ себя выходилъ, когда случалось ему проиграть нѣсколько рублей.

Уважаемый всѣми, съ кѣмъ только приходилось ему сталкиваться, окруженный нѣжными заботами любящаго семейства, онъ дѣйствительно отдыхалъ подъ конецъ своей жизни отъ тяжкихъ лишеній предшествующихъ походовъ и наслаждался истиннымъ счастіемъ семейнаго человѣка.

Живя въ деревнѣ и занимаясь хозяйствомъ, онъ въ то же время слѣдилъ за политикой, и часто увѣрялъ своихъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, что ему еще придется побывать въ походѣ, хотя самъ онъ тогда еще точно не могъ опредѣлить, противъ кого будетъ предпринять этотъ походъ. Наконецъ наступаетъ 1848 годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Россія начинаетъ готовиться къ войнѣ, идетъ на помощь Австріи противъ возставшихъ венгерцевъ. Лишь только генералъ Гейсмаръ узнаетъ о томъ, что дѣйствительно предполагается походъ, какъ немедленно уѣзжаетъ изъ деревни съ цѣлью получить мѣсто въ дѣйствующей арміи.

Прощаясь въ своемъ Грудецкомъ замкѣ съ женой и дѣтьми, онъ вѣроятно не думалъ, что уже больше ихъ не увидитъ. Не смотря на всѣ просьбы и убѣжденія семейства остаться и не

ѣхать въ дѣйствующую армію, Гейсмаръ поѣхалъ, потому что, по его словамъ, не могъ сидѣть дома тогда, когда русскія войска были въ походѣ.

Въ январѣ 1848 года Гейсмаръ пріѣхалъ въ Петербургъ и немедленно заявилъ свое желаніе о поступленіи въ дѣйствующую армію¹⁾.

Военный министръ отвѣчалъ на его заявленіе слѣдующимъ письмомъ:

„Милостивый государь баронъ Ѳеодоръ Клементьевичъ! Государь Императоръ, съ особеннымъ удовольствіемъ принявъ готовность в—го высокопревос—ва, выраженную съ письмѣмъ вашимъ отъ 15 сего марта, вступить въ составъ дѣйствующихъ войскъ, соизволилъ отозваться, что Его Величество будетъ имѣть васъ въ виду, на случай если обстоятельства востребуютъ.

¹⁾ „Прежде чѣмъ я отправлюсь къ князю Чернышеву (военному министру) и вручу ему мое письмо къ Его Величеству, пишу тебѣ; — хочешь еще кое что тебѣ сообщить: моя рѣшимость поступить снова на дѣйствительную службу, повидимому, тебѣ не понравилась, но ты знаешь, что я всегда жертвую собою тогда, когда того требуютъ интересы Царя и Россіи; — въ особенности же теперь: — я чувствую въ себѣ для этого достаточно силы.

„Боже сохрани мнѣ ту энергію, которую я до сихъ поръ въ себѣ чувствую!.. Ты вѣдь по опыту знаешь, что, будучи серьезно занятъ войной, я чувствую себя какъ будто здоровѣе, — счастливѣе.

„Что мы близки къ войнѣ, — это по моему не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, не смотря на то, что наше правительство употребляетъ всѣ усилія къ устраненію причинъ столкновенія. Теперь наступилъ моментъ, когда дворянство фактически можетъ доказать свою преданность Государю, и я надѣюсь, что въ этомъ отношеніи Подолія (Подольская губернія) нисколько не уступитъ остальнымъ русскимъ областямъ. Она съ радостью принесетъ въ жертву Царю свое имущество и жизнь, если обстоятельства того потребуютъ; этимъ она докажетъ, что искренность ея вѣрнопопданническихъ чувствъ даетъ ей право, подобно прочимъ старорусскимъ губерніямъ, рассчитывать на милость Государя. Всѣ молодые люди должны въ настоящее время съ охотой вступить въ военную службу.“

Эти слова лучше всякихъ комментариевъ характеризуютъ покойнаго, какъ чисто русскаго патріота: — и станутъ намъ вполне понятны, если мы вспомнимъ, что они относятся къ 1848-му году, т. е. ко времени большихъ революціонныхъ движеній въ Западной Европѣ, которыя легко могли нарушить тишину въ нашихъ югозападныхъ губерніяхъ, псковинъ сочувствъ вавшихъ Польской справѣ.

Баронъ Гейсмаръ, живя въ своемъ имѣніи, въ Подольской губерніи, и пользуясь тамъ большимъ вліяніемъ на высшій слой общества, постоянно старался убѣдить польскую знать въ томъ, что единственный залогъ ихъ благоденствія — это преданность Государю и Россіи.

В. Г.

„При этомъ Его Величество поручилъ мнѣ изъяснить вамъ, Милостивый Государь, Монаршую признательность за радужное предложеніе ваше. Князь Чернышевъ.

„17 марта 1848 г. С.-Петербургъ“.

Получивъ это письмо, Гейсмаръ остался жить въ Петербургѣ и ожидать назначенія въ дѣйствующую армію.

Вотъ что писалъ онъ объ этомъ женѣ въ деревню: „Я оста-
нусь въ Петербургѣ и буду спокойно выжидать своего назначенія.
Я сдѣлалъ,—что слѣдовало; навязывать же свои услуги—не хочу.
Я ихъ предложилъ и, несмотря на мои лѣта, готовъ служить съ
ревніемъ молодого человѣка, и жизнь отдать за Государя и Рос-
сію;—болѣе ничего не могу сдѣлать. Забыли ли уже какъ я
служилъ во время предшествующихъ войнъ, или не хотятъ о томъ
вспомнить, или же наконецъ думаютъ, что я старъ:—все возможно,
однако же я убѣжденъ, что могу болѣе сдѣлать, чѣмъ большая
часть молодыхъ генераловъ, ибо я опытенъ въ бояхъ, хладнокро-
венъ, обладаю хорошимъ глазомѣромъ и полагаю, что не уступлю
никому въ стратегическихъ соображеніяхъ: все это хорошо, но
не довольно того, чтобы я такъ самъ о себѣ думалъ, нужно, чтобы
и Государь былъ того же мнѣнія обо мнѣ,—чего, къ несчастію,
кажется, нѣтъ. Впрочемъ, какъ Богу угодно!“

Гейсмару не довелось однако получить страстно желаннаго
имъ назначенія въ дѣйствующую армію, готовившуюся уже къ
походу. Мысль—что онъ оставленъ, забытъ—удручала заслужен-
наго воина. Онъ захворалъ и въ тоскѣ тяжкаго предчувствія
близкой кончины, уже лежа на кровати, дрожащею рукою напи-
салъ онъ, 24 апрѣля 1848 г., слѣдующее замѣчательное письмо.

[Переводъ съ нѣмецкаго]. „Неохотно умираю въ постели:
я надѣялся умереть на полѣ битвы и передъ смертію доказать
Государю и моимъ врагамъ, что я не простой рубака, какъ то
нѣкоторымъ особамъ угодно было утверждать передъ Его Вели-
чествомъ. Я бы могъ быть полезнымъ, но къ несчастію для меня
и для Россіи, ношу нѣмецкое имя, которое такъ охотно хотѣли
бы устранить, но никакъ не могутъ.“

„Вообще (для меня) не понятно, отчего въ Россіи хотятъ узнать
русскаго только по фамиліи, тогда какъ слѣдовало бы его оцѣ-
нивать только по дѣяніямъ и образу мыслей. Жаль, что Государю
Императору не вздумалось повелѣть перевести *ab libitum* на рус-

скій языкъ всѣ иностранныя фамиліи и въ будущее время носить ихъ, ибо подобно тому, какъ изъ фамиліи „Dick“ сдѣлали „Толстой“, назвали бы и меня не „Гейсмаромъ“, а „Козаконевымъ“ ¹⁾, Roth'a—„Красновымъ“; сдѣлались ли бы мы оттого болѣе русскими—въ этомъ я долженъ усумниться, во мнѣніи же русскихъ фанатиковъ я поднялся бы на 100%. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мнѣ что-то не здоровится. Боюсь, чтобы со мной не случился ударъ. Я, можетъ быть, могъ бы его предупредить,—но къ чему? Судя потому какъ со мной обращаются при Дворѣ, я вижу, что мало мнѣ остается надежды. Дай Богъ, чтобы впослѣдствіи не раскаивались о томъ, что меня, какъ рѣдко кого, непонятнымъ образомъ отстранили на задній планъ.

„Никто не имѣлъ лучшихъ намѣреній, никто не былъ болѣе преданъ Россіи и Государю, чѣмъ я.

„Я могъ бы оказать важныя услуги, еслибы мною пользовались такъ, какъ я заслужилъ это своей опытностью и способностями.

„Война, которая предстоитъ Россіи, будетъ кровопролитна и будетъ имѣть самыя важныя послѣдствія. Отъ способа веденія войны будетъ зависѣть: сдѣлается ли Россія первою державою міра, или же ниспадетъ съ настоящей высоты и могущества къ полнѣйшей незначительности. Съ самаго начала войны надо постараться достигнуть нѣкоторыхъ успѣховъ надъ непріателемъ, ибо малѣйшій успѣхъ нашего противника повлечетъ за собой важнѣйшія несчастнѣйшія послѣдствія. Я преданно и честно служилъ Государю и отечеству,—что это позабыли, это очевидно. Если Его Величеству угодно будетъ вспомнить, что, при Его вступленіи на Всероссійскій престолъ, я, и только я одинъ, разбилъ Черниговскій полкъ бывшій подъ командой Муравьева и возстановилъ спокойствіе, что въ турецкую кампанію, я своимъ безпримѣрнымъ въ исторіи маршемъ спасъ Букарестъ отъ гибели и удержалъ для русской арміи богатые склады этого большого города; что я сраженіемъ при Бойлешти поколебалъ планъ турокъ, который долженъ былъ погубить нашу армію; что это я 35 дней, спустя послѣ Адрианопольскаго мира, перешелъ Балканы, разбилъ въ ущельѣ турокъ, взялъ городъ Софію и этимъ только поддер-

¹⁾ Нѣмецкая фамилія Geismar составлена изъ двухъ словъ: „Ge's“ и „Mar“—древне германское слово, не употребляемое нынѣ, означающее—„Конь“ В. Г.

жалъ миръ, который турки рѣшили нарушить; что въ польскую кампанію, въ сраженіи при Гроховѣ, я, захожденіемъ лѣваго фланга, хотѣлъ отрѣзать отступленіе всей польской арміи (уходившей въ безпорядкѣ), чѣмъ бы и кончился весь походъ: не достигъ же я этого результата потому только, что получилъ приказаніе „не двигаться“,—въ свидѣтели правдивости моихъ словъ я призываю графа Палена, что это я, а не генераль Розень, командовалъ въ сраженіи при Игане и своимъ упорнымъ сопротивленіемъ, съ ничтожными силами, удержалъ наступленіе всей соединенной польской арміи, и тѣмъ спасъ нашу армію отъ вѣрной гибели, которая повлекла бы за собой важнѣйшія для Россіи послѣдствія.

„Какую же благодарность получилъ я за все это?...

„Никогда, ни словомъ, мнѣ не упомянули о томъ, что никто иной какъ я подтвердилъ Адрианопольскій миръ,—такъ что я сомнѣваюсь, пришло ли когда либо на умъ Дибичу и Орлову донести о моихъ успѣхахъ Государю Императору.

„Послѣ сраженія при Игане я, какъ измѣнникъ, былъ немедленно удаленъ изъ арміи; за всю польскую кампанію я не получилъ никакой награды, и только за штурмъ Варшавы, гдѣ я приступомъ взялъ редуты № № 54 и 55 (причемъ былъ тяжело раненъ) получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Генералу же Крейцу дали Георгія 2-й степени, за то, что онъ долженъ былъ взять редутъ № 54, въ чемъ, однако, я его предупредилъ.

„Въ мирное время я командовалъ тремя корпусами и оставилъ послѣдній, ибо одинъ молодой офицеръ, въ то время какъ я былъ за границей, увлекся молодой, красивой полькой и измѣнилъ русскому знамени: передавая въ руки плѣнника-поляка ¹⁾ письма—большое преступленіе, постыдная измѣна, но чѣмъ же я виновать, я—находившійся въ то время уже 3 мѣсяца въ отпуску за границей. Вообще развѣ возможно, что бы командующій генералъ отвѣчалъ бы за каждаго изъ своихъ подчиненныхъ?

„Старшіе сыновья мои погибли на службѣ Его Императорскаго Величества: одинъ умеръ въ турецкой кампаніи, другой убитъ на Кавказѣ. 3-й сынъ, 26 лѣтъ, поручикъ арміи, находится на

¹⁾ Эмисаръ Канарскій, извѣстный польскій агитаторъ, составившій планъ возстанія въ Литовскихъ губерніяхъ. Онъ былъ пойманъ, преданъ суду и разстрѣлянъ въ Вильнѣ въ 1838 году.

службѣ уже 8 лѣтъ и нынѣ прикомандированъ къ кавалергардскому полку, чтобы быть переведеннымъ черезъ 6 мѣсяцевъ—корнетомъ. 4-й, морякъ, уже 5½ лѣтъ мичманомъ, совершаетъ однако кругосвѣтное плаваніе. 5-й—18 лѣтъ поступилъ юнкеромъ въ уланскій арцц-герцога Альбрехта полкъ. 6-й, еще только 14 лѣтъ, находится при матери въ деревнѣ. Поступить ли онъ въ военную службу, въ этомъ я сомнѣваюсь.

„Всѣхъ дѣтей моихъ и жену поручаю милости Его Императорскаго Величества Государя Императора.

„Писано это въ ту минуту, когда чувствую себя очень дурно и думаю, что скоро умру.

„С.-Петербургъ. 24-го апрѣля 1848 года. 6 часовъ утра. Баронъ Гейсмаръ“.

Рано утромъ 25-го апрѣля 1848 г. Федоръ Клементьевичъ Гейсмаръ, сраженный апоплексическимъ ударомъ, испустилъ духъ на рукахъ старшаго своего сына. Эти нѣсколько словъ ярче всего рисуютъ намъ свѣтлую личность Бойлештскаго героя, какъ человѣка, искренно преданнаго Царю и Россіи. Миръ праху твоему, славный воинъ! не мало пользы принесъ ты нашему и твоему новому отечеству!

Баронъ В. Гейсмаръ.

С.-Петербургъ. 30-го мая 1881 года.

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО,
СОДЕРЖАЩІЯ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

СИБИРЬ ПО БАНАТУ.

1827—1828 гг.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ПЕТРОВСКЪ

1835.

„Записки Несчастнаго“—рукопись въ 4-ю долю, 150 стр.,—написаны со словъ нѣкоего Василя Павловича Колесникова, нынѣ умершаго, барономъ Владиміромъ Ивановичемъ Ш—емъ—въ 1835 году, въ Петровскомъ заводѣ въ Сибири, и тогда-же подарены барономъ Ш—мъ его другу Михаилу Александровичу Бестужеву ¹⁾.

М. А. Бестужевъ предоставилъ этотъ манускриптъ въ наше полное распоряженіе въ 1860 году, переславъ къ намъ рукопись изъ Селенгинска въ Петербургъ.

Въ 1869 году Записки эти были напечатаны нами въ Петербургѣ, въ IV и V книгахъ, стр. 53—85 и стр. 1—30, литературнаго журнала „Заря“, издававшегося тогда В. Кашпиревымъ (нынѣ покойнымъ). Журналъ, по недостатку числа подписчиковъ, въ томъ же году прекратилъ свое существованіе.

Такъ какъ помянутыя Записки весьма ярко знакомятъ съ порядками, сопровождавшими, между прочимъ, ссылку „несчастныхъ“ въ Сибирь и слѣдованіе ихъ туда,—то мы считаемъ нелишнимъ сохранить настоящія „Записки“, какъ историческій документъ. на страницахъ „Русской Старины“. Дѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что журналъ „Заря“, въ которомъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ появилось первое изданіе „Записокъ Несчастнаго“—почти вовсе неизвѣстенъ читающему обществу.

Настоящее второе изданіе „Записокъ Несчастнаго“ печатается прямо съ рукописи барона В. И. Ш—ля, съ исключеніемъ лишь двухъ страницъ изъ введенія, ему принадлежащаго и написаннаго имъ въ 1835 г. Ред.

¹⁾ Баронъ В. И. Ш—ль умеръ въ Петербургѣ въ 1862 г.

Любезный другъ, восемь мѣтъ проведя въ одной тюрьмѣ, мы могли узнать другъ друга: я узналъ тебя, полюбилъ, люблю всею душою, и не разлюблю уже конечно, пока судьба оставитъ меня еще на этой грязной кучкѣ, на которой такъ мало добра и такъ много зла. Она скоро разлучитъ насъ, и, вѣроятно, въ послѣдній разъ въ моей жизни день Ангела твоего мы проведемъ вмѣстѣ. Хотѣлось бы мнѣ подарить тебѣ въ этотъ день что нибудь на память; но мы съ тобой едва имѣемъ на что подѣ голодный часъ купить омуля, и то капиталъ отрицательной. Пусть же хотя эта бѣдная рукопись напомнитъ тебѣ въ грустной часъ бѣднаго, сдѣлаго друга—бѣднаго карманомъ, но богатаго чувствами, которой тебя не забудетъ доколѣ мозгъ не лишится способности возобновлять принятыя впечатлѣнія.

III. мѣ.

Любезному другу, товарищу несчастія, Михаилу Александровичу Бестужеву.

8 ноября 1835. Петровской казематъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто вступленія.

Глава I. Чтеніе сентенціи, экзекуція, проводы.

Глава II. Последнее прощаніе.

Глава III. Переходъ до Уфы, встрѣчи.

Глава IV. Пребываніе въ Уфѣ.

Глава V. Переходъ до Тобольска.

Глава VI. Этапы, полу-этапы, устройство партіи, злоупотребленія.
Заключеніе.

ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНАГО, СОДЕРЖАЩІЯ ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ ПО КАНАТУ.

Вмѣсто вступленія.

Въ послѣднее время царствованія Екатерины II, она встревожилась казню французскаго короля; тотчасъ московской главнокомандующій князь Прозоровской воспользовался этимъ, чтобы обратить на себя особенное ея вниманіе и подслужиться ¹⁾. Чрезъ московскаго почт-директора Пестеля, онъ имѣлъ копіи съ переписки нѣкоторыхъ масоновъ, принадлежавшихъ къ такъ-называемому Новиковскому обществу ²⁾. Составивъ записку, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, и до того умѣлъ напугать императрицу тайнымъ мартинизмомъ и мнимыми замыслами этого общества — возвести на престолъ Наслѣдника, что и Великая сдѣлалась слабодушною: она дала ему полную власть — арестовавъ Новикова и всѣхъ его сообщниковъ, учинить строгой розыскъ. Такимъ образомъ это общество, существовавшее болѣе двадцати лѣтъ, и дѣйствовавшее открыто, въ ея собственныхъ видахъ, къ просвѣщенію Россіи, было варварски ³⁾ уничтожено, какъ зловерное. Хотя

¹⁾ Изъ записокъ Храповицкаго, бывшаго докладчикомъ при императрицѣ, мы знаемъ, что Екатерина не терпѣла лично Прозоровскаго, ни его подъяческой поговорки: сирѣчь; о немъ и о Суворовѣ она говорила: „Они хороши на своемъ мѣстѣ“.

В. III.

²⁾ Эти копіи находятся въ нашемъ распоряженіи и часть ихъ была напечатана въ „Русской Старинѣ“.

Ред.

³⁾ Для разсмотрѣнія бумагъ и книгъ, взятыхъ у членовъ этого общества, составленная комиссія произвела ауто-да-фе, достойное испанской инквизиціи. Замѣчательно невѣжество этихъ господъ: когда выданный книги въ огонь чиновникъ, удержавъ одну, доложилъ, что она духовнаго содержанія; то одинъ изъ членовъ, именно архимандритъ, вскричалъ: „кидай и ее туда-же; вмѣстѣ была, такъ и она дьявольщины наболшнилась“! Этотъ анекдотъ разсказанъ намъ очевидцемъ, всякаго вѣроятія достойнымъ, покойнымъ профессоромъ моск. ун. Н. А. Геймомъ.

В. III.

при всей нечаянности, ничего не найдено, почему бы можно было предать гонимыхъ суду по законамъ; но тѣмъ не менѣе, Прозоровской, что бы не остаться въ дуракахъ предъ императрицею, умѣлъ дать этому дѣлу такой видъ, что незабвенный россиянинъ Новиковъ, съ докторомъ своимъ Багрянскимъ, вовсе не принадлежавшимъ къ его обществу, посажены были въ Петропавловскую крѣпость, и томились въ ней съ нѣсколькими другими невинными ¹⁾ до самой смерти императрицы. Одинъ изъ членовъ этого общества, сосланный тогда въ свои деревни, бывший потомъ сенаторомъ, извѣстный И. В. Лопухинъ оставилъ потомству вѣрную картину всего этого происшествія, въ своихъ запискахъ.

Императоръ Павелъ I вступилъ на престолъ съ подозрительностію и предубѣжденіемъ, который питалъ болѣе двадцати лѣтъ — и, не сотни, тысячи людей пострадали по тайнымъ доносамъ мѣстныхъ начальствъ и полиціи! — Когда онъ приказалъ докласть мраморную Исаіевскую церковь кирпичемъ, на это написана была на стѣнахъ ея извѣстная эпиграма. Велѣно было полиціи непремѣнно отыскать виновнаго, и она нашла — флота капитанъ-лейтенанта Акимова, который имѣлъ неосторожность говорить о ней, но отнюдь не былъ ея сочинителемъ. Въ тайной канцеляріи ему отрѣзали языкъ, выломали правую руку и сослали подъ чужимъ именемъ въ отдаленный уголъ Сибири. Поэтъ (послѣ бывший министр) Дмитріевъ взять былъ въ крѣпость, и чуть не подвергся той же участи за пасквиль, написанную подъ его руку его слугою. Одинъ лютеранскій пасторъ ²⁾, по представленію мѣстнаго начальства, за возмутительную проповѣдь, высѣченъ былъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь; невинность скорѣе открылась, онъ возвращенъ, и доживалъ свой вѣкъ въ Гатчинѣ, въ томъ же санѣ, подъ покровительствомъ Маріи Ѳеодоровны, желавшей исправить несправедливость своего супруга. Грузиновы, за нѣсколько словъ, произнесенныхъ въ

¹⁾ Бывшій издатель журнала „Другъ юнѣшества“ — М. Н. Невзоровъ, былъ посланъ отъ Новиковскаго общества путешествовать, и во время казни короля находился еще въ Парижѣ. При возвращеніи въ отечество, на самой границѣ, онъ былъ схваченъ и отвезенъ въ Петропавловскую же крѣпость. Послѣ многихъ тщетныхъ допросовъ о злонамѣренныхъ замыслахъ Новиковскаго общества, гнустной памяти Шишковой показалъ ему записку, будто бы самой императрицы, въ которой было сказано: „Бить его похлѣномъ, если не признается“. — Невзоровъ отвѣчалъ: „руки императрицы не знаю; но можетъ ли быть, что бы та же рука, которая начертала божественный Наказъ, способна была написать слова, приличныя простой бабѣ: вы клевете на государыню“. Шишковой покраснѣлъ, и отступилъ отъ Невзорова; но онъ остался въ крѣпости до кончины Екатерины. В. Ш.

²⁾ Пасторъ Зейдеръ. Все дѣло объ ужасной судьбѣ, его постигшей, подробно изложено въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., томъ XXI, [мартъ], стр. 461—490; томъ XXII, [май] стр. 117—156. Ред.

хмѣлю на пріятельской казачей пирушкѣ, потеряли головы на эшафотѣ — по ошибкѣ¹⁾).

Въ царствованіе Александра I, Селифонову, для личныхъ видовъ, удалось возбудить негодованіе его (т. е. государя) противъ мнимаго духа ябеды въ Сибирѣ; тотчасъ дана генераль-губернатору неограниченная власть преслѣдовать этотъ духъ. Всѣмъ извѣстно, что претерпѣла Сибирь, пока насмѣху, чрезъ 15 лѣтъ, услышали ея вопли! Въ 1807 году государь прогнѣвался на провинтскій и комиссаріатскій штаты, и генераль-маіоръ Куткинъ, самымъ насильственнымъ образомъ, уморенъ подъ стражею; а онъ былъ едва-ли не честнѣйшій человекъ изъ всего провинтскаго штата. Уральскіе казаки показали свое неудовольствіе на измѣненіе своихъ правъ и одежды; тотчасъ выставили это въ видѣ ужаснаго бунта, пересѣкли сотни кнутомъ, и разорили несчастный Черкасскъ. Наконецъ, кто не содрогался при слухахъ о томъ, что происходило въ военныхъ поселеніяхъ въ Чугуевѣ! — какъ-бы для утонченія жестокости, гоняли вдругъ сквозъ строй; матери, при видѣ варварства и насилій, убивали дѣтей своихъ... Сердце стѣсняется отъ одного воображенія!

....Вскорѣ послѣ казни, совершившейся въ 1826 году, открытъ «ужасный злодѣйскій замыселъ» въ Оренбургѣ, умножившій число государственныхъ преступниковъ еще нѣсколькими жертвами. Истинное описаніе этого произшествія лучше всего объяснить какого рода былъ этотъ замыселъ, что за злодѣи участвовали въ немъ, и какъ пострадали они.

Новиковское общество основано было отчасти по правиламъ масонства. Братство, равенство, искренность, взаимное вспоможеніе другъ другу, благотвореніе, распространеніе чтенія полезныхъ книгъ, и вообще свободомысліе того времени составляли цѣль его. Оно имѣло многія отрасли въ Россіи. Одно отдѣленіе его существовало даже въ самой отдаленной Сибирѣ, именно въ Иркутскѣ. Командиръ тогдашняго Екатеринбургскаго линейнаго баталіона, Казачковскій, послѣ бывшій генераль-лейтенантомъ, былъ основателемъ этого Сибирскаго отдѣленія. Мудрено-ли, что подобное отдѣленіе образовалось и въ Оренбургѣ, на грани обширныхъ степей, гдѣ буранъ и

¹⁾ Павелъ I, получивъ донесеніе о казни, совершенной по его конфирмаціи, послалъ повелѣніе бывшему въ Ревелѣ военнымъ губернаторомъ (послѣ, при Александрѣ, сосланному въ Сибирь) князю Горчакову, ѣхать немедленно на Донъ и произвести слѣдствіе. Князь Горчаковъ рѣшился захватить въ Гатчину для принятія изустныхъ наставленій императора. Когда онъ возшелъ въ кабинетъ, государь, находившійся по лѣвую сторону дверей, тотчасъ схватилъ его за руку, и, указывая на образъ, въ сильномъ душевномъ волненіи, сказалъ: „Вотъ тебѣ мать Божія свидѣтельница, я не виноватъ! — я не виноватъ: защити меня!“

киргизъ соперничаютъ въ наслажденіяхъ дикою разгульною свободою. Когда и гѣмъ оно основано, — не знаемъ; извѣстно только, что бывший Оренбургской таможенной директоръ Величко поддерживалъ его до самой своей кончины, случившейся въ послѣдніе годы царствованія Александра. Со смертію его общество не рушилось.

При вступленіи на престолъ Николая I, оставался въ Оренбургѣ нѣкто Кудряшевъ, принадлежавшій къ тайному обществу Велички. Онъ былъ чиновникъ незначительный — аудиторъ, но человекъ честной, довольно образованной, любитель литературы, поэтъ — про себя и мечтатель о свободѣ.... Онъ завербовалъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, служавшихъ въ тамошнемъ гарнизонѣ, и питалъ порывы ихъ молодости подобными мечтами, не открывая ничего, кромѣ существованія какого-то тайнаго общества, съ цѣлью просвѣщаться и стремиться къ свободѣ.

Произшествіе 14 декабря 1825 г., съ его послѣдствіями, естественно напугало старшихъ и осторожныхъ членовъ этого общества, но огорчило и ожесточило пылкихъ юношей. При этомъ расположеніи участниковъ младенствующаго либерализма, привезли въ Оренбургъ Z*, изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища разжалованнаго въ солдаты. Въ то самое время, когда комитетъ о тайныхъ злоумышленникахъ производилъ слѣдствіе, этотъ молодой человекъ, имѣя отроду не болѣе 17 — 18 лѣтъ, сдѣлалъ извѣтъ на роднаго своего брата и даже на сестру свою! Настоящее несчастье его нисколько не образумило: дорогою онъ надѣлалъ еще нѣсколько шалостей и проказъ. Изъ Москвы онъ послалъ доносъ на командира баталіона внутренней стражи Штемпеля, въ благодарность за то, что онъ его принялъ какъ благороднаго, несчастнаго юношу, и позволилъ, на свой страхъ, разѣзжать по городу. Во Владимірѣ онъ успѣлъ какъ-то пріѣхать подъ именемъ комиссіонера Иванова, и увѣривъ губернатора, что потерялъ дорожную, выпросилъ другую и до самаго Оренбурга ѣхалъ съ этимъ видомъ, по крайней мѣрѣ онъ такъ послѣ рассказывалъ! Едва явился онъ въ команду, какъ и началъ увѣрять молодыхъ юнкеровъ и офицеровъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу, и осужденъ вмѣстѣ съ прочими. Весьма естественно, что провинціальныя молодые либералы имъ заинтересовались, и что-бы похвастать своимъ просвѣщеніемъ и чувствами, начали съ нимъ нескромно, какъ говорится, либеральничать. Замѣтивъ это, Z* выдумалъ имъ сказку: будто-бы, проѣзжая чрезъ Владимірѣ, онъ открылъ и тамъ тайное общество, которое его приняло и дало порученіе принимать членовъ. Портупей-прапорщикъ Колесниковъ, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, тотчасъ рассказалъ обо всемъ Кудряшеву, который, подумавъ, совѣтовалъ быть крайне осторожнымъ въ откровенности съ нимъ; но что-бы вывѣдать у него, что это такое, онъ разрѣшилъ Колесникову, съ двумя или тремя товарищами, войти съ

нимъ въ тайное сношеніе, примолвивъ: «а тамъ увидимъ!» Такъ и сдѣлали. Колесниковъ уговорилъ прапорщика Таптикова, и оба они дали себя принять въ мнимое общество, котораго Z* выдалъ себя агентомъ. Потомъ Колесниковъ принялъ еще товарища и друга своего Дружинина, также портупей-прапорщика; а за нимъ, прапорщика Старкова, юнкера Шестакова, и служившаго въ ратушѣ, коллежскаго регистратора Дынкова. Таптиковъ же со своей стороны принялъ казачьего сотника Вѣтошника.

Все это происходило въ мартѣ и началѣ апрѣля 1827 года. Z* составилъ уставъ общества, и 18 апрѣля прочиталъ его въ собраніи всей этой молодежи. Они судили, рядили, исправляли нѣчто, и кончили тѣмъ, что дали обманщику подписки въ вѣрномъ сохраненіи правилъ устава и тайны. Не далѣе какъ чрезъ три дни послѣ этого происшествія, секретарь военного губернатора шепнулъ одному изъ нихъ объ осторожности, примолвивъ: «кажется вашъ новый пріятель подалъ какой то доносъ военному губернатору». Объ этомъ тотчасъ дано было знать Кудряшеву. Онъ досталъ даже списокъ поименованныхъ въ доносѣ, и успѣлъ предостеречь многихъ, присовѣтовавъ истребить бумаги, если есть mogućіа навлечь хотя малѣйшее подозрѣніе, и вѣроятно самъ успѣвши сдѣлать тоже.

Предавъ этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, Z* не посовѣстился собрать ихъ еще 23 числа, и тутъ весьма много ораторствовалъ о будущихъ дѣйствіяхъ, видахъ и надеждахъ, о заготовленіи оружія, о возмутительныхъ бумагахъ и тому подобномъ.

Чрезъ день, т. е. 25 числа, по распоряженію военного губернатора, начались аресты. Всѣхъ, по списку, составленному Z*, взято 33 человѣка, и всѣ разсажены по разнымъ таутвахтамъ. Обрадованный, вѣроятно, случаемъ выказать бдительность свою и свое усердіе, генералъ Эссенъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся представителей 1796 — 1800 годовъ, не развѣдавъ порядочно, есть-ли тутъ что нибудь основательное, въ тотъ-же день успѣвши отправить гурьеромъ своего адъютанта Лебедева, съ донесеніемъ къ государю объ открытіи важнаго государственнаго заговора!!!

Аудиторъ Кудряшевъ былъ арестованъ на другой день, и какъ ни у него, ни у многихъ другихъ ничего подозрительнаго не нашли; то кромѣ осьми человѣкъ, о коихъ ниже подробно будетъ упомянуто, тотчасъ всѣхъ выпустили. Кудряшевъ, однакожъ, чрезъ недѣлю, скоростижно умеръ — и смерть его, какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, подала поводъ къ тайнымъ толкамъ объ отравѣ.

26 числа, всѣ тѣ, которые спутали себя подписками, данными Z*, призваны были къ военному губернатору для снятія съ нихъ допроса. Въ собственномъ его кабинетѣ, составленъ былъ, подъ личнымъ его председательствомъ, родъ комитета, въ которомъ присутствовалъ начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Веселицкій, бригадный коман-

дирь 1-й бригады, генераль-майоръ Стерлигъ, и для письмоводства корпусный аудиторъ.

Послѣ первыхъ разспросовъ, не трудно было увидѣть, что это просто молодые, опрометчивые люди, болѣею частью, чуть не дѣти, которые вдалились въ обманъ негодяю, вознамѣрившемуся, ихъ погибелю, купить себѣ прощенье. Генераль Стерлигъ сильнѣе всѣхъ это замѣтилъ, и потому вслухъ сказалъ генералу Эссену: «Вотъ, ваше высокопр—во, я вамъ говорилъ, что это все шутки самого Z*»! Военный губернаторъ на эту апосирофу не отвѣчалъ ни слова; но на лицѣ его показалась багровая краска—и, въ переводѣ на языкъ чистосердечія, это могло значить: Глупость сдѣлана; поправлять поздно: пусть погибнуть!

Вѣроятно, увлекаясь этою послѣднею мыслию, а, можетъ быть, и желая показать, что жертвы его не совсѣмъ же невинны, онъ обратился къ нимъ съ язвительною насмѣшкою, и спросилъ: «какое же знамя вы приготовили: красное или зеленое; гдѣ оно у васъ?»—«Мы не готовили никакого», отвѣчали ему. — «Какъ, сударь, изъ устава вашего видно, что вы намѣревались поднять знамя!»—«Знамя бунта, ваше высокопр—во, это такъ только говорится», объяснилъ высокопревосходительному портупей-прапорщикъ Колесниковъ, и генераль всталъ впень ¹⁾.

Увѣрившись изъ допросовъ, что Z* самъ былъ зачинщикомъ всего дѣла, генераль Эссенъ тутъ же приказалъ взять его подъ стражу; а допрошенныхъ повели изъ кабинета въ корпусное дежурство, что бы тамъ прочитать имъ снятые съ нихъ допросы, и дать имъ подписать ихъ. Это предоставлено было одному корпусному аудитору. Когда дошла очередь до подпоручика Михайлова, всѣ его товарищи приступили къ аудитору, и свидѣтельствуя единогласно, что онъ съ ними ни въ чемъ не участвовалъ, просили уничтожить его допросъ, и освободить его. Аудиторъ подумалъ, спросилъ еще: «всѣ ли они на это согласны?» и получивъ утвердительный отвѣтъ, тутъ же разорвалъ допросъ, и вымаралъ его изъ списка. Такимъ

¹⁾ Справедливость этого факта подтверждается другимъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ листковъ „Молвы“ (при журн. „Телескопъ“) безъ означенія имени, въ видѣ анекдота. Здѣсь вкратцѣ повторить истину. Почтенный В. О. Тимовскій, служа въ Оренбургѣ по пограничной части, ни мало не заботился списать благосклонность его высокопр—ва, и былъ, какъ говорится, вконтрѣ съ нимъ. Однажды въ торжественный день, при собраніи всѣхъ чиновниковъ, генераль, по какому то случаю, вздумалъ изъяснять г. Тимовскому свое неудовольствіе. Василий Ѳеодоровичъ отвѣчалъ со всею вѣжливостію, что онъ не понимаетъ, чѣмъ могъ навлечь негодованіе его высокопр—ва, стараясь всегда во всѣхъ отношеніяхъ къ нему сохранять должное уваженіе. „Какъ вы смѣете, сударь, сказать въ отношеніяхъ, вскричалъ генераль, въ донесеніяхъ, сударь, въ донесеніяхъ“! В. III.

образомъ этотъ человѣкъ спасся! Доказательство: какими глазами смотрѣли на важность этого дѣла, низшіе чиновники, и что можетъ дѣлать иногда корпусный аудиторъ!*

И такъ, по этому важному заговору, преданы были суду только слѣдующія лица:

Прапорщики:	Тапиковъ,	30 лѣтъ ¹⁾ .
	Старковъ	25 —
Портулей-прапорщики:	Колесниковъ	24 —
	Дружининъ	19 —
	Юнкеръ: Шестаковъ	17 —
Казачій сотникъ:	Вѣтошниковъ	23 —
	Рядовой: Z*	19 —

и коллежскій регистраторъ Дыньковъ 19 лѣтъ: этотъ послѣдній судился гражданскимъ судомъ.

Военный судъ, подъ предѣтельствомъ дивизионнаго командира генералъ-лейтенанта Жемчужникова, былъ составленъ изъ слѣдующихъ членовъ:

- 1) Полковникъ Эссенъ, состоящій по особымъ порученіямъ у военнаго губернатора, своего роднаго брата;
- 2) Полковникъ свиты Е. В. Тимофеевъ,
- 3) Полковникъ Покатиловъ, бригадный командиръ Оренбургской артиллеріи, — и нѣсколько оберъ-офицеровъ.

Дѣлопроизводителемъ былъ дивизионный аудиторъ Пенской.

Судъ открытъ 4 мая 1827 г. Члены всѣ примѣтно были озлоблены гнуснымъ поступкомъ Z*, который хотѣлъ запутать еще многихъ бывшихъ Семеновскихъ солдатъ; но они отвѣтами своими усугубили только его вину. Видя, что ему плохо, Z* умѣлъ изъ подъ караула послать на самаго Эссена доносъ въ Петербургъ, собравъ въ немъ всѣ злоупотребленія, о какихъ отъ частныхъ лицъ въ городѣ могъ только слышать; но этотъ доносъ присланъ былъ къ Эссену, съ повелѣніемъ судить Z* и за этотъ поступокъ; Эссенъ его и не пощадилъ. Судъ оконченъ 13 іюня. Замѣчательно, что на третій день, т. е. 15-го, полковникъ Эссенъ умеръ скорострѣжно отъ удара. Жители Оренбурга приняли это за явное наказаніе Божіе ²⁾.

¹⁾ Судьба этого человѣка довольно странна. Изъ бѣдныхъ дворянъ Орловской губерніи, онъ взросъ въ домѣ фельдмаршала Каменскаго, послѣ смерти котораго отданъ въ военную службу. За Бородинское дѣло произведенъ въ офицеры. Впослѣдствіи за пожаръ въ деревнѣ, въ которой стоялъ съ своимъ капральствомъ, разжалованъ въ рядовые. Дѣлалъ нѣсколько трудныхъ походовъ въ Бухару и Хиву, и только что выслужился опять въ офицеры — попалъ въ каторжную работу!

²⁾ Кстати упомянуть, что и въ такъ названномъ Верховномъ уголовномъ судѣ, одного члена, именно графа Г. В. Орлова, постигла подобная смерть.

По приговору военного суда присуждено: Тапикова, Колесникова, Вѣтошникова и Z*, яко главныхъ злоумышленниковъ бунта, колесовать; Старкова и Дружинина—лишить живота; Шестакова—разжаловать вѣчно въ солдаты. — Генералъ Эссенъ подтверждаетъ сослать въ каторжную работу: Тапикова на 12 лѣтъ, Колесникова на 24, Дружинина на 8, Z* вѣчно; Вѣтошникова же и Старкова вѣчно въ солдаты; а Шестакова на три года въ солдаты, безъ лишенія дворянства. Аудиторіатскій департаментъ положилъ: Тапикова на 8 лѣтъ, Колесникова на 12, и Дружинина на 6 лѣтъ въ каторжную работу; а о Старковѣ, Шестаковѣ, Вѣтошниковѣ и Z* подтвердилъ конфирмацію военного губернатора.

Высочайшая конфирмація, послѣдовавшая въ 12 день августа 1827 г., состояла въ слѣдующемъ: Тапикову, Колесникову и Дружинину сбавлены сроки вполонину; Старкову, Вѣтошникову и Z* утверждено наказаніе, положенное генераломъ Эсеномъ; а о 17-ти лѣтнемъ Шестаковѣ присовокуплено: «Вѣчно въ солдаты и лишить дворянства». Эзекучія исполнена 22 сентября.

Но теперь предоставимъ одному изъ осужденныхъ самому разсказать, какъ съ ними поступали, и что съ ними было. Замѣтимъ только, что генералъ Эссенъ переведенъ вполнѣ въ С.-Петербургъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, и на этомъ новомъ поприщѣ украсился Андреевскимъ орденомъ и возведенъ въ графское достоинство... Мы, съ своей стороны, ктати повторимъ только слова Валтеръ-Скотта: «Упреки тѣхъ, у которыхъ нѣтъ другаго облегченія въ страданіяхъ, кромѣ плачевнаго о нихъ разсказа, рѣдко доходятъ до ушей вельможъ, которые были причиною этихъ страданій».

1835 г. В. И. Ш.

ГЛАВА I.

Чтеніе сентенціи.—Эзекучія.—Проводы.

О, край родной, поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ больше не видать,
И гробы праотцевъ святыя
Изгнаннику не обнимать.

Рылѣевъ.

Уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ томился я на гаубтвахтѣ, какъ важный арестантъ. У меня была мать, были друзья, какіе бывають въ двадцать лѣтъ; я не оставался безъ утѣшенія, безъ тайныхъ извѣщеній. Наконецъ, мнѣ дали знать, что объ насъ получено рѣшеніе; но въ чемъ оно состояло, этого никто не могъ сказать. По утру, 12 сентября, я перебралъ всѣ мои записки—эти свидѣтельства нѣжности матушки, участія друзей,—съ крайнимъ принужденіемъ и горестію изорвалъ большую часть изъ нихъ,

остальных не достало духа разорвать. Я их спряталъ, въ надеждѣ—послѣ экзекуціи возвратиться на гаубвахту, отыскать ихъ и взять съ собою, какъ залогъ пріятнѣйшихъ воспоминаній о тѣхъ, которые занимали мое сердце. Сдѣлавъ это, я пробренчалъ на гитарѣ нѣсколько пассажей Сихры, Аксенова. Пришла новая смѣна. Нѣкоторые изъ друзей моихъ приходили навѣстить меня. Я читалъ на лицахъ ихъ сожалѣніе, смѣшанное съ нѣкоторымъ страхомъ. Они знали жестокую участь мою. Никто не смѣлъ духа сказать мнѣ о ней. Они ушли. Послѣ обѣда меня склонилъ сонъ.

Когда я проснулся послѣ часового отдыха, увидѣлъ, что у кровати моей сидитъ плацъ-адъютантъ, г. Бедринъ, а у окошка стоитъ, задумавшись, караульный офицеръ, и оба сохраняютъ глубокое молчаніе. Не трудно было отгадать причину этого посѣщенія. Я тотчасъ спросилъ плацъ-адъютанта—что ему угодно?, и онъ, съ примѣтною ужимкою, отвѣчалъ: «такъ-съ—я присланъ отъ коменданта, чтобы вы пожаловали въ Ордонансъ-гаузъ». «Зачѣмъ?—вѣрно для объявленія намъ сентенціи?»

— Не знаю-съ.

— Къ чему скрывать: вы намъ проложили добрую дорожку, прямо въ Сибирь!

— Въ Сибирь? спросилъ онъ, возвыся голосъ,—какъ это вы знаете, и отъ кого?

— Позвольте мнѣ это одному знать, сказалъ я отрывисто, и онъ, пошептавъ что-то съ караульнымъ офицеромъ, вѣжливо попросилъ меня слѣдовать за нимъ.

Въ сѣняхъ гаубвахты были готовы уже унтеръ-офицеръ и четверо рядовыхъ. Меня поставили между двухъ рядовъ и, скомандовавъ на-руку, повели въ Ордонансъ-гаузъ. Вышедъ на парадную площадь, я примѣтилъ, что около Ордонансъ-гауза толпится множество разнаго рода людей. Дорогою, кто не встрѣчался, каждый глядѣлъ на меня съ любопытствомъ или съ участіемъ, нѣкоторые произносили въ слухъ: бѣдняжка! какъ жаль! Подходя къ Ордонансъ-гаузу, я увидѣлъ, что ведутъ моего товарища Шестакова, точно за такимъ же конвоемъ, какъ и меня. Видъ его былъ веселый, поступь тверда. Мы поздоровались, и я закричалъ ему: «многимъ изъ насъ—Сибирь». Онъ отвѣчалъ: «все къ лучшему! а меня, братъ, въ солдаты—въ Грузію». Въ эту минуту плацъ-адъютантъ подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что намъ запрещено говорить. Но я успѣлъ еще закричать ему въ слѣдъ: «увидимся при чтеніи сентенціи и поговоримъ».

Дворъ Ордонансъ-гауза былъ уже наполненъ народомъ. Замѣтно было множество солдатъ въ числѣ зрителей. Царствовало глубокое молчаніе. У нѣкоторыхъ видны были слезы на глазахъ. Все это не сдѣлало на меня никакого впечатлѣнія. Во мнѣ не было ни удивленія, ни робости, ни досады, ни горести, ни отчаянія: сердце окаменѣло, всѣ чувства пришли въ

онѣмѣніе. Ужасная мысль о вѣчной разлукѣ со всѣмъ, что привязывало мое сердце, кажется—была далѣе отъ меня, нежели когда либо.

Меня ввели въ комнату, гдѣ я нашелъ всѣхъ моихъ товарищей; между ними былъ и несчастный предатель нашъ,—несчастный подлинно, потому что былъ презрителенъ. Это свиданіе одушевило насъ радостію. Не успѣвъ я обнять всѣхъ, какъ меня кликнули въ другую комнату, гдѣ плацъ-маіоръ объявилъ мнѣ, что ему поручено обыскать меня: не имѣю-ль при себѣ какого оружія. «Вамъ извѣстно», отвѣчалъ я съ удивленіемъ, «какъ строго содержали насъ; могли ли имѣть что нибудь при себѣ? впрочемъ поступайте—какъ вамъ приказано». Послѣ извиненій, сказанныхъ въ полголоса, плацъ-маіоръ присовокупилъ громко: «и такъ, вы ничего не имѣете; извольте идти».

Когда я возвратился къ товарищамъ, они обступили меня. Начались расспросы: кто, гдѣ, какъ содержался, какъ проводили время, какъ съ кѣмъ поступали и т. п. Но приставы развели насъ по угламъ, какъ бы съ завистію смотря на эту юношескую беззаботливость, столь для нихъ чуждую, и безжалостно лишили насъ этого невиннаго минутнаго удовольствія предъ тѣмъ роковымъ часомъ, въ который предстояло намъ выслушать свое осужденіе, столь жестокое!

Утѣшительно было для меня видѣть, что всѣ мои товарищи сохранили полное присутствіе духа. При физическомъ изнуреніи ихъ строгимъ содержаніемъ подѣ стражею, не менѣе и нравственною пыткою во время суда, они сохранили бодрость и самую природную многимъ веселость. Но мы всѣ были удивлены безчувственностью нашего предателя. Онъ не выказывалъ ни смущенія, ни угрызенія совѣсти; стоялъ какъ одеревенѣлый и только грызъ ногти.

Вскорѣ насъ повели въ другую половину ордонансъ-гауза и ввели въ залу, въ которомъ находилось множество чиновниковъ разныхъ командъ, во всей формѣ, соблюдавшихъ совершенное молчаніе. Мы тотчасъ замѣтили тутъ же своего полковника г. Лукьянова, который приказалъ аудиторѣ Буланову прочитать полученное имъ предписаніе отъ начальника штаба, генераль-маіора Веселицкаго, о совершеніи надъ нами притовора. Послѣ этого аудиторъ началъ читать приговоръ суда, въ которомъ изложенъ былъ весь ходъ нашего дѣла. Тапиковъ, какъ скоро это услышалъ, остановилъ аудитора, и просилъ у полковника дозволенія выйти.

— Затѣмъ-съ? спросилъ полковникъ.

— Я вижу, отвѣчалъ Тапиковъ твердымъ голосомъ, — что хотятъ читать наше дѣло сначала, которое я уже сто разъ слышалъ, и вовсе не вижу надобности слушать еще.

Полковникъ снисходительно замѣтилъ, что этого требуетъ порядокъ, и приказалъ ему остаться. Тогда Тапиковъ отошелъ отъ него съ неудоволь-

ствиемъ въ сторону и сталъ похлопывать по своей табакёркѣ. Эта выходка примѣтно изумила всѣхъ чиновниковъ; они значительно переглянулись другъ съ другомъ, и аудиторъ принялся продолжать свое чтеніе. Мы, однакожъ, начали разговаривать сперва потихоньку, потомъ громче, а, наконецъ, стали смѣяться другъ друга и смѣяться довольно неосторожно. Такъ мы были молоды! такъ много было въ насъ жизни и безопасности! Полковникъ, принявъ строгій видъ, вскричалъ: «тише господа! слушайте сентенцію!» Но мы, послѣ минутной покорности, принялись опять рассказывать другъ другу, кто чѣмъ занимался во время ареста. Отъ времени до времени я поглядывалъ на чиновниковъ. Всѣ они насъ знали, почти всѣ были знакомы, иные—очень коротко. Многие, глядя на насъ, пожимали плечами съ видомъ состраданія, нѣкоторые утирали слезы. «Они не вѣрятъ, что мы злодѣи», думалъ я.

По прочтеніи сентенціи, въ которой четверо изъ насъ осуждены въ каторжную работу, а трое—въ солдаты, мы обратились къ полковнику, и принесли ему благодарность за хорошее съ нами обращеніе. Удовольствіе изобразилось на лицѣ его; онъ прослезился, и сказалъ съ чувствомъ: «господа! мнѣ очень жаль васъ: я потерялъ въ васъ хорошихъ офицеровъ!» Потомъ, обратясь къ Z* и грозя ему пальцемъ: «не забудь—сказать—что ты ихъ погубилъ!»

Насъ отвели въ прежнюю комнату, гдѣ были приготовлены сѣрые шапки и солдатскія шинели, съ которыхъ погоны и обшлага были спороты. Намъ велѣли надѣть ихъ. Тяжело было облекаться въ эту одежду позора, но мы и тутъ еще шутили. Едва успѣли кончить свой туалетъ, какъ возмолъ Z*, задержанный при возвращеніи нашемъ въ сѣняхъ. Онъ былъ также въ сѣрой шинели, но уже въ желѣзахъ и съ бритой головою, поперегъ съ одного уха до другаго. «Каковъ нарядецъ!» сказалъ онъ съ извѣтельною улыбкою. Мы всѣ пристально взглянули на него, и я не вытерпѣлъ: «къ тебѣ особенно пристало», отвѣчалъ я ему съ полнымъ презрѣніемъ.—Желѣза и безобразіе обритаго Z* примѣтно смутили моихъ товарищей, и я старался ободрить ихъ. «Не забывайте, братцы, сказалъ я имъ,—намъ надобно быть выше всего этого и съ гордостью переносить всякое уничиженіе. Надобно запасаться духомъ на первыхъ порахъ. Богъ знаетъ, что еще впереди насъ ожидаетъ». Дружескія обѣщанія были мнѣ отвѣтомъ. Возмолъ плацъ-адъютантъ и просилъ, чтобы одинъ кто нибудь изъ насъ пошелъ съ нимъ, примолвивъ, что онъ будетъ приходить, по очередно, за каждымъ. Первый пошелъ Дружининъ, потомъ наступила моя очередь.

Меня привели въ кузницу. Какъ выразить то чувство, которое овладѣло мною, когда я увидѣлъ, что, заковывая друга моего Дружинина, кузнецы обливались слезами. Правда, они по полку всѣ насъ знали, и любили насъ за наше ласковое съ ними обращеніе, но можно ли было ожидать, что этимъ

загорѣлымъ, сажено запачканнымъ лицамъ не чужды состраданіе и самая чувствительность. «Руки не служатъ!», говорили они, и подлинно Дружинина четыре раза перековывали. Мнѣ велѣли пройти въ боковую каморку, гдѣ находился цирюльникъ къ моимъ услугамъ. Когда я сѣлъ, мнѣ стянули руки назадъ. «Къ чему это?» сказалъ я смѣючись плацъ-адъютанту, «я вовсе не въ отчаяніи, не думаю посягать на свою жизнь». — «Такъ приказано-съ», отвѣчалъ онъ тономъ, выражающимъ очень хорошо необходимость точнаго повиновенія. — «Нечего дѣлать, творите волю пославшаго», сказалъ я, стараясь шутить надъ этою унижительною операціею. Когда ее кончили, я отправился къ наковальнѣ. Добрые Вулкановы дѣти заковали одну мою ногу такъ свободно, что едва опустилъ я ее на полъ, какъ желѣза спали. «Полноте братцы!» сказалъ я имъ, «за это снисхожденіе вамъ достанется: закуйте хорошенько, какъ слѣдуетъ». — Какъ бы нехотя, они принялись перековывать снова. — «Эхъ баринъ, баринъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, срывозъ слезы, «Богъ видитъ—какъ намъ жалъ васъ!»

— Что дѣлать, братцы! молитесь за насъ; Богъ милостивъ, — дастъ силы, все перенесемъ!

— Будемъ молиться! отвѣчали они какъ бы хоромъ.

Когда насъ свели опять въ ту же комнату, мы оглядывали другъ друга, и не могли держаться отъ смѣха. Намъ казалось, что насъ, за шалости, нарядили въ дурачкія шапки: такъ мы еще близки были къ невиннымъ дѣтскимъ лѣтамъ!... Взошелъ плацъ-маіоръ и положилъ конецъ нашему ребячеству. Меня, Таптикова, Дружинина и Z* онъ приказалъ отвести въ тюремный замокъ, а Старкова, Вѣтошникова и Шестакова на главную гаубтвахту.

Насъ ожидала незабвенная, торжественная минута, — одна изъ тѣхъ, которыми многое окупается въ несчастіи. Какъ описать ее! Нѣтъ, меня не достанетъ на это; скажу о ней, какъ умѣю. При выходѣ нашемъ на крыльцо ордонансъ-гауза, весь дворъ наполненъ былъ тѣсно людьми всякаго состоянія, пола и возраста. Мы тотчасъ сняли шапки и поклонились; вдругъ все множество ахнуло, и глухое эхо протяжно повторилось въ пустомъ зданіи; невинной, глухой шопотъ пробѣжалъ между народомъ, и вдругъ все затихло. Нѣкоторые крестились, иные утирали слезы, слышалось всхлипываніе женщинъ... Такъ поразило всѣхъ наше появленіе въ этомъ безобразіи и въ оковахъ! Тутъ уже неостало силъ моихъ выдержать: сердце мое сжалось какъ губка, и крупныя слезы потекли по лицу моему; я потупилъ глаза въ землю и шелъ въ совершенномъ забвеніи, до тѣхъ самыхъ поръ, какъ застучали желѣзные запоры у воротъ темницы. Войдя въ особо приготовленную для насъ небольшую комнату, я искалъ отдыха отъ столь сильнаго душевнаго волненія. Участіе, какое принимали въ насъ, можно сказать, всѣ жители города, — гораздо способнѣе было поколебать нашу твер-

дость, нежели всѣ жестокости, которыми насъ обременили, безъ нужды и беззаконно!

Разчувствовавшись, я началъ тосковать по матушкѣ, по всѣмъ, отъ которыхъ сердце мое оторвалось. Я не видалъ ихъ въ толпѣ, и такъ давно не видалъ! — Добрые мои товарищи Дружининъ и Тапиковъ принялись развлекать меня, — особливо Дружининъ. Этотъ добрый, милый юноша казался мнѣ въ какомъ-то блескѣ; онъ былъ такъ веселъ, такъ шутивъ, вспоминалъ прошедшія удовольствія и казался вовсе невнимательнымъ къ предстоящимъ трудностямъ. Невинность души его вполне отражалась въ спокойствіи его духа. Я почувствовалъ сожалѣніе и укоризну, что своею дружбою, хотя неумышленно, завлекъ его съ собою въ сѣти, разставленныя обманщикомъ. — Мнѣ было душно, больно! Тапиковъ, гораздо старшій насъ, и уже знакомый съ несчастіемъ и лишеніями всякаго рода, показывалъ непоколебимую твердость и равнодушіе:

— Ну что, милый! — это его обыкновенное привѣтное слово, — о чемъ горевать; пословица говоритъ: «сказался груздемъ, полѣзай въ кузовъ».

Вскорѣ пришли къ нему жена его и родственники: я совершенно разсѣялся въ этой бесѣдѣ. Вслѣдъ затѣмъ мы были нѣсколько порадованы, и какъ памятна малѣйшая радость въ роковой день душевныхъ потрясеній! Начальникъ штаба прислалъ своего адъютанта Иванова — расковать насъ и объявить, что мы пробудемъ тутъ цѣлую недѣлю до отправленія въ Сибирь. Это дало намъ пріятную надежду увидѣться и провести эти дни съ родными и друзьями, и порядочно приготовиться въ трудный дальній путь. Мы продолжали еще распорядиться этими днями, какъ насъ позвали въ караульню. Тутъ мы увидѣли аудитора Буланова, съ которымъ я былъ коротко знакомъ.

— Что, не еще ли снимать какой нибудь допросъ? спросилъ я, смѣючись.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ печально, — больно мнѣ, но дѣлать нечего, надобно описать ваши примѣты.

Онъ столько былъ деликатенъ и снисходителенъ, что не захотѣлъ ни раздѣвать насъ, ни мѣрить, но записалъ примѣты и ростъ каждого со словъ нашихъ. З* между прочимъ объявилъ, что у него на груди родимое пятно въ видѣ короны, а на плечахъ — въ видѣ скиптра. Это возбудило общій смѣхъ: — Аудиторъ, съ презрительною усмѣшкою, замѣтилъ ему, что не совѣтуетъ впредь обнаруживать такихъ важныхъ примѣтъ.

Мы продолжали еще говорить съ добрымъ аудиторомъ, какъ вдругъ со стороны кто-то бросился ко мнѣ на шею — Боже мой! это была моя матушка! Ея стenanія, ея плачь разтерзали мое сердце; слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ. Освободившись изъ объятій ея, я старался ее утѣшить.

— Не мучьте себя и меня напрасно, милая матушка! сказалъ я, — примите съ покорностію судьбу, какую было угодно Богу назначить вашему

сыну. Онъ милостивъ! мы можемъ еще увидѣться въ этомъ мірѣ. Довольно для вашего утѣшенія того, что я не злодѣй, и не сдѣлалъ ничего безчестнаго: могъ заблуждаться, могъ быть обманутъ, — вспомните, я молодъ и неопытенъ, за то постараюсь воспользоваться тяжкимъ урокомъ, который мнѣ заданъ.

Она нѣсколько отдохнула, пришла въ себя, пошла со мною въ нашу комнату, посадила возлѣ себя, благословила меня и сказала:

— Сынъ мой! я знаю тебя, не замѣчала никогда въ тебѣ дурныхъ наклонностей, и увѣрена, что ты побережешь мать свою впредь, и будешь жить въ теперешнемъ твоёмъ состояніи — какъ можно тише и скромнѣе. Мнѣ осталось только скорбѣть и молиться Богу, чтобы, хотя при концѣ моей жизни, далъ мнѣ еще обнять тебя и усладить мои послѣднія минуты, — и крупныя слезы омыли лице ея.

О вѣчно незабвенныя для меня слова! никогда, никогда не выйдете вы изъ моей памяти, до послѣдняго издыханія буду носить васъ въ сердцѣ моемъ!

Я залился слезами, бросился къ ногамъ матери, цѣловалъ ея руки и поклялся исполнить ея волю — быть достойнымъ этой нѣжности и соблюдать во всѣхъ поступкахъ осторожность.

Она положила руки мнѣ на голову, возвела глаза къ небу, помолилась сердечно, поцѣловала меня въ темя, приподняла, и я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что у нея на лицѣ показалось спокойствіе. Она стерла послѣднія слезинки съ глазъ своихъ и обратила разговоръ на то, что для меня нужно въ дорогѣ, — и мы вскорѣ разошлись.

Добрая, милая маменька! прими здѣсь пламенную, неизгладимую, сердечную благодарность нѣжнаго твоего сына за всѣ твои о немъ попеченія. Ты много перенесла въ твоей жизни, и вмѣсто утѣшенія, тобою ожидавшаго на старость, сынъ твой былъ причиною новой обременительной скорби; но ты была столь великодушна, такъ добра, что не сдѣлала ни одной упоризмы, не произнесла ни одной жалобы и только осыпала его благословеніями. Одна смерть заставитъ меня забыть это доказательство нѣжной любви твоей! Богъ — твой утѣшитель!

День вечерѣлъ, красное зарево горѣло на западѣ и отражалось на стѣнахъ замка. Наступила первая ночь для насъ подъ одною крышею съ злодѣями, ворами и душегубцами; но мы, по счастью, не были соединены съ ними — и оттого провели эту ночь въ разговорахъ и шуткахъ. Одинъ Дружининъ заснулъ — передъ утромъ. Такъ прошелъ незабвенный, ужасный для меня день — 12 сентября 1827 г.

На другое утро, восходящее солнце уже играло на золотыхъ крестахъ собора, и лучи его, отражаясь отъ бѣлокаменной стѣны замка, освѣщали нашу темницу, когда пробило 7 часовъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ къ намъ караульный офицеръ и сказалъ:

«Господа, я получилъ изъ ордонансъ-гауза записку, чтобы сей же часъ приготовить васъ къ отправленію въ дальній путь». Мы всѣ вскочили отъ удивленія, и почти въ голосъ вскричали: «помилюйте, какимъ это образомъ? когда начальникъ штаба самъ присылалъ увѣрить насъ, что мы останемся еще недѣлю!» Онъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, но долженъ выполнить приказаніе. Мы старались увѣрить его, что тутъ вѣрно какая-либо ошибка, и просили видѣться лично съ плацъ-маіоромъ. Онъ вышелъ отъ насъ, обѣщавъ послать къ нему. Между тѣмъ мы тотчасъ успѣли уведомить родныхъ о немедленномъ нашемъ отправленіи. Когда пришелъ плацъ-маіоръ, мы съ упрекомъ жаловались ему на такой жестокой обманъ. Онъ увѣрялъ насъ, что до этой поры самъ ничего не зналъ, какъ вдругъ получилъ предписаніе немедленно отправить насъ къ инвалидному командиру для отсылки въ Сибирь. Я началъ представлять ему о нашихъ недостаткахъ, о совершенной неготовности нашей къ такому трудному и дальнему походу, и убѣждалъ доложить генералу Веселицкому, чтобы онъ, по собственному его обѣщанію, оставилъ насъ еще на недѣлю,—но все тщетно. Я хотѣлъ было продолжать мои убѣждения; но Тапиковъ удержалъ меня, и, обратясь къ плацъ-маіору, сказалъ: «поблагодарите генерала, что, оставляя насъ въ однихъ рубашкахъ, доставляетъ намъ вѣрный случай замерзнуть на дорогѣ». Нечего было дѣлать. Напившись кое-какъ чаю, начали собираться.

Мы нарядились въ свои сѣрые шинели, и въ 8 часовъ, въ сопровожденіи четырехъ рядовыхъ и одного унтеръ-офицера, отправились въ полицію. Тутъ имѣли случай видѣть привязанность солдатъ, съ которыми служили. Какъ стоявшіе въ караулѣ, такъ и находившіеся въ казармахъ, можно смѣло сказать, всѣ безъ исключенія, выбѣгали къ намъ проститься, окружали насъ и наперерывъ желали намъ благополучной дороги, здоровья, и даже счастья. Многие очень неосторожно поносили начальство и правительство, такъ что мы принуждены были остерегаться ихъ.

Изъ полиціи квартальной офицеръ повелъ насъ на дворъ къ инвалидному командиру. Мы въ это время были отъѣнно веселы, много шутили и смѣялись. Между тѣмъ насъ окружила толпа народа, которая часъ отъ часу увеличивалась. Всѣ примѣтно удивлялись нашей веселости. Одинъ мнѣ знакомой, молодой купецъ сказалъ къ народу, и довольно громко: «Вотъ братцы, невинность вездѣ видна; она даже и въ цѣпяхъ смѣется»....

Не успѣли еще выйти на базарную площадь, какъ уже на ней все взволновалось: всѣ побѣжали къ намъ. Купцы спѣшили заперать лавки, мелочные торгаши прибирали свой хламъ, торговки пряниками, булками, рыбою, торопились убирать свой товаръ въ будки и лари; пріѣхавшіе изъ подгородныхъ деревень для продажи муки, соли, дровъ, торопились запрягать лошадей, и тотчасъ уѣзжали, чтобы дать знать своимъ о нашемъ отправленіи,—такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчали они, когда мы ихъ спросили,

куда они спѣшать. Такимъ образомъ, въ нѣсколько минутъ всѣ лавки были заперты, площадь очищена, и весь народъ ринулся за нами. Многіе подносили намъ яблоки, пряники, крендели; иные предлагали даже деньги; однимъ словомъ, каждый изъ согражданъ наперерывъ старался показать намъ свое участіе. О, какъ это утѣшало насъ! Мы двигались медленно: окружающая насъ толпа мѣшала намъ идти. Полиція, на этотъ разъ, была очень скромна. Она осторожно, и какъ бы не охотно, дѣйствуетъ тогда, когда народъ, этотъ ягненокъ, въ одну минуту можетъ почувствовать лъвиную свою силу. Я слышалъ разговоръ гражданъ, и слова «бѣдные, невинные», ударили поминутно мнѣ въ уши. Но вдругъ раздался грубой голосъ: «посторонись, дай дорогу, прочь съ дороги!» Толпа раздалась; явился квартальный офицеръ, довольно пьяной, который, толкая всѣхъ, опередилъ насъ, и спѣшилъ къ воротамъ того дома, въ которомъ жилъ инвалидный командиръ, и къ которому мы уже подходили. Когда мы приблизились, онъ отворилъ ворота, и, пропустя насъ, тотчасъ ихъ заперъ на запоръ.

Съ какимъ удовольствіемъ мы обняли тутъ своихъ товарищей, отправляющихся въ Грузію солдатами! Они только что передъ нами приведены были сюда съ таубвахты. Едва успѣли мы сказать нѣсколько словъ, какъ услышали на улицѣ шумъ и крикъ: «отвори! отвори, говорятъ; не то высадимъ ворота!» Начальникъ инвалидной команды подпоручикъ Медвѣдевъ приказалъ усилить караулъ, и припереть ворота контрафорсомъ. Но какъ шумъ часъ-отчасу увеличивался, то онъ выслалъ конныхъ башкирцевъ, приготовленныхъ для конвоя, отогнать всѣхъ отъ воротъ. Народъ принялъ ихъ въ каменья, и съ крикомъ: «ура!» ворвался на дворъ. Подпоручикъ выбѣжалъ на крыльцо, разругалъ солдатъ своихъ, какъ извозчикъ, и закричалъ, чтобы гнали народъ со двора прикладами. На это нѣсколько голосовъ закричали: «тронь только, весь дворъ по бревну разнесемъ». Мы догадывались, что тутъ наши солдаты, которые отъ самыхъ казармъ скрываясь между частными обывателями, провожали насъ.

При этой отповѣди, плацъ-маіоръ подошелъ къ подпоручику и сказалъ ему что-то на ухо, а тотъ подозвалъ потомъ назначеннаго съ нами унтеръ-офицера и отдалъ ему какое-то приказаніе, также потихоньку, и этотъ ушелъ. Народъ уже не гнали, и онъ чинно остался на дворѣ зрителемъ.

Въ продолженіи всей этой суматохи, я простился съ своимъ вотчимомъ и со многими изъ друзей моей юности. Подошелъ ко мнѣ, со слезами на глазахъ, вотчимъ взялъ меня за руку, поцѣловалъ и сказалъ съ необыкновенною для меня нѣжностію:

«Прощай, любезный Вася! не грусти, переноси участь свою съ твердостью, не теряй надежды на Бога; я буду стараться: нельзя-ли чего-либо сдѣлать для твоего облегченія; въ тебѣ многіе берутъ участіе. Пиши ко мнѣ, когда найдешь случай. Прощай!»

Онъ залился слезами; прижавъ меня къ своей груди, разцѣловалъ, благословилъ—и мы разстались на вѣки!

Возвратившійся унтеръ-офицеръ принесъ съ собою желѣзный прутъ съ наручникомъ, вѣсомъ фунтовъ въ 30, и пристегнувъ насъ къ нему попарно, повелъ въ кузницу подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ инвалидовъ и конныхъ башкирцевъ. До кузницы было съ версту разстоянія. Народъ и туда проводилъ насъ. Когда мы пришли въ кузницу, насъ отстегнули отъ прута, и начали готовить желѣза для заковки попарно. Между тѣмъ было уже около полудня, мы проголодались. Какъ у меня болѣе было знакомыхъ, то товарищи просили меня послать къ кому нибудь за обѣдомъ. Я хотѣлъ выйти на улицу, но часовой не пустилъ.—Просилъ унтеръ-офицера послать кого-нибудь, онъ отказался. Я отошелъ съ огорченіемъ и досадою къ окну, и началъ для утоленія голода пожирать взоромъ окрестности, столь мнѣ любезныя, желая напечатлѣть ихъ неизгладимо въ моемъ воображеніи. Мысли мои перекинулись въ будущее, меня какъ варомъ обдало, сердце мое скалось, я крѣпко задумался. Вдругъ раздался плаксивый женскій голосъ:

— Ахъ, ты мой родной, Василій Павловичъ! что ты это надѣлалъ?

Я встрепенулся и увидѣлъ передъ окошкомъ плачущую знакомую старушку, у которой родители мои, по пріѣздѣ изъ Грузіи, тогда два нанимали квартиру.

— Э, Акулина Астафьевна, сказала я ей:—о чемъ плакать; мы ничего безчестнаго не сдѣлали: въ Сибири есть также Богъ и добрые люди. Молись лучше за насъ!

— «Вѣстимо, миленькой! буду молиться!» отвѣчала она:—но каково матушкѣ твоей: она, сердечная, плачетъ, что рѣка льется». Добрая старушка этими словами поразила меня до слезъ, но я вскорѣ оправился и, принявъ видъ веселый, сказалъ: «полно, полно, Астафьевна! принеси-ка лучше чего-нибудь поѣсть, мы смерть проголодались».

Проговоривъ: «тотчасъ родимой!», она бросилась бѣгомъ, и не прошло четверти часа, какъ она принесла намъ блюдо пельменей и графинъ водки. Я принявъ это въ окно, кликнувъ своихъ товарищей, и мы довольно исправно утолили свой голодъ, благодаря незабвенной Акулинѣ Астафьевнѣ. Между тѣмъ желѣза изготовили и насъ позвали къ наковальнѣ. Меня заковали вмѣстѣ съ другимъ моимъ Дружинникомъ: его за правую, а меня за лѣвую ногу.

На возвратномъ пути изъ кузницы, мы проходили домъ полковника Углицкаго. Онъ отворилъ окно и всенародно прощался съ нами, изъявляя свое сожалѣніе и желая благополучной дороги. Мы поблагодарили его, не останавливаясь.

На дворѣ у инвалиднаго подпоручика, Старковъ спросилъ конвойнаго унтеръ-офицера о подводѣ подъ наши вещи. Онъ отвѣчалъ, что подпоручикъ

приказалъ, чтобы вещи мы несли на себѣ; однакожь хотѣлъ еще доложить, Человѣкъ и дѣвка матушки принесли мнѣ два чемоданчика. Въ то самое время, какъ я хотѣлъ уже проститься съ ними, вдругъ слышу голосъ инвалиднаго командира: «какія лошади этимъ извергамъ, этимъ мошенникамъ. Они, разбойники, и дай еще имъ лошадей! Пусть на себѣ тащатъ все, если хотятъ. Нѣтъ злодѣямъ ничего!» И потомъ, оборотись къ Старкову, Вѣтошникову и Шестакову, у которыхъ головы были не выбриты, онъ какъ неистовый закричалъ: «это еще что! Почему они не выбриты, сейчасъ обрить этихъ варваровъ, и заковать всѣхъ на пруть, пусть гибнуть мошенники!» И ушелъ въ свою комнату. Мы могли отвѣчать однимъ презрительнымъ молчаніемъ. Эта выходка намъ показалась тѣмъ гнуснѣе, что по сую пору, со всѣхъ сторонъ, кромѣ ласки, участія и сожалѣнія ничего не встрѣчали. Между тѣмъ необходимость нести вещи на себѣ огорчила насъ крайне, и какъ мы не видѣли никакого способа помочь этому, то начали уже выбирать изъ своихъ вещей что понужнѣе. Мы согласились съ Дружининымъ положить наши вещи въ одинъ чемоданчикъ и нести на себѣ поочередно. Вдругъ кто-то ударилъ меня сзади по плечу, со словомъ: «что притуманился»? Я обернулся и увидѣлъ почтеннаго полковника Окунева. — Можно себѣ представить, какъ я обрадовался, имѣя случай высказать настоящее наше огорченіе и варварство инвалида-фанатика, человѣку образованному, котораго участіе такъ уже ясно обнаружилось самымъ его приходомъ къ намъ. — Во время моего разказа, подошелъ другой полковникъ Целковской. Окуневъ объяснился съ нимъ по нѣмецки и, оборотись ко мнѣ, сказалъ: «мы попросимъ у этого негодяя лошадей для васъ, а если откажетъ, то мы доставимъ вамъ вещи въ цѣлости до перваго ночлега на своихъ лошадяхъ. Тамъ унтеръ-офицеръ вытребуеъ лошадей не только подъ вещи, но и подъ васъ самихъ. Успокойтесь, пожалуйста». Пожелавъ намъ счастливаго пути, они удалились. Почтенные люди! эта, повидимому, небольшая ласка ваша слишкомъ оплатила намъ оскорбленіе невѣжды, и одолженіе ваше до послѣдней минуты моей не будетъ забыто!

Только что они ушли, три наши грузинца явились также обезображенными, какъ и мы: повелѣніе инвалиднаго благородія было надъ ними вточности исполнено. Тутъ мы на себѣ убѣдились, что всякое подобное оскорбленіе въ несчастіи возвышаетъ только духъ тѣхъ, которыхъ думаютъ поругать и унижить; напротивъ клеймо безчестія и всеобщее презрѣніе падаетъ на притѣснителей.

Мы снова принялись шутить и смѣяться другъ надъ другомъ, какъ будто бы одѣлись въ смѣшныя маски для маскарада. Мы даже въ смѣшномъ видѣ представляли, какъ будемъ копать руду подъ землею; а разжалованные въ солдаты шутили надъ тѣмъ, какъ стануть вытягивать носокъ. Эти шутки продолжались до того времени, какъ позвали насъ, что-

бы примкнуть къ пруту. Я взялъ за руку своего партнера на этою длинной экосезъ, и только что хотѣлъ подойти къ пруту, какъ увидѣлъ добрую мою матушку; видъ ея былъ разстроенъ, но поступъ тверда. Она подошла ко мнѣ и торопливо сказала: «Вася! я буду къ тебѣ на первую станцію». Я едва успѣлъ поцѣловать ея руку, она уже скрылась между народомъ; тщетно блуждающій взоръ мой искалъ ее. Это внезапное появленіе нѣжной матери въ такую минуту, и мысль—какъ тягостно должно быть ей видѣть меня въ этомъ положеніи, при вѣчной разлукѣ,—совершенно меня разстроили. Обратясь въ ту сторону, куда она ушла, я закрылъ лице руками и горько зарыдалъ. Тщетно Дружининъ порывалъ меня идти, укоряя въ малодушіи; я не могъ двинуться съ мѣста.

— «Ради Бога! дай мнѣ отдохнуть!» сказалъ я ему.

Онъ сѣлъ на чемоданъ и посадилъ меня противъ себя на другой; я прилегъ къ нему на колѣна лицомъ, и, казалось, хотѣлъ выплакаться для новой твердости.

Наконецъ Дружинину удалось уговорить меня; я всталъ, оправился, и мы подошли къ пруту, при которомъ прочіе товарищи стояли окруженные конвоемъ. Мы только что успѣли присоединиться къ нимъ, какъ изъ дома инвалиднаго командира показалась немытая, похмѣльная фигура, въ изодранной, запачканной чернилами солдатской шинели, въ большихъ очкахъ, которые держались на засаленной веревочкѣ сзади головы завязанной, и съ бумагою въ рукахъ,—это былъ писарь его благородія. За нимъ вскорѣ вышелъ и начальникъ его. Унтеръ-офицеръ скомандовалъ: «къ заряду!» Когда заряданіе кончилось, писарь поднялъ обѣими руками бумагу и, закинувъ голову назадъ, началъ громко читать артикулы: какъ должно во время пути обращаться съ арестантами, и между прочимъ, что, въ случаѣ намѣренія къ побѣгу или бунту, надлежитъ немедленно стрѣлять. Это заставило насъ расхохотаться.

Послѣ такого наставленія провожатымъ, велѣли намъ примѣривать наручники, которые надѣвались на пруть. Унтеръ-офицеръ, замѣтя, что мы выбираемъ—которые пошире, сказалъ намъ потихоньку: «пожалуйста, надѣньте поуже,—видите начальникъ нашъ смотреть, выйдемъ за городъ, наша будетъ воля!» Мы его послушались. И въ самомъ дѣлѣ, какъ нарочно, подпоручикъ, стоявшій на крыльцѣ, закричалъ на него: «что ты смотришь на этихъ бунтовщиковъ? надѣвай ихъ на пруть». Унтеръ-офицеръ засуетился и, показывая видъ суровости, торопливо началъ надѣвать намъ наручники; потомъ, замкнувъ на пруть, разставилъ конвой (двухъ спереди, двухъ сзади, и по одному сбоковъ), скомандовалъ: «на руку, маршъ!» и мы двинулись—въ Сибирь.

По выходѣ со двора, насъ окружили конные башкиры, составя другую цѣль. Шестіе открывалъ инвалидный офицеръ Каменевъ, а сзади замы-

каль квартальной офицеръ Максимовъ. Въ такомъ торжественномъ видѣ провели насъ чрезъ весь городъ. Народъ, смотрѣвшій на все это съ не-притворнымъ участіемъ, во все время не отставалъ и тѣснился около насъ. Башкирцы начали было отгонять, а квартальной ласково упрашивалъ отойти подалѣе; но ни просьбы, ни угрозы не могли этихъ добрыхъ людей от-тѣснить прочь. Они какъ бы тайнымъ непреодолимымъ сочувствіемъ влеклись за нами.

Проходя по одной изъ главныхъ улицъ, я замѣтилъ г. Германа¹⁾. Онъ стоялъ у забора, закутавшись въ шинель, и плакалъ. Увидя, что мы обреты, онъ всплеснулъ руками, и сказалъ довольно громко: «Боже мой, какое варварство!» Съ этимъ словомъ, закутавъ лицо, поспѣшно удалился. Указавъ на него Дружинину, я сказалъ: «это доброй знакъ! когда уже такіе люди плачутъ, то намъ смѣло можно гордиться этимъ уничиженіемъ, и радостно влечить свои оковы. Не одна чернь, всегда, какъ говорятъ, недовольная, принимаетъ въ насъ участіе, но люди образованные, мыслящіе, достойные всякаго уваженія».—Это послужило темою къ самымъ утѣшительнымъ разсужденіямъ, и мы не примѣтно дошли до Сакмарскихъ воротъ. Вдругъ въ толпѣ народной послышался нѣжный женскій голосъ: «мой другъ! мой братъ!»... и, сквозь цѣпь башкирцевъ и

¹⁾ Федоръ Ивановичъ Германъ, сынъ извѣстнаго своею ученостію берггаубмана Германа, бывшаго начальникомъ екатеринбургскихъ заводовъ, воспитывался въ горномъ кадетскомъ корпусѣ, и служилъ сперва при отцѣ, но по смерти отца вышелъ изъ горной службы. Когда генералъ Эссенъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ въ Оренбургъ, онъ взялъ его въ адъютанты. По этому случаю Германъ вступилъ въ военную службу, и вскорѣ переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ. Генералъ Эссенъ поручилъ ему пограничную часть въ своей канцеляріи, и онъ не замедлилъ выказать свои отличныя способности, такъ что генералъ Эссенъ по этой части совершенно на него полагался. Но какъ благородный Германъ не терпѣлъ взяточниковъ и невѣждъ, какихъ тогда въ Оренбургѣ было не мало, и неосторожно обнаруживалъ къ нимъ свое презрѣніе, то одинъ изъ нихъ, оскорбленный имъ при разводѣ, не найдя удовлетворенія у Эссена, отпросился въ Петербургъ и подалъ доносъ князю П. М. Волконскому. Слѣдствіемъ этого былъ случай почти безпримѣрный. Генералъ Эссенъ, бывшій на этотъ разъ въ Петербургѣ (въ 1823 г.), получилъ отношеніе начальника штаба, чтобы приказалъ своему адъютанту Герману явиться въ главный штабъ е. и. в. Германъ оставался въ Оренбургѣ. Эссенъ велѣлъ ему пріѣхать, и когда (тотъ) пріѣхалъ, послалъ къ кн. Волконскому, не зная самъ зачѣмъ. Когда Германъ явился, кн. Волконской сказалъ ему, что онъ, Германъ, за вредное вліяніе, какое имѣетъ на начальника своего, переводится въ армію тѣмъ же чиномъ, съ тѣмъ, чтобы онъ старался службою загладить свой поступокъ. (Затѣмъ) Эссену прислали просто приказъ объ этомъ переводѣ.

солдаты, бросилась ко мнѣ, съ распростертыми объятіями, прелестная дѣвушка.—Это была моя Саша—нѣжный другъ мой, съ самыхъ нѣжныхъ юношескихъ лѣтъ. Голосъ ея глубоко проникнулъ въ мое сердце: я былъ внѣ себя и хотѣлъ оторваться отъ варварскаго желѣза; но она висѣла уже у меня на шеѣ. Я обнялъ ее свободною рукою и остановился. За мною стало все, и съ изумленіемъ смотрѣло на эту сцену. Она взаимно прижала меня къ своему трепетно бьющемуся сердцу и плакала горько. «Перестань, мой ангелъ», сказалъ я ей, «слезами не поможешь. Забудь меня. Ты молодая, можешь еще найти себѣ друга, и будешь съ нимъ счастлива. Умѣй быть твердою въ эту роковую минуту. Можетъ быть за гробомъ увидимся. Прости мой безцѣнный ангелъ»,—и мой поцѣлуй горѣлъ на устахъ ея. Невольно оттолкнула она меня и съ нѣжною укоризною произнесла: «несчастной, ты ли мнѣ говоришь—забыть тебя?—безъ тебя найти счастье?—гдѣ я его найду?—На землѣ нѣтъ уже для меня счастья. Ты останешься на вѣки въ моемъ сердцѣ. Когда я всенародно не постыдилась броситься въ твои объятія, то забуду ли тебя? Любовь къ тебѣ пойдетъ во гробъ со мною. Прости, мой братъ, прости въ послѣдній...» и она бросилась цѣловать прикованную мою руку. «Ты мнѣ теперь еще дороже», промолвила она, цѣлуя самую цѣпь и обливая ее слезами. Мы снова обнялись—еще разъ сердца наши бились одно для другаго,—и она, вырвавшись изъ моихъ объятій, исчезла—какъ прелестный метеоръ въ осеннюю почъ—и на вѣки!... Пришедъ въ себя, я замѣтилъ, что многіе утирали слезы; даже заглубляя чувства стражей нашихъ смягчились: они спокойно дождались конца нашей разлуки, и не одинъ не сказалъ неласковаго слова, не выразилъ неудовольствія на промедленіе. Когда мы тронулись съ мѣста, я непрестанно озирался назадъ и, можно сказать, влекся за товарищами, едва переставляя ноги. Мы вышли за городъ.—Шлагбаумъ за нами опустился!

Добрые жители все еще слѣдовали за нами. Когда мы отошли болѣе полуверсты, унтеръ-офицеръ велѣлъ остановиться и, обратясь къ народу, началъ уговаривать, что бы возвратились домой. Мы оглянулись назадъ, и какое восхитительное зрѣлище представилось глазамъ нашимъ! Весь крѣпостной валъ усыпанъ былъ пестрѣющимъ народомъ. Изъ воротъ выѣзжало множество экипажей, которые потомъ тихо тянулись по обѣимъ сторонамъ аллеи. Тѣснямая ими толпа, какъ будто волна мятущагося потока, клубилась въ воротахъ и разливалась по полю. Съ крѣпостныхъ стѣнъ дамы махали платками, мужчины—шляпами. Мы также, снявъ шапки, начали махать и кричать: «прощайте, добрые граждане, прощайте!»—и тысяча голосовъ отзывались: «прощайте!» Звукъ взаимнаго сочувствія слился въ воздухъ и связали этотъ узелъ, который не расторгается ни разстояніемъ, ни временемъ.—Минута незабвенная въ моей жизни!

Нашъ унтеръ-офицеръ не зналъ, что дѣлать. Онъ какъ угорѣлый по-

дошелъ къ намъ и присилъ насъ идти. Мы тронулись, и послѣднее «прости!» изъ устъ народа постепенно замирало въ далекѣ! Каждый шагъ удалялъ насъ отъ родныхъ, отъ друзей, отъ милыхъ сердцу, отъ родины. Наконецъ мы увидѣли себя однихъ посреди открытой степи. Едва назади мелькали еще позлащенные кресты церквей; впереди видѣлись одни горы. День былъ довольно жаркій, повсюду царствовала глубокая тишина, изрѣдка нарушаемая заунывнымъ пѣніемъ дорожника; оно одно сливалось со звукомъ цѣпей нашихъ! Мы шли медленно, задумчиво, молча. Дикость степи навела дикую тоску на сердце. Я началъ чувствовать ужасную пустоту въ груди моей; казалось, всѣ душевныя силы истощились; въ тѣлесныхъ — была одна усталость, изнеможеніе. Неописанно ужасное состояніе!

Здѣсь кстати посвятить еще нѣсколько, признательностію внушаемыхъ, словъ своимъ почтеннымъ согражданамъ. Въ теченіи цѣлыхъ полуторыхъ сутокъ, когда насъ ковали, брили, одѣвали въ армяки, водили взадъ и впередъ по городу (то въ тюрьму, то въ кузницу, то въ полицію), расковывали и опять заковывали, намъ было явно, что мѣстное правительство думало, въ оправданіе своего суда, выставить насъ какъ злодѣевъ и гнусныхъ преступниковъ на всеобщее поруганіе и презрѣніе, но оно ошиблось. Не только простые граждане, но и чиновники, купцы, даже солдаты, подъ страхомъ военной дисциплины находящіеся, однимъ словомъ, всѣ жители принимали въ насъ живѣйшее участіе и явно показывали, что не одобряютъ жестокаго съ нами поступка. Одинъ только, и только одинъ вивалидной подпоручикъ — уволю себя отъ повторенія его имени — дѣлаетъ исключеніе (но заслуживаетъ-ли этотъ человекъ какое либо вниманіе). Смѣю могу сказать, что сожалѣніе, намъ показанное, невѣроятно! Поставить ли часового къ тюрьмѣ — у него слезы на глазахъ; взглянемъ ли на кого нибудь изъ солдатъ своихъ или простолюдиновъ — утираютъ слезы; даже высшіе чиновники... не могли скрыть своего невольнаго участія. Знакомые и незнакомые всѣ провожали насъ. По всей справедливости, самый выходъ нашъ изъ Оренбурга вовсе не походилъ на изверженіе преступныхъ гражданъ, но на печальные проводы милыхъ дѣтей, обреченныхъ на жертву. Добрые, почтенные, незабвенные сограждане! ваше участіе поселило въ сердцахъ нашихъ вѣчную благодарность. Какъ я, такъ и всѣ мои товарищи до конца дней своихъ должны воспоминать о васъ съ глубокимъ чувствомъ привязанности и уваженія. Богъ свидѣтель, какъ больно мнѣ, что у насъ нельзя передать благородной поступокъ вашъ во извѣстіе всему нашему отечеству!

Не прерывая молчанія, мы продолжали тащиться нога за ногу, погруженные каждый въ свою думу. Такое углубленіе въ самого себя сдѣлалось потребностію каждаго. Одинъ безчувственный предатель нашъ насвистывалъ аріи, довольно несносно для слуха, и этимъ медленно тиранилъ насъ.

На десятой врестѣ отъ города, около озера, унтеръ-офицеръ замѣтилъ

нашу усталость, остановилъ конвой, отстегнулъ насъ отъ прута, какъ со своры, и мы бросились къ водѣ: кто сталъ умываться, кто—утолять жажду. Едва послѣ того успѣли мы прилечь на пригорокъ, какъ унтеръ-офицеръ закричалъ: «вставайте! надѣвайтесь на пруть. Пойдемъ потихоньку, кто то ѣдетъ. Я боюсь, чтобы не выслали за нами присмотрѣть, какъ мы идемъ». — «Боже! какъ это несносно!» вскрикнули мы, встали, надѣли наручники, и поплелись далѣе. Но какое же было наше удивленіе, когда въ подѣвжающемъ соглядатаѣ узнали жену Таптикова! Мы остановились, сбросили наручники и побѣжали къ ней. Таптиковъ, рванувшись, такъ дернулъ скованнаго съ нимъ Z*, что тотъ закричалъ: «ай, больно, дай вытащить руку!» — «Да, злодѣй! тебѣ не больно тащить насъ въ Сибирь!» отрывисто сказалъ ему Таптиковъ. Но эта апострофа явно проскочила мимо ушей того, и не сдѣлала никакого впечатлѣнія.

Добрая г-жа Таптикова привезла намъ обѣдъ; мы вынули все изъ повозки, посадили ее, сами сѣли вокругъ, и начался пиръ. Мы сѣялись и шутили, какъ бы дома, не заботясь вовсе гдѣ мы, и что мы. Такова юность! Когда кончили нашу трапезу, четверо изъ насъ сѣли на повозку; а я, Дружининъ и Шестаковъ пошли за нею пѣшкомъ, и такъ очередавались до самаго ночлега. Вскорѣ догнала насъ телѣга съ нашими вещами. Когда мы пришли къ р. Сакмарѣ—увидѣли, что на той сторонѣ дожидаются уже насъ крестьяне изъ села Каргалы. Подали паромъ, мы помѣстились и поплыли. По желанію Дружинина и Старкова, я взялъ гитару, заигралъ: «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ»; они подтянули. Г-жа Таптикова, глядя на насъ, прослезилась, и потомъ начала укорять меня въ неумѣстной веселости.

— Не все же плакать, сказалъ я ей,—вѣдь мы мужики!

— «Да, примолвила она,—видѣла я твою твердость, какъ ты прощался съ Сашей». — Я усмѣхнулся на это, но что произошло въ сердцѣ моемъ отъ этого напоминанія! Раскаялся я, что далъ къ нему поводъ. Радъ былъ, что пристали къ берегу, и что можно было сокрыть свое душевное волненіе. Вмѣстѣ съ крестьянами мы вошли въ ихъ селеніе. Хотя по маршруту оставалось еще идти 12 верстъ, но унтеръ-офицеръ принужденъ былъ, по совершенному истощенію нашихъ силъ, остаться здѣсь ночевать.

Это татарское селеніе имѣетъ еще другое наименованіе: Сентовская слобода, которое происходитъ отъ перваго поселившагося въ ней казанскаго купца, по имени, Сента. Прежде это селеніе было и многочисленно, и богато. Въ немъ находилось много каменныхъ домовъ и мечетей; теперь (т. е. въ 1827 году) не болѣе десяти тѣхъ и другихъ, включая и гостиную дворъ. Видны еще многія развалины большихъ каменныхъ зданій. Жители почти всѣ татары. Они приобрѣтали свое богатство грабежемъ и разбоемъ, и даже недавно еще (до 1827 г.) разбивали почты. Этимъ навлекли судебное пре-

слѣдованіе. Нѣсколько семействъ сослано въ Сибирь, нѣкоторыя въ концѣ раззорены; опустѣло множество домовъ, жители вообще впади въ бѣдность.

Намъ отвели квартиру въ какомъ-то подземельи стараго, разваливашагося дома. По ступенямъ узкаго коридора мы спустились въ сырую, довольно темную комнату. Спросили свѣчу, велѣли разложить огонь въ чуваль (родъ камина), и г-жа Таптикова принялась готовить намъ ужинъ. Между тѣмъ мы занимались разсматриваніемъ нашего подземелья. Оно было не болѣе 3 сажень въ длину и полторы въ ширину. Стѣны отъ сырости и древности покрылись мохомъ; на сводахъ висѣла паутина. Въ двухъ узкихъ окнахъ были толстыя кольцообразныя желѣзныя заржавѣлыя рѣшетки; на право большая желѣзная дверь, съ такими же тяжелыми задвижками, запертая внутреннимъ замкомъ. Мы любопытствовали узнать, — что хранилось за этою дверью. Татаринъ, приставленный къ намъ для услуги, не могъ намъ этого сказать, потому что недавно въ этомъ домѣ. Зналъ только, что прежде тутъ жилъ богатый купецъ, котораго сослали въ Сибирь со всѣмъ семействомъ. По его словамъ—этого купца почитали колдуномъ, и какъ онъ самъ заперъ эту дверь, то никто не осмѣливается отворить ее. «Правда, при-
молвилъ онъ,—были смѣльчаки, которые пытались ее отломать, да вишь, никакой ломъ не беретъ!» и много еще наставлялъ подобныхъ чудесъ. Послѣ-
явившись надъ суевѣрнымъ татаринѣмъ, мы сѣли ужинать, а утоливъ голодъ, расположились тотчасъ спать попарно, какъ были скованы, кто гдѣ могъ сыскать себѣ мѣсто. Мы не спали всю прошлую ночь, потомъ перенесли столько душевныхъ потрясеній, и наконецъ утомились дорогою; мудрено ли послѣ этого, что крѣпкій сонъ немедленно овладѣлъ нами.

ГЛАВА II.

Послѣднее прощаніе.

Приди мое рожденье!

Да будетъ надъ тобой мое благословенье! —

Озеровъ.

Азанчи уже прокричали на минаретахъ свои хвалебныя пѣсни, призывая правовѣрныхъ мусульманъ въ мечети, чтобы утреннею молитвою испросить у Аллаха благословеніе на наступающій день. Мы встали довольно съ покойнымъ духомъ. Между тѣмъ какъ унтеръ-офицеръ хлопоталъ о подводахъ, а добрая г-жа Таптикова готовилась поить насъ чаемъ, мы вышли изъ нашего душнаго погреба—подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться утреннимъ солнышкомъ. Поглядѣли въ ту сторону, куда влекло насъ столько сладостныхъ воспоминаній, взглянули на небо, вѣрили себя Провидѣнію, и

возвратились къ ожидающему насъ чаю. Солнце уже было высоко, когда намъ привели подводу въ одну лошадь. Мы сложили на нее всѣ наши вещи, и отправились въ путь, уже безъ прута, и это первое облегченіе было для насъ крайне ощутительно. Когда проходили по селенію, любопытные мусульмане тѣснились около насъ; нѣкоторые напутствовали насъ добрымъ словомъ. Отойдя съ версту отъ селенія, мы поднялись на гору, и вдругъ Оренбургъ съ окрестностями своими представился нашему взору. Сквозь рѣдкій воздухъ видѣлся городъ, а за нимъ разстилалась необозримая Киргизъ-Байсацкая степь. Съ неописаннымъ чувствомъ взглянули мы въ послѣдній разъ на это вмѣстелище всего, что насъ привязывало еще къ жизни. Нѣсколько минутъ мы стояли неподвижно и не могли оторвать своихъ взоровъ, отуманенныхъ слезами. Внезапно пламенный энтузіазмъ любви къ родинѣ овладѣлъ нами, мы всѣ вдругъ схватили по горсти земли и клялись хранить ее при себѣ до конца нашей жизни, вмѣстѣ съ благодарнымъ воспоминаніемъ о добрыхъ нашихъ согражданахъ. Взглянули еще разъ, перекрестились, поклонились, и, сказавъ «прости!» пошли далѣе. Здѣсь представлялась картина другого рода. Направо къ сѣверу черной полосой тянулся хребетъ Уральскихъ горъ. На ближайшей къ намъ, съ угрюмою гордостью возвышались въковыя огромныя сосны. Въ лѣво бѣлѣлась мѣловая гора, а вдали мѣстами мелькалъ едва желтѣющій кустарникъ. Все это озарялось ярко-горящимъ утреннимъ солнцемъ, и сливалось въ ту неподражаемую гармонию, съ какою живописуетъ одна природа. Душа наша разсвѣла, и мы пропѣли гимнъ, нѣкогда въ патріотическихъ мечтахъ сочиненный незабвеннымъ Кудряшевымъ, который въ это время, можетъ быть, съ горняго жилища своего привиталъ намъ духомъ своимъ, и продолжалъ одушевлять насъ. Такіе люди никогда совсѣмъ не умираютъ.

Около полудня мы дошли до пригородка Сакмарска, гдѣ по маршруту назначенъ былъ первый ночлегъ.

Сакмарскъ—небольшое селеніе съ небольшою церковію, прекрасной архитектуры, недавно выстроенною изъ бѣлаго камня. Жители всѣ почти—уральскіе казаки, переселенные сюда вслѣдствіе бунта, бывшаго въ Уральскѣ, при управленіи Оренбургскимъ краемъ князя Волконскаго, или, лучше сказать, извѣстнаго злоупотребленіями Ермолаева. Мы пообѣдали, отдохнули, и только что вышли на крыльцо, какъ нѣсколько троекъ примчались къ нашимъ воротамъ. Мы терялись еще въ догадкахъ, какъ вдругъ чело-вѣкъ пятнадцать солдатъ нашего полка вбѣжало на дворъ. Въ числѣ ихъ замѣтилъ я унтеръ-офицера и ефрейтора моего капральства. Они всѣ бросились обнимать насъ.

— Какими судьбами, ребята, съ чьего позволенія пріѣхали вы сюда? спросили мы торопливо.

— Что тутъ спрашивать, Василій Павловичъ! отвѣчалъ унтеръ-офицеръ

Федоровъ:—видите, отъ всего полка пріѣхали въ послѣдній разъ взглянуть на васъ и пожелать вамъ благополучной дороги.

— И! Федоровъ, не стыдно-ли? у тебя слезы на глазахъ! сказалъ я. Видишь, мы не плачемъ. Раскаиваться намъ не въ чемъ: безчестнаго ничего не сдѣлали; тебѣ все извѣстно.

— Знаемъ, и тѣмъ-то болѣе жаль.

— Смотрите, ребята, какъ-бы не подслушалъ васъ Z*, сказалъ имъ Дружининъ въ полголоса.

— Этого мерзавца мы по клочкамъ разорвемъ, вскричало нѣсколько голосовъ, онъ и насъ хотѣлъ припутать, за то и мы его не пожалѣли, все высказали,—примолвили семеновскіе солдаты.

Мы стали представлять имъ, что съ нихъ могутъ строго взыскать, если узнаютъ объ ихъ настоящемъ поступкѣ, который, впрочемъ, съ нашей стороны, мы во всю жизнь не забудемъ.

— Что вы говорите—отвѣчали они:— намъ теперь дана такая льгота, что мы кромѣ караула никуда не ходимъ, и этимъ вамъ благодарны.

Однакожъ мы настояли, чтобы они поспѣшили воротиться. Разставаясь съ нами, они еще болѣе доказали, какъ искренно и безкорыстно любили насъ. Они всѣ плакали, и увѣрили, что вѣчно не забудутъ. Мы съ трудомъ могли принудить ихъ взять отъ насъ 25 рублей, чтобы въ полку выпить за наше здоровье. Этотъ случай давилъ намъ первое утѣшеніе, по удаленіи отъ Оренбурга, и потому я не въ состояніи умолчать о немъ.

Послѣ ихъ отъѣзда вскорѣ пріѣхало къ намъ изъ города нѣсколько знакомыхъ, съ братомъ Вѣтошникава. Обниманія, восклицанія, слезы и смѣхъ—нѣсколько минутъ превратили въ одно сладостное мгновеніе ¹⁾. Г-жа Тап-тикова тотчасъ распорядилась съ самоваромъ, и мы только что принялись за чашки, какъ вбѣжалъ солдатъ, крича: «ваша матушка пріѣхала!» Чашка чуть не выпала изъ рукъ моихъ; опустивъ ее на столъ, я бросился со всѣхъ ногъ, забывъ, что скованъ съ другимъ. Дружининъ что-то кричалъ, останавливалъ, я ничего не слыхалъ. Выскочивъ на крыльцо, я искалъ ее взоромъ. «Гдѣ она? гдѣ она? отведите меня къ ней, Ради Бога», говорилъ я солдатамъ. Они указали на квартиру, и мы съ добрымъ моимъ Дружининымъ бѣгомъ побѣжали туда. Желѣзъ для насъ не существовало; насъ конвойной успѣвалъ за нами.—Нѣсколько шаговъ — и я у сердца матери!

¹⁾ Въ числѣ пріѣзжихъ былъ одинъ казачій офицеръ, который отъ имени оренбургскихъ гражданъ спрашивалъ насъ: получили ли мы пять тысячъ рублей, будто бы собранные для насъ купечествомъ и чиновниками. Мы отвѣчали, что и не слышали объ этомъ.

Неопѣненная матушка! Она была такъ спокойна! Я бросился лобызать ея руки, и слезы заструились по щекамъ ея. Съ нею была сестра моя—шестилѣтній ребенокъ. Этотъ ангелъ невинности испугалась адскихъ цѣпей и безобразнаго моего вида. Она спряталась за свою маменьку. Но чувство природы преодолѣло: она начала выглядывать, вглядываться въ меня, и наконецъ, слыша призывъ мой, бросилась ко мнѣ въ объятія.

«Братецъ, братецъ! что у тебя на ногахъ? Зачѣмъ ты повязалъ головку (я былъ повязанъ платкомъ)? болитъ? не привязать-ли укусу? Дай я по-дую, пройдетъ». Будучи не въ состояніи держаться отъ слезъ, я разцѣловалъ ее и старался увѣрить, что насъ связали съ Дружининымъ цѣпью за то, что мы худо учились. Она бросилась къ матери, и начала со слезами просить: «маменька! маменька! поѣдемъ домой, я у папеньки попрошу, чтобы онъ простилъ братца, а то ему больно».

Мать могла отвѣчать одними слезами и поцѣлуями. Мало по малу мы успокоились отъ сильныхъ внутреннихъ движеній, и разговоръ нашъ склонился на предстоящія намъ трудности. Матушка объ одномъ просила, объ одномъ молила,—къ одному клонились всѣ ея наставленія: быть осторожнымъ. Мы много плакали. Одна сестра милымъ лепетаніемъ своимъ развлекала насъ и заставляла иногда улыбаться. Я не могъ освоиться съ мыслию, что въ послѣдній разъ ихъ вижу. Мы отужинали вмѣстѣ. Я пожелалъ ей спокойной ночи, она благословила меня, и мы разстались до утра, съ сокрушеннымъ сердцемъ.

По возвращеніи къ товарищамъ, мы нашли ихъ съ гостями въ довольно веселомъ расположеніи духа. Но я не могъ уже принять участія въ этомъ веселіи.

Когда все утихло, не раздѣваясь, я легъ спать на прилавкѣ. Не смотря на душевное и тѣлесное изнеможеніе, я долго не могъ заснуть. Свинцовалъ грусть давила грудь мою. Всѣ свѣтлыя мечты, всѣ радостныя надежды, все, что прежде наполняло душу восторгомъ,—все это измѣнилось теперь въ какое-то непонятное мрачное предчувствіе. Она безотрадная мысль смѣняла другую. Наконецъ природа взяла верхъ, связь идей стала разрываться, въ глазахъ начали появляться легкіе, неясные призраки, и я заснулъ. Но и во снѣ не было спокойствія, душа моя безпрестанно возмущалась различными сновидѣніями. Я то плакалъ, то стоналъ, то смѣялся, то вскакивалъ съ крикомъ. Такъ прошла ночь.

Только что начало свѣтать, я всталъ и отворилъ окно, чтобы освѣжиться воздухомъ. Небо было чисто, звѣзды искрились еще; но поражаемые дневнымъ свѣтомъ, одна по одной вскорѣ потухли, только аврора долѣе другихъ красовалась своею прелестью; но и та, наконецъ, скрылась при появленіи величественнаго феба. Любуясь этою великолѣпною картиною природы, я возписился мыслями къ непостижимому Творцу, и пламенная молитва из-

лилась къ Нему изъ души моей. Она меня успокоила совершенно. Я почувствовалъ въ себѣ новыя силы — и въ эту минуту матушка прислала за мною. Я разбудилъ своего Дружинина. Приходимъ, и кофе уже на столѣ. Въ послѣдній разъ я могъ забыться и подумать, что я еще принадлежу къ семейству! Два часа съ матушкою протекли какъ двѣ минуты. Унтеръ-офицеръ пришелъ сказать: «время!»

На мой отвѣтъ: «сейчасъ придемъ», онъ мнѣ сказалъ: «пожалуйста поскорѣе. Мнѣ сказывали, сейчасъ пріѣдетъ офицеръ свидѣтельствовать — какъ мы идемъ». «Сейчасъ, сейчасъ!» повторилъ я съ горестію. И вотъ настала роковая для меня минута. Хладной трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ, кровь стынула, сердце едва билось, слезы уже не текли, но какъ-бы леденѣли на рѣсницахъ, и я, какъ громомъ оглушенный, невольно сѣлъ на лавку, ничего не чувствовалъ, устремилъ только мутный, неподвижный взоръ свой на матушку и на сестрицу. Она не плакала, не стонала; но на лицѣ ея видна была смертная блѣдность. Она взяла свѣчи и затеплила ихъ передъ образами. «Ну, Хрисанфъ Михайловичъ!» сказала она Дружинину, едва внятнымъ голосомъ, «теперь присядемъ немного, уже мало остается времени». Потомъ сѣла у стола, и опершись обоими локтями, печально склонила голову на руки, прикрывъ лице свое ладонями, и шепотомъ возсылая моленіе ко Всевышнему. Милая сестра смотрѣла на нее внимательно; двѣ крупныя слезы блистали на ея глазахъ. Мы съ Дружининымъ были погружены въ глубокое молчаніе, и также молились. Въ это время — какъ мнѣ послѣ рассказали — приходилъ унтеръ-офицеръ сказать, что офицеръ точно ѣдетъ, но онъ изъ уваженія, не смѣлъ отворить рта, перекрестился и вышелъ въ сѣни. Наконецъ матушка, опираясь рукою о столъ, поднялась и обратилась къ образамъ. Я бросился къ ея ногамъ, и она, простря руки къ небу, трепещущимъ голосомъ произнесла: «милосердый Боже! Тебѣ вручаю его!» Возложи потомъ обѣ руки на мою голову, сказала: «будь надъ тобою мое благословеніе!» и, поднявъ меня, заключила въ свои материнскія вѣжныя объятія. Слезы и рыданія наши соединились. Малютка сестра, также въ слезахъ, прижавшись къ матери, неотступно спрашивала: «маменька! маменька! да скажите, куда это братецъ ѣдетъ!»

Слыша это, я вырвался изъ объятій матушки, подхватилъ на руки этого милаго ребенка и, разцѣловавъ, передалъ матушкѣ. «Любите ее, маменька!» сказалъ я: «умоляю васъ, дайте ей пристойное воспитаніе, напитайте ее вашими наставленіями, это нужнѣе всякаго приданаго. Она, вмѣсто меня, будетъ утѣшеніемъ вашей старости, я въ этомъ увѣренъ».

— Да! она мнѣ одна теперь осталась, сказала матушка удушующимъ голосомъ, прижавъ ее къ груди своей, и потомъ, опуствя ее, опять обняла меня, сказавъ: «прости мой сынъ!» Сердце мое замерло. Я не слышалъ, что Дружининъ съ унтеръ-офицеромъ звали меня. Они наконецъ силою отор-

вали меня отъ матери, и подъ руки вытащили на крыльцо, и здѣсь еще мнѣ слышались ея вздохи и стоны, которые понинѣ отзываются въ душѣ моей. Они повели меня подъ руки и старались разговаривать. Я почти ничего не понималъ. Когда пришли на квартиру, наши товарищи были уже готовы къ отправленію. Намъ надобно было разстаться съ тѣми, которые отправлялись въ Грузію. Я почти не видалъ и не слышалъ, какъ разставался съ своею женою Таптиковъ. Мое прощаніе съ этою доброю женщиною и съ товарищами, которыхъ такъ любилъ, едва было для меня ощутительно,—едва я примѣчалъ, что со мною дѣлалось: сердце мое истощилось совершенно. Помню только, что они, обнимая меня, клялись не забыть до гроба. Они поѣхали, и мы тронулись съ мѣста. Поддерживаемый Дружиннымъ, не помню—какъ я плелся. Когда мы отошли съ полверсты, вдругъ насъ остановили. Какъ будто испуганный, я пробудился отъ тяжкаго забвенія. Дико озираясь, я старался припоминать, что со мною случилось, и потомъ, опять забывшись, со слезами спрашивалъ: «гдѣ мы? зачѣмъ мы здѣсь?—гдѣ она? гдѣ она?» Дружининъ и Таптиковъ, поддерживая меня, старались развлечь меня. «Стыдись!» сказалъ Таптиковъ: «приди въ себя. Вонъ офицеръ пріѣхалъ насъ осматривать. Неужели хочешь показать ему свое слабодушіе?»

Это замѣчаніе потрясло меня, я ободрился и тутъ же замѣтилъ, что я опять—въ наручникахъ и пристегнутъ къ пруту. Офицеръ, въ самомъ дѣлѣ, подошелъ къ намъ, обошелъ кругомъ, посмотрѣлъ, сѣлъ на повозку и уѣхалъ.

Только что мы двинулись съ мѣста, я почувствовалъ чрезвычайную слабость и не могъ идти. Унтеръ-офицеръ, снявъ насъ съ прута, меня и Дружинина посадилъ на повозку. Я прилежъ къ нему на колѣна. Голова моя горѣла, я былъ въ состояніи, похожемъ на бѣлую горячку. Поминутно спрашивалъ: «гдѣ матушка? гдѣ сестра? зачѣмъ у меня отняли ихъ? куда насъ тащатъ?» и т. п. Добрый Таптиковъ, не отходя отъ повозки, помогъ наконецъ Дружинину успокоить меня и уложить спать. За пять верстъ до ночлега, какъ они послѣ рассказывали, я дѣйствительно заснулъ. На стациіи меня разбудили, ввели въ пустую башкирскую избу (башкирцы съ весны до глубокой осени кочуютъ въ кибиткахъ), положили на солому, и я проспалъ до утра. На другой день я не чувствовалъ ни жара, ни головной боли, но все мое тѣло было въ изможденномъ и разслабленномъ состояніи.

Всякой, кто будетъ читать когда-нибудь эти записки, я увѣренъ, простить мнѣ излпшнюю, можетъ быть, точность въ описаніи разлуки съ матерью. Если онъ еще не разставался съ своею нѣжною родительницею, пусть представитъ близкую вѣчную разлуку съ нею и спроситъ свое сердце, каково ему при одномъ воображеніи! Если же онъ лишился ее или удаленъ отъ нея навсегда, пусть вспомнитъ, что чувствовалъ въ роковую минуту;

онъ согласится, что ибъному сыну позволительно быть многорѣчивымъ, говоря о незабвенной матери. Впрочемъ мнѣ для себя хотѣлось изобразить съ полною истиною тогдашнее состояніе души моей: я пишу не для тисненія.

Описавъ послѣднюю вѣчную разлуку со всѣми близкими сердцу, я долженъ здѣсь отдать справедливость моимъ товарищамъ. Они сносили свое положеніе безропотно и съ душевнымъ спокойствіемъ. Таптиковъ, какъ ни грустилъ о женѣ своей, легко однакожъ развлекался природною веселостію и беззаботливостію характера; притомъ ему много помогали большая опытность и многолѣтнее знакомство съ несчастіемъ и трудностями похода. Дружининъ, въ первомъ еще цвѣтѣ юности, легко увлекался мечтами, и питалъ полную довѣренность къ будущности: ему все еще въ жизни уныбалось, въ самыхъ желѣзахъ онъ видѣлъ поэзію. Тѣ товарищи, которые отправились въ Грузію, хотя съ горестію разстались съ нами, но были бодры духомъ и полны надеждъ.

Глава III.

Переходъ до Уфы.—Встрѣчи.

«Вездѣ есть добрые люди!»

(Народная поговорка).

Въ этотъ день (14 сентября) мы проѣхали и прошли двѣ станціи, и остановились на почтовомъ дворѣ. Селеніе было всторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ четырехъ. Хозяинъ напоилъ насъ хорошимъ кумысомъ; послѣ чего мы выкупились въ рѣкѣ, и мое здоровье стало поправляться. Здѣсь Дружининъ и Таптиковъ предложили мнѣ быть у нихъ артельщикомъ. Они отдали мнѣ свои деньги, которыхъ было у первого 175 р., у второго 115, да у меня 105 р. Z* также предложилъ мнѣ свои деньги; я, однакоже, не взялъ, но, по настоятельной просьбѣ моихъ товарищей, долженъ былъ уступить, и взялъ отъ него 25 р., т. е. все, что онъ имѣлъ; и такъ весь нашъ капиталъ, съ которымъ мы должны были пройти 5,000 верстъ, состоялъ изъ 420 р. Отселѣ я уже не буду упоминать всѣхъ станцій и ночлеговъ, но единственно—тѣ, въ которыхъ встрѣтилось что либо примѣчательное или памятное.

Такимъ образомъ безъ дальнихъ приключеній дошли мы до послѣдняго ночлега къ городу Стерлитамаку, до деревни Алла-чуватовой. Здѣсь по разспросамъ мы узнали, что изъ этого города отправляютъ арестантовъ точно такъ же, какъ придуть изъ Оренбурга, т. е. если приведены безъ прута, то и отправятся въ однихъ ножныхъ кандалахъ. Поэтому, хотя унтеръ-офицеръ и не надѣвалъ уже насъ на пруть—съ тѣхъ поръ, какъ снялъ

съ него по случаю моего изнеможения, но чтобы обезпечить себя и на будущее время, мы упросили его оставить этот пруть въ какой либо деревнѣ и не говорить въ городѣ, что мы были отправлены на немъ. Онъ уступилъ нашей просьбѣ. За это снисхожденіе и вообще за доброе обращеніе съ нами, какъ его, такъ и рядовыхъ, мы дали имъ 20 р., съ придачею казенныхъ армяковъ; и они остались предовольны. Унтеръ-офицеру приказано было, сдавъ насъ въ Стерлитамакъ, возвратиться въ Оренбургъ. Пользуясь этимъ случаемъ, мы дали ему письма. Я и Таптыко съ просили доставить лично моей матушкѣ и его женѣ, а Дружининъ и Z* желали, чтобы онъ переслалъ къ ихъ матерямъ по адресу въ мѣста ихъ жительства, если найдетъ возможнымъ. Послѣ мы узнали, что всѣ эти письма доставлены были въ исправности.

Сентября 25, въ 2 часа по-полудни, мы пришли въ Стерлитамакъ, отстоящій отъ Оренбурга на 231 версту,—и прямо въ острогъ, гдѣ встрѣтилъ насъ дежурный офицеръ во всей формѣ. Здѣсь ждали прибытія военнаго губернатора. Нимало не медля, повели насъ въ кузницу для снятія желѣзъ, которыя надобно было сдать приведенному насъ унтеръ-офицеру. По возвращеніи въ острогъ, отобрали всѣ наши вещи, и не иначе дозволили вынимать что нибудь изъ чемодановъ, какъ при караульномъ унтеръ-офицерѣ. Мы не безъ удовольствія подумали, что по крайней мѣрѣ на время пребыванія въ этомъ городѣ избавились безпокойныхъ ножныхъ гирляндъ—но ничуть не бывало: вмѣсто желѣзъ набили намъ на ноги тяжелыя деревянные колодки, которыя въ десять разъ неспоснѣ первыхъ. Съ этимъ новымъ украшеніемъ отвели насъ въ особый нумеръ.

Было уже 6 часовъ вечера, какъ вовсе неожиданно вошелъ къ намъ почтенный старикъ, инвалидный поручикъ г. Тюменевъ. Обнявъ меня, онъ прослезился и увѣрялъ, что чрезвычайно больно видѣть насъ въ такомъ положеніи. Мы всѣ благодарили его за участіе. Я съ нимъ познакомился три года тому назадъ, когда, проѣзжая въ Уфу и обратно, въ оба пути останавливался у него въ домѣ. Поговоривъ съ нами немного о томъ, какъ онъ и все его семейство сокрушались, когда слышали о нашемъ дѣлѣ и особенно о рѣшеніи его, онъ насъ оставилъ, давъ слово еще увидѣться. При этомъ общалъ прислать что нибудь поѣсть, примолвя: «не осудите, чѣмъ Богъ послалъ!» Доброта эта насъ умилила до слезъ.

Только что онъ ушелъ, оставя по себѣ столь пріятное впечатлѣніе, насъ позвали въ караульную, гдѣ караульный офицеръ объявилъ, что приказано обрить намъ головы, и когда мы, горько улыбувшись, замѣтили, что мы недавно обриты, офицеръ отвѣчалъ: «что дѣлать господа! сюда ждутъ военнаго губернатора, а нашъ командиръ—трусъ ужасный; вы же обриты не по формѣ». Послѣднія слова присовокупилъ онъ смѣячись.—Какъ ни больно казалось это подновленіе нашего безобразія, дѣлать было нечего, я

первый съѣлъ подѣ бритву, тѣмъ болѣе, что офицеръ отнялъ у насъ надолго самую надежду избавиться этого, увѣривъ, что положено брить на каждомъ этапѣ. Цирюльникъ приступилъ съ важнымъ видомъ, намылилъ мнѣ полголовы въ другомъ уже направленіи, т. е. съ затылка на лобъ, и началъ безъ милости драть тупою бритвою. «Постой, вскричалъ я,—ты вѣрно въ первый разъ отъ роду брѣешь сѣхлетныхъ, обрѣй хорошенько, получишь на водку». Онъ тотчасъ вытащилъ изъ кожаной кисы другую бритву, направилъ ее на ремнѣ, и принялся брить съ довольно спокойною ловкостію. За мною подверглись и другіе той же операціи. При всемъ огорченіи, мы не могли удержаться отъ смѣха, глядя другъ на друга. Въ Оренбургѣ брили наши головы поперегъ, а здѣсь—вдоль, и такъ у насъ остались волосы только на половинѣ затылка!

Когда все это кончилось, взмошелъ къ намъ слуга г. Тюменева съ узломъ, въ которомъ содержался ужинъ. Мы его тотчасъ обступили и, показавъ товарищи принимали отъ него и разбирали блюда, я закидалъ его вопросами о семействѣ его господина, и когда спросилъ:—помнятъ ли меня барышни? онъ отвѣчалъ: «какъ же, ваше почтеніе, крѣпко наказывали, кланяются вамъ: скажи дескать Василью Павловичу, что мы его помнимъ и сильно жальдемъ». При этомъ, почесывая голову, онъ значительно мигнулъ и дернулъ меня непримѣтно за полу халата; едва я успѣлъ взглянуть на его руку, какъ онъ съ отмыннымъ проворствомъ сунулъ мнѣ маленький узелокъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы я его спряталъ. Я успѣлъ это сдѣлать такъ, что ни офицеръ, ни солдаты не примѣтили. Шепнувъ ему, чтобы онъ кланялся и благодарилъ, я тотчасъ удалился въ свой номеръ.

Какое было мое удивленіе, когда, развязавъ узелъ, я нашелъ въ немъ два бисерныхъ шнура для часовъ и бисерной же кошелекъ, нѣсколько листовъ бѣлой бумаги, два карандаша, графинчикъ съ водкою, маленькую старинную серебряную чарочку, и на верху всего сложенную записку, которая и теперь у меня хранится, какъ свидѣтельство милаго добродушія и простосердечія трехъ молодыхъ дѣвицъ—родныхъ сестеръ, взрослыхъ на границѣ Азіи, вдали отъ моднаго, роскошнаго свѣта, и воспитанныхъ подѣ назиданіемъ родительской любви и нѣжности. Я помѣщаю эту записку здѣсь отъ слова до слова. Вотъ она:

«Любезный Василій Павловичъ, посылаемъ мы вамъ: я—кошелекъ, Папишка и Феничка—по шнурочку; примите вы это отъ насъ въ знакъ памяти и уваженія къ вамъ. Мы очень соболѣзнуемъ объ васъ, Василій Павловичъ, какъ васъ Богъ попуталъ въ это дѣло. Мы своего-папеньку слезно просили, нельзя ли будетъ съ вами повидаться, и онъ намъ это обѣщалъ; какъ только Эссенъ уѣдетъ, мы съ радостію къ вамъ прибѣжимъ; вы помните, какъ у насъ гостили, и писали намъ стишки; мы ихъ бережемъ, какъ драгоценность, и когда собираемся читать, то всегда васъ поминемъ;

и просимъ мы васъ нижайше—напишите намъ что нибудь еще, мы вамъ посылаемъ карандашъ и бумагу, и будемъ ихъ хранить, какъ послѣдній для насъ памятникъ и утѣшеніе, которое вы намъ оставите, и мы ихъ будемъ читать, да васъ вспоминать. Кланяемся вамъ и желаемъ быть здоровымъ для перенесенія такого труднаго пути. Остаемся любящіи и уважающіи васъ, и цѣлуемъ васъ, Авдотья, Прасковья, Ефимья Тюменевы».

Образованныя дѣвицы высшей сферы, еслибы какими судьбами случилось имъ прочесть эту записку, можетъ быть посмѣялись бы надъ ней съ презрѣніемъ; но пусть вспомнятъ, что эти строки диктованы неподдѣльною непорочною и добротою сердца, и писаны къ молодому человѣку ошелюманному..... въ желѣзахъ, въ тюрьмѣ,—тогда, можетъ быть, это легкомысленное презрѣніе замѣнится другимъ чувствомъ, болѣе приличнымъ какъ истинному просвѣщенію, такъ и нѣжной разборчивости прелестнаго пола. Онъ вспомнитъ при томъ, что эти добрыя созданія не виноваты, что судьба не дала имъ родителямъ возможности бросить десятки тысячъ на ихъ воспитаніе. Я не безъ намѣренія употребилъ этотъ глаголъ: онъ часто бываетъ ближе къ истинѣ, когда говорится о блестящемъ воспитаніи.

Когда я прочиталъ эту записку, слезы признательности вытиснулись изъ глазъ моихъ. «Благодарю васъ, милыя мои землячки!» вскрикнулъ я невольно, цѣлуя эти строки. Въ эту минуту взошли мои товарищи: они услышали мой голосъ, и съ любопытствомъ спрашивали, что это значитъ? «Ну, братъ Тапиковъ, сказалъ я, мнѣ сегодня будетъ работа, но ты у насъ—ходячій архивъ стиховъ, такъ поможешь мнѣ; на-ка прочти». — Тапиковъ взялъ записку, пробѣжалъ ее глазами, возвратилъ мнѣ, открылъ табакерку, и разнюхавъ спокойно напойку табаку, отвѣчалъ: «ну хорошо, только сперва, батинъ ка! выпьемъ да поѣдимъ; такъ и память просвѣтлѣетъ, и работать будетъ веселѣе». Противъ такого аргумента мало найдется словъ—и такъ мы принялись за свой ужинъ, какой вовсе не ожидали имѣть въ стерлитамакскомъ острогѣ!.. Дружининъ и Z* вскорѣ легли спать; а я съ Тапиковымъ—принялись за стихи; онъ декламировалъ, я писалъ. Такимъ образомъ у меня исписались цѣлыхъ два листа кругомъ. Въ заключеніе, нечего грѣха таить, приписалъ нѣсколько своего произведенія. Окончивъ это, и мы вскорѣ заснули.

Полутру мы не спѣшили вставать: знали, что по маршруту намъ назначена здѣсь дневка. Часу въ 10-мъ унтеръ-офицеръ позвалъ насъ въ караульню. Мы тотчасъ одѣлись и пошли. Намъ въ голову не приходило, что насъ тутъ ожидало. Очень спокойно отворили дверь, и что же? Намъ представилось все семейство почтеннаго Тюменева въ хлопотахъ около стола, накрытаго уже скатертью: кто разставлялъ тарелки, кто придвигалъ стулья. Я хотѣлъ было броситься къ милымъ, добрымъ своимъ землячкамъ, чтобы поздороваться съ ними, но въ этой проклятой колоды споткнулся и упалъ

къ ногамъ ихъ. Онѣ съ участіемъ бросились меня поднимать. Я смѣшался, покраснѣлъ, цѣловалъ руки ихъ; но онѣ просто поцѣловались со мною дружески. Я началъ было благодарить за вниманіе, за подарки; но онѣ, ничего не слушая, всѣ три бросились къ отцу. «Папенька, милый папенька, говорили онѣ, перерывая одна другую, съ умиленіемъ, — пожалуйста велите сбить съ нихъ эти колодки. Эссена ужъ нѣтъ здѣсь; а вы же еще и дежурнымъ; смотрите, какъ они бѣдняжки избились». — «Сейчасъ, мои дѣти», отвѣчалъ старикъ, и у него показались слезы. «Сейчасъ, спасибо, мои милые, что вы меня надоумили, а мнѣ — изъ ума вонъ. Вотъ и я, глядя на васъ, разнѣжился», прибавилъ онъ, протирая платкомъ глаза. «Унтеръ-офицеръ! сейчасъ сбить колодки!» — «Слушаю-съ!» отвѣчалъ тотъ, и черезъ минуту на насъ уже не было ихъ.

Мы очень были рады, избавившись этого ига. Не умѣя въ нихъ ходить, мы безпрестанно падали и ушибались. Пользуясь теперь свободою ногъ, я бѣгомъ бросился въ свой нумеръ, взявъ заготовленные стихи и отдалъ потихоньку старшей изъ сестеръ Авдотѣ Ивановѣ. Она благодарила, и просила написать изъ Уфы съ унтеръ-офицеромъ, который съ ея стороны объ этомъ уже предваренъ. Головы у насъ были обвязаны платками, и она теперь только замѣтила, какъ безобразно мы были обриты. „Боже мой!“ вскричала она, всплеснувъ руками, и начала плакать. Я сѣлъ подлѣ нея и сталъ ее утѣшать, представляя, что это унижаетъ больше нашихъ недруговъ, нежели насъ. Но тутъ добрый гостепріимный старецъ закричалъ мнѣ: «полно тебѣ возиться тутъ съ дѣвками; поди-ка лучше, братъ, да подѣлать хорошенько на дорогу; такъ оно вѣрнѣе».

Кое-какъ успокоивъ плачущую, я повиновался призыву старика, и съ почтеннымъ его семействомъ всѣ сѣли за столъ. Дружинникъ, Тапиковъ и я наперерывъ старались — сколько возможно привести въ забвеніе сущность нашего положенія. Припоминали прошедшее, шутили, смѣялись и говорили разный вздоръ. Во все это время, надобно замѣтить, добрые Тюменевы не обращали никакого вниманія на нашего предателя. Хотя онъ, по безстыдству своему, нѣсколько разъ принимался заговаривать, однако же, не только дѣвицы, но и самъ почтенный старецъ отворачивался отъ него. Ему дали очень явно почувствовать, что онъ сидитъ между нами — только изъ уваженія къ несчастію, соединяющему его съ нами; и такъ онъ оставался вовсе чуждымъ нашей бесѣды.

Послѣ сытнаго и вкуснаго завтрака, мы простились. Я проводилъ дѣвушекъ до воротъ, гдѣ онѣ мнѣ сказали, что приплютутъ кое-чего изъ съестнаго на дорогу. Когда я возвратился въ караульную, старикъ Тюменевъ объявилъ, что мы должны сего же дня отправиться въ путь. На мое замѣчаніе, что намъ здѣсь назначена дневка, онъ отвѣчалъ: «знаю; но вчера, когда Эссень былъ здѣсь, нашъ начальникъ, штабсъ-капитанъ Дашковъ (изъ

татаръ) докладывалъ ему, что васъ привели сюда, и онъ на это, говорятъ, сказалъ: «а! они уже здѣсь; такъ завтра же ихъ отправить». Можно себѣ легко вообразить, какъ больно было намъ, что этотъ жестокосердый человѣкъ лишилъ насъ дневки въ такомъ гостепріимномъ мѣстѣ. Мы не могли понять, какъ можно человѣку въ такомъ высокомъ санѣ преслѣдовать людей столь ничтожныхъ и никогда лично его не оскорбившихъ. Не нужно объяснять что мы къ нему чувствовали.

Добрый старецъ Тюменевъ сказалъ намъ: «повѣрьте, господа, я съ прискорбіемъ выполняю это приказаніе; мнѣ бы хотѣлось еще денекъ провести съ вами, но мы люди подначальные». Потомъ взявъ меня за руку, сквозь слезы продолжалъ: «простите меня, не сердитесь, я долженъ васъ заковать».

Мы всѣ усердно благодарили почтеннаго старца за искреннее его участіе, и старались увѣрить, что отнюдь не можемъ обвинять его, понимая совершенно обязанности службы, и еслибы были на его мѣстѣ, тоже бы сдѣлали. И такъ, въ сопровожденіи унтеръ-офицера и двухъ рядовыхъ насъ повели въ кузницу, гдѣ меня опять заковали съ Дружининымъ, а Таптикава и Z* порознь, потому что первый никакъ не соглашался быть вмѣстѣ съ нами скованнымъ. По возвращеніи, мы уклали наши вещи на приготовленную подводку и отправились въ походъ почти въ 11 часовъ.

Тюремный острогъ отъ города шагахъ въ 300. Мы не успѣли войти въ улицу, какъ множество людей столпилось около насъ, и такъ черезъ весь городъ насъ провожали. У немногихъ примѣтны были слезы; иные даже смѣялись; прочіе съ спокойнымъ видомъ двигались машинально, зѣвая на насъ съ однимъ глупымъ любопытствомъ. «Это не то, что въ Оренбургѣ!» сказалъ я Дружинину. Нѣкто оренбургской помѣщикъ г. Борисовъ, у котораго въ проѣздъ мой въ Уфу я нѣсколько разъ бывалъ, и котораго сынъ служилъ у насъ въ полку и былъ со мною коротко знакомъ,—вышелъ къ воротамъ своего дома съ разряженнымъ семействомъ, и не удостоивъ даже подойти къ намъ, хотя насъ раздѣляло только 20 шаговъ пространства, когда мы проходили мимо. За городомъ, саженьяхъ въ 100 отъ заставы, мы перешли черезъ оврагъ по мосту, и когда поднялись на гору, увидѣли милое семейство Тюменева. Мы съ Дружининымъ тотчасъ побѣжали къ нимъ. Они нарочно вышли, чтобы доставить намъ нѣсколько съѣстнаго на дорогу и проститься съ нами. Желая нѣсколько проводить насъ, эти добрыя дѣвицы просили идти тише и пошли съ нами. Замѣтивъ, что онѣ плачутъ, мы принялись развлекать ихъ, шутя надъ своимъ положеніемъ, и увивались около ихъ, какъ бы шли для прогулки. Одинъ предатель нашъ, оставленный всѣми, шелъ по другую сторону дороги и насвистывалъ. Когда дѣвицы наши успокоились, стали спрашивать о сущности нашего дѣла: какъ Z* насъ предалъ? какъ насъ арестовали, какъ судили и засудили?

все имъ хотѣлось знать. Мы удовлетворили наскоро ихъ любопытству. Одна спросила наконецъ: какъ разсталась со мною матушка?—«О, ради Бога, не напоминайте о моей милой матушкѣ», сказалъ я, «не могу безъ горести вспомнить о ней!»—и слезы навернулись на глазахъ моихъ. Собравшись съ духомъ, я убѣдительно просилъ ихъ, чтобы онѣ къ ней написали. Онѣ не только это обѣщали, но хотѣли побывать у ней, и лично пересказать, какъ меня провожали,—потому что собирались вскорѣ въ Оренбургъ въ гости къ брату своему. Пройдя такимъ образомъ версты двѣ, мы наконецъ прос- тились на вѣки съ этими добродушными дѣвцами. Онѣ дали намъ свою по- возку, чтобы довезла насъ до первой станціи; «а тамъ», прибавила Авдотья Ивановна, «вы не будете нуждаться въ подводахъ»—и просила еще унтеръ- офицера, чтобы онъ позаботился объ этомъ и не допускалъ насъ нуждаться въ чемъ либо; при этомъ наказала доставить ей въ исправности письма, какія отъ насъ ему даны будутъ. На это на все унтеръ-офицеръ отвѣчалъ непреложнымъ: «слушаю-съ!» Однимъ словомъ, эти милыя дѣвцы приняли насъ, угостили и проводили, какъ истинно родныхъ.

Пришедъ на станцію во время сумерекъ, мы узнали, что военный губер- наторъ пробылъ здѣсь часовъ пять: онъ тутъ пилъ чай, отдыхалъ и про- гуливался по деревнѣ. Мы заключили изъ этого, что онъ желалъ избѣжать встрѣчи съ нами и внутренно благодарили его.

Во все продолженіе нашего пути до Уфы, на разстояніи 121 версты, ничего замѣчательнаго не случилось. Унтеръ-офицеромъ своимъ мы были довольны какъ нельзя болѣе. Онъ вездѣ бралъ для насъ подводы, стано- вился съ нами на хорошія квартиры, и во всѣхъ отношеніяхъ въ точности выполнялъ приказаніе и просьбу нашихъ благотворительницъ. На послѣд- немъ уже ночлегѣ къ Уфѣ, нѣкто помѣщикъ Курбцовъ пріѣзжалъ въ де- ревно. Сперва походилъ по ней съ своимъ маленькимъ сыномъ; а потомъ, увидѣвъ, что мы вышли на улицу и сѣли на завалянку, онъ подошелъ къ намъ, и, сказавъ нѣсколько словъ о погодѣ (!), уѣхалъ. Онъ пріѣхалъ посмотрѣть на насъ съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ глядятъ на замор- скихъ звѣрей. Вотъ другой помѣщикъ встрѣчается намъ, и поступки оди- наковы!

На этомъ ночлегѣ мы дневали. Я успѣлъ написать предлинное письмо къ гостепріимному семейству Тюменевыхъ, и просилъ приложенныя письма отъ меня къ матушкѣ и отъ Тапцова къ женѣ доставить лично. Я не забылъ также присовокупить нѣсколькихъ стиховъ, до которыхъ милыя дѣ- вицы—такія охотницы. Вручивъ все это унтеръ-офицеру, мы поблагода- рили его за попеченіе о насъ десятию рублями, и онъ былъ очень дово- лень.

Когда мы выступили изъ деревни Камышлы, утренняя заря разостлала уже румянецъ свой по обширной доли; звѣзды всѣ потухли, одна только

свѣтло-яркая денница играла на востокѣ: она то пряталась за мимолетное облачко, то опять разсыпала свои искрометные лучи по ясному небосклону. Вдали на западѣ сквозь зыблющийся мракъ синѣлись верхи высокихъ горъ. Дорога извивалась подлѣ небольшой рѣчки; долина была устлана мелкимъ кустарникомъ, блѣдно-желтые листья коего предвѣщали близкую осень.

Не доходя до Уфы верстъ семь, мы увидѣли человека, который, сидя при дорогѣ, держалъ въ поводу лошадь. При нашемъ приближеніи, когда онъ могъ насъ распознать, онъ поспѣшно сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ городъ. Послѣ мы узнали, что это былъ посланный отъ уфимскихъ гражданъ, который два дни уже насъ караулилъ.

Когда мы пришли на берегъ р. Бѣлой, омывающей стѣны города Уфы, и остановились у самаго перевоза, намъ представилась очаровательная картина, которую мы, въ ожиданіи парома, имѣли время разглядѣть до пресыщенія. По скату высокой и довольно крутой горы, раздѣленной большимъ оврагомъ, въ глубинѣ котораго струится быстрая, небольшая рѣчка Уфа, небрежно разбросано множество домовъ и церквей разнообразной архитектуры. Тамъ, подъ желѣзною, крашеною крышею, возвышается огромное каменное зданіе съ казанчею, по всѣмъ признакамъ принадлежащее казнѣ; тутъ видите и одноэтажный съ обширнымъ дворомъ и садомъ барской домъ; здѣсь, съ золотыми главами величественно возвышающійся древній соборный храмъ; неподалеку тянутся каменные и деревянные ряды гостиннаго двора; далѣе виднѣтся деревянная полуразвалившаяся церковь, отъ времени уже совершенно почернѣвшая, мѣстами покрытая мхомъ и склонившаяся къ паденію. Между всѣми этими предметами разсыяны безъ всякаго порядка дома жилищныхъ обывателей и хижины бѣдныхъ ремесленниковъ. Но главный предметъ, обратившій наше вниманіе, выглядывалъ изъ-за стросній вдали на лѣвомъ концѣ города—огромное каменное зданіе съ четырьмя башнями: это губернский тюремной замокъ, въ стѣнахъ котораго мы готовились провести нѣсколько дней.

Отдыхая на берегу, мы продолжали еще передавать другъ другу свои замѣчанія, при разсматриваніи этой разнообразной картины, какъ вдругъ раздалось нѣсколько голосовъ: «паромъ! паромъ!». Вслѣдъ затѣмъ услышали зовъ нашего конвойнаго унтеръ-офицера. Мы тотчасъ встали и поспѣшили взойти на паромъ. На немъ насъ довольно учтиво встрѣтилъ квартирный офицеръ. Когда отвалили, онъ просилъ насъ не подходить къ периламъ. Дружинникъ, всегда сохранявшій веселое расположеніе духа, отвѣчалъ ему на это смѣясь, чтобы онъ не беспокоился напрасно: «хотя мы сами и попались въ сѣти, однакожъ не имѣемъ ни малѣйшей охоты ловить раковъ». Офицеръ послѣ этого охотно разговорился и, между прочимъ, сказалъ, что другой уже день ждалъ насъ на паромѣ, и что въ го-

родъ очень интересуются насъ видѣть. И дѣйствительно, когда мы стали приближаться къ другому берегу, народъ со всѣхъ сторонъ спѣшилъ къ пристани. Не успѣли мы сойти на берегъ, какъ всѣ почтительно сняли шляпы и поклонились намъ. Мы со своей стороны сдѣлали тоже, и какъ насъ повели, по грязнымъ какимъ-то улицамъ, напередъ къ этапному командиру, весь народъ слѣдовалъ за нами съ примѣтнымъ любопытствомъ и въ глубокомъ молчаніи. Такимъ образомъ, я увидѣлъ себя узникомъ въ стѣнахъ того города, въ которомъ еще столь недавно былъ веселымъ гостемъ! «Какое благодѣяніе Творца», подумалъ я, «что будущее сокрылъ отъ насъ непроницаемою завѣсою».

Записаль В. III.

ФИЛАРЕТЪ ГУМИЛЕВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКІЙ

род. 1805 † 1866.

[Окончаніе].

V¹⁾.

Мы обозрѣли административную дѣятельность архіепископа Филарета Гумилевского въ хронологическомъ порядкѣ. Теперь въ такомъ же порядкѣ постараемся представить обозрѣніе его учено-литературной дѣятельности. Преосвященный Филаретъ началъ печатать свои труды изъ Риги. Вотъ эти труды:

Въ 1842 году: 1) Максимъ Грекъ. Историческое изслѣдованіе. (Москвитянинъ 1842 г. № XI, стр. 45—96). Здѣсь же приведены въ подлинникѣ два сочиненія Максима. Въ 1843 году: 2) Откуда коренные жители Лифляндіи первоначально получили христіанство — съ Востока или Запада? (Москвитянинъ: 1843 г., № VII, стр. 85—102). Къ 1843-му же году относятся: 1) Изысканіе о проповѣдникѣ XIII столѣтія, Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ. (Прибавленіе къ Твореніямъ св. Отцовъ, 1843 г., Ч. 1-я). 2) Свидѣтельство временъ апостольскихъ о томъ, какъ должно писать имя Іисусъ и изображать крестъ (тамъ-же, ч. 1-я). Въ 1845 году: 3) Нѣсколько словъ о книгѣ Стоглавъ. (Москвитянинъ 1845 г., № 12, стр. 136—139). Въ 1846 году: 4) Кирилъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители. (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россіи при Московскомъ Университетѣ, годъ 2-й, 1846—1847, книга 4).

(Рецензія въ „Отечеств. Зап.“ 1847 г., т. 50, отд. VI, стр. 101). 5) Дополненіе къ статьѣ „Кирилъ и Меѳодій, славянскіе просвѣтители“ (Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, годъ 2-й, 1846—1847 г., кн. 5). Статья эта была переведена на нѣмецкій языкъ и напечатана въ Митавѣ въ 1848 году отдѣльною книгою. Вся статья перепечатана въ книгѣ: „Кирило-Меѳодіевскій Сборникъ“. М. 1865 г., стр. 43—80. Говорили, что эта статья напечатана по нѣмецки въ Лейпцигѣ 1847 г. (Справочный Энциклопедическій Словарь Старчевскаго. С.-П. 1848 г. т. XI, стр. 92). Въ 1847 году: 6) Богослуженіе рус-

¹⁾ См. „Русская Старина“. изд. 1881 г., т. XXX, (апрѣль), стр. 781—793.

ской церкви до монгольского времени (Чтен. въ Общ. Ист. и Древн., годъ 2-й, 1846—1847 г., кн. 7-я). Отдѣльные оттиски—М. 1847 г. 42 стр.

Рецензія г. Кавелина въ „Современникѣ“ 1847 г. т. III, въ статьѣ о 7 книгѣ „Чтеній“, перепечатана въ „сочиненіяхъ Кавелина“ М. 1859 г. т. 2, стр. 383. Кромѣ собственныхъ изслѣдованій, еп. Филаретъ сообщилъ въ редакцію „Чтеній“ нѣсколько памятниковъ древней русской письменности, снабдивъ ихъ своими примѣчаніями.

7) Содержаніе рукописи „Златая Чепь“, принадлежащей началу XIV в. (Чт. Общ. Истор., годъ 2-й, 1846—1847, книга 2-я). 8. Посланіе Геннадія Іоасафу, Архіепископу Рѣстовскому и Ярославскому („Чтенія“, годъ 2-й, 1846—1847, кн. 8-я).

9) Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану Ивановичу (Челаднику). („Чтенія“, годъ 2-й, 1846—1847, книга 8-я).

10) Сличеніе лютеранства съ православіемъ, разосланное священникамъ рижской епархіи. „Черниговскія Епархіальныя Извѣстія“, 1868 годъ, № 19-й, стр. 865—911. Изд. послѣ смерти преосвящ. О. И. Дытревскимъ.

11) Исторія русской церкви. (Исторія эта вышла не по порядку періодовъ; такъ, 4-й періодъ (патріаршество) напечатанъ прежде всѣхъ (въ Ригѣ 1847 г.), потомъ вышелъ третій періодъ (въ Москвѣ, 1847 г.), второй же періодъ явился уже послѣ 4-го и 5-го; но какъ періоды ея стали выходить въ свѣтъ съ 1847 года, то мы, не желая дробить заглавія, отводимъ подъ 1847 годомъ мѣсто всей „исторіи“ въ порядкѣ періодовъ). Періодъ 1-й. Отъ начала христіанства въ Россіи до нашествія Монголовъ, (988—1237). М. 1848 г. VIII и 175 стр. Второе изданіе, Харьковъ, 1849 г. Третье изданіе, М. 1857. Четвертое изданіе, М. 1859. 304 стр. Періодъ 2-й Монгольскій. Отъ опустошенія Россіи Монголами до раздѣленія Митрополіи (1237—1410). М. 1848 г. 127 и 111 стр. Второе изданіе, М. 1852. Періодъ 3-й. Отъ раздѣленія митрополіи до учрежденія патріаршества (1410—1588). М. 1847 г. 180 и 4 стр. Второе изданіе, М. 1851 г. Періодъ 4. Патріаршество (1588—1720). Рига. 1847 г., 117 стр. Второе изданіе, Харьковъ, 1853 г. 326 стр. Періодъ 5-й. Синодальный періодъ (1721—1826). М. 1848. Второе изданіе, М. 1859 г. 140 и VIII стр. Первые четыре періода „Исторіи Русской церкви“ вышли третьимъ изданіемъ. М. 1857; къ нимъ присоединился пятый томъ то въ изданіи 1848 г., то въ изданіи 1859 г. Всѣ пять періодовъ вышли четвертымъ изданіемъ, въ двухъ томахъ, Черниговъ, въ 1862 г. Въ первый томъ вошли періоды 1 и 2; а во второй томъ—періоды 3, 4 и 5. VIII и 175 и III; 180 и IV; 216 и IV; 140 и VI и II стр.

Рецензіи (какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, указываются въ алфавитномъ порядкѣ периодическихъ изданій, для облегченія читателя въ случаѣ поправокъ и дополненій къ этому списку): а) „Голосъ“, 1864 г. № 52. б) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1848 года, часть 57, отд. VI, стр. 96. в) Извѣстія 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, 1854 г., томъ 3, стр. 40; 1858 г., томъ 6, стр. 77—78, замѣтка г. Чистовича объ „Исторіи Русской Церкви“ Епископа Макарія, сравнительно съ Исторіей Русской Церкви Епископа Филарета;—1858 г., т. 7, стр. 321. г) Въ „Исторіи Рус. церкви“ Архiep. Макарія встрѣчается не мало замѣчаній и поправокъ къ разнымъ трудамъ Преосвящ. Филарета. Вотъ эти поправки: т. 1, стр. 22, 25, 27, 37, 38, 79, 82, 143, примѣч. 69, 77, 87, 113, 117, 207, 215, 290. Т. II, стр. 5, 7, 253, примѣч. 6, 18, 512. Т. III, стр. 6, 8, прим. 4, 11.

Т. IV, стр. 174, примѣч. 220; стр. 305—306, прилож. № 1, стр. 337, № 15. Т. V, стр. 19, примѣч. 22; стр. 20, прим. 25, стр. 92, прим. 123. д) Москвитянинъ, 1848 г. № 1; Письма къ Редактору по поводу рецензій на „Исторію Русской Церкви“, Москвит. 1849 г., часть III, стр. 89, ч. 64, отд. VI, стр. 241. е) Отечественныя Записки, 1848 г. т. 56, отд. V, стр. 59; отд. VI, стр. 132 (о періодѣ патриаршества); 1848 г. т. 59, отд. VI, стр. 49 (о третьемъ періодѣ); 1849 г., т. 62, отд. VI, стр. 77. ж) Русская Бесѣда 1859 г. т. III (книга 15). Критика, стр. 2,—краткій, но мѣткій отзывъ—Н. Гилярова. з) Русскій Вѣстникъ 1860 г., т. 25, № 4, стр. 238—245, статья А. Н. Афанасьева. и) Современникъ 1849 г., т. 14, Русская Литература, стр. 71—84; т. 15, Библиографія, стр. 1—26,—двѣ статьи А. Н. Афанасьева. і) Сынъ Отеч., 1848 г. № 11, стр. 1—78, статья Савельева-Ростиславича: „Разборъ мнѣній М. Погодина о началѣ Руси (въ защиту исторической правды и автора „Исторіи Русской Церкви“)“. к) Сѣверное Обозрѣніе, 1848 г. т. 1, стр. 36—60.

12) О крестномъ знаменіи (вѣроятно конфисковано).

Когда авторъ поднесъ московскому владыкѣ: „Исторію Р. Церкви. Періодъ четвертый: патриаршество въ Россіи“, тотъ письменно благодарилъ его такъ: „Благодарю за Исторію патриаршества. Мнѣ пріятно было видѣть, что ей отдали справедливость и свѣтскіи судіи“ (отъ 14 января 1848 г.).

Сочиненіе же „о крестномъ знаменіи“ подверглось осужденію московскаго владыки. Мы уже приводили отзывъ о немъ. Оно названо сто шестымъ доказательствомъ въ пользу двухъ перстнаго сложенія. Филаретъ Гумилевскій увидѣлъ изъ письма, что въ Москвѣ поднимается противъ него тревога. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту Филарету онъ извинялся, умолялъ „не обвинять его въ тщеславіи“ и объяснялъ, что имя его поставлено подъ статью безъ его согласія, потому только, что редакція знала автора—подъ рукописью же не было его имени. Филаретъ прислалъ (въ письмѣ отъ 14 января 1848 года) автору наставленіе, что въ предметахъ „сего рода“ нужна особенная осторожность. Въ томъ же году „пятый періодъ Исторіи Церкви русской (третье изданіе): Синодальное Управленіе“ обезкуражилъ составителя „Исторіи Россійской церкви“ А. Н. Муравьева. По своему обыкновенію, сей авторъ многихъ твореній религіознаго характера, писалъ о рижской исторіи ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ и къ московскому митрополиту, на что послѣдній (отъ 27 декабря 1848) года) писалъ ему слѣдующее: „Преосвященнаго рижскаго, что нынѣ харьковскій, Исторія времени синодальнаго управленія можетъ быть любопытна; но за нее сдѣлано подтвержденіе цензорамъ, что бы историческихъ сочиненій относительно сего вре-

мени не пропускали безъ разрѣшенія Святѣйшаго синода. Отсюда происходитъ вопросъ: надлежало ли спѣшить одному и останавливать всѣхъ, или не спѣша осмотрѣть свою дорогу, чтобы не загородить ее другимъ?" Понятно, что на дорогѣ епископу Филарету стоялъ Муравьевъ. Но выпускъ въ свѣтъ „Синодальнаго періода“ не ограничился однимъ подтвержденіемъ цензурѣ. Пропустившій ее протоіерей Тимоѳей О. Никольскій долженъ былъ въ 1848 году оставить эту должность. Автору также угрожала опасность, чего онъ и боялся. Но дѣло обошлось благополучно и тревога, поднятая по этому случаю, только послужила къ распространенію книги. Такъ что къ концу 1848 года V томъ Истории Русской Церкви въ провинціи составлялъ большую библиографическую рѣдкость. Впослѣдствіи времени стали подъ секретомъ появляться и списки съ письма митрополита Филарета къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Протасову. Въ списокѣ, имѣющемся у насъ подъ рукою, значится слѣдующее:

„Сіятеильнѣйшій графъ, милостивый государь! Отъ 27 октября 1848 года ваше сіятельство конфиденціально требовали моего мнѣнія о V томѣ Истории Русской Церкви, въ которомъ описывается періодъ синодальнаго управленія, не нужно ли, что бы сіе сочиненіе, на случай новаго изданія, было въ чемъ либо исправлено. Отъ 25 декабря того же года ваше сіятельство увѣдомили меня, что объ означенной книгѣ и о сдѣланномъ мнѣ требованіи доведено до Высочайшаго свѣдѣнія. Впрочемъ не объявлено мнѣ Высочайшаго повелѣнія по сему предмету. Дѣло надлежало начать покупкою книги, дотолѣ мнѣ неизвѣстной. Поелику болѣе необходимы и неизбѣжны дѣла службы обыкновенно наполняютъ малую мѣру силъ моихъ и истощаютъ время, то долго не могъ я приступить къ дѣлу, которое въ томъ только случаѣ могло пасть на мои руки, если свою необходимую и неизбѣжную обязанность недовольно внимательно исполнилъ членъ Санктъ-Петербургской духовной цензуры протоіерей Никольскій. Прошу снисходительнаго сужденія о моемъ умедленіи. Въ книгѣ епископа, проникнутой духомъ благочестія и ревности вѣрѣ и правдѣ, отмѣчать мѣста неудовлетворительныя — неприятная обязанность. Черты книги, съ которыми я не могу согласиться, болѣею частію произошли отъ неудержанной ревности по вѣрѣ и правдѣ, увлекшей сочинителя къ сужденіямъ и выраженіямъ въ избыткѣ строгимъ и рѣзкимъ. Препровождаемое при семъ показаніе мѣстъ сей книги,

по моему мнѣнію; требующихъ пересмотра, да не будетъ принято въ предосужденіе сочинителю, отъ котораго, какъ перваго и опытнаго опыта, нельзя требовать, что бы въ немъ до послѣдняго слова все имѣло полноту и точность. Поэтому въ моихъ замѣчаніяхъ я не преслѣдовалъ всего, что можетъ оказаться неполнымъ или неточнымъ, и останавливался особенно на тѣхъ мѣстахъ, которыя подлежатъ воззрѣніямъ не съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ сочинитель, и въ семъ случаѣ могутъ производиться неблагопріятныя впечатлѣнія. Съ истин. почт. и проч. 27 декабря 1851 года.

Не смотря на такую защиту московскаго митрополита и на то, что первые четыре періода „Исторіи Церкви“ вышли уже въ 1857 году третьимъ изданіемъ, „періодъ синодальнаго управленія“ въ новомъ, а не старомъ изданіи пропущенъ С.-Петербургскою духовною цензурою только въ 1859 году, послѣ смерти императора Николая Павловича. Въ продолженіе 11-ти лѣтъ книга эта сдѣлалась такою рѣдкостію, что въ 1860 году не было уже ея у самого автора ни одного экземпляра.

Въ 1848 году: 13) Святый Великомученикъ Дмитрій Солунскій и Солунскіе Славяне (Чтенія въ Общест. Исторіи и Древностей, годъ 3-й, 1847—1848, кн. VI). 14) Блаженнаго Іоанна Мосха Лугъ Духовный, въ переводѣ съ греч. языка. М. 1848. Второе изданіе, М. 1853 года. Въ 1850 году: 15) Посланіе Льва, Митрополита Россійскаго, къ Римлянамъ или Латинянамъ, объ опрѣснокѣхъ, со свѣдѣніями о сочинителѣ посланія. (Временникъ, 1850 г., книга V.) 16) Слова и Бесѣды, говоренныя въ Ригѣ. Москва. 1850 г. 2 части. Въ 1852 году: 17) Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи (выходило въ разное время). Отдѣленіе 1-е. Краткій обзоръ епархіи и подробное разсмотрѣніе монастырей. М. 1852 г. 266 стр. Второе изданіе, Харьковъ, 1859 г., 322 столбца. Отдѣленіе 2-е. Уѣзды Харьковскій и Валійскій. М. 1856 года, 334 столбца. Отдѣленіе 3-е. Уѣзды Ахтырскій, Богодуховскій, Сумскій и Лебединскій. М. 1865 года, 606 столбцовъ. Отдѣленіе 4-е. Чугуевскіе округи военнаго поселенія. Уѣзды Зміевскій и Волчанскій. Харьковъ, 1857 г., IV и 336 столбцовъ. Отдѣленіе 5.—Уѣзды Изюмскій, Купянскій и Старобѣльскій. Купянскіе и Старобѣльскіе округи военнаго поселенія. Харьковъ, 1858 г., IV и 462 столбца. Рецензін: а) Вѣстникъ Русскаго Географическаго Общества 1859 г., т. 27, № 10, отд. IV, стр. 31—43. б) Извѣстія 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ 1859 г., т. VIII, вып. 1, стр. 58—59.

Въ 1854 году, равно какъ и въ другихъ годахъ „Воскреснаго Чтенія“ встрѣчаемъ нѣсколько бесѣдъ и словъ преосвященнаго Филарета, которыя вошли въ позднѣйшее изданіе его „Словъ“. Смотр. Слово въ недѣлю 3-ю по пятидесятницѣ; Слова въ 16 день

августа, въ день Воздвиженія, въ недѣлю 24 и бесѣды на псаломъ 50 (Воскр. Чт. 1854 г. №№ 11, 19, 23, 32 и 47—50).

Въ 1856 году: 18) Житіе преподобнаго отца нашего игумена печерскаго Феодосія († 3 мая 1074), описанное преподобнымъ Несторомъ, въ переводѣ на современный русскій языкъ. (Ученыя Записки 2 отд. Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1856, кн. 2, вып. 2, стр. 129—192).

Рецензіи: Русскій Вѣстникъ 1856 г., т. III, № 12, июнь, кн. 2, Современная Лѣтопись, стр. стр. 261—263, статья Н. Попова. 19) Слово противъ вражды, пристрастной къ доносамъ, М. 1856. Второе изданіе, съ переводомъ малорусскимъ. Черниговъ, 1850 г. 8°, 12 стр. Въ 1857 году: 20) Обзоръ русской духовной литературы, съ 862 по 1720 г. (Ученыя Зап. 2 Отд. Имп. Акад. Наукъ, 1857 г. кн. 3, стр. 1—300). Отдѣльные выпуски—Спб. 1857 г. Второе изданіе. Харьковъ, 1859 г. 447 стр. Приложенія: 1) Алфавитный указатель писателей, составленный самимъ авторомъ; 2) Алфавитный указатель сочиненій, составленный Н. А. Добролюбовымъ и 3) Хронологическій указатель писателей и произведеній, составленный М. И. Сухомлиновымъ. Рецензіи: а) Духовный Вѣстн., 1862, № 7, ст. И. Сербинова. б) Извѣстія 2-го отд. Имп. Академіи. Наукъ, 1858 г., т. 6, выпускъ 1, стр. 92—96, ст. П. Саввантова; вып. III, стр. 223—247, ст. И. Чистовича; томъ 8, 1858 г., вып. III, стр. 161—185, стат. епископа Макарія о сочиненіяхъ митрополита Кіевского Кирилла II (перепечатана въ „Исторіи Русской Церкви“ архіеп. Макарія. Спб. 1866 года, т. V. Приложение № IV, стр. 383—408); 1859 г., томъ VIII, вып. III, стр. 226. в) Исторія Русск. Церкви, архіеп. Макарія, т. V, стр. 9, прим. 7; стр. 19, пр. 22; стр. 20, пр. 25; стр. 123—129, прим. 205; стр. 153, пр. 218;—стр. 181, пр. 248; стр. 385, пр. 2; стр. 386, пр. 5; стр. 396, пр. 24; стр. 405, 407, 419 и 421. г) Отеч. записки, 1857, т. 112, № 6, отд. 2, стр. 75—87, ст. А. Н. Пыпина. д) Русскій Вѣстникъ, 1857 г., т. X, № 15, стр. 322—392, ст. Ѳ. И. Буслаева „о народности въ древнерусской литературѣ и искусствѣ“, перепечатано въ „Историческихъ Очеркахъ“, Буслаева, т. 2, стр. 64; замѣчанія на эту статью—Русская Бесѣда, 1857. № 4 (книга 8) отд. III, стр. 79—108, ст. Ив. Крижанева, и С. Отечества 1857, № 45. е) Странникъ, 1862, № 9, отд. III, стр. 109. 21) Бесѣды о страданіяхъ Господа нашего І. Христа. 2 части, М., 1857 г. 222 и 220 стр. Второе изданіе, Спб. 1859. 2 части (съ портретомъ автора), 220 и 220 стр. Рецензіи: а) Духовная Бесѣда, 1858, № 37. б) Странникъ, 1860, № 3, отд. III, стр. 71, стат. М. Архангельскаго. 22) Гласъ Божій къ грѣшнику. Поученія. Чугуевъ. 1857 г. 165 стр. Изданіе 3-е, Черниговъ, 1860 г. II и 168 стр. Въ 1858 году. Разборъ сочненія г. Симпона: „Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи“ (въ брошюрѣ: 25 присужденіе Демидовскихъ наградъ, 17 июня 1857 г.). Спб. 1858, стр. 171—176). 24) Изслѣдованіе о смерти царевича Димитрія (Тенія въ Общ. Исторіи и Древностей 1858 г., книга 1-я). Отдѣльные оттиски—М. 1858 г. 32 стр. Въ 1859 году: 25) Библейскія книги 1507 года (извѣстія 2-го Отдѣленія Импер. Ак. Наукъ, т. 8, вып. 2, стр. 144—149). 26) Рязанскіе іерархи, двѣ статьи (Христіанское чтеніе 1859 года, т. 1, №№ 2 и 5, стр. 178—184 и 351—393). 27) Слова и Бесѣды. Спб. 1859. Три части. III и 374, III и 425, III и 444 стр. (съ портрет. автора). Второе изданіе, 4 части, Черниговъ. 1863 г. II, 196, 225, 179 и 175 стр. Рѣчь при первомъ посѣщеніи Новозыбковскихъ единоувѣрческихъ церквей (Христ. Чт. 1859 года, т. 2, стр. 494, переп. въ Черн. Епарх.

Изв. 1861 г. № 1-й). Пять словъ преосвященнаго архіепископа Филарета (Въ книгѣ: „Избранныя поученія 12-ти архипастырей русской церкви, съ ихъ портретами“. М. 1861 года, 444 стр.) Рецензія въ Дух. Вѣстн. 1862 г. № 3.

28) Историческое ученіе объ отцахъ церкви. Спб. 1859 г. Три тома, XXX, 240 и IV, VIII и 384, VIII и 450. Рецензія: а) Духовный Вѣстникъ, 1864 г., т. VIII, статья И. Сербинова. б) Извѣстія 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ 1860 г., 9, стр. 52—54. в) Отечественныя Записки, 1859 г. № 10, стр. 101—112, ст. П-скаго. г. С.-Петербургскія Вѣдомости 1859 г. № 242. д) Странникъ 1860 г., № 1-й, отд. III, стр. 7—13, ст. М. Архангельскаго. Въ 1860 году: 29) Исторія Русской Церкви. Спб. 1860 г. 144 и VI стр. (сокращеніе обширной исторіи его-же). Рецензія: Христіанское Чтеніе 1861 г. ч. 2, отд. III, стр. 97—109.

30) Геннадій, патріархъ Константинопольскій (XV вѣка). (Правосл. Обзоръ 1860 г. т. I, № 4, стр. 511—534). 31) Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣній греческой церкви, съ примѣчаніями и снимкомъ древнихъ нотныхъ знаменъ. Спб. 1860 г. IV и 358 стр. Второе изданіе дополн., Черниговъ 1864 г. VI, II пен. 464 и II пен. стр. Рецензія: а) Духовный Вѣстникъ, 1862, № 1, ст. Сербинова (О критикахъ г. Сербинова см. въ книгѣ А. Бухарева: „О современныхъ духовныхъ потребностяхъ жизни и мысли, особенно русской“. М. 1865 г., стр. 386—407. Возраженіе на эту статью г. Сербинова въ Черниговск. Епархіальныхъ Извѣст. 1865 г. № 8, Журналистика, стр. 244—246) б) Извѣстія 2 Отд. Имп. Академіи Наукъ 1861 г. т. X, стр. 56. в) Странникъ, 1862 г. № 12, отд. III, стр. 189, ст. П. Матвѣевскаго. 32) Черниговскіе іерархи. (Труды Кіевской Духовной Академіи, 1860 г. кн. 2, стр. 169—281). Это отрывокъ изъ „Общаго обзора епархіи Черниговской“, вышедшаго въ 1861 году.

33) Историческія свѣдѣнія о раскольникахъ Черниговской епархіи. (Труды Кіевск. Дух. Академіи 1860 г., кн. 3, стр. 205—235). Въ 1861 году: 34) Обзоръ русской духовной литературы, 1720—1858 г. (умершихъ писателей). Спб. 1861 года, 212 стр. Второе изданіе, дополненное, 1720—1858 г. Черниговъ 1863 г. 310 стр. Рецензія: а) Библиографич. Записки, 1861 года, т. 3, № 7, столбцы 203—205. б) Духовный Вѣстн., 1862 г. №№ 8, 9, 10, 11 и 12, ст. С. Пономарева. Объ нихъ Записки Имп. Акад. Наукъ, т. 4, кн. 1, Спб. 1863 года, стр. 87—91, статья академика Пекарскаго. в) Извѣстія 2-го Отд. Имп. Акад. Наукъ, т. X, вып. 1, стр. стр. 56—57 г. Книжный Вѣстникъ, 1861 года, № 9, стр. 6, № книги 957. д) Православное Обзоріе, 1862 г. № 3, ст. Ф. Алексѣева (Терновскаго). е) Странникъ 1862 г. № 9 отд. 3, стр. 109, ст. А. Филонова; 1863 г. № 5, отд. III, стр. 24. 35) Общій обзоръ епархіи Черниговской. (О языческихъ обитателяхъ края и началѣ христіанства; о іерархахъ; объ округѣ епархіи и состояніи паствы; о расколѣ) Черниговъ. 1861 г. 134 стр. 36) Каѳедральные Черниговскіе монастыри: Ильинскій (Троицкій), Елецкій и Борисоглѣбскій (съ приложеніемъ нѣсколькихъ неизданныхъ сочиненій Св. Димитрія и многихъ грамотъ и плановъ древняго Чернигова. Ч. 1861 г., 178 стр. 37) Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно. Опытъ описанія жизни ихъ. Мѣсяцы: январь, февраль, мартъ, апрѣль, май, іюнь, іюль, августъ и сентябрь. Ч. 1861—65 г. 150, 144, 154, 138, 194 150, 174, 152 и 208 стр. Отдѣленіе III, мѣсяцы: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь. Съ хронологическимъ указателемъ святыхъ. Второе изданіе. Черниговъ 1865 г. IV пен. 612, 12 и 14 стр. Рецензія: а) Духовный Вѣстн. 1862 г. № 5 и 9, ст. И. Сербинова. б) Отечеств. Записки, 1863 г. № 9. в) Странникъ 1863 года, № 7. Отд. III, стр. 1, ст. П. Матвѣевскаго. г) Исторія Русской

церкви, архіеп. Макарія, т. IV, стр. 141, пр. 251; стр. 194, прим. 258; стр. 255, прим. 357; стр. 318 и 319, прил. № VI; стр. 320, прил. № VII; стр. 337, прил. № XIV.

Преосвященный Филаретъ первый завелъ мѣстный епархіальный печатный органъ въ Черниговѣ, издающійся и до сихъ поръ: это „Епархіальныя Извѣстія“, начавшіяся изданіемъ съ іюля 1861 года.

Такому плодovitому ученому, каковъ былъ Филаретъ, невозможно было обойтись безъ своей типографіи, и вотъ онъ открываетъ таковую въ 1862 году при Ильинскомъ монастырѣ. Съ этого времени начинается самый богатый періодъ для мѣстнаго епархіальнаго органа, выходившаго почти при исключительномъ сотрудничествѣ преосвященнаго. Вотъ перечень статей Филарета этого времени и изданій, вышедшихъ изъ мѣстнаго тисненія:

33) Письма преосвященнаго Лазаря Барановича, архіепископа Черниговскаго и Новгородсѣверскаго, переводъ многихъ писемъ съ польскаго языка и примѣчанія въ объясненіе содержанія. (Черн. Епархіальныя извѣстія 1861 года и слѣд. до 1865 включительно). Изданы отдѣльно. Письма съ польскаго языка всѣ переведены, по порученію преосвященнаго, протоіереемъ Страдомскимъ; редактированы же самимъ преосвященнымъ. Подлинный переводъ писемъ у насъ подъ рукою. 39) Когда должно начинать воспитаніе чело-вѣка въ вѣрѣ? (Черн. Еп. изв. 1861 г. № 1, перепечатано въ Душеполезномъ Чтеніи 1861 г., № 5, въ Домашней бесѣдѣ 1861 г. № 20). Есть и отдѣльные оттиски (см. Книжн. Вѣст. 1861 г., №№ 14, 15, стр. 207, № книги 1282). 40) Что стоите весь день праздны? (тамъ же). 41) Описаніе новгородсѣверскаго спасопретворенскаго первокласснаго мужскаго монастыря (тамъ же, №№ 1, 2, 3 5). 42) Библиографія: а) св. Евангеліе на рускомъ языкѣ; б) книга премудрости Иисуса Сына Сирахова, в) Обзоръ четвероевангелія, Гречулевича; г) Обзоріе посланій св. апостола Павла къ Коринѣянамъ, М. Голубева (тамъ же № 1). Рѣчь при посѣщеніи Новозыбковскихъ церквей (Черн. Еп. изв. № 1) и слова на разные дни (Черн. Еп. изв., 1861 года, № 2, 7 и 1862 года, № 15, 17—18), равно и слова о пришествіи Мессіи (1861 года, №№ 9, 10, 11, 12 и 1862 г. № 1 и 2), вошедшія въ изданіе „Словъ“ 1863 года. 43) Явленіе Господа Савлу (тамъ же № 2). 44) Объ употребленіи дара слова (тамъ же). 45) Некрологъ: архимандритъ Венедиктъ Курковскій, настоятель Новгородсѣверскаго монастыря (тамъ же). 46) Новое вино въ ветхихъ мѣхахъ (тамъ же). 47) Вѣрность въ маломъ (тамъ же). 48) Св. иконы первыхъ шести вѣковъ (тамъ же). 49) Голосъ русскаго въ защиту Греческой церкви (тамъ же). 50) Событія на о. Критѣ въ 1860 году (тамъ же). 51) Библиографія: а) Исторія церкви, Чельцова; б) М. Богословскаго: Св. исторія; в) Начертаніе житія св. Филиппа, митр. московскаго; г) Сказаніе о св. князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго; д) Общежительная Саровская пустынь, Іеромонаха Авеля; е) Воспоминанія поклонника св. гроба, В. Каминскаго (тамъ же). 52) Авгарь, князь Эдесскій и нерукотворенный образъ Спасителя (тамъ же, № 4). 53) Правила для монашествующихъ (Черн. Епарх. извѣстія

1861 г., № 4). 54) Постановления о церковномъ причтѣ (тамъ же. Последнія перепечатаны почти во всѣхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, въ официальной части). 55) Содержание духовно-учебныхъ заведеній и духовенства (тамъ же, № 5, извлечение изъ статей „Странника“ 1861 года, №№ 5 и 6, съ примѣчаніями Филарета). 56) Библиографія: а) Обличительное Богословіе архимандрита Иннокентія; б) О западныхъ вѣроисповѣданіяхъ, свѣщ. Бенескриптова; в) Ученіе православно-католической вѣры въ бесѣдахъ; г) Премудрость и благодѣтельство Божіе въ судьбахъ міра и человѣка; д) Постепенное развитіе древнихъ философскихъ ученій, Ор. Новицкаго (тамъ же, № 6). 57) Нѣжинскій мужескій монастырь; при немъ неизданныя сочиненія Стефана Яворскаго (тамъ же, №№ 6, 7, 9, 10, 11). 58) Посланія св. Игнатія Богоносца (тамъ же, № 8). 59) Библиографія: а) Письма къ друзьямъ съ афонской горы, внока Мелетія; б) О необходимости священства, св. Ан. Предтеченскаго; в) Истинно древняя и истинно православная церковь Христова, митроп. Григорія (тамъ же, № 8). 60) Нѣсколько вопросовъ (тамъ же). 61) Библиографія: Торжество христіан. ученія надъ Талмудомъ, (тамъ же, № 10). 62) Два сына неодинаковыя, Ме. 21, 28—31 (тамъ же, № 11). 63) Умѣнье жить (тамъ же, № 12). 64) „И мы туда пойдемъ“ (тамъ же, № 12). 65) Библиографія: а) Нравственное Богословіе, востромскаго епископа Платона; б) Напоминаніе священнику объ обязанностяхъ при совершеніи таинства покаянія, его же; в) Литургика, св. Д. Смолодовича; г) Литургика, А. Черняева; д) Афонскій Патерикъ; е) Слова къ паствѣ Вологодской, преосв. Иннокентія; ж) Христіанскія начала, Тирша; з) Приготовленіе къ исповѣди, протоіерея Богословскаго; и) Избранныя слова и рѣчи прот. Раевского (тамъ же).

Въ 1862 году: 66) Ложные пророки (Черниг. Епарх. извѣст. № 1, стр. 7). 67) Самовольное учительство (№ 2, стр. 57). 68) Завѣщаніе св. Евфрема, переводъ съ сирскаго текста, съ примѣчаніями (№ 5, стр. 155; № 6, стр. 179). 69) Душе моя, душе моя! востани, что спиши? (№ 5, стр. 167). 70) Се женихъ грядетъ въ полночи... Блюди убо душе моя! (№ 6, стр. 167). 71) Сельскій пастырь (№ 8, стр. 251, по поводу повѣсти въ Современникѣ 1861 года: „Грязь и золото“). 72) Не бойся, я съ тобою (№ 9, стр. 283). 73) Братства (№ 10, стр. 315). 74) Толкъ слободскихъ раскольниковъ о книгахъ (№ 10, стр. 329). 75) Къ біографіи Черниговскаго епископа Антонія Стаховскаго (№ 8, стр. 278). 76) Діакониссы (№ 10, стр. 344). 77) Недовѣрій себѣ (№ 11, стр. 363). 78) Не унижай другого (№ 11, стр. 368). 79) Къ четвертому пункту езуитской инструкціи (№ 12, стр. 424). 80) Погребенія пновѣрцевъ священникомъ (№ 12, стр. 427, по поводу Чеховъ въ Диканькѣ). Къ жизни Стефана Яворскаго (№ 12, стр. 456). 82) Замѣтки о свѣщ. Писаніи (№ 1, стр. 14, четыре статьи 1, 3, 4 и 5; № 3, стр. 103; № 7, стр. 217; № 10, стр. 336; № 16, стр. 511; 22 замѣтки). 83) Замѣтки современности (№ 16, стр. 516). 84) О старинныхъ школахъ, богадѣльняхъ и братствахъ. (№ 17, стр. 546). 85) Ученіе ап. Павла объ антихристѣ (№ 19, стр. 608). 86) Христіанская свобода (№ 20, стр. 647). 87) Народная мудрость. Собраніе пословицъ о Божествѣ, о вѣрѣ, о спасеніи, о тяжбахъ (№ 20, стр. 656). 88) О посланіи ап. Павла къ Галатамъ (№ 21, 695; № 22, стр. 73; № 23, стр. 775. Вышло отд., книгой, подъ заглавіемъ: „Опытъ объясненія на посланіе ап. Павла къ Галатамъ“. Ч. 1862 г. 174 стр.). 89) Акты уни 1742—1747 г. (№ 1, стр. 26; № 4, стр. 134; № 8, стр. 265; № 9, стр. 294; № 10, стр. 352 и № 11, стр. 391). 90) Объясненіе молитвы Господней (№ 3, стр. 87; № 4, стр. 193; № 5, стр. 162; № 6, стр. 190; № 7, стр. 223). 91) Думницкій Богородичный монастырь

(№ 1, стр. 36; № 3, стр. 111). 92) Глуховскій монастырь (№ 4, стр. 149 и № 5, стр. 171). 93) Рыхловскій монастырь (№ 7, стр. 234; № 13, стр. 463 и № 15, стр. 495). 94) Козелецкій Георгіевскій монастырь (№ 16, стр. 519; № 17, стр. 556 и № 18, стр. 593). Вышло отдѣльно, подъ заглавіемъ: Козелецкій Георгіевскій третьеклассный муж. монастырь, ч. 1862 года, 36 стр. 95) Крупицкій монастырь св. Николая (близъ Батурина). (№ 21, стр. 703 и № 22, стр. 748). 96) Гамалѣевскій Харалампіевъ монастырь (№ 23, стр. 795 и № 24, стр. 834). Вышло отдѣльно того-же года. 97) Нѣжинъ и его уѣздъ (№ 19, стр. 625; № 20, стр. 674). 98) Полезныя и вредныя члены въ обществѣ, переводъ изъ твореній Св. Іоанна Златоустаго (№ 22, стр. 727). 99) Обученіе въ народныхъ школахъ (№ 23, стр. 783). 100) Къ вопросу о сектантахъ Тамбовской губерніи (№ 23, стр. 759 и № 24, стр. 817). 101) Библиографія: а) книга Іова въ русскомъ переводѣ, съ краткимъ объясненіемъ (№ 3); б) Историческое описаніе Тамбовской епархіи, сочин. свящ. Хитрова, в) Христіанскіе мученики, пострадавшіе на востокѣ, со времени завоеванія Константинополя турками; г) Объ измѣненіяхъ въ чинѣ литургій, указанныхъ въ „поморскихъ отвѣтахъ“ и въ „мечѣ духовномъ“, сочин. Игумена Варлаама; д) Письма о расколѣ, Мельникова (все въ № 10); е) Богослуженіе, праздничи и обряды нынѣшнихъ евреевъ, соч. А. Алексѣева (№ 12); ж) Слова ректора Спб. Дух. Акад. Теофана; з) Слова къ Тамбовской паствѣ, его же (№ 18); и) Отвѣты на возраженія противъ вѣры истинной (№ 18); і) Духовнонравственная хрестоматія, А. Невскаго; к) Дѣтскій міръ, Ушинскаго (№ 18). 102) Извѣстія современныя (тамъ же, стр. 452, 491, 562, 590, 646, 665 и 825). 103) Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и на проектъ общаго плана устройства народныхъ училищъ (Въ книгѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ, Спб. 1862 г. ч. 1, стр. 1—5). 104) Замѣчанія на проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ (Въ книгѣ подъ такимъ же заглавіемъ, Спб. 1862 года, ч. 1, стр. 21—22). Въ 1863 году: 105) Черниговъ. Ч. 1863 г. 80 стр. 106) Рѣчь къ дворянамъ, при приводѣ ихъ къ присягѣ, во время выборовъ (Черн. Еп. изв. 1863 г., № 12, стр. 385 и Странникъ 1863 года, № 6, отд. IV, стр. 84). 107) Дополненія къ „Обзору русской духовной литературы 862—1720“ (Черн. Еп. Извѣст. 1863 г. №№ 16, 17, 18, 20 и 21. Тамъ же, 1864 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 14, 17, 21, 23 и 24). 108) Описаніе монастырей Нѣжинскаго женскаго и Каменскаго (Черн. Епар. Извѣстія 1863 года, стр. 117 и 185); отдѣл. книга. Ч. 1863 г. 19 стр. 109) Описаніе г. Остра и его уѣзда (тамъ же, стр. 38, 55, 217, 265, 430, 472 и 495). 110) Описаніе Чернигова и его уѣзда (тамъ же, стр. 273, 305, 566, 657, 698 и 714; тамъ же, 1864 г. стр. 89, 152, 216, 246 и 271). 111) Пророкъ (тамъ же, 1863 г., стр. 1). 112) Браки между близкими родными (тамъ же, стр. 112). 113) О степеняхъ родства (тамъ же, стр. 737). 114) Замѣтки о современномъ (тамъ же, стр. 21, 49, 100, 375, 408, 457, 529, 625 и 705). 115) Библиографія: а) историческое обозрѣніе соборовъ, бывшихъ въ первые три вѣка христіанства, сочин. свящ. А. Поморжева. Орелъ. 1861 г. (Черн. Епарх. Извѣст. 1863 г., № 5, стр. 145). б) Дѣло патріарха Никона, соч. Н. Субботина. М. 1862 г. (тамъ же № 5, стр. 152) в) Записки по нравственному Богословію, соч. протоіерея П. Солирскаго. 2 тома. Спб. 1860—1862 г. (тамъ же, № 6, стр. 177). г) Изъ исторіи Преображенскаго владыки, М. 1862 года (тамъ же, стр. 182).

Къ 1863 году принадлежить: Слово о христіанскомъ обученіи, блаженнаго Августина, епископа Иппонійскаго (Черн. Еп. Извѣстія, 1863 г., № 24,

стр. 773). Въ 1864 году: 116) Православное Догматическое Богословіе, Ч. 1864 года, 2 ч. В. 1-й ч. 6 нел., IX, 375 и 2 кн., во 2-й 4 нел., XII, 527 и 1 стр. (съ портретомъ автора и безъ него). Второе изд., Черниговъ, 1866 г. двѣ части. Рецензія въ Православномъ Обзорѣніи 1865 г., № 1-й. 117) Историческое учение объ отцахъ церкви (въ сокращеніи). Ч. 1864 г. 307, VIII и 1 нел.) Рецензія: а) Книжный Вѣст. 1865 г. № 14, стр. 270. б) Правосл. Обзорѣніе 1866 г. № 6, 182 стр., ст. сваяч. Н. Б.—ва. 118) Свят. Іоанна Златоустаго: Воспитаніе дѣтей, пер. съ греч. (Черн. Еп. Изв., 1864 г., 1, 33 и 65 стр.). 119) Забѣтки о священномъ писаніи (тамъ же, стр. 161, 257, 305, 529, 593, 657 и 689 и 1865 г., стр. 1, 33). 120) Служебникъ преосв. Лазаря Барановича (тамъ же, стр. 332). 121) Закрытые монастыри въ Черниговской епархіи (тамъ же, стр. 338, 401, 445, 459 и 474 и 1865 года, стр. 99, 171, 347, 378 и 477). 122) Глуховской уѣздъ (тамъ же, стр. 577, 609, 663, 693 и 726 и 1865 стр. 81). 123) Св. Князь Михаилъ Черниговскій (тамъ же, стр. 433). 124) Макасовскій Спасскій монастырь (тамъ же, стр. 537 и 568). 125) Забѣтки о современномъ (тамъ же, стр. 13, 57, 126, 145, 492, 552, 554, 679, 716 и 750). Тамъ же, въ № 17, стр. 526—528—отзывъ объ „исторіи въ картинахъ“ Золотова. 126) Семинарское воспитаніе въ началѣ 19 столѣтія (тамъ же, стр. 170). Въ 1865 году: 127) Религія и нравственность (Черн. Еп. Извѣст. стр. 3 и 39). 128) Зыбковскій уѣздъ (тамъ же, стр. 7 и 1866 г. №№ 12, 13, 14, 15 и 16). 129) Черниговское епархіальное управленіе (тамъ же, стр. 45—50 и 51). 130) Забѣтки о современномъ (тамъ же, стр. 52, 86, 147, 445, 507, 631 и 668). 131) Кіевскій соборъ 1691 года (Постановленія церковныя; тамъ же, стр. 65). 132) Дополненіе къ описанію Сѣверскаго монастыря (тамъ же, стр. 135). 133) Мглинскій уѣздъ (тамъ же, стр. 218, 232, 264, 339, 408, 426, 469, 541, 563 и 592). 134) Ученіе евангелиста Іоанна о Словѣ (тамъ же, стр. 193). 135) Объясненіе на Евангелиста Іоанна (тамъ же, стр. 291, 323, 355, 337, 451, 489 и 515 и 1866 года стр. 1, 33, 133, 193, 225, 257, 289, 321 и 353). 136) Рѣчь при открытіи Губернскаго Земскаго Собранія (тамъ же, стр. 611). 137) Стародубскій уѣздъ (тамъ же, стр. 613, 657, 691, 745, и 1866 года стр. 25, 57, 114, 153, 161, 243, 279, 306 и 346). 138) Дополненія къ „Обзору русской духовной литературы 1720—1862 года“ (тамъ же, №№ 3, 6, 7, 8, 9, 13, 17 и 19, 1866 г. № 2, 6, 7 и 8). 139). Святые южныхъ славянъ. Отдѣленіе 1-е, мѣсяцы январь—іюнь. Ч. 1865 г. 4 нел., V, 39, 112 и 2 нел. стр. Отд. 2-е, мѣсяцы июль—декабрь. Ч. 1866 г., 290 стр. съ указателями. 140) Письма преосвященнаго Лазаря Барановича. Переводъ съ польск. прот. Страдомскаго, а примѣчанія и дополненія въ нихъ и исправленія противъ 1-го изданія архіепископа Филарета. Изд. 2-е, въ пользу Черниговской семинаріи. Ч. 1865 г., 253, 1 нел. и VII. Рецензія въ Книжн. Вѣстникѣ 1865 г. № 15, стр. 284. 141) Воззваніе къ Черниговской паствѣ (Черниговскія Епарх. Извѣст., 1865 г. часть неофф. № 20, стр. 265).

Въ 1866 году: 142) Забѣтка о современномъ. Кое что о духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ (Черн. Епарх. Извѣст. № 1, стр. 13; по поводу статьи проф. Пѣвницкаго въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи 1864 г.). 143) Состояніе раскола поповщины въ послѣдніе годы, (тамъ же, № 14, стр. 393). 144) Святые подвижники Восточной церкви (тамъ же, № 14). 145). Святые южныхъ славянъ (тамъ же № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10—16). 146). Завѣщаніе преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго, написанное собственноручно 1853 г. декабря 21 дня въ бытность епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ (тамъ же № 20, стр. 633). 146) Библиографія: сравнительный об-

зоръ четвероевангелія, составленный протоіереемъ, нынѣ епископомъ Гречулевичемъ (тамъ же, № 13, стр. 391).

На этомъ прерывается печатаніе произведеній преосвященнаго Филарета, архіепископа Черниговскаго. Но мы положительно знаемъ, что огромная масса трудовъ его осталась неизданною. У насъ подъ рукою имѣются нѣкоторые труды покойнаго, напр. „Подробное описаніе Спасопреображенскаго Черниговскаго каедральнаго собора“, „Епископы черниговскіе изъ малороссовъ“, „Дополненія къ обзору русской духовной литературы“, „О началѣ ста-дубскихъ старообрядческихъ церквей“. Нѣтъ сомнѣнія, что въ семинарской мѣстной библіотекѣ, въ которую поступила вся библіотека покойнаго архіепископа, находится много неизданныхъ трудовъ Филарета. Какъ бы то ни было, и изъ перечисленныхъ трудовъ архіепископа можно видѣть чрезвычайное разнообразіе трудовъ, обнаруживающихъ широкую и разностороннюю литературную дѣятельность Филарета Гумилевскаго, такъ что за исключеніемъ кіевскаго митрополита Евгенія († 1837 г.), въ цѣломъ длинномъ рядѣ русскихъ епископовъ найдется развѣ еще одинъ, отличающійся подобною плодovitостію. Да, Филаретъ Гумилевскій заслуживаетъ того, чтобы стать предметомъ изученія. Онъ родился въ тамбовской губерніи, учился въ тамошней семинаріи, окончилъ образованіе въ московской академіи, — служилъ въ ней и работалъ въ званіи профессора, инспектора и ректора, началъ епископствовать въ Ригѣ, затѣмъ семь лѣтъ жилъ и работалъ въ Харьковѣ и наконецъ въ Черниговѣ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ остались слѣды его существованія и дѣятельности, оставилъ онъ память по себѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и вещественные письменные памятники своей дѣятельности. Простая обязанность памятованія о существованіи крупныхъ дѣятелей должна внушить знающимъ о покойникѣ — подѣлиться съ читающими своими свѣдѣніями. Подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ (внѣшнихъ) жизни Филарета Гумилевскаго имѣютъ важный интересъ; а такихъ свѣдѣній обнародовано о немъ еще сравнительно весьма мало. Объ изученіи духа и характера произведеній преосвященнаго, опредѣленіи значенія его замѣчательной личности для церковной науки мы и не говоримъ. Съ этой стороны болѣе капитальныя произведенія архіепископа Филарета, думаемъ, со временемъ станутъ предметомъ серьезныхъ изслѣдованій.

Въ 1866 г. знаменитый и неутомимый труженикъ преосвященный Филаретъ Гумилевскій скончался.

21 сентября 1880 года.
г. Черниговъ.

С. О. Хорошунъ.

МЕЖДУ СТРОКАМИ ОДНОГО ФОРМУЛЯРНАГО СПИСКА.

1823—1881 гг.

I.

Я сынъ небогатаго и неважнаго помѣщика одной изъ среднихъ великороссійскихъ губерній. Родился я въ 1823 году и выросъ въ деревнѣ отца. Русская деревенская дѣйствительность не порачивалась ко мнѣ своею официальною, казвою стороною. Дворовые люди и крестьяне открыто говорили съ ребенкомъ, а потомъ съ подроставшимъ на ихъ глазахъ юношею о своихъ дѣлахъ, не стѣняясь нисколько даже въ осужденіи господъ. Отецъ былъ добрый, безпечный человѣкъ, любившій гостей и карты, почти не занимавшійся хозяйствомъ, которое шло кое-какъ, со старостами, прикащиками, постепенно поглощая средства и состояніе отца. Онъ проживалъ и продавалъ одно имѣніе за другимъ, проигрывая вырученныя деньги; ничего однако не жалѣя на мое воспитаніе. При всей добротѣ и безпечности своей, отецъ пользовался правами владѣльца крѣпостныхъ. Во время рекрутчины отдавали въ солдаты людей изъ семьи, члены которой попадались въ кражѣ яблокъ въ саду. Изрѣдко сѣкли кое-кого въ конюшнѣ. Не могу безъ ужаса и теперь вспомнить, какъ однажды, идя мимо конюшни, я услыхалъ жалобныя и просящія о пощадѣ крики человѣка, котораго сѣкли. Вся помѣщичья семья тѣмъ не менѣе жила въ самыхъ непосредственныхъ отношеніяхъ съ дворовыми и крестьянами. Случались пожары въ деревнѣ, послѣдствія которыхъ одинаково чувствовались и намъ, и погорѣвшими крестьянами. Ребенкомъ мнѣ случалось играть съ дворовыми и крестьянскими мальчиками въ городки и въ бабки, за что иногда доставалось отъ родителей.

Мнѣ часто случалось присутствовать при передѣлахъ крестьянами полей и луговъ. Мнѣ хорошо были извѣстны всѣ обычаи и порядки общиннаго владѣнія, но гражданскій и общественный смыслъ его ускользалъ тогда отъ моего пониманія. Въ первое время моей молодости, когда шла рѣчь объ этомъ предметѣ, я осуждалъ общинное владѣніе, видя въ немъ единственную помѣху для улучшенія способовъ хозяйства.

Когда пришло время серьезно приняться за ученіе, меня отдали въ одно изъ популярныхъ тогда между дворянами учебныхъ заведеній въ Москвѣ. Это было царство грубой силы, испорченности между учениками и пристрастія между начальствомъ. Прострадавъ тамъ года три, я упросилъ отца взять меня оттуда. Тогда отдали меня, для приготовленія въ университетъ, адъюнкту, преподававшему тамъ древніе языки. Это былъ добрый, оригинальный человѣкъ, до старости сохранившій отличительныя черты своего происхожденія изъ духовнаго званія. У него, кромѣ древнихъ языковъ, я мало научился. Скоро я что-то накуралесилъ; меня отдали къ другому приготовителю, С. Е. Раичу, переводчику Георгію и Неистоваго Орландо. Съ нимъ зачитывался я Виргилія и Овидія, приобрѣлъ большую склонность къ литературнымъ занятіямъ, сотрудничалъ въ какомъ-то маленькомъ имъ издаваемомъ журналѣ (кажется „Галатнея“). Это, конечно, мало способствовало моимъ приготовленіямъ, въ особенности въ математикѣ. Скоро прошли эти годы. Я выдержалъ уже вступительный экзаменъ въ университетъ изъ первой половины, съ отличіемъ въ древнихъ языкахъ, когда обнаружилось неожиданное препятствіе. По изданнымъ тогда покровительственнымъ распоряженіямъ въ пользу того учебнаго заведенія, которое я оставилъ, не кончивши въ немъ курса, — для меня было обязательно поступить въ университетъ не ранѣе моихъ сверстниковъ по классу. Чтобы не терять времени, я уговорилъ отца съѣздить со мною въ Кіевъ, чтобы въ тамошнемъ университетѣ мнѣ выдержать вступительный экзаменъ. Въ Кіевѣ тогда жилъ старый пріятель отца. Мы поѣхали на западъ. Украинская природа предстала намъ во всемъ своемъ обаяніи. Мы нашли въ Кіевѣ отцовскаго пріятеля, принявшаго меня съ распростертыми объятіями. Отецъ оставилъ меня жить у него и возвратился домой. Я выдержалъ экзаменъ и началъ слушать лекціи перваго курса юридическаго факультета, между прочими — Неволіна. Не могу

сказать, чтобы этот период моей жизни много способствовал моему научному развитію. Я только ближе знакомился съ дѣйствительностію и больше проникался любовью къ природѣ.

Прослушавши лекціи цѣлый семестръ, я началъ думать о томъ, какъ бы перейти въ Московскій университетъ, обойдя стѣсненное меня постановленіе. Получивъ позволеніе отца, я нанялъ парную подводу, принадлежащую возвращающемуся въ наши стороны крестьянину, Ивану Абакумовичу, и на ней, съ своимъ прислугой, пустился на долгихъ въ имѣніе отца. Тогда въ среднихъ губерніяхъ былъ неурожай; населеніе голодало, мы вездѣ встрѣчали просившихъ не денегъ, а хлѣба. Останавливаясь ночевать и кормить, мы проѣхали двѣ недѣли до имѣнія отца, гдѣ я простился съ добрымъ старикомъ, Абакумовичемъ, сдѣлавшимся нашимъ другомъ. Старикъ былъ умный, дѣльный и многое сообщилъ мнѣ въ долгихъ разговорахъ на пути, чего я до тѣхъ поръ не подозрѣвалъ. Послѣ житія въ отцовской деревнѣ, это былъ новый случай продолжать знакомство съ народнымъ міросозерцаніемъ со словъ крестьянина, забывшаго разстояніе между баринимъ и собою. Служитель мой, Евлампій Ѳедоровичъ, недюжинный, умный, грамотный и солидный человѣкъ, чуждый лакейскихъ наклонностей, уже давно сблизился со мною въ теченіи многихъ лѣтъ своего, почти братскаго, житія у меня, дѣля со мною нужду, горе и радости. У насъ въ деревнѣ былъ тоже неурожай. Къ счастью, у отца остался не проданнымъ прошлогодній хлѣбъ. По свойственной ему добродушію и безпечности, онъ не погнался за предлагаемыми высокими цѣнами, и много хлѣба отдалъ крестьянамъ. Не могу сказать, чтобы поступокъ этотъ вызвалъ со стороны ихъ особія выраженія признательности. Поступокъ отца казался имъ естественнымъ. „Кто бы работалъ на васъ, если бы всѣ мы съ голоду перемерли“, говорили они.

Въ августѣ 1841 г. мы переехали въ Москву, гдѣ мнѣ удалось поступить на первый курсъ юридическаго факультета, какъ студенту, перешедшему изъ Кіевского университета въ Московскій. Это было въ началѣ 1840-хъ годовъ, когда университеты, чуждые политическихъ вопросовъ, увлекались философскими, религіозными вопросами, въ особенности Гегелемъ.

Одинъ изъ тогдашнихъ профессоровъ внушилъ намъ восторженное поклоненіе Гегелю и глубокій интересъ къ философскимъ

теоріямъ. Въ то время между выдающимися людьми въ Москвѣ и Петербургѣ былъ въ полномъ разгарѣ антагонизмъ славянофиловъ и западниковъ. Представители ихъ, Хомяковъ, Аксаковы, Кошелевъ, въ послѣдствіи князь Владиміръ Черкасскій—съ одной стороны; Грановскій, Крюковъ, Герценъ—съ другой, не рѣдко встрѣчались при мнѣ въ обществѣ, въ семьяхъ моихъ товарищей, и вступали въ жаркія пренія, но глубокой смыслъ ихъ воззрѣній тогда не былъ еще мнѣ вполне доступенъ. Я, помнится, болѣе сочувствовалъ западникамъ, считая ихъ представителями высшихъ человѣческихъ началъ, а славянофиловъ какими-то курьезными представителями старыхъ, отжившихъ началъ.

При господствѣ такихъ вліяній въ образованномъ московскомъ обществѣ, я кончилъ университетскій курсъ.

II.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по окончаніи курса, именно въ 1845 году, поступилъ я на службу въ Москвѣ, по одному изъ административныхъ государственныхъ вѣдомствъ. Тутъ меня охватили тѣ мудренныя, сложныя канцелярскія формы и заботы, которыя одолѣваютъ поступающаго на службу, не въ качествѣ диллетанта, а человѣка, которому необходимо ея существовать. А нужда уже давала себя чувствовать. Средства отца все болѣе и болѣе истощались подъ вліяніемъ клубной и столичной жизни. Къ счастью, я попалъ на добраго и честнаго начальника; все остальное служебное товарищество мое пропитано было обычными ему свойствами, не исключая изъ нихъ даже взяточничества. Доброе семейное воспитаніе и твердо укоренившіеся во мнѣ университетскіе идеалы вызвали во мнѣ протестъ противъ этой среды. Я упорно боролся съ притѣсненіями чиновническаго начальства, поддерживаемый добрымъ начальникомъ, приблизившимъ меня къ себѣ и къ своей семьѣ. Начавъ съ писца, я прошелъ степени помощника столоначальника и столоначальника. Бумаги, которыя я писалъ, дѣла, которыя производилъ, касались самыхъ ближайшихъ интересовъ крестьянъ, но этихъ жизненныхъ интересовъ я не замѣчалъ изъ-за поглощавшихъ меня формальностей. Если бы я ихъ замѣтилъ, то возненавидѣлъ бы формальности и бумаги и сдѣлался бы ни-

куда не годнымъ, по тогдашнему, чиновникомъ. Однако этого не случилось. Случилось нѣчто другое. Сравнивая свой трудъ съ трудами сослуживцевъ и жаждою ихъ къ наживѣ, я непомѣрно возвысился въ своемъ собственномъ мнѣніи. Стыдно вспомнить, какъ, съ комичною гордостью, я отвергалъ скромныя приношенія просителей, говоря имъ, что взятокъ я не беру. Но въ то же время я заботился только о соблюденіи формъ, а не о защитѣ пригнетенныхъ, ко мнѣ прибѣгавшихъ. Правда, занятія мои ограничивались только дѣлопроизводствомъ; никакихъ порученій въ селеніяхъ мнѣ не давалось; жизнь, которую я обрабатывалъ перомъ, оставалась для меня мертвою буквою, значенія которой я даже не подозрѣвалъ.

Смерть начальника заставила меня позаботиться о перемѣнѣ службы. Съ помощью знакомыхъ, я былъ опредѣленъ къ главному начальнику губерніи. Сначала мнѣ пришлось заняться опять тѣми же докладами и бумагами, къ которымъ я въ то время не испытывалъ еще никакого отвращенія. Напротивъ, мнѣ казалось, что онѣ необходимы, что законы, установившіе всѣ эти сложныя формы, учредили этимъ дѣйствительныя гарантіи отъ злоупотребленій. Начальникъ мой былъ застарѣлый бюрократъ, властолюбивое и вліятельное лицо, но доброе и обходительное съ своими подчиненными. Онъ впрочемъ имѣлъ нѣкоторые полезныя, по тогдашнему времени, качества. Въ самый разгаръ безправія, взяточничества и безсудія, подъ вліяніемъ господствовавшаго тогда въ правительственныхъ сферахъ желанія противодействовать обаянію на общество европейскихъ событій 1848 года, онъ, въ силу своихъ уполномочій, творилъ судъ и расправу и по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ, принуждая недобросовѣстныхъ удовлетворить обобранныхъ ими лицъ. Равнодушный ко взяточничеству, онъ мягко и снисходительно относился къ многочисленнымъ въ Москвѣ старообрядцамъ, подвергаясь за это нареканіямъ во взяточничествѣ. Подвергался имъ и я, къ великому моему изумленію и отчаянію, когда доходили до меня слухи о нареканіяхъ, падавшихъ на меня за снисходительность къ старообрядцамъ, въ которыхъ я не находилъ ничего преступнаго.

Среда и общество, въ которомъ я вращался, были испорчены до мозга костей. Онѣ увлекали меня въ привычки и образъ жизни, не соотвѣтствующіе моимъ средствамъ. Я увлекался, долженъ, и въ угоду одной личности, имѣвшей на меня самое вредное вліяніе,

сдѣлать значительный долгъ, для удовлетворенія ея нуждъ, которыя постоянно осаждали ее, несмотря на большія ея имущественныя средства.

Чтобы нагляднѣе представить характеръ окружающей меня среды, расскажу только одно обстоятельство. Когда я собирался совсѣмъ оставить Москву, мысль о моемъ долгѣ сильно тревожила меня. Прощаясь съ лицомъ, склонившимъ меня къ займу, я невольно сказалъ объ этомъ два слова.

— Неужели вамъ нечѣмъ заплатить эту сумму, спросили меня недовѣрчиво.

— Не только нечѣмъ, но у меня недостаточно денегъ, чтобы оставить, сколько нужно, на расходы семейству.

Мнѣ отвѣчали ѣдкими насмѣшками и упреками.

— Вы вполне заслуживаете это вашею непрактичностію, которой я въ васъ до такой степени не предполагать. Какъ, у васъ въ рукахъ были золотые источники и вы не пользовались ими, чтобы составить себѣ состояніе? Если вы не умѣли этого сдѣлать, то кто же виноватъ кромѣ васъ?

Слѣшу прибавить, забывая впередъ, что, позже, родственники уплатили весь долгъ.

Чтобы кончить съ этимъ періодомъ моей жизни, скажу, что если въ результатѣ я не сдѣлался дурнымъ человѣкомъ, то долженъ за это благодарить опять-таки добрую и честную семью, въ которой воспитывался, и университетскіе идеалы.

Не смотря на всю горечь этихъ воспоминаній и на послѣдствія, испытанныя мною въ жизни, возвращаюсь къ разсказу о моихъ отношеніяхъ къ старообрядцамъ. Случайнымъ встрѣчамъ и сношеніямъ съ нѣкоторыми изъ нихъ я обязанъ первыми запавшими въ мой умъ зачатками сознанія русской мысли, жизни и вообще дѣйствительности, сознанія, которое въ послѣдствіи разрослось до яснаго пониманія ихъ.

Въ то время въ Москвѣ крѣпили слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Начальникъ мой не сочувствовалъ этой „затеѣ“, какъ онъ выражался. Противъ нее кто-то даже писалъ ему записку отъ него, которую онъ посылалъ въ Петербургъ. Большинство московскаго общества раздѣляло его воззрѣнія и опасенія. Только небольшое интеллигентное меньшинство увлекалось мыслию, но увлеченіе это выражалось въ чемъ-то смутномъ, общемъ, не

опредѣленномъ. Изъ него рѣзко выдѣлялись такъ называемые славянофилы, у которыхъ въ этомъ отношеніи сложились ясныя, практическія и твердыя представленія и требованія.

Незамѣтно промчались восемь лѣтъ моей жизни среди разнообразныхъ сферъ московскаго общества. Во мнѣ началась совершаться перемѣна. Пошлость и позоръ окружающаго становились мнѣ все яснѣе и противнѣе. Я сблизился съ нѣкоторыми независимыми, достойными людьми, которые поощряли во мнѣ возникающее желаніе убѣжать отъ окружающей меня среды, искать спасенія въ постоянномъ и строгомъ трудѣ. Старанія этихъ добрыхъ друзей обратили на меня вниманіе одного значительнаго лица, которое, въ видѣ испытанія, поручило мнѣ подробную ревизію двухъ административныхъ вѣдомствъ губерніи.

На мою долю выпало самое непосредственное прикосновеніе къ дѣйствительности, которая до того времени была мнѣ знакома только по названіямъ, бумагамъ и законамъ. Пришлось обратиться къ упорному, пристальному изученію всего на практикѣ. На это изученіе я положилъ многіе дни и ночи, проведенные въ первыхъ инстанціяхъ и мѣстностяхъ, подлежащихъ моей ревизіи. Приходилось не только безъ посторонней помощи, но, при усердныхъ стараніяхъ писарей отвести мнѣ глаза, приходилось самому учиться каждой подробности, узнавать, какъ и почему, при помощи законовъ, книгъ и показаній крестьянъ. Послѣ такихъ стараній въ двухъ или трехъ мѣстностяхъ, я настолько овладѣлъ дѣломъ, что былъ въ состояніи раскрывать истину по предметамъ, ближе всего касающимся крестьянъ, напр. платежи податей, взносъ и храненіе хлѣбныхъ сборовъ, отправленіе крестьянами повинностей, крестьянскій судъ. По мѣрѣ того, какъ я допытывался до истины, несогласіе жизни съ официальной бумагою становилось для меня все яснѣе и поразительнѣе. Результатъ всей ревизіи я выразилъ въ цѣломъ рядѣ сопоставленій фактовъ, указывающихъ какъ самыя разнообразныя функціи управленія выражались на практикѣ и какъ они же представлялись въ бумагахъ. Когда я собралъ все это и сличилъ представляемые мною въ доказательство документы, то самъ былъ пораженъ противорѣчіями, доходившими иногда до смѣшнаго. Противорѣчія эти поразили также и лицо, которому была представлена моя ревизія. Послед-

ствія выразились въ безчисленныхъ изслѣдованіяхъ, въ удаленіи лицъ, завѣдывавшихъ мѣстными дѣлами.

Въ Петербургѣ, куда я пріѣхалъ съ моею ревизіею, приготовленія къ освобожденію крестьянъ были въ полномъ разгарѣ. Нужно ли говорить, что я съ увлеченіемъ слѣдилъ за ними. Не могу сказать, что причины этого увлеченія объяснялись злоупотребленіями крѣпостнаго права, которыя мнѣ приходилось видѣть такъ близко. Выше этихъ воспоминаній стояла какая-то теоретическая, распространенная тогда въ либеральномъ обществѣ, любовь къ меньшей братѣ, отвращеніе отъ рабства и страстное желаніе освобожденія крестьянъ. Настроеніе это было такъ сильно тогда, что не многіе осмѣливающіеся высказывать робкія мысли, вышесказанная практикою крѣпостнаго права, и думать о сохраненіи нѣкоторыхъ атрибутовъ его, (подобно тому, какъ кн. Черкасскій въ статьѣ о дѣтскихъ розгахъ) подвергались публичному осмѣянію. Подъемъ духа былъ великъ тогда. Имъ объясняются впослѣдствіи образъ дѣйствій меньшинства членовъ редакціонной комисіи и образъ дѣйствій мировыхъ посредниковъ перваго избранія.

Посреди общаго увлеченія, въ февралѣ мѣсяцѣ, торжественно и шумно отпраздновалась въ Петербургѣ годовщина основанія Московскаго университета. Я присутствовалъ на ней, поддався общему увлеченію, упоенію надеждами и ожиданіями, охватившими большинство петербургскаго общества. Произнесены были восторженные рѣчи, привѣтствующія восходящее солнце милости и правды. На обѣдѣ приглашенъ былъ чтимый столѣтними поколѣніями студентовъ и профессоровъ Московскаго университета графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ. Въ отвѣтъ на провозглашенный въ честь его тостъ, онъ поднялся и сказалъ нѣсколько словъ, чуждыхъ овладѣвшимъ тогда всѣми увлеченіямъ политическаго свойства; слова эти относились только непосредственно до университета. Онъ выражалъ желаніе, чтобы въ немъ процвѣтала историческая школа. Это трезвая, разумная рѣчь, сказанная просто, безъ увлеченія, обращенная къ людямъ, находившимся въ разгарѣ политическихъ увлеченій, чуждымъ тогда интересамъ науки, не пріятно подѣйствовала на всѣхъ, въ томъ числѣ и на меня. Только не давно, когда политическій недугъ достигъ у насъ своего апогея, понялъ я весь смыслъ и высокій разумъ сказанныхъ графомъ Строгановымъ словъ.

III.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1858 года я уѣхалъ изъ Петербурга въ губ. городъ П., по случаю назначенія меня начальникомъ казеннаго управленія въ этой губерніи, гдѣ числилось нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ моего вѣдомства. При первомъ приступѣ я увидѣлъ, за какое трудное дѣло взялся. Все управленіе въ губерніи держалось уже много лѣтъ старымъ человекомъ, проводимъ въ него своихъ угодниковъ и даже побочныхъ дѣтей, обиравшихъ всякаго, въ томъ числѣ и его самага. Всѣ начальствующія лица, начиная съ писаря, (въ немъ-то была вся суть,) представляли крѣпко устроенную организацію, съ цѣлю обирающаго казны и крестьянъ. Крестьянамъ было неизвѣстно, сколько и куда они должны платить. Во время недавняго голода, на нихъ было записано много денежныхъ и хлѣбныхъ недоимокъ, отъ напоминанія о которыхъ они приходили въ ужасъ, увѣрая, что долги эти числились только по книгамъ и что большинство крестьянъ ни чѣмъ изъ этого не воспользовалось. Недоимки взыскивались, снова возникали и не убавлялись, такъ что крестьяне перестали и платить ихъ. А цифры были громадныя. Всѣ капиталы ссудныхъ кассъ оказались росписанными на имя умершихъ, или не существующихъ крестьянъ, за поручительствомъ другихъ, которые ничего объ этомъ не знали. Въ дѣйствительности, суммы эти были пущены въ оборотъ начальствующими лицами. Оброчныя статьи и подряды отдавались по фиктивнымъ торгамъ и оставались въ пользованіи должностныхъ лицъ, или ихъ клевретовъ. Хлѣбныя запасы, числившіеся по книгамъ, не всѣ были на лицо, а значительная часть наличнаго оказалась затхлою, или никуда негодною. — Лѣса расхищались, училища безъ учениковъ или съ никуда негодными учителями, заставляющими учениковъ работать у себя въ полѣ, огородѣ. Старообрядчество размножалось. Чтобы характеризовать отношенія къ нему духовенства, приведу слѣдующій случай.

Однажды, во время моихъ обычныхъ разговоровъ со сходомъ, мнѣ пришли сказать, что одинъ священникъ желаетъ меня видѣть. Я поспѣшилъ оставить на время сходъ и принять священника въ правленіи. Это былъ еще молодой человекъ приличной наруж-

пости. На вопросъ, чѣмъ могу быть ему угоднымъ, онъ объяснилъ, что назначенъ миссіонеромъ противъ раскольниковъ, предъявилъ свои документы и жаловался на встрѣченные препятствія къ наряду для него подводы. Разговорившись съ нимъ о расколѣ и замѣтивъ, что свѣдѣнія его по этой части довольно бѣдны, въ особенности относительно мѣстности, въ которой мы находились, я не могъ удержаться отъ краткаго замѣчанія, что требованіе подводы не совсѣмъ удобный приступъ къ обращенію въ православіе, однако приказалъ немедленно исполнить требованіе священника.

Предстояло формальнымъ образомъ констатировать всѣ открытыя мною злоупотребленія и предать виновныхъ слѣдствію и суду (тогда еще старому.) вмѣстѣ съ этимъ необходимо было устранить наиболѣе виновныхъ и вредныхъ должностныхъ лицъ, окружныхъ начальниковъ, волостныхъ головъ, сельскихъ старостъ, сборщиковъ податей, въ особенности писарей. Число подлежащихъ устраненію было велико; три четверти мѣстъ могли остаться вакантными. Къ счастью, ревизія производилась не одновременно по всей губерніи, а по мѣрѣ того, какъ я могъ подвигаться, выяснять дѣла и знакомиться съ мѣстными обстоятельствами. Для замѣны выборныхъ приходилось назначать кандидатовъ, или назначать новые выборы, а лицъ, опредѣляемыхъ отъ правительства, предстояло отыскивать, или замѣщать частію уже намѣченными, о надежности которыхъ я удостовѣривался частными, а не офиціальными разспросами, а частію узналъ, производя первую мою ревизію въ другой губерніи. Я хорошо сознавалъ, что замѣна новыми лицами мало обезпечиваетъ лучшее, болѣе добросовѣстное направленіе дѣлъ. Но прежде всего нельзя было, и по закону и по справедливости, оставлять злоупотребленія безнаказанными, а совершившаго ихъ оставлять на своемъ мѣстѣ. Наконецъ я надѣялся, что силою настойчивости и непрерывнаго надзора, мнѣ все-таки удастся, съ помощію хотя бы не многихъ, надежныхъ чиновниковъ, вселить въ остальныхъ нѣкоторое уваженіе къ долгу и закону, а въ другихъ страхъ скорого и беспощаднаго взысканія. Для этого я дѣлалъ все, что только отъ меня зависѣло, не щадя себя, перенося доходившіе до меня насмѣшки и злословія провинціального общества, которое не прощало мнѣ моего отчужденія. Я предпринималъ рядъ постоянныхъ провѣрокъ на мѣстахъ

черезъ личный осмотръ и опросъ на сходахъ и переспросъ каждаго вѣрческаго о всѣхъ подробностяхъ управленія. Крестьянъ я старался приучить знать и помнить свои оклады и уплаченное, самъ провѣрялъ все это при нихъ по книгамъ. Писарей держалъ я въ напряженномъ страхѣ, дозволяя начальникамъ, на которыхъ могъ полагаться, подвергать ихъ даже тѣлесному наказанію. Считаю недостойнымъ скрыть это обстоятельство теперь, когда прошло болѣе двадцати лѣтъ послѣ отѣны тѣлесныхъ наказаній. Я боролся со зломъ какъ и чѣмъ могъ и умѣлъ, полагая на это свою душу. Много труда положилъ я на училища, въ особенности на присканіе учителей, которые могли бы, улучшенными способами обученія, сократить курсъ, доводя мальчиковъ до умѣнья читать и писать между ноябремъ и апрѣлемъ, время, когда мальчики не нужны въ помощь для полевыхъ работъ. Въ этомъ я нашелъ сердечное содѣйствіе и помощь со стороны княжны М. М. Д. К., высоконравственной, религіозной и уважаемой личности, предпринимавшей поѣздки для присканія хорошихъ и надежныхъ учительницъ, большинство которыхъ оправдало наши ожиданія.

Добился ли я до какихъ нибудь прочныхъ результатовъ въ теченіи болѣе чѣмъ четырехъ лѣтъ?

Думаю, что нѣтъ. Все это было временное, скоропреходящее, подлежащее исчезновенію вслѣдъ за мною. Сознавая это, частію даже во время моей дѣятельности, я надѣялся по крайней мѣрѣ, что настолько испорчу свое мѣсто, что моему преемнику нельзя будетъ приняться за то, что я нашелъ, приѣхавши въ губернію. Я не понималъ тогда, что сражаюсь съ порожденіями режима, издавна введеннаго, имѣющаго дѣйствовать и послѣ меня съ одинаковою силою. Я не сознавалъ тогда, что въ осуществленіи своихъ стремленій я былъ стѣсненъ и связанъ тѣмъ же режимомъ, противъ плодовъ котораго я сражался, какъ Донъ-Кихотъ противъ мельницъ. Еще смѣшнѣе должны представляться мои дѣйствія, если принять въ соображеніе, что онѣ вызывались однѣми только моими личными убѣжденіями и потребностями. Я хлопоталъ напр. объ училищахъ, не замѣчая, что большаго спроса на нихъ у самихъ крестьянъ тогда еще не было. Я хлопоталъ о введеніи между крестьянами трезвости. Они поддакивали мнѣ, по своему обыкновенію, но когда я предлагалъ постановить объ этомъ приговоры, они отвѣчали, что дадутъ, если будетъ приказаніе или

предписаніе начальства. Я хлопоталъ о защитѣ ихъ отъ злоупотребленій, не имѣя возможности обезпечить ихъ отъ преслѣдованій лицъ, на кого они, по моему приглашенію, могли мнѣ приносить жалобы. Огкрытія злоупотребленій обусловливались только случаемъ, тайною жалобою или доносомъ, или моимъ собственнымъ усиленнымъ докапываніемъ. Такимъ образомъ свойство моихъ усилій похоже было на улучшенія, придумываемыя нашими реформаторами-благодѣтелями, не вызванныя назрѣвшими потребностями среди благодѣтельствуемыхъ массъ, а потому принимаемыя не охотно, какъ затѣи, возмущающія теченіе обычной, прочно сложившейся жизни, затѣи, отъ которыхъ имъ никакого толку нѣтъ.

Въ разгарѣ моихъ трудовъ и увлеченій пришелъ манифестъ 19-го февраля 1861 года. Хотя онъ не распространялся на подчиненныхъ мнѣ государственныхъ крестьянъ, я принялъ его съ восторгомъ, но опять-таки подъ этимъ восторгомъ была теоретическая, сладенькая любовь къ крестьянству, которая во многихъ тогдашнихъ либералахъ не выдерживала прикосновенія къ дѣйствительности, къ мужику, а еще менѣе нарушенія личнаго интереса. Дѣйствительно, хороши и полезны были тогда тѣ немногіе мировые посредники, которые проникнулись духомъ манифеста и положили на примѣненіе его свою душу. Нѣкоторые изъ нихъ были не такъ развиты и либеральны, какъ нынѣшніе интеллигентные дѣятели. Приглядываясь къ нимъ, я удивлялся, откуда у нихъ берется столько самопожертвованія? Тяжело вспомнить о томъ, во что выродилось въ послѣдствіи то же самое учрежденіе посредниковъ, когда вдохновлявшій его духъ замѣнился воздѣйствіемъ господствовавшаго чиновничьяго режима. Теперь понимаю, что мировые посредники перваго призыва дѣйствовали, увлекаемые подъемомъ духа, совершившимся въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ. Узки были тогда эти сферы. Большинство дворянъ, чиновниковъ и публики проникнуто было тогда другими, противоположными стремленіями. Это объясняетъ, почему важнѣйшія основанія положеній 19 февраля 1861 г. проведены были слабымъ меньшинствомъ. Но меньшинство это, вмѣстѣ съ мировыми посредниками, вынесло реформу на своихъ плечахъ.

При всемъ моемъ сочувствіи реформѣ, я могъ быть практически полезнымъ, въ качествѣ члена губерн. по крестьянск. дѣламъ присут-

ствія, только своимъ голосомъ, подаваемымъ въ духѣ Положеній. Мнѣ однако поручено было, вмѣстѣ съ другимъ членомъ, Мор—мъ, составить обязательную форму уставныхъ грамотъ для губерніи. Думаю, что въ этой работѣ я былъ плохимъ помощникомъ М—ву. Тогда онъ былъ уже вполне политически развитымъ человекомъ. Живя въ Петербургѣ во время разгара работъ редакціонной комисіи, близкій Н. А. Милютину, посвященный во всѣ тайнства происходившей тогда политической борьбы, М—въ уже впередъ зналъ, на какія гарантіи нужно болѣе всего налегать въ уставной грамотѣ. Форма ея была составлена въ желаемомъ направленіи, за что онъ и я (не по заслугамъ) долго прозывались красными. Тогда прозвище это служило удобнымъ и опаснымъ оружіемъ противъ всякаго, кто, почему бы то ни было и кому бы то ни было, оказывался неприятнымъ и неудобнымъ. А я всегда былъ многимъ неприятенъ, потому что выражался открыто и рѣзко, находя какое-то особое удовольствіе задѣвать самолюбіе тѣхъ, кого я не уважалъ, а уважать доводилось не многихъ.

IV.

Въ концѣ пребыванія моего въ П. губерніи я женился. Желаніе привести въ порядокъ имѣніе жены и получить болѣе широкую дѣятельность побудило меня причислиться къ другому министерству. Съ наступленіемъ лѣта, я уѣхалъ въ имѣніе ея и моей тещи, чтобы ввести тамъ уставныя грамоты. Это повело къ продолженію моего знакомства съ русскою дѣйствительностію, начавшагося воспитаніемъ и жизнію въ деревнѣ до юности.

На этотъ разъ мнѣ пришлось видѣть народъ и жизнь при нѣскольکو измѣнившихся обстоятельствахъ. Крѣпостное право отжило, интересы крестьянъ и помѣщиковъ приближались къ неминусимой ликвидаціи. Я дѣйствовалъ въ качествѣ частнаго человека, который, ни по положенію своему, ни по состоянію, не могъ казаться вліятельнымъ. Не смотря на обнаруживаемое мною желаніе щадить крестьянскіе интересы, на простоту обращенія при толкахъ объ уставныхъ грамотахъ, крестьяне рѣдко забывали разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ барина. Разстояніе это они давали чувствовать скрытностію и затаенностію, въ которую народъ

закутывается всегда какъ въ скорлупу, изъ которой его можно выгнать только для бѣгства, или для ожесточеннаго сопротивленія. Скорлупа эта была уже мнѣ хорошо знакома по бесѣдамъ съ крестьянами на сходахъ, гдѣ мнѣ иногда удавалось хитростями вывѣдывать правду, произносимую немногими робкими голосами изъ заднихъ рядовъ, къ негодованію передовыхъ, казовыхъ и начальства, которое жестоко вымѣщало въ послѣдствіи на неосторожныхъ болтунахъ ихъ увлеченіе.

Я возвратился въ Петербургъ въ надеждѣ получить новую, болѣе широкую, обѣщанную мнѣ дѣятельность. Но обѣщавшее лицо отговаривалось различными невозможностями, устраненіе которыхъ отъ него будто бы не зависело. Въ утонченной обходительности и обѣщаніяхъ недостатка не было, но порученій мнѣ не давалось. Поручили однажды мнѣ работу, чисто редакціоннаго свойства, по довольно интересному вопросу, за которую я принялся усердно и скоро представилъ. Вслѣдъ затѣмъ, спѣша пополнить небольшой оставленный мною пробѣлъ въ аргументахъ, казавшійся мнѣ существеннымъ, я просилъ нѣсколькихъ минутъ вниманія, для того чтобы словесно изложить опущенные мною доводы. Выслушавъ меня съ обычною любезностію, начальство разсыпалось въ благодарностяхъ и похвалахъ, но, при этомъ, довольно наивно высказало, что тутъ дѣло не въ большей или меньшей основательности доводовъ. „Когда дѣло будетъ разсматриваться и рѣшаться въ высшемъ учрежденіи, говорило начальственное лицо, все будетъ зависѣть отъ числа членовъ, которые расположены держать мою сторону. Если они составятъ въ мою пользу большинство, — больше ничего не нужно. Если большинство отъ меня отклонится, никакіе доводы не помогутъ“.

Таковъ былъ первый урокъ, преподаанный мнѣ изъ высшихъ петербургскихъ сферъ. За нимъ послѣдовало много другихъ. На обѣщанныя мнѣ мѣста назначались лицо за лицомъ, изъ которыхъ нѣкоторые мнѣ были хорошо извѣстны и далеко не обладали задатками и свойствами, необходимыми для полезной дѣятельности, за которую брались. Постепенно пришлось мнѣ испытать всю горечь, достигающуюся человѣку, который добивается назначенія въ Петербургъ безъ особой, сильной поддержки. Эта горечь вмѣстѣ съ бездѣйствіемъ въ самые цвѣтушіе годы (мнѣ было тогда едва 40 лѣтъ) значительно потрясли мой организмъ. Я учащалъ на-

поминаніа словесно и письменно; на нихъ мнѣ какъ-то вскользъ дали почувствовать, что хорошо было бы мнѣ взять какое нибудь дѣло на западѣ Россіи. Вскорѣ послѣ такого неопредѣленнаго указанія, мнѣ случайно предложили ѣхать въ Варшаву, для организаціи одного административнаго учрежденія. Это было въ самый разгаръ польскаго мятежа; предложенія были самыя убѣдительныя и обстоятельныя. И вотъ я въ Варшавѣ. Незадолго предъ моимъ пріѣздомъ было покушеніе на генерала Трепова, который показывалъ мнѣ лежащій у него на каминѣ заостренный по концамъ молоточекъ каменища, съ которымъ на него напалъ кинжалыцкъ, самимъ Треповымъ задержанный. Ежедневно происходили политическія убійства, издавались печатныя прокламаціи жонда. Скоро насъ помѣстили въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ поселились нѣсколько русскихъ молодыхъ людей, приглашенныхъ для работъ подъ моимъ руководствомъ. Работы эти состояли главнѣйшимъ образомъ въ извлеченіи изъ одной правительственной комиссіи необходимыхъ дѣлъ и бумагъ, для передачи ихъ во вновь образуемое учрежденіе, въ организаціи этого учрежденія и въ сообщеніи перваго движенія его дѣламъ. Независимо отъ этого, приходилось составлять инструкціи по весьма важнымъ административнымъ дѣламъ. Предметы ихъ были по большей части мало знакомы мнѣ и моимъ сотрудникамъ. Приходилось знакомиться по источникамъ, законамъ и письменнымъ распоряженіямъ, доставленіе которыхъ затруднялось съ худо скрываемымъ намѣреніемъ; документы присылались неполные, иногда съ намѣренными ошибками, которыя открывались только случайно. Кругомъ насъ кипѣли какія-то непонятныя намъ интриги и происки. Лицо, уговорившее меня пріѣхать въ Варшаву, служило посредникомъ между мною и главнѣйшимъ начальникомъ, но мнѣнній и желаній послѣдняго я никогда отъ него не слышалъ. Посредникъ почему-то нашелъ для себя полезнымъ возстановить другъ противъ друга начальника новаго учрежденія и меня. Возникали разныя недоразумѣнія и неудовольствія. Кто и кому передавалъ труды, за которыми мы проводили иногда цѣлыя ночи?—намъ было неизвѣстно. Мы даже не знали, за чьи выдавались эти труды. Между мною и моими сотрудниками сохранялась самая дружеская связь. Всѣ ежедневно собирались у насъ къ обѣду. Отношенія были самыя пріятныя, но всѣ мы чувствовали, что кругомъ насъ творится

что-то, намъ враждебное, что-то копошится и проискивается. Такое положеніе сдѣлалось для меня невыносимо. Я рѣшился просить (гр. Берга), чтобы меня отпустили въ Петербургъ. Просьбу мою приняли благосклонно, выразили сожалѣніе, что лишаются моихъ услугъ, въ виду необходимости устранить какія-то испытываемыя мною неудобства, о которыхъ я тутъ только услышалъ въ первый разъ. Я былъ всегда плохой дипломатъ, не понялъ всей тонкости дѣлаемыхъ мнѣ внушеній и подсказываемыхъ предлоговъ, пытался разъяснить кажущееся недоразумѣніе. Это было напрасно: меня ласково прервали и, внушительно возвысивши голосъ, повторили тѣ же самыя приписываемыя мнѣ побужденія, находя ихъ естественными. Я покорился. Мнѣ показали потомъ оффиціальное сообщеніе въ Петербургъ, гдѣ излагались весьма лестныя отзѣвы о моей дѣятельности. Однако, гораздо позже, въ Петербургѣ, мнѣ дали прочесть другое конфиденціальное письмо обо мнѣ отъ того же самаго лица, но въ этомъ конфиденціальномъ письмѣ о моей дѣятельности отзывались уже не такъ благопріятно, хотя ни чѣмъ не чернили. И за это спасибо!

Я не пишу здѣсь и не разсуждаю о польскомъ возстаніи; это дѣло исторіи. Только для того, чтобы дать понятіе о томъ, какое впечатлѣніе произвели тогда на меня варшавскія дѣла, переписываю дословно отрывокъ изъ сохранившагося у меня черноваго письма къ одному лицу въ Петербургъ.

„Исполняя ваше желаніе и, въ этомъ откровенномъ письмѣ, сообщая мои первыя варшавскія впечатлѣнія, предостерегаю васъ противъ вѣрности моихъ заключеній. Обиліе, сложность предметовъ и краткое пребываніе здѣсь не могли дать возможности обобщить и еще менѣе правильно оцѣнить дѣла даже человѣку, который былъ бы поставленъ къ нимъ въ отношенія болѣе близкія, чѣмъ ваше покорнѣйшій слуга. Прошу васъ принять въ соображеніе, что я занятъ по 18 часовъ въ сутки самыми разнообразными работами и, по этому одному, не имѣю возможности привести въ порядокъ и облечь въ удовлетворительную форму то, что желалъ бы изложить въ этомъ письмѣ. — Польскій мятежъ, какъ вамъ извѣстно, опирается на массу землевладѣльцевъ, шляхты, духовенства, ремесленниковъ и чиновниковъ, составляющую болѣе, чѣмъ половину населенія Царства и при томъ отличающуюся значительнымъ гражданскимъ развитіемъ. Остальная часть

населенія держится нейтралитета, по мѣстамъ весьма сомнительнаго. Контингентъ возстанія только поверхностно растасованъ между русскимъ войскомъ, но въ сущности тѣсно соединенъ фанатизмомъ и общеою враждою къ Москвѣ. Распоряженія лицъ, составляющихъ подземное правительство, обличаютъ въ нихъ людей выходящихъ изъ уровня дюжинныхъ дѣятелей. Несмотря на явную борьбу партій, у нихъ сохраняется единство; они дѣйствуютъ неустомимо; распоряженія ихъ быстры и мѣткі, малѣйшая ошибка съ нашей стороны хватается на-лету. Они владѣютъ всѣми гражданскими учрежденіями края, наполненными польскими чиновниками, начиная съ директоровъ правительственныхъ комиссій до послѣдняго писца; они пользуются всѣми путями сообщеній, такъ что Вѣнская и Бромбергская желѣзныя дороги служатъ мятежу, по крайней мѣрѣ столько же, сколько законному правительству. Почты и другія средства сообщеній внѣ Варшавы во всемъ Царствѣ, служатъ болѣе мятежникамъ, чѣмъ намъ. Въ противоположность этому, мы опираемся покуда только на войско, разсѣянное между враждебнымъ населеніемъ. Военныя учрежденія, начальники военныхъ отдѣловъ и только теперь учреждаемые военные начальники уѣздовъ принуждены дѣйствовать черезъ посредство тѣхъ же самыхъ гражданскихъ учреждений съ враждебнымъ для насъ личнымъ составомъ. Даже вновь образуемое управленіе генералъ-полицейстера набираетъ болѣе, чѣмъ половину своихъ второстепенныхъ и мелкихъ чиновниковъ изъ поляковъ. На Вѣнской и Бромбергской желѣзныхъ дорогахъ былъ одинъ только кондукторъ изъ русскихъ, но и тотъ устраненъ ударомъ ножа. Второстепенный и низшій штатъ полиціи въ Варшавѣ на двѣ трети изъ поляковъ. Неприкосновенность отъ вѣнателей, которою пользуется этотъ польскій служебный элементъ, съ трудомъ скрывающій свою вражду къ намъ, представляетъ его услуги болѣе, чѣмъ сомнительными. Это постоянно доказывается отдѣльными фактами. Тяжело указывать еще на одно явленіе, общее съ Россіею и въ одинаковой степени здѣсь распространенное, на недостатокъ честности, не только въ гражданскомъ, но въ самомъ обыкновенномъ значеніи этого слова. При теперешнемъ положеніи дѣлъ въ Царствѣ, зло это равняется государственной измѣнѣ. Зависть, чиновное мѣстничество и происходящія отъ нихъ гнуснѣйшія интриги парализуютъ всѣ дѣйствія. Нѣкоторые начальники полевыхъ отрядовъ не

избѣгаютъ тѣхъ же упрековъ; они смотрятъ напр. на мятежническія шайки, какъ на свою собственность, воздерживаются отъ окончательнаго ихъ разсѣянiя, чтобы имѣть новый случай отличиться и получить награды по нѣскольکو разъ за одну и ту же шайку. Нѣкоторые не могли простить г. Костандѣ того, что онъ заперъ на время шайкамъ переходъ изъ Галиціи. Что касается до общихъ распоряженій, должно замѣтить, что онъ по большей части выходятъ изъ различныхъ, независимыхъ другъ отъ друга штабовъ и управленій. Не подчиненныя одной руководящей мысли, распоряженія эти порою противорѣчатъ другъ другу и даже остаются неизвѣстными отдѣльнымъ управленіямъ. Приведеніе въ исполненіе другихъ, иногда весьма важныхъ мѣръ, производится слабо, по отсутствію контроля. Есть весьма важныя мѣры, которыя не достигаютъ своей цѣли, по поводу изъятій, выраженныхъ въ самомъ законоположеніи. Между тѣмъ мотивомъ такихъ изъятій служили соображенія, самыя мелочныя. Напримѣръ правила объ обезоруженіи освобождаютъ отъ него лицъ V класса. Отъ этого многія лица, имѣющія извѣстныя чины и положеніе въ обществѣ, имѣютъ склады оружія къ услугамъ мятежа. Наложеніе денежныхъ штрафовъ, одна изъ мѣръ, по признанію самого подземнаго правительства, наиболѣе подавляющихъ мятежъ, въ примѣненіи своемъ, подвергается колебаніямъ, слабостямъ и противорѣчіямъ при совершенно однородныхъ случаяхъ. Противорѣчія эти остроумно осмѣяны въ юмористическомъ изданіи подземной прессы: „Коса“, переводъ котораго сообщаю:

№ 1 „Косы“.

Подслушанное подъ воротами, гдѣ стоитъ казанъ.

Гаврило. Скажи, Ванька, почему конфисковали оба дома графа Замойскаго?

Ванька. Потому что они имѣли два двора.

Гаврило. Почему не конфисковали Европейскую гостиницу и сосѣдній домъ Гирлаха?

Ванька. Потому что они имѣли одинъ дворъ.

Гаврило. Почему не забрали домъ Гродзинковскаго?

Ванька. Потому что убійца ушелъ.

Гаврило. Я этого не понимаю.

Ванька. Намъ, дуракамъ, съ тобой этого нельзя повяты. И я самъ не понимаю, а баринъ мой понимаетъ.

Гаврило. У твоего барина отличная шапка (халява).

Ванька. Не шапка дуракъ! У него цилиндрическая шляпа, — вотъ какал, — гораздо больше ума въ нее влезетъ.

„Воздерживаюсь отъ сужденій о подготавливаемой крестьянской реформѣ, по малому знакомству моему съ сельскимъ населеніемъ Царства. Скажу только, что для этого, какъ и для многого другаго, пропущено правительствомъ самое благоприятное время, когда польскіе землевладѣльцы, возвратившіеся съ послѣдняго засѣданія земледѣльческаго общества, были приняты крестьянами съ явнымъ недовѣріемъ. За крестьянами теперь ухаживаютъ обѣ стороны; крестьяне понимаютъ выгоды своего положенія и весьма довольны тѣмъ, что никому ничего не платятъ. Кажется, минныхъ войтъ слѣдовало бы временно устранить, какъ выбранныхъ въ такое смутное время. Преданность избранныхъ правительству, самая свобода выборовъ едва ли возможны при теперешнемъ положеніи, когда мы не въ состояніи дать селеніямъ и городамъ полного огражденія отъ неистовствъ вѣшателей.....“

Въ Петербургѣ для меня возобновилась жизнь, исполненная бездѣйствія, напрасныхъ ожиданій. Къ числу отговорокъ, которыя мнѣ пришлось выслушивать, присоединилось опасеніе раздражить варшавское начальство т. е. гр. Берга, недовольнаго моимъ отъѣздомъ. Все это вредно дѣйствовало на мое здоровье; я опасно заболѣлъ. Едва я началъ выздоравливать, врачи услали меня за границу. Хотя я поправился тамъ подъ вліяніемъ благодатнаго климата, приходилось, однако, прибѣгать къ совѣтамъ врачей. Меня забавляло ихъ недоумѣніе о причинахъ моей болѣзни и удивленіе одного изъ нихъ, когда я сказалъ ему, что причина въ службѣ. Ему казалось, что служба доставляетъ только покой и удобство, что служащему слѣдуетъ только съ точностію сообразоваться съ данными инструкціями. Онъ не подозрѣвалъ, что у насъ это не спокойное слѣдованіе по гладкой дорогѣ, а трудная дорога цѣликомъ, по буеракамъ и рытвинамъ, какъ у насъ.

Не долго пришлось мнѣ наслаждаться покоемъ за границею. Все менѣе стали интересоваться меня чужеземные порядки, а больше и больше заботить то, что происходитъ у насъ. Русскія газеты были нерадостныѣ и загадочныѣ. Меня все сильнѣе и сильнѣе тянуло домой. Мы вернулись въ Россію, въ деревню, въ имѣніе матушки, близко отъ роднаго гнѣзда.

V.

Я вновь очутился среди крестьянъ, которые видѣли меня еще будучи мальчиками. Это было новое поколѣніе, вырастающее на „свободѣ“. Мало еще сознавали ее крестьяне. Они не были еще въ состояніи понять всей выгоды отсутствія произвола надъ ихъ имуществомъ и личностію. Выкупъ уже тяготѣлъ надъ ними. Въ своемъ соображеніи они были равнодушны, или вовсе не думали о будущемъ, когда кончится долгій срокъ выкупа и внуки ихъ получатъ свободную отъ тягостей землю, отъ которой они до сихъ поръ видѣли однѣ только тяготы. Кромѣ податей, приходилось платить крупный, строго взыскиваемый выкупъ, довольно крупные мірскіе платежи, которые все росли, потому что сборщики, старосты, старшины, писаря оплачивались высокими окладами. Мировые посредники и земскіе сборы (тогда земскія учрежденія еще не были введены) были также не легки. Это была мѣстность черноземная, съ малымъ душевымъ надѣломъ, недостаточность котораго уже предвидѣлась крестьянами, когда увеличится число вѣдковъ. Въ долгихъ бесѣдахъ съ крестьянами виднѣе мнѣ сталъ смыслъ общиннаго владѣнія. То не былъ предполагаемый досужими мальчиками драгоценный признакъ присущаго нашему крестьянству социализма. То былъ единственно возможный на практикѣ компромиссъ между неумолимыми требованіями фиска и необходимостію доставить каждому члену общины возможность заработать нужный его семьѣ кусокъ хлѣба, при равномерномъ для каждаго распредѣленіи земляныхъ угодій, сообразно ихъ качествамъ и недостаткамъ. При этомъ это былъ самый прочный способъ сохранить за общиною принадлежащій ей земельный капиталъ въ цѣлости и неотчуждаемости, для равномернаго, когда потребуется, распредѣленія его въ пользованіе членамъ общины, по мѣрѣ ихъ потребностей и средствъ. Тутъ стала мнѣ ясна причина, по которой община, правдою и неправдою, силится удержать за собою каждый надѣлъ, каждый клочекъ земли. О многомъ мнѣ пришлось узнать тогда изъ продолжительныхъ разговоровъ съ крестьянами, которыхъ я, по своему обычаю, нанималъ въ видѣ проводниковъ, по болотамъ и лѣсамъ, для охоты.

Обычаю этому я обязанъ многими свѣдѣніями, которыя не могъ бы почерпнуть изъ разговоровъ съ равными, ни изъ книгъ и еще менѣе изъ дѣлопроизводства.

Привольна была мнѣ и моей семейнѣ жизнь на родинѣ. Не разъ во мнѣ возникало желаніе остаться тамъ. Но для чего? Служить по выборамъ, по отсутствію во мнѣ необходимой для этого искательности, было не мыслимо. Начать вести хозяйство въ тогдашнее переходное время было для меня едва ли возможно. Да какъ стумѣлъ бы я взяться за него послѣ столькихъ лѣтъ, потраченныхъ на службу?

Мы возвратились въ Петербургъ. Тамъ потянулась прежняя постылая жизнь напоминаній, ожиданій съ моей стороны и увертокъ съ другой. Предлагалъ мнѣ весьма обязательно тогдашній государственный контролеръ В. А. Татариновъ мѣсто управляющаго контрольною палатою, но занятія контрольною частію мало соотвѣтствовали моимъ привычкамъ и наклонностямъ. Между тѣмъ бездѣйствіе было для меня невыносимо. Я колебался. О предложеніи и моихъ колебаніяхъ я откровенно высказался лицу, отъ котораго такъ давно ждалъ назначенія. Кажется, перспектива моей контрольной дѣятельности въ примѣненіи къ вѣдомству этого лица повліяла на него побуждающимъ образомъ. По крайней мѣрѣ изъ устъ этого оракула мнѣ удалось услышать нѣчто определенное: совѣтъ отказаться отъ контроля и что-то, походившее на обѣщаніе чего-то положительнаго въ ближайшемъ будущемъ. Черезъ нѣсколько времени, послѣ новаго рѣшительнаго напоминанія, мнѣ было предложено губернаторство въ отдаленной сѣверной губерніи.

Послѣ нѣсколькихъ дней раздумья, я рѣшился принять предложеніе. Рѣшимость моя обрадовала лицо, которому я обязался сообщить о ней въ назначенный день. Обрадовала его, конечно, оттого, что имѣлась возможность избавиться отъ моихъ надобданій. Удовольствію этому, я, вѣроятно, обязанъ щедрымъ назначеніемъ мнѣ подъемныхъ денегъ, о которыхъ и не думалъ просить. Вообще я никогда не просилъ ни о какихъ денежныхъ субсидіяхъ. Мнѣ, напротивъ, не удалось даже выхлопотать возвращенія истраченныхъ мною собственныхъ денегъ на предметы, имѣющіе непосредственное отношеніе къ службѣ. Такъ, напримѣръ, я никогда не получилъ обратно денегъ, издержан-

ныхъ мною на поправку мебели въ казенномъ домѣ, оставленномъ моимъ предмѣстникомъ въ такомъ видѣ, что еѹ невозможно было пользоваться. Разъ мнѣ не возвратили денегъ, заплаченныхъ мною за починку рамъ въ томъ же домѣ, которыя дѣлали живущихъ беззащитными отъ трескачаго мороза. Помню еще одинъ оригинальный случай. Изъ тюрьмы убѣжалъ опасный, непріимчивый разбойникъ. Были указанія, что онъ скрывался въ Москвѣ. Вызвался полицейскій чиновникъ отыскать и поймать арестанта. Я принялъ его предложеніе, далъ ему командировку съ прогонными и суточными деньгами въ законномъ, и слѣд. самомъ незначительномъ размѣрѣ. Черезъ двѣ недѣли чиновникъ выслѣдилъ арестанта, указалъ его мѣстной полиціи, добился его задержанія и пересылки обратно. Совершивъ такой подвигъ, онъ обратился ко мнѣ съ требованіемъ возвратитъ ему деньги, израсходованныя во время пребыванія въ Москвѣ на пищу, квартиру, розыски и другіе неизбѣжныя, впрочемъ весьма умѣренныя, расходы. По неимѣнію указаннаго въ законѣ источника, изъ котораго я могъ бы истребовать эти деньги, я представилъ объ этомъ въ Петербургъ и никогда не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. Пришлось возвратитъ деньги чиновнику изъ моего собственнаго кармана.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1866 г. я, съ чадами и домочадцами, пустился на сѣверъ. Чѣмъ дальше подвигались на сѣверъ, тѣмъ интереснѣе становилась страна, не по климату, не по почвѣ, покрытой снѣгомъ, а по населенію. Коренное населеніе губерніи, куда я назначался, представляло собою чистый великороссійскій типъ. Мужики были рослые, здоровенные, бойкіе, смѣшленные, забывшіе или вовсе незнавшіе крѣпостнаго права. Иностранцы видимо уступали имъ въ развитіи и какъ будто неминуемо должны были вымереть. Постройки, при изобиліи лѣса, были большія, исправныя. Попадались двухъ-этажныя хоромы мѣстныхъ богачей, съ мебелью краснаго дерева и зеркалами. Всѣ въ этой глуши радовались случаю видѣть постороннихъ лицъ и помогали угощать ихъ. Губернскій городъ оказался изъ четырехъ линій домовъ, образующихъ улицы вдоль берега большой судоходной рѣки, за которою тянулись далеко въ даль покрытыя снѣгомъ тундры. На главной улицѣ соборъ, большой каменный, холодный губернаторскій домъ и присутственныя мѣста.

Съ напряженнымъ вниманіемъ всматриваясь во все, изучая незнакомую страну, я мало по малу узнавалъ ея особенности, насколько успѣвалъ. Прежде всего меня поразила крайняя бѣдность въ интеллигентныхъ людяхъ между дѣятелями. Интеллигенцію представляли большею частію ссыльные, утилизируемые вѣдомствами на всѣ лады. Начальствующіе выбраны были, очевидно, изъ плохихъ, слабыхъ, а потому непритязательныхъ на мѣста. Средняя и низшая администрація въ большинствѣ своемъ представляла грубые, аляповатые образцы чиновниковъ временъ фонъ Визина, даже старинныхъ приказныхъ. А край нуждался въ приложеніи лучшихъ отборныхъ силъ! Огромный, малонаселенный, прорѣзываемый двумя большими судоходными рѣками, становившимися судоходными съ конца мая по октябрь, упираясь съ двухъ сторонъ въ моря, онъ когда-то былъ мѣстомъ бойкой торговли, разработывалъ руды, имѣлъ свое судостроеніе. Новѣйшія усовершенствованія, пароходы, желѣзныя дороги быстро оттянули изъ него торговую и промышленную дѣятельность въ другія, болѣе счастливыя мѣстности. Остались рыбный, звѣриный промыслы, смолокурение, скудное кое-гдѣ хлѣбопашество, дающее населенію малую часть необходимаго продовольствія. Нѣсколько иностранныхъ фирмъ удерживали въ своихъ рукахъ торговлю сырьемъ, все болѣе и болѣе оттѣсняя русскіе старинные торговые дома. Представители послѣднихъ взывали о помощи, о льготахъ, указывали на происки одолѣвавшихъ иностранцевъ. При самомъ внимательномъ и благосклонномъ для русскихъ разслѣдованіи, происковъ не оказывалось, обнаруживались скорѣе неблаговидныя продѣлки русскихъ съ поставщиками и рабочими, которые толкали послѣднихъ къ иностранцамъ. Сосѣднее иностранное государство поражало контрастомъ развитія разнообразныхъ своихъ ресурсовъ, промышленности, благосостояніемъ своего населенія. Въ губерніи все, повидимому, требовало поддержки и развитія. Прежде всего мнѣ необходимо было на мѣстахъ изучить обстоятельства и людей. Я предпринялъ объѣзды по уѣздамъ, всматриваясь менѣе въ бумаги, а болѣе въ мѣстныя условія и въ людей. Объѣзды заняли довольно времени; я собирался уже предпринять путешествіе моремъ въ одну значительную мѣстность. Наканунѣ отъѣзда пришла ко мнѣ телеграмма главнаго начальника, предлагающаго мнѣ одну изъ подвѣдомственныхъ ему за-

падныхъ губерній. Обаяніе климата, болѣе нормальной дѣятельности, возможность пріискать способныхъ и надежныхъ людей соблазняли меня сравнительно съ несомнѣнною перспективою быть надолго забытымъ на безпріютномъ и обездоленномъ сѣверѣ. Я принялъ предложеніе.

VI.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1867 г., послѣ пяти мѣсячнаго пребыванія на сѣверѣ, мы очутились въ теплой, богато одаренной природою странѣ, съ привѣтливымъ небомъ и климатомъ. Губернія съ трудомъ успокоивалась послѣ недавно усмиренного польскаго возстанія. Военное положеніе дѣйствовало во всей строгости, проводя репрессивныя, ограничительныя и обрусительныя мѣры. Вся администрація была поглощена осуществленіемъ этихъ мѣръ, оставляя въ сторонѣ обычныя административныя дѣла. Контрибуціонный сборъ съ польскихъ землевладѣльцевъ взыскивался съ неукоснительною строгостію. Неразлучныя съ военнымъ положеніемъ правила для сохраненія безопасности и тишины тоже примѣнялись строго. Многочисленное и прежде вліятельное католическое духовенство, имѣя во главѣ замѣчательнаго по уму, энергіи и проискамъ епископа, помѣщики польскаго происхожденія и шляхта—все это какъ будто притихло. Жизнь ушла куда-то, въ непроглядную глубь, выказываясь урывками и вспышками. Прежніе предводители дворянства, ухитрившіеся сохранить свой мѣста во время погрома, точно также какъ многіе польскіе чиновники, были сомнительны, ненадежны и вредили своими іезуитскими приемами, къ которымъ приловчились. Жизнь, или лучше сказать, поверхностное движеніе, сообщалось только русскими чиновниками, которые вмѣстѣ съ тѣмъ представляли собою и общество. Но каково было ихъ большинство! Это были люди, командированные со всѣхъ концовъ Россіи, по кличу Муравьева о присылкѣ русскихъ людей. Въ русскихъ губерніяхъ и безъ того нуждались въ способныхъ и въ честныхъ людяхъ. Тамъ воспользовались случаемъ отдѣлаться отъ своего отребія, которое не знали куда дѣвать. Все негодное бросилось на западъ, какъ вороны на падаль. Уже предмѣстникъ мой при-

шелъ къ необходимости высылать цѣлыя кучи людей на родину, на казенный счетъ. Я скоро убѣдился въ необходимости продолжать это, принявъ только мѣры, чтобы отправляемые не растрачивали и не пропивали выданныхъ имъ на дорогу денегъ. Тѣмъ не менѣе меня осаждали настойчивыми требованіями объ опредѣленіи на должности вповъ прибывающіе люди, не представлявшіе никакихъ ручательствъ въ своихъ качествахъ и способностяхъ. Уцѣлѣвшіе польскіе чиновники, своими способностями видимо превосходили ненавистный имъ „наѣздъ“, но, при каждомъ случаѣ, даже поскобливши немного, приходилось убѣждаться въ ихъ неблагонадежности и вредѣ. Тѣмъ не менѣе ихъ приходилось временно терпѣть подѣ опасеніемъ остановки дѣла. Такимъ образомъ всѣ вѣдомства страдали инфильтраціею хитраго, враждебнаго элемента, не пренебрегающаго никакими средствами, чтобы вредить или своею инерціею, или притворною неумѣlostію парализовать движеніе въ данномъ направленіи. Недугъ этотъ сильнѣе всего вліялъ на крестьянское дѣло, бывшее тогда въ полномъ подъемѣ. Во всемъ краѣ дѣйствовали повѣрочныя комиссіи, учрежденныя съ цѣлію исправить вредныя отступленія отъ Положеній, изданныхъ для края, отступленія, которыя намѣренно допущены прежними устраненными мировыми учреждениями, образованными изъ польскаго персонала. Благодаря этимъ отступленіямъ, крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, нигдѣ не получили по уставнымъ грамотамъ земель, которыя были въ ихъ пользованіи и слѣдовательно подлежали имъ въ надѣлъ и въ собственность. Центральное завѣдываніе крестьянскими дѣлами края было тогда въ рукахъ З., человека умнаго, энергическаго, честнаго, всею душою преданнаго своему дѣлу и дѣйствующему въ краѣ крестьянскому положенію. Такимъ спеціальнымъ людямъ тогдашній начальникъ края не могъ не предоставить простора и вліянія, которое З. умѣлъ проводить вездѣ. Начальникъ края была личность высоко честная и благонамѣренная, но не близко знакомая со спеціальностями управленія краемъ. Его сбивали по временамъ петербургскіе пріятель и нѣкоторые вліятельныя лица своими космополитическими понятіями. Въ Петербургѣ господствовала тогда замѣчательная разладица мнѣній о польскомъ вопросѣ и о направленіи, которое слѣдовало сообщать. Были лица, которыя требовали точнаго примѣненія изданныхъ тогда для края

послѣ мятежа законоположеній, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимали Высочайше утвержденные циркуляры Муравьева. Были другія лица, которыя требовали отъ своихъ подчиненныхъ противоположнаго направленія, уклончиво формулируя свои мнѣнія только словесными наставленіями. Названный мною З., стоя во главѣ крестьянскаго управленія въ краѣ, своимъ умомъ, энергіею, выборомъ людей и наставленіями имѣлъ огромное вліяніе на весь персоналъ крестьянскихъ учреждений края. Мировые посредники и члены повѣрочныхъ комиссій отличались общимъ направленіемъ, выражающимся въ усердномъ приложеніи крестьянскихъ положеній къ ущербу и возбужденію польскихъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ поминутно отрѣзывались земли, подлежащія въ пользованіе крестьянъ, но оставленныя за помѣщиками по старымъ, пріостановленнымъ на время уставнымъ грамотамъ. Когда я пріѣхалъ, между начальникомъ края и Петербургомъ происходили пререканія, которыя вредно отражались на ходѣ крестьянскаго дѣла. Въ Петербургѣ не хотѣли признавать законной силы за актами повѣрочныхъ комиссій. Начальникъ края, признавая обязательность актовъ, составленныхъ учреждениями, въ законномъ порядкѣ утвержденными, ссылаясь на законно же утвержденный докладъ Муравьева. Въ ожиданіи развязки этихъ пререканій, прежнія, пріостановленныя уставныя грамоты, а вмѣстѣ съ ними новыя повѣрочныя акты не приводились въ исполненіе. И крестьяне, и помѣщики не знали который изъ двухъ актовъ по одному и тому же имѣнію будетъ окончательно примѣненъ. Въ такомъ положеніи нашелъ я крестьянское дѣло въ первомъ уѣздѣ, куда пріѣхалъ прежде всего, потому что землевладѣніе представляло тамъ для обѣихъ сторонъ преобладающій интересъ. Онѣ одинаково тяготились неопредѣленностію и одинаково просили о прекращеніи ея. Собравъ на мѣстѣ необходимыя данныя, я послалъ ихъ съ мѣста начальнику края при подробномъ объясненіи, заключая о необходимости безотлагательно положить конецъ недоумѣніямъ. Не успѣвъ еще объѣхать всѣ мѣстности, я заѣхалъ въ губернский городъ, гдѣ нашелъ пересланный мнѣ начальникомъ края отвѣтъ изъ Петербурга на мое представленіе. Въ немъ содержались, въ изысканно вѣжливой формѣ, только одні издѣательства по поводу сообщаемыхъ мною фактовъ, но гордіева узла все-таки не разрубалось. Вскорѣ явились двѣ личности, присланныя изъ Пе-

Петербурга подъ разными предлогами, долго вертѣвшіяся около крестьянскихъ дѣлъ. Они поѣхали по уѣздамъ, откуда присылали въ Петербургъ анекдоты о допускаемыхъ повѣрочными коммисіями и посредниками преувеличеніяхъ, напр., о томъ какъ одинъ надѣлъ достался, вмѣсто крестьянина, солдату и т. п. Мнѣ было извѣстно много, болѣе серьезныхъ увлеченій, но когда онѣ допускались людьми честными и благонамѣренными, я старался только ихъ исправлять, объясняя увлекающимся ихъ ошибки и происходящій отъ того вредъ для частныхъ лицъ и общаго дѣла. Однако въ общемъ, направленіе крестьянскаго дѣла было хорошее и таковъ же былъ личный составъ, изъ котораго выдѣлялось даже нѣсколько свѣдѣвшихъ личностей. Къ числу ихъ принадлежалъ одинъ изъ членовъ губернскаго присутствія, Г.; трудолюбивый, умный, проникнутый чувствомъ глубокаго патріотизма, онъ былъ драгоценная находка въ учрежденіи, гдѣ тонко и умно орудовала изъ-подтишка одинъ изъ уцѣлѣвшихъ польскихъ членовъ и польскій предводитель, да еще нѣсколько безразличныхъ членовъ, для которыхъ главный интересъ составляло сохраненіе оклада, а впрочемъ — „какъ угодно“.

Пререканія между начальникомъ края и Петербургомъ продолжались долго; соглядатаи изъ Петербурга не могли доставить туда того, что отъ нихъ ждали. Впослѣдствіи начали поступать изъ Петербурга утвержденія повѣрочныхъ актовъ, но за то скоро заговорили о новомъ, готовящемся распоряженіи, которымъ предписывалось склонять крестьянъ къ добровольному соглашенію съ помѣщиками. Эти слухи, скоро оправдавшіеся, побудили помѣщиковъ замедлять всякими средствами окончательное заключеніе повѣрочныхъ актовъ и пользоваться всѣми предлогами, чтобы обжалывать ихъ. Подъ этими вліяніями ходъ крестьянскаго дѣла замедлялся и тормозился до того, что послѣ моего выхода, пришли къ необходимости упразднить засидѣвшіяся не въ мѣру повѣрочныя коммисіи и издать новыя руководства посредникамъ, для соглашенія крестьянъ съ помѣщиками. Соглашенія эти, благодаря настояніямъ новаго начальника края, новому направленію, данному всѣмъ дѣламъ, повальнымъ замѣщеніямъ служащихъ другими лицами, съ новымъ, желаемымъ направленіемъ, стали поступать все въ большемъ и большемъ количествѣ, открывая въ будущемъ мѣсто притязаніямъ и жалобамъ обезземеленныхъ

крестьянъ, коморниковъ и безчисленнымъ недоразумѣніямъ. А трудный вопросъ о чиншевикахъ и вольныхъ людяхъ остался не разрѣшеннымъ и остается такимъ до времени, въ которое я пишу эти строки.

Вся западная окраина губерніи, окаймленная пограничною чертою, принимала нѣмецкій характеръ; крестьяне, по одеждѣ и привычкамъ, похожи были на нѣмецкихъ ландсмановъ. Тутъ процвѣтали прочно и хорошо устроенныя нѣмецкія школы; въ одной мѣстности былъ даже случай перехода изъ католичества въ лютеранство. Другая часть губерніи къ сѣверу граничила съ Остзейскимъ краемъ, который видимо налагалъ на нее свой отпечатокъ, далеко вдвигаясь внутрь крупными имѣніями бароновъ, умѣвшихъ мирно уживаться съ недавнимъ возстаніемъ, играя во время его роль жертвъ одного и того же гнета. Сосѣди готовились въ ближайшемъ будущемъ овладѣть лучшими имѣніями изъ подлежащихъ обязательной продажѣ.

Внутри надъ населеніемъ безраздѣльно господствовало католическое духовенство, состоящее болѣе, чѣмъ изъ 500 ксендзовъ, съ епископомъ и его суффраганомъ во главѣ. Епископъ была личность, выходящая изъ уровня; человекъ большого ума, желѣзной воли, демократъ и врагъ русскаго правительства, онъ въ продолженіе долгаго, безконтрольнаго управленія епархіею, пріобрѣлъ надъ нею неограниченное вліяніе, которому духовенство подчинялось, какъ машина, по малѣйшему его знаку. Силою крутой дисциплины онъ держалъ его въ полной зависимости, карая непослушныхъ въ силу своей, почти неограниченной власти, сажая нѣкоторыхъ на годы, подъ видомъ сумасшедшихъ, въ одну больницу. Были лица, совершенно здоровыя, которыя провели въ этой больницѣ, съ разными промежутками, около 15 лѣтъ. Епископъ игралъ важную роль во время возстанія, которому оказывалъ трудно скрываемую поддержку. По усмирении мятежа, онъ не переставалъ вести болѣе или менѣе скрытую борьбу противъ муравьевскихъ репрессивныхъ мѣръ, преимущественно противъ тѣхъ, которыя парализировали или затрудняли внѣшнія выраженія католическаго вѣроисповѣданія, напр. бержмованіе (помазаніе мѣромъ), крестные ходы, дѣйствіе многочисленныхъ братствъ и развитіе католическихъ школъ. Сопротивленіе свое онъ объяснялъ требованіями долга, совѣсти и своей обязанности, объясненія ко-

торыя должны были уважаться самыми ревностными послѣдователями карательной системы. Этимъ только можетъ быть объяснена его безнаказанность, не смотря на нѣсколько слѣдствій, его обличающихъ.

Суффраганъ уступалъ въ энергіи своему принципалу, хотя былъ такой же непримиримый врагъ русскаго правительства; но онъ болѣе придерживался польскихъ помѣщиковъ, которымъ принадлежало въ губерніи болѣе, чѣмъ 18,000 имѣній. Оба тщательно поддерживали въ паствѣ тайну объ упраздненіи благотнаго для нихъ конкордата 1847 года. Подчиненныя имъ духовныя лица были почти все воспитаны въ мѣстной семинаріи, подъ вліяніемъ своеобразнаго, систематическаго и строго выдерживаемаго аскетическаго начала; изолированное отъ практической жизни и науки, большинство семинаристовъ отличалось замѣчательнымъ невѣжествомъ и религіозно-политическою экзальтаціею. Вліяніе такихъ пастырей на католическое населеніе, болѣе чѣмъ изъ 800,000 душъ, въ особенности на женщинъ, было громадное. Мнѣ пришлось поэтому много потрудиться надъ изученіемъ католическаго вопроса по источникамъ.

Крестьянское населеніе, большею частію изъ жмудинъ и латышей, стояло на низкомъ уровнѣ умственнаго развитія. Еще недавно пригнѣталось оно помѣщиками и офиціалами, считавшими ихъ быдломъ, т. е. домашнимъ скотомъ. Такимъ же считало ихъ и теперь еврейское населеніе, состоящее номинально болѣе, чѣмъ изъ 13,000 мѣщанъ, овладѣвшее краемъ и эксплуатировавшее его всеми средствами. Это была своего рода мѣстная интеллигенція, энергическая, упорно борющаяся противъ всехъ и каждаго, умѣренная до скудости въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни, способная въ борьбѣ на великіе подвиги, а потому опутавшая и одолавающая весь край своими тонкими, но крѣпкими сѣтями. Она имѣла въ рукахъ участь всехъ жителей, начиная съ губернатора, услуги которому сдавала съ торговъ, хотя бы услуги состояли въ продажѣ ему провизіи или въ починкѣ стула. Вся торговля, все подряды и поставки, въ томъ числѣ постройка православныхъ церквей, были въ ея рукахъ. Самые богатые изъ ея среды, напр. банкиры, боялись ея вліянія, подчинялись ея законамъ и обычаямъ. Противъ неугодныхъ и вредныхъ евреевъ назначались особые мучители, единственною заботою и занятіемъ

которыхъ было изобрѣтеніе и причиненіе намѣченнымъ жертвамъ всевозможныхъ бѣдъ.

При развитіи такихъ могущественныхъ силъ, сопоставленіе имъ практическаго примѣненія нѣкоторыхъ правительственныхъ мѣръ не будетъ лишено нѣкотораго интереса.

Услуги, оказанныя разбросанными въ краѣ русскими старообрядцами, во время мятежа, стойкость ихъ въ охранѣ бытовыхъ особенностей отъ чуждыхъ имъ вліяній не ускользнули отъ проципательнаго ума Муравьева. Онъ преподавалъ мѣстному управленію государственными имуществами нѣсколько главныхъ и хорошо задуманныхъ общихъ правилъ для привлеченія и водворенія въ губерніи старообрядцевъ и русскихъ крестьянъ. Послѣднихъ онъ думалъ селить крупными деревнями. Замѣчательный опытъ такого поселенія сдѣлалъ Муравьевъ самъ, еще будучи въ краѣ. Одна шляхетская околица совершила измѣненіе и предательство надъ небольшою зарвавшеюся впередъ партіею войскъ. Околица была сожжена до тла, жители ея арестованы или высланы, а земля на которой былъ поселокъ, запахана. На ея мѣстѣ возведено русское селеніе, Александровская слобода, съ православнымъ храмомъ.

Старообрядцы, по мысли Муравьева, подлежали расселенію вразбродъ. Всѣ поселенцы должны были получить достаточныя для хозяйства земельныя угодья, лѣсъ и деньги на устройство усадебъ.

Для осуществленія этой мысли, управленіемъ государственными имуществами выданы были билеты на устройство 165 поселеній, отведено болѣе 18,000 десятинъ земли, частію изъ свободныхъ казенныхъ участковъ, оброчныхъ статей, а частію изъ конфискованныхъ имѣній, отпущены лѣсъ и денежные пособія. Считая цѣнность отведенной земли, лѣса и денежное пособіе, казна издержала на русскія поселенія въ губерніи болѣе 500,000 рублей.

Вскорѣ послѣ моего прибытія, до меня начали доходить слухи о несчастномъ положеніи жителей этихъ поселеній, даже о голодѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Частію при своихъ поѣздкахъ, а частію черезъ посланныхъ лицъ и мѣстныхъ посредниковъ я собралъ подробныя свѣдѣнія по этому предмету. Положеніе большинства поселенцевъ дѣйствительно было самое плачевное, а при-

чины слѣдующія. Ни одно изъ указаній Муравьева не было въ точности исполнено. Поселенцы расселены подъ вліяніемъ какихъ-то, ничѣмъ необъяснимыхъ случайностей: старообрядцы близъ православныхъ церквей, а православные такъ далеко отъ нихъ, что у нѣкоторыхъ дѣти оставались не окрещенными, а усопшіе не отпѣтыми. И тѣ и другіе въ нѣкоторыхъ селеніяхъ были перемѣшаны между собою. Билеты на водвореніе получила значительная часть мѣщанъ-католиковъ, батраковъ изъ Курляндіи, даже не русскаго происхожденія. Нѣкоторые поселенцы, получивъ денежное пособіе, перепродали билеты свои другимъ лицамъ. Нѣкоторые получили билеты, не будучи еще уволены изъ своихъ обществъ, которыя продолжали начислять за ними недоимки за нѣсколько лѣтъ и на этомъ основаніи отказывали въ выдачѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Большей части водворяемыхъ отведено недостаточное для самостоятельнаго хозяйства количество земли. Они поэтому вынуждены были поступать работниками къ полякамъ, даже евреямъ. Нѣкоторые получили недостаточное пособіе лѣсомъ или деньгами для того, чтобы устроить усадьбы. Другіе, по прежнимъ своимъ занятіямъ, не были вовсе способны сдѣлаться самостоятельными хозяевами. Большинство голодало, просило о выдачѣ на продовольствіе хлѣба, а его можно было только выдать изъ запасныхъ магазиновъ, принадлежащихъ сельскимъ обществамъ, въ образованіи которыхъ, также какъ и запасовъ, поселенцы никакого участія не принимали. Однако, въ виду крайняго положенія ихъ и необходимости немедленной помощи, пришлось мнѣ разрѣшить такую выдачу. Это справедливо возмущало сельскія общества, а переселенцевъ приучало рассчитывать на даровыя пособія. Наконецъ нѣкоторой части изъ получившихъ билеты на водвореніе, съ пособіемъ деньгами и лѣсомъ, вовсе не оказывалось на мѣстѣ.

При изученіи этого дѣла, обнаружилось еще новое обстоятельство, доказывающее, что заботливость правительства о поселенцахъ возбуждала противъ него недовольство среди отставныхъ и безсрочныхъ солдатъ, возвратившихся на родину въ губерніи въ числѣ около 7,000 человекъ.

По 18 ст. положенія 25-го іюля 1867 года, дѣйствовавшего въ то время, нижніе чины, поступившіе на службу послѣ 10 ревизіи, возвратившись на родину, имѣютъ право на участіе въ

пользованіи землею, отведенной обществу въ надѣль. Но участие это въ западномъ краѣ неосуществимо; крестьянское землевладѣніе не общественное, а участковое; отдѣльный участок находится въ пользованіи не всѣхъ членовъ семьи, для которой отведенъ, а фактически одного только домохозяина; остальные члены идутъ на сторону, или дѣлаются батраками, коморниками.

При такомъ порядкѣ, возвратившіеся на родину отставные и безсрочные не имѣли возможности получить обѣщанной имъ по закону земли, не только полевой, но даже усадебной, и перебивались кое-какъ.

Представлялась настоятельная необходимость исполнить законъ и показать, что люди, служившіе отечеству, могутъ рассчитывать на его заботливость наравнѣ, по крайней мѣрѣ, съ поселенцами, которые никакихъ услугъ правительству не оказали. Я представилъ въ Петербургъ объ этомъ, прося разрѣшенія надѣлить отставныхъ и безсрочныхъ изъ свободныхъ казенныхъ земель, хотя бы по одной десятинѣ для усадьбы и огорода.

Что касается до неудавшихся поселеній, то дальнѣйшее развитіе ихъ пришлось приостановить, неотступая однако передъ необходимостію обезпечить уже поселившихся.

Предстояла еще болѣе важная забота объ огражденіи безопасности жителей отъ шаекъ грабителей, образованныхъ частію изъ остатковъ мятежническихъ бандъ, частію изъ старообрядцевъ, почти всегда находившихся подъ руководствомъ евреевъ, полезныхъ грабителямъ своими происками, находчивостію и хитростію. Плохая и малочисленная полиція была не въ состояніи обуздать и даже открывать злоумышленниковъ. Дореформенный судъ тянулъ дѣла о нихъ до безконечности. Пришлось утилизировать казаковъ, для усиленія полицейскихъ средствъ, хлопотать о постепенной замѣнѣ неспособныхъ и неблагонадежныхъ полицейскихъ чиновъ лучшими и о передачѣ дѣлъ о грабежахъ въ военные суды. Удалось привести въ исполненіе только мѣру о казакахъ. Замѣна худыхъ чиновниковъ лучшими была очень затруднительна и по сомнительности казенныхъ свѣдѣній, о нихъ доставляемыхъ, и по медленности въ собраніи этихъ свѣдѣній частнымъ, болѣе надежнымъ путемъ. Большинство лучшихъ людей, которымъ предлагались должности, отказывались отъ нихъ. Многихъ принявшихъ приходилось защищать отъ непріятностей

и преслѣдованій со стороны военныхъ начальниковъ, не возлюбившихъ ихъ и губернскаго правленія.

Впереди надвигалось примѣненіе закона объ обязательной продажѣ имѣній, принадлежащихъ лицамъ, компрометированнымъ въ мятежѣ. Такихъ имѣній было въ губерніи около 170, что составляло до 9% всѣхъ помѣщичьихъ имѣній. Осуществленіе этой мѣры, затрогивающей столько интересовъ и возбуждающей столько страстныхъ вождельній, представляло много возможностей для ошибокъ, несправедливостей и злоупотребленій. Приобрѣтатели раздѣлились на нѣсколько группъ.

Была сильная своими средствами и связями группа, изъ остзейскихъ владѣльцевъ. Она намѣтила для себя лучшія имѣнія. По поводу этой группы возбуждался важный вопросъ: имѣла ли она право приобретать имѣнія въ краѣ? Другими словами: по указу 10-го декабря 1865 года, могли ли лица остзейскаго происхожденія пользоваться правами, предоставленными лицамъ русскаго происхожденія?

Была другая группа изъ подставныхъ людей, домогавшихся купить имѣнія, чтобы передать ихъ прежнимъ собственникамъ, или родственникамъ и повѣреннымъ.

Была еще группа людей, намѣревающихся довести собственниковъ имѣній до послѣдняго срока, опредѣленнаго на продажу, и, пользуясь ихъ крайностію, купить имѣнія за безцѣнокъ.

Наконецъ были люди, рассчитывающіе на оплошность и другія побужденія со стороны лицъ, служащихъ въ томъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ совершались купчія, чтобы купить имѣнія, не имѣя на то правъ и установленныхъ свидѣтельствъ.

Вопросъ о правоспособности лицъ остзейскаго происхожденія былъ нѣсколько разъ представляемъ мною начальнику края, находившемуся тогда въ Петербургѣ. Отвѣтъ замедлялся, къ моему крайнему изумленію. Это изумленіе представилось мнѣ наивнымъ, когда я впослѣдствіи узналъ, въ какія затрудненія были поставлены начальникъ края и само правительство. Приѣхавши въ Петербургъ по дѣлу, о которомъ я расскажу вслѣдъ за этимъ, я узналъ, что остзейскій вопросъ былъ только что разъясненъ особымъ распоряженіемъ, по которому лица остзейскаго происхожденія уравнины съ русскими.

Посреди этихъ заботъ и хлопотъ я былъ вызванъ въ Петер-

бургъ для участія въ совѣщаніяхъ комитета о католическомъ духовенствѣ въ западномъ краѣ. Я немедленно прибылъ въ Петербургъ, гдѣ былъ глубоко тронутъ милостивымъ приѣмомъ Государя, долго разспрашивавшаго меня о дѣлахъ края и въ концѣ своей аудіенціи, въ самыхъ милостивыхъ, лестныхъ для меня выраженіяхъ, благодарившаго меня за полезную и честную службу. Его словъ я не забуду никогда. Воспоминаніе о нихъ живо и болѣзненно возникло во мнѣ съ малѣйшими подробностями подъ влияніемъ потрясеній, испытанныхъ 1-го марта 1881 года, и его кончины.

О подробностяхъ и результатѣ совѣщаній комитета считаю себя не въ правѣ сообщить здѣсь. По окончаніи засѣданій, я поспѣшилъ возвратиться, чтобы продолжать свои занятія. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я старался объяснить начальству мои затрудненія по крестьянскому дѣлу, въ виду противорѣчій между требованіями закона и негласнымъ, но очевиднымъ направленіемъ, которое стараются сообщить этому дѣлу. При неопредѣленности и отсутствіи подробныхъ указаній на каждый отдѣльный случай, одно только спасеніе въ строгой законности дѣйствій исполнителя. Я просилъ поэтому: или измѣнить законы согласно направленію, которое желаютъ дать въ Петербургѣ, или давать мнѣ по каждому дѣлу особое письменное указаніе, или перевести меня въ другую мѣстность, гдѣ была бы возможность строго держаться закона.

Кромѣ намѣченныхъ мною дѣлъ и вопросовъ, имѣвшихъ особый характеръ, остальные, обще-административныя дѣла въ губерніи, по своему неустройству, напоминали о себѣ ежедневно.

Въ особенности дурно шли дѣла о земскихъ повинностяхъ. Дѣлопроизводство о нихъ находилось въ рукахъ Б. К., человѣка опытнаго, способнаго, но не честнаго. Вредный образъ его дѣйствій не замедлил для меня выясниться. Необходимо было замѣнить его другимъ; но не было для этого ни одного человѣка. Затрудненіе увеличивалось еще и тѣмъ, что Б. К., кромѣ дѣлъ о земскихъ повинностяхъ присутствія, завѣдывалъ еще дѣлопроизводствомъ коммисіи народнаго продовольствія и тюремнаго комитета. По всѣмъ тремъ были подряды и поставки, справочныя цѣны, контракты, которые представляли Б. К. обширное поле для его корыстной, изворотливой дѣятельности. Никогда я такъ

не чувствовалъ своего безсилія и безпомощности, какъ при возобновляющихся попыткахъ замѣнить этого вреднаго человѣка другимъ, болѣе благонадежнымъ. Вообще трудно и бесполезно было бы описывать всѣ тягостныя ощущенія, разочарованія, горечь, иногда доходившія до отчаянія, которыя мнѣ пришлось испытывать въ этомъ омутѣ.

Горькая чаша, изъ которой я вкушалъ, переполнилась еще новыми напастьми. Свѣтлая и благородная личность, занимавшая постъ начальника края, личность, въ которой я привыкъ встрѣчать во всемъ полное довѣріе и опору, оставила край. Его замѣнилъ человѣкъ съ діаметрально-противоположными свойствами и направленіемъ. Церемѣна не замедлила отозваться на мой дѣятельности. Скоро послѣдовали нападки на лучшія личности, занимавшія должности въ губерніи по крестьянскимъ и другимъ дѣламъ и начали выдвигаться какіе-то темные люди, дѣйствія которыхъ не оставляли никакого сомнѣнія въ томъ, что теперь требуются свойства и дѣйствія,—противоположныя тѣмъ, которыя настойчиво проводились прежними руководителями и дѣйствующими законоположеніями. Приходилось отстаивать, по мѣрѣ силъ и возможностей, тѣхъ благородныхъ и полезныхъ дѣятелей, которыми держалось дѣло, и отвергать вновь навязываемыя темныя личности. Приходилось мнѣ самому обороняться отъ хитро придуманныхъ и подразумѣваемыхъ обвиненій въ неуройствахъ, послѣдованныхъ мною, о которыхъ я неоднократно уже заявлялъ, безуспѣшно предлагая мѣры, вызываемыя настоятельной необходимостію. Напр., у меня спрашивали, почему допускаются и не прекращаются грабежи. Приходилось повторять все, мною говоренное, писанное и предложенное по этому предмету. То же самое повторялось по многимъ дѣламъ съ очевиднымъ намѣреніемъ игнорировать то, что мною было сдѣлано и о чемъ представлялось, когда мои средства и права оказывались недостаточными. Подъ вліяніемъ чувства оскорбленнаго достоинства и негодованія, ѣздилъ я для личныхъ объясненій, но всегда встрѣчаемъ былъ съ полнымъ вниманіемъ, даже почтительно, отпускался съ выраженіями довѣрія и какъ будто готовности меня успокоить, удовлетворить.

Въ довершеніе этого случилось обстоятельство, которое должно было имѣть рѣшительное вліяніе на мою судьбу. Это обстоятельство, повидимому весьма не важное, вышло изъ обычной обязан-

ности представлять за каждое полугодіе вѣдомость объ успѣхѣ денежныхъ сборовъ въ губерніи. Составляется она по формѣ, приложенной ко II т. свод. зак., на основаніи свѣдѣній, присылаемыхъ изъ казенной палаты. Такая вѣдомость представлена была мною за полугодіе, а копія послана въ министерство. Получивъ ее, министерство, въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ, замѣтило мнѣ, что недоимка показана не вѣрно и просило на будущее время быть болѣе внимательнымъ къ такимъ отчетамъ. Оставляя въ сторонѣ рѣзкость выраженій, я прежде всего пожелалъ выяснитъ причину указываемой министерствомъ невѣрности въ цифрахъ. Завѣдующій дѣлопроизводствомъ, человѣкъ опытный и способный, объяснялъ и доказывалъ, что исчисленіе въ вѣдомости сдѣлано было во всемъ согласно приложенной къ закону формѣ и свѣдѣніямъ казенной палаты. Не полагаясь на это разъясненіе и мою собственную провѣрку, я обратился за разъясненіемъ къ специалисту, управляющему контрольною палатою, человѣку честному и знающему. Онъ удостовѣрилъ и доказалъ мнѣ, что представленный отчетъ былъ вѣренъ и согласенъ съ указаніями закона. Тогда, обративъ вниманіе на рѣзкій тонъ бумаги, я написалъ министру письмо, въ которомъ, объяснивъ все оказавшееся по тщательной повѣркѣ, я обращалъ его вниманіе на рѣзкость выраженій, допущенную въ редакціи министерства, прибавлялъ, что никогда не занимаясь бухгалтеріею, я могъ въ такихъ сложныхъ и запутанныхъ исчисленіяхъ впасть въ ошибку, что, въ подобныхъ случаяхъ, по счетоводству возлагается отвѣтственность на специальныхъ чиновниковъ, занимающихся бухгалтеріею, а не на административныхъ распорядителей, которымъ важно не счетоводство, а итоги. Въ заключеніе я просилъ оградить меня отъ оскорбленій. Эта переписка за первую половину года происходила при прежнемъ начальникѣ края, которому я послалъ ее въ Петербургъ съ просьбою, если при разговорѣ объ этомъ съ министромъ, онъ замѣтитъ въ немъ нежеланіе удовлетворить меня, передать ему мою просьбу объ увольненіи меня отъ должности. Результатъ объясненій съ начальникомъ края выразился въ присылкѣ мнѣ изъ министерства официальной просьбы возвратитъ мнѣ бумагу, какъ присланную ошибочно. Мнѣ казалось, что я долженъ былъ удовлетвориться этимъ и не позволять въ себѣ развиваться щекотливости въ ущербъ

службъ и дѣлу. Когда наступило время представлять новый отчетъ о поступленіи денежныхъ сборовъ съ губерніи за слѣдующую половину года, дѣлопроизводитель спросилъ меня, дѣлать ли исчисленія согласно неправильному толкованію министерства? Я могъ только сказать ему, что одно уже взятіе министерствомъ бумаги обратно означаетъ, что оно признало свою ошибку и вѣрность нашихъ счетовъ, что поэтому отчетъ долженъ быть присланъ съ исчисленіями, согласными съ закономъ и нашими мнѣніями. Такъ было исполнено; отчетъ былъ посланъ по принадлежности, а копія съ него въ министерство. Не успѣла она тамъ пролежать трехъ или четырехъ дней, какъ изъ министерства прислана бумага, въ которой выражалось, что „я не воспользовался указаніями, данными мнѣ въ такой то бумагѣ (№ и число соответствовали тѣмъ, которые были на бумагѣ, вытребованной въ Петербургъ обратно), почему я снова приглашался быть болѣе внимательнымъ къ такимъ отчетамъ. Что касается моего довода, въ письмѣ къ министру о незнакомствѣ моемъ съ бухгалтеріею, что ошибки должны быть вѣняемы счетчикамъ, то министерство полагало, что въ такомъ дѣлѣ мнѣ слѣдовало самому имѣть бухгалтерское вниманіе“.

Такой оскорбительный отзывъ, присылаемый съ необычною министерству послѣдностію и намѣренною рѣзкостію, переполнилъ чашу испытываемыхъ мною горечей. Я пришелъ къ убѣжденію, что меня считаютъ неудобнымъ и, не находя благовидныхъ предлоговъ, хотятъ вынудить удалиться. Въ тотъ же день я телеграфировалъ въ Петербургъ о необходимости немедленно прибѣгнуть къ помощи петербургскихъ врачей и просилъ о дозволеніи пріѣхать въ Петербургъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ затруднить подъ разными предлогами удовлетвореніе моей просьбы и обмѣна телеграмъ, я получилъ наконецъ дозволеніе и пріѣхалъ въ Петербургъ. При первыхъ словахъ объясненія съ новымъ министромъ, на вопросъ его о томъ, какого рода удовлетворенія я желаю, я отвѣчалъ, что ни о какомъ удовлетвореніи не говорю, а прошу объ увольненіи меня отъ должности и тутъ же вручилъ ему прошеніе. Это былъ, какъ я уже сказалъ, новый министръ, съ которымъ мнѣ пришлось имѣть въ первый разъ личное объясненіе. Не знаю, изъ вѣжливости ли, приличія или другихъ побужденій, онъ нашелъ нужнымъ просить меня обду-

мать нѣсколько дней мое рѣшеніе. Когда я возразилъ, что оно уже обдумано, онъ предупредилъ меня, что ранѣе нѣсколькихъ дней не дастъ хода моему прошенію. Мы разстались безъ взаимнаго неудовольствія. Къ новому начальнику края, бывшему также въ Петербургѣ, я поѣхалъ изъ приличія, выслушалъ отъ него много любезныхъ сожалѣній, которыя не могли имѣть никакого вліянія на мое рѣшеніе. Въ продолженіи промежуточныхъ дней, определенныхъ министромъ, мнѣ дано было испытать горькое и тяжелое впечатлѣніе отъ краткаго, но крѣпко произнесеннаго свыше упрека, что я кругомъ виноватъ въ столкновеніи моемъ съ министерствомъ. Возражать, излагать подробности мелкаго, спеціальнаго дѣла, которое было даже недоступно министру, я не могъ, да если бы и могъ, то не былъ бы въ состояніи. Удручающее чувство, испытываемое мною тогда, послѣ выслушанной едва четыре мѣсяца тому назадъ благодарности, дѣла которой превышала мои слабыя заслуги, было невыразимо тяжело.

VII.

Пережитыя во все это время заботы, непосильные труды въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду и, наконецъ, горе сильно повліяли на мое здоровье; врачи требовали продолжительнаго отсутствія за границу, усиленно противясь моему стремленію уѣхать на родину. Я долженъ былъ уступить ихъ совѣтамъ и просьбамъ жены, и, признаюсь, рѣшался не возвращаться болѣе въ отечество. По любезному настоянію министра, я согласился причислиться къ его вѣдомству и получилъ продолжительный отпускъ за границу, безъ всякаго оклада, разумѣется, и денежнаго пособія. Остатка полученной за выкупъ женинаго имѣнія суммы было достаточно, чтобы прожить за границу, при нашихъ умѣренныхъ вкусахъ и образѣ жизни.

Погода, климатъ, переходъ отъ недавнихъ заботъ и горечей къ полному ихъ отсутствію, постепенно успокоили во мнѣ негодованіе и печаль. Я зажилъ новою, безмятежною жизнью. Но скоро отсутствіе дѣятельности послѣ той, которой я предавался, начало тяготить меня. Я принялся присматриваться къ административнымъ порядкамъ и приѣмамъ въ мѣстахъ, гдѣ приходилось

останавливаться на довольно продолжительное время. Скоро однако я пришелъ къ убѣжденію, что все это, хотя безспорно хорошее и тамъ пригодное, не годится для насъ, воспитанныхъ подъ другими историческими вліяніями и мѣстными обстоятельствами. Могли годиться только развѣ нѣкоторыя формы, но тогда я уже сознавалъ всю ихъ тщету.

Такъ прожили мы довольно продолжительное время до тѣхъ поръ, когда я сталъ чувствовать, что меня начало неудержимо тянуть домой. Тутъ я въ первый разъ понялъ и созналъ отечество, его притягательную силу и глубокое значеніе. Тутъ я понималъ пустоту ребяческихъ бравадъ, до которыхъ доходилъ иногда самъ подъ космополитическимъ вліяніемъ нашего общества, нашего слабаго гражданскаго воспитанія, или отсутствія его въ нашей безпочвенной цивилизаціи.

Родная страна все сильнѣе и сильнѣе тянула меня къ себѣ. Побуждаемый этою притягательною силою, я снова очутился въ Петербургѣ. Тамъ я не могъ оставаться празднымъ. Опираясь на любезное приглашеніе министра остаться въ его вѣдомствѣ, я обратился къ нему и скоро, къ моему крайнему изумленію, получилъ предложеніе ѣхать въ одну изъ центральныхъ великороссійскихъ губерній. Этотъ неожиданный благоприятный оборотъ моихъ дѣлъ объясняется, какъ я узналъ впоследствии, настояніемъ одного вліятельнаго тогда лица. Было ли оно возмущено способами, употребленными, чтобы отдѣлаться отъ меня, или считало справедливымъ и полезнымъ возстановить мое положеніе, — я до сихъ поръ не могъ выяснить.

Характеръ губерній, куда я прибылъ, сообщался ей жившимъ въ ней дворянствомъ. Оно имѣло большое вліяніе на устраненіе губернатора, который примѣнялъ тамъ въ свое время положеніе о крестьянахъ. Это былъ человекъ умный, энергическій, понимавшій духъ положенія такъ, какъ понимало его тогда меньшинство дѣятелей по крестьянскому дѣлу. Ему удалось привлечь на должность мировыхъ посредниковъ лучшихъ изъ мѣстныхъ дворянъ, на которыхъ онъ имѣлъ большое вліяніе. Посредники устраняли корыстные попытки помѣщиковъ, старавшихся обойти положеніе. Оброки въ нѣкоторыхъ уѣздахъ далеко не соответствовали качеству и доходности земли; губернаторъ пытался провести мысль о пониженіи ихъ. Это усилило вражду и происки противъ

него. Они увѣнчались его удаленіемъ. Преемникъ его и мой предмѣстникъ, поставилъ себѣ задачею примирить, (какъ выражался онъ и нѣкоторые въ Петербургѣ), дворянство съ правительствомъ. Лучшіе мировые посредники принуждены были удалиться, уступая мѣсто людямъ съ меньшими качествами и способностями. По полиціи произошло то же самое. Уровень способностей и честности въ губерніи понизился. Въ такомъ положеніи я нашелъ ее. Болѣе 280,000 бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ обременены были непосильными платежами и неоплатными недоимками, достигавшими по однимъ выкупнымъ платежамъ до цифры болѣе, чѣмъ 700,000 р. Сборы усиливались крупными окладами, назначенными старшинамъ и другимъ должностнымъ лицамъ, угоднымъ мировымъ посредникамъ, вновь введенными земскими сборами; частыми растратами собранныхъ денегъ съ крестьянъ, которымъ приходилось платить ихъ вторично. Мировые посредники бездѣйствовали во всемъ: они такъ дурно исполняли обязанности членовъ училищнаго совѣта, что, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, я принужденъ былъ поручить эту должность исправникамъ! Грустно было видѣть упадокъ учрежденія посредниковъ, вынесшихъ въ свое время на своихъ плечахъ крестьянскую реформу, а теперь смѣшавшихся съ чиновничествомъ, которое они иногда превосходили въ крупныхъ, общихъ имъ недостаткахъ и злоупотребленіяхъ. Крестьяне все ниже и ниже опускались подъ бременемъ непосильныхъ платежей.

Полиція посвящала почти все свое время на взысканія, распоряжаясь при этомъ всѣми крестьянскими властями, занятыми исключительно этимъ предметомъ. Наклонность къ пьянству между крестьянами возрастала. Въ одинъ годъ случаевъ смерти отъ излишняго употребленія вина было въ губерніи 144.

Разумѣется, все это открывалось мнѣ не съ перваго времени моего пребыванія въ губерніи, а постепенно, по мѣрѣ объѣздовъ, знакомства съ людьми и обстоятельствами. Въ особенности трудно давалось изученіе народа сквозь призраки, наводимые официальными бумагами и всякаго рода ложью. Легче узнавалась истина изъ словесныхъ жалобъ и разговоровъ, а болѣе всего изъ разговоровъ съ крестьянами на охотѣ, вошедшихъ въ мои привычки.

Крестьяне мало цѣнили свободу и права, за которыя имъ

приходилось такъ дорого платить. До училищъ большинство ихъ не были охотники. Они не сочувствовали учителямъ, которые не хотѣли примѣняться къ ихъ быту. Дѣтей надолго отрывали отъ работъ, на которыхъ они служили подспорьемъ. Крестьяне предпочитали имѣть у себя въ деревняхъ, хотя бы поочередно, учителя, который не брезгалъ ихъ жизнію и ими самими. Но такіе учителя были плохи и дѣти съ ними долго не одолѣвали грамоты. Я старался убѣдить земскихъ дѣятелей въ необходимости этимъ способомъ удовлетворять нараждающійся между крестьянами запросъ на грамотность, но мои убѣжденія разбивались объ училищный уставъ и избитыя понятія земцевъ о народныхъ школахъ.

Вновь введенныя земскія учрежденія вліяли на крестьянство только однимъ значительнымъ увеличеніемъ платежей и отягощеніемъ его новою повинностію, состоящею въ избраніи, для засѣданій въ земствѣ, требуемаго числа гласныхъ и обязанности послѣднихъ сидѣть въ земскихъ собраніяхъ, гдѣ ихъ мнѣній рѣдко спрашивали и гдѣ они мало понимали произносимыя рѣчи. Не могу по этому поводу не выразить сожалѣнія объ укоренившемся между нашею интеллигенціею способѣ выражаться въ публичныхъ рѣчахъ.

Выраженія эти изысканны, мудрены, вычурны и потому рѣдко понимаются простолюдинами. Напр., вмѣсто того, чтобы сказать, что крестьяне не любятъ школъ, ораторъ говоритъ, что крестьяне относятся къ школамъ отрицательно. По поводу упомянутыхъ выше неудобствъ, крестьяне рѣдко выбираютъ гласныхъ въ земскія собранія, а выбираютъ изъ другихъ сословій, напр. священниковъ, мелкихъ землевладѣльцевъ, лицъ, на которыхъ указываетъ начальство, иногда старшинъ, или виноватыхъ крестьянъ, — такъ называютъ они тѣхъ, которымъ удалось избѣжать отбытія какихъ либо повинностей; — такихъ они назначаютъ въ сотскіе, десятскіе. Эти обстоятельства еще болѣе уяснились для меня впоследствии, о чемъ я расскажу въ свое время. Пока я видѣлъ земство въ первоначальныхъ его проявленіяхъ и получалъ о немъ свое первое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это не было вполне благоприятно. Недавніе чиновники, или люди однихъ и тѣхъ же понятій и привычекъ, воспитанные подъ вліяніемъ долговременно дѣйствовавшаго тогда режима, земскіе дѣятели цѣнили въ своей дѣятельности прежде всего независимость отъ начальства, кото-

рое не могло ихъ удалить, перевести, предать суду или отвѣтственности, ничего не могло имъ приказывать. Они халатно относились къ исполненію своихъ обязанностей; каждый считалъ себя вольнымъ дѣлать или не дѣлать свое дѣло. Отъ этого замедлялось приведеніе въ порядокъ и устройство мостовъ, перевозовъ и дорогъ, не существовало никакого надзора за хлѣбопасными магазинами; земству не было даже извѣстно количество наличныхъ запасовъ. Оно собирало съ населенія около 350,000 р. въ годъ. Изъ нихъ 59,000 шло на содержаніе управъ; 48,000 на крестьянскія учрежденія; на врачебную часть 17,000 и только 19,000 на училища. Врачебная часть пропадала въ пространствахъ, обнаруживая свое присутствіе только въ немногихъ пунктахъ; остальные мѣстности и громадная часть населенія не могли пользоваться ею. Всѣхъ врачей въ губерніи было 36; ветеринаровъ 19. Число заболѣвавшихъ инфекціонными болѣзнями не могло быть приводимо въ извѣстность вполнѣ. Официально имѣлись только свѣдѣнія о заболѣвшихъ въ годъ 189 тифозною горячкою, 149 диссентеріею и 109 человекъ оспою. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горячка держалась цѣлый годъ. О числѣ сифилитиковъ не было свѣдѣній, хотя всѣ знали, что ихъ можно найти въ каждомъ селеніи.

Послѣ нѣкотораго наблюденія, меня поразило (и поражаетъ до сихъ поръ) въ организаціи земства тотъ важный недостатокъ, что малое число гласныхъ, положенныхъ, по закону, на уѣздъ, становится прежде всего раздавателемъ наиболѣе искомыхъ должностей, которыя достаются на долю половины излюбленныхъ гласныхъ же. Эта раздача становится для гласныхъ первою задачею, за которою всѣ остальные обязанности становятся не интересными и выполняются кое-какъ. Она дѣлается сильнымъ орудіемъ воздѣйствія на избирателей и поглощаетъ собою главнѣйшіе интересы земства. Такимъ образомъ оно представляется созданнымъ, какъ будто, для личныхъ пользъ гласныхъ, а не для населенія уѣзда. Другое обстоятельство обратило мое вниманіе неудовлетворительностію дѣятельности земства въ той именно части ея, которую оно приняло отъ правительства съ довольно значительными денежными средствами. Я говорю объ общественномъ призрѣніи. Кромѣ лицъ, болѣе или менѣе призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и больницахъ, есть въ рабочемъ классѣ люди,

которые отстраняются от работ по безопасности, лѣности или пьянству. Число такихъ людей бываетъ значительно; они составляютъ главный контингентъ нищенства, воровъ и другихъ преступниковъ. Устройство хорошаго рабочаго дома, который давалъ бы пристанище и обязательный заработокъ людямъ, лишившимся мѣста, не могущимъ найти занятіе, распущеннымъ, лѣнивымъ и ведущимъ нетрезвую жизнь, былъ бы значительнымъ общественнымъ подвигомъ. Напрасно старался я обратить на это вниманіе лучшихъ изъ земскихъ дѣятелей. Обычное отвращеніе отъ труда и почина примѣшивалось къ отговоркамъ, указаніямъ на недостатокъ земскихъ средствъ, трудность устроить рабочій домъ и удовлетворительное управленіе имъ.

Новыя городскія учрежденія обнаруживали одинаковую халатность и безпечность. Нѣкоторые ихъ дѣятели были не безъ грѣха въ поставкахъ, закупкахъ и надзорѣ за работами. И земскія и городскія учрежденія приходилось расталкивать, побуждать, возобновляя требованія при каждомъ случаѣ обнаруживающихся неудобствъ и вреда, причиняемыхъ населенію отъ неисполненія этими учрежденіями своихъ обязанностей. Напр., цѣлыя недѣли не возобновлялась прерванная переправа въ городъ отъ прилегающихъ къ нему путей, на которыхъ бѣдствовали толпы пріѣхавшихъ и пришедшихъ. Во время холерной эпидеміи городская управа долго не отводила мѣста для свалки нечистотъ и не дезинфектировала прежде свезенныхъ, усиливавшихъ эпидемію. Дума не могла собрать для рѣшенія этого дѣла полного числа гласныхъ. Напрасно администрація повторяла требованія и угрожала все исполнить наймомъ на счетъ города. Чтобы исполнить эту угрозу, надобно было писать въ Петербургъ, испрашивать о разрѣшеніи и ассигновки денежныхъ средствъ, которыхъ на лицо не имѣлось. Понятно, что въ администраціи укоренялось убѣжденіе, что, безъ ея почина и понужденій, земство и города не поднимутъ и не разрѣшатъ ни одного практическаго дѣла, когда разрѣшеніе его представляется настоятельно необходимымъ. Такое убѣжденіе старательно поддерживается мелкимъ административнымъ чиновничествомъ, вытѣсненнымъ новыми учрежденіями изъ насиженныхъ и теплыхъ мѣстъ.

Полиція, по своимъ способностямъ, направленію и образу дѣйствій, обнаруживала во всемъ непризнаніе дѣйствительной

жизни и пригнетала ее формами. Оплачиваемая не достаточно сравнительно съ новыми учрежденіями, заваленная дѣлами, отпискою, а болѣе всего соблюденіемъ никого не гарантирующихъ формальностей, она преимущественно заботилась о нихъ, какъ о лучшемъ средствѣ обезпечить себѣ безотвѣтственность. Требованія дѣйствительной жизни не имѣли для нея никакого значенія, а когда она назойливо напоминала о себѣ, полиція принимала эти напоминанія, какъ посягательство на ея покой, какъ обстоятельство, отвлекающее чиновниковъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей (читай дѣлопроизводство) и карала какъ за неблагонадежность и неподчиненіе законнымъ властямъ. Подъ всеѣмъ этимъ жизнь населенія затиралась; на мѣсто ея выставались какія-то условныя понятія, оффиціальныя миражи. Въ массѣ дѣлъ, которыхъ, по огромному числу ихъ, не возможно было своевременно исполнять, полиція теряла способность отличать важныя отъ неважныхъ. Важными представлялись ей тѣ, за которыя чиновники могли быть преданы отвѣтственности. Между ними первое мѣсто занимало взысканіе казенныхъ сборовъ. Во всеѣхъ дѣлахъ первымъ вопросомъ представлялся, какъ бы отстранить дѣло или ходатайство подъ предлогомъ отсутствія какой-либо требуемой закономъ формальности? Когда уклониться отъ дѣла оказывалось невозможнымъ, оно представлялось въ какомъ-то условномъ, казовомъ видѣ, съ которымъ дѣйствительность имѣла мало сходства. Во всемъ стараніе угодить начальству, вліятельнымъ и нужнымъ лицамъ. Въ пользу послѣднихъ допускались отступленія отъ формальностей, для всеѣхъ другихъ непреодолимыхъ. Не говорю уже о распространенномъ повсюду взяточничествѣ, казнокрадствѣ и карьеризмѣ. Послѣдній въ высшихъ, такъ сказать, мажорныхъ, даже интеллигентныхъ представителяхъ чиновничества процвѣталъ. Объ обязанностяхъ, долгѣ и общественной пользѣ никто не заботился. Слова эти произносились въ извѣстныхъ случаяхъ, подобныхъ тѣмъ, когда приходится надѣвать мундиры. Встрѣчались большія затрудненія въ замѣщеніи должностей, даже высшихъ чиновъ, людьми способными, а вмѣстѣ съ тѣмъ честными и образованными. Двухъ или трехъ изъ такихъ, которыхъ мнѣ удалось убѣдить къ принятію должности исправниковъ, я скоро долженъ былъ защищать отъ нападеній и нареканій то дворянства, то купечества, то земства и отъ придирокъ губернскаго правленія.

Конечно, прежде защиты, старательно провѣрялись обвиненія. Средства для этого я съ большими трудами добывалъ, пользуясь расположеніемъ и довѣріемъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, проживающихъ въ уѣздахъ. Непринужденныя бесѣды съ пріѣзжающими и обращающимися ко мнѣ по дѣламъ служили мнѣ большимъ подспорьемъ. Многое узнавалъ я въ безцеремонныхъ бесѣдахъ за чашкою чая, или за непритворнымъ моимъ семейнымъ обѣдомъ. Нѣкоторые изъ моихъ собесѣдниковъ признавались, что предпочитаютъ чиновниковъ, принимающихъ отъ нихъ благодарности и подарки, тѣмъ, которые ничего не берутъ. Получивши или ожидая награду, говорили они. чиновникъ избавить ихъ отъ формальностей, затрудненій и всякаго рода мытарствъ, черезъ которыхъ принужденъ проходить каждый, имѣющій какое нибудь дѣло.

Мнѣ даже не всегда удавалось защитить добросовѣстнаго чиновника. Скоро послѣ оставленія мною губерніи, я долженъ былъ оставаться безсильнымъ зрителемъ того, какъ раскольники и одно вѣдомство заѣли одного изъ приглашенныхъ мною исправниковъ, человека безукоризненнаго, открывшаго одну крупную продѣлку и злоупотребленіе. Я также имѣлъ прискорбные случаи убѣдиться, что едва я оставлялъ губернію, какъ люди, не позволявшіе себѣ ни одного предосудительнаго проступка, обнаруживали необычайную способность ко всякаго рода злоупотребленіямъ. Между тѣмъ въ безупречности ихъ, во время службы со мною, я убѣждался по удостовѣреніямъ постороннихъ и безпристрастныхъ лицъ.

Губернское правленіе представлялось фабрикою, вырабатывающею множество бумагъ, на просмотръ которыхъ должно было употреблять много времени, потому что только внимательнымъ просмотромъ можно было оберегать населеніе отъ удручающихъ и вредныхъ дѣйствій этого учрежденія. Для того, чтобы нагляднѣе представить мое тогдашнее о немъ мнѣніе, привожу выдержки изъ моего заключенія въ Петербургъ, посланнаго туда по требованію министерства, предполагавшаго тогда упадокъ значенія административной власти подъ вліяніемъ реформъ и новыхъ учрежденій. Это было, кажется, въ 1870 году. Посылая въ подлинникъ требуемыя мнѣнія „опытнѣйшихъ дѣлопроизводителей“, я, независимо и отдѣльно отъ нихъ, излагалъ слѣдующее: „Новыя условія общественной жизни, вызванныя совершившимися преобразованіями, ежедневно обнаруживаютъ недостатки нашей администра-

ціи и требуютъ ея преобразованія, чтобы сдѣлать приемы ея болѣе удобными для населенія. Далѣе, объяснивъ, что губернское правленіе стоитъ казнѣ около 30,000 р. въ годъ, наполнено 80 чиновниками, производящими до 1,500 дѣлъ въ годъ, я исчислялъ 14 ступеней, черезъ которыя должна пройти каждая бумага въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, указывая на низкую степень грамотности, способностей и честности орудій этой многосложной машины. Совѣтники не совѣтуютъ ничего, не читаютъ бумагъ чужихъ отдѣленій, подписывая ихъ на вѣру, и понятно послѣ этого, заключалъ я, что губернское правленіе заглушаетъ жизнь, отжило свой вѣкъ и выводитъ изъ терпѣнія своимъ безплоднымъ, старческимъ лепетомъ. Административныя дѣла, которыя подлежатъ коллегіальному обсужденію, должны быть вносимы въ совѣтъ, образуемый подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ предводителя дворянства, предсѣдателя земской управы, казенной и контрольной палаты, прокурора суда, воинскаго начальника и другихъ специальныхъ вѣдомствъ, смотря по тому, въ какую особенность входятъ обсуждаемыя дѣла“.

Таково было мое мнѣніе въ то время объ администраціи и губернскомъ правленіи. Впослѣдствіи, съ переменною обстоятельствомъ, событій и по мѣрѣ знакомства съ русскою дѣйствительностію, мнѣніе это нѣсколько видоизмѣнялось.

Новыя судебныя учрежденія нашель я въ полномъ ходу. Онѣ оказались не только не помѣхою администраціи, а желаемымъ регуляторомъ ея дѣйствій. Такимъ и были онѣ при искреннемъ и взаимномъ сочувствіи и содѣйствіи между мною и судомъ. Случались нѣкоторыя ошибки, увлеченія или недоразумѣнія, но онѣ скорѣе подтверждали общее правило.

Мировые суды были неудовлетворительны вслѣдствіе недостатка лицъ, изъ которыхъ они могли быть выбраны. Дворянская губернія, считавшая въ числѣ своихъ землевладѣльцевъ людей богатыхъ и носящихъ знатныя имена, не находила ихъ ни въ числѣ избирателей, ни между избираемыми. На дворянскихъ выборахъ нѣкоторые уѣзды, по отсутствію дворянъ, прикомандировывались къ другимъ. Земскія собранія по временамъ не могли состояться по неприбытію требуемаго закономъ числа гласныхъ. Въ мировые суды принуждены были иногда соглашаться на единоголосный выборъ людей, не имѣющихъ имущественнаго или

образовательнаго ценза. Распредѣленіе участковъ между мировыми судьями представляло неудобства даже для людей зажиточныхъ, имѣющихъ надобность въ нихъ. Большинство крестьянъ не имѣло никакой возможности обращаться къ нимъ.

Тюрьмы были въ самомъ ужасномъ положеніи. Постоянно переполненныя большимъ числомъ арестантовъ противъ того, на которое выстроены, онѣ находились въ самыхъ неблагоприятныхъ гигиеническихъ условіяхъ, и, по устройству своему, допускали возможность побѣговъ, а по личному составу наблюдающаго персонала, были ниже всякой критики. Улучшенія по этимъ частямъ требовали разрѣшеній и средствъ, которыя не были въ моей власти. Старинная организація тюремныхъ комитетовъ была въ примѣненіи своемъ очень неудовлетворительна. Дай Богъ, чтобы вновь образованное теперь управленіе тюрьмами достигло улучшеній, которыхъ можно ожидать отъ него, судя по качествамъ его персонала, средствамъ и лучшимъ приемамъ. Сомнѣваюсь однако, что бы оно было въ состояніи создать на мѣстахъ удовлетворительный персоналъ изъ начальствующихъ и наблюдающихъ въ тюрьмахъ, потому что это возможно только тогда, когда лица, могущія получать эти мѣста, окажутся въ состояніи возвыситься до внутренняго, нравственнаго призванія къ своему дѣлу.

Въ то время было еще одно дѣло, которое очень затрудняло и смущало меня. Это было распредѣленіе приходскихъ церквей между прихожанами, при чемъ приходилось упразднять нѣкоторыя церкви, для того чтобы, увеличеніемъ прихода, представить церковнослужителямъ болѣе средствъ къ существованію. Упраздненіе нѣкоторыхъ церквей, указываемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, смущало прихожанъ, которые всѣми мѣрами старались отстаивать свои церкви. Происки и подтасовки со стороны духовнаго вѣдомства просвѣчивали въ дѣлѣ, оставляя нравственное убѣжденіе въ ихъ существованіи. Все дѣло велось подъ предсѣдательствомъ высшаго духовнаго лица; я не имѣлъ никакой возможности открывать и устранять злоупотребленія; дѣлопроизводство облекалось сугубою, чисто внѣшнею формальностію, не дозволявшею проникать въ сущность дѣла. Эта формальность, къ счастью, затягивала дѣло, которое не привело, кажется, ни къ какому практическому результату.

Дѣйствія нѣкоторыхъ лицъ изъ духовенства и духовныхъ учреж-

денія допускали вопіющія злоупотребленія. Я настаивалъ, чтобы онѣ не оставались безнаказанными, сообщалъ всѣ факты и доказательства; по требованіямъ моимъ, нарядились отъ духовенства слѣдователи; слѣдствіе представлялось по принадлежности въ учрежденіе, которое по большей части прекращало дѣла за отсутствіемъ ясныхъ доказательствъ и уликъ.

Въ такой обстановкѣ пробылъ я около трехъ лѣтъ, поддерживаемый и на мѣстѣ, и въ Петербургѣ только слабымъ меньшинствомъ; самъ я и небольшое число моихъ сотрудниковъ представляли собою небольшую группу меньшинства, давимую со всѣхъ сторонъ большинствомъ.

Я охотно воспользовался указаніемъ одного петербургскаго лица на возможность назначенія меня въ одно изъ центральныхъ учреждений. Лицо это имѣло случай коротко узнать мою дѣятельность по казенному управленію въ губерніи, куда оно пріѣхало на службу скоро послѣ моего отъѣзда оттуда.

Роль капельмейстера, управляющаго плохимъ оркестромъ, играющимъ частію для несочувствующей, или ничего непонимающей, частію враждебной ему публики, начинала утомлять меня. Надежда повести свою ноту въ оркестрѣ, болѣе совершенномъ, заманчиво улыбнулась мнѣ. Мое желаніе скоро осуществилось. Я перѣѣхалъ съ семьею въ Петербургъ, гдѣ счастливъ былъ снова выслушать благодарность за мою честную и вѣрную службу.

VIII.

Въ центральномъ учрежденіи я попалъ сначала въ отдѣлъ гражданскихъ дѣлъ. Не смотря на то, что я кончилъ курсъ въ университетѣ по юридическому факультету, я не могъ сдѣлаться хорошимъ цивилистомъ. Изъ гражданскихъ дѣлъ мнѣ были знакомы по практикѣ только тѣ, которыя прикасались къ моей административной дѣятельности и которыя мнѣ приходилось вести по своимъ собственнымъ и женинымъ имѣніямъ. Тѣмъ не менѣе годъ, проведенный въ гражданскомъ отдѣлѣ, принесъ мнѣ нѣкоторую пользу. На слѣдующій годъ я переведенъ былъ въ отдѣлъ административный, въ которомъ всѣ дѣла были мнѣ хорошо извѣстны по долготѣней административной практикѣ въ разнообразныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Жизнь и служба въ Петербургѣ раскрыли передо мною новый, доселѣ неизвѣданный мною міръ. Постепенно, незамѣтно сталъ я испытывать на себѣ вліяніе этого новаго міра. Воздѣйствіе его становилось мнѣ съ каждымъ днемъ тяжелѣе. Сначала я недовѣрчиво провѣрялъ свои впечатлѣнія, пока дѣйствительность не представилась мнѣ во всей своей очевидности и грубости. Это совершилось тѣмъ легче и скорѣе, что маскироваться передо мною никому не было никакой надобности и выгоды. По занимаемому мною положенію, по состоянію, по связямъ, по мягкости характера и врожденной застѣнчивости, я почти никому въ Петербургѣ не могъ быть полезенъ и нуженъ. Я не могъ удовлетворить нѣкакого искаателя мѣстъ, не могъ кормить завтраками, обѣдами и ужинами, давать деньги въ займы, способствовать къ удовлетворенію чужаго тщеславія, пугать своими рѣзкими выраженіями, поступками, не умѣлъ даже бойко и краснорѣчиво защищать свои мнѣнія. И прежде у меня не было обширнаго круга знакомыхъ въ Петербургѣ; были служебныя и родственныя отношенія; было нѣсколько человекъ, которые въ свое время заискивали во мнѣ, съ цѣлію получить себѣ, или для другихъ, одно изъ мѣстъ, которыми я могъ располагать. Люди эти выражали ко мнѣ когда-то дружбу и уваженіе. Въ наивности своей, я думалъ, что и теперь они поспѣшатъ возобновить со мной отношенія. Никакой поспѣшности имъ оказано не было; нѣкоторые изъ нихъ даже не поторопились отдать мнѣ визитъ.

Такъ опредѣлилось мое положеніе въ обществѣ и на службѣ въ этой дурно скрываемой, ожесточенной безпощадной скачкѣ съ препятствіями, въ виду почета, карьеры или наживы.

Были люди, привлекающіе меня умомъ или дарованіями, къ которымъ я охотно бы примкнулъ, но на что я имъ былъ! И я не только не примыкалъ, а понемногу, незамѣтно отдалялся; около меня образовалась пустота, которая сначала огорчала, а потомъ слюбилась и показалась удобною. Ни я, ни жена не обладали способностями и средствами завлечь въ свой домъ, какъ это дѣлается въ Петербургѣ. Не завелись мы молодыми и пріятными лицами, привлекающими въ домъ. Притомъ же я страдалъ неизлечимою наклонностію высказывать правду даже тогда, когда видѣлъ ея неумѣстность.

Ликвидировавъ свою карьеру, свободный отъ всякихъ ожида-

ній и стремленій въ этомъ отношеніи, я усердно принялся за служебныя дѣла, которыя, во всемъ своемъ разнообразіи, были мнѣ знакомы по практической моей дѣятельности. Но вотъ на практической почвѣ скоро и обнаружилось, въ чемъ я расхожусь съ моими сослуживцами. Впрочемъ никакихъ причинъ и поводовъ къ сближенію и не было. Мы сходились въ одно мѣсто, въ опредѣленные дни и часы и этимъ только ограничивалось наше случайное сближеніе. Никакихъ направленій не чувствовалось; въ этихъ сферахъ господствовали какія-то особыя соображенія, имѣвшія для большинства преобладающее значеніе. Соображеній этихъ я не имѣлъ, ихъ не сознавалъ и еще менѣе руководствовался ихъ вліяніемъ, а потому никто даже не замѣчалъ меня. Большинство моихъ сослуживцевъ образовалось и сложилось въ Петербургскихъ служебныхъ сферахъ, подъ вліяніемъ обобщеній. Русская дѣятельность представлялась имъ въ условныхъ отвлеченныхъ формахъ, а въ сущности своей была имъ мало извѣстна. Чтò и какъ дѣлалось на мѣстахъ, какъ примѣнялись тамъ опредѣленія и законы, какое они тамъ производили дѣйствіе, объ этомъ имъ мало было извѣстно. Во время ихъ службы, принимая участіе въ разныхъ комитетахъ, акціонерныхъ и промышленныхъ компаніяхъ, въ которыхъ многіе участвовали, они приобрѣли особую діалектическую практику, ловкость и бойкость въ преніяхъ. Споръ съ ними походилъ на фехтованіе человѣка, стоящаго внизу, съ другимъ, стоящимъ на крышѣ. И фехтовали они превосходно! Между ними были люди, высоко даровитые, способные выбить у противника рапиру съ перваго пасса, и мнѣ приходилось не разъ подвергаться такой участи. Изъ такихъ случаевъ я выносилъ тяжелое чувство сознанія своего безсилія, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердое убѣжденіе въ основательности своего мнѣнія; только въ защиту его, я въ жару спора, не находилъ пригодныхъ и ловкихъ возраженій. Впослѣдствіи они приходили мнѣ на умъ, но тогда было уже поздно и бесполезно. По характеру и во время моей служебной дѣятельности, мнѣ не приходилось и не было надобности упражнять, развивать въ себѣ діалектическую способность. Въ новой моей дѣятельности возраженія съ моей стороны вызывались преимущественно соображеніями объ удобствахъ или неудобствахъ практическаго примѣненія рѣшенія, въ особенности когда, по приобретенному мною на-

выку, примѣненіе это угрожало вредомъ. Я сплился увлечь моихъ противниковъ въ область, имъ невѣдомую, и потому вовсе не признаваемую. Примѣровъ подобныхъ преній я могъ бы привести много.

Но рѣдкія удачи въ преніяхъ не удерживали меня отъ возобновленія ихъ въ необходимыхъ, по моему убѣжденію, случаяхъ. Нѣсколько разъ я письменно излагалъ свои отдѣльныя мнѣнія, но это рѣдко приводило къ желаемымъ результатамъ. Врожденная застѣнчивость моя усиливалась; я понемногу разучивался говорить, иногда даже смущался, когда мнѣ предоставлялось слово. Я впадалъ въ настроеніе Гамлета Щигровскаго уѣзда, которымъ въ шутку иногда называлъ себя. Я возмущался самъ противъ такого состоянія, которое считалъ упадкомъ воли, сравнивая его съ прежнею энергіею и настойчивостію въ моей практической дѣятельности. Я часто спрашивалъ себя: на своемъ ли я тутъ мѣстѣ? Способенъ ли я къ умственнымъ элукубраціямъ? Не пригоднѣ ли я скорѣе для того, чтобы стоять лицомъ къ лицу передъ ежедневно мѣняющимся калейдоскопомъ событий, чтобы, соображаясь съ ними, направлять административную машину? Не слѣдуетъ ли мнѣ выступить на арену, и вмѣшаться въ безпощадную скачку съ препятствіями, которая несется передо мною, равнодушнымъ и негодующимъ зрителемъ? Меня удерживало отвращеніе отъ искательствъ, отъ официальныхъ положеній, а болѣе всего происходящая во мнѣ внутренняя работа, подъ вліяніемъ которой начинало измѣняться мое міросозерцаніе.

Каждое лѣто меня тянуло въ деревню. Мы избѣгали петербургскихъ дачъ; всякій годъ я испрашивалъ отпускъ; мы поселялись на лѣто въ какой-нибудь усадьбѣ одной изъ внутреннихъ губерній. Тутъ, живя человекомъ, неимѣющимъ никакого officialнаго значенія, игнорируемый даже мѣстною полиціею, я отдавался своей привычкѣ къ раннимъ, продолжительнымъ прогулкамъ и хожденію на охоту. Я сходилъ съ разнаго рода людьми, въ томъ числѣ крестьянами, ища между ними словоохотливыхъ, откровенныхъ и дѣльныхъ.

Крестьяне и сельское сословіе преимущественно интересовали меня, потому что они составляютъ болѣе двухъ третей всего русскаго населенія, и поэтому имѣютъ до сихъ поръ и будутъ

имѣть преобладающее вліяніе на все наше историческое развитіе, не въ силу только своей численности, а въ силу особыхъ, присущихъ имъ свойствъ.

Въ разговорахъ съ ними постепенно раскрывалась мнѣ безыскусственная русская и народная дѣйствительность, старательно закрываемая официальными казовыми сторонами и миражами. Мнѣ приходилось убѣждаться, что многое изъ того, что прежде казалось мнѣ неоспоримою истиною, есть ни что иное какъ миражъ. Съ каждымъ новымъ лѣтомъ приходила новая эра разубѣжденій и неожиданныхъ открытій.

IX.

Посреди этого періода произошли важныя и прискорбныя событія нашей исторіи, вызванныя такъ называемыми нигилистами. Покушеніе Соловьева, взрывъ подлѣ Москвы и въ зимнемъ дворцѣ возбуждали важные вопросы, и между прочимъ о направленіи нашей внутренней политики. Очень понятно, что вопросы эти и способы ихъ разрѣшенія глубоко занимали меня. Мое убѣжденіе состояло тогда въ томъ, что возвращеніе назадъ было немыслимо и невозможно; оно только увеличило бы массу недовольныхъ, на которыхъ рассчитывали подпольныя шайки. Слѣдовало предоставить общественнымъ силамъ возможность развиваться, въ томъ числѣ и видимо увеличивающейся интеллигенціи, законныя потребности которой оставались безъ удовлетворенія. Слѣдовало также примирить населеніе съ администраціею, направить ее къ признанію жизни, а не подавленію ея. Слѣдовало наконецъ предоставить учрежденію, предназначенному по закону для регулированія администраціи, болѣе для этого возможностей. Мысли эти изложены были въ двухъ запискахъ, которыя передалъ я кому считалъ возможнымъ. Обѣимъ этимъ запискамъ, въ особенности о способахъ регулировать администрацію, суждено было въ скоромъ времени возбудить тяжкія обрушившіяся на меня преслѣдованія.

Вскорѣ послѣ подачи ихъ, я уѣхалъ въ деревню, гдѣ я окончательно убѣдился въ томъ, что я до того времени начиналъ только подозрѣвать. Я убѣдился, напр., что, кромѣ освобожденія

крестьянъ, не всѣ новѣйшія реформы проникли въ народъ и распространили въ немъ тѣ улучшенія, которыми эти реформы надѣлили общество. Я убѣдился, что изъ мѣръ, предписанныхъ великимъ актомъ 19 февраля 1861 года, волостной судъ не соотвѣтствовалъ потребностямъ народа. Въ каждой деревнѣ существовалъ прежде мірской судъ, которому хорошо были извѣстны всѣ обстоятельства и поступки тяжущихся. Приговоръ этого суда достигалъ той степени справедливости, какая могла быть достигнута у крестьянъ. Новый волостной судъ оказывался болѣе отдаленнымъ отъ тяжущихся, не могъ о нихъ знать того, что было извѣстно деревенскому суду. Такимъ образомъ судъ сдѣлался мало доступнымъ, тяжелымъ, зависящимъ отъ разныхъ формальностей, случайностей, часто исключаящихъ справедливость. Мировой судъ былъ доступенъ только самымъ зажиточнымъ людямъ изъ сельскаго сословія, обусловливался знаніемъ формъ и законовъ, недоступныхъ простолюдину, обычныхъ только для адвокатовъ. Еще менѣе доступны были общіе суды. Если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія ихъ воспитательнаго дѣйствія на народъ, то изъ разсказовъ тѣхъ, которымъ случалось участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей, можно было сдѣлать слѣдующія заключенія. Прежде всего обязанность присяжнаго засѣдателя была стѣснительна для простолюдина, въ особенности, когда ему приходилось отбывать ее во время полевыхъ работъ. Но и во всякое время передвиженіе въ городъ, иногда отдаленный, жизнь въ немъ, хотя бы въ теченіи нѣсколькихъ дней, едва оплачиваемая вознагражденіемъ, скупо назначаемымъ сходомъ, тяжела и дорога крестьянину, который въ это время не имѣетъ возможности произвести, или заработать ни на одну копейку. Хорошо еще, когда судятся дѣла, доступныя понятію крестьянъ, но и въ нихъ судьи, прокуроры и адвокаты говорятъ такимъ языкомъ, задаютъ такіе вопросы, которые не по силамъ простолюдину. Наконецъ крестьяне возмущаются тѣмъ, что ихъ больше другихъ тянутъ въ присяжные, въ то время, когда другіе, грамотные, умные и достаточные люди, рѣдко, а то и вовсе не назначаются присяжными засѣдателями.

Изъ разговоровъ простолюдиновъ я выносилъ убѣжденіе въ разумности и основательности выработанныхъ народомъ учрежденій, каковы сходъ и общинное пользованіе землею. Последнее

служило лучшимъ средствомъ сохранить за міромъ земельный капиталъ, который, безъ этого средства, отпадалъ бы отъ него по кусочкамъ, и какъ единственное средство устранить пролетаріатъ. Конечно, такихъ громкихъ словъ и выраженій не произносили и даже не подозрѣвали разговаривавшіе со мною простолюдины.

Къ сожалѣнію, въ послѣднее время стремленіе къ заработкамъ на сторонѣ, относительная легкость ихъ, жизнь близъ городовъ и фабрикъ, семейные раздѣлы начинаютъ вносить въ сельскую общину стремленіе освободиться отъ нея. Даже для солидныхъ крестьянъ общественная раскладка представляется тяжелою, вынуждая ихъ доплачивать не изъ прибылей съ общинной земли, а съ наемной, или съ заработковъ. Плохихъ хозяевъ, разгульныхъ, испорченныхъ на фабрикахъ міръ старается отдалять отъ себя; они охотно уходятъ въ города и на фабрики, представляющіе имъ способы и возможность къ разгулу. Изъ такихъ людей образуется контингентъ пролетаріевъ и бунтарей.

Не разъ приходилось мнѣ хорошо знакомиться съ политическими идеалами народа, о которыхъ онъ не стѣсняется разговаривать; для нѣкоторыхъ это представляетъ даже любимую тему разговоровъ. Переходя къ этому предмету, я долженъ признаться, что испытываю нѣкоторую неловкость, даже робость. Мнѣ приходятъ на память столько заявленій по этому предмету, произносимыхъ и печатанныхъ съ корыстными цѣлями. Я боюсь, что и читатель мой, и редакторъ, который рискнетъ оказать мнѣ гостепріимство, взведутъ на меня подозрѣніе въ такихъ же корыстныхъ цѣляхъ, не зная даже, что мнѣ не для чего ихъ имѣть. Но, по привычкѣ своей высказывать, несмотря ни на что, все, что считаю правдою, я кратко замѣчу, что для простолюдина верховная власть представляется единственно силою, могущею устранять отъ него зло, исправлять немедленно неудобства и вредъ формальностей, мытарствъ, одолѣть необъятныя пространства, безчисленныя инстанціи, и сопротивленіе чиновничества, отдаляющаго власть отъ народа. Въ государѣ народъ видитъ единственное лицо, непосредственно заинтересованное въ осуществленіи правды и порядка. Я твердо убѣжденъ, что еслибы эти, дорогіе въ глазахъ народа, атрибуты власти, или часть ихъ были отъ нея отчуждены и переданы другимъ лицамъ или сословіямъ,

отчужденіе это представится народу, какъ измѣна, угроза и какъ страшная для него опасность. Онъ будетъ способенъ тогда рѣшиться на самыя отчаянныя средства, чтобы устранить эту опасность. Такое соображеніе представляется мнѣ всякій разъ, когда я слышу, или читаю мысли о „вѣнцѣ зданія“. Меня поражаетъ слѣпота, или невѣдѣніе тѣхъ, кто выражаетъ желаніе о такой революціи безъ народа, (какъ выразился разъ подпольный органъ Народной Воли), послѣдствія которой повлекутъ за собою величайшія опасности, даже гибель для тѣхъ, которые такъ легкомысленно мечтаютъ объ этомъ.

Въ бесѣдахъ моихъ съ простолюдинами, приходилось часто говорить объ ухудшеніи урожаевъ и, по поводу этого, о старыхъ приемахъ и привычкахъ крестьянскаго хлѣбопашества. Большинство крестьянъ не приписывало имъ уменьшенія плодородности земли. Крестьяне сознавали, что количество скота, а съ нимъ и удобренія, уменьшается, что времена наступаютъ плохія, но единственную возможность поправиться видѣли въ промыслахъ, а больше всего въ переселеніи на лучшія, свободныя мѣста. Однако при этомъ было много разсказовъ объ ошибкахъ переселенцевъ и о претерпѣваемыхъ ими бѣдствіяхъ, о препятствіяхъ, возникнувшихъ отъ незнакомства съ указанными въ законахъ правилами. Пользу улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ признавали всѣ, но, при этомъ, указывалось на множество практическихъ невозможностей, встрѣчаемыхъ къ осуществленію этихъ улучшеній. Когда я указывалъ на близкіе крестьянамъ, извѣстные имъ по сосѣдству, примѣры улучшенныхъ господскихъ хозяйствъ, или на образцовыя фермы вѣдомства государственныхъ имуществъ, крестьяне лугаво замѣчали, что у господъ и у казны на эти затѣи много лишнѣхъ денегъ. Все сводилось къ заявленіямъ, напоминающимъ мнѣ отзывы сходовъ на прежнія убѣжденія мои уменьшить пьянство, что лучше, если придетъ какое нибудь приказаніе, или бумага отъ начальства, тогда увидимъ что будетъ. Мнѣ помнится интересный разсказъ одного крестьянина, видѣвшаго порядки крѣпостнаго права, когда я говорилъ ему, что рожь и овесъ косить выгоднѣе, чѣмъ жать. Крестьянинъ разсказалъ мнѣ, какъ въ то время, когда они принадлежали одному богатому помещику, управляющій его принуждалъ косить рожь и овесъ. Для этого выписали косаря изъ мѣстъ, гдѣ не жали, а косили хлѣбъ;

косарь привезъ съ собою косы съ длинными деревянными крѣчьями, придѣланными къ ручей косы съ боку, выше лезвія; крѣчьи эти, при косьбѣ, захватывали и укладывали рядами колосья. Косецъ дѣйствовалъ хорошо и бойко. Однако старики говорили, что при косьбѣ будетъ высыпаться много зеренъ изъ колосьевъ; крестьяне заключили, что пусть баринъ косить свой хлѣбъ, что пожалуй, они выучатся косить на его хлѣбахъ, но свой хлѣбъ косить не станутъ. Управляющій возражалъ, что баринъ этого требуетъ непременно; а ослушниковъ велѣлъ пороть.

— Ладно, говорили между собой крестьяне, рассказывалъ мой собесѣдникъ. За каждымъ ты не усмотришь, мы сожнемъ и увеземъ хлѣбъ; всѣхъ не перепорешь, устанешь.

При этой сценѣ присутствовалъ пришедшій изъ любопытства родственникъ одного помѣщика, живущій по сосѣдству, „добрый, простой такой; мы говорили съ нимъ по душѣ“. Когда мы спорили съ управляющимъ, онъ ухмылялся и моталъ головою. Когда мы отошли, мы накинудись на него.

— Чего, молъ, баринъ, смѣешься, радъ что ли, что насъ пороть будутъ?

— Эхъ, братцы, братцы, отвѣтилъ баринъ; вы многого не смекаете; косить - то нужно, когда зерно въ колосѣ не успѣетъ еще засохнуть; послѣ дойдетъ, а овесъ косить по росамъ, когда моча въ колосьяхъ зерна держать.

Мы все спорили. А онъ говорить старикамъ:

— Вотъ вы, чай, пилите теперь доски, а прежде, ровняли ихъ топорами?

— Помнимъ, ровняли.

— Ну а теперь, тоже ровняете топоромъ?

— Зачѣмъ топоромъ; нынче на то пилы подѣланы.

— Ну, какъ прежде хлѣбъ серпами жали, такъ и доски топорами гладили. А теперь пилете; попробуйте косить, можетъ полюбится.

Это запало въ умахъ крестьянъ; они начали пробовать косить у себя, сначала нѣкоторые, потомъ всѣ, а года черезъ два всѣ стали косить хлѣбъ.

Рассказываю объ этомъ подробно, въ видѣ примѣра разныхъ способовъ убѣжденій, какими можно вліять на крестьянъ, побуждая ихъ къ трудному, но настоятельно теперь для нихъ необходимому переходу къ лучшимъ способамъ сельскаго хозяй-

ства. Только при сближеніи съ крестьянствомъ, внушеніемъ ему довѣрія, продолжительными благожелательными отношеніями мѣстная интеллигенція можетъ приобрести на него благотѣльное вліяніе, которое непременно отразится не менѣе благотѣльными послѣдствіями для той же самой мѣстной интеллигенціи. Къ сожалѣнію, самое удобное для такого сближенія время, 1861 годъ, было упущено въ разгарѣ столкновенія личныхъ, близорукихъ интересовъ. Обѣ стороны отдалялись другъ отъ друга все болѣе и болѣе. При крѣпостномъ правѣ еще существовали между ними общіе интересы; необходимость соблюденія ихъ рѣзко напоминалась обѣимъ сторонамъ дѣйствительностію. Теперь выгоды стали противоположны; сближеніе происходитъ только случайно, подобно сближенію покупателя съ продавцемъ; оба сословія видятъ только свои отрицательныя стороны, отталкивающія ихъ другъ отъ друга. Такое видимое разобщеніе поддерживалось невозможностію обѣихъ сторонъ понять другъ друга, объяснить причины своего отчужденія и слѣдовательно устранить ихъ. Непониманіе менѣе извинительно для интеллигенціи, обладающей у насъ дарованіями и духовными силами, которымъ позавидовала бы любая европейская нація. Интеллигенція какъ будто не признавала своего незнакомства со стремленіями, нуждами и установившимися понятіями народа. Немногія данныя по этимъ предметамъ пропадали въ печати, разбѣянные между нѣкоторыми статьями немногихъ журналовъ, написанными немногими людьми, только съ недавняго времени принявшими серьезно изучать народъ. Но и эти свѣдѣнія мало интересовали большинство публики и мало обобщались въ ней. Разрозненность представляется огромною. Самые интеллигентные люди не подозреваютъ, что большая часть реформъ не проникла въ народъ, т. е. въ значительную часть всего русскаго населенія, которое не только не пользуется ихъ плодами, но терпитъ отъ нихъ, будучи припуждена нести непосильную тяготу для осуществленія ихъ. Интеллигенція такъ мало догадывается объ этомъ, что домогается облагодѣтельствовать народъ еще болѣе развитіемъ этихъ реформъ, новыми мѣропріятіями, начиная отъ урядниковъ, преобразованія полиціи, до вѣнца зданія и коммуны, потому что идея о ней привилась все-таки въ нѣкоторой, хотя не большой, части интеллигенціи. Ненасытная жажда реформъ объясняется предположеніемъ реформаторовъ,

что осуществленіе ихъ будетъ легко и полезно народу. Не сближаясь съ нимъ, не углубляясь въ него, интеллигенція не подозреваетъ, что предлагаемыя мѣры останутся только на поверхности, на верхнемъ слоѣ общества, но не проникнуть въ народъ. Такая судьба постигала и прежнія давнишнія реформы, напр. улучшение городскихъ учрежденій, задуманное Екатериною; она постигаетъ теперь новѣйшее, — земское учрежденіе. Неизвѣстно еще какой результатъ получится на практикѣ для большинства населенія отъ недавней, такъ желаемой, рекомендуемой, по теоріи гуманной мѣры, — отмѣны солянаго налога? Подобные вопросы мало тревожатъ большинство нашей интеллигенціи, давно потерявшее историческую и народную почву. Не смотря на это, нельзя не признать, что наша интеллигенція исполнена хорошихъ, гуманныхъ намѣреній. Вся бѣда въ томъ, что она высокомерно не сознаетъ своего отчужденія отъ большинства населенія, что чувства ея къ нему имѣютъ какой-то искусственный, абстрактный характеръ любви, не исключающей самонадѣяннаго стремленія облагодѣтельствовать меньшую братію, даже помимо ея желанія, хотя бы насильно.

Разоблаченія, идущія изъ народныхъ сферъ, относительно земскихъ учрежденій подтвердили мои прежнія догадки, возникавшія въ тѣ годы, когда мнѣ приводилось видѣть примѣненіе этихъ учрежденій на дѣлѣ и на мѣстѣ.

Крестьяне не давали себѣ яснаго отчета о предметахъ, подвѣдомственныхъ земству и еще менѣе о своихъ правахъ на участіе въ его примѣненіи. Прежде всего на участіе это они смотрѣли, какъ на обременительную и дорого стоющую имъ повинность. Далѣе они чувствовали тягость земскихъ платежей, значительно увеличившихъ ихъ, и безъ того непомерные, денежные сборы. Отъ засѣданія въ земскихъ собраніяхъ своихъ собратьевъ, попавшихъ туда только по случайностямъ и обстоятельствамъ, для нихъ несчастнымъ, крестьяне не видѣли и не ждали никакой пользы. Поэтому на избирательныхъ сѣздахъ, куда ихъ гоняютъ, они старались сами уклониться отъ избранія. Выбираютъ тѣхъ, на кого указываетъ начальство, непремѣнный членъ, или старшина, выбираютъ тѣхъ, кто самъ просится и угощаетъ. Отъ такихъ избранныхъ они не только не ждутъ для себя никакой защиты и пользы, но знаютъ впередъ, который изъ нихъ будетъ

способствовать ихъ отягощенію. Когда кто нибудь изъ крестьянъ попадалъ случайно въ гласные и, сидя въ собраніи, понявъ о чемъ идетъ рѣчь, пробовалъ заговорить своею рѣчью, желая доказать бесполезность и тягость для крестьянъ предлагаемой мѣры, его скоро умиряли насмѣшками, или угрозами, которыя потомъ осуществлялись. Воротилы, заправлявшіе дѣлами въ собраніяхъ, говорили больше всѣхъ и все рѣшали; это были или помѣщики, или фабриканты, заводчики, торгаша, кулаки, священники. Интересы этихъ людей не имѣли ничего общаго съ интересами крестьянства. Напротивъ, тяготы и темнота крестьянъ были для нихъ выгоднѣе, чѣмъ ихъ благосостояніе и развитіе: чѣмъ бѣднѣе крестьянинъ, тѣмъ дешевле требуетъ онъ за свою работу, а крестьянскій трудъ только и былъ нуженъ этимъ сильнымъ заправителямъ земства. Ни врачами, ни больницами, ни училищами, ни мостами большинству крестьянства не приходилось пользоваться вовсе или по ихъ недоступности, или по отдаленности, между тѣмъ налоги на поддержаніе и устройство этого отнимали у крестьянина возможность купить необходимое и уплатить казенные сборы, взыскиваемые безпощадно, подъ угрозою продать имущество, угрозою, не рѣдко осуществляемою. Гдѣ тутъ крестьянину думать о роскоши, въ видѣ моста, по которому ему пришлось проѣхать только разъ, или два въ жизни, врача или фельдшера, у которыхъ онъ прождалъ въ городѣ цѣлый день, съ трудомъ добившись нѣсколькихъ разсѣянныхъ вопросовъ и лекарствъ, которое не принесло ему никакой пользы. Въ училище можно посылать дѣтей только тогда, когда школа въ той же деревнѣ, или очень близко. Иначе приходилось бы платить за жилье и пищу учениковъ, чтобы не гонять его каждый день по нѣскольку верстъ въ училище. Дѣти не скоро и плохо выучивались грамотѣ, отрывались отъ работъ въ полѣ; учителя не внушали имъ ни уваженія, ни довѣрія къ родителямъ и сами не скрывали своего пренебреженія къ нимъ. Когда въ земскомъ собраніи идетъ рѣчь о предметѣ, близкомъ крестьянству, компетентныхъ представителей отъ него тамъ или нѣтъ, а если есть случайно, то ихъ рѣдко спрашиваютъ. При этомъ въ собраніи выражаются такъ мудрено, что мужику мало можно что нибудь понять при всемъ стараніи вникнуть. Да онъ и не старается. Исключеній изъ этого мнѣ приходилось узнавать мало.

Было еще во мнѣ ошибочное понятіе, которое пришлось исправить. Читая много о вредѣ кулаковъ, разоряющихъ крестьянъ, я полагалъ, что ихъ слѣдуетъ немедленно устранять, что население можно одарить учрежденіемъ, снабжающимъ крестьянъ доступнымъ и дешевымъ кредитомъ. Правда, крестьяне сами высказывали часто, какъ обираютъ ихъ кулаки; но всякій разъ, когда я говорилъ, что кулаковъ хорошо бы совсѣмъ вытѣснить изъ деревень, они говорили, что безъ этихъ кулаковъ они бы совсѣмъ пропали. Крестьянину постоянно встрѣчается необходимость немедленно получить какую нибудь сумму наличныхъ денегъ, въ особенности, когда выбиваютъ подати; продать для этого лошадь или корову, если есть лишнія, можно развѣ почти даромъ; въ закладъ ихъ никто не беретъ, потому что не знаетъ, останутся ли они живы и цѣлы; другаго ничего нѣтъ; остается только занять деньги подѣ обязательство отдать хлѣбомъ изъ будущаго урожая, или отработать. Такое обезпеченіе все-таки не надежно для закладчика, потому что неизвѣстно еще, каковъ будетъ урожай, останется ли отъ него что нибудь крестьянину, захочетъ ли, сможетъ ли онъ во-время исполнить обѣщанную работу. Рискъ для закладчика, очевидно, большой, въ виду разныхъ случайностей и возможности для заемщика сдѣлаться несостоятельнымъ. Послѣ этого, какъ не радоваться, что находится человѣкъ, который рѣшается на такой рискъ, хотя бы изъ-за огромной лихвы. Если бы онъ не рѣшался, то къ кому и куда было бы обратиться крестьянину? Такимъ образомъ выходило, что крестьяне, проклиная кулаковъ и заемщиковъ за ихъ жадность, считали бы себя безпомощными безъ нихъ.

Послѣ покушенія Соловьева приходилось не разъ говорить объ этомъ съ крестьянами, которые при этомъ не были такъ скрытны и лукавы, какъ въ разговорахъ о другихъ предметахъ. Они затруднялись только высказывать свое подозрѣніе, что злодѣйскія попытки дѣлаются въ отомщеніе за освобожденіе крестьянъ. Не стану распространяться объ этомъ предметѣ, потому что онъ выяснился несомнѣнно въ послѣднія тяжелыя времена. Въ разговорахъ объ этомъ для меня все больше и больше выяснялся политическій идеалъ русскаго народа и то значеніе, которое имѣла въ его глазахъ верховная власть. Прежде, когда что нибудь подобное выражалось при мнѣ, это казалось мнѣ фетишизмомъ, гру-

бымъ преклоненіемъ силъ, свойственнымъ всѣмъ грубымъ, народнымъ массамъ. Теперь такое заблужденіе для меня сдѣлалось невозможнымъ; я, какъ невѣрующій Оома, ощупывалъ своими пальцами историческій народный продуктъ.

Къ такимъ выводамъ приходилъ я постепенно, изъ года въ годъ, по мѣрѣ знакомства съ русскою дѣйствительностію.

X.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1880 года прочелъ я рѣчь Достоевскаго на пушкинскомъ юбилеѣ. Особое вниманіе мое обратили слова оратора о свойственномъ русскому человѣку недовольствѣ окружающею его средою и объ отшельничествѣ. Меня поразили слова: „Смирись, гордый человѣкъ, и прежде всего потрудишься на народной почвѣ. Не вѣѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ. Правда прежде всего въ твоемъ собственномъ трудѣ надъ собою“.

До того времени я былъ знакомъ только съ тѣми произведеніями Достоевскаго, которыя печатались нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Послѣ возвращенія его изъ ссылки появилось много другихъ его произведеній, изъ которыхъ нѣкоторыхъ я, къ стыду моему, не удосужился прочесть. Слова его московской рѣчи были метки, въ особенности тѣ, которыя указывали на нигилистовъ. Цѣня ихъ по глубинѣ мысли, я мало обратилъ тогда вниманіе на оттѣнокъ мистицизма, который, какъ мнѣ тогда казалось, объяснялся личными наклонностями автора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычной каждому человѣку наклонности, я примѣнялъ къ себѣ слова объ обязанности работать на народной нивѣ. Не отвлекался ли я отъ этой обязанности высокомернымъ желаніемъ облагодѣтельствовать народъ по своей мѣркѣ? Я спрашивалъ себя также, одобрительно ли мое отшельничество отъ людей, съ которыми приходится встрѣчаться? Не объясняется ли оно гордостію, сознаниемъ моей безупречности и отсутствіемъ смиренія, безъ котораго невозможно никакое общеніе съ людьми? О христіанской любви я здѣсь не говорю, чтобы не выходить изъ круга мыслей, общихъ нашимъ интеллигентнымъ людямъ, независимо отъ ихъ религіозныхъ, или философскихъ убѣжденій. Для работы на народной нивѣ время и случай уже миновали. Совсѣмъ другое дѣло,—мое разобщеніе съ окружающими людьми. Я сознавалъ, что въ немъ было много добровольнаго съ моей стороны, что я не старался излечить въ

себѣ нетерпимость и жесткость. Надобно было устранить въ себѣ эти пороки. Я усердно принялся за работу надъ самимъ собою. Порою она нѣсколько смягчала меня, но, при всякомъ удобномъ случаѣ, упрямая натура снова брала верхъ и выбивала меня изъ колеи, по которой я терпѣливо принялся было слѣдовать. Это меня огорчало. Я понималъ, какъ много Некрасовъ долженъ былъ страдать, говоря: „То сердце не научится любить, которое устало ненавидѣть“.

Во время этой внутренней работы меня постигли преслѣдованія, повода которымъ я ничѣмъ не подавалъ, побужденія которыхъ оставались для меня тайною. Не считаю удобнымъ рассказывать подробности этого дѣла, отравившаго мою, и безъ того не веселую, жизнь; а подробности эти могли бы быть весьма характеристичны и поучительны. Къ счастью, нравственное настроеніе, въ которомъ я находился, помогло мнѣ легче перенести эту напасть. Тѣмъ не менѣе она нанесла мнѣ сильное потрясеніе, отъ котораго снова поколебалось мое здоровье. Я долго боролся съ уныніемъ и болѣзнію, но онѣ скоро одолѣли меня. Въ февралѣ мѣсяцѣ я уже лежалъ въ постелѣ. Едва начиналъ я оправляться, какъ грянуло событіе 1-го марта. Внезапность его, ужасъ, опасенія за будущность Россіи, сознаніе павшаго на нее позора овладѣли мною. Трудно передать, какъ пережилъ я это тяжелое не для меня одно время. Кажется, большинство общества раздѣляло мои чувства. О народѣ нечего и говорить; я только боялся за форму, въ которой выразится въ началѣ и въ послѣдствіи его тревога и подозрительность. Опасенія эти продолжаютъ тревожить меня, даже теперь, когда я пишу эти строки.

Послѣ первыхъ дней, проведенныхъ въ смятеніи, посреди извѣстій объ увеличивающемся числѣ избличенныхъ и пойманныхъ злодѣевъ, наступилъ уголовный процессъ и за нимъ судъ. Едва оправляясь отъ болѣзни, но уже со свѣжею головою, я внимательно и скорбно слѣдилъ за всѣми фазисами и подробностями процесса, сообщаемыми частію въ газетахъ, частію очевидцами. Въ немъ прежде всего тревожили меня вредъ и опасность для всего общества, которыми угрожали намѣренія преступной группы; намѣренія, не только ею не скрываемыя, но даже старательно разглашаемыя и разъясняемыя на судѣ. Угрожали всему, чѣмъ привыкло дорожить общество. Это было равносильно

смерти, даже для тѣхъ, которые способны были вѣровать въ возможность воскресенія, проповѣдываемаго недоучившимися фанатиками. Я не могъ удержаться отъ чувства недовольства, читая въ отчетѣ эпилогъ, когда Желябову, этому Хлестакову революціи и притворнаго народничества, не дозволялось подробно изложить свои теоріи. Было комично и наивно обвиненіе правительства въ томъ, что оно само столкнуло его партію на путь насилія посредствомъ преслѣдованія избранныхъ ею средствъ мирной пропаганды социализма въ средѣ народа и рабочихъ. Такимъ образомъ Желябовъ и его партія наивно воображали, что правительство дозволить имъ безпрепятственно распространять въ народѣ несбыточные теоріи, приложеніе и польза коихъ нигдѣ не обнаружили и не вызываются русскою дѣйствительностію, потребностію и стремленіями народа. Они воображали, что правительство не помѣшаетъ имъ направлять наши лучшія молодія силы на безтолковую, безобразную и чудовищную дѣятельность. Когда же правительство обнаружило естественное каждому организму чувство самохраненія и самообороны, Желябовъ и К^о начали дресировать Михайловыхъ, Рысаковыхъ и Перовскихъ, предоставляя слѣпому случаю устроить Россію, если имъ удастся. Послѣ такой наивности и кичливости, мнѣ жаль было, — что Желябову не дозволяли развить свое заявленіе о томъ, что именно удостоилось его одобренія въ народѣ, чему именно и почему партія предполагала держаться изъ народныхъ сознаній и какія именно были эти сознанныя народомъ интересы, одобряемые партіею? Какія средства были возможны народу, чтобы воспользоваться благоволеніемъ и руководствомъ партіи для развитія въ себѣ комунъ и социалистическихъ началъ? Подробное разъясненіе всего этого Желябовымъ послужило бы къ большому разоблаченію путаницы, одолѣвшей эти незрѣлые, хотя не лишеныя дарованій, умы, которые могли бы пригодиться Россіи, если бы имъ дано было разумное направленіе.

За смятеніемъ, послѣдовавшимъ послѣ катастрофы, обнаружился въ обществѣ, какъ мнѣ казалось, подъемъ духа, готовность на самопожертвованія и гражданскія усилія. Къ сожалѣнію, подъемъ этотъ постепенно укладывался, находя исходъ только въ тѣхъ же безбрежныхъ чаяніяхъ, которыми отличалось общество, чаяніяхъ, не обусловленныхъ ни пространствомъ, ни временемъ.

Повторились опять изобличенія и обвиненія другъ друга; въ печати высказывались безчисленныя желанія и больше ничего. Винить за это нашу печать было бы безразсудно: она только отражала, сколько было возможно, общественныя явленія, воспроизводила современное его состояніе, предоставляя келейнымъ разговорамъ пополнять свои невольныя пробѣлы. А пополненіе это вредное, по своей неуволности, оставалось безъ поправокъ и отпора. Все таки отъ общества и печати я почему-то ждалъ откровеннаго великодушнаго сознанія глубокой бездны, раздѣлявшей оба фактора русской жизни, не допускающей ихъ соединиться въ одинъ организмъ, чтобы проникнуть другъ друга присущими обоимъ дарованіями и этимъ придать недостающую организму силу и можетъ быть невиданное доселѣ могущество. Я ждалъ, что общество пойметъ, наконецъ, свое незнаніе народа, вызовется вникнуть въ его особенности, нужды и идеалы, признаетъ необходимость удалить отъ себя недовѣріе и недовольствіе, сдѣлаться органомъ народа, котораго ему недостаетъ. Ничего этого не случилось.

.....

Наступаетъ весна, когда я оживаю, снова погружаюсь въ привычную мнѣ русскую дѣйствительность, оставляя далеко чудовищный центръ чиновничества, миражей, всякихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ болѣзней, для деревни, и поэтому прерываю свой правдивый, безыскусственный разсказъ.

А. Б.

24-го апрѣля 1881 года.
С.-Петербургъ.

АЛЕКСАНДРЪ I, НИКОЛАЙ I И АЛЕКСАНДРЪ II.

Историческіе матеріалы, къ нимъ и ихъ эпохамъ относящіеся.

1822—1855.

VII¹⁾.

Всеподданнѣйшее письмо графа В. П. Кочубея Императору Александру.

С.-Петербургъ. 10-го ноября 1822 г.

(Переводъ съ французскаго). Графъ Милорадовичъ передалъ мнѣ повелѣніе В. И. В., чтобы какой либо уѣздный городъ одной изъ отдаленныхъ губерній былъ бы назначенъ для постоянного жительства, подъ присмотромъ, дѣйств. ст. совѣтника Лабзина.

Во исполненіе Вашихъ намѣреній, Государь, я избралъ городъ Сенгилей, Симбирской губерніи, преимущественно окруженный татарскимъ населеніемъ и коего полиціймейстеръ (бывшій уланъ, по имени Дзичканецъ) пользуется репутаціей очень строгаго человека. Г. Лабзинъ отправится, какъ передалъ мнѣ военный губернаторъ, тотчасъ же, какъ только онъ будетъ снабженъ экипажемъ.

Высылка этого человека составляетъ теперь предметъ всѣхъ разговоровъ и можно сказать, что никто этимъ не удивленъ.

В—у В—у можетъ быть уже извѣстно то, о чемъ здѣсь говорили двѣ 10 тому назадъ, какъ будто напши приклеенными на Исакиевскомъ Соборѣ стихи, которые читались и все еще повторяются; стихи слѣдующаго содержанія:

„Се памятникъ, трехъ царствій изображеніе:
„Гранитъ, кирпичъ и разрушеніе“.

¹⁾ См., Русскую Старину изд. 1881 г., томъ XXII (ноябрь), стр. 659—677.

Я хотѣлъ удостовѣриться, дѣйствительно ли нашли что либо подобное на стѣнахъ этого собора. Генераль Гладковъ положительно увѣрялъ меня въ противномъ, и я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ этого послѣдняго увѣренія, такъ какъ наша внѣшняя полиція не оставляетъ желать ничего лучшаго, равно какъ и въ томъ, что этотъ яко бы пасквиль просто не болѣе какъ сказка (*conte à souhait*). Генераль Гладковъ, въ то же время, сказалъ мнѣ, что около трехъ недѣль тому назадъ ему донесли, что какіе-то стихи ходятъ по городу. Я полагаю, Государь, что это произведеніе какого нибудь повѣсы, въ которыхъ нѣтъ недостатка, и оно могло быть даже не написано. Заключаясь только въ двухъ стихахъ, они могли быть прочитаны самимъ авторомъ, и выданы за чужое произведеніе, и этимъ способомъ, переходить изъ устъ въ уста, безъ того, чтобы оставались письменные слѣды. Можетъ быть полиція будетъ настолько счастлива, что отыщетъ автора.

Генераль Балашовъ, пробывши до пятнадцати дней здѣсь, возвратился въ Рязань. Онъ писалъ мнѣ и самъ говорилъ, что частныя дѣла вызвали его въ столицу. Онъ настоятельно просилъ меня объ удаленіи Тамбовскаго губернатора Крюкова и графа Васильева. Я предложилъ ему повременить до возвращенія В. В., такъ какъ къ этому времени онъ долженъ быть опять въ Петербургъ и можетъ доложить объ этомъ лично В—му В—ству.

Удостоите, Государь, принять увѣреніе моего уваженія и моей безграничной преданности. Графъ Кочубей.

Примѣчаніе. Заключительныя слова письма: «*Daignez, Sire, agréer l'hommage de mon respect et de mon dévouement sans bornes*», отлпчаются простотою и чѣзко отлпчаются отъ обычныхъ припаданій къ стопамъ и пр. риторическихъ украшеній, встрѣчающихся обыкновенно въ этого рода посланіяхъ. Стоитъ пропомнить, напр., заключительныя слова многихъ писемъ одного изъ придворныхъ къ цесаревичу Константину Павловичу: „богоподобный благодѣтель мой, по гробъ преданный вамъ и проч.“ Ред.

VIII.

Резолюція Императора Александра I по случаю похоронъ княгини Кутузовой.

Всеподданнѣйшая записка г.-адъют. барона Дибича.

24-го іюля 1824 г.

Княгиня Кутузова скончалась вчерашняго числа вечеромъ.

Родственники ея графъ Толстой, адъютантъ ген.-ад. Бенкендорфа, былъ у меня дабы узнать о возможности исполненія желанія ея быть похороненною въ Казанской церквѣ.—Не имѣя повелѣнія о

объявленіи Высочайшей воли, я предварилъ его однакожь о неприличіи такого желанія—онъ спрашивалъ можно ли по крайней мѣрѣ отпѣть покойнику въ Казанскомъ соборѣ?

Я осмѣливаюсь представить о семъ на Высочайшее разрѣшеніе.

Высочайшая резолюція:

— «Ни хоронить, ни отпѣвать въ Казанской церквѣ я не дозволяю».

IX.

Къ исторіи русскаго просвѣщенія.

ГЕН.-МАЮРЪ АЛЕКС. АЛЕКС. ПИСАРЕВЪ—ГЕН.-АДЪЮТ. БАРОНУ ДИВИЧУ.

Москва, 13-го марта 1825 г.

Милос. гос. бар. Иванъ Ивановичъ. Получа обратно отъ В. Пр. прошеніе мое въ военную службу, обратился я уже къ службѣ гражданской, тѣмъ болѣе, что въ оной желалъ бы избрать родъ постоянной службы, по моимъ склонностямъ и всогдашнему занятію, т. е.—поприще ученое.—Одинъ сей родъ службы могъ бы, такъ сказать, оторвать меня отъ военного ремесла, въ которомъ я выросъ и образовался; къ тому же несомнѣнность моихъ семейныхъ обстоятельствъ, разстроеннаго состоянія и самаго здоровья съ военною службою, нынѣ принуждаютъ меня предпочесть оной службу гражданскую, въ которую бы, однакоже, на память военной, принесъ съ собою ту строгость къ порядку и подчиненности, чѣмъ усовершенствуется военная служба, и что казалось бы новымъ въ республикѣ ученыхъ!...

По сему самому и обращаюсь къ вашему пр. съ покорнѣйшею моею просьбою, объ исходатайствованіи мнѣ всемилостивѣйшаго назначенія въ попечители Московскаго Университета, если возможно съ военнымъ чиномъ и мундиромъ, по примѣру кадетскихъ корпусовъ; если же сего не возможно, то съ переименованіемъ въ тайные совѣтники, ибо я ровно 10 лѣтъ прослужилъ въ чинѣ генеральскомъ, 25 въ оберъ-офицерскомъ, былъ раненъ—и словомъ: вся жизнь моя была военнымъ формуляромъ!...

Да въ покровительствѣ вашемъ найду себѣ одобреніе и—награду. Съ истиннымъ и пр.

ГЕНЕР.-АДЪЮТ. ДИВИЧЪ ОТВѢЧАЕТЪ НИЖЕСЛѢДУЮЩИМЪ ПИСЬМОМЪ:

М. г. Александръ Александровичъ. Письмо ко мнѣ в. пр. отъ 13-го сего марта я почелъ долгомъ моимъ представить на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Гос. Императоръ, выслушавъ оное, повелѣтъ мнѣ изволилъ отвѣчать в. пр—ству, что Е. В. находитъ въ семъ письмѣ неприличнымъ, первое: что вы предлагаете опредѣлить попечителю московскаго университета военный чинъ и мундиръ, по примѣру кадетскихъ корпусовъ: каковыхъ предложеній правительство не можетъ принимать отъ частнаго лица; а второе: что вы сами себѣ назначаете чинъ тайнаго совѣтника: ибо награжденіе чинами принадлежитъ только Высочайшей власти.

Исполняя симъ Монаршую волю, имѣю честь и пр.

X.

ДВА ВСЕПОДД. ПИСЬМА С. ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЕННАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА, ГЕНЕРАЛЪ-АД. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА, О ПРАЗДНОВАНІИ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ КРОНОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

С.-Петербургъ, 25-го августа 1826 года.

Вс. государь. Сегодня въ 6 часовъ пополудни прибылъ ген.-ад. графъ Комаровскій съ радостнымъ извѣстіемъ вождѣннаго совершенія священнѣйшаго коронованія В. И. В. и Супруги Вашей Августѣйшей Государыни Императрицы. Съ благоговѣйнымъ чувствомъ вѣрноподданнѣйшаго усердія, поспѣшаю принести В. И. В. всеподданнѣйшее мое поздравленіе.

Событіе сіе увѣнчало сердечныя желанія Вашихъ вѣрноподданныхъ; да будетъ благословенное Богомъ царствованіе В. В., подобно царствованію безсмертнаго Вашего прадѣда и предшественника въ подвигахъ правды и добра, Петра Великаго, залогомъ славы Отечества, благоденствія подданныхъ, источникомъ чистыхъ наслажденій для великой Вашей души и предметомъ удивленія и благодарности позднѣйшаго потомства. Сіи чувствованія усердія и любви раздѣляютъ со мною всѣ вѣрноподданные жители столицы, свидѣтели Вашихъ царственныхъ доблестей и трудовъ для блага отечества; но я вмѣняю себѣ въ особенное счастье, что по неоцѣненной милости В. И. В. имѣю возможность излить сіи чувствованія предъ лицомъ Вашимъ. Нелицемерно доношу В. В., что восторгъ жителей столицы при полученіи радостнаго извѣстія былъ неимовѣрный. Лишь только услышали стрѣльбу, всѣ находящіеся на улицахъ снимали шляпы, крестились и обнимали другъ друга. Завтрашній день въ Казанскомъ соборѣ принесено будетъ торжественное молебствіе, а потомъ начнемъ и веселиться. Въ заключеніе осмѣливаюсь повергнуть къ сто-

памѣ В. И. В. всеподданнѣйшую мою благодарность за всемилостивѣйшее пожалованіе меня чиномъ. Государь! милости Ваши принимаю я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и счастливымъ почту себя, если служба моя, основанная на чистой и нелицемѣрной преданности къ В. В., столько же будетъ полезна, сколь усердіе мое безпредѣльно.

В. И. В. вѣрноподданнѣйшій Голенищевъ-Кутузовъ.

29-го августа 1826 г.

Въ особомъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ моемъ В. И. В. изъяснилъ я, съ какимъ радостнымъ восторгомъ въ здѣшней столицѣ вѣрноподданные Ваши приняли возвѣщеніе о совершившемся священномъ коронованіи В. В. и Е. И. В. Всем. Гос. Императрицы Александры Теодоровны.

Движимые симъ сердечнымъ чувствомъ, здѣшніе обыватели въ трехъ истекшихъ дняхъ, когда былъ иллюминovánъ городъ, старались ознаменовать оныя не однимъ изъясненіемъ одушевлявшаго ихъ восторга, но и нарочитымъ тщаніемъ въ украшеніи освѣщенія у домовъ въ разныхъ видахъ. Въ сіи три дня, начиная съ 26-го числа, почти съ 7 часовъ пополудни и за полночь, стеченіе народа повсѣмъ улицамъ столь было многочисленно, что съ величайшею трудностію могли проѣзжать экипажи; къ чему благопріятствовала хорошая теплая погода. Казалось, что всѣ жители на улицахъ; но нѣтъ сомнѣнія, что въ домахъ не многіе оставались. Таково было движеніе вѣрноподданныхъ В. И. В. послѣ благодарственного молебствія Господу Богу, въ Казанскомъ соборѣ принесеннаго.

При всемъ многолудствѣ, наполнявшемъ стеченіемъ своимъ улицы, не произошло никакого приключенія болѣе и менѣе непріятнаго.— Къ удивленію—даже и пьяныхъ тутъ изъ простаго народа не встрѣчалось.

Устройство иллюминаціи, по собственному желанію обывателей, оставляется въ настоящемъ онаго видѣ до возжелѣннаго возвращенія сюда В. И. В., безъ всякаго о томъ со стороны полиціи внушенія.

Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ клубахъ, члены оныхъ съ такимъ же движеніемъ празднуютъ совершеніе сего столь радостнаго событія.

Городъ, въ ознаменованіе признательности своей графу Комаровскому, какъ первому вѣстнику о благополучно совершившемся свя-

щенномъ коронованіи В. В., подносить подарокъ, табакерку съ личною надписью.

Во вторникъ, т. е. 31-го сего августа, имѣетъ быть данъ маскарадъ въ Таврическомъ дворцѣ, на который приглашены первые шесть классовъ и именитое купечество здѣшнее, иногородное и иностранное. Затѣмъ будетъ маскарадъ, предназначенный купечествомъ, о которомъ имѣлъ я счастье доносить уже В. И. В.

Генераль-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ.

XI.

Письмо Александра Бестужева—графу Дибичу.

1829 г.

Послѣ отъѣзда графа Дибича изъ С.-Петербурга во вторую армию въ 1829 г., получено было на его имя открытое письмо отъ „государственнаго преступника“ Александра Бестужева.

Копія съ этого письма послана была дежурнымъ генераломъ генераль-адъютантомъ Потаповымъ въ армию къ графу Дибичу: „По чувствамъ моимъ, писалъ ген.-адъютантъ Потаповъ, письмо Бестужева достойно прочтенія вашего“.

«Ваше Сіятельство, Милостивый Государь, Великодушная снисходительность В. С., которую имѣлъ я счастье испытать, осмѣливаетъ меня вознести до взора Вашего просьбу равно покорную и пламенную: о предстательствѣ Вашимъ Сіятельствомъ предъ особою милостивѣйшаго Монарха о дозволеніи вступить мнѣ рядовымъ подъ знамена, коимъ Вы указываете слѣдъ къ побѣдамъ. Высокой душѣ, воспитанной въ битвахъ, понятны страданія военнаго, осужденнаго глѣть въ праздности, когда слава русскаго оружія гремитъ надъ колыбелью древняго міра и надъ гробомъ Магометовымъ. Но испрашивая сію милость, ищу не выгоды и отличій—ищу только случая пролить кровь мою за славу Государя и съ честью кончить жизнь, имъ дарованную, чтобы на прахѣ моемъ не тяготѣло имя преступника. Помилованный Великодушнѣйшимъ изъ Монарховъ, я еще болѣе чувствую великость вины моей, еще болѣе снѣдаюсь раскаяніемъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ это сознаніе открываетъ мнѣ безпредѣльность Его благодати, — и я умоляю В. С., довести до свѣдѣнія Е. И. В. сію всеподданнѣйшую просьбу мою, если онъ—рѣшитель судьбы сраженій и Государствъ—имѣетъ свободную минуту отъ гражданскихъ подвиговъ и побѣдныхъ трудовъ, обратить вниманіе на несчастливца.

«Въ единой благодати Государевой моя надежда, только въ предстательствѣ Вашемъ единственное мое заступленіе. Кромѣ в. с. я не имѣю никакихъ покровительствъ, ни путей, послужить словомъ и

дѣломъ Великому Государю, къ престолу коего Вы приближены по непоколебимой правотѣ Вашей.

«Съ трепетомъ ожидая приговора судьбы моей и проникнутый глубочайшимъ уваженіемъ и ревностною преданностію, имѣю честь пребыть в. с., милостиваго государя, покорнѣйшій слуга Александръ Бестужевъ¹⁾».

г. Якутскъ.

Февраля 10-го дня 1829 г.

Примѣчаніе: Вслѣдствіе доклада этого письма Императору Николаю Павловичу, Высочайше повелѣно было 13-го апрѣля 1829 г.: „Александра Бестужева опредѣлить рядовымъ въ дѣйствующіе полки Кавказскаго корпуса, съ тѣмъ, чтобы и за отличіе не представлять къ повышенію, но доносить только—какое именно отличіе имъ сдѣлано“.

ХІІ.

МАТЕРІАЛЫ ВОЙНЫ 1812 ГОДА, ПРИНАДЛЕЖАВШІЕ ГРАФУ АРАКЧЕЕВУ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Аракчеева Императору Николаю.

Грузино. 4-го сентября 1831 г.

Батюшка В. И. В. Всем. Государь.

Покойный Г. И. Благодѣтель мой Александръ Павловичъ въ теченіи тяжкаго 1812 года, изволилъ отдавать мнѣ всѣ такія бумаги, о которыхъ угодно ему было, дабы онѣ нигдѣ не находились ни въ какихъ дѣлахъ, окромѣ какъ въ одномъ моемъ собственномъ вѣдѣніи, ибо онѣ извѣстны были только Г. И. и мнѣ.

По окончаніи сей отечественной войны, разбирая въ своемъ кабинетѣ дѣла, изволилъ отдать еще нѣкоторые меморіалы того же времени для подобнаго же содержанія въ собственномъ моемъ вѣдѣніи.

Спустя нѣсколько лѣтъ я докладывалъ Е. В. о сихъ бумагахъ, и онъ изволилъ приказать переплестъ всѣ онны въ одну книгу у меня въ комнатахъ въ моемъ присутствіи и представить оную Е. В.

По исполненіи онаго Его Величество, осмотря оную книгу, изволилъ мнѣ сказать слѣдующее:

— «Дѣла сіи такого роду, что по прошествіи времени нынѣ нѣтъ въ нихъ надобности, а притомъ я желаю, дабы многія изъ оныхъ не

¹⁾ Письмо это имѣется въ нашихъ бумагахъ въ черновомъ—руки А. А. Бестужева—спискѣ, но здѣсь напечатали мы его въ томъ видѣ, какъ оно было отправлено по назначенію обывателемъ города Якутска, знаменитымъ впоследствии русскимъ писателемъ „Марлинскимъ“.

были никому и извѣстны окромѣ насъ съ тобою. — Личная же твоя собственная служба моему лицу въ оное тяжкое время ни чѣмъ не награждена (по нежеланію твоему онаго), то и даетъ мнѣ право всѣми оными переплетенными бумагами наградить тебя, за твою ко мнѣ привязанность, для храненія оныхъ въ Грузинѣ, дабы потомство видѣло мою къ тебѣ довѣренность, а твое ко мнѣ личное усердіе».

Нынѣ генералъ графъ Чернышевъ пишетъ ко мнѣ и упоминаетъ о нѣкоторыхъ оныхъ дѣлахъ, то я подношу всю оную книгу В. И. В. какъ драгоцѣнность мою, заслуженную во время отечественной войны!

Упоминаемые же въ его письмѣ князя Зубова бумаги дѣйствительно были нѣкоторыя посланы съ господиномъ Чернышевымъ къ фельдмаршалу князю Кутузову Смоленскому, но оныхъ у меня нѣтъ, ибо онѣя бумаги были извѣстны многимъ, то и не вошли въ выше-означенныя дѣла. — О сихъ бумагахъ я пространно увѣдомляю генерала графа Чернышева.

Послѣ 1816 году всѣ важныя бумаги оставались въ Собственной Канцеляріи запечатанныя въ пакетахъ моею печатью, съ выставкою моей руки номера на запечатанныхъ конвертахъ, и заносимы были въ журналы, собственною же моею рукою, означеніемъ только номера съ объясненіемъ, что оное дѣло находится запечатанное (о чемъ я имѣлъ счастье докладывать въ 1826 году Вашему Импер. Величеству).

Онѣя дѣла можно повѣрить по описямъ, сдѣланнымъ моею рукою, въ которой скобленаго ничего не было, и не одно не было распечатано.

Съ чистымъ душевнымъ почитаніемъ и благодарностію за Ваши ко мнѣ милости, пробуду до конца жизни В. И. В! вѣрный вѣрно-подданный слуга г. Аракчеевъ.

Всеподданнѣйшее письмо графа Аракчеева Императору Николаю.

Грузино. 24-го сентября 1831-г.

Батюшка Ваше Императорское Величество!

Даръ покойнаго моего благодѣтеля Благословеннаго Александра Павловича, вновь пожалованный мнѣ В. И. В., и присланный по судьбѣ Всевышняго, въ самый день моего рожденія, въ который исполнилось мнѣ 63 года моей жизни, — я получилъ.

Какую же я могу воздать вамъ Батюшка, В. И. В., благодарность съ моей стороны, какъ не сію, что прошу Васъ Всем. Г-рь, принять нынѣ же оную книгу, приносящую лицу Вашего Величества.

Старинное воспитаніе, данное мнѣ покойнымъ августѣйшимъ Ва-

шимъ родителемъ, образовало меня такъ: что ничего для меня нѣтъ въ семъ свѣтѣ пріятнѣе какъ исполнять волю моего Государя! и ни какое во всю мою службу обо мнѣ общее мнѣніе публики, для меня не было пріятно и дорого, кромѣ мнѣнія моего обо мнѣ Государя!—Слѣдовательно я награжденъ уже вполне на всю мою остальную жизнь, когда мой Государь Императоръ,—Ваше Императорское Величество, признали бывшую довѣренность ко мнѣ покойнаго Императора.—А потому я утѣшаю себя пріятнѣйшимъ удовольствіемъ, что изволите заключать во мнѣніи своемъ, что я ее былъ достоинъ.

В. И. В. на всю мою жизнь вѣрнѣйшій вѣрноподанный графъ Аракчеевъ.

Въ Сборникѣ графа Аракчеева имѣются нижеслѣдующіе драгоценные матеріалы, относящіеся до войны 1812 г., далеко еще не вполне исчерпанные историками этой достославной эпохи русской исторіи.

Считаемъ не излишнимъ указать здѣсь на описъ главнѣйшихъ матеріаловъ, вошедшихъ въ составъ этого сборника.

1) Записка графа Аракчеева о наступленіи рѣшительной минуты и необходимости сразиться съ непріятелемъ, о диспозиціи нашихъ войскъ, о успѣхѣхъ и продовольствованіи, которыя онѣ должны получить.

2) Донесенія и письма генерала Барклая де-Толли.

3) Оправданія генерала Барклая де-Толли, въ конхъ онъ выводитъ, что отступленіе Россійской арміи въ нѣдра Россіи сдѣлано для завлеченія непріятеля и есть плодъ обдуманной предусмотрительности и вѣрнаго соображенія всѣхъ впередъ обстоятельствъ.

4) Письма князя Багратиона къ графу Аракчееву¹⁾.

5) Бумаги генераль-фельдмаршала князя Салтыкова.

6) Бумаги ген.-ад. маркиза Паулуччи.

7) Письма Е. И. В. цесаревича Константина Павловича.

8) Переписка съ г.-л. Эссеномъ.

9) Журналъ чрезвычайной комисіи 1812 года о соединеніи командованія всѣхъ армій подъ одну власть и о порученіи сего генералу князю Кутузову.

10) Донесенія графа С. При.

11) Бумаги, до г.-м князя Яшвиля относящіяся.

12) Рапортъ генераль-фельдмаршала князя Кутузова изъ Тарутина о свиданіи и разговорѣ съ генераломъ Лористономъ.

13) Письма генерала В. Бенингсена на Высочайшее имя.

14) Перехваченныя у непріятеля письма.

15) Донесенія адмирала Чпачова.

16) Донесенія генераль-фельдмаршала князя Кутузова.

17) Переписка съ генераломъ графомъ Витгенштейномъ.

18) Донесенія графа Ростопчина на Высочайшее имя.

19) Росписаніе армій.

20) Бумаги относительно предположеній по военной части и пр.

¹⁾ Напечатаны въ «Исторіи отечественной войны 1812 года», М. П. Богдановича.

XIII.

Бюрократическая война 1839 г.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ ГР. А. Г. СТРОГОНОВЪ—КНЯЗЮ П. Д. ГОРЧАКОВУ.

С.-Петербургъ, 8-го іюля 1839 г. № 4231.

Милостивый государь князь Петръ Дмитріевичъ. Въ отношеніи отъ 3 минувшаго марта ваше сіятельство довели до свѣденія министерства внутреннихъ дѣлъ объ открывшемся въ то время запущеніи въ дѣлахъ Тобольскаго губернскаго управленія, особенно во 2-мъ отдѣленіи онаго, и относя вину въ семь главнѣйше къ слабости надзора со стороны состоявшаго въ должности Тобольскаго гражданскаго губернатора статскаго совѣтника Повало-Швыйковскаго, изъяснили, что онъ допустилъ безотчетность и самовольное распоряженіе въ расходованіи суммъ, и дабы запутать всякую повѣрку, уволилъ казначея отъ должности, который вслѣдствіе того немедленно тайнымъ образомъ выѣхалъ изъ Тобольска. При семъ доставлено вами свѣденіе, что въ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія по 4 февраля 1839 г. состояло: по 1-му отдѣленію дѣлъ нерѣшенныхъ 318 и бумагъ 154, по 2-му—дѣлъ 273, бумагъ 432 и по 3-му—дѣлъ 404 и бумагъ 458, а всего 978 дѣлъ и 1044 бумаги.

Хотя на сіе я отозвался вамъ, милостивый государь, отъ 12 апрѣля, что статскій совѣтникъ Повало-Швыйковскій, въ то время, когда получено вышеозначенное отношеніе ваше, былъ уже уволенъ отъ должности Тобольскаго губернатора по Высочайшему указу 17 февраля 1839 г., что при семъ случаѣ доведено было до Высочайшаго свѣденія о нѣкоторыхъ замѣчаніяхъ вашихъ на счетъ упущеній сего чиновника, и что засимъ я не призналъ удобнымъ дать какой либо дальнѣйшій ходъ изъясненному отношенію вашему тѣмъ болѣе, что въ случаѣ если бы оказались явныя со стороны его злоупотребленія, принятіе въ отношеніи къ нему, какъ и ко всякому другому чиновнику, законныхъ мѣръ, зависить отъ усмотрѣнія вашего; но отъ 3 минувшаго мая ваше сіятельство вновь изволите относиться ко мнѣ о усилившихся при Повало-Швыйковскомъ безпорядкахъ въ Тобольскомъ общемъ губернскомъ управленіи, съ давняго впрочемъ времени, по изъясненію вашему, существовавшихъ, и для отвращенія оныхъ, по мнѣнію Вашему, необходимо учредить при II и III отдѣленіяхъ канцеляріи сего управленія по одному временному столу въ каждомъ, съ жалованьемъ по штату 17 декабря 1837 г., о чемъ и просите меня довести до Высочайшаго свѣденія.

Въ удовлетвореніе таковаго требованія вашего сіятельства, по приказанію моему изготовленъ уже былъ и всеподданнѣйшій докладъ мой Государю Императору, но по ближайшему разсмотрѣнію обстоятельствъ сего дѣла, я встрѣтилъ нѣкоторыя сомнѣнія, которыя долгомъ считаю сообщить предварительно на уваженіе ваше.

Свѣдѣнія, сообщенныя вами, милостивый государь, министерству внутреннихъ дѣлъ отъ 3 марта сего года о числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ и бумагъ въ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія, показываютъ большее накопленіе ихъ по III, нежели по II отдѣленію, но и число таковыхъ не столь значительно, чтобы для окончанія ихъ нужно было учреждать при двухъ отдѣленіяхъ канцеляріи временнаго стола: ибо всѣхъ нерѣшенныхъ дѣлъ по тремъ отдѣленіямъ къ 4 февраля 1839 г. состояло только 978 и бумагъ 1044, а по штату 17 декабря 1837 г. въ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія положено 32 человекъ, въ томъ числѣ: 3 начальника отдѣленій, 6 столоначальниковъ, 2 чиновника особыхъ порученій и 18 писцовъ; слѣдовательно при надлежащей дѣятельности и распредѣленіи занятій между сими чиновниками, показанныя дѣла и бумаги могли уже быть отчасти разрѣшены по настоящее время, а отчасти безъ промедленія получать установленнымъ порядкомъ движеніе, не прибѣгая къ учрежденію для того временныхъ столовъ, каковую мѣру, по мнѣнію моему, едва ли удобно допустить уже и потому, что при гораздо большемъ накопленіи въ нѣкоторыхъ губернскихъ правленіяхъ дѣлъ и бумагъ, оной допускаемо не было, а предоставлялось приводить ихъ къ окончанію данными уже каждому правленію способами. Въ семъ мнѣніи я убѣждаюсь еще тѣмъ болѣе, что хотя замѣченное въ дѣлахъ канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія запущеніе ваше сіятельство изволите относить главнѣйше къ слабому надзору бывшаго въ должности губернатора Повало-Швейковскаго, но какъ въ то же время вы изъяснили, что безпорядки въ семъ управленіи вкрались съ давняго времени, то они столько же могутъ относиться къ предмѣстникамъ его, какъ и къ главнымъ мѣстнымъ начальникамъ, коимъ ст. 1195, 1197 и 1198-ю II тома св. зак. постановлено въ обязанность предотвращать безпорядки сего рода ежегодною ревизіею и обзорѣніемъ мѣстныхъ управленій.

По симъ соображеніямъ я полагалъ бы, что вмѣсто учрежденія при канцеляріи Тобольскаго общаго губернскаго управленія двухъ временныхъ столовъ, можно бы для окончанія накопившихся въ оной дѣлъ и бумагъ и вообще къ успѣшнѣйшему теченію дѣлопроизводства

назначить лишь нѣсколько чиновниковъ изъ другихъ мѣстъ, въ коихъ дѣлопроизводство находится въ лучшемъ порядкѣ, или же чиновниковъ особыхъ порученій.

Сообщая сіи мысли мои на ближайшее усмотрѣніе вашего сіятельства, я покорнѣйше прошу увѣдомить меня, угодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, согласиться съ мнѣніемъ моимъ, или же признаете нужнымъ, чтобы о изъясненномъ ходатайствѣ вашемъ я довелъ до Высочайшаго свѣдѣнія.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства генералъ-адъютантъ А. Строгоновъ.

Князь П. Д. Горчаковъ—ген.-ад. А. Г. Строгонову.

Омскъ, 12-го августа 1839 г.

Милостивый государь графъ Александръ Григорьевичъ! Ваше сіятельство отношеніемъ отъ 8 минувшаго іюня № 4231, дѣлая разныя возраженія на ходатайство мое у Его Императорскаго Величества объ учрежденіи двухъ временныхъ столовъ въ Тобольскомъ общемъ губернскомъ управленіи, изчислили способы въ немъ дѣлопроизводства и предложивъ усилить ихъ изъ другихъ мѣстъ и чиновниками особыхъ порученій, приглашаете меня сообщить вамъ, не признаю ли я возможнымъ обойтись безъ испрашиваемого вспоможенія, или же и затѣмъ почту необходимымъ возобновить мою просьбу.

На это приѣмлю честь объяснить вамъ, милостивый государь, что во второмъ и третьемъ отдѣленіяхъ запущенныя дѣла, по большей части, относятся къ части судной и хозяйственной, требующія значительныхъ справокъ или соображеній, почему и невозможно возложить ихъ окончанія на служащихъ въ означенномъ управленіи, безъ возрожденія новаго разстройства въ текуществѣ крайне обширномъ¹⁾. Удѣлить же дѣлопроизводителей изъ другихъ мѣстъ, или занять въ канцеляріи чиновниковъ особыхъ порученій, нахожу мѣрою недостаточной и неудобной, по ближайшей мнѣ извѣстности, сколь ограничено всюду число способныхъ людей, и по нахожденію чиновниковъ особыхъ порученій въ безпрестанныхъ разъѣздахъ.

По симъ уваженіямъ остается мнѣ вновь просить ваше сіятельство, о доведеніи всеподданнѣйшаго моего ходатайства до Высочай-

¹⁾ Тобольскій гражданскій губернаторъ въ представленіи отъ 14 минувшаго апрѣля за № 2544-мъ между прочимъ изъяснилъ, что по всѣмъ тремъ отдѣленіямъ выходитъ въ теченіе года по крайней мѣрѣ до 35 т. номеровъ.

шаго свѣдѣнія, присовокупляя, что безъ испрашиваемаго пособія не имѣю я надежды привести эту часть въ надлежащее устройство.

Далѣе перейду къ сужденію вашему, что разстройство Тобольскаго общаго губернскаго управленія, можетъ столько же быть отнесено къ предмѣстникамъ г. Повало-Швейковскаго, какъ и самимъ главнымъ Начальникамъ здѣшняго края, по мнѣнію вашему, долженствовавшимъ предотвратить оказывающійся безпорядокъ ежегодной ревизіей. Не знаю какъ принять это заключеніе ваше: угрозой въ случаѣ несогласія моего, или прямымъ обвиненіемъ, только увѣренъ, что вы, милостивый государь, не позволили бы себѣ этихъ словъ, еслибъ, приводя мнѣ на видъ 1195, 1197 и 1198 ст. II-го тома св. зак., угодно было вамъ поближе вникнуть въ обстоятельства дѣла, въ предписываемое законами о порядкѣ взаимныхъ между нами отношеній и собственно въ обязанности Сибирскихъ генераль-губернаторовъ. Одно примѣчаніе къ 1677 ст. т. II св. зак. достаточно указало бы вамъ, что тамъ, гдѣ гражданскимъ губернаторамъ, по обширности края, разрѣшается обзрѣвать присутственныя мѣста одинъ только разъ въ два года, нельзя неудобноисполнимымъ требованіемъ, ни на чемъ не основанномъ, обременить главнаго начальника, управляющаго тремя пространными областями и командующаго отдѣльнымъ корпусомъ, и ваше сіятельство вѣроятно убѣдились бы сами, что судя по однимъ только срочнымъ вѣдомостямъ, въ которыхъ, какъ я уже имѣлъ честь объяснять вамъ въ отношеніи моемъ отъ 3 мая съ № 894-мъ, что г. Повало-Швейковскій скрывалъ число нерѣшенныхъ дѣлъ, (показывая ихъ только 219, вмѣсто 1043), главное управленіе не могло предполагать особеннаго запущенія и побуждаться къ принятію экстренныхъ мѣръ исправленія. Впрочемъ еслибъ со стороны моей и было что упущено (въ чемъ я ни сколько не сознаюсь), то позвольте привести вамъ, милостивый государь, на память, что вы ни мнѣ, ни моимъ предмѣстникамъ не начальникъ и не судья, что нѣтъ закона, подчиняющаго генераль-губернаторовъ вашему сіятельству, между тѣмъ какъ (788 ст. 1-го т.) положительно признаются они лицами равностепенными съ министрами, что самое главное управленіе по составу и кругу своего дѣйствія, объемлющему всѣ части администраціи совокупно и составляя изъ себя часть министерскаго постановленія, дѣйствующаго на мѣстѣ (1775 ст. 2 том.) подчинено одному только правительствующему сенату (1338 ст. 2 том.); точно также какъ и самия министерства (1776 ст. 2 том.); наконецъ, что я чиномъ выше васъ, а потому покорнѣйше прошу васъ милостивый государь, на будущее время, предоставить сужденіе о моей службѣ Его Импера-

торскому Величеству, коему я имѣю счастье ежегодно непосредственно подносить отчетъ объ моихъ дѣйствіяхъ, Государю слишкомъ справедливому, чтобъ взыскать съ меня за то, что устроивъ уже многое, при ничтожныхъ средствахъ въ моемъ распоряженіи находящихся, не успѣлъ я довести до совершенства всѣхъ отраслей вѣреннаго мнѣ многосложнаго управленія.

Если ваше сіятельство разсудите довести содержаніе этого отношенія до Высочайшаго свѣдѣнія, то покорнѣйше прошу поднести его оригиналомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга князь Петръ Горчаковъ.

№ 1634. 12 августа 1839 г. Омскъ.

Его сіятельству графу А. Г. Строгонову.

Примѣчаніе. Письмо это было представлено гр. А. Г. Строгоновымъ Императору Николаю Павловичу. Государь собственноручно написалъ на немъ карандашомъ:

„Пришлите мнѣ концы съ вашего отношенія къ к. Горчакову, о которомъ здѣсь рѣчь, и возвратите мнѣ и сію бумагу“.

Графъ А. И. Чернышевъ — князю П. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ 3-го октября 1839 г.

Собственной рукой Его Величества написано карандашомъ: „секретно“.

Милостивый государь князь Петръ Дмитріевичъ. Г. управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, согласно съ требованіемъ вашего сіятельства, представилъ Государю Императору въ подлинникѣ ваше къ нему отношеніе отъ 12-го минувшаго августа за № 1634-мъ. Его Императорское Величество при прочтеніи этой бумаги, недоумѣвая о причинѣ, побудившей ваше сіятельство къ объясненіямъ столь не обыкновеннымъ, Высочайше повелѣтъ соизволить генералъ-адъютанту графу Строгонову представить къ усмотрѣнію своему написанную имъ къ вамъ бумагу, на которую настоящее отношеніе ваше служить отвѣтомъ.

Прочитавъ внимательно бумагу эту, содержащую единственно мнѣніе графа Строгонова по предмету до дѣлъ службы относящемуся и изложенное при томъ въ выраженіяхъ самыхъ приличныхъ и уважительныхъ, Государь Императоръ не могъ не признать съ тѣмъ большимъ и съ самымъ крайнимъ неудовольствіемъ отношенія Вашего выходящимъ изъ круга всякихъ приличій, оскорбительнымъ и со-

вершенно неумѣстнымъ въ отношеніи къ лицу, занимающему столь важную въ государствѣ должность и облеченному особенною Высочайшею довѣренностію. Ограничиваясь на сей разъ объявленіемъ вашему сіятельству строжайшаго за сей несообразный поступокъ вамъ выговора, Его Величество изволить ожидать, что на будущее время вы не выйдете изъ грапицъ обязанностями и достоинствомъ службы и самимъ приличіемъ предписываемыхъ, въ противномъ случаѣ, вы не минуемо подвергнитесь справедливому гнѣву Его Величества и взысканію по всей строгости законовъ.

Сообщая вашему сіятельству Высочайшую волю сію, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего сіятельства.

№ 477, 3-го октября 1839 г.

Его сіятельству князю П. Д. Горчакову.

XIV.

Предсмертное письмо Императора Николая I — князю М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ, 2-го февраля 1855 г.

Сегодня въ обѣдъ, получилъ твое письмо, любезный Горчаковъ, отъ 27-го января. Отправивъ еще 12-ть баталіоновъ къ кн. Меншикову, ты вновь доказалъ, что ничего не щадишь для общей пользы. Это значительное усиленіе, весьма кстати, пополнить часть 6-го корпуса въ самую рѣшительную минуту, которой весьма скоро должно ожидать. Еще болѣе кстати оно будетъ, ежели сбудется повѣщенный десантъ двухъ новыхъ французскихъ дивизій, подъ командою Пелисье у Евпаторіи, въ соединеніи съ турками и сардинцевъ съ англичанами у Феодосіи. Такъ у Меншикова ничего лишняго не будетъ. Какъ бы желательно было, чтобъ нашлась возможность отбиться подъ Севастополемъ до прихода сихъ новыхъ частей! Но не вижу къ сему никакой вѣроятности. Думаю, съ тобою, что прибытіе кадровъ 10-й и 12-й дивизій въ Николаевъ и Херсонъ, гдѣ они весьма скоро должны укомплектоваться, будетъ тамъ съ ними и съ моряками довольно войскъ для мѣстной защиты. Согласенъ съ тобою, что въ случаѣ неудачи въ Крыму, ближе всего будетъ поручить оборону Николаева кн. Меншикову съ остаткомъ его арміи. Дай Богъ чтобъ до сего не дошло.

Изложенное въ запискѣ твоей общее предположеніе твоихъ дѣйствій совершенно правильно и теперь ты знаешь уже вѣроятно, что 3-й резервный корпусъ уже выступаетъ 15-го февраля, и кромѣ ма-

лой задержки въ Кіевѣ, для пріема людей на приведеніе баталіоновъ въ 800 челов., будетъ безостановочно слѣдовать на назначенное ему мѣсто въ Браиловъ. Сосредоточеніе остальной всей арміи вокругъ Кишинева, нахожу совершенно правильнымъ, лишь бы потомъ переправы на Днѣстръ намъ не измѣнили. Казачій полкъ въ Ровно считай своимъ, тотъ что въ Луцкѣ—у князя Варшавскаго. Сегодня вечеромъ по телеграфу узнали, что Джонъ-Россель посланъ вторымъ полномочнымъ въ Вѣну и ѣдетъ чрезъ Парижъ и Берлинъ и будто Решидъ-Паша тоже туда назначается. И такъ, кажется будутъ переговоры; но толку не ожидаю, развѣ турки со скуки отъ своихъ теперешнихъ покровителей, не обратятся къ намъ, убѣдясь, что ихъ мнимые враги, имъ болѣе добра хотятъ, чѣмъ друзья.

Послѣ многихъ споровъ, мы съ кн. Варшавскимъ покончили наконецъ; и вотъ копія съ послѣдней моей записки ему. Онъ хотѣлъ, чтобъ я согласился: ему оставаться у Новогоріевска съ двумя корпусами, гвардію хотѣлъ поставить въ Вильнѣ, а Ридигера съ двумя дивизіями отослать въ Бобруйскъ. Не мудрено было доказать ему всю несообразность подобнаго расположенія войскъ. Теперь эта мысль миновалась. Если дѣла склонятся къ разрыву, я намѣренъ отправиться самъ къ арміи, вѣроятно въ Врестъ; думаю, что присутствіе мое можетъ тамъ быть не бесполезно.

Новыхъ начертаній тебѣ нечего давать. Главное условлено; ходъ дѣлъ укажетъ, что измѣнить нужно будетъ.

Надѣюсь, что къ маю у насъ за Кіевомъ будутъ готовы новыя 24 баталіона 4-го корпуса. Позднѣе, т. е. къ концу іюля, готовы быть могутъ еще 24 баталіона 5-го корпуса. Увидимъ позднѣе куда нужнѣе ихъ придвинуть будетъ. Наконецъ подвижное ополченіе къ концу мая можетъ получить уже свое первоначальное образованіе и придвинуться по прилагаемому росписанію. Вотъ все, чѣмъ мы располагать можемъ.

Прощай, душевно обнимаю. Навсегда твой искренно доброжелательный Николай.

Приложеніе къ письму отъ 2-го февраля 1855 г.

Собственноручная записка Императора Николая о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ отъ 1-го февраля 1855 г. для князя Варшавскаго.

Необходимость защитить, на огромныхъ разстояніяхъ, важнѣйшія точки государства, принудила насъ ограничиться не только выбо-

ромъ весьма немногихъ мѣстъ, но и удѣлить для сего ту только часть силъ, которою располагать можемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что центръ сухопутной нашей границы, прикрывающій путь въ сердце Россіи, требовалъ особеннаго вниманія; по сей причинѣ, въ составъ арміи, въ Царствѣ расположенной, назначены отборнѣйшія войска: гренадеры и за ними гвардія, дабы качествомъ войскъ возмѣстить нѣсколько недостатковъ числительности. Такимъ образомъ обязанность прикрывать центръ государства лежитъ на 8-ми пѣхотныхъ и 4-хъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, кромѣ соотвѣтствующаго числа казаковъ. Армія сія расположена на правомъ берегу Вислы, на которой мы имѣемъ 3 крѣпости, на лѣвомъ флангѣ находится еще одна, а въ тылу другая Брестъ, чрезъ которую протекаетъ главный путь во внутрь сѣверной части государства. Болота и дефиле Припети отдѣляютъ отъ южной части, совершенно открытой до Днѣстра, вторженію непріятеля, угрожающаго намъ изъ Галиціи. Оборона южной части имперіи, ближе къ Черному морю, возлежитъ на обязанности южной арміи. Пространство между расположеніемъ ея по обѣимъ берегамъ Днѣстра до мѣстъ, занимаемыхъ центральною арміею, весьма велико и, какъ выше сказано, ничѣмъ не прикрыто.

По всѣмъ вѣроятіямъ, въ случаѣ войны съ Австріею, первымъ предметомъ непріятеля будетъ вторгнуться въ сей промежутокъ, дабы пресѣчь всякое сообщеніе между нашими двумя арміями и воспользоваться огромными способами богатаго края, который мы оставимъ ему безъ сопротивленія.

Кажется, что намъ предстоитъ взять такое расположеніе, съ центральною арміею, чтобъ нѣсколько вознаградить невыгоду, въ которую ставить насъ неизбежная необходимость.

Ожидая врага за Вепржемъ, мы полагать можемъ, что непріятель принужденъ будетъ необходимо оставить противъ насъ не менѣе 150,000. Можно предвидѣть, что войдя въ Польшу, часть его силъ пойдетъ лѣвымъ берегомъ Вислы, чтобъ угрожать Варшавѣ и наблюдать за переправами тамъ у Ивангорода и Новогеоргіевска; остальная же часть стараться будетъ обходить нашъ лѣвый флангъ, чрезъ Волинь.

Сосредоточивъ главныя наши силы за Вепржемъ, мы вѣроятно можемъ дать сраженіе. Въ случаѣ успѣха съ нашей стороны, мы пойдемъ впередъ. Въ случаѣ неудачи нашей мы подойдемъ къ Бресту-Литовскому.

Движеніемъ этимъ мы принудимъ непріятеля избрать одно изъ двухъ: 1) или слѣдовать за нами туда же, чтобъ насъ вытѣснить изъ Польши, или 2) снѣ будетъ только за нами наблюдать, и обратить

всѣ свои усилія овладѣть Варшавой, дабы утвердиться въ Царствѣ и приступить къ образованію возстанія.

Придя въ Брестъ, мы должны расположиться за онымъ на Бобруйскомъ шоссе, и здѣсь оправиться и пополнить снаряды и пр.

Здѣсь можемъ мы выждать безопасно на что рѣшится непріятель. Не могу думать, чтобъ онъ отважился перейти Бугъ, чтобъ насъ атаковать подъ стѣнами крѣпости, ибо столь дерзкое предпріятіе могло бы дорого ему стоить, и неудача—повлечь изгнаніе его изъ царства, съ опасностью имѣть насъ въ своемъ флангѣ и быть прижатъ къ Вислѣ ранѣе, чѣмъ достигнетъ своей границы.

Но ежели непріятель, остановясь, обратится къ Варшавѣ, мы можемъ быстро перейти въ наступленіе прямо по шоссе, или опять угрожать флангу и тылу его, по направленію къ Ивангороду.

Изъ сего, кажется мнѣ, ясно вывести можно, что во всякомъ случаѣ Брестъ для насъ единственный и важнѣйшій пунктъ сбора. Отсюда мы можемъ со всѣмъ удобствомъ дѣйствовать какъ укажутъ обстоятельства.

Прямой путь во внутрь Россіи намъ остается свободнымъ, и потому все, что оттуда мы получать должны: продовольствіе, снаряды и даже резервы, могутъ достигать до арміи вполне свободно.

Полагать, что непріятель могъ рѣшиться, отбросивъ насъ за Брестъ, обходить нашъ правый флангъ, съ цѣлью прижать насъ къ болотамъ Припети и не допустить до Бобруйска—было бы возможно только тогда, ежелибъ Пруссія тоже обратилась противъ насъ. Но доколь сего не будетъ, подобное предпріятіе австрійцевъ, было бы для насъ даже выгодно, ибо слѣдовало бы только дать сему движенію исполниться марша на два или на три, и тогда вдругъ выступить изъ подъ Бреста на Варшаву; чѣмъ бы вся часть австрійцевъ, обратившаяся въ обходъ нашего праваго фланга, и была отрѣзана отъ своихъ главныхъ силъ и вѣроятно приперта къ Нареву, лишась возможности возстановить свое сообщеніе съ своею арміей, развѣ огромнымъ кругомъ, и то сомнительно.

Все, что доселѣ я старался выразить, говорю я въ предположеніи войны съ одними австрійцами, при неучастіи Пруссіи.

Ежелибъ осуществилось, что кромѣ австрійцевъ явилась бы дѣйствительно на границахъ нашихъ и французская армія, нѣтъ сомнѣнія, что оборотъ дѣлъ былъ бы для насъ тяжелѣе, ибо съ этимъ появленіемъ сопряжено было бы, полагать надо, возстаніе края, тамъ вездѣ, гдѣ не будетъ присутствія нашихъ силъ. Но столь же вѣрно можно ожидать, что будутъ возстанія въ Галиціи, а еще болѣе въ Познани. Ежели и предположимъ, что Австрія обѣщаніями иныхъ

возмездій приведена будетъ къ согласію не препятствовать такому движенію въ своихъ владѣніяхъ, то столь же утвердительно можно отвергнуть, чтобъ Пруссія допустила сіе въ Познани. Потому, одно опасеніе подобнаго, заставитъ Пруссію, можетъ быть и не хотя, всѣми силами противиться появленію французовъ у границъ ея владѣній; такимъ образомъ она будетъ дѣйствовать почти за одно съ нами, хотя и не сознательно. Послѣдствіе же будетъ одинаково, т. е. тогда оборонительное положеніе Пруссіи, для собственныхъ выгодъ, должно удержать прибывшія французскія силы, обратиться противъ однихъ насъ. Этимъ, опять нѣсколько уравниваются условія, подъ которыми произойдутъ военныя дѣйствія.

Съ этимъ однако свяжется другое соображеніе, т. е.: появленіе значительныхъ французскихъ силъ въ Германіи, кромѣ находящихся уже и еще назначающихся на Востокъ—дѣлаетъ важное покушеніе въ Балтикѣ на наши берега, менѣе вѣроятнымъ, или по крайней мѣрѣ нельзя его ожидать въ такой силѣ, какъ предполагалось. Тогда и мы будемъ въ возможности обратить часть нашихъ силъ отъ прибрежья къ центру нашего расположенія, что до сего убѣжденія было бы крайне опасно разрѣшить.

И такъ остаюсь при мнѣніи, что нашъ первоначальный планъ не требуетъ измѣненія, ибо онъ согласенъ съ теперешнимъ положеніемъ дѣлъ, представляя наименѣе невыгодъ и обѣщая во многихъ случаяхъ неоспоримыя условія успѣха.

Во главѣ ихъ ставлю соединеніе силъ, а не разъединеніе, тогда особенно, когда мы должны ограничиться крайне умѣренной численностію того, что покуда собрать можемъ.

Прочее Богъ устроить.

XV.

Императоръ Александръ II въ Восточную войну.

Переписка съ княземъ Ѳ. И. Паскевичемъ и кн. М. Д. Горчаковымъ.

1855 г.

Письмо Е. В. Наслѣдника Цесаревича кн. Горчакову отъ 16-го февраля 1855 года.

Изъ С.-Петербурга.

„Высочайше утверждено“.

Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, поручаетъ мнѣ, любезный князь, чрезъ отправляемаго вмѣстѣ съ симъ ф.-ад. Герштенцвейга, передать вамъ слѣдующія Высочайшія повелѣнія:

- 1) Получая неоднократныя извѣстія о болѣзненномъ состояніи

кн. Меншикова, словесно доведенныя, по желанію самого князя до Высочайшаго свѣдѣнія чрезъ пріѣзжавшихъ изъ Севастополя флигель-адъютантовъ, Е. В. рѣшился уволить князя отъ командованія ввѣренною ему арміею.

2) Е. В., зная всегдашнюю вашу готовность и рвеніе, съ которыми вы постоянно исполняли всѣ возлагаемыя Выс. довѣріемъ на васъ порученія, назначаетъ васъ главнокомандующимъ крымскою арміею, съ сохраненіемъ и прежняго званія главнок. южною арміею.

3) На время вашего отсутствія въ Крымъ, Е. В. назначаетъ г.-а. Лидерса командующимъ войсками, остающимися на южной нашей границѣ, изъ ввѣренной вамъ арміи, съ правами отдѣльнаго корпуснаго командира въ военное время.

4) Е. В. разрѣшаетъ вамъ, по вашему собственному усмотрѣнію, усилить крымскую армію всѣми войсками, которыя вы сочтете возможнымъ, и немедленно туда направить. Е. В. имѣетъ при этомъ въ виду, что сохраненіе Севастополя есть вопросъ первѣйшей важности и потому рѣшается, въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, жертвовать временно Бессарабіею и частию даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова.

Кончивъ съ Божіею помощію благополучно дѣло въ Крыму, всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ и дорого заставить ихъ заплатить за временный успѣхъ.

5) Е. В. угодно, чтобы вы снабдили г.-а. Лидерса общею инструкціею какъ ему дѣйствовать въ случаѣ наступленія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, предоставивъ совершенно ему всѣ дальнѣйшія распоряженія.

6) Е. В. разрѣшаетъ вамъ взять съ собою въ Крымъ, какъ г.-а. Коцебу, такъ и всѣхъ прочихъ чиновъ вашего штаба, которыхъ вы сочтете нужными,

и 7) Е. В., зная вашу опытность и примѣрную распорядительность, возлагаетъ на особое попеченіе ваше, обезпеченіе продовольствія Крымской арміи и снабженіе ея всѣми нужными припасами по всѣмъ частямъ управленія. Е. В. остается вполнѣ увѣренъ, что съ помощію г.-а. Анненкова, вслѣдствіе вновь возложеннаго на него порученія, важная часть придетъ въ должное устройство.

Въ заключеніе Е. В. поручаетъ мнѣ васъ обнять, любезный князь, и сказать, что онъ крайне сожалѣетъ, что въ столь важную минуту не въ состояніи самъ писать. Е. В. не сомнѣвается, что съ Божіею помощію вы оправдаете ожиданія его къ славлѣ имени русскаго.

Пребываю къ вамъ навсегда искренно доброжелательный Александръ.

Письмо Императора Александра II-го—ген.-ад. кн. М. Д. Горчанову отъ 23-го и 24-го февраля 1855 года.

Изъ С.-Петербурга.

Вчера прибылъ сюда фл.-ал. Волковъ съ донесеніями кн. Меншикова отъ 14-го февраля, о молодецкомъ отбитіи ген.-м. Хрущевымъ атаки на вновь устроенный редутъ на Сапунъ-Горѣ. Кромѣ того мы уже знаемъ по телеграфу изъ Кіева о второмъ редутѣ, удачно также устроенномъ на той горѣ.

Все это совершенно сходно съ мыслями нашего незабвеннаго Государя и вѣрно его бы порадовало.

Скажите, любезный князь, отъ меня нашимъ молодцамъ, что я ихъ отъ души благодарю именемъ нашего покойнаго Благодѣтеля и вполне увѣренъ, что они всегда будутъ достойны его отеческаго о нихъ попеченія.

По телеграфу знаемъ мы тоже, что кн. Меншиковъ, по усилившейся болѣзни, сдалъ команду ген.-ад. Сакену. И такъ, пріѣздъ вашъ въ Крымъ болѣе чѣмъ когда либо кстати. Да благословить васъ Богъ славно кончить дѣло—уповаю на Его милость.

Между тѣмъ, кн. Меншиковъ, отвѣчая на сдѣланные ему покойнымъ Государемъ вопросы, пишетъ: 1) что по прежнему считаетъ наступательныя дѣйствія невозможными; 2) отсылку кавалеріи съ острова не нужно, такъ какъ она находится въ удовлетворительномъ положеніи и въ продовольствіи не нуждается и въ 3) находить усиленіе отряда ген.-ад. Хомутова невозможнымъ. Прошу васъ обратить особенное ваше вниманіе на 3-й пунктъ, ибо потеря Керчи и явленіе непріятельскаго флота въ Азовскомъ морѣ могутъ имѣть весьма важныя послѣдствія.

Надѣюсь, что съ усиленіемъ Крымской арміи, по данному вамъ разрѣшенію, изъ войскъ Южной арміи, вы найдете возможнымъ удѣлить какую либо часть на Восточную половину Крыма, дабы въ случаѣ десанта Сардинцевъ, не дать углубиться въ край и нанести рѣшительный имъ ударъ.

Военный министръ вамъ уже писалъ о желаніи моемъ поручить весь бывшій отрядъ г.-а. Хомутова, съ могущими прибыть къ нему подкрѣпленіями, г.-л. Врангелю Баязетскому, дабы Хомутовъ могъ по прежнему завѣдывать всѣми войсками въ Черноморіи и на Черноморской береговой линіи, гдѣ также необходимъ общій начальникъ. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ что вы рѣшите.

Изъ Германіи ничего новаго нѣтъ. Императоръ Австрійскій,

какъ бы почувствовавъ угрызение совѣсти, объявилъ въ приказѣ по арміи, что въ память помощи, оказанной Австріи въ трудную годину Императоромъ Николаемъ, онъ повелѣваетъ кирасирскому полку, носившему его имя, сохранить оное на вѣчныя времена; при этомъ онъ приказалъ сказать мнѣ, что сожалѣетъ до крайности, что не могъ доказать на дѣлѣ другу своему «qu'une des plus fortes douleurs de son ame est de s'être vu enlever la chance de le convaincre qu'il se replacerait sur l'ancienne voie» ¹⁾. Дай Богъ, чтобы это были не одни слова; признаюсь, я не имѣю къ нему, послѣ всего, что происходило, никакого довѣрія.

Здѣсь мы молимся всякій день у гроба нашего незабвеннаго благодѣтеля, да будетъ благословеніе его постоянно на Россіи, которой посвящена была вся его жизнь! Въ воскресенье, 27-го февраля, перевозимъ бранные останки его въ крѣпость, а въ будущую субботу, 5-го марта, будутъ похороны.

24-го февраля, (1855 г.).

Сегодня вечеромъ прибылъ фл.-ад. Левашевъ, съ подтвержденіемъ того, что мы уже знали по телеграфу. Кн. Меншиковъ самъ пишетъ объ усилившейся своей болѣзни, принудившей сдать команду ген.-ад. Сакену. Изъ писемъ братьевъ я усмотрѣлъ, что они рѣшились потому сами къ вамъ обратиться, чтобы просить васъ прибыть въ Крымъ. Они дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣсти и для пользы службы и потому незабвенный нашъ благодѣтель вѣрно не поставилъ бы поступокъ ихъ имѣ въ укоръ ²⁾.

¹⁾ Объ этомъ эпизодѣ встрѣчаются нижеслѣдующія указанія въ сочиненіи „Описаніе обороны Севастополя“, изданномъ подъ руководствомъ г.-а. Тотлебена. (Ч. II).

„Что касается императора австрійскаго, то онъ лично прибылъ къ князю А. М. Горчакову и, въ теплыхъ выраженіяхъ, заявилъ ему свое глубокое прискорбіе о потерѣ испытаннаго друга, именно въ то время, когда онъ надѣялся доказать ему свою готовность возвратиться къ прежнимъ дружескимъ отношеніямъ“.

²⁾ Для поясненія этихъ словъ приведемъ нижеслѣдующую выдержку изъ письма кн. Меншикова—кн. Долгорукову (военному министру) отъ 17-го февраля 1855 года.

„Ихъ И. В. Великіе князья, видя необходимость мою отлучиться отсюда въ Симферополь, для пользованія отъ тяжкаго недуга, предложили мнѣ выразить г.-а. князю Горчакову, что если онъ сочтетъ возможнымъ отлучиться въ Крымъ, то прибытіе его сюда было бы весьма полезно. Мысль эту я передалъ князю Горчакову частно отъ имени Ихъ Высочествъ.“

Поставляя в. с. объ этомъ въ извѣстность, считаю долгомъ присовоку-

Ко всему прежде писанному, мнѣ не остается ничего болѣе прибавить. Севастополь несомнѣнно вамъ обязанъ, что доселѣ въ состояніи держаться противъ всѣхъ усилій союзниковъ; если бы не ваше благородное самоотверженіе, съ которымъ вы усиливали крымскую армію и войсками, и всѣми военными потребностями, можетъ быть онъ былъ бы уже въ рукахъ непріятеля.

Молю Бога, чтобы Онъ сподобилъ васъ окончательно освободить Крымъ отъ враговъ.

Обнимаю васъ, любезный князь. Отъ души искренно любящій Александръ.

Всеподданнѣйшее письмо князя И. Ѳ. Паскевича Императору Александру II-му.

Отъ $\frac{20 \text{ февраля}}{3 \text{ марта}}$ 1855 года

Изъ Варшавы.

Всемиловѣйшій государь. Не нахожу словъ выразить неизмѣримую скорбь, въ которую повергло меня извѣстіе о великой потерѣ, вамъ ниспосланной. В. И. В. ближе всѣхъ была извѣстна глубочайшая преданность моя въ Божѣ почивающему Государю Императору. Не дерзаю присовокуплять даже, что та же безграничная преданность къ В. И. В. будетъ одушевлять меня до конца моей жизни. Въ сихъ тяжкихъ минутахъ я бы не осмѣлился беспокоить В. И. В., если бы не почиталъ обязанностью всеподданнѣйше донести о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ неожиданный ударъ на армію, на всѣхъ русскихъ, а также и на жителей Царства Польскаго. Армія потеряла въ покойномъ Государѣ отца, который безпрерывнымъ попеченіемъ одушевлялъ ее. Поэтому нельзя выразить грусть арміи. Поляки, не смотря на безпокойный характеръ, не могли, сравнивая свое положеніе съ Галиціею и съ Познанію, не чувствовать признательности къ Государю, милосердію котораго Польша обязана своимъ вторымъ существованіемъ и спокойствіемъ. Смѣю сказать, что горестъ между русскими общая и искренняя, а между поляками такова, что не видавъ, я бы не повѣрилъ ей. Въ Царствѣ Польскомъ все спокойно.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою преданностію имѣю счастье быть В. И. В. всемилост. государя вѣрноподанный. Кн. В. гр. П. Эр.

Помѣта: Государь Императоръ изволилъ читать 24-го февраля 1855 года.

Пить, что, сдавая между тѣмъ начальство надъ войсками г.-а. бар. Остенъ-Сакену, я передалъ ему къ исполненію образъ дѣйствій, изложенный въ докладной всеподданнѣйшей запискѣ моей.

Всеподданнѣйшее письмо князя Паскевича.

Отъ ^{25 февраля}
9 марта 1855 года.
Изъ Варшавы.

Всемилоствѣйшій государь. Священные для меня слова покойнаго Государя благодѣтеля запечатлѣлись, конечно, навсегда въ моемъ сердцѣ. И тѣмъ сильнѣе, что слова сіи переданы въ столь несказанно милостивомъ письмѣ В. И. В. Какъ выразить мнѣ лучше чувство глубочайшей признательности, наполнившей мою душу, какъ посвятить остальные дни моей жизни вашей, всемилоствѣйшій государь, службѣ.

Третьяго дня прибылъ сюда ген.-ад. Яфимовичъ; вчера и сегодня всѣ чины военно-гражданскаго управленія въ Варшавѣ находящіеся, равно войска, гарнизонъ варшавскій составляющіа, принесли присягу на вѣрноподданство В. И. В. и Государю Наслѣднику.

Припадая къ стопамъ В. И. В., съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою преданностію имѣю счастье быть В. И. В. всем. государя вѣрноподданный Кн. В. Гр. Паскевичъ-Эриванскій.

Письмо Императора Александра II-го—князю Варшавскому.

25-го марта 1855 года.
Изъ С.-Петербурга.

Я не имѣлъ еще случая благодарить васъ, любезный князь Иванъ Федоровичъ, за письмо ваше, врученное мнѣ ген.-ад. Яфимовичемъ. Въ чувствахъ вашихъ я никогда не сомнѣвался и увѣренъ, что всегда найду въ васъ того же дѣятельнаго и усерднаго помощника, котораго незабвенный мой родитель умѣлъ цѣнить и любить какъ друга, и къ которому, какъ вы сами знаете, и я питаю искреннее уваженіе и привязанность.

Теперь обращаюсь къ весьма важному предмету.

Вамъ извѣстно, что по волѣ незабвеннаго нашего благодѣтеля, князь Горчаковъ съ назначеніемъ въ Крымъ, получилъ разрѣшеніе двинуть туда не медля всѣ тѣ части Южной арміи, которая оны сочтеть нужнымъ, дабы съ помощію Божіею спасти Севастополь и нанести союзникамъ рѣшительный ударъ.

Въ слѣдствіе сего, войска, оставшіяся подъ начальствомъ ген.-ад. Лидерса, ослаблены до крайности, и все огромное пространство Западной нашей границы, отъ Днѣстра до самаго Царства Польскаго, совершенно открыто

вторженію австрійцевъ, которые могутъ почти безпрепятственно овладѣть всѣмъ этимъ обильнымъ краемъ, оставя лишь наблюдательный корпусъ противъ арміи, сосредоточенной въ Царствѣ. Выгодное выдающееся положеніе сей послѣдней парализировано заключеннымъ между Австріею и Пруссіею трактатомъ.

Поэтому признавая необходимымъ прикрыть пространство между Полѣсьемъ и Днѣстромъ, а равно важнѣйшія пути изъ Галиціи къ Кіеву, я рѣшилъ составить на Волыни среднюю самостоятельную армію; остающимся же войскамъ въ Царствѣ присвоить наименованіе Западной арміи.

Подробности состава сихъ армій и ихъ предварительнаго расположенія, вы усмотрите изъ рапорта военного министра. Желаю, чтобы обѣ арміи состояли подъ вашимъ главнымъ начальствомъ, на томъ же основаніи, какъ положено было въ прошломъ году, по случаю подчиненія вамъ всѣхъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Западной границѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ каждой изъ двухъ армій имѣть особаго командующаго. Для Средней—назначаю генералъ-адъютанта графа Ридигера а для Западной—генералъ-адъютанта Сумарокова, такъ какъ вся гвардія будетъ находиться въ ея составѣ.

Южная армія остается по прежнему въ вѣдѣніи ген.-ад. князя Горчакова, но во время пребыванія его въ Крыму, ген.-ад. Лидерсъ долженъ входить въ прямія сношенія съ командующимъ Среднею арміею.

Западная армія въ Польшѣ будетъ довольно самостоятельна, съ присоединеніемъ части гарнизоновъ крѣпостей, чтобы дѣйствовать согласно указаніямъ покойнаго Государя, т. е. маневрировать между крѣпостями, а въ крайнемъ случаѣ отступить на Брестъ.

Въ случаѣ наступленія главныхъ силъ непріятельскихъ въ Царство, или со стороны Прута въ Новороссійскій край,—Средняя армія должна перейти сама въ наступленіе и дѣйствовать во флангъ и тылъ наступающаго; если же главные силы австрійцевъ вторгнутся на Волынь, то средняя армія должна стараться ихъ отбросить, а въ худшемъ случаѣ задерживать наступленіе ихъ, опираясь на Кіевъ.

Приведеніе въ исполненіе всѣхъ этихъ мѣръ будетъ зависѣть отъ хода вѣнскихъ переговоровъ, которые вамъ въ подробности извѣстны и изъ которыхъ я ничего хорошаго не предвижу, и потому готовлюсь къ худшему. Поэтому я желаю, чтобы всѣ предварительныя распоряженія, безъ всякой огласки, были сдѣланы теперь же, дабы по первому прика-

занію всѣ войска могли немедленно выступить на вновь предназначенныя имъ мѣста.

Погодина я приказалъ выписать сюда съ тѣмъ, чтобы устроить съ нимъ всю продовольственную часть и надѣюсь на его испытанную распорядительность.

Самъ я предполагаю прибыть въ Варшаву, если обстоятельства политическія того потребуютъ, дабы быть ближе къ театру дѣйствій, на счетъ же вашего мѣстопробыванія предоставляю совершенно на ваше усмотрѣніе; но во всякомъ случаѣ желалъ бы съ вами видѣться еще въ Варшавѣ, откуда вамъ весьма легко будетъ перенестись къ средней арміи.

Долженъ еще обратить ваше вниманіе на выборъ начальника главнаго вашего штаба; считаю это необходимымъ и буду ожидать кого вы представите.

Обнимая васъ, любезный князь, мысленно отъ всего сердца, остаюсь увѣренъ, что вы исполните волю мою съ тѣмъ же усердіемъ и съ тою же опытностью въ военномъ дѣлѣ, которыя стяжали Россіи столько славы.

Да подкрѣпитъ васъ Богъ. Васъ искренно любящій Александръ.

Нужды и горе Россіи

въ 1807 г.

Подъ этимъ заглавіемъ помѣщаемъ сообщенное намъ О. К. Опочининымъ, нынѣ покойнымъ, письмо—составляющее отвѣтъ гр. О. В. Ростовичу на извѣстныя его возванія къ народу, писанныя подъ псевдонимомъ „Силы Андреевича Богатырева“. Печатаемъ этотъ документъ буквально; онъ въ свое время—былъ довольно распространенъ, вообще-же не безынтересенъ для обрисовки внутренняго положенія Россіи въ первые годы царствованія Александра I.

Р е д.

Вашѣ Высокоблагородіе Батюшка Сила Андрѣвичъ.

Далеко ты живѣшь отъ нашей Палестины но я полюлилъ тебя всѣмъ сердцемъ за то, что ты любишь баять правду. Земскою нашъ Меркулъ привѣзъ съ Москвы грамотку на двухъ листахъ, намнясь въ Воскресенья, послѣ обѣдни позвалъ меня старика къ старонкѣ и на погосте селъ на дедушкину могилу, вынулъ ту грамотку изъ за пазухи, и по дружбѣ и по хлѣбу соли, прочиталъ мнѣ. Куда хороши батюшка, ажъ я ротъ разинулъ, и слезы та какъ градъ посыпались. Дай Богъ тебѣ здоровья, что ты помнишь Господа Бога и часъ смертный, учишь людей доброму, просто въ ротъ кладѣшь, а всякой поймѣтъ. О! какъ бы у насъ то были вѣздѣ такіа умныя го-

ловы, у насъ было бы житье то царство небѣсное, тебѣ бы кормилецъ не грѣхъ и генераломъ быть, по уму твоему, по твоей выслугѣ, по твоему старанію о святой Руси и всехъ насъ грѣшныхъ.

Прогнѣвали Господа Бога, не даромъ насъ Владыка наказываетъ! не стало правды кормилецъ, а безъ правды и въ малой деревушки гдѣ начальники, плуты, то наша братья охаютъ, да несмѣй жалится, спину выпипшутъ; а его не легкая ли машина; бають Царство то наше широко и далѣко, что и конца нѣтъ, хороша вотчина! на добрую управу глаза, да и глаза гроза да и гроза! Я смѣкаю можно бы было родимой добрыхъ людѣй выбрать такихъ какъ ты, охъ правда кормилецъ, что добрые то люди при дѣлѣ не долго насидятъ: они плутамъ то какъ бѣльмо на глазу, и пуще горькой рѣдьки, такъ они стакнувшись, хотъ ково доканаютъ и обнѣсуть, да облають и нехотя здѣлають мученикомъ, плохо безъ правды! Я те родимой о себѣ скажу, нагдысь я перекладывалъ скирдъ старой ржи, да худо вижу на старости та криво переклалъ, а онъ и рухнулъ, чуть было меня не задавилъ. Вишь ты умная голова, что кривится то, то и падаетъ, прогнѣвали мы Царя небеснаго. Пожилъ на свѣтѣ, осьмой десятокъ доживаю, потолкался, вездѣ Богъ привелъ всего насмотрется: былъ въ Питери, былъ въ Москвѣ зевалъ на все, теперь смотрю въ могилу, а больно нехудое смотреть, ажно сердцѣ замираетъ, всево жалъ. А о Питерѣ и Москвѣ нечего баять, тамъ есть умныя головы и безъ моей башки, да грѣшатъ передъ Богомъ. Что все видятъ худое да молчатъ, дадутъ на страшномъ судѣ отвѣтъ; а меня хотъ повѣсь скажу правду, куда не кинь такъ клинъ.

И въ большихъ городахъ и въ малыхъ вездѣ вселился нечистой духъ кривды. А отъ чего? отъ того что большія головы сами или близорукія нежонки, такъ что и въ очкахъ зги не видятъ, не учась въ попы стали или бездушныя мздоимщики готовы все священное продать; давай лишь деньги, они проклятыя, по примѣру Іуды, все продадутъ! не дрогнуть рука, мы и въ захолусье живѣмъ, а слышимъ что худо, а при такомъ урядѣ, гдѣ искать правды?

Я лѣтъ пять держалъ мельницу и знаю, что коль скоро воловье колесо испортится, шестерня и жорнова разладятся и все пойдетъ плохо; такъ то и тутъ на большихъ глядя и всѣ хотъ брось, а батюшкѣ Государю гдѣ за всѣмъ приглядѣть, ему хороша та не покажутъ, все мыто (шито?) да крыто, прогнѣвали Господа Бога. По широкимъ та крыльцамъ, гдѣ большія та суды, бають сапоговъ трое да послѣ изъ сапоговъ та лаптей десятка два изъшаркаешь, а только коль машина пуста не скоро добьешься. Сосѣди наши экономическіе мужики зборами та пытали тягаться, дѣло хотъ право и нашъ братъ мужикъ въ

часть разобралъ бы, а подъячіе накопають такую кучу, что и на добромъ мѣренѣ не увезѣшь да и послѣ выбираютъ что складнѣй и дѣлають правду хуже кривды; а коли ужъ тутъ нельзя сплутовать, такъ отказъ какъ шесть за то что срокъ пропустили на нихъ жалится; да послѣ съ нихъ же здирають на ярбовую бумагу, да на пошплину, чтобъ и другія нешумаркали. Господи твоя воля! что дѣлать, пришло терпѣть. Ужъ когда кормилѣцъ въ большихъ судахъ, такъ чегожъ спрашивать по губерніямъ и уѣзднымъ городамъ, всѣ за одно рука руку моетъ, а обѣ бѣды бывають; хоть тѣ обѣрутъ до нага хоть обругають хуже собаки, хоть прибьютъ до полу смерти коли сила чья, вздумай просить коли есть какія крохи, такъ послѣднія растеряешь на ярбовую бумагу, да по бездоннымъ подъяческимъ карманамъ; они будутъ кормить завтраками, а коли видятъ, что взять съ тебя нечего, такъ скажутъ о пустомъ просишь, лутче помирится; а коли сталъ въ правдѣ спорить, такъ и въ вернутъ щетинку, такъ и пошолъ нисчемъ, плачяся Богу, а слезы вода.

Я, родимой мой, послѣдняя спица въ колесницѣ, благодарю Господа Бога, не бывалъ въ большихъ судахъ и въ губѣрнскихъ то, какъ былъ старостою отдавалъ некрутъ что баить грѣха много! Самъ ты вѣдаешь умная голова пересказывать тебѣ нечего. Еще таки у боярскихъ то защита лучшѣ, а казенныхъ то со всѣхъ сторонъ щиплутъ, много высосутъ пока дадутъ фитанѣцъ, а теперь какъ батюшка нашъ Царь велѣлъ собрать милицію то, то кабы онъ отецъ нашъ посмотрѣлъ на наши сиротскія слезы, наплакался бы и самъ вдоволь, а отъ чего? кабы правда то была въ наборѣ, кабы бѣдныхъ то не давили исправники да заседатѣли, ни кто бы слезки не уронилъ, охотно бы всѣ готовы за батюшку Царя, за домъ пресвятыя Богородицы и за святую Русь, давно бы управились бы съ французскою саранчею и духу бы ихъ не стало; а то кормилецъ эти грабитѣли вмѣсто того чтобъ помочь намъ втакой суматохѣ, они въ мутной то водѣ рыбу ловятъ да наживаются и больше худа дѣлають, чѣмъ басурманѣ; французы сами говорятъ, что и отцы ихъ воровъ такого доходнаго года отродясь не помнятъ, сводяжъ домокъ въ орехову скорлупу, да и полно

Я уже, старъ глухъ и слѣпъ и вижу что мало добра. Послушай батюшка какой это порядокъ: идуть полки, заседатели выгоняють подводы и наша братья на станціяхъ дожидаются дней по 10 и по 15 и зипуны то прозакладовали на постоянныхъ дворахъ, чтобъ лошадей не поморить съ голоду, да опослѣ прогоны оставляють въ своихъ карманахъ; нетъ внихъ ни страху Божьяго, ни чести ни совѣсти; охъ тошнехонко приходитъ. А кто же виноватъ родимой, какъ не сами бая, я тѣ всю правду скажу, непокривлю души: вишь ты богатымъ то

служить не хочится, впору зайцовъ да волковъ гонять, да вкарты играть, да заводы заводить, чтобъ послѣ намъ по миру ходить, чтожь они дѣлають? на мѣсто себя выбираютъ бѣзпомѣстныхъ бѣздушниковъ, записываютъ за нихъ душъ по 5, да земли сколько нибудь, что будто тутопнія дворянѣ; а они какъ сядутъ за красное сукно только что домаются, ни дѣла, ни законовъ не знаютъ, и съ нуждою только подписываютъ то, что Секретарь имъ подложитъ. Какъ ихъ милость въ уѣздъ поѣдутъ, то не помня присяги и учрежденья Царскаго, всѣ харчи берутъ даромъ, и съ того селенья гдѣ побываютъ здѣрутъ овчинку добрую... небось отъ боярскихъ то носъ воротятъ, потому что нечего сорвать; тамъ есть заступа, а насъ бѣдныхъ совсѣмъ разоряють, согрѣшили предъ Богомъ, некому за насъ вступится, какъ ихъ милость разгуляются; но бываетъ по часту то не стыдясъ нашей браться баять: «вить мы не ваши, дворянѣ нанятые какъ потуже карманы набьемъ, такъ и прощайте». Глупать ли правду ли баять, только видно что не шутятъ. Посуди родимой мой, жалованье не большое, своихъ нѣтъ доходовъ а въ городахъ лошадей по пяти дѣржать, одѣты, обуты, какъ столбовыя бояра, кареты, дрошки, коляски, дуракъ только не догадается что у нихъ все хапоное! тотъ и хорошъ изъ нихъ, кто помогаетъ ворами, что умѣить запутать правду; да и не глѣдель бы кормилецъ знаютъ! только дѣлешку съ своими начальниками что бѣ смѣста не спихнули, да и полно.

Кабы я, батюшка Сила Андрѣевичъ, былъ на твоёмъ мѣстѣ, я бы предъ надеждою Государемъ все вывѣлъ на свѣжую воду; написалъ бы ему такую граматку, чтобъ онъ погодилъ на время управлятся съ некрещенными басурманами, а поуправился бы съ крещенными: онѣ внутри больше дѣлають зла, чемъ французы, отъ техъ хотъ оборонится можно, а на этихъ и разинуть рта не смѣй; вить и мы люди, терпя и камѣнь треснѣть. Мы больше всѣхъ трудимся, всѣхъ поимъ и кормимъ, насъ же считаютъ хуже собакъ. Умилосердись кормилецъ, заставъ за сѣбя Бсгу молить, вступишь за насъ грѣшныхъ, ужъ намъ отъ худыхъ судѣй приходить не вмоготу, отъ худой управы хотъ домишки побросать. Доложи обнасѣ Батюшкѣ Государю, что коль мы раззорены будѣмъ вконѣцъ, то и матушкѣ Руси не видать добра. И дѣти наши и внучата и правнучеты всѣ будутъ за тѣбя Господа Бога молить.

Села Терпигорѣва, дѣревни Слабосиловки, Крестьянинъ Патрикій Филатовъ Сынъ Чистоправдинъ земно кланѣюсъ.

ПОСОЛЬСТВО Ө. ПОРОШИНА ВЪ БЕРЛИНЪ

въ 1654 г.

Натянутыя отношенія съ Польшею заставили въ 1654 году царя Алексѣя Михайловича обратиться съ особеннымъ посланіемъ къ курфюрсту Фридриху-Вильгельму Великому.

Порученіе это было возложено на подъячаго Ѳедора Ѳедоровича Порошина. По происхожденію Порошинъ былъ знатнаго рода. Въ боярскихъ спискахъ упоминается о 17-ти Порошинныхъ; всѣ они изъ Московскихъ дворянъ и занимали должности придворныхъ чиновъ.

Посланіе Порошина можно сравнить съ посланіемъ кабинетнаго курьера; официально онъ именуется «гонцомъ». Вслѣдствіе недоразумѣнія онъ былъ принятъ при Бранденбургскомъ дворѣ какъ посланникъ (Klein-Gesandter) и поэтому ему оказаны большія почести.

Объ отправкѣ его ко двору курфюрста заранѣе было увѣдомлено. Приказъ курфюрста, отъ 25-го іюня 1654 года, предписываетъ совѣтникамъ — управителямъ провинціи Пруссіи, «хорошо» встрѣтить и угостить чрезвычайнаго посла.

6-го іюля 1654 года, посланникъ или, какъ его называли въ Бранденбургско-пруссскихъ земляхъ (Klein-Gesandter), прибылъ въ Шпандау. Онъ былъ помѣщенъ на курфюрстскій счетъ, въ гостинницѣ. Курфюрстъ заранѣе распорядился о присылкѣ ему «нѣкотораго количества водки и вина». Воздержный по природѣ, Порошинъ ограничился крайнимъ: весь расходъ его пребыванія въ Шпандау не превысилъ отъ 4-хъ до 5-ти талеровъ.

На слѣдующій день Порошинъ пріѣхалъ въ Берлинъ и былъ помѣщенъ въ приготовленныхъ для него комнатахъ, въ зданіи придворныхъ конюшенъ, (Marstall) расположенныхъ на «Широкой» улицѣ (Breite Strasse).

Роскошное зданіе придворныхъ конюшенъ неоднократно служило мѣстомъ жительства курфюрстамъ. Кромѣ фасада, выходящаго на Широкую улицу, другая сторона зданія, украшенная высокими окнами, была обращена на Дворцовую площадь (Schloss-Platz). Сторона эта была впослѣдствіи застроена домами, находящимися между Широкою улицею и «длиннымъ мостомъ» (Lange-Brücke).

По заранѣе съ курфюрстскими совѣтниками установленному уговору, царскій посланный былъ отвезенъ въ воскресенье, 9-го іюля, въ курфюрстскій замокъ, въ запряженной шестью бѣлыми лошадьми

каретъ, къ торжественной аудіенціи. Въ каретъ Порошинъ сидѣлъ одинъ; впереди кареты шли, въ большомъ числѣ, курфюрстскіе совѣтники верховнаго трибунала, (Kammergerichts-Räthe) и совѣтники правленій (Amts-Räthe); за ними шель переводчикъ, несшій завернутую въ шелковую матерію царскую граммату. Подъ воротами и во дворѣ замка войска стояли подъ ружьемъ. У подножія «Витой дѣстницы» (Schnecke), царскій гонецъ былъ привѣтствованъ (beneventirt) курфюрстскими совѣтниками и препровожденъ ими въ такъ называемый «длинный залъ», гдѣ его встрѣтилъ съ привѣтствіемъ отъ курфюрста, маршалъ фонъ-Роховъ. Длинный залъ былъ роскошно отдѣланъ ткаными обоями (Tapetzerzeugen).

Маршалъ фонъ-Роховъ провелъ гонца въ тронное сало; при этомъ упоминается, что Порошинъ былъ съ обнаженной головой и безъ оружія. Рядомъ съ нимъ шель переводчикъ, который несъ надъ головою царскую граммату.

Въ тронномъ залѣ воссѣдалъ курфюрстъ на красномъ бархатномъ креслѣ, надъ которымъ возвышался изъ такого-же бархата балдахинъ. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ въ шляпѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ обер-каммергеръ фонъ-Пуглицъ, тайный совѣтникъ фонъ-Говербекъ ¹⁾. а за нимъ, ближе къ стѣнѣ, два брата Юліусъ-Генрихъ и Францъ-Карлъ, герцоги Саксенъ-Лауенбургскіе и другіе курфюрстскіе совѣтники.

Въ дверяхъ зала царскій гонецъ и сопровождавшій его маршалъ совершили первый поклонъ, на который курфюрстъ приподнялъ шляпу. Дойдя до середины зала, маршалъ, опуская жезль, поклонился вторично; поклонъ этотъ ускользнулъ отъ вниманія гонца. Въ трехъ шагахъ отъ курфюрста маршалъ остановился и отдалъ третій поклонъ. Порошинъ-же и переводчикъ, незнакомые съ установленнымъ на сей предметъ при курфюрстскомъ дворѣ церемоніаломъ, хотѣли податься впередъ, дабы, какъ нужно полагать, приложиться, по царствующему въ Москвѣ обычаю, къ рукѣ; вслѣдствіе этого, маршалъ слегка притянулъ къ себѣ переводчика, почему онъ и посланникъ остановились и отдали по низкому поклону, касаясь руками земли.

По нетерпѣливому движенію рукъ и пальцевъ курфюрста можно было замѣтить, что ему незнаніе придворнаго этикета не понравилось; онъ далъ знакъ тайному совѣтнику фонъ-Говербеку обратиться съ рѣчью къ посланному. Говербекъ выразилъ на нѣмецкомъ языкѣ, что его курфюрстская свѣтлость, обрадованный вѣстью о благополучномъ

¹⁾ Іоаннъ баронъ фонъ-Говербекъ—отецъ министра Іоанна-Дидериха.

прибытіи посланника, былъ-бы очень доволенъ, еслибъ Порошинъ и его спутникъ пользовались, во время пути въ Бранденбург-прускихъ земляхъ, всѣми возможными удобствами. Вышеизложенныя слова были вызваны тѣмъ, что Порошинъ, во время пути, даже за деньги, не могъ приобрести жизненныхъ припасовъ и поэтому принесъ жалобу, вслѣдствіе которой ему было предложено указать мѣстности, гдѣ онъ испыталъ такое непочтительное съ нимъ обращеніе, для примѣрнаго наказанія виновныхъ. вмѣстѣ съ тѣмъ ему было выражено извиненіе и выставленъ тотъ доводъ, что увѣдомленіе о его пріѣздѣ достигло своего назначенія слишкомъ поздно и поэтому надлежащія распоряженія не могли быть приведены въ исполненіе во-время.

Въ продолженіе аудіенціи курфюрстъ каждый разъ, какъ упоминалось имя царя Алексѣя Михайловича, снималъ шляпу. Порошинъ прочиталъ свою рѣчь на русскомъ языкѣ; при чемъ онъ, для правильнаго произношенія полнаго титула царя, пользовался спрятанной въ ладони запискою; затѣмъ онъ передалъ, сильно отъ волненія трясущеюся правою рукою, курфюрсту царскую грамоту. Курфюрстъ всталъ, снявъ шляпу, и передалъ посланіе тайному совѣтнику фонъ-Говербеку, который, взявъ ножикъ, переданный ему оберъ-каммергеромъ, раскрылъ таковое и передалъ содержаніе его въ переводѣ курфюрсту. Передача и слѣдующее за ней совѣщаніе происходили въ полъ-голоса. По окончаніи послѣдняго, Говербекъ, по порученію курфюрста, отвѣтилъ слѣдующее: его свѣтлость курфюрстъ, получивъ посланіе и припавъ въ соображеніе недоразумѣнія, происшедшія между монархами (царемъ и королемъ польскимъ), преисполненъ желаніемъ объ устраненіи таковыхъ, при чемъ на сей предметъ будутъ даны посланнику (въ Польшѣ) надлежащія указанія.

Снявши шляпу, курфюрстъ всталъ и обратился къ Порошину съ вопросомъ о здоровьи царя. Отвѣтивъ на вопросъ и отдавъ почтительный поклонъ, посланникъ, не поворачиваясь спиною, дошелъ до дверей, въ которыхъ еще разъ низко поклонился, доставъ рукою до полу.

По приводѣ Порошина въ нижній этажъ онъ былъ приглашенъ къ столу, уставленному отъ 18 до 20-ти блюдами сушеныхъ сластей. Его помѣстили у верхняго конца стола, рядомъ съ нимъ стоялъ переводчикъ. Угощеніемъ распоряжался гофъ-юнкеръ Верницкій, полякъ, выбранный на этотъ случай, какъ умѣвшій объясниться съ Порошинымъ. Переводчику также было предложено блюдо со сластями. Угощеніе, — до котораго Порошинъ почти не дотрогивался, и во время котораго было выпито за здравіе царя и курфюрста, при чемъ Порошинъ вставалъ — длилось около трехъ четвертей часа. По оконча-

ни угощенія, Порошинъ съ тою-же церемоніею былъ отвезенъ обратно въ занимаемая имъ комнаты, куда вслѣдъ затѣмъ были доставлены восемь блюдъ отъ стола курфюрста.

Послѣ обѣда было получено извѣстіе о кончинѣ короля Фердинанда (IV) Германскаго, Венгерскаго и Богемскаго; вслѣдствіи сего, назначенная на послѣ-обѣда музыка, была отменена ¹⁾.

Грамота царя къ курфюрсту писана изъ Москвы 11-го мая 7162 (21-го мая 1654 г.). Въ началѣ царь упоминаетъ о посланіи курфюрстскаго комиссара и судьи Гейнриха Рейффа (Reiff), который былъ посланъ въ Россію для пожеланія государю счастья и здоровья, а также ему поручалась закупка хлѣба. Царь сообщаетъ, что онъ приказалъ сдѣлать распоряженіе объ отпускѣ хлѣба изъ Архангельскихъ государственныхъ запасовъ, по дешевой цѣнѣ. Далѣе слѣдуютъ причины неудовольствій и пререканій съ Польшею; причины эти приводятся по одиночкѣ и въ заключеніе выражается просьба не оказывать королю Яну Казимиру помощи во вредъ Россіи. «Мы съ этою грамотою (пишетъ царь) присылаемъ къ вамъ нашего гонца, Фёдора Порошина, котораго и просимъ вернуть къ намъ немедленно».

Печать, приложенная къ грамотѣ, изъ краснаго воска, обложена бумагою и изображаетъ большой государственный гербъ, съ полнымъ царскимъ титуломъ. На персяхъ двуглаваго орла щить, въ которомъ царь на конѣ. Орелъ окруженъ шестью «градами», соотвѣствующими титуламъ Великой, Малой, Бѣлой, Восточной, Западной и Сѣверной Россіи, а внизу «люди» изображающіе дѣдичей и отчичей царя.

Подобная же грамота была написана въ тотъ же день и вручена Ивану Старому для доставки ея въ Митаву герцогу курляндскому.

На слѣдующій послѣ приѣма день (10-го іюля) Порошинъ былъ приглашенъ къ тайной аудіенціи, въ главный судъ, (Kammergericht), собранія котораго были въ комнатѣ не далеко отъ длинной залы; при чемъ ему представился случай поднести курфюрсту и его супругѣ, Луизѣ (урожд. принцессѣ Оранской), собольи шубы. По окончаніи этой аудіенціи ему былъ показанъ тайнымъ совѣтникомъ фонъ-Говербекомъ курфюрстскій замокъ.

Прощальный приѣмъ 15-го іюля совершился съ тѣми же церемоніями какъ и первый; за нимъ послѣдовало такое же угощеніе, какъ и въ первый разъ.

На другой день послѣ прощальнаго приѣма курфюрстъ препрово-

¹⁾ Фердинандъ IV, старшій сынъ Фердинанда III-го, род. 8-го сентября 1633 г.; королемъ Богемскимъ съ 1646 г., Венгерскимъ—1647 г., королемъ Римскимъ—24-го мая 1653 г.; скончался—9-го іюля 1654 г. Е.

диль Порошину въ подарокъ большой кубокъ съ золотыми и серебряными медалями, оцѣненный въ 150 талеровъ. Переводчикъ получилъ такой же кубокъ, но вдвое меньше.

На прощальномъ обѣдѣ у Порошина присутствовали тайный совѣтникъ фонъ-Говербекъ, въ должности великаго канцлера, и докторъ Торно (Tornow) въ званіи государственнаго казначея.

Послѣ обѣда вышеупомянутыя лица въ каретахъ проводили отъѣзжавшаго обратно въ Россію посланника и вскорѣ вернулись съ проводовъ. Въ отвѣтъ на царскую грамоту, написанномъ въ замкѣ Кельнѣ, на рѣкѣ Шпрее, и помѣченномъ отъ 10-го іюля 1654 г., который былъ врученъ Порошину, Фридрихъ-Вильгельмъ общаетъ царю Алексѣю Михайловичу предложить свои услуги королю и республикѣ польской, для устраненія недоразумѣній съ Россією; при чемъ присовокупляетъ, что Порошинъ былъ имъ принятъ съ почестями, должными его царскому величеству и возлюбленному высочеству, основанными на предшествующей дружбѣ и уваженіи.

Черезъ четыре дня по отъѣздѣ Порошина, курфюрстъ обращается къ королю польскому Яну Казимиру съ посланіемъ, въ которомъ, называя его своимъ любезнымъ дядей и братомъ, проситъ его разрѣшенія сдѣлаться посредникомъ между Россією и Польшею.

Относительно обратнаго путешествія царскаго гонца были сдѣланы разныя распоряженія. Въ письмѣ отъ 15-го іюля курфюрстъ поручаетъ совѣтникамъ кюстринскаго правленія и губернатору полковнику Георгію Эрентрауту фонъ-Бургсдорфъ, (оберъ-шталмейстеру и камергеру) помѣстить царскаго посланника въ замкѣ, предусмотрѣть его надобности, встрѣтить его тремя пушечными салютами и все войско, находящееся въ крѣпости, разставить въ «батальномъ порядкѣ» (in bataile), но безъ знаменъ. Тоже повторить при его отъѣздѣ и, если посланнику угодно будетъ осмотрѣть арсеналъ и крѣпость, то показать ему таковыя безпрепятственно.

Тѣмъ-же числомъ, какъ и вышеописанное предписаніе, помѣчено также другое, данное Ново-Маркскому (Neu-Mark) правленію, озабочиться о всѣхъ удобствахъ путешествія посланника отъ Кюстрина и до границы. Приѣздъ и пребываніе Порошина въ Берлинѣ были для жителей важнымъ событіемъ. Красивый и статный мужчина въ богатомъ чужестранномъ нарядѣ нравился всѣмъ и поэтому неудивительно, что воспользовались его краткимъ десятидневнымъ пребываніемъ для снятія съ него портрета.

Портретъ этотъ до сихъ поръ находился въ королевскомъ дворцѣ и только недавно переданъ въ Гогенцоллернскій музей замка Монбизу ¹⁾.

¹⁾ Гдѣ въ 1717 г. жили Петръ Великій и Екатерина Алексѣевна.

Порошинъ снятъ по поясъ. Слегка румяное лицо его имѣетъ привѣтливое, добродушное выраженіе; прекрасные голубые глаза и густая русая борода усиливаютъ, производимое на зрителя, пріятное впечатлѣніе. Кафтаны, изъ розоваго атласа съ высокимъ мѣховымъ воротникомъ, украшенъ спереди двумя собольими полосками. Двѣ, украшенныя алмазами, золотыя застѣжки, соединенныя золотымъ шнуromъ, придерживаютъ накинутаго на плечи кафтаны. Поддевка изъ бѣлаго атласа, пуговицы золотыя. Головной уборъ состоитъ изъ низенькой отороченной мѣхомъ и убранной двойнымъ жемчужнымъ шнуромъ, бархатной черной шапки. Лѣвая рука опирается на доску, на которой находится слѣдующая надпись: «Des Moscovitischen Czaren an Se. Churf. Durchlt. zu Brandenburg Abgesandter Fiedor Fedrowitz Poroschnin (sic!) ist allhier zu Berlin ankommen den 7 Juli 1654, hat die erste Audienz gehalten den 8 und die andere den 15; ist abgereist den 16». (Московского царя къ его свѣтлости, курфюрсту Бранденбургскому, посланникъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ Порошинъ прибылъ сюда, въ Берлинъ, 7-го іюля 1654 года, имѣлъ первую аудіенцію 8-го, другую 15-го и уѣхалъ обратно 16-го).

На заднемъ планѣ неоконченной картины изображенъ ландшафтъ. Картина эта, по всей вѣроятности, произведеніе одного изъ выдающихся голландскихъ художниковъ, имѣвшихъ пребываніе при дворѣ великаго курфюрста ¹⁾. Она писана на холстѣ. Вышина 84 сантиметра, ширина 63 1/4 ²⁾.

Свѣдѣнія о посылкѣ Порошина въ 1654 г. въ Бранденбургъ съ посланіемъ, въ которомъ была изложена просьба, не поддерживать короля польскаго деньгами и войскомъ, сохраняются въ Московскомъ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ.

Въ слѣдующемъ году, Порошинъ былъ назначенъ дьякомъ и былъ посланъ, въ качествѣ помощника посланника Жидовинова, въ Грузію, къ дарямъ Теймурасу и Александру; объ этомъ посланіи также имѣются въ Московскомъ Архивѣ подробныя свѣдѣнія ³⁾.

Позднѣйшая судьба Ѳеодора Порошина намъ неизвѣстна.

Баронъ В. Кёне.

¹⁾ По всей вѣроятности это работа Якова Вальяна, (Jacob Vaillant) род. въ Лиллѣ 1628 г., умеръ въ Берлинѣ 1670 г.

²⁾ Баронъ Кёне доставилъ намъ прекрасныя фотографич. снимокъ съ этого портрета. Ред.

³⁾ См. Erdmannsdörffer: Urkunden und Actenfüre zur Geschichte des Kurfürsten Fridrich-Wilhelm, VI, 702. Мартенсъ Сборникъ договоровъ и пр. V, 2.

О Порошинѣ упоминается тоже въ кредитивѣ Бранденбургскаго посланника секретаря Лазаря Киттельмана (Kittelmann) и въ реляціи объ аудіенціи его при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, 10 (20) и 11 (21) сент. 1655 г., въ лагерѣ предъ городомъ Вильною. Баронъ Кёне.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

АКАДЕМИКЪ И ПРОФЕССОРЪ.

Въ виду свѣжей могилы этого знаменитаго ученаго, многолѣтняя труженническая жизнь котораго — вся посвященная служенію наукъ — еще ждетъ своего описателя, предлагаемъ два документа какъ матеріалъ для его біографіи. Это два письма Измаила Ивановича къ его племяннику, священнику Запольскому, относящіеся къ 1856 г.; сообщены онѣ намъ А. И. Маркевичемъ въ подлинникахъ. Ред.

I.

Любезный племянникъ! Письмо твое я получилъ, и по желанію твоего дѣдушки, моего дяди, Николая Евсеевича, отвѣчаю на твой вопросъ. Я дѣйствительно сынъ бывшаго профессора Харьковскаго университета, Ивана Евсеевича Срезневскаго, скончавшагося еще въ 1819 году. Изъ дядей своихъ я зналъ только троихъ: Ѳедота Ев., который былъ у насъ еще при жизни папеньки, и ласкалъ меня, что я помню до сихъ поръ, равно какъ и его солдатскую шивель, — Иосифа Ев., бывшаго профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, потомъ въ артиллерійскомъ училищѣ, и скончавшагося въ монашествѣ, и Акимъ, бывшаго священникомъ въ селѣ Срезневѣ и принимавшаго у себя маменьку вмѣстѣ со мною, когда она по дорогѣ изъ Ярославля въ Харьковъ заѣзжала въ Срезнево. О другихъ родныхъ моихъ я слышалъ только мелькомъ, и съ нѣкоторыми знакомился черезъ письма или и лично только случайно, такъ что теперь остаюсь въ связи только съ однимъ, живущимъ здѣсь въ Петербургѣ, отцомъ Игнатіемъ Спасскимъ, и не могъ не порадоваться, что и Никита Никол., миссіонеръ Якутскій — мой двоюродный братъ, равно что и ты, мой племянникъ, на доброй дорогѣ.

Добрая дорога, мой другъ, у тебя впрочемъ не потому, что ты, по окончаніи курса ученія, можешь выйти въ люди, а что, если захочешь употребить усилія душевныя, будешь человекомъ, какимъ всякій долженъ желать быть, образованнымъ и понимающимъ легчайшія средства упрочить за собою добрый, честный нравъ. Съ умомъ развитымъ, отдѣляющимъ добро отъ худа, легче избѣгать худа. Выгоды жизни — второе дѣло, и тогда только хороши, когда не переплелись съ упреками совѣсти и съ пороками испорченной души. Учись, мой другъ, усердно, еще усерднѣе сохраняй чистоту души; слушайся наставниковъ, стараясь оцѣнять ихъ достоинства и снисхо-

дять къ недостаткамъ; гнушайся легкомысленныхъ и, еще болѣе, порочныхъ товарищей; будь скромнѣе съ тѣми и другими, а званія, которое тебя ожидаетъ, не считай ремесломъ, средствомъ для наживы большихъ или малыхъ денегъ, особенно званія духовнаго, если его изберешь: оно самое важное и священное и требуетъ всего болѣе чистоты души; впрочемъ и всѣ другія званія—также важны и, какъ служенія отечеству, священны, нуждаются въ чистотѣ душевной. На то, что иные служатъ пачкаясь въ разной грязи, смотрѣть нечего: они—не примѣръ для подражанія.

Повторяю тебѣ тѣ совѣты, которые внушали мнѣ отецъ и мать, а равно, въ письмахъ, и дядя Іосифъ Евсеевичъ. Оба брата Срезневскіе оставили по себѣ память добрыхъ, честныхъ, благородныхъ людей, — и эта память была единственнымъ моимъ вожатаемъ въ жизни, открывая мнѣ помощи руку тамъ, гдѣ я и не воображалъ — съ самаго дѣтства. Не могу думать, что они сдѣлали бы для меня столько же добра, еслибы оставили мнѣ по себѣ не добрую память въ людяхъ, а какія нибудь деньги. Вмѣсто добра могло быть и зло. Дай Богъ и мнѣ оставить моимъ дѣтямъ такое же наслѣдство.

Кстати о дѣтяхъ: я женатъ, и у меня уже пятеро дѣтей, изъ которыхъ трое уже начали учиться. Мы живемъ, благодаря Бога, счастливо. Маменька моя живетъ съ нами. Она впрочемъ уже слаба и очень больна. Братъ мой тоже женатъ; онъ уже подполковникъ, а можетъ быть теперь произведенъ въ полковники, и живетъ въ Кіевѣ.

Когда будешь писать домой, то передай мои поклоны всѣмъ нашимъ роднымъ, а если напишешь мнѣ, то увѣдомь о нихъ обстоятельно, не забывъ и о томъ, какъ ты учишься, чѣмъ утѣшаешь отца-одиночъ ли ты у него, и скоро ли кончишь курсъ въ семинаріи.

Прощай, мой милый племянникъ. Да будетъ на тебѣ благословеніе молитвы твоего отца и матери.

Твой дядя Измаилъ Срезневскій.

14-е сент. 1856. Спб.

II.

Любезный племянникъ! Я замедлилъ отвѣтомъ на твое послѣднее письмо, потому что насъ постигло горе: маменька моя скончалась 27 октября. Нѣкоторые изъ родныхъ нашихъ, можетъ быть, еще помнятъ ее, когда она за 44 года пріѣзжала въ Срезнево со мною двухмѣсячнымъ. Прощу ихъ черезъ тебя да помянутъ они о душѣ усопшей Елены, доброй супругѣ Іоанна Срезневскаго, доброй, заботливой матери его дѣтей. Мы предположили послать въ церковь села Срезнева потиръ съ молитвою объ успокоеніи душъ усопшихъ рабъ Іоанна и

Елены; а какъ это исполнимъ, потрудись сдѣлать милость попросить о поминаніи усопшихъ.

Что касается до твоего желанія продолжать ученіе въ Глав. Педаг. Институтѣ, то оно очень похвально, и я съ своей стороны очень радъ тебѣ способствовать; впрочемъ съ однимъ условіемъ—чтобы ты, мой другъ, кончилъ полный курсъ въ семинаріи, подобно Окунькову. Напрасная поспѣшность ни къ чему доброму не доведетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу тебя основательно обдумать все, что произойдетъ изъ твоей рѣшимости: лучше ли тебѣ перейти сюда, отказавшись отъ своего званія, или же продолжать курсъ въ академіи духовной? Духовное образованіе прочнѣе свѣтскаго; а слѣдствія того и другаго для жизни—одинаково различны. Изъ духовной академіи ты перейдешь профессоромъ въ семинарію, изъ института—учителемъ гимназіи: подумай что лучше. Подумай и самъ, посоветуйся и съ своими наставниками. Но какъ бы ты не рѣшился, заботься постоянно и усердно о своемъ образованіи, объ укрѣпленіи въ себѣ честныхъ убѣжденій, объ обогащеніи ума полезными познаніями, считая полезнымъ все, что можно изучить, не разбирая самъ, а слѣдуя совѣтамъ людей болѣе опытныхъ, наставниковъ. Придетъ еще время рѣшать и самому, что нужнѣе. Это мнѣ повторялъ въ письмахъ мой дядя, Іосифъ; долгомъ считаю и я повторить это тебѣ, узнавъ на опытѣ, отчасти и горькомъ, всю справедливость этихъ правилъ.

Цѣлую тебя любезный мой другъ, прошу передать поклоны всѣмъ роднымъ.

Твой любящій дядя И. Срезневскій.

1-е дек. 1856.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ

въ 1825 г.

По принесеніи присяги всѣми чинами и сословіями въ С.-Петербургѣ—„Императору“ Константину Павловичу, въ декабрѣ 1825 г., генераль Потановъ обратился къ новому государю съ нижеслѣдующимъ письмомъ:

Всемилостивѣйшій Государь! Простите, всемилостивѣйшій Государь, что осмѣливаюсь обезпекить Васъ сими строками. Ихъ внушила мнѣ безпредѣльная къ Вамъ преданность.

Ваше Императорское Величество уже изволите быть извѣстны, что вся здѣшняя столица, войска и вся Имперія, съ самаго полученія горестнаго извѣстія о кончинѣ блаженной памяти Государя, учинили единодушно присягу на вѣрность подданства Вашему Величеству.

Государь! я былъ свидѣтелемъ, съ какимъ усердіемъ всѣ сословія—воины и граждане—исполняли сей священной долгъ. Ручаюсь жизнию, — сколь ни болѣзненна потеря покойнаго Императора, но нѣтъ ни единого изъ Вашихъ подданныхъ, который бы по внутреннему своему убѣжденію не радовался искренно, что Провидѣніе ввѣрило судьбу Россіи Вашему Величеству и который бы не признавалъ восшествія Вашего на престолъ залогомъ своего частнаго и общаго благополучія.

Одущевляясь симъ общимъ чувствомъ, всѣ находящіеся здѣсь войска, Государственные чины и всѣ вообще жители, съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидали сораго Вашего прибытія. Доколѣ не прошло время, необходимое для отправления Вамъ донесенія объ учиненіи здѣсь присяги и для полученія отзыва Вашего Величества, каждый оставался спокоенъ, ожидая со дня на день радостнаго о прибытіи Вашемъ извѣстія. Послѣдовавшія за тѣмъ объявленія въ вѣдомостяхъ о вождельномъ здравіи Вашего Величества еще болѣе оживляли всѣ надежды.

Но когда возвратившіеся сюда курьеры, — коиъ донесенія сохраняются втайнѣ, — не оправдали нашего ожиданія, то недоумѣніе о причинахъ, по коимъ изволите медлить пріѣздомъ Вашимъ въ здѣшнюю столицу, стали поселять во всѣхъ невольное опасеніе, которое съ каждымъ днемъ возрастаетъ и производитъ во всѣхъ классахъ народа различныя сужденія. Каждый дѣлаетъ предположенія по своему понятію и горестное, жестокое чувство неизвѣстности о собственной судьбѣ переходитъ отъ одного къ другому. Таковое смущеніе умовъ въ столицѣ, безъ сомнѣнія, перелется скоро и въ другія мѣста Имперіи; толки увеличатся, и отчаяніе можетъ даже возродить неблагонамѣренныхъ, болѣе или менѣе для общей тишины опасныхъ. Словомъ: дальнѣйшее медленіе Ваше, Государь, пріѣздомъ сюда, обниметъ ужасомъ всѣхъ, питающихъ чистое усердіе къ Вамъ и Россіи. При такомъ положеніи вещей должны ли молчать предъ Вашимъ Величествомъ тѣ, которымъ ближе другихъ извѣстны свойства Ваши, Государь! — не говорить Вамъ о благѣ и спокойствіи Государства, когда они знаютъ твердо, что счастье подданныхъ Вашихъ для Васъ драгоцѣнно! — Всѣ преданные Вашему Величеству, видя непреложные знаки общей къ Вамъ любви, рѣшились вмѣстѣ со мною довести до свѣдѣнія Вашего все изложенное здѣсь и избрали меня исполнителемъ предъ Вами едиனுшнаго нашего чувствованія. Изъ глубины горящихъ къ Вамъ искреннею приверженностію сердецъ нашихъ, мы взываемъ къ Вамъ, Государь: поспѣшите пріѣздомъ Вашимъ въ здѣшнюю столицу; явитесь передъ Гвардіею; оживите народъ! всѣ съ

восторгомъ встрѣтятъ Васъ, Всемиловѣйшій Государь. Положите предѣлъ тягостному нашему состоянію.

Всемилоств. Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрно-подданный Алексѣй Потаповъ.

10 декабря 1825 г. С.-Петербургъ.

Письмо это Цесаревичъ Константинъ Павловичъ разодралъ и возвратилъ автору при слѣдующемъ отвѣтѣ:

— «Изъ одного уваженія къ вамъ, Алексѣй Николаевичъ, распечаталъ я письмо, которое вы мнѣ прислали съ подлежащею надписью. Я чуждъ всѣхъ дѣйствій противозаконныхъ. Явленіе передъ гвардіею, народъ и тому подобное суть дѣйствія, которыя я воздерживаюсь назвать истиннымъ словомъ, сему роду поступковъ принадлежащимъ. Жалѣю весьма, что вы, зная меня столь съ давняго времени, думали найти во мнѣ готовность сему образу дѣйствій поддаться. Умалчивая, сколь мнѣ больно лично, что досель меня не знали, одно мнѣ остается сдѣлать изъ уваженія къ вамъ, то есть напомнить долгъ вашей присяги къ покойному Государю и возвратить къ вамъ ваше письмо разодранное, дабы тѣмъ очистить совѣсть вашу, ибо писано въ духѣ заблужденія и подъ личиною усердія, оказующаго духъ неповиновенія и отступленіе отъ долга обязанностей вашихъ. Долгъ вѣрноподданнаго есть слѣпое и безмолвное повиновеніе къ высшей и священной власти. Константинъ».

Варшава.

16 (28) декабря 1825 г.
по полуночи въ 10^{1/2} часовъ.

Л. А. Сѣряковъ.

Въ юньской книгѣ „Русской Старины“, изд. 1881 г. въ приложеніи къ статьѣ Н. П. Собко: „Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣрякова“, помѣщенъ списокъ работъ этого даровитаго гравера. По прочтеніи этого списка, я замѣтилъ, что въ немъ не упомянута одна изъ гравюръ академика Л. А. Сѣрякова, именно: портретъ почившаго Императора Александра Николаевича, помѣщенный въ русской иллюстраціи „Пчела“ (изд. М. О. Микѣшина,) за 1876 г. № 2, стр. 1. Въ помѣщенной по этому поводу въ томъ же № „Пчелы“ замѣтъ сказано, что портретъ этотъ въ главнѣйшихъ частяхъ гравированъ Сѣряковымъ, а въ остальномъ исполненъ бывшимъ его ученикомъ М. Н. Ращевскимъ и что это—второй портретъ Царя-Освободителя, исполненный въ Россіи въ гравюрѣ на деревѣ.

Кромѣ того въ томъ же журналѣ „Пчела“, въ № 32 за 1877 г., на стр. 497, помѣщенъ портретъ Абдурахмана-Хана, помѣченный буквами „С. и К.“ и который былъ перепечатанъ во „Всемирной Иллюстраціи“ г. Гоппе за 1880 г., № 3, стр. 53.

М. Городецкій.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1881 году.

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ.

I.

„Русская Старина“, въ изданіи 1881 года, въ ряду прочихъ органовъ печати, была выразительницею чувства скорби, въ которую ввергнуть былъ русскій народъ мученическою кончиною Царя-Освободителя. — Независимо отъ статьи, стихотворенія, рѣчи и замѣтокъ, явившихся на ея страницахъ подъ гнетомъ этого чувства, въ „Русской Старинѣ“ помѣщенъ былъ въ 1881 году рядъ Записокъ, Воспоминаній, рассказовъ и проч. документовъ, живо воскрешающихъ многія событія эпохи Александра II или характеризующихъ его и его сподвижниковъ.

Такъ упомянемъ, между прочимъ, объ обширныхъ „Запискахъ сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ“, имѣющихъ столь серьезное значеніе въ ряду источниковъ къ исторіи крестьянской реформы, въ которой онъ былъ столь виднымъ, столь неутомимымъ и высокочестнымъ дѣятелемъ. — „Замѣтки императора Александра II на Записки Я. А. Соловьева“, первыя главы каковыхъ записокъ покойный государь прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ. Замѣтки эти, — имѣющіе историческое значеніе, — не всѣ еще нами напечатаны. — Рескриптъ императора Александра II — великому князю Константину Николаевичу отъ 19 (31) октября 1863 г., замѣчательный прежде всего тѣмъ, — что онъ отъ первой до послѣдней строки написанъ самимъ государемъ и, заключая въ себѣ его взглядъ на польскій вопросъ, въ

самыхъ сердечныхъ выраженійхъ являетъ чувство признательности за самоотверженную службу в. к. Константина Николаевича, этого ближайшаго сподвижника и совѣтника Александра II въ славнѣйшемъ дѣлѣ его царствованія—освобожденіи крестьянъ.—Двѣ записки кн. Н. А. Орлова: о расколѣ и отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Разсказъ изъ записокъ войска донскаго генерала А. Е. Попова объ императорѣ Александрѣ II, въ бытность его еще цесаревичемъ, въ моментъ замѣны кн. Меншикова кн. М. Д. Горчаковымъ въ Севастополѣ.—Историко-біографическіе очерки нѣкоторыхъ дѣятелей эпохи Александра II, таковы: „Генераль-фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій“, — „Николай Ивановичъ Пироговъ“, — „Иванъ Петровичъ Голевъ“ (одинъ изъ Севастопольскихъ ветерановъ), — „Филаретъ Гумилевскій—епископъ черниговскій“ и проч.

Затѣмъ, кромѣ поименованныхъ статей, — „Русская Старина“ въ обзорѣваемомъ, двѣнадцатомъ,—году ея изданія (1881 г.) представила сообщенія по всѣмъ ея составнымъ частямъ. А именно: Записки и Воспоминанія, — Исслѣдованія и историко-біографическіе очерки, — и прочіе матеріалы къ отечественной исторіи (каковы письма государей, донесенія и письма разныхъ общественныхъ дѣятелей — полководцевъ, министровъ и т. п.). — Очерки и статьи по исторіи Русской Литературы. — Автобіографіи, очерки и замѣтки по исторіи художествъ, — наконецъ библиографическій листокъ о всѣхъ новѣйшихъ историческихъ трудахъ.

Слѣдуя издавна принятому нами обычаю, уважемъ нынѣ, въ концѣ 1881-го года, на болѣе выдающіяся сообщенія, явившіяся въ „Русской Старинѣ“ сего года.

II.

Записки Семена Порошина — воспитателя великаго князя Павла Петровича — хотя и были извѣстны изслѣдователямъ отечественной исторіи по изданію 1844 г., но громадное большинство нашихъ читателей, конечно, прочитали этотъ дневникъ — впервые. Притомъ записки эти изданы нами значительно полнѣе, безъ тѣхъ пропусковъ и урѣзковъ, какія сдѣланы были цензурою въ первомъ изданіи, — и тщательно вывѣрены съ рукописями,

нѣкогда принадлежавшими великому князю Павлу Петровичу (въ послѣдствіи императору), а нынѣ хранящимся въ библиотекѣ Великаго Князя Константина Николаевича, благосклонному вниманію котораго „Русская Старина“ обязана столь многими матеріалами—первѣйшаго значенія, появившимися въ ней въ послѣднія восемь лѣтъ. —Дневникъ Порошина навсегда пребудетъ драгоценнымъ источникомъ свѣдѣній—не только для знакомства съ воспитаніемъ преемника великой Екатерины, но и для характеристики главнѣйшихъ ея сподвижниковъ и сотрудниковъ въ первые годы ея царствованія.

Записки Михаила Александровича Бестужева, Александра Петровича Бѣляева, барона В. И. Ш—ля („Записки Несчастнаго, содержація въ себѣ путешествіе въ Сибирь по канату“), наконецъ записки Дмитрія Иринарховича Завалишина—принадлежатъ современникамъ Александра I, представителямъ русскаго общества 1820-хъ годовъ и участникамъ въ печальныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ восшествіе на престолъ Николая I.—Люди ума, энергіи, талантовъ,—искупившіе увлеченія молодости многолѣтнимъ заключеніемъ и ссылкой, —поименованныя лица, какъ и весьма многіе изъ ихъ товарищей, —пребудутъ навсегда примѣромъ того, какъ не должно падать духомъ въ самыхъ тяжчайшихъ условіяхъ жизни, но въ непрестанномъ трудѣ и усиліяхъ къ самообразованію и нравственному совершенству—искать улады отъ преслѣдованій судьбы. —Многіе изъ декабристовъ въ томъ числѣ и поименованные четыре, —дожили до лучшихъ дней и не только видѣли осуществленіе своихъ завѣтнѣйшихъ мечтаній—какъ напр. освобожденіе крестьянъ, новый судъ, —но и сами приняли участіе въ осуществленіи реформъ Александра II...

Бестужевъ и Бѣляевъ — подлинныя декабристы. Смута 14-го декабря прямо захватила ихъ своею мутною волною. Но сколь рѣзокъ, живъ—въ изложеніи своихъ воспоминаній первый, настолько мягокъ, кротокъ, но столь же искрененъ —второй. Тотъ и другой очерчиваютъ цѣлую вереницу лицъ, встрѣчавшихся имъ на жизненномъ пути, при чемъ лица, входившія въ кругъ знакомыхъ Бѣляева, являются подъ перомъ его преимущественно съ ихъ добрыми качествами. Въ этомъ отношеніи особенно симпатичны его друзья и знакомые на Кавказѣ.

„Записки Несчастливаго“ — любопытны какъ потому, что онѣ выносятъ на свѣтъ одну изъ самыхъ грубыхъ ошибокъ зарвавшихся въ своемъ усердіи администраторовъ, ошибокъ — довольно обычныхъ въ старину, ошибокъ — губившихъ однако нѣсколько существованій; — интересны и потому, что онѣ написаны въ стилѣ литературныхъ произведеній начала XIX вѣка, чуть ни временъ „Бѣдной Лизы“ Карамзина. Записки эти — были читаны на литературныхъ вечерахъ, которые устраивались обитателями Петровскаго острога — декабристами, для которыхъ было написано ими нѣсколько произведеній въ стихахъ и прозѣ.

Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ, — о необыкновенныхъ способностяхъ котораго, обширномъ образованіи и трудолюбіи такъ много встрѣчается извѣстій въ запискахъ декабристовъ, — не былъ собственно декабристомъ и дошелъ до союзнчества съ ними другимъ путемъ, о которомъ обширный и весьма интересный рассказъ его самого находится въ нашемъ распоряженіи и мы имъ подѣлимся съ читателями нашего изданія въ 1882 году.

Въ Запискахъ же его — напечатанныхъ въ обозрѣваемомъ году — есть нѣсколько новыхъ подробностей о бытѣ этой интересной артели-декабристовъ, которая столь своеобразно сложилась въ мѣстахъ, населенныхъ отщепенцами рода человѣческаго.

„Главные черты моей жизни“ — записки Павла Алексѣевича Тучкова, и новыя главы изъ Записокъ извѣстнаго военнаго писателя генералъ-отъ-инфантеріи кн. Н. С. Голицына — относятся преимущественно къ эпохѣ конца 1820-хъ годовъ, и, между прочимъ, останавливаютъ вниманіе читателя на войнѣ Россіи съ Турціей 1828—1829 гг.

Появленіе въ нашемъ изданіи обширныхъ Записокъ сенатора Якова Александровича Соловьева — намъ представляется вполне своевременнымъ. Теперь, когда вниманіе правительства и общества направлено на изслѣдованіе нуждъ и потребностей народа и прежде всего — сельскаго населенія, а затѣмъ на довершеніе реформъ Александра II, конечно драгоцѣнны малѣйшія подробности, относящіяся до исторіи великаго акта 19-го февраля 1861 г., исторіи, въ которой столь видную и столь высоко-плодотворную

роль игралъ Я. А. Соловьевъ. — Окончаніе его Записокъ мы надѣемся представить въ „Русской Старинѣ“ будущаго года (книги февраль и слѣдующія).

Злобѣ дня могутъ сослужить службу воспоминанія другаго сенатора А. К—ва, помѣщаемыя въ настоящей книгѣ обзорѣ-ваемаго года, подъ заглавіемъ: „Между строками одного формулярнаго списка“. — Усердный, энергическій администраторъ, — служака прошлаго царствованія, — управлявшій государственными крестьянами въ одной губерніи, а затѣмъ — въ званіи губернатора — правившій послѣдовательно тремя губерніями, — А. Г. К., въ оригинальной формѣ междустрочія послужнаго своего списка, съ прямою и благороднымъ увлеченіемъ излагаетъ свои взгляды на многіе животрепещущіе вопросы нашей внутренней политики. Можно соглашаться или не соглашаться съ этими взглядами, но нельзя не остановиться предъ ними, какъ вынесенными изъ многолѣтняго опыта и знанія дѣла со стороны администратора, всюду оставившаго по себѣ память человѣка честнаго, добродѣтельнаго и преданнаго слуги Государю и Отечеству.

Въ обзорѣваемомъ году окончены нами печатаніемъ — „Записки Сельскаго Священника“. — Талантливый авторъ, одинъ изъ заслуженныхъ протоіереевъ и благочинныхъ въ одной изъ приволжскихъ губерній ¹⁾, — формулировалъ, въ заключеніи своихъ записокъ, свои выводы въ цѣломъ рядѣ пожеланій, логически вытекающихъ изъ его обширнаго труда о современномъ русскомъ духовенствѣ. Въ этихъ пожеланіяхъ слышится голосъ всего сословія. Будетъ ли онъ услышанъ? — обновится ли къ лучшему матеріальный и нравственный бытъ русскаго, преимущественно сельскаго, духовенства — благотѣльными реформами? Вотъ вопросъ, на который само духовенство нетерпѣливо ждетъ отвѣта. Мы однако продолжаемъ надѣяться, что голосъ, столь искренній, столь горячо любящаго свое Отечество пастыря, — какимъ является составитель „Записокъ Сельскаго Священника“, — будетъ услышанъ и принесетъ свою пользу.

¹⁾ Въ августъ сего года мы имѣли удовольствіе лично съ нимъ познакомиться. Рѣд.

„Воспоминанія В. В. Стасова“—переносятъ читателя къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ и вводятъ въ Училище Правовѣдѣнія—этотъ разсадникъ нашихъ гражданскихъ заправителей, губернаторовъ, сенаторовъ, даже—членовъ Государственнаго Совѣта.—Принадлежитъ перу одного изъ талантливейшихъ питомцевъ этого училища,—„Воспоминанія“ знакомятъ съ свѣтлыми и темными сторонами внутреннего его быта въ эпоху наиболѣе интересную—именно въ первые годы по учрежденіи Училища Правовѣдѣнія.

На ряду съ Записками и Воспоминаніями лицъ высокостоящихъ и по своему общественному положенію, и по своему образованію, и по своимъ заслугамъ—въ различныхъ сферахъ общественной дѣятельности,—мы издавна съ большою готовностію даемъ мѣсто автобіографіямъ и безыскусственнымъ рассказамъ людей изъ сѣрой толпы. Такъ и нынѣ долго тянулась и закончена въ обозрѣваемомъ году „Русской Старины“ — „Исторія жизни“—бывшаго крѣпостнаго крестьянина Шипова [1802—1862], обширный трудъ, увѣнчанный отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества бронзовою медалью.—Нельзя сказать, чтобы нравственный обликъ составителя „Исторіи“—включалъ въ себѣ симпатичныя черты. Напротивъ.—Самъ того не замѣчая, Шиповъ въ своемъ повѣствованіи представилъ много такихъ фактовъ, которые обрисовываютъ его въ непривлекательномъ свѣтѣ.—Но мы не того и искали въ этихъ объемистыхъ запискахъ, предавая ихъ тисненію. Мы искали и нашли въ нихъ русскаго мужичка, въ которомъ духъ смѣлой предпріимчивости, энергіи, смѣтливости—оказался не задавленнымъ всѣмъ ужаснымъ ярмомъ крѣпостнаго ига, острога и вопіющею иногда нуждою.—Въ особенности интересны шатанія Шипова по окраинамъ Россіи и за ея рубежемъ (въ Молдавіи);—какъ бы вымоленное имъ плѣненіе у черкесовъ—съ цѣлью рабствомъ у нихъ освободиться отъ тягчайшаго рабства у своего господина;—паломничество во Святую Землю и проч. Диковинно только у насъ одно: слышатся иногда укорины, что историческія изданія черпаютъ для себя матеріалъ изъ жизни двора, живописуютъ войны, витаютъ въ бытѣ высшихъ сферъ и не ведутъ читателя въ народъ. А лишь только дашь мѣсто хроникѣ, подобной „Исторіи крѣпостнаго крестьянина Ши-

пова"—слышишь сѣтованія на однообразіе и малосодержательность таковыхъ записокъ. — Мы однако будемъ продолжать неуклонно наше изданіе такъ, какъ вели его до сихъ поръ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ: страницы „Русской Старины“—съ одинаковою готовностью предоставляются нами представителямъ всѣхъ классовъ русскаго общества, безъ малѣйшаго различія или предпочтенія тѣмъ или другимъ. Пусть обрисовывается наше Отечество, въ его давней и недавней старинѣ, всецѣло и всесторонне.

III.

Изъ числа историческихъ изслѣдованій, статей и историко-биографическихъ очерковъ — явившихся въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемого года — можно упомянуть о слѣдующихъ:

„Канцелярія Конфискаціи въ 1729—1760 гг.“—профессора И. Е. Андреевскаго. — „Графъ Николай Петровичъ Румянцовъ и дѣятельность его на пользу русской исторіи и археологіи“ — обширная монографія профессора В. С. Иконникова. Герой этого труда — Румянцовъ — личнымъ починомъ въ изысканіи историческихъ и историко-литературныхъ памятниковъ и ихъ изданіи, — умѣнѣемъ соединить вокругъ себя всѣхъ современныхъ ему труженниковъ — русскихъ изыскателей сѣдой старины, наконецъ обширными матеріальными пожертвованіями на пользу наукъ и просвѣщенія — стяжалъ себѣ неувядаемую славу и признательность потомства. В. С. Иконниковъ, на основаніи печатныхъ и многихъ неизданныхъ матеріаловъ, — представилъ полный обзоръ заслугъ гр. Н. П. Румянцова отечественной исторіографіи.

„Очеркъ Турецкой войны 1829 г.“ — есть отрывокъ изъ обширнаго и многолѣтняго труда военнаго писателя Н. К. Шилдера. Этотъ трудъ — весь основанный на самыхъ первичныхъ источникахъ, — до сихъ поръ хранившихся въ архивахъ, а равнымъ образомъ заключающа въ себѣ результаты, полученные историкомъ по изученіи иностранныхъ сочиненій о томъ же предметѣ, — конечно возмѣститъ тотъ пробѣлъ, который издавна существуетъ въ нашей историко-критической военной литературѣ; мы наконецъ получимъ превосходное изслѣдованіе о русско-турецкой кампаніи 1828—

1829 гг., уроки и опытъ которой, вслѣдствіе неимѣнія до сихъ поръ такового труда,—почти совершенно пропали для Дунайскаго похода 1854 г. и войны 1877—1878 гг.

Обширные историко-біографическіе очерки посвящены нами въ „Русской Старинѣ“ 1881 года двумъ замѣчательнымъ лицамъ, это: „Генераль-фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.“—предсмертный трудъ генеральнаго штаба генераль-лейтенанта Д. И. Романовскаго, а другой—очеркъ, составленный профессоромъ І. В. Бертенсономъ—и заключающій въ себѣ біографію и обзоръ ученой и общественной дѣятельности Николая Ивановича Пирогова.

Первый трудъ, при нѣкоторой односторонности и увлеченіи автора, пылкаго почитателя кн. Барятинскаго, имѣетъ однако немаловажное значеніе—какъ первая, по времени, біографія фельдмаршала-покорителя Кавказа и въ особенности какъ трудъ писателя, весьма близко знавшаго Кавказскую войну и всю ея исторію, а потому сѣмѣвшаго—въ блистательномъ изложеніи писателя опытнаго и даровитаго—соединить множество весьма драгоценныхъ замѣтокъ и выводовъ для послѣдующихъ писателей объ эпопее Кавказскихъ войнъ.

Что касается до труда І. В. Бертенсона, то онъ явился крайне благовременно въ „Русской Старинѣ“—напомнивъ русскому обществу о громадныхъ заслугахъ Николая Ивановича Пирогова. Заслуги эти вслѣдъ затѣмъ были почтены въ Москвѣ, мѣсторожденіи славнаго ученаго, хирурга и профессора, — торжественно отпразднованнымъ юбилеемъ.

Изъ прочихъ біографическихъ очерковъ, явившихся въ нашемъ изданіи къ настоящему году, упомянемъ: о біографіи и обзорѣ ученой дѣятельности Филарета Гумилевскаго—епископа Черниговскаго;—о біографіи генерала барона Гейсмара—стяжавшаго себѣ славу въ войнахъ 1828—1829 и 1831 гг., вполне обрусѣлаго нѣмецкаго рыцаря безъ страха и упрека, пролившаго не разъ свою кровь за новое свое отечество—Россію; о воспо-

минаніи, въ формѣ біографическаго очерка, объ Оспіѣ Ивановѣ Гладкомъ, кошевомъ атаманѣ Запорожской Сѣчи [1789—1866], сообщенномъ его сыномъ—отставнымъ полковникомъ Василиемъ Гладкимъ,—воспоминаніи, полномъ весьма интересныхъ подробностей о судьбѣ—почти сказочной—этого богатыря-атамана, сослужившаго столь славную службу съ некрасовцами своими—Русскому воинству и его Державному вождю въ 1828 году.

Очеркъ жизни императрицы Маріи Александровны—напечатанный нами къ первой годовщинѣ дня ея кончины—составляетъ первый опытъ въ довольно полномъ изложеніи оживить нравственный обликъ этой Государыни, оставившей по себѣ чувство признательности въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, признательности за ея благотворительную дѣятельность: „Красный Крестъ“,—сотни женскихъ училищъ, прогимназій и гимназій,—подъ ея высокимъ покровомъ учрежденныхъ,—пребудутъ памятниками императрицы Маріи Александровны.

Н. И. Костомаровъ—въ „Русской Старинѣ“ обозрѣваемаго года помѣстилъ статью—„Украинофильство“—трактующую по одному изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ, который еще долго и долго будетъ вызывать въ русской литературѣ горячую полемику. Не становясь ни за, ни противъ мнѣній, высказанныхъ нашимъ талантливымъ историкомъ,—мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ помѣстили его статью, что она заключаетъ въ себѣ критическій разборъ одного, увы, тайнаго извѣта, поданнаго въ административныхъ сферахъ—на малороссійскій языкъ и малорусскія книги, извѣтъ, имѣвшій однако полный успѣхъ и уже потому заслуживающій хотя запоздалаго разбора.

Еще большее значеніе имѣетъ монографія объ „Амурскомъ дѣлѣ и вліяніи его на Восточную Сибирь и государство“,—которой мы дали мѣсто на страницахъ нашего изданія въ обозрѣваемомъ году.—Монографія эта принадлежитъ перу Д. И. Завалишина,—въ теченіе многихъ лѣтъ весьма близко стоявшаго къ этому вопросу и съ стѣсненнымъ сердцемъ наблюдавшаго за ошибками администраціи Николая Николаевича Муравьева, его сподвижниковъ и его преемника. Многія, весьма многія пред-

видѣнія и указанія Д. И. Завалишина оправдались, и полное безкорыстія и самоотверженія его служеніе дѣйствительнымъ интересамъ Россіи—было оцѣнено весьма многими почтенными изъ разныхъ сферъ русскаго общества людьми. Это видно изъ обширнаго собранія документовъ, которымъ мы сопровождаемъ его монографію объ „Амурскомъ дѣлѣ“. Затѣмъ весь этотъ трудъ есть вкладъ въ литературу о Сибири, данный „Русской Стариной“ въ трехъ сотъ-лѣтнюю годовщину покоренія Сибири, каковое торжество праздновалось въ 1881 году.

IV.

Собраніе сыраго матеріала къ отечественной исторіи, сообщеннаго „Русской Стариной“ въ 1881 году, едва-ли ни обширнѣе, чѣмъ въ какомъ либо изъ предъидущихъ годовъ.—Въ особенности много дано нами подлинныхъ документовъ императора Александра I, еще болѣе—императора Николая I и нѣсколько первостепенной важности писемъ Александра II и документовъ его эпохи.

Александръ I — является въ нѣсколькихъ его резолюціяхъ, либо въ отношеніяхъ его къ Сперанскому—два весьма важныхъ письма котораго мы впервые напечатали въ обозрѣваемомъ году;—также къ Аракчееву, графу (впослѣдствіи князю) Ник. Ив. Салтыкову и проч.;—заботы Александра I о спасеніи различныхъ учрежденій въ Санктпетербургѣ въ 1812 г.;—ссылка Сперанскаго;—ссылка Лабзина;—донесенія высшей полиціи о состояніи умовъ въ русскомъ обществѣ и проч. и проч., таковы документы, данные нами въ 1881 г. по отношенію къ Александру I и его времени.

Несравненно обширнѣе собраніе документовъ — представленныхъ „Русской Стариной“ этого же года для характеристики непосредственно личности императора Николая Павловича. Таковы собранія его писемъ къ Дибичу, гр. П. А. Толстому и къ разнымъ другимъ лицамъ — по поводу войнъ съ Турціей, съ Польшей, — бунта военныхъ поселянъ, — холеры, — и что особенно и совершенно ново—это по отношенію къ Франціи 1830-го года. Эти

послѣдніе документы соединены у насъ въ особую монографію, озаглавленную: „Между двумя войнами“—1829 и 1831 годовъ. Весь эпизодъ имѣлъ мѣсто въ 1830 г. и только неожиданно, негданно вспыхнувшее возстаніе на берегахъ Вислы отвратило императора Николая I отъ намѣренія двинуть свои легіоны на борьбу съ Франціей, изгнавшей въ это время Карла X.

Независимо отъ множества писемъ самаго Николая I—преимущественно касавшихся внѣшней его политики,—читатели конечно не пропустили документы, ярко рисующіе внутреннюю политику того же государя и его сотрудниковъ. Мы говоримъ о длинномъ рядѣ писемъ-донесеній Михаила Максимовича Фока, донесеній его шефу графу Бенкендорфу. — Фокъ былъ главою „агентовъ тайнаго надзора“. Въ этихъ донесеніяхъ, при тогдашней придавленности общественнаго сознанія и полной безгласности печати,—правительство искало отѣликовъ общественнаго мнѣнія—по поводу совершаемыхъ мѣропріятій.

Изъ документовъ крупной важности — послѣдующей эпохи должно упомянуть о письмахъ наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича, затѣмъ и императора, къ главнокомандующему Крымской арміей въ 1855 году. Письма эти впервые явились у насъ, въ „Русской Старинѣ“—безъ тѣхъ пропусковъ весьма существенныхъ мѣстъ, съ которыми документы эти являлись до сихъ поръ въ печати.

Двѣ замѣчательныя записки князя Николая Алексѣевича Орлова: „Мысли о расколѣ“ и „Объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ“—оба документа, представленные императору Александру II и имѣвшіе всѣмъ извѣстныя благотворныя послѣдствія,—воскрешаютъ въ памяти читателя годы реформъ, лучшіе годы минувшаго царствованія, въ то время какъ нами же напечатанная „Записка Псковскаго губернатара Б. П. Обухова“—(весьма мало, впрочемъ, въ ней повиннаго)—съ сокрушающими ее замѣчаніями нашихъ знаменитыхъ земскихъ людей Ю. О. Самарина и кн. А. И. Васильчикова,—переносятъ насъ въ годы мрачной реакціи правительства семидесятыхъ годовъ.

„Оренбургскіе пожары“—разсказъ свидѣтеля страшнаго бѣдствія, поразившаго этотъ городъ въ 1879 году. Читатели конечно замѣтили, что вѣрные издавна принятому правилу,—мы дали мѣсто и объясненію, вызванному этимъ разсказомъ со стороны мѣстной администраціи.

V.

По отношенію къ исторіи Русской литературы—„Русская Старина“ представила на своихъ страницахъ въ 1881 году:

Сатирическія вирши—временъ Екатерины II—по поводу отнятія у монастырей имѣній,—вирши, живо рисующія темныя стороны тогдашняго монашества.

Превосходный переводъ съ еврейскаго: „Пѣснь пѣсней“, принадлежащій знаменитому нашему ученому протоіерею Герасиму Петровичу Павскому, съ біографіей котораго мы познакомили нашихъ читателей въ 1880-мъ году.

Изслѣдованіе Н. О. Крузе о баснѣ „Конь“—несомнѣнно принадлежащей, какъ оказывается нынѣ, баснописцу нашему Ивану Андреевичу Крылову и направленной противъ императора Николая Павловича по поводу удаленія имъ съ Кавказа Алексѣя Петровича Ермолова.

Характерные разсказы А. А. Краевского и Н. И. Куликова—о великомъ поэтѣ нашемъ А. С. Пушкинѣ и отношеніи къ нему современнаго общества и представителей власти.—Воспоминанія Куликова заключаютъ въ себѣ при этомъ нѣсколько совершенно новыхъ чертъ для обрисовки нравственной личности поэта.

Федоръ Михайловичъ Достоевскій—въ воспоминаніяхъ одного изъ ближайшихъ его друзей А. П. Милюкова. Эти

воспоминанія относятся къ эпохѣ заточенія, ссылки и возврата изъ нея автора „Мертваго Дома“, — „Преступленія и наказанія“, — и, конечно, послужать полезнымъ матеріаломъ для его біографіи.

VI.

Каждый годъ—имѣемъ мы случай и возможность представлять нашимъ читателямъ рядъ сообщеній по отношенію къ исторіи художествъ и искусствъ въ Россіи, и, конечно, никогда не опускаемъ этого случая.

Въ нынѣшнемъ году—мы имѣли счастье напечатать первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“ [1835 г.],—въ томъ видѣ, какъ онъ сложился у самаго Михаила Ивановича Глинки; говоримъ „счастье“,—такъ какъ все, что относится къ творческой дѣятельности этого великаго композитора, имѣетъ громадный интересъ и значеніе для каждаго русскаго. Кстати, напомнимъ, что въ теченіе двѣнадцати лѣтъ—„Русская Старина“ соединила на своихъ страницахъ цѣлую бібліотеку драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ для біографіи М. И. Глинки:—его записки, множество его писемъ, воспоминаній и разсказовъ его современниковъ, друзей и его сестры—Людмилы Ивановны Шестаковой, планы и замѣтки М. И. Глинки, относящіяся къ его музыкальнымъ произведеніямъ и проч. проч.

Очеркъ художника Ѳ. Ѳ. Львова—„Общество поощренія художниковъ“—знакомитъ насъ съ исторіей этого въ высшей степени полезнаго учрежденія въ первый періодъ его существованія и въ 1850—1862 гг., когда Общество вступило въ эру своей наиболѣе блестящей дѣятельности. Очеркъ этотъ тѣмъ болѣе получаетъ значеніе, что онъ принадлежитъ перу—бывшаго конференцъ-секретаря Императорской Академіи Художествъ, весьма много способствовавшаго къ ея возрожденію.

Профессоръ археологической живописи Ѳеодоръ Григорьевичъ Солнцевъ, — профессоръ-маринистъ Иванъ Константиновичъ

Айвазовскій и академикъ-граверъ на деревѣ Л. А. Сѣряковъ—три наши знаменитые художника, на которыхъ мы остановили вниманіе читателей „Русской Старины“ въ изданіи 1881-го года, представивъ статьи объ ихъ произведеніяхъ и ихъ трудовой жизни, а по отношенію къ Айвазовскому напечатавъ продолженіе извѣстныхъ уже автобіографическихъ его Воспоминаній.

„Моя жизнь и художественные труды“—гравера на мѣди, академика и почетнаго вольнаго общника академіи Ивана Петровича Пожалостина—одна изъ тѣхъ автобіографій русскаго самородка-таланта, изданіе каковыхъ мы считали всегда наиболее полезнымъ и поучительнымъ, что и выяснено нами достаточно полно въ предисловіи именно къ этой автобіографіи.

VII.

Читатели наши конечно замѣтили, что изъ году въ годъ печатаемъ мы, вслѣдъ за обзоромъ двѣнадцати книгъ годоваго нашего изданія „Русской Старины“,—длинный списокъ нашихъ сотрудниковъ. Въ этомъ списокѣ особое мѣсто отводится именамъ уже усопшихъ вкладчиковъ и сотрудниковъ „Русской Старины“, таковыя имена повторяются нами съ чувствомъ глубокой признательности къ ихъ памяти и грусти при воспоминаніи о преждевременной кончинѣ этихъ людей.

Нынѣшній годъ вырвалъ изъ среды русскаго общества нѣсколько достойныхъ согражданъ, въ числѣ которыхъ были наши сотрудники:—князь Александръ Илларионовичъ Васильчиковъ,—Дмитрій Ильичъ Романовскій,—Адамъ Петровичъ Чеботаревъ и угасшій во двѣтъ лѣтъ и молодости Ѳеодоръ Константиновичъ Опочининъ.

Съ чувствомъ безпредѣльной скорби о кончинѣ этихъ людей и признательности къ нимъ присоединяемъ имена эти къ списку все болѣе и болѣе удлиняющемуся,—списку уже опочившихъ сномъ вѣчности нашихъ сотрудниковъ. Къ воспоминанію о Ѳ. К. Опочининѣ,—съ перваго же года бывшаго нашимъ усердѣйшимъ сотрудникомъ, мы еще надѣемся возвратиться.

О другой весьма тяжелой утратѣ—нами понесенной—мы много говорили въ обозрѣваемомъ году: это смерть академика-гравера на деревѣ, нашего друга Л. А. Сѣрякова.

Въ ряду художественныхъ приложений къ книгамъ „Русской Старины“ этого года читатели наши получили еще однако портреты, исполненные художественнымъ рѣзцомъ Сѣрякова. Таковы, кромѣ заглавной виньетки,—неизмѣнно повторяющейся при каждомъ новомъ томѣ „Русской Старины“, — портреты императора Александра II, — Михаила Илларионовича Голенищева-Кутузова—до знаменитой раны, лишившей этого доблестнаго вождя одного глаза, — и историка Сергѣя Михайловича Соловьева.

Утрата Сѣрякова вынудила насъ обратиться къ его ученикамъ-граверамъ и мы пока не имѣемъ повода раскисаться.—Гравюры художниковъ И. И. Матюшина—портреты: его учителя Л. А. Сѣрякова и генерала Гейсмара; затѣмъ гравюры художника Г. И. Грачева:—архіепископъ Филаретъ Гумилевскій, профессоръ Дмитрій Ивановичъ Ростиславовъ, профессоръ Николай Ивановичъ Пироговъ и другіе исполнены, смѣемъ думать, весьма старательно и вполне воспроизводятъ сходство съ оригиналами.

Въ текущемъ году, какъ и въ предъидущемъ, мы представили гелиографическіе снимки, весьма дорого стоящіе, но за то поразительно хорошо воспроизводящіе гравюры прежняго времени. Такъ мы помѣстили въ этомъ году портреты императора Павла Петровича (1797 г.)—и цесаревны, впослѣдствіи императрицы, Маріи Александровны [1841 г.].

VIII.

Библиографическій листокъ—въ настоящемъ году—представилъ до тридцати рецензій-замѣтокъ объ историческихъ сочиненіяхъ и сборникахъ матеріаловъ къ отечественной исторіи. Почти всѣ эти отзывы—составлены В. С. Иконниковымъ, нашимъ постояннымъ сотрудникомъ, уважаемымъ профессоромъ русской исторіи въ Университетѣ Св. Владиміра въ Киевѣ.

Ред.

Ншца.

12-го (24-го) ноября 1881 г.

Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ историческія
или историко-литературныя статьи и матеріалы.

1870—1881 гг.

К. К. Абаза, — В. П. Авенариусъ, — Д. В. Аверкіевъ, — И. П. Аврамовъ, —
П. Агафьевъ, — Н. Агафоновъ, — А. К. Адинцовъ, — М. П. Азанчевскій, — И.
К. Айвазовскій, — Аксаковъ, И. И. Акутинъ, — П. В. Алабинъ, — К. Алма-
зовъ, — В. А. Альфонскій, — игуменъ Амвросій, — И. Амелицкій, — А. И. Ана-
стасіевъ, — И. Андоzkій, — профес. И. Е. Андреевскій, — Анненковъ, — Г. В.
Антоновъ, — М. А. Антоновъ, — Л. Н. Антроповъ, — А. Апраксинъ, — графъ С.
А. Апраксинъ, — Н. А. Аргилландеръ, — И. А. Аренсъ, — проф. Н. Я. Ари-
стовъ, — Арнольдъ, — О. А. Арсеньевъ, — П. Я. Аршеневскій, — Асташевъ, —
Астракова, — Н. П. Ахвердовъ, — А. Ю. Ашебергъ.

Баландовичъ, — В. С. Балашевъ, — О. С. Балкъ, — А. Д. и Е. Д. Бантишъ-
Каменскіе, — Н. П. Бараніусъ, — профес. С. И. Барановскій, — П. И. Барановъ, —
А. А. Баранцевъ, — А. И. Барзевскій, — проф. Н. И. Барсовъ, — Н. П. Бар-
суковъ, — З. А. Баршъ, — В. С. Барыковъ, — Н. П. Барышниковъ, — кн. В. И.
Барятинскій, — Д. Д. Баскаловъ, — А. И. Басовъ, — Батюшковъ, — Е. П. Бах-
таловскій, — А. В. Башкатовъ, — В. Башловскій, — кн. В. И. Баюшевъ, — А. Без-
соновъ, — В. Безсоновъ, — А. Безукладниковъ, — Бенуа, — Н. В. Бергъ, — П. В.
Березинъ, — Я. О. Березинъ-Ширяевъ, — Ал. П. Берже, — Г. Верманъ, — Беръ, —
Г. В. Вертенсонъ, — Ю. В. Вертенсонъ, — М. Бестужева, — О. Бестужева, — В.
Н. Бестужевъ-Рюминъ, — проф. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, — Р. И. Бжостовская.
— Н. Вилибинъ, — А. А. Вильдерлингъ, — баронъ Бистромъ, — Д. Благово, — Бо-
бровскій, — Е. Л. Богданова, — С. Богоянскій, — профес. М. И. Богдановичъ, —
Н. К. Богущевскій, — И. Н. Божеряновъ, — В. А. Болотовъ, — М. П. Боло-
товъ, — А. Борзенко, — Я. И. Борзевскій, — В. А. Борисовъ, — Боричевскій, —
С. М. Бородинъ, — А. А. Бородулинъ, — М. О. Бороздинъ, — А. К. Бошнякъ, —
П. О. Брандтъ, — проф. А. Г. Брикнеръ, — А. Бруннеръ, — А. П. Брянцевъ, —
В. О. и В. О. Булгарины, — А. Булыгинъ, — Е. О. Буринскій, — Н. О. Бурцовъ, —
Бутаковъ, — баронъ Бутлеръ, — гр. М. Д. Бутурлинъ, — М. Быковъ, — Н. Д. Бы-
ковъ, — акад. А. О. Бычковъ, — О. Бычковъ, — А. Бѣлаго, — К. Бѣлевичъ, — Н.
А. Бѣлозерская, — А. П. Бѣляевъ, — баронъ О. А. Бюлеръ.

В. Н. Ваксель, — М. С. Валевскій, — В. В. фонъ-Валь, — А. Варакомскій, —
Н. П. Васильева, — К. И. Васильевъ, — И. И. Васильевъ, — А. П. Васильевъ, —
П. П. Васильевъ, — А. А. Васильчиковъ, — Н. Васьковъ, — Н. В. Вахтинъ, —
Веденяпинъ, — В. Н. Ведерниковъ, — П. Вейль, — П. И. Великопольскій, — Ве-
личковскій, — А. Величковъ, — Вельямновъ, — М. А. Веневитиновъ, — А. А. Вене-

піанова,—М. И. Венюковъ,—А. И. Веригинъ,—акад. К. С. Веселовскій,—
С. Веснъ,—Н. И. Вигинскій,—Н. Виноградовъ,—А. Н. Виноградовъ,—К.
А. Висковатовъ,—профес. П. А. Висковатовъ,—В. Н. Витевскій,—А. Н.
Витмеръ,—О. А. Витбергъ,—Н. П. Вишняковъ,—Владимірова,—М. Влади-
кинъ,—И. Влодзиміръ,—П. П. Возницинъ,—А. О. Волковъ,—кн. Волконскій,—
И. И. Вологдинъ,—И. В. Вологдинъ,—П. П. Волховской,—Вонлярлярская,—
Н. А. Воронихинъ,—П. А. Вороновъ,—Вороновъ,—Н. Я. Воскобойниковъ,—
Н. М. Востоковъ,—Н. Н. Вохинъ,—баронесса Вревская,—баронъ Б. А.
Вревскій,—Вудъ,—И. В. Вунчъ,—А. Н. Вульфъ,—А. А. Вязмитиновъ.

С. Н. Гавриловъ,—кн. Ив. С. Гагаринъ,—кн. Н. В. Гагаринъ,—М. Н.
Галкинъ-Врасскій,—К. И. Гамаринъ,—А. Гакъ,—А. Д. Галаховъ,—Е. А.
Ганъ,—Гвоздиковъ,—В. И. Гейсмаръ,—К. Геллингъ,—Н. В. Гербель,—А. А.
Герке,—Герцыкъ,—П. П. фонъ-Гець,—Гилъсъ,—В. О. Гладкій,—А. Г.
Глинка,—В. С. Глинка,—М. С. Глинка,—О. Н. Глинка,—П. Гловацкій,—
Глуховъ,—Гнѣдичъ,—И. Е. Голдинскій,—гр. П. А. Голенищевъ-Кутузовъ,—
В. В. Голенищевъ-Кутузовъ,—кн. К. К. Голицынъ,—кн. Н. Н. Голицынъ,—
кн. Н. П. Голыцинъ,—кн. Н. С. Голицынъ,—кн. С. П. Голицынъ,—Н. И.
Головачъ,—И. Головинъ,—П. С. Головинъ,—А. В. Головинъ,—К. Д. Голо-
щиковъ,—К. М. Голодниковъ,—И. А. Голышевъ,—Голубевъ,—В. В. Голуб-
цовъ,—А. Н. Гончаровъ,—И. О. Горбуновъ,—А. Гордонъ,—М. Горилецкій,—
М. П. Горловъ,—М. Городецкій,—проф. А. Д. Градовскій,—А. Е. Гренъ,—
Н. И. Григоровичъ,—А. Н. Григорьевъ,—А. Громачевскій,—акад. Я. К.
Гротъ,—Н. В. Губертъ,—П. Гулакъ-Артемовскій,—С. И. Гуляевъ,—Гуле-
вичъ,—свящ. В. Гурьевъ,—А. Н. Гусевъ.

В. Д. Давыдовъ,—К. И. Давыдовъ,—Данильченко,—Г. Е. Дахновичъ,—П. Я.
Дашковъ,—П. П. Деви,—Н. Д. Де-ла-Флизь,—А. П. Демидовъ,—В. О. Де-
Пуле,—Фонъ-Дерфельденъ,—А. И. Деспотъ-Зеновичъ,—К. К. Детловъ,—В. А.
Дзюбенко,—Дятроптовъ,—Дмитріевъ,—Н. Г. Дмоховскій,—Ф. Н. Добрянскій,—
Довголевскій,—В. Док-ій,—кн. В. Долгоруковъ,—А. Долгоруковъ,—П. П.
Должиковъ,—Домонтовичъ,—Живко Драговичъ,—А. М. Дренякинъ,—кн. С.
В. Друцкой-Соколинскій,—И. И. Дубасовъ,—М. Л. Дубельтъ,—М. Л. Дубец-
кій,—Н. О. Дубровинъ,—М. Л. Духонинъ.

К. Евлентьевъ,—Евреиновъ,—А. Е. Егоровъ,—от. П. П. Еланскій,—
кн. Енгальчевъ,—Н. А. Ермаковъ,—Н. Н. Ермаковъ,—В. Ермаковъ,—А.
Ерошенинъ,—А. П. Есиповъ,—Г. В. Есиповъ,—И. Ефимовъ,—П. А. Ефремовъ.

А. Н. Ждановъ,—Н. О. Желтовъ,—А. Жемчужниковъ,—Н. Л. Жемчужни-
ковъ,—В. И. Жиркевичъ,—В. И. Жмакинъ,—В. Жуковъ,—Д. Жуковъ,—Жу-
равскій.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій,—И. Е. Забѣлинъ,—Д. И. Завалишинъ,—Л.
А. Загоскинъ,—В. Заенчовскій,—Т. М. Запшкевичъ,—Д. Н. Замятинъ,—
А. Зандровъ,—Заржецкій,—Я. П. Заринъ,—А. Г. Затеръ,—И. Захаринъ,—
профес. Н. О. Здекауеръ,—А. К. Зейдеръ,—А. Земцовъ,—К. Зенденгорстъ,—
А. Зиссерманъ,—М. З. Зіоровъ,—І. Э. Змунцлла, рожд. Стогова,—А. Змѣ-
евъ,—В. А. Золотовъ,—В. Р. Зотовъ,—Е. Б. Зубова,—В. А. Зыбинъ,—А. Н.
Зыряновъ.

И. А. Ибердусовъ, — Н. С. Иванина, — Н. И. Ивановъ, — А. В. Ивановъ, — И. Ивановъ, — Л. К. Ивановскій, — от. И. Иващенко, — Ю. Б. Иверсень, — А. Игнатовичъ, — гр. Н. П. Игнатьевъ, — Игнатьевъ, — С. А. Идаховъ, — К. В. Измайловъ, — П. Александр. Измайловъ, — проф. В. С. Иконниковъ, — проф. Д. И. Иловайскій, — В. Е. Ильковъ, — М. А. Имбергъ, — В. А. Инсарскій, — Л. С. Исарловъ, — Н. О. Истинской, — Г. Θ. Исѣвъ.

Казадаевъ, — Е. К. Казанскій, — П. С. Казанскій, — Казачокъ, — М. К. Казина, — Казинъ, — А. Г. Казначеевъ, — П. С. Калачевскій, — Д. И. Калугинъ, — граф. Л. М. Каменская, — Θ. А. Каменскій, — А. Канаринъ, — кн-ня М. А. Кантакузина, — гр. П. И. Калпигъ, — П. А. Карабинъ, — А. А. Карасевъ, — М. В. Карасевъ, — П. П. Каратыгинъ, — Н. Н. Каргопольцевъ, — М. А. Карлинъ, — П. Карнауховъ, — Е. П. Карновичъ, — С. Д. Карповъ, — А. Карташевъ, — Н. А. Карцевъ, — П. Карцевъ, — Н. С. Кашенинъ, — М. Н. Кедровъ, — Н. Т. Кедровъ, — от. М. Кедровъ, — М. Кельдышъ, — проф. И. П. Келеръ, — Н. П. Кельшъ, — баронъ Кене, — Т. Кибальчичъ, — А. Н. Кириллинъ, — Кирилловъ, — Киселевъ, — П. А. Китицынъ, — Θ. Н. Кипшенскій, — Д. В. Кларъ, — И. Кларъ, — А. С. Клевановъ, — П. Клениковъ, — Князевичъ, — А. С. Князевъ, — Д. Θ. Кобеко, — Я. Кобылинскій, — Г. А. Ковалевскій, — К. И. Коваленкова, — Н. И. Коведаевъ, — М. М. Ковязинъ, — Козадаевъ, — Д. И. Козеленинъ, — А. Козловскій, — С. Козловскій, — И. Козьминскій, — Н. И. Койленскій, — А. Кокосовъ, — Колачевскій, — А. Коленковскій, — К. П. Колзакъ, — Н. М. Колмаковъ, — бар. М. Колычевъ, — В. А. Комаровъ, — гр-ня Н. М. Коновницина, — Д. А. Кошьева, — И. П. Корниловъ, — Г. А. Корозо, — Корчевскій, — Ю. В. Косова, рожденная Кюхельбекеръ, — Я. И. Костенецкій, — профес. Н. И. Костомаровъ, — М. Костылевъ, — Н. П. Косаровскій, — гр. П. Е. Коцебу, — А. А. Краевскій, — А. А. Красильниковъ, — В. А. Краснокутскій, — И. И. Красовскій, — А. Я. Креминской, — В. В. Крестовскій, — Н. Θ. Крузе, — М. Круповичъ, — П. А. Крыжановскій, — А. Крыловъ, — В. Ф. Кудряцевъ, — М. П. Кудряцевъ, — В. В. Кузминъ, — Г. Кузминъ, — А. Кузнецовъ, — С. Е. Кулеша, — Н. И. Куликовъ, — П. А. Кулишъ, — акад. А. А. Куникъ, — М. А. Куплетскій, — И. К. Куприяновъ, — кн. Куракинъ, — М. Куроптевъ, — М. Н. Кучаевъ.

Т. Н. Лаврентьевъ, — проф. Н. Лавровскій, — А. М. Лазаревскій, — Д. Н. Лазаревъ, — Г. А. Лазовъ, — И. К. Лапотниковъ, — О. А. Ларионова, рожден. Соловьева, — С. Лашкаревъ, — А. С. Лашкевичъ, — С. И. Лашкевичъ, — А. С. Лебедевъ, — Н. П. Лебедевъ, — В. И. Лебедевъ, — Н. А. Лебедевъ, — П. П. Лебле, — О. Я. Левенсонъ, — М. А. Левенцовъ, — С. Л. Левницкій, — О. И. Левницкій, — А. А. Левшинъ, — архимандр. Леонидъ, — Леоновъ, — А. Ф. Леопольдовъ, — В. В. Лермонтовъ, — В. Н. Лермонтовъ, — Д. Д. Лисенко, — К. Ф. Де-Ливронъ, — М. И. Лилеевъ, — В. И. Лихачевъ, — А. В. и А. Н. Липины, — кн. А. В. Лобановъ-Ростовскій, — П. В. Лобановъ, — А. Ломачевскій, — Г. Г. Ломоносовъ, — Н. А. Лонгинова, — А. Лонгиновъ, — С. Ц. Лопатская, — Е. А. Лопушинскій, — Г. В. Лохвицкій, — Лукинскій, — В. К. Луцкій, — А. Львова, — Л. Θ. Львовъ, — Θ. Θ. Львовъ, — В. И. Лѣстницинъ, — Любарскій, — И. Людмиловъ, — И. М. Лядовъ.

Н. С. Маевскій, — О. Маевскій, — Л. Н. Майковъ, — В. Н. Майновъ, — И. В. Майновъ, — С. М. Макарова, — от. П. Макаровъ, — К. Максимовъ, — Н. Я. Максимовъ, — И. П. Малаховскій, — К. В. Мамоновъ, — И. И. Манжура, — Мансуровъ, — К. А. Маньковский, — А. Н. Мариграфской, — А. Маринъ, — П. И.

Мартосъ, — А. А. Мартыновъ, — П. Мартыновъ, — кн. Н. Масальскій, — Н. В. Масловичъ, — Е. П. Масловъ, — А. Н. Матвѣевъ, — Н. Е. Матвѣевъ, — У. П. Матвѣевъ, — В. В. Матте, — И. И. Матюшинъ, — Ив. Матченковъ, — П. И. Мацѣевичъ, — Л. С. Мацѣевичъ, — И. А. Мачинскій, — К. Медоксъ, — бар. Мейендорфъ, — Н. К. Меллеръ, — П. И. Мельниковъ, — П. Н. Меншиковъ, — А. Е. Мерцаловъ, — А. Мечинскій, — Н. Мечъ, — Мешетичъ, — А. А. Мизеровъ, — Н. Д. Мизко, — М. О. Микѣшинъ, — проф. О. О. Миллеръ, — О. Б. Миллеръ, — гр. Г. А. Милорадовичъ, — А. П. Милуковъ, — Милуковъ, — М. А. Милютина, — Ю. Н. Милютинъ, — Г. Минъ, — С. Миропольскій, — М. П. Митковъ, — В. Михайловъ, — Д. Л. Михайловскій, — от. М. И. Михайловсей, — Г. Михельсонъ, — Г. О. Мишинъ, — А. О. Можаровскій, — А. Морганъ, — гр. А. А. Мордвиновъ, — Д. Л. Мордовцевъ, — А. Л. Моринъ, — А. И. Моркевичъ, — П. Морозовъ, — Д. К. Морозъ, — Е. Т. Морожкина, — И. Я. Морошинъ, — Я. Морошинъ, — А. П. Мушковскій, — Н. Н. Мурзакевичъ, — Г. И. Мѣшковъ.

М. Нагорновъ, — Надеждинъ, — от. А. Накропинъ, — П. О. Нарбутъ, — Н. Нарошкинскій, — А. С. Наставинъ, — П. И. Неболсинъ, — Н. К. Невзоровъ, — Я. М. Невѣровъ, — Е. С. Некрасова, — И. Некрасовъ, — Нелдовъ, — Несвѣтаевъ, — А. Н. Неустроевъ, — О. Ф. Нечаевъ, — Неѣловъ, — С. А. Никитенко, — М. Г. Николаевъ, — баронъ А. П. Николаи, — А. А. Пикольскій, — проф. В. В. Пикольскій, — Никулинъ, — М. Д. Нилъ, — Д. Нилъ, — графъ Ниродъ, — Л. Л. Ничаевскій, — Н. Новицкій, — А. Г. Новоселовъ, — С. Д. Носъ.

Кн. А. А. Оболенскій, — кн. Д. А. Оболенскій, — С. Оболенскій, — кн. Ю. Оболенскій, — Огаревъ, — П. Огивскій, — С. Ф. Огородниковъ, — Озеровъ, — Ю. А. Ознобичинъ, — М. Я. Ольшевскій, — П. О. Омеляненко, — И. И. Ореусъ, — А. Орловъ, — В. Б. Орловъ, — Г. А. Орловъ, — Н. М. Орловъ, — П. А. Орловъ, — И. Т. Осипинъ, — проф. Н. А. Осокинъ, — гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ, — баронесса Л. Остенъ-Сакенъ, — П. Осѣцкий, — М. Очинъ.

Л. Н. Павлицевъ, — И. Д. Павловскій, — А. А. Павловъ, — А. С. Павловъ, — В. О. Павловъ, — Н. Палибинъ, — С. М. Палицинъ, — А. В. Пальчиковъ, — А. А. и В. А. Панаевы, — Н. И. Пановъ, — П. А. Панчулидзе, — С. О. Папроцкий, — О. О. Пардалонскій, — П. Д. Паренцовъ, — И. В. Паскачинъ, — В. Пассеъ, — Т. П. Пассеъ, — Пафнугевъ, — В. К. Пашковъ, — В. Пашенко, — И. Пенъковскій, — Г. Г. Перетцъ, — профес. Г. Первольфъ, — Перфильева, — Н. А. Пѣрфильевъ, — Э. П. Перцовъ, — Г. П. Петерсонъ, — С. Петровскій, — Ал. П. Петровъ, — Ал. П. Петровъ, — Андр. Н. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — П. Н. Петровъ, — от. Пирлингъ, — Н. В. Пирожковъ, — С. П. Писаревъ, — В. В. Плаксинъ, — А. А. Плансонъ, — Платонова, — А. А. Повало-Швейковскій, — А. О. Подвысоцкій, — И. П. Поддубный, — И. Е. Подтягинъ, — О. Подтягинъ, — Подушенинъ, — Подшиваловъ, — акад. И. П. Пожалостинъ, — Е. Ц. Поздѣевъ, — А. П. Покровскій, — В. О. Покровскій, — П. Н. Полевой, — Н. А. Поливановъ, — В. Н. Поливановъ, — А. С. Полонскій, — Я. П. Полонскій, — В. Поляковъ, — И. В. Помяловскій, — А. Пономаревъ, — О. Пономаревъ, — А. Е. Поповъ, — Анд. Н. Поповъ, — Василий Петр. Поповъ, — И. С. Поповъ, — Михаилъ И. Поповъ, — Николай Поповъ, — Нилъ А. Поповъ, — Порошина, — В. О. Португаловъ, — Н. Б. Потокской, — М. Н. Похвисневъ, — Н. Н. Правиковъ, — П. Я. Прейнъ, — А. Преображенскій, — Н. М. Пржевальскій, — А. О. Пржецлавскій, — П. Г. Пржецлавскій, — Д. И. Прозоровскій, — М. С. Прокудинъ-Горскій, — Н. Н. Прота-

совъ,—С. В. Протопоповъ,—С. Л. Пташницкій,—Александръ Казим. Пузыревскій,—И. А. Пузыревскій,—А. П. Пулло,—А. Г. Пупаревъ,—А. М. Пустоваловъ,—П. А. Пушкаревъ,—Д. М. Пѣтуховъ,—А. П. Пятковскій.

М. Н. Раевскій,—А. Раменскій,—А. Распоповъ,—Н. А. Ратынскій,—П. С. Ревякинъ,—Р. А. Ременскій,—Н. Б. Реутскій,—графъ Ржевускій,—Людмила Ив. Рикордъ,—А. Θ. Риттихъ,—Д. А. Ровинскій,—П. Роговъ,—Д. П. Родіоновъ,—А. И. Розановъ,—Н. П. Розановъ,—Н. И. Розановъ,—О. фонъ-Розенбергъ,—бар. А. Е. Розенъ,—Д. А. Рокотовъ,—Г. Θ. Романенко-Щирый,—А. Н. Романовскій,—С. И. Романовъ,—Ю. А. Романовъ,—П. Рословъ,—А. Распоповъ,—Н. И. Ростиславовъ,—графъ И. Н. де-Рошфоръ,—Д. И. Ртищевъ,—Д. Рубакинъ,—С. А. Рудакова,—Рудаковъ,—К. Рудницкій,—Н. Рудыковский,—баронъ В. Р. Румель,—Рунитъ,—Н. Рындовскій,—Г. К. Рѣбинскій,—Д. Д. Рябининъ.

П. И. Саввантовъ,—А. И. Савельевъ,—Савельевъ,—И. Г. Савенко,—А. А. Савурскій,—Д. Садовниковъ,—Садовскій,—Н. Θ. Сазоновъ,—В. Савитовъ,—В. Самариновъ,—Н. Θ. Самаринъ,—Н. Самойло,—И. Самсоновъ,—А. Сапожниковъ,—В. С. Сахаровъ,—Свамочкинъ,—Свистуновъ,—Т. Н. Седлецкій,—М. Селезневъ,—Селивановъ,—Н. Н. Селифоновъ,—А. Селиховъ,—В. И. Семевскій,—П. Семеновъ,—К. К. Сентъ-Илеръ,—Сергѣевъ,—баронъ М. Н. Сердобинъ,—Л. М. Сердюкова,—Серно-Соловьевичъ,—Сеславина,—Д. П. Сильчевскій,—П. В. Симанскій,—Симоновъ,—Н. П. Сипельниковъ,—А. Н. Сиротининъ,—Р. П. Ситовскій,—Скальковский,—Г. Н. Скамонн,—А. И. Скиндеръ,—В. Скипскій,—В. Скоробогатый,—Θ. М. Скородумовъ,—В. Смирновъ,—Д. И. Смышляевъ,—Н. П. Собко,—А. И. Соболевскій,—В. Соколовскій,—акад. Θ. Г. Солнцева,—О. А. Соловьева,—от. П. Соловьевъ,—А. И. Сомовъ,—Р. Соросинъ,—Т. А. Сосновскій,—П. Т. Софіеико-Сухомлиновъ,—проф. В. Д. Спасовичъ,—А. Л. Спасскій,—И. Спреогинъ,—А. Стареть,—Н. И. Стародубскій,—Старостинъ,—А. В. Старчевскій,—В. В. Стасовъ,—С. В. Стебницкая,—Б. А. Степановъ,—В. А. Степановъ,—Н. И. Степановъ,—П. А. Степановъ,—А. Д. Столыпинъ,—Сторожевскій,—Стороженко,—П. Строевъ,—Стронинъ,—В. Я. Стоюнинъ,—Н. И. Стояновскій,—З. Стражева,—А. И. Стригонскій,—Р. Строгановъ,—Н. С. Стромилловъ,—Д. М. Струковъ,—Стрѣлковъ,—Г. И. Студенкинъ,—С. Ступининъ,—А. А. Суворовъ, князь Италійскій графъ Риминскій,—С. Судаковъ,—І. М. Судіенко,—С. Н. Сулима,—от. А. И. Сулоцкий,—Н. А. Султанъ-Крымъ-Гирей,—В. Судьменевъ,—А. П. Сумароцкая,—П. Суходольскій,—Д. П. Сушковъ,—профес. П. П. Сущинскій,—С. П. Сысоевъ,—П. Сѣверцовъ,—Л. А. Сѣрякова.

Д. Г. Тальбергъ,—В. Таницкий,—А. Танковъ,—П. Е. Татариновъ,—Темниковъ,—Н. М. Тереховъ,—А. Т. Тимановскій,—Тимофѣевъ,—Тимченко-Рубанъ,—В. В. Тимошукъ,—В. П. Титовъ,—Н. Н. Титовъ,—И. Тихомировъ,—проф. Н. С. Тихонравовъ,—Д. Д. Тогольскій,—графиня А. И. Толстая,—П. С. Толстой,—Томашевъ,—Н. Е. Топчиевъ,—Л. Н. Трефолевъ,—В. Г. Трироговъ,—А. Трифоновъ,—П. Трофимовскій,—Д. А. Трощинскій,—А. Н. Труворовъ,—Туганъ-Мирза-Барановскій,—Турау,—С. И. Турбинъ,—кн. Н. Н. Туркестановъ,—Тучковъ,—И. И. Тѣльновъ.

М. Н. Фатѣевъ, — Н. Федоровъ, — А. И. Фелькнеръ, — А. Фехнеръ, — М. А. Филипповъ, — Т. И. Филипповъ, — А. П. Философова, — В. С. Флѣринъ, — Е. Н. Флиге, — О. Е. Франкъ, — баронъ А. А. Фредериксъ, — бар. В. А. Фредериксъ, — бар. Н. П. Фредериксъ, — Фреде, — А. Г. Фрикенъ.

А. Ханъ-Аговъ, — Хмѣльницкій, — П. Г. Хоменко, — П. Ф. Хомутовъ, — от. О. Хорошунъ, — А. Н. Хребтовъ, — А. Хрѣновскій, — Н. Хупотскій.

Цвилевъ, — С. О. Цвѣтковъ.

Чайковский, — графъ Э. К. Чапскій, — А. И. Чарторижскій, — И. А. Чернавскій, — Чехихинъ, — В. Н. Чеховъ, — Г. С. Чириковъ, — проф. И. А. Чистовичъ, — проф. Я. А. Чистовичъ, — Н. Чуйковъ, — А. А. и П. А. Чумиковы, — Н. К. Чупинъ, — А. Эземпларскій.

И. И. Шамшевъ, — кн. Ив. Шаховской, — Е. Г. Шварцъ, — К. Н. Шварцъ, — В. С. Шевыревъ, — П. В. Шейнъ, — А. В. Шереметевъ, — Л. И. Шестакова, — Н. И. Шигановъ, — Н. К. Шильдеръ, — Шимановъ, — О. О. Шиманъ, — Н. Ширяевъ, — А. Д. Шинковъ, — А. Шляревскій, — А. О. Шлейснеръ, — Шляпинъ, — А. С. Шляхтинъ, — И. А. Шмаковъ, — М. О. Шогуровъ, — Н. К. Штрандманъ — В. К. Шульцъ, — В. В. Шульцъ, — А. Д. Шумахеръ.

П. К. Шебальскій, — М. П. Щербининъ — Н. Н. Щукинъ.

Н. Юнгъ, — П. И. Юркевичъ.

А. И. Языковъ, — Д. Языковъ, — С. М. Якимакъ, — В. А. Яковлевъ, — С. А. Яковлевъ, — Якубовичъ, — Е. И. Яеушинъ, — Г. Д. Яновичъ, — С. Х. Янковскій, — П. Ясницкій, — Ястржембскій, — А. Н. Яхонтовъ, — еягиня Е. М. Яшвилъ, рожденная Орлова.

Въ заключеніе долгомъ считаемъ поименовать съ признательностію ниже слѣдующихъ покойныхъ лицъ: А. П. Арбузовъ, — А. И. Артемьевъ, — А. Н. Афанасьевъ, — Я. П. Баглановъ, — князь А. И. Барятинскій, — Е. А. Бестужева, — М. А. Бестужевъ, — профес. О. М. Бодянский, — профес. И. Д. Бѣляевъ, — И. Д. Варпаховскій, — Кн. А. И. Васильчиковъ, — Н. В. Веригинъ, — А. С. Вороновъ, — Г. Н. Геннадіи, — А. О. Гильфердингъ, — А. К. Гриббе, — В. И. Даль, — П. М. Дараганъ, — Н. Н. де-Прерадовичъ, — Н. П. Дуровъ, — И. И. Европеусъ, — К. К. Злобинъ, — И. О. Золотаревъ, — К. А. Зыбинъ, — Ф. В. Каразинъ, — В. Н. Карамзинъ, — А. М. Каратыгина, рожденная Колосова, — П. А. Каратыгинъ, — Г. И. Кузьминскій, — от. К. Кустодіевъ, — А. М. Княжевичъ, — М. В. Кюхельбекеръ — П. П. Ламбинъ, — профес. П. С. Лебедевъ, — А. И. Левшинъ, — Е. Ф. Лермонтова, — М. Н. Лонгиновъ, — кн-ня С. А. Мадатова, — М. А. Марковъ, — П. К. Менковъ, — Г. И. Мигринъ, — от. М. Я. Морошенинъ, — О. Н. Муратовъ, — П. А. Мухановъ, — О. К. Опочининъ, — акад. П. П. Цекаускій, — А. Н. Поповъ, — О. А. Пржевальскій, — М. М. Рангъ, — В. О. Ратъ, — Д. И. Романовскій, — А. И. Рыжовъ, — И. И. Свѣзевъ, — Д. И. Скобелевъ, — проф. С. М. Соловьевъ, — Э. И. Стоговъ, — акад.-грав. Л. А. Сѣряковъ, — К. Н. Тихонравовъ, — В. И. Фелькнеръ, — И. Р. фонъ-дѣръ Ховенъ, — А. В. Фрейгангъ. — М. Д. Хмыровъ, — В. И. Чаславскій, — Адамъ Петр. Чеботаревъ и К. В. Чевкинъ, — сообщенія ими Записки (мемуары), изслѣдованія, статьи, письма и большія или меньшія собранія историческихъ матеріаловъ или даже фамиліные архивы (напр., К. В. Чевкина) находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“ и тѣ, которые до сихъ поръ не были еще изданы, постепенно будутъ печататься на страницахъ этого историческаго изданія.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ 1881 году.

Въ 1881 г. экземпляры «Русской Старины» распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки, по губерніямъ и областямъ:

1. Асмолинской обл.	25	23. Забайкальскомъ окр	40
2. Амурской обл.	9	24. Закаспійскомъ отд.	4
3. Архангельской губ.	15	25. Заравшанскомъ окр	6
4. Астраханской	31	26. Прегутской губ.	48
5. Бакинской	24	27. Казанской	77
6. Батумской обл.	10	28. Калининской	17
7. Бессарабской губ.	64	29. Калужской	57
8. Варшавской	61	30. Карской обл.	10
9. Виленской	40	31. Кіевской губ.	150
10. Витебской	27	32. Ковенской	23
11. Владимірской	95	33. Костромской	48
12. Вологодской	31	34. Кубанской обл.	34
13. Волынской	58	35. Кульдженскомъ районѣ	6
14. Воронежской	76	36. Курляндской губ.	15
15. Выборгской	6	37. Курской	120
16. Вятской	62	38. Кутанской	8
17. Гродненской	32	39. Кѣлецкой	6
18. Дагестанской обл.	20	40. Лифляндской	36
19. Донской обл.	72	41. Ломжинской	16
20. Екатеринославской обл . .	138	42. Люблинской	26
21. Елисаветпольской губ . .	14	43. Минской	32
22. Енисейской	27	44. Михальской	1

45. Могилевской губ.	26	73. Сыръ-Дарьинской обл.	33
46. Московской	66	74. Тавастгуской губ.	1
47. Нижегородской	33	75. Таврической.	87
48. Новгородской	54	76. Тамбовской	87
49. Нюландской.	5	77. Тверской.	72
50. Олонеккой	14	78. Терской обл.	20
51. Оренбургской	43	79. Тифлисской губ.	73
52. Орловской	94	80. Тобольской	24
53. Пензенской.	50	81. Томской	35
54. Пермской.	86	82. Тульской.	69
55. Петровской	12	83. Уральской обл.	8
56. Плоцкой.	11	84. Уфимской губ.	21
57. Подольской.	53	85. Ферганской обл.	14
58. Полтавской	121	86. Харьковской губ.	124
59. Приморской обл.	8	87. Херсонской.	190
60. Псковской губ.	43	88. Черниговской.	64
61. Радомской.	12	89. Черноморскомъ окр.	2
62. Рязанской	59	90. Эривалской губ.	12
63. Самарской	46	91. Эстляндской.	13
64. С.-Петербургской	81	92. Якутской обл.	12
65. Саратовской	66	93. Ярославской губ.	68
66. Семипалатинской обл.	12	Итого 3326	
67. Семирѣченской обл.	15	II. Въ Москвѣ.	714
68. Симбирской губ.	95	III. Въ С.-Петербургѣ (съ до- ставкою и безъ доставки.)	1135
69. Смоленской.	53	IV. За границу	68
70. Ставропольской	32	Всего 5803	
71. Сувальской.	7		
72. Сѣдлецкой	18		

Завѣдывающая экспедиціей журн. „Русск. Старина“. К. Θ. Кармалина.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ XXXII ТОМѢ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1881 г.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Абакумовъ, сенат., генер.-интендантъ
арміи, 1829 г., 298, 564, 565.

Абдерахманъ-паша, 1829 г., 574.

Абрамовъ, Ив. Борисов., поруч. гене-
ралн. штаба, декабр., † 1856 г., 611.

Авдѣевъ, 1826 г., 524.

Аврамовъ, И. П., ссылка на доставлен.
письма гр. Н. П. Румянцева, 227.

Ага-Мамедъ-ханъ, персидс. шахъ, 1786 г.;
† 1796 г., 450—452.

Аделунгъ, О., ученый, 1816 г., 59, 237.

Адлербергъ, гр., Влѣд. Ѳеодор., генер.-
адъют., мн-ръ двора и удѣловъ, 289,
301, 718.

Айвазовскій, Пв. Конст., художн.-ма-
ринистъ, р. 1817 г., 127.

Акимовъ, капит.-лейтен., 1800 г., 768.

Алабинъ, Петръ Вас. Сообщ. замѣтку
по поводу „Отрывка изъ Записокъ кн.
В. И. Васильчикова“, 209—217.

Александра Ѳеодоровна, имп-ца, р.
1798 † 1860 г., 289, 293—297, 301, 569,
619, 710, 713, 884, 885.

Александровскій, 1825 г., 230.

Александровъ, граверъ, † 1863 г., 361, 362.

Александръ I, импер., р. 1777 † 1825 г.

Рескриптъ о прекращеніи жестокаго
обращенія съ солдатами, 12 іюня 1804 г.,
659—660; письма гр. Н. И. Салтыкову,
19 апр., 13 іюня и 4 іюля 1812 г., 662—
665; всеподдан. рапортъ кн. М. И. Го-
ленищева-Кутузова 1812 г., 665—666;
рескриптъ кн. М. И. Голенщеву-Ку-
тузову, 3 окт. 1812 г., 666; слова, обра-
щенные въ гр. А. А. Аракчееву, по
окончаніи отечественной войны, 887—
888; два повелѣнія гр. Тормасову 1817
и 1818 г., 666—667; толки и настрое-
ніе умовъ въ Россіи, по донесеніямъ
высшей полиціи въ С.-Петербургъ съ
авг. 1818 по 1 мая 1819 г., 667—676;
вѣдомость о происшествіяхъ въ Москвѣ
2 февр. 1820 г., 677; всеподдан. письмо
гр. В. П. Кочубея, 10 нояб. 1822 г.,
881—882; резолюція по случаю похо-
ронъ княгини Кутузовой, 24 іюля 1824 г.,
882—883. Упом. 53, 55, 78, 104, 163—
187, 207, 220, 312, 319, 454—465, 514,
529, 530, 599, 606, 618—630, 729—731,
769, 884, 909, 919, 920.

Александръ II, Императоръ, р. 1818
 † 1 марта 1881 г. Слова, обращенныя
 къ наказному атаману, 1853 г., 85;
 всѣподдан. письма кн. Паскевича, 20 и
 25 февр. 1855 г., 903—904; переписка
 съ кн. Паскевичемъ и кн. Горчако-
 вымъ 1855 г., 899—906; отрывокъ изъ
 помянутого письма кн. М. А. Обо-
 ленскаго, 1856 г., 347; приѣздъ въ Ниж-
 ній-Новгородъ, 18 авг. 1858 г., 139—
 140. Упом. 142, 223, 345, 375, 417, 516,
 517, 533, 559, 587, 690, 697.

Александръ III, Императ., р. 1845 г., 904.

Алексѣй Михайловичъ, царь, р. 1629
 † 1676 г., 910—915.

Алихъ-паша, турец. военачальн., 1829 г.,
 562, 573.

д'Алонвиль, графъ, 1826 г., 172.

Аминовъ, Густавъ Густавов., полковн.,
 1843 г., 683—688, 701, 703.

Анастасевичъ, Вас. Григор., служащ.
 въ Комм. Законовъ, р. 1775 † 1845 г.,
 59, 345, 348.

Андреевъ, Андрей Осипов., управл. ря-
 занск. палатою госуд. имущ. и попеч.
 сиропитательнаго учил., 1856 г., 112,
 125—134, 355—357.

Анненкова, Прасковья Ив., жена дека-
 бриста, 1827 г., 593.

Анненковъ, Ив. Александр., поруч. ка-
 валергард. пол., декабр., 423—424.

Анненковъ, ген.-адъют., 1855 г., 900.

Анрець, генер., 1804 г., 724.

Анрець, полковн., 1830 г., 741, 745.

Аполлосъ, архимандр., 1785 г., 68.

Арагчевъ, гр., Алексѣй Андр., р. 1769
 † 1834 г., 163, 182, 201—208, 307, 359,
 514, 522, 534, 666—670, 887, 888.

Арбузовъ, Антонъ Петр., лейт. гвард.
 экипажа, декабр., † 1866 г., 622.

Арнольди, Алексд. Ив., нынѣ генер.-
 лейт., 684.

Арнольди, Ив. Карл., генер., 684.

Арсеній, митропол., 641.

Арсеньевъ, Алексд. Ильичъ, горн. инж.,
 управл. Петровскимъ заводомъ, 1827 г.,
 598—600, 651.

Артемяевъ, подполковн., 1855 г., 211.

Архаповъ, Дмитрій, сотскій, 114.

Арцыбашевъ, Никол. Серг., ученый,
 1824 г., 232, 245.

Астафьевъ, Владим. Вас., капит., ротн.
 команд., 1840 г., 254, 263—272.

Ахмедъ-Бей, турецк. военачальникъ,
 1829 г., 573.

Баграціонъ, кн., Петръ Ив., ген.-инф.,
 р. 1756 † 1812 г., 664, 889.

Багрянскій, докторъ, 768.

Базилевскій-Кранкевичъ, об.-секрет.
 московск. сената, 1826 г., 520, 540.

Бажунинъ, Мих. Алсд., адъют. вел. кн.
 Михаила Павловича, 1831 г., 500,
 501, 713.

Балашевъ, Алсд. Дмитр., ген.-адъют.,
 мн-ръ полиціи, 1812 г., р. 1770 † 1837 г.,
 185, 219, 220, 881.

Баятышъ-Каменскій, Никол. Никол.,
 управл. московск. архив. мн-ва иностр.
 дѣлъ, † 1814 г., 48, 55—59.

Барановъ, штб.-капит., 600.

Барелай-де-Толли, кн., Мих. Богданов.,
 ген.-фельдм., р. 1761 † 1818 г., 457, 889.

Барсуковъ, Никл. Платонов. Сообщ. «При-
 мѣчанія къ письмамъ А. И. Турген-
 нева, 1827—1845 гг.», 337—350.

Бартевель, Пт. А., редакт. журнала
 «Русскій Архивъ», 375, 424—426.

Баршъ, Захаръ Александр. Сообщ. Раз-
 сказъ: «Обдорскій возмутитель въ
 1840-хъ гг.», 377—386.

Барышниковъ, Вас. Петр., адъют.,
 1828 г., 103.

Барятинскій, кн., Алсд. Ив., намѣстн.
 Кавказск., впоследствии ген.-фельдмарш.,
 р. 1815 † 1879 г., 217, 218.

Барятинскій, кн., Алсд. Ив., ротмист.
 лб.-гв. гусарск. пол., декабр., † 1844 г.,
 427, 632.

Басаргинъ, Никл. Вас., поруч. лб.-гв.
 егерск. пол., декабр., † 1861 г., 425,
 426, 654.

Васинъ, В. В., художн., 1868 г., 369.

Васнакова, Елисавет. Ив., рожд. Найдено-
 нова, 679, 680, 704.

Васнаковъ, Александръ Никитичъ, 616.

Васнаковъ, Алексѣй Петров., войско-
 вой старшина, 679, 680, 704.

- Баташевъ, Галактионъ Степ., 649.
 Батенковъ, Гавр. Степ., подполкв. корп. инженер. пут. сообщ., декабр., † 1863 г., 610, 655.
 Бахметьевъ, генер., 1812 г., 727.
 Бахметьевъ, ген.-губернат. Казанск., 1826 г., 178.
 Бачишваревъ, 1826 г., 536.
 Башиловъ, ген.-майоръ, 1828 г., 106.
 Бедринъ, оренб. плацъ-адъют., 1827 г., 775—778.
 Безносиковъ, Конст. Степан., генер., 1840 г., 387.
 Безобразовъ, генер., 1844 г., 694—698.
 Безродный, сенаторъ, 1829 г., 298, 564, 565.
 Безчасный, Влдим. Алексдр., прапорщ., декабр., † 1859 г., 655.
 Беклемишевъ, 1843 г., 684.
 Бекловичъ, кн., 1840 г., 26.
 Белингъ, проф. музыки, 1826 г., 330.
 Беллингсгаузенъ, 1823 г., 560.
 Бенкендорфъ, гр., Алексд. Христоф., генер.-адъют., шефъ корп. жандарм. р. 1783 † 1844 г., 163—194, 303—336, 519—560, 882.
 Бенкендорфъ, юнкеръ, 266.
 Бенингсенъ, гр., Леонтій Леонтьев., генер. отъ кавалер., главноком., р. 1745 † 1826 г., 889.
 Бергъ, гр., Оед. Оед., генер., 1829 г., вполсѣд. ген.-фельдм., намѣстн. Парства Польск., р. 1794 † 1874 г., 477, 478, 716.
 Берединовъ, Я. П., 1837 г., 346, 350.
 Берже, Адольфъ Петр., дс. ст. совѣт., предсѣд. Кавказск. Археографич. комисіи. Критическій обзоръ VIII Т. «Актовъ кавказск. Археографич. Коммисіи», издан. подъ его редакціей, 445—449; перечень главнѣйшихъ трудовъ его, 449. Сообщ. замѣтку: «Графъ Войновичъ въ Персіи въ 1781 г., 450.—Два отрывка изъ исторіи Персіи, 450—452; Молитва для мусульманъ, составленная А. П. Ермоловымъ въ 1820 г., 454.
 Берлинскій, М. О., инспект. Кіевск. гимназіи, 1815 г., 226—230, 250.
 Берловскій, таможен. чиновн., 1815 г., 609, 617.
 Берсеневъ, граверъ, 135.
 Бертенсонъ, Іосифъ Васил., докт. медицины. Ссылка на его статью: «Никл. Иванов. Проговъ и его профессорская, ученая и общественная дѣятельность», 221.
 Бертранъ (Bertrand), генер. франц. служ., 1813 г., 729.
 Верхъ, Вас. Н., собиратель матеріал. въ Пермск. краѣ, 225, 242, 244, 623.
 Вестужева, рожд. Селіванова, 647.
 Вестужева, Елена Александр., † 1873 г., 394, 426, 592—657.
 Вестужевъ, Алексд. Алексд. (Марлинскій), штб.-капит. лб.-гв. драгунс. пол., писатель-декабр., † 1837 г., 426, 591—632, 886, 887.
 Вестужевъ, Мих. Александр., штб.-кап. лб.-гв. московск. пол., декабр., р. 1800 † 1871 г. Записки его: 591—658; упом. 95, 97, 394—412, 423—426, 763—765.
 Вестужевъ, Никл. Алсд., капит.-лейт. 8 флотск. экип., декабр., † 1855 г., 390, 394, 423—427, 591—658.
 Вестужевъ, Пав. Алексдр., 591.
 Вестужевъ, Петръ Алексд., мячманъ, † 1840 г., 616, 622, 628.
 Вибинова, Екат. Ив., рожд. Муравьева-Апостоль, жена саратовск. губернат., 1840 г., 8, 9, 20.
 Вибинова, Софья Никл., во втор. замуж. Есакова, 699, 702.
 Вибиновъ, адъют., 1828 г., 482.
 Вибиновъ, Мих. Никл., полковн. генералъ, штаба, † 1845 г., 699.
 Вибиновъ, саратовск. губернат., 1840 г., 8.
 Вистромъ, генер., 1831 г., 498—501.
 Вландовъ, колл. сов., чиновн. мн-ва финан., 1826 г., 171.
 Вландовскій, полковн. польск. службы, 1831 г., 748.
 Вобринскій, офиц. кавалергардс. полка, 1826 г., 319.
 Вобрищевъ-Пушкинъ, Пав. Сергѣев., поруч. генералън. штаба, декабристъ † 1865 г., 3.

- Богдановичъ, Модестъ Ив., военн. писатель, 104.
- Богъ, адмиралъ, 417.
- Больша, камергеръ, 1826 г., 319.
- Борисова, Анна Алексѣевна, въ замуж. Жданова, 576, 587, 589.
- Борисова, Екат. Алексѣевна, въ замуж. Тебенѣкова, 576, 585—589.
- Борисовъ, о. Алексѣй, священ. Успенской цер. въ гор. Ельцѣ, 1800 г., 575, 576.
- Борисовъ, Андр. Ив., поруч., декабр., † 1854 г., 614.
- Борисовъ, Ив. Алексѣев., см. Иннокентій, архіеп. херсонск. и таврич.
- Борисовъ, Матвѣй Алексѣев., 1800 г., 576, 584—589.
- Борисовъ, Петръ Ив., подпоруч., декабр., † 1854 г., 614, 657.
- Боровиковскій, худ., проф. акад., 365.
- Боровковъ, Алсд. Алсд., чинов. мн-ва госуд. имущ., 126.
- Бородаевскій, Серг. Осипов., помѣщ. Курск. губ., 123, 129.
- Вородинъ, К. М., попечит. слб. учебн. окр., 1809 г., 48, 323.
- Вородинъ, ген.-лейт., 1820 г., 458.
- Воуръ, ген.-лейт., инспект. Брестской и Украинской инспекціи, 1804 г., 659, 660.
- Брокгаузенъ, чиновн., 1826 г., 169.
- Броневскій, ген.-губернат. Сибиря, 430.
- Бронниковъ, сотникъ, 1852 г., 391.
- Бруни, О. А., рект. акад. худож., 131.
- Брюдловъ, Карлъ Павл., проф. акад. худож., † 1852 г., 127, 374.
- Брюммеръ, полковн., 1831 г., 510.
- Будагосскій, генер., 1864 г., 415—417.
- Будбергъ, генер., 1829 г., 568.
- Будбергъ, бар-са, Марія Николаевна, 1853 г., 393.
- Будановъ, аудиторъ, 1827 г., 776—779.
- Булгаковъ, Конст. Яковл., слб. почт.-директ., 1826 г., 169.
- Булгаковъ, маіоръ, 1829 г., 562.
- Булгаринъ, Ѳаддей Венедиктов., писат. р. 1789 † 1859 г., 610.
- Булычева, рожд. Кузнецова, 648.
- Булычевъ, камеръ-юнкеръ, 1848 г., 648, 657.
- Бурцевъ, полковн., 1828 г., 718.
- Буссе, И., бывш. секретарь гр. Н. П. Румянцева, 226.
- Буссе, генер., начальн. штаба въ Восточ. Сибиря, 1857 г., 96, 398, 399, 412.
- Бутинъ, Мих. Дмитр., золотопромышлен., 1859 г., 403.
- Бутковъ, Ив. Петр., дс. ст. сов., корп. штабъ-докт., 1823 г., 103.
- Буторинъ, А. М., пятидесятн., начальн. казаковъ, 1844 г., нынѣ есаулъ въ отставкѣ, 382.
- Бутурлинъ, ген.-маіоръ, ген.-квартирмейст., 1824 г., воен. писат., 459.
- Быковъ, об.-крѣгсг.-коммисаръ, 1823 г., 103, 104.
- Вѣлимовъ, ротн. команд., 1840 г., 270.
- Вѣлинскій, Виссаріонъ Григор., писат., р. 1810 † 1848 г., 375.
- Вѣлосельская, княж., Зинаида Александр., въ зам. кн. Волконская, † 1862 г., 598.
- Вѣльева, въ замуж. Паулеръ, 6.
- Вѣлиевъ, Алсд. Петр., р. 1803 г. Сообщ. свои «Воспоминанія о пережитомъ и переживуванномъ съ 1803 г.» Гл. XVI—XXIII (Окончаніе) 1—46; 251—286, 679—704.
- Вѣлиевъ, Петръ Петр., мичманъ гвард. экип., декабристъ, † 1865 г., 1—4, 256—281, 683—696.
- Бюлеръ, бар., О. А., 55.
- Вагапуло, жандармс. генер., 652.
- Вадковскій, Ѳед. Ѳедор., прапорщ., декабр., † 1844 г., 20.
- Вадьянъ, Яковъ, голландс. художн., 1654 г., р. 1628 † 1670 г., 915.
- Василевскій, учпт. русс. словесности, 605, 608.
- Васильчиковъ, кн., Викт. Илар., начальн. штаба Севастополя: гарнизова, 1855 г., вносл. товарищъ военн. мн-ра, ген.-адъют. Ссылка на «Отрывки изъ его Записокъ», 209—217, упом. 684.
- Васильчиковъ, кн., Иларіонъ Васил., ген.-адъют., р. 1776 † 1847 г., 553.
- Вауль-Піеттоминъ, арестантъ-самоубѣ, 1844 г., 381—386.
- Вахтенъ, ген.-маіоръ, начальн. штаба 6-го пѣх. корп., 1829 г., 295, 296.

Веберъ, Гиларій (Ф. Антоновъ), ссыльно-каторжный, 408, 409.
 Вегелинъ, Александръ-Ив., декабр., 45, 254—273.
 Веймарнъ, Ив. Ѳеодор., офиц. генер. штаба, 1828 г., 483, 487.
 Веймарнъ, П. Ѳ., генер., начальн. штаба гвард. корп., 1831 г., 498, 499, 503, 508.
 Велениусъ, офиц., † 1840 г., 269, 270.
 Величко, директ. оренбургс. таможи, 1827 г., 770.
 Вельтманъ, Алсд. Ѳомичъ, писат., р. 1800 † 1870 г., 342.
 Вельяминовъ, Алексѣй Александров., ген.-лейт., нач. Кавказс. обл., 1835 г., † 1838 г., 217, 218, 279, 447.
 Венеровская, Вѣра Антоновна, 1844 г., 680, 681.
 Венеровская, Олимпиада-Ив., 1844 г., 680—687.
 Венеровская, Татьяна Аванас., 1844 г., 680—683.
 Венеровскій, Ив. Львов., казачій офиц., 1843 г., 682, 683.
 Венеровскій, Левъ Антонов., полковн., 1844 г., 680—689.
 Венцель, И. И., исправл. должн. ген.-губернат. Восточн. Сибири, 1856 г., 410, 412.
 Венцель, юнкеръ-куррьеръ, 1859 г., 400.
 Венюковъ, Мих. Ив. Сообщ. замѣтку къ историческому очерку Д. И. Романовскаго: «Князь А. И. Барятинскій и Кавказская война», 217, 218.
 Вережкинъ, Ѳеодоръ-Никол., офиц., 284.
 Вережанина, г-жа, 1826 г., 312.
 Веригина, Елисавет.-Ив., въ замуж. Тучкова, 516.
 Веригинъ, Александръ, прап., 1827 г., 476, 477, 483, 510.
 Верницкій, гофъ-юнкеръ, 1654 г., 912.
 Веселицкій, генер. - лейт., начальн. штаб. оренбургс. корпуса, 1827 г., 771, 776, 779, 781.
 Вестеліусъ, проф. Акад. Худож., 132.
 Вилевальдъ, проф. Акад. Худож., 132.
 Вилліе, баронетъ, Яковъ Вас., действ. сов., 16-медикъ, 687.

Вильчовскій, нерчинскій исправн., 1851 г., 389.
 Виноградовъ, Евгеній Николаев., казначей-рязанс. палаты государ. имущ., 1852 г., 119.
 Висковатовъ, чинов., 1826 г., 172, 314.
 Витгенштейнъ, гр., Петръ-Христ., ген. фельдм., р. 1768 † 1843 г., 101, 663, 889.
 Витте, докторъ, 1829 г., 288, 291.
 Виттъ, гр., корпусн. команд., 1829 г., 566, 567, 706, 717.
 Вишневецкій, Ѳ. Г., лейтен. гвардейс. экип., декабр., † 1856 г., 423.
 Вильгорскій, гр., камеръ-юнкеръ, 1819 г., масонъ, 674.
 Воейковъ, Алсд. Ѳед., писат., р. 1773 † 1839 г., 610.
 Войновичъ, гр., контръ-адмир., 1781 г., 450, 451.
 Войновъ, генер., начальн. гвардейс. корпуса, 1825 г., 458, 487.
 Волковъ, флиг.-адъют., 1855 г., 901.
 Волконская, княгиня, 1826 г., 191.
 Волконская, кн., Зинаида Александр., рожд. кн. Вѣлосельская, † 1862 г., 598.
 Волконская, кн., Марія-Никл., рожд. Раевская, жена декабриста, 1827 г., 593, 612, 654.
 Волконскій, кн., Петръ-Мих., мнръ двора и фельдм., р. 1776 † 1852 г., 423, 524, 655, 666, 667, 675, 786.
 Волконскій, кн., Серг. Григор., ген.-майоръ, декабр., † 1865 г., 423, 427, 654, 655.
 Вольскій, худож., † 1868 г., 369.
 Вольфъ, Фердинандъ-Богданов., штабъ-лекаръ при главной кварт. 2-й арміи, 1825 г., декабр., † 1854 г., 430, 433, 596, 603, 613.
 Воронцовъ, кн., Мих. Семенов., ген.-фельдмарш., намѣстн. кавказс., р. 1781 † 1856 г., 33, 687, 692, 699, 717.
 Воронцовъ, гр., Сем. Романов., русс. посолъ въ Лондонъ, р. 1744 † 1832 г., 235, 465.
 Ворошиловъ, селенгинс. купецъ, 644.
 Востокъ, Алсд. Х., акад., 1841 г., 59—72, 240—247, 349.
 Востокъ, Никл. Мих., ссылка на со-

- ставленное имъ изложение автобіографіи
Н. Н. Шипова, 162.
- Врангель, бар., капит., 1829 г., 716.
- Врангель, ген.-лейт., 1855 г., 901.
- Вревскій, бар., Ипполитъ Александр.,
капит. генер. штаба, 1840 г., вполстѣд.
ген.-лейт., † 1859 г., 6, 283, 693,
699—703.
- Вревскій, бар., Н. А., штаб.-капит., 266.
- Вронченко, гр., Оед. Пав., дс. тн. сов.,
мн-ръ фин., † 1852 г., 82.
- Вуколовъ, о. Іоаннъ Іосифов., свящ.
1841 г., ссылка на доставленные имъ
письма Інноцентія, архіеп. херсон.
и таврич. къ свящ. Вас. Оед. Климен-
тову, 1822—1855 г., 575—590.
- Вукъ-Караджичъ, сербс. ученый, 232.
- Вульфертъ, секрет. лютеранс. епископа,
1826 г., 330.
- Вяземская, княж., Екатерина Андр., въ
замуж. Карамзина, р. 1780 † 1851 г.,
337, 338, 342.
- Вяземскій, кн., Петр. Андр., писат.,
р. 1792 † 1878 г., 337, 342.
- Вязмитиновъ, Серг. Козьмичъ, ген.-
инф., военн. мн-ръ, 1804 г., 660, 661.
- Гагаринъ, кн., 1826 г., 319.
- Гагаринъ, кн., вице-презид. акад. худож.
1859—1864 г., 366, 369.
- Газе, ученый, бібліотек. королев. парижс.
бібліотеки, 1819 г., 59, 61, 64, 232, 234.
- Галафѣевъ, дивизионн. ген., 1840 г., 268.
- Галаминъ, полковн., 1828 г., 483.
- Гамалѣй, Платонъ Яковл., инспект.
морс. корпуса, 604, 605.
- Ганнибалъ, 1826 г., 322, 323, 551.
- Ганъ, полковникъ, 1840 г., 274, 275.
- Гартингъ, Мартынъ Никл., ген.-маіоръ,
ген.-квартирмейст., 1817 г., † 1824 г.,
457, 459.
- Гассельманъ, консулъ пѣмец. націй,
1815 г., 609, 610, 617.
- Гастфортъ, бывш. ген.-губернат. Сибири,
377, 378.
- Ге, худож., проф. акад., 1863 г., 364.
- Гежелинскій, 1826 г., 540.
- Геймъ, Н. А., бывш. проф. моск. унив., 767.

- Гейсмаръ, бар., Алексд. Оед., полковн.,
1858 г., 754.
- Гейсмаръ, бар., Алексѣй Оед., 754.
- Гейсмаръ, бар., Анатолій Оед., 755.
- Гейсмаръ, В. И. Сообщ. біографическій
очеркъ «Баронъ О. К. Гейсмаръ»
721—762.
- Гейсмаръ, бар., Клементій, камергеръ
двора кор. Пруссіи, 1783 г., 722.
- Гейсмаръ, бар., Оедоръ Клементьевичъ,
ген.-адъют., р. 1783 † 1848 г. Біографиче-
скій о немъ очеркъ, 721—762; упол.
570, 708.
- Гейсмаръ, бар—са, рожд. Гердеръ, 730—
734, 753—762.
- Гейсмаръ, бар—са, рожд. княж. Гика, 726.
- Гейсмаръ, бар—са, въ замуж. гр-ни
Грабянка, 754, 756.
- Гекеренъ, см. Дантесъ-Гекеренъ.
- Гердеръ, Оедоръ, 1815 г., 731.
- Гердеръ, въ замуж. бар—са Гейсмаръ,
730—734, 753—762.
- Германъ, Оед. Ів., адъют., 1827 г., 786.
- Герценъ, (Искандеръ), Алсд. Ів., писа-
тель, 820.
- Герштенцевичъ, флиг.-адъют., 1855 г., 899.
- Геттунъ, правит. канцел. спб. военн.
ген.-губернатора, 1819 г., 671.
- Гика, княж., въ замуж. бар—са Гейс-
маръ, 726.
- Гладкій, Осипъ Мих., ген.-маіоръ, коше-
вой атаманъ Запорож. Стѣн, 1828 г.,
р. 1789 † 1866 г., 101, 482.
- Глазенапъ, г-жа, 1828 г., 494.
- Гладковъ, генер., 1822 г., 881.
- Глазуновъ, Ів. Іл., нинѣ спб. городс.
голова, 376.
- Глинка, Оед. Никл., полковн., 1819 г., 671.
- Глѣбовъ, офиц., 1845 г., 701.
- фонъ-Говербекъ, тн. сов., вел. канцл.
при Бранденбургс. дворѣ, 1654 г.,
911—914.
- Гогель, генераль, воспитатель вел. кн.
наслѣдника-цесаревича, 1860 г., 617.
- Гогель, Софья Мих., рожд. Степанова, 617.
- Гоголь, Никл. Васил., писат., р. 1809 †
1852 г., 127.
- Голенищева - Кутузова - Смоленская,

кн., Екат. Ильинична, рожд. Бибикова, р. 1754 † 1824 г., 882.
 Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн., Мих. Иларіонов., фельдмарш., р. 1745 † 1813 г., 665, 666, 888.
 Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Вас., ген.-адъют., спб. военн. губерн., 1827 г., р. 1772 † 1843 г., 553, 884—886.
 Голицынъ, кн., Алсд. Никл., об.-прокур. синода, р. 1773 † 1844 г., 220, 312, 338—349, 551, 671—675.
 Голицынъ, кн., Алексд. Серг., офиц. лб.-гв. конн. артилл., 1823 г., 109.
 Голицынъ, Алексд. Оеодор., фл.-адъют., 1843 г., 684.
 Голицынъ, кн. Андрей Мих., полковн., об.-квартирмейст., 1828 г., 108.
 Голицынъ, кн., Никл. Серг. Сообщ. свои «Записки 1825—1855 гг.», гл. VIII, 101—110; упом. 461.
 Голицынъ, кн., Серг. Серг., офиц., 1823 г., 109.
 Головинскій, Пав. Ив., полковой докт., 1841 г., 278, 285, 286.
 Головинъ, ген.-адъют., нач. отряда, 1828 г., 102, 107, 295, 712.
 Головинъ, Аполлонъ Серг., докт., 1863 г., 361—363.
 Головинъ, Евгеній Алексдр., ген.-инф., главноуправл. Закавказс. краемъ, 1840 г., 42, 46, 278.
 Гоноропуло, офиц. генеральн. штаба, 1823 г., 483.
 Гончаровъ, И. А., писат.-роман., 375.
 Горбачевскій, Ив. Ив., подпор., декабр., † 1869 г., 423, 651—655.
 Горецкій, 1826 г., 192.
 Горюновъ, Марка Оіелановичъ, инсп. морс. корпуса, 1814 г., 608, 609.
 Городецкій, Митрофанъ. Сообщ. поправку къ «Запискамъ» И. В. Селиванова, 678; замѣтку къ статьѣ Н. П. Собко: «Л. А. Сѣряковъ», 920.
 Горстенинъ, 1829 г., 495.
 Горчаковъ, кн., Алсд. Мих., канцл., 902.
 Горчаковъ, кн., Андр. Ив., генер., 1824 г., 458.
 Горчаковъ, кн., Мих. Дмт., главнокоманд. крымск. арміей, 1855 г., впо-

слѣд. намѣстн. Царс. Польск., 1851 г., р. 1792 † 1861 г., 209—216, 895—905.
 Горчаковъ, кн., Петръ Дмт., ген.-квартирмейст. арміи, 1829 г., впослѣд. ген.-губернат. Запад. Сибир., 1839 г., р. 1789 † 1863 г., 479, 481, 716, 890—895.
 Горчаковъ, кн., бывш. ревельск. военн. губерн., 769.
 Гофманъ, 1826 г., 184.
 Граббе, Пав. Христофоров., ген., команд. войсками на Кавказѣ, 1840 г., 6, 262—283, 692.
 Грабянка, гр., польск. помѣщ., 756.
 Грабянка, гр.-ня, рожд. бар-са Гейсмаръ, 754, 756.
 Грановскій, Тимосей Никл., проф. московс. унив., 47, 339, 820.
 Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир. черноморс. флота, 1829 г., 289—301, 566—568, 706.
 Гречъ, Никл. Ив., писатель, р. 1787 † 1867 г., 610, 621, 622.
 Григоровичъ, Д. В., секрет. общ.-ва поощр. художн., 374.
 Григоровичъ, И., протоіерей, 1821 г., 59, 62, 69, 225—245.
 Григорьевъ, Вас. Васил., проф. слб. унив., 339.
 Гриммъ, бар., 1773 г., 50, 51.
 Громницкій, Петръ Оеодор., поруч., декабр., † 1851 г., 596.
 Гротъ, Яковъ Карл., акад., 51, 346, 365, 367, 376.
 Гульневичъ, корпусн. докт., † 1831 г., 505.
 Гурко, генер.-лейт., команд., войсками на кавказс. линіи, 1843 г., 33, 688, 689.
 Гурьевъ, гр. Дмитрій Алексдр., мн-ръ финансовъ съ 1810—1823 г., р. 1751 † 1825 г., 172, 190, 672.
 Гуссейнъ-паша, турецк. военачальн., 1829 г., 294, 708.
 Густавъ III, король шведскій, 1783 г., † 1792 г., 346.

Давыдова, Александра Ив., жена декабриста, 1840 г., 3, 593.
 Давыдовъ, А. И., директ. штурманс. корпуса, 604.

- Давыдовъ, Вас. Львов., отставн. полковн., декабристъ, † 1855 г., 2, 632.
- Давыдовъ, Денисъ Васил., ген.-лейт., партизанъ, 1812 г., поэтъ, р. 1784 † 1839 г., 727, 728.
- Давыдовъ, кн., 1839 г., 347.
- Дадіани, кн., фл.-адъют., полковн., 447.
- Даниловичъ, Игнатій Никл., проф. моск. унив., 1840 г., р. 1789 † 1843 г., 244, 345, 347.
- Дантесъ-Гекеренъ, Георгъ-Карлъ, поруч. кавалергардс. полка, 1837 г., 337.
- Дашкова, кнг., Екат. Романовна, рожд. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., 51.
- Дашковъ, штаб.-капит., 1827 г., 800.
- Дверницкій, генер., 1830 г., 741—745.
- Дейеръ, поручикъ, 265.
- Дейхманъ, Оскаръ Алексд., управл. петровскимъ заводомъ, 651.
- Деллинггаузенъ, бар., ген., 1829 г., 710.
- Демидовъ, курс. гражд. губерні, 1836 г., 755, 756.
- Деморъ, Н. Ф., капит., 1833 г., сослана на его рассказъ о гр. А. А. Аракчеевъ, 201.
- Депрерадовичъ, ген.-адъют., 1828 г., 102—105.
- Державинъ, Гавр. Романов., писат., мн-ръ юстиціи, р. 1743 † 1816 г., 363, 365, 376.
- Дершау, 1826 г., 193.
- Дибичъ-Забалканскій, гр., Ив. Ив., фельдм., р. 1785 † 1831 г., 287—302, 307, 324, 457—504, 561—574, 705—720, 745—761, 882, 883, 886, 887.
- Дивовъ, мичманъ гвардейс. элпн., декабр., † 1839 г., 264—268.
- Дитмаръ, подпоруч. генеральн. штаба, 1828 г., 488.
- Дмитріева-Мамонова, гр-ня Марія Александровна, 1818 г., 667.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., дс. тн. сов., мн-ръ юст., писатель, р. 1760 † 1837 г., 49, 53, 54, 190, 248, 250, 768.
- Докучаева, Александра Ив., 1844 г., 686.
- Докучаевъ, Ив. Ив., докторъ, 1844 г., 685—687.
- Долгорукій, кн., Илья, адъют., 1828 г., 482.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Андр., ген.-адъют., военн. мн-ръ, 1855 г., впоследствии шефъ жандарм., 1853—1863 г., 516, 517, 901, 902.
- Долгоруковъ, кн., Вас. Васил., шталмейст., 1813 г., 5, 684.
- Долгоруковъ, поруч. артилл., 1833 г., впоследствии подполковн., 201—207.
- Донской, Петръ Павл., рязанс. окружн. начальн., 1855 г., 114—123.
- Доратанъ, П. М. Сообщ. въ 1875 г.: «Письма-донесенія М. М. Фока къ гр. А. Х. Бенкендорфу, 1826 г.», 163—194, 303—336, 519—560.
- Достоевскій, Федоръ Мих., писатель, † 1881 г., 877.
- Дружининъ, Яковъ Алексдр., чиновн. мн-ва финанс., 1826 г., 171.
- Дружининъ, Хрисанфъ Мих., портупей-прапорш., 1827 г., 773—803.
- Дубенскій, 1826 г., 309.
- Дубровскій, ученый, 63, 70, 71, 244.
- Дундуковъ-Корсаковъ, кн., А. М., адъютантъ, 1845 г., 701.
- Дурново, ген.-майоръ, 1828 г., 488.
- Дылевъ, худож.-скульпт., 1868 г., 369.
- Дюгамель, офиц. гвард. ген. штаба, † 1829 г., 299.
- Дюрютъ (Durutte), ген.-лейт. франц. служ., 1812 г., 727, 728.
- Дятловскій, помощн. рязанс. окружн. начальн., 115.
- Евгеній, (Болховитиновъ) митрополитъ Киевск., р. 1809 † 1837 г., 48—73, 226—246, 345—348, 816.
- Евгеній Виртембергскій, принцъ, ком. 7 корп. русск. арміи, 1828 г., р. 1788 † 1857 г., 487, 616.
- Евдониновъ, Никл. Ив., впоследствии графъ, ген.-лейт., начальн. лѣваго крыла кавказской линіи, 1856 г., 218.
- Екатерина II, имп-ца, р. 1729 † 1796 г., 48—54, 77, 78, 319, 331, 341—346, 513, 514, 634, 767, 768.
- Елисавета Алексѣевна, имп-ца, р. 1779 † 1826 г., 463, 667, 669.
- Ермолаевъ, А. И., худ.-археологъ, конференцъ-секрет. Акад. Худ., 1809 г., 48—63, 245.

Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-лейт.,
р. 1777 † 1861 г., 40, 217, 280, 323,
332, 333, 375, 405, 445—449, 454, 532—
539, 552.

Ершовъ, Никл. Ив., майоръ, 1840 г., 42.

Ершовъ, корабельн. мастеръ, 618.

Есаковъ, артилл. офиц., 1845 г., 699.

Ефимовъ, Николай Ефимов., помощн.
волостн. писаря, 1857 г., вполѣд. уч.-бъ
Акад. худож., 117—134, 360—369.

Ефремовъ, Петръ Алексдр., 375.

Жадовскій, полковн., 1831 г., 501.

Жандръ, 1826 г., 191.

Жданова, Анна Алексѣевна, рожд. Бо-
рисова, 576, 587, 589.

Ждановъ, Адрианъ Егоровичъ, диаконъ
Воскресенск. собора въ гор. Ельцѣ,
1837 г., 576, 583—590.

Жемчужниковъ, ген.-лейт., 1827 г., 773.

Жерве, Карлъ, секрет. русск. миссiи въ
Константинополь, 1826 г., 470—476.

Жомини, генер., 1817 г., 621.

Жуковская, 1826 г., 539.

Жуковский, Вас. Андр., писат., р. 1788
† 1852 г., 337, 344.

Жуковский, Е. М., губернат. Читы,
1862 г., 411.

Журавлевъ, 1826 г., 540.

Завадовскій, гр. Александръ, 1826 г., 319.

Завалишина, Елена Иринарховна, 395—
410, 426.

Завалишинъ, Дмитрій Иринарх., лейт.,
1825 г., быв. декабр. Сообщ. очеркъ:
«Амурское дѣло и вліяніе его на Вос-
точную Сибирь и Государство», 75—100;
письма къ нему разныхъ лицъ по дѣ-
ламъ Сибири и Амурскаго края, съ
1839—1863 г., 387—418; изъ своихъ
«Записокъ» — Пребываніе декабристовъ
въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ,
1827—1840 гг., 419—434. Упом.: 3,
627, 643.

Загорѣцкій, Никл. Александр., поруч.
генеральн. штаба, декабр., 273—274.

Загряжскій, поруч., 1828 г., 103, 104.

Закревскій, генер., 1826 г., 533.

Закревскій, гр., Арсеній Андр., ген.-
адъют., московск. генер.-губернаторъ,
1856 г., 115, 116.

Залѣвскій, майоръ, 1829 г., 295.

Замятинъ, 1826 г., 189.

Замятинъ, Н. А. рязанск. губернат.,
1857 г., 117—132, 351—358.

Запольскій, Пав. Ив., губернат. Забай-
кальской обл. и наказной атаманъ
забайкальск. казачьяго войска, 1853 г.,
392—410.

Запольскій, свящ., 1856 г., 916—918.

Зараевъ, Дементій, засѣдатель, 111,
115, 116.

Засѣ, генер., начальн. закубанск. отря-
да, 1840 г., 45, 46, 253—271, 447.

Звенигородскій, Яковъ Ив., полковн.,
1828 г., 103.

Зейдеръ, Фридрихъ, пасторъ, докт. фл-
лософiи, р. 1771 † 1834 г., 768.

Зиновичева, г-жа, 1831 г., 510.

Ибрагимъ-паша, Виддинскій сераскиръ,
1828 г., 735—739.

Ивановъ, 1809 г., 48.

Ивановъ, адъют., 1826 г., 540, 779.

Ивановъ, ген.-лейт., † 1828 г., 486, 492.

Ивановъ, П. И., 1840 г., 347.

Ивашева, Камилла Петр., рожден. ле-
Дантю, жена декабриста, 5.

Ивашева, въ замуж. бнг. Хованская, 5.

Ивашева, въ замуж. Языкова, 5.

Ивашевъ, Вас. Петр., ротмстр., декабр.,
† 1840 г., 5, 598.

Игельстромъ, Конст. Евстаф., декабр.,
255—261, 610.

Игельстромъ, генер., 256.

Игнатъевъ, Никл. Павл., ген.-адъют.,
бывш. русск. посолъ въ Константино-
поль, нынѣ ми-ръ внутреннихъ дѣлъ,
95, 412.

Измайловъ, К. А. Сообщ. изъ своихъ
воспоминаній разсказъ о гр. А. А.
Аракчеевѣ, 201—208.

Иконниковъ, Влм. Степ., проф. кievск.
унив. Статья его: «Очеркъ изъ русской
исторiографіи: Графъ Никл. Петр. Ру-
мянцевъ. Дѣятельность его на пользу
разработки русской исторiи и археоло-

гилъ, 47—74, 225—250. Сообщ. Библиографическій листокъ: отзывы о новыхъ книгахъ (на оберткѣ книгъ IX—XII).
Ильинская, Екат. Дмт., рожд. Старцева, 612—614, 643.
Ильинскій, Дмт. Захаров., доет. въ Читѣ, 611—614, 632, 643.
Имберкъ, таможен. чиновн., 1815 г., 609, 617.
Иннокентій, архіеп. преутс., 641, 642.
Иннокентій, (Ив. Алексѣев. Борисовъ) архіеп. херсонск. и таврич., р. 1800 † 1857 г. Письма его къ священ. Василию Климентову, 1822—1855 гг., 575—590; упом.: 122, 141, 142, 346, 347.
Иностранцевъ, прапорщ., 1829 г., 710.
Исаковъ, Никл. Вас., фл.-адъют., полк., 1845 г., 701.
Исидоръ, архіеписк., вполсѣд. экзархъ Грузин, 1844 г., нынѣ слѣд. митрополитъ съ 1856 г., р. 1799 г., 704.
Искрицкій, подпоруч. генеральн. штаба, 1828 г., 483, 488.
Иенсенъ, проф. скульпт., 1868 г., 369.
Іоаннъ, архиманд., 1840 г., 586.
Іорданъ, Фед. Ив., проф. акад. худож., грав. на мѣди, 123—136, 351—374.
Казадаевъ, офицеръ генеральн. штаба, 1828 г., 483, 492—495.
Казачковскій, ген.-лейт., масонъ, 769.
Казимірскій, Я. Д., жандармск. майоръ, плацъ-майоръ, вполс. генер., 600, 651.
Казинъ, ссылка на перевод. имъ письма М. А. Фока къ гр. А. Х. Бенкендорфу, 1826 г., 560.
Казначеевъ, помѣщикъ, 1818 г., 667.
Кайсаровъ, Михаилъ, чиновн. мн-ва финансов., 1826 г., 172.
Кавовинъ, селенгинскій почтмейст., 652.
Кадайдовичъ, Конст. Фед., проф. моск. универс., писатель, р. 1792 г., 49—73, 235—250.
Калачевъ, Н. В., ссылка на доставлен. имъ письмо кн. Фед. Вас. Ростопчина къ А. Д. Балашеву, 1814 г., 219—220.
Калугина, Ларисса, 1858 г., 394.

Каменевъ, офиц., 1827 г., 785.
Каменскій, гр., Никл. Мих., ген.-инф., главнокоманд. дунайской арміей, 1809 г., р. 1776 † 1811 г., 726, 773.
Каменскій, гр., Серг. Мих., ген.-инфант., р. 1772 † 1834 г., 485.
Камковъ, сотникъ, 1843 г., 688, 689.
Канарскій, польск. агитаторъ, 1838 г., 761.
Кандинскій, Петръ, нерчинск. купецъ, 1852 г., 391.
Канеринъ, гр., Егоръ Франц., ген.-инф., министръ финансов. съ 1823—1844 г., † 1845 г., 171, 172, 309—334, 523—548.
Кара-Георгій (Георгій-Черный), Сербскій князь, 1808 г., 725.
Каракозова, Софья Львовна, 5, 6.
Карамзина, Екат. Андр., рожд. княж. Вяземская, р. 1780 † 1851 г., 337, 338, 342.
Карамзина, Софья Никл., р. 1802 г., † 1856 г., 338, 342.
Карамзинъ, Вас. Мих., 339.
Карамзинъ, Никл. Мих., историографъ, р. 1766 † 1826 г., 48—69, 239—248, 338, 348.
Каревъ 2-й, штб.-капит., 1840 г., 269, 275—277.
Карлгофъ, Вильгельмъ Иван., адъют., 1828 г., 103.
Карцовъ, Петръ Ковдрат., адмпр., директоръ морск. корпуса, 1814 г., 609.
Касперова, помѣщица, 1846 г., 141.
Качаловъ, капит. 2-го ранга, 619, 620.
Каченовскій, Мих. Трофимов., проф., рект. моск. унив., 1839 г., р. 1775 † 1842 г., 55, 241.
Кашпиревъ, В., издат. журн. «Заря», 1869 г., 764.
Кене, В., баронъ. Сообщ. историческую замѣтку: «Посольство Порошина въ Берлинъ, 1654 г.», 910—915.
Кеппенъ, П. И., ученый, 63, 70—72, 232, 235.
Киргизовъ, заводск. начальник., 638.
Киренскій, городничій, 601.
Кириллъ, патріархъ Іерусалимскій, 1861 г., 152.
Кирѣва, Ольга Алексѣевна, въ замуж. Новикова, 1868 г., 370—371.

Кирѣевъ, Ив. Вас., прапорщикъ, декабристъ, 423.
 Кирѣевъ, Никл. Алексѣев., 1869 г., 363, 370—374.
 Киселевъ, гр., Пав. Дмт., ген.-адъют., мн-ръ госуд. пмущ., р. 1788 † 1872 г., 119, 288, 293, 515, 570, 712, 717, 718.
 Кладищева, г-жа, 1828 г., 494.
 Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправл. пут. сообщенія, 204—206, 552.
 Климентовъ, о. Василій Ѳед., свящ. Введенской цер. въ гор. Ельцѣ, 1822 г., † 1857 г. Письма къ нему Иннокентія, архіеп. херсон. и таврич., 1822—1855 г., 575—590.
 Клицкий, генер., нач. польскихъ войскъ, 1830 г., 741, 748.
 Клоссе, штабный лекаръ, 1828 г., впоследствии бывш. старшій врачъ лб.-гв. преображенск. пол., 105.
 Клуге-фонъ-Клугенау, бар., Францъ Карл., ген.-лейт., р. 1791 † 1851 г., 281.
 Кожевниковъ, коммерціи сов., 1826 г., 535, 536.
 Кожинъ, офиц. лейбъ-гусарскаго полка, 1826 г., 172.
 Козакевичъ, вышн. ген.-адъют., адмир. и военн. губернат. Кронштадта, 391.
 Козловскій, полковн., 218.
 Козляиновъ, полковн., помощн. началн. штаба гарнизона, 1855 г., 215.
 Козодавлевъ, Осипъ Петр., мн-ръ внутр. дѣлъ, съ 1810—1819 г., род. 1754 † 1819 г., 672.
 Козьминъ, Гавр. Афанасьев., 1837 г., 585.
 Колесниковъ, Вас. Павлов., портупей-прапорщ., 1827 г., 763—804.
 Колесниковъ, Алексд. Петр., золотопромышленникъ, 1840 г., 1—8.
 Колоредо, генер. австрійск. службы, 1812 г., 728.
 Колосовскій, А. Сообщ., чрезъ посредство Н. В. Калачева, письмо кн. Ѳед. Вас. Ростопчина къ А. Д. Балашеву, 1814 г., 219—220.
 Колошинъ, 1826 г., 319.
 Комаровскій, гр., Евграфъ Ѳедотовъ, ген.-адъют., команд. отдѣльн. корп.

внутр. стражи, 1826 г., † 1843 г., 325, 884—886.
 Кондаковъ, В. А. Сообщ. Письма Иннокентія, архіеп. херсонск. и таврич. къ Вас. Ѳед. Климентову, свящ. Введенской цер. въ гор. Ельцѣ, 1822—1855 г., 575—590.
 Коновницына, графиня, 1826 г., 173, 191.
 Константиновъ, полиц. чиновн., 1826 г., 309, 310.
 Константиновъ, П. К., грав.-академ., 1868 г., 369.
 Константинъ Павловичъ, вел. кн. цесарев., р. 1779 † 1831 г. Донесеніе ген.-маіора Шульгина, 9 февр. 1820 г., 676—677, письмо генерала Потапова, 10 дек. 1825 г. и отвѣтъ на него цесаревича, 918—920. Упом. 177, 188, 319, 320, 332, 496—504, 528, 746, 882, 889.
 Корниловичъ, Алсд. Осипов., штабсъ-капит. гвард. генеральн. штаба, декабр., † 1835 г., 610.
 Корниловъ, Влдм. Алексдр., адмиралъ, † 1854 г., 209.
 Корсаковъ, маіоръ, 1829 г., 562, 717.
 Корсаковъ, Мих. Семенов., воен. губерн. Забайкальск. Обл., 1857 г., 90, 96, 97, 395—418.
 Корфъ, баронъ, корпусн. командиръ, 1823 г., 458.
 Корфъ, гр., Модестъ Андр., чл. госуд. сов., р. 1800 † 1876 г., 375.
 Костанда, ген.-лейт., 1863 г., 834.
 Коцебу, Августъ-Фридрихъ-Фердинандъ, писат., р. 1781 † 1819 г., 53, 673.
 Коцебу, гр., Пав. Евстаф., ген.-адъют., началн. главн. штаба на Кавказѣ, 1851 г., 45, 209, 210, 900.
 Кочубей, гр., Впнт. Пав., мн-ръ внутр. дѣлъ, впол. госуд. канцлеръ, р. 1768 † 1834 г., 177, 560, 670, 880, 881.
 Кошелевъ, Алексд. Иванов., писатель, 1842 г., 820.
 Краббе, лейтен., впослед. морской министръ, 684.
 Краснокутскій, Семень Григор., дс. ст. сов., об.-прокур. сената, декабристъ, † 1841 г., 259, 560.

Краснокутский, поруч., 1840 г., впо-
слѣд. ген.-адъют., 260.
Красовский, Афанасій Ив., ген.-лейт.,
1829 г., † 1843 г., 287—300, 570, 574,
706—717.
Крейцъ, генер.-лейт., 1829 г., 300, 562,
708, 740, 761.
Кремповскій, 1826 г., 326.
Крепицынъ, Алсд. Никл., † 1865 г.,
ссылка на доставленные имъ письма
Алсд. Алсд. Вестужева, 591, 615, 616.
Кругъ, Ф., академ., 1814 г., 58—73, 245,
338, 340.
Крузе, 1826 г., 178.
Кружовецкій, генер. польской службы,
1831 г., 509.
Крюковской, отставной полковникъ,
1826 г., 307.
Крюковъ, тамбовс. губерн., 1822 г., 881.
Крюковъ, Д. А., проф. классической ли-
тературы, 1842 г., 820.
Крюковъ, Мих. Григор., золотопро-
мышлен., 1840 г., 4.
Кудряшевъ, оренбур. аудиторъ, 1827 г.,
770, 771, 791.
Кузнецова, въ замуж. Булычева, 648.
Кузнецовъ, золотопромышл., 1848 г., 648.
Кузнецовъ, пркутск. кварталн., вполс.
селенгинскій городничій, 651, 652.
Кузьминъ, генер., 1829 г., 717.
Кузель, губернаторъ Читы, 1862 г., 97,
410, 411, 414.
Куломзинъ, 612.
Кульневъ, ген.-маіоръ, 1812 г., 663, 726.
Куприяновъ, генералъ, 1829 г., 295,
571, 572.
Кутайсовъ, гр., сенат., 1831 г., 445.
Куткинъ, ген.-маіоръ, 1807 г., 769.
Кутузовъ, сенат., 1819 г., масонъ, 674.
Кутузовъ, чиновн. мн-ва финансовъ,
1826 г., 168, 188, 315.
Кутузовъ, Илья Васил., смотрит. посе-
лений, 1840 г., -1, 2.
Кушелевъ, гр., капит., адъют. гр. Ди-
бича, 1828 г., 705.
Кюхельбекеръ 1-й, Вильгельмъ Карлов.,
колл. асс., бывшій восп.-къ царско-
сельск. лицей, писат., декабр., р. 1797
† 1846 г., 388, 395, 423, 426.

Кюхельбекеръ 2-й, Михаилъ Карлов.,
лейтен. гвардейск. ээпн., декабристъ,
† 1859 г., 395, 423.

Лабзинъ, Алсд. Фед., дс. ст. сов., вице-
презид. Акад. Худож., 1819 г., масонъ,
674, 881.

Лабынцевъ, Ив. Мих., полковн., 1840 г.,
254, 269, 271.

Лабынцевъ, Мих., ген.-адъют., 1840 г.,
266, 268, 278.

Лазаревъ, Мих. Петровичъ, адмир.
† 1854 г., 405.

Ланской, Вас. Серг., дс. тн. сов., управл.
мн-вомъ внутреннихъ дѣлъ, р. 1762
† 1831 г., 672.

Ларионовъ, регистраторъ, 1814 г., 220.

Лебедевъ, граверъ, 135.

Левашевъ, гр., флиг.-адъют., 1855 г., 902.

Лелевель, Іоакимъ, проф. виленс. унив.,
польс. историкъ, р. 1786 † 1861 г.,
59, 226.

Лелли, русскій консулъ въ Яссахъ,
1826 г., 465.

Лепарскій, Осипъ Адамов., ген.-лейт.,
плацъ-маіоръ, † 1876 г., 596, 600, 626.

Лепарскій, Степ. Романов., ген.-маіоръ,
комендантъ Нерчинскихъ рудниковъ
съ 1826—1837 г., р. 1754 † 1837 г.,
419—433, 594—613, 653, 654.

Лербергъ, А. Х., ученый, † 1813 г., 59,
63, 236.

Лефевръ, чиновн., 1826 г., 310.

Ливень, графиня, 1826 г., 188.

Ливень, бар., 1828 г., 480.

Лидерсъ, генер., корпус. команд., 1845 г.,
693—695, 900, 904, 905.

Линде, генералъ, 265.

Литта, графъ, 1826 г., 313.

Лихаревъ, Влѣд. Никол., подпоруч. ге-
неральн. штаба, декабр., † 1840 г.,
273, 274.

Липинъ, полковн., 1829 г., 299.

Лобановъ-Ростовскій, кн., Алексѣй
Борисов., бывш. русс. посолъ въ Кон-
стантинополь, нынѣ посолъ въ Лондонъ,
42, 283, 284, 356.

Лобановъ-Ростовскій, кн., Дмит. Ив.,

ген.-инф., мн-ръ юстиціи, 1816 г., р. 1758
† 1838 г., 672, 675.
Добанова, княгиня, 1826 г., 319.
Добановъ, кн., 1826 г., 551.
Добойко, Ив. Никл., профессоръ вѣнск.
унив., 240.
Домоносковъ, Мих. Вас., акад. писат.,
р. 1711 † 1765 г., 342, 343.
Допухинъ, Ив. Владимр., бригадиръ,
масонъ, † 1816 г., 768.
Допухинъ, офиц. преображенскаго пол.,
1826 г., 172.
Дореръ, г-жа, 1826 г., 320.
Дореръ, Николай Ив., майоръ, декабр.,
610, 611.
Дористонъ, генер., 1812 г., 889.
Досевъ, о. Петръ Леонт., свящ. ризанс.
сиропитателн. учил., 1859 г. нынѣ
рект. вологодс. семинаріи, 351—357.
Доскутовъ, пркуто. исправникъ, 615.
Дукьяновъ, полковн., 1827 г., 776, 777.
Дунина, въ замуж. гр-ня Уварова, 654.
Дунинъ, Мих. Серг., подполк., декабр.,
† 1845 г., 433, 654.
Душниковъ, Мих. Мих., селенгинскій
купецъ, 1860 г., 614, 636, 638, 645.
Дьвовъ, Анд. Мих., адъют., 1831 г., 505.
Дьвовъ, Фед. Никл., чиновн. въ Иркут-
скѣ, 1861 г., вносльд. секрет. спб.
техническаго общ-ва, 404.
Дьяшевичъ, ген.-майоръ, 1829 г., 295, 296.
Магницкій, Мих. Леонт., дс. ст. сов.,
попечит. казанс. унив., р. 1778 † 1844 г.
70, 71, 172, 177.
Мадатовъ, кн., Валеріанъ Григор., ген.-
лейт., р. 1782 † 1829 г., 332, 333, 562,
570, 573, 708, 712.
Майковъ, Аполлонъ Никл., поэтъ, 1869 г.,
371, 372.
Макалинскій, подпоруч., 1828 г., 492.
Макаровъ, капит.-лейтен., 1814 г., 609.
Македонцевъ, нач. коммерчес. канцел.
въ Константинополѣ, 1826 г., 468.
Маковский, художн.-портрет., 364.
Максимовичъ, Мих. А., писатель-проф.,
1834 г., 346, 347.
Максимовъ, офиц., 1827 г., 786.
Максимовъ, С. В., 393, 424, 430, 432.

Малиновскій, А. О., 1813 г., 50—71,
239—250.
Малиновскій, курьеръ, 1826 г., 465—473.
Малиновскій, генер., 1829 г., 712.
Мальцевъ, томскій мѣщ., 1782 г., 635.
Малютинъ, г-жа, 1826 г., 191.
Малютинъ, Алексд. Кузъм., отст. под-
полковн., 1840 г., 1.
Марини, гр., начальн. ватиканскаго тай-
наго архива, 1837 г., 339, 343.
Марія Александровна, Имп-ца (Мак-
симиліана Вильгельмина - Августа - Со-
фія-Марія, принцесса Дармштадская)
р. 1824 † 1880 г., 139, 140, 513.
Марія Ѳеодоровна, Имп-ца (Доротея-
Софія-Августа-Луиза, принцесса Вир-
тембергская) р. 1759 † 1828 г., 101,
109, 110, 601, 768.
Марія Ѳеодоровна, Имп-ца (Марія-Со-
фія - Фредерика - Дагмара, принцесса
Датская) р. 1847 г., 375.
Маркевичъ, А. И. Сообщ.: Два письма
акад. проф. И. И. Срезнева къ свящ.
Запольскому, 1856 г., 916—918.
Марковъ, проф. акад. худож., 134.
Мартосъ, Ив. Петр., дс. ст. сов., рект.
акад. худ., скульпт., р. 1753 † 1835 г., 64.
Марченко, 1826 г., 182.
Масловъ, Сергій, волостной писарь,
1855 г., 114.
Матюшинъ, Ив. Ив., художн.-гра-
веръ, учен. акад. Л. А. Сѣрякова,
гравиров. портр. барона О. К. Гейс-
мара, 676, упом. 721.
Матюшкинъ, Ф., адмир. и сенат., 1860 г.,
407, 408, 417.
Махмудъ, турец. султанъ, 1826 г.
469, 471.
Махмудъ-паша, коменд. адрианополь-
скій, 1829 г., 715.
Медвѣдевъ, подпоруч., нач. оренб. ин-
валид. команды, 1827 г., 782.
Мезенцевъ, Петръ Павл., 1840 г., 260.
Мезенцевъ, Серг. Павл., 260.
Мейеръ, тамож. чинов., 1815 г., 609, 617.
Меллеръ-Закомельскій, Петръ Петр.,
полковн., 1844 г., 686, 693—696.
Меллеръ-Закомельскій, юнкеръ, 1842 г.
283, 284.

- Мельниковъ, селенг. куп., 1860 г., 636.
 Меншиковъ, кн., Алсд. Серг., адмир.,
 р. 1787 + 1869 г., 209, 637, 895,
 899—902.
 Меньковъ, Петръ К., ген.-лейт., главный
 редакт. журн. «Военный Сборникъ» и
 «Русс. Инвалидъ», 1861 г., 413—417.
 Меркелевъ, тиввинс. священ., 1826 г., 305.
 Метлинъ, адмир., 1857 г., 138.
 Мечниковъ, сенат., об.-бергауптманъ,
 1831 г., 445.
 Мещерскій, кн., 1826 г., 184.
 Мивлашева, г-жа, 1826 г., 191.
 Миевъшинъ, Мих. Осипов., художн., ссы-
 ла на его изданіе «Пчела» 1876 г., 920.
 Милорадовичъ, гр., Мих. Анд., спб.
 воен. губернат., + 1825 г., 312, 670, 671,
 725—728, 881.
 Миллеръ, исторіографъ, 54—56.
 Миллеръ, Петръ Петр., офиц., 1844 г.,
 689, 694.
 Милошъ, 1829 г., 568.
 Милукова, Елена Дмитр., рожд. Якуш-
 кина, 405.
 Милуковъ, Мардарій Васил., попечит.
 орловс. гимназін, 1861 г., 405, 406.
 Милуковъ, Никл. Алекс., морс. офиц.,
 1814 г., 603.
 Милютинъ, Дмит. Мих., ген.-адъют.
 военн. мин-ръ, 1861 г., 414—417.
 Милютинъ, Никл. Алексѣев., чл. госуд.
 сов., р. 1818 + 1872 г., 829.
 Минтаки, повѣренный въ дѣлахъ въ
 Константинополѣ, 1826 г., 470, 475.
 Мироновъ, 1840 г., 341, 342.
 Митковъ, Мих. Платонов., 2.
 Митковъ, Мих. Фотіев., полковн. лб. гв.
 финл. пол., декабр., + 1849 г., 2, 3, 427.
 Митковъ, адмир., 1815 г., 609.
 Михайловскій, адмир., 1815 г., 609, 617.
 Михайлъ Николаевичъ, вел. князь,
 р. 1832 г., 447.
 Михайлъ Павловичъ, вел. кн., р. 1798
 + 1849 г., 103—107, 188, 264, 460, 479,
 482, 497—510, 713.
 Михаль Оедоровичъ, царь, р. 1596
 + 1645 г., 347, 512.
 Михельсонъ, Ив. Ив., генер. поруч.,
 р. 1740 + 1807 г., 725.
 Могиланскій, 230.
 Моллеръ, Антонъ Васил., адмир., на-
 чальн. штаба морск. вѣдомства, 1826 г.,
 189, 190, 606, 629.
 Моллеръ, О. В., главн. команд. кроп-
 штатскаго порта, 1819 г., 618, 620.
 Моргенштернъ, проф. дерптскаго уни-
 верситета, 59.
 Мордвиновъ, 1826 г., 189, 192, 322,
 323, 325.
 Мордвиновъ, Алексд. Алексд., учитель
 Нерчинс. уѣздн. учил., 1839 г., впослед-
 вице-губернат. Забайкальск. Области,
 387, 388.
 Мордвиновъ, Никл. Семенов., адмир.,
 ст.-секрет., р. 1755 + 1845 г., 53.
 Моревъ, магистръ дух. акад., 1868 г., 367.
 Мосоловъ, Н. С., гравёръ, 1867 г.,
 367—370.
 Муравьева-Апостоль, Екат. Иван., въ
 замуж. Бибинова, 8, 9, 20.
 Муравьевъ-Апостоль, Ипполитъ Ив., 8.
 Муравьевъ-Апостоль, Матв. Ив., под-
 полковн., декабр., 3—9, 654.
 Муравьевъ-Апостоль, Серг. Ив., под-
 полковн., декабр., + 1826 г., 8.
 Муравьевъ-Карскій, Никл. Никл., ген.-
 адъют., намѣстн.-кавказск., ген.-губ.
 Восточн. Сибири, 1857—1858 г., р. 1793
 + 1866 г., 82—88, 260, 389—412, 449,
 595, 615, 639, 651.
 Муравьева, Александра Григор., рожд.
 гр-ня Чернышева, жена декабриста,
 1827 г., 593, 624, 681.
 Муравьева, Екатерина Никл., 412.
 Муравьевъ, ст.-секрет., 1826 г., 188.
 Муравьевъ, Алсд. Захар., полковникъ,
 1828 г., 487, 508, 573, 718.
 Муравьевъ, Артамонъ Захар., полковн.,
 декабр., + 1845 г., 423.
 Муравьевъ, А. Н., составитель, «Исто-
 ріи Россійской Церкви» — ссылка на его
 книгу, 807—808.
 Муравьевъ, М. Н., бывш. кураторъ
 московск. унив., 48.
 Муравьевъ, гр., Мих. Никл., мин-ръ
 госуд. имущ., впослед- вице-ген.-
 губернат., р. 1796 + 1866 г., 118—134.
 840—847.

Муравьевъ, Никита Мих., капит. гвард. генералъ штаба, декабр., † 1843 г., 423, 681.

Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-майоръ, основатель училища колонновожатыхъ, † 1840 г., 455, 456, 514.

Муравьевъ, Семенъ Ив., полк., команд. черниговск. пѣхотн. пол., 1825 г., 731, 732, 760.

Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, гр., Вас. Валентинов., тн. сов., об. пенск. ма-сонъ, р. 1775 † 1836 г., 674, 675.

Мусинъ-Пушкинъ, гр., Алексѣй Ив., дс. тн. сов. и сенат., об.-прок. сино-да, презид. Акад. Худож., р. 1744 † 1817 г., 48.

Мухановъ, Пав. Алес., чл. госуд. сов. и предсѣд. археографич. ком., р. 1798 † 1871 г., 347.

Мухановъ, Петръ Алеср., штб.-капит. лб.-гв. пзмайт. пол., декабр. † 1854 г., 389, 423—429, 629.

Мухинъ, Павелъ, корнетъ, 1856 г., 137—142.

Мылова, Вѣра Максим., 1842 г., 702.

Мыловъ, Никл. Григорьевичъ, 1845 г., 702, 703.

Мясоедовъ, об.-секрет. московск. се-ната, 1826 г., 520, 540.

Махинъ, полковн., 252.

Набелъ, генер., 1829 г., 294.

Назимовъ, Мпх. Алесдр., штб.-кап., декабр., 3, 45, 255—275, 697, 699.

Найденова, Александра Ив., 1844 г., 704.

Найденова, Елиса. Ив., въ замуж. Васкакова, 679, 680, 704.

Найденова, Настасья Ив., 1844 г., 679, 680, 690, 704.

Найденовъ, Иванъ, полковой команд., 679, 687.

Навасинъ, Никиф. Григор., селенгинск. купецъ, 1840 г., 643—645.

Наполеонъ I, импер. французск., 52, 53, 664—668, 729.

Нарышкина, Елиса. Петр., рожден. гр-ня Коновницына, жена декабр., 261, 273—275.

Нарышкинъ, Мпх. Мих., полковникъ, декабр., † 1863 г., 7, 45, 253—275.

Наумовъ, чпновн. канцел. спб. воен. ген.-губернат., 1819 г., 671.

Нахимовъ, Платонъ, морск. офицеръ, 1814 г., 608.

Невельской, адмиралъ, 95, 397, 411, 412.

Невзоровъ, М. Н., издатель журнала «Другъ Юношества», 768.

Неволинъ, Конст. Алексѣев., профес. кievск. унив., 818.

Нейдгардтъ, ген.-адъют., нач. штаба гвард. корп., 1828 г., 104—109, 464, 503, 694.

Неклюдовъ, † 1861 г., 404, 405.

Некрасовъ, Никол. Алексѣев., поэтъ, писат., р. 1821 † 1877 г., 375.

Неофитъ, еписк. архангельск., 62.

Нессельроде, гр., Карлъ Васил., канцл., р. 1780 † 1862 г., 338, 570.

Нестерова, 1845 г., 701, 702.

Нестеровъ, Петръ Петр., генер., нач. Владикавказск. округа, 1845 г., 693, 701, 702.

Нефедьевъ, ст. сов., 1826 г., 168, 169.

Нефъ, проф. Акад. Худож., 134.

Нечаевскій, Николай, обдорскій житель, 1844 г., 382—386.

Нейловъ, почтовый ревизоръ, 652.

Никодимъ, архимандр., 1839 г., 585.

Николай, бар., Алес. Павл., начальн. главн. управл. въ Тифлисѣ, 1868 г., 448.

Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г.

Русское общество и толки его въ 1826 г., 163—194; 303—336; 519—560; два всепод. письма спб. воен. ген.-губернатора Голенищева-Кутузова, 25 и 29 авг. 1826 г., 884—886; пребываніе подъ Варной 1828 г., 106—110; переписка съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 1829 г., 287—302; 561—574; 705—720; всепод. письма гр. Аракчеева 4 и 24 сентября 1831 г., 887—889; собственноручная резолюція на письмо кн. П. Д. Горчакова 1839 г., 894; собственноручная записка о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ для кн. Варшавскаго отъ 1 фев. 1855 г., 896—899; предсмертное письмо кн. М. Д. Горчакову, 2 фев. 1855 г.,

895—896. Упом.: 101, 125, 131, 207, 217, 220, 256, 281, 345, 347, 384, 446, 447, 458—494, 513—515, 582—619, 647, 652, 655, 734—762, 809, 886—894.

Николай Александровичъ, Наслѣдникъ-цесаревичъ и вел. кн., р. 1843 + 1865 г., 375.

Никольскій, о. Тимоей, протоіерей, членъ спб. духовн. цензуры, 1848 г., 808.

Новикова, Ольга Алексѣевна, рожден. Кирѣева, 1868 г., 370, 371.

Новиковъ, Никл. Ив., надворн. сов., глава московск. мартинистовъ, р. 1744 + 1818 г., 675, 767—769.

Норденстремъ, полковникъ, 1855 г., 214, 215.

Норманъ, генер. виртембергск. служ., 1812 г., 729.

Оболенскій, кн., Евгений Петр., поруч., декабр., + 1865 г., 423, 654.

Оболенскій, кн. М. А., 1840 г., 347.

Образцевъ, чл. окружн. суда, 1861 г., 405.

Одоевскій, кн., Алексд. Ив., корнетъ лб.-гв. конн. пол., декабристъ-поэтъ, + 1839 г., 7, 253.

Озерскій, об.-секр. сената, 1826 г., 314.

Ознобишина, 1845 г., 702.

Окропиръ, царев. грузинск., 1831 г., 446.

Окуневъ, полковн., 1827 г., 784.

Оленинъ, Алексѣй Никл., презид. Акад. Худ. и археологъ, + 1842 г., 48, 49, 57, 245, 247, 375.

Олсуфьевъ, В. Д., 1840 г., 347.

Омеръ-Вріоне, турецк. военачальникъ, 1828 г., 107, 109.

Опочининъ, Фед. Конст., + 1881 г. Сообщ. въ 1880 г. „Горе и нужды Россіи въ началѣ царствованія Александра I. Письмо современника въ 1807 г.“, 906—908.

Орбеляни, княжна, 1845 г., 702.

Органовъ, Егоръ Никл., помощн. рязан. окружн. начальн., 1855 г., 114, 117.

Орлова, рожд. Раевская., 342.

Орловскій, художн.-пейзаж., 1868 г., 369.

Орловъ, гр., Алексѣй Федор., ген.-адъют., + 1861 г., 706.

Орловъ, гр., Григорій Владимр., членъ Верховн. Уголовн. Суда, + 1826 г., 773.

Орловъ, Мих. Федор., фл.-адъют., полковн., 1812 г., + 1842 г., 727, 728.

Остенъ-Сакенъ, гр., Дмитр. Ерофѣев., начальн. Севастопольскаго гарнизона, 1854 г., + 3 марта 1881 г., 209, 216, 497, 498, 901, 902.

Остенъ-Сакенъ, кн., Фабіанъ Вильгельмовичъ, фельдмарш., р. 1752 + 1837 г., 459, 497, 718.

Остромысленскій, Ефимъ, студ. кievск. дух. акад., 1830 г., 239.

Остроушенко, ген.-м., 1829 г., 293, 295.

Павелъ I, императ., р. 1754 + 1801 г., 51, 53, 78, 106, 179, 307, 465, 513, 514, 768, 769, 889.

Павловскій, поручикъ, 1829 г., 288.

Паленъ, см. Фонъ-деръ Паленъ.

Панахристо, капитанъ I-го ранга, 1828 г., 110.

Пари, (Paris) библиотечаръ Реймскій, 1838 г., 339, 340.

Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Федор., фельдмарш., р. 1781 + 1856 г., 42, 106, 445, 446, 504—509, 534, 718, 896—906.

Пассежъ, Вадимъ Васильев., писатель, + 1843 г., 343.

Пассежъ, Діомидъ Васил., ген.-маіоръ, р. 1807 + 1845 г., 688, 692.

Паулеръ, Францъ Петровичъ, докторъ, 1840 г., 6.

Паулеръ, г-жа, рожд. Вѣляева, 6.

Паулуччи, маркизъ, ген.-адъют., 1819 г., 673, 889.

Пашковъ, ген.-маіоръ, 1830 г., 742—745.

Пекарскій, П. П., акад., 51.

Пеллсее, начальн. франц. дивизіи, 1855 г., 895.

Пестель, Ив. Борисов., моск. почт.-дирек., 1790 г., впоследствии сибирск. ген.-губернат., 767.

Петръ, митропол., намѣстн. патриарха Іерусалимск., 1861 г., 152—160.

Печеринъ, В. С., 1840 г., ссылка на его Записки, 348.

Пещуровъ, об.-секрет. сената, 1826 г., 536, 540.

- Пилецкій, колл. ассес., 1819 г., 674.
 Пироговъ, Никол. Ив., проф. медико-хирургическ. акад., р. 1810 г. «Пятидесятилѣтіе его дѣятельности», 1831—1881 г., 221—224.
 Писаревъ, Алсд. Алсд., ген.-маіоръ, 1825 г., 883—884.
 Платовъ, гр., Матв. Ив., наказн. атаманъ войс. донскаго, 1812 г., р. 1757 † 1818 г., 728, 729.
 Плаутинъ, флиг.-адъют., полковникъ, 1828 г., 488.
 Плотиновъ, уч.-къ акад. худ., 1859 г., вполн. худож., 356.
 Плуталовъ, 626.
 Побреинъ, учит. математики, 603, 604.
 Повало-Швейковскій, ст. сов., тобольск. гражд. губернат., 1838 г., 890, 891, 893.
 Погодинъ, Мих. Петр., акад., историкъ, р. 1800 † 1875 г., 69, 238, 239, 347, 348, 588.
 Погодинъ, ген., 1855 г., 906.
 Поджіо, Іосифъ Алексдр., подполк., декабр., † 1848 г., 404, 619, 627, 655.
 Пожалостина, Евфросинія Алексѣевна, 351—374.
 Пожалостинъ, Ив. Петр., акад., граверъ на мѣди, р. 1837 г., Сообщ. свои «Воспоминанія», 111—136; 351—376; Правка къ «Запискамъ», 678.
 Поватиловъ, полковн., 1827 г., 773.
 Полозовъ, генер., 1826 г., 311, 312.
 Полтининъ, Мих. Петр., генер., 1845 г., 698, 699.
 Понсетъ, генер., 1829 г., 296, 717.
 Поплавскій, совѣтн., 1855 г., 395.
 Поповъ, проф. слб. унив., 1820 г., 234.
 Поповъ, священн., 1840 г., 378.
 Поповъ, Мих. Макс., секрет., 1826 г., вполн. тн. сов., старшій чиновн. III отдѣл., 169.
 Порошинъ, Фед. Фед., русс. посолъ при Бранденбургскомъ дворѣ, 1654 г., 910—915.
 Посевинъ, Антоній, нисейскій посолъ при русск. дворѣ, 1581—1582 г., р. 1534 † 1611 г., 343.
 Потаповъ, Алексд. Никл., ген.-адъют., 1829 г., 886, 918—920.
 Потемкинъ-Таврическій, кн., Григ. Алсд., ген.-фельд., р. 1738 † 1791 г., 194—200, 450, 661.
 Потоцкій, гр., Александръ, 1826 г., 535.
 Прозоровскій, кн., Алсд. Алсд., ген.-фельдм., московск. главноком., р. 1732 † 1809 г., 767, 768.
 Прозоровскій, кн., ген.-маіоръ, † 1829 г., 300, 301.
 Прокоповичъ-Антоновскій, Никл. Дмит., адъют., 1828 г., 103.
 Прондзинскій, ген.-квартирмейстеръ польск. войскъ, 1831 г., 748.
 Протасовъ, гр., Никл. Алсд., об.-прокуроръ синода, 1848 г., † 1855 г., 808.
 Прушанинъ, Михаилъ, родоначальн. фамилии Тучковыхъ въ XIII в., 512.
 Прянишниковъ, Варвара Андреевна, 1844 г., 696.
 Прянишниковъ, жандарм. полковн., 1844 г., 696.
 Пукаловъ, 1826 г., 182.
 Пуверевъ, худож., профессоръ акад., 1863 г., 364.
 Фонтъ-Путлицъ, об.-камергеръ, 1654 г., 911, 912.
 Путятинъ, гр., Е. В., адмир., вполн. русск. посланн. въ Китаѣ, 1857 г., 684.
 Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, писат., р. 1798 † 1837 г., 127, 337, 388, 395.
 Пушкинъ, Левъ Серг., 259, 260.
 Пушинъ, бывш. ген.-интендантъ флота, 189, 190.
 Пушинъ, Ив. Ив., колл. асс., декабр., † 1859 г., 395, 399, 423—429, 654, 655.
 Пѣтуховъ, чиновникъ главнаго штаба, 1826 г., 326.
 Пятницкій, Иркутск. губернат., 647, 650, 651.
 Рагузинъ, главноуправляющій имѣніемъ гр. Салтыкова, 1828 г., 139.
 Раевская, Софья Никол., фрейлина, 423.
 Раичъ, С. И., переводчикъ «Освобожденнаго Іерусалима», 818.
 Разумовская, гр.-ня, 1819 г., 671.
 Раузевицъ, художн., 131.
 Радъ, флиг.-адъют., † 1828 г., 484.
 Ребиндеръ, полковн. жандарм., комен-

- даптъ Нерчинскихъ заводовъ, 1838 г., 422, 600.
- Ребиндеръ, кяхтинск. градоначальникъ, 1853 г., впоследствии сенат., 393, 423, 654, 655.
- Ребиндеръ, г-жа, 1826 г., 312.
- Ребиндеръ, Александра Серг., рожд. Трубецкая, 1853 г., 393, 423.
- Рейнеке, адмиралъ, 654.
- Рехбергъ, ген.-лейт., 1812 г., 728.
- Решидъ-паша, 1829 г., 712, 716, 896.
- Рибопьеръ, гр., русск. посолъ въ Константинополь, 1826 г., 465, 474, 475.
- Ридигеръ, генер.-лейтен., 1829 г., 295, 485—492, 515, 753.
- Ридигеръ, гр., Оед. Вас., ген.-адъют., 1855 г., † 1856 г., 896, 905.
- Ривманъ, первый секрет. русск. посольства въ Константинополь, 1826 г., 470, 476.
- Рикордъ, ген.-маіоръ, 1828 г., 490, 492.
- Риссель, ген. саксонс. служ., 1812 г., 729.
- Риттеръ, команд. казачьяго пѣш. батал. въ Читѣ, 1851 г., 389.
- Рицconi, проф.-художн., 1868 г., 369.
- Ровинскій, Дмитрій Александр., сенат., составитель собранія гравированн. портретовъ русск. дѣятелей; ссылка на его портр., гравированный акад. И. П. Пожалостиннымъ, 376.
- Родионовъ, симбирскій домовладѣлецъ, 1840 г., 4.
- Розенбергъ, адъютантъ, 1837 г., 600.
- Розенѣампфъ, бар., ссылка на изд. «Кормчая книга», 345—348; упом.: 59, 244.
- Розенъ, генер., команд. 6-го корпуса, 1831 г., 749—752, 761.
- Розенъ, бар. Андрей Евгеніев., поруч. лб.-гв. финл. пол., бывшій декабристъ, р. 1799 г., 3, 424, 596, 601.
- Розенъ, Анна Васил., жена декабр., 596.
- Розенъ, бар., Григорій Владим., ген.-адъют., главноуправл. Закавказск. краемъ, 1831—1837 г., † 1841 г., 177, 445—447, 498.
- Романовскій, Дмит. Ильичъ, ген.-лейт., † 1881 г. Ссылка на его историческій очеркъ: «Князь А. И. Барятинскій и Кавказская война», 271, 218.
- Романовъ, 1859 г., 408, 409.
- Ростопчинъ, гр., Оед. Вас., московскій главнокоманд., 1812 г., р. 1765 † 1826 г., 55, 219, 220, 889, 906—909.
- Ротъ, генер., команд. 6-го корп. русск. арміи, 1829 г., 288—301, 562, 570, 573, 712, 713, 734, 735.
- Фонтъ-Роховъ, маршалъ бранденбургск., 1654 г., 911.
- Рудзевичъ, генер., команд. 3-го корп. русск. арміи, † 1828 г., 481, 484.
- Руднева, Александра Адриановна, жена діакона Воскресенск. собора въ гор. Ельцѣ, 575, 579, 589.
- Рудневъ, В. И., команд. 14-го экипажа, 1819 г., 619.
- Рудневъ, Дмит. Наумов., діаконъ Воскресен. соб. въ гор. Ельцѣ, 576, 589.
- Ружицкій, начальн. польскаго отряда, 1831 г., 753.
- Румянцевъ - Задунайскій, гр., Петръ Александр., фельдм., р. 1725 † 1796 г., 51, 661.
- Румянцевъ, гр., Мих. Петр., 50.
- Румянцевъ, гр., Никл. Петр., госуд. канцл., р. 1754 † 1826 г. Дѣятельность его на пользу разработки русской исторіи и археологін, 47—74, 225—250, 348.
- Румянцевъ, гр., Серг. Петр., дс. тн. сов., послан. при прусск. дворѣ, р. 1755 † 1838 г., 50—54, 229, 246.
- Руничъ, Дмит. Павл., дс. ст. сов., попеч. слб. учебн. окр., 1826 г., 323.
- Рупертъ, генер. - губернат. Восточной Сибири, 600, 642—647, 650, 651, 657.
- Рыкаловъ, 1826 г., 525.
- Рылѣва, г-жа, 1826 г., 191.
- Рылѣвъ, Кондр. Оедор., декабристъ, поэтъ-писатель, р. 1795 † 1826 г., 312, 610, 616, 622—631, 774.
- Рындинъ, генер., † 1829 г., 299.
- Рюминъ, директ. питейныхъ сборовъ, 1814 г., 219.
- Рязановъ, золотопромышленн., 1840 г., 1.
- Сабанеевъ, генералъ, 1809 г., 726.
- Сабашниковъ, правит. дѣль америкавск. компаніи въ Кяхтѣ, 1840 г., 643.
- Савицкій, 616.

Савичъ, Евгенийъ Алексд., артил. полк., 1859 г., вполѣдствіи исправл. должн. военн. губернат. Амурск. Обл., 1861 г., 399—401, 417.

Сазановичъ, подпоруч. генеральн. штаба, 1828 г., 488.

Сазиковъ, фабрикантъ серебрян. издѣлій, 367.

Савенъ—см. Остенъ-Савенъ.

Салтыковъ, гр., Никл. Ив., гофмейст., вполѣд. ген.-фельдм., съ 1796 г., и бывшій воспит. имп. Александра I, р. 1736 † 1816 г., 661—665, 889.

Сальватори, докторъ, 1819 г., 672.

Самаринъ, Юрій Ѳеодор., чл. самарск. комит. по крест. дѣламъ, 1859 г., 406.

Сапожниковъ, Алексѣй Петр., домо-владѣл., 1840 г., 7.

Сатинъ, Михаилъ, морской офицеръ, 619, 620.

Сафоновъ, 1826 г., 465.

Сахаровъ, ссылка на его «Записки», 348.

Свининъ, Пав. Петр., издатель «Отечественныхъ Записокъ», 70.

Свистуновъ, Петръ Никл., корн. кавалергард. пол., декабр., 3, 423, 424, 432.

Связевъ, Ив. Ив., проф. архит., † 1875 г., 591—597, 633, 650, 654.

Стибневъ, Алексд. Степ., команд. перваго Амурскаго парохода «Аргунъ», † 1881 г., 89, 391.

Селиванова, въ замуж. Бесгушева, 647.

Селивановъ, есаулъ, 647.

Селивановъ, Илья Вас., ссылка на его «Записки», 678.

Селифонтовъ, 1807 г., 769.

Селитъ, капит. купческаго корабля, 1827 г., 478.

Семевскій, Мих. Ив., гласный сиб. гор. Думы, редак. журн. «Русс. Старина». Адресъ, поданный Н. И. Пирогову отъ Ред. Историческаго журнала «Русская Старина», 24 мая 1881 г., 224, 225. Упом.: 375, 426.

Сенъ-Женіеръ, генер. франц. службы, 1812 г., 663.

Сенъ-Мартенъ, ориенталистъ, 60, 66, 234.

Сенявинъ, адмиралъ, 1826 г., 552, 559.

Серапионъ, митропол., 230.

Сербиновичъ, Конст. Степ., тн. сов. Сообщ. въ 1871 г. письма къ нему А. И. Тургенева, 1827—1845 гг., 337—350.

Сербинъ, мичманъ, 1854 г., вполѣд. подполковн., † 1877 г., 209, 210.

Сиверсъ, гр., Алсд., Карл., камеръ-юнкеръ, чиновн. особ. поруч., 1840 г., 388.

Сидовъ, отставн. поруч., 1840 г., 645.

Сидоровъ, Ѳед. Дорофѣевъ, новгородск. мѣщан., 1826 г., 304, 305.

Сивестель, ген., началн. артил. 4-го корпуса, 1855 г., 211.

Сильвестръ, епископъ, 1785 г., 68.

Симеонъ, архіеп. яросл., 1822 г., 581.

Синельниковъ, Н. П., ген.-губернат. Восточн. Сибири, 1861 г., 414, 418.

Сколковъ, ген.-адъют., 1870 г., 417, 418.

Сворняновъ, обдорскій исправн., 1844 г., 381, 382, 386.

Сворняновъ, Кузьма Ив., селенгинскій городничій, 614, 615, 644, 651.

Скородумовъ, протоіер., 226.

Скотниковъ, 1840 г., 345.

Славинскій, ссылка на книгу: «Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ», 65.

Смоляниновъ, чиновн. горнаго вѣдомства, 1827 г., 593.

Снегиревъ, Ив. Мих., проф. и цензоръ, 70, 238, 347.

Снигиревскій, художникъ-скульпторъ, 1868 г., 369.

Собко, Никл. Петр., ссылка на его статью: «Жизнь и произведенія грав. Л. А. Сѣрякова», 920.

Соколовскій, капит., 1829 г., 566.

Соколовъ, корабельн. смотр., 1826 г., 315.

Соллогубъ, гр., Левъ, 1826 г., 168, 169.

Солнцевъ, Ѳед. Григор., археол., акад., проф. живописи, 370, 374.

Соловьевъ, проф. Гельсингфорск. унив., 1837 г., 344—346.

Солодовниковъ, 1826 г., 540.

Солоницынъ, 1826 г., 540.

Сомовъ, Орестъ, писат., 1823 г., 610.

Сорочинскій, полковн., 1855 г., 214.

Спасскій, об.-секрет. московск. сената, 1826 г., 520—558.

Спасский, докторъ, 1828 г., 494.
 Спасский, о. Игнатій, свящ., 916.
 Сперанскій, гр., Мих. Мих., бывшій
 сибирск. ген.-губернат. въ 1819 г., впо-
 слѣд. чл. госуд. сов., р. 1772†1839 г.,
 375, 610, 622, 673.
 Спиридовъ, Ив. Матв., маіоръ, декабр.,
 † 1854 г., 2, 3, 654.
 Срезневская, Елена, † 1856 г., 916—918.
 Срезневскій, Акимъ Евсеѣвичъ, свящ.,
 916, 917.
 Срезневскій, Ив. Евсеѣв., бывш. проф.
 харьковск. унив., † 1819 г., 916—918.
 Срезневскій, Измаилъ Иванов., акад. и
 проф., † 1880 г., 60, 63, 916—918.
 Срезневскій, Іосифъ Евсеѣв., бывшій
 проф. казанск. унив., 916—918.
 Срезневскій, Никл. Евсеѣвичъ, 916.
 Срезневскій, Ѳеодотъ Евсеѣвичъ, 916.
 Стадлеръ, С., ст. сов., 1848 г., 389.
 Старцева, Екат. Дмт., въ замуж. Ильин-
 ская, 612—614, 643.
 Старцева, Ѳеодосія Дмт. † 1860 г., 613,
 614, 643—648.
 Старцевъ, Дмт. Дмт., селенгинскій ку-
 пець, 1860 г., 611, 614, 636—648.
 Степанова, Софія Мих., въ замуж. Го-
 гель, 617.
 Стерлигъ, ген.-маіоръ, 1827 г., 772.
 Стритнеръ, ученый, 54, 66.
 Строгановъ, гр., Алсд. Григор., ген.-
 адъют., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1839 г.,
 890—895.
 Строгановъ, гр., Серг. Григор., бывш.
 попеч. москов. учебн. окр., 1837 г., 824.
 Строевъ, Пав. Мих., писатель-археогр.,
 р. 1796 г., 55—74, 225—247, 338, 346, 350.
 Строевъ, Серг. Мих., чл. археогр. ком-
 мисіи, 1837 г., 333—340.
 Струве, акад.-астровомъ, 626, 654.
 Струковъ, Ив. Никол., штаб.-капит.,
 255, 269.
 Стурдза, Алексд. Скарлатов., ст. сов.,
 1819 г., 673.
 Сумароковъ, ген.-адъют., 1855 г., 905.
 Сусловъ, Алексд. Алексѣев., капитанъ,
 1841 г., 279, 280, 689, 700.
 Суттофъ, колл. асс., 1826 г., 191.

Сухозанетъ, ген.-адъют., нач. артилл.,
 1828 г., 106, 108, 109.
 Сухоржевскій, генер., 1830 г., 741.
 Сухтеленъ, гр., ген.-квартирмейстеръ,
 1828 г., 481, 493, 494.
 Схельтема, голландск. ученый, 235.
 Сѣдовъ, Н. А., заводскій начальн., 638.
 Сѣряковъ, Лаврентій Авксент., акад.,
 грав. на деревѣ, р. 1824 † 1881 г., 920.

Тарбѣевъ, генер., 1823 г., 486, 487.
 Татариновъ, 1837 г., 338.
 Татариновъ, Василій Алексѣев., госу-
 дарств. контролеръ, 1863 г., 837.
 Татищевъ, генер., 1826 г., 551.
 Тебенъкова, Екат. Алексѣевна, рожд.
 Борисова, 576, 585—589.
 Тизенгаузенъ, Вас. Карлов., полковн.,
 декабр., † 1858 г., 3.
 Тизенгаузенъ, Ѳ. Я., капит. 2-го ранга,
 1808 г., 605, 621.
 Тиллеманъ, генер., 1813 г., 729.
 Тиль, В. Л., ст. сов., 1840 г., 388.
 Тимирязева, рожденная Вадковская,
 1840 г., 20.
 Тимирязевъ, генер., астраханск. военн.
 губернат., 1840 г., 20.
 Тимковскій, Вас. Ѳеодор., 1827 г., 772.
 Тимковскій, Р. Ѳ., проф. моск. унив.,
 49, 55, 56.
 Тимофеевъ, полковн., 1827 г., 773.
 Тихменевъ, Алексд. Ив., 1815 г., 609.
 Тихоцкій, об.-аудиторъ, 1828 г., 103, 104.
 Тихсенъ, О. Г., ориентал., 1815 г., 236.
 Токаревъ, худож.-архит., 1868 г., 369.
 Толль, бар. Карль Ѳед., ген.-адъют.,
 начальн. штаба арміи, 1829 г., р. 1777
 † 1842 г., 288—301, 459, 507, 565—574,
 706—718, 745.
 Толстой, гр., Алсд. Петр., офиц. гене-
 ральн. штаба, 1828 г., 495.
 Толстой, гр., Алексѣй, флпг.-адъют.,
 1828 г., 483.
 Толстой, Владим. Серг., прапорщ. мо-
 сковск. пол., декабр., † 1856 г., 3.
 Толстой, гр., Ив. Никл., сенат., 1840 г.,
 вполн. харьковск. и московск. губернат.,
 82, 388, 396, 648, 657.

Толстой, гр. Петръ Алсдр., ген.-инф., 1829 г., 290, 569, 708, 717, 882.
 Толстой, гр., Оед. Петр., тн. сов., вице-презид. акад. худ., медальеръ, р. 1788 + 1873 г., 341.
 Тонскій, подполковн., 1842 г., 284.
 Тормасовъ, гр., ген.-инф., моск. военн. ген.-губерн., 1817 и 1818 г., 664—667.
 Торно, (Торнов) докт., бранденб. государст. канц., 1654 г., 914.
 Торсонъ, Конст. Петр., старшій адъют. нач. морск. штаба, декабр., + 1851 г., 390, 427, 595—657.
 Тотлебенъ, Эдуардъ Ив., подполковн. 1854 г., нынѣ графъ, ген.-адъют., р. 1818 г., 902.
 де-Траверсе, маркизъ, И. И., морской мн-ръ 1812 г., р. 1754 + 1830 г., 665.
 Траскинъ, подпоруч., 1826 г., 103.
 Трачевскій, проф., ссылка на его монографію: «Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II и Юсифа II, 1780—1786 г.,» 51, 52.
 Треповъ, Оед. Оед., ген.-адъют., бывш. варшавск. генер.-полицмейст., 1863 г., вполсѣд. сиб-ій градоначальн., 831.
 Трескинъ, Алесд. Семенов., полковн., 1840 г., 254.
 Трескинъ, Констан. Семен., батальон. командиръ, 1841 г., + 1842 г., 270, 281—283.
 Трескинъ, Никл. Ив., Иркутс. гражданс. губернат., 1818 г., 614, 615.
 Трошинскій, Дмт. Прокоф., до. тн. сов., сен., + 1829 г., 672.
 Трубецкая, Александра Серг., въ замуж. Ребиндеръ, 1853 г., 393, 423, 654, 655.
 Трубецкая, кнг., Екат. Ив., 655.
 Трубецкая, княгиня, жена декабриста, 1827 г., 593.
 Трубецкой, кн., адъют., 1829 г., 572, 713.
 Трубецкой, кн., Серг. Петр., полковн. 16. гв. преображенскаго пол., декабр., + 1860 г., 311, 393, 423, 610, 654, 655.
 Труворовъ, А. Н., членъ соудн. императ. русс. географич. общ-ва Сообщ. въ 1877 г. автобіографію бывш. крѣпостн. крестьянина, нынѣ Херсонскаго мѣщанина, Н. Н. Шилова: «Исторія

моей жизни и моихъ страствій», 137—162.
 Тушицынъ, секретарь, 1826 г., 169.
 Тургеневъ, Алсд. Ив., до. со. сов., писат., 59, 233, 337—350.
 Тургеневъ, Никл. Ив., до. ст. сов., декабристъ, писат., + 1872 г., 52, 312.
 Турчаниновъ, А. А., 1815 г., 229.
 Турчаниновъ, Н., учитель гимназін, 1829 г., 233.
 Тучко-Морозовъ, Мих. Васил., намѣстн. новгородск., 1521 г., 512.
 Тучкова, Елис. Ив., рожд. Веригина, 516.
 Тучкова, Маргарита Мих., рожд. Нарышкина, основательница и первая игуменья Спасобородиис. монастыря, 513.
 Тучковъ, Алесд. Алексѣев., 1811 г., 456, 513.
 Тучковъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-маіоръ, 1796 г., + 1853 г., 456—459, 465, 495, 514.
 Тучковъ, Алексѣй Вас., пажен. генер.-поруч., начальн. инженерн. корпуса, вполсѣд. сенат., + 1799 г., 513.
 Тучковъ, Алексѣй Пав., р. 1831 г., 498.
 Тучковъ, Мих. Пав., ген.-маіоръ, 503, 512, 518.
 Тучковъ, Никл. Алексѣев., корпусн. команд., 1811 г., + 1812 г., 456, 457, 497, 513, 514.
 Тучковъ, Никл. Павл., адъют. Сообщ. «Записки Павла Алексѣевича Тучкова», 455—511; Родосл. Тучковыхъ, 512—518.
 Тучковъ, Пав. Алексѣев., ген.-адъют., бывшій московск. военн. ген.-губернат., 1858 г., р. 1803 + 1864 г. Записки его: «Главныя черты моей жизни», 455—511.—Родословная его, 512—518.
 Тучковъ, Серг. Алексѣев., Измаиловскій градоначальн., 1829 г., + 1829 г., 481, 482, 494, 513, 514.
 Тюменевъ, поруч. инвалидн. команды, 1827 г., 797—802.
 Уварова, гр-ня, рожд. Лунина, 654.
 Уваровъ, гр., Серг. Сем., мн-ръ народн. просвѣщ., 338.
 Углицкій, полковн., 1827 г., 783.
 Угрюмовъ, генер., 1826 г., 522.
 Угрюмовъ, проф. живописи, 376.

Устряловъ, Никл. Герасимов., проф.-историкъ, † 1870 г., 365.

Утеинъ, Никл. Ив., проф. гравир., † 1863 г., 126, 135, 355—365.

Фаленбергъ, Петръ Ив., подполк., декабр., 3, 593, 594.

Фезе, генералъ, 1841 г., 279.

Фердинандъ IV, кор. германскій, венгерскій и богемскій, р. 1633 † 1654 г., 913, 914.

Фетхъ-Али-ханъ, персидс. шахъ † 1834 г., 450, 451.

Филаретъ (Гумилевскій—въ мѣрѣ Дмитрій Григор.) епископъ рижскій съ 1841—1858 г., впослѣд. архіеп. Черниговскій, р. 1805 † 1866 г. Биографическій о немъ очеркъ, 805—816.

Филаретъ (Дроздовъ), митропол. московс. съ 1826—1867 г., 1782 † 1867 г., 363—369, 418, 581, 807, 809.

Философовъ, адъютантъ, 1829 г., 713.

Финъевъ, проф. живописи, 656.

Фитингофъ, полковн., 1840 г., 274.

Фловіанъ, архимандр., 1837 г., 585.

Фогель, начальн. тайной канцел., 1826 г., 172, 193, 671.

Фокъ, Мих. Максимов., директ. канцел. III Отдѣленія Собств. его вел.-ва канцеляріи, 1826 г. Письма-донесенія его къ гр. А. Х. Бенкендорфу 1826 г., 163—194, 303—336, 519—560.

Фонъ-Визина, жена декабр., 1827 г., 593.

Фонъ-Дезинъ, 616.

Фонъ-дербъ-Паленъ, гр., Николай, 1826 г. 318, 319.

Фонъ-дербъ-Паленъ, гр., Францъ, командиръ 2-го корп. русс. арміи, 1829 г., впослѣд. рижс. военн. ген.-губернат., 1830 г., 288—297, 510, 565—572, 706—718, 761.

Фонъ-дербъ-Паленъ, офиц. гвард. артилл., 1842 г., 234.

Фонтопъ, Антонъ, 1826 г., 465.

Фонтопъ, Иосифъ, русс. консуль въ Адрианополь, 1826 г., 475, 573.

Фредериксъ, Дмит. Петров., казач. сотникъ, † 1844 г., 279, 280, 680—695.

Фрейтагъ, Робертъ Карлов., генер., начальн. лѣваго фланга Кавказс. арміи, 1842 г., 253, 285, 688—693.

Френъ, Х. М., 65.

Фридингъ, 1826 г., 465.

Фридрихъ-Вильгельмъ-Великій, курфюрстъ Бранденбург., 1654 г., 910—915.

Фритбергъ, генер., 626, 627.

Фукуъ, чиншн. канцел. слѣб. военн. ген.-губернат., 1819 г., 671.

Халибъ-паша, турец. военачальникъ, 1829 г., 294, 573.

Харламовъ, художн., 1868 г., 369.

Хатовъ, русс. консуль въ Бухарестъ, 1826 г., 466.

Хвоцинская, Надежда Дмит. (псевдонимъ В. Крестовскій), писательница, 1868 г., 370, 371.

Хлопицкій, генералъ польск. службы, 1831 г., 747.

Хованская, енг., рожд. Ивашева, 5.

Хованскій, кн., Юрій Серг., 1840 г., 5, 6.

Хомутовъ, Мих. Григор., ген.-адъют., наказной атаманъ войска донскаго, 1855 г., 901.

Хомяковъ, Алексѣй Степ., писат., 1839 г., 342—347, 375, 820.

Хорошунъ, Ѳ., священн. Статья его: „Филаретъ Гумилевскій, архіеп. черниговскій, 1805—1866 г.“, 805—816.

Храповицкій, Алсд. Вас., ст.-секрет. имп-цы Екатерины II, † 1801 г., ссылка на его «Записки», 767.

Хрулевъ, Степ. Александр., ген.-лейт., 1855 г., 211.

Хрущовъ, ген.-маіоръ, 1855 г., 211, 901.

Цебриковъ, Никл. Романов., поруч. лѣ. гв. финл. полка, декабр., † 1866 г., 252, 253.

Целковской, полковн., 1827 г., 784.

Часовниковъ, бывш. секретарь М. Л. Магницкаго, 178.

Чевениъ, Конст. Влдим., ген.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 298, 599.

Чембулатовъ, докторъ, 1869 г., 372.
 Черкасскій, кн., Влѣд. Алексд., пред-
 сѣдѣт. варшавс. комм. для упраздненія
 монастырей, 1863 г., 820, 824.
 Черкесовъ, офицеръ гвард., 1829 г., 713.
 Чернецовы — братья, худож.-пейзажи-
 сты, 372.
 Черновъ, конкерь, 260.
 Чернотубовъ, казач. полк., 1813 г., 730.
 Чернышева, гр-ня, Александра Гри-
 горьевна, въ замуж. Муравьева, 1827 г.,
 593, 624, 681.
 Чернышевъ, кн., Алсд. Ив., ген.-адъют.,
 военн. мн-ръ, р. 1786 + 1852 г., 758,
 759, 888, 894.
 Чернышевъ, гр., Зах. Григор., ген.-
 фельдмарш., р. 1722 + 1784 г., 661.
 Чернышевъ, гр., Зах. Григор., ротмс.
 кавалергардс. пол., декабр., + 1862 г., 627.
 Черняевъ, Мих. Григор., капит. ге-
 неральн. штаба, 1855 г., вполѣд. генер.,
 поборитель Ташкента, главнокомандую-
 щій въ Сербіи, 210—215.
 Чижовъ, Ѳед. Вас., издат. и редакт.
 журн. «Вѣстникъ Промышленности»,
 1861 г., 407.
 Чистяковъ, Дорофей Ив., докт., 1845 г.,
 687, 688.
 Чихачевъ, 1826 г., 309.
 Чичаговъ, адмиралъ, 1812 г., 513, 889.
 Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, +
 1871 г., 24, 36, 261—281, 446, 680—694.
 Шамшинъ, проф. акад. худож., 131—134.
 Шарлеманъ, А., проф. акад. худож., 367.
 Шаховской, кн., генер., 1831 г., 747.
 Шаховъ, урядникъ обдорскій, 1844 г., 386.
 Шейдеманъ, генер., 1855 г., 211—214.
 Шенигъ, офиц. генеральн. штаба, 1825 г.,
 462, 483.
 Шеншинъ, Васил. Никаноров., генер.,
 + 1831 г., 498—503.
 Шепелевъ, ген.-лейт., 1812 г., 665.
 Шервудъ, гвард. поруч., 1828 г.,
 103, 104.
 Шереметьевъ, гр., офиц. кавалергард.
 полка, 1826 г., 319, 330.
 Шехтель, Алонзій Осипов., саратовс.
 фабрикантъ, 1840 г., 7—9.

Шехтель, Анна Ив., 1840 г., 7—9.
 Шехтель, Елизавета Ив., 1840 г., 7—9.
 Шехтель, Марія Кондрат., 1840 г., 8, 9.
 Шехтель, Францъ Осипов., саратовс.
 фабрикантъ, 1840 г., 7—9.
 Шиллингъ, Ѳед. Ив., директ. рязанс.
 гимназій, 1853 г., 118.
 Шильдеръ, Карлъ Андр., ген.-адъют.,
 1829 г., р. 1785 + 1854 г., 291, 292,
 300, 712, 718.
 Шимановскій, капит. полс. гвардейск.
 генеральн. штаба, 1828 г., 488.
 Шиповъ, Никл. Никл., бывшій крѣ-
 постной крестьянинъ, нынѣ херсонс.
 мѣщанинъ. Сообщ.: «Исторія моей жизни»,
 1802—1862 гг. (Окончаніе) 137—162.
 Ширинскій-Шихматовъ, кн., Платонъ
 Алсд., управл. мн-вомъ народн. про-
 свѣщ., 338, 341, 344.
 Шипковъ, Алсд. Сем., адмир., мн-ръ
 народн. просв., презид. акад. и чл.
 госуд. сов., р. 1754 + 1841 г., 70, 178,
 189, 342, 551.
 Шипковъ, Владиміръ, 1826 г., 189.
 Шлегель, докторъ, 1831 г., 503.
 Шлецеръ, проф., историкъ и ученый,
 55, 58, 63, 65, 74, 345.
 Штейнбокъ, гр., офиц. 1843 г., 680
 700—702.
 Штейнгейль, бар., Владим. Ив., отставн.
 подполковн., декабр., р. 1784 + 1862 г.;
 примѣчанія его къ запискамъ М. А.
 Вестужева 616—655; упом. 593.
 Штемпель, команд. батал. внутр. стражи,
 1827 г., 770.
 Штемпель, Эрнестъ Ермолаев., полковн.,
 1844 г., 686.
 Штиглицъ, банкиръ, 1826 г., 315, 523.
 фонъ-Штрэндманъ, Магнусъ, 1820 г.,
 232—234.
 Шульгинъ, Александръ, ген.-маіоръ,
 1820 г., 676, 677.
 Шульцъ, К., 1820 г., 232.
 Шумскій, флиг.-адъют., 1826 г., 534.
 Шаповъ, совѣтн. областн. правленія,
 1852 г., 391.
 Щегинъ, фельдъегерь, 1829 г., 711.

Щербатовъ, кн., ген., команд. 2-го корпуса, 1828 г., 498, 499, 505.

Щербининъ, 1826 г., 465.

Щулепниковъ, Сергѣй, морск. офиц., 1814 г., 608.

Энгельгардтъ, генер., 1826 г., 313, 319.

Эристовъ, кн., Георгій Романов., полков., 703, 704.

Эртель, 1826 г., 181, 182.

Эссенъ, ген.-лейт., 1812 г., 889.

Эссенъ, полковн., † 1827 г., 773.

Эссенъ, гр., Петръ Кирилов., ген.-инф., оренбургс. военн. губернат., 1827 г., в послѣд. спб. воен. ген.-губернат., р. 1772 † 1844 г., 771—802.

Юсуфъ-паша, турец. военачальн., 1828 г., 493, 573.

Юшковъ, генер., начальн. 7-й дивизіи, 1829 г., 296.

Юшневская, Марія Казиміровна, жена декабриста, 596, 654.

Юшневскій, Алексѣй Петр., бывшій ген.-интендантъ 2-й арміи, 1825 г., декабр., † 1844 г., 423.

Языкова, рожд. Ивашева, 5.

Якоби, ген.-губернат. Сибири, 1796 г., 78.

Яковлева, Дарья Семен., 1826 г., 304, 305.

Якушина, Елена Дмт., въ замуж. Милюкова, 405.

Якушинъ, Ив. Дмтр., капит. лб. гв. семеновс. пол., декабр., † 1857 г., 405, 654.

Янъ-Казиміръ, король польс., 1654 г., 913—915.

Янковскій, генер. польс. служ., 1831 г., 748.

Янтальцева, г-жа, жена декабриста, 654.

Янтальцевъ, Андрей Васил., подполкв., декабр., † 1845 г., 654.

Ярославовъ, А. Т., 1840 г., 347.

Яфимовичъ, ген.-адъют., 1855 г., 904.

Яхненко, сахаро-заводч., 1858 г., 139.

Яшвилъ, кн., ген.-майоръ, 1812 г., 665, 666, 889.

Одоровъ, Борисъ Мих., писат., † 1874 г., 338, 342, 343.

Оедосѣевъ, 1855 г., 114.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1881 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

	стр.
I. Записки Павла Алексѣевича Тучкова: Главныя черты
моей жизни. Сообщ. Никл. и Михаил. Тучковы 455—510	
— Замѣтки о фамилии Тучковыхъ	511—518
II. Воспоминанія Александра Петровича Вѣльева: пере-
житое и переучуствованное съ 1803 года. Главы XVI—
XXIII (Окончаніе) 1—46; 251—286 и 679—704.	
III. Записки князя Николая Сергѣевича Голицына, 1825—
1855 гг. Гл. VIII. Сатуново на Дунаѣ 1828 г.—Три
недѣли подъ Варной.—Вылазка 2-го сентября 1828 г.—
Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Императоръ
Николай Павловичъ на Черномъ Морѣ, 1828 г. 101—110	
IV. Записки декабриста Михаила Александровича Бесту-
жева, р. 1800 † 1871 г. Главы I—XXIV: въ Читѣ
и въ Петровскѣ.—Друзья и союзники.—Техническіе, на-
учные и литературные труды братьевъ Бестужевыхъ.—
Воспоминаніе о Рылѣевѣ.—Жизнь на поселеніи.—
Смерть Николая Бестужева, 1800—1855 гг.	591—658
V. Декабристы въ Читѣ и въ Петровскѣ, 1827—1840 гг.
Воспоминанія Д. И. Завалишина.	419—434

- VI. Баронъ Владиміръ Ивановичъ III. ль—декабристъ.
Рукопись его: „Записки Несчастнаго“ написаны имъ
со словъ Василя Павловича Колесникова, въ Петров-
скомъ заводѣ, въ Сибири, въ 1835 г.; посвящено и пода-
рено имъ Михаилу Александр. Бестужеву . . . 763—804
- VII. Исторія моей жизни. Разсказъ бывшаго крѣпостнаго
крестьянина Никол. Никол. Шипова, 1802—1862 гг.
(Окончаніе). 137—162

Исслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

- I. Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ. Дѣятельность
его на пользу разработки русской исторіи и археоло-
гii. Очеркъ изъ русской исторіографii. Статья проф.
В. С. Иконникова. 47—74; 225—250
- II. Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ Черниговскій,
р. 1805 † 1866 г. Глава V. Историко-біографическій
очеркъ. (Окончаніе). Состав. и сообщ. свящ. О. Хо-
рошунъ. 805—816
- III. Баронъ Федоръ Клементьевичъ Гейсмаръ, 1783—
1848. Біографическій очеркъ. Составилъ и сообщ. ба-
ронъ В. Гейсмаръ. 721—762
- IV. Амурское дѣло и вліяніе его на Восточную Сибирь и
государство, 1850—1863 гг. Очеркъ по документамъ
и свидѣтельствамъ очевидцевъ. Составилъ Д. И. Зава-
лишинъ. 75—100
— Документы, относящіеся къ Сибири, 1840—1864 гг. Выдержки
изъ писемъ различныхъ лицъ къ Д. И. Завалишину, 1840—1864 гг.
Сообщ. Д. И. Завалишинъ. 387—418
- V. Между строками одного формулярнаго списка. Очеркъ
изъ Записокъ одного сенатора, 1823—1881 гг. Сообщ.
А. К. 817—880

Переписка, рассказы, очерки, замѣтки, поправки.

Время до Петра I.

- I. Посольство Ѳеодора Ѳеодоровича Порошина въ Берлинъ въ 1654 г. Сообщ. баронъ Б. Кене 910—915

Царствованіе Петра I.

- I. Завоеванія Россіи въ Гиланѣ, 1722 г. Перев. съ персидскаго и сообщ. Ад. П. Берже 452—453 стр.

Царствованіе Екатерины II.

- I. Языкѣ любви сто лѣтъ назадъ. Выдержки изъ писемъ неизвѣстной дамы къ кн. Г. А. Потемкину-Таврическому, 1774 и слѣдующихъ годовъ 195—200
- II. Плачъ кievскихъ монаховъ. Сатира въ виршахъ XVIII-го столѣтія. Рукопись 1792 г. 435—444
- III. Графъ Войновичъ въ Персіи въ 1781 г. Разсказъ. Перев. съ персидскаго и сообщ. Ад. П. Берже 450

Царствованіе Александра I.

- I. Рескриптъ императора Александра Павловича о прекращеніи жестокаго обращенія съ солдатами, 12-го іюня 1804 г. 659—660
- I. Замѣтка о бывшемъ военномъ министрѣ С. К. Вязмитиновѣ, 1804 г. Сообщ. А. Вязмитиновъ 660—662
- II. Нужды и горе Россіи въ началѣ царствованія Александра I,—отвѣтъ Ѳеодору Васильевичу Ростопчину, на одно изъ его писемъ, 1807 г. Сообщ. въ 1880 г. Ѳ. К. Олочининъ 906—909
- III. Письма императора Александра Павловича гр. Никл. Ив. Салтыкову, 1812 г. 662—665
- IV. Всеподданнѣйшій рапортъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова, 26-го сентября 1812 г. о службѣ кн. Яшвиля. 665—666

- V. Рескриптъ императора Александра Павловича кн. М. П. Голенищеву-Кутузову о высылкѣ изъ армии кн. Яшвиля, 3-го октября 1812 г. 666
- VI. Всеподданныйшее донесеніе кн. Кутузова о кн. Яшвилѣ —
- VII. Москва въ 1814 г. Письмо Ѳ. В. Ростопчина къ А. Д. Балашову. Сообщ. А. Колосовскій. 219—220
- VIII. Два повелѣнія императора Александра Павловича гр. Тормасову, 1817 и 1818 гг. 666—667
- IX. Толки и настроеніе умовъ въ Россіи по донесеніямъ высшей полиціи въ С.-Петербургѣ съ августа 1818 по 1-ое мая 1819 г. 667—676
- X. Вѣдомость о происшествіяхъ въ Москвѣ 2-го и 3-го февр. 1820 года. 677
- XI. Донесенія ген.-маіора Шульгина цесаревичу Константину Павловичу, 9-го февр. 1820 г. 676—677
- XII. Молитва для мусульманъ на Кавказѣ. Составилъ въ 1820 г. А. П. Ермоловъ. Сообщ. Ад. П. Берже 454
- XIII. Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Разсказъ къ его характеристикѣ. Сообщ. К. А. Измайловъ 201—208
- XIV. Всеподданныйшее письмо гр. В. П. Кочубея императору Александру Павловичу 10-го ноября 1822 г. о ссылкѣ Лабзина 881—882
- XV. Резолюція императора Александра Павловича по случаю похоронъ княгини Кутузовой, 24-го іюля 1824 г. 882—883
- XVI. Письмо ген.-маіора А. А. Писарева барону Дибичу, 13-го марта 1825 г., и отвѣтъ на оное Дибича. 883—884

Царствованіе Николая I.

- I. Письмо генерала А. Н. Потапова къ цесаревичу Константину Павловичу, 10-го декаб. 1825 г. 918—920
- II. Отвѣтъ на оное письмо цесаревича Константина Павловича, 16-го декабря 1825 г. 920
- III. Петербургское общество въ началѣ царствованія императора Николая. Письма и донесенія М. М. Фока къ гр. А. Х. Бенкендорфу о толкахъ и настроеніи умовъ въ Петербургѣ. Сообщ. въ 1875 г. П. М. Дораганъ. Перев. съ французскаго въ 1876 г. г. Казинъ. 163—194; 303—336; 519—560
- IV. Два всеподданны. письма С.-Петерб. военн. генер.-губерна-

- тора Голенищева-Кутузова о празднованіи въ С.-Петербур-
бургѣ коронованія ихъ имп—хъ вел—ствъ, 25-го и 29-го
августа 1826 г. 884—886
- V. Просьба ген.-маіора Писарева о назначеніи его попечите-
лемъ Москов. учебнаго округа, 1826 г., и отвѣтъ Дибича. 883
- VI. Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ-Забал-
канскій. Переписка во время Русско-Турецкой войны,
1829 г. 287—302, 561—574; 705—720
- VII. Письмо А. А. Бестужева гр. Дибичу, 10-го февр. 1829 г. 886—887
- VIII. Всеподд. письма гр. А. А. Аракчеева Императору Нико-
лаю Павловичу, 4-го и 24-го сент. 1831 г. . . . 887—889
- IX. Князь А. И. Барятинскій въ 1835 году. Замѣтка къ
статьѣ Д. И. Романовскаго: «Генераль-фельдмаршалъ кн.
А. И. Барятинскій и Кавказская война». Сообщ. М. И.
Венюковъ. 217—218
- X. Бюрократическая война, 1839 г. Переписка гр. А. Г.
Строгонова съ кн. П. Горчаковымъ и резолюція импера-
тора Николая. 890—894
- XI. Обдорскій возмутитель, 1844 или 1845 гг. Разсказъ.
Сообщ. Зах. Александр. Баршъ. 377—386
- XII. Собственноручная записка Императора Николая Павло-
вича о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ 1-го февраля
1855 г. для кн. И. Ѳ. Варшавскаго 896—899
- XIII. Предсмертное письмо Императора Николая Павловича къ
М. Д. Горчакову, 2-го февраля 1855 г. 895—896

Царствованіе Александра II.

- I. Переписка Императора Александра Николаевича съ кня-
земъ И. Ѳ. Паскевичемъ и кн. М. Д. Горчаковымъ, 1855 г. 899—906
- II. Въ Севастополѣ въ 1855 г. Изъ Записокъ очевидца.
Сообщ. П. В. Алабинъ. 209—217
- III. Поправка къ «Запискамъ И. В. Селиванова» о польскомъ
возстаніи 1864 г. Сообщ. Митрофанъ Городецкій . . . 678

Исторія русской литературы.

I. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій).

1. Письмо его изъ Якутска къ гр. Дибичу, 1829 г., о дозволеніи ему вступить рядовымъ на Кавказъ.

(См. выше, стр. 886—887).

2. Воспоминанія о немъ въ «Запискахъ М. А. Бестужева».

(См. выше, стр. 591—658).

II. Александръ Ивановичъ Тургеневъ:

стр.

Письма его къ К. С. Сербиновичу 1827—1845 гг. Сообщ. въ 1871 г. Конст. Степ. Сербиновичъ. 337—350

Примѣчанія къ письмамъ А. И. Тургенева 1827—1845 г.

Состав. и сообщ. Н. П. Барсуковъ. 337—350

III. Иннокентій Борисовъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

Письма его къ наставнику и руководителю его въ дѣтствѣ, свящ. Василию Климентову, 1822—1855 гг. Сообщ. съ предисловіемъ В. А. Кондаковъ. 575—590

IV. Измаиль Ивановичъ Срезневскій, акад. и профессоръ.

Два письма его къ племяннику, свящ. Запольскому, 1856 г.

Сообщ. А. И. Маркевичъ. 916—918

V. Николай Ивановичъ Пироговъ.

Празднованіе пятидесятилѣтія его ученой и общественной дѣятельности, 24-го мая 1881 г. 221—224

VI. Адольфъ Петровичъ Берже, д. стат. сов., предсѣдатель Кавказской Археографической комиссіи, ученый и ориенталистъ.

I. Изданные подъ его редакціей: Акты Кавказской археографической комиссіи. Т. II: баронъ Розенъ и время его управленія Кавказомъ, 1831—1837 гг. 445—449

II. Перечень главныхъ трудовъ Ад. П. Берже 449

Русскіе художники.

- I. Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ, граверъ на деревѣ, академикъ, р. 1824 † 2-го янв. 1881 г.
Замѣтка къ очерку Н. П. Собко: «Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣрякова». Сообщ. М. Городецкій. 920—921
- II. Иванъ Петровичъ Пожалостинъ, Почетный вольный общникъ императорской академіи художествъ, академикъ, граверъ на мѣди, 1837—1881 гг.
I. Моя жизнь и художественные труды. Главы V—XII.
111—136; 351—376
1) Поправки къ «Запискамъ». Сообщ. И. П. Пожалостинъ. 678

Портреты и рисунки.

- I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг.
Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлеманъ, рисоваль К. О. Брожъ, гравироваль Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную вписку).
- II. Портретъ архіепископа Черниговскаго Филарета Гумилевскаго, гравироваль Г. И. Грачевъ, ученикъ Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 225).
- III. Портретъ историка-профессора Сергѣя Михайловича Соловьева. Предсмертная гравюра академика Л. А. Сѣрякова, окончили ученикъ его И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 1).
- IV. Портретъ ген.-адъютанта барона Федора Клементьевича Гейсмара, 1783—1848. Гравироваль художникъ-граверъ И. И. Матюшинъ, ученикъ акад.-грав. Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 679).
- V. Два рисунка „сидѣкъ“ или „бестужевокъ“.
(См. стр. 658).

Приложенія.

- I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. (См. въ приложеніи къ книгамъ IX—XII. Окончаніе Записокъ и приложенія къ нимъ, стр. 407—636).

- I. „Русская Старина“ въ изд. 1881 года. Обзоръ двѣнадцати книгъ. 921
- II. Списокъ лицъ, сообщившихъ „Русской Старинѣ“ записки, изслѣдованія, очерки, акты, рассказы и проч. статьи и матеріалы въ 1870—1881 гг. 937
- III. Матеріалы журнальной статистики: „Русская Старина“ въ 1881 году 943
- IV. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXXII томѣ „Русской Старины“ изд. 1881 года . . . стр. 1—48
- V. Систематическое оглавленіе XXXII-го тома „Русской Старины“ изд. 1881 года I—IX
- VI. Поправки и опечатки. X

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Столѣтіе Вятской губерніи. Сборникъ матеріаловъ къ исторіи Вятскаго края. Т. I. 387+III. т. II, 389—852+III—186. 1880 года. (На оберткѣ 9-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
2. Древніе акты, относящіеся къ исторіи Вятскаго края. Приложение ко II тому 1881 г. 245+XXVI. (Тамъ-же).
3. Архивъ князя Воронцова. Т. XXI. М. 1881. 477. (Тамъ-же).
4. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881. 127. (Тамъ-же).
5. Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія, изд. братствомъ св. Петра митрополита, подъ ред. Н. Субботина. Т. VI. М. 1881. 334+XXVIII. (Тамъ-же).
6. Родъ Шереметевыхъ Александра Барсукова. Кн. I. Спб. 1881. 545 (Тамъ-же).
7. Сборникъ русскаго историческаго общества. Т. XXIX. Спб. 1881. 736 (На оберткѣ 10-й книги «Русской Старины» 1881 г.).

8. Родъ дворянъ Демидовыхъ, К. Д. Головщиковъ. Ярославль. 1881. 268+105. (Тамъ-же).
9. Нравственное состояніе русскаго общества въ XVI в. по сочиненіямъ Максима Грека и современнымъ ему памятникамъ, Ивана Преображенскаго. М. 1881. 249. (На обертѣ 11-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
10. Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи. Исслѣд. Вятск. губ. статистика Н. Романова. Изд. Вятскаго губерн. земства. Вятка, 1881. 336+132. (Тамъ-же).
11. Полное собраніе сочиненій кн. П. А. Вяземскаго. Т. III (1808—1827). Изд. графа С. Д. Шереметева. Спб. 1880. XV+453+VIII. Т. IV. Стихотворенія (1828—1852) VIII+374+XII. Т. V. (1818) «Фонъ-Визинъ» XVI+351. (Тамъ-же).
12. Сборникъ бытовыхъ статей по русской исторіи. Русь до Татарскаго нашествія. Выпускъ первый. Составилъ К. Елизатьевскій. Спб. 1881 г. III+106 въ 8 л. (Тамъ-же).
13. П. О. Бобровскій. Развѣтѣ способовъ и средствъ для образованія юрстовъ военнаго и морскаго вѣдомствъ въ Россіи. Историческое изслѣдованіе. Періодъ преобразованій Петра Великаго. Спб. 1881. VII+166+XII, въ 8 л. Цѣна 1 р. 25 коп.
- Состояніе военнаго права въ Западной Европѣ въ эпоху учрежденія постоянныхъ войскъ XVI, XVII и начало XVIII вѣка. Спб. 1881 г. IV+III+464 стр. въ 8 л. Ц. 2 р. (На обертѣ 12-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
14. Ю. Я. Янсонъ. Опытъ статистическаго изслѣдованія о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Изданіе второе. Спб. 1881. XVI+166+102 стр. въ 8 л. Ц. 1 р. 50 коп. (Тамъ-же).
15. Викторъ Рагозинъ. Волга. Томъ первый. Спб. 1880. III+387+VIII стр. въ 8 л. Ц. съ атласомъ 3 р. 50 коп. (Тамъ-же).

Примѣч. Всѣ замѣтки въ библ. листѣхъ, кромѣ 11—15, сообщ. профес. В. С. Иконниковъ.

Опечатки въ XXXII-мъ томѣ «Русской Старины» изд. 1881 г.

			напечатано:	читай:
Сентб. стр.	23	6-я строка сверху	разбѣжался	разбѣжался
	112	2-я » »	затѣлись игры	затѣялись игры
	143	11-я » снизу	моимъ седцемъ	моимъ сердцемъ
	155	15-я » »	русскіе могомольцы	русскіе богомольцы
	180	6-я » »	поставить	поставить
	182	9-я » »	исторію вревенн	исторію времени
	193	7-я » »	это—эгонмъ	это—эгоизмъ
	219	2-я » сверху	Д. А. Балашову	А. Д. Балашову
Октб.	257	10-я » »	на дали	не дали
	293	8-я » »	дня рожденія	день Ангела
	335	5-я » »	которые было	которые были
	345	14-я » »	на Соловьва	на Соловьева
	433	послѣдняя строка въ примѣчаніи	получены Лепар- скимъ	помѣчены Лепар- скимъ
Нояб.	671	13-я строка сверху	Лонтъ-Лакси	Лонтъ-Лакси

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

XII-й томъ снѣхъ Записокъ содержитъ слѣдующее:

Писемъ древняго города Херсониса о назначеніи почестей и наградъ Дианту, полководцу Мирадала-Евпатора, за покореніе кыма и освобожденіе Херсонисцевъ отъ владычества Скиновъ. Д. Ч. Юргевича.

Февраля 14-го. Преставленіе и похвала святому отцу Константину, нареченнаго Киріла, учителя словеску языку и Волгарску философа. Створено Климентомъ. Сообщеніе Д. Ч. Викторова. — Прологъ, въ 15-й день іюли. Память святаго князя Владимира, крестившаго всю русскую землю. Сообщ. Ч. О. Мурзакевича.

Путешествіе по Крыму въ 1793 и 1794 годахъ академика П. С. Палласа. Первая половина. Переводъ съ нѣмецкаго М. Славичъ, съ примѣчаніями.

Древнія греческія надписи, найденныя въ Керчи, Анапѣ и Херсонисѣ въ 1880 году; Д. Ч. Юргевича. — Опытъ соглашенія открытой въ Херсонисѣ надписи съ природою мѣстности и сохранившимися у древнихъ писателей свидѣніями, относящимися ко времени войнъ Діофанта, полководца Мирадала, съ Скинами; Д. Ч. Бурачкова. — Распоряженія свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго (208 ордеровъ) касательно устройства Таврической области, съ 1781 по 1786 годъ. Сообщ. Ч. О. Мурзакевича. — Писма Екатеринославскаго губернатора В. В. Коховскаго состоявшему при дѣлахъ ея величества Екатерины II, тайн. сов. В. С. Попову, для доклада князю П. А. Зубову, съ 20-го января 1782 по 24-е іюня 1791 г. Сообщ. Ч. О. Мурзакевича. — Астрономическое положеніе городовъ въ Крыму, сдѣланное въ 1780 году. Сообщ. Д. Ч. Курисъ.

Литописъ Общества съ 14-го ноября 1879 по 14-е ноября 1881 года. Некрологи Армяно-Григоріанскаго архіепископа Гавріила Айвазовскаго; Д. Ч. Караулова; Профессора Ф. К. Бруна; Ч. О. Мурзакевича; Профессора И. В. Беккера; Ч. О. Мурзакевича. — Надписи, найденныя въ мѣстности древняго города Тѳли, нынѣ Кюстенджи; Д. Ч. Юргевича. — Старинная церковь въ мѣстечкѣ Каушанахъ, Бессарабской губерніи; священника І. Няги. — Одесскій гражданинъ Ларіонъ Федоровичъ Портновъ; Ч. О. Мурзакевича. — Аванасій Федоровъ изъ Колпака, новороссійскій колонизаторъ; Ч. О. Мурзакевича. — Село Бѣлозерка, Ивановское тожъ; Бѣлозерская церковная надпись; Д. Ч. Чиркова. — Топографическое описаніе Корсунскаго монастыря; Д. Ч. Чиркова. Топографическое описаніе Самарскаго Николаевскаго монастыря, находящагося Екатеринославской губерніи въ 2-хъ верстахъ отъ города Новомосковска; Д. Ч. Чиркова. Описаніе строеній бывшихъ Херсонской крѣпости и Адмиралтейства, при состояніи ихъ съ 1808 по 1825-й годъ, въ топографическомъ планѣ оныхъ; Д. Ч. Чиркова. Вознесенскій соборный храмъ въ Ново-Нѣмецкомъ монастырѣ, Кишиневской епархіи. Сообщ. Д. Ч. Няги. Два писма генералъ-маіора М. И. Голенищева-Кутузова 1790 и 1791 годовъ. Сообщ. Ч. О. Мурзакевича.

Къ тому приложено пять литографированныхъ листовъ: I и II. Чертежи Ханскаго Бахчисарайскаго дворца въ 1836 г. нижній и верхній этажи. III. Планъ и фасадъ Екатерининскаго дворца въ Севастополѣ, 1787 г. IV. Планъ городища близъ Евпаторіи. V. Обеліскъ въ память М. И. Голенищева-Кутузова.

Цѣна XII тому **четыре рубли**, безъ пересылки. Желающіе имѣть оный обогащаются въ Одесскій Музей Общества.

Этотъ томъ вообще содержитъ важныя и малозвѣстныя обстоятельства относительно Кыма и Очаковской земли, что теперѣ Таврическая и Херсонская губерніи.

Поступилъ въ продажу портретъ Государыни Императрицы

МАРИИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Большая гравюра на мѣди, исполненная академикомъ И. П. Пожалостинымъ и отпечатанная на отличной бѣлой бумагѣ въ Парижѣ.

Цѣна портрета въ магазинѣ Фельтена въ Петербургѣ **ШЕСТЬ** руб.

Подписчики историческаго журнала „РУССКАЯ СТАРИНА“ могутъ получить этотъ портретъ за **ЧЕТЫРЕ** рубля съ пересылкою и доставкой. Требования благоволить обращаться въ редакцію „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ въ Петербургѣ, Большая Подъяческая, домъ № 7.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ЧЕЛОВѢКОЛЮБИВОЕ ОБЩЕСТВО.

Попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей.

Въ С.-Петербургѣ, Кабинетская улица, домъ № 2-й, квартира № 10.

Попечительство для сбора пожертвованій имѣетъ честь заявить, что оно принимаетъ всякаго рода пожертвованія, какъ то: битое стекло, старая тряпка, коробки, пробки, клочки бумаги, исписанныя тетради, катушки, старое, хотя совершенно поношенное, бѣлье и платье, старыя книги и карты, старую мебель, битую посуду и вообще вещи не нужныя, которыя въ отдѣльности не имѣютъ не только никакой цѣны, но часто въ семействѣ стѣсняють—образуютъ пыль и грязь и занимають мѣсто; между тѣмъ эти то вещи, повидимому, ничего не стоющія, даютъ въ массѣ почтенныя цыф.ы, на которыя Попечительство имѣетъ возможность одѣвать и воспитывать круглыхъ сиротъ или дѣтей бѣднѣйшихъ родителей.

Во второе полугодіе дѣятельности Попечительства помощью его пользовались 76 дѣтей.

Для удобства жертвователей, которые не могутъ сами послать вещи, Попечительство предлагаетъ заявить о своемъ намѣреніи по почтѣ и назначить день и часъ, въ какой оно можетъ прислать своего артельщика принять жертвуемыя вещи и выдать установленную расписку.

Попечительство приглашаетъ къ пожертвованію также гг. иногородныхъ жителей.

Подробныя разъясненія, а также и отчеты дѣятельности Попечительства выдаются въ помѣщеніи Попечительства, а также высылаются гг. иногороднымъ жертвователямъ.

Нѣсма просятъ адресовать въ С.-Петербургѣ. Въ Попечительство для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей. Кабинетская ул., д. № 2, кв. № 10.

Попечительство обращается въ Редакціи газетъ и журналовъ съ просьбою перепечатать это объявленіе.

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ, ОТЪ 2-ХЪ ДО 4-ХЪ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ
ВЪ НОМЕРѢ)

II

„ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

(ДВУХМѢСЯЧНОЕ—ОТЪ 18 ДО 24-ХЪ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ ВЪ КАЖДОЙ
КНИЖКѢ)

будутъ издаваться при с.-петербургской духовной академіи въ 1882 году на
прежнихъ основаніяхъ. Въ обоихъ журналахъ въ теченіи года напечатается бо-
лье 260 листовъ убористаго шрифта. При «Христіанскомъ Чтеніи» въ слѣ-
дующемъ году будетъ продолжаться начатое съ 1879 г. печатаніе

ТОЛКОВАНІЙ НА ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ,

съ особымъ счетомъ страницъ, такъ что въ концѣ 1882 года составитъ че-
твертый выпускъ «Толкованій» (въ четвертомъ выпускѣ будетъ продолжаться
печатаніе «Толкованія на книгу Псалмовъ»).

Годовая цѣна въ Россіи за оба журнала и съ «Толкованіями на Вѣтхій завѣтъ»—СЕМЬ
РУБ. съ пересылкою; отдѣльно за «Церковный Вѣстникъ»—ПЯТЬ РУБ., за «Христіан-
ское Чтеніе» съ «Толкованіями»—ПЯТЬ РУБ. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба
журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. Номера «Церковнаго Вѣстника» по 15 коп.

Иногородные надписываютъ свои требованія прямо: Въ Редакцію «Церков-
наго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» въ С.-Петербургѣ.

Адресъ отдѣленія конторы, гдѣ принимаются: объявленія для напечатанія
и для разсылки при журналахъ, а также подписка на журналы отъ петер-
бургскихъ подписчиковъ и гдѣ можно получать отдѣльныя изданія редакціи:
Солдатскій переулокъ, между Знаменской и Преображенской ул., домъ Ива-
нова № 5, кв. № 3-й.

Кромѣ того можно подписываться у коммисіонеровъ Редакціи: въ Петер-
бургѣ при книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова (бывшемъ Кораблева,) въ Мо-
сквѣ—и книжномъ магазинѣ А. Н. Ферапонтова.

XIII ГОДЪ. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1882 ГОДЪ
НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

„НИВА“

ВЫХОДЯЩІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО Т. Е. 52 НОМЕРА ВЪ ГОДЪ
(болѣе 2000 рисунковъ и чертежей, 2000 столбцовъ текста)
съ ежемѣсячнымъ приложеніемъ.

„ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“

(около 500 модныхъ рисунковъ въ годъ, 400 выкроекъ чертежей въ натуральную величину и 300 рисунковъ рукодѣльныхъ работъ)
Премія на 1882 г. большая новая картина: профессора В. И. ЯКОБЯ подъ заглавіемъ

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

печатанная масляными красками.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПО БОЛЬШОЙ
МОРСКОЙ, д. № 9.

Подписная цѣна за годовое изданіе „НИВЫ“

съ правомъ на полученіе всѣхъ безплатныхъ Премій въ теченіе 1882 года

Безъ доставки въ С.-Петербургъ . . . 4 р.

Безъ доставки въ Москвѣ черезъ Отд. Конт.
„Нивы“ у Н. Печковской . . . 5 р.

Съ доставкой изъ С.-Петербургъ . . . 5 „ 50 к.

Съ доставкой въ Москвѣ и другіе гор.
и мѣстечкахъ Имперіи . . . 6 „

„НИВА“ даетъ чтеніе: историческія повѣсти, преимущественно изъ русской исторіи, разсказы, романы, біографіи при портретахъ замѣчательныхъ лицъ, статьи по естествознанію (особенно зоологін) гигиенѣ (ученіи о здоровьѣ) географіи, этнографіи, путешествіяхъ, технологіи, астрономіи; новѣйшимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, свѣдѣнія изъ внутренней жизни страны, еженедѣльное политическое обозрѣніе, смѣсь, хозяйственные совѣты, шашечныя, шахматныя и математическія задачи и загадки и проч.

ДЛЯ ПОМѢЩЕНІЯ ВЪ „НИВѢ“ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1882 ГОДУ мы имѣли кромѣ массы художественно исполненныхъ гравюръ, уже цѣлый рядъ капитальныхъ литературныхъ произведеній, изъ которыхъ поименуемъ только слѣдующія: большой романъ „ВОЛТЕРЬЯНЕЦЪ“ Вс. С. Соловьева, служащій продолженіемъ романа „СЪРГѢЙ ГОРБАТОВЪ“, помѣщенного въ 1881 г.; рядъ разсказовъ А. Я. Максимова „изъ жизни на крайнемъ Востокѣ“; разсказъ В. Г. Австенно „Испанскій дворянинъ“; разсказъ Вс. В. Крестовскаго „изъ впечатлѣній его кругосвѣтнаго плаванія“; К. К. Случевскаго разсказъ „Маньякъ“; разсказъ Н. Боева „На озерѣ“; разсказъ С. В. Максимова „Барышники“; повѣсть П. П. Гнѣдича въ 2 частяхъ „Въ южной глуши“; разсказы Н. Успенскаго. Какъ ПРЕМІЮ на будущій 1882 годъ мы выдадимъ всѣмъ годовымъ подписчикамъ безъ исключенія, когда бы они ни представили свои подписки—кромѣ большаго стѣннаго календаря 1882 года, очень большую роскошную олеографію съ новой картины извѣстнаго русскаго художника Профессора В. И. ЯКОБЯ

„ДОРОГОЙ ГОСТЬ“

Картина написана по заказу „НИВЫ“, сюжетъ заимствованъ изъ извѣстнаго романа „Князь Соребренный“ Графа А. К. Толстаго. Влестящія копін-олеографіи будутъ имѣть именно величину оригинала, т. е. 62 сант. ширины и 82 1/2 сант. высоты—словомъ большой форматъ.

Желающій подписаться на будущій 1882 г. „НИВЫ“ просятъ заблаговременно обращаться въ главную Контору Редакціи „НИВА“, (помѣщается въ С.-Петербургѣ, Вольш. Морск. ул. д. № 9).

Пздатель „НИВЫ“ А. Ф. Марксъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1882 ГОДУ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО

ЖУРНАЛА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Журналъ для Дѣтей выходитъ ежемѣсячно двумя книжками, для старшаго и младшаго возрастовъ, украшенными отдѣльными картинами и иллюстраціями въ текстѣ. Въ журналѣ помѣщаются повѣсти и рассказы, историческіе очерки, путешествія, біографіи замѣчательныхъ людей, популярныя статьи по естественной исторіи, стихотворенія, анекдоты, задачи, объявленія и проч.

При существующей дороговизнѣ дѣтскихъ книгъ въ Россіи, редакція задалась мыслью издавать журналъ, по цѣнѣ доступный родителямъ всѣхъ состояній и по внутреннему содержанію способный удовлетворить дѣтей всѣхъ возрастовъ. Въ этомъ направленіи редакція будетъ продолжать трудиться и въ будущемъ 1882 году, совершенствуя изданіе и содѣйствуя воспитателямъ посредствомъ пріятнаго и полезнаго чтенія въ исполненіи ихъ трудныхъ задачъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: гг. А. Величковъ, Д. Васильевъ, Н. Плискій, П. Надучевъ, Д. Стангинскій, Н. Спекторскій, О. Савенко; г-жи Е. Тихомирова, О. Добровольская, Е. Фуксъ, Ю. Глики, Е. Шелеметьева, В. Петровская, А. Яковлева и мног. друг.

ПРЕМІИ:

Каждому двадцать пятому подписчику по порядку поступления въ редакцію подписки (т. е. № 25, 50, 75, 100, 125, 150 и т. д.) будетъ бесплатно выслано годовое изданіе „Журналъ для Дѣтей“ за 1881 г. или, по желанію подписчика, роскошно изданная книга или картина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ НА ДОМЪ.

12 книжекъ младшаго возраста (отъ 8—12 лѣтъ) 4р.

12 книжекъ старшаго возраста (отъ 12—15 лѣтъ) 4р.

Полное изданіе въ 24 книжки. 8р.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ редакціи „Журнала для Дѣтей“ (Спасская Садовая, Докучаевъ переулочъ, домъ Шорина), у книгопродавцевъ Мамонтова, В. Готье и Тихомировой (магазинъ Начальная Школа) на Кузнецкомъ мосту и въ Центральномъ книжномъ магазинѣ на Никольской улицѣ. Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться исключительно въ контору Редакціи.

О ПОДПИСКѢ НА 1882 ГОДЪ НА
„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“
 БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
 СЪ РАЗНЫМИ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

Съ 1-го Января 1882 г. журналъ «Всемирная Иллюстрація» начнеть XIV годъ (т. е. томы XXVII и XXVIII) своего существованія. Извѣстность, пріобрѣтенная этимъ журналомъ, избавляетъ насъ отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ. Онъ будетъ выходить такъ-же аккуратно, какъ и въ прошлые годы еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ увеличенномъ форматѣ большаго двойнаго листа, самой лучшей бумаги, и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16—24 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

По случаю предстоящей въ 1882 г. Коронаціи Ихъ Императорскихъ Величествъ, особенное вниманіе Редакціи будетъ обращено на изготовленіе цѣлой серіи рисунковъ относящихся къ этому высокаторжественному празднеству.

Кромѣ того, ко «Всемирной Иллюстраціи» 1882 г. будетъ приложено безплатно отдѣльный роскошный «Альбомъ Всероссійской Промышленно-Художественной выставки», имѣющей состояться въ будущемъ году въ Москвѣ. Въ Альбомѣ этомъ будетъ заключаться множество рисунковъ, съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ замѣчательныхъ произведеній выставки.

Цѣна годовому изданію «Всемирной Иллюстраціи» на 1882 г.:

Безъ дост. въ С.-Петербургѣ 13 р. — к. ||||| Съ дост. въ С.-Петербургѣ 14 р. 50 к.
 Безъ доставки въ Москвѣ 14 » — » ||||| Съ перес. въ другіе города 16 » — »

«ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ»

представляетъ политическія событія, войну, изящныя искусства, исторію, изящную словесность, географію, путешествія, естественную исторію, технологию, промышленность, морское и военное искусство, и пр. и пр., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ **ВЪ КАРТИНАХЪ.**

Главная задача «Всемирной Иллюстраціи» — изображеніе, въ картинахъ и текстѣ, современныхъ событий во всѣхъ сферахъ полит. и обществ. жизни.

Каждый годъ «ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ» представляетъ собою

ДВА РОСКОШНЫЕ АЛЬБОМА,

каждый до 500 печатн. страницъ, съ 300—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостиной.

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

«ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ»

изъ англ. каленкора, съ золотыми тиснен. по рпс. художника К. Брожа.
 Цѣна покрышки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к.
 съ пер. 2 р. 50 коп.

Цѣна первыхъ 24 томовъ «Всемирной Иллюстраціи»:

1869 г. (томы I и II) 10 руб. безъ перес.; въ англ. каленкоровомъ перепл. 14 р.; 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X) — по 8 р. безъ пересылки, каждый годъ. Въ англ. тисненн. золотомъ, переплетахъ, каждый годъ стоитъ по 12 р. безъ перес. 1874 (т. XI и XII), 1875 (т. XIII и XIV), 1876 (т. XV и XVI), 1877 г. (т. XVII и XVIII) (безъ приложеній), 1878 г. (т. XIX и XX) (безъ приложеній) и 1879 г. (т. XXI и XXII) и 1880 г. (т. XXIII и XXIV) — по 9 р. безъ перес., кажд. годъ. Въ переплетахъ безъ перес. по 13 р.

На пересылку каждого года слѣдуетъ прилагать 3 р. с.

Главная контора Редакціи «Всемирной Иллюстраціи» въ С.-Петербургѣ, Б. Садовая ул., д. № 16.

Для удобства своихъ подписчиковъ, контора Германа Гоппе принимаетъ подписку и на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ЭМИЛЯ ГАРТЬЕ

Невскій проспектъ № 27, у Каванскаго моста, въ С.-Петербургѣ.

МАГАЗИНЪ

ДЛЯ ГОРОДСКОЙ ПРОДАЖИ.

ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ

ДЛЯ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.

ОТДѢЛЕНИЕ

ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ.

Большой выборъ новыхъ русскихъ и французскихъ книгъ.—Доставка книгъ на домъ.—Новости по желанію на просмотръ. Приемъ книгъ на комиссію цѣлыми изданіями, для быстрого распространенія въ столицѣ и черезъ специальныхъ корреспондентовъ склада, во всѣхъ главныхъ городахъ Имперіи, при безплатныхъ публикаціяхъ въ «Россійской Библиографіи», въ «Ежемесячномъ каталогѣ» важн. нов. русскихъ и иностранныхъ книгъ», въ «Годовомъ каталогѣ», а также, по соглашенію, въ болѣе распространенныхъ газетахъ.

Строго аккуратное исполненіе требованій Гг. иногородныхъ.—Пріемъ подписки на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты.—Ежегодное полученіе иностранныхъ изданій.

Для удобства иногородной публики изданія Эмиля Гартъе имѣются постоянно на лицо и у всѣхъ извѣстныхъ провинціальныхъ книгопродавцевъ.

Постояннымъ покупателямъ предоставляется БЕЗПЛАТНО «Ежемесяч. каталогъ важн. новыхъ русскихъ и иностранныхъ книгъ». (Подписная цѣна за 12 №№ въ годъ 1 руб. с.).

На всѣ относящіеся до книгъ. дѣла запросы, къ которымъ для отвѣта приложена почт. марка,—складъ отвѣчаетъ немедленно.

РЕДАКЦІЯ ЖУРНАЛА

«РОССІЙСКАЯ ВИБЛОГРАФІЯ»

(ВѢСТНИКЪ РУССКОЙ ПЕЧАТИ)

24 №№ въ годъ, цѣна съ доставкою и пересылкою 5 руб.

КОНТОРАЖУРНАЛОВЪ:

Библиотечна для чтенія,
Елентричество,
Ссорникъ Видовъ, Памят-
никовъ и т. п.
Ремесло.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОНТОРА

ПОДПИСКИ

на всѣ русскіе и иностранные
ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ

СКЛАДЪ

ГЛОБУСОВЪ, ТЕЛЛУРИЙ

ПЛАНЕТАРИЙ

изд. Эмиля Гартъе.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

третье изданіе „Русской Старины“, годъ первый, 1870 г., двѣнадцать книгъ, въ трехъ томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генераль-фельдмаршала кн. Н. Ю. Трубецкаго;— Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова о поврежденіи нравовъ въ Россіи;— сенатора П. С. Руничя о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ;— Записки придворнаго бриллианщика Позье (1729—1764 гг.);—Отчеты Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей;— Петербургъ въ 1781 году, замѣтки Пикара;—Записки Михаила Александровича Вестужева (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. Глинки (1804—1854 гг.);—Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. Бакланова;—Оборона Камчатки въ 1854 г.—разсказъ контръ-адмирала Арбузова, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка—біографическіе очерки П. Ѳ. Карабанова.—Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе въ третьему изданію „Русской Старины“ 1870 г. составляетъ первый томъ Записокъ Болотова, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ рисунками.

Цѣна ВОСЕМЬ рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.]

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1876 г.

второе изданіе, съ портретами: Лжедмитрія I, полководца Михельсона, кн. Платона Зубова, А. П. Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены акад. И. П. Пожалостинымъ. Портреты Екатерины II и графа Аракчеева — гелиографическіе снимки. Портреты—Емельяна Пугачева, кавказ. генерала Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры акад. Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.

Содержаніе: Записки Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ, т. е. Записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствования Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I.—Автобіографія и переписка академика А. Л. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пасекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военного управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Ѳедора Григорьевича Солидова: академія художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святыхъ императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюлловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина, вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и друг.—Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мадѣвичъ—историческій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семеновскаго.—Бунтъ Бєшѣвскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг.—статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова.—Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ показаніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персію въ 1806—1855 гг.—статья Ад. П. Верже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профес. Я. А. Чистовичемъ.—Т. О. Осповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артеміи Волынский, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, М. И. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Кромѣ перечисленныхъ статей и матеріаловъ—въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. и проч.

Цѣна „Русской Старинѣ“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами,

8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 КНИГЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ ИЗД. 1877 г.

съ портретами: Кн. Е. Дашкова, графъ А. Мамоновъ, кн. Голенищевъ-Кутузовъ-Смоленскій, московскій митрополитъ Филаретъ, М. О. Орловъ, княгиня Жаннета Ловичъ—супруга цесаревича Константина Павловича, кавказскій имамъ Шамиль, Н. Н. Муравьевъ (Карскій), К. В. Чевкинъ, И. А. Яковлевъ.—Рисунки: галера императрицы Екатерины II и памятникъ Архипу Осипову. Снимки съ рѣдкихъ медалей и снимокъ съ подлиннаго письма императора Александра I, 1812 г.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1877-й, восьмой годъ изданія, между многими другими статьями, напечатаны: Турецкая неволя—историческій очеркъ.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II.—Сельскій священникъ въ Россіи въ половинѣ XVIII-го вѣка.—Россія сто лѣтъ назадъ—путешествіе англійскаго историка Кокса.—Записки берлинскаго профес. академика Тьебо о встрѣчахъ и знакомствахъ съ замѣчательными русскими людьми въ 1765—1785 гг.—Герцогиня Нингстонъ въ Россіи.—Бракоразводное дѣло Евдокии Ганнибалъ.—Екатерина II и Густавъ III.—Невѣсты цесаревича Павла Петровича.—Русское войско въ царствованіе Павла Петровича.—Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—историко-біографическій очеркъ.—Отечественная война 1812 года—историко-критическое изслѣдованіе по новымъ источникамъ.—Посольство Ермолова въ Персію въ 1817 году.—Записки Шуазель-Гуфье—объ императорѣ Александрѣ I и его времени.—Уничтоженіе масонскихъ ложъ въ Россіи—по вновь открытымъ матеріаламъ.—Россія, Австрія и Англія во время движеній 1848—1849 гг.—Записки П. А. Каратыгина.—Воспоминанія Т. П. Пассенъ.—Дневникъ барона Л. П. Николаи: война Россіи съ Венгріей въ 1849 г.—Кн. Меншиковъ въ Крымскую войну, по разсказамъ его адъютанта А. А. Панаева.—Воспоминаніе о Т. Н. Грановскомъ—Селиванова, одного изъ товарищей его по воспитанію, и проч.—Россія и Турція въ 1853—1855 гг.: письма императора Николая Павловича и донесенія его полководцевъ.—Федоръ Карловичъ Затлеръ, біографическій очеркъ и переписка.—Воспоминанія о Восточной войнѣ 1853—1855 гг., доктора А. Генрици.—Шамиль и его семья въ Калугѣ, записки пристава при имамѣ въ 1862—1865 гг., полковника П. Г. Пржецлавскаго.—К. В. Чевкинъ: первыя главы его біографіи и проч. Вообще въ двѣнадцати книгахъ изданія «Русской Старины» 1877 г., между многими другими статьями, напечатаны: изслѣдованія, очерки и статьи: профес. Н. И. Барсова, Ад. П. Берге, М. И. Богдановича, проф. М. И. Горчакова, акад. Я. К. Грота, И. Е. Забѣлина, профес. В. С. Иконникова, Д. И. Иловайскаго, Е. П. Карновича, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, П. С. Лебедева, И. И. Ореуса, А. Н. Попова, Д. Д. Рябинина, В. И. Семевского, проф. В. И. Сергѣевича, акад. С. М. Соловьева, В. В. Стасова, А. Н. Строва, И. И. Шамшева, Н. К. Шильдера и многихъ другихъ.

Цѣна „Русской Старины“ 1877 г., 12 книгъ съ портретами,—
8 руб. съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦИИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ; казненные въ 1739 г. князья Долгорукіе—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ; Г. В. Новицкій. Хромофотографированный (отпечатанный красками) портретъ Н. В. Гоголя (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. Крылова.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1878-й годъ, девятый годъ изда- ній, между многими другими статьями, напечатаны: Журналъ В. Н. Зиновьева.— Записки акад. Тьebo.—Записки пастора Зейдера; его страдавія, казни и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Тео- доровны—Записки кн. З. А. Волконской и Н. Чернышевой.—Кн. Ксаверій Друцкой-Лю- беций—очеркъ его государственной дѣятельности.—Записки артистки Л. П. Ни- нулиной Косицкой.—Записки доктора Генрици: война 1853—1855 гг.—Записки А. Е. Попова—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е де- кабря 1854 г.—Воспоминанія Т. П. Пассекъ.—Шамиль въ Калугѣ.—Записки при- става.—Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность И. К. Айва- зовскаго (автобіографія).—Записки солдата-монаха Назарова, 1792—1839 гг.—Запи- ски протоіерея І. Виноградова, 1800—1836 гг.—Дневникъ пастора Губера: ходера въ 1830 г.—Воспоминанія ксендза прелата Буткевича: возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки И. С. Жиркевича: въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и рассказы Э. И. Стогова: ссыльно-каторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жандармскаго штабъ- офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернато- рами,—провинціальныя романы,—пріѣздъ императора Николая и проч.—Изъ дневника Варнагена фонъ-Энзе, 1845—1849 гг.—Иннокентій, архіепископъ Хер- сонскій и Тавричскій.—К. В. Чевкинъ и управленіе имъ путями сообщеній.— Братья Грузиновы: военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—Венеціановъ— первый бытовое живописецъ, его біографія и труды.—Рассказы лейбъ-казака И. И. Шамшева.—«Вѣчный Жидъ»—поэма въ стихахъ В. К. Кюхельбергера (декабриста).— Родословная царствующаго дома Романовыхъ.—Баязедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—рассказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатира.—«Митюха Валдайскій», зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Пре- ображенія Господня, соч. Филарета, митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами— 8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

изд. 1879 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ портретовъ: императора Іоанна Антоновича; митрополита Ростовскаго Арсенія Мацѣевича (въ темницѣ); Иннокентія—архіепископа Херсонскаго и Таврическаго; Ириней Нестеровича—архіепископа Иркутскаго; графа Ѳ. П. Толстаго—вице-президента Академіи Художествъ;—А. С. Пушкина—въ 1812 и 1827 гг. (два точныхъ снимка съ гравюръ того времени); Н. В. Гоголя—въ 1834 г.—гравюра съ весьма рѣдкаго портрета, писаннаго Акад. Венеціановымъ; Н. А. Некрасова; статсъ-секретаря С. М. Жуковскаго (одного изъ главнѣйшихъ участниковъ въ великой реформѣ 19-го февраля 1861 г.); профессора Осипа Максимовича Бодянскаго; персидскаго принца Хосров-Мирзы.—Снимки: съ подлинныхъ писемъ Петра Великаго, А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1879-й, десятый годъ изданія,—между другими статьями, напечатаны: Журналъ путешествія по Европѣ въ 1697—1699 гг.—кн. Б. И. Куракина;—Петербургъ въ 1720 г. по Запискамъ поляка-очевидца;—Записки гр. П. И. Панина, о событіяхъ 1725—1744 гг. (Замѣчаніе на Записки Манштейна);—Воспоминанія А. И. Веригина, И. Л. Варунъ-Секрета, Л. И. Рикордъ, М. С. Валуевскаго и друг.—Жизнь бывшаго крѣпостнаго крестьянина, нѣмъ археолога И. А. Голышева (1838—1878 гг.);—Очерки и рассказы Э. И. Стогова.—Дневникъ А. И. Храповицкаго—инспектора репертура русскаго театра въ 1829—1839 гг.—Записки П. А. Каратыгина: русскій театръ въ Петербургѣ въ 1838—1858 гг.—Нѣсколько недѣль при русскомъ дворѣ въ 1846 г.—Выдержки изъ дневниковъ Варнгагена фонъ-Энзе (1850—1851 гг.);—Мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ—воспоминанія А. Д. Галахова (1850—1858 гг.);—Воспоминанія Т. П. Пассежъ;—Воспоминанія М. И. Венюкова о заселеніи Амура;—Польское возстаніе въ 1863—1864 гг.—Записки Н. В. Берга.—Историческія изслѣдованія: Д. Д. Иловайскаго;—В. И. Семевскаго;—Н. Мизно;—Г. Тальберга;—Г. Лисенко;—Г. Подвысоцкаго;—проф. В. С. Иконникова: Арсеній Мацѣевичъ—митрополитъ Ростовскій;—Императоръ Іоаннъ Антоновичъ—по вновь открытымъ матеріаламъ;—Н. М. Востокова: Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—Письма архіеп. Иннокентія къ Великому Князю Константину Николаевичу (1852);—Кн. Н. С. Голицынъ: П. Д. Киселевъ и управление имъ Валахіей и Молдавіей въ 1829—1834 гг.;—профес. Н. А. Поповъ: Очеркъ біографіи О. М. Бодянскаго.—Колонія въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ изъ питомцевъ Воспитательнаго Дома—сказаніе очевидца.—Хосров-мирза, персидскій принцъ, 1813—1875 гг.—очеркъ Ад. П. Берже;—Кн. А. И. Барятинскій—изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго;—А. С. Пушкинъ—очеркъ жизни и его письма.—Предсмертная поѣздка М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскъ;—Бунтъ архіепископа Ириней въ Иркутскѣ въ 1831 г., воспоминанія и рассказы изъ его жизни.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ собранія Богуславскаго и др.

Письма, замѣтки, историческіе документы, рассказы и прочіе матеріалы,—всего болѣе трехъ сотъ различныхъ сообщеній.

Цѣна «Русской Старины» 1879 г.,—12 книгъ съ 12-ю портретами,—8 руб. съ пересыкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

ИЗД. 1880 г.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

При „Русской Старинѣ“ 1880-го года приложены портреты: Императора Александра II;—императрицы Екатерины I и Елисаветы Петровны;—императора Петра II;—А. С. Пушкина (въ гробу, 29-го января 1837 г.);—протоіерея Г. Н. Павскаго,—И. С. Тургенева;—И. А. Гончарова;—гр. Л. Н. Толстаго;—А. Н. Островскаго;—Д. В. Григоровича;—А. В. Дружинина;—поэта Тараса Шевченко;—графа П. Д. Киселева,—фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго,—С. Р. Лепарскаго и А. Н. Сѣрова.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880-го года, [одиннадцатый годъ изданія], между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки Д. И. Ростиславова (одиннадцать главъ).—Записки Толчѣва: Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I.—Записки А. П. Бѣльева (декабриста, восемь главъ).—Записки принца Евгения Виртембергскаго о войнѣ 1828 г. и событіяхъ за нею слѣдовавшихъ. Подлинная переписка императора Николая Павловича съ Дибичемъ.—Записки И. В. Селиванова: губернаторъ Пачулдзевъ и ссылка въ Вятку.—Генералъ-губернаторы Закревскій и П. А. Тучковъ.—Записки Сельскаго Священника.—Записки Я. М. Невѣрова: схимникъ Серафимъ въ Саровѣ.—Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ 1856—1859 гг.—Записки М. Я. Ольшескаго: Кавказъ и кавказцы въ 1856—1860 гг.—Историческіе рассказы и анекдоты изъ Записокъ Богуславскаго и Е. Н. Львовой († 1864 г.).—Воспоминанія артистки А. Я. Петровой, рожденной Воробьевой.—Переходъ русской арміи черезъ Балканы зимою 1877 г.—историческій очеркъ А. К. Пузыревскаго.—Великій Новгородъ—статья Н. И. Костомарова.—Герасимъ Петровичъ Павскій: его жизнь и ученая дѣятельность—историко-біографическій очеркъ профес. Н. И. Барсова.—Рѣчь Императора Александра II въ Государственномъ Совѣтѣ 28-го января 1861 г.—Историческія и историко-біографическія статьи и очерки по поводу двадцатипятилѣтней годовщины дня восшествія на престолъ Александра II.—Очеркъ профессора И. Е. Андреевскаго: Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи въ 1855—1880 гг.—Русская историческая наука въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880 гг.—статья профессора В. С. Иконникова.—Присоединеніе Грузіи къ Россіи, историческое изслѣдованіе Ад. П. Берже и проч. Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, дописанія, замѣтки, относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщений и статей различныхъ лицъ, таковы: Н. В. Бергъ, П. А. Ефремовъ, А. Д. Крыловъ (къ исторіи откупныхъ питейныхъ откуповъ въ Россіи,—кн. В. И. Барятинскій (письма Шампиля),—профес. О. Θ. Миллеръ,—В. А. Папаевъ (біографическій очеркъ атамана М. Г. Хомутова),—М. Н. Кучаевъ (біографія Лепарскаго), В. Г. Трипировъ, В. И. Лѣстницкій, Н. К. Богумевскій и многихъ другихъ.—По исторіи русской словесности въ «Русской Старинѣ» 1880 г. особенно много напечатано статей и матеріаловъ, относящихся до А. С. Пушкина (окончаніе біографіи, его письма и стихотворенія, рассказы и воспоминанія о немъ и проч.). А также помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: В. А. Жуковскій (его планъ воспитанія Наслѣдника 1826 г.);—Г. П. Павскій (его переводъ «Слова о полку Игоревѣ»);—В. Г. Вѣлискій, (воспоминанія о немъ товарища по университету);—Т. Н. Грановскій (воспоминаніе о немъ Я. М. Невѣрова),—Т. Г. Шевченко (воспоминаніе о немъ профессора Н. И. Костомарова).—П. А. Каратыгинъ (собраніе стиховъ и проч.).

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЖУРНАЛЬ

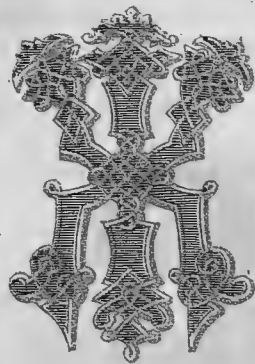
„РУССКАЯ СТАРИНА“

изд. 1881 года.

Цѣна за двѣнадцать книгъ—восемь рублей съ пересылкой.
 При „Русской Старинѣ“ 1881 г. приложены портреты: Императора Павла Петровича;—императора Александра Николаевича;—императрицы Маріи Александровны;—профессора Н. И. Пирогова;—академика Л. А. Стрякова;—Хаджи-Мурата;—М. И. Голенищев-Кутузова (1775 г.);—историка-профессора С. М. Соловьева; профес. Д. И. Ростиславова (писателя о черномъ и бѣл. духовенствѣ); барона—Гейсмара;—архіепископа Филарета Гумилевского.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1881 г. (двѣнадцатый годъ изданія) между другими статьями и матеріалами напечатаны: Записки сенатора Я. А. Соловьева: крестьянское дѣло въ ц. Александра П.—Собственноручныя отмѣтки императора Александра II на Запискахъ Соловьева.—Разсказъ изъ Записокъ декабриста М. А. Фонъ-Визина (1807 г.).—Воспоминанія декабриста А. П. Бѣляева.—Записки Д. И. Завалишина.—Записки князя Н. С. Голицына.—Воспоминанія В. В. Стасова (Училище Правовѣдѣнія въ 1838—1843 гг.).—Записки Сельскаго Священника.—Императоръ Николай Павловичъ: собственноручныя его письма 1828—1831 гг.—Императоръ Александръ II († 1-го марта 1881 г.).—Императрица Марія Александровна (1824—1880 гг.).—Николай Ивановичъ Пироговъ, біографич. очеркъ профессора Бертенсона.—Генералъ-фельдмаршалъ кн. А. И. Бярятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг.,—историко-біографическій очеркъ генер. штаба генер.-лейтенанта Д. И. Романовскаго.—Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, историко-біографич. очеркъ.—И. П. Голевъ 1805—1880 гг.—Амурское дѣло (1850—1863).—Украинофильство, статья профессора Н. И. Костомарова.—Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова.—Записки князя Н. А. Орлова: Мысли о расколѣ и объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.—Воспоминанія изъ дальнихъ лѣтъ г. М*.—Исторія моей жизни и моихъ странствій—бывшаго крѣпостнаго крестьянина Н. Н. Шипова (1802—1862 гг.).—Записки воспитателя в. к. Павла Петровича Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг.—Записки войска донскаго генерала А. Е. Попова (1854—1855).—Н. А. Милютинъ въ 1845 и 1857 гг.—Академич. граверы: Л. А. Стряновъ—очеркъ его біографіи и обзоръ его художественныхъ произведеній;—И. П. Пожалостинъ—его автобіографія и художественная дѣятельность.—Къ біографіи И. К. Айвазовскаго.—А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ, очерки и воспоминанія Н. И. Кулинова.—И. А. Крыловъ и его басня „Конь“.—„Общество поощренія русскихъ художниковъ“—изъ воспоминаній Ѳ. Ѳ. Львова.—Записки И. В. Селиванова (1859 и 1864—1867 гг.).—Графъ Н. П. Румянцовъ,—историко-біографическій очеркъ профессора В. С. Иконникова.—Оренбургскіе пожары въ 1879 г.—Языкъ любви (1774 г.).—Историческіе матеріалы: акты, указы, преданія, переписка, донесенія, разсказы, замѣтки; относящіеся до XVIII и XIX вѣковъ, болѣе ста сообщеній и статей различныхъ лицъ, таковы: П. В. Алабинъ, профессоръ И. Е. Андреевскій, профес. Н. И. Барсовъ, Н. П. Барсуковъ, проф. Н. В. Бергъ, князь А. И. Васильчиковъ, М. И. Венюковъ, И. Ѳ. Горбучовъ, П. А. Ефремовъ, А. Затлеръ, А. Измаиловъ, профессоръ В. С. Иконниковъ, П. И. Мартосъ, проф. В. В. Никольскій, М. Я. Ольшевскій, И. И. Ореусъ, Н. П. Собко, А. Тимановскій, Л. И. Шестакова, Н. К. Шильдеръ, Н. И. Юрасовъ и друг.

По исторіи литературы и искусствѣ помѣщены статьи и сообщенія о слѣдующихъ писателяхъ: Г. П. Павскій (его переводъ: „Пѣснь пѣсней“).—А. С. Пушкинъ.—И. А. Крыловъ.—М. Ю. Лермонтовъ.—М. Д. Деларю.—Ѳ. М. Достоевскій.—М. И. Глинка (первоначальный планъ оперы „Жизнь за Царя“).—А. И. Тургеневъ и друг.

ЖЕНЩИНА

ЕЯ ЖИЗНЬ, ПРАВЫ И ОБЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

У

ВСѢХЪ НАРОДОВЪ ЗЕМНАГО ШАРА.

Соч. А. Ф. Швейгеръ-Дерхенфельдъ.

Перев. съ вѣмецкаго М. И. МЕРЦАЛОВОЙ.

Съ 200-ми рисунками А. Ванюра.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СТАТЫ

О РУССКИХЪ ЖЕНЩИНАХЪ.

Состав. В. И. Немировичъ-Данченко.

Съ картиною С. Ф. Александровскаго.

Роскошное изданіе въ одномъ объемистомъ томѣ, около 700 страницъ изящной печати съ 180-ю полтипажами въ текстѣ и 20-ю отдѣльными гравюрами. Цѣна въ иллюстрированной обложкѣ — 5 руб. (вѣсъ 4 фунта), въ роскошномъ переплетѣ съ тисненіями специально гравированными для сего изданія и съ красными обрѣзкомъ — 6 руб.

Складъ изданія у Книгопродавца-Издателя А. Ф. Девріена.—Василевскій Островъ, Большой просп., № 8, въ С.-Петербургѣ.

Гг. иногородные, требующіе эту книгу прямо отъ издателя, за пересылку не платятъ.

опрость о женщинѣ и ея положеніи въ государствѣ, обществѣ и семьѣ— почти не существовалъ въ древности. Въ средніе вѣка онъ былъ подавленъ суровостью нравовъ; даже еще недавно о немъ иначе не разсуждали, какъ шутя и подсмѣваясь. Тѣмъ не менѣе въ послѣднее время онъ становился характернѣйшимъ моментомъ умственного движенія. Европейскіе писатели отмѣтили одну замѣчательную особенность этого движенія: инициатива его принадлежитъ не старому культурному центру, но сравнительно новымъ странамъ: Россіи и Америкѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ историческое изслѣдованіе, не ограничивалось сопоставленіемъ и критическимъ обзоромъ политическихъ событій, захватываетъ самую жизнь, культуру народа, одинаково интересуясь всѣми его слоями, оно должно было обратиться и на оставшуюся въ тѣни половину человѣческаго рода—на женщину и ея судьбы. Поэтому уже теперь можно насчитать много болѣе или менѣе научныхъ изслѣдованій, описывающихъ жизнь и положеніе женщинъ въ древнія времена у первобытныхъ народовъ, давая драгоценный матеріалъ для обсужденія женскаго вопроса. Но картина, представляемая этимъ историческимъ изслѣдованіемъ, изображаетъ, если можно прибѣгнуть къ сравненію, только продольный разрѣзъ предмета, его же необходимо представить одновременно и въ поперечномъ, т. е. топографическомъ разрѣзѣ; описаніе того, какъ живетъ, думаетъ и чувствуетъ женщина теперь, въ наше время, какое положеніе занимаетъ она относительно мужа, семьи, государства и его

ная кисть. В. И. Немировичъ-Данченко и С. Ф. Александровскій пришли на помощь нашему труду. Первый—талантливый беллетристъ и этнографъ—остановился въ своемъ трудѣ на типахъ не складывающей руки русской женщины; на тяжелой борьбѣ ея за существованіе; отдѣлить значительное мѣсто тому тяжелому процессу историческаго развитія, который едва-ли въ какой-нибудь дру-

Японская спальня (образецъ иллюстраціи).

Александровскій, извѣстный любителямъ искусства нѣсколькими типическими картинами, прибавляетъ къ нимъ новую, которая увеличитъ кругъ почитателей его изящнаго карандаша.

Стоитъ ли упоминать, что нашъ трудъ предназначенъ въ даръ образованной части женской публики? Число популярныхъ географическихъ и этнографическихъ сочиненій умножилось за послѣднее время. Однако при незначительномъ объемѣ этихъ описаній и руководствъ этнографіи, немислимо подробное изложеніе входящихъ туда предметовъ.

Женская часть публики, которую систематическое землеописаніе, какъ бы оно ни было живо и остроумно изложено, рѣдко можетъ удовлетворить вполне, осо-

Танду, японскіе носилки (образецъ иллюстраціи).

Изданіе книги во всякомъ случаѣ соотвѣтствуетъ богатому и въ высшей степени интересному матеріалу. Оно содержитъ 200 рисунковъ, которые, кромѣ богатаго собранія типовъ, представляютъ различнаго рода сцены изъ семейной жизни женщинъ всѣхъ народовъ земли. Исполнитель этихъ рисунковъ, А. Ванюра собралъ большую часть относящагося сюда матеріала изъ собственнаго кругосвѣтнаго путешествія, вслѣдствіе чего книга носить на себѣ отпечатокъ оригинальности и въ иллюстративномъ отношеніи.

гой странѣ является столь мрачнымъ, какъ у насъ. Въ концѣ концовъ русская женщина вырабаталась въ свѣтлый типъ, передъ которымъ съ уваженіемъ преклонится послѣдующій изслѣдователь. Даровитый художникъ г.

бенно относительно столь желанныхъ свѣдѣній о ней самой, найдетъ въ сочиненіи „Женщина, ея нравы, обычаи и общественное положеніе у всѣхъ народовъ земн. шара“ все достойное вниманія и интересное, собраннѣ въ одну обширную картину.

двѣи казны: 39,8%, удѣловъ: 2,0%; помещиковъ 26,4%, крестьянъ 31,8%. Тѣсныя рамки нашего библіографическаго листа не дозволяютъ намъ приводить дальнѣйшихъ выдержекъ изъ «Опыта» г. Янсона и потому ограничимся замѣткою, что всесторонняя разработка политико-экономическихъ вопросовъ, возбужденныхъ реформою и изложенная въ его книгѣ, будетъ долго вызывать полемику, крайне полезную для самого дѣла, и во всякомъ случаѣ книга Янсона заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія каждаго просвѣщеннаго читателя, интересующагося статистикою и исторіею Россіи за послѣдніе двадцать шесть лѣтъ ея обновленнаго бытія.

Викторъ Рагозинъ. Волга. Томъ первый. Спб. 1880. III+387+VIII стр. въ 8 д. л. Цѣна съ атласомъ 3 р. 50 коп.

Изъ предисловія составителя труда видимъ, что онъ будетъ состоять изъ девяти томовъ. Первые три предполагается посвятить географическому описанію Волги отъ ея истока до низовьевъ; въ составъ слѣдующихъ войдетъ обзоръ промышленной жизни волжскаго бассейна. «Какъ ни велико было мое желаніе», говоритъ г. Рагозинъ—«дать возможно краткое описаніе рѣки, но говорить о рѣкѣ, какъ о чемъ-то мертвомъ, не упоминать объ исторіи ея и ея береговъ, не говорить о населяющемъ ея бассейнъ мірѣ растеній и животныхъ, умолчать о народѣ, на ней сидящемъ, равнялось-бы перепечатать нѣсколькихъ страницъ изъ любого учебника географіи». — Такимъ образомъ, географическому описанію Волги авторъ предполагаетъ посвятить 80 печатныхъ листовъ, изъ которыхъ 25—пришлись на долю перваго тома. Помимо содѣйствія нѣсколькихъ ученыхъ лицъ, г. Рагозинъ воспользовался всею литературою своего предмета, представляющей списокъ изъ 165 заглавій. Воздаемъ честь трудолюбію автора, но не можемъ не поговѣть на бѣдность литературы, относящейся до главнаго предмета нашего отечествовѣдѣнія! Стоить заглянуть въ нѣмецкіе и французскіе каталоги, чтобы подивиться массѣ монографій Рейна, Дуная, Мозеля, Роны, Дуары и другихъ главнѣйшихъ рѣкъ Западной Европы, хотя-бы за послѣдніи пятьдесятъ лѣтъ. — При скудости матеріаловъ для географіи Россіи, трудъ г. Рагозина тѣмъ болѣе приобрѣ-

таетъ значенія. Первый томъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ, авторъ описываетъ теченіе и прибрежя Волги отъ ея истока до Мологи (стр. 1—187); во второмъ—отъ Мологи до Оки (стр. 188—309). Остальныя страницы посвящены разработкѣ вопроса объ истокѣ Волги, таблицѣ ея притоковъ и алфавитнымъ указателямъ населенныхъ приволжскихъ пунктовъ губерній Тверской, Ярославской и Костромской. Живымъ языкомъ авторъ повѣствуетъ о геологіи, географіи, естественной исторіи, археологіи и этнографіи Россіи, о гидравлическихъ сооруженіяхъ, о движеніи торговли и промышленномъ и т. п., и съ первыхъ же страницъ привлекаетъ вниманіе читателя къ своему труду. Отдавая почтенному автору должную справедливость, укажемъ на одинъ недостатокъ, требующій исправленія. Повѣствуя о поволжской флорѣ (стр. 264—291) авторъ приводитъ каталогъ растеній лишь на латинскомъ языкѣ, безъ русскаго перевода. Совершенно согласны, что нашимъ ботаникамъ извѣстна народная номенклатура, но было-бы не лишнее, если бы авторъ, въ своемъ каталогѣ растеній, привелъ ихъ русскія названія—мѣстныя и областныя. Точно такъ-же, было бы желательно видѣть мѣстныя названія звѣрей и птицъ Поволжья. Это дополненіе тѣмъ болѣе не лишнее, что въ слѣдующихъ томахъ авторъ, безъ сомнѣнія, назоветъ рыбъ, водящихся въ Волгѣ, русскими, а не одними только латинскими, именами.

Изданіе въ типографскомъ отношеніи безукоризненно и, по справедливости говоря—не дорого. Десять большихъ ксилографскихъ видовъ приволжскихъ городовъ, множество политипажныхъ рисунковъ, чертежей, плановъ и т. д. служатъ поясненіями къ рассказамъ автора; но отъ рисунковъ, въ особенности отъ большихъ ксилографій, мы желали бы поболѣ изящества, а то эти виды Твери, Рыбинска, Ярославля, Костромы и другихъ приволжскихъ городовъ—немного напоминаютъ... Суздаль. Иллюстрація изданія ксилографіями тогда только и служитъ ему украшеніемъ, когда онъ изященъ, въ противномъ случаѣ ихъ отсутствіе нисколько не вредитъ ни красотѣ изданія, ни внутреннему достоинству книги.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1882 г.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Большая Садовая, подлѣ Публичной Библіотеки, при книжномъ магазинѣ Николая Ив. Мамонтова, д. № 12. Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Ник. Ив. Мамонтова, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, статьи, обзоры, очерки и рассказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ. — III. Жизнеописанія и новыя матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр. — IV. Очерки и статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. — V. Библіографическіе отзывы о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы, преданія и замѣтки. — Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность. — VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1881 г., 12 кн., съ порт. и Зап. Порошина 8 руб.

Издатель-редакторъ М. И. Семеновскій.

